

Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Том 5

архиепископ Савва (Тихомиров)

[Том 1](#) • [Том 2](#) • [Том 3](#) • [Том 4](#) • [Том 5](#) • [Том 6](#) • [Том 7](#) • [Том 8](#) • [Том 9](#)

[Предисловие](#)

Предисловие

В пятом томе «Автобиографических Записок» изображается деятельность преосвященного Саввы в Харьковской епархии за время с 1-го декабря 1874 года – 24 апреля 1879 года.

Не много времени (4 г. 4 м. и 17 дней) почивший Архипастырь управлял Харьковской паствой, но успел сделать заметные насаждения добрых семян во всех отраслях управления епархией. Прежде всего, его архипастырское внимание обращено было на одну из главнейших обязанностей духовенства – на проповедание слова Божия. Настойчиво внушал Архипастырь пастырям Харьковской церкви учить народ православный и словом, и добрым примером; при обзрении епархии с особенным вниманием прочитывал поучения сельских священников и этим чтением определял степень их умственного развития и нравственного состояния. Своей любовью к благоговейному служению и отчетливым знанием устава православной церкви указал и ввёл более точный и строгий порядок при богослужении. При рассмотрении епархиальных дел всегда являл правдивость и беспристрастие. Все видели в нём любвеобильного отца, сердцу которого доступны были нужды пасомых. Двери дома его были открыты для всех: каждый мог свободно приходить и лично изъяснять своё дело. Харьковцы скоро увидели и убедились, что пришел к ним из области Полоцкой святитель Божий, дающий словом и житием истинный образ жизни пастырям и пасомым; с сыновней любовью они внимали слову своего Архипастыря, утешая себя надеждою, что он, Архипастырь, долгое время будет благоустроить паству Харьковскую и вести её к спасению, но Промысл Божий судил иное: 24 апреля 1879 года избранием

Святейшего Синода и изволением Государя Императора
Харьковский Архипастырь взят был на дело служения Тверской
пастве.

М. Апрель.

1904.

1874 г.

18-го Декабря мною получен был из Святейшего Синода Указ от 13-го числа 1874 г. за № 3486, в котором изображено:

«По Указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод слушали Высочайше утверждённый в 7-й день сего Декабря всеподданнейший доклад Святейшего Синода о перемещении Вашего Преосвященства на Епархиальную Архиерейскую кафедру в Харьков. Приказали: Об изъяснённом Высочайше утверждённом докладе Святейшего Синода объявить указом Вашему Преосвященству, с предписанием, чтобы, сделав требуемые, по силе Уст. Дух. Конс. ст. 118–120, распоряжения как относительно расчёта во всех отпускаемых на Полоцкий Архиерейский дом штатных и неокладных суммах, так и касательно сдачи, узаконенным порядком, в смотрение и распоряжение Полоцкой Дух. Консистории всего, что из принадлежащего тому дому могло находиться в распоряжении Вашего Преосвященства, и получив расчёт в следующем Вам по день состояния настоящего Высочайшего повеления, то есть по 7-й день Декабря сего 1874 г., отправились на предназначенное Вам место, а по прибытии донесли о том Святейшему Синоду».

На другой день по получении Указа из Святейшего Синода, я счёл нужным немедленно написать в Харьков к Преосвященному Викарию, Епископу Сумскому Вениамину¹.

Вот что писал я ему от 19-го числа:

«Вчера получив Указ из Св. Синода о перемещении меня на Харьковскую епископскую кафедру, обращаюсь к Вашему Преосвященству, как ближайшему моему сотруднику и помощнику по управлению новой вверенной мне епархии с следующими вопросами:

1) Кто заведует в настоящее время Харьковским Архиерейским домом?

2) Кто был у покойного предместника моего домашним Секретарём; благонадежен ли этот Секретарь к продолжению службы на настоящей должности и может ли безобидно быть

определён на какую-либо другую должность по епархиальному ведомству в случае, если я возьму с собой из Витебска моего Секретаря, который находится при мне 12-ть уже с лишком лет?

3) Имеется ли при Архиерейском доме казённый дорожный экипаж для поездки по епархии, или нет?

Ответы на предложенные вопросы прошу Вас покорно прислать мне без замедления. При этом не забудьте сказать, где находится Ваше местопребывание – в самом ли Харькове, или вне оного? Это нужно мне знать на случай посылки к Вам телеграммы.

О времени моего отбытия из Витебска и прибытия в Харьков, в настоящую минуту, ничего не могу сказать Вам даже предположительно. Об этом в своё время буду писать или телеграфировать Вам.

С братской о Христе любовью пребываю...»

20 ч. писал я в Москву А. Е. Викторову²:

«Выраженное Вами в письме от 22-го Сентября честное слово слушать в нынешнем году утреню в день Рождества Христова в моей домовой церкви, в Витебске или в Курске, очень меня порадовало; и я утешался мыслью встретить с Вами праздник и разделить, там или здесь, духовную радость, но оказывается, что ни там, ни здесь, я не могу, вопреки моему желанию, Вас видеть у себя. Витебск я оставляю навсегда, а в Курск попаду разве мимоходом на одни сутки. Мне указано другое место служения, далее Курска, – в Харькове. 18-го ч. получил я Указ о перемещении меня на Харьковскую кафедру, и теперь уже собираюсь в путь. Около нового года, вероятно, я прощусь с Витебском, к немалому огорчению моей паствы, которая поняла и оценила, наконец, мои восьмилетние труды и заботы о её благе.

Быть может, путь мой в Харьков будет лежать чрез Москву; и тогда я постараюсь непременно повидаться с Вами и условиться насчет посещения меня в Харькове. Итак, до свидания».

В двадцатых числах Декабря приезжал из Вильны в Витебск, под предлогом служебных обязанностей, проститься со мною мой добрый друг, Попечитель Учебного Округа Н. А.

Сергиевский³. В дружеской задушевной беседе он, между прочим, сообщил мне следующее:

1) Литовский Преосвященный Макарий⁴ не в мирных отношениях с Виленским Генерал-Губернатором Альбединским⁵, вследствие сего последний, бывши незадолго перед сим в Петербурге, убедительно просил Обер-Прокурора Св. Синода⁶ поскорее взять из Вильны Архиепископа Макария куда бы то ни было, а на его место перевести Епископа Полоцкого (т. е. меня); но Граф Толстой сказал ему, что Полоцкий епископ переведён уже на Харьковскую кафедру, где его намерены-де поддержать, сколько можно дольше. 2) Преосвященный Макарий, бывши в Харькове⁷, любил часто принимать у себя по вечерам светское, в особенности женское общество. 3) Архиепископ Нектарий⁸ вёл более замкнутую жизнь; но у него домашний секретарь взяточник. 4) Попечитель Учебного Округа Воскресенский⁹ выходить в отставку, и на его место предполагается будто бы Помощник Московского Попечителя Иванов. При этом Николай Александрович настойчиво убеждал меня, по пути в Харьков, заехать в Петербург, и я внял этому доброму дружескому совету. Посему решено было, чтобы я предварительно, через Обер-Прокурора, испросил на сие разрешение Св. Синода. Это происходило вечером 20-го числа. На другой день, 21-го ч., я обратился к Николаю Александровичу посредством записки со следующим вопросом:

«Вчера я забыл спросить Вас, возлюбленный Николай Александрович, в какой форме нужно писать мне к Графу – в частной, или официальной. Благоволите на обороте сего сказать мне вашу мысль».

Николай Александрович отвечал:

«В этих случаях обыкновенно пишутся письма на почтовой бумаге собственноручно, но без №...»

Так я и поступил.

В тот же день, т. е. 21-го числа, я написал Графу Д. А. Толстому следующее:

«Сиятельный Граф, Милостивый Государь!

Получив Указ из Св. Синода о перемещении меня на Епархиальную Архиерейскую Кафедру в Харьков, имею честь обратиться к Вашему Сиятельству со следующей покорнейшей просьбой.

Как епархия Полоцкая, на которой мне суждено было прослужить восемь с половиной лет, по своему положению на западной окраине России и по своим исключительным обстоятельствам, представляла для меня, пришедшего сюда из центра России, много особенностей и затруднений, так, думается мне, немало могу я встретить особенностей, конечно в ином роде, и в новой Высочайше мне указанной епархии Харьковской, которая и по характеру народонаселения и по некоторым религиозным обычаям, не древнего, впрочем, происхождения, немало отличается от центральных русских епархий. Посему я считал бы для себя весьма полезным прежде, нежели вступлю в управление новой вверенной мне епархией, представиться Св. Синоду и испросить необходимые для меня в настоящем случае наставления.

Ваше Сиятельство оказали бы мне великую милость, если бы благоволили исходатайствовать для меня у Св. Синода разрешение явиться на несколько дней в С.-Петербург, и оттуда чрез Москву, где также желательно было бы пробыть немного дней для поклонения тамошней святыне и для изъявления личной признательности тамошним благотворителям церковей Полоцкой епархии, отправиться к месту моего нового назначения.

Принося Вашему Сиятельству усерднейшее приветствие с наступающим великим праздником Рождества Христа Спасителя, с глубоким почтением и совершенной преданностью имею честь быть...»

В то же время писал я и к Высокопреосвященному Митрополиту Новгородскому Исидору¹⁰:

«Оставляя ныне, по изволению священной и державной Власти, епархию Полоцкую и отправляясь к месту моего нового назначения в Харьков, я, с одной стороны, почитаю священным долгом принести Вашему Высокопреосвященству глубочайшую сыновнюю благодарность за Ваше всегда милостивое ко мне

внимание, за Ваши мудрые и опытные советы и наставления, коими Вы благоволили напутствовать меня, при отправлении моем на Полоцкую кафедру, и, наконец, за Ваше мощное покровительство и ограждение меня среди многократных на меня нападений с разных сторон, в продолжении восьмилетнего управления моего Полоцкой епархией, а с другой, имея в виду, что и новая Высочайше мне вверенная епархия Харьковская, и по характеру народонаселения, и по некоторым религиозным обычаям, не древнего, впрочем, происхождения, немало отличается от центральных русских епархий, и потому может представить для меня довольно особенностей, которые могут, по крайней мере, на первый раз, приводить в затруднение, я желал бы получить лично от Вашего Высокопреосвященства некоторые советы и наставления относительно образа действия на новой мне вверенной кафедре.

В виду сего, я вместе с сим обращаюсь к Его Сиятельству Графу Дмитрию Андреевичу, с просьбой об исходатайствовании мне у Св. Синода разрешения явиться на несколько дней в С.-Петербург с тем, чтобы отсюда чрез Москву отправиться к месту моего нового назначения.

В случае, если мне разрешено будет прибыть в Петербург, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Архипастырь, не отказать мне в убежище, на время моего пребывания в Столице, в стенах Александро-Невской Лавры.

Принося затем Вашему Высокопреосвященству всеусерднейшее поздравление с наступающим преславным праздником Рождества Христова, с глубочайшим высокопочитанием и сыновней преданностью имею честь быть».

Между тем, собираясь в путь, к месту моего назначения, я позаботился ещё на прежнем месте собрать, от кого мог, предварительные сведения о высших административных лицах г. Харькова. И вот что узнал:

1) От Витебского Губернского Архитектора Ракова, служившего в Харькове – о Харьковском Губернаторе Князе Дм. Ник. Кропоткине¹¹: человек набожный и добрый; женат на Графине Борх Ольге Александровне, отличающейся также благочестием и многими другими добрыми качествами. Этот

отзыв подтвердил и В. Н. Веревкин¹², бывший Витебский Губернатор. О Преосвященном Нектарии г. Раков сообщил мне, будто бы он не пользовался особенным расположением граждан по причине суровости в обращении.

2) От Жандармского Начальника, Генерала-Майора Князя Шаховского – о командующем войсками Харьковского военного округа, Генерал Адъютанте А. П. Карцове¹³ – (сверстнике по воспитанию с Шаховским): человек очень умный, образованный и благородный; о начальнике Артиллерии, Генерал-Лейтенанте А. И. Баранове¹⁴ (родственник Княгини Шаховской): человек простой и добрый. Он был в 1867 г. Московским Гражданским Губернатором и его-то последнего, в день своей кончины, принимал Московский Святитель Филарет¹⁵.

3) От Витебского врача И. Исид. Рындю и от управляющего Витебской Казённой Палатой Н. Н. Чекалова – о старшем Председателе Харьковской Судебной Палаты Н. И. Ланге: человек умный, добрый и в высшей степени скромный.

4) От Управляющего Витебской Контрольной Палатой И. В. Павлова – об Управляющем Харьковскою такой же Палатой Вл. Андр. Морошкине: человек умный, образованный и в высшей степени симпатичный.

5) От Инспектора Витебской Врачебной Управы Ф. П. Купчинского – воспитанника Харьковского Университета – невыгодный отзыв о монашествующих Харьковских монастырей и благоприятный о местоположении Архиерейского дома.

Но между тем, как я собирал в Витебске устные показания о высшем Харьковском персонале, 23-го ч. получаю из Харькова от какого-то Ивана Богоявленского (разумеется псевдоним) письменное сообщение о разных, как духовных, так и светских личностях, в неблагоприятном, конечно, смысле. – Вот что писал мнимый Богоявленский:

«Харьковская паства с искренним восторгом и радостью приняла Высочайшее повеление о бытии Вам, Преосвященнейший, Харьковским Владыкою, с чем от души она и приветствует Вас.

Ваши предместники – Преосвященные Макарий и Нектарий оставили по себе вековую память, как во всех пасомых, так

особенно в духовенстве, своим гуманным, ласковым обращением, какого они дотоле не видели ни в одном Архипастыре, за что и останутся им признательными до могилы. Но за то будут помнить до гробовой доски, как при первом торжествовала бездарность и поощрялось тупоумие и порок, если они имели протезе в лице золотого тельца, даже неграмотного скотопромышленника, и как, напротив, при явной клевете сознательно попирался им талант и добродетель смиренного иерея, если таковые имели несчастье не понравиться какому-либо безнравственному или сановитому неучу. Для примера укажем хоть на одного из подобных: некто салотопник Извеков, который не преминет в своё время приблизиться и к Вам, постоянно всем и каждому трубил и трубит, что ему ничего не стоит купить любого Архиерея и потом что угодно делать с духовенством, чего действительно он и достигал при нескольких Преосвященных, в течение 20 лет: кого хотел, возвышал, кого хотел, низвергал, и духовенство теснимое не могло, как говорится, и пара со рта пустить. Для мирян подобное более, чем соблазнительно, а для духовенства невыносимо. При втором, т. е. Нектарии, епархиальный суд и администрация находились полностью в корыстолюбивых до пес plus ultra руках временщиков Секретаря Архиерейского малограмотного Р. и до приторности напыщенного и неприступного сибарита – Б. И каких только мерзостей и неправд не творилось!!? Аще бы по единой писана быша, на десяти листах не вместити таковых. И читая гласные статьи о подобном, изнываешь душой, что видящие не видят своего я в оных и двигают перстами по-прежнему к злу подведомых.

Ваше Высокопреосвященство! Ваша новая паства чаёт видеть в Вас простоту в обращении, свободный доступ просителей, скорое и правое решение дел, делателя непостыдна, бескорыстна, нелицеприятна, стойкого защитника прав забитого духовенства, доброго для благих, разумна строгого для злых святителя, право правяща слово истины; да просвещаясь светом Ваших добрых дел, и Ваша паства прославить Отца Небесного, за дарованного ей Архипастыря.

Уповаем, ещё повторим, что с Вашим Архипастырством начинается у нас и новая счастливая эра возрождения к лучшей жизни, и что в Вашем сердце, столь широко отверстом для добра, не найдут приюта ни прикрывающиеся ширмой благочестия мироеды – И-вы и С-вы, ни креатуры партии сильных – М-ы и Н-ие, ни карманные тираны Р-и, ни исчадия денницы – Б-ы, ни корыстное подлипательство к Вам других, ни позорное пресмыкательство.

Гряди же, гряди к нам, наша надежда, Владыко святой! Светильники наших сердец уже воожжены, наши объятия уже отверсты, наши стопы уже уготованы к сретению и восприятию тебя. Прости нам за высказанное слово правды, которое редко приходится слышать высокопоставленным лицам; им приближенные везде и всегда говорят одни сладкие и льстивые слова и тем злостно убаюкивают их в приятной, но призрачной мечте, что от лица их исходить только одно благо».

Само собою понятно, что такое приветственное и наставительное письмо не могло порадовать моего пастырского сердца.

Из этого письма я должен был заключить, что и в новой, мне вверенной, пастве, обретаются такие же клеветники и доносчики, каких немало было у меня и в прежней.

23-го ч. писал я в Могилев Преосвященному Архиепископу Евсевию¹⁶:

«Приношу Вашему Высокопреосвященству всеусерднейшее поздравление с великим и спасительным праздником Рождества Христова и желаю во здравии встретить новое лето благодати Божией.

Новый год, может быть, встречу я ещё в Витебске, но затем мне предстоит путешествие из западной окраины на южную Украину России. Вашему Высокопреосвященству, думаю, не безызвестно уже, что я получил новое назначение на Харьковскую епископскую кафедру. Без сомнения я должен признать это назначение особенным знаком благоволительного ко мне внимания со стороны Священной Державной Власти, и сказать: «приемлю и благодарю». Но да будет слава и

благодарение Единому Премудрому Строителю судеб жизни человеческой!

Оставляя Витебск, я не оставляю в забвении доброго и всегда милостивого ко мне отношения высокочтимого моего соседа по кафедре Полоцкой, навсегда сохраню признательное воспоминание о благосклонном ко мне внимании Вашего Высокопреосвященства. Но при этом не могу не пожалеть, что я лишил себя утешения посетить Вас и лично изъяснить Вам, Милостивейший Архипастырь, чувства моего глубокого к Вам почтения и преданности.

Простите, Высокопреосвященнейший Владыко, и, хотя заочно, напутствуйте меня Вашим Архипастырским благословением».

25-е число – день праздника Рождества Христова, после утреннего торжественного Богослужения, проведен был в обычных приёмах поздравителей.

29-го ч. имел я утешение получить из Могилева от Преосвященнейшего Архиепископа Евсевия следующее Архипастырское послание от 26-го числа:

«Искренно благодарю Вас за поздравление с праздником Рождества Христова и с новым летом благодати Христовой.

Взаимно поздравляю Ваше Преосвященство с праздниками Христовыми. Господь Спаситель Мира и Владыка времени и вечности да дарует Вам в добром здоровье, в мире и радости о имени Его, проводить праздники святые, и с сими чувствами оставить Витебскую паству и вселиться в Харьковскую. Да укрепит Господь силы Ваши благодатию Духа Своего к несению предстоящего подвига служения на новом поприще, и дарует Вам, да все Ваши труды выну служат к прославлению имени Его, ко благу новой паствы и к приумножению воздаяния, уготованного Вам в обителях небесных, и да сохранить Вас Господь на сем поприще святительского делания на многие годы.

Уповаю, что Харьковская Паства встретит Вас с любовью и Вы будете довольны. Хотя я и не знаю её, но неоднократно слышал, что там много добрых людей, ищущих сближения с своими Архипастырями. Слышу, что и Витебская паства очень

сожалеет и будет жалеть о том, что Вы оставляете ее. Но это не наше дело: мы служители; куда Промысл Божий посылает, туда и должны мы идти.

Молю Господа Иисуса, да благословить Он путь Ваш и Своим покровом охранит Вас от всяких неприятных и трудных обстоятельств, и дарует Вам благополучно достигнуть новой паствы Вашей».

27-го же числа получил я письмо и из Харькова от Преосвященного Вениамина. Вот что писал он от 24-го числа:

«Приветствую Ваше Преосвященство с великим и радостнейшим праздником Рождества Христова; приветствую и с предстоящим Вашему Преосвященству новым путешествием на новое поприще священнейшего служения Вашего церкви Христовой!

Поспешайте, Владыко святой, из северной страны в наш южный, тёплый и уютный край, где и солнышко смотрит ласковее и воздух мягче. Все жители нашего города заняты мыслью о прибытии к нам Вашего Преосвященства; особенно же дорого для меня присутствие Ваше. Скучно и тяжело чувствуется на душе без главного Начальника и представителя полной власти в области нашей церковной жизни!

Указ о назначении к нам Вашего Преосвященства получен нами 21-го декабря. Числа 23-го я имел счастье получить собственноручное письмо Вашего Преосвященства, на которое теперь же и отвечаю.

1) Архиерейский дом и существующий при нем Покровский монастырь находится теперь в заведывании здешнего экономомонаха Прокопия¹⁷. Экономическую часть приняла в своё управление Консистория, журнальные определения которой идут на моё утверждение.

2) Бывший домашний Секретарь покойного архиепископа чиновник – коллежский Ассессор, Лев Иванович Рогачевский. Человек этот очень разумный, деятельный и хорошо знающий своё дело. Он пользовался особенным доверием покойного Владыки, который сам избрал его на эту должность из столоначальников Консистории. Если Ваше Преосвященство имеет при себе вполне преданного Вам и совершенно

благонадежного письмоводителя, то он не будет здесь лишним человеком; старый друг лучше новых двух. Для г. Рогачевского можно найти место в составе тех же Консисторских чиновников.

3) Дорожный экипаж для обозрения епархии есть при здешнем архиерейском доме; он очень удобный и исправный. Об этом предмете не извольте беспокоиться!

4) Моё пребывание в самом городе Харькове, в одном монастыре, только в особом корпусе от дома, предназначенного для помещения Вашего Преосвященства.

Мы покорнейше просим Ваше Преосвященство известить нас телеграммой, в какой день ожидать нам Вашего прибытия в город Харьков, чтобы распорядиться встречей Вашего Преосвященства. Мы думаем встретить Вас, Милостивейший Архипастырь наш, в Кафедральном соборе. Московско-Курский поезд приходить к нам в 2 1/2 часа по полудни или в 11-ть часов с половиной ночи».

27-го писал мне из Новочеркасска Преосвященный Никанор¹⁸:

«Сию минуту я получил благовольтельное Ваше послание, и, откладывая всякие другие писания, спешу представить Вам мой ответ, чтобы письмо моё могло ещё застать Вас в Витебске.

Первым делом спешу принести Вашему Преосвященству глубоко-благожелательное поздравление с наступающим новолетием и не только искреннее, но даже искренне-радостное приветствие с новым почетным местом служения. Дай Бог, чтоб и Вы нашли себе возможное счастье в новом крае, и край, в известной своей части, нашел своё счастье в Вас, и мы в возможные дни невзгоды нашли в Вашей благостыне для своего смирения – опору и прибежище.

Курскую епархию, т. е. кафедру, я знал по общей молве, потом со слов Преосвященного Архиепископа Антония Казанского¹⁹ и даже со слов Преосв. Сергия²⁰ чрез старца Владыку нашего²¹, как кафедру обильную благами земными только. Харьков я знаю немного; никогда его не видел. Но смело можно сказать, что назначением в Харьков, и не в Курск, Ваше Преосвященство только приобрели, ничего не потеряв. Харьков – Университетский город, большой торговый и

правительственный центр; Попечительство Округа по Народному просвещению, Окружной Суд гражданский и военный, Судебная Палата, Военно-Окружное Управление и проч. и проч. делают Харьков центром не губернии только, но целой области. В соборе колоколья – выше Ивановской-Московской, так говорят, а собор незначительный. Архиерейский дом благоустроен еще Иннокентием²², переделан заново Преосвящ. Макарием, а и Преосвященный Нектарий вывел ещё при доме целый ряд лавок, чем средства дома едва-ли не удвоятся. Вообще Преосвящ. Нектарий был не только барин, но и собиратель-благоустроитель. Богослужение у него шло с местными и личными оттенками, но строго и чинно. Преосвященного Викария²³ и лично я никогда не видал, но достаточно знаю, и по Казанской Академии и даже по Харькову по слухам, как раба Божия, человека в высшей степени кроткого. Угодит ли Вашему Преосвященству ожидаемым сотрудничеством, этого предугадать не могу. Духовенство в Харькове выше Витебского во многих отношениях и особенно потому, что в его составе имеется немало академиков.

Преосвященного Викторина²⁴, действительно, я знаю и по студенчеству, потому что он моложе меня только курсом, жили мы в одной келье, и по слухам по служебной его деятельности на разных местах, и, наконец, опять по личному знакомству по Казани. Я считаю Преосвящ. Викторина человеком в высшей степени благоразумным, сдержанным и по природе, и по развитию, в принятом направлении настойчивым до замечательной стойкости, и в то же время, по всей видимости, человеком замечательно гибким и мягким. По моему мнению, в Витебске боятся его напрасно. Нигде, ни на каких местах его служения, его деятельность не ознаменована суровостью, напротив, мягкость отношений к людям – это и требование природного его характера и система деятельности, управляемая самой осмотрительной осторожностью. По части богослужебного чина, я уверен, он поддержит все, что Ваше Преосвященство, в вековую свою память, завели в Витебске, потому что редко можно встретить Архиерея более чинного в богослужении. Боюсь, я только, как бы он не раскрыл наше православие, в

отношении обрядности, до последней шири, или даже крайности, потому что он любит совершать богослужение на долзе. В Казани это было совершенно по нравам; в Витебске, боюсь, как бы это не вышло утрировкой. Вполне достаточно было бы в этом отношении придерживаться Вашего примера. Но Преосвященный Викторин этого не учинит, во-первых, потому что Ваших обычаев в тонкостях не знает. Но это, относительно богослужебной чинности, строжайше великорусский человек, и дело православия в его руках будет в руках вполне благонадёжных.

Примите, Ваше Преосвященство, моё сердечное благодарение за то милостивое заступничество, какое, как мне известно, Ваше Преосвященство изволили являть за моё недостойнство не один раз. Закулисни, по которым меня старейшие старцы отстраняют, мне известны, – с человеческой точки зрения, мотивы не имеют ни тени юридической подкладки справедливости, а с провиденциальной точки зрения я преклоняюсь пред этими странными случайностями и вижу в них перст Божий. Впрочем, в Витебске, как мне известно, неверно представляют дело.

Да благословит Господь Бог исхождение Ваше, и вхождение. Дай Бог видеть в Вас благоволительного, к нашему недостойнству, соседа».

Когда в городе сделалось известным состоявшееся назначение меня на Харьковскую епархию, начали устроить для меня прощальные обеды. Первый обед дан был 27-го ч. наставниками Семинарии и духовного училища. За обедом Ректор Архимандрит Израиль²⁵ и Инспектор П. Л. Дружиловский говорили речи, в коих выражали чувства благодарности за мои искренние к ним отношения и заботы о материальном благосостоянии Семинарии и прочих учебных заведений.

28-го ч. писал мне из Харькова Настоятель Кафедрального Успенского Собора, почти 80-ти летний старец-протоиерей Александр Кустов²⁶:

«Всевышнему угодно было преселить Архипастыря Отца нашего в селения небесныя и благодатно даровать нам Архипастыря-Отца в лице Вашего Преосвященства.

Позвольте одному из сынов новой Вашей паствы, в настоящих строках, изъявить сыновние чувства почтения и преданности и принести Вашему Преосвященству усерднейшее поздравление с грядущим новым летом.

Всевышний умножая да умножит лета Вашей жизни и всецелым да сохранит до позднейших лет драгоценное здоровье Ваше к пользе паствы и всей православной церкви.

С сими молитвенными желаниями, как и с глубочайшими чувствами почтения и преданности к Вам – Архипастырю-Отцу, имею долг и счастье быть всегда...»

29-го ч., в воскресенье был устроен для меня, можно сказать, семейный обед в Училище девиц духовного звания, за которым собрались и окружали меня только лица, имевшие то или другое отношение к этому заведению.

В понедельник, 30-го ч. Витебское градское духовенство, при участии трёх архимандритов Марковского Аркадия²⁷, Ректора Семинарии Израиля и Полоцкого Богоявленского Григория²⁸, предложило мне, в моих же архиерейских покоях, прощальную трапезу. Пред обедом, когда я вышел в залу, где был накрыт стол и где собрались все участники трапезы, Градский Благодинный, протоиерей Успенского Собора В. И. Волков²⁹, держа в руках икону Нерукотворенного образа Спасова, встретил меня следующей речью:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда отец семейства отправляется на продолжительное время в дальний путь, то дети его и добрая родня собираются к нему как для молитвенного напутствования его благожеланиями и получения от него благословения и наставлений, так и для сердечной семейной беседы и наслаждения насмотреться вдоволь на любимого отца, иногда пред разлукой в последний раз беседующего с ними. Ты, Архипастырь, собираешься от нас в путь, хоть не слишком далекий, но для нас нежелательный и прискорбный, потому что безвозвратный. Не наша власть не пустить Тебя, не Твоя воля далее оставаться с нами. Чрез Царя глас Божий призывает Тебя на новое место и вручает Твоему водительству и попечению другую паству. Наша разлука с

Тобою неизбежна: ещё в мале, и к тому не узрим Тебя... И потому поспешили собраться вокруг Тебя – насмотреться на Тебя, напутствовать всеми благожеланиями, каких только хочет Твоё доброе отеческое сердце, быть может, уже в последний раз насладиться беседою с Тобою, которая всегда была поучительна и полезна для нас.

Девиз Твоей Архипастырской служебной деятельности был: польза и слава православной церкви, честь и благо паствы. Во всё время Твоего управления Полоцкою паствою, Ты говорил и действовал по убеждению, и всё направлял для блага церкви и паствы, не упуская из виду ни одного случая и ни одной возможности. Благоустройство епархии служит тому неопровержимым доказательством. И если бы кто пожелал противоречить этому, или даже умолчать об этой правде, тот глубоко оскорбил бы свою совесть.

Духовенство Ты поставил во всех отношениях гораздо выше, чем оно стояло, как само пред собой, так и пред другими. Для этого требовались от Тебя большие усилия, труды и неприятности: первых ты не щадил, а последними пренебрегал, и разрешил самую первую и самую трудную задачу Архипастырской обязанности.

По Твоим заботам обогащены храмы, как Правительством, так и благотворениями Москвы, первой связью с которой для Полоцкой епархии послужил Ты. Мы боимся только, чтобы эта благодетельная связь с Твоим от нас отбытием не прервалась, и потому просим Тебя, Преосвященнейший Владыко, Твоим влиянием на благотворителей Москвы укрепить эту связь.

Богослужение в епархии Ты соделал однообразным со строгим соблюдением порядков и устава церкви, для чего сам служил образцом везде, где только совершал богослужение. Живой пример Архипастыря лучше и убедительнее всякого письмени.

Ты крепко стоял за права и достояние православной церкви, охраняя их и отражая всякую иноверную силу, вторгавшуюся в область их, и в то же самое время Ты не посягал на права и достояние иноверия: все это сделалось тихо, спокойно, мирно и благотворно.

Впрочем, перечислять все Твои, Архипастырь, заслуги и благодеяния не позволяет краткость времени для моей речи. Скажу только, что епархия видит их и сознает. В чувствах глубокой благодарности она преклоняется пред Тобой и просит святых Твоих о ней молитв и доброй памяти. Она никогда не забудет Тебя. Не забудут Тебя грады и веси Полоцкой епархии, которым ты во время посещения их приносил мир и душевное утешение, а нередко и дары. Не забудет Тебя Полоцк, и особенно Евфросиниевская обитель, куда Ты внес частицу св. мощей Той, которая по плоти есть родная Полоцку, и имени которой посвящена обитель. Не забудет Тебя Витебск, который Ты восемь слишком лет поучал и наставлял словом и примером, и которому доставлял душевное наслаждение Твоим богослужением. В Витебске не забудут Тебя соборы – Кафедральный и Успенский, о благолепии и украшении которых Ты много прилагал забот и попечений. Ты настолько их любишь, что, кажется, готов все богатства Москвы перенести в них.

Что же нам сказать о себе? Мы – Витебское духовенство, ближе других, собратий наших, к Тебе стоявшее и более других пользовавшееся Твоими милостями, коих знаки нас украшают, – мы обязаны Тебе сугубою благодарностью, и повседневные наши недостойные молитвы о Твоём благополучии, не прекратятся, свидетельствуюсь совестью, пока Бог дозволит стоять нам у престола Его. И худое, и доброе наше всегда было пред очами Твоими. Худое Ты нам замечал и прощал, а доброе всегда ценил и награждал. Мы до смерти не забудем Тебя!

Теперь же, по чувству глубокой благодарности к Тебе, в залог неразрывного союза нашего с Тобой и на новом месте служения Твоего, и в напутствие Твоё мы пожелаем поднести Тебе дар, и нашли лучшим – св. икону Нерукотворенного Спаса, которая, так сказать, есть церковный герб города Витебска, по преданию заложенного 16-го Августа и посвященного покровительству сей иконы, почему праздник 16 Августа, в честь Нерукотворенного Спаса, есть в Витебске общий городской праздник.

Прими с любовью, Преосвященнейший Владыко, приносимое от любви и усердия. Возьми с собою эту икону,

освященную молитвами и любовью, поставь её в Твоей молитвенной келье и каждый раз, когда будешь молиться пред нею, помяни в своих молитвах Твоих нас грешных, и не нас токмо, но и Витебск и всю Полоцкую паству, которая есть первенец Твоей Архипастырской деятельности на службе церкви Божией. Первенцы же родительскому сердцу дороже других детей. Да так же помолись, да скажет Господь новому нашему Архипастырю вся благая хотения Твоя о нас. Прости нам грехи наши пред Тобою, грехи ведения и неведения, благослови нас и скажи нам последнее слово утешения: последние слова глубоко врезаются и в памяти, и в сердце...»

Среди обеда, оживленного искреннею и свободною беседою всех присутствовавших за столом, сказана была Секретарем Консистории Н. И. Абрамовым³⁰ следующая речь.

«Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь! Ещё день, два и вы навсегда оставите нас. Грустно, крайне грустно и тяжело нам свыкаться с этой мыслью. Зачем Вы, Владыко святой, были к нам так добры, так милостивы и отечески ласковы с нами: при других Ваших отношениях к нам, нам легче было бы видеть Ваш отъезд. Мы не станем говорить о том, какую Вы оставляете незабвенную о себе память в здешнем крае, в отношении благоустройства и вещественного обеспечения бедных православных церквей в здешней епархии, но в свою очередь, скажем только одно слово о Вас, Преосвященнейший Владыко, как о незабвенном, добром нашем Начальнике. Состоя под начальством Вашим, все мы до последнего из нас всегда имели к Вам свободный и нестеснённый доступ, никто из обращающихся к Вам в своих просьбах и нуждах не отходил от Вас тощ. Упущения по службе, замеченные Вами в каком-либо из подчиненных, помимо резких мер, всегда исправлялись одним лишь кротким напоминанием о долге нашем. При массе разнородных и, нередко, довольно сложных дел в Консистории обращающихся, если и случались иногда какие-либо недоразумения при разрешении этих дел, то, благодаря опытности и мудрости Вашей, недоразумения эти всегда устранялись с той же свойственной Вам кротостью. И

таким образом дела наши по Консistorии всегда шли мирно и успешно. Цену всему этому теперь, когда Вы оставляете нас, мы ещё более сознаем и яснее видим, какого мы лишаемся начальника в особе Вашего Преосвященства; но преклоняясь пред Промыслом Божиим, нам остается только просить Господа Бога да благословить путь Ваш с миром и сохранить Вас во многия лета. Мы же навсегда-навсегда сохраним о Вас, Преосвященнейший Владыко, самую признательную и добрую память».

В конце обеда провозглашен был тост за здоровье преемника моего по кафедре, Преосвященного Викторина.

31-го ч. писал я в Муром теще П. С. Царевской³¹:

«В последний раз пишу Вам из Витебска и посылаю обычную лепту на Ваши домашние потребности.

Я получил новое назначение, но не в Курск, как писали в газетах, а в Харьков, который на 230 верст ещё далее Курска. Харьков многолюдный и красивый, говорят, город; климат там благорастворенный; народ добрый и православный.

3-го или 4-го числа оставляю Витебск навсегда и отправляюсь в путь.

Витебск провожает меня с искренней скорбью и слезами. Но эта скорбь – моё утешение, моя лучшая награда и воздаяние за те скорби, какие я испытал в начале моего служения на Полоцкой кафедре.

По прибытии в Харьков не замедлю писать к Вам».

1875 г.

В первый день Нового года я *в последний раз* совершил в благолепном Кафедральном Соборе Божественную литургию, на которой возносилось моё имя не как Полоцкого уже и Витебского Епископа, но как Харьковского и Ахтырского. После литургии отправлен был мною по чину молебн новолетия. Затем, разоблачившись, вышел я из алтаря в мантии и начал прикладываться к местным иконам, при пении певчими священной песни: «*Ныне отпускаеши*». По окончании сего, я взошел на амвон с жезлом в руке и обратился к предстоящей пастве с следующей речью:

«Когда оставляют домашний кров и отправляются в далекий путь, обыкновенно обращаются к своим присным и друзьям с таким знаменательным словом: *простите*.

Что значит это слово; какая в нем особенная мысль? В нем заключается та мысль, что отправляющийся в путь не уверен, возвратится ли он в свой дом и увидится ли опять с своими ближними и друзьями; и потому на всякий случай просит у всех и каждого прощения в своих прегрешениях против них, дабы, в противном случае, не отойти непощенным, по выражению Писания, *в путь всея земли* (Нав.23:14; 3Цар.2:2), в тот путь, с которого нет уже возврата.

Оставляя ныне, по изволению священной и Державной Власти, наипаче же по премудрой и всеблагой воле Божественного Провидения, сей святой дом, сию боголюбезную паству, и отправляясь в путь, хотя и не весьма далекий, но во всяком случае безвозвратный, с сердечною скорбью обращаюсь к тебе, возлюбленная моя Паства, с последним печальным словом: *Прости...*

Простите меня, пастыри, коим я, по званию пастыреначальника, должен был служить примером в слове учения и благоговейном совершении священнодействий; коих я обязан был словом и примером руководить и назидать в правилах христианского благочестия, предостерегать от грехопадений и пороков страхом суда Божия, – и, может быть,

не исполнил в точности сего пастырского долга. Простите все, кому я праздным словом или неосторожным, несвойственным моему сану, поступком подал когда-либо повод к соблазну и осуждению. Простите меня все, ближние и дальние, живущие и отшедшие, кого я, по немощи человеческой, огорчал и оскорблял словом или делом, намеренно и без намерения. Простите и напутствуйте меня вашими благожеланиями, вашими молитвами.

Если же кто-либо и из вас, моих духовных чад, чем-нибудь преогорчал меня, в продолжении восьмилетнего моего с вами пребывания, от всего сердца прощаю всех и каждого, и потщусь всегда памятовать вас, как возлюбленных первенцев в моём священно-начальственном служении, в своих молитвах пред верховным Пастыреначальником и Господом.

Всеблагий и Премилосердый Господь, заступлением Пречистыя Своея Матери и Молитвами Святителя Николая и Преподобной Евфросинии Полоцкой, да простит и помилует всех нас! Аминь».³²

На эту речь Настоятель Кафедрального Собора, Протоиерей Василий Покровский отвечал следующей речью:

«В последний раз Ты предстоял ныне Престолу Божию в сем св. храме, который так дорог Твоему пастырскому сердцу!.. Последний раз приносил в нём бескровную жертву, низводя благословение небесное на своего Рувима, на первенца своих пастырских трудов, – на свою паству Полоцкую!.. Только что изрек ты нам своё последнее, горестное для нас «прости»! Чем же, Преосвященнейший Владыко, чем напутствуем Тебя на новое место Твоего Архипастырского служения?.. Благодарением, благодарением и благодарением...

Благодарим Тебя, Милостивейший Архипастырь и Отец, за то, что в течение Своего восьмилетнего пастырства у нас, Ты бдительно и доблестно стоял на Божественной страже православия и русской народности. Благодарим за ревностное попечение Твое о св. храмах Божиих. Благодарим за то, что Ты был всем вся – и радовался с радующимися и плакал с плачущими: благоденствие пасомых всегда веселило Твое пастырское сердце, а горе их – частное ли или общественное –

болезненно отзывалось в Твоей благой душе, и объятые горем находили у Тебя утешение, облегчение, отраду в скорби, а нередко – и благовременную помощь. Благодарим Тебя, Архипастырь и Отец, в особенности мы, твои подначальные; со всеми нашими нуждами, и служебными, и частными, мы являлись к Тебе, как дети к чадолюбивому отцу, и всегда выносили от тебя вразумление, наставление и утешение. А сколько Твоею милостивою Архипастырскою десницею отёрто горьких слёз наших вдов и сирот? Долго-долго, с пламенной мольбою к Богу, они будут вспоминать своего Архипастыря-благодетеля. Ежели что-нибудь и стропотное усматривало иногда Твое благое око в пасомых Твоих, – Ты, не поражав их с суровостью грозного судьи, но подражая Евангельскому милосердому Самарянину, прилагал отеческое попечение об исцелении их душевных ран. Да, Преосвященнейший Архипастырь, не железным жезлом Ты упасал нас! Прими же милостиво от нас этот символ твоего Архипастырского служения. Да пребудет он залогом нашей благодарной любви к Тебе за твои пастырские заботы на благо Полоцкой паствы! Предстоя с ним там, на новом месте Твоего Архипастырства, пред алтарем Господним, помяни и нас в твоих св. молитвах, а мы не престанем молить Господа, да благословит Он настоящий исход Твой и милосердие Его да почиет над Тобою выну во вся дни Твоей жизни! *Благословен грядый во имя Господне!*»

При словах оратора: «ты, Преосвященнейший Владыко, пас нас не железным жезлом», Градской Голова, купец Е. М. Цитринко поднёс мне серебряный с позолотою посох.

Затем последовало трогательное прощание с паствою. – Старшее духовенство и высшие чиновники светские зашли из собора в мои покои для обычного приветствия с новым годом.

После обедни подана мне была из Харькова телеграмма следующего содержания:

«Харьковская Консистория честь имеет принести Вашему Преосвященству поздравление с наступающим новолетием».

На это отвечал я в тот же день телеграммой на имя Преосвященного Викария Вениамина:

«Благодарю за приветствия и известия. и Приветствую вас и паству с новолетием. О времени прибытия извещу».

Хотя я и не получил ещё официального разрешения на проезд чрез Петербург, но я не сомневался в этом разрешении, и потому решился телеграфировать в Вильну Н. А. Сергиевскому, который также располагался ехать в Петербург и желал там ещё раз видетсья и проститься со мною, – телеграфировать в таком смысле:

«Приветствую новым годом. Оставляю Витебск четвертого числа; останавлиюсь в Полоцке; прибуду в Петербург седьмого».

В 4 часа у Начальника губернии П. Я. Ростовцева был торжественный обед, к которому и я был приглашен. Перед обедом я поднес гостеприимному хозяину, в благословение, икону святителя Николая.

В четверг, 2-го ч., предложен был мне всеми сословиями городскими обед в зале благородного собрания. В этом обеде приняли участие не только православные граждане Витебска, но и римские католики и лютеране. От католической церкви, кроме мирян, были два почетнейших священника. – О том, как происходил обед и что было говорено на нём, можно прочесть в книжке: «Прощание Еп. Саввы с Полоцкою паствою и пр.» Харьков, 1876 г., стр. 21 и след.

3-го ч. ездил я в Марков монастырь; выслушал там Царские часы; благословил братскую трапезу; на память обители оставил образ пред. Нила Столобенского и возвратился в город, где сделал несколько прощальных визитов гражданам и некоторым лицам из старшего духовенства.

В этот же день получил я из Лепеля от протоиерея Онуфрия Никоновича³³ письмо, в котором он, поздравляя меня с новым годом, выражает скорбь о разлуке со мною. Должно заметить, что это тот самый протоиерей Никонович, который, при вступлении моём на Полоцкую паству, был Настоятелем Кафедрального Собора и которого я, по его малообразованности, должен был удалить от такого видного и почётного места.

4 ч., в субботу, назначен был мой выезд из Витебска. Губернатор и прочие чины городские предполагали проводить

меня до Полоцка с особым поездом, но это предположение не осуществилось, потому что для особого поезда не оказалось удобных часов в продолжение дня.

Перед отправлением в путь я выслушал, в последний раз, в Кафедральном соборе раннюю литургию и вслед за ней напутственный молебен, совершенный соборно тремя архимандритами и всем градским духовенством, при многочисленном собрании граждан, пришедших принять от меня последнее архипастырское благословение. В 9-ть часов отправился я, в сопровождении Начальника губернии, на станцию железной дороги, куда также собралось множество народа. В 10-ть часов двинулся поезд и я, осенив в последний раз свою духовную паству в лице стоявших на платформе властей и граждан, не без грусти оставил Витебск...

В Полоцке остановился я по обычаю в Богоявленском монастыре.

5-го ч., в воскресенье, слушал я литургию и затем молебен Животворящему Кресту и преп. Евфросинии в Спасском женском монастыре. После обедни пил чай у Игуменьи и затем навсегда простился с нею и со всеми сестрами обители.

В 1-м часу по полудни посетил Военную Гимназию.

Возвратившись в монастырь, я отправил в Петербург Наместнику Невской Лавры Архимандриту Никодиму³⁴ телеграмму такого содержания:

«Седьмого прибуду в Петербург. Не откажите в убежище, о котором я писал Его Высокопреосвященству»³⁵.

В то же время написал два письма, одно в Москву Преосвященному Леониду³⁶, а другое в Харьков Преосвященному Вениамину.

Вот что я писал Преосвященному Леониду:

«Приветствую Вас из древнего града Полоцка с новым летом благодати Господней и желаю Вам в наступившем лете от Господа всяких благ, потребных к житию и благоплодному служению Его святой церкви.

Оставив 4-го числа навсегда Витебск и стремясь к новому, мне указанному месту служения – Харьков, я решился направить свой путь через обе Столицы, чтобы, с одной

стороны, несколько освежиться от прошедших трудов, а с другой запастись новыми силами и некоторыми сведениями для предстоящей деятельности в новом, мало мне известном, краю. В Полоцке я остановился на два дня, чтобы в последний раз поклониться здешней святыне и в первый раз принять молитвенное участие в храмовом празднике одной из здешних обителей. Завтра, вечером, отправлюсь отсюда в Петербург на непродолжительное время, а оттуда, если Бог благословит, на более продолжительный срок явлюсь в первопрестольный град Москву, куда влекут меня сильно разные чувства: и чувство религиозное (поклонение святыне), и чувство дружбы, и, наконец, чувство признательности к благодетелям и благотворителям церковью оставленной мною Полоцкой епархии.

В особенности же влечет меня в Москву желание повидаться с Вашим Преосвященством и побеседовать с Вами по душе о многом и многом.

Итак, до приятного свидания. Помолитесь о мне Тому, Кто есть единый истинный и живой Путь, да благоустроит Он путь мой к Вам».

Преосвященному Вениамину писал следующее:

«Вчера, 4-го числа, оставил я Витебск и сегодня пишу Вам из Полоцка. – Но Полоцк на пути не к Харькову, а к Петербургу, куда я возымел намерение отправиться по своим надобностям. В Петербурге не думаю долго оставаться, но поспешу в родственную для меня и благодетельную для Полоцкой епархии Москву, где пробуду, вероятно, дольше, чем в Петербурге. Из Москвы по пути остановлюсь на одни сутки в Курске, откуда мне удобнее уже будет распорядиться назначением дня и часа прибытия моего в Харьков.

Усердно благодарю Ваше Преосвященство за приветствия, выраженные в Вашем письме».

После обеда, вечерню и водоосвящение слушал я в теплой монастырской церкви.

6-го ч., в день Крещения Господня, утреню слушал я в своих покоях, а литургию в холодном монастырском храме, посвященном воспоминанию Богоявления Господня.

На память о своём пребывании в обители в последний раз и молитвенном участии в её храмовом празднестве в первый раз, я оставил изображение Крещения Господня, рельефно вырезанное на беловатом камне и вделанное в дерево, мерою в вышину 1 1/2 вершка, в ширину 1 3/4 вершка. На задней стороне изображения сделана была мною следующая надпись:

«Сие освященное изображение, сделанное на камне из реки Иордана, приносит Полоцкой Богоявленной обители, на память посещения в день ея храмового праздника, Савва, Епископ Харьковский, бывший Полоцкий и Витебский, января 6-го дня, 1875 г.»

А мною изображение это получено было в Августе 1866 г., перед отбытием моим из Москвы на Полоцкую епархию, от Сенатора П. И. Соломона, путешествовавшего в 1857 г. в Иерусалим и оттуда в числе многих других святынь привезшего и сию священную вещь.

Настоятель монастыря, Архимандрит Григорий, которого я перед своим отъездом представил к награждению Орденом Св. Анны 2-й степени пригласил ради меня к своей праздничной трапезе всю Полоцкую знать как духовную, так и светскую. И эта монастырская трапеза также не обошлась без адресов и спичей. Первый встал и прочитал перед собранием адрес, составленный от лица духовенства и других представителей города Полоцка Законоучитель Полоцкой военной гимназии, Протоиерей Добрадин³⁷. Адрес этот изложен в следующих выражениях:

«Итак слухи, так долго смущавшие наши сердца Тебя любящие, оказались не напрасными: определением высшего церковного правительства и волею Благочестивейшего Монарха Ты, наш милостивый Отец и Архипастырь, переносишься как светильник на новое место, чтобы и там светить светом истины и добра. Веруем, что Твое назначение совершается не без воли Того, Кто ходить посреди светильников, и потому не смеем прекословить определению... Но, расставаясь с Тобою, не можем не скорбеть об этом, подобно детям, которые разлучаются со своим добрым отцом.

Следуя на новое место служения, Ты не забыл старейшего города Твоей паствы и – являешься в богоспасаемый Полоцк, чтобы преподать ему архипастырское благословение. Наша мысль при этом обращается к прошедшему и с особенным вниманием останавливается на том, что напоминает о Твоей Архипастырской благопопечительности в нашем городе. Так –

В среде православных Полочан возникает мысль об учреждении Братства: Ты принимаешь к сердцу эту мысль, благословляешь намерение учредителей, упрочиваешь существование Братства не только учреждением его устава, но и живым участием в открытии и дальнейшей судьбе его – до настоящего времени, как почетный попечитель Братства.

Является у жителей благочестивое желание иметь нетленные останки Той, Которую с особенным благоговением чтит народ Белорусский, как свою небесную покровительницу, и хранить в своей памяти высокие подвиги её веры и благочестия: Ты сочувствуешь этому святому желанию, входишь в непосредственные сношения с первосвященниками Москвы и Киева, ходатайствуешь пред высшим церковным правительством и, к нашей несказанной радости, устрояешь для нас небывалое и высокое торжество веры в принесении части мощей преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, из г. Киева³⁸.

Правительство в своей заботливости об утверждении начал русской жизни решается устроить здесь рассадник просвещения для народа и открывает Учительскую Семинарию: Ты с отеческою радостью приветствуешь новое заведение, как самое благотворное для здешнего края, сам спешишь сюда, чтобы призвать благословение Божие на новый рассадник, и непосредственно преподаёшь ему Своё святительское благословение, чтобы он процветал и приносил благие плоды народного образования.

Могут ли быть забыты ближайшими Твоими сотрудниками в деле священнослужения, равно и руководителями духовного юношества, те дорогие заботы, которые Ты прилагал, чтобы устроить первоначальное образование духовных детей

соответственно потребностям времени и приготовить для них новое жилище?

Можем ли, наконец, все мы не ценить того отеческого внимания, с каким Ты обращался к нам, посещая наши храмы, наши школы, наши жилища?

Воспоминание об этих проявлениях Твоей отеческой любви и Архипастырской благопопечительности наполняет сердца наши живейшею признательностью и в настоящие минуты, при предстоящей Твоей разлуке, побуждает нас от всей души молить небесного Пастыреначальника, да благословит Он путь твой, да благопоспешит Тебе на новом поприще служения Твоего и продлит дни жизни Твоей в ненарушимом здравии и непремняемом благополучии для блага новой Твоей паствы, на пользу святой нашей церкви и к утешению любящих Тебя Полочан.

Прими, Преосвященнейший Владыко, настоящее заявление, как выражение искренних чувств благодарности и преданности Тебе, от тех, которые со скорбью расстаются с Тобою».

Вслед за этим адресом прочитан был другой от лица служащих при Полоцкой Учительской Семинарии. Адрес этот следующего содержания:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь и Отец!

«Ваше Преосвященство, изучая в течение продолжительного управления Вашего епархией особенности быта белорусского простолюдина, пришли к тому убеждению, что в этом крае более, нежели где-нибудь, ощутительна потребность в здоровом более или менее широком народном образовании. Только тогда, когда здешний край покроется сетью правильно организованных школ, Вы полагали, можно надеяться на благополучный исход продолжающейся ещё нравственной борьбы белорусского простолюдина с окружающими его иноплеменными и разноречивыми элементами, только тогда этот простолюдин улучшит свой быт настолько, что в нём незаметно будет горьких последствий прошлого многовекового угнетения здешнего края. Проникнутые

такими убеждениями, Вы сердечно радовались, когда в Полоцке назад тому два года³⁹ открыта была учительская Семинария, Вы охотно приняли на себя труд посетить тогда наш город, чтобы в качестве предстоятеля здешней православной церкви благословить семинарию на предлежавший ей подвиг, и впоследствии времени не оставляли Полоцка, не посетив Семинарии, не преподав ей своего архипастырского благословения.

Полоцкая Учительская Семинария всегда дорожила таким вниманием Вашего Преосвященства, дорожила тем более, что в нём она видела основание для возможности рассчитывать на установление, при Вашем содействии, вполне правильных возможно более тесных отношений между выпущенными ею учителями и приходскими священниками.

Ныне, когда Промысл призывает Вас на иное место служения, Полоцкая Учительская Семинария считает себя нравственно обязанною просить Ваше Преосвященство принять глубокую признательность за всегдашнее Ваше внимание к ней. Вместе с тем она позволяет себе выразить надежду, что Ваше Преосвященство не забудете её в своих святых молитвах».

Затем Смотритель Духовного училища И. Блажевич обратился ко мне с следующей речью:

«Милостивейший Архипастырь!

Если где должна сохраниться о Вас память, и если кто другой имеет повод или побуждение так искренно благодарить Вас, то более всех обязан сделать это я от лица тех сирот, представителем которых в настоящее время я имею честь явиться пред Вами.

Не буду перечислять всех благодеяний, излитых Вами на этих сирот. Скажу в общем: в Вашем попечении о них выражалась та именно любовь, силу или сладость которой вкушать эти сироты лишены были судьбой от колыбели, – т. е. любовь материнская. Не буду и силиться выразить всю и вполне их благодарность за ту любовь, потому что чувствую, что, взявшись за это дело, я не выполнил бы его и в половину. Быть может судит Бог, что эти дети, прикрытые Вашим именно попечением от полунаготы, прикрытые Вашею любовью, со

временем, окрепнув телом и духом, сами предстанут пред Вами и, лично выразят Вам свою благодарность и полнее и сильнее.

Теперь же, Архипастырь, обращаюсь с обычным, всегдашним нашим к Вам словом, – словом просьбы: – простите за всё! Не лишайте нас своей обычной попечительной любви, и, отправляясь от нас в путь, благословите нас так, как благословила бы моих сирот их родная мать, отправляясь если не в безвозвратный, то в далекий путь».

В 10 часов вечера оставил я древний Полоцк. Из Полоцка сопровождали меня до Динабурга Архимандрит Григорий, Динабургский Благочинный священник Щербов⁴⁰, который нарочито приехал в Полоцк встретить меня, и другие.

В Динабург я приехал в 2 часа по полуночи. Здесь, не смотря на такое позднее время, встретило меня очень много православных граждан и предложено было радушное угощение. – И здесь одним из почётнейших граждан напутствован я был следующей речью:

«Ваше Преосвященство! Мы имеем сегодня ещё раз счастье радостно встречать Ваше Преосвященство, но, к искреннему сожалению, встречаем для того, чтобы ещё с большею грустью расстаться с Вами!

Общие наши чувства благодарности, глубокого уважения и высокопочитания уже неоднократно были выражаемы Вашему Преосвященству, и чувства эти останутся, навсегда неослабно искренними и теплыми в сердцах наших!

Дозвольте ныне ещё раз, хотя и в слабых выражениях, но искренне выразить пред Вами наши чувствования.

Отныне нас будет разделять далекое пространство, но живы, и свежи будут всегда в нашей памяти милостивое к нам внимание и расположение и Ваши посещения нас в нашем городе!

Осмеливаемся мы ныне искреннейше благодарить Вас за Ваши к нам внимание и расположение и умиленно просить Ваше Преосвященство осчастливить нас воспоминанием в молитвах Ваших и благословлениях в стране далекой, которая примет Вас достойно, примет Вас в такой степени радостно, в какой мы ныне грустно расстаемся с Вами!

Удостоите, Ваше Преосвященство, принять общее искреннее желание наше благополучного пути, счастливейшего прибытия в Ваше новое местопребывание и сердечно-искренне произнести: здоровье Вашего Преосвященства!»

Достойно примечания, что первый город, который я встретил 7-го Сентября 1866 г. на своем пути в Витебск, был Динабург. Он же и теперь 7-го января 1875 г., через восемь лет и 4 месяца, провожает и напутствует меня последним.

После восьмилетней, непрерывной почти борьбы со всем, меня окружавшим, мог ли я ожидать такого заключения моей деятельности на Полоцкой кафедре, таких сочувственных и торжественных проводов при оставлении мною этой кафедры? Подлинно, если сравнить те мысли и чувства, кои волновали мою душу при вступлении в пределы Полоцкой епархии в 1866 г., с теми, кои наполняли моё сердце теперь, при оставлении этих пределов, нельзя не возблагодарить Господа-Промыслителя и всеблагого во всём добром Помощника, от всей глубины души, нельзя не воспеть гласом церковной молитвы: *«Слава Тебе Богу, Благодетелю нашему во веки веков! Аминь»*.

В 5-ть часов двинулся поезд далее, по направлению к Петербургу. Преданный мне Законоучитель Динабургского реального училища, священник Е. Н. Соловьёв⁴¹ выпросил у меня дозволение проводить меня до ближайшей станции; затем решился доехать со мною до Пскова и, наконец, не захотел расставаться до самого Петербурга.

В Петербург приехали мы 7-го числа в 10-ть часов вечера. Холодно приняла нас Северная Столица: был сильный мороз с ветром. Со станции я отправился, в наёмной карете, прямо в Александро-Невскую Лавру, где приготовлена была для меня тёплая и просторная квартира, которая, однако ж, оказалась запертою, когда я приехал.

8-го числа. Среда. Первый, кого я увидел на этот раз в Петербурге, был Ректор Кишиневской Семинарии, Архимандрит Варлаам⁴², состоявший на чреде священнослужения и занимавший помещение в том же корпусе, в котором и я остановился. Не столько, может быть, по обязанности, сколько

по чувству приличия, он поспешил представиться мне, и я был очень рад познакомиться с этим, сколько почтенным, столько же смиренным, о. Архимандритом. О. Варлаам – личность очень примечательная. По своему происхождению, он едва ли не из крестьян Кишиневской губернии⁴³. Оставшись в детстве круглым сиротой без всяких средств к существованию, он должен был и учиться грамоте и с утра до поздних часов ночи томиться над изысканием средств насущного пропитания как для себя, так и для двух ещё меньших братьев своих, находя оные в непосильных занятиях и трудах. Самоучкою научившись чтению, он занимал некоторое время должность причетника, затем поступил в число послушников монастырских; между тем, он чувствовал сильную потребность в школьном образовании, почему, будучи уже 23-х лет от роду, он, с разрешения Св. Синода, поступил в местное духовное училище, а оттуда переведён был в Семинарию. По окончании семинарского курса возвратился в монастырь, был пострижен в монашество и сделан Настоятелем монастыря с возведением в сан Игумена. Но не довольствуясь полученным им в Семинарии образованием, он хотел достигнуть путём Академии высшего духовного образования. В этих видах, добровольно сложивши с себя звание Настоятеля монастыря, отправился в Петербург и 34-х лет от роду, с саном Игумена, вступил в здешнюю Академию, где и окончил курс в 1855 г. с степенью кандидата, а в 1858 г. возведён на степень Магистра. С 1862 г. занимал должность Ректора Кишиневской Семинарии в сане Архимандрита; в 1874 г. вызван был в Петербург на чреду священнослужения и проповеди слова Божия. Христианское смирение и кротость, а равно и другие нравственные достоинства о. Варлаама обратили на себя особенное внимание Первенствующего Члена Св. Синода: в Феврале 1875 г. Архимандрит Варлаам рукоположен был в Епископа Тотемского, викария Вологодской епархии; а в следующем 1876 г. переведен на кафедру Выборгскую, с званием второго викария С.-Петербургской епархии; в 1877 г. удостоен уже был сопричисления к ордену Св. Анны 1-й степени. Так, по слову Христа Спасителя, *смирняяй себе вознесется*.

Отпустивши о. Варлаама, я поспешил в Лаврский Собор, чтоб поклониться св. мощам Благоверного В. Князя Александра Невского, и, зашедши оттуда на короткое время к Наместнику Лавры о. архимандриту Никодиму, моему сослуживцу по Московской Семинарии, отправился к Высокопреосвященному Митрополиту Исидору.

Явившись к Владыке, я поднёс ему образ Преп. Евфросинии Полоцкой. Он принял меня благосклонно и вступил со мною в откровенную беседу. Речь зашла о выборе благочинных. Владыка высказал неодобрение этого принципа и строго осуждал Митрополита Киевского Арсения⁴⁴ за то, что он, не посоветовавшись с прочими Членами Синода, первым допустил в своей епархии выборное начало относительно благочинных. Его примеру последовал одним из первых Преосвященный Макарий⁴⁵, бывший Архиепископ Харьковский, но в Харькове не все были довольны этим нововведением; кто-то из духовных писал об этом Митрополиту и порицал Архиепископа Макария. Далее, коснувшись современного вопроса о духовно-судебной реформе, Владыка и об этом выразился несочувственно, и при этом с крайним неудовольствием отозвался о льстивом мнении о проекте Псковского епископа Павла⁴⁶.

Интересный разговор наш, к сожалению, прерван был появлением Преосвящ. Феоктиста⁴⁷, бывшего епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, а в это время назначенного на епархию Симбирскую.

Оставивши Владыку с Преосвященным Симбирским, я отправился путешествовать по Петербургу. Прежде всего заехал в Домик Петра Великого, чтобы поклониться Чудотворному Образу Спасителя и отдать на свечу рубль, врученный мне, при отправлении из Витебска, больною дочерью Начальницы женской гимназии Ушаковой – Мариєю. Оттуда заехал к бывшему преподавателю Витебской Семинарии И. Г. Слиборскому⁴⁸ и через него познакомился с его родными, у коих он и квартировал.

К двум часам возвратился в Лавру к обеду у Владыки Митрополита. Обедали втроем: Митрополит, Преосв. Феоктист и

я. За столом Владыка рассказывал о своих помещениях – в Витебске и Тифлисе, в бытность его на Кафедрах Полоцкой⁴⁹ и Карталинской⁵⁰.

Вечером посетил Главного Священника Армии и Флота, Протоиерея Петра Евдоким. Покровского⁵¹, бывшего Кафедрального протоиерея Архангельского Собора в Москве; он принял меня как близкого родного.

9-го числа вечером, был я у члена Синода, Придворного протоиерея Ив. Вас. Рождественского⁵² – моего почтенного земляка. С ним у меня была очень продолжительная и искренняя беседа. Шла речь, между прочим, 1) о моём назначении сначала на Курскую, а потом на Харьковскую епархию; в Харьков предполагали было перевести Нижегородского Архиепископа Иоанникия⁵³, но отложили, потому что он недавно (именно в 1873 г.) перемещен был с Саратовской кафедры на Нижегородскую; 2) о назначении на моё место преемника в Витебск; – предположено было сначала определить на Полоцкую кафедру Преосвящ. Иосифа⁵⁴, епископа Ковенского, Викария Литовской епархии, а епископа Чебоксарского, викария Казанского, Викторина – на кафедру Смоленскую; но, при рассуждении об этом в Синоде, кто-то из светских чиновников заявил, что неудобно Викторина посылать в Смоленск: ведь он там встретит многих священников и даже протоиереев, сеченных им розгами, когда он был в Смоленской Семинарии Инспектором (1853 – 57 г.); заявление это произвело своё действие; назначение было изменено: в Смоленск послали Иосифа, а Викторина назначили моим преемником на Полоцкую кафедру; 3) о перемещении на Ярославскую епархию Херсонского Архиепископа Димитрия⁵⁵ без его ведома и, вопреки его желанию, но по проискам брата его, Петербургского протоиерея Муретова; между тем как Ярославской кафедры помогали Экзарх Грузии, Архиепископ Евсевий⁵⁶, Варшавский Архиепископ Иоанний⁵⁷ и Каменец-Подольский Леонтий⁵⁸; 4) о переводе Свящ. Писания В. Завета с еврейского языка на русский; из переводчиков никто не знал основательно еврейского языка: перевод сделан на основании святоотеческих толкований свящ. книг; 5) о самовольном и безотчетном

распоряжении Обер-Прокурора делами по духовно-учебным заведениям и в частности о назначении ревизоров, коим предположено было возвысить оклады жалованья, но Иван Васильевич⁵⁹ воспротивился; 6) об отношениях ко мне Графа Д. А. Толстого⁶⁰ будто бы неблагоприятных; 7) о мнениях Архиереев и Консисторий о проекте духовно-судебной реформы; одобряя моё мнение по сему предмету, Иван Васильевич в то же время очень неблагоприятно отзывался о мнении Полоцкой Консистории, столь превознесенном клеветами известной партии; 8) Иван Васильевич порицал действия и отношения ко мне протоиерея Юркевича⁶¹ и священника Матвея Красовицкого⁶²; 9) о Преосвященном Никаноре⁶³, епископе Аксайском, викарии Донской епархии; дошли до сведения Государя очень невыгодные отзывы о его действовании на Должности Ректора Саратовской Семинарии (1857–1865 г.), так что ему угрожала опасность не быть епархиальным Архиереем.

Не помню, от кого я слышал в Петербурге, что мнение большинства членов (вероятно, какого-нибудь особого Комитета) о Церковных Соборах в России, согласное с мыслями покойного Митрополита Московского Филарета, было утверждено, но оставлено без исполнения по Той будто бы причине, что Филарет впоследствии отказался якобы от своей мысли в пользу меньшинства, к которому принадлежали-де протоиереи Рождественский, Министр Панин⁶⁴ и Барон Корф⁶⁵.

В 12-м часу был у Члена Св. Синода, протопресвитера В. Б. Бажанова⁶⁶. Между прочим, была речь о Московском Митрополите Иннокентии⁶⁷. О. Бажанов выражал удивление, почему Митрополит не просит об отставке; ведь он, при слепоте своей, приходя в Синод, нередко садится-де в чужое кресло.

В 2 часа обедал у Наместника Лавры Архимандрита Никодима вдвоём с ним. Он был доволен своим положением и, по-видимому, не очень охотно шёл в Новгород, на епископскую Старорусскую кафедру, на которую он вскоре затем был возведен. В беседе со мною он рассказывал о Лаврских постройках и о доходах, простирающихся до 200,000 рублей; о том, что Митрополит не пользуется третьею частью из братской

кружки, а взамен её получает, сколько следует, из неокладных, или экономических Лаврских сумм.

От Наместника заходил к живущему рядом с ним старшему Петербургскому викарию, преосвященному Палладию⁶⁸: очень красивый собою, добрый и приветливый муж.

Вечером был я у преосвященного Макария⁶⁹, архиепископа Литовского, на Синодальном подворье, в Семеновском полку. Принят был очень ласково, и неудивительно, потому что я ехал в епархию, где у Преосвященного немало родных. Здесь встретился я с Игуменом Павлом (Прусским)⁷⁰, который нередко ездил в Литовскую епархию для собеседования с тамошними раскольниками. Когда о. Павел удалился, и мы остались с Преосвященным вдвоём, у нас началась беседа очень искренняя и откровенная. Преосвященный выражал крайнее неудовольствие на то, что он на место бывшего викария, епископа Иосифа, переведенного на Смоленскую кафедру, представлял Синоду Наместника Виленского Св. Духова монастыря, архимандрита Мелетия⁷¹, и Синод соглашался на это представление, но Обер-Прокурор не пропустил составленного по этому предмету протокола по той причине, что он слышал от Виленского Генерал-Губернатора Альбединского неодобрительный отзыв о поведении Архим. Мелетия. Преосвященный сообщил мне об обстоятельствах Харьковской епархии следующие сведения: а) Архиепископ Нектарий предавался будто бы по временам нетрезвости, и от того редко служил и почти ни разу не обозревал епархии; б) Редактор Епархиальных Ведомостей протоиерей Чижевский заслуживает особенного внимания; в) Харьковское светское общество – приятное.

Утром в этот день Преосвященный Макарий начал производить, по поручению Св. Синода, ревизию Петербургской Д. Академии. Мне рассказывали потом, что профессор Чельцов⁷², читая в его присутствии лекцию о составе Богослужения в древней церкви, стал в тупик и не мог продолжать.

11-го числа в 1 час дня пополудни обедал вдвоём у Высокопреосвященного Митрополита. Речь была о

преосвященном Никаноре, Еп. Аксайском. До сведения Государя доведено показание одного из бывших воспитанников Саратовской Семинарии (где Никанор был Ректором)⁷³, взятого по делу о прокламациях, будто бы он слышал какие-то возмутительные мысли ещё в Семинарии, от самого Ректора. Затем возбудился вопрос о Ректоре Томской Семинарии, Архимандрите Моисее⁷⁴, моём совоспитаннике по Академии. Владыка сказывал, что до Синода дошёл слух, будто Архимандрит Моисей однажды, вследствие нетрезвости, упал в церкви, и потому дальнейшее движение для него к высшим степеням служения преграждено.

12-го – воскресенье – в 2 часа пополудни пожаловал ко мне Обер-Прокурор Св. Синода, Граф Д. А. Толстой. Я не раз, во время пребывания моего в Петербурге, заезжал к Его Сиятельству, но он то был занят приёмом доклада, то уезжал в какой-нибудь Комитет. Между тем я не хотел выехать из Петербурга, не повидавшись с ним. Посему 10-го числа я писал ему следующую записку: «Прибыв, мимоездом к месту нового назначения моего, в Петербург, я не желал бы оставить столицы, не видевшись с Вашим Сиятельством. Третьего дня я приезжал, но не имел возможности видеть Вас. Я был бы весьма признателен, если бы Ваше Сиятельство благоволили назначить день и час, когда бы я мог явиться к Вашему Сиятельству для засвидетельствования моего глубокого почтения. Я располагаю пребыть в Петербурге ещё дня два или три». И вот, вслед за сим, Его Сиятельство сам является ко мне. Граф пробыл у меня более часу. Предметом разговора преимущественно был Харьков. О Харькове вообще и в частности о Харьковской Дух. Семинарии Граф имел очень невыгодное понятие. Ему неприятен был существующий доселе в Харькове «Комитет грамотности»: он называл его зловредным учреждением. В Семинарии заведён был одним наставником литературный журнал, ученики крайне распущены и буйны – у Ректора выбили в квартире стекла. Причину этой распущенности он видел в удалении на чреду в С.-Петербург Ректора Семинарии, Архимандрита Вениамина. И это подало ему мысль настоять перед Синодом, чтобы впредь Ректора

Семинарии не были вызываемы на чреду, а вместо них вызывались бы в Петербург учёные Настоятели монастырей. – По поводу выхода в отставку тогдашнего Попечителя Харьковского учебного Округа Воскресенского, я убеждал Графа перевести в Харьков Виленского Попечителя Н. А. Сергиевского, но он сказал мне на это, что Виленский пост важнее Харьковского и что ему труднее найти кандидата в Вильну, чем в Харьков. На этом прекратилась наша беседа и мы расстались.

В 6 часу был у Высокопреосвященного Митрополита и пил чай. В беседе, между прочим, Владыка говорил, что один из Архиереев (но не сказал–кто) собирает из газет всё, что там пишется о духовенстве худого. О Преосвященном Вениамине, викарии Харьковском, Митрополит отзывался одобрительно.

После краткой беседы мы простились, и я усердно поблагодарил Его Высокопреосвященство за оказанное мне гостеприимство под кровом святой Лавры.

13-го ч. в 2 часа пополудни оставил я Петербург и на другой день, 14-го числа, в 10-ть часов утра прибыл в Москву и остановился в Чудове монастыре.

Между тем, за несколько дней пред сим, из Москвы выехал мой преемник по Полоцкой кафедре, Преосвящ. Викторин. Пробывши в Москве пять дней и не дождавшись меня, он отправился на родину, свою, в Калужскую епархию, написав мне из Москвы два письма: одно от 6-го Января, а другое от 8-го числа.

В первом письме Преосвященный писал мне:

«Приветствуя Вас с новым годом и с назначением на новую почетнейшую кафедру, смиреннейше прошу простить меня, что я не сделал этого прежде, даже и тогда, когда призывал воплотившегося ради нашего спасения Господа Иисуса Христа благословение на Богом вверяемую моему недостойнству Вами достойно пасомую Витебскую паству. По дошедшим до меня газетным слухам, я думал, что Ваше Преосвященство ещё пред праздниками отбыли из Витебска в Харьков и положил писать к Вам, Владыко святой, по моём прибытии в Витебск, чтобы поблагодарить – от всей души поблагодарить Ваше Преосвященство за то, что Вы сделали для управляемой Вами

церкви Витебской, и попросить Ваших советов и указаний касательно предстоящей мне там деятельности, что бы она была, в одном духе и направлении, к славе Божией, спасению пасомых и благу возлюбленного нашего отечества! Уже пред выездом из Казани, когда поданы были лошади и собралось множество народа проводить меня, я получил телеграмму, из которой узнал, что Вы ещё не выезжали из Витебска. Получа эту телеграмму за несколько часов ранее, я бы и сам остался ещё на несколько дней в Казани и дал бы простор бывшей пастве Вашей, как следует, проститься со своим благодетелем-Архипастырем, и потом уже самому прибыть туда продолжать, Богу нам содействующу, начатое Вами и Вашим предшественником дело Божие. Впрочем, и теперь я дал знать О. Архимандриту Аркадию⁷⁵ телеграммой и письмом и Вашему Преосвященству пишу и прошу Вас не стесняться моим отъездом из Казани, и не торопиться своим выездом из Витебска. Я пробуду ещё несколько дней в Москве; потом заеду на родину в Калужскую губернию и в Калуге буду ждать уведомления об окончании Вами Ваших дел в Витебске, и по получении этого уведомления предприму и свой путь туда. Я полагал бы прибыть в Витебск между 15–20 января, чтобы самому познакомиться со всеми о. о. Благочинными и чрез них с епархиальным духовенством. Впрочем, если Вы, Владыко святой, признаете такое моё прибытие в Витебск рановременным, уведомьте меня об этом, и я поступлю по Вашему указанию. В Москву я прибыл 5 января утром; сейчас, после обедни, съездил только повидаться с Преосвященным Игнатием, да заехал к Иверской, и вернулся в квартиру, отведенную мне в Покровском монастыре, откуда и пишу к Вам эти строки. Извините, что пишу на бумаге не надлежащей, – такая оказалась, да и перо стальное, которым я не привык писать.

Владыко святой! Ещё бывши в Тифлисе⁷⁶, куда Вы меня из Москвы, по радушном приёме, провожали, зная хорошо Вас и узнавши о Вашем назначении в Витебск, я радовался за церковь Витебскую, что Бог посылал ей такого Архипастыря, который может оказать ей большие услуги и сделать много

добра. Теперь, по назначении меня в Ваши преемники, я успел уже несколько ознакомиться с тем, что Вы там сделали. О, да благословить Вас Господь Бог за все Ваши труды, заботы и благодеяния для бывшей Вашей Паствы, а за те скорби, какие Вы имели, неся бремя пасения этой паствы, да пошлет Вам утешение на новом месте, куда Вас призывает Тот, без воли Коего и волос с головы не падает! Святое имя Ваше, конечно, неизгладимо запишется в сердцах бывших духовных чад Ваших. Прошу и Вас, досточтимейший Архипастырь, не забывать прежнего словесного стада своего и его нового недостойного Архиерея, и не оставлять своим вниманием, а наипаче Вашими тёплыми молитвами о нас к Господу!

Прошу Вас, Преосвященнейший Владыко, усерднейше прошу указать мне тех лиц, на которых бы я мог полагаться в будущем служении, что они будут служить благу св. церкви особенно усердно и добросовестно. Не оставьте также сообщить мне, на что я, по вступлении своём в управление епархией, должен буду особенно и прежде всего обратить свое внимание. Помогайте мне, Владыко святой, своим знанием края и своею опытностью. Все Ваши указания я буду принимать с полным вниманием и искреннею благодарностью».

Второе письмо от 8-го ч. следующего содержания:

«Проживши 5-ть дней в Москве, я нахожу неудобным оставаться здесь далее и сейчас отправляюсь в Витебск чрез Серпухов, чтобы заехать ещё на родину помолиться на могиле отца и матери. Сегодня я слышал от Преосвященнейшего Леонида, что и Вы имеете быть в Москве.

Прошу Вас, Владыко святой, при свидании с Вашими знакомыми Московскими благотворителями Полоцкой церкви, попросить их, чтобы они и по отбытии Вашем из Витебска не прекращали своих благодеяний бедным церквям Витебской епархии, чтобы показать этим, что они почитают Вас и, по Вашему указанию, и после Вас готовы продолжать те добрые дела; на которые Вы их направили. Я уверен, Владыко святой, что для Вас навсегда останется дорогою Церковь Полоцкая и всякое её преуспевание будет радовать Вас. Поэтому я надеюсь, что не откажете мне, как в настоящей моей просьбе, касательно

продолжения материальной ей помощи от щедрот Московских христороубцев, так и в других моих к Вам, быть может, многих просьбах, касательно внутреннего её благоустройства. Несколько дней назад я послал Вам письмо в Витебск; но оно, вероятно, уже не застало Вас там. Помолитесь, Владыко святой, чтобы мне, Вашему преемнику, благоуспешно продолжать пасение и благоустройство дорогой для сердца Вашего Полоцкой церкви. Со своей стороны желая и Вам всех милостей Божиих и моля Господа Бога о благопоспешении Вашем в служении благу церкви Харьковской, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью».

Так как это последнее письмо получено было мною в Москве, именно, в день приезда моего сюда, то я отсюда же и написал моему почтенному преемнику ответ. И вот что писал я Его Преосвященству от 25-го числа:

«По оставлении мною Витебска, я никому ещё не писал туда: первое моё письмо к Вашему Преосвященству, как этому и быть надлежит. Усердно приветствую Вас на новой кафедре; да благопоспешит Вам Пастыреначальник Господь Иисус Христос в продолжении начатых мною трудов к благоустройению Полоцкой паствы!

Письмо Вашего Преосвященства от 8-го текущего месяца я имел удовольствие получить; а другое, о котором упоминаете, вероятно, ожидает меня в Харькове.

Очень сожалею, что не мог я встретиться с Вами в Москве, куда я прибыл 14-го числа. Свидание наше могло бы послужить к взаимному утешению. Относительно продолжения благотворений для церкви вверенной Вашему Преосвященству епархии я говорил с некоторыми из благотворителей, но они выразили сожаление, что не могли лично познакомиться с Вами. Только некоторые из почетных блюстителей духовно-учебных заведений не отказываются продолжить свои благодеяния для этих заведений.

Впрочем, для Вашего Преосвященства теперь уже меньше должно быть забот о материальных нуждах церквей, нежели было для меня. По крайней мере Ваш Кафедральный Собор снабжен мною, при помощи Московских благотворителей, всем

потребным с избытком. Большого внимания и попечения Вашего, в настоящую пору, заслуживают бедные вдовы и сироты, о которых в последнее время и я более заботился, нежели о церквях.

Приложенные при сем сто рублей благоволите, Преосвященнейший Владыка, вручить вдове недавно умершего Протоиерея Д. Преображенского⁷⁷, примерного Законоучителя Витебской Гимназии. Помощь эту оказывает ей, по моему ходатайству, супруга бывшего Обер-Прокурора Св. Синода Графа А. П. Толстого Графиня Анна Георгиевна. Пусть вдова Преображенская поблагодарит за эту помощь Графиню, которой адрес: в Москве, на Садовой, в приходе церкви Покрова в Кудрине, в собств. Доме».

По прибытии в Москву, я поспешил отправиться в Иверскую часовню для поклонения Чудотворной иконе, а оттуда на Саввинское подворье, для свидания с другом своим, Преосвященным Леонидом. После краткой с ним; на первый раз, беседы, я поехал от него к Генерал-Губернатору, Князю Владимиру Андреевичу Долгорукову⁷⁸, который принял меня очень любезно и пригласил на другой день у него кушать вместе с Преосвященным Леонидом. В Богоявленском монастыре, куда я заезжал к Преосв. Игнатию⁷⁹, нашел я Ректора Московской Д. Академии, Протоиерея А. В. Горского⁸⁰, который приезжал в Москву лечиться от изнулившей его тяжелой болезни. А сущность его болезни заключалась, как мне сказывали, в перерождении сосудов. Болезнь эта, бывшая следствием замкнутой, сидячей жизни, требовала совершенного удаления от учёных занятий.

15 числа в 5-ть часов обедал у Князя Долгорукова с Преосвященным Леонидом и с духовником Князя Протоиереем А. О. Ключаревым⁸¹. Вечер провел в беседе с Преосв. Леонидом и братом его директором народных училищ А. В. Краснопевковым⁸². В беседе, между прочим, коснулись современного тогда вопроса о духовно-судебной реформе. Кто-то говорил тут, Преосвященному Литовскому Макарию, Председателю Комитета по составлению проекта этой реформы, потерпевшему совершенную неудачу, придумано, для восстановления его репутации и утешения в неудаче, поручение

ревизии Духовных Академий. О профессоре Московского Университета, читавшем каноническое право, Н. К. Соколове⁸³, который прежде проповедывал в защиту судебной архиерейской власти, а потом совершенно изменил свой взгляд на этот предмет в угоду известной партии, – говорили, что он по необходимости должен был поступить, чтобы удержаться на своём месте: иначе угрожала ему опасность удаления от должности вследствие нетрезвости, доходившей до крайних будто бы пределов и вскоре затем сведшей его в могилу.

В 3 часа обедал у Преосвященного Леонида с братом его А. В. Краснопевковым. После обеда отправились в Алексеевский женский монастырь, где посетили игуменью Антонию⁸⁴ и сестру Преосвященного В. В. Ушакову⁸⁵ которая, по болезни, оставив службу при Николаевском Институте, поместилась в Алексеевском монастыре, и здесь занималась обучением Сербских, Болгарских и других славянских девиц, для коих незадолго пред тем открыто было при монастыре, по мысли Преосвященного Леонида, училище. Мы посетили и это училище и слушали пение национальных песен Сербских и Болгарских: девицы пели очень стройно. Я дал им несколько рублей на чай.

Возвратившись на Саввинское подворье, я рассматривал драгоценные подарки, сделанные Преосвященному Леониду по случаю 15-тилетия юбилея его в сане епископском, совершившегося 26-го апреля 1874 г.⁸⁶

17-го ч. пятница. Слушал раннюю литургию в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Затем отправился в Храм Христа Спасителя, и оттуда проехал в Воскресенскую церковь на Остоженке, недавно обновленную: стенная живопись необыкновенно изящна; ей соответствуют и прочие богатые украшения. Настоятель этой церкви, священник Гр. Петр. Смирнов-Платонов⁸⁷ – мой товарищ по Академии. Я хотел его посетить; но мне сказали, что он нездоров, – страдает душевным расстройством вследствие напряженных умственных занятий, по изданию духовного журнала «Православное Обозрение»⁸⁸, коего он долгое время был главным редактором.

Вечером того же числа вместе с Пр-м Леонидом был я у Ректора Университета С. М. Соловьёва⁸⁹. Здесь видел сына

Сергея Михайловича Владимира⁹⁰ – молодого философа, прославившегося магистерской диссертацией⁹¹ и затем публичными лекциями в Петербурге «О Богочеловечестве Иисуса Христа»⁹²: юноша высокого роста, сухощавый, с длинными черными волосами, постоянно сосредоточенный в себе и малоразговорчивый. На этом же вечере в первый раз встретился я с профессором астрономии Бредихиным⁹³; беседовал с ним и слушал его интересные рассказы по части его специальности. Затем общие разговоры были об Истории России, об Екатерине II, об изучении Прусскими офицерами русского языка и проч.

17-го ч. писала мне из Витебска Начальница духовного училища, Баронесса М. А. Боде⁹⁴:

«Завидую этому листку, который отправляется к Вам. Хотела бы вложить в него душу свою, чтобы она выразила Вам всю преданность, которою переполнена, всю признательность за Ваше постоянное, благосклонное внимание, за Вашу дружбу –позвольте мне это выражение!..

«От полноты сердца уста глаголят»... со мною не так! Мои уста молчат, когда полно сердце; они не умеют выражать моих чувств; слова, кажется, недостаточны и просто нейдут с языка, особенно среди многолюдного собрания.

Пока Вы были между нами в эти незабвенные прощальные дни, мы всё ещё считали Вас своим; нам всё не верилось, что мы с Вами *прощаемся*, и только когда исчез из глаз поезд, уносивший Вас, тогда оборвалось что-то в сердце и мы поняли, что потеряли Вас безвозвратно!.. Так грустно проезжать мимо опустелого Вашего дома, и знать, что никогда уже более встретить в нём Ваш светлый, благосклонный взор, Ваше приветливое слово!..

Пусть же моё письмо *первое* приветствует Вас на новоселье своими искренними добрыми желаниями; пусть хотя Вам будет радостна эта перемена, пусть Вам живётся хорошо на новом месте; это несколько утешить нас в нашей невозвратной, потере.

Сестра моя свидетельствует Вам своё душевное глубочайшее почтение; все служащие при училище и

воспитанницы также; все мы неутешны; все низко Вам кланяемся и просим Вашего Архипастырского благословения. Благословите нас, Преосвященнейший Владыко, и вспомните нас грешных в своих молитвах; мы твёрдо верим, что Ваши святые молитвы, Ваше благословение и издали низведут на нас благодать Господню.

Примите, Преосвященнейший Владыко, выражение чувств глубочайшего почтения и неизменной преданности, с коими имею честь пребыть» и проч.

18-го ч. писала мне из Витебска Начальница женской Гимназии А. П. Ушакова:

«Сегодня ровно две недели, как звон колоколов возвестил, что Вы, наш добрый, высокочтимый Владыко, покинули паству Полоцкую.

Сегодня снова звон колоколов: въезжает в 3 ч. и входит с крестным ходом (из церкви Петра и Павла) в собор новый Епископ Полоцкий. Толпы народа страшные. По желанию Губернатора⁹⁵ мы все являемся в Собор, куда он приехал сам, как только доложили, что крестный ход вышел из Петро-Павловской церкви. Мы дожидались долго; наконец, широко растворились двери, внесли хоругви, хлынул народ, слышалось слабо, что Покровский⁹⁶ у входа говорить приветственную речь; но какую и что – не знаю. Начался очень краткий молебен, скорее – лития. Преосвященный взошёл на амвон, стоял с крестом, Нектарий⁹⁷ возглашал многолетие; сейчас же запели: «Правило веры и образ кротости», во время которого Архиерей прикладывался к образам и помолился у престола, потом, держа жезл, он обратился к народу с речью: «благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Св. Духа буди со всеми вами», – говорил он очень долго и очень громко, почти кричал, вероятно для того, чтобы все его могли слышать... Мне показалось умно, – да очень громко... К духовенству было включено в речи много внушительных, энергичных обращений... Закончилась речь словами начала её. Преосвященный пошёл с амвона благословлять. Павел Яковлевич⁹⁸ подошёл к нему, – говорил ему что-то, после чего вместе, в сопровождении свиты

мундиров и некоторых именитых дам, пошли в Архиерейский дом. Меня звали туда же идти, но я и не подошла, и не пошла – устала сильно. – Воздерживаюсь предрешать будущее, а передаю лишь факты настоящего. Преосвященный высокого роста, рыжеватый, ещё молодой, наружность его благовидная, но характерная: он громок и скор в движениях, вот всё, что я позволю себе сказать. Остальное покажет будущее.

Воскресенье 19 Января.

Была Архиерейская обедня: собор был переполнен – новинка! Служба была долгая: до 12 1/2 ч. без молебна! Скажу определеннее: старым людям, как я, трудно усваивается всё новое, непривычное. Говорил проповедь какой-то незнакомый священник – прекрасную: краткую, простую, живопрочувствованную. – После «буди имя Господне» Архиерей снова вышел говорить проповедь: «Призри с небесе Боже и виждь» и проч. – говорил тише, но также как и вчера, только уже одной пастве, но не пастырям... Но, довольно об этом!

Вероятно, Вы уже Владыко в Харькове? Да не в один ли день звонили и у Вас колокола? Когда и под какими впечатлениями въехали Вы в Харьков? Здоровы ли, довольны ли, покойны ли Вы теперь?»

19-го ч. воскресенье. Служил литургию в Алексеевской церкви Чудова монастыря.

20 ч. понедельник. В 7-мь часов утра отправился я в Троицкую Лавру, куда прибыл к самому началу поздней литургии. После литургии выслушал молебен преп. Сергию и литию при гробе в Бозе почившего Митрополита Филарета.

Затем посетил болящих, о. Наместника Лавры, Архимандрита Антония⁹⁹ и о. Ректора Академии, Протоиерея А. В. Горского¹⁰⁰. От первого получил в благословение образ Явления Божией Матери Преп. Сергию.

По распоряжению о. Наместника, для меня приготовлен был в Митрополичьих покоях обед, к которому приглашен был Инспек. Академии С. К. Смирнов¹⁰¹ и Профессор В. Д. Кудрявцев¹⁰².

После обеда осматривал Академическую церковь и актовый зал. Для церкви обещал я прислать из Харькова список с

Чудотворной Озерянской иконы Божией Матери, – что и исполнил.

Вечерний чай пил в семействе почтенного Инспектора Академии С. К. Смирнова. Здесь в беседе, между прочим, слышал, что 1) Министр Народного Просвещения, Граф Толстой¹⁰³, вследствие удовлетворительного объяснения, данного по поводу записки Шефа Жандармов о причине происходивших тогда в некоторых высших учебных заведениях волнений, приобрел будто бы ещё более доверия у Государя, и что 2) Государь, бывши в Москве, сказал будто бы Каткову¹⁰⁴: «продолжай писать в том же направлении; Я тебе верю».

В 10-ть часов вечера возвратился я в Москву.

23 ч. четверг. Послал я в Петербург Высокопреосвященному Митрополиту Иннокентию письмо следующего содержания:

«Прибыв из Петербурга в Москву утром 14-го числа, я водворился, с соизволения Вашего Высокопреосвященства, под кровом Св. обители Михаила Архангела¹⁰⁵ и здесь провел 10-ть дней, благодаря доброму усердию о. Наместника¹⁰⁶, мирно и спокойно.

В понедельник, с ранним поездом, отправился в Лавру Пр. Сергия и оттуда возвратился вечером в тот же день, поклонившись святыне и повидавшись с моими добрыми знакомыми в Лавре и прежними сослуживцами в Академии. О. Наместника Лавры я нашел сидящим на одре болезни, но ещё не совершенно изнемогающим. Отца же Ректора Академии, к крайнему прискорбию, нашёл в крайне расстроенном состоянии здоровья.

Завтра, если Бог благословит, оставлю гостеприимную Москву и отправлюсь в дальнейший путь. Но не могу оставить первопрестольного града, не выразив Вашему Высокопреосвященству моей глубокой признательности за дарованное мне в ограде Чудовской обители убежище во всё время пребывания моего в Столице».

Вечером Преосвящ. Леонид пил у меня в Чудовом чай, и мы много беседовали с ним о разных церковных делах. Затем поехали на Саввинское подворье, где приготовлен был ужин, к которому был приглашен Кафедральный Протоиерей М. Изм.

Богословский¹⁰⁷. После ужина Преосвященный ввёл меня в алтарь своей домово́й церкви и здесь, прочитавши молитву: «Владыко Многомилостиве...», благословил меня лежавшим на престоле образом Преп. Саввы Звенигородского. Затем мы простились и увы! на веки...¹⁰⁸

24-го ч., в пятницу, в 12 ч. 30 м. дня я оставил Москву¹⁰⁹.

В 3 1/2 ч. прибыль я на Серпуховскую станцию, где встречен был о. Мелетием, настоятелем Высоцкого монастыря. В монастыре ожидал нас роскошный обед, за которым подавалась какая-то необыкновенно вкусная сибирская рыба.

Высоцкий монастырь, при новом Настоятеле, во всех отношениях значительно изменился к лучшему, после того как я видел его в последний раз в 1865 году.

Вечер проведен был мною в искренней дружеской беседе с о. Архимандритом Мелетием.

25 ч. – день кончины моего родителя (в 1819 г.) и вместе день моего посвящения во священника к Муромскому Богородицкому Собору (в 1842 г.). Поэтому я просил на литургии помянуть родителя и прочих сродников, а после литургии отслужить благодарственный молебен с запевами св. Григория Богослова, коему в этот день творится празднование, Богослужение в обители совершается чинно и пение стройное, на подобие Лаврского. Настоятель, когда не служит, стоит на клиросе и сам поёт с братией. После обедни осмотрены были мною все монастырские церкви.

После обеда в 4 часа отправился в дальнейший путь, предваривши Преосвященного Тульского телеграммою о том, что я располагаюсь провести в Туле сутки и прошу у Его Высокопреосвященства помещения.

В 7 ч. вечера прибыль я на Тульскую станцию, где встречен был Экономом Архиерейского дома. Когда я приехал в Архиерейский дом, Преосвященный Архиепископ Никандр¹¹⁰ слушал в своей домово́й церкви всенощную готовясь на другой день служить литургию в Кафедральном Соборе.

С Преосвященным Никандром я был знаком, когда он был ещё Архимандритом и Ректором Семинарии. С ним виделся

потом в 1867 г. в Троицкой Лавре, на юбилейном торжестве покойного Митрополита Филарета.

Преосвященный принял меня очень радушно. По окончании всенощной, он предложил мне чай и ужин, за которым немало беседовали мы о разных церковных предметах, между прочим, о духовно-судебной реформе. Оказалось, что он не представлял ещё своего отзыва о проекте этой реформы.

Тульский Архиерейский дом довольно просторен, в особенности обширна зала, разделенная посредине колоннами, но покои расположены не очень удобно. При доме довольно большая церковь, которая, однако ж, содержится недовольно опрятно. В ней Архиерейское служение бывает, как мне сказывали, очень редко.

26 ч. воскресенье. В 10 часу отправились мы с Преосвященным в Кафедральный Собор. Служение совершалось в тёплом храме. При служении замечены были мною следующие особенности: а) входные молитвы читались при отверстых царских вратах; б) на малом входе священника, на которого возлагался набедренник, протодиакон вводил чрез царские врата в алтарь для целования престола; в) трикирий и дикирий сплетены вверху в одну свечу; г) во время чтения Апостола Иподиаконы стоят по сторонам архиерея с трикирием и дикирием. — На вопрос: откуда заимствованы эти особенности? Преосвященный отвечал мне: я сам их выдумал; мне так нравится. *Sic volo, sic jubeo...*

Перед обедом Преосвященный показывал мне: 1) холодный Кафедральный Собор: храм очень высокий, но не обширный; иконостас сплошь золоченый, паникадило и подсвечники пред местными иконами также золочены; 2) Семинарию, и 3) женское духовное училище.

Обедали вдвоём. За обедом и долго после обеда беседовали о разных предметах и лицах; между прочим, Преосвящ. Никандр почему-то очень резко отзывался о почившем в Бозе Московском святителе Филарете и говорил, что он не отвечал даже на письма Митрополита. Но Преосвященный Никандр признался мне, что он почти и никому и никогда ни о чем не пишет.

В 7-мь часов гостеприимный хозяин проводил меня на станцию железной дороги. Простившись с ним, я сел в свой роскошный вагон и долго-долго размышлял о всём, мною виденном и слышанном во граде Туле.

27-го ч., в 7-мь часов утра, приехал я в Курск. Здесь, на станции, встретил меня командированный Консistorией Ключарь Харьковского Кафедрального Собора, Протоиерей Симеон Илларионов¹¹¹, который своим наружным видом и почтительным со мною обращением произвел на меня приятное впечатление.

Со станции привезли меня в Архиерейский дом, где с нетерпением, как я слышал, ожидал меня Преосвященный Сергей. Но и для меня весьма утешительно было ещё раз встретиться и братски побеседовать с добрым и досточтимым моим наставником, начальником, восприемным отцем по монашеству и предместником по должности Ректора Академии. При нашем взаимном свидании, вопросам и расспросам не было конца, тем более что я приехал с немалым запасом разных новостей из двух столиц. Беседовали перед обедом, беседовали за обедом, беседовали и после обеда до позднего часа. Преосвященный, между прочим, с горечью рассказывал мне об обстоятельствах ревизии, произведённой предшественником моим по Харьковской кафедре, Архиепископом Нектарием, по поводу ябед и доносов на него (т. е. Преосвящ. Сергея) от негодного священника Попова. Нельзя было не приметить, что ревизия эта оставила в душе Преосвященного Сергея глубокие следы.

К обеду приглашены были Члены Консistorии и Секретарь. После обеда ездили мы с Преосвященным в его загородный дом и там довольно долго гуляли вдвоём по расчищенным дорожкам сада.

28 ч. вторник. Вставши в 4 ч. утра, в 7 часов я был уже со своим новым спутником О. Протоиереем Илларионовым на станции железной дороги. – От Курска до Харькова не более 8-ми часов езды. Дорогой немало слышал я от своего спутника и утешительного и не весьма отрадного.

В 3 часа по полудни прибыл я, наконец, в богоспасаемый град Харьков† благополучно.

На станции железной дороги встретили меня: Начальник губернии Свиты Его Величества Генерал-Майор Князь Дмитрий Николаевич Кропоткин, Градский Голова, Председатели губернской и уездной Земских Управ и Съезда Мировых Судей, Ректор Дух. Семинарии Протоиерей Энеидов¹¹², Члены Д. Консистории и депутаты от духовенства.

Со станции отправился я в поданном мне экипаже, запряженном, к немалому удивлению моему, парю, а не четверней, архиерейских лошадей, прямо в Кафедральный собор. Здесь встречен я был, при многочисленном стечении народа, градским духовенством, под председательством Преосвященного Вениамина, Епископа Сумского викария Харьковской епархии. Он приветствовал меня речью в следующих выражениях:

«Преосвященнейший Владыко!

Как великий дар, как особенную милость обещал Господь Бог избранному своему народу дать ему пастырей по сердцу своему (Иер.3:15).

Определяя благодетельное действие своих истинных пастырей среди народа, Господь сказал: *и упасут вас разумом и учением*. Слово: *упасут* означает то же, что спасут, или сберегут целыми для жизни вечной, которая составляет предмет всех желаний человеческого сердца и венец всех попечений Божиих о человеке.

Веруем в любовь Господа, какую Он имеет к своим людям, составляющим Его Церковь, и с какою Он посылает Тебя, наш новый Архипастырь, для управления здешнею Церковью. Веруем и не сомневаемся, что Ты исходишь к нам от лица Господа с благодатию святительского служения церкви и с великими дарами духовными, которыми питается и поддерживается внутренняя жизнь верующих в Господа Спасителя душ. А потому и встречает Тебя новая паства твоя с такими чувствами и расположениями, какие только может питать она к своему истинному по сердцу Божию Пастырю.

Как видимое знамение, подтверждающее и оправдывающее собою верность таких наших мыслей и чувств, служит для нас священной поре, в которую совершилось Твое к нам назначение. Мы известились об этом назначении в то самое время, когда Церковь готовилась совершить самое радостное и светлое свое торжество о явлении в мир Великого Совета Ангела, мир подавающа, – и Твое освященное имя, как Пастыря здешней Церкви, впервые возведено в церкви при хвалебных гласах слышанного некогда пастырями Вифлеемскими славословия Ангелов небесных.

С той поры и от того торжественнейшего дня наши сердца обратились к Тебе, как своему возлюбленному и Богом даруемому нам Архипастырю, которого мы желали скорее узреть лично среди нас.

И вот, этот вожденный и торжественный для всех нас день настал. Почему и приветствуем твой приход к нам самым высоким и торжественным приветствием церкви: благословен грядый во имя Господне!»

Приложившись к кресту и окропив себя св. водою, я, облаченный в мантию, вступил, при пении церковной песни: «днесь благодать Св. Духа нас собра...», в теплый храм собора. По выслушании краткого молебствия с обычными многолетиями, я вошел в алтарь и приложился к св. престолу.

Из собора отправился в Покровский монастырь, при котором находится Архиерейский дом. Здесь, в главном храме, приложившись к чудотворному образу Божией Матери, именуемой Озерянскою, я чрез Крестовую церковь вошёл в свои Архиерейские покои, где в зале ожидало уже всё городское духовенство. Здесь, после краткой ектении и обычного отпуста, братский духовник, Архимандрит Иона¹¹³ поднёс мне образ – копию с чудотворной Озерянской иконы Божией Матери и обратился ко мне со следующими словами:

«Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь!

С радостью встречаем и приветствуем Ваше Преосвященство с благополучным прибытием на Харьковскую паству. Братия Архиерейского Вашего Преосвященства дома смиреннейше просит Вас, Милостивейший Архипастырь,

принять св. образ Божией Матери – Озерянской, покровительницы града нашего и страны и св. Обители. Царица Небесная да будет благою споспешницею Вашему Преосвященству в деле Архипастырского Вашего служения на новой пастве, Всевышним Промыслом Вам предназначенной.

Мы же, дети и послушники Ваши, вверяя себя отеческой любви и св. молитвам Вашим, просим Архипастырского Вашего Преосвященства благословения, да поможет нам Господь и Вашему Преосвященству послужить с тою ревностью, преданностью и покорностью, с какими обыкли мы совершать сие прежним нашим Архипастырям по долгу нашего звания».

Вслед затем Благодичный Харьковских Градских церквей, Кафедральный Ключарь, Протоиерей Симеон Илларионов приветствовал меня, от лица Харьковской паствы, в таких выражениях:

«Ваше Преосвященство!

С веселием сердца и полным благодарением сретает Тебя паства Харьковская.

Чувства глубокой преданности, любви и искренней благодарности, выраженные Тебе паствою Полоцкою, при разлуке с Тобою, внедрились в сердца наших крепкую надежду, что в Твоем уме и сердце есть много счастливого и для нас. Милостивейший Архипастырь, в лице предстоящих служителей алтаря протоиереев и иереев пред Тобою вся паства Харьковская, врученная Твоему руководительству Богом и державной Властью. Паства эта всегда имела счастье пользоваться любовью своих Архипастырей, целый ряд Твоих предместников не только озаряли ее своею высокою мудростью, но и согревали отеческою любовью, бодро стояли на страже благочестия и нравственности духовенства. Приими, Преосвященнейший Владыко, и Ты нас в Твою отеческую любовь; аще назриши стропотная исправи в правая и острая в пути гладки и ими же веси судьбами и Богоданною Тебе властью и твоею мудростью и отеческою любовью веди нас к Пастыреначальнику Господу Иисусу. Мы же приносим Тебе готовность хранить всегда сыновнее послушание и даем Тебе обет творить ничесоже более повеленного тобою».

Преподав всем, находившимся в зале, благословение, я обратился к духовенству с следующими краткими словами:

«Я пришел к вам с доброю надеждою на взаимные мирные между нами отношения; а Вас прошу принять меня с любовью, которую я постараюсь заслужить, впрочем не столько излишнею снисходительностью, сколько справедливым и беспристрастным действием. Вы можете быть уверены в моей прямоте и искренности при моих с вами сношениях; о том же прошу и вас в отношении ко мне».

Отпустивши духовенство, я неожиданно встретил у себя в кабинете одного из моих Московских благодетелей по Витебску, именно, купца Н. А. Молодцова¹¹⁴, который, по окончании Крещенской ярмарки, на несколько дней остался в Харькове, чтобы встретить меня здесь. Я обрадовался ему как близкому родному и оставил его у себя обедать.

29-го января, после ранней литургии, я велел совершить в моём новом жилище водосвятный молебен и окропить св. водою все комнаты. (Харьковский архиерейский дом каменный четырехэтажный; при нём четыре церкви, – из коих Покровская до 1846 г. была Кафедральною церковью Харьковских архиереев).

Затем всё утро прошло в приеме поздравителей; были: Начальник губернии с подчинёнными ему чиновниками, Попечитель Учебного Округа, Председатель Судебной Палаты с двумя Членами; уездный Предводитель Дворянства, Градские церковные старосты и проч.

На следующий день сам я выезжал в город для визитов. Затем употреблено было несколько дней для обозрения городских церквей и духовно-учебных заведений. Наконец, надлежало приступить к исполнению обычных служебных обязанностей.

Но прежде, чем приступить к описанию моей деятельности на новой кафедре, я представлю краткий очерк Харьковской епархии и той ближайшей среды, в которой мне надлежало действовать.

Харьковская, самостоятельная, епархия не из древних русских епархий: она учреждена 16-го Октября 1799 г. –

Вошедшие в состав её православные церкви *Слободской Украйны* отделены были от епархии Белгородской, и образовали таким образом особую епархию под названием *Слободско-Украинской*. В 1836 г. она переименована была *Харьковскою* по имени главного епархиального города.

1) Первым епископом Слободско-Украинской епархии был Христофор Сулима из викариев Феодосийских¹¹⁵.

За ним были:

2) Аполлос Терешкевич, с 14 Октября 1813 г. по 20 Января 1817 г.¹¹⁶

3) Павел Сабботовский, с 18 Февраля 1817 г. по 1826 г.¹¹⁷

4) Виталий Борисов-Жигачёв, с 28 Февраля 1826 г.; 12 Марта 1832 г. переведён в Астрахань.¹¹⁸

5) Иннокентий Александров, с 26 Марта 1832 г.; 22 Июня 1835 г. переведён в Иркутск.¹¹⁹

6) Мелетий Леонтович, архиепископ, с 22 Июня 1835 г.; скончался 29 Февраля 1840 г. – При нём епархия из Слободско-Украинской переименована в Харьковскую.

7) Смарагд Крыжановский, архиепископ, с 6 Апреля 1840 г.; 5 Февраля 1842 г. переведён в Астрахань.¹²⁰

8) Иннокентий Борисов, с 26 Февраля 1842 г.; 1 Марта 1848 г. перев. на Херсонскую кафедру.¹²¹

9) Елпидифор Бенедиктов, с 1 Марта 1848 г. до 6 Ноября того же года, а затем Епископ Подольский.¹²²

10) Филарет Гумилевский, с 6 Ноября 1848 г.; 7 Апреля 1859 г. перемещён на Черниговскую кафедру.¹²³

11) Макарий Булгаков, с 18 Апреля 1859 г.; 10 Декабря 1868 г. переведён на Литовскую кафедру.¹²⁴

12) Нектарий Надеждин, с 21 Января 1869 г.; 7 Сентября 1874 года скончался.

13) Савва Тихомиров, с 7 Декабря 1874 г.

В 1874 г. православных церквей в Харьковской епархии было 803. – При них состояло протоиереев и священников 868, из коих 18-ть человек получили высшее академическое образование, – (8 магистров и 10 кандидатов). Вследствие же нового расписания приходов и причтов, произведенного по Высочайше утвержденному в 7-й день апреля 1873 г. штату, из

числа 868 священнослужителей было 126 священников *сверхштатных*.

Паства Харьковской епархии состояла в 1874 г. из 1,699,951 души обоего пола, в том числе *раскольников* 4974 души разных сект, а именно: а) приемлющих священство Австрийского пострижения – 876 душ; б) беспоповцев, приемлющих браки и приносящих молитвы за Царя – 3829 душ; в) беспоповцев, не приемлющих браков – 100 душ; и г) шалопутов и скопцов – 169 душ.¹²⁵

О духовенстве и пастве Харьковской епархии ещё в 1859 г. сделан был автором «Историко-статистического Описания Харьковской епархии»¹²⁶ такой отзыв: «Как духовенство епархии – духовенство образованное и ведёт себя весьма прилично званию своему, так и паства отличается многими прекрасными качествами. И объяснением сему служить то, что в Харькове рано открыт был Коллегиум, а в числе духовенства в прежнее время много было дворян, которые свой дух и правила жизни, растворенные духом христианским, распространили как на всё духовенство, так частью и на паству».

В 1874 г. в Харьковской епархии существовали следующие монастыри:

А) Мужские:

1) *Покровский*, бывший училищный ныне Архиерейской кафедры, основанный в 1826 г. в самом г. Харькове.

2) *Куряжский Преображенский*, 2-го класса, в 8-ми верстах от Харькова.

3) *Святогорская Общежительная Пустынь*, в Изюмском уезде.

4) Пустынножительный *Троицкий* монастырь, в 4-х верстах от г. Ахтырки.

5) Вновь создающийся на средства землевладельца К. Хрущева в селе Рясном Ахтырского уезда, *Свято-Димитриевский*.

Б) Женские:

6) *Хорошевский Вознесенский* 2-го класса, в 18-ти верстах от Харькова.

7) *Верхо-Харьковский Николаевский*, нештатный, в 40 верстах от Харькова.

8) Скорбященская Община в г. Старобельске.

Число монашествующих во всех монастырях, в 1874 г., за исключением находившихся на искусе, было: а) монахов 185 и послушников 200; б) монахинь 70 и послушниц 143; и в) сестер в Общине 92.

О каждом монастыре и общине подробнее сказано будет в своём месте.

Духовно-учебных заведений в Харьковской епархии в 1874 г. было пять: Семинария, 3 духовных училища мужских и одно женское.

В Духовной Консistorии, при моём прибытии в Харьков было 4 штатных Члена и 2 сверхштатных.

Канцелярия Консistorии состояла под начальством секретаря, из 4-х столоначальников, Казначея, регистратора, архивариуса и 5-ти канцелярских чиновников.

В Попечительстве о бедных духовного звания состояли: три протоиерея и три священника; секретарь попечительства также священник.

Так как, при моём общественном положении, приходилось мне нередко иметь отношения и к светской среде, то я упомяну здесь и об учреждениях, состоящих вне церковной сферы. В Харькове, как в одном из значительнейших провинциальных городов Российской Империи, кроме обыкновенных губернских учреждений, находились следующие высшие учреждения: I) по учебному ведомству – Университет, Ветеринарный Институт, Институт благородных девиц; II) по Министерству Юстиции – Судебная Палата; III) по Министерству Военному – Военно-Окружной Совет под председательством Командующего войсками Округа и проч.

Обращаясь к ближайшей среде, в которой мне суждено было действовать на Харьковской кафедре.

Прежде всего скажу несколько слов о братии Покровского монастыря, при котором находится Архиерейский дом.

Харьковский Покровский монастырь основан в 1726 г. Белгородским Епископом Епифанием Тихорским¹²⁷, который

вместе с тем основал при этом монастыре учебное заведение, известное под именем *Коллегиума*. До 1799 г. ректор Коллегиума был вместе и Настоятель Покровского монастыря, а в этом году, с открытием Архиерейской кафедры в Харькове, монастырь этот назначен для пребывания в нем епархиального Архиерея, с необходимым для его дома числом монашествующих; главный же монастырский храм в честь Покрова Божией Матери назван Соборным Кафедральным и оставался таковым, пока в 1846 г. не переименован был в Кафедральный Собор городской Успенский собор.

При основании Харьковской кафедры, Архиерейский дом был деревянный, одноэтажный, разделенный на две половины сенями. В одной половине, состоящей из трёх комнат (без передней), жил архиерей, а в другой помещались служители и была кухня. При третьем уже Преосвященном, Павле Саббатовском, обращено было внимание на столь тесное и скудное помещение Харьковского Архиерея. Знакомая ему помещица Ахтырского уезда Надаржинская, внука или уже правнука духовника Петра I протоиерея Тим. Вас. Надаржинского¹²⁸, просила Графа Аракчеева¹²⁹ исходатайствовать у Государя потребную для построения приличного архиерейского дома сумму, и вследствие сего отпущено было из казны около 200 т. рублей ассигнациями. На эту сумму воздвигнут был среди монастыря обширный каменный трехэтажный дом с крестовою при нем церковью. Верхние два этажа занимают ныне архиереем, а внизу помещается несколько человек монастырской братии.

Братии в Покровском монастыре, при моём прибытии в Харьков, было до 45-ти человек; между ними три Архимандрита, жившие на покое, а именно: Феоктист, Евстратий и Иона.

Архимандрит Феоктист¹³⁰ из Тамбовских диаконов, 80-ти летний старец, отец моего предместника, Архиепископа Нектария.

Евстратий¹³¹ – из туземных крестьян, был Настоятелем в Ахтырском Троицком монастыре, а затем во вновь сооружаемом монастыре Димитриевском-Рясненском, откуда, по неприятностям с основателем монастыря Хрущевым, удалился

на покой в Архиерейский дом. Человек малообразованный, но трезвый.

Иона¹³² – из вдовых священников Дмитриевской г. Харькова церкви, студент Семинарии, старец начитанный, рассудительный, высоконравственный, но, к сожалению, болезненный; был братским, а впоследствии и моим духовником.

Должность Эконома Архиерейского дома, исправлял иеромонах Прокопий¹³³ – из Воронежских крестьян, малообразованный и не всегда трезвый; недолго оставался при мне Экономом.

Большинство прочей братии из крестьянского сословия.

Должность домашнего Секретаря при моём предшественнике исправлял Лев Ив. Рогачевский – студент Семинарии, бывший прежде столоначальником Консистории. Так как о нём дошли до меня и устные, и письменные сведения, очень неблагоприятные, то я не решился оставить его при себе в должности Секретаря, тем более что мой Витебский Секретарь, М. П. Зверинский, изъявил желание перейти со мною в Харьков.

Ближайшим помощником и сотрудником моим в делах епархиального управления, естественно, должен быть викарий. Викарием при мне состоял, как известно уже, Преосвященный Вениамин (Платонов), епископ Сумский. Уроженец Курской епархии, по окончании в 1845 г. курса в Киевской Духовной Академии, с званием магистра, был Профессором в Белгородской Семинарии, где в 1848 г. пострижешь в монашество. Оттуда переведен в Литовскую Семинарию на должность Инспектора; затем был Инспектором Казанской Д. Академии. В 1864 г. назначен был на должность Ректора Харьковской Семинарии, а в 1872 г. возведен в сан епископа, с определением в звание Викария Харьковской епархии.

Епископ Вениамин имеет задатки ученого настроения, но с крайне односторонним направлением. Характера, на первый раз показался мне тихого и скромного; при малом знакомстве с существующими узаконениями и при неопытности в делах административных, он не великую оказывал мне помощь, а под

конец обнаруживал даже и противодействие, питая притом неприязненные ко мне чувства, – о чём подробнее сказано будет в своём месте.

После Викария ближайшим орудием моего административного действования была Духовная *Консистория*, состоявшая из шести Членов – четырех штатных и двоих сверхштатных, с находящейся при ней Канцелярией.

Вот краткая характеристика почтенных Членов Консистории.

1) Протоиерей Александр Григорьевич *Кустов*¹³⁴ – он же и настоятель Кафедрального Успенского собора. Из студентов Тверской Семинарии поступил в 1817 г. в С.-Петербургскую Д. Академию, где и окончил курс в 1821 г. с званием кандидата. Затем всю жизнь проводил в пределах Харьковской епархии на разных должностях. Не отличаясь основательными понятиями и добросовестностью, он отличался мелочным и лукавым характером. На Консисторской службе мало приносил пользы.

2) Протоиерей того же собора Ив. Ив. *Гапонов*¹³⁵. Уроженец Курской епархии, в 1825 г. окончил курс в Киевской Д. Академии с званием кандидата, впоследствии получил степень магистра. Любил более заниматься литературой, чем Консисторскими делами, хотя и литературные произведения его, как не отличающиеся особенными достоинствами, не имели большого успеха. При моём вступлении на Харьковскую кафедру, он был в болезненном состоянии и редко посещал Консисторию; затем вскоре и вовсе уже оставил Консисторию.

3) Протоиерей того же собора Ник. Вас. *Павлов*¹³⁶. Из воспитанников Харьковского Коллегиума в 1837 г. поступил в Киевскую Д. Академию, где и окончил курс в 1841 г. с степенью магистра. Был преподавателем в Харьковской Семинарии; затем поступил на должность Секретаря Харьковской Консистории, а по принятии священного сана назначен был Членом той же Консистории. И в звании Секретаря он не отличался особенною деятельностью, а сделавшись Членом Присутствия, он вовсе почти не посещал Консистории, занимаясь делами на дому. Так как мои предшественники – архиепископы Макарий и Нектарий были совоспитанниками Павлова по Академии и первый из них даже товарищ и

однокурсник с ним, то они снисходительно смотрели на его бездеятельность. Когда же я назначен был на Харьковскую кафедру, Протоиерей Павлов, чувствуя свою неисправность и не надеясь на мое потворство, тотчас, по прибытии моём в Харьков, подал прошение об увольнении его от звания Члена Консистории; увольнение не замедлило последовать. Но по увольнении о. Павлова от службы в Консистории, немалого труда стоило вытребовать от него находившиеся у него в рассмотрении большей частью следственные и судные дела, коих оказалось около 170-ти дел.

4) Протоиерей Крестовоздвиженской церкви Яков Мих. *Голяховский*¹³⁷ – из студентов Харьковского Коллегиума: старец 75-ти лет и притом глухой. Не трудно понять, великую ли он мог приносить пользу на Консисторской службе.

5) Настоятель Сергиевской Гимназической церкви, Протоиерей И. В. В. Поступивши в 1845 г. из студентов Харьковской Семинарии в Киевскую Д. Академию, окончил в оной курс в 1849 г. с степенью студента. Не отличаясь особенными дарованиями и любознательностью, он отличался любостязательным и немирлолюбивым характером. Поэтому, при исполнении своих служебных обязанностей, он не столько заботился о справедливости и беспристрастии, сколько о преследовании своих корыстных и других целей.

6) Протоиерей Троицкой церкви Никол. Алексеев. *Лашенков*¹³⁸. – Младший кандидат XVIII (1857 г.) курса Киевской Д. Академии. При скромном характере не отличался ни твердостью и основательностью понятий, ни опытностью в делах.

При таком персонале присутствия, секретарю Консистории с его Канцелярией была полная свобода действовать и распоряжаться делами епархиального управления.

Секретарь Консистории, Коллежский Советник Яков Денисович *Буханцев*¹³⁹ – старший кандидат XVI (1853 г.) курса Киевской Д. Академии. Из преподавателей Воронежской Семинарии был приглашен Преосвященным Макарием на должность Секретаря в Харьковскую, родную ему, Консисторию. Способный и сведущий в делах, он не отличался бескорыстием

и беспристрастием, тем более что он со всех сторон окружен был родством и товариществом по Семинарии. – Ничего не может быть вреднее и опаснее для правильного течения Консistorских дел, как туземное происхождение секретаря Консistorии. Буханцев отличался притом самомнительным и упрямым характером.

Итак, не трудно понять, что моё положение при таком личном составе Консistorии не могло быть очень спокойным и приятным. Мне предстояла немалая борьба с Консistorией и в особенности с Секретарем.

Остается мне сказать несколько слов о Семинарии и училищах.

Харьковская Д. Семинария в 1841 г. переименована была из Коллегиума и переведена из Покровского монастыря, где находился Коллегиум, в новое огромное здание, сооруженное на краю города, за Холодной Горой.

Ректором Семинарии, при моём; прибытии в Харьков, был Протоиерей Вас. Феодор. Энеидов¹⁴⁰ – магистр XI курса (1843 г.) Киевской Д. Академии, человек способный и умный, но болезненный и строптивый. При нём Семинария не процветала, особенно в нравственном и экономическом отношениях.

Инспектор Семинарии Конст. Евст. Истомин – старший кандидат XVII курса (1855 г.) Киевской Д. Академии.

Харьковское Д. Училище (мужское) помещается в старинном каменном здании, в так называемом Бурсацком переулке, недалеко от Архиерейского дома.

Смотритель училища Павел Александрович Голубев¹⁴¹ – студент XXVI курса (1868 г.) Московской Духов. Академии. Он недолго при мне оставался на училищной службе.

Епархиальное женское Училище помещается на городском кладбище. В нем 286 воспитанниц.

Начальница Анна Вас. Кушен¹⁴² молодая, образованная девица, получившая воспитание в Харьковском Институте благородных девиц.

Упомяну, наконец, о редакторе Харьковских Епархиальных Ведомостей – Протоиерее Воскресенской (впоследствии Дмитриевской) церкви Ив. Лук. Чижевском¹⁴³. Из студентов

Харьковской Семинарии, имеет достаточное образование, владеет, хотя и не в совершенстве, способностью писать; опытный редактор и в особенности искусный кодификатор церковных правил и законоположений.

В Харьков при восьмидесятитысячном населении в 1874 г., было только 14 приходских церквей, в том числе Кафедральный собор (приходский) и Единоверческая церковь.

Приступаю, наконец, к последовательному описанию моей как официальной, так и частной деятельности на новой, мне вверенной, кафедре.

1-го февраля получено было мною анонимное письмо от лица будто бы всех граждан г. Харькова, – письмо это следующего содержания:

«Все граждане нашего города почтительнейше приветствуют Ваше Высокопреосвященство с приездом! Да продлит Господь жизнь вашу на многия и многия лета!

Просим снисхождения Вашего Высокопреосвященства к нашим слабостям: наши отцы, деды и прадеды сроднились с церковным пением, возбуждающим в душах наших истинное христианское благоговение. Владыко святой, не нарушайте его – и храмы наши по-прежнему наполнятся молящимися! Покойный Архиепископ Нектарий не мог с этим примириться – и храмы наши были пусты, а вместе с этим церкви лишались необходимого дохода. Если мы и осмелимся утруждать Ваше Высокопреосвященство, то смеем уверить: не ради прихоти!.. Преосвященный Вениамин позволял иногда петь концерты, и мы со слезами на глазах целовали его руку!..

Регент Вашего хора воспитанник Малороссийского пения – отлично хороший молодой человек и знающий свое дело: он наверно заслужить внимание Вашего Высокопреосвященства, к величайшему удовольствию всего нашего общества.

Простите, Владыко, за дерзость! Мы искренно желаем, чтобы Ваше Высокопреосвященство возобновили собою времена незабвенных наших Архипастырей – Макария, Филарета и Иннокентия, во время служения которых церковь наша оглашалась торжественным пением творений Бортнянского¹⁴⁴, Львова¹⁴⁵, Турчанинова¹⁴⁶ и многих других.

В каждый воскресный и праздничный день пели концерты, и мы выходили из церкви полны благоговения. Не разрушаете, Владыко, старого порядка и мы полюбим Вас всею душою. Смеем уверить, что значительная доля христианского религиозного чувства поддерживается служением в храмах и тем пением, с которым мы сроднились».

Желание это, конечно, не было мною удовлетворено, так как Высочайше было запрещено пение в церквях концертов.

2-го ч., в праздник Сретения Господня, в первый раз совершал я литургию в тёплом Кафедральном Соборе и говорил слово на текст: *«Первое убо благодарю Бога моего Иисусом Христом о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире»* (Рим.1:8).¹⁴⁷

6-го ч. писал я в Витебск Начальнику губернии П. Я. Ростовцеву¹⁴⁸:

«Приятнейшим долгом поставляю выразить Вашему Превосходительству искреннейшую, глубокую признательность за Ваши всегда добрые и любезные ко мне отношения в продолжении пятилетнего моего с Вами пребывания и в особенности за Ваши искренние, дружеские чувства, с какими Вы отпустили меня из Витебска. Чувства эти навсегда сохранятся в моей памяти.

Напутствованный Вашей любовью и Вашими благожеланиями, я благополучно совершил некраткий путь к месту моего нового служения. В Петербурге пробыл я неделю, с 7-го по 13-е число. В северной столице, несмотря на сильные морозы, я чувствовал себя приятно, так как везде был принимаем тепло и радушно. О приёме в Москве и говорить излишне: меня принимали здесь все, начиная с Генерал-Губернатора, как самого близкого родного; и я, пробывши в первопрестольной столице десять дней, далеко не мог удовлетворить всем, желавшим видеть и принять меня у себя в домах.

Оставивши Витебск 4-го января, я едва мог достигнуть Харькова 28-го числа. В 3 часа пополудни этого числа меня встретили на дебаркадере Городские власти и представители духовенства. Описание трогательного прощания моего с

Полоцкою паствою, напечатанное в газетах и перепечатанное в Харьковских Епархиальных Ведомостях, подготовило для меня радушный прием и в новой моей пастве. Прибыв со станции железной дороги в экипаже к Кафедральному собору, я был встречен здесь Преосвященным Викарием и всем городским духовенством, при весьма многочисленном стечении граждан. К сожалению, тёплый собор здешний совершенно не соответствует своей вместимостью народонаселению города. Я невольно при этом вспомнил о Витебском просторном величественном храме. Летний собор, говорят, довольно просторен, но я его ещё не видел. Из собора приехал я в Покровский монастырь, при котором мой архиерейский дом. Здесь также повторилась обычная встреча монастырскою братией. Впрочем, если Вам угодно узнать подробности моего въезда и водворения в Харькове, благоволите спросить у Преосвящ. Викторина 3-й № Харьков. Епарх. Ведомостей. Там обстоятельно описан мой въезд.

На другой день по водворении моём в Харькове, началось и до сих пор продолжается моё знакомство с властями и гражданами Харькова. Здешнее высшее общество, как неизвестно, очень значительно; и я успел уже почти со всеми более знатными особами видеться. Немало довелось мне видеть, в течении этого времени, и духовенства не только городского, но и сельского. Духовенство здешнее, как слышал я и как сам примечаю, гораздо образованнее и цивилизованнее духовенства соседних епархий.

В день Сретения Господня, 2-го числа, совершил я первую литургию в Кафедральном соборе. Пение здешних певчих на первый раз мне не совсем понравилось; строй пения совсем иной, нежели в Витебске. Но хор здесь вдвое почти больше Витебского и некоторые голоса очень хороши; при этих голосах со временем надеюсь устроить хорошее пение.

Помещение моё очень обширно и удобно. Особенное преимущество его перед Витебским состоит в том, что покои очень высоки и воздуху много; но нет в доме ни одного живого цветка; а цветы составляют немалое украшение комнат и способствуют к очищению и освежению воздуха».

Но с письмом этим случилась пренеприятная история: оно не было получено в Витебске, и вот по какой причине. Я посылал письмо вместе с посылкой, и потому вложил оное в пакет не штемпельный, рассчитывая, что оно будет оплачено на почте; между тем письмоводитель, которому поручена была отсылка письма и посылки, письмо вложил в почтовый ящик, не положивши на нём марки, и потому оно осталось неотосланным и, вероятно, уничтожено. Но Павел Яковлевич, получивши мою посылку с брошюрами и не получая от меня письма, был этим недоволен, тем более что прочие лица, коим я также писал, получили своевременно мои письма.

14-го ч. писал я в Москву Преосвященному Леониду:

«В лице Вашего Преосвященства приношу всей Москве мою искреннейшую, сердечную благодарность за оказанное мне истинно-родственное радушие и гостеприимство. Такого приема, какой мне оказан Москвой, я не мог и ожидать. Да воздаст ей великодаровитый Господь за вся, яже ми воздала она как в последний мой приезд, так и во всё время моего пребывания на Полоцкой кафедре!

Напутствованный Вашею братскою любовью и Вашею молитвою пред престолом Вашего домового святилища, я благополучно совершил путь от Москвы до Харькова.

28-го ч., в 3 часа пополудни, я прибыл в богоспасаемый град Харьков, где на станции железной дороги встречен был городскими властями, духовными и светскими. Я не буду изображать Вам подробно моё вступление на новую кафедру: оно описано в Харьковских Епархиальных Ведомостях, которые я велел высылать Вашему Преосвященству и где Вы изволите прочитать это описание. Но я буду описывать Вам то, чего нет в газетах.

Начну с описания местности Харькова. Город расположен на неровной местности: большая часть городских улиц лежит в ложбине между двух небольших гор. Общий вид города очень красив; улицы большею частью прямые и широкие на подобие Петербургских; есть много зданий обширных и изящных по архитектуре. Главный недостаток города в отсутствии

приличной реки; правда, через город протекают три реки, но каждая из них не более Московской Яузы.

Кафедральный Собор двухэтажный: вверху устроена тёплая церковь невысокая и необширная; нижняя довольно просторна; но во всяком случае здешний Собор далеко уступает Витебскому. Зато колоколья громадная, выше Ивана Великого, и колокол в тысячу пудов. Приходские церкви, которые я успел уже все осмотреть, благолепны и богаты утварями и ризницею.

Духовенство как городское, так и сельское, достаточно образовано и держит себя очень благоприлично.

Светское общество очень многолюдно, образованно и благоприветливо. В течение двух недель я успел уже видаться со всеми высшими чинами, но близко ни с кем ещё не сошелся.

Немало видел уже и помещиков. Это народ, по-видимому, очень благочестивый и преданный церкви. О купечестве и простолюдинах нельзя также не отозваться с особенною похвалою.

Архиерейский дом в самом почти центре города, на довольно возвышенном месте; вид из некоторых покоев на город очень живописен, чего не было у меня в Витебске. Помещение весьма обширное и удобное; покои вдвое почти выше против Витебских; мебель с избытком и в приличном виде.

При Архиерейском доме монастырь с братией до 50-ти человек. Здесь, между прочим, живут на покое три старца-архимандрита, из коих один – 80 лет – родитель покойного моего предместника. Материальные средства моего дома очень достаточны. При доме четыре церкви, из коих одна при архиерейских покоях; в них каждый день бывает по две, по три, а иногда и по четыре литургии: так усердны граждане к церкви. Главный предмет, привлекающий к нашим церквям богомольцев – это Чудотворная икона Озерянской Божией Матери, которая находится здесь в зимние месяцы, начиная с Октября; а 22-го апреля переносится в Куряжский монастырь, находящийся от города в 9-ти верстах, которому она и принадлежит.

Главный сотрудник мой – Преосвященный Викарий – человек пожилой, одних со мною лет, добрый, кроткий и

благочестивый. Я надеюсь, что у нас с ним пойдет дело мирно и дружно. Для меня и теперь уже ощутительна его помощь по делам епархиальным, коих очень значительная часть отчислена на его долю моим предместником.

Составъ Консистории довольно удовлетворителен; да в Харькове и есть из кого выбрать в Консисторию Членов: это не то, что несчастный Витебск. Здесь немало священников из Семинаристов очень дельных и солидных. Довольно в городе священников и с академическим образованием, но они все почти заняты законоучительскими должностями в учебных заведениях, коих здесь очень много».

Богатый землевладелец Ахтырского уезда, Конст. Дм. Хрущев¹⁴⁹, предпринявший строить на собственные средства, в своем имении – Рясном, общежительный мужской монастырь, прислал, по примеру прежних годов, для братии моего Покровского монастыря, разного рода рыбы, муки ржаной, гречневых круп и пшена, при следующем письме от 16-го Февраля: „Посылаю Вашему Преосвященству чрез иеромонаха о. Германа рыбы свежей, судаков, карпиев и карасей, а для монашествующих отправлено муки ржаной 60 четвертей, круп гречневых 20 и пшена 20 четвертей».

Получив это письмо 18-го числа, я в тот же день отвечал почтенному благотворителю.

«Братия Харьковского Архиерейского дома, – писал я ему, – получив от Ваших щедрот обильное хлебное и рыбное приношение, усерднейше благодарит Вас за таковое приношение.

Примите, достопочтеннейший Константин Дмитриевич, и от меня лично искреннюю благодарность за Ваше благосклонное внимание к удовлетворению существенной потребности монашествующей братии моего Архиерейского дома.

Великодаровитый и Всеблагий Господь да ущедрит Вас за сие Своими небесными и духовными дарами и в сей жизни, и в будущей.

В знамение благословения Божия, которое усердно на Вас призываю, посылаю Вам при сем священную просфору».

17-го ч. писал я в Москву Графине А. Г. Толстой¹⁵⁰:

«Приношу Вашему Сиятельству усерднейшую благодарность за оказанное мне гостеприимство и за все Ваши великие милости и благотворения на пользу церквей и бедствующих сирот прежней моей паствы. Сохраню о Вас благодарное и молитвенное воспоминание и в Харькове также, как всегда, хранил в Витебске.

Призывая Вам и сущим с Вами Божие благословение, с глубоким уважением и душевною преданностью имею честь быть»...

17-го же числа писал мне из Пензы ректор Семинарии, архимандрит Симеон¹⁵¹:

«Прочитав в Харьковских Епархиальных Ведомостях известие о прибытии Вашего Преосвященства в г. Харьков, спешу нижайше принести Вашему Преосвященству приветствие моё с благополучным прибытием к Богодарованной Вашему Преосвященству пастве.

Моё житие и служение в Пензе, по милости Божией, с миром.

Преосвященный Владыка Пензенский¹⁵² читал о прибытии Вашего Преосвященства в Харьков и приветствует с новою паствою, испрашивая себе благословения Вашего Преосвященства.

О церковно-судной реформе пока ничего не слышно в Пензе.

В нынешние святки я ездил в Москву и от Преосвященных Леонида и Игнатия слышал, что Владыка Митрополит сказал, что в 1875 г. и не приложат рук к делу по церковно-судной реформе, частью уже потому, что ещё не всеми Архипастырями доставлены отзывы.

По делу о сокращении приходов (в Пензе ещё дело это не внесено в Губернское Присутствие) «в Москве отписываются», так выразился Преосвященный Владыка Леонид. – Он же о проекте церковно-судной реформы выразился так: «этот проект из ада и в ад возвратится». – Преосвященный Владыка Митрополит Московский свой отзыв не в пользу проекта (подробностей, впрочем, я не узнал) представил уже в Синод. Московская Консистория отзыв послала в том смысле,

как я слышал, что вопросы, затрагиваемые проектом, «подлежат решению *вселенского Собора*».

В Москве посвящают в пресвитера тех, кои достигли 24-летнего возраста, следовательно не держатся строго предела 30-летнего возраста. В Москве я также имел случай говорить о церковно-судной реформе с О. Протоиереем Иваном Николаевичем Рождественским¹⁵³ (бывшим в числе Членов Комитета по церковно-судной реформе); он передавал, что в начале в комитете был такой проект: «учредить из выборных от духовенства Коллегиум судный (без председателя и прокуратуры); решения коллегиума представлять на утверждение епархиального Преосвященного с условием известного срока времени, в который, – если не последует утверждения от Преосвященного, – постановления суда приводить в исполнение; в случае же кассации (судного постановления) со стороны Преосвященного, дело отправлять на решение в Свят. Синод. Но когда кто-то сказал, что такой коллегиум не составить полного Епархиального суда, то в Комитете поднялась целая буря прений, набивших пену, подобную выработанному проекту. – Под последним известным проектом О. Прот. Рождественский и А. Ф. Лавров¹⁵⁴ подписались так: *«при особом мнении»*, которое и представили. Подписался ли Высокопреосвященный Макарий¹⁵⁵, – они не знают, ибо подписи его не видели. – О. Протоиерей говорил также, что *светские* члены комитета были *против прокуратуры*, так что один из них сказал *духовным* (в рясах и фраках), настаивавшим на учреждении прокуратуры, что их «желание напоминает ему басню о просьбе лягушек, желавших себе царя». – Когда члену Комитета проф. Б. сказали, почему он особенно настаивает на отделении судной власти от административной в лице Архиерея, он сослался на желание духовенства в сем случае, заявляемого в периодической печати. Протоиерей И. Н. Рождественский заметил ему, что «к сожалению, учёный канонист понимает дело также мало, как и само духовенство понимает мало своё желание: тот утилитаризм, который порождает крик в духовенстве, касается в сущности не судного дела, а того, что находится в руках

администрации (например, раздача мест, награды и проч.), а этого никогда нельзя отнять у Архиепископа»...

В Москве, учреждение окружных епархиальных судов многие считают делом несбыточным, между прочим, и с материальной стороны, как делом, требующим больших денег, которых вообще нет.

Смерть Ник. Кир. Соколова¹⁵⁶, так смело подъявшего руку на Церковь Христову и её каноны, – в Москве произвела впечатление, да оно было и нам в Пензе заметно по надгробному слову Прот. Сергиевского¹⁵⁷. Я слышал известие из Петербурга, что покойный Профессор Н. К. Соколов препирался с А. Феодор. Лавровым (в печати) *не по убеждению, а по приказанию!*

Обратили ли, Преосвященнейший Владыко, внимание на передовую статью в № 42-м газеты «Русский Мир» за 1875 год. В сей статье ясно, кратко и положительно выражен голос истины о деле церковно-судной реформы; почаще бы такие статьи появлялись! И пореже бы встречать таких критиков, как критика в журнале «Странник» в январской книжке за 1875 г. Е. Дылевского, из коей видно, что человек иногда не может отличить десницы от шуйцы!

Простите, Преосвященнейший Владыко, что утомил Ваше Преосвященство таким поспешно написанным и длинным письмом.

Р. S. 10-ть лет тому назад, как я рукоположен Вашим Преосвященством во иеродиакона в Высокопетровском монастыре 20 Февраля 1865 г. в субботу, на 1-й неделе Св. Четырдесятницы. Слава Богу и Святителю моему».

На прошении Члена Харьковской Д. Консистории, Протоиерея Николая Павлова об увольнении его от службы в Консистории дана была мною 20-го числа следующая резолюция:

«1) По вниманию к болезненному состоянию Члена Консистории, Протоиерея Николая Павлова, ходатайствовать пред Св. Синодом об увольнении его, согласно его прошению, от звания Члена Консистории; для чего, заготовив от моего

имени проект представления Св. Синоду, представить к подписанию.

2) На место Протоиерея Павлова в звание штатного Члена Харьковской Консистории, представить сверхштатного Члена той же Консистории Прот. Иоанна Вертеловского; а на место сего последнего в должность сверхштатного Члена Консистории – Ключаря Кафедрального Собора, Протоиерея Симеона Илларионова; для чего и заготовить формулярные списки того и другого.

3) Между тем, в виду того, что по причине продолжительного болезненного состояния О. Прот. Павлова, многие дела, находившиеся в его рассмотрении, остаются нерешенными, признаю нужным, для скорейшего разрешения этих дел, теперь же поручить рассмотрение оных О. Протоиерею Вертеловскому, а дела, находящиеся в ведении сего последнего, поручить наблюдению О. Прот. Илларионова. О чём, на основании ст. 284 п. 3, и довести до сведения Св. Синода».

21-го ч. писал я в Витебск преемнику своему по кафедре, Преосвященному Викторину:

«Простите Бога ради, что так поздно отвечаю на Ваше братское послание от 6-го января: раньте никак не мог писать Вам. В Харьков прибыл я 28-го минувшего месяца.

В Харькове я встретил много лучшего сравнительно с Витебским, но нашел и некоторые недостатки. Например, здешний Кафедральный Собор во всех почти отношениях уступает Витебскому: нет здесь ни такого изящества в архитектуре, как там; ни такого обилия и богатства в утварях и облачениях, собственно священнических; ни такого протодиакона, каков о. Нектарий. Но за то состав Кафедрального клира не может не обращать на себя внимания: здесь нет ни одного священника – все протоиереи; ни одного причетника – все диаконы.

Как Вы, Преосвященнейший, вступили в управление вверенною Вам паствою? Судя по газетным известиям, Вами полагается начало благое. Дай Бог, чтобы этому началу соответствовало и дальнейшее Ваше действие!

Ваше Преосвященство просите моих советов и наставлений касательно Вашей деятельности на Полоцкой кафедре, но Вы и без посторонних наставлений можете благоуспешно действовать при тех условиях, в каких Вы приняли управление епархией. Ваше положение совсем иное, нежели было моё, при вступлении на паству Полоцкую. Вы окружены теперь далеко не такими лицами, какие я встретил в начале. И состав Консистории, и вообще Витебское градское духовенство в настоящее время, несравненно лучше того, какое я нашел в своё время. Из старшего духовенства, после Архимандритов, могу рекомендовать Вашему Преосвященству в особенности Кафедрального и Успенского Протоиереев. Из благочинных уездных особенным вниманием моим пользовался, по своему доброму нравственному характеру, Динабургский Благочинный Владимир Щербов. При сем не могу не обратить внимания Вашего Преосвященства на Начальницу женского Д. училища, Баронессу М. А. Бодё; это – во всех отношениях достойная уважения особа.

С душевным почтением и братскою о Христе любовью имею честь быть и проч.»

25 ч. писал мне из Витебска И. д. Ректора Семинарии Архимандрит Израиль:

«Считаю долгом принести Вам, Преосвященнейший Владыко, искреннюю мою благодарность за все благодеяния, которые Вы оказывали мне, и за все добрые отношения, которые Вы имели ко мне лично. Вы главным образом содействовали к тому, чтобы я был на своём настоящем месте. Вы же поддерживали меня во всех моих действиях, что ободряло и утешало меня в различных неприятностях и трудностях по службе и располагало меня сделать для Семинарии то, что сделано. Да воздаст Вам Господь за Вашу доброту своими милостями и утешениями на новом месте служения Вашего! Прошу Вас, Милостивейший Архипастырь, не забывать и меня в Ваших молитвах.

Новый Владыка доселе добр к нам. Немирные отношения Членов Правления умирил и покончил. – Старается покончить немирные отношения и духовенства Витебского, если какие

только были. Вообще, он человек миролюбивый, и не любит немиролюбивых действий.

Порядки Вашего Преосвященства все поддерживает и благодарить за них. Я, говорил он мне, научился от людей опытных уважать предшественников; когда то я ещё сравнюсь с моим предшественником! Черта истинно христианская.

В обращении прост и мягок. Проповеди говорить часто и наизусть – в тоне популярном. Народу нравится это.

Наш почётный блюститель Ганешин¹⁵⁸ отказался от должности; впрочем, в последний раз пожертвовал для Семинарии 40 одеял (на 200 р.). Где найти блюстителя, не знаем; иметь же его полезно бы для Семинарии».

28-го ч. писал мне из Витебска Протоиерей Кафедрального Собора В. С. Покровский:

«Опасения наши, при назначении к нам Преосвященнейшего Викторина, были измышлены и возбуждены злобой и клеветой, которых достаётся на долю каждого человека, и чем он выше и достойнее, тем, кажется, злые люди более и более стараются забросать его грязью. С первого моего представления моему новому Архипастырю в Смоленске, – куда я был командирован с церемониалом о встрече, – каждый день осчастливлен я его отеческим благовниманием к моему недостоинству. Я вполне уверен, что этим счастьем, равно как и многим другим, я обязан Вашему Преосвященству. Да и вообще ко всем нам он добр, кроток и снисходителен и все наши епархиальные язвы усиливается излечить одною только милостью. В силу такого направления Владыки, Юркевичу¹⁵⁹ предоставлено право искать себе священническое место в епархии, кроме Полоцка; наше Семинарское препирательство тоже разрешено мирным путем. О. Красовицкого¹⁶⁰ приказано считать не удалённым от преподавания латинского языка, а отказавшимся. Словом, дарована нам многим амнистия, но только воспользуемся ли мы ею во благо – Бог весть. Ведь Оо. Красовицким и Ко стоит только показать перст, вся желчь их всплывет наружу. Ну, да Бог с ними! Видно, уже нужны в нашем грешном мире и такие люди, иначе земная жизнь наша была бы так хороша, что мы

совершенно забыли бы о небе. Но более всего утешает меня то обстоятельство, что Владыка наш не ищет суетной – как он сам выразился – славы – заменять порядки своего предшественника новыми – своими; напротив нам строго приказано отнюдь не делать ни малейшего изменения как в Соборе при богослужении, так и вообще во всех административных порядках, заведенных Вашим Преосвященством. Таким образом мы, и в отсутствии Вашем, живем Вашим духом, и этим утешаем себя в разлуке с нашим благодетельным Архипастырем и Отцом.

В Соборе у нас всё до сих пор шло хорошо и всем Владыка оставался, по-видимому, доволен; только в настоящее время нас сильно тревожит наступающая неделя Православия: наш добряк Нектарий¹⁶¹ разрешил, – ради масленицы, да так и продолжает»...

2-го Марта получил я из Москвы от Н. П. Киреевской¹⁶² письмо следующего содержания:

«Приятно слышать отзывы Ваши о духовенстве и обществе г. Харькова. Радуюсь, что местность дома Вашего, из которого приятный вид, Вам нравится. Желаю иметь силы и возможность посетить Вас, возлюбленный Владыко, на новоселье.

Графиня Анна Георгиевна Толстая очень довольна, что Вы её посетили и уважили её приглашение. Она очень уважает Вас, Владыко святой! Сообщу Вам её мне рассказ и желание.

Она сказывала мне, «что, когда был граф Александр Петрович Обер-Прокурором Синода¹⁶³, тогда её часто посещали Иерархи, и что однажды Вы были у неё с Преосвященным Леонидом и с Преосвященным Никандром¹⁶⁴ (Тульским); и что она, обращаясь к Вашему тройственному союзу, объясняла Вам, что очень бы желала, с помощью содействия Вашего, узнать верно и точно, где, т. е. в каком месте города Каменец-Подольска, погребена её мать, Княгиня Грузинская, (рожденная Бахметева), скончавшаяся в г. Каменец-Подольске в 1817 г., когда там был наместником её отец генерал Бахметев; и что, когда она выразила своё желание, заметила, что Вы с Преосвященным Леонидом переглянулись и будто, что-то вполголоса переговорили; ей показалось, что сказанное между

Вами было не в её пользу, и она сама сознает, что Вам Иерархам не могло не показаться странным, что она обращается с этой просьбою к Вам, тогда как муж её Обер-Прокурор Синода. Но ведь им неизвестно было, что я не могла никогда ни о чём подобном просить Графа. Признаюсь, что и теперь бы сочла за великое одолжение, если бы кто мог сделать верную справку и дознание, где погребена моя матушка в 1817 г. в монастыре ли, или на кладбище города Каменец-Подольска. Может – не найдется ли там старожил, помнящий Градоначальника, наместника, благодетельного деда моего Бахметева? И если это могло узнать по возможности верно, т. е. чтобы указали самое место могилы Княгини Грузинской, то я была бы чрезвычайно признательна и озаботилась бы поставить на могиле матери моей памятник; неведение, где она похоронена, много огорчает меня

Вот, почти слово в слово, сказанное мне ею, с прибавлением, что она жалеет, что не поговорила о сем с Вами в настоящее время. Я обещала Графине написать к Вам, что и исполняю.

Если есть возможность, или может представится случай, не откажите, Владыко святой, удовлетворить родному сердечному желанию Графини и тогда потрудитесь, если будут какие-либо сведения, сообщить их мне, а я немедленно от Вас передам их Графине».

В ответ на это писал я от 4-го числа:

«Сообщенный Вами мне рассказ Графини Анны Георгиевны о ее обращении к нам – архиереям с просьбою о содействии к отысканию места погребения её матери, я совершенно забыл; но её желание, в настоящую пору, готов исполнить со всем усердием. Я напишу об этом к Преосвященному Каменец-Подольскому¹⁶⁵, хотя с ним лично и незнаком. Но в Вашем письме не показано имя умершей родительницы Графини; а без этого нельзя и приступить к разысканию места её погребения. Поэтому прошу Вас спросить у Графини, как звали её матушку, и мне поскорее сообщить. В имеющемся у меня помяннике Графини Анны Георгиевны значатся три лица с именем Княгинь:

Варвара, Дария и Анна; но которое из этих трех имен принадлежит её родительнице, я определить не могу».

Наталя Петровна поспешила дать ответ на предложенный мною вопрос. Вот что она писала мне от 8-го числа:

«Спешу доставить полное и правильное сведение для справки желаемой необходимое и передать Вашему Преосвященству глубокую признательность от Гр. А. Г. Толстой.

Вот сведение:

«Жена Генерал-Майора и Камергера Князя Георгия Александровича Грузинского, Варвара Николаевна, рожденная Бахметева, умершая 27-го Января 1817 г., в Каменец-Подольске, у брата своего родного Алексея Николаевича Бахметева Генерал Аншефа, в то время как он был Наместником в Бессарабии».

Это точное сведение, полученное мною от Графини сегодня, а в том, что она передавала мне 3 февраля, она извиняется, что от усталости спутала, назвавши брата матери её отцом её. Очень Графиня почтет себя счастливою и обязанною Вашему Преосвященству, если получит верное сведение, где похоронена её покойная матушка.

Позвольте и мне, Владыко святой, присоединить и моё искреннее чувство признательности Вам за столь добрую и всегда отличающую Вас готовность доставить утешение ближним, скорбящим радость... как и теперь надеждою – исполнить задушевное желание почтенной, уважающей Вас, Графини Толстой». – Получив этот ответ 10 числа, я на другой же день написал в Каменец-Подольск Преосвященному Феогносту письмо, в котором изъяснил следующее:

«Хотя я не имею чести лично быть знакомым с Вашим Преосвященством, но во имя братства о Христе позволяю себе обратиться к Вам, Преосвященнейший Владыко, со следующею просьбою.

В Каменец Подольске, в двадцатых годах текущего столетия, был наместником, или Губернатором, Генерал-Аншеф Алексей Николаевич Бахметев. Его сестра, бывшая в супружестве за Князем Грузинским, Варвара Николаевна,

скончалась в январе 1817 года в Каменец-Подольске и там погребена.

Дочь умершей Княгини Грузинской, супруга бывшего Обер-Прокурора Св. Синода, Графа А. П. Толстого, Графиня Анна Георгиевна крайне сожалеет о том, что ей неизвестно в точности место погребения её матери в Каменец-Подольске, так как она желает на её могиле воздвигнуть приличный памятник. Графиня усердно просит моего участия в разыскании места погребения её матери. Я обещал ей, со своей стороны, сделать то, что могу, имея в виду, именно, сношение по сему предмету с Вашим Преосвященством.

Посему не благоволите ли, Преосвященнейший Владыко, в утешение доброй и благочестивой, и притом лишенной зрения, старице-Графине, поручить кому-либо из подведомых Вам духовных лиц разведать, при пособии метрических книг 1817 г., на каком, именно, кладбище погребена умершая в этом году Княгиня Грузинская – на общем ли городском, или, быть может, при каком-либо монастыре, и может ли быть указана могила усопшей. О последующем же просил бы я Вас покорнейше меня уведомить.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с душевным почтением и братскою о Христе любовью имею честь быть»...

Долго не получал я на это письмо ответа. Наконец Преосвященный Феогност написал мне от 20-го апреля:

«Приветствуя Ваше Преосвященство с продолжающимся ещё празднованием светлого воскресения Христова, покорнейше прошу извинения; что не мог скоро ответить на письмо ваше от 11 Марта.

По получении Вашего письма, я тотчас же велел навести справку в метрических книгах о кончине княгини Грузинской Варвары Николаевны, урожденной Бахметевой. По справке оказалось, что она скончалась от чахотки, 44-х лет, 30 Января 1817 г., и погребена на «отведенном» кладбище. – Под отведенным кладбищем, несомненно разумеется нынешнее градское кладбище. После этого сделано было мною распоряжение о разыскании могилы княгини Грузинской на кладбище. – Искали, но не нашли. Впрочем, так как в то время

кладбище было покрыто снегом, питали надежду, что, когда растает снег и откроются все могилы, будет отыскана желаемая могила. После того, как сошёл снег, снова тщательно разыскивали могилу Княгини, но, к сожалению, опять не нашли.

Кафедральный Протоиерей предполагает, не попала ли могила Княгини под новую кладбищенскую церковь, которая построена уже после кончины Княгини. Не укажет ли Графиня Анна Георгиевна каких-либо признаков, по которым бы можно было отыскать могилу Княгини? Не известно ли, например, ей, что было положено на могиле, камень, или плита или что-нибудь другое? Во всяком случае я велел продолжать разыскивать могилу, и, если будет какой-либо успех, снова извещу Ваше Преосвященство. Другого же какого-либо кладбища нет в г. Каменце, и более негде искать могилы, как только на градском кладбище».

5-го ч. писал я в Вильну Попечителю учебного Округа Н. А. Сергиевскому:

«Крайне сожалею, что я не мог видетсья с Вашим Превосходительством ни в Петербурге накануне моего выезда оттуда, ни в Москве, и сообщить Вам мою беседу с, Графом Дмитрием Андреевичем¹⁶⁶, в которой, между прочим, речь касалась и Вас в известном Вам смысле.

Нет нужды изъяснять Вам, с каким удовольствием посетил я родную Москву и с каким поистине родственным радушием Москва приняла меня. Был я, разумеется, в Лавре и Академии: и там принят был с любовью.

Вот уже пять недель, как я в Харькове. Что скажу Вам о новом месте моего жительства и моего служения?

На другой же день по прибытии моём в Харьков, начал я знакомиться с здешним обществом. Все высшие власти сначала, разумеется, были у меня; затем я их посетил и до сих пор посещаю. По-видимому, все они – люди очень добрые и приветливые, но едва ли между этим множеством просвещенного и высокопоставленного люда найду я второго любезного и дорогого Николая Александровича.

Здешнее духовенство несравненно выше во всех отношениях Витебского: так, по крайней мере, оно показалось

на первый раз. Настоящий состав Консистории был в своё время, может быть, удовлетворителен, но теперь требует обновления, так как большая часть Членов (и их 6-ть) или глубокие старцы, или совершенно больные.

Коренные Украинцы, как помещики, так и простолюдины, весьма набожны и привержены к церкви. Умилительно видеть, с каким усердием не только в праздники, но и в будние дни, когда, по заведённому здесь обычаю, в некоторых церквях читаются акафисты, стекается народ в храмы. У меня, при архиерейском доме, четыре церкви, и в них каждый день совершается по две, по три, а иногда по четыре литургии. Главная святыня, которая привлекает сюда богомольцев – чудотворная икона Озерянской Божией Матери. – При моём доме монашествующих более 40 человек.

Архиерейский дом находится почти в центре города, на довольно возвышенном месте: из некоторых моих комнат вид живописный. Помещение моё обширнее Витебского и очень удобно. Материальные средства архиерейского дома, равно как и мои личные, несравненно значительнее Витебских.

При доме есть загородная дача, которую я уже видел, но о которой в зимнее время нельзя же иметь надлежащего понятия: посмотрим, какова она явится весною. Дача эта немного далее от дома, чем Витебская; а главный её недостаток сравнительно с этою последнею – недостаток живой проточной воды. Были когда-то пруды, но и те запущены. Впрочем, надобно благодарить Бога и за то, что есть; у других и этого нет.

Я питаю себя приятно надеждою рано или поздно, а лучше, если рано, видеть Вас дорогим гостем в летней моей резиденции.

Призывая на Вас и на Ваше любезное семейство Божие благословение, с глубоким уважением и сердечною преданностью имею честь быть»...

5-го же числа писал мне из Петербурга Чиновник особых поручений при Обер-Прокуроре Св. Синода, Мих. Влад. Шавров – мой совоспитанник по Московской Академии, которого я просил выслать мне экземпляр его курсового сочинения о 3-й

книге Ездры¹⁶⁷, взамен утраченного мною. Вот содержание его краткого послания:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Государь и Архипастырь!

Прилагаемый при сем экземпляр моего сочинения «о третьей книге Ездры» покорнейше прошу Ваше Преосвященство принять для Вашей библиотеки, в память нашего совместного пребывания в Московской Духовной Академии.

Испрашивая святых Ваших молитв, с глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть»...

Получив письмо это и книгу 17-го, я писал г. Шаврову от 29-го числа:

«Посланный Вами при письме от 5-го сего Марта экземпляр Вашего ученого сочинения о 3-й книге Ездры имел я удовольствие получить и читаю, или вернее, перечитываю это сочинение с особенным интересом. Примите же от меня за этот дорогой дар искреннейшую благодарность.

Не знаю, доходило ли до Вас в своё время известие о том, как горячо вступился за Ваше сочинение, подвергшееся излишне строгой критике со стороны Преосвященного Афанасия¹⁶⁸, бывшего тогда Саратовским, покойный Московский Владыка, Митрополит Филарет. Я был очевидным свидетелем того, как он публично, в Чудовом монастыре, при старшем Московском духовенстве, выражал сильное негодование на Преосвященного Афанасия за то, что он назвал чуть не еретическим сочинение, которое было в рассмотрении сначала Профессора, затем целой Академической Конференции и, наконец, его – Митрополита, и было признано достойным одобрения. Случай этот до сих пор живо сохранился в моей памяти.

Призывая Вам и семейству Вашему Божие благословение, с душевным расположением и преданностью пребываю»...

Неблагоприятный отзыв Преосв. Афанасия о сочинении Шаврова на целый год замедлил утверждение его в степени Магистра. Между тем покойный Митрополит Филарет как об этом сочинении, так и о другом, именно, студента Кудрявцева¹⁶⁹: «О единстве рода человеческого» выразил

одобрительный отзыв в письме к Преосвященному Иосифу¹⁷⁰, Епископу Оренбургскому от 27 Июня 1852 г. «Слава Богу! На Академию нашу можно смотреть мирным оком. Сегодня читали по части из двух сочинений: «О единстве рода человеческого» и «О третьей книге Ездры». Когда сии сочинения дойдут до Вас, надеюсь, вы признаете в них исследования основательные и многосторонние»¹⁷¹.

10-го ч. писал я в Пензу Ректору Семинарии, Архимандриту Симеону:

«Усердно благодарю Вас за добрые чувства и благожелания, выраженные в письме Вашем от 17-го Февраля:

Назначение на Харьковскую кафедру для меня совершенно неожиданно, так как и вообще перемены в моей жизни были нечаянны и совершались не по моему собственному желанию, а по распоряжению высшей власти, или вернее, по премудрой и всеблагой воле Божией.

Благодарение Пастыреначальнику и Господу! И новая паства приняла меня с такою же любовью, с какою проводила прежняя – Полоцкая. Управление Харьковскою епархией, может быть, потребует от меня больше трудов, но здесь я надеюсь, по милости Божией, испытывать меньше забот и огорчений, нежели сколько испытал я в восьмилетнее управление мое епархией Полоцкою. Но да будет во всём воля Божия!

Харьковская епархия много имеет преимуществ перед Полоцкою и в отношении народонаселения, и в отношении духовенства. Духовенство здешнее значительно цивилизованнее Полоцкого.

Немалую помощь по делам епархиального управления доставляет мне Преосвященный Викарий¹⁷² – человек кроткий и благочестивый.

Как в Петербурге, так и в Москве, я имел со многими, и духовными и светскими, лицами разговор о духовно-судебной реформе; мне довелось даже прочитать 1-й том печатных отзывов 20-ти Преосвященных по этому предмету¹⁷³, и все, за исключением двоих, решительно против проекта.

Реформа относительно сокращения приходов в Харьковской епархии осуществлена ещё в 1873 г. Много жалоб и ропота

произвела и производит эта реформа как между духовенством, так и между прихожанами. Я почти каждый день получаю прошения от разных обществ мирских о возвращении их к прежним приходским церквям, или о восстановлении их церквей из приписных в самостоятельные. Тоже слышал я в Туле, и в Курске».

18-го числа писал я в Витебск Ректору Семинарии, Архимандриту Израилю:

«Благодарю Вас усердно за Вашу о мне память и за добрые ко мне чувства, выраженные в письме от 26-го Февраля. Сохраню и я о Вас приятное воспоминание, как о деятеле честном и благонамеренном.

Вы пишете, что преемник мой поддерживает все мои порядки и даже благодарит за них. Это приятно мне слышать; и не могу не порадоваться за Преосвященного, что ему нет надобности напрасно тратить время на введение и установление новых порядков.

Не такова моя участь. Мне и в Харькове, так же как в Витебске, приходится многое исправлять и вновь устроить. Я никак не мог ожидать, чтобы в Харькове не было добрых и твердых порядков в совершении богослужения, но опыт убедил меня в противном. – И мне каждый почти раз приходится при богослужении замечать то те, то другие непорядки. Но приятно, по крайней мере, то, что здесь не только не огорчаются делаемыми мною замечаниями, напротив, сами просят меня, чтобы я их научил добрым порядкам в церковном богослужении.

Немало забот представляет для меня и экономическая часть архиерейского дома. На моём доме, в настоящее время, числится долгов тысяч до 30-ти: надобно их выплатить. Кредиторы требуют уплаты долга, а средств пока ещё нет. Есть, впрочем, надежда, что в не очень продолжительное время все долги могут быть погашены доходами с тех зданий, на устройство коих большая часть оных была сделана. Братии при моём доме более 40 человек, но большинство их из крестьян, и потому не весьма грамотные, и, следовательно, для высших должностей по дому малоспособные. Главное должностное лицо при архиерейском доме Эконом, но его-то у меня и нет. –

Правит эту должность иеромонах и малограмотный, и малоспособный; а другого между своими в виду не имеется.

Семинарию видел я только ещё один раз. Нужно бы по обстоятельствам посещать её чаще, но не могу, так как она от моего дома довольно далеко, по крайней мере версты три; а времени свободного у меня, в особенности утром, очень мало. Здесь и дел, и просителей с словесными объяснениями гораздо более, нежели в Витебске. Здание Семинарии обширнее Витебского, и учеников здесь гораздо больше. Об успехах ученических судить пока ещё не могу, но мне удалось прочитать одно сочинение лучшего ученика VI класса, и не могу не отозваться о нём с особенною похвалою; написано очень дельно и складно. Ректор Семинарии – Протоиерей¹⁷⁴ пожилых лет очень скромный и добрый».

Священник Изюмского уезда села Богодарова Димитрий Сокольский обратился ко мне 25-го ч. с просьбою такого содержания:

«Страдая головною болезнью, в особенности при исправлении мирских треб во время ненастной погоды, я покорнейше прошу Ваше Преосвященство разрешить мне употреблять черную скуфью вне церкви при исправлении мирских треб».

Не имевши в виду примеров разрешения употреблять священникам *черные* скуфьи на прежних местах моего служения, я затруднился на первый раз удовлетворить в просьбе, но убедившись потом, что в Харьковской епархии не только священникам, но и диаконам с давнего времени разрешалось, по уважительным причинам, употреблять вне церкви черные скуфьи, со взносом притом определенной суммы в пользу Епархиального женского училища, начал и я допускать это. Впоследствии мне представлен был даже, указ из Св. Синода от 18-го Марта 1815 г. за № 823, коим, вследствие прошения священника Харьковской Вознесенской церкви Петра Рогальского, разрешено было употреблять черную скуфью вне церкви. В указе этом изображено: «Поелику священникам, кои не получили установленных за отличную службу камилавки и скуфей, не было запрещения на употребление ими по прежнему

обыкновенно в вышепрописанных случаях (т. е. при погребении и друг. вне церкви) скуфьи, для того разрешить и Рогальскому употреблять вне церкви»¹⁷⁵.

25-го ч. писала мне из Витебска А. П. Ушакова:

«Новый наш архипастырь каждое служение говорит проповеди, и надо сказать правду, он привык к акустике собора, и говорит хорошо. Стекающихся его слушать – множество. Сначала наш beau-monde ворчал так же, как бывало и на Вас, за истины и за обличения; но теперь Архипастырь стал им нравиться. Радуюсь я за церковь Вашу – Витебскую! Из Вас – обоих один, таким образом, как бы продолжает, пополняет другого. На Вашу долю выпала ломка, перестройка, возведение, установка храма и его великолепно-строгого богослужения; наконец, Вашими стараниями почитатели Ваши снабдили этот храм и золотом, и серебром; паству же свою приучили Вы знать этот храм и любить его!.. Преосвящ. Викторин ещё в начале своего самостоятельного труда. Силы его свежи, – он не расходовал ещё их на каменной работе: вот он теперь и занимается орнаментной частью... Но да будет только все это во славу св. Правосл. Церкви!»

28-го ч. писал я Экстраординарному Профессору Московской Дух. Академии Александру Феодоровичу Лаврову¹⁷⁶:

«Возвращая Вам при семь бумаги, заключавшиеся в особом пакете с собственноручною Вашей надписью, искренно благодарю Вас за сообщение мне столь интересных документов, которые значительно уяснили для Меня ход дела по составлению пресловутого проекта и особенно отношение к этому делу председателя Комитета¹⁷⁷.

Ваши труды¹⁷⁸ по Комитету и в особенности Ваше мужество, с каким Вы противоборствовали большинству Членов, защищая священные каноны Православной церкви, достойны всякой похвалы и великой признательности всех благомыслящих людей.

Любопытно бы знать, кто до сих пор с необыкновенным задором ратует на страницах «Голоса» в защиту Комитетского проекта?

Нельзя не удивляться, что так медленно доставляются в Синод отзывы о проекте Епархиальными Преосвященными и Консисториями. Харьковская, например, Консистория до сих пор ещё не начинала писать свой отзыв, а напоминания сверху нет. Видно, что не думают очень спешить приведением к концу начатого столь важного дела».

31-го ч. писал я в Новочеркасск Преосвященному Никанору, Епископу Аксайскому, викарию Донской епархии:

«Простите, Преосвященнейший, Бога ради, что так поздно отвечаю на Ваше приветственное братское послание от 27-го Декабря минувшего года.

Письмо Ваше, весьма для меня интересное, имел я удовольствие получить 2-го января, за два дня до моего выезда из Витебска.

По пути из Витебска в Харьков, я посетил Петербург и Москву. Это оказалось для меня и приятно и весьма полезно. В Харьков прибыл 28-го января.

В Харькове встречен и принят был с подобающими почестями. Не знаю, как я понравился Харькову, но Харьков на первый раз произвел на меня приятное впечатление, хотя и не могу сказать, чтобы я безусловно всем был доволен. Кафедральный, напр., здешний Собор не может идти ни в какое сравнение с Витебским. В богослужении увидел я здесь так же, как и в Витебске, на первый раз, довольно нестройного и непорядочного; теперь мало-помалу всё начинает приходить в надлежащий порядок. Архиерейский дом благоустроен и имеет достаточные средства, но обременён долгами, с которыми не надеюсь скоро расплатиться. По Консистории также значится большая недоимка по делам, в особенности за одним членом, который, впрочем, подал прошение об увольнении его в отставку. Духовенством здешним вообще я доволен: оно значительно выше во всех отношениях Витебского. В Преосвященном Викарии вижу я доброго себе помощника.

В письме Вашего Преосвященства есть какие-то не совсем ясные для меня намеки о каких-то возможных для Вас невзгодах, при которых потребна для Вас моя опора и прибежище. Желал бы я знать, чем и как могу быть я Вам

полезен. Я всегда питал к Вам искреннее благорасположение и везде, где только мог, защищал Вашу честь.

С теми же чувствами благорасположения и душевного уважения и теперь остаюсь к Вам»...

1-го Апреля получено было мною письмо от Начальницы (которая несправедливо называла себя настоятельницею) Старобельской Скорбященской Общины Ангелины; она писала мне:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Святой Апостол Павел говорит: воздадите всем должное. А я, грешная, до сего времени не воздала чести Вам, Ангелу Харьковской паствы, – ни лично не представилась Вам, ни письменно не испросила святительского благословения Вашего себе недостойной и скорбной обители моей, устроенной в честь иконы Скорбящей Божией Матери. Тотчас, по получении известия о назначении нам нового Архипастыря, я и сердцем почувствовала и устами исповедала: с нами Бог! Не дивитесь, Преосвященнейший Владыко, что так называю Архипастыря своего. Я с детства расположена к духовному сану и званию; я с самого того времени, как начала понимать себя, начала понимать и высокое значение Святительского представительства в духовенстве, и святого предстательства Иерархов перед всесвятейшим Богом за свою их паству и особенно за духовенство, а ещё особеннее за монашество. Многолетние опыты совершенно утвердили меня в вере в силу даже одного благословения Ангелов местной церкви на благие предприятия монашествующих. Так, возникшая по благословию Архиепископа Филарета¹⁷⁹, Богадельня моя скоро дошла до возможности образоваться в Монашескую Общину. Благословенная Архиепископом Макарием Община вдруг имеет благоустройство внешнее и, под руководством двух священников, вполне обеспеченных Общиною, благоустройство нравственное.

Благодаря святым молитвам обо мне и святительским благословениям на мои ничтожные и безнадежные предприятия Высокопреосвященнейшего Исидора¹⁸⁰ и наших Архипастырей,

я, благодарение Богу, могу и не разделять жалобы Апостолов, говоривших: обнощь всю труждшеся, ничесоже яхом. Правда, я тружусь долго, время ушло, волосы мои побелели, физические силы, ослабели, мне уже семьдесят пять лет, ночь многопопечительная проходить, скоро рассвет; но мрежа моя, благодарение Богу и Архипастырям, если и не полна, то и не пуста.

Я всё хотела представиться Вам, Преосвященнейший Владыко, и лично испросить Апостольское благословение Ваше на исправление недоконченного; но дух только бодр, а плоть немощна. По этой немощи, нижайше и смиреннейше, заочно, сим недостойным письмом прошу Ваше Преосвященство, Архипастыря и Отца, благословите меня, моих сестер и всю обитель благословением во имя всеблагого и всеблагодеющего Господа нашего Иисуса Христа, повеи в вертограде моём, и да потекут ароматы его, – ароматы благодатных даров, необходимых для утверждения меня и моих сестёр в богоугодной деятельности, – даров достойно ходити звания в неже звани. Веруем, что за сей деятельностью и вся приложатся нам. – Веруем и тому, что в вертограде нашем не могут разливаться в надлежащей мере и силе благовония христианских добродетелей, если в нём не будет носиться благодати всесвятаго и всеосвящающего Духа, почивающей на Особе Вашей. О, дал бы Бог прибыть Вам, Преосвященнейший Владыко, к нам недостойным, с жезлом ли карающим, с ветвью ли мира, – примем Вас, как Ангела Божия.

Простите Преосвященнейший Владыко! Кланяюсь Вам до земли; благословите!»

На это красноречивое послание я отвечал от 5 числа:

«Достопочтенной и возлюбленной о Господе Старице Ангелине с её сестрами желаю мира, здоровья и душевного спасения.

Послание Ваше, исполненное живых и благочестивых чувств, я получил и прочитал с утешением. Изъявляю Вам за него мою искреннюю, архипастырскую признательность.

Слыша, что Вами устроенная Община, время от времени, более и более умножается и распространяется, сорадуюсь Вам.

Да умножается же и возвышается вместе с тем между Вами и обитательницами Общины взаимная любовь и согласие!

Не знаю, скоро ли буду иметь утешение видеть Вас и созданную Вами (для дев и вдовиц) обитель, но до того времени, в залог моего архипастырского благословения, препровождаю Вам вместе с сим священное изображение преподобной Евфросинии Полоцкой, которая также, подобно Вам, основала некогда женскую обитель близ своего отечественного града Полоцка.

Сверх сего, для назидательного чтения Вам и вашим боголюбивым сёстрам, посылается Служба и Житие препод. Евфросинии и некоторые другие поучительные книжки.

Призываю Вам и сообитательницам вашим Божие благословение».

Вслед затем Старица Ангелина снова пишет мне от 29-го того же апреля:

«Ваше письмо, Преосвященнейший Владыко, мне недостойной рабе Вашей, тоже для меня, что слово Господа, воскресшего для блаженной Магдалины: «Марие!» Ибо Ваше письмо мне и Ваш дар моей обители и моим сёстрам пришли к тому времени, когда святая церковь, сохранившая до последних родов живым и присущим святое утро светлого Воскресения Христова, живо изображает состояние блаженных душ учеников и учениц Христовых, вдруг перешедших от безутешной скорби к нескончаемой радости.

Не умею и не нахожу слов описать нашу радость в этот сугубо радостный день. Не умею и не нахожу слов и почитаю себя недостойною выразить Вам, Преосвященнейший Владыко, свою благодарность за Ваш истинно Архипастырский и искренно отеческий подарок нам. Благоговейно лобызая икону преподобной Княжны и рассматривая сквозь радостные слезы присланные Вами письма и книги, мы смотрели одна на другую умиленным, глубоко проникающим взором и в радостном восторге говорили дружка дружке: Христос воскрес! Воистину воскрес! Ваше письмо, Преосвященнейший Владыко, и Ваш дар до того запали в наши души, что навсегда останутся там.

Сколько в них наставлений, милости, отрады, утешения, поощрения!

С простотой и теплотой сердечною мы преданы Вам за Ваше благословение святительское. Оно незримым, но сердцеощутительным образом одуховляет и нравственно совершенствует нас.

Всенижайше кланяюсь Вам, повергаются стопам Вашим и все сёстры, и умиленно просим Вас, Отец наш, не оставить обитель нашу Вашим посещением.

Смирнейше просим Вашего Архипастырского благословения и Ваших святых молитв».

Скажу несколько слов о личности Ангелины и о её энергической деятельности в устроении Старобельской Общины.

Рясофорная монахиня Ангелина – в мире вдова Штабс-Капитана, Анна Ивановна Булич, урожденная Грекова, – дочь священника Харьковской епархии – женщина с светлым умом и с характером твёрдым и решительным. Лишившись мужа и оставшись бездетною, она решила всё своё небольшое имущество употребить на дела христианской благотворительности. В 1849 г. она приобрела за 1591 р. 70 к. в г. Старобельске, где имела жительство, усадебное место в количестве трёх десятин, с построенными на оном деревянным домом, флигелем и другими постройками. В этом доме она открыла богадельню для престарелых вдов, а также и сирот духовного звания. Но как желавших поступить в богадельню оказалось очень мало, то Булич вместо богадельни решила открыть приют для детей женского пола преимущественно духовного происхождения. – В 1851 г. она получила разрешение устроить при этом приюте молитвенный дом, который потом, с разрешения епархиального Начальства, обращен был в домовую церковь. Наконец, Булич возымела мысль, вместо детского приюта, устроить женскую общину, – на это и получено было ею в Октябре 1862 г. Высочайшее разрешение и управление Общиною вверено было пожизненно ей самой. 17-го Августа 1863 г. она пострижена была в рясофор и получила имя Ангелины. Первоначальный штат Общины утверждён был на 40

душ с дозволением увеличить впоследствии число сестёр сообразно с имеющимися открыться новыми способами к помещению и содержанию их.¹⁸¹

3-го ч. писал мне из Сергиева Посада Профессор Москов. Дух. Академии А. Ф. Лавров в ответ на моё письмо от 28-го Марта:

«Позвольте, Милостивейший Архипастырь и Отец, принести Вашему Преосвященству моё глубочайшее благодарение за слово милости о моих трудах в Комитете, без меры превышающее их действительное достоинство и убеждающее меня, что слово милости изрекается не в меру действительных заслуг. Я самым искренним и непреложным образом убеждён, что, если сделано через меня что-либо ко благу святой церкви, то сделано по Высшему Божественному устроению; мои же только недостатки – самолюбие, раздражительное и иногда дерзкое отношение к людям, мнения которых не согласны с моими и т. п.

В «Голосе» ратует за проект реформы, как я слышал будучи в Петербурге, священник Петербургской Знаменской церкви А. Т. Никольский, принадлежащий к фамилии Петербургских духовных протестантов, или либералов. Главою этой фамилии был покойный священник Морошкин (Выборное Начало)¹⁸², женатый на сестре Никольского. К этой же фамилии принадлежит и Б. женатый на племяннице Никольского и Морошкиной. Сам Б. подвизался в «Биржевых Ведомостях» (что ныне «Новое Время») и в «Современности» протоиерея Гречулевича¹⁸³.

Отзывов Преосвященных и Консисторий доселе напечатано по одному тому (Консисторских 29 отзывов). К печатанию вторых томов и не приступлено, да и материалов нет: не присылают. Говорят в Петербурге, что верхние двигатели проекта этому и рады, ибо будут иметь несколько благовидный предлог к отступлению, или к потушению дела, которое не может окончиться с успехом в их смысле».

3-го же числа писал я в Житомир Преосвященному Агафангелу¹⁸⁴, архиепископу Волынскому:

«Вместо Курской кафедры, с которою Ваше Высокопреосвященство так дружелюбно и благожелательно изволили приветствовать меня, мне суждено воссесть на кафедру Харьковскую. Это ещё более было неожиданно для меня.

Харьков Вам знакомый город¹⁸⁵, и есть лица, которые помнят Ваше здесь пребывание. Но с тех пор, как Вы оставили Харьков, он значительно изменился к лучшему, во внешнем, по крайней мере, отношении.

Что скажу Вам о себе на новом месте моего служения? Слава Богу, начинаю мало-помалу привыкать и к новому месту, и к новому обществу. Общество здешнее (разумеется высшее) очень многолюдно, образованно и на первый раз встретило меня очень приветливо. Духовенство здешнее гораздо образованнее и цивилизованнее Витебского. Городские церкви благолепны и благоустроены; но Кафедральный собор далеко уступает, особенно в архитектурном отношении, Витебскому.

Настоящий состав Консистории был в своё время, конечно, удовлетворителен; но теперь требует обновления. Из Членов одни стары, другие болезненны, третьи мало опыты. Ближайший мой помощник и сотрудник, Преосвященный Викарий – человек добрый, кроткий и миролюбивый; мы с ним одних лет и потому между нами не замечается большого различия во взглядах, а это, в настоящее время, весьма много значит.

Вот краткая повесть о моём двухмесячном пребывании в Харькове».

Это было последнее моё письмо к Преосвященному Архиепископу Агафангелу, и я не получил на оное ответа.

4-го ч. писал мне из Витебска Протоиерей В. И. Волков¹⁸⁶:

«Предметов для беседы так много, и они так разнородны, что не знаю, с чего и начать, о чём сказать, о чём умолчать и что оставить до будущего письменного свидания. – Начну с Витебска; он, по молитвам Вашим, живёт благополучно; он также хорош, красив и достоин Вашей доброй памяти и Ваших молитв; он любит и уважает Вас и – чем дальше – дороже ценит Вас. Свидетельствую Вам совестью, что многие из

священников, бывших на Съезде и у меня, плакали, и такие, которые почти не благодетельствованы Вами, и что больше меня удивляет, так это то, что кто больше благодетельствован и к кому Вы были ближе, те как-то холоднее и... Один Матвей Иванович¹⁸⁷ из своей роли не вышел ни вправо, ни влево; остался верен своему высокомерному я. – В неделю Православия сказал нам неправославную проповедь, хотя высокопарную, но хорошо понятую слушателями, что неправославную, о чём весьма громко заговорили в городе, и потому Владыка не позволил её печатать, а он хотел и просил. Мне очень твёрдо врезалось в памяти, его выражение с кафедры: «требовать, чтобы люди были одной веры также смешно, как если бы кто потребовал, чтобы все люди были лицом похожи один на другого». Во всей проповеди проведён был индифферентизм. Цензор пропустил её по страху к силе Матвея Ивановича, а Владыка, должно быть, не читал. С особенною важностью, но всё-таки небрежно, в старой рясе, является в собор на богослужение слушать проповеди Владыки, а из Собора ко Владыке кушать чай. – Но Владыка что-то, как мы замечаем, не слишком высоко ценит его. На многое он рассчитывал, а кажется, меньше получит, сколько получил от Вас. Его важность, сопение и поглаживание пред Владыкой своей бороды – не нравится Владыке. Возлюбленный братец его Михаил Иванович¹⁸⁸ притих и сидит, как клоп в щели: видит, что Преосвященный не погладит, чего он ожидал и чем хвалился до приезда Владыки, рассчитывая на силу Матвея Ивановича, как товарища Владыки, а сей как нарочито своё товарищество и выразил только словами: «вы Матвей Иванович Красовицкий? А, помню, вы были регентом в Академии». Тем разговор о товариществе и окончился. – Но я слишком увлекся уже Матвеем Ивановичем. Скажу о чём-нибудь лучшем, напр., об Успенском Соборе. Он мало-помалу украшается, теперь делаются цементовые полы; на стены, где стояли когда-то огромные киоты, заказаны две картины на холсте: нагорная проповедь и примирение Иосифа с братьями в Египте. Надеюсь, что всё будет хорошо, но у нас нет хороших облачений не только для священнослужителей, но и для престола и

жертвенника. Если Вы, Владыка, не поможете, то останемся при старом, не очень завидном, как сами знаете. При Кафедральном соборе часовня окончена, и в ней думают поставить копию иконы Иверской Божией Матери, за которую поедет в мае месяце протоиерей Покровский¹⁸⁹. В соборе Вашем всё по-Вашему. Владыка ничего не переменяет и от заведенного Вами порядка не позволяет отступать ни на шаг.

Отношения мои ко владыке ещё не определились; я не знаю, как он смотрит на меня и доволен ли мною. Но я доволен и спокоен, служу усердно и стараюсь быть исправным. Советов со мною и разговоров никаких не бывает. Недавно только он звал к себе, при Павле Пруссом¹⁹⁰, поговорить о расколе и Режицких раскольниках. Высказал своё мнение, что он думает усердно приняться за это дело, быть в Режице, осмотреть приходы – Малиновку, Граверы и прочие подобные им. Хочет открыть в Витебске публичные беседы с раскольниками и меня приглашает к сему. Но что будет впереди – не знаю, и в своё время сообщу Вам. Вообще, как мне кажется, Владыка предо мною не откровенен, вследствие ли собственного его взгляда на меня, или вследствие услуг добрых людей, в роде Михаила Ивановича¹⁹¹ и др... Но несмотря на всё это, я совершенно спокоен. Правому человеку Бог и добрые люди – помощники и покровители. К служению в Кафедральном соборе очень часто приглашают. – За экономией Владыка следит очень строго; в расходах требует расчетливости. Мы обедали уже раза три у Владыки, но для горожан он не делал ещё обеда. С Губернатором¹⁹² очень хорош. Но Павел Яковлевич уважает и любит Вас душевно, не притворно, от чистого сердца. Прочая братия, по нисходящей линии от Губернатора, любит пить чай Казанский¹⁹³.

Но я повторю, Владыка, и поклянусь, что искренно, сердечно епархия любит и уважает Вас; она ещё, с разлукой, больше оценила Вас. Те, которые иногда высказывали своё недовольство, теперь вспоминают как об отце и скорбят, что позволяли себе огорчаться на Вас. Много и премного есть интересных вещей говорить с Вами, Владыка святой, но на этот раз довольно. Если буду иметь деньги, что весьма сомнительно,

то приеду в Харьков и лично передам о том, о чём неудобно говорить на бумаге».

20 числа я писал Начальнице женской Гимназии А. П. Ушаковой:

«Светлый праздник Воскресения Христова встретил я и проводил на новом месте, по милости Божией, мирно и благополучно. Утреню в день Пасхи совершал в присутствии Генералитета, в Кафедральном Соборе; а литургию позднюю – в своей монастырской церкви, при значительном стечении простых, но усердных богомольцев. Затем, целое утро отдано было на приём бесчисленных поздравителей. С понедельника и до пятницы совершал сам путешествия по городу.

Со всею аристократией Харьковскою я уже ознакомился, но близкой дружбы ни с кем почти не имею, да боюсь и дружить, потому что общество слишком велико. Допустивши близкое знакомство с одним домом, нельзя будет отказать другому, третьему и т. д.

Присланная мне через Вас печатная заметка об участии в благотворительном концерте певцов, с талантами которых Витебская публика до того времени не была знакома, не удивила меня, так как я слышал об этом уже прежде. Это значит прогресс в Витебске. Задумывался духовный концерт и в Харькове, и я не препятствовал сему, но почему-то не состоялся. Впрочем, здешний архиерейский хор совсем не то, что в Витебске. Здесь один только певчий в рясе; прочие, как большие, так и малые, большею частью из мещан и разночинцев и поют по найму, по письменным договорам с регентом.

Что касается взгляда на спектакли с благотворительными целями, он остаётся у меня и в Харькове такой же, какой был в Витебске. На днях явился ко мне один светский барин с просьбою о дозволении устроить маскарад с благотворительною целью; я, вместо ответа, дал ему экземпляр моей проповеди на Николин день, и с тем он ушёл. Но, спасибо, здешняя полицейская власть очень внимательна к моим воззрениям на подобные вещи, и, без предварительного сношения со мною,

ничего сомнительного не дозволяет в роде, напр., жертвоприношения Авраама в живых картинах».

5-го ч. писал мне из Новгорода, с препровождением некоторых книг, бывший учитель из евреев А. Алексеев¹⁹⁴:

«Помня, как благосклонно принято было Вашим Преосвященством сочинение моё в 1872 г., я не мог отказать себе, чтобы не препроводить и ныне Вашему Преосвященству первый так сказать сноп новой жатвы «Беседы христианина из евреев об истинах св. веры (изд. 2)»¹⁹⁵.

Прошу принять и прилагаемую при сем брошюру «о Юрьевском монастыре» и снизойти к моим недостаткам; ведь это проба пера. Писав много о евреях, я желал коснуться и христианской святыни».

За доставленные мне книги послано мною 5 рублей и сделано распоряжение о приглашении духовенства Харьковской епархии к выписке этих книг.

6-го ч. писала мне из Москвы П. А. Муханова¹⁹⁶:

«Давно собиралась передать Вам нашу скорбь, что не удалось нам видаться с Вами в Петербурге и что, по возвращении нашем в Москву, к масленице, и тут уже не застали Вас. По крайней мере, удалось поговорить о Вас с некоторыми общими нашими знакомыми, которые всё ещё были под приятным впечатлением Вашего пребывания в Москве, где Вас очень любят. – Очень хотелось бы знать, как Вас приняли, и какие были Ваши первые впечатления?

Теперь приношу Вам наши ранние поздравления с наступающим Светлым праздником Воскресения Христова, и желаем Вам провести эту седмицу в радости духовной и не в слишком большом утомлении физическом.

Вчера ожидали возвращения Митрополита¹⁹⁷ из Петербурга, он кажется решается на операцию снятия катаракта со второго глаза; удивительная неустрашимость после первой неудачи!»

В ответ на это писал я от 12-го числа:

«Душевно благодарю Вас за добрую о мне память и за приветствие с праздником. Взаимно приношу и Вам усерднейшее поздравление с великим и всерадостным торжеством Христова Воскресения. Вместо красного яйца

благоволите принять от меня препровождаемый вместе с сим экземпляр моего поучения, говорено было мною при первом моём служении, 2-го Февраля, в здешнем Кафедральном соборе.

Харьков произвел и производить на меня приятное впечатление. В особенности утешает меня необычайная набожность и усердие к церкви в здешнем простом народе, что выражается, между прочим, похвальным обычаем ставить перед иконами в храме множество свечей.

Очень сожалею, что я, бывши в Петербурге, не знал о Вашем там пребывании: непременно посетил бы Вас».

13-е число – светлый день *Пасхи*. В этот пресветлый и торжественный день я совершил утреню в несветлом, хотя и достаточно освещённом, верхнем храме Кафедрального Собора, при полном блестящем собрании всех высших, как военных, так и гражданских, чинов, а литургию – позднюю в монастырской Покровской церкви; здесь же отправлена мною и вечерня. – Затем, вся почти седмица прошла в приёме поздравителей и в разъездах по стогнам града для взаимных приветствий высших властей.

15-го ч. получено было мною с разных сторон и от разных лиц несколько поздравительных писем; вот некоторые из этих приветствий:

а) Из Москвы от Преосвященного Леонида:

«Опять¹⁹⁸ беседую с Вашим Преосвященством в ночь страданий Господних. Письмо Ваше¹⁹⁹ так обрадовала меня, что я долго не находил, что писать Вам, как выразить утешение, ощущаемое мною теперь, когда из Ваших слов почерпнул убеждение, что Вы обрели покой, но покой не бездейственный. Потом мне казалось, что должно на подробное письмо Ваше отвечать письмом длинным, и когда я задаю себе такую задачу не в уединении монастырском, а в Столице, то всегда почти кончается тем же, чем теперь, то есть, я совсем запаздываю и должен просить (и прошу) прощения.

Владыко святой! Поможет Вам Бог действовать, как действовали доныне, – несомненно, что любить Вас будут, как доныне любили. Радуюсь, что беседовали с епископами. Если

бы архиереи пользовались даже малым простором для взаимных свиданий на пользу церкви, недостаток *соборности* был бы значительно восполняем, и приготовлен был бы возврат нашей церкви к древнейшему и единому истинному порядку управления.

Не сужу отцов и братьев моих, но поразительно для меня, как падают в могилу слишком протягивающие руку миру сему и с тем вместе как бы пята поднимающие на апостольские и святоотеческие заветы о значении епископской власти в церкви. Преосвященный Нектарий²⁰⁰ во цвете лет отшел внезапно; за ним и Преосвященный Нафанаил²⁰¹; в молодых годах умер профессор Николай Соколов²⁰², вчера кончил жизнь протоиерей Николай Добров, до крайности доходивший в стремлении к усилению значения пресвитерства!.. Да не помянет им Господь всего сего, а да помянет всё то, что в их жизни может отворить им двери царствия небесного.

Хотелось мне видеть Вас в Витебске; любопытно взглянуть на Вас и в Харькове, который так привлекательно Вы описываете; но если не в Иерусалим, то уже никаких дорог не желаю себе, кроме тех, кои ведут в возлюбленную обитель Саввинскую, что на сторожах. Преподобный Савва не проведёт ли меня, хотя и зело противящегося, по стезям, ему ведомым, в горний Иерусалим – царство небесное! – Сотворите о сем молитву, почитаемый и возлюбленный Архипастырь!

Сегодня сподобился я совершить Мироосвящение²⁰³, причём видел Вашего ученика и преемника²⁰⁴ действующим в мантии с зелёными скрижалями, да поможет ему Господь! В один и тот же день бывший Богоявленский архимандрит (Никодим)²⁰⁵ поставлен во епископа, а о. Иосиф в его Богоявленском монастыре – во архимандрита. Слава Господу, Владыка²⁰⁶ возвратился бодр, на другой день служил и обоих викариев своих посетил, и меня грешного удостоил милостивым словом.

Приимите, Владыка, из глубины души исходящее поздравление с великим днём Пасхи. Да зрит на Вас Господь Иисус Христос милостивым оком; да радуется взор Его душу

Вашу, и радости вашей да не возьмёт от Вас никто и ничто! Простите».

б) Из Сергиева Посада от Инспектора Московской Дух. Академии С. К. Смирнова. Он писал мне от 11-го числа:

«Христос воскрес! Сим радостным восклицанием оглашая слух Ваш, имею честь приветствовать Вас с праздником праздников и от всего сердца желаю Вам светло праздновать оный на новом месте святительского служения Вашего и препроводить дни Пасхи в вожденном здравии и полной невозмутимой радости.

Тогда как у Вас в настоящее время, по всей вероятности, царствует весна, у нас, вопреки ожиданий, господствует зима со всею неприглядной её обстановкой. Реки вскрываться и не думают: снег у меня в саду по колена, мороз ежедневный и ныне на солнце один градус тепла. Это невольно наводит на сердце грусть, которая усиливается при мысли, что на Фоминой неделе Академия будет подвергнута ревизии. При состоянии здоровья о. Ректора²⁰⁷, которое очень туго восстанавливается, положение наше действительно грустное. О. Ректор, хотя и вступил в должность на шестой неделе поста, но нести ему это бремя теперь, а тем более, при ревизоре, совершенно не по силам, и мне кажется, что он в самом начале ревизии сляжет в постель. Вчера вечером он решился прочитать последнее страстное евангелие, но это стоило ему великих усилий. Дай Бог, чтобы весна оказала благотворное влияние на его расстроенный организм! Я отрекомендовал ему для летнего жительства дачу в Ахтырке, близ Хотькова, и мы постараемся его препроводить туда, как только кончится ревизия. Экзамены вести ему никак не под силу, тем более что, по новым дополнительным к уставу правилам, он обязан ежедневно присутствовать на экзаменах. Помолитесь о нём, о мне и о всех нас!

К грустным событиям относится последовавшая третьего дня внезапная смерть Николая Филипповича Доброва²⁰⁸, протоиерея церкви Адриана и Наталии.

Но чтобы не омрачать для Вас радости праздника, спешу сгладить неприятные впечатления известием о скоро имеющей

быть свадьбе Н. И. Субботина²⁰⁹, который женится на вдове бывшего доцента Королькова²¹⁰. Она из рода Поспеловых, родная племянница жен Е. В. Амфитеатрова²¹¹ и В. Д. Кудрявцева²¹².

Ректор, свидетельствуя Вам глубокое почтение и благодарность за Ваше доброе желание украсить Академическую церковь снимком с Озерянской иконы Богоматери, поручил мне просить Вас, чтобы икона была написана на доске длиною 10, а шириною 8 вершков.

Не имеете ли, Преосвященнейший, в ваших воспоминаниях каких-либо сведений о вопросах, какие давал покойный Владыка Филарет студентам во время экзаменов в ту пору, как Вы учились в Академии? Эти сведения мне были бы нужны в дополнение к официальным известиям, имеющим место в приготавливаемой мною Истории Москов. Дух. Академии²¹³. Если имеете, благоволите сообщить».

в) Из г. Витебска, от Преосвященного Викторина. Вот что писал он мне от 13-го числа:

«Христос воскрес! Примите от меня ради светлого праздника этот сладостный привет и вместе с тем моё искреннейшее благожелание Вам всех милостей от воскресшего Бога Спасителя нашего.

Искренно – душевно благодарю Вас, Владыко святой, за Ваше дорогое письмо ко мне, от 21 прошлого Февраля, в котором Вы указываете мне тех или других лиц, бывших Ваших подчиненных. Ваши отзывы о священнослужителях из белого духовенства только утвердили то мнение моё в пользу их, какое составилось во мне о них, по ознакомлении с ними. О монастырских же настоятелях не могу ничего сказать. Готов Вам верить, но считаю нужным и самому понаблюдать за ними.

Совершенно согласен с Вашим Преосвященством и касательно состояния епархии, т. е., в каком Вы её приняли и в каком оставили. Не знаю ещё, что найду в сёлах, но в Кафедральном соборе заведённые Вами порядки при богослужениях так хороши, что лучших и желать невозможно. И я служу с О. о. Соборянами с истинным благодушием. Хорош о. Нектарий²¹⁴; хорош – скромн и г. Регент²¹⁵. А поэтому за всё и

за всех Вашему Преосвященству глубочайшая моя благодарность.

Сделавшись Вашим преемником, я не хотел было изменять Ваших порядков; но, простите, на первый день Пасхи служил литургию тотчас же после утрени. И это сделал, именно, для того, чтобы после литургии тотчас же принять к себе вместе всех, кто бы пожелал сделать мне честь своим визитом, и затем уже быть свободным от посещений одиночных.

Сегодня я сам посетил некоторых, так называемых, Начальников Частей или Управлений. Люди хорошие. А особенно мне нравится в них довольно живое ещё религиозное направление. В Университетских городах меньше уже заметно такого направления. Не знаю, как у Вас; но я сужу по Казани.

Предлагаете мне, Преосвященнейший, позаботиться о сиротах. Да, предмет этот обратил моё на себя внимание. Но что можно сделать, если духовенство само не заботится о сиротах своих? Попечительство здесь в столь жалком состоянии, что, не знаю, есть где ещё такое скудное. Недавно мне подали журнал о выдаче пособий ещё только за 1-ю половину прошлого 1874 г., а на 2-ю половину того же года нет ни копейки; предполагаем занять из пожарных сумм в счёт будущих пожертвований!! А училищные финансы ещё в худшем положении...

Хвалят мне все здесь Залучесье²¹⁶, но у меня к нему почему-то не лежит сердце: быть может от того, что не жил ещё в нём. Мне кажется, что от него не только нет выгоды для домового хозяйства, но оно ещё служить в убыток. Так было у меня в Казани, по приезде моём туда: на базаре сено по 10 коп. за пуд, свежее-зеленое; а нам доставалось с своего луга по 20 коп. за пуд черное полусгнившее... Проектирую отдать его в аренду на условиях наполовинных, если бы нашелся хороший хозяин – арендатор: тогда хлопот бы почти никаких, а выгода была бы. Есть ли там в Харькове у Вас Залучесье? Мне сказывали, что здесь в Витебске Вы любили его, из любви к уединению. Но мне оно кажется уже очень уединённым: дом такой большой и жить в нем одному – страшно. Впрочем посмотрим, испытаем, может и полюбится.

Простите, Владыко святой, и не оставляйте меня Вашим расположением и св. молитвами. Я же имею честь быть преданнейшим и душевно-чтущим Вас»...

21-го ч. получил я письмо из Воронежа от Ректора Семинарии, Протоиерея Д. О. Певницкого²¹⁷, моего доброго и любезного земляка, которого, как известно уже, я не раз приглашал к себе на службу в Витебск. Он писал мне от 17-го числа:

«Приношу Вам моё усерднейшее поздравление с радостным праздником Святой Пасхи и вместе с перемещением на новую высшую святительскую кафедру, в городе многолюдном, просвещённом и богатом.

Харьковская епархия, сколько известно, имеет население, преданное православной церкви; там нет ни раскола, ни католичества. Да продолжит Господь служение Ваше в этом благословенном крае на многие годы, к утешению Вашему и на пользу вверенной попечению Вашему паствы.

В Воронеже я пребываю уже третий год. Забот и трудов по службе имею много. С самого поступления моего началась огромная постройка при Семинарии, продолжающаяся и теперь. Семинария не была ещё преобразована, и приготовлений к тому почти никаких не было сделано. Дисциплина между учениками была в полном упадке. Теперь постепенно заведение благоустраивается с внешней и с внутренней стороны. При множестве занятий и хлопот, однако же, я не могу жаловаться на моё служебное положение; его можно назвать благоприятным. Владыка наш²¹⁸ ко мне благосклонен; с сослуживцами живу в мире; интриг и партий у нас нет. Но служебному моему положению не соответствует семейное; вдовство с пятерыми детьми служит для меня тяжёлым крестом. Сообщаю всё это Вашему Преосвященству, побуждаясь уверенностью в Вашем сочувственном ко мне внимании».

21-го ч. писал я Эконому Троицкой Сергиевой Лавры, соборному иеромонаху Агафангелу:

«Вручитель сего письма Харьковский купец и староста здешнего Кафедрального собора П. И. Рыжов. Он, по моему

убеждению, решается холодный собор сделать тёплым; а я для сего рекомендовал ему обратиться к Вам, как специалисту по части устройства печей. И как бы мне хотелось, чтобы Вы приняли на себя труд устроить в здешнем Кафедральном соборе такую же печь, какая устроена Вами в соборе Витебском. Не откажитесь, пожалуйста, если можно, удовлетворить моему желанию.

О том, можете ли Вы принять на себя этот труд и на каких, именно, условиях, прошу Вас обстоятельно переговорить с г. Рыжовым и меня уведомить».

В тот же день посетил меня Николай Иванович Тишинский – уроженец Харьковской губернии и духовного происхождения. Он был Почтмейстером в Калуге в то время, когда там жил известный пленник *Шамиль*²¹⁹, а Ректором Дух. Семинарии был Герасим²²⁰. По словам Тишинского, Губернатор Калужский Арцимович возымел намерение обратить Шамиля в христианство, и с этой целью просил Ректора Семинарии вступить с ним в собеседования о догматах христианских; но эти собеседования ни к чему не привели. Шамиль остался непреклонным в своих религиозных убеждениях.

22-го Апреля в Харькове, с 1844 г., ежегодно совершается торжественный крестный ход по случаю перенесения чудотворной иконы Божией Матери, именуемой *Озерянской*, из Покровского Архиерейского монастыря в подгородный Куряжский монастырь. В этот день все присутственные места и учебные заведения бывают закрыты, и все высшие гражданские чины, начиная с Губернатора, являются в Покровский монастырь к литургии, по окончании коей открывается шествие с иконою чрез весь город, при многочисленном всегда стечении богомольцев. Икону поочерёдно несут все власти до конца города, а здесь встречают её монашествующие Куряжского монастыря. В настоящем 1875 году, погода в этот день была весьма благоприятная, и потому стечение богомольцев было необычайное – тысяч до 50-ти.

Изложу здесь краткие сведения об иконе Озерянской Божией Матери и об учреждении крестного хода.

Икона эта писана на холсте, небольших размеров (а именно, 9 1/2 верш. в высоту и 8 верш. в ширину), и, как полагают некоторые, кистью малороссийского художника. Она чудесным образом явилась в Озерянской Пустыни (ныне село), находившейся в трёх верстах от города Мерефы (ныне село) и около 20-ти верст от Харькова, на левом берегу речки Озерянки. По преданию, икона сия обретена во время татарских набегов на Украину, ещё прежде Озерянской пустыни, а, именно, не позже 1721 и не ранее 1718 года.

Озерянская пустынь в 1787 г. была закрыта, а икона перенесена была сначала в Куряжский Преображенский монастырь, – по закрытии же монастыря в 1788 г. в Харьковский Покровский монастырь, где и находилась до 1797 г., а в этом году, по восстановлении Куряжского монастыря, снова возвращена была туда.

В 1843 г., по представлению Преосвященного Иннокентия (Борисова), вследствие желания жителей г. Харькова видеть благодатную святыню среди своих жилищ, в 16-й день Октября, Высочайше утверждено определение Св. Синода переносить ежегодно 30 Сентября Чудотворный лик Божией Матери Озерянской из Куряжского монастыря в Харьковский Покровский на все зимние месяцы, а 22-го апреля из Харькова обратно²²¹. Крестные ходы совершались по особому, утверждённому Св. Синодом, церемониалу²²².

На следующий день, 23-го ч. по случаю принесения Озерянской иконы Божией Матери в Преображенский Куряжский монастырь, я совершал там литургию соборне с Преосвященным Вениамином, в управлении коего состоит этот монастырь. После литургии была обычная праздничная трапеза, к которой приглашены были некоторые из городских благотворителей обители. Затем я обозрел весь монастырь, так как был здесь в первый раз.

Местность Куряжского монастыря довольно живописна; он расположен на значительной возвышенности, окруженной с трех сторон садами и лесами.

Начало монастыря относится к XVII столетию. Он основан в 1673 г. полковником Харьковского полка, Григорием

Иерофеевичем Донцем²²³. В 1778 г. Куряжский монастырь был закрыт вместе со многими другими и назначен был для покоя монашествующим всех закрытых обителей Белгородской епархии. В 1793 г. там помещён был военный лазарет. В 1796 г., вследствие ходатайства Генерал-Губернатора Леванидова, Куряжский монастырь был восстановлен с званием заштатной общежительной пустыни, а в 1836 г. он введён был во 2-й класс штатных монастырей; Настоятели же его были вместе и Ректорами Харьковской Дух. Семинарии. С 1867 г. Куряжским монастырем управляют викарии Харьковской епархии²²⁴.

23-го ч. писал мне Преосвященный Евсевий²²⁵, архиепископ Могилёвский:

«Поздравляю Вас с продолжающимся праздником или попразднством Светлого Христова Воскресения, и искренно желаю, и молю Господа Иисуса, да благодать, воссиявшая из гроба Его, всегда осеняет Вас, и преисполняет Вас Своими дарами, и дарует Вам непрестанный мир и радование о имени Его, благопоспешествует всем делам Вашим, во славу Его, Спасителя нашего, и хранит Вашу жизнь всегда в благоденствии, ко благу многих, на многие и премногие годы.

О Могилёвских новостях нечего сказать Вам; всё здесь обыденное. Архиерей здесь прежний, и живёт и служит, кажется, по-прежнему. С обществом, по-видимому, нет у него разлада; а впрочем, иного я и знать не могу, т. е. кто как думает о нём. Когда встречаются неприятности, он повторяет: всё пройдет. Не долго бороться. Старикам немалое утешение: близок предел.

Из Петербурга и Москвы, кроме официальных, я не имею сведений. Это по моей привычке. Так мало времени, что и газетных новостей не успеваю просматривать, по моей косности.

Поручаю моему доверенному из Петербурга доставить Вашему Преосвященству вновь напечатанную книгу, под названием: «Беседы на Св. Евангелие от воскресения Лазаря до сошествия Св. Духа», в 2-х частях. Прошу принять благосклонно и с братскою любовью. Она имеет нужду в снисхождении».

На это почтенное Архипастырское послание не мог я отвечать ранее 25 июня; и вот что я писал тогда:

«Мая 27-го дня, накануне выезда моего в епархию для обычного обозрения церквей, я имел удовольствие получить два тома, в прекрасных переплётах, Бесед на Св. Евангелие, о которых Ваше Высокопреосвященство изволили писать мне в последнем письме от 23-го Апреля. Долгом поставляю принести Вашему Высокопреосвященству за этот новый знак Вашего милостивого ко мне внимания искреннейшую благодарность. При сем не могу не выразить моего крайнего удивления к Вашим неутомимым Архипастырским трудам на поприще проповедания Слова Божия. За такие труды здесь, без сомнения, уготовляется Вам великая мзда от Всевышнего там...

Из трехнедельного путешествия по новой мне вверенной епархии, я вынес отрадное впечатление. Простой народ везде, особенно там, где давно не было архиерейского посещения, встречал меня с необыкновенным усердием. Все церкви, какие я посещал по пути, переполнены были народом, жаждавшим принять Архиерейское благословение, не говоря уже о тех, где довелось мне совершать богослужения. Ничего подобного я не встречал в Полоцкой епархии, при поездках для обозрения церквей. С искренним также усердием и радушием встречали и принимали меня помещики, которых здесь ещё очень довольно. Сельское духовенство здешнее не бедствует. Земли, какими оно владеет, большею частью доброкачественные. Народ также нигде не жаловался мне на свою скудость: поистине благословенный край! От духовенства я слышал общие одобрительные отзывы о крайнем усердии прихожан к храмам Божиим. — И церкви, как городские, так и сельские, большею частью, содержатся в приличном виде, а некоторые даже очень благолепны.

После путешествия своего, правду сказать, довольно утомительного, я наслаждаюсь теперь приятным отдохновением в загородной даче, отстоящей от городского моего дома в получасе езды».

25-го ч. скончалась в Муроме тёща моя, вдова соборного священника Прасковья Степановна Царевская, о чём я был

извещен телеграммой.

26-го числа относился ко мне Начальник губернии Князь Д. Н. Кропоткин с официальным письмом следующего содержания:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

29-го сего Апреля в 10 часов утра имеет быть мною открыта Харьковская Городская Дума нового состава на четырехлетие с 1875 по 1879 год.

Сообщая об этом, имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство не отказать отслужить в этот день в Кафедральном Соборе божественную литургию и, по приведении гласных Думы к присяге, молебствие о здравии и долгоденствии Государя Императора».

Исполнение этого требования возложено было мною на Преосвященного Викария.

27-го ч. писал я в Москву Графине А. Г. Толстой:

«По желанию Вашего Сиятельства, переданному мне Натальею Петровной (Киреевской), я писал в минувшем Марте к Преосвященному Феогносту, Епископу Каменец-Подольскому, и просил его принять меры к разысканию могилы Вашей родительницы, Княгини Варвары Николаевны.

В ответ на моё письмо Преосвященный Феогност от 20 сего Апреля пишет следующее:

«По получении Вашего письма, я тотчас же велел... как только на градском кладбище»²²⁶.

Вот результат моего сношения с Преосвященным Каменец-Подольским. Что прикажете мне отвечать Его Преосвященству на запрос его относительно признаков могилы Вашей Матушки?

Вы желали бы, как пишет мне Наталья Петровна, поставить на могиле Вашей матушки памятник. Желание доброе и очень естественное со стороны Вашего Сиятельства, но если могила Вашей родительницы попала, как сообщает Преосвященный Феогност, под кладбищенскую церковь, то это был бы самый лучший для неё памятник, и Вашему Сиятельству оставалось бы только споспешествовать поддержанию и благоукрашению этого готового священного памятника».

28-го ч. писал я в Муром свояченице вдове учителя дух. училища Вар. Вас. Терновской:

«Хотя и неожиданно, но тем не менее очень прискорбно было для меня известие о кончине матушки Прасковьи Степановны. Да воздаст ей Праведный Судия небесным утешением за многие и великие скорби, понесенные ею на земле! По получении Вашей телеграммы я совершил об усопшей молитвенное поминовение.

Опишите мне сами, или попросите Александра Ивановича²²⁷ описать последние минуты жизни почившей вашей родительницы, а равно и обстоятельства её погребения; скажите при этом, каких лет скончалась она.

Затем сообщите мне сведения и о том, в каком положении Вы со своею дочерью остались, будете ли продолжать жить в своём доме, или выйдете из него, и кому в таком случае будет он принадлежать?

О себе слишком много не сокрушайтесь: пока я жив, не оставляю Вас без помощи.

Вместе с сим посылаю Вам в особом пакете сто рублей на покрытие издержек по случаю погребения усопшей вашей родительницы.

Желаю, чтобы между Вами родными сохранялись взаимная любовь и добрый мир».

1-го Мая писал я Инспектору Московской Дух. Академии С. К. Смирнову:

«Приношу Вам усерднейшую благодарность за поздравление со Светлым праздником; взаимно и Вас приветствую с продолжающимся празднеством в честь и славу Воскресшего Жизнодавца.

У нас в Харькове Пасха была в собственном смысле красная и светлая: в Великий Пяток, когда у Вас, как Вы пишете, был ещё снег по колена, утром шёл сильный дождь, но к вечеру прояснилось, и с тех пор погода стоит ясная и тёплая; но за то здесь постоянно бывает переход от одной крайности в другую: если дождь, то в городе на большей части улиц грязь непроходимая; если тепло и сухо, то пыль невыносимая для глаз; от того здесь очень много больных глазами. Но, к счастью, в Харькове имеется хороший и добрый окулист – Гиршман,

пользующийся громкой репутацией. К нему нередко обращаются за помощью больные и из других городов.

Какой стыд! В Харькове, многолюдном и богатом городе, нет ни одного порядочного живописца. Обещанный мною для Академической церкви список с иконы Озерянской Божией Матери здесь, на месте, сделать нет возможности. Нужно будет обратиться с просьбою к Московским или Троицким иконописцам. Мера подлинной иконы в вышину 9 1/4 вершка, в ширину 7 3/4 вершка. Впрочем, об этом я ещё подумаю.

Как идет, или прошла у Вас ревизия? Судя по доброй встрече с Вами О. Ревизора²²⁸ можно ожидать благополучного исхода. Благоволите сообщить мне Ваши впечатления и замечания насчет ревизии и ревизора.

Вы желаете иметь от меня какие-либо сведения о вопросах, какие давал покойный Владыка Филарет²²⁹ студентам на экзаменах во время моего Академического студенчества. К крайнему сожалению, едва ли могу вполне удовлетворить на этот раз Вашему желанию: время уже давнее, а память уже не юношеская. Впрочем, постараюсь сообщить Вам что сохранилось в моей памяти от времени студенчества, хотя не в ясных и определенных чертах.

На младшем курсе, на одном из частных экзаменов по предмету Психологии (речь шла, помнится, о темпераментах), Митрополит сделал какое-то возражение, на которое ни студент, ни бакалавр не могли дать удовлетворительного ответа. Тогда Владыка обратился к покойному Ф. А. Голубинскому²³⁰, сказав: как ты думаешь, глава философов? Ответ Фёдора Александровича удовлетворил Митрополита.

На другом, а может быть и на том же частном, экзамене, в лекциях по Истории Философии приписывалась какая-то странная мысль Лейбницу. Выслушав изложение этой мысли, Владыка сказал: «признаюсь в своём невежестве, я не читал в подлиннике сочинений Лейбница, но никак не могу допустить, чтобы такой умный человек мог иметь такую нелепую мысль».

Требовалось на публичном экзамене объяснение слов Ев. Мф. 7:22–23. Вопрос обращён был ко всем студентам XVI курса²³¹ (я был тогда на младшем курсе). На вопрос этот

вызвался отвечать Мих. Сим. Боголюбский²³². Владыка остался весьма доволен ответом.

На публичном также экзамене предложен был Владыкою вопрос студенту Н. Рождественскому²³³: «на чём основано соборное правило о тридцатилетнем возрасте для рукоположения во пресвитера?» Ответ: «На примере Иисуса Христа, вступившего в этом возрасте в общественное служение».

«Почему при богослужениях ектении предоставлено говорить диакону, а возгласы – священнику?» «Потому что в ектении излагаются прошения, а в возгласах – славословие Пресв. Троицы. И как славословие важнее прошения, то оно и предоставлено возглашать священнику; а то, что менее важно, предоставлено диакону, как низшему священнослужителю».

2-го ч. писал я в Витебск Протоиерею Василию Волкову:

«О моём водворении в Харькове Вам, без сомнения, известно из Харьков. Епар. Ведомостей и др. источников. Свою деятельность в Харькове я начал с того же, с чего начинал её и в Витебске, т. е. с исправления недостатков, какие мною усмотрены на первый раз по разным частям управления. В Харькове так же, как и в Витебске, в своё время, я не всё нашел в должном порядке. Впрочем, здесь легче, нежели было там, водворять добрые порядки: здесь и людей способных больше, и материальные средства обильнее.

Если бы Вы привели в исполнение своё доброе намерение побывать в Харькове, доставили бы мне большое удовольствие. Меня начинают уже посещать добрые люди как из Москвы, так и из других мест.

Р. S. Передайте от меня Вашему свату г. Альхимовичу искреннюю благодарность за его книжный дар».

Степан Альхимович, преподаватель Витебской семинарии, перевел с Немецкого сочинение Ф. Шаффа: Иисус Христос – чудо истории²³⁴, и экземпляр своего перевода прислал мне в дар со следующей надписью: «Его Преосвященству, Преосвященнейшему Савве, Епископу Харьковскому и Ахтырскому, покровителю ученых трудов, незабвенному милостивейшему Архипастырю и Отцу, – искреннейше

посвящает переводчик, преподаватель Семинарии, всегда благодарный и глубоко-преданный Степан Альхимович, 26-го апреля, 1875 г. Витебск».

3-го числа получил я письмо из. г. Ораниенбаума от Протоиерея тамошней придворной церкви Г. М. Любимова²³⁵, который писал мне от 28 апреля:

«Вашему Преосвященству, Милостивейшему Архипастырю и Отцу, имею сыновний долг поднести брошюры о Свято-Троицком Богадельном доме²³⁶ и о вечном памятнике Преосвященному Митрополиту Филарету²³⁷. Вместе имею священную обязанность принести искреннейшее чувство глубочайшей благодарности за отеческое Ваше внимание к ходатайству моему о священнике Петровском Витебской епархии. И он, и я, сыновне, искренне, до конца дней наших, будем молиться о здравии, спасении и благо – и долгоденствии Вашем на пользу Престола и Отечества, на благо Православной церкви, и на собственную радость и утешение».

В ответ на это писал я от 5-го числа:

«Усерднейше благодарю Вас за добрую о мне память и за доставление мне брошюр о Богадельном Доме, составляющем предмет Ваших многолетних забот и попечений. В особенности интересна для меня брошюра о почившем в Бозе Митрополите Филарете.

Очень рад, что мог я сделать приятное для Вас и полезное для о. Петровского перемещением его на другое место.

С удовольствием вспоминаю я об оказанном мне Вами в 1866 г. радушном гостеприимстве, за которое ещё раз повторяю мою душевную признательность».

4-го ч. писала мне из Москвы Графиня А. Г. Толстая:

«С глубочайшею признательностью читала я письмо, в котором Вы изволите извещать о тщательном, но безуспешном разыскании могилы моей матери. Мне совестно подумать, сколько забот я Вам причинила, и всепокорнейше прошу Ваше Преосвященство простить меня великодушно.

Ещё осталась одна надежда отыскать эту заветную могилу: матушка скончалась у брата своего Бахметева, которого сын (мой двоюродный брат) теперь на службе в Петербурге. Я

отнесусь к нему, может быть он знает, где именно то дорогое место, которого мы ищем.

Если же нет, и я не получу желаемого ответа, то с тёплой благодарностью благому Промыслу приму утешительную мысль Вашего Преосвященства, что прах моей матери покоится под святым храмом, самым лучшим для него памятником. Эта мысль вполне успокоительна.

Повергая к стопам Вашего Преосвященства мою почтительную любовь, испрашиваю себе Ваших святых молитв и благословения».

6-го ч. присутствовал я на экзамене по Закону Божию в Институте благородных девиц. Взглянув в представленный мне список воспитанниц старшего класса, я крайне удивлен был отметкою балла; у всех 25-ти воспитанниц поставлен одинаковый высший балл – 12-ть. Между тем, когда я приступил к испытанию, оказалось, что воспитанницы далеко не все одинаково отвечали; некоторые из них давали ответы на предлагаемые вопросы не вполне удовлетворительные. После экзамена, я спросил Законоучителя протоиерея Тимофея Павлова²³⁸ (кандидат XII курса – 1845 г. Киевской Академии), почему он всем воспитанницам написал одинаковый балл, тогда как они не все одинаковы по дарованиям и успехам. На это он ответил, что так он делает для большего поощрения менее даровитых воспитанниц к занятию Законом Божиим. Я разъяснил ему, что такая пристрастная оценка успехов, кроме нарушения справедливости, убивает ревность и энергию в лучших по дарованиям воспитанницах и сверх сего нарушает общий строй учебного дела в заведении. Со мною вполне согласились Начальница Института и Инспектор классов – опытный педагог.

7-го числа привез мне из Москвы племянник В. М. Бостанжогло²³⁹ купеческий сын Николай Александрович Алексеев²⁴⁰ богатые облачения, присланные мне в дар от некоторых, благорасположенных ко мне, лиц. Вслед затем получено было мною от сих лиц коллективное письмо следующего содержания:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

Желая, чтобы, на память об нас искренно-уважающих Ваше Преосвященство, Вы, Владыко святой, имели полное архиерейское и соборное облачения, честь имеем представить Вам в личную Вашу полную собственность:

Архиерейское облачение:

- 1 Саккос с принадлежностями
- 2 Омофора
- 1 Подризник
- 1 Мантия и
- 1 Сулок.

Священническое, в том числе на двух Архимандритов:

- 6 Фелоней
- 6 Подризников
- 2 Палицы
- 6 Набедренников
- 6 епитрахилей с поручами.

Диаконских:

- 3 стихаря, 3 ораря и 3 пары поручей.

Иподиаконских и псаломщиков:

- 5 стихарей, 2 ораря и 2 пары поручей.

Исполатчикам:

- 3 стихаря.
- 1 Кафедра.
- 1 Пелена для аналоя.

Архиерейский саккос с принадлежностями и сулок золотой парчи, омофоры золотого глазета, прочие предметы, кроме кафедры, белого глазета, а Кафедра шелковая белая.

Покорнейше просим Ваше Преосвященство не оставить нас Вашими святыми молитвами и остаёмся с отличным почтением и преданностью.

Вашего Преосвященства покорнейшие слуги: Вас. Мих. Бостанжогло, Серг. Дим. Ширяев, Ник. Мих. Бостанжогло, Алекс. и Влад. Григ. Сапожниковы, Алекс. Влад. Алексеев, Серг. Влад. Алексеев, Ст. Ив. Камынин, Ник. Алекс. Молодцов, Алек. Ив. Хлудов, Алекс. Вас. Ганешин, Вас. Ив. Пащенко-Тряпкин, Вас. Гавр. Куликов, Ник. Алекс. Алексеев».

8-го ч., в 9-м часу утра, после ранней литургии, отправился я из Харькова, в сопровождении Кафедрального Ключаря, Протоиерея Илларионова, в Николаевский женский монастырь, для празднования храмового праздника в честь святителя Николая; свита же моя отправилась вперед.

Николаевский монастырь, в 40 верстах от Харькова по старому Московскому тракту, при селе Стрелечье, в 7 или 8-ми верстах от верховья реки Харькова, – отчего и присвоено ему наименование «Верхохарьковского». Основанием своим он обязан благочестивому усердию владельцев села Стрелечьего – Степановых. Наследники богатого родительского имения, два брата Михаил и Павел Ивановичи и сестра их Елизавета Ивановна, в монашестве Емилия, возымели благую мысль устроить, в память благочестивых родителей своих, женский монастырь, и в начале зимы 1845 г. отправились в Петербург, где и обратились в Св. Синод с прошением о дозволении им учредить на собственном иждивении в селе Стрелечьем женский монастырь во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 14-й день Марта 1845 г. Высочайше утвержден был доклад по сему делу Св. Синода.

Начало Николаевского монастыря было, так сказать, повито разными чудными видениями: то старший брат Степановых, Михаил Иванович, в раздумье о построении монастыря, видит во сне и на яву уже воздвигнутую обитель и новый Николаевский храм; то сестра его Емилия, в самый день Высочайшего утверждения Синодского доклада, видит во сне стоящую Божию Матерь, которая уверила её в успехе их дела.

7-го Октября 1845 г. приступлено было к основанию монастыря по церковному чиноположению. После литургии в прежнем Николаевском храме, совершено было Преосвященным Иннокентием (Борисовым) среди монастыря торжественное молебствие, на котором к великой ектении приложены были особенные прошения. При окончании молебствия, окроплены были св. водою основания монастырской ограды, причем вместе с камнями, на каждой стране монастыря, положено в основание зданий по небольшой иконе преп. Антония и Феодосия, Сергия Радонежского,

Митрофана Воронежского и Иоанна Многострадального, с тою мыслию, да будут сии Угодники Божии молитвами своими вместо ограды духовной для будущей обители от врагов невидимых²⁴¹.

Первоначальный штат монастыря состоял из 24 монахинь с 26-ю послушницами; а в 1875 г., при моём вступлении на Харьковскую кафедру, было на лицо 30 монахинь манатейных, 36 рясофорных и 78 послушниц.

Первой настоятельницей новооткрытой обители была сама учредительница монастыря, Игумения Емилия, с юных лет посвятившая себя иноческой жизни. Она скончалась 28-го мая, 1873 г., на 63 году от рождения.

Преемницею её избрана была монахиня Арсения (из Харьковских купеческих дочерей), которая была настоятельницею при моём вступлении на Харьковскую кафедру.

Когда я приехал в монастырь и, после надлежащей встречи в церкви, вошёл в игуменские келии, нашел накрытый для нескольких персон стол: оказалось, что это был день именин Игумении. Тотчас же предложена была мне и прочим гостям, приехавшим из города, именинная трапеза.

В 6 часов вечера началась всенощная служба с литией и величанием святителю Николаю. За службой пели одни монахини, при участии только двух басов из моего хора, очень стройно. Вообще пение в этом монастыре благоустроено, так как Игумения сама была певчею и любит стройное пение.

На следующий день, 9-го числа, после ранней литургии в домово́й церкви, совершён был вокруг монастыря крестный ход, в котором я не участвовал.

В 9-ть часов поздняя литургия; пели одни также монахини; но так как для них порядок архиерейского священнодействия не довольно знаком, то служба шла не довольно стройно. Богомольцев было, благодаря хорошей погоде, очень много, так что далёко не все могли поместиться в храме, который, правду сказать, недостаточно поместителен. Предположено его расширить.

После обедни, напившись чаю, я посетил в сопровождении Игумении, несколько монашеских келий.

Затем предложена была обычная праздничная трапеза, приправленная стройным монашеским пением. Я полюбопытствовал узнать, кто поёт прекрасным звучным сопрано; оказалось, что это была девица, имеющая более 40 лет от роду.

В 4-м часу пополудни я оставил обитель и возвратился в 8-м часу в город.

На другой день, 10-го ч., была у меня Игумения Троицкого Курского монастыря и сказывала, что Киевский Митрополит Арсений²⁴², мимоездом из Петербурга в свою епархию, имел от Св. Синода поручение видеться с Преосвященным Курским Сергием для личного объяснения по какому-то важному делу. После говорили, что речь была будто бы по вопросу об открытии мощей святителя Иоасафа (Горленко), Епископа Белгородского²⁴³, нетленно почивающего в склепе под соборною Николаевскою церковью Троицкого Белгородского монастыря. Вопрос этот, как слышно было, возбужден был управляющим тогда Троицким монастырем Архиепископом Варлаамом, бывшим Тобольским²⁴⁴.

11-го ч., в воскресенье, в день памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия, я совершал литургию в монастырском Покровском храме, причем в первый раз употреблены были присланные мне из Москвы в дар облачения. По этому случаю я телеграфировал в Москву В. М. Бостанжогло: «Совершивши ныне в устроенных Вашим тщанием облачениях Божественную литургию, мы вознесли усердную о Вас и о прочих благодетелях молитву к Богу, а за трапезою желаем всем Вам многолетнего здоровья».

На это получен был мною в тот же день от Василия Михайловича такой ответ:

«Приветствую Вас с праздником; желаю здоровья; Николаю Александровичу Алексееву прошу передать мой поклон; мне лучше. Бостанжогло».

12-го ч. переехал я из города на дачу.

Дача Харьковского Архиерейского дома, известная под именем: «Всехсвятское», находится верстах в двух от городской черты, а от Архиерейского дома верстах в пяти – на полчаса езды, за Холодной Горой, к западу, по старой Полтавской дороге. Всё почти пространство земли, находящейся под дачей, до 15-ти десятин, покрыто разнообразными, отчасти плодовыми деревьями. Среди вековых деревьев стоит небольшой, но очень поместительный, деревянный дом с мезонином и с домовою при нем церковью во имя Всех Святых. При летней украинской жаре и при зловредной для глаз Харьковской пыли, эта дача – превосходное, дышащее прохладой, убежище. Здесь проводил я большую часть лета и осень до последних чисел Сентября; только в праздничные и воскресные дни ездил я в город для служения, и раза два в неделю на несколько часов утром, для приема просителей. Впрочем, просителям и должностным лицам не воспрещалось являться ко мне и на дачу. Изредка посещали меня здесь и знакомые из города. Спокойная и приятная была для меня на даче жизнь.

На другой день по переезде на дачу, писал я в Москву Преосвященному Леониду:

«Вчера переселился я из душного и пыльного города в загородную пустынь и спешу описать Вам моё новое мирное и уединенное жилище, зная, как сильно Вы любите деревенскую жизнь.

Моя дача, именуемая Всехсвятское (по домовою церкви во имя Всех Святых), находится от городского дома на полчаса езды, т. е. на расстоянии около 5-ти вёрст. Всё пространство, занимаемое дачей, десятин до 15-ти, за малым исключением, покрыто деревьями, частью плодовыми яблонями, грушами, сливами, вишнями, – а большею частью. простыми, но весьма разнообразными, преимущественно, впрочем, липами. Есть немало сосновых деревьев, насаждённых покойным Преосвященным Иннокентием. Если обойти все дорожки в саду, потребуется времени не менее часа.

Дом на даче деревянный с мезонином и с небольшою, но благовидною церковью. Дом не новый уже, но ещё крепкий и очень поместительный: в нём более десяти комнат.

Местоположение дачи довольно красивое, но далеко не может равняться с местностью Витебской дачи. Главный недостаток здесь в воде. Были когда-то пруды и даже с лебедями, но от чего-то прорвалась плотина; вода ушла, и теперь видны только ямы с мутною, грязною водою, оставшейся на дне бывших прудов. Таким образом, после семилетнего пользования прекрасным купаньем в Витебске, здесь я лишён этого, не только приятного, но и полезного для меня, удовольствия. Есть правда и здесь возможность купаться в реке, но для этого нужно совершать путешествие версты за две, или более. Припоминая, впрочем, Ваши некогда путешествия для купанья на Фили, или на Угрешу, я не должен приходить в отчаяние. По Вашему примеру, может быть, и я решусь делать 2-х вёрстные поездки, если того потребует нужда. Посмотрим.

Благодетельная Москва, ущедрившая меня своими дарами в бедном Витебске, не оставляет и здесь, в богатом (но не тароватом) Харькове. На прошедшей неделе я получил из первопрестольного града от В. М. Бостанжогло *со товарищи* следующие дары: мантию, саккос с принадлежностями и 6-ть полных священнических и диаконских облачений. Последние облачения из белого глазета; а саккос *аксамитный* – парча очень богатая и красивая. В прошедшее воскресенье эти облачения употреблены были при литургии с усердною молитвою о благотворителях, и в особенности о болящем рабе Божиим, Боярине Василии. Да, не мог я не поскорбеть душевно о тяжелой болезни, постигшей достопочтенного Василия Михайловича: он всегда был ко мне благорасположен и очень много делал для меня всякого добра. Да восстановит его здоровье Всесильный Врач душ и телес!..

Богатые Московские дары, удивившие Харьковцев, привезены были ко мне племянником Василия Михайловича Николаем Александровичем Алексеевым. Этот прекрасный и благородный юноша был свидетелем нашего соборного моления о благотворительном его дяде и о прочих участниках в столь значительном приношении, которое, надобно заметить, всё, не исключая и священнических облачений, предоставлено в мою неотъемлемую собственность.

Николай Александрович оказывается мой близкий сосед по имению. Их шерстяная мойка, на которой он имеет теперь своё пребывание, находится от Всехсвятского в двух или трёх верстах. Он обещал посещать меня здесь вечерами. Когда он будет возвращаться в Москву, я постараюсь прислать с ним Вашему Преосвященству фотографический вид моего городского дома, или, вернее, Покровской церкви, которая стоит тут на первом плане.

За Вашу назидательную беседу со мною в ночь Страданий Господних душевно благодарю Вас.

Прошу кланяться от меня всем Вашим присным».

14-го ч. получил я из Мурома от свояченицы Варвары Васильевны Терновской письмо, в котором она с подробностью описала обстоятельства кончины и погребения своей матери, а моей тёщи Прасковьи Степановны Царевской.

14-го ч. писал мне Преосвященный Иаков, Еп. Муромский²⁴⁵:

«Примите с любовью и во единонадесятый час приходящего к Вам, милостивый Владыка. Так устроилось, что я запоздал прийти к Вам на новоселье и потом на праздник Пасхи. Простите и примите моё раннее по усердию, но позднее по времени поздравление. Радуюсь, сто раз радуюсь, Вашему перемещению не в Курск, как пророчил я ещё в Сентябре, а в приятный Харьков.

Что же пожелать Вам на новоселье? Всего лучшего, а наипаче любви, любви от паствы – и многолетнего здоровья, да лет чрез пять – Архиепископского сана.

У нас гостит г. Зинченко²⁴⁶, ревизуя Семинарию и училища. Он, между прочим, заметил Владыке²⁴⁷, почему в нашей епархии не откроют свечного завода, как лучшего источника для поддержки училищ. Владыка не убежден в пользе этого источника, да и не находит средств к учреждению завода. Зинченко указывает на Саратов, на Нижний и др. епархии, которые процветают заводами. В нашем совещании со Владыкой положено собрать подробные сведения о свечных заводах, и он, взявшись написать в Нижний, мне поручил просить Ваше Преосвященство о доставлении записки о Вашем

свечном заводе, древнейшем из епархиальных. Благоволите приказать составить, если нет готовой, записку о том, чего стоит обзаведение завода, откуда взяты деньги для сего и на закупку воска, велик ли запас воска делается, по каким ценам покупается и как, на чистые деньги или в долг, что стоит содержание завода, сколько служащих при заводе и какое получают жалованье, где склады свеч, в одном ли Харькове или в разных городах, под чьим надзором и на каких условиях, словом, нужно знать всю операцию свечного дела, чтобы уметь взяться за дело и не провалиться, как то случилось в Вятке. О Вятском Владыке в Питере по этому печальному случаю говорят: св. Аполлос напои, а Вятский Аполлос²⁴⁸ разори. – Нет, избави Бог нас от такой притчи. Позвольте, Владыко святой, надеяться на Ваше милостивое содействие нам к точному ознакомлению со свечной операцией.

Г. Зинченко смущает наших наставников и начальство своим серьезным видом и постоянным молчанием, слушает только и смотрит. Такое отношение к деятелям связывает руки и язык. Его и физиономия неприглядна.

Что-то нервическое в его лице. То и дело передергивает губы. Приехал 29-го Апреля, побывал у нас обоих и от нас в Семинарии и в училищах, мужском и женском. Собирается посетить все училища. Без курьезов не обходится. Ректор²⁴⁹, напр., спрашивает Владыку, как величать ревизора, превосходительным, или иначе. Вот-де Ненарокомов²⁵⁰, коего стали было титуловать по-генеральски, прямо сказал: называйте просто Иван Алексеевич. Владыка сказал: Статского Советника следует величать Ваше Высокородие.

Прошу Ваше Преосвященство продолжить Ваше ко мне расположение и не забыть в своих св. молитвах моё недостоинство».

14 ч., утром, присутствовал я на экзамене по Закону Божию воспитанниц VI класса Епархиального женского училища. Ответами их остался доволен, хотя и не все одинаково отвечали. Преподаватель Закона Божия (он же и Инспектор классов) – священник Никандр Оникевич – кандидат XXV курса

(1869 г.) Киевской Дух. Академии, деятель честный и трудолюбивый.

14-го же числа за № 35 дано было мною Консistorии следующее предложение:

«Предполагая 28-го числа текущего мая отправиться для обозрения церквей Валковского, Ахтырского, Лебединского и Сумского уездов, по прилагаемому при сем маршруту, предлагаю Консistorии учинить следующее: 1) поручить Кафедральному о. Ключарю, Протоиерею Илларионову, принять из Казначейства назначенные мне со свитою на прогоны деньги; 2) о моём выезде снести от моего лица, с препровождением копии с маршрута, с г. Начальником губернии и уведомить подлежащие места и лица; и для безостановочного движения Консistorских дел, нетерпящих отлагательства, представлять оные, впредь до моего возвращения в Харьков, на утверждение Его Преосвященству Вениамину, Епископу Сумскому».

16-го числа получено было мною письмо от Инспектора Московской Дух. Академии С. К. Смирнова. Вот что писал он мне от 12-го числа:

«Усерднейше благодарю Вас за сообщение дорогих для меня сведений из времен Вашего студенчества.

О ревизии нашей Академии довольно подробные фактические сведения Вы можете прочитать в 124 № Современных Известий, в статье, писанной кем-либо из студентов. На Академию Преосвященный произвёл самое приятное впечатление. Болезнь о. Ректора²⁵¹ была причиною того, что мне досталась честь ежедневно состоять при ревизоре и во время посещения им лекций, и во время осмотра им Академических зданий, и в сопровождении его при посещении им Лаврских храмов и учреждений, и во время путешествия его в Скит и в Вифанию. Могу признаться без всякой похвальбы, что дела мне было много, но по милости Божией я провел всё это время благополучно и без утомления, и был осчастливлен посещением Преосвященного в моём доме и при прощании с ним выражением мне особенной благодарности. Результат ревизии неизвестен, но я вёл своё дело, руководясь внушениями чистой совести.

День ангела своего (1 мая) Преосвященный провел, как день будний, за делом в Академии. Ни обеда, ни общего поздравления не было. Имев возможность узнать его ближе, чем другие, могу сказать, что это человек замечательнейший по необычайно-проницательному уму, по обширной учёности, по редкой мягкости обращения. *Nos omnibus patet, quid autem sub hoc latet, Deus Solus videt.*

У нас начались экзамены и на мою долю приходится быть в 23 заседаниях. О. Ректор в половине мая уезжает на дачу. Здоровье его всё ещё некрепко».

Поздно мне пришлось отвечать на это любезное послание, а именно я писал почтенному Сергею Константиновичу не ранее 15-го июля и вот что писал ему:

«С родственником студентом С. Петербургской Академии Виноградовым²⁵² посылаю на имя о. Ректора обещанную мною для Академической церкви икону Озерянской Божией Матери и письмо со вложением 100 руб. для устройства приличной рамы для этой иконы. Если Ректор дома, то прошу Вас вручить ему то и другое; а если нет, то благоволите распорядиться деньгами сами по своему усмотрению.

При этом прошу Вас, достопочтеннейший Сергей Константинович, принять от меня другой экземпляр той же иконы в благословение Вам и Вашему благочестивому семейству».

Из Харьковской Складочной Таможни нередко присылались в Консисторию, для рассмотрения и заключения, вывозимые из-за границы разные священные предметы. На одном из журнальных постановлений Консистории по делам сего рода мною дана была 17 мая следующая резолюция:

«Предварительно возвращения священных изображений в Таможню, просить от моего лица уведомления от Г. Управляющего Таможнею, как будет поступлено, по существующим узаконениям, с означенными изображениями, в случае возвращения их в Таможню».

18-го ч. писал мне из Петербурга Секретарь С.-Петербургского Отдела Общества любителей духовного

просвещения, Флигель-Адъютант Полковник Александр Алексеевич Киреев²⁵³:

«Пользуясь благорасположением, выказанным Вами ко мне, позволяю себе рекомендовать благосклонному вниманию Вашего Преосвященства подателя сего письма, который принял единоверие и готов употребить все свои силы и способности на служение истине и правде. Отец Тимофей²⁵⁴ был не только воспитанником, но и сотрудником Павла Прусского²⁵⁵, и, по-видимому, мог бы служить с великою пользою делу миссионерства в среде раскольников. Не знаю, может ли он с значительным успехом исполнять обязанности приходского священника, но свои способности, как миссионер, он уже доказал на деле!

Позволяю себе представить при сем краткий отчет о наших сношениях со старокатоликами. Вы изволите усмотреть из него, что мы сделали уже значительные шаги вперед, на пути сближения; из газет Вам, конечно, известно, что и Вселенский Патриарх принимает участие в решении этого вопроса.

Поручая себя молитвам Вашего Преосвященства, прошу Вас принять уверение в совершенной преданности»...

19 ч. посещал я Семинарию для присутствования на испытании учеников IV класса по «Обзору философских учений». Ответы были, большею частью, удовлетворительны. Преподаватель Вас. Феоктистов, даровитый и сведущий в своём деле наставник, магистр XXVI курса (1868 г.) Москов. Духов. Академии.

На следующий день, 20 ч., я снова был в Семинарии на испытании учеников VI класса по Догматическому Богословию. Некоторые ученики отвечали очень удовлетворительно, а другие слабо и вяло. Преподаватель Вещуров²⁵⁶ не может почитаться вполне удовлетворительным наставником.

21-го ч. в среду, день отдания Пасхи, выехал я, в сопровождении Кафедрального Ключаря, во 2-м часу пополудни в Вознесенский *Хорошев* женский монастырь, для участия в храмовом его празднестве.

На пути встретили мы село *Бабаи*, в 12-ти верстах от Харькова, имение помещика Щербинина. Церковь каменная во

имя Архистратига Михаила очень благолепна; иконы хорошей итальянской живописи, но не вполне соответствуют характеру православного храма. Две главных местных иконы в иконостасе не довольно обычного вида: Спаситель представлен идущим и беседующим с двумя учениками на пути в Эммаус; Божия Мать изображена приносящею в Иерусалимский Храм Младенца – Иисуса.

В 4 часа прибыли мы в монастырь и, после обычной встречи в храме, вошли в настоятельские келии.

Вознесенский Хорошев монастырь стоит на высокой горе, окруженной с трёх сторон глубокими оврагами, и составляет одну из лучших и красивейших местностей в окрестностях Харькова; от чего производят и его название *Хорошев*. Но, при всей красоте местоположения, Хорошев монастырь имеет и важные неудобства, а именно: так как поверхность горы, занимаемой обителью, очень не велика, а между тем число сестер год от году умножается (в 1875 г. всех живущих в монастыре было 311 душ), то постройки келий очень стеснены, и нет возможности строить новые здания. Ещё более важное затруднение относительно добывания воды; её нужно носить из-под горы, сажень на 20-ть или более высоты. Основание Вознесенского Хорошева монастыря относится ко второй половине XVII столетия. В 1741 г. он приписан был, по скудости собственных средств к существованию, к мужскому Куряжскому монастырю, но в 1749 г. опять получил независимость. С 1851 г. введена в обители общая трапеза, а в 1854 г. утверждено Св. Синодом полное общежитие. В 1871 г. учрежден при монастыре, на монастырские средства, детский приют для бедных девочек духовного происхождения.

В прежнее время, в Хорошевом монастыре существовал такой обычай: пред пострижением девицы одевались в лучшее платье, вплетали в косы на голове цветы, и в таком порядке шли в церковь для пострига, как бы под брачный венец с духовным женихом – Иисусом Христом.

В настоящее время, в Хорошеве монастыре две каменных церкви – одна холодная в честь Вознесения Господня с

приделом, и тёплая – трехпрестольная. Монастырский причт состоит из двух священников и диакона.

Игуменья Олимпиада²⁵⁷, с четырёх лет от рождения находящаяся в монастыре, не отличается образованием, но внимательна к своим обязанностям.

По приезде моём в монастырь, в 6-ть часов начался благовест ко всенощной. Праздничная служба совершалась по Уставу и по чину монастырскому. На левом клиросе пели монастырки, но не так стройно, как в Николаевском монастыре.

На другой день, 22-го числа, в самый праздник Вознесения Господня, после ранней литургии совершался так же, как и в Николаевском монастыре, крестный ход вокруг монастырской ограды. В 9-ть часов благовест к поздней литургии, которая совершена была мною с обычною торжественностью при значительном стечении богомольцев из окрестных селений и частью из города.

После чая и перед обедом осмотрена была монастырская ризница и посещён детский приют, в котором на этот раз было в двух классах 27 девочек, коим я дал по образку и 10 рублей деньгами на гостинцы.

Был затем в некоторых монашеских келиях, между прочим, в келии старшей сестры покойного Архиепископа Иннокентия (Борисова) восьмидесятилетней старицы Екатерины Алексеевны, которая сказывала мне, что она учила знаменитого брата своего грамоте. Наконец, благословивши монашескую трапезу, я возвратился в игуменские келии, которые я занимал и в которых приготовлена была и для меня с избранными гостями праздничная трапеза.

После обеда тотчас же отправился я в город и на ночь возвратился в своё Всехсвятское.

24-го ч. писал я в Москву В. М. Бостанжогло:

«Я думал, что с перемещением меня из бедного Витебска в богатый Харьков благотворительные ко мне отношения благодетельной Москвы прекратятся, но оказывается напротив. Меня и здесь добрая и благочестивая Москва преследует, так сказать, своею любовью и своими благодеяниями. Скажите же Бога ради, чем я заслужил такую любовь Москвы и чем могу

воздать ей за её ко мне недостойному внимание и благорасположение?

Достопочтеннейший Василий Михайлович! Примите Вы и благоволите передать и прочим участникам Вашим выражение моей глубокой сердечной признательности за богатое и неожиданное для меня приношение.

Когда в первый раз (11-го сего Мая) употреблены были при богослужении присланные Вами облачения, Харьковцы были до крайности удивлены таким богатым, и изящным приношением. Здесь, ни при Архиерейском доме, ни при Кафедральном Соборе, не было и нет подобных облачений. И потому тем более имеет цены Ваш дар, чем более он был благопотребен и чем менее у меня, в настоящую пору, при обременении моего Архиерейского дома долгами, имеется собственных средств для удовлетворения этой потребности.

Нет нужды изъяснять Вам, с каким усердием возсылалась мною и моими сослужителями к престолу Господню молитва о Вашем здравии и о здравии прочих благодетелей. Николай Александрович²⁵⁸, доставивший нам Ваши приношения, был свидетелем этого соборного моления.

Но к общему чувству нашей искренней признательности за щедрый дар примешалось, к сожалению, тяжелое чувство душевной скорби при вести о постигшей Вас мучительной болезни, воспрепятствовавшей Вам прибыть в Харьков и лишившей нас утешения лично выразить Вам наши чувства сердечной признательности и глубокого к Вам уважения.

В залог этих чувств и в знамение благословения Божия Вам и присным Вашим прошу принять от меня препровождаемое при сем священное изображение Божией Матери, именуемой *Озерянскою*. Подлинная чудотворная икона Божией Матери составляет главную святыню Харькова и предмет благоговейного чествования для здешнего благочестивого и набожного населения.

Возвращение Вам здоровья составляет предмет моего искреннего сердечного желания и усерднейшей молитвы к Верховному Источнику и Подателю жизни и всяких благ. При этом меня не оставляет добрая надежда рано или поздно

видеть Вас у себя, в Харькове, дорогим гостем. За это ручается мне и Ваш добрый племянник Николай Александрович, которого я душевно полюбил за его прекрасные качества».

27-го же числа писала мне из Витебска, Начальница Духовного Училища, Баронесса М. А. Боде:

«Грустно памятно мне все годовщины последних чисел Мая прошедшего года: наш экзамен, акт, выпуск, освящение нового иконостаса, праздник св. Евфросинии – все эти дни, в которые мы постоянно видели Вас в кругу нашем, то в церкви, то в училище, то у Вас в Залучесье; всякий день вспоминается то или другое происшествие, то или другое удовольствие и так хочется, хотя письменно, откликнуться Вам и вызвать и с Вашей стороны ту же мысль, тоже воспоминание.

Преосвященный Викторин в последние две недели ездил по епархии, посещал Инфляндские уезды; сегодня ожидают его возвращения. В день св. Евфросинии он служил в Спасском монастыре. Рассказывают, что Игуменья не встретила и не проводила его, а только подошла в церкви к благословению, после чего ушла к себе. Он же осматривал монастырь и Училище в сопровождении монахинь, после чего и уехал в город!..

Прелестная Залучеса также сиротеет без Вас. Преосвященному Викторину не нравится её пустынное местоположение и отдаленность от города. Он намерен остаться на лето в Витебске и довольствоваться своим городским садом.

Все мои, т. е. служащие при училище и воспитанницы, просят Ваших святых молитв и благословения и просят принять изъявление их глубочайшего почтения».

28-го ч. в среду в 9-ть часов утра выехал я, в сопровождении Кафедрального Ключаря, из Харькова с целью обозрения церквей. Путешествие моё по епархии продолжалось до 7-го Июня. В продолжении трех недель мною обозрено было в уездах Харьковском, Валковском, Ахтырском, Лебедянском, Сумском и Богодуховском, два монастыря и 90 церквей; при чём совершено 10 литургий и одно освящение храма;

осмотрено одно духовное училище и несколько церковно-приходских и народных школ.

Вот некоторые подробности этого первого моего путешествия по новой, мне вверенной, епархии.

Первое, встретившееся мне на пути, село было Песочино, в 10-ти верстах от Харькова. Название села заимствовано, очевидно, от окружающих оное песков. Церковь каменная во имя Вознесения Господня. В алтаре на южной стене заметил образ Лоретской Божией Матери; вокруг изображения Богоматери в малых медальонах изображения, или, точнее, портреты разных фигур – польских и французских королей. По всей вероятности, этот образ принесён из-за Днепра черкасами – первыми поселенцами по берегам речки Безчереватой, при которой расположено село Песочино.

Далее следовало село Люботин, известное своими грушевыми рощами. Люботинские груши, в сушёном виде, распространены едва ли не по всей северной России. Люботин довольно многолюдная слобода; в ней около 3000 душ обоего пола. О Люботине сохраняются сведения, что там был Пётр I, когда спешил из Азова чрез Харьков под Полтаву; а Император Александр I, по пути также в Полтаву, слушал в здешнем храме 1 Августа литургию и после оной ходил на водоосвящение к колодцу. Церковь в Люботине очень благолепна. По осмотре заходил в дом священника Лобковского, который вместе и благочинный.

В 4 часа пополудни прибыл я в г. Валки.

Название Валок взято с вида местности волнистой или холмистой, среди которой расположен город. Весной и летом этот город представляет живописный вид; он весь погружён в фруктовых садах. Население его простирается до 10 т. душ обоего пола. Всех церквей в городе 6, в том числе и кладбищенская.

По приезде в Валки, я слушал в своей квартире, в доме соборного Протоиерея Солодовникова²⁵⁹, всенощную службу, а на другой день, 29-го числа, соборне совершал литургию. После обедни, напившись чаю, обзревал городские церкви. Из городских священников обратил на себя моё внимание

священник Георгиевской церкви П. Будянский²⁶⁰, отличающийся способностью писать проповеди. Его имя известно даже в печати; он составил Летопись Верхохарьковского Николаевского девичьего монастыря, при котором прежде был священником, с 7-го Октября 1845 г. по 7 Октября 1870 г. Летопись эта напечатана в Харькове. в 1870 г.

В Валках сохраняется память о прежнем настоятеле собора, Протоиерее Василии Снесареве. Это весьма замечательная личность. Сын соборного звонаря, родившийся 1 Января 1756 г., в отрочестве пас стадо овец своего отца; 16-ти лет поступил в Харьковский Коллегиум; по окончании здесь курса, отправлен был в Нежин для практического изучения Греческого языка, а оттуда отправился в Киев для слушания академических лекций. Там сблизился он с знаменитым проповедником, протоиереем Левандою. По возвращении из Киева, он определен был учителем Греческого языка в Харьковском Коллегиуме и в то же время получил сан священника. Затем 12-го июня 1786, г. определён был на протоиерейское место к Преображенскому собору в г. Валках, где и оставался до конца своей жизни; он скончался 20-го Августа 1833 г., на 78-м году от рождения – Протоиерей Снесарев отличался необыкновенным даром слова и высокой духовной жизнью, за что и пользовался общим уважением в епархии.²⁶¹

Из Валок через сёла Перекоп и Высокополье приехал я в село Алексеевку. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы; храмовая икона неискусного письма. На иконостасе поверх царских врат размещены разноцветные стаканчики, для освещения храма, что мне показалось не весьма уместным.

На другой день, 30 числа, ранним утром, отправился я далее, по направлению к г. Ахтырке. На пути видел церкви в слободах: Мурафе, Краснокутске, Козеевке и Каплуновке.

В Мурафе две церкви – Николаевская и Михайловская, не отличающиеся благолепием, в особенности неблаговидны в иконостасах иконы. В Мурафе, равно как и во многих других

церквях епархии, я увидел в алтаре и на разных местах церкви выносные кресты на пьедесталах с *двухглавыми орлами*.

Краснокутск, или Красный Кут – упразднённый уездный город. Название его объясняют красивой местностью над рекою Мерлом, при подошве довольно значительной возвышенности, осенённой грушёвыми и сливовыми садами.

В Краснокутске три приходских храма: Николаевский, бывший соборный, Успенский и Михаило-Архангельский.

Из Краснокутска через Козеевку приехал в слободу Каплуновку. Здесь храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, основанный в 1788 г., очень обширен и величественной архитектуры. В нём находится Чудотворная икона Божией Матери, именуемая *Каплуновскою*. С нею ежегодно в Сентябре совершается крестный ход в уездный город Богодухов. Каплуновская икона была при Петре I во время Полтавской битвы с Карлом XII, и пред нею Пётр молился со слезами.

В то время, как Пётр перед Полтавской битвой находился с иконою в Харькове, Карл с Мазепою был в Каплуновке. Мазепа²⁶² оставил здесь по себе память; им пожертвована была священническая риза зелёного бархата с шитым золотым оплечьем и епитрахиль красного бархата с таким же шитьем.

В половине 5-го часа пополудни прибыл я в г. Ахтырку. После обычной встречи в Соборе всем городским духовенством, при многочисленном стечении народа, я поместился в так называемом Графском здании, рядом с тёплым собором. Графским здание называется потому, что построено в прошедшем столетии Графиней Чернышевой, урожденною баронессою фон-Вейдель.

В 6-ть часов началась всенощная служба с литией и величанием; на левом клиросе пели ученики духовного училища довольно стройно.

На следующий день, 31 числа, в субботу перед Пятидесятницею, совершена была мною в Соборе литургия. В этот день после литургии с 1844 г. ежегодно совершается крестный ход с чудотворною Ахтырской иконой Божией Матери²⁶³ из Ахтырского Покровского собора в Ахтырский

Троицкий монастырь, отстоящий в 4-х верстах от города. Я проводил крестный ход до градской Успенской церкви, а отсюда в экипаже проехал в монастырь.

В городе Ахтырке 6-ть церквей; из них особенного внимания заслуживает Соборная Покровская.

Храм этот начат постройкой, по повелению благочестивой Императрицы Елисаветы Петровны, в 1753 г. на месте явления чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Ахтырскою. План для него сочинен был знаменитым Архитектором XVIII столетия, графом Растрелли.

Архитектура храма величественная; иконостас весьма высокий и благолепный; престол в главном алтаре необыкновенно больших размеров, обложен со всех сторон бронзовыми досками, с рельефными сребропозлащенными по ним священными изображениями. Один и очень важный недостаток в этом замечательном храме: алтарь не поднят ни на одну даже ступень над уровнем церковного пола.

В соборе, кроме некоторых ценных утварей, достойна внимания золотая риза на чудотворной иконе Божией Матери, богато украшенная бриллиантами и другими драгоценными камнями, ценою в 32,000 рублей серебром.

Причт соборный состоит из Настоятеля, 2 священников, 2 диаконов и 4 псаломщиков.

Настоятель протоиерей Андрей Попов²⁶⁴ – кандидат X курса (1841 г.) Киевской Дух. Академии – человек добрый и кроткий, но не всегда внимательный к своим обязанностям.

Протоиерей (на священнической вакансии) В. Лопатин из студентов Семинарии, очень способный и дельный, но, к сожалению, не всегда трезвый.

Протоиерей (на священнической вакансии) И. Клементьев²⁶⁵, он же и Смотритель духовного училища, старший кандидат XV курса (1851 г.) Киевской Дух. Академии.

Соборный Староста – купец Ив. Тим. Расторгуев весьма ревностный исполнитель своих обязанностей и любитель церковного пения; он и при мне читал шестопсалмие и часы.

За соборною оградой находится духовное училище, которое также было мною посещено. Я, в сопровождении смотрителя,

Протоиерея Клементьева и прочих наставников, прошёл по всем классам и произвел испытание по всем почти предметам. Ответы учеников не по всем предметам были удовлетворительны.

Ахтырский Троицкий монастырь, куда совершается из Ахтырского собора крестный ход, занимает живописное местоположение на высокой конусообразной горе, с трёх сторон омываемой рекой Ворсклой.

Первоначальное основание этого монастыря относится к половине XVII века. В 1654 г. прибыл сюда из-за Днепра, вследствие гонений со стороны иезуитов, игумен Троицкого монастыря Иоанникий со всею своею братией в числе 40 человек, с церковною утварью, с книгами, ризами и даже колоколами. Первый храм, деревянный, был построен во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; почему и монастырь назван был *Благовещенским*. Но в 1724 г., вместо деревянного храма, воздвигнут был Царским духовником – уроженцем Ахтырского уезда, протоиереем Т. В. Надаржинским²⁶⁶, храм каменный во имя св. Троицы, и с этого времени монастырь, по благословению епископа Белгородского Епифания²⁶⁷, стал называться Троицким. В 1787 г., в числе многих других украинских обителей, упразднён был и Ахтырский Троицкий монастырь, а храмы, за исключением Троицкого, и каменная ограда были разобраны, и кирпич продан был по 50 коп. за тысячу. Но в 1835 г. православные жители г. Ахтырки и некоторые из усердных помещиков Ахтырского уезда возымели благочестивое намерение воссоздать разрушенную обитель. После семилетней переписки, наконец, 30 Ноября 1842 г. последовало Высочайшее соизволение на возобновление монастыря в виде общежития. Утром 8-го Июля 1843 г. из Ахтырки начался крестный ход с чудотворною иконою Божией Матери в монастырь, где, по прибытии крестного хода, совершена была Преосвященным Епископом Иннокентием литургия и благодарственный молебен в присутствии высших губернских и уездных властей и многочисленных богомольцев; вслед затем заложено было каменное здание для тёплого храма и помещений братии. Таким образом, к великому

утешению окрестных жителей, совершилось восстановление древней иноческой обители. В память этого радостного события положено ежегодно совершать накануне дня Св. Троицы крестный ход с чудотворною иконою из г. Ахтырки в возобновлённый Троицкий монастырь.

1-го июня, в день Св. Троицы, и 2-го, в день Сошествия Св. Духа – храмовый праздник Обители, я совершал литургии в Троицком монастыре, при многолюдном стечении народа как из Ахтырки, так и из разных отдаленных мест. Погода в тот и другой день была самая благоприятная.

В свободные от богослужения часы я обозрел все монастырские здания и некоторые из братских келий. Прогуливаясь вокруг монастырской ограды, я любовался с высоты горы окрестными видами.

3-го ч., после ранней литургии, оставил я Троицкий монастырь и отправился в дальнейший путь.

На этом пути прежде всего встретил село Тростянец.

Тростянец – родина помянутого выше Царского духовника, Протоиерея Т. В. Надаржинского. Имение это принадлежало Ахтырскому Полковнику Перекрестову; но в 1704 г. оно отобрано было в казну; а около 1720 г. пожаловано Петром I его духовнику, по уважению к его долгой верной службе и в частности за заслугу его по делу изменника Мазепы. Тростянец от Надаржинского перешел к его сыну Осипу Тимофеевичу и затем к дальнейшим потомкам; но в настоящее время он вышел уж из рода Надаржинских и принадлежит какому-то иностранцу.

Церковь в Тростянце во имя Благовещения Пресв. Богородицы каменная, не довольно вместительная; предположена к расширению. Оригинальны царские врата: в них семь столпов и одна фигура – символ Ипостасной Премудрости. Настоятель церкви священник А. Авксентьев страдает горловою болезнью.

Далее – село Команка. Церковь на довольно высоком холме: вид красивый. На горнем месте в алтаре картина Тайной Вечери; на столе, за которым сидит Христос и Его апостолы, изображены, между прочим, лежащими на блюде две рыбы. В царских вратах образа писаны на стекле.

Церковь эта каменная и довольно благовидная, приписана к соседней деревянной и очень тесной церкви в селе Каменском. В этой церкви на горнем месте очень замысловатое изображение Божией Матери. Божия Мать в царской порфире, с покрывалом и короной на главе, на шее цепочка с крестом; в правой руке у ней лилия, а в левой яблоко; под ногами луна и змий с яблоком в пасти.

Из Каменского через село Люджу приехал в село Криничное – поместье дворянина Пассек. Здесь Архиерейского посещения не было никогда. В церкви, между прочим, встретила меня, за отсутствием мужа, супруга г. Пассека и убедила зайти в их дом, где уже приготовлен был обеденный стол. Я не мог отказать в усердной просьбе, но через это потерял лишний час, и потому не мог в тот же день прибыть в Лебедин, где предположен был мой ночлег.

Отправившись далее, встретил я на пути большую слободу – Бержелю (заштатный город). В ней три церкви, из коих одна, именно Рождество-Богородичная, была соборною.

В 9 1/2 часов вечера прибыл я в слободу Рябушку и остановился на ночлег в доме благочинного, священника Томашевского²⁶⁸. Дома в этой слободе расположены в одну линию на протяжении 7-ми верст. Церковь находится почти в середине слободы. По причине позднего времени я не мог хорошо её осмотреть.

На следующий день, 4 числа, в 8-мь часов утра приехал я в г. Лебедин.

После обычной встречи в соборе, поместился я в доме соборного священника и благочинного Н. Ходского²⁶⁹. В тот же день обозрены были мною все городские церкви, коих числом, кроме собора, три приходских и четыре приписных. Из них более примечательна по своему благолепию приходская церковь Троицкая.

В 6 часов вечера началась в соборе всенощная, на которой по обычаю выходил я на литию и величание. Собор высокий, обширный и благолепный; иконостас во всю вышину храма сплошь золочёный; иконы местные покрыты серебряными золочеными ризами.

5-го числа в 9 часов благовест к литургии, которая совершена была мною соборне; собор не мог вместить всех богомольцев.

После обедни чай и завтрак в доме настоятеля собора, протоиерея В. Андриевского. О. Андриевский – младший кандидат VIII курса (1837 г.) Киевской Дух. Академии – человек добрый и честный, но не обширных познаний.

После обеда в доме благочинного Ходского оставил Лебедин и на ночлег приехал в село Боброво, где очень радушно принять был знатною помещицею Верою Ивановною Анненковой, вдовой Генерал-Адъютанта Анненкова²⁷⁰ бывшего Киевского Генерал-Губернатора. Вера Ивановна показывала мне 11-ть томов писем и телеграмм от её покойного супруга, и на основании этих материалов она предприняла составить его биографию.

Бобровская церковь, находящаяся при доме помещицы, содержится очень благоприлично. В алтаре стоит икона с изображениями разных святых, поднесенная покойному Н. Н. Анненкову 6-го декабря 1863 г. гражданами Киева, в бытность его там Генерал-Губернатором.

Близ церкви – народная школа, в которой занималась обучением одна из дочерей Г-жи Анненковой; а при школе открыта чайная для крестьян, которую они могли посещать в известные часы дня. Ту и другую я осмотрел и произвел испытание детям по всем предметам, какие преподаются в школе, чем доставил великое удовольствие наставнице – барышне.

Усадьба Генеральши Анненковой расположена на красивой местности. Большой каменный дом стоит на возвышенном холме; от него вниз спускается обширный тенистый сад, омываемый рекою Пслом. По берегу Псла идут на довольно далекое расстояние заливные луга.

Утром 6 числа, оставивши гостеприимный кров Г-жи Анненковой, я приехал в село Василевку, где встретило меня новое гостеприимство. Помещица этого села Марья Львовна Богаевская, встретивши меня в церкви, убедила зайти в её дом и принять трапезу.

Из Василевки прибыл я в слободу Ольшаны²⁷¹ – имение вдовы Генерал-Майора Анны Сергеевны Шатовой, урожденной Пустовойтовой.

В этой обширной слободе, в которой более 5000 жителей, две приходских церкви, стоящие рядом одна с другою, и два отдельных причта.

Церковь во имя Архистратига Михаила, деревянная, существует с конца прошедшего столетия; другая каменная, во имя Сергия и Анастасии, сооружена в 1827 г. помещицею Анастасией Пустовойтовой (матерью настоящей помещицы) над гробами родственников её. Но эта церковь, к моему приезду, была возобновлена, с нарушением престола и устройством нового иконостаса²⁷². Мне предстояло совершить освящение сего престола, что и было исполнено мною на другой же день после моего приезда в Ольшаны.

7-го числа, в Субботу, в 9 часов утра начался трезвон к водоосвящению, и затем благовест к литургии. Перед литургией совершено было по чину освящение храма, и затем литургия. Храм небольшой, в нём рамы у окон все глухие, т. е. нерастворчатые, народу множество, погода чрезвычайно теплая: признаюсь, едва мог я выдержать, при чрезмерной духоте, столь продолжительное богослужение. По возвращении из церкви в дом, я благословил возобновительницу и украсительницу храма иконою преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой.

После обычной, в таких случаях, торжественной трапезы в доме возобновительницы храма, где я имел пребывание, требовалось для меня немалое время для отдохновения. Поэтому я не мог уже с вечера выслушать в церкви всенощную воскресную службу, а велел отправить её для себя на следующий день, 8-го числа, в 7-мь часов утра, в своей квартире. В 8 1/2 часов слушал литургию в новоосвященном храме, которую совершал приходский священник.

После литургии отправлен был мною соборне молебен мученикам Сергию и Анастасии, в честь коих освящен был накануне храм; а вечером в тот же день отслужена была мною панихида по родителям и прочим родственникам Анны

Сергеевны, коих тела покоятся в склепе под новоосвященным храмом.

А. С. Шатова – одна из богатых помещиц Харьковской губернии; у ней, кроме Харьковской губернии, есть имение в Екатеринославской и богатая дача в Крыму. Единственная дочь её, наследница столь богатого имения, не желая расставаться со своей дорогой матерью, отказалась, кажется, навсегда от супружеской жизни:

Постоянным местопребыванием Шатовой служит слобода Ольшана – любимое место её рождения и воспитания, – и потому она прилагает особенное попечение о благоустройстве здешней своей усадьбы. Каменный двухэтажный дом её со всех сторон окружен садом; в обширном фруктовом саду устроены оранжереи, грунтовые сараи, где растут персики, абрикосы, испанские вишни, ананасы и проч., а виноград растёт и созревает на открытом воздухе. Через сад протекает река Сула, по которой плавают лебеди.

9-го ч., в 10-ть часов утра, оставил Ольшану и на пути к слободе Тернам осмотрел церковь в Нижней Верхосулке (Зеленьковке тоже). Церковь деревянная; в алтаре на горнем месте икона Божией Матери с латинской надписью: «Passaviensis». На четырех местных иконах в иконостасе серебряные ризы – усердное приношение местного священника И. Полницкого²⁷³.

Слобода Терны – местность историческая. Здесь в 1709 г. Пётр I, возвращаясь со знаменитой Полтавской битвы, благодарил Бога за дарованную ему победу и, в память своего пребывания, заложил, вместо ветхой, новую деревянную же трехпрестольную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы...²⁷⁴

В настоящее время, в Слободе Тернах, при народонаселении около 10,000 душ обоего пола, две приходских церкви Николаевская и Покровская и третья бесприходная – при доме помещика, Князя Бориса Сергеевича Щербатова. Обе приходских церкви каменные, просторные и благолепные!

Помещик – Князь Б. С. Щербатов, Харьковский Губернский Предводитель Дворянства. Слыша о моём путешествии по Лебединскому уезду, он на неделю отложил свою поездку за границу, и, когда я приехал в Слободу Терны, убедительно просил меня остановиться в его доме и на другой день отслужить литургию в его домово́й церкви. Усердное желание благочестивого князя, разумеется, было мною исполнено, тем более что в его имении около 20-ти лет не было Архиерейского посещения. – Итак в 7-мь часов вечера началось всенощное богослужение, на котором я облачался на величание, а на следующий день, 10-го числа, совершена была мною соборне литургия, с приложением на сугубой ектении прошений из молебна в путь шествующим о благополучном путешествии болящего князя, для лечения, за границу.

Усадьба Князя Щербатова расположена на возвышенной местности над рекою Терною (название от тернового куста, из-под которого она вытекает); обширный каменный дом окружен со всех сторон парком с теплицами и оранжереями. Превосходное имение это принадлежало некогда графу Симону Гендрикову²⁷⁵, мужу младшей сестры Императрицы Екатерины I Анны Алексеевны Скавронской.

После обеда в доме гостеприимного Князя отправился я далее и к вечеру в тот же день прибыл в заштатный город Белополье и, после встречи в бывшем соборе, остановился в доме купца И. Ст. Болацenkова.

Так как в Белополье с 1861 г. не было архиерейского посещения, а об архиерейском здесь служении не сохранилось даже и памяти в народе, то граждане белопольские прислали ко мне в Лебедин (за 75 вёрст) особую депутацию с неотступною просьбою совершить в одной из их церквей божественную литургию. Можно ли было отказать в столь усердной просьбе?

С вечера, в 7-мь часов, я выслушал в своей квартире вечернюю вместе с утренней службу, а на следующий день, 11-го числа, совершил соборне литургию в Покровской церкви, при которой купец Болацenkов состоял старостою. Не трудно вообразить, какая теснота и духота была в церкви, как она ни была пространна: едва ли не всё городское население

собралось на давно не бывалое зрелище торжественного архиерейского священнослужения.

После литургии, напившись в своей квартире чаю, я обозрел городские церкви, коих, кроме Покровской церкви, четыре: Богородице-Рождественская (бывший городской собор), Преображенская, Петропавловская и Троицкая (в подгородной слободе-Прорубях).

Из Белополя по пути к слободе Юнаковке, где предположен был ночлег, осмотрел я церковь в Слободе Речках. Церковь каменная довольно обширная; в ней устроен новый благолепный, по пунцовому полю, золоченый иконостас. Настоятель церкви – священник П. Клементьев, он же и благочинный: пастырь умный, честный и с твёрдым характером.

За Речками, среди открытой степи, предположено было переменить почтовых лошадей и заменить земскими. Сопровождавшим меня Становым Приставом сделано было надлежащее распоряжение, и лошади были приготовлены; но каково было его изумление, когда он, приехавши вперед нас па определенное место, не нашел тут ни одной лошади!.. В сильном душевном волнении, он поспешил в находившуюся верстах в двух от этого пункта слободу Писаревку, где было Волостное Правление и откуда должны быть приведены на смену лошади, а мы, между тем, с о. Ключарем, в ожидании коней, должны были гулять по обширной украинской степи и наслаждаться картиною заходящего солнца; к нашему счастью, погода была великолепная. Наконец, часа через полтора являются кони. Какая же, спрашивается, была причина столь неожиданного и отчасти неприятного для нас приключения? Причина, как объяснилось впоследствии, следующая.

В Белополе за обедом кто-то спросил меня, куда я поеду из Белополя на ночлег. Я отвечал: «в Юнаковку». Но сидевшему тут же, за столом, полицейскому чиновнику послышалось: в Куяновку, находящуюся в противоположной стороне от Белополя. Легкомысленный полицант поспешил уведомить об этом телеграммой уездного (Сумского) Исправника, а этот отдал приказ волостному. Писаревскому Правлению, чтоб лошади, приведённые уже на указанный

Становым Приставом пункт, были сняты и распущены по деревням. Как бы то ни было, но для моего экипажа лошади были приведены, и я достиг, хотя несколько позднее, слободы Юнаковки; а для прочих экипажей моей свиты лошадей собрать не могли, а потому она должна была ночевать в слободе Писаревке.

Между тем в Юнаковке предположено было на другой день, т. е. 12. ч. совершить, по желанию причта и прихожан, молебен с акафистом перед древнею и чтимою иконою Святителя Николая. Но так как, ни свиты, ни ризницы при мне не было, то акафист прочитан был о. Ключарем; а я оставался в алтаре, где слушал и литургию, совершенную местным помощником настоятеля священником Петровским. Огромный и благолепный Юнаковский храм сооружен усердием прихожан, без всяких других пособий, и освящен в 1806.г.

Название слободы Юнаковки заимствовано от сотника Сумского полка Семёна Андреевича Юнок, поселившегося в конце XVII столетия на этом месте и приглашавшего потом селиться тут выходцев из-за Днепра «вольных Черкасов». Впоследствии эти земли проданы были Юноком знаменитому Фельдмаршалу Князю Михаилу Голицыну, потомкам коего и доныне принадлежит многолюдная (около 5 тысяч душ) слобода Юнаковка. Из Юнаковки через слободы Писаревку и Стецновку прибыл в 2 часа пополудни в г. Сумы и, после обычной в соборе встречи, остановился в доме соборного старосты, почётного гражданина Д. Ив. Суханова. Суханов – богатый землевладелец и сахаровар, весьма попечительный и усердный к собору староста.

Собор во имя Преображения Господня не древний – освящен 12-го октября 1780 г. и не обширный, но, благодаря усердию старосты, очень благолепен.

В 7-мь часов вечера началось в соборе всенощное богослужение, на котором я выходил на литию и величание. На левом клиросе соборные певчие пели довольно стройно.

На следующий день, 13-го числа, в 9-ть часов утра литургия, которая совершена была мною соборне, при многочисленном стечении богомольцев.

После обедни в доме Соборного Протоиерея Василия Никольского приготовлен был чай и завтрак. Затем обозрены были мною городские церкви, коих в городе, кроме соборной, 7-мь, в том числе домовая при классической Гимназии, во имя Сошествия Св. Духа. Последняя особенно примечательна по своему изящному иконостасу, но в нём, к крайнему удивлению моему, не оказалось храмовой иконы, на что и было обращено мною внимание Директора Гимназии и Ктитора церкви – купеческого сына Харитоненки.

В 4 часа, в загородном доме, на берегу реки Псла, соборного старосты Суханова приготовлен был роскошный обед, к которому приглашены были почетнейшие городские лица.

Вечерний чай приготовлен был у соседа Суханова, ещё более знаменитого землевладельца и сахаровара, потомственного почётного гражданина Ив. Гер. Харитоненки²⁷⁶.

Город Сумы один из лучших и благоустроенных городов Харьковской губернии. В нём существуют следующие учреждения: Окружный Суд, мужская и женская Гимназии, реальное училище, лютеранское церковное училище, городской общественный Банк и проч. Жителей в Сумах до 15-ти тысяч душ обоего пола.

14 ч., оставивши Сумы, осмотрел церкви в Слободах: Нижней Сыроватке, Гречаниковке, где в доме помещика Подольского имел Обеденный стол, Самотоевке, Краснополье, где вместо ветхой деревянной строится новая каменная, и селе Успенском, при котором находится поместье Ахтырского Предводителя Дворянства М. П. Радена.

В 8-мь часов вечера прибыл в село Рясное – имение помещика Конст. Дм. Хрущева. Здесь остановился на ночлег.

15 ч., в воскресенье, утром в 7-мь часов выслушал в своей квартире всенощную службу; а в 8 1/2 часов началась литургия, совершенная мною соборне в приходской церкви, много обязанной своим благолепием благочестивому усердию помещика.

Вблизи села Рясного, с 1868 г. положено основание мужского общежительного монастыря на средства помещика К.

Д. Хрущева. В пользу этого монастыря им пожертвовано 4400 десятин превосходной земли с лугами, лесами, рыбными прудами и сверх сего 100,000 рублей деньгами. При моём посещении произведены уже были, хотя и неокончательно ещё, следующие постройки: каменная теплая церковь, такая же колокольня, небольшой деревянный корпус для настоятеля с братией; приступлено к сооружению каменной трапезы с такою же при ней церковью; приготовлены священные и церковные утвари, богатая ризница и проч.; заказаны были уже в Вятке колокола, весом в сложности около 800 пудов.

Между тем, впредь до окончательного устройства обители, при доме ктитора существовало уже небольшое братство, состоящее из двух иеромонахов и троих послушников. Для этого братства, нарочито устроена была в колокольне небольшая церковь, в которой ежедневно совершалось богослужение.²⁷⁷

Хрущев – 80-тилетний старец, человек набожный, но в высшей степени оригинальный: тип истого хохла-малороссиянина, безо всякого научного образования, чуждый всяких современных правил общественного приличия.

16-го ч. утром оставил Рясное и дальше на пути встретил церкви в следующих сёлах:

В Славгороде – каменная церковь, примечательная церковь как по архитектуре, так и по внутренним украшениям; иконы в иконостасе художественной кисти. Снаружи храма в нишах стоят алебастровые фигуры разных святых соименных членам семейства благочестивой возобновительницы (в 1843 г.) храма, Княгини Софьи Алексеевны Голицыной, урожденной Корсаковой. В настоящее время богатое имение Славгород принадлежит Князю Голицыну, зятю помянутой выше В. И. Анненковой.

В селе Пожне – в алтаре над жертвенником стояло изображение на стекле Спасителя, венчаемого ангелами.

В селе Вольном – церковь ветхая деревянная на крутой возвышенности над р. Ворсклой; предполагено перенести её на другое более безопасное место.

В селе Ямном – при деревянной церкви колокольня каменная.

В многолюдной Слободе Большой – Писаревке две приходских церкви: Успенская и Николаевская. В первой из них находится благоговейно чтимая икона Божией Матери, именуемая *Михайловской*.

В слободе Сенной – две также церкви – Троицкая и Богородицкая.

К вечеру прибыл в село Братеницу и приглашен был помещиком Генерал-Майором Александром Павловичем Мосоловым²⁷⁸ остановиться в его доме на ночлег.

Находящаяся в саду помещичьем и недавно устроенная церковь во имя Воскресения Христова небольшая каменная; иконостас в ней дубовый изящного рисунка, иконы в иконостасе академической кисти.

Александр Павлович и его супруга Елисавета Степановна – люди очень добрые и благочестивые. Под их гостеприимным кровом я провел ночь, после утомительного пути, очень мирно и спокойно.

17-го ч. утром, простившись с добрыми хозяевами, я направился уже к Харькову и посетил на пути следующие селения:

Золочев – заштатный город. В нём, при населении около 6000, церквей – две приходских и одна приписная.

Дергачи – слобода, по народонаселению не меньше Золочева; в ней также две приходских церкви, из коих Рождество-Богородичная очень благолепна с приделом на хорах, а Николаевскую – деревянную предположено заменить новою каменною.

Между Дергачами и Алексеевкой существует Земледельческое училище, с домовою при нём церковью. Я посетил и эту церковь, в которой собраны были ученики училища. При моём входе в церковь, ученики спели «Достойно есть» довольно стройно. Директор училища Пий Матв. Юревич – уроженец Витебской губернии – пригласил меня в свою квартиру и угостил чаем.

В последнем перед Харьковом селе Алексеевке нашел я иконы в иконостасе очень неискусного письма и велел заменить их новыми.

В 7-м часов вечера благополучно возвратился в Харьков.

Из первого путешествия моего по епархии вынесено мною следующее общее впечатление.

Храмы Божии, в большинстве своем, благоустроены и достаточно снабжены всем потребным для богослужения.

Прихожане весьма усердно заботятся о поддержании и благоуукрашении своих приходских храмов; крестьяне мало образованы, но религиозное чувство в них очень живо. В тех приходах, кои были мною посещены, крестьяне ни о каких религиозных сектах, или раскольнических толках, не имеют почти и понятия; не слыхал я также о каких-либо здесь грубых суевериях или преобладающих над большинством населения пороках. Набожность составляет отличительную черту характера всего украинского населения.

Приходское духовенство, за немногими исключениями, показалось мне соответствующим своему назначению. Взаимные отношения между членами причтов, большей частью, мирные. Мало жалоб слышал я на духовенство и от прихожан; а если и были некоторые жалобы, то они, при внимательном рассмотрении, оказывались большею частью неосновательными.

Таким образом, я утешен был на первый раз религиозно-нравственным состоянием своей новой паствы.

Во время поездки моей по епархии получено было мною с разных сторон несколько бумаг и писем. Так:

От 29-го мая за № 100 писал мне из Киева Ректор Духовной Академии Епископ Уманский Филарет²⁷⁹:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Церковно-археологическое Общество при Киевской Духовной Академии, зная Ваше глубокое сочувствие к изысканиям священных древностей и надеясь на Ваше просвещенное содействие целям его, в заседании своём 30

Марта сего года постановило просить Ваше Преосвященство принять на себя звание почетного члена Общества.

Препровождая при сем экземпляр Устава Музея и Общества, честь имею покорнейше просить почтить меня уведомлением о Вашем соизволении на принятие членского звания.

Пребывая всегда с чувством глубокого уважения к Вам и искренней преданности, имею честь быть»...

В ответь на это писал я от 28-го Июня за № 45:

«Церковно-Археологическому Обществу при Киевской Духов. Академии.

На отношение означенного Общества от 29-го минувшего Мая за № 100 честь имею уведомить, что я с искреннею признательностью принимаю на себя звание Почетного Члена сего Общества и с усердием готов, по мере возможности, содействовать целям оногo.

При сем долгом поставляю препроводить Почтенному Обществу следующие мои издания:

1) Указатель для обозрения Московской Патриаршей Ризницы. Москва, 1863 г.

2) Sacristie Patriarcale dite Synodale de Moscou. Moscou, 1865.

3) Указатель для обозрения Московской Патриаршей Библиотеки. Москва, 1858 г.

4) Палеографические снимки с Греческих и Славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Москва, 1863».

От 6-го июня писал мне из Харькова мой домашний Секретарь М. П. Зверинский:

«До настоящей почты не было ничего особенного, о чём бы нужно было писать к Вашему Преосвященству. В служебных делах может заслуживать внимание одно прошение, полученное от находящегося в тюрьме, по обвинению в убийстве, бывшего причетника Алексея Иппокова, в котором он открывает, что в деле убийства участвовал вместе с ним и священник слободы Моисеевки Приходьков. По этому прошению потребовано мнение Консистории.

В конце прошедшей недели приезжала в дом Княгиня Шаховская, сказавшаяся знакомою Вашему Преосвященству по Москве».

Письмо это получено было мною 11-го числа в Слободе Юнаковке. Также, вместе с этим письмом получено было мною ещё два письма: одно из Петербурга и одно из Москвы; из Петербурга – от бывшего Витебского Губернатора, Генерал-Лейтенанта В. Н. Верёвкина²⁸⁰, а из Москвы – от В. М. Бостанжогло.

Вот что писал мне В. Н. Веревкин от 31-го мая:

«Пользуясь моим в настоящее время пребыванием в С.-Петербурге, сделал я с себя фотографические снимки и, памятуя Ваше желание иметь мою карточку, я с сердечным удовольствием препровождаю Вам прилагаемый у сего портрет мой; да напоминает он Вам человека глубоко Вас уважающего и искренно любящего.

В Витебске я был в Январе, а потому с преемником Вашим²⁸¹ еще не познакомился. В Петербурге нахожусь временно, по делам службы, и останусь здесь до 13-го июня. Моё здоровье, Ваше Преосвященство, вызывает постоянно медицинские пособия и делается стариковским.

Как понравился Вам Харьков, довольны ли Вы Вашим новым местом пребывания. Ваш Губернатор²⁸² и его Княгиня очень приятные люди. Я их очень люблю и, в особенности, Княгиню. Судя по газетам, они должны быть теперь за границу.

Поручая себя молитвам Вашего Преосвященства, покорнейше прошу принять новое уверение моего высокого к Вам уважения и неизменной преданности, с коими имею честь быть»...

На это отвечал я уже по возвращении из поездки от 24 июня:

„Почтенное письмо Ваше от 31 мая и фотографический портрет Ваш, очень живо напомнивший мне черты Вашего лица, имел я удовольствие получить 11-го сего июня в г. Сумах, где я находился в это время по случаю обычного обозрения церквей. Из путешествия своего по епархии возвратился я 17-го числа; и потому извините, не мог ранее отвечать на Ваше письмо и

благодарить Вас за новый знак Вашего доброго ко мне внимания и расположения.

Очень прискорбно слышать, что Вы так часто должны прибегать к медицинской помощи. Лучше было бы, если бы Вы могли обходиться без знакомства с аптекой: «аптека, по пословице, отнимает половину века». Да продлит Всевышний дни Вашей жизни в здравии и благополучии.

Моё здоровье, по милости Божией, удовлетворительно. После трехнедельного, правду сказать, утомительного путешествия по епархии среди постоянных сильных жарких дней, я наслаждаюсь теперь приятным отдохновением под сенью деревьев моего загородного обширного сада. Если бы не было у меня этого убежища, то летняя жизнь в городе была бы несносна. Сколько зимой Харьков приятен, столько же летом он невыносим по причине ослепляющей глаза пыли.

После пятимесячного моего пребывания на новой кафедре, я довольно уже освоился со своим положением. Кроме доброго ничего пока не могу сказать о здешнем окружающем меня обществе, как светском, так и духовном. Без сомнения, встречаются иногда по службе случаи и не весьма приятные, но где же их нет».

В. М. Бостанжогло писал мне от 2-го июня:

«Не нахожу слов благодарить Вас, Владыко святой, за драгоценную любовь, которую Вам угодно было оказать мне Вашими святыми молитвами в дни тяжких болезненных испытаний моих. Только этим молитвам Вашим и наших Московских Архипастырей и Пастырей, а также множества расположенных ко мне людей, я обязан тем, что Господь не предал меня недостойного до конца, иначе моё дело было весьма плохое и смерть стояла на стороже у моего одра. Теперь, благодарение Богу, мне немного легче: я могу хоть шёпотом говорить и дышу много свободнее, хотя вставленный в дыхательное горло снаряд дает часто знать о себе. Надеюсь на милосердие Божие, что с тёплой погодой понемногу это дело исправится, и может быть и я ещё проживу на белом свете.

Очень рад, что Вам понравились и облачение, и доставивший его мой племянник Н. А. Алексеев, который

действительно хороший молодой человек и с доброй христианской душой. Радуюсь также, что облачение пришло кстати и пробудило заснувшее чувство усердия к храмам Божиим у Харьковцев, из которых, как говорит мне племянник, староста соборный уже и поспешил заказать соборное облачение. Служите в нём, Преосвященнейший Владыко, пред престолом Всевышнего и молитесь за жертвователей; вот всё, что они могут просить от Вас. Между тем будьте уверены, что все участвующие в этом деле приняли это участие самым сочувственным образом; мы помним Вас, уважаем Вас за Ваши редкие качества, любим и почитаем от искреннего сердца и что делаем, делаем по побуждению душевному и с полным искренним желанием. Не Витебск и не Харьков тут имеют значение, а Преосвященный Савва, всеми Москвичами любимый и уважаемый. На какой бы кафедре Вы ни были, отношения наши к Вам останутся теми же, без малейшей перемены.

Искренне признателен за присланную мне картину вида Вашего архиерейского дома. Когда-то Господь удостоит меня побывать в этом доме и помолиться Харьковской святыне Озерянской Божией Матери, лик которой я получил от Вашего Преосвященства в серебряном окладе; буду беречь его на память, как дорогой подарок.

Меня, по доброму своему расположению, навещает часто Преосвященнейший Леонид; в одно из посещений Владыка читал мне Ваше письмо; Вы, и к нему писавши, не забыли отнестись сочувственно, ко мне; душевно за всё признателен».

От 17-го июня обращался ко мне Товарищ Обер-Прокурора Св. Синода Ю. В. Толстой²⁸³ с официальным отношением за № 2062, следующего содержания:

«Усматривая из доставленных сведений, что 85-летний отец покойного Преосвященного Нектария терпит крайнюю во всём нужду, по неполучению сыном его Василием Надеждиным имущества, завещанного ему покойным Преосвященным, имею честь обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшею просьбою, не изволите ли признать возможным сделать

распоряжение к скорейшему окончанию означенного дела и о последующем почтить уведомлением».

В ответ на это писал я от 28-го числа за № 44:

«На отношение Вашего Превосходительства от 17-го текущего июня за № 2062, в коем изъяснено, что 85-летний отец покойного Преосвященного Харьковского Нектария терпит крайнюю во всем нужду, по неполучению сыном его Василием Надеждиным имущества, завещанного ему покойным Преосвященным, и коим требуется от меня сделать распоряжение к скорейшему окончанию означенного дела, с уведомлением о последующем, – долгом поставляю сообщить следующее:

1) Отец покойного Преосвященного Архиепископа Нектария, Архимандрит Феоктист, проживающий при Харьковском Архиерейском доме в числе братства, по ведомости о монашествующих сего дома за 1874 г., значится 80-ти, а не 85-ти лет. Он, и теперь пользуется теми же самыми удобствами и преимуществами пред прочею братиею, какими пользовался при покойном сыне, а именно: он занимает тоже самое, довольно просторное, помещение, какое занимал и прежде, к стеснению прочей братии; пользуется особым столом, который готовится на братской кухне по его личному вкусу; получает из братской кружки долю, одинаковую с двумя, прочими Архимандритами, находящимися в соборных богослужениях, сам никогда не участвуя в этих богослужениях; и из этой кружки он получил в 1874 г. с Января по Сентябрь месяц, т. е. по время кончины Преосвященного Нектария, – 169 руб., а с Сентября по Декабрь – 132 р.; в настоящем 1875 г., с Января по 1-е Мая, – 157 р. 48 к., в чём имеются его собственноручные расписки. Сверх сего, он получил, как мне достоверно известно, от покойного сына своего, за несколько дней до его кончины, тысячу рублей. – Наконец, я не только не слышал от Архимандрита Феоктиста никакой жалобы на его стеснённое положение, напротив, при посещении мною его келии 22 числа сего Июня, в присутствии невестки его, т. е. жены сына его Василия Надеждина, и её брата – офицера, а также эконома Архиерейского дома, я слышал от него отзыв,

который он повторил неоднократно, что он совершенно доволен своим положением.

Таким образом, из вышеизложенного нетрудно усмотреть, что сведения, дошедшие до Вашего Превосходительства относительно стеснительного и бедственного будто бы положения отца покойного Преосвященного Нектария, не только не верны, но и недобросовестны.

2) Что касается до имущества, завещанного покойным Архиепископом Нектарием брату его Василию Надеждину, то журнальным определением Консистории, 26-го минувшего Мая мною утвержденным, постановлено передать оное Надеждину чрез Мирового Судью 4-го участка г. Харькова, согласно требованию закона, о чём 3-го Июня и объявлено ему, Надеждину, с выдачею ему копии с описи имущества».

20-го ч. писал я во Владимир Преосвященному Иакову, Епископу Муромскому:

«Усерднейше благодарю Вас за Ваше братское приветствие и ваши благожелания для меня на новой кафедре. Благодарение Господу, я довольно уже ознакомился со своею новою доброй паствой. С 28-го мая и по 17-е сего июня я путешествовал по епархии и твердо убедился в искренней преданности православию и примерной религиозности Украинского народонаселения. Везде, и особенно в тех местах, где давно не было архиерейского посещения, простой народ встречал меня с необыкновенным усердием. Весьма радушно принимали меня и помещики, коих здесь очень много.

Что скажу Вам относительно свечного завода. При здешнем архиерейском доме действительно существовал свечной завод, но он закрыт моим предместником к крайнему моему удовольствию. Польза от этого завода была очень незначительна, а хлопот и забот было весьма много.

Право на открытие вновь свечного завода передано духовенству, но оно до сих пор ещё не воспользовалось, да едва ли и воспользуется этим правом. После статьи о. Протоиерея Ключарева²⁸⁴, помещённой в Московских Епархиальных Ведомостях, следует, по моему мнению, оставить

духовенству всякую мысль о свечных заводах и подобных им коммерческих операциях».

27-го ч. из Витебска получено было мною письмо от сестры Баронессы М. А. Бодё Софьи Александровны; она писала мне от 19-го числа:

«Давно уже сердце моё горело желанием побеседовать с Вами, но тысячи неприятных хлопот не давали мне ни одного часа свободы; даже и во время Светлого праздника Воскресения Христова я не была свободна, изнемогая морально и физически. Много трудов и горя стоит мне этот первый выпуск, а утешения, правду сказать, принес немного. Дети не понимают и не ценят забот о них прилагаемых, и всё принимают, как *должное* за деньги, которые за них платят. Тяжело заниматься воспитанием юношества нашего времени! Экзамены же шли очень удовлетворительно, особенно последний – Закона Божия был даже блистательный! Преосвященный Викторин экзаменовал сам всех воспитанниц двух старших классов, и выпускные отвечали почти по получасу каждая. Преосвященный был очень любезен и весел; но того тёплого чувства и истинного расположения, которое мы привыкли видеть в Вас; Преосвященнейший Владыко, не отражалось ни в чём. Никогда не привыкнем мы к этому холодно-торжественному тону нового пастыря и никогда не позабудем того отеческого участия, радушных приёмов Ваших, того добра, которое Вы всегда старались нам делать, и этого незаменимого привета, которого мы теперь не находим ни в ком. Хотя воспитанницы мои и не заслуживают Вашего внимания, Преосвященнейший Владыко, но я всё-таки прошу Вас сделать милость принять усердное приношение в память моего первого выпуска, которого начало Вы же благословили. Примите от трудов наших это одеяло, которое при сем посылается; оно для Вас было начато, когда ещё Вы были здесь, и мы желаем, чтобы и вдали наше усердие согревало Вас.

Простите, Преосвященнейший Владыко! Не смею далее утруждать Вас письмом моим. Желаю Вам здоровья и всегда молю Бога о Вашем благополучии».

В ответ на это писал я от 2-го Июля:

«Письмо Ваше от 19 Июня, преисполненное разнообразных чувств, и прекрасно-усыпительный подарок имел я удовольствие получить 27-го числа. За то и другое приношу Вам искреннюю благодарность. По русской пословице, не дорог подарок – дорога любовь. Ваш прекрасный дар и сам по себе дорог, и ещё дороже для меня, как памятник Вашего доброго ко мне расположения и усердия.

Очень прискорбно слышать, что первый выпуск воспитанниц, который стоил Вам столь многих забот и скорбей, не вполне утешил Вас. – Будем надеяться, что второй выпуск будет признательнее к Вам и лучше оценит Ваши попечения и труды.

Призывая Вам Божие благословение, с душевным к Вам уважением пребываю».

29-го ч., в воскресенье, после литургии совершен был мною водосвятный молебен на месте закладки здания *Технологического Института*, открываемого в Харькове частью на местные городские, а частью на государственные средства. На это обширное заведение ассигновано по смете около двух миллионов рублей. Производителем работ сначала был Петербургский купец П. М. Быков, оказавшийся вскоре несостоятельным подрядчиком. Быков, явившись ко мне для приглашения к совершению водоосвящения, удивил меня множеством знаков отличия, не только русских, но и иностранных, украшавших его грудь.

1-го июля посетил меня на даче знакомый мне Московский купец Константин Васильевич Прохоров²⁸⁵, известный ревнитель празднования воскресных дней и порицатель воскресных базаров. Бывши за литургией в Харьковском Кафедральном Соборе, он остался недоволен поспешным и невнятным чтением при богослужении, на что и жаловался мне.

5-го числа писал я в Витебск преемнику своему по кафедре Преосвященному Викторину:

«Строго осуждаю себя за то, что так долго не отвечал Вашему Преосвященству на Ваше братское многосодержательное послание от 15-го Апреля. Простите!

Для меня очень приятно слышать, что порядки, мною заведенные в Кафедральном Соборе и вообще в епархии, Вашим Преосвященством одобряются, и Вы намерены их поддерживать. Впрочем, если бы Вы рассудили в чём-либо и отступить от этих порядков, я нисколько не буду в претензии, памятуя древнее изречение: *povus rex, nova lex*.

Спрашиваете, есть ли у меня в Харькове Залучесье? Есть, и очень хорошее. Здешняя загородная дача, именуемая Всехсвятское, немного далее от моего городского дома, чем Залучесье от Вашего. На даче дом так же, как и в Витебске, деревянный, немного впрочем поновее тамошнего, с небольшой при нём церковью. Дача занимает около 15-ти десятин земли; и все это пространство покрыто рощей из разнообразных деревьев, как то: дуба, липы, клёна, сосны и других. Есть довольно и фруктовых дерев. Здесь сравнительно с Залучесьем один весьма важный и ощутительный недостаток – отсутствие воды. Не ближе, как в верстах двух, протекает небольшая, но чистая речка, куда я почти ежедневно и отправляюсь, разумеется, в экипаже, для купанья.

При страшной духоте и пыли в городе, Всехсвятское служит для меня спасительным убежищем. В Витебске я не помню, чтобы термометр поднимался когда-нибудь выше 22° в тени, здесь же жар доходит теперь почти ежедневно до 25–27°, а иногда и до 30°.

Среди такого-то зноя мне довелось совершать поездку по епархии в первой половине минувшего Июня. Много пролито поту, но не мало получено и утешения. Я видел в здешнем народе такой энтузиазм при встрече архиерея, какого не примечал ни в Полоцкой, ни даже в Московской епархии. Украинцы вообще народ в высшей степени религиозный и преданный церкви.

Я слышал, что Ваше Преосвященство также путешествовали по епархии и обозревали так называемые Инфляндские уезды. Желательно знать, какое впечатление произвели на Вас обитатели этих уездов.

Вы жалуетесь, Преосвященнейший, на равнодушие Полоцкого духовенства в рассуждении обеспечения вдов и

сирот, но не одно Полоцкое духовенство повинно в этом грехе; духовенство и других, более богатых, чем Полоцкая, епархий не слишком щедро на благотворения своей нищей братии из своих собственных средств. Иное дело, когда духовенству позволяется черпать для сего из церковных кошелековых сумм, тогда оно готово обогатить всех своих вдов и сирот.

В память своего пребывания на Полоцкой кафедре, позвольте предложить Вашему Преосвященству небольшую сумму на пользу бедствующих сирых семейств вверенной ныне Вам епархии. В особом пакете препровождается вместе с сим на имя Вашего Преосвященства 300 руб.»

11-го ч. писал я в Слободку Киреевку, близ Орла Н. П. Киреевской:

«Давно не писал я Вам, между прочим потому что три недели путешествовал по новой своей епархии.

Во время путешествия своего я осматривал, между прочим, новоустрояемый мужской общежительный монастырь. Монастырь этот создается одним богатым помещиком – 80-тилетним старцем на его собственные средства. Обитель будет приведена к окончанию, по предположению Основателя оной, к концу будущего года. – Материальные средства этой обители весьма значительны – 100,000 рублей капитала и более 4,000 десятин превосходной земли с лесами, лугами, рыбными ловлями и другими выгодными статьями. Но этим материальным средствам должны соответствовать и духовные нравственные силы будущей обители. Мне предстоит посему немаловажная забота о приискании для этой обители достойного Настоятеля-Игумена и хотя небольшого числа, на первый раз, братии. Хотя у меня в епархии и не мало монашествующей братии, но благонадежного человека для занятия настоятельской должности в виду пока не имеется. В случае нужды, я думаю обратиться с просьбой к Настоятелю Оптинской Пустыни, но предварительно прошу Вас, достопочтеннейшая Наталья Петровна, сказать мне, могу ли я там обрести потребного мне старца? Вам, без сомнения, более или менее известны все тамошние старцы.

Как Вы здравствуете? Как идет Ваше хозяйство? У меня в Харькове, при Архиерейском доме, хлебопашества нет, но имеется значительное количество лугов».

14-го числа писала мне из Витебска А. П. Ушакова:

«Не могу не поделиться с Вами своими ужасными впечатлениями. В городе совершилось страшное трагическое происшествие. Барон Ал. Ант. Таубе²⁸⁶ повесился 11-го, в пятницу, в 8 ч. вечера, в городе, в своей собственной квартире. Господи! что за ужас! Всё оставил в порядке и казенные и свои собственные дела, – денег более 50,000! Семья в Тирасполе, он туда постоянно ездил и только что оттуда возвратился. Предшествовали сему лишь следующие обстоятельства: Веревкин²⁸⁷ хотел его, вследствие каких-то служебных соображений, перевести в Минск. Александра Антоновича это так обидело, что он поехал объяснить в Вильну. Начальник Округа Альбединский²⁸⁸, весьма добрый, успокоил его, но он вернулся совсем расстроенным из Вильны, начал хандрить и, наконец, повесился. В понедельник 7-го, как бы для гимнастики, велел он сам вбить в косяки дверей два здоровых железных крюка, купил веревку, обшил ее сам, распорядился самыми мельчайшими подробностями: разослал под разными предлогами вестовых, перевернул в зале трюмо, уложил на столе часы, портмоне, письма к жене, своим братьям и Павлу Яковлевичу²⁸⁹, потом покончил с собою. В субботу он велел разбудить себя в 8 часов утра, но как он не отворялся и в 11 ч. дня, дали знать Полицеймейстеру. Вошли, и, представьте, какова картина!? Любовь Андреевна в ужасном состоянии, – ведь у ней, 5 человек малолетних. Сегодня получено дозволение хоронить его с военными почестями. В 7 часов вечера был вынос из квартиры на Варваринское кладбище прямо в могилу. В Кирку немцы воспротивились поставить тело. Приехали его два брата, которым он поручил семью – люди заслуженные!

Нет, Владыка! Тяжел мне подчас мой крест жизни, но никаких богатств мира не взяла бы я, если бы мне пришлось вместе с ними взять те чувства, которые при моих убеждениях должны быть у бедной Любви Андреевны.

Преосвященный Викторин, кажется, очень доволен и тронут и Вашим письмом, и присылкой Вами вспомоществования бедным Вашей бывшей бедной епархии. Слава Богу, что хорошо у Вас в Вашей благословенной Украине!»

15-го ч. отправлен был мною список с чудотворной иконы Озерянской Божией Матери для домового церкви Московской Дух. Академии при следующем письме на имя О. Ректора Академии, протоиерея А. В. Горского:

«На память моего четырехлетнего (1846–1850 г.) воспитания в Московской Дух. Академии и затем двухлетнего почти (1861–1862 г.) начальствования в ней, имею честь препроводить к Вашему Высокопреподобию список с Чудотворной иконы Озерянской Божией Матери, находящейся в Харьковском Покровском монастыре, что при Архиерейском доме, для поставления оного в домовый Академической церкви.

С глубоким к Вам почтением и душевною преданностию имею честь быть»...

Из Витебска писал мне от 28-го числа Протоиерей В. Волков:

«Драгоценное письмо Ваше я имел честь получить. Благодарю Вас, Владыко, за любовь и вместе с тем прошу прощения, что долго я не писал Вам.

Поездка Владыки нашего, как говорили очевидцы – Эконом о. Александр Рылло²⁹⁰ и о. Владимир Щербов²⁹¹ осталась небесследна. Слово его к раскольникам было тёплое и произвело впечатление, но присоединений пока ещё нет. По моему мнению, Владыка сделал ошибку тем, что взял с собою в помощь человека небогатого сведениями о расколе и не стоящего в хороших отношениях к Динабургским и Режицким раскольникам – о. Василия Кудрявцева²⁹². Владыке, как человеку новому, нужен был человек, который бы указал, кто главные коноводы и влиятельные в их среде люди, чтобы всею силою слова и убеждения действовать на сих людей, и они действовали бы на всю свою братию. Мне кажется, такой образ действий во всех делах более надежен и полезен. В церквях везде Владыка говорил, нашел порядок, чистоту, православие, и совершенно остался доволен духовенством. В Полоцке, на

обратном пути, служил в Евфросиниевском монастыре 23 Мая. Сечение народа к св. мощам было громадное. Многие и тёплые молитвы приносятся Богу у Св. мощей Препод. Евфросинии о здравии Вашем, Владыко, за ходатайство Ваше о внесении сей святыни в Полоцкую епархию. – Мая 25-го Владыка был на экзаменах в Корпусе и Учительской Семинарии. Здесь, в Семинарии, Владыка, внушая оканчивающим курс ученикам быть усердными деятелями просвещения и утверждения православия, проговорился, объясняя ученикам, что и двуперстное знамение есть православное и проч., так что Директор должен был вступить в спор. Впрочем, как дело это было – подробностей не знаю, но и законоучителю и всему училищному совету это показалось странным, а для учеников соблазнительным.

День воссоединения Унии праздновался так же, как и при Вас. Иконы Иверской Божией Матери Протоиерей Покровский, который ездил за нею в Москву, не привез. Там сказали, что будет готова к следующему году. Мне думается, что без Вашего содействия едва ли они получают точную копию Иверской Божией Матери. В Полоцке по духовному училищу составили смету на 9000, для ремонта училищного здания, и акт об опасности от огня и падения. Но Владыка не принял и не позволил делать такого скандала, а предоставил окружному духовенству, если оно находит нужными какие-нибудь исправления по училищу, сделать их на свои средства; а как скоро дело коснулось собственных наших карманов, то обошлись и без исправлений. Владыка наш на даче и, как говорит сам, блаженствует. Церкви наши и порядки, Вами установленные, ему весьма нравятся. Впрочем, в соборе нет уже той чистоты и того строгого порядка, какой оставили Вы: это сделалось заметным для горожан, и неоднократно они говорили мне об этом. Действительно к соборянам каждый Владыка должен быть строже, чем к другим, потому что они, кроме Владыки, никого не боятся и никто к ним и отношения прямого не имеет. Поэтому они позволяют себе нередко безнаказанно то, что другому причту обошлось бы слишком дорого. Отделка Успенского Собора приходит к концу. Если Бог поможет, то в

половине Сентября должно последовать освящение его. Но, вот, Владыко, без Вашей помощи собор не обойдется. По смете никакой утвари и ничего не положено, а собор своего ничего хорошего не имеет. К освящению нужно не менее 8 паникадил, хоть бы в 20 свечей каждое, семисвечник, 12 больших лампад, несколько больших подсвечников, ковра 30 арш. длины и 2 1/2 арш. ширины, 4 меньших ковра, облачения на престол и жертвенник и много-много мелочей. Владыка разрешает мне ехать в Москву, но что я сделаю там без Ваших писем? Помогите, Преосвященнейший Владыко! Я составляю Историческую записку сего собора; имя святое Ваше занесено, как Архипастыря, любившего Успенский собор и усердно заботившегося о благолепии его. Помогите, Владыко; пусть услышат, прочитают и увидят люди, какое богатство внесли Вы в Успенский Собор, и вечная память и вечная молитва будет за Вас. Если бы Вы теперь увидели Успенский Собор, то мне думается, подвинули бы всех Ваших знакомых благотворителей к благотворению в Успенский Собор. Престол хотим построить кипарисный. Впрочем, мало ли чего хотим; но боимся, чтобы хотение наше не осталось одним хотением. И если Вы, Владыко, не поможете, то и останется хотение без осуществления.

На колени ставши, усерднейше прошу, помогите, Владыка святой! Не себе, не семье своей – и вообще не за людей и не для людей прошу, – прошу за тот храм, в котором Вы сряду четыре года приносили бескровную жертву и Ваши святыя молитвы за Вашу паству, за тот храм, который всегда Вас восторгал и возносил дух Ваш в самое небо, к самому престолу Божию, который навсегда останется памятником замечательных исторических храмов, привлекающим ученых любознательных людей, и предметом многих писаний о нём и о людях облагодетельствовавших его. – Позвольте, Владыка святой, ожидать мне письма от Вас по сему предмету.

Что же сказать Вам о епархии Полоцкой? Владыка с каждым днем убеждается, что нельзя иначе поступать с теми людьми, к которым Вы относились строго. Монастырями

Владыка не совсем доволен. Прошу благословения и святых Ваших молитв».

30-го числа писал мне из Сергиева Посада Инспектор Московской Дух. Академии С. К. Смирнов:

«С чувством глубокой благодарности принял я икону Богоматери, присланную Вами на благословение мне и дому моему. Ежедневно покланяюсь я честной иконе, которую чтите Вы и град Ваш, и при сем молитвенно, как и всегда, воспоминаю имя Ваше.

О. Ректор²⁹³ с благодарностью принял Вашу икону и деньги, и икона в самый день получения поставлена в Академической церкви, где занимает место на стене рядом с образом Св. Троицы.

С глубокою скорбью должен я известить Вас, что О. Ректор доживает последние дни. В пятницу 25 Июля его соборовали, и он при этом находился в полном сознании, которое не оставляет его и доныне. Но он со дня на день всё более и более тает. Внутренняя долго томившая его болезнь (сердца и легкого) разрешилась водянкой во всем теле, которая теперь появляется уже и в значительной опухоли рук, а ноги поражены ею уже давно. После соборования наставники и студенты с ним простились, а О. Наместник²⁹⁴ принесен был для прощания с ним 28 числа. Зрелище прощания двух умирающих старцев было в высшей степени трогательное. Я посещаю О. Ректора каждый день: он помещается теперь не в своих комнатах, куда трудно было ему всходить, но в комнатах студенческих, находящихся под его покоем.

Вчера получено здесь известие о назначении на места кандидатов, окончивших курс. В Вашу Семинарию на Философию назначен И. А. Татарский²⁹⁵, Харьковец, который Вам представлялся в бытность Вашу в Лавре: человек даровитейший из всего курса».

2 Августа был у меня в городе Московский священник Ив. Алексеев. Смирнов²⁹⁶ и, не найдя меня в городском доме, оставил записку следующего содержания:

«К Его Высокопреосвященству Савве Архиепископу Харьковскому и Ахтырскому приходил принять благословение и

лично засвидетельствовать свою благодарность за прежние приветливость, расположение и отеческое покровительство и снисхождение бывший профессор Вифанской Семинарии, а теперь член оной, города Москвы Космо-Дамианской, близ малого Каменного моста, на Полянке, церкви священник Иван Алексеев Смирнов. 1875 г. Августа 2 дня».

7-го ч. писал я в Москву жене Смотрителя Мещанской богадельни М. И. Соколова Ел. Петр. Соколовой:

«Посланная Вами подушка с надписанием – *Полоцкому и Витебскому* попала в руки Харьковского и Ахтырского. И так – кому же собственно должна принадлежать эта вещь – Полоцкому или Харьковскому, и кто должен благодарить почтенную виновницу дара? Так как дар в руках епископа Харьковского, то он и считает своим долгом принести от имени Епископа Полоцкого Вам, достолубезнейшая Елисавета Петровна, искреннюю благодарность за искусное произведение Ваших многолетних трудов. Произведение это, украшая гостиную, комнату Епископа Харьковского, будет служить всегдашним памятником Вашего доброго к нему расположения и усердия.

Многоуважаемому Матвею Ивановичу свидетельствуя моё душевное почтение, приношу вместе с тем усерднейшее поздравление с днем его Ангела».

8-го ч. получил я официальное письмо от 5 ч. за № 222 от Ректора Московской Дух. Академии, Протоиерея А. В. Горского. Вот что писал он мне:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Присланный Вашим Преосвященством для академической церкви список с чудотворной иконы Озерянской Божией Матери принят Академией с глубокою благодарностью, как знак Вашего Архипастырского благословения, призываемого на место Вашего бывшего служения, и помещен на правой стене от алтаря подле списка с иконы Святой Живоначальной Троицы; а присланные вместе со списком с иконы сто рублей будут употреблены согласно их назначению.

Сообщая о сем Вашему Преосвященству и испрашивая Архипастырских молитв и благословения, имею честь быть»...

10-го числа пожаловал ко мне бывший профессор и инспектор Витебской Семинарии Ив. Гр. Слиборский²⁹⁷, который на следующий день 1-го ч., вместе со мною, отправился в *Святогорскую Успенскую Пустынь* па храмовый праздник Успения Пресв. Богородицы.

В 12-ть часов ночи выехали мы из Харькова, в сопровождении Кафедрального Ключаря²⁹⁸ и прочей свиты, по железной Харьковско-Азовской дороге. На другой день, 12-го числа, на станции Барвенково встретил нас Настоятель Святогорской Пустыни Архимандрит Герман²⁹⁹ и предложил нам завтрак. В 11 ч. дня приехали на станцию «Славянск», где ожидали нас монастырские экипажи. От станции до Пустыни около 15-ти вёрст; на пути встретили мы слободу Богородичную, за которой на пароме переправились на противоположный берег реки Северного Донца, над которым возвышаются Святые Горы со своею меловою скалою.

Поразительную картину представляли взорам нашим эти горы, покрытые густым лесом, и эта обнаженная меловая скала, возвышающаяся над уровнем воды на 30-ть слишком сажень.

В половине второго часа пополудни вступил я во врата св. обители, встреченный по чину Настоятелем и братиею.

Я не буду входить здесь в подробное историческое описание примечательной Святогорской Пустыни; подробности эти желающий может найти 1) в Историко-Статистическом Описании Харьковской епархии, Отд. 1, стр. 143–190; 2) в сочинении Гр. Кулжинского, Святогорская Успенская Общежительная Пустынь в Харьковской епархии, Харьков, 1880 г., и 3) в брошюре В. И. Немировича-Данченко, Святые Горы, СПб. 1880 г.³⁰⁰. Скажу только, что древняя Святогорская Пустынь, упраздненная в 1787 г., восстановлена была в 1844 г., благодаря усердию благочестивой боярыни Татианы Борисовны Потемкиной³⁰¹, супруги владельца этой местности Александра Михайловича Потемкина³⁰².

Изложу затем, в коротких словах, моё пребывание и мои занятия в Святогорской Пустыни.

12-го ч., в 7-мь часов вечера, началась всенощная, которую я слушал в главном Успенском храме. Настоятель с братиею выходили на литию и величание в честь празднуемого на другой день Святителя Тихона, Задонского Чудотворца. Служба совершалась по чину Глинской Пустыни³⁰³, принесенному в Святогорскую Пустынь первым, по восстановлении её, Настоятелем Архимандритом Арсением, бывшим Казначеем³⁰⁴ помянутой Глинской Пустыни. Всенощная окончилась в 11-ть часов.

13-го ч. утром, перед поздней литургией, занимался обозрением монастыря: был в пещерной церкви преп. Антония и Феодосия, в домово́й церкви Т. Б. Потемкиной и осмотрел покои; затем посетил монастырскую больницу с домовою при ней церковью, был на могиле схимника Иоанна; осмотрел хутор монастырский; отсюда проехал в церковь Преображения Господня, построенную на самой вершине горы, над скалою. Вид отсюда на окрестности восхитительный. С горы спустился к скале, внутри коей осмотрел церкви и пещеры.

В 9 часов слушал литургию, которую совершал Настоятель соборне с братиею. Перед пением молитвы Господней, Настоятелю и прочим служащим подавали умывать руки. Такого обычая мне нигде не случалось видеть.

В 4 часа ездили мы с Архимандритом в монастырский скит, называемый Святым местом. Он от монастыря верстах в двух вверх по Донцу. Оттуда спустились мы на лодке.

В 7 часов вечера слушал всенощную в своих покоях.

14-го ч. ежегодно совершается в 8-мь ч. утра крестный ход из монастыря в Скит на лодках, а после литургии тем же способом возвращается назад, в монастырь, где у пристани делается монастырскою братиею встреча крестного хода. В этой встрече на сей раз участвовал и я, по совершении литургии.

В 7-мь часов вечера начался благовест ко всенощной. Служащие, во время благовеста, в мантиях пришли в мои покои, а отсюда последовало шествие, при торжественном звуке колоколов, в Успенский монастырский храм. Я выходил на литию и величание. Лития совершалась, ради многолюдного собрания богомольцев, вне храма, под открытым звездным

небом. Особенность богослужения составляло, между прочим, каждение диаконов с так называемыми сионами (т. е. ковчегами) на плечах, поддерживаемыми левою рукою.

15 числа – день Успения Пресвятой Богородицы – храмовый праздник Святогорской Обители.

За ранними литургиями, кои совершались в этот день в нескольких церквях, причастников из богомольцев было более 5 тысяч.

В 9-ть часов начался благовест к поздней литургии. Шествие из келий в церковь сопровождалось такою же процессией, как и накануне ко всенощной. Литургия совершена была с обычной торжественностью. После литургии братия отправилась с крестным ходом на скалу, а я другим путем подъехал туда в экипаже. На верхней площадке скалы совершен был по обычаю, в память открытия в этот день восстановленной Святогорской Пустыни, благодарственный молебен с обычными многолетиями и с провозглашением вечной памяти обновителям обители.

По сошествии со скалы и по разоблачении, я отправился в братскую трапезу, для благословения трапезы.

По пути оттуда осмотрел просфорню, ризницу и часовню, в которой хранится престол из прежней Успенской церкви.

После обеда посетил я келии Настоятеля Архимандрита Германа и там рассматривал рукописный Синодик 1710 г., украшенный многими, искусно сделанными, изображениями священных ликов.

Архимандрит Герман сын греческого купца из г. Нежина Черниговской губернии; получил некоторое образование в Московском Коммерческом училище; в молодых летах поступил в Глинскую Пустынь Курской губернии, а оттуда вместе с Казначеем Иеромонахом (впоследствии Архимандритом) Арсением и некоторыми другими монахами перешел в 1844 г. в восстановленную Святогорскую Пустынь. Отличается добрыми иноческими качествами и молитвенным настроением. По смерти Архимандрита Арсения (12 Окт. 1859 г.), вступивши в управление многолюдною обителью (около 400 человек), он с добрым успехом исполняет свои многосложные обязанности.

16-го числа, выслушав раннюю литургию в зимней Покровской церкви, около полудня я оставил знаменитую Обитель.

Мимоездом через помянутую выше Богородичную Слободу, я осмотрел тамошнюю приходскую церковь и около 3-х часов прибыл в заштатный город Славянск и остановился в доме купца Н. Ст. Киселева.

Славянок, в прежнее время называвшийся Тором по р. Торцу, известен ныне по своим целебным соляным озерам.

В Славянске церквей три: Соборная Троицкая, Воскресенская приходская и Всехсвятская-кладбищенская.

В 6 ч. всенощная в соборе с литиею и величанием. На левом клиросе пели городские певчие очень изрядно. Собор обширен и благолепен.

17 ч. воскресенье. В 9 ч. благовест к литургии, которая совершена была мною соборне, при весьма многочисленном стечении богомольцев не только городских, но и деревенских, приехавших в этот день на базар.

После литургии обозрены были мною прочие церкви. В Воскресенской церкви, в алтаре, на горнем месте, вместо лампы пред образом, металлическая фигура ангела держит в руках трехсвечники. А на кладбище я видел на могилах, вместо памятников, каменные плиты с изображением на них крестов. Плиты эти неосторожно попираются ногами и людей, и, может быть, скотов, что строго возбраняется 73 прав. VI Вселенского Собора. Я обратил на это внимание священника и церковного старосты.

После обеда, в 7 часов вечера, я выехал из Славянска по железной дороге и на другой день, 18-го числа, утром возвратился в Харьков.

18-го числа из Киева писал мне саперный офицер Мих. Осип. Семёнов, служивший вместо домашнего секретаря у А. Н. Муравьева³⁰⁵:

«Позвольте поднести Вам прилагаемый при сем экземпляр³⁰⁶ моих воспоминаний об А. Н. Муравьеве, которого Вы хорошо знали. Издание это предпринято мною на собственный счет и, собственно, для друзей покойного, в

надежде, что таковые поддержат меня для покрытия необходимых расходов.

В Киеве на меня возложен Генерал-Адъютантом Исаковым³⁰⁷ сбор в память Андрея Николаевича между друзьями и почитателями на устройство стипендии его имени в здешней Духовной Академии. Я уверен, что и Вы не откажетесь принести свою лепту для сей благой цели и для человека всю жизнь посвятившего на пользу церкви.

Испрашивая Вашего благословения и поручая себя молитвам Вашим, остаюсь с чувствами глубочайшего уважения и преданности».

В ответ на это писал я от 28-го числа:

«С особенным интересом прочитал я изданное Вами Воспоминание об А. И. Муравьеве, которого я душевно чтит и с которым имел письменные сношения в течении 25-ти лет. Усопшему вечная память, а Вам искренняя благодарность.

Посылая при сем 50 руб., прошу Вас на 25 руб. выслать мне, сколько следует, экземпляров изданной Вами книги, а другие 25 руб. пусть поступят в состав капитала на учреждение предполагаемой стипендии имени Андрея Николаевича.

Призывая Вам Божие благословение, с душевным к Вам уважением пребываю»...

19-го числа писал я в Москву знакомому мне купцу Макс. Ефим. Попову:

«В надежде на Ваше доброе ко мне расположение, позволяю себе обратиться к Вам, как истинному ревнителю церковного благолепия, со следующею усерднейшею просьбою.

Как ни много Господь помог мне, при благотельном содействии Боголюбивой Москвы, сделать добра для бедствующих церквей моей прежней Полоцкой епархии, но, оставляя эту епархию, я оставил один храм, не сделав для него всего того, что я обязан был сделать и мог бы с Божией помощью сделать, если бы до сих пор оставался в Витебске. Я разумею Витебский градский Успенский Собор. Этот храм, по своей архитектуре, мало имеет подобных себе в целой России. Ещё при мне началось, по распоряжению Правительства, возобновление этого достопримечательного храма; теперь

возобновление это приближается к окончанию, и в Сентябре предположено освящение оною. Но Правительство, давши средства к возобновлению стен и иконостаса, не дало никаких средств к приобретению утварей, соответствующих величию и красоте возобновленного храма. Приближается время освящения храма, но нет ни паникадил, ни лампад, ни подсвечников, ни хоругвей, ни облачений на престол и жертвенник, ни приличных риз для священнослужителей и проч... Собственных средств для всего этого у Собора нет; рассчитывать на усердие Витебских граждан совершенно невозможно. Что же остается делать? Одно – поклониться Христолюбивой и щедродательной Москве. Ей не в первый уже раз оказывать свою благотворную помощь церквям не только отечественным, но и заграничным.

К Вам, достопочтеннейший Максим Ефимович, а чрез Вас и к присному Вам Павлу Григорьевичу³⁰⁸, как более других понимающим и любящим благолепие храмов Божиих, простираю мой ходатайственный глас об оказании помощи и содействия к довершению благолепия возобновленного Витебского Собора, в котором я, по случаю возобновления тамошнего же Кафедрального Собора, четыре года совершал соборные служения и воссылал к Богу усердные молитвы о Московских благотворителях, к числу которых всегда принадлежали и Вы с Павлом Григорьевичем.

Вручитель сего письма – Настоятель означенного Успенского Собора Протоиерей В. Волков. Поручаю его Вашему благосклонному вниманию. От него можно получить более обстоятельные сведения о том, что всего более необходимо и благопотребно для возобновленного храма ко дню его освящения.

Повторяя Вам мою душевную благодарность за Ваше посещение, призываю Вам с семейством и со всеми присными благословение Божие».

Подлинник этого письма послан был мною в Витебск к Протоиерею при следующем письме от 20-го числа:

«Исполняя Вашу неотступную просьбу, посылаю Вам письмо на имя Московского купца Макс. Ефим. Попова

незапечатанным с тем, чтобы Вы, прочитавши, сами уже заклеили его. Г. Попов служит старостой в Успенском соборе, и потому лучше других может понять Ваши нужды. Упоминаемый в письме П. Г. Цуриков, шурин Максима Ефимыча, человек в высшей степени благочестивый и беспримерный благотворитель церквей. К другим благотворителям, напр., В. М. Бостанжогло, я не пишу, потому что он весьма болен; к С. П. Оконнишникову³⁰⁹ писать стыжусь, потому что он слишком уже много оказывал для меня и ради меня услуг, но Вы отыщите его и попросите от моего имени, чтобы он рекомендовал Вас кому-либо из своих знакомых.

Побывайте у Графини А. Г. Толстой³¹⁰, которая живёт на Садовой в собственном доме, у Покрова в Кудрине. Объясните Ее Сиятельству, что Вы являетесь к ней по моему указанию. На днях я буду писать Графине, и, если не забуду, упомяну о Вас.

Дай Бог Вам успеха в Вашем предприятии!

С любовью буду ожидать Вас к себе на перепутье из Москвы.

Р. С. По прибытии в Москву, прежде всего явитесь к Владыке-Митрополиту и испросите от него благословение на принятие приношений».

21-го ч. получена была мною из Витебска от Преосвященного Викторина официальная бумага от 15 ч. № 5105 следующего содержания:

«Препровожденные Вашим Преосвященством при письме ко мне от 5-го минувшего Июля за № 48 *триста рублей*, для вспомоществования бедным вдовам и сиротам духовного звания вверенной мне епархии, мною получены и 10-го того же Июля переданы в попечительство для употребления их согласно Вашему Архипастырскому назначению.

Принося Вашему Преосвященству глубокую мою благодарность за то, что Вы и по отшествии Вашем в другую епархию не забываете прежде бывшей паствы своей и не оставляете её своей любовью и своею милостию, честь имею присовокупить, что бывшая Ваша паства за оказанные и ныне оказываемые Вами благодеяния ей также будет постоянно помнить Вас в своих молитвах к Господу Богу.

С братскою о Христе любовью и преданностью имею честь быть»...

21-го ч. телеграммой спрашивал я Наместника Александроневской Лавры, Архимандрита Симеона³¹¹, когда будет совершаться торжество 50-тилетнего юбилея Высокопреосвященного Митрополита Новгородского Исидора.

На это, в тот же день, получен был мною такой ответ:

«Торжество совершится пятого Сентября».

21-го же числа писал я в Москву Графине А. Г. Толстой:

«На праздник Успения Пресв. Богородицы путешествовал я в Святогорскую Пустынь и спешу поделиться с Вашим Сиятельством моими впечатлениями, полученными мною от этой дивной обители.

Относительно местоположения обители скажу, что после Киева ничего подобного нигде я не видал. Не стану, впрочем, подробно описывать Вам красоту этого местоположения, но прошу Вас непременно приказать прочесть Вам красноречивое описание Св. Гор А. Н. Муравьева. У него описана местность вполне согласно с действительностью. Нисколько не удивительно, что Государыня Императрица³¹², посетивши Св. Горы, восхитилась их красотою. Я много уже встречал людей, которые были в Св. Горах, и ни от кого ещё не слышал, чтобы кто-нибудь оставался равнодушным при виде этих чудных гор.

В Св. Горах провел я пять дней и достаточно познакомился с обителью. Два раза служил и с искренним усердием помолился о упокоении душ приснопамятных возобновителей этой обители – бояр Александра и Татианы³¹³; не забыты при сем были и досточтимые мною имена Графа Александра и Графини Анны³¹⁴. В храмовый праздник, после литургии совершен был мною, по заведенному обычаю, на остроконечной скале, которая высотой своею далеко превосходит Ивановскую колокольню, благодарственный молебен. Стечение к празднику богомольцев было громадное; одних причастников за ранними литургиями было более 5,000 человек. Богослужение в монастыре совершается весьма чинно. Братии в обители до 400 человек. Правила иноческой жизни соблюдаются очень строго.

Настоятель Архимандрит Герман, которого Вы изволите знать, человек очень скромный и внимательный к своим обязанностям.

Посетил я и Палаты незабвенной Татьяны Борисовны. Всё в них остается, как мне говорили, в том самом виде, в каком они оставлены были покойною их владетельницею, но время мало по малу налагает на них свою разрушительную руку; и едва ли они будут поддержаны надолго настоящим их владельцем.

От Успенской Святогорской обители, мною посещённой, позвольте перейти к Успенскому Собору, мною оставленному в г. Витебске. Храм этот, по своей архитектуре, мало имеет подобных себе в России. По распоряжению Правительства, ещё при мне приступлено было к возобновлению этого замечательного храма; в настоящее время возобновление окончено, и в Сентябре предположено храм освятить. Но Правительство, давши средства возобновить и украсить стены и иконостас, не дало средств к приобретению потребных и соответствующих величию храма, утварей. Поэтому Настоятель Собора, с разрешения своего Епархиального Начальства, решился отправиться в Москву с мольбою об оказании помощи и содействия к довершению благолепия возобновленного храма. Он обратится, без сомнения, и к Вам, благодетельнейшая Графиня, с своею мольбою о помощи; не откажите, Бога ради, в этой помощи. Оказанное Вами благодеяние на пользу храма, в котором я, по случаю возобновления Кафедрального собора, четыре года совершал богослужение и молился о спасении Московских благотворителей, я приму за личное для себя одолжение.

Призывая Вам и сущим с Вами Божие благословение, с глубоким уважением и душевною преданностию имею честь быть...

Р. S. Забыл было я упомянуть, что мне показывали сребропозлащенный ковчежец с частицами св. мощей – памятник Вашего благочестивого усердия к Святогорской обители. Ковчежец этот благоговейно сохраняется на престоле зимней Покровской церкви, где я 16-го числа слушал раннюю литургию».

Еще 7-го Августа получил я из Москвы от Н. П. Киреевской письмо в ответ на моё письмо от 11-го Июня. Вот что она писала мне от 5-го Августа:

«На вопрос Вашего Преосвященства об Оптиной Пустыни и на намерение обратиться к настоятелю оной для избрания Настоятеля в ново-устрояющуюся Общину –

Отвечаю Вам со всей откровенностью и немалой скорбью... В Оптиной, к сожалению, большое изменение, беспорядок и упадок! После О. Макария³¹⁵ держалось всё покойным его преемником О. Иларионом; по кончине его, всё изменилось не в лучшее, чему много и даже совершенно причиной (не по благословию) Старец О. Амвросий³¹⁶, произведенный Г-жой Ключаревой в Старцы. Он человек умный и жизни хорошей, но никак не старец, который должен иметь дар духовный. Теперь во всём, увы! и велий ералаш, и смущение, и неустройство по всем частям; а так как он духовный отец и наставник доброго, но очень ограниченного Игумена, то и происходят и расстройство и беспорядки. И потому, если обратитесь к Настоятелю, т. е. к О. Игумену, Вам пришлют, конечно, кого-нибудь в настоятели по указанию называемого Старцем, и, конечно, такого, который не будет ни на что годиться. Но как время еще довольно впереди, то позвольте мне, скромно и тихо, с помощью Божией, спросить тамошнего О. Казначая Флавиана, ученика преданного и воспитанника О. Макария и О. Илариона, не рассудит ли он побывать в Троицкой Лавре и быть у меня проездом? И тут словесно предложу ему принять на себя обязанность Настоятеля Общины по уставу, какой был при О. Архимандрите Моисее и старцах в Оптиной Пустыни.

Если о. Флавиан изъявит согласие, то Вы будете иметь сокровище, а не человека. Это девственник и человек дельный и способный на всё полезное; ему лет около 50-ти, и, вероятно, имеет из братии единоклубных, правильных людей, бывших по совести откровенных пред покойным старцем. Вот, если благословит Господь моё намерение благим исполнением, то уверена, что вполне совершится Вам угодное для благоустройства новой обители. Только необходимо повременить этим делом и поскромнее помолчать. Но усердно

прошу Вашего мне ответного слова, одобрите ли мой план действий? И тогда уже за Ваше святительское благословение мне будет благонадежнее действовать. Буду ожидать Вашего ответа, а покуда позвольте выразить Вашему Преосвященству мои благожелания и чувство искреннего почтения и душевной неизменной моей Вам преданности».

На это отвечал я от 22 числа:

«Возвратившись из Святогорской Пустыни, куда я путешествовал на праздник Успения Б. Матери, спешу ответить на Ваше почтенное письмо от 5 сего Августа.

Вопрос об избрании Настоятеля в новоустрояемую обитель не требует ещё скорого разрешения. Если Вам и случится увидеть О. Флавиана, то прошу Вас объясниться с ним на первый раз в таком только смысле, что для такого-то монастыря ищут благонадежного Настоятеля и что в случае, если бы ему предложена была эта должность, может ли он принять такое предложение?

В бытность мою в Святых Горах мне рекомендовали тамошнего казначея, как человека способного и благонадежного для занятия Настоятельской должности, но я не имел об этом переговоров ни с рекомендованным, ни с Настоятелем Пустыни.

Что это за чудная обитель – Св. Горы. После Киева я ничего подобного нигде не видал. Вам непременно следует там побывать».

26-го ч., в день Коронации Государя Императора, после торжественной литургии в Кафедральном Соборе, я по обыкновению тотчас же возвратился в своё уединенное и прохладное Всехсвятское. Здесь посетил меня Сумский купец Дм. Ив. Суханов. Я пригласил его к своей скромной трапезе вместе с каким-то другим, не помню, гостем; он не отказался от моего усердного приглашения, но не захотел оставаться у меня в долгу; на другой же день прислал мне полный серебряный сервиз на 12-ть персон.

28-го же числа получена была мною из Ростова-на-Дону от Преосвященного Германа³¹⁷, Епископа Кавказского, отправлявшегося в Петербург на юбилей Митрополита³¹⁸, телеграмма следующего содержания:

«Проездом надеюсь быть завтра в Харькове с почтовым поездом, при чем считаю долгом засвидетельствовать почтение Вашему Преосвященству и помолиться на могиле Архиепископа Нектария».

А на другой день, 29-го ч., от него же получаю из Таганрога другую телеграмму такого рода:

«Произошла задержка: через Харьков придется проезжать ночью в такие часы, в которые я не осмелюсь беспокоить Вас».

Таким образом, я не виделся на этот раз с Кавказским Владыкою; но он посетил меня на обратном пути из Петербурга, о чём речь впереди.

30-го числа получено было мною от Председателя Церковно-Археологического Общества при Киевской Дух. Академии Преосвященного Филарета³¹⁹, Епископа Уманского, официальное письмо от 17-го ч. за № 129, следующего содержания:

«Отношением от 28-го Июня сего года за № 45 Ваше Преосвященство изволили уведомить Церковно-Археологическое Общество при Киевской Дух. Акад. о согласии Вашем принять на себя звание Почетного Члена Общества и вместе с тем препроводить для него означенные в том отношении издания Вашего Преосвященства.

Принося от имени Общества глубочайшую и искреннюю благодарность за сие пожертвование, долг имею почтительнейше препроводить к Вашему Преосвященству 1) Устав Церковно-Археологического Общества и Музея и 2) Отчет Общества за 1874 г., с присовокуплением, что диплом на звание Почетного Члена Общества будет выслан Вашему Преосвященству по изготовлении его в типографии».

30-го же числа писал я в Петербург Наместнику Александро-Невской Лавры, Архимандриту Симеону:

«Прежде всего приветствую Вас с новой должностью и желаю Вам успешного прохождения этой почтенной должности.

Затем усердно благодарю Вас за удовлетворительный ответ на мою телеграмму, но при этом прошу Вас покорно исполнить следующее моё поручение.

Вы получите с почты адресованную на Ваше имя посылку в ящике. В этом ящике вложена, в особой картонке, икона для Высокопреосвященнейшего Митрополита, и при ней письмо на имя Его Высокопреосвященства. Вынувши из ящика икону, потрудитесь представить её, в запечатанной картонке, в самый день юбилея, Вашему Архипастырю с объяснением, разумеется, от кого эта икона.

Поздравляю Вас с предстоящим юбилейным торжеством. Полагаю, что Вам немало будет при этом торжестве трудов и забот. Но любовь и преданность Архипастырю облегчит Вам эти труды.

Р. С. О получении, равно как и о представлении иконы по принадлежности, прошу меня уведомить».

В виду предстоявшего юбилея Высокопреосвященного Исидора, Митрополита Новгородского и С.-Петербургского, мною поручено было Преосвященному Викарию, Епископу Вениамину, составить проект адреса досточтимому Юбиляру. Преосвященный, исполнив на скорую руку моё поручение, прислал мне составленный им и небрежно переписанный проект при следующем, оригинального свойства, письме от 26-го числа:

«За мои прегрешения дан мне конфуз в лице: остаток бывшей моей губной боли выступил на новом месте и не позволяет мне до времени показаться в церковном собрании. Употребляю некоторые средства к скорейшему поправлению. Помолитесь, Преосвященнейший Владыко, за меня немощного.

Взгляните на мой набросок приветствия к предстоящему юбилею, если только мы ещё не опоздали с ним.

Сократить, изменить или совсем переделать написанное вчерне и наскоро предоставляю усмотрению Вашего Преосвященства. Я понимал юбилей пятидесятилетний от начала всего служения нашего высокого юбиляра до настоящего времени; но так ли это? Меня привел в сомнение последний номер Московской газеты, где пропечатано в телеграмме, что предстоящий юбилей имеет своим предметом сорокалетие святительского сана Высокопреосвященного Исидора. Это ещё не беда, если только нужно сделать нам

поправку в своём адресе; но в том же номере сказано, что юбилей имел совершиться 21-го числа настоящего Августа, – вот тут-то является точка с запятой!

Как хочется мне повидаться с Вашим Преосвященством по поводу этого предмета, при чем сильно интересуется и приготовленный к этому случаю Вашим Преосвященством образ Матери Божией, чтобы посмотреть на него!

Завтрашний день к пяти часам пополудни постараюсь быть у Вашего Преосвященства и переговорить о наших делах».

Приложенный при письме этот адрес следующего содержания:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и великий Отец!

«От Академической скамьи, на которой имеют место первенцы науки, до первосвятительской кафедры царствующего града великого Русского Царства стоит такая высота достоинства и чести, на которую дано восходить только особенным избранныкам таинственных советов Промысла Небесного. Вашему Высокопреосвященству судил вседействующий Промысл Божественный стоять на этой высоте и, как светильнику, ярко горящему на свещнице, изливать чистый свет духовный на тех, которые находятся в храмине Церкви Христовой.

Совершаемое, нынешний день, воспоминание всего пройденного Вашим Высокопреосвященством служения на пользу Церкви и Отечества в течение пятидесятилетия развертывает перед всеми в этом полувековом периоде времени такую дорогую цепь лет, в которой каждое отдельное звено могло бы составить для иного украшение и славу всей его жизни. Пятьдесят таких лет, взятых вместе, поистине, составляют великое и многознаменательное торжество, вся полнота радости которого прежде всего сосредоточивается в собственном сознании и чувстве Вашего Архипастырского духа, принявшего такое обилие духовных дарований. Принимаем искреннее и живое участие в этом светлом и священном торжестве и мы, поставленные в живой и тесной связи с Вашим Высокопреосвященством, как первопрестолом и старейшим

правителем Церкви Русской. Приветствуем Вас, Милостивейший Архипастырь и великий Отец, с таким многоплодным и славным юбилеем Вашего священнейшего служения в великом Доме Божием, какой не многим из делателей на ниве Христовой дается праздновать в краткий век своей земной жизни.

Как лучшее выражение своих глубоких, искренних и священных чувств, благоволите принять от меня и всей моей паствы посылаемый мною Образ Озерянской Божией Матери, Покровительницы здешнего края. Мать Божия, воспринявшая под свое всеильное заступление Ваше Высокопреосвященство, как младенца, в первые дни Вашего явления на свет, да сохраняет и ныне Вас, как Архипастыря и священноначальника Церкви, на все последующие годы многоценной и многоплодной жизни Вашей!

Молим Пречистую Мать Господа, чтобы жизненный елей не оскудевал в сосуде старческой плоти Вашей, и чтобы светильник Ваш горел ещё и ещё для руководства, научения и утешения всех верных сынов Церкви Русской!»

Такой проект адреса мне показался не очень складным, и потому я заменил его своим в следующих выражениях:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

«Совершившееся ныне пятидесятилетие³²⁰ достославного служения Вашего Высокопреосвященства Церкви и Отечеству должно составлять предмет духовного торжества и радования не только для врученных Богом Вашему Святительству паств Новгородской и С.-Петербургской, но и для иных паств и пастырей Церкви Всероссийской, поскольку Вы – Первостоятель и старейший Правитель сея Церкви; Вашему Архипастырскому сердцу не чужды заботы о благе и благосостоянии всех духовных паств Российской церкви; Ваши великие и многообразные труды, наипаче же труды по преложению на общепонятное русское наречие священных книг Ветхого Завета суть труды на пользу душ всех православных сынов Отечественной церкви.

Посему просим Вас, Высокопреосвященнейший Владыко, принять от нас, пастырей, и от вверенной нам паствы выражение искренних и живых чувств радости о благополучном совершении пятидесятилетнего поприща Вашего многотрудного и благоплодного служения Христовой церкви.

Молим Пастыреначальника и Господа Иисуса Христа, да продлит Он, Всеблагий, дни Вашей многополезной жизни и да горит ещё и ещё в сосуде плоти Вашей духовный светильник Ваш для просвещения, утешения и руководства пастырей и пасомых Церкви Российской.

Препровождаемое при сем священное изображение Божией Матери, именуемой Озерянскою, благоволите принять, Высокопреосвященнейший Владыко, как видимый залог нашего духовного общения в совершающемся ныне, в Царствующем граде, церковном торжестве по случаю Вашего, Милостивейший Архипастырь, пятидесятилетнего юбилея.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца, смиренные послушники: Савва, Епископ Харьковский и Ахтырский, Вениамин, Епископ Сумский, Викарий Харьковской епархии».

2-го сентября писал мне из Киева М. О. Семёнов:

«В течении моего сожителства с А. Н. Муравьевым, я успел изучить и узнать его отношения к разным личностям и знал расположение его к Вам, на основании которого и препроводил мои о нём воспоминания. Благодарю Вас, Преосвященнейший Владыко, за Ваш лестный отзыв о моём труде, а также за пожертвование на память об Андрее Николаевиче и выписку книг, которых вместе с сим посылаю за нашей братскою печатью, по расчёту стоимости мне за печатание 42 экзем. Я успел получить лестные отзывы от нашего Архипастыря, Митрополита Арсения³²¹, который просит меня заняться изданием писем Андрея Николаевича к Московскому Митрополиту Филарету, кои обещался выручить из Синодального Архива, куда попали с прочими бумагами после кончины Владыки, и от Преосвящ. Леонида, Викария Московского. Святогорский Архимандрит Герман поддержал моё издание воспоминаний выпиской 100 экз., есть надежда,

что понемногу моя затрата возвратится. Вы меня должны помнить, потому что я с Вами ездил к памятнику Св. Владимира, когда Вы были в Киеве у Андрея Николаевича?»

9-го ч. приехали ко мне в гости два брата – Архимандрит Серпуховского Высоцкого монастыря Мелетий и Эконом Троицкой Сергиевой Лавры Иеромонах Агафангел. На другой день О. Мелетий уехал в Святогорскую Пустынь, а О. Агафангел оставался в Харькове для осмотра устроенной под его наблюдением печи в Кафедральном Соборе.

11 ч. посетил меня, мимоездом из Петербурга, совоспитанник по Московской Академии, Стат. Сов. Мих. Влад. Шавров, состоящий в должности Чиновника Особых Поручений при Обер-Прокуроре Св. Синода. Он женат на дворянке Харьковской губернии и в приданое за нею получил небольшое имение в Изюмском уезде. После 25-тилетней разлуки очень приятно было встретиться со старым товарищем. – Шаврова я знал в Академии как умного и благородного юношу, поступившего туда из Тверской Семинарии.

12 ч. телеграфировал мне из Орла возвращавшийся из Петербурга с Митрополичьего юбилея Преосвященный Герман, Епископ Кавказский.

«В четыре часа пополудни, – извещал он меня, – буду на Харьковской станции. Желал бы засвидетельствовать вам свое почтение».

Я распорядился, разумеется, выслать к этому времени на станцию железной дороги экипаж для встречи почтенного собрата. Он пробыл у меня три или четыре дня и много рассказывал мне о совершившемся юбилейном торжестве Новгородского Владыки. Впрочем, об этом торжестве напечатаны подробные сведения в Церковном Вестнике за 1875 г. и других духовных газетах.

14-го ч. получен был мною из Витебска от Епархиального съезда духовенства Полоцкой епархии благодарственный адрес за пожертвование мною в пользу Попечительства о бедных духовного звания. Адрес этот изложен в следующих выражениях:

«Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь!

«Духовенство Полоцкой епархии, осведомившись из Епархиальных Ведомостей о присылке Вашим Преосвященством для вспомоществования нуждающимся сирым семействам Полоцкой епархии 300 руб., поручило Епархиальному Съезду принести искреннюю благодарность незабвенному Архипастырю за полное любви сочувствие к бедственному положению вдов и сирот.

Помня, как все Ваши заботы ко благу Полоцкой епархии при управлении ею, так и ценя оказанное благодеяние Ваше, духовенство не престанет приносить свои недостойные молитвы о здравии Вашего Преосвященства пред св. престолом, уповая, что и духовенство Полоцкой епархии не забудет в святых своих молитвах Владыка святей.

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайшие послушники».

Из Витебска же писал от 18-го числа протоиерей В. Волков:

«Кланяюсь Вам до лица земли и прошу благословения. Из Харькова в Витебск я приехал 10-го Сентября... 11-го явился Его Преосвященству³²². Принял меня в кабинете, весьма ласково и любезно; спросил о здоровье Вашего Преосвященства и, когда узнал от меня, что я получил от Вас и через Вас, встал – помолился Богу, поклонился в землю – это Вам в благодарность – и благодарил меня за труд, принятый для пользы собора. До подробностей расспрашивал о Харькове, о Вас, об удобствах жизни в Харькове, о даче, о монастырях, соборах, духовенстве и проч. и проч. – За всё радовался и благодарил Бога и Вас. И весь город благодарит Вас, кланяется в ноги, молится Богу и желает когда-нибудь видеть Вас в Витебске, особенно при освящении Успенского Собора. Если бы горожане знали время Вашего прибытия, то вышли бы за город на встречу. Губернатора³²³ я мог увидеть только 15-го числа. Когда я передал ему Ваше благословение, он особенно радостно благодарил Вас за память и сказал: «да, я душевно, искренно уважаю и люблю Владыку Преосвященного Савву, а он забыл обо мне; обещал писать и ни одного слова. Это сильно меня огорчает. Неужели кто-нибудь заглазно мог вооружить его против меня? Весьма скорблю. Но я буду писать ему». Я говорю ему,

что Вы писали ему, но не получили ответа. Он уверял, что ни одного письма не получал. Благодарил и благодарил за Вашу память и заботы о соборе нашем... «Да, если бы не Преосвященный Савва, то Успенский Собор, столь великолепный и так красиво отделанный, был бы обезображен старою утварью, ризницею, ломаными подсвечниками, дырявыми коврами и проч. и пр... А теперь Вы, Отец Протоиерей, пожалуй перещеголяете и Николаевский собор своими вещами. Благодарю и Вас за Ваши заботы и труды на пользу собора. Вы много мне помогли; а я, право, давно думаю и беспокоюсь; где взять новые вещи для собора? Денег нет, да и Министерство не даст. Слава Богу и благодарение Владыке Савве, что всё так хорошо устроилось. Ну, прощайте». Вот разговор Губернатора от слова до слова. Но надобно было лично слышать, как это говорилось мягко, любезно, душевно.

Вчера, когда я начал уже писать это письмо, Владыка требовал меня к себе по делам собора. Опять благодарил и весьма благодарил Вас и сказал мне следующее: «Вижу, что вы заслужили любовь Преосвященного Саввы, – старайтесь заслужить и мою любовь; вы человек, как вижу, более других опытный, трудолюбивый и честный; вы будете у меня первым человеком. Смело и откровенно говорите ваши мысли и соображения по всем делам; да притом, вы, как благочинный, и обязаны обо всём мне говорить, впрочем не на бумаге».

При этом письме приложен список вещей, приобретенных в Москве для Витебского Успенского Собора в Сентябре 1875 г. и Записка о денежных пожертвованиях. В Записке значится разных ризничных вещей и церковных утварей – на 2727 р. 70 к., а денежных пожертвований 1000 р., а именно: от Графини А. Г. Толстой 300 р., от II. Г. Цурикова – 500 р., от М. Е. Попова – 100 р. и от Епископа Харьковского 100 руб.

Еще в Январе сего года, во время пребывания моего в Петербурге по пути в Харьков, я слышал от Обер-Прокурора Св. Синода, Графа Д. А. Толстого, очень невыгодный отзыв о Харьковской Дух. Семинарии в педагогическом отношении. Этот же отзыв, с большими притом подробностями, повторен был мне в официальной бумаге от 15 Мая (1875 г.) за № 1652, с

просьбою о принятии решительных мер к приведению воспитательной части Семинарии в положение, требуемое Уставом. Вследствие сего, мною потребованы были от Семинарского Правления сведения о том, с какого времени и от каких причин возникло в воспитанниках Харьковской Семинарии неуважение к дисциплине и начальству, примечается ли этот недостаток в воспитанниках в настоящее время и какие, по мнению Правления, надлежит принять решительные меры к устранению этого важного недостатка на будущее время и к приведению вообще воспитательной части в Семинарии в положение требуемое Уставом.

Семинарское Правление представило мне сведения эти не ранее 19 Сентября; изложу сущность оных:

«Обнаруживающийся за последнее время (1874 г.) дух или направление учеников Харьковской Семинарии есть явление, сложившееся, с одной стороны, под влиянием причин общих для всех, или, по крайней мере, для многих учебных заведений, с другой, под влиянием причин местных, исключительно существовавших только для Харьковской Дух. Семинарии.

К числу *общих* причин относится: а) распространение отрицательного направления 60-х годов и б) развитие среди учеников стремления к получению высшего образования в светских учебных заведениях.

Частные причины: а) более строгое и более точное применение за последнее время к жизни учеников требований Семинарского Устава и правил Семинарской инструкции, и б) существование в среде преподавательской двух противоположных педагогических направлений.

Что касается вопроса о том, примечается ли среди воспитанников неуважение к дисциплине и Начальству и в настоящее время, то Правление Семинарии в этом отношении усматривает в воспитанниках значительную перемену к лучшему.

Для предохранения воспитанников на будущее время от уклонения от правил дисциплины, Семинарское Правление признает нужным: а) пересмотреть, дополнить и изменить Инструкцию ученического благоповедения применительно к

открывшимся надобностям и в сообразность с требованиями Устава, и проч., б) вменить ученикам в обязанность жить не на квартире, а в Семинарском общежитии».

22 ч. посетил меня в загородном доме Настоятель Нежинского Благовещенского (Назарет-Богородичного) монастыря, Архимандрит Иероним (Геппнер).

О. Геппнер – личность в своём роде очень примечательная.

Архимандрит Иероним, в мире Иван Федорович Геппнер, уроженец Царства Польского, по одним известиям, из дворян, а по другим, из евреев, крещен в Униатской церкви, но воспитан был в римско-католической вере, или по другим, в евангелическом вероисповедании; первоначальное образование получил в рижской гимназии; оттуда поступил в Кенигсбергский Университет (в Пруссии), а отсюда перешел на богословский факультет в Дерптский, где и принял православие. В 30 или 31 г. состоял Секретарем в какой-то польской повстанской шайке; попал под уголовное дело, от которого отделавшись, очутился в положении послушника Соловецкого монастыря. Отсюда, в 1837 г., попал в Киевскую Духовную Академию, где и окончил курс в 1841 г. с званием Старшего кандидата. В декабре 1842 г. определен был учителем в Харьковскую Дух. Семинарию по церковной Истории и Каноническому праву; 7-го апреля 1843 г. пострижен был Преосвященным Харьковским Иннокентием, 10-го рукоположен в Иеродиакона, а 11-го в сан Иеромонаха. В 1847 г. переведен учителем в Тамбовскую Семинарию; в 1854 г. определен в Астраханскую Семинарию Инспектором; а оттуда в 1856 г. на ту же должность переведен в Кишиневскую Семинарию.

В 1859 г. возведен в сан Архимандрита и в том же году уволен от духовно – училищной службы. В 1863 г. из Кишиневской епархии перемещен был в Вятскую в настоятеля Слободского Крестовоздвиженского монастыря; а в 1868 г. снова возвратился в Кишиневскую епархию и определен был настоятелем Шабского Вознесенского монастыря. В 1873 г. определен Настоятелем Нежинского Благовещенского монастыря, а в декабре 1875 г. перемещен Настоятелем же

Оренбургского Богодуховского монастыря, где и скончался 28-го Ноября 1876 г. на 65 году от рождения³²⁴.

При жизни своей, о. Геппнер два раза путешествовал за границу и был в Риме. В беседе своей со мною, он рассказывал мне об этих путешествиях за границей и, между прочим, упоминал о свидании своём с Кардиналом Шварценбергом; не с похвалою отзывался об образованности католических епископов; слышал от одного ксёндза, бывшего ректором Варшавской католической Академии, что если бы в 1863 г. оставался в Варшаве православным Архиепископом Преосвященный Арсений³²⁵, мятежа в Польше не было бы.

22-го ч. писал я Инспектору Московской Дух. Академии С. К. Смирнову:

«Приношу Вам сердечное поздравление с днем Вашего Ангела. Да дарует Вам Господь, заступлением великого покровителя Вашего Угодника Сергия, здоровье, долгоденствие и благоденствие!

В каком положении здоровье О. Ректора?

Недавно были у меня два братца – о. Архимандрит Мелетий и о. Агафангел. Первый приезжал в гости, а второй по делу устройства печи в моём Кафедральном соборе. О. Мелетий ездил на один день в Святогорскую Пустынь, где и я был на празднике Успения Божией Матери. Дивная местность! Я уверен, что Вы нигде ничего подобного не видали; не излишне поэтому было бы Вам взглянуть на эту св. обитель. Над рекою Донцом возвышается отвесная скала выше Ивана Великого. Вид отсюда на окрестность очаровательный; в ясную погоду можно видеть с этой скалы г. Изюм, отстоящий от Пустыни на 30 верст. И на вершине этой то скалы я совершал, по заведенному обычаю, в праздник Успения, после литургии благодарственный молебен, в память открытия и восстановления в этот день обители. Сечение богомольцев на этот праздник храмовый в обители было громадное; одних причастников за ранними литургиями было более 5,000».

26-го ч., в день св. Иоанна Богослова, служил я в Семинарской церкви, по случаю храмового праздника. После литургии, в квартире Ректора³²⁶, встретил я между гостями

замечательную личность – бывшего профессора Харьковского Университета Никифора Дмитр. Борисяка³²⁷ – известного минералога.

30-го ч. из г. Ельца приветствовал меня помянутый выше Архимандрит Иероним (Геппнер) следующей телеграммой:

«Поздравляю с завтрашним днем и молю Господа, да молитвами Матери своей, которой чудотворный лик Вы ныне встретили, даст Вашему Преосвященству вся пожелания доброго и благородного сердца Вашего».

В телеграмме упоминается о встрече чудотворного лика Богоматери. Здесь разумеется торжественная встреча Чудотворной Озерянской иконы Божией Матери из Куряжского монастыря. Встреча эта происходит обыкновенно около полудня 30-го числа, в конце города, на Холодной горе, и отсюда икона несётся в Покровский монастырь с такою же процессией, с какою она 22-го апреля провожается из города в Куряж.

В 6 часов вечера совершалась всенощная служба, ради множества богомольцев, в двух церквях: в верхней Покровской и в нижней Крестовоздвиженской. – За службой в Покровской церкви я выходил с старшей братиею на литию и величание, и затем помазывал народ елеем. Всенощная окончилась около 9-ти часов.

1-го Октября Праздник Покрова Пресвятой Богородицы и день препод. Саввы Вишерского – сугубый для меня праздник, т. е. день моего ангела и храмовой праздник моей кафедральной обители. В этот сугубо-праздничный день литургия и вслед за нею молебен совершены были мною с подобающей торжественностью.

После литургии немало было у меня поздравителей разных званий и чинов, а в четыре часа для некоторых избранных особ (около 50-ти человек) предложена была мною праздничная трапеза, за которой присутствовал, между прочим, командующий войсками Харьковского военного Округа, Генерал-Адъютант, Александр Петрович Карцев.

Духовенство городских Харьковских церквей на первый раз ознаменовало день моего ангела поднесением мне хлеба-соли; при чем представило мне адрес в следующих выражениях:

«Духовенство градских церквей имеет счастье поздравить Вас со днем Ангела и принести хлеб-соль. Преосвященнейший Владыко! В древние времена хлебом-солью утверждались договоры и скреплялись добрые отношения – хлеб-соль заменяли клятву. Приимите от нас хлеб-соль, как залог и обет готовности нашей неуклонно исполнять Ваши мероприятия, направленные ко благу церкви и благу пасомых; примите, как знак искреннейшего желания Вам, Преосвященнейший Владыко, проходить чреду Архипастырского служения с радостью, а не воздыхающе. Паства Витебская – первая Ваша паства – представляла Вам поприще борьбы и особых трудов: множество иноверцев, противодействующих православию, значительная часть обращенных из Униатов и неутвердившихся ещё в православии, бедность и нищета православных храмов, множество нужд епархиальных и положительное отсутствие средств к их удовлетворению, – всё это требовало борьбы немалой и составляло нелегкое иго. Правда, Вы с честью вышли из этой борьбы и трудностей, Вы приобрели даже любовь всех, – любовь, которую и ныне не престают свидетельствовать Вам Витебцы лично и письменно; но понятно каждому, насколько тяжело Ваше было там положение.

Паства Харьковская свободна от подобного терния и волчцев; но тем не менее, с первого Вашего прибытия, Вы с любовью и энергией стали заботиться и о пастве Харьковской. Вами указан и введен более точный и строгий порядок при Богослужении, Вашей деятельностью и личным рассмотрением ускорено течение дел епархиальных, причем открыт к Вам доступ каждому для разъяснения недоразумений; но отраднее всего то, что у Вас нет зрения на лица; для многих ясным и осязательным сделалось Ваше беспристрастное и вполне правдивое отношение к делам и лицам. Имея пред лицом Пастыря, дающего образ благочиния, деятельности и правдивости, духовенство готово употребить все силы к точному исполнению Ваших указаний, – и тем снискать Вашу отеческую любовь и достигнуть высокого и счастливого состояния, да будет един Пастырь и едино стадо.

С такими чувствами, мыслями и желаниями в знаменательный день Вашего Ангела, духовенство и имеет счастье принести Вам, Преосвященнейший Владыко, хлеб-соль».

В тот же день получено было мною от разных лиц и из разных мест 6 писем и 23 поздравительных телеграмм.

Письма получены были мной от следующих лиц:

1) От Председателя Совета Церковного Братства в г. Полоцке, Протоиерея А. Добрадина³²⁸. Он писал от 27 Сентября:

«Совет Полоцкого Церковного Братства, получив милостивое соизволение Вашего Преосвященства на принятие звания Почетного Члена Братства, считает долгом выразить искреннюю признательность Вашему Преосвященству за Архипастырское сочувствие и непрекращающееся содействие скромному делу Братства и, с особенным удовольствием приветствуя Ваше Преосвященство с днем Вашего Ангела, молит Бога, да продлит Он, по молитвам угодника Своего, преподобного Саввы Вишерского, дни дорогой жизни Вашей в ненарушимом здравии и непремняемом благополучии к славе пресвятого имени Своего, ко благу св. Церкви и Отечества и на помощь смиренно трудящемуся Полоцкому Церковному Братству».

2) От Начальника Витебской губернии П. Я. Ростовцева, который обратился ко мне со следующим официальным письмом от 27 же Сентября за № 2873:

«Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь!

Пятого числа будущего Октября предположено освящение Витебского Успенского Собора, переделка которого в настоящее время совершенно окончена.

Так как Ваше Преосвященство всегда принимали живое участие в обновлении сего собора, то я долгом считаю об окончании переделки его сообщить Вашему Преосвященству, прося удостоить освящение сего Собора Вашим соприсутствием.

Поручая себя Архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь

быть и проч.»

На другой же день отвечал я на это пригласительное письмо в таких выражениях:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Получив почтенное письмо Ваше от 27-го минувшего Сентября за № 2873, коим изволите приглашать меня к участию в предстоящем торжестве освящения Витебского Успенского Собора, долгом поставляю принести Вашему Превосходительству мою искреннейшую благодарность за оказанную мне честь.

Как бы ни утешительно для меня было присутствие при торжественном освящении храма, который всегда восхищал меня своею изящною архитектурой и который теперь, благодаря заботливому попечению Вашего Превосходительства, ещё более должен поражать своим благолепием, но, к сожалению, служебные обстоятельства и неблизкое расстояние Харькова от Витебска лишают меня этого утешения.

Но не присутствуя при Вашем священном торжестве телом, духом и сердцем я буду с Вами, молитвенно разделяя Вашу духовную радость.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы принести Вашему Превосходительству моё душевное поздравление с недавним получением выражения Монаршего к Вам благоволения, Вами вполне заслуженного³²⁹.

Усердно призывая Вам и всем гражданам богоспасаемого Витебска Божие благословение, с глубоким к Вам почтением и сердечною преданностью имею честь быть»...

3) От Инспектора М. Д. Академии С. К. Смирнова. Вот содержание его письма от 29 Сентября:

«Приношу Вам усерднейшую благодарность за поздравление и имею честь приветствовать Вас с днем Ангела Вашего, от всего сердца желая, да ниспосылает Вам Господь обильные дары милости Своей и да хранит Вашу жизнь на многие лета.

В день Ангела Вашего служение в Академической церкви будет совершать Преосвященный Игнатий³³⁰, и в первый раз без участия О. Ректора³³¹, которого здоровье нимало не улучшается

и, по словам врача, поправиться не может. О. Ректор думал взять по болезни четырехмесячный отпуск, но ему отсоветовали и порешили тем, чтоб он подписывал только важнейшие бумаги и не принимал участия ни в администрации, ни в учебном деле. Нынешний раз он не мог даже принять Владыку, который изъявил желание посетить его 25 числа. В сей день в Троицком соборе сослужащих с Митрополитом было 6 Архимандритов, в числе которых были Евгений Херсонский, Мелетий Высоцкий и Иосиф Давыдовский. О. Наместник по обычаю первенствовал, но на великий выход не ходил. В числе богомольцев был Генерал-Губернатор.

Учение у нас началось с 10 Сентября. Ваши студенты приняты высоко: Мощенков занял 5 место, а Буткевич 11-е³³². Последний вступил в хор Академических певчих и поражает слушателей своей октавой. Из известных Вам поступил в студенты сын В. И. Романовского³³³. Из Витебска назначен к поступлению в нашу Академию один по фамилии *Никифоровский*³³⁴, но не явился к экзаменам, хотя и документы его были высланы в Правление Академии, а недавно прислал в Правление письмо, в котором извещает, что он поступил в Петербургскую Академию и уже не имеет никакой нужды в Московской Академии».

От 28-го Сентября писал мне из Петербурга Наместник Лавры Архимандрит Симеон:

«Первое всего нижайше приветствую Ваше Преосвященство с днем Тезоименитства Вашего и молю Господа, да хранит жизнь Вашу в мире, здравии и долгоденствии.

Поручение Вашего Преосвященства я исполнил, Владыка³³⁵ сказал: «искренно благодарю». Праздник прошел торжественно и благополучно. Юбиляр в добром здоровье и совершенной крепости сил. – С 27 Сентября и по 2-е Октября он в Новгороде, где открывает училище для сирот духовного звания, устроенное им при Деревяницком монастыре.

Описание торжества, довольно верное, изволите прочитать в №№ 36 и 37 Церковного Вестника, более подробное будет помещено в имеющей выйти книжке Христианского Чтения³³⁶.

Насколько юбиляр не желал прежде торжествовать юбилея, на столько и ещё более теперь доволен праздником.

Новостей особенных нет».

4 числа получил я письмо из Динабурга от Законоучителя Реального училища, священника Е. Н. Соловьева³³⁷. Вот что он писал от 29-го Сентября:

«Приветствую, Ваше Преосвященство, со днем Вашего Ангела!

Пользуясь настоящим случаем, я долгом считаю известить Ваше Преосвященство о новом Архипастыре нашем – преемнике Вашем³³⁸.

Я видел Его Преосвященство два раза: один в Витебске в великий пост, когда я ездил нарочно представляться ему и принять его благословение, – второй раз в Динабурге, при обозрении им епархии. – Владыка служил в Динабурге в день Вознесения Господня с 8-ю пресвитерами, между коими сослужил ему и я. При встрече Преосвященного я говорил речь и, немедленно после неё, получил плодovitый и длинный ответ от Преосвященного.

Владыка говорит красноречиво, находчив, остроумен, речь его проста и внятна. Слова, как в речи его, так, на другой день, и в проповеди направлены преимущественно к раскольникам, или об раскольниках; это его конёк. – В день Вознесения Господня он говорил: «Для чего Иисус Христос вознесся на небо, а не оставался жить с нами? 1) Для того, чтобы исполнить всё писанное о Нём; 2) для того, чтобы уготовить место нам; 3) для того, чтобы ниспослать Апостолам Св. Духа. Дух Божий и был ниспослан св. Апостолам; Апостолы преподали Его своим преемникам Епископам; Дух Божий теперь в церкви Вселенской; все люди, находящиеся вне её, не имеют благодатных даров Духа Божия?» Вот главные мотивы мыслей Преосвященного. Передавали мне достоверные люди о разговоре Владыки с Режицкими раскольниками. Владыка увещевал и наставлял долго собравшуюся там группу раскольников; раскольники слушали, но в конце концов сказали Владыке: «Вы говорите, батюшка, больно хорошо, а мы неучи, вот, как бы Вы позволили нам открыть часовенку?...»

Прошу Ваших Архипастырских молитв и благословения».

12-го ч. получена была мною из Сергиева Посада, от Инспектора Московской Д. Академии, С. К. Смирнова телеграмма с прискорбным известием о кончине многострадального Отца Ректора Академии протоиерея Александра Васильевича Горского. Вечная ему память!..

Тихая христианская кончина о. протоиерея Горского, последовавшая за тяжкими продолжительными страданиями, вызвала в сердцах всех, чтивших его высокие дарования и великие заслуги для духовной богословско-исторической науки, самые живые и искренние чувства скорби и сожаления о преждевременном пресечении столь многополезной жизни. В разных как духовных, так и светских журналах, явилось по поводу его кончины немало статей, в которых с большею или меньшею подробностью описывались обстоятельства его многоплодной жизни и оценивались его ученые труды и важные заслуги для православной русской церкви.

Из всего написанного и напечатанного о почившем в Бозе Александре Васильевиче я извлеку для своей Хроники лишь самое существенное, но достаточно характеризующее его высокую личность.

А. В. Горский сын протоиерея Костромского Кафедрального Собора, Василия Сергеевича Горского, родился 16 января 1812 г.

О первоначальном домашнем воспитании своем Горский пишет в своем дневнике: «Я воспитан под жезлом скромности; мое домашнее обучение было недолговременно: я скоро понимал, что мне передавали, но скажу, что передавали мне пищу не в том виде, в каком требовалось по моим способностям; держались того застарелого правила: учи, что тебе дано; после подумаешь о том, что выучил... Лета моего детства текли тихо, скромно, мертво: меня не выводили ни в какое общество, и я, до вступления в училище, жил как монастырка в своей келье».

Далее об училищной жизни Горский пишет: «я был не из последних между шалунами, но и не между первыми: буйные

силы души моей прорывались, но скоро входили в границы, для них строго определенные».

В 1824 г. Горский, будучи 12 лет, поступил в Семинарию, где он обучался только четыре года. По окончании философского курса, он, минуя богословский класс, принят был в 1828 г. в число студентов Московской Д. Академии: явление редкое в летописях Академии.

В Академии Горский воспитывался под руководством своего земляка, профессора Ф. А. Голубинского³³⁹. Об Академической жизни Горский писал в своем дневнике: «Всякий шаг в Академии делал я с робостью, и довольно прошло времени, доколе я не вышел на круг более просторной и более свободной деятельности». Об этой же жизни сообщает некоторые сведения совоспитанник по Академии Горского Архиепископ Костромский Платон³⁴⁰ (в миру Павел Фивейский); «я два года, – пишет он в своих записках, – был её свидетелем. Его (Горского), равно как и Восторгова³⁴¹, бывшего старшим в 10 №, все боялись, как наперсника Инспектора Евлампия³⁴². Они почти ежедневно ходили к Евлампию для какого-то толкования писания и просиживали у него иногда до 12 часов. К А. В. Горскому в комнату почти никто из товарищей не ходил; изредка приходили земляки его. Он ни с кем не говорил почти ничего. Всегда был за делом³⁴³».

По окончании в 1832 г. академического курса с званием Магистра, Горский был определен профессором Церковной и Гражданской Истории в Московскую Дух. Семинарию; а в Августе 1833 г. переведен в Моск. Дух. Академию на должность Бакалавра по классу Церковной Истории.

Еще в 1840 г. А. В. Горский писал, между прочим, к одному из своих друзей: «Я стал-бы просить Бога, чтобы он удостоил и меня быть в числе таких служителей (т. е. священников), если бы с сим не соединялось, по нашим установлениям церковным, требование прежде вступить в брак». В 1860 г. это искреннее желание Горского осуществилось: 27-го марта он рукоположен был Митрополитом Филаретом в Успенском Соборе во священника с причислением его к Московскому Кафедральному

Архангельскому Собору, и в том же году возведен был в сан протоиерея.

1862 г. Октября 23 дня протоиерей А. В. Горский определен ректором Московской Академии и вместе с тем профессором догматического Богословия. Представляя Горского к должности ректорской, Митрополит имел в виду рано или поздно привлечь его к монашеству с тем, чтобы впоследствии открыть для него более обширный круг деятельности на пользу Церкви. Вскоре по назначении на должность Ректора Академии, именно 17-го Января 1863 г., о. Горскому предложено было Митрополитом Филаретом (вероятно, чрез Преосвященного Леонида), место настоятеля в Московском Богоявленском монастыре, конечно с принятием монашества и с обещанием скорого вступления в сан епископский, но он не принял этого предложения, решившись навсегда остаться при Академии и при своих любимых учёных занятиях, хотя прежде, ещё в юности своей, он не раз приходил к мысли о вступлении в монашество.

Но о. Горский и сам не считал себя призванным к административным должностям, и другие не признавали в нём хороших административных качеств. – Вот что писал о нём в Марте 1864 г. профессор Академии П. С. Казанский своему брату Костромскому Архиепископу Платону: «Александр Васильевич, кажется, изнемогает под тяжестью ректорских и новой профессуры обязанностей³⁴⁴.» Тот же профессор, при другом случае, делал о А. В-че, как ректоре, такой отзыв: «во всей России нет человека по познаниям, по уму, по добрым качествам, по ревности к делу, по трудолюбию, по примерной жизни, по доброте сердца достойнее быть ректором Академии, а между тем на деле это – мало-способный ректор»³⁴⁵.

Не без основания иные полагают, что ректорская должность, не соответствовавшая личным качествам и характеру Горского, была причиною расстройства его здоровья и, следовательно, преждевременной смерти. Вот что, между прочим, писал по поводу кончины А. В-ча один из корреспондентов газеты «Москов. Еп. Ведомостей»: «Неустройство переформированной жизни Академии, некоторые

нестроения в её коллегии, неправильности в советских выборах, всё это слишком тяжело ложилось на душу покойного, не умевшую холодно относиться к ненормальностям в жизни дорогого его сердцу учреждения»³⁴⁶.

С давних пор А. В-ч страдал по временам сердцебиением и снова поправлялся; на 21-е Декабря 1874 г., при новом повторении припадка, оказалось, что болезнь неизлечима. Летом 1875 г., прожив месяц на даче, больной несколько поправился, но затем, в конце июля, врачи сказали ему, что здоровье его ненадежно; со второй половины августа он не мог уже ходить, наконец, 11-го Октября в 11-м часу вечера его не стало в живых.

Если в А. В. Горском усматривались некоторые недостатки относительно его административной деятельности, то он едва не до небес превознесен в помянутых статьях во всех прочих отношениях. Его умственные дарования, его нравственные качества, его ученые достоинства и заслуги представлены там в самых высоких, почти идеальных чертах. Вот что именно напечатано в разных статьях о почившем о. Ректоре Академии.

«История отечественного просвещения не представляет нам человека, в котором бы в одном соединились в такой полноте, развиты были в такой целостности и выразились в таком совершенстве природный обширный ум, нравственный христианский идеал, личная энергия и разносторонняя самодеятельность»³⁴⁷.

«Он успел так обогатиться ученостью, что нельзя было не дивиться её многообъемлемости и глубине в таком совершенстве, в каком весьма редко встречается это в жизни»³⁴⁸.

«С глубокой и обширной учёностью он соединял самые высокие нравственные качества»³⁴⁹.

«Это был исполин знания, образец высоконравственной жизни»³⁵⁰.

«Все произведения А. В-ча носили на себе следы не только глубокой учености, но вместе запечатлены духом крепкой верности началам нашей церкви»³⁵¹.

И такого-то беспримерного мужа так, по-видимому, преждевременно лишились и духовная школа, и богословско-историческая наука, и православная русская Церковь!..

Но память о почившем надолго сохранится в его многочисленных преимущественно церковно-исторических сочинениях³⁵².

Возвратимся назад.

13 ч. получил я письмо из Ментоны, близ Ниццы, от болящего В. М. Бостанжогло. Вот что писал он мне 1-го Октября:

«Тяжкая болезнь, не оставляющая меня и по сие время, заставила оставить в Августе ещё родной кров и переехать сюда на зиму. Здесь, правда, климат тёплый, но будет ли он для меня полезен, Бог один только знает. Предавая себя Его святому попечению и покровительству, надеюсь и уповаю на помощь и милосердие Его ко мне грешному и недостойному.

Про улучшение моего здоровья пока боюсь и речь заводить, потому что разницы против того состояния, в котором я был в Москве, пока ещё нет; посмотрю, что будет дальше».

На это грустное послание я поспешил ответом, и вот что писал я от 16 числа:

«Не весьма утешительные вести сообщаете Вы мне о состоянии Вашего здоровья. Да сохранит Вас Господь и да возвратит Вам силы и крепость к продолжению многотрудного служения Вашего общественному делу. Мне говорили на днях, что Вас в Москве заменить некем.

Я виноват пред Вами: до сих пор не отвечал Вам на Ваше дорогое письмо от 2-го Июня, полученное мною во время поездки моей по епархии. Я непременно хотел писать к Вам по возвращении из путешествия, но меня удержал от этого один добрый Москвич, Вам искренно преданный, уверив меня, что Вам строго воспрещено было тогда врачами заниматься чем бы то ни было; и я должен был уступить этому благонамеренному совету.

Первое путешествие свое по епархии я совершил, слава Богу, благополучно, и возвратился домой с приятными впечатлениями. Здесь я не видел в храмах Божиих той скудости

и бедности, какие поражали меня в Полоцкой епархии; духовенство в большинстве держит себя прилично; простой народ не бедствует и чрезвычайно усерден к церкви; помещики также преданы православию и много заботятся об украшении приходских храмов. Меня везде принимали с необыкновенным радушием и усердием».

13-го ч. ещё раз получено было мною письмо, писанное кем-то 9-го числа. – Вот содержание этого злонамеренного, хотя отчасти и правдивого, письма:

«До каких пор этот секретарь Консistorии Буханцов будет свирепствовать и издеваться над духовенством? Пора бы его изгнать, как вредного человека и чиновника, исполненного мести, взяточничества и всех гадостей? Если бы он имел сколько-нибудь совести, то давным-давно и сам убрался, тем более довольнo набил кису из взяточничества. Но он, кажется, и не думает оставить место и, кажется, к несчастью, влез в милость к Вам так, что сделался даже докладчиком дел, а это сугубо становится вредным для управления епархией. Не полезнее бы было, если бы докладывали дела присутствующие, каждый по своему столу? Так делали блаж. памяти Иннокентий и нередко Филарет и, вместе с тем, видно было кто из них и как делами занимается; а теперь всё в руках и власти Канцелярии или, правильнее сказать, Секретаря, который воспользовался беспечностью прот. Павлова: многие дела, какие по его виду следовало сбрянчить, он уничтожил и теперь сваливает всё на бедного Павлова, человека весьма честного. По совести, с призыванием Бога во свидетели, можно сказать, что и 20-й части нет дел у Павлова, а все дела у Буханцова на дому, из которых он некоторые поуничтожил, а другие валяются по чердакам, и недаром хозяин его квартиры в Судебной Палате с иронией рассказывал своим сочленам: «как у нас в Консistorии берегутся дела, у меня в конюшне дыры делами консисторскими затыкаются, а на случай пожара, Консistorские дела вместо фотогена сослужат службу». Секретарь Буханцов своей надутостью и грубым обхождением заставил лучших чиновников оставить службу в Харьковской Консistorии; хороша была и есть Канцелярия Консistorии, но что станет с

нею тогда, когда будет состоять она из таких лиц как А...., которому по кабакам солдаты бьют морду, и во главе подобных будет стоять гадкий, черствый душой, взяточник Буханцов?!!

Вступая на кафедру Харьковской епархии, Вы, между прочим, сказали, что Вы «не столько снисходительностью, сколько справедливостью приобретете любовь пасомых»; и мы верим этому и, надеемся, что Вы также отнесетесь справедливо и к действиям Буханцова и замените его другим. Этого требует также справедливость, ибо он, повторяем, дела некоторые уничтожил, а другие лежат у него лет по семи и более без движения, и бедное духовенство несет кару, хотя бы некоторые тем уже, что лишены права участия при выборах должностных лиц из-за того собственно, что дела лежат у Буханцова (это верно), а дать взятку ему, чтобы подвинуть дело, не имеют средств. Преосвященному Нектарию последовал запрос от Обер-Прокурора: «до сведения его дошло, что Секретарь Консистории Буханцов неблагонадежен и, если, действительно так, то просил уведомить о сем, чтобы немедленно заменить его другим». И только болезнь Преосв. Нектария и скорая смерть остановили осуществить желание заменить Буханцова другим».

Действительно, к Преосв. Нектарию от Обер-Прокурора был запрос относительно Секретаря Буханцова, но как запрос этот пришел в Харьков после уже смерти Нектария и получен был Викарием Еп. Вениамином, то этот администратор и передал оный на рассмотрение Консистории, т. е. прежде всего на благоусмотрение Буханцова. Само собою разумеется, что этот запрос завяз в руках Буханцова и до членов присутствия не достиг.

Анонимные письма, не раз получаемые мною по переселении в Харьков, дали мне повод к следующему предложению Консистории:

«В течение восьмимесячного пребывания моего на Харьковской кафедре, мне не раз уже довелось получать безымянные письма с жалобами и доносами на разных лиц, как духовных, так и недуховных, но состоящих на службе по духовному ведомству.

Как по силе ст. 52 кн. II. Т. XV (изд. 1857 г.), Св. Зак. по доносам в безымянных пасквилях и подметных письмах не велено производить следствия, то сообщить, через Епархиальные Ведомости, к общему сведению духовенства Харьковской епархии, что получаемые мною безымянные письма оставляются и впредь будут оставляемы без всякого действия. № 84, Октября 15 дня».

16-го ч. конфиденциально писал мне священник Великой Даниловки Харьковского уезда Филипп Соболев³⁵³:

«С глубокою скорбью доводил я до сведения Вашего Преосвященства, что преподавание Закона Божия в сельских школах нашей епархии ведется не совсем удачно и ходатайствовал об уделении большего времени для чтения Закона Божия. Харьковский уездный Училищный Совет, которому благоугодно было Вашему Преосвященству передать это дело, и до сих пор не сделал никакого распоряжения по этому предмету.

В мае месяце текущего года поручено было мне осмотреть школы 5 округа Харьковского уезда, в качестве блюстителя за преподаванием Закона Божия; осмотрев 8 школ, я пришел к грустному убеждению, что менее всего обращается внимания училищным Начальством на главный предмет – Закон Божий. Только два училища нашего Округа снабжены учебниками и руководствами по Закону Божию, в остальных же 6-ти почти не было никаких учебников, даже очень мало Евангелий, в некоторые училища присланы Начатки Христианского Учения и Евангелия перед экзаменами и не развязаны, и если сообщены кое-какие сведения Законоучителями детям, то на словах, что оказывается весьма недостаточным, о чём сообщено мною Инспектору нашего Округа. Этот прискорбный факт, по собранным мною сведениям чрез о.о. Депутатов Съездов, присущ почти всем школам нашей епархии и не может считаться фактом малозначащим, потому что он противоречит 1-му § Положения о начальных народных училищах, и идет в разрез с желаниями Нашего Монарха, а в виду развивающегося и разъедающего нравственность нигилизма даже опасен.

Положение моё не даёт мне права выяснить причины столь грустного факта, но звание моё, как верноподданного и служителя Алтаря Господня, даёт смелость ходатайствовать пред Вашим Преосвященством об устранении зла елико возможно. А посему я смиреннейше осмеливаюсь просить Ваше Преосвященство ходатайствовать пред Губернским Земским Собранием, яко православным, на которое Монарх возлагает надежду, что оно потщится воспитывать народ в духе веры православной, чтобы оно обратило внимание на воспитание народа в духе религии и нравственности, а для сего постановило бы, чтобы училищные библиотеки снабжены были в достаточном количестве учебниками по закону Божию, именно, чтобы везде в школах достаточно было Евангелий, Начатков Христианского учения, Священных Историй и картин для наглядного обучения, и чтобы на обучение Закону Божию уделялось не менее одной третьей части учебного времени; а сообразно с сим и средства по содержанию училищ распределялись по третям. Только в таком случае можно ожидать желаемого Монархом успеха – воспитывать народ в духе религиозном, и только при этих средствах можно требовать от духовенства всего внимания и усердия к делу. От законоучителей же школ требовать сведения: 1, о числе учащихся, 2, о количестве всех книг при училище, 3, сколько Евангелий, Начатков Христианского учения, священных историй и других учебных пособий по Закону Божию, – через это выяснится потребность школ и вместе выскажется внимание к делу.

Преосвященнейший Владыко! примите заявление моё, как выражение пастырской ревности, хотя и не по разуму, но всегда похвальной, по слову Апостола, во всяком добром деле».

16-го же числа явился ко мне молодой офицер Тутов и через келейника моего передал мне письмо, в котором требовал от меня немедленно дать ему 100 руб.; в противном случае угрожал самоубийством в моей передней. Поставленный такую альтернативой в немалое затруднение, я не знал сначала, что делать: отказать в просьбе значит подвергнуть просителя искушению лишиться себя жизни; удовлетворить –

подать повод к требованию на другой же день ещё большей суммы. После минутного размышления, я решился послать за полицейским чиновником. Явился Частный Пристав. Обыскавши дерзкого просителя, он не нашел при нем никакого оружия, а нашел только в кармане запечатанное письмо такого же содержания, как и моё, с надписью: Его Превосходительству Дело кончилось тем, что Пристав взял несчастного просителя и передал в распоряжение Мирового Судьи.

17-го ч. писал я Инспектору Московской Духовной Академии С. К. Смирнову в ответ на его письмо от 1 Октября:

«Ваша телеграмма с известием о кончине достопочтенного Александра Васильевича не поразила меня нечаянностью; к этой роковой вести я был уже подготовлен Вашим последним письмом, за которое приношу Вам искреннейшую благодарность. По получении горестного известия о кончине А. В-ча, я поспешил совершить о нём молитвенное поминовение.

Кто же будет у Вас преемником усопшего О. Ректора? Мне думается, что всего естественнее было бы Вам занять его место, тем более что Вам давно уже, помнится, присуща мысль о принятии священного сана.

Кто у покойного ближайшие наследники и кому достанутся его книжные и письменные сокровища? Не оставил ли он какого-либо завещания насчет этих сокровищ? Очень будет жаль, если они не останутся при Академии.

Кому принадлежит первая из двух кратких статей об А. В., помещенных в № 261 Москов. Ведомостей? Будут ли подробно описаны обстоятельства кончины и погребения усопшего О. Ректора?»

18 ч. писал мне из Петербурга Преосвященный Макарий Архиепископ Литовский:

«Надеюсь, что Вас не изумит моё нежданное письмо, когда вспомните, что в Вашей епархии есть мои близкие родственники, о которых нельзя же иногда не похлопотать.

В настоящий раз позвольте, Владыко Святой, попросить Вас усерднейше за моего племянника, законоучителя 1-й Харьковской Гимназии, священника Солнцева: ему пора бы получить следующую награду. На внимание от своего директора

Гимназии, по некоторым обстоятельствам, он не надеется. А внимание Вашего Преосвященства к этому достойному пастырю было бы принято, как им, так и мною, с самой искренней признательностью.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть»...

Получив это письмо знаменитого Архипастыря 22 ч., я поспешил отвечать на оное от 24-го:

«Получив дорогое письмо Вашего Высокопреосвященства, я не изумился, а чрезвычайно обрадовался, и тем более был рад, что могу дать на это письмо удовлетворительный ответ.

Недавно относился ко мне Попечитель Учебного Округа с запросом, нет ли препятствия к награждению саном Протоиерея Законоучителя 1-й Харьковской гимназии, священника Солнцева, и я на сих днях дал на этот запрос об о. Солнцева самый благоприятный отзыв, не по каким-либо посторонним соображениям, а по личному убеждению в его достоинствах и отличных нравственных качествах.

Не раз я думал писать к Вашему Высокопреосвященству, но опасался своими письмами развлекать Ваше внимание при Ваших постоянных занятиях не только наукой, но и другими важными делами. Теперь Вы сами изволили дать мне повод побеседовать с Вами.

Вот уже девять месяцев, как я водворяюсь в Харькове, где многое и многие напоминают мне о Вашем Высокопреосвященстве. Харьковская паства хранит до сих пор самое приятное и почтительное воспоминание о высоких достоинствах Вашего Высокопреосвященства.

Моё здешнее положение сравнительно с Витебским, без сомнения, во всех отношениях лучше и спокойнее, хотя и здесь не без забот.

Более всего озабочивает меня уплата долгов, оставленных мне в наследство моим покойным предшественником³⁵⁴. Сумма этих долгов простиралась, при моем вступлении на кафедру, до 25,000 рублей. Кредиторы постоянно требуют уплаты долга, а платить пока нечем. Архиерейский дом состоит должным более 7,000 самому покойному Преосвященному Нектарию; и его

наследник, не получая уплаты этого долга, вошел в Св. Синод на епархиальное начальство с жалобой. Не без основания можно полагать, что образованию столь значительного долга немало способствовал известный Р...й: ведь не даром же он успел, в короткое время и при ограниченных собственных средствах, приобрести в Харькове три каменных дома.

Другая немаловажная у меня забота – это запущенность по Консistorии некоторых дел, по милости Протоиерея Павлова. Оставив службу в Консistorии, он оставил у себя на руках нерассмотренными более полутора ста судебных дел. Большая часть этих дел и до сих пор остается у него, не смотря ни на какие побуждения к возвращению оных в Консistorию. Видно, не обойдется дело без суда.

Довольно, не смею более утомлять Вашего внимания.

Поручая себя Вашим святительским молитвам, с глубоким почтением и преданностью имею честь быть»...

На 19-е число (это было воскресенье) я видел очень странный сон, который хорошо удержался, после пробуждения, в моей памяти. Скончавшийся 11 числа Ректор Москов. Д. Академии Протоиерей А. В. Горский представляет меня в Ватикане Папе Пию IX³⁵⁵, называя меня своим учеником. Папа говорит: «знаю, что он ваш ученик: но он теперь Флотский Архиерей; мне сообщено, что о нём сделан доклад 18 числа».

Чем и как объяснить такой неожиданный сон, не знаю.

22 ч. писал мне из Москвы Казначей Высокопетровского монастыря, Игумен Иосиф:

«Долгом считаю и спешу уведомить Ваше Преосвященство о скорби близких Ваших: Сергей Петрович³⁵⁶ лишился сына своего Сергея Сергеевича, вчера 21 Октября скончавшегося после тяжелой болезни; просит Вас не оставить в молитвах Ваших Архипастырских. О Василии Михайловиче Бостанжогло, в настоящее время за границей находящемся, вчера я осведомился, сказали домашние: без всякой надежды к жизни, с часу на час ожидают его конца.

Не смею скрыть от Вашего Преосвященства и того, что сын мой Никитского монастыря священник³⁵⁷ утвержден Законоучителем в Александровском Институте, на благое его

начало испрашиваю Ваших Архипастырских молитв и благословения».

На это отвечал я от 30 числа:

«На письмо Ваше от 22 сего Октября спешу отвечать, что кончине сына Сергея Петровича я был уже уведомлен телеграммою.

От Василия Михайловича я получил письмо от 1-го числа, в котором он и сам не хвалится своим здоровьем. Крайне мне жаль этого доброго и почтенного человека: он так много сделал добра для меня и для моей бывшей паствы.

За сына Вашего о. Михаила душевно радуюсь и поздравляю его с почетною должностью. Да подаст ему Господь благий успех в его учительстве!»

На поздравительное письмо Московского купца С. П. Оконнишникова от 1-го Октября, в котором он, между прочим, извещал меня о безнадежном состоянии своего младшего сына Сергея, который вскоре затем и умер, – я отвечал от 30 числа:

«Семейную Вашу скорбь спешу растворить моим искренним живым участием и сердечным соболезнованием. Верю, что лишиться сына в таком возрасте, когда он подавал уже Вам добрую надежду быть помощником в ваших обширных делах, тяжело для Вашего родительского сердца, но Вашему юному сыну, видно, благопотребнее было по судьбам Божиим оставить настоящую суетную жизнь и водвориться в обителях Отца Небесного. Предайте его судьбу в волю Божию, премудрую и всеблагую, и старайтесь сохранять своё здоровье для доброго воспитания и благоустроения земной судьбы прочих чад, оставленных Вам на утешение благодатью Божией».

3-го Ноября получено было мною письмо из г. Меленок³⁵⁸ от Протоиерея М. И. Шеметова³⁵⁹. Он писал мне от 25 Октября:

«Со времени личного моего с Вами свидания, бывшего в Сентябре 1865 г., чувства моей искренней к Вашему Преосвященству преданности и уважения сильнее начали проявляться в старческой душе моей. В этом свидании в Москве, случившемся чрез 30 лет после дружеских наших отношений в г. Муроме, я нашел в Вашем Архипастырском сердце неостывшие и неподавленные временем и

обстоятельствами жизни, но более искренние и чисто родственные чувства Вашего расположения ко мне, так что это наше свидание и до сего времени отзывается во мне всегда усладительным, умирительным и трогательным воспоминанием.

Но за всем тем сколько я виноват пред лицом Вашего Преосвященства, что, по своей дряхлости и по какой-то ко всему апатии, доселе не мог выразить пред Вами на бумаге то, что глубоко лежит в моём сердце. Как милостивейший Архипастырь, по чистой всегда присущей Вам доброте, благоволите оказать моему грубому невежеству Ваше отеческое снисхождение, и на будущее время не лишайте Ваших дружеских (ежели смею так выразиться) ко мне отношений, коими я имел счастье всегда пользоваться при обращении с Вами в незабвенном г. Муроме».

На это отвечал я от 6-го числа:

«Чем неожиданнее было для меня письмо, тем большее доставило оно мне удовольствие. Искренно благодарю Вас за добрую о мне память и за сохранение братского ко мне расположения. Как ни много протекло лет со времени моей с Вами разлуки, но в моем сердце сохраняется живая память о тех мирных и приятных беседах, в каких нередко проводили мы с вами вечера в Муроме.

Как разнообразны судьбы жизни человеческой! Одним суждено целый век оставаться на одном и том же месте, при одних и тех же служебных обязанностях; другие не имеют пребывающего града, но беспрестанно переводятся, или переходят из града в град. К числу последних принадлежу и я. Представьте, сколько уже я перешел степеней служения, сколько испытал разного рода трудов, скорбей и огорчений; сколько имел встреч и столкновений. Но с другой стороны, нельзя не признаться, что на всех разнообразных путях моей жизни, я немало имел, по милости Божией, и утешений.

Настоящее мое положение сравнительно с предшествовавшим гораздо спокойнее и обеспеченнее во всех отношениях. Здесь мне не приходится столько заботиться о благоустройстве церкви и причтов, сколько я по необходимости должен был заботиться в Витебске. При обозрении церквей

минувшим летом, я был утешен и благолепием храмов Божиих, и благосостоянием причтов, хотя, разумеется, не без исключений».

4-го ч., в день 13-й годовщины³⁶⁰ моей архиерейской хиротонии, служил я в Кафедральном соборе, по случаю обновления одного после устройства духовой печи и ради отпевания над телом умершего купца А. М. Рудакова.

5-го ч. послано было мною в распоряжение Правления Москов. Д. Академии 150 руб. на устройство памятника над могилою почившего в Бозе Ректора Академии Протоиерея Александра Васильевича Горского и на учреждение в память его стипендии.

Около этого времени прибыла в Харьков ученая Комиссия под предводительством Товарища Министра Народного Просвещения, Статс Секретаря, Действительного Тайного Советника, Ивана Давидовича Делянова³⁶¹, состоящая из 7 или 8-ми членов, представителей науки и администрации. Комиссия эта посещала все университетские города в России, для ближайшего ознакомления с состоянием Университетов в виду предполагаемого изменения Университетского Устава.

8-го ч. утром посетили меня Председатель означенной Комиссии И. Д. Делянов и Члены – Помощник Попечителя Киевского Учебного Округа, Генерал-Майор Ив. Петр. Новиков и Член Совета Министерства Народного Просвещения Авг. Матв. Гезен³⁶², а в 5 часов пополудни я приглашен был, вместе с этой почтенною Комиссией, к обеденному столу у Попечителя Харьковского учебного Округа Петра Карл. Жерве³⁶³. 11-го ч. такой же обед был у Начальника губернии, Князя Дим. Никол. Кропоткина, а 13-го я пригласил к себе на вечерний чай как Членов Комиссии, так и Начальника губернии с Попечителем Учебного Округа и Ректором Университета.

Входя в собеседования порознь с некоторыми из Членов Ученой Комиссии, я слышал от них разноречивые суждения об одном и том же предмете. От одного из Членов Комиссии, именно, от А. И. Георгиевского (председателя Ученого Комитета Минист. Народ. Просв.), я слышал такой вопрос: «не было ли бы полезно открыть при Университетах Богословский

Факультет?» На такой искусительный вопрос дан был мною, разумеется, отрицательный ответ.

Между Членами Комиссии был профессор Московского Университета Н. А. Любимов³⁶⁴, возбудивший против себя своими письмами об Университетском вопросе, помещавшимися в Московских Ведомостях, сильную бурю как в среде ученой Университетской корпорации, так и в журнальной прессе. И этот то пререкаемый вопрос, изданный в особой книге³⁶⁵, предложен был мне в дар ученым автором.

10-го ч. получен был мною, при отношении Председателя Церковно-Археологического Общества при Киевской Духовной Академии, Преосвященного Филарета, Епископа Уманского, от 31-го Октября за № 161, Диплом на звание Почетного Члена означенного Общества.

Вот что изображено в этом дипломе:

«Церковно-Археологическое Общество при Киевской Дух. Академии, высоко почитая ученые заслуги в области Церковной Археологии Преосвященнейшего Саввы, Епископа Харьковского и Ахтырского, на основании § 9 своего устава, избрало Его в свои почетные члены. Киев, 1875 г., Октября 30 дня. Председатель Общества, Ректор Киевской духовной Академии, Филарет, Епископ Уманский. Секретарь Общества Николай Петров³⁶⁶».

В 37 выпуске журнала «Домашней Беседы» (от 13 Сентября 1875 г.) помещена небольшая статья, под заглавием: «Могила иеросхимонаха Иоанна Святогорского затворника» (стр. 976–979). Под статьей подписано: «Один из читателей памяти затворника³⁶⁷. Новочеркасск. Июнь 1875 г.»

В статье этой делается укор монастырскому Начальству за неуместное погребение на «Хуторе» известного строгим подвижничеством Затворника Иоанна и за небрежение об охране его могилы.

Укоризненная статья эта подала повод к переписке со мною Настоятеля Святогорской Пустыни, Архимандрита Германа и автора жизнеописания Затворника Иоанна А. Ф. Ковалевского³⁶⁸. И во-первых:

Архимандрит Герман писал мне от 2-го Ноября:

«По Вашему благословию составленную, из наших братьев, рясофорным послушником, отзывную статью на помещенную в Домашней Беседе: О могиле Затворника, при сем честь имею покорнейше препроводить на Ваше усмотрение».

Приложенная при этом письме статья рясофорного послушника, под заглавием: «Святогорский Отголосок», оказалась не довольно обстоятельною, и потому оставлена без внимания.

12-го ч. снова писал мне Архимандрит Герман, препровождая при письме своем составленный г. Ковалевским ответ на статью Домашней Беседы. Ответ этот под заглавием: «Несколько слов о могиле Святогорского Затворника Иеросхимонаха Иоанна», посланный самим автором в редакцию Домашней Беседы, напечатан был в 49 выпуске этого журнала, от 6 Декабря того же 1875 г., стр. 1298 и след.

Вслед затем А. Ф. Ковалевский писал мне от 16 числа:

«Статья «Домашней Беседы» о могиле Святогорского Затворника и меня весьма возмутила и огорчила. Святогорский Архимандрит о. Герман просил меня написать на неё возражение, что я по силе моей исполнил, рукопись свою ещё от 30 Октября ему отправил, и полагал, что она была уже представлена Вашему Преосвященству, в чём, кажется, ошибся. «Святогорский Отголосок» написан Святогорским монахом-слепцом Палладием, копия с него была мне прислана о. Германом, и мне показался он слишком кратким.

Должен сказать, однако, и то, что возражаю на статью «Домашней Беседы» не без затруднений, ибо в ней, при всём обилии разных вымыслов, есть и правда, которую нелегко объяснять в противоположном смысле, так что поневоле приходится быть кратким в подобных местах. Статью подобного содержания я ещё прошлый год предвидел и предсказывал о. Герману, догадываясь о её источнике, почему усердно просил его позаботиться о приведении в лучший порядок могилы Затворника, именно, поскорее оградить её решеткой, чтобы псы не бегали, и обновить стоящий на ней крест, что и было мне обещано, но, к сожалению, не исполнилось. Бывши в Августе в

Св. Горах, я опять говорил о том же, и даже советовал О. Герману, показывавшему мне устраиваемую им тогда крытую стеклянную галерею с западной стороны больничной церкви, устроить такую же галерею и с восточной алтарной стороны той церкви, где могила Затворника, которая вошла бы внутрь этой галереи, и таким образом вышло бы нечто в роде часовни вокруг неё, удобной для поставления святых икон и неугасимой лампы, а также свечей, при паникадилах во множестве ставимых теперь на открытом воздухе, отчего они постоянно тухнут, удобной и для служения самых панихид в ненастную погоду, от которой галерея защищала бы и священнослужителей и богомольцев; соединенная же переходом с больничною церковью, она давала бы возможность священнослужителям, при службах церковных, беспрепятственно заходить на могилу Затворника для каждения, так что место её было бы воистину честно и святолепно, и никакие слишком усердные читатели памяти блаженного затворника не могли бы уже, как теперь, укорять святогорцев за нечестность места этой Богом прославляемой могилы.

Полагаю, однако, что о. Герман этого не устроит, ибо, при всей высокой духовноподвижнической жизни, в отношении почившего Затворника не чужд он некоторого искушения: недолюбливал он Затворника при жизни, кажется, недолюбливает и доселе, что всегда очень больно было мне видеть, и что особенно высказывается, когда дело касается почитания памяти Затворника. Прикрываясь опасениями нареkania, что вымышляют нового святого для целей корыстных, очень хладнокровно относится он к могиле Затворника и чудесам от неё истекающим, которые, кажется, нигде не записываются и остаются в забвении, а теперь вот дождался того, что печатно обличают и указывают на нечестность места самой могилы Затворника, сделать которое честным, во всех отношениях, от него зависит, и не потребует особо-больших затрат, да и те, уверен я, богомольцы служением панихид в одно лето пополнят. Он очень хлопотал о перенесении останков блаженного Затворника на общее кладбище, что при подземной церкви преподобных Антония и

Феодосия Печерских, где погребены разные вельможи и князья, и где совсем не место Затворнику, которого при жизни считали святым, которого по смерти Бог прославил чудесами! Я всегда был против этого перенесения, не видел в нём никакой особенной нужды, считал его далеко не безгрешным, и убеждал лучше оставить Затворника почивать там, где он ныне покоится и прославился, и только озаботиться о внешности его могилы, чтобы получила она вид благоприличный святыне. Кажется, Владыко святой, и Вы были одного со мною мнения против перенесения останков Затворника. Поистине благое дело будет с Вашей стороны, если употребите влияние Ваше на о. Германа и в отношении того, чтобы могила Затворника получила достойный её вид.

Усердно прошу Вас при этом, сказанное мною Вам от искреннего сердца, оставить в тайне в отношении сказанного, ибо я глубоко уважаю о. Германа и дорожу его ко мне расположением, потерять которое будет мне очень прискорбно. Но усердно желаю также и того, притом в интересах самого о. Германа, чтобы могила Святогорского Затворника не подавала поводов к его осуждению. Это более и подвигло меня высказаться перед Вами чистосердечно, за что прошу великодушно меня извинить и простить, Господа ради!»

Возвратимся назад.

14-го числа получил я из Москвы от Преосвященного Леонида весьма обширное, на 6-ти почтовых листах, письмо очень интересного, хотя отчасти и печального, содержания, письмо, начатое в ночь 17-го Октября и оконченное в полночь на 11-е Ноября.

Вот что писал мне досточтимый мой друг и собрат:

«В январе предвещенный врачами исход болезни дорогого нашего наставника Александра Васильевича Горского в октябре последовал.

Может быть, Вы имеете подробное и хорошее описание обстоятельств его кончины и погребения; но думаю, что, по расположению Вашему к почившему, Вы прочтаете с терпением то, что выйдет здесь из-под моего безыскусственного пера.

В воскресенье, 12-го Октября, день крестного хода около Кремля, совершив в своей домашней церкви раннюю литургию, я отправился в Успенский собор. Преосвященный Игнатий совершал литургию, а Владыка³⁶⁹ слушал её. Приложась к престолу, я подошел благословиться у Владыки и услышал из уст его: «вчера в 11-м часу вечера Александра Васильевича Горского не стало». Пред освященными святыми дарами в Успенском соборе была первая моя молитва о приснопамятном моём учителе. Под впечатлением этой великой утраты, облакался я в саккос малинового бархата и совершал торжественно-благодарственное крестное хождение, в котором от собора до Иверской часовни принимал участие Владыка и до Боровицких ворот Генерал-Губернатор³⁷⁰. Под ногами был снег, хорошо скрепленный морозом, и потому несметным «Московским народам» удобно было и ожидать ход и следовать за ним. Вечером того же дня приехал ко мне инспектор дух. академии С. К. Смирнов с приглашением па погребение, и при этом рассказал, что Александр Васильевич еще 28 июня соборовался и прощался со всею Академией; потом нередко приобщался св. Таин, большей частью, в будни, после ранней литургии. Последний раз им самим совершена была литургия в Троицын день, в селе Ахтырках, где он проживал тогда. Не так ли и следовало Богослову и обитателю Лавры Троицкой? – Он таял, но долго не терял надежды на исцеление, и, заметив, что на его долю отнесено 4 лекции в неделю, заметил Виктору Дмитриевичу Кудрявцеву: «я больной человек, довольно с меня и двух». – Наконец, эта надежда стала угасать и в окружающих, и в нем самом. В субботу, 11-го Октября, утром он приобщался св. Таин, а вечером, в 11-м часу, он велел сиять с себя обувь (валеные сапоги) и велел вести себя. Находился он в большом кабинете, где приудоблены были для него кресла, в коих он и ночи проводил. Келейный его стал его удерживать; но он сказав: «я не люблю многолюдства, ведите меня отсюда, домой, домой», – с этими словами быстро поднялся и без посторонней помощи сделал несколько шагов, но в дверях из этой залы в среднюю, гостиную, стал опускаться; его успели подхватить и

тут же усадить в кресла. Он стал тихо кончаться... Несколько минут и – уверились, что его не стало!..

В понедельник, при выходе моем из церкви в келии от утрени, я встретил эконома Троицкого подворья, который доложил мне, что Владыка сегодня уехал в Лавру и сегодня же возвратится к 4-м часам, а мне приказывает ехать в Лавру в 4 часа. После ранней литургии, с подворья же получаю две бумаги: одна – резолюцией Владыки передаваемое мне отношение к нему Владыки Новгородского³⁷¹, который, «не получая по настоящее время проекта нового расписания приходов, церквей и причтов Московской епархии, снова обращается к Его Высокопреосвященству с покорнейшей просьбою принять меры к скорейшему составлению упомянутого проекта и к доставлению такового в главное присутствие по делам православного духовенства, а о причинах замедления его уведомить». – Последние слова, подумал я, не дозволило бы чувство приличия написать от равного к равному, если бы Преосвященный Новгородский не представил себе, что вся вина неподвижности дела сего в Леониде, которому оно изначала поручено. Как видно из этого отношения, здесь получается уже не в первый раз такое побуждение; но, тем не менее, это послание толкнуло во мне кровь, и я особенное значение придал собственноручному ко мне посланию нашего архипастыря:

«Преосвященнейший Владыко! Я завтра в 7-мь часов отправляюсь в Лавру и в 4 думаю возвратиться в Москву. Не благоугодно ли будет Вашему Преосвященству принять на себя труд отправить литургию в Академической церкви и после оной чин отпевания, и для сего отправиться в Лавру в 4 часа пополудни. И. М. Московский. Октября 12 дня.»

Я подумал: где искушение, там и избытие. Две бумаги – одна возмутительная для духа моего, другая указывающая путь к умиротворению духа; ибо в эту трудную минуту жизни ведет меня к источнику, из которого почерпал я силы от первых дней моей жизни, ведет меня к преп. Сергию, покровителю моему с тех пор, как я, больной ребенок, положен был к его чудотворной иконе матерью моею и вручен ему от неё; притом ведет меня

воля архипастыря, которого душе также противна эта мера главного присутствия, – ведет на погребение того, кто красноречивым словом два года учил меня искать в примерах веков прошедших наставления для действия в обстоятельствах современных нам, в отцах сыновне искать опоры немощи своей!

Простите, Владыко, бьет полночь, наступает пятница, докладной день, пора в постель. Посылаю первый лист³⁷² с тем, что будут и следующие, если этот угоден Вам будет. Благословите Вашего смиренного послушника. Ночь на 17-е Октября 1875 года.

С четырехчасовым поездом я отправился в путь. Дано мне отдельное удобное помещение, где посетили меня, также отправившиеся на погребение, Вас. Ив. Коптев³⁷³, а потом графы Толстые Дм. Никол, и Мих. Влад.³⁷⁴. – Первый и последний так и остались со мною. Мих. Влад, передал, что, по слухам, в академии Ректором быть или Кудрявцеву или Смирнову, но Кудрявцев откажется. О о. Архимандрите Михаиле³⁷⁵ ни слова. По обычаю, принятому по смерти Владыки³⁷⁶, я выхожу в Лавре из кареты у Филаретовской церкви, чтобы молитвою о благодетеле земном начать молитвенное пребывание в обители моего небесного благодетеля – молитвенника. В вечернем сумраке Троицкого Собора ярко озарена была огнями только рака преподобного, перед которою богомольцы слушали молебен. Духовное родство между преподобными Сергием и Саввою (Звениг. Чудотв.), следовательно и между их обителями, есть для меня неиссякаемый источник дум и утешений. Узнав, что можно видеть о. Наместника, я поспешил к нему. Провели меня через залу, гостиную, образную, в башню, где направо в комнате, довольно просторной, с окнами к северу и западу (на Кокуево), увидел я почтенного старца, одетого в шелковый черный кафтан, но под одеялом лежащего от особенно сильной боли в ноге. Голова его совершенно свежа, корпус, кажется, крепок, язык не развязан, не ясно слово, а ноги как плети. Не лишил я себя утешения войти в храм преп. Никона и в келию Сергия прежде, чем войти в палаты Митрополичьи, где нашел

Инспектора³⁷⁷ с двумя профессорами – Кудрявцевым и Субботиным. Прочитав с ними молитву о усопших, я пригласил их в гостиную, и мы условились о всём, что касалось погребения. Так как всенощное я отслужил в Москве перед отъездом, чтобы здесь быть свободнее в действиях, то предоставил им совершить всенощную в академической церкви, куда уже вынесено было тело, а сам принялся за чтение правила. Зная мои отношения к благодетелю моему почившему и что воспоминания мои, связанные с ним и с Лаврою, восходят к 1840 г., Вы можете представить, какими чувствами наполнена была душа во все время пребывания моего в митрополичьих келиях, кои Его Высокопреосвященство благосклонно мне предоставил. Как скоро извещен я был, что всенощное окончилось, тотчас сел в карету, которая привезла меня к бакалаврскому корпусу; церковь была наполнена академическими и посторонними. Соборне совершили панихиду: студенты пели. Всё было в порядке, но жалко было видеть, что гроб стоял на подмостки, покрытой старым ковром половым, и покрыт или пеленою с престола и может быть покровом для мертвых очень уже скромным: не нашлось ни в Академии, ни вне её усердия к покойному. Впрочем, и у почившего Владыки не было бы золотых покровов, если бы не помог мне в этом о. Архимандрит Пимен³⁷⁸ своими заботами.

Я взял с собою двух иеродиаконов и облачение белое, по условию; прочее духовенство было в голубых. Погребение от выноса перед литургией до опущения в могилу продолжалось около 7-ми часов. Ещё в академической церкви после литии студентом сказана очень прочувствованная речь. Пошли чрез ректорские комнаты; в гостиной была лития, другая у дверей Филаретовской церкви, где на паперти сидел о. Наместник.

В трапезе поставили тело, и мы начали литургию. Между сослужащими были Архимандрит Знаменский³⁷⁹ и протоиерей Кафедральный³⁸⁰. В причастен Архим. Михаил говорил проповедь³⁸¹, Вам уже известную. Думаю, что, если бы сокращены были истолковательные места, она была бы сильнее. Перед отпеванием и после оногo говорились речи, первая доцентом, который, конечно, возмущался стихаря, а

равно и благословения, впрочем, нетребованного у меня и студентами, что меня, знающего светское направление Академии, нисколько ни удивило. Не хочу, однако, быть односторонним. Студенты показали много усердия, приготовились к пению тщательно, вполне изучили чин священнического погребения, которое совершено было без пропуска; даже все входящие в него псалмы были явственно прочитаны, канон прочитан мною, стихиры по 6-й песни ректором Вифанской Семинарии³⁸², а на «Хвалитех» им и мною попеременно.

Много, было иереев в облачении по обе стороны гроба, и здесь также скромно покрытого и также на подержанном половом ковре стоящего, и все, с народом, наполнявшим обширный трапезный храм, молились, думается мне, от искреннего сердца. Все простились с почившим, и, при звоне колоколов, двинулись из храма западными дверями. Я направил шествие к алтарю Троицкого собора, где и совершена ектения об усопшем. Как шествуя к последней на земли литургии, почивший останавливался перед Филаретовским храмом, яко бы испрашивая благословения у святителя, пред лицом коего столько лет служил, так теперь перед Троицким собором остановился, якобы благодарение воздая преподобному Сергию за столько лет жительства в его св. обители. Отсюда направился он домой, обычным путем между Успенским собором и колокольнею, в академический сад. Там, на лево, подле самой решетки, уготована ему могила между деревьями, летом дающими густую тень. Во всю жизнь почтительный сын, восхотел он лечь при ногу своей родительницы; ибо от этой могилы к западу, за самую решеткой, могила его матери³⁸³ на так называемом Смоленском кладбище. Над открытым ещё гробом сказал очень развязно краткую речь студент из Сербов на родном своём языке. По чину монастырскому прочитал я молитву, полил елеем помазания тело по покрывавшему его савану, посыпал землею, крыша гроба закрыта, и с последним молитвословием стал спускаться гроб в могилу, но, к общему, можно сказать, ужасу, неловкие мужики опускавшие гроб дали голове гроба

перевеситься, и он с сильным стуком ударился головою оземь; нижний винт выскочил и с боков обнаружился края фелони. К счастью, верхний винт не сдался. Не скоро соскочившие в могилу мужики смогли в тесной яме поднять голову гроба, опустить ноги и уставить гроб надлежащим образом. Окружающие в эти минуты были как бы в оцепенении. Брошена последняя горсть земли; я протеснился, поднялся на ректорскую лестницу, снял в Канцелярии малое облачение, мантию, шубу, и тогда, вынув часы из-за пояса, увидел, что было без 10 минут четыре, а из келии на служение вышел в девять.

Внутренние ректорские комнаты были запечатаны, а три передние заняты были столами, накрытыми для гостей. Обычное пение над кутией, а, после обеда над чашей медовой, и между ними обед хорошо приготовленный, и обычное возглашение вечная памяти за киселем. Мы сидели в зале – кабинете, я на переднем конце стола к стене средней комнаты, к окну, где так живо помнится мне сидящий среди книг друг и начальник почившего Преосвящ. Филарет Черниговский. Подле меня были Кафедральный Протоиерей и Вас. Ив. Коптев, единственный звездоносец из светских, ибо Графов Толстых видел в церкви, а здесь их не было. Приятно, что было довольно посвящено минут из обеденного часа воспоминаниям о почившем, и всем, конечно, было по сердцу возглашенное к концу обеда ректором Вифанской семинарии приглашение открыть подписку для сооружения памятника и образования стипендии при академии.

Уже совсем стемнело, когда я вышел, из академии. Поблагодарить хозяина зашел я на могилу; она уже была заровнена землею. Легкий морозец сковывал снег, всюду покрывший землю, и приятно было освежить себя прогулкой; но усталость гнала домой. Был шестой час в половине.

Мы с Вами, Владыко святой, оба были студентами Академии, я учащим³⁸⁴, а вы начальствующим в ней³⁸⁵; и потому для Вас не нужно истолкование тех чувств, коими преисполнена была в этот день душа моя и во входах, и во исходах, в академии и из академии.

Я шел быстрым шагом, наконец, я дома. Первым делом было сбросить тяжелую суконную рясу, хитон и лечь в постель: очень болели и голова, и ноги. Обыкновенно четверти часа довольно бывает на отдых; теперь я и в час с четвертью едва-едва отдохнул. В 7 часов я поднялся, чтобы принять секретаря академического правления, пришедшего по моему слову, с подписным листом. Будь я в состоянии, не пожалел бы и тысячи рублей для учреждения, с коим соединяется память моего дражайшего наставника; но их нет у меня; да приумножит Бог Своим благословением и десятую часть этой суммы, данную мною в общий сбор, и в первый день уже значительно выросший; ибо сотенных вкладов я заметил немало, один и в полтора рубля. Поговорил я с этим образованным молодым человеком, потом с благочинным Лавры, которому объявил, что желаю остаться до утра, согласно милостивому предложению Владыки, и затем оставался в одиночестве весь вечер, из коего уделил время, необходимое для всенощного бдения, которое совершил вдвоем, с моим иеродиаконом. Едва ли не в первый раз, и по кончине Владыки Филарета, здесь, в его кабинете, совершена по нём зауспокойная лития. Нервная боль в голове не унималась до ночи. Я искал лекарства в чашке черного кофе, но помогло, я думаю, уединение. Разумеется, все мои занятия ограничивались в этот вечер набросанными в памятную книжку строками. Остальное время я, не уставая, ходил по зале, – этой восхитительной зале, где всё мне нравится – и этот крутой коробовый свод, с тёмными на концах его иконами в золотых широких овалах, и глубокие окна Растреллинской архитектуры дома, и эта древняя с высокими точёными спинками мебель, и эти портреты, без системы сюда собранные, царственных особ и иерархов, где позадумался, приметив что подле Ивана Грозного болезненный слабый Феодор Алексеевич поместился, где, приглядываясь к энергическому лицу 32-летней Екатерины II, невольно станешь сравнивать его с лицом 65-летней Екатерины II. И если не современный, то старинный портрет преп. Архимандрита Дионисия, и эти анекдотические: китаец с поджатыми ножками и монах-эконом, выглядывающий в окно, – всё дает или мысль, или приятное воспоминание. Я ходил и не

находился, насчитал 25 аршин длины и 12 ширины и около 2 аршин в толщине стен.

Боль нервная прошла, но все впечатления дня и усталость произвели такое нервное возбуждение, что, хотя в 12 часу лег в постель, не мог заснуть до третьего. В пять я пошел в Филаретовскую церковь, где слушал за упокоевание души почившего Владыки литургию, превосходно отправленную, а потом совершил соборне панихиду по нём. После молебна, выслушанного у мощей преп. Сергия, я навестил о. Наместника. В том же шелковом кафтане сидит он на постели, свесив ноги, а в головах кровати стоит послушник и читает евангелие. Он обнял меня с глубоким чувством и со словами: «благодетель мой!», которых я, конечно, ничем не заслужил. Может быть, это относит он к обращению моему с ним: но как же бы мог я обращаться с ним, если не с особой почтительностью, – я, который в 1860 г. пришел к нему, уже тогда знаменитому в общем мнении и всеми почитаемому, – пришел ничего незначащим юношей и был им принят покровительственно? Конечно, по приезде нынче в Лавру, я тотчас поспешил к нему, конечно, как у начальника места, я просил благословить мне то и то, предизвещал о всех моих входах и выходах; когда он, сидел в Филаретовской церкви, при выносе гроба в трапезу, я зашел обнять его; заметив на малом входе, что он в алтаре, я велел на сугубой ектении сказать о нем прошение, по проскомидии поднес ему просфору; он благословился приобщиться св. Таин, надел ризы и подходил с прочими архимандритами приять св. тело и св. кровь; после я подходил к нему поздравить и, спросил, не надобно ли, для облегчения ему, посократить чин отпевания, или совершить по чину. Он ответил: «совершите по чину, я прощусь и уйду». – Это утреннее посещение не было продолжительно, но мы довольно поговорили. С уважением и любовью воспоминал об Александре Васильевиче, и я узнал, что за четыре года, когда о. Наместник был отчаянно болен, а у протоиерея Горского больна была мать, добросердечный сын, деля время между служебными занятиями и матерью, находил когда посетить раза по два в день и о. Антония. – «Мог ли я думать, что переживу

его», – сказал он и известил меня с радостью, что Владыка предложил ему устроить домашнюю церковь в этой же башне, рядом с его келией. Она будет во имя Покрова и ничего не будет стоить Лавре, так как есть уже благотворители. – Словами писания укреплял он меня по делу о сокращении приходов и также текстами удостоверял, что даже и до подвига не дойдет, что ничего мне и не сделают. Зная, что хочу быть в скиту³⁸⁶, он сказал: «войдите в его келию, помолитесь, сядьте на его кровать»³⁸⁷. – Несколько раз обнимались мы и я оставил его с мыслию, что ныне примером терпения и злострадания он управляет Лаврой не менее, как прежде правил ею крепостью разума и непреклонностью воли.

Крытые парные сани ожидали меня; другие для сопровождающего меня благочинного Лавры. Поехали в скит. Крупный леденистый снег осыпал и колол лицо так, что надобно было закрываться, а закрываться не хотелось. Все места родные, хочется посмотреть. Вот Рождественская церковь, где по целой неделе, за отсутствием иерея, духовника матушки, я служил, приезжая для того из Вифании; приеду в холодную ночь, ударю в ясак и сяду на скамью, пока придут отворить церковь. Вот дом, где матушка с дочерьми жила. Здесь любовь её и милых сестер не давали заскорузнуть сердцу в новой чуждой мне среде, и своим примером учили меня тихой преданности провидению. Из их высоких окон любовались мы Лаврой и широким кругозором, теперь уже немало изменившимся от соседства железнодорожной станции и умножения населения. Площадь, на которую выходил их дом, застроена; Вифанская улица протянулась далеко в поле, чуть не до перелеска скитского. – Я был в келиях, исполнил наставление о. Наместника, входил в Успенскую церковь, где некогда служил за очередного иеромонаха в присутствии Митрополита Филарета. Отсюда строитель скитский повел по плотине через пруд, уже затянутый льдом и покрытый снегом, в пещерную обитель³⁸⁸.

«Другая Лавра», –сказал мне благочинный Лавры, когда мы приближались к длинному, каменному, двухэтажному корпусу со св. вратами посреди. Пойдя внутрь здания, мы тотчас

спустились по лестнице в примрачную подземную, довольно широкую церковь, озаренную от местной Черниговской иконы Богоматери, богато украшенной, со многими пред нею горящими лампадами. Перед иконою были молящиеся. Для меня отслужен был молебен и дана мне икона, снимок с чудотворной. Бывал я в этой церкви, но гораздо прежде помещения в ней иконы Черниговской, привлекающей множество богомольцев, так что молебны почти непрерывны, как говорили мне. Всё здесь металлическое и сырости нет. Истинным утешением было для меня, что сподобился приложиться к новоявленной святыне. Все впечатления от этого места святого были для меня очень приятны – и устройство храма, и стройное служение, и вера молящихся. «Помолитесь, Владыко, о девице Зое», – сказали мне трогательным голосом родители, подводя дочь, страждущую припадками падучей болезни. И сколько в эту лечебницу стекается таковых и подобных! При выходе моем благочинный Лаврский доложил, что о. Наместник сейчас прислал сюда верхового предложить мне посещение Вифании. Разумеется, я принял приглашение. Сани стояли у ворот и не надобно было повторять путь чрез плотину, скользя по обледенелому снегу. Сквозь обезлиственные ветви легко было обозреть обширные построения этих широко облегающих берега пруда отдельных частей монастырского учреждения, т. е. собственно скита, пещер и пустыньки. Я смотрел а думалось: давно ли, кажется, то время, когда покойная матушка жила в посаде, и тот пасмурный летний день, когда я, в мирской ещё одежде, выехав от неё на прогулку, заехал в корбухинский лес, и чтобы не возвращаться тем же путем, расспрашивал встречных крестьян о дороге, и лесною тропой по той местности, где теперь скит, а тогда была глушь древесная, выехал в поле и на конец Переяславской улицы.

Еду. Вот ферма, теперь скитский скотный двор, а когда-то практическое применение теории сельскохозяйственной науки, которая так бесплодно заседалась в умах семинаристов по капризу графа Киселева³⁸⁹. Вот и храм села Глинкова Владимирской губернии. В глубине оврага между ними речка, в холодных бочагах которой я испортил простудой свои ноги, но,

думаю, значительно укрепил свой организм вообще. Вот жалкие остатки слободки, где жилали женатые наставники Семинарии. Мещане домовладельцы перебрались в посад, оживленный в отношении к городскому быту железною дорогой; остались лачуги беднейших. Семинария имеет вид очень грязный, который дает ей новопостроенное на краю к лесу двухэтажное здание, одно из нелепейших, какие случается видеть.

Наконец и монастырь Спасовифанский. Я уже не думал когда-либо видеть его, и если бы не приглашение о. Наместника, то, конечно, не поехал бы сюда, несмотря на всё желание поклониться пред гробницей блаженной памяти Платона Митрополита.

Изящная мысль этого великого иерарха и вместе поэта не была понята и поддержана, напротив, вскоре после его смерти, её начали по частям погребать, что было для меня, пока жил я в Вифании, источником бесплодных, но глубоких сожалений. Жалко мне было, что семинарские первоначальные постройки испорчены и забиты без нужды. Этот замок с башнями имел передний фас к пруду, где тогда и дорога пролежала. Задний фас составлял ров с подъёмным мостом. Если бы нужно было распространить здание, можно было бы на ближайшей береговой возвышенности построить точно такой же замок и соединить его со старым – проект, совершенно одобренный архитектором Быковым; но что же сделал ректор о. Агапит³⁹⁰? Перевернул фасы, и замок очутился на заднем, а впереди на место рва поставили пошлое одноэтажное здание – столовую и подле дом двухэтажный, годный для города под казарму, но здесь убивший всю красоту платоновской постройки. В монастыре, при этих маленьких голландского вкуса постройках, которые выставляли небольшую, но красивую, стройную кораблевидную церковь, взгромодили казначейский двухэтажный корпус и отяготили храм коридором, окружившим его. Этот один корпус так убил Вифанию, что художник Брюллов, племянник Карла Брюллова³⁹¹, плавал со мной на лодочке по всему пруду, ища точки, с которой снять бы вид Вифанского монастыря, и не нашел: отовсюду видишь нелепый казначейский корпус. Много порчи было в наше время, по

далеко ещё было до позднейших колоссальных посягательств на Вифанию. Я слышал о них и потому не хотел видеть испорченной Вифании, да и нынче я старался не глядеть на новизны там, где это было можно, чтобы не изгладилось ими прежнее впечатление. Заметил я, что вместо прежней, конечно, вовсе некрасивой, но платоновской колокольни, над воротами, возвышается большая в византийском стиле колокольня. Церковь платоновская, особенно верхняя, в запущении, даже полы облупились, и подкрашены, и всё грязновато. По крайней мере, уголок, где гробница митр. Платона, остался без изменения. Тут я выслушал о нем литию. В минуту, когда я выходил из церкви, мне предложено войти в новый храм. Пошли. На наружность его я и не взглянул. Внутри я нашел обширность, почти великолепия, свойственное церкви или столичной, или большой обители. На одном из трех престолов нижней теплой церкви совершалась в это время литургия. Холодная верхняя была тоже посещена и тоже впечатление совершенно роскошной постройки. Монастырь бедный и все здания придут в упадок, а памятника Платонова нет как нет. Всего больнее, что без малейшей нужды уничтожили домовую архиерейскую церковь, где Платон служил, молился, читал апостол на литургии, где митр. Филарет был во диакона³⁹² посвящен. Слышал я, что при каком-то случае Государь Император, узнав о разрушении этой достопамятной церкви, выразил неудовольствие и вместе желание, чтоб она была восстановлена. Впоследствии, сколько помню, когда церковь была восстановлена, Государь, в милостивом разговоре со мною, упоминал об этом случае. Без такого ходатая оригинальный иконостас – решетка был бы отдан в какую-нибудь сельскую церковь. Теперь он стоит новопозлащенный; но церковь уже новая; над полом жилых комнат поднята на три ступени; размеры её и в высоту, и в ширину, и в длину – другие. Даже имя другое, а св. Духу посвящена верхняя новая церковь. В покоях, кроме искажений бывших при мне, нет новых. Только железный переплет зеркального потолка в маленькой комнате отзолочен, неведомо для чего.

Меня встретил и сопровождал иеромонах С...., а Казначей был в тени. Этот С...., и вам известный, из так называемых «благородных», воспитывался в землемерном училище, рано вступил в Вифанский монастырь, оказывал ревность к монашескому подвигу, точность к соблюдению устава. В мое время о. С. поручен был сбор на ризу к иконе Богородицы, что над гробом преп. Сергия. Он конфузился. О. Варлаам, впоследствии игумен Давыдовой пустыни, научил его, как с тарелкой подходить к богомольцам и просить. Наука эта далась юноше. Он собрал на икону, потом на местные иконы, потом на ризницу, и, наконец, на огромный храм. Для удовлетворения этому *бескорыстному* сребролюбию (ибо С. самых строгих и честных правил человек) попан исторический памятник, о чем, в последнее время жизни, владыка³⁹³ очень сожалел в разговорах со мною, хотя и освящал верхнюю церковь, и это был последний из освященных им храмов³⁹⁴, как сказал мне С. Не повернулся язык мой ни на похвалу, ни на благодарность. Молча простился я и поехал обратно при звоне знакомых мне колоколов с прибавлением новых. Быстрым взглядом окинул я малую картину Вифанских прудов, живописных и под зимним тёплым покрывалом.

Надобно было навестить Инспектора С. К. Смирнова, и я опять вошел в тот домик с садом к оврагу Кончуры, где когда-то бывал у Баженковых: очень небогатая, но очень благотворительная чета, всегда находившая возможность успокоить бедных богомольцев, и воспитывать и замуж выдавать девиц: оба умерли. – Сергей Константинович был неженатый при мне, а теперь другую дочь в замужество отдает. Он говорит много о рвении студентов послужить памяти Александра Васильевича, которого они точно и называли за глаза не иначе, как *папаша*. Они на похоронах держали себя очень прилично; не только тогда пели усердно и боялись, чтобы не заместили их на клиросе монахами, но и потом изъявили желание продолжать по очереди ежедневно за ранними заупокойными о нем обеднями в академической церкви.

В столовой, где обедал я у Владыки, между прочим, в день, когда на меня или крест магистерский возложен, или

набедренник, нынче я обедал один; ибо, по моему заказу, изготовлена была пискарная уха и пшенная каша, не то, чем можно лакомить гостей. Но уже час пополудни. Пришли Сергей Константинович³⁹⁵; Виктор Дмитриевич³⁹⁶, и Николай Иванович³⁹⁷ проститься со мною. Едва успел я сбегать к препод. Сергию и спешил на станцию, где все эти три лица меня уже ожидали. Чаяние исполнилось: отрада и мир даны преп. Сергием, и в этих чувствах я оставил Лавру.

Лавра простилась со мною своим чудным колокольным звоном. Так были сильны и приятны впечатления, что, совершенно уединенно сидя в вагоне, я не соскучился, и путь показался мне очень коротким. На всё было смотреть мне приятно – и на Хотьков исторический и некрасивый, и на красивую деревянную церковь близ Пушкинской станции, редко удачную постройку в русском вкусе, и на сельские домики в чаще лесной, даже на покрытую водою по льду поверхность Красного Пруда. – Под мелким дождем, вместо давешнего снега, приехал я к Владыке³⁹⁸, и первое его слово было: «схоронили сокровище».

Эти слова так многозначительны, что мне остается предоставить вам над ними размышлять, и, извинившись в длинноте письма, которое желательно, чтобы прибыло к Вам, в Харьков, ранее 19-го, т. е. сорокового дня, просить себе Ваших святых молитв. – Москва 1875 г. с 10-го на 11-е Ноября, полночь».

В ответ на это дружеское послание писал я от 10-го декабря:

«Св. Василий В. в письме к другу своему Мелетию, Архиеп. Антиохийскому, между прочим, пишет: «когда беру в руки письмо твое, прежде всего, смотрю на его меру, и чем более оно избыточествует величиною, тем для меня любезнее».

Братское послание Вашего Преосвященства, полученное мною 14 Ноября и занимающее шесть почтовых листов, думаю, было бы любезно для сердца и Вселенского Святителя ... Искренно, душевно благодарю Вас, Преосвященнейший Владыко, за такое пространное и весьма для меня интересное послание.

Читая и перечитывая это послание, я как бы сам вместе с Вами путешествовал в Лавру, поклонялся тамошней святыне и гробу незабвенного Святителя, присутствовал при отпевании и погребении досточтимого Александра Васильевича, беседовал с достопочтенным старцем о. Наместником, посещал скит и Вифанию, разделял Вашу скорбь и негодование за искажение оригинального типа монастырских и семинарских зданий, воспоминал о Вашей достолюбезнейшей матушке и проч. и проч.

Да, кончина Александра Васильевича для Московской Академии утрата невознаградимая: трудно его заменить, никакою ценою не купить такое сокровище. Кто же, однако, будет его преемником? Если кто-либо из женатых, то как-то странно будет видеть начальника Академии, живущего не в Академии; а жить такому в стенах Лавры, конечно, не позволят. Иное дело, если бы место покойного занял Архимандрит Михаил; это было бы в порядке вещей.

На устройство памятника покойному и на учреждение в память его стипендии послал и я от себя должную лепту (150 р.).

Вы пишете, что отношение Новгородского Владыки к Вашему по делу о новом расписании приходов, переданное или предъявленное Вашему Преосвященству, *толкнуло в Вас кровь*. Но если бы Вы знали, сколько мне, в течении восьмилетнего пребывания моего на Полоцкой кафедре, доводилось испытывать подобных толчков, да ещё гораздо посильнее, то Вы успокоились бы. Само собою разумеется, что высшему Начальству нельзя не спрашивать у подчиненных, почему не исполняются его приказания. Но если Вы на запрос Петербургского Начальства дадите обстоятельное и основательное объяснение, т. е. укажете причины, почему Вы опасаетесь приступить к исполнению предписания относительно сокращения приходов, и в ярких красках изобразите те последствия, к каким может привести эта реформа, то я уверен, что Вам за это будут очень благодарны. Мне кажется, с той целью и требуют так настойчиво от Вас объяснения по настоящему делу, чтобы им воспользоваться, как благовидным

предлогом к повороту дела назад. В Синод и даже, как слышно, к Государю, так много поступает жалоб по поводу этой несчастной реформы, что Правительство пришло, наконец, в раздумье. По крайней мере, так передавала мне недавно одна здешняя помещица (П. С. Колокольцева)³⁹⁹, у которой в имении каменная церковь сделана приписною к соседней церкви и которая в Августе была у Новгородского Владыки с вопросом по этому делу и слышала из его уст твердое обещание, что не только её приходская церковь, но может быть все прочие приписные восстановлены будут в первобытное положение. У меня, в настоящее время, всего более производится дел по Консистории, именно, по жалобам прихожан на стеснительное для них перечисление от родных приходов к чужим. Так слышно, и по другим епархиям, где поспешили осуществить предположенную реформу».

24-го ч. писал мне из Вильны Преосвящ. Макарий, Архиепископ Литовский:

«Приношу Вам мою искреннюю признательность за Ваш добрый ответ и приятное известие о моем племяннике священнике Солнцева. Теперь, – извините, побеспокою Вас просьбой о другом моем племяннике, именно священнике с. Ново-Серпухова Николае Гудникове. Он женат на моей родной племяннице; окончил курс в числе лучших студентов, пять лет был депутатом и вот более уже трех состоит благочинным по выбору: человек вообще весьма дельный и способный исполнять возлагаемые на него поручения. Не найдете ли возможным переместить его, при случае, в Харьков, когда откроется в нём какая-либо порядочная священническая вакансия? Это было бы благодеянием не столько для него, сколько для моей племянницы, часто хворающей и нуждающейся в докторе, которого нет в деревне. Усерднейше прошу иметь в виду этого кандидата.

На днях я отправляюсь в Петербург для присутствования в Св. Синоде. Довольно в нынешнем году пришлось мне пожить в Вильне».

25-го ч. получил я письмо из г. Нежина от Настоятеля Благовещенского монастыря, архимандрита Иеронима

(Геппнера) следующего содержания:

«Данное мне Вашим Преосвященством сочинение Ваше “Sacristie Patriarcale” я прочитал и просмотрел со вниманием. Переводчик, по всему судя православный, мало знаком с Латинской церковью, которая имеет те же облачения, что и церковь православная, хотя по внешней форме иногда и отличные, имеет и свои особые названия. Незнание этих названий было причиною, что переводчик сделал много и грубых промахов. Не указываю на частность, так как полагаю, что Вашему Преосвященству недостатки перевода не менее, чем мне, известны.

Поручая себя всецело милостивому вниманию Вашего Преосвященства, честь имею пребыть с глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью»...

29-го ч. получено было мною письмо из Полоцка от Законоучителя тамошней Учительской Семинарии, священника М. Высоцкого. Вот что писал он мне от 25-го числа:

«В прошлом 1874 г. домовая церковь при Полоцкой Учительской Семинарии, с благословения Вашего Преосвященства, была заложена; 3-го Ноября сего года, с разрешения Преосвященнейшего Викторина, она во имя Св. Николая освящена.

С открытием Полоцкой Семинарии соединено воспоминание и о Вашем достославном имени. Вашим Архипастырским благословением и священнодействием освящено самое возрождение этого рассадника образования сельских наставников для Витебской губернии; Семинария тогда же приняла из святительских рук Вашего Преосвященства в благословение и изображение Христа Спасителя; и благоговейно хранит его, как священный залог Ваших молитвенных благожеланий ей, получила она от Вашего Преосвященства в дар и благолепное полное священническое облачение. Живо вспоминая всё это и глубоко чувствуя всю цену Ваших милостей и для меня, я каждый раз, с пламенной молитвою за Вас, мой незабвенный Архипастырь, приступаю к престолу Божию.

Полоцкая епархия никогда не забудет Вас, Преосвященнейший Владыко, как мудрого, благодушного Святителя, не забудет как Архипастыря – беспримерного у нас благотворителя святых храмов Божиих, – не забудет, и с любовью молится за Вас. Потеря Вас, приснопамятный Архипастырь, так для неё чувствительна!.. Но и по отшествии от нас, Вы, благий Архипастырь, не перестаете призирать на нужды наши. Простите же, Преосвященнейший Владыко, что и я решаюсь смиреннейше напомнить и о моей церкви и покорнейше просить Вас, не соизволите ли от Ваших святительских щедрот прислать ей в дар что-либо или из принадлежностей престола и жертвенника, или из облачений священнических и диаконских. Всякий дар Вашего Преосвященства для семинарской церкви я принял бы с глубочайшим благоговением и сердечною признательностью. Москва и Харьков благоговейт к Вашему имени. Да послужат же они, по Вашему указанию, украшению и той церкви, которая, по мысли Его Превосходительства Николая Александровича⁴⁰⁰, сооружена при учительской семинарии – этом безусловно важном для Витебской губернии народообразовательном заведении, – сооружена в самое знаменательное время – в эпоху всестороннего возрождения к новой жизни Северо-западного края вообще и, в частности, Витебской губернии; а потому и имеет эта церковь для Семинарии глубокое религиозно-воспитательное значение; и чем благолепнее, чем благоуукрашеннее будет эта церковь, тем действеннее будет её влияние на возбуждение и укрепление в белорусах – воспитанниках оной чувств благоговения и любви к православным святыням Божиим, тем несомненное они научатся возносить свой ум и сердце от видимого благолепия храма к духовной красоте всего небесного и божественного, тем скорее вынесут они из заведения христианскую готовность содействовать в жизни, чем только будут мочь, благолепию храмов Божиих.

Святитель Божий! Смею повторить: с именем Твоим соединено столько трогательных воспоминаний и благих дел для Полоцкой епархии! не отринь же моей смиреннейшей,

умилительной просьбы; дай мне радость видеть и ещё новое доказательство Твоего Архипастырского благоволения ко мне недостойному. Нет у меня иного благодетеля на мой храм, который я сердечно, пламенно желал бы украсить, – нет, кроме Тебя, приснопамятный Архипастырь».

30 ч., в воскресенье, совершено было мною полное освящение Кафедрального собора, после, переделки и возвышения в алтаре пола.

1-го декабря дана была мною следующая революция: «На основании примечания к §4 Устава Православного Миссионерского Общества, поручая Преосвященнейшему Викарию, епископу Вениамину, сделать должные распоряжения к открытию в г. Харькове под своим председательством Комитета Православного Миссионерского Общества».

В тот же день получена была мною из Москвы утешительная телеграмма следующего содержания:

«На торжестве по случаю преобразования Московского женского училища в Епархиальное⁴⁰¹, в присутствии Высокопреосвященнейшего Иннокентия провозглашен был тост о здравии и благоденствии Вашего Преосвященства, как бывшего покровителя и начальника сего заведения; о чем Начальство училища всепокорнейше извещает Ваше Высокопреосвященство».

На другой день поспешил я ответить также телеграммой в следующих выражениях:

«Приношу искреннейшую благодарность за добрую память. Преобразованному училищу желаю процветания и Божия благословения».

1-го же числа получено было мною из Витебска от Протоиерея Волкова письмо, в котором он писал мне:

«Имею долг и счастье поднести Вашему Преосвященству отпечатанную историческую Записку об Успенском соборе⁴⁰² и просить прочитать оную и, если, по Вашему мнению, она имеет какой-нибудь интерес – сообщить и другим, по усмотрению Вашему. Вам первому посылаю, как виновнику составления её: Вы первый приказали мне, чтобы она непременно была приготовлена ко дню освящения. Владыка! Обратите внимание

на слова подстрочные, в которых говорится, что собор нуждается в новых священнослужительских облачениях. Это совершенная правда. В настоящее время собор наш до того обеднел, что к празднику не может даже ни одного облачения переделать и исправить из тех, которые я, по милости Вашей, получил из Харькова; а без переделки показывать их я не хочу. Не найдете ли такого человека, который бы помог нам хоть в этом деле? Владыка святой! Я помню Ваше приказание, когда выезжал я из Харькова, чтобы я не смел более обращаться с просьбами; но к кому же мне более и скорее обратиться, если не к Вам? Кто подаст руку помощи нашему Успенскому собору, который настолько беден, что не имеет средств исправить облачения? Вера моя в Ваши заботы об Успенском соборе не посрамит меня».

2-го ч., в Университетской церкви, совершено было, с подобающей честью, отпевание тела Командовавшего войсками Харьковского военного округа, Генерал-Адъютанта Александра Петровича Карцова, скончавшегося 29 ноября, на 59 году от рождения. Тело его предположено было перевести из Харькова в Киев, для предания земле при церкви на Аскольдовой Могиле, согласно предсмертному желанию умершего, но, в ожидании распоряжений по сему от высшего Начальства, гроб с телом почившего поставлен был в паперти нижней церкви Покровского монастыря.

Сообщу здесь некоторые биографические сведения об усопшем.

А. П. Карцов происходил из дворян Новгородской губернии; родился 22 марта 1817 г.; воспитывался в Павловском Кадетском Корпусе и выпущен Прапорщиком в Лейб-Гвардии Семеновский полк, 1836 г. Марта 7 д.; в 1839 г. поступил в Императорскую военную Академию, откуда выпущен был в 1841 г. с награждением серебряною медалью.

В 1853 г. А. П-ч преподавал тактику и военную историю Великим Князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, а в 1858 г. те же военные науки преподавал покойному Наследнику Цесаревичу В. Кн. Николаю Александровичу⁴⁰³.

После многолетней службы на Кавказе, Карцов назначен был 30-го авг. 1869 г., в чине Генерал-Адъютанта, Командующим войсками Харьковского военного округа⁴⁰⁴.

3-го ч. писал я в Вильну Попечителю Учебного Округа, Н. А. Сергиевскому:

«Спешу, хотя и не уверен, что могу своевременно явиться к Вашему Превосходительству с искренним душевным приветствием в день Вашего Ангела. Да хранит Вас небесный покровитель Ваш, Святитель Мирликийский, на многия лета в здравии и благоденствии, и да споспешествует Вам во всех благих начинаниях и делах Вашего многотрудного, но благоплодного служения отечественному просвещению!

С истинным удовольствием прочитал я в Виленском Вестнике известия об освящении храма, или вернее, *Собора всех учебных заведений – в Вильне*, и об открытии Учительского Института. Примите мое искреннее поздравление со столь счастливым осуществлением Ваших мыслей и желаний. Но позвольте при этом спросить, нашли ли Вы удовлетворительного регента для устройства хора в Вашем новоосвященном храме?

Из Виленской газеты я вижу, что Вы нынче не так часто оставляете свою резиденцию, как это было в прежнее время. Видно, что так настроено Ваше течение дел в учебных заведениях вверенного Вам Округа, что не представляется уже более надобности в частых разъездах по округу.

А в каком положении дело об открытии Университета в Полоцке?

В половине минувшего Ноября была у нас, в Харькове, Ученая Комиссия, собирающая от ученых университетских корпораций отзывы относительно нового, лучшего устройства русских Университетов. Я имел удовольствие познакомиться с Членами этой почтенной Комиссии. Желательно, чтобы не даром были употреблены труды этой походной Комиссии и не напрасно затрачены были на её путешествие, вероятно, не малые суммы».

8-го ч. писал я в Витебск протоиерею В. Волкову:

«Благодарю Вас за брошюру об Успенском Соборе. Она составлена очень складно, но напечатана не без погрешностей. Так, напр., на стр. 25-й перепечатано 6 строк предыдущей страницы. За это нельзя похвалить корректора.

На стр. 23 и след. Вы пишете обо мне, что я будто бы до того прельстился Успенским собором, что охотно перенес бы в него Архиерейскую кафедру, если бы представилась какая-нибудь возможность сделать этот собор тёплым. Но, во-первых, я *не прельщался* собором (храм Божий не может быть предметом прельщения), а восхищался его изящною архитектурой; во-вторых, у меня никогда не было мысли делать Успенский собор Кафедральным. Эту мысль навязывал мне П. П. Коссаговский⁴⁰⁵, рекомендуя для моего помещения Гимназический дом с тем, чтобы в теперешний Архиерейский дом перевести Семинарию, а Семинарский корпус уступить или для Гимназии, или для присутственных мест (теперь уже не помню хорошо).

Вы просите меня обратить внимание на подстрочное примечание на стр. 27-й, но после того, что мною сделано для Вашего Собора, я больше сделать ничего не могу.

По Вашему примеру обратился ко мне на днях с письменною просьбою о помощи для новоустроенной церкви в Полоцкой Учительской Семинарии Ваш приятель о. Высоцкий, но, не знаю, могу ли что-нибудь сделать для него. Я поручил градскому благочинному поискать в здешних приходских ризницах каких-нибудь излишних вещей, но неизвестно ещё, найдется ли что-либо благопотребное и нужное для помянутой церкви».

13-го ч. получено было мною от Председателя Церковно-Археологического Общества при Киевской Дух. Академии Епископа Филарета официальное письмо за № 181, следующего содержания:

«При отношении от 17 Ноября сего 1875 г. за № 13, Ваше Преосвященство изволили препроводить на нужды Общества пятьдесят рублей (50) сер.

Видя в этом новое доказательство Вашего содействия Церковно-Археологическому Обществу, священным долгом

считаю принести от его имени глубокую и искреннюю благодарность за сие пожертвование».

15-го ч. получил я письмо из Витебска от Протоиерея Волкова, которому послано было мною 100 руб. на потребности Успенского Собора. Вот что писал он от 12-го числа:

«Сию минуту получил благотворение от Вас – сто рублей на нужды Успенского Собора. Приношу благодарение за Ваше благодеяние. Теперь я уже барин буду: на присланные деньги переделаю присланные облачения, прикуплю диаконских стихарей и подризников, наделаю набедренников, поясов и поручей и всё, при обстоятельном донесении, представлю нашему Преосвященному Владыке».

Чрез два дня, а именно от 14 числа, о. Волков снова писал мне:

«На другой день после отправки Вам письма, я имел радость и утешение получить от Вас более обширное письмо против того, на которое отвечал.

Заключения Ваши принял я в поучение себе: благодарю Вас и прошу извинения. – Но в том, что я желание Г. Коссаговского приписал Вам, кажется мне, ничего нет предосудительного. Выходит, что это обстоятельство перепуталось в моей памяти. Да притом для составления записки я имел весьма мало времени. Во всяком случае, прошу Вас, простите мне эту ошибку».

Попечитель Виленского Учебного Округа, Н. А. Сергиевский, поздравив меня 25-го ч. с праздником телеграммой, не ограничился этим кратким приветствием: на другой день, 26-го числа, он писал мне довольно пространное письмо. Вот содержание этого послания:

«Позднее возвращение мое из Петербурга в Вильну, к самому празднику, лишило меня возможности писать к Вашему Преосвященству, почему я вчера телеграммой приветствовал Вас с наступившим праздником. Ныне успокоившись от суеты, спешу настоящим письмом ещё раз приветствовать Вас, Преосвященнейший Владыко, с праздником Рождества Христова. Господь да хранит на долго дни и силы Ваши, и да

даст мне поскорее видеться с Вами, ибо крепко я соскучился год не видавшись с Вами.

Душевно благодарю Ваше Преосвященство за память о мне 6-го декабря. День этот я провел в Петербурге или лучше сказать вне Петербурга – в Сергиевой пустыни.

Очень благодарю Вас я за слово о церкви, в Вильне мною устроенной. Она прекрасна. Университетская Комиссия только что закончила собрание сведений. Петербургский Университет отнесся к ней весьма несочувственно и резко... Вопрос о Полоцком Университете без движения. Так он, вероятно, и останется надолго. Я не возбуждаю его, будучи сильно занят дальнейшей организацией округа, особенно по части народного образования. Кстати, о Полоцке. Там уже устроена и освящена церковь в Учительской Семинарии. Церковь очень хороша.

В бытность в Петербурге я имел счастье представляться Государю Императору 20 декабря. Государь был чрезвычайно милостив; несколько раз благодарил меня и в заключение, улыбаясь, сказал между прочим: «ты истинный Попечитель». Это для меня величайшая награда».

27-го ч. Начальник Харьковской губернии, Князь Д. Н. Кропоткин препроводил ко мне при письме таблицы слепых и краткое к ним объяснение профессора Университета Гиршмана⁴⁰⁶, с просьбой уведомить Его Сиятельство, считаю ли я возможным помещение оных в Губернских Ведомостях.

Рассмотрев составленные Гиршманом таблицы и объяснение к ним, я сделал о них следующий отзыв:

«Профессор Гиршман, в кратком объяснении своем к составленным им Статистическим Таблицам слепых, одной из главных причин слепоты полагает употребление недоброкачественной пищи во время Великого поста, и преимущественно в последние его недели. Такое мнение он основывает 1) на количестве лиц, приходящих к нему за врачебной помощью во время поста, и 2) на показаниях самих больных.

Посмотрим, в какой мере тверды и непоколебимы эти основания.

1) Пересмотрим внимательно таблицы слепых за 1869, 1870 и 1871 гг., напечатанные в № 274 Харьковских Губернских Ведомостей за 1875 г. Из них усматривается следующее. В 1869 г. Великий пост начался с 3-го Марта и продолжался по 19 Апреля; в течении этих двух месяцев показано в таблице г. Гиршмана приходящих к нему за врачебной помощью всех душ мужского и женского пола, разного возраста и из разных мест не только Харьковской, но и других губерний – 38; в течении двух месяцев того же года – Сентября и Октября, когда, кроме среды и пятницы каждой недели и 14 ч. Сентября – праздника Воздвижения Креста Господня, по уставу Православной церкви не полагается никакого поста, в той же таблице г. Гиршмана значится 46 душ. В 1870 г. Великий пост начался с 23-го февраля и продолжался до 11 Апреля. Так как Февраль и Апрель только несколькими днями входили в состав поста, то мы возьмем цельный постный месяц Март и сравним его с непостным месяцем, напр., Сентябрем, и вот что оказывается: в марте 1870 г. пришедших к г. Гиршману значится – 17-ть душ; в Сентябре – 28. В 1871 г. Великий пост начался с 8-го Февраля и продолжался по 27-е Марта; в эти два месяца, по показанию таблицы за означенный год, было пришедших к г. Гиршману – 23 души обоего пола; в следующие два месяца – Апрель и Май, когда начиная с дня Пасхи и до недели Всех Святых – т. е. до 23-го мая, по Уставу Православной Церкви не полагается никакого строгого поста, – по показанию той же таблицы слепых значится – 84 души. Из всего этого не трудно усмотреть, в какой мере справедливо показание г. Гиршмана, что к нему всего более являются за врачебной помощью страждущие от глазных болезней, именно, во время Великого поста; и, следовательно, можно ли согласиться с г. Гиршманом, что главною причиной слепоты служит христианский пост? Да если бы и действительно более всего было пришедших к врачу за помощью в продолжении В. поста, то можно ли из этого выводить то заключение, что причиною слепоты служит пост? Простой народ, частью по небрежности, частью по разным домашним обстоятельствам, не всегда спешит к врачу в то время, когда ему особенно нужна врачебная помощь, а тогда,

когда ему удобно и свободно, как и сам г. Гиршман замечает это в своём объяснении. Очень понятно, что среди В. поста, когда у крестьянина нет никаких полевых работ, ему удобнее отправиться в город за советом к врачу, нежели в рабочую пору. Притом всякая болезнь, а следовательно и глазная, развивается и усиливается постепенно, а не мгновенно является после употребления той или другой пищи, и едва ли многие из заболевающих глазной болезнью, в особенности крестьяне, тотчас же как почувствуют боль в глазу, спешат к врачу, особенно живущие вдали от его местопребывания. Посему очень неудивительно, что многие крестьяне, являющиеся к г. Гиршману во время В. поста за врачебной помощью от слепоты, подвергались этой болезни или начинали ощущать её задолго до наступления поста.

Ослепших несомненно от употребления *недоброкачественной* пищи, во время поста, пишет в своём объяснении статистических таблиц г. Гиршман, представлялось мне за означенное пятилетие 211 человек, т. е. 18–17% всего числа слепых. Следовательно, в год – около 42-х человек.

Но, во-первых, что разумеет г. Гиршман под словами: *недоброкачественная пища*? Ржаной хлеб, приготовленный из хорошей муки и хорошо испеченный, есть ли недоброкачественная пища? А такой хлеб не возбраняется употреблять народу и во время Великого поста. Гречневая или пшенная каша, приготовленная из хороших круп, есть ли недоброкачественная пища? А она не воспрещается правилами Св. Церкви о посте. Суп, приготовленный из картофеля и приправленный какими-либо кореньями, или сушеными грибами, может ли почитаться недоброкачественной пищей? А он не противен Уставу о посте. И все, исчисленные мной роды пищи и им подобные, могут ли по справедливости почитаться существенными причинами слепоты? Если бы мнение г. Гиршмана было справедливо, то больных глазами по причине употребления постной пищи были бы не десятки лиц, а сотни тысяч, так как в одной Харьковской губернии принадлежащих к Православной Церкви и соблюдающих, или по крайней мере

обязанных соблюдать посты, считается более полутора миллиона душ.

2) Вторым основанием, на котором г. Гиршман утверждает своё заключение о зловредности для глаз постной, или, как он называет, *недоброкачественной* пищи, служат показания самих больных. «В книгах моих, пишет г. Гиршман в своём объяснении, обозначены ослепшими от дурной пищи те лишь из явившихся ко мне слепых, которые при расспросах указывали несомненно на это обстоятельство». – Но, во-первых, пост и дурная пища не имеют между собою ничего общего. У зажиточного крестьянина и в Великий пост может быть хорошая, т. е. вкусная и здоровая пища, непротивная притом церковным постановлениям о посте; у бедного – и в Светлый день может быть пища дурная, т. е. худо и из недоброкачественных материалов приготовленная. Известно, что и мясо и всякая, самая лучшая, дичь могут быть повреждены от долговременного хранения и от атмосферических влияний; и следовательно приготовленная из таких материалов пища не может быть названа хорошей и благоприятствующей сохранению зрения. Во-вторых, в объяснении причин такой важной и тяжкой болезни, какова лишение зрения, разве можно полагаться на отзывы самих пациентов – крестьян, людей, и при зрении телесном, большей частью тёмных в умственном отношении. – Если и образованные люди редко могут указать врачу на главный источник своих болезней, – от чего большей частью и неудачно бывает лечение, то можно ли ожидать верного указания на источник той или другой болезни от людей простых и необразованных. Крестьянин, с давнего времени страдающий той или другой болезнью, не может явиться к врачу в летнюю, рабочую пору, а приходит к нему в зимнее время, среди Великого, например, поста, и на вопрос врача: от чего у тебя произошла болезнь, не от употребления ли дурной пищи? очень легко может дать утвердительный ответ, вовсе не думая о том, справедлив или нет этот ответ.

Чего однако ж хочет достигнуть г. Гиршман так часто и усиленно повторяя в своём объяснении статистических таблиц мысль о вредном влиянии на орган зрения

недоброкачественной, по его выражению, пищи во время Великого поста, и преимущественно последних его недель? Ужели отмены постов Православной Церкви?

Православная Церковь учит, что пост есть источник здоровья и мать целомудрия, а г. Гиршман – иноверец усиливается закрыть этот спасительный источник и посягает на жизнь этой благодетельной для христианского целомудрия матери».

Отзыв этот я препроводил к Князю Кропоткину при следующем письме от 31-го числа:

«Сиятельный Князь, Милостивый Государь!

Возвращая при сем Вашему Сиятельству номер Губернских Ведомостей, в котором напечатаны Статистические Таблицы слепых за три года (1869–1871), и краткое к этим Таблицам объяснение профессора Гиршмана, имею честь препроводить вместе с тем мои замечания на объяснение г. Гиршмана. Из этих замечаний Ваше Сиятельство изволите усмотреть, в какой мере справедлив взгляд г. Гиршмана на христианские посты.

Если Ваше Сиятельство заблагорассудите допустить напечатание означенных таблиц и объяснения к ним г. Гиршмана, то покорнейше прошу приказать напечатать в том же номере вслед за ними и мои замечания».

Дело окончилось тем, что Таблицы Гиршмана вследствие моего отзыва, остались ненапечатанными.

30-го ч., в 10 ч. вечера, прибыл в Харьков вновь назначенный Командующий войсками Харьковского военного Округа, Генерал Адъютант Граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон⁴⁰⁷. Со станции железной дороги он отправился прямо в Кафедральный Собор, где отслужен был, по его желанию, молебен пред чудотворной Ельнинской иконой Божией Матери. Такое вступление в должность высокого Начальника для нас, духовных, служило добрым предзнаменованием, между тем как светским лицам подало повод к разным превратным и двусмысленным толкам. – На другой день, 31-го ч. Граф был у меня; я ввел его в Покровскую монастырскую церковь для поклонения чудотворной иконе Божией Матери именуемой Озерянской, и благословил его образом – списком с этой иконы.

Этим событием и закончился для меня первый год моего пребывания на Харьковской кафедре.

1876 г.

Наступивший 1876-й год начался для меня страшным сновидением. – Вижу я во сне идущую с востока темную тучу, разразившуюся необыкновенно крупным градом. Это навело на меня ужас, от которого я и проснулся. Не было ли это предзнаменованием вскоре затем начавшейся восточной войны?..

В день новолетия совершена была мною литургия и обычный за нею молебен в Кафедральном Успенском соборе.

После литургии были у меня с поздравлениями некоторые из городских властей, а затем я сам отправился с приветствием к новому, накануне лишь вступившему в свою должность, Командующему войсками Харьковского военного округа, графу Феликсу Николаевичу Сумарокову-Эльстону⁴⁰⁸. В беседе со мною, граф, между прочим, высказал такую странную мысль, что будто бы Православная Церковь разрешает *четвертый брак* тому из православных, кто обратит из иноверия девицу. Не без труда я мог разубедить в этой фальшивой мысли почтенного графа.

Кроме личных поздравлений с новым годом получил я в этот день несколько и письменных приветствий, так, между прочим.

Получил я первое и последнее поздравительное письмо от почтенного и доброго моего знакомого Управляющего Харьковской Контрольной Палатой, Действ. Ст. Советника, Владимира Андреевича Морошкина. Вот что писал он мне:

«Ваше Преосвященство!

Позвольте принести Вам от себя и от всей моей семьи искреннейшее и почтительнейшее поздравление наше с наступившим новым годом и пожелать Вам всех лучших благ в мире.

Глубоко скорблю, что и по сие время не имею возможности лично поздравить Вас со Св. праздниками: лежу и сижу обложенный мушками и окруженный микстурами. Не могу

понять, что сделалось с моим крепким здоровьем? На днях у меня были отчаянные приступы раздирающей боли в груди.

Прося молитв о себе, с отличным уважением и глубокой преданностью имею честь быть».

6-го числа не стало этого умного, честного и в высшей степени благонамеренного слуги Отечества. Он умер, по уверению врачей, от жабы в груди. 9-го числа я совершил в Кафедральном Соборе над почившим в Бозе рабом Божиим Владимиром отпевание, а тело его в тот же день отправлено было, для погребения, в его имение, за Чугуевым. До крайности мне было прискорбно расстаться с этим благородным, образованным и любезным собеседником моим, которого я в короткое время от души любил.

2-го числа получено было мною письмо из Ментоны (во Франции) от В. М. Бостанжогло.

Вот что писал мне Василий Михайлович от 25-го декабря минувшего 1875 года:

«Принося Вашему Преосвященству моё и жены моей усерднейшее поздравление с сегодняшним торжественным праздником Рождества Христова, от всей души оба мы желаем Вам, Милостивый Архипастырь, провести его в добром здоровье и в радости встретить новый год.

Обстоятельства колотят меня со всех сторон. Вы, вероятно, слышали о катастрофе Ссудного Банка в Москве; я и родственники мои потеряли много там денег, да что всего хуже – это то, что бедный брат мой Николай Михайлович⁴⁰⁹, будучи членом Совета (не Правления), как и многие другие, подвергается судебному преследованию за дело, в котором он вовсе не виноват, и что затем силятся отнять у него всё состояние. Вот моё нравственное положение, Владыко Святой! можно после этого поправляться, когда находимся в постоянных тревожностях. – Вся моя надежда и упование на Милосердие Божие и на Ваши Святые благоприятные Господу молитвы. Помолитесь о нас недостойных, Владыко Святой, и Вашу молитву за нас с братом Господь приемлет.

Желаю Вам доброго здоровья ещё раз и испрашивая себе, жене моей и всему нашему семейству Ваше Святительское

благословение, с совершенным почтением и преданностью честь имею быть».

В ответ на это писал я от 8-го числа:

«Примите мою искреннейшую душевную благодарность за Ваше поздравление меня с праздником и новым годом. Взаимно и вас с почтенною супругою Вашею приветствую с наступившим новым годом и от полноты признательного сердца желаю Вам в новом лете от Господа обновления и укрепления Ваших сил и восстановления Вашего для многих и многих дорогого здоровья.

Я желал и намерен был своевременно поздравить Вас с днем Вашего Ангела, но не был уверен, что Вы до настоящего времени остаетесь в Ментоне.

Новый год, по милости Божией, встретил мирно и благополучно. Служения в праздник Рождества Христова, в Новый год и в день Крещения я совершал в нижнем Соборе, который Бог помог нам минувшей осенью сделать тёплым, к великому утешению граждан. В праздник Рождества служил я в Вашем новопожертвованном облачении, и некоторые из богомольцев удивлены были богатством этого облачения, оценив его в 4000 руб.

О катастрофе Московского Ссудного Банка я имею сведения и душевно скорблю о прикосновении к этому делу Вашего братца. Не могу не понять и Вашего по этому случаю душевного огорчения, но я просил бы Вас, если то возможно, совсем забыть о происшествии Московском и сосредоточить всё Ваше внимание на Вашем собственном положении. Мучительные заботы Ваши о предполагаемом ущербе в материальных средствах Вашего братца дела не поправят, а здоровью Вашему причинят, как уже и причиняют, по Вашим словам, существенный вред. Но если, при сохранении душевного спокойствия, здоровье Ваше, при Божией помощи, восстановится, тогда и финансовые обстоятельства Ваши, при той же Божественной помощи, легко могут поправиться».

4-го ч. писал я в Витебск Начальнику губернии П. Я. Ростовцеву:

«Сегодня год, как я оставил Витебск и простился с Вами и со всею Полоцкою паствою. Все обстоятельства этого дня и ему предшествовавших живо сохраняются в моей памяти. В особенности не могу без особенного чувства душевной признательности вспоминать о всех знаках Вашего доброго ко мне расположения, какими запечатлены были последние дни моего пребывания в Витебске. Примите же, высокопочтеннейший П. Я., ещё раз изъявление моей глубокой благодарности за Вашу прежнюю ко мне любовь и расположение.

Говорю: *ещё раз*. По прибытии в Харьков я немедленно поспешил выразить Вашему Превосходительству письменно чувства моей признательности к Вам, но что я слышу? Слышу, что будто бы Вами не было получено моё письмо от 6-го февраля⁴¹⁰. Это крайне меня удивляет и огорчает. Не получивши моего письма и в тоже время слыша, что я пишу к другим лицам в Витебск, Вы естественно могли иметь в душе своей невыгодные о мне мысли. А в свою очередь и я, не получая от Вас ответа на мое письмо, не знал, что подумать и чем объяснить это.

Летом мне писали из Витебска, что Вы намерены были предпринять путешествие на южный берег Крыма и по пути посетить меня. С живейшим удовольствием получил я это известие и подумал: вот благоприятный случай разъяснить мне своё недоразумение относительно ответа на мое письмо; но, к крайнему прискорбию, ожидания мои не оправдались.

Чтобы Вы, хотя и поздно, получили сведение о том, что было писано мною в первом письме от 6-го Февраля, прилагаю при сем список с этого письма, сохранившегося, к счастью, у меня в черновом подлиннике. А вместе с тем считаю приятным долгом препроводить к Вашему Превосходительству экземпляр составленной одним из здешних протоиереев книги о прощении моем с Полоцкою паствою и вступлении на Харьковскую кафедру⁴¹¹.

Что скажу Вам на сей раз о себе? Благодарение Господу год моего здесь пребывания прошел для меня мирно и благополучно. Значительную часть летнего времени провел я в

путешествиях по епархии; посетил все монастыри и обозрел много приходских церквей; довольно ознакомился с положением сельского духовенства и с нравственным состоянием паствы. Путешествие это доставило мне много утешительных впечатлений. Здешний народ чрезвычайно усерден к церкви, и от меня не требуется здесь тех забот и попечений об устройстве и благоуукрашении храмов, какие требовались на полоцкой епархии. Духовенство не бедствует и в большинстве ведет себя благопристойно. Здешние обитатели в цветущем состоянии, по крайней мере, в материальном отношении.

Осень и зиму безвыездно провожу в городе, большей частью, среди официальных занятий. С городским обществом хотя уже и ознакомился, но не успел ещё сблизиться так, как я в последнее время сблизился с обществом витебским. Очень часто с утешением вспоминаю я о наших с Вами взаимных посещениях. Здесь пока ещё ничего подобного нет у меня, да и не знаю, будет ли, так как здешнее общество очень велико и разнородно. Впрочем, при множестве занятий служебных и при обилии книг и журналов, я почти не ощущаю потребности бывать часто в шумных обществах.

Как Вы изволите пребывать в богоспасаемом Витебске? Слышно, что у Вас увеличилось военное общество и ощутительно оживило Вашу общественную жизнь.

С наступлением нового года приветствуя, призываю Вам от Господа обновления и укрепления Ваших сил к продолжению многотрудного и многополезнаго служения Вашего Царю и Отечеству».

В ответ на это Павел Яковлевич писал мне от 8-го числа:

«Ваше Преосвященство,

Глубокоуважаемый и Милостивый Архипастырь!

От души благодарю Вас, Преосвященнейший Владыко, за присланную книгу, а ещё более благодарю за письма. В них высказаны те же теплые добрые чувства, которые я так высоко ценил и которыми так искренно всегда дорожил. Не получая от Вас никакой весточки, признаюсь Вам откровенно, я счел это холодностью, ничем мною не заслуженной и был сердечно

огорчен. Теперь это всё разъяснилось; непонятно только, каким образом могло пропасть Ваше письмо ко мне и тем набросить, хотя временно, тень на наши добрые отношения. Вести, доходящие до нас о Вас, Владыко, радуют всех любящих Вас. Новая паства Ваша уважает, любит и ценит Вас, – да иначе и быть не могло. Мы подхватываем эти вести и передаем их друг другу с тем удовольствием, с каким передается всё приятное о близких, родственных нам людях. О Витебске скажу Вам, что он в общем тот же, каким Вы его оставили. Новый наш Архипастырь, к которому сначала относились с некоторой недоверчивой осторожностью, своим умом, честным, добрым направлением, всё более и более начинает приобретать сочувствия и делается достойным Вас наместником. Конечно, задача его несравненно легче бывшей Вашей; он нашел епархию устроенную, приведенную в порядок такой, какого, как он сам сознается, он и не ожидал; по тем не менее он горячо заботится обо всех предметах своего ведомства. Летом ловили карасей в Залучесье и вспоминали Вас и Ваше гостеприимство. Всё хочу построить постоянный мост к бывшей Вашей летней резиденции, да архитекторы насчитывают такие суммы, что руки опускаются.

До свиданья, Преосвященнейший Владыко. Придется ли мне поехать на юг, – с радостью увижусь с Вами, – придется ли Вам направить путь на север, я уверен, что Вы не минете нас и порадуете своим посещением искренно Вас любящую паству Вашу».

6-го числа был у меня, мимоездом из Витебска в Симферополь, учитель Витебского дух. училища Алексей Афанасьевич Соколов⁴¹². Серьезная болезнь заставила его переселиться с севера на юг, для пользования морским климатом.

8-го ч. из Витебска получил я письмо от почтенного преемника моего, преосвященного Викторина. Вот что он писал мне от 4-го числа:

«Позвольте приветствовать Вас с праздниками Рождества и Крещения нашего Господа и Спасителя и с новым 1876 годом. Даруй Вам, Господи, в новом году, и новых своих милостей!

Не гневайтесь на меня, Владыко Святый, что я с Пасхи не писал Вам. В трудах, заботах, беспокойствах служебных до переписок ли частных? Одни труды ещё бы не очень обременительны здесь; но заботы и беспокойства очень тяжелы. Вы знаете, каковы здесь сельские церкви? а правительство отпуск денег на них сокращает чуть не до нуля. Вы видели причтовые постройки, в которых зимой и жить невозможно; а прихожане, за неимением средств, отказываются не только возводить новые, но и починять обветшавшие. Где столько, и таких злых, грубых и развратных раскольников, как не в здешней епархии? А духовное начальство доселе не дало средств на миссионерство. А монастыри здесь в каком положении? Какой в них состав братства? Какой внутренний строй их быта? На них правительство денег не жалеет, а куда, на какое дело уходят эти отпускаемые на них тысячи? Вероятно, до Вас дошли слухи о не порядках по Полоцкому монастырю⁴¹³. О. Григорий⁴¹⁴ подал мне рапорт сначала об удалении от должности Казначей Филарета, потом другой рапорт об удалении его из епархии. Завязалось дело и пять месяцев не давало мне покоя. В Сентябре я послал туда о. Аркадия⁴¹⁵, поручив ему прожить там дней 10-ть и вести дневник о том, что увидит в церкви, в трапезе, в кельях. Полученный мною дневник я представил в подлиннике Св. Синоду. В ответ на это представление от 22 Декабря получен указ, в котором сказано: Арх. Григория послать в Белгородский Троицкий монастырь на иеромонашескую вакансию; на место его перевести из Пинска Арх. Мемнона⁴¹⁶, бывшего Ректора Подольской Семинарии; с монахами ненадежными поступать по указу Синода, от 17-го Июля 1841 года; для собрания же доброй братии отнестись к преосвященным, в епархиях коих отличаются благоустроенностью, – как, например, Святогорский, – монастыри. Знаю, что иным жаль о. Григория; и мне самому жаль его, но он же сам не жалел о. Филарета.

Успенский собор, слава Богу, освятили. Приношу Вашему Преосвященству искреннейшую благодарность за снабжение сего собора ризницею. Бог Вам воздаст за это! Вы знаете, каковы здесь жертвователи!

Смотрю на Ваши труды здесь. Много, много Вы здесь сделали добра, по введению православного чина Богослужений. Спаси Вас, Господи! Я называю Вас незабвенным, и приказал внести Св. имя Ваше в синодик во всех церквях епархии. Но, Владыко святой, сильно ещё нужно приложить труды для здешнего края. Особенно меня занимает теперь раскол. 50,000 отщепенцев! Св. Синод требует от меня соображений о мерах к ослаблению раскола. Слава Богу, что требует! Напишу соображения, но даст ли средства к осуществлению их? А как Вас здесь помнят и любят, Владыко! Завидую Вам. Нет, не завидую, а радуюсь за Вас и называю Витебск городом Архиереелюбивым.

Простите, что пишу бессвязно; пишу как к старшему брату, в надежде, что не осудит»...

13-го ч., преосв. Гурий⁴¹⁷, епископ Таврический, с Харьковской станции железной дороги прислал мне записку следующего содержания:

«Проездом в Петербург по моим делам, я совершенно неожиданно остановился на вокзале и буду сидеть здесь до 4-х часов ночи. Если Вы не особенно заняты и желаете принять меня ныне, то благоволите прислать экипаж на станцию железной дороги, и я явлюсь к Вам с обычным моим к особе Вашей уважением и почтением. Откровенно говоря, я отлагал было это удовольствие до Февраля месяца, т. е. до времени моего обратного путешествия до Симферополя. Но Господь судил иначе».

Само собою разумеется, что такая братская просьба с любовью была мною исполнена, и я радушно принял почтенного странника.

14-го ч. получено было мною письмо из Витебска от Баронессы М. А. Боде:

«Очень утешительно знать, что Вы, Преосвященнейший Владыко, не покидаете нас мыслию и следите за нашей деятельностью. Да, если бы наши средства были получше, мы могли бы действовать самостоятельнее и смелее. Большое спасибо Преосвященному Викторину, который близко принимает наши дела к сердцу и старается по возможности помочь нам.

Кроме одного % церковных сумм, мы обратились ещё к Духовенству с предложением дополнить ежегодный недочет суммы на содержание училища, если оно желает, чтобы училище содержало двойное число воспитанниц: ответа ещё не получили. Да, этот постоянный и неизбежный дефицит мучит меня и отравляет каждую минуту жизни. Я люблю детей; воспитанием занимаюсь с наслаждением, но эта вечная забота о насущном хлебе и об отчётах в казну совершенно убивает всякую энергию.

В нынешнем, году моё Правление *расходилось*, как говорится в просторечии. Смотритель поднялся на дыбы и ежедневно говорил мне дерзости, обвиняя меня во всех недочетах и предлагая меры, одну другой нелепее, для поправления дел; а Благодичный О. В. Волков даже вошел с официальным предложением совершенно устранить меня от управления училищем, «как доказавшую десятилетним опытом свою неспособность к делу», и предложил взять на себя всё училищное хозяйство бесконтрольно, обещая уплатить таким образом всю передержку. Смотритель меня начал уговаривать согласиться, приговаривая: «Вам же лучше будет, М. А.! Берите жалованье даром и отступитесь от всего». Как Вам это покажется?.. Я не могла же сама хвалить свои способности, однако сказала, что пока нахожусь на службе, не могу отступить от своих прав, так как в силу устава заботы о благоустройстве училища и ответственность за него лежит на мне. Дело пошло официально на утверждение Преосвященного; он написал: «Согласен, но с тем, чтобы всякое распоряжение делалось не иначе как с согласия Начальницы, письменно ею заявленного». Потом приехал в училище, куда пригласил и правление: подробно разбирал все статьи училищного хозяйства и управления, спрашивал: какую по каждому предмету экономию предполагает Благодичный?.. и, наконец, так как эта обязанность вовсе не на него возложена, то какую же награду он предполагает получить за труды свои? о. Василий простодушно признался, что выговаривает себе *только* продовольствие своего дома дровами, керосином, хлебом и проч... Преосвященный возразил, что этого он решительно не

дозволяет, что казенная копейка не должна приставать к его рукам – и притом – какая же это будет экономия? А что так как домашнее хозяйство лежит прямо на *обязанности Смотрителя по указанию Начальницы*, а Смотритель отказывается, отзываясь недосугом и неумением, то не угодно ли де будет Смотрителю вознаградить его, Благодичного, уделив ему *сто* рублей в год из своего жалованья?.. а если действительно хозяйство училища будет так улучшено, то Преосвященный сам представит Благодичного к награде. Они оба были поражены такою неожиданной развязкой; но, взятые врасплох, согласились... Но, так как каждый из них не нашел в этом распоряжении того, чего искал, то они теперь беспрестанно ссорятся между собою, и мне же приходится их мирить – такая скука! А что ещё выйдет из этого хозяйства – неизвестно. А тут ещё весь город об этом толкует, подсмеивается... Простите, Преосвященнейший Владыко, что я осмелилась утомлять Ваше внимание такими дрязгами.

Чтобы не все говорить одни жалобы, скажу, что училищу Высочайше дарована арендная статья – участок Сосница близ Полоцка, дающая около 150 рублей аренды; но, говорят, что могла бы давать вдвое больше. Жаль, что под Полоцком, а не под Витебском.

Прошу Вашего Архипастырского благословения и святых молитв и с глубочайшим почтением и душевною преданностию имею честь пребыть»...

17-го ч. служил я в Университетской Антониевской церкви по случаю храмового праздника и годовичного Акта в Университете. За литургией говорил проповедь профессор Богословия, протоиерей В. И. Добротворский⁴¹⁸ из текста: *преобразуйтесь обновлением ума вашего (Рим.12:2)*, – «об усвоении начал преобразования, возвещаемого и совершаемого христианством». После литургии был в Университетской зале акт, на котором присутствующих оказалось гораздо больше, чем в церкви за литургией; между посетителями был и Командующий войсками граф Сумароков-Эльстон. На акте произнесена была профессором Надлером речь на тему: «Юстиниан и партии цирка в Византии».

18-го ч., в воскресенье, после литургии, в моих покоях происходило открытие Харьковского Комитета Православного Миссионерского Общества. По предварительном сношении с начальником губернии и по приглашению через Епархиальные и Губернские Ведомости желающих принять участие в деятельности Миссионерского Общества, в собрание на первый раз явилось до 125-ти человек. После молитвенного начала, когда все собравшиеся в залу заняли свои места, я обратился к собранию со следующей речью:

«Достопочтенные о Господе отцы и братия!

Полагаю, что цель настоящего нашего здесь собрания для каждого из Вас уже известна. Да, – мы пригласили вас, и вы, как добрые и послушные чада церкви, пришли сюда, чтобы принять участие в добром и поистине великом деле христианском.

Шесть лет тому назад, высшее духовное правительство, с соизволения Верховной Власти, обратилось ко всем архипастырям православной русской церкви с приглашением оказать содействие учрежденному тогда и ныне существующему в первопрестольной Столице, под председательством ея высокоочтимого архипастыря, Совету Православного Миссионерского Общества, в доставлении материальных средств к поддержанию духовных миссий, которые с самоотвержением подвизаются в разных местах обширного сибирского края в деле обращения блуждающих во тьме язычества инородцев к свету евангельского учения. Многие из епархиальных преосвященных с любовью отозвались на приглашение высшей власти и без замедления поспешили открыть в своих епархиальных городах миссионерские комитеты.

Не время ли и нам откликнуться на это приглашение и последовать доброму примеру других? С уверенностью можно сказать, что вверенная нам, богохранимая харьковская паства, в рассуждении вещественных средств и способов для христианской благотворительности, преимуществует пред многими другими паствами. Впрочем, это не значит, что члены харьковской паствы обязаны делать непременно большие сравнительно с другими приношения на пользу православных

русских миссий. Нет, сущность истинной христианской благотворительности определяется не столько количеством вещественных приношений, сколько достоинством внутренних душевных расположений и побуждений, с какими и по каким делаются эти приношения. Вот какое наставление относительно благотворительности вообще преподает своему сыну древний благочестивый муж – Товит; *якоже тебе будет по множеству, говорит он сыну, твори от них милостыню; аще мало тебе будет, по малому да не боишися творити милостыню* (Тов.4:8). – Но в том и другом случае *весело имей лице твое*, как бы дополняет это отеческое наставление другой ветхозаветный муж – Иисус, сын Сирахов (Сир.35:8). А новозаветный великий учитель языков, Св. Ап. Павел, как бы в пояснение уже слов сына Сирахова, пишет Коринфским христианам: *каждый уделай (из своего имущества) по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог* (2Кор.9:7).

Итак усердно приглашаем Вас и всех возлюбленных о Господе чад вверенной нам паствы, по мере возможности, споспешествовать денежными и другими вещественными приношениями к поддержанию существующих в пределах и даже за пределами нашего отечества православных миссионерских учреждений и к расширению круга их благотворной деятельности на поприще евангельской проповеди»⁴¹⁹.

Председательство в новооткрытом Комитете поручено было мною Викарию, Преосвященному Вениамину, а в звании Товарища Председателя приглашен старший председатель уголовного департамента Харьковской судебной палаты, действ. Ст. Сов. Николай Иванович Ланге: 6-ть членов Комитета и столько же к ним кандидатов избраны были посредством баллотировки.

Таким образом, с Божией помощью, положено было начало доброму делу.

23 ч. получено было мною анонимное письмо о беспорядках в Хорошевском Вознесенском монастыре, управляемом игуменьей Олимпиадой, в котором между прочим упоминается

имя графа Девиера. С именем Девиера припоминается прискорбная история, происшедшая в Хорошевском монастыре в бытность на Харьковской кафедре преосвященного Филарета Гумилевского. Граф Девиер, не отличаясь благонаравием, посещая женский Хорошев монастырь, заметил там красивую послушницу, мещанку Татьяну, соблазнил её и женился на ней. Такой бесчестный поступок со стороны развратного графа, разумеется, не мог не оскорбить сестёр обители и в особенности настоятельницу игуменью Антонину⁴²⁰. Мало того: граф Девиер, женившись на послушнице, имел бесстыдство являться со своей молодою женой в монастырь, и тем ещё большую причинял скорбь монахиням. Но и они, в свою очередь, не остались в долгу перед наглым посетителем. Однажды, когда он выходил уже из монастыря со своей женою, разряженной по последней парижской моде, кто-то со стены облил их грязными помоями. Это было 29-го Августа 1857 г. Взъярился гневом оскорбленный граф и тотчас начал судебный процесс. Скандальное дело это доведено было до Высочайшего сведения. Для исследования происшествия командирован был из Москвы архимандрит Данилова монастыря Иаков⁴²¹. Дело⁴²² окончилось тем, что игуменья Антонина удалена была от управления монастырем, а преосвященный Филарет переведён на Черниговскую епархию.

24-го ч. писал я в СПб. преосвященному Макарию, архиепископу Литовскому:

«Мне сделалось известным, что 28-го сего Января – в день годовщины моего вступления на Харьковскую кафедру исполнится 25-я годовщина возведения в епископский сан Вашего Высокопреосвященства. Примите же от меня по сему случаю, Ваше Высокопреосвященство, искреннейшее душевное приветствие.

Двадцать пять лет служения православной церкви в сане епископском, и такого служения, каково Ваше – не малый и не легкий подвиг. Да воздаст же Вам божественный Подвигположник и Пастыреначальник, Господь Иисус Христос, за ваши двадцатипятилетние архипастырские труды и подвиги, Своею великою милостию и щедротами и да благословит Вас на

дальнейшие многолетние подвиги служения, к славе Своего Пресвятого имени и ко благу православной отечественной церкви!

Нельзя не радоваться при известиях, что многоученые богословские труды Вашего Высокопреосвященства более и более становятся известными за пределами отечества и обращают на себя справедливое внимание иностранных ученых. Это не может не послужить рано или поздно на пользу нашего восточного православия; и в этом Ваша новая, великая заслуга для Православной Церкви».

Вечером 27-го числа присылал Полицеймейстер в мою Канцелярию солдата спросить, можно ли допустить под праздник Сретения Господня маскарад. С подобными нелепыми вопросами впоследствии не раз обращались и лично ко мне полицеймейстеры и сами антрепренеры разных светских увеселений, но каждый раз получали, разумеется, отрицательный ответ.

28-го числа исполнился год, как я прибыл в Харьков и вступил в управление новой, мне вверенной, епархией. В этот день первой моей годовщины, первый и старейший из Харьковских священнослужителей, настоятель Кафедрального собора, протоиерей Александр Кустов обратился ко мне со следующим письменным приветствием:

«Преосвященнейший Владыко!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Настоящий день есть венец нового лета Вашего, Преосвященнейший Владыко, управления Харьковскою паствою.

Примите мое усердное поздравление с сим, при молитвенном желании, чтобы Давший благодатно нам в лице Вашем доброго и мудрого Архипастыря умножил лета и драгоценное здравие Ваше, к счастью и радости пасомых, между коими, с глубочайшим сыновним почтением и преданностью имею счастье быть всегда к Вам, Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец, Вашего Преосвященства покорнейший послушник».

В тот же день я сам писал в Москву – к Преосвященному Леониду и графине А. Г. Толстой.

Первому я писал краткое послание в таких выражениях:

«Посылаемую при сем книжку⁴²³ благоволите в свободные часы прочитать и произнести о ней Ваш правдивый и беспристрастный суд. Скажите, в самом деле, по сущей правде, не погрешил ли я, допустивши напечатать эту книгу?

В ожидании Вашего приговора, с братскою о Христе любовью и сердечной преданностью имею честь быть».

Второй, т. е. Графине Толстой, писал я несколько пространнее, а именно, вот что было писано:

«Приношу Вам усерднейшее поздравление с днем Вашего ангела. До хранит Вас благость Божия во здравии на многия лета, к утешению всех, Вас почитающих и Вами благодетельствуемых.

Простите, что я до сих пор не поблагодарил Вас за внимание к моему ходатайству об оказании помощи Витебскому Успенскому Собору. Протоиерей этого собора⁴²⁴, бывши у меня в Харькове, с чувством глубокой признательности передавал мне о сделанном Вами щедром пожертвовании.

Препровождаемую при сем книжку благоволите принять от меня вместо именинного дара. При сем позвольте надеяться, что Вы не огорчитесь, если на страницах этой книги не раз встретите Ваше досточтимое имя».

29-го ч. имел я удовольствие получить в дар «Слова, поучения и речи»⁴²⁵ Высокопреосвященного архиепископа Евсевия⁴²⁶, экзарха Грузии, при печатной записке от 8 Дек. 1875 г. за № 10951, циркулярно разосланной архиереям из Хозяйственного Управления при Св. Синоде, где Директором сего Управления служит родной племянник Экзарха, Действительный Статский Советник Андрей Григорьевич Ильинский⁴²⁷.

30-го ч. писал мне из СПб. преосвященный Макарий, архиепископ Литовский, в ответ на приветственное письмо от 24-го числа:

«Вы так добры и внимательны ко мне, что не пропустили случая почтить меня братским приветствием и в

знаменательный только лично для меня день. И хотя я не праздновал и не думал праздновать этого дня, тем не менее я не мог не принять от Вас, как и от некоторых других лиц из Харькова, заявления благожеланий мне без особенного удовольствия. От всей души благодарю Вас.

Поручая себя молитвам Вашим, с искренним почтением и совершенною преданностью имею честь быть...

Сию минуту, как только я окончил настоящее письмо к Вам, Преосвященнейший, мне подали приветственное письмо от всего духовенства города Харькова, немного опоздавшее. Покорнейше прошу Вас, Милостивый Архипастырь, передать этому почтенному духовенству и другим лицам, подписавшим письмо, мою искреннюю и совершенную признательность».

31-го ч. получил я письмо от Инспектора Московской Д. Академии С. К. Смирнова. Он писал мне от 28-го числа:

«Простите меня за долговременное безмолвие. Я ожидал времени, чтобы сообщить Вам известие о новом Ректоре нашей Академии. Известие это, и притом неофициальное, впрочем, вполне верное, получено только на сих днях, именно: 21 Января Ректором назначен о. Михаил. Назначение, надобно признаться, прямое и верное. Академия рада, что нам дают начальника не стороннего.

Вы вопрошаете о наследстве после покойного о. Ректора⁴²⁸.

Вещи и деньги (последних только до 500 р.) по завещанию назначены сестре покойного Юлии Васильевне, которая жива и до сих пор живет в посаде; а книги все завещаны в Академическую библиотеку⁴²⁹. Бумаги и рукописные сочинения по завещанию представлены в распоряжение будущего Ректора. В бумагах много любопытного: есть дневники, даже студенческие; есть много записок, дорогих для оценки нравственного характера о. Ректора. Вся переписка цела: ни одного письма, ни одной записочки покойник не уничтожал. Все бумаги разобраны мною с Кудрявцевым и Субботиным и запечатаны⁴³⁰. Молю Господа, чтоб даровал мне силы писать его биографию».

На это отвечал я от 3-го февраля:

«Поздравляю Вас с новым начальником: да будет он по сердцу Академии! Итак видно, что петербургский гнев преложен на милость.

Что же Академия думает делать с письменными сокровищами, оставленными ей в наследство А. В.? Как желательно, чтобы все, как печатные, так и рукописные, ученые труды покойного были изданы без замедления. Я уверен, что издание это не будет в ущерб для академии. Вам же да поможет Господь составить биографию, достойную имени великого ученого мужа!

А думает ли кто-либо из Вашей ученой братии писать биографию почившего в Бозе великого Филарета? Пора бы, кажется, об этом позаботиться. Не за горами уже и столетняя годовщина⁴³¹ покойного Владыки. К этому времени, без сомнения, должно быть приготовлено полное его жизнеописание. Недавно объявлена была в Моск. Ведом. книга, под заглавием: «Очерк жизнеописания Филарета, митр. Московского» – Толычевой. Я поспешил было выписать её, но мне отвечали, что такой книги вовсе не было издано.

Скоро ли Ваш зять о. Константин⁴³² выдаст 3-й т. сочинений покойного Владыки, и сколько предполагается всех томов?»

2-го февраля получено было мною письмо из Москвы от бывшего предводителя дворянства Сумского уезда (Харьк. губ.), Николая Дмитриевича Кондратьева; он писал мне от 30-го января:

«На днях узнал я, что в одном из №№ (46-м за 1875 г.) «Гражданина» была помещена корреспонденция из Сум, в которой, между прочим, приведен разговор между Вашим Преосвященством и мною, но разговор этот передан не в той форме, или лучше сказать, не в том духе, как он происходил.

На сетования мои, что в Слободе Низшей Сыроватке и ещё где-то Священники не преподают Закон Божий, Ваше Преосвященство изволили милостиво сказать, что, весьма сожалея о происшедшем, прикажете принять все надлежащие зависящие от Вас меры, дабы устранить подобные явления; вообще, Владыко, Вы так сердечно и благосклонно отнеслись к

вопросу, составляющему насущную потребность всего общества! (говорю о деле народного образования).

Предоставляя себе при личном свидании разъяснить Вам, каким образом, по моим соображениям, помянутая статья появилась в Гражданине, я счел своей обязанностью *немедленно* печатно восстановить истину, и так как в печати появился наш разговор, то следует сделать его вполне правдивым и ввести в него тот дух глубокого сочувствия к делу образования, с которым Вы, Милостивый Архипастырь, изволили принять моё заявление.

Позвольте мне за сим поручить себя молитвам Вашего Преосвященства и почтительнейше просить принять уверение в глубочайшем уважении и преданности, с которыми имею честь быть»...

Поводом к этому письму послужила небольшая статья, помещенная в № 46 издаваемого Князем Мещерским журнала «Гражданин», 1875 года, под заглавием: «Священники не хотят учить Закону Божию в народных школах». Под статьею подписано: «Сумец».

Вот сущность этой статьи:

В Сумском уезде, Харьковской губернии, священники отказываются обучать в народных школах Закону Божию – одни, потому что просто не хотят учить безвозмездно, другие, потому что будто бы не имеют на обучение детей Закону Божию свободного времени.

Епархиальный архиерей, на представление ему о нежелании духовенства Сумского уезда учить детей Закону Божию в сельских школах, ответил Сумскому предводителю дворянства: *«Что мне делать? я ничего не могу: заставить священников учить Закону Божию я не имею права»*.

Слышать из уст епархиального архиерея, – заключает свою статью Сумец, – что входить в это дело он не может и не хочет, – невыразимо больно и грустно».

Вслед затем, в № 6-м того же журнала за 1876 г. от 8-го Февраля (стр. 154), напечатано от бывшего предводителя сумского дворянства, г. Кондратьева, заявление, что он действительно, в бытность свою в Харькове, говорил

Преосвященному при свидании о случаях нежелания священников быть законоучителями, тем более прискорбных, что наряду с ними есть священники всею душой посвящающие себя этому высокому и крайне нужному делу.

Милостиво выслушав заявление г. Предводителя дворянства, преосвященный сказал, что он весьма сожалеет о случившемся и примет все зависящие от него меры, дабы устранить подобные случаи. Вообще Преосвященный высказал тёплое и полное сочувствие как в этом частном вопросе, так и вообще во всём, что касается народного образования и участия в нем местных священников».

Впоследствии, при личном свидании со мною Н. Д. Кондратьева, выяснилось, что корреспондент «Сумец» никто иной, как сам сиятельный редактор Гражданина, князь Мещерский. Они, встретившись в Москве с г. Кондратьевым, как старые знакомые, разговорились между собою о том о сем, коснулись, между прочим, вопроса о народном образовании. Кондратьев жаловался ему на некоторых священников Сумского уезда, не желавших заниматься преподаванием Закона Божия в сельских школах и при этом сообщил краткий разговор свой со мною по этому поводу, но Его Сиятельство, по рассеянности ли или по другой какой причине, не вникнув в сущность этого разговора, по возвращении своём в СПб., сочинил означенную выше корреспонденцию и подписался под ней: «Сумец».

Так-то фабрикуются провинциальные корреспонденции наших столичных журналов и газет!..

3-го Февраля, в день именин Кафедрального Ключаря, Протоиерея Симеона Илларионова, бывшие прихожане его слободы Беловодска, Старобельского уезда, мещанин Нарышкин и государственный крестьянин Рагозин, уполномоченные от своего общества, представили мне докладную записку следующего содержания:

«Будучи уполномочены Беловодским Обществом на поднесение наперсного креста, украшенного драгоценными камнями, высокочтимому бывшему нашему Духовному Пастырю Отцу Протоиерею Симеону Алексеевичу Илларионову за его полезную деятельность в нашем крае, мы явились сюда в

Харьков исполнить этот высокий и приятный долг; но, так как не последовало до сего времени Высочайшего разрешения на поднесение креста, то осмеливаемся просить Вас, Милостивейший Владыко, в случае, если последует означенное разрешение, возложить на протоиерея Илларионова приносимый крест и утешить наше общество уведомлением об исполнении его задушевных желаний».

Цня такое усердие бывших прихожан к своему достойному пастырю, который теперь, на новом месте служения, со всей преданностью служит мне, я вручил просителям, в благословение всем прихожанам, икону Озерянской Б. Матери.

Ответом на этот священный дар был адрес от Беловодских прихожан, заключающийся в следующих выражениях:

«Преосвященнейший Владыко Савва, Милостивейший Архипастырь и Отец!

«Уполномоченные от нас Василий Михайлов Нарышкин и Петр Тимофеев Литвинов, возвратившись из Харькова, доставили нам от Вашего Преосвященства образ Озерянской Божией Матери на благословение нам.

Глубоко тронуты, Ваше Преосвященство, наши сердца Вашей Архипастырской любовью, к нам. С великою радостью мы приняли образ Царицы Небесной, торжественно внесли в наш храм и принесли молитву о Вашем Преосвященстве, о пастырях и паствах Святой Православной Церкви и о незабвеннейшем нашем отце Протоиерее Симеоне Илларионове. Да пошлет нам Господь Бог и в будущем пастырей целых, честных, долгоденствующих, право правящих слово истины, и да исполнит наши сердца любовью так, чтобы мы были едино стадо.

Докладывая о сем Вашему Преосвященству, мы всеусерднейше благодарим Вас за пример любви, который Вы явили в присылке образа Озерянской Божией Матери.

Помолитесь, Преосвященнейший Владыко, чтобы Царица Небесная открыла наши сердца к Божественной сей любви».

К сожалению, представленный мне наперсный крест, не мог быть скоро возложен на почтенного о. Протоиерея, так как он в минувшем лишь году получил в награду наперсный крест от Св.

Синода. Нужно было ожидать для испрошения Высочайшего соизволения, на принятие от прихожан и ношение креста, узаконенного трехлетнего срока.

Вечером 5-го числа был у Графа Ф. И. Сумарокова-Эльстона и, между прочим слышал от него очень интересный рассказ о присутствовании его, в качестве представителя Государя Императора, при бракосочетании Сербского Князя Милана⁴³³, при чем видел портрет Княгини⁴³⁴. Вот какие особенности, по словам графа, наблюдаются в Сербии при бракосочетаниях: кум (по-нашему дружка) держит в руках две пудовые свечи, снимает у жениха и невесты перстни и переменяет их, пьет вместе с брачующимися красное вино. При невесте бывает деверь – мальчик 6–7-ми лет, который в первые три ночи после брака ложится в постели между новобрачными. О Князе Милане граф сообщал, что он ленив и не любит заниматься военными экзерцициями. Политическое и общественное (социальное) положение Сербии неудовлетворительно: существуют партии. Митрополит Михаил⁴³⁵ принадлежит к партии «Омладины», враждебной Князю, и через то возбудил против себя нерасположение русского правительства.

6-го ч. получил я письмо из Витебска от архимандрита Григория, удаленного от настоятельства в Полоцком Богоявленском монастыре и посланного в Белгородский монастырь, Курской епархии, в число братства. Вот что писал мне от 2-го числа этот злосчастный изгнанник:

«В продолжении 34-хлетней службы моей в сане священства я, безукоризненной жизнью своею и ревностным исполнением возлагаемых на меня обязанностей, всегда обращал на себя внимание Епархиального Начальства, и оно до сего времени благосклонно ценило труды мои по должностям мне вверяемым.

По прибытии Преосвященного Викторина на Кафедру Полоцкой епархии не прошло и полгода, и я сделался дурным до того, что стал уже нетерпим в Полоцкой епархии, и вот, вследствие секретного представления Его Преосвященства, Св. Синодом низведен в настоящее время с должности настоятеля

монастыря и переведен в Белгородский монастырь Курской епархии на иеромонашескую вакансию. Такого важного преступления, за которое следовало бы такое тяжкое наказание, за мною не было и нет. Вашему Преосвященству я лично известен; кроме забот о благоустройстве монастыря ничего более не делал и не сделал. За что же такая немилость ко мне Преосвященного Викторина, я не понимаю.

Помогите мне, Ваше Преосвященство, Вашим заступничеством за меня. Скажите, кому найдете нужным и возможным, слово защиты за меня. Милосердным Богом прошу Ваше Преосвященство об этом. Волю Св. Синода я беспрекословно обязуюсь исполнить, но я не знаю и теряюсь, за что сложилась на меня такая беда и как облегчить свои страдания. Опять обращаюсь с покорнейшею и усерднейшею моею просьбой к Вашему Преосвященству: помогите мне, Преосвященнейший Владыко! Между людьми другого помощника и защитника, кроме Вас, я не имею. Уповаю, что Ваше любвеобильное сердце не откажет в своей помощи.

Монастырь я сдал и, не успев после болезни оправиться совершенно, 17-го января я отправился из Полоцка к месту назначения; но, доехав до Витебска, заболел опять. В дальнейший путь намерен, если дозволит врач, отправиться в конце этой недели, или в начале наступающей (масленой).

Испрашивая Архипастырского Вашего благословения, имею честь быть верно и искренно привязанным к Святительской Особе Вашей».

6-го же числа писал я в Витебск Начальнику губернии П. Я. Ростовцеву:

«Душевно радуюсь и благодарю Бога, что разъяснились, наконец, наши взаимные недоразумения и восстановились прежние добрые отношения. Несомненным доказательством этого служит для меня Ваше дорогое письмо. После сего остается только желать личного взаимного свидания там или здесь, на пути к северу, или югу. Но Ваше путешествие на юг зависит от Вашей доброй воли, а мой путь к северу не в моей власти. Что, если бы Вы, в самом деле, предстоящим летом, вздумали прокатиться в Крым, где, говорят, красоты природы

едва ли не восхитительнее заграничных; какое истинное удовольствие доставили бы мне своим посещением? Как приятно было бы мне, в моем здешнем загородном доме, вспомнить с Вами о Витебском Залучесье! Мы и здесь так же, как и там, устроили бы в небольшом пруде, который я прошедшею осенью приказал вырыть и наполнить карасями и другими водными тварями, рыбную ловлю! Откровенно, искренно побеседовали бы здесь о многом и многом из недавнего прошедшего.

28-го января исполнился год моего пребывания в Харькове; в это время немало воды утекло в здешних мелких, мутных речках, но мною пока ещё не очень много сделано на пользу моей новой паствы. Если, впрочем, позвольте мне похвалиться своей деятельностью, то в течении года я успел сделать следующее: холодный Кафедральный собор сделал тёплым с устройством такой же печи, какую нагревается Витебский собор; 18-го минувшего янв. открыл в Харькове, по примеру Витебска, Миссионерский Комитет, который принят здесь с большим сочувствием. Членами миссионерского общества изъявили желание быть многие из высокопоставленных здешних особ, в том числе, кроме Начальника губернии, новый Командующий войсками Граф Сумароков-Эльстон, который с первого дня своего прибытия в Харьков засвидетельствовал своё благорасположение к церкви и духовенству.

На днях окончилась здешняя знаменитая Крещенская ярмарка. Я ожидал от неё большого шума, но она прошла для меня почти незаметно; только человека три – четыре из моих московских приятелей время от времени посещали меня. Нынешняя ярмарка, по стечению, разных неблагоприятных обстоятельств, была для всех без исключения торговцев самая неутешительная; за то погода и в городе дорога были и теперь продолжают быть самые благоприятные. Нынешняя зима в Харькове, как и везде, одна из самых необыкновенных зим: с конца Ноября и до сих пор постоянные морозы, доходившие нередко до 30°, при глубоком снеге. После такой суровой зимы ожидают здесь приятной весны и хорошего урожая, который в прошедшем году был очень неудовлетворителен.

Вас, достопочтенный П. Я., я считаю у себя в долгу. Вы давно обещали мне пожаловать, на память Ваш портрет или, по крайней мере, фотографическую карточку, но до сих пор не исполнили этого обещания».

9-го ч. дана была мною относительно заштатного протоиерея Дюкова, пребывавшего на покое в Святогорской пустыни, следующая резолюция:

«Протоиерей Гр. Дюков, которому, на старости его лет, Святогорская пустынь дала мирное пристанище, вместо того чтобы остаток дней своих употребить на приготовление к достойному переходу в вечность, позволяет себе вмешиваться в монастырские дела, до него не касающиеся, обременяет Епархиальное начальство неуместными бумагами, пишет и печатает в журналах неосновательные статьи, оскорбительные для монастырского начальства и вообще нарушает мир и спокойствие обители. Посему, как для собственного душевного блага прот. Дюкова, так и для спокойствия Святогорской обители, признаю потребным перевести его, Дюкова, на жительство в Троицкий Ахтырский монастырь, а если не желает перейти туда, отдать на попечение родственников».

10-го ч. получил я из Москвы от Графини А. Г. Толстой письмо, в котором она от 8-го числа писала мне:

«Письмо Вашего Преосвященства с книгой я имела счастье получить и приношу Вам глубочайшую благодарность за теплую обо мне память и дорогой подарок. Ваше Преосвященство, по любви о Христе к моему недостоинству, изволите желать мне здоровья на многия лета, а я не знаю сама чего желать: жизни ли? – умножатся грехи; смерти ли? – боюсь суда и вечного осуждения. Дни идут за днями, несут за собою столько благодеяний от руки Божией, вот и утраченное зрение моё мне возвращено, я уже и более не слепа, а на душевных очах всё тот же катаракт, дух мрачен, покаяния нет. Надо бы пожить ещё, чтобы поплакать, а кто ручается, что будут слезы?

Прошу Ваше Преосвященство помолиться обо мне, благословить наступающий подвиг поста и покаяния, помянуть моё недостоинство пред престолом Всевышнего. Верую и любовь поручая себя Вашим святым молитвам, приношу

Вашему Преосвященству мою беспредельную и глубочайшую благодарность».

11-го числа получил я письмо из Владимира от Преосвящ. Иакова Муромского; он писал мне от 10-го числа:

«С наступающим постом имею честь поздравить Ваше Преосвященство и желаю Вам, как и себе совершить его душеспасительно и достигнуть Св. Пасхи.

Владыка⁴³⁶ мой хиреет и частенько похварывает горлом, а ноги постоянно ему изменяют, в коленках ощущает ломоту.

Из-за ног идет на покой Преосвящ. Волынский⁴³⁷, просит помещения в одном из наших монастырей; Владыка предлагает ему выстроить себе домик в Шартомском монастыре, верстах в 12 от Шуи и от родины его; Ему хотелось бы сесть в Боголюбове, но здесь свои помещаются, и строиться негде. На днях послано ему извещение.

Кавказскому Владыке⁴³⁸ просившемуся на покой отказано, как пишут нам из Питера: молод-де.

8-го февраля, в прошлое воскресенье, по молитве открыл я, с благословения Владыки, епархиальную библиотеку, в коей собрано до 4000 книг всякого рода. Здесь, по воскресеньям, будут чтения для простого народа и собеседования с раскольниками. Помолитесь, чтобы Господь благословил начинания наши успехом.

В Муроме думаю построить сосновые келии над настоятельским корпусом, чтобы мне, когда приеду, воспользоваться добрым помещением. Внизу сыро и мрачно. Деньги дает г-жа Ермакова⁴³⁹.

Иван Гр. Соколов⁴⁴⁰, помощник смотрителя дух. училища, оставляет училищную службу. Обещают ему дать за 40-летнюю службу в пенсию полное жалованье. Старичка, вероятно, изволите помнить. Ходит всё в той же шинели, какую надел 40 л. назад, но ещё бодр и не потерял энергии.

Как-то Вы изволите поживать? Осмотрелись ли, привыкли ли?

Дай Бог Вам долгоденствовать и благоденствовать».

В ответ на это писал я от 16-го числа:

«Усерднейше благодарю Вас за память.

Николо-Шартомский монастырь, который Вы рекомендуете для жительства Преосвященному Волынскому, в четырех верстах от моей родины – села Гориц. Были ли Вы в этих местах?

Кавказский Преосвященный в Сентябре минувшего года, мимоездом из Петербурга, гостил у меня дня три и действительно жаловался на расстройство здоровья и на затруднительность своего положения при разных столкновениях с высшими светскими властями.

Недавно проезжал через Харьков в Петербург Преосвящ. Таврический (Гурий) для совещания с Боткиным⁴⁴¹ о какой-то серьезной болезни. Не вздумал бы и этот проситься в отставку?

После сего, что же удивительного, если Ваш Владыка, который летами едва ли не старше Волынского, начинает чувствовать телесные немощи? Но да сохранит и подкрепит его Господь ко благу Владимирской паствы, которая, как слышно, им очень довольна!

Ректор Влад. Сем. (Павел)⁴⁴² был здесь Инспектором. Мне интересно бы знать, каких он качеств; не откажитесь, пожалуйста, на сей раз удовлетворить моему любопытству.

Достопочтенному Ив. Гр. Соколову прошу передать мое душевное почтение; я с давних пор привык его искренно уважать.

Доброе дело сделали Вы, открывши публичную епархиальную библиотеку».

12-го числа приглашал меня к себе на обед Командующий войсками, Граф Сумароков-Эльстон, но, по случаю известия о кончине В. Княгини Марии Николаевны⁴⁴³, обед отложен до другого времени.

Это же печальное известие остановило, в самом разгаре, масленичные увеселения в Харькове и возбудило в страстных любителей спектаклей немалый ропот. Вскоре однако же разрешены были прерванные забавы, и будто бы вследствие предсмертной воли В. Княгини!..

13-го числа неожиданно получил я из СПб. печатный экземпляр письма и – от кого бы, вы думали? От князя В. П. Мещерского – того самого князя, который так недавно и так

недобросовестно оклеветал меня в своём пресловутом «Гражданине», который впоследствии сделался *космополитом*, удалившись в Берлин.

Вот содержание княжеского, очевидно, циркулярного послания:

«Милостивый Государь!

Книжку «Речи Консерватора»⁴⁴⁴, как изложение честных и искренних убеждений русского дворянина, позволяю себе препроводить к Вам с мыслию, что она, быть может, удостоится Вашего внимания и будет Вами прочтена.

Д. С. Сов. князь Владимир Мещерский.

На случай, если Вам не угодно было бы её читать, препровождаю почтовые марки для отсылки ко мне её обратно под бандеролью.

Если же Вам угодно книгу эту оставить у себя, то 2 р. за неё просил бы переслать по следующему адресу: В С.-Петербург, Надеждинская, д. № 39, князю Владимиру Петровичу Мещерскому».

Как ни оскорбительна такая бесцеремонность сиятельного писателя и издателя, но я посовестился возвратить ему, с приложением присланной им марки, книгу. Приказал своему секретарю Зверинскому послать Его Сиятельству 2 рубля, а книгу оставил у себя, хотя и не имел ни времени, ни охоты прочитать её, как ни восхвалял её сам автор.

На другой день, 14-го ч., получил я письмо от другого князя – из Витебска. 10-го числа писал мне оттуда Управляющий жандармскою частью, Князь Влад. Яковл. Шаховской⁴⁴⁵:

«От всей души приношу Вашему Преосвященству мою сердечную благодарность за любезную присылку книги: «Прощание»; книга эта послужит для меня и семейства моего лучшим воспоминанием о том прекрасном времени, в которое Ваше Преосвященство находились в среде нас – Витебчан, всегда любящих Вас и всегда благодарных Вам за ту несомненную пользу, которую Вы, за время Вашего здесь служения, принесли нашей Святой Православной Церкви, а следовательно и дорогому для всех нас русскому, в этом краю, делу.

Да сохранит Господь Ваше Преосвященство ещё на долгие и долгие лета для того, чтобы Ваше действительно просвещенная деятельность принесла и в другой епархии столько пользы Православной Церкви, сколько здесь»...

23-го числа, формальным отношением за № 25, доводил я до сведения Председателя Православного Миссионерского Общества, высокопреосвященного Митрополита Московского Иннокентия, об открытии мною в Харькове Комитета сего общества. Вот что писал я Его Высокопреосвященству:

«Долгом считаю благопочтительнейшее сообщить Вашему Высокопреосвященству, что 18-го минувшего января мною совершено открытие Харьковского Комитета Православного Миссионерского Общества, после чего председательство в Комитете предоставлено мною, на основании примеч. к 4 § Устава Общества, Викарию Харьковской епархии, Преосвященному Вениамину, Епископу Сумскому.

Препровождая при сем копию акта и брошюру об открытии Харьковского Комитета, с истинным высокопочтением и сыновнею преданностью имею честь пребыть».

29-го ч., в воскресенье 2-й недели В. Поста, мне пришло на мысль отправиться к поздней литургии в приходскую Троицкую церковь, где постоянно пел частный хор певчих под руководством регента Литинского, имевшего аттестат от Придворной певческой Капеллы. Об этом хоре много доходило до меня разноречивых толков: одни превозносили его до небес похвалами, другие находили пение его слишком изысканным и театральным. Мне захотелось лично проверить эти разноречивые толки, и вот результат моего наблюдения: пение оказалось на мой вкус стройным и довольно скромным. Одно замечание сделал я регенту: вместо Причастного стиха не уместно пели песнь Страстной седмицы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой»... Но за то несколько замечаний я должен был сделать совершавшему литургию, Настоятелю церкви, протоиерею *Н. Лашенкову*⁴⁴⁶; особенно удивил и поразил меня прием протоиерея при напоении Агнецв Св. Кровию; он весь Агнец опускал в потир, и затем снова ещё напоял Св. Кровию посредством лжицы. – На мой вопрос: откуда он заимствовал

такой обычай, – он отвечал: от предшественника своего – тестя, который, надобно заметить, по своему происхождению, принадлежал к одной из юго-западных епархий, и след. оттуда принес этот странный обычай. Но я нашел в Харькове и некоторые другие обычаи, чуждые русской православной церкви и занесённые сюда с запада, как, например, обливательное крещение, звонки на преждеосвященной литургии при перенесении Св. Даров и проч...

В тот же день вечером была у меня, мимоездом из СПб., монахиня Екатеринославской епархии Мария, учредительница женской общины во имя Иосифа Обручника. – В разговоре со мною она называла себя то сестрою *Полнера* – Сенатора (бывшего прежде в Св. Синоде юрисконсультom), то его соседкой по имению. Она неотступно требовала от меня, чтобы я упросил кого-либо из своих знакомых в Москве устроить для её общинской церкви иконостас; и чтобы склонить меня к исполнению её просьбы, она слишком много наговорила мне всякого рода любезностей, но я все-таки отклонил её просьбу. Но она и после сего не раз осаждала меня просительными письмами. Монахиня – энергическая и назойливая.

2-го марта получено было мною письмо из-за границы, из Ментоны (во Франции), от В. М. Бостанжогло.

Вот что писал мне от 22-го февраля В. М. Бостанжогло.

«Тысячу раз извиняюсь, что по сие время не отвечал Вам, Владыка Святой, на Ваше почтеннейшее письмо от 8-го января. От искреннего сердца и я и жена благодарим Вас и за поздравления, и за все пожелания. Помогите только, Господи, избавиться от моей тяжкой болезни и пожить ещё на белом свете, придерживаясь Его Святых заповедей, как неоцененного символа человеческого благополучия.

Да, Милостивый и добрый Архипастырь! тяжелая доля выпала для меня в жизни – болезнь моя; я не тужу ни о потерях материальных по случаю катастрофы с Банком, ни о чем другом, а имею одно упование, одну надежду на милость Господню, которая видимо, по сие время, оказывается ещё мне недостойному, молитвами наших Святителей Российских и других православных людей, призывающих на меня

Милосердие Божие и Его Божественную благодать, всегда немощная врачующую. Продолжайте же, добрый Архипастырь и Святитель Господень, возносить Ваши о мне грешном благоприятные молитвы, и Господь услышит их от места Святого Своего и пошлет мне исцеление от недугов моих.

Приветствую Вас со Святыми днями великой четыредесятницы и желаю провести их в добром здравии и встретить Светлый Христов праздник среди Вашей Богохранимой паствы и православного Харьковского населения.

Здоровье мое посредственно и сносно; я гуляю и пешком и прокатываюсь в экипаже почти ежедневно; одышка есть ещё и едва ли совсем пройдет когда-нибудь. Погода теплая – наш Май.

Усерднейше благодарю Вас за книжку о прощении Вашем с Полоцкой и вступлении в Харьковскую Епархию. Изумляемся, читая, сколько Господь помог Вам сделать в Ваше 8-летнее управление Полоцкой паствою. Вы не забыли, Владыко Святой, и нас грешных всех упомянуть в блистательном отчете Вашем. Нет сомнения, что и Харьковская паства поймет своего Архипастыря скоро так, как его поняла Полоцкая.

Жена моя свидетельствует Вам глубочайшее почтение. Оба мы испрашиваем Вашего Святительского благословения.

Р. S. На праздниках думаем переехать в Ниццу. Если вздумаете написать нам, то надо адресовать так: Monsieur Basile Bostandjoglo à Nice (France) poste restante».

В ответ на это писал я от 26-го Марта:

«Не знаю, по какому календарю Вы, пребывая за пределами Отечества, будете праздновать Св. Пасху – по нашему ли православному, или по западному – римскому; во всяком случае прошу принять от меня искреннее душевное приветствие с приближающимся Светлым и всерадостным праздником Воскресения Христова. Воскресший из гроба Божественный Жизнодавец да оживотворит Ваш дух и обновит Ваши телесные силы Своею всесильною благодатию!

Долго ли ещё располагаетесь пробить за границей? Скоро ли намерены возвратиться в родную Москву? Николай Александрович⁴⁴⁷ мне говорил, что путь из Ниццы в Москву

можно с удобством совершить через Киев, а следовательно, и через Харьков. Что, если бы Вы, при возвращении из-за границы, рассудили избрать этот путь, и таким образом доставить мне истинное удовольствие видеться с Вами?

Что скажу Вам о себе? Благодарение Господу, пока всё у меня благополучно. Дела служебные идут небезуспешно. Веду жизнь, по крайней мере, в настоящие дни Четыредесятницы, почти затворническую, – ни сам никуда не выезжаю, ни у себя почти никого не вижу. Недавно вызывали меня на довольно далекое путешествие – приглашали на погребение Преосвящ. Волынского, Архиеп. Агафангела⁴⁴⁸, моего земляка и даже почти родственника, но я не мог решиться на эту поездку. А вот, если и Бог благословит, после праздника вскоре думаю переселиться в загородный дом: это ближе и удобнее. И у нас, наконец, весна, погода теплая и ясная; появляется зелень и начинают распускаться деревья».

4-го ч. Командующий войсками граф Сумароков-Эльстон пригласил меня, вместе с некоторыми другими начальствующими лицами, к обеденному столу. Отправляясь на обед, я уверен был, что гостеприимный хозяин, как человек зарекомендовавший себя перед Харьковом со стороны набожности и благочестия, сохранит на этот раз уважение к уставам Православной Церкви и соблюдет приличие в отношении к православному архиерею, т. е. предложит трапезу, соответствующую, по возможности, значению настоящих дней св. четыредесятницы. Ничего не бывало: для светских гостей приготовлен был стол мясной к крайнему моему удивлению и оскорблению. Если бы я заранее знал о такой бестактности сиятельного хозяина, я никак не решился бы ехать на его обед. Такое неприличие и неуважение к архиерейскому сану возможно только между русскою *православной* «интеллигенцией». Ничего подобного православный архиерей не встретит даже у иноверцев.

По моему приказанию, препровождены были моим секретарем М. Зверинским, по экземпляру, книги о моем прощании с Полоцкой паствой, двум Полоцким Протоиереям – настоятелю Софийского собора Феодору Иваницкому и

законоучителю военной гимназии А. Добрадину. И вот что писал, по этому случаю, первый из них, т. е. о. Иваницкий Зверинскому от 5-го числа:

«Вы чрезвычайно обрадовали меня немощного, чающего утешения, присылкой драгоценной книги «прощание незабвеннейшего нами Архипастыря с Полоцкою паствою», за которую приношу Вам мою искреннейшую, чистосердечную благодарность. Меня просил благодарить Вас за эту книгу и о. Протоиерей Алексей Михайлович Добрадин. В душе моей, поколеблемой лютейшею болезнью, коей жестокие последствия приходится испытывать преимущественно в последние дни и недели, Вы подарком своим подкрепили тот несравненный образ, который глубоко отпечатлен в ней и никогда уже не изгладится.

Вскоре по отбытии от нас незабвенного Владыки прощальные с ним речи начали печататься в Церковно-Общественном Вестнике, и бывало лишь только начнешь читать их, – зальешься непременно слезами. И теперь, хотя миновал полный год и 2 месяца после разлуки, как станешь читать присланную Вами книгу, опять те же самые слезы. Речи и адреса – все до Йоты проникнуто скорбью о разлуке с любимейшим Отцом Архипастырем; но речь В. И-ча Волкова – это верх правды и глубоко про чувствованной скорби. Здесь, что слово, то правда неотразимая и жалость, щиплющая за душу, хотя бы донельзя крепкую и невозмутимо-твердую. Кажется, он пощупал сердца каждого из нас и выразил в речи своей именно то, что хотелось бы высказать в последний раз всем, провожавшим в безвозвратную дорогу незабвенного своего Архипастыря».

Вечером 8-го числа получил я из Динабурга от законоучителя Реальной гимназии священника Е. Н. Соловьева телеграмму следующего прискорбного содержания:

«Ныне, восьмого Марта в 7 часов утра, скончался Преосвященный Агафангел Волынский. Умоляю Вас именем покойного и родных похоронить его. Телеграфируйте в Житомир; квартиру приготовил».

На это отвечал я, на другой день, телеграммой же в Житомир на имя эконома архиерейского дома:

«Передайте родственникам умершего Преосвященнейшего Агафангела, что я на погребении быть не могу».

Отказавшись, по причине отдаленности Харькова от Житомира, от участия в погребении чтимого мною Архипастыря, я между тем с живым участием следил за всем, что было писано и печатано, как в местных, Волынских Епархиальных Ведомостях, так и в других журналах и газетах, относительно обстоятельств его кончины и погребения, а равно относительно его достоинств и заслуг на разных служебных поприщах.

Изложу здесь в коротких словах то, что мне сделалось известным из печатных источников относительно личности почившего в Бозе архипастыря и обстоятельств его жизни, кончины и погребения.

«Почивший архипастырь наш, – пишет составитель некролога, помещенного в № 8 Волынских Епарх. Вед. за 1876 г., – всегда был любителем науки и ревнителем образования в духе православно-христианском⁴⁴⁹. – Душа у него была чистая, любящая, всепрощающая; сердце, исполненное любви к Церкви, к Царю, к России. Он не любил роскоши; только красоты природы и хорошие книги радовали его.

При управлении Волынской паствой, главною заботой его было – водворять мир и любовь в среде пасомых и пастырей... Всё, что нарушало мир Церкви, или вредило доброй славе духовенства, поставленного в западном крае между столькими враждебными элементами, глубоко его огорчало; но на строгость, даже самую справедливую, он решался с большим трудом, и потому многие злоупотребляли его мягкостью»...

«Никому из многочисленных своих родственников, – пишет о Преосвященном Агафангеле А. Соловьев в своих „Воспоминаниях» (Волынск. Еп. Вед. 1876 г. № 14, стр. 409), – он не отказывал в помощи на воспитание детей, на устройство сирот и на лечение от тяжких болезней, но, не стесняясь, отказывал, или давал весьма неохотно тем из них, кои сами были виновниками нищеты и бедности».

«Почивший архипастырь имел необыкновенную любовь к труду и глубокое уважение ко всякому познанию серьёзному... Независимо от глубоких познаний богословских, он до конца жизни не только следил за популярными книгами по естественным, социальным и техническим наукам, но и изучал специальные сочинения по названным предметам. – Для изучения анатомии приобретена была им модель человека из папье-маше. В лунную ночь можно было видеть его с телескопом в руках, рассматривающим небесные миры... Чтение серьёзных книг по геологии, химии, гигиене, фармакологии, терапевтике в последние годы жизни на Волыни составляли любимое его занятие в свободные от епархиальных занятий часы... В музыке и пении он получил элементарные сведения будучи ещё воспитанником; впоследствии, в длинные осенние ночи, будучи один в четырех стенах, он нередко исполнял на гармоникорде любимые церковные песнопения, или приглашал певчих пропеть что-либо из произведений знаменитых церковных композиторов – Бортнянского, Турчанинова, Львова и др.

Опасение преждевременно потерять зрение побудило покойного архипастыря в последние годы жизни по вечерам заниматься некоторыми механическими работами – столярными, слесарными, гимнастикой и даже *поваренным искусством*.

Как человек труда, почивший архипастырь был необыкновенно строг и точен к себе и желал приучить к тому же окружающих... Пища и одежда его были всегда просты и неизысканны... Единственные предметы, на которые почивший не жалел денег, – это благотворительные учреждения, сироты, ценные книги и *часы*. Пристрастие к последним сохранилось в нём до конца жизни, и самый любимый подарок его близким людям состоял из часов.

В определенном часу покойный вставал, в известные часы занимался епархиальными делами и приёмом просителей, в одно время обедал, кушал чай, занимался частными делами и ложился спать.

Хотя владел покойный счастливой памятью, но до конца жизни не оставлял привычки, приобретенной в молодости, записывать в памятную книжку то, что нужно было исполнить вскорости».

Таковы были качества и отличительные черты характера почившего в Бозе архипастыря.

В дополнение к этой характеристике покойного архиепископа Агафангела, я помещу здесь выписки из его собственных писем к племяннику своему, бывшему студенту С.-Петербургской д. Академии, потом преподавателю Костромской д. Семинарии и, наконец, законоучителю Динабургского Реального училища, Еф. Никол. Соловьеву⁴⁵⁰.

Вот что он, между прочим писал своему племяннику в разное время:

1) «От 17-го Сент. 1861 г. из *Вятки* Преосвящ. Агафангел преподавал своему племяннику-студенту такие наставления: «Изучай науки с рассуждением и усвой себе познания не столько через память, сколько посредством размышления. Будь вежлив и общителен с товарищами, к начальникам и наставникам будь почтителен от искреннего сердца и *ни перед кем* не говори ничего невыгодного для их чести. Держись чистоты нравственной и в мыслях и словах и во всей жизни. Старайся утвердить в себе мягкость и доброе расположение ко всем ближним. В сутки посвящай около часа на движение на свежем воздухе. За ужином вкушай пищи меньше, нежели за обедом».

2) От 10-го дек. того же 1861 г. Преосвященный делает племяннику наставление по поводу его жалобы на одного из своих товарищей, пустившего о нём какую-то неблагоприятную молву. «Что за дело, что какой-нибудь дурак говорит о тебе пошлые (речи) вещи? Ты приехал в академию не для того, чтобы заискать благосклонность или благоволение студентов, а для того, чтобы образоваться в науках, обогатиться знаниями. Имей это постоянно в своих мыслях, занимайся всегда делом, а на глупые речи людей неблаговоспитанных не разевай рта; и тогда ты будешь прямо идти к той цели, для которой поступил в академию. Ни насмешки, ни пересуды

товарищей не могут причинить тебе решительно никакого зла, если ты сам не будешь давать им большего веса. Начальство твоё благоразумно. Оно не увлечется ребяческой клеветой. Когда товарищ твой обнаруживает к тебе презрение, выражает насмешку, произносит какое-либо глупое слово, ты хладнокровно отворотись, возьмись за книгу или продолжай разговор с искренним своим другом. И тогда враги твои перестанут насмехаться над тобою и презирать тебя» и т. д.

«Держись общества немногих, но чистых, благородных, благовоспитанных товарищей. Будь честен. Никому не желай зла. Ни о ком худого не говори. А главное постоянно помышляй о присущей тебе на всех путях твоих Вечной Премудрости Божией, Ипостасном Слове Всезнающего Ума... Возьми из академ. б-ки Записки на книгу Бытия митр. Москов. Филарета и прочитай из неё на русск. языке жизнь Иосифа Прекрасного. Он потерпел не мнимые, а действительные и весьма великие бедствия. Но *Бог был с ним...* Помни, что ты сын священника и внук священника, добрых, верных, ревностных служителей Сына Божия»...

3) От 14-го дек. 1866 г. из *Житомира в Кострому*, где его племянник был уже преподавателем в Семинарии: 1) здоровье надобно беречь паче всего; 2) заниматься делом должно без увлечения, предпочитая всегда благоразумие практическое каким бы ни было теориям.

«С Октября я в Житомире. Город набит евреями и поляками. Изучаю по ним Библейскую историю и Католицизм»...

4) От 24-го апр. 1867 г.: «поздравляю Вас с рождением сына... Я не отказываюсь быть крестным отцом его. Но только желаю, чтоб воспитание его шло несколько умнее, нежели как принято воспитывать у нас. Я хотел писать статью о воспитании, но, будучи отвлечен службой, не мог доньше приступить к этому делу. Между тем в издаваемых теперь Тибленом сочинениях *Спенсера* (вып. 3-й и 4-й) нашел сжатое, но весьма полное по содержанию сочинение о воспитании. К удивлению своему увидел, что Спенсер, именно, так рассуждает, как я мыслил и мыслю о воспитании. Не могу не желать, чтобы эти идеи вы имели в виду при заботах о своём

сыне. Кроме того советую иметь книжки: 1) *Комба* – Уход за детьми; 2) *Шраубе* – Учение о здоровье; 3) *Кленке* – Практическое приложение естественных наук к требованиям личного существования, и ещё, по крайней мере, прочитать Эстерлена – Человек и сохранение его здоровья».

... «Весьма скорблю, что и Вам приходится страдать в *Костроме* от изуверства, интриг и сплетни. Я там⁴⁵¹ страшно вытерпел от подобных грязных свойств некоторых личностей из духовенства и наставников Семинарии, особенно от *Устина* (еп. Иустин – 1845–1850 г.)»...

5) От 11 Янв. 1873 г. – в *Динабург*, где Е. Н. Соловьев был законоучителем Гимназии и мною рукоположен во священника: «Поздравляю Вас с вступлением в сан священника... Украшайте себя смирением и избегайте гордости (Притч.18:13). Не упражняйтесь в злоречии и не поносите высшие власти, особенно лиц поставленных свещниками от самого Бога (Иак.3:5–6)».

6) От 6 Янв. 1876 г. «Письмом Вашим я весьма обрадован. Вижу, что вы имеете истинную, сердечную заботливость об успокоении меня в болезненной старости моей. Сам Бог будет благодарить вас, если в дни страшного разламывания жизни, среди мучений в каждой части тела, борющейся против разрушительных сил, Вы окружите меня любовью, состраданием и усилием облегчить мои скорби и болезни. Благодарю вас и за сведения и за советы. Я воспользуюсь ими. На покой я должен проситься в нынешнем году. Силы быстро слабеют. С каждой неделей что-либо прибавляется к прежним немощам. Весьма желаю на родину, мысль о которой была отрадою для меня в продолжении всей моей жизни. Я уже решился ехать под кров родного дома. Послал бы немедленно и представление об увольнении, но нужно бы хотя и немного заготовить средств к жизни. Надеясь других щедро в течении всей жизни, я всегда оставлял себя на заднем плане. М. б. буду проситься на покой летом, может быть, весной, а может быть и скоро зимой, если очень буду слабеть».

7) От 4-го Февр. 1876 г.: «Вы говорите о торжественном моём служении на покое. Видно, вы совсем не знаете, как я

болен. У меня почти отнялись ноги. По комнате с трудом могу перейти от стены до стены. Три раза падал без поддержки и получал опухоли на ногах и бедрах. На оконечностях перстов ручных чувствительность весьма ослабела. Когда должен застегнуться или расстегнуться, то, не чувствуя пуговиц и петелок, весьма долго мучусь, доколе как-нибудь случайно пуговица не попадет в петелку. Металлических рукояток на ножах, вилках и ложках не могу держать; они выползают и производят в пальцах боль и даже что-то похожее на паралич. Потир и дискос, очевидно, я не могу поднять; одно прикосновение к ним для меня болезненно».

«Хочу проситься на покой в Боголюбов⁴⁵². Писал письмо к преосвященному Антонию. Если он пустит туда, то немедленно пошлю в Св. Синод представление об увольнении от должности. Вещи мои уже укладываются в дорожные ящики. Весьма нуждаюсь в компаньоне или собеседнике, который бы занимал меня разговорами, находился при мне и присматривал за моим хозяйством и за мною. Одиночество производит во мне уныние и делается для меня невыносимым. Похлопочите, любезный о. Ефим, не согласится ли кто-нибудь из племянников жить со мною, например, Алексей Ив. Тихомиров⁴⁵³, или кто-либо другой. Я стал бы давать ему жалованье; пища и квартира ему со мною вместе».

«8-го сего Февраля исполнится мне 64 года от роду».

8) От 15-го Февр. того же 1876 г.: «Благодарю Вас за добрые советы. Хочу подождать отказываться от должности. Думаю попытаться попользоваться Кавказскими минеральными водами, если только отпустит Синод и если доживу до Мая. Слабость сил моих быстро возрастает. С каждым утром прибавляется что-нибудь новое. До настоящего дня слишком слабы были лодыжки, ступни и подошвы. Сегодня утром стали весьма слабы колени».

«Сегодня приедет ко мне из Киева доктор Покровский. Если он одобрит лечение на Кавказе, то на другой же день пошлю представление в Синод и буду просить об увольнении на Кавказ на три месяца».

Но намерению этому не суждено было осуществиться. На сырной неделе, – как пишет А. Соловьев, – преосвященный не мог уже без помощи посторонних лиц ходить по комнатам, а на 2-й неделе В. поста должен был слечь в постель. В первых числах Марта состояние больного оказалось безнадежным; 4-го числа он исповедовался, приобщался Св. Таин и соборовался. В ночь с 7-го на 8-е число началась предсмертная агония, а в 7-мь часов утра удар колокола возвестил православным жителям Житомира о кончине их любимого и высокоуважаемого Архипастыря.

Вынос тела почившего архипастыря в Кафедральный собор и погребение его совершены были с обычными в подобных случаях процессиями. К отпеванию приехал из г. Кременца преосвященный Иустин⁴⁵⁴, епископ Острожский, викарий Волынский. Погребение совершено 14-го числа, в воскресенье 4-й недели В. поста, и тело многострадального иерарха похоронено было под главным алтарем Волынского Кафедрального собора, незадолго пред тем им самим освященного.

Не излишним почитаю изложить здесь сведения о почившем архипастыре, сохранившиеся о нём в Харькове, где он был настоятелем Старо-Харьковского Куряжского монастыря и ректором Семинарии.

Вот что записано об архимандрите Агафангеле⁴⁵⁵ в летописи Старо-Харьковского Куряжского монастыря, составленной в 1850 году:

«Агафангел Соловьев, богословских наук магистр, родом из Владимирской епархии, окончательное образование получил в Московской Д. Академии. На настоятельство в сей монастырь прибыл с должности Инспектора Московской Д. Академии (в 1842 г.). Был настоятелем до Сентября 1845 г., когда, по определению Св. Синода, переведен в Костромскую Семинарию ректором и настоятелем Костромского Богоявленского второклассного монастыря. При сем настоятеле устроена каменная лестница от монастыря вниз до самой Онуфриевской церкви».

Сверх сего, Настоятель Харьковского Кафедрального собора, восьмидесятилетний старец – протоиерей А. Г. Кустов сообщил мне об Агафангеле, как ректоре Семинарии, следующее:

«Архимандрит Агафангел, профессор Богословия, впоследствии архиепископ Волынский, удалялся мирского знакомства и того же требовал от подчиненных. Некоторые из наставников вполне исполняли его желание, ограничиваясь знакомством в своем только училищном кругу. При нём, как настоятеле Куряжского Преображенского монастыря, по ходатайству преосвященного Иннокентия, бывшего Харьковского Архиепископа, учрежден крестный ход из того монастыря в Харьковский Покровский монастырь с местно-читимою иконою Озерянской Б. Матери, которая в этом монастыре оставалась в продолжении почти семи месяцев (с 1-го Октября по 22-е Апреля). – Сему ходатайству ревниво противился о. Агафангел, как настоятель монастыря, из интересных видов монастыря; но был убежден архиерейскими советами и приточным заключением, что благоуханный цвет более благоухает, будучи переносим с места на место.

Между тем, преосвященный Иннокентий, недовольный противоборством своим тоже небескорыстным видам со стороны архимандрита, постарался устранить его из Харькова под разными благовидными предлогами. Вот что писал он в СПб. об о. Агафангеле другу своему Сербиновичу⁴⁵⁶ (Директору одной из Синодских Канцелярий) от 1-го Сентября 1845 г.:

«В прошедшем письме я упомянул о нужде дать для здешней Семинарии нового ректора. Теперь я пишу о том же его сиятельству. Настоящий начальник хорош и поведением, и познаниями, но весьма слаб здоровьем, неопытен для управления здешним народом и, вместо помощи мне, имеет нужду в том, чтобы носить его, так сказать, на своих плечах. Вот вам пример всего этого из двух только недель: в пяток перед субботой Лазаревой – торжество о рождении царевича – он не хочет служить, будучи свободен; в субботу Лазареву крестный ход из собора в собор, с вербою – он бросил его и едет в свой

монастырь. Омовение ног в четверток – он не хочет быть на нем и служит в монастыре. В Великий Пяток ему проповедь – его нет в городе. На Пасху его уже не просим – он является сам служить; в неделю антипасхи новый крестный ход – его нет и пр. и проч. Я всячески покрываю его уклонения в подобных случаях и готов бы всё переносить, но семинария имеет нужду в управлении строжайшем и лучшем. В академии он может быть очень хорошим, ибо довольно знающ. Нельзя ли дать ему подобного места? Этому он будет сам рад. А мне, если нельзя прислать из Киева о. Феофана Авсенева, присылайте кого угодно, только бы делал свое дело»⁴⁵⁷.

Вследствие сего архимандрит Агафангел в том же Сентябре перемещен был на ректорскую же должность в Костромскую Семинарию.

Довольно. Возвратимся назад.

Проводивши в вечность одного иерарха, я должен был встретить другого –живого, хотя и не вполне здравствовавшего, архипастыря.

10-го Марта из Курска телеграфировал мне возвращавшийся из СПб. Преосвященный Таврический Гурий:

«В два с половиной часа буду в Харькове; желаю посетить вас, благоволите выслать людей встретить».

С братским радушием встретил я почтенного путника. Преосвященный путешествовал в СПб. для совещания с тамошними врачами; по, проживши там почти два месяца, мало получил облегчения в своей серьезной болезни.

Из северной столицы он привез мне немало новостей по части церковной. Между прочим он сообщил мне следующее: 1) Московский митрополит Иннокентий с предубеждением смотрит на наши сибирские миссии, в особенности на Японскую: они-де только развращают язычников; 2) В Синоде есть мысль об освидетельствовании мощей святителя Белгородского Иоасафа Горленко; 3) Преосвящ. Агафангел, архиепископ Волынский, представил Новгородскому Митрополиту (Исидору) обширную записку с критическими замечаниями на Уставы духовно-учебных заведений и просил совета напечатать их; но совета и одобрения не получил; 4) Обер-Прокурор Граф Д. А. Толстой на

Харьковскую кафедру, вместо меня, предлагал своего клиента – Павла⁴⁵⁸, Еп. Псковского; 5) По заказу того же Толстого, написана известным Ростиславовым⁴⁵⁹ пасквильная книга о русских монастырях, с целью отобрать от монастырей имущества и употребить оные в пользу народного образования.

Вслед за Преосвященным Гурием, видевшимся в Москве с Преосвященным Леонидом, писал мне этот последний от 9-го числа:

«Преосвященнейший Владыко!

Не для чего изъяснять Вам почему так долго не отвечаю: Вы верно поняли, верно, – т. е. что я искал времени для написания длинного письма и не находил. – И не нашел. Вот сегодня: как вышел из церкви от утрени, так и пошли дела и люди и до седьмого часа вечера (кроме часов и повечерия). – На предложенный Вами вопрос ответ простой: не Вы себя прославили, а любовь благодарных Вам. Думаю, что Вашей скромности полезно было претерпеть некоторое стеснение от нападений любви преданных Вам людей. Почему? По духу века! Всё более и более расширяется пропасть между пастырями и паствою. Формальность, с каждым днем также умаляющая своё значение, одна наполняет эту пустоту. Как же в такое время не отрадно видеть живую связь взаимной любви между пастырем и стадом; как же не желать, чтобы сколь возможно шире по пространству и времени распространялось об этом отрадном явлении извещение верное, полное, живое? Благословен Бог! да благословит он успехом предприятие благонамеренных почитателей Ваших. Благодарю Вас за экземпляр и за дружественное письмо.

Как живо, в январе, мы вспоминали прошлогоднее свидание с Вами. Обтягивая праздничный кафтан Вашим златошвейным поясом, взяв в руки Ваши дымотопазовые четки, я говорил: в прошлом году в это время мы имели утешение видеть дарителя; нынче утешимся мыслию, что также близки мы к его сердцу, как его памятные вещи к чувствам нашим внешним. Мои чувства сердца суть чувства и моих родных: брат и три сестры – все с любовью и почтением вспоминают о Вас.

Преосвященный Гурий, возвращающийся в многостраданиях, поведает Вам многое. Кроме того, что он скажет, не имею ничего приятного для обрадования, ни такого что хотя и не интересно, но назидательно... Или уж надобно иметь книги, а мне и читать книг недосужно. Впрочем за это неудобство, т. е. за переполненность времени моего занятиями, непрестанно благодарю Господа.

Что в Москве? общество переполнено негодованием против разрешения театральных зрелищ в пост, но и театры преисполнились зрителями!?. В четырех письмах ко Владыке, я касался резко этого предмета; но Владыка ничего не мог сделать, при всей скорби, что дается новый повод к ропоту народному против правительства и новый повод к глумлению над святыми уставами церкви, к общему убеждению в слабости иерархического авторитета, что так любо врагам не только церкви, но и царя. Есть и утешение: в хорошем обществе большинство не словами только порицает допущение, но и примером.

На английском появилась книга *Life of Jesus, Farrar's* пленительная по силе поэтического и описательного таланта, который как нельзя более кстати является здесь на помощь учености и начитанности автора; я думал, что сестра Ушакова⁴⁶⁰ послужит делу перевода последних дней земной жизни Спасителя нашего к посту; но читая далее и далее, я получил отвращение от книги по её лютеранским нечестивым суждениям и умолчаниям о догматах, каковы о приснодевстве, об евхаристии.

Негде более писать, да и некогда... Простите и благословите».

От 16-го ч. писал я в СПб. Прасковье Алексеевне Мухановой:

«Долгом поставляю препроводить к Вам книжку⁴⁶¹, которую, может быть, не без любопытства изволите прочесть.

Пребывание мое в Харькове, по милости Божией, мирно и благополучно. Много трудов, но немало и утешений, при виде усердия к церкви в здешнем простом народе. Я не говорю о так называемой интеллигенции, которая везде одинакова.

Вот и праздник Христов недалеко. Где Вы располагаетесь встретить и провести его – в Петербурге или Москве? Но где бы Вы ни были, везде прошу принять от меня заранее усерднейшее приветствие со светлым и всерадостным праздником Христова воскресения.

Призывая Вам и присным Вашим – Братцу и Сестрице Божие благословение, с глубоким почтением имею честь быть»...

19-го числа получено было мною письмо из Витебска от протоиерея Волкова, который писал:

«Владыка наш здравствует, но в хлопотах по поводу составления отчета Св. Синоду. Сегодня в Консистории кое-что прочитал я из рукописи Владыки – в отчете. Владыка весьма хвалит себя. Между прочим пишет, что движение дел и окончание их ускорилося; дела о духовенстве, большей частью, решались домашним, келейным порядком, и потому нет жалоб и всё духовенство этим весьма довольно; службы церковные совершаются исправно во все воскресные, праздничные и торжественные дни, а в Кафедральном соборе ежедневно, и приказано, чтобы и во всех соборах совершались ежедневно, чего прежде не было (неправда!); слова: чего прежде не было, во многих местах отчета употреблены. Особенное внимание обращено на раскол. Не имея возможности самолично вести многие и продолжительные, полезные собеседования с раскольниками, посылал я способного и искусного в беседах с ними – священника Заволоцкого; писал увещательные к ним послания, имевшие благотворные последствия (ровно никаких!); писал такие же послания к лютеранам и католикам; входил в собеседования с пасторами и ксендзами и производил в них колебание и сомнение относительно их религиозных воззрений; ксендзы часто посещают Кафедральный собор, чтобы послушать поучения (ни одного ни один раз не видел); евреи питают глубокое уважение и доверие; вечерами посещают для бесед о вере (едва ли кто поверит этому); часто бывают в Кафедр. соборе с целью слушать проповеди (тоже...); неоднократно просили посетить их Синагогу и сказать поучение; на именины приносили хлеб-соль (не видно было); на

священнические места поставил в приходы, зараженные расколом, самых благонадежных; выписал на свой счет из Казани мещанина миссионера и поставил его причетником к Режицкому собору; приказал Семинарии учить семинаристов расколистике и проч. и проч...

Разочарование во Владыке всеобщее. Простите, скажу откровенно и конфиденциально, – не говорят архиерей, а лицемер. Не только духовенство, но и все классы народа всё более и дороже ценят Вас и, ей Богу, с уважением и любовью вспоминают. Даже Квятковская⁴⁶² и та говорит: о! преосвящ. Савва – куда лучше и благороднее был. О. М. А.⁴⁶³ скажу только, что она прелукавая женщина; у кого на возу сижу, тому песенки пою – а петь она мастерица. Недавно что-то со Владыкой писали секретно от меня Обер-Прокурору, в похвалу Владыке. О деятельности Вашей Владыка высказался так: «всю Саввину закваску уничтожу».

22-го ч. мною препровождено было в Муром на имя Настоятеля собора, протоиерея Иоанна Любомудрова⁴⁶⁴, с братиею три Банковых 5% билета, по 100 р. каждый, на вечное поминовение моих сродников и присных, при письме следующего содержания:

«На память моего четырехлетнего служения при Муромском Богородицком Соборе в священническом сане, препровождаю при сем *три Государственных пятипроцентных Банковых билета* 1860 г., за № № 137.304, 137.306 и 137.310, по *сто рублей* каждый, для вечного поминовения моих сродников и присных по плоти, по прилагаемому при сем реестру, с тем, чтобы причт соборный пользовался по означенным билетам только процентами, а самый капитал оставался бы навсегда неприкосновенным.

О получении билетов прошу уведомить меня.

О упокоении рабов Божиих:

Преосвященнейшего Архиепископа Парфения; протоиерея Михаила; иереев: Василия, Сергия; диакона Петра; чтеца Михаила, младенца Михаила; Николая, Василия 2.

Стефаниды, Параскевы, Анны, Александры, девицы Марии. Надежды и их сродников».

О получении билетов и о внесении их в опись церковного имущества протоиерей Любомудров донес мне рапортом от 12-го Апреля за № 42.

Тогда же и с таким же назначением послано было мною также в Муром на имя городского Благодинного священника А. Е. Аменицкого⁴⁶⁵ два билета для вручения причту Кладбищенской Воскресенской Церкви, при следующем письме:

«Препровождая при сем два Государственных пятипроцентных Банковых билета, 1861 г., за №№ 37218 и 62396, по сто рублей каждый, и с десятью при каждом из них купонами, прошу покорно вручить оные причту Муромской Кладбищенской Воскресенской Церкви, при которой погребены некоторые из моих сродников по плоти, для вечного их поминовения, по прилагаемому при сем реестру, с тем, чтобы причт означенной Церкви пользовался по оным билетам только процентами, а самый капитал оставался бы навсегда неприкосновенным.

В получении же причтом билетов прошу взять от него расписку и оную мне прислать.

Призывая Вам Божие благословение, с братскою о Христе любовью пребываю.

О упокоении рабов Божиих:

Иереев: Василия, Сергия; Николая, Василия 2, младенца Михаила.

Параскевы, Анны, Александры, девицы Марии и их сродников».

О получении билетов, с приложением расписки от причта Воскресенской Церкви, донес мне о. Благодинный Аменицкий от 14-го Апреля за № 48.

24-го же числа являлась ко мне некто М. Д. Раевская, кажется, содержательница частного женского пансиона, с просьбой о разрешении ей допустить, между живыми картинами, картины бегства Лота из Содома и – Есфири. Зрелище это предназначалось вечером в Вербное воскресенье под Страстный понедельник и притом с неизбежною, в последнее время, благотворительною целью. Само собою разумеется, что я наотрез ей в этом отказал, преподав при этом

назидательный урок о нелепости и неуместности вообще «благотворительных» спектаклей всякого рода.

Из Петербурга писала мне от 23-го числа П. А. Муханова, в ответ на мое письмо от 16-го числа:

«Примите мою глубочайшую признательность за дорогую память Вашу и за присланную книжку, свидетельствующую о Вашей неутомимой деятельности на пастве Полоцкой. Давно хотелось многим из нас узнать её в подробности и теперь так мы утешены этим удовлетворением. Не смотря на девятилетнее отбытие Ваше из Москвы, память о Вас живо сохраняется среди Московских жителей, и дай Бог, чтобы со временем Вы опять к нам возвратились, не проездом только, но опять на постоянное жительство.

Отзыв Ваш о Харьковской епархии весьма приятен; народ в южных губерниях наших более осмыслен в чувствах своего благочестия, я думаю, потому что более грамотен; часто случалось видеть в нищей братии, окружающей храмы Божии, богомольцев с акафистами и молитвенниками, которые они читают нараспев, – не знаю так ли в Харькове, а в Киеве зачастую.

Примите, Преосвященный Владыко, наши общие поздравления с наступающим Светлым праздником, со всевозможными благожеланиями».

По поводу удаления Епархиальным Начальством от Харьковского Кафедрального собора диакона Иоанна Крыжановского⁴⁶⁶ за нетрезвость и буйство, в чём и прежде он не раз был замечаем, прихожане собора и некоторые из граждан обратились ко мне с просьбой следующего содержания:

«Нам сделалось известным, что Диакон Иоанн Крыжановский, по определению Духовной Консистории, за что-то удаляется в сельскую церковь.

Сострадая таковому горестному положению Диакона Крыжановского и его семейству с малолетними детьми, а вместе с тем сознавая предстоящую потерю незаменимую не только для нас граждан, но и для приезжающих сюда из столицы – Москвы купцов, которые, перед началом каждой ярмарки служа молебны в торговых лавках, стараются, чтобы

непременно участвовал в Богослужении диакон Крыжановский, уважаемый по его представительности и голосу, мы осмеливаемся прибегнуть к покровительству Вашего Преосвященства и просить единственно Вашей Архипастырской в настоящем деле милости, так, что ежели по обстоятельствам нельзя на этот раз простить диакона Крыжановского, то, по крайней мере, определить такое взыскание с него, после которого он все-таки оставался бы на своем месте при Кафедральном соборе, и тем не лишил всех граждан с удовольствием слушать когда он читает святое Евангелие и вообще его действие при Богослужении в соборе.

Владыко святой! мы смеем надеяться на милость Божию и милость Вашего Преосвященства Архипастыря нашего, что настоящая просьба не будет оставлена и диакон Крыжановский будет возвращен на прежнее место в Кафедральный собор».

Просьба эта представлена была четырьмя депутатами: соборным старостою Рыжовым⁴⁶⁷ и купцами – П. Акименком, Горбуновым и Чикиным. При объяснении со мною этой почтенной депутации, много наговорено было мне грубого и дерзкого, особенно Пикиным; при чем им вручено было мне письмо от знакомого мне купеческого сына, Н. А. Алексеева⁴⁶⁸.

Письмо это следующего содержания:

«Проездом в Ростов-на-Дону остановился я на несколько дней у себя на мойке и узнал, что диакон Вашего Кафедрального собора Крыжановский назначен к удалению из города Харькова куда-то в сельскую церковь. При этом мне показали прошение, адресованное к Вашему Преосвященству и подписанное множеством уважаемых граждан города Харькова. Диакон Крыжановский в чём-то провинился, – я не знаю даже и вины его; но великий праздник вчерашний, близость дней страданий Господа нашего Иисуса Христа, настоящие дни поста и покаяния, Ваше доброе сердце, Ваши христианские добродетели и высокое сподвижничество Ваше в служении Христу и церкви, слова Спасителя о милосердии и прощении, – всё это вместе взятое дает мне смелость прибегнуть к Вашему Преосвященству и всепокорнейше просить: окажите милость диакону Крыжановскому, помилуйте его насколько возможно это

и спасите его многочисленную семью от нищеты и разорения. Всемилосердный царь небесный воздаст Вам за Вашу высокую милость, молитвы граждан Харьковских вознесутся за Вас к Творцу Вселенной; земной же царь давно сказал уже: «милость и правда да царствуют в судах»!

Простите мне, Ваше Преосвященство, мою смелость, что я обратился к Вам с просьбой и притом письменной. Но полнейшая невозможность увидеть Вас лично понудила меня решиться на этот раз обратиться к Вам с моей всенижайшей просьбой посредством настоящего письма».

На прошении соборных прихожан и Харьковских граждан дана была мною 27-го числа такая резолюция:

«1) Просители пишут, что диакон Крыжановский за *что-то* удаляется из города Харькова в сельскую церковь. Но им прежде, чем обращаться к Епарх. Начальству с ходатайством за Крыжановского, надлежало бы точнее узнать, за что именно удаляется он из Харькова. Если бы они узнали настоящую причину удаления Крыжановского от Кафедрального собора, то, без сомнения, должны были бы признать свое ходатайство о нём неуместным.

2) Просители обращают в своём прошении внимание только на внешние качества диакона Крыжановского – его мнимую представительность и голос, но оставляют без внимания его нравственные недостатки – нетрезвость и буйство, о которых не менее, конечно, должно быть им известно, чем Епарх. Начальству.

3) Просители прикрывают свое ходатайство о Крыжановском чувством сострадания к его семейному положению. Но если они действительно имеют к нему сострадание, то пусть докажут это самым делом, пусть окажут его семейству, страждущему по его, Крыжановского, собственной вине, христианскую помощь, по крайней мере, единовременную.

Итак, к удовлетворению ходатайства об оставлении при Кафедр. соборе диакона Крыжановского не представляется никакого законного основания; а потому ходатайство это

оставить без последствий. О чём и объявить просителям через Настоятеля Кафедрального собора».

29-го ч. писал мне из Новочеркасска Преосвящ. Никанор⁴⁶⁹, Епископ Аксайский, Викарий Донской Епархии:

«Долгом считаю принести Вашему Преосвященству глубоко-почтительное приветствие с приближающимся светлорадостным праздником Светлого Христова Воскресения и выразить мою сердечную благодарность за милостивую память Вашу о нашем недостоинстве, выразившуюся в препровождении мне описания Вашего приснопамятного служения в Западном крае.

Описание превосходное, образцовое. Лишь только я развернул его, как и прочитал не отрываясь все до конца с самым усердным вниманием. Если подвиги древних Еллинов, Александра Македонского и Римлян славны в памяти потомства, то своею славою они много обязаны прекрасным изображениям древних историков. Я давно сказал и повторяю, с полным убеждением, на сколько разумею движение и цену человеческих дел, что деятельность Ваша в Западном крае, твердая без оглядки, совершенно благовременная и благотворная по направлению и плодам, будет вписана в историю нашей церкви. А это описание дает готовый прекрасно обделанный для истории материал. Ещё я говорил и повторяю, что прощальную речь о. протоиерея Волкова признаю истинным образцом красноречия в этом роде, красноречия сдержанного, не витиеватого, сердечного, многознаменательного, не льстивого. – Полезно благодетельствовать людям.

Описание так показалось мне мастерски составленным, что я сразу же решился взять его за образец и для предпринимаемого у нас дела. Оно же дало мне самую мысль.

Так как в Сентябре 1877 г. мы будем, Господу изволившу, праздновать пятидесятилетие служения Церкви Божией нашего многострадавшего старца преосвященного Архиепископа Платона⁴⁷⁰, – то, по прочтении описания Вашего служения в Полоцкой церкви, я и решился двинуть наши местные и интеллигентные силы к изображению жизни и деятельности нашего старца, в духе Вашей книжки. Найдем работников и

здесь, и в Пскове и в Риге. Здешнему я уже давал Вашу книгу для прочтения и возможного подражания. В тех же видах пошлю её и в Ригу и в Псков. Лучшего в этом роде я ничего не читал. Покорнейше прошу передать мой сочувственный и благодарственный поклон потрудившемуся о. протоиерею Чижевскому. Мастер своего дела.

Благоволите, Милостивейший Отец, принять уверение в чувствах моего всегда искреннего глубокого почитания. Прошу Ваших святых молитв. О себе позволю себе сказать, что я здравствую, благодушествую, нашим старцем⁴⁷¹, его благорасположением всесовершенно доволен и хвалю Бога.

Землекасательно кланяюсь».

29-го числа также писал мне из Ментоны (во Франции) В. М. Бостанжогло:

«Приближается для всех радостный, для всех торжественный, великий праздников-праздник Светлого Христова Воскресения, и каждый спешит поделиться чувством удовольствия с близкими сердцу и уважаемыми ими людьми. На чужбине, среди иноверного нам населения и я, Владыко Святой, простираю в родной и дорогой русский град Харьков мое поздравление Вашему Преосвященству, поздравление, соединенное с самыми лучшими пожеланиями доброго здоровья и благополучия.

Я писал было Вам, что к празднику хотел переехать в Ниццу, но этого не удалось сделать и мы с женою только к 20 Апреля думаем перебраться туда, а теперь рассчитываем, если Господь поможет, побывать там на второй день праздника, помолиться в православном храме и мне сподобиться принять Св. Христовых Таин.

Здоровье мое посредственно и сносно: бывает днями лучше, а другими хуже. Что делать? надо придерживаться старинной русской поговорки: «не живи, как хочется, а живи, как Бог велит». Так я и живу. Рассчитывал съездить и побывать хоть один из летних месяцев в Москве, но доктора мои положительно мне запретили это, а назначили в Мае ехать на воды в Соден, а в Июле в Карлсбад, или в Белли. Что делать – повинуюсь, чтобы дорогой ценой нравственной приобретенные

небольшие силы не растратить и не тужить впоследствии о содеянном ослушании людей сведущих и компетентных в этом деле.

Погода здесь великолепная: сирени в полном цвету и красе. Апельсинные и лимонные деревья нагружены созревшими плодами; розы, левкой, резеда и другие цветы благоухают в клумбах; пальмы роскошно расстилают свои красивые ветви. Всё хорошо; одного недостает только – это духа православия и родины, духа русской народности, с которой мы сроднились и без которой нигде не любо и не мило».

31-го ч. скончался в Белгороде, Курской епархии, пребывавший в тамошнем монастыре на покое Преосвященный Варлаам⁴⁷², бывший архиепископ Тобольский. О нём мне сказывали, что он почитал неподобающим епископу принимать от пресвитера разрешение во грехах в таинстве покаяния, и потому с трудом могли убедить его перед смертью исповедаться... Удивительное и непонятное в православном русском иерархе заблуждение!..

Покойный архиепископ сетовал на меня, как я слышал, за то, что я, проезжая в прошедшем году мимо Белгорода в Харьков, не посетил его, хотя мы с ним лично никогда не были знакомы.

1-го апреля писал я в Москву Графине А. Г. Толстой: «Приветствую Вас с окончанием четырёхдесятидневного поприща Св. поста и с наступлением нового четырёхдесятидневного поприща христианского празднования в честь и славу воскресшего из гроба Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Благодать воскресшего из гроба Божественного Жизнодавца да озаряет и животворит Ваш дух во все дни жизни Вашей!

Душевно порадовался я и возблагодарил Господа, при известии, что Вам возвращено телесное зрение. В этом обстоятельстве Вашей жизни должно усматривать осуществление непреложного слова Божественного писания: весть Господь благочестивых от напасти избавляти. Да будет же благословен и препрославлен Господь Бог, избавивший Вас от

временной напасти телесной – слепоты и удививший на Вас великую свою милость через дарование Вам прозрения!

Желал бы однако же я знать, каким образом совершилось Ваше прозрение? – внезапно или с постепенностью, с помощью врачебного искусства, или единственно чудодейственной силою Божией? Простите моему любопытству, впрочем на сей раз очень естественному».

1-го же числа получил я из Москвы от благочестивой старицы Евдокии Владимировны Кашинцовой⁴⁷³ пространное письмо (с лишком на 5-ти листах), в котором она повествует: 1) о чудесах; 2) о знаменательных сновидениях; 3) о сношениях с умершими и 4) о силе веры.

Вот что она писала мне:

«Преосвященнейший Владыко!

Дерзнула и я с своей стороны доставить Вам чтение. Мне бы и мысль была страшна утомлять Вас столь длинным письмом, если бы оно не было во славу чудес, со мною бывших.

Опишу 1) чудеса, 2) знаменательные сны, 3) сношения с усопшими, 4) о силе веры. Но сперва позвольте мне ознакомить Вас со своими родителями, меня воспитавшими.

Начну с праведной своей матери, признанной таковою не только всеми её знавшими, но и самим её духовником, бывшим впоследствии и моим, Иваном Ивановичем Драницыным и переведённым после из старой Конюшенной на Гороховое поле. Он знал все изгибы её сердца и был тайным помощником в её благочестивых делах, даже скрытых от спутника её жизни. Человек высокого ума и непричастный лести, которую, казалось бы, можно найти в его надгробной речи (о которой будет сказано после), но подобную лесть мудрено бы было и придумать. Потом в какой надгробной речи проповедник забудет свой сан и станет наряду с плачущими?⁴⁷⁴

Но перейду к описанию её жизни.

Она из рода известной фамилии Бутурлиных. Красота телесная, всеми признанная, была ей одной не замечена. Все пред ней останавливались, но ни один дерзкий взгляд на неё не был брошен: душевная её красота как будто заставляла не считать её женщиной. По званию своему она обязана была

находиться в жизни света, хотя по чувствам далеко не была светская и по возвращении с бала всю остальную ночь проводила в молитве, как будто покаянной, за сделанный ею грех. Хотя в супружестве мои родители служили примером и ничего скрытого друг от друга не имели, но молитва была скрытая, от мужа своего. Одно в чём она должна была избирать его себе в товарищи и неминуемо, и то только потому, чтобы её таинственная отлучка не было известна прислуге. Куда же она направляла свои ноги? то в тюрьму пред Светлым Воскресеньем, где выкупала задержанных там за долги. Таким образом протекли её четыре года замужества и оставили: меня – по 3-му году, сестру мою покойную Полтавскую по 2-му. Она перешла к вечному блаженству, как готовый плод для той жизни.

Вот надгробная речь:

«Во всякой печали надобно прибегать к рассудку – средство спасительное. Но взирая на красоту лежащую во гробе сем, взирая и на цвет сей, увядший в прелестное утро дней своих, взирая на стечение горестных обстоятельств, сопровождающих смерть в Бозе усопшей рабы сея, разум наш теряется в них, дух слабеет и сердце остается без отрады, сердце не перестает стенать: прекрасное солнце почто прежде времени познало запад свой; нежная голубица! почто оставила птенцов своих, не воспитавши их; милый спутник жизни! почто оставила друга своего не дошедши до предпринятой цели. Нет, разум! ты в сей великой печали – слабое утешение. Нет! Мы не в сей глубине слез должны искать надежнейшего подкрепления, святая вера – ты источник всякого утешения. К тебе мы прибегаем: подкрепи нашу слабость! Боже! Ты, по неиспытанным судьбам Твоим, поразил нас тяжким ударом. Ты подай нам и силу снести его. Вникая в чудеса милосердия Божия, являемые в подобных сему случаях, мы, по-видимому, находим, что Бог древле удобопреклонно являлся к мольбам несчастных, пораженных горестию смерти. Мы видим, что едва некий князь, лишившись дщери своей, возопил к Нему: «Господи, возложи нань руку Твою и оживет», как тотчас воздвиглась она с одра смертного; видим милосердие Его к несчастной вдове, лишившейся

единородного сына своего; видим Его соболезнование к слезам Марфы и Марии, где Он брата их уже четверодневною, во гробе лежащего, полуистлевшего, всеильным гласом воздвиг паки в жизнь. Здесь о кончине преждевременной льются реки слез к престолу милосердия Божия. Здесь горестные слезы изливают несчастные родители, лишившиеся любезнейшей из дочерей своих. Здесь неутешный производит плач нежный супруг, лишившийся в жене своей истинного друга своего; здесь жалкие рыдания испускают невинные младенцы, лишившиеся примерной матери своей; здесь стенают рабы, оставленные госпожой и благодетельницей их; здесь все сродники, знаемые, чуждые – все болезнует сердцем своим о кончине её; здесь самая Церковь плачевный глас произносит о лишении своего члена, бывшего примером благочестия, усердия, кротости, всего доброго; и Бог как бы невнемлющим ей является. Но ужели тогда только милосердует, когда живит? Нет, Он и тогда равно милосерд к нам бывает, когда мертвит. Восхищен бысть, говорится о праведнице, да не злоба изменит разума его. И здесь, в плачевном нашем состоянии, проницая в бездну судеб Господних, мы видим – ясно видим, что Он наказуя милосердует, и поражая утешает. Ибо соображая все причины, по которым Он продолжает и сокращает жизнь человеческую, со святостью жития усопшей рабы сея, мы находим причину кончины её для нас утешительную: праведница сия восхищается от нас для того, чтобы злоба не изменила разума её, или лесть прельстит душу её; – так Бог восхитил душу её в недра Авраамле для того, чтобы яд развращенного мира сего не коснулся её святости, которой растворены были дела её и паче исполнено было её сердце; Он от земного вертограда исторг сию розу для того, чтобы смрад нечестивых обычаев мирских не помрачил красоты добродетелей её! Плачущие! не есть ли это утешение болезнующим сердцам вашим? Потеря ваша велика, а приобретение больше; вы в ней теперь имеете молитвенницу о вас. Аминь».

Вот какова была наша родительница, Марья Владимировна Бахметева. Убитый горем отец наш сначала не решался расстаться с нами, но для блага детей своих должен был

покориться воле и желанию своей тёщи, и когда мне минуло 6-ть лет, а сестре 5-ть, бабушка Бутурлина взяла нас к себе. Женщина высокого ума, – имя Марьи Борисовны было всеми чтимо; дом её был не из последних в Москве; от лишения двух дочерей, здоровье её совершенно расстроилось; сама она не выезжала, но посетители были без числа. Жизнь свою она посвятила нам: любила нас нежно, никогда не баловала. Образ нашей жизни был таков, что младенческим нашим языком мы едва умели произносить имя Бога, как в сердца наши был углублен корень веры; нам не позволялась и мысль, что можно окончить день свой без прочтения вечерних молитв и начать его без утренних; не взирая ни на какую погоду всякий воскресный день нас возили к обедне, и не позволялось промолвить там даже необходимого слова и обернуть голову в сторону; мало того, ещё в карете, возвращаясь домой, начинался экзамен: вслушались ли мы в чтение апостола, поняли ли Евангелие, не проронили ли чего из проповеди,... и Боже упаси оказаться невнимательными. Памятны мне два случая: раз, на страстной неделе, во время чтения на дому 12-ти Евангелий, полагая, что бабушка не увидит, я, шаливши со своей свечкой, умудрилась снизу вытащить всю светильню; бабушка сделала мне знак, чтобы я встала на коленки, и таким образом я выстояла в этом положении все остальные Евангелия. Когда же мне следовало в первый раз исповедаться, то в ожидании духовника бабушка сказала мне: хочу видеть, помнишь ли ты все мои наставления об исповеди и потому исповедайся сперва мне. О! как это требование меня испугало. И после этой исповеди мне уж не так было страшно каяться духовнику.

Чудеса от Святителя Димитрия⁴⁷⁵.

Будучи с Николаем Андреевичем⁴⁷⁶ в Ростове, после молебна, из вежливости, мы нашли нужным посетить архимандрита для принятия его благословения (помнится мне, что это был Иннокентий). Он принял нас благосклонно, хотя видел нас в первый раз. При прощании он вынес образ и, благословляя им меня одну, сказал: «поручаю вас угоднику Божию». – Я приняла образ как святыню, но не обратила особенного внимания па слова «поручаю вас». – Достигли,

наконец, до цели нашего путешествия, торопясь к родным – Полтавской сестре. Через несколько дней муж возвратился в Москву, а я осталась у сестры в деревне на неопределенное время. Однажды, читая газеты, я была поражена извещением об описи нашего имения за долги моего мужа, тем более что и всё мое там было оставлено, ибо я поехала налегке. Грусть эта заставила меня вспоминать о словах архимандрита. Сейчас же посылаю за священником (церковь против дома) и молитвенно прибегаю к своему покровителю. К вечеру послышался колокольник, – и получаю эстафету от Ник. Андреевича; – вот её содержание: «Полагая, что газета тебя испугала, нарочно посылаю тебя известить об изумительном случае. Тебе известно, что я очень много должен Евдокимову, но он меня не теснит; я сижу дома в сильной грусти. Вдруг он ко мне входит и, видя меня печальным, спрашивает о причине. На мой ответ он сказал: «только-то; да возьмите у меня сколько вам угодно и удовлетворите кредиторов», что было и сделано». Спокойствие снова водворилось.

2-е чудо.

Прошло много лет. Ник. Андреевич и забыл свой долг Евдокимову, который, наконец, потерял терпение, и, в свою очередь, вознамерился подать бумагу на моего мужа. Обер-полицеймейстер, истинный друг наш, жандармский генерал Шубинский – тоже, а главное зять мой Полтавский, любимый и уважаемый Евдокимовым – все трое умоляли его оставить свое намерение, но просьбы остались тщетными. Накануне рокового дня все они явились к нам с грустной вестью, что видели уже изготовленную бумагу и с тем от нас уехали. Сестра Ник. Андреевича обратилась ко мне с упреком, говоря: «посторонние оказывают участие, а вы так хладнокровно всё выслушиваете». Да, возразила я, потому что бумага не подается. На другой день отслужила молебен Святителю, и все земные ходатаи явились с известием, что, мало того что бумага изорвана, видели сильное раскаяние, и вслед за ними приехал сам Евдокимов, прося простить ему и даже располагать его карманом для удовлетворения других.

Чудеса от Космы и Дамиана.

Родитель мой был подвержен геморроидальным нарывам, сопровождаемым всегда шестинедельной горячкой. Я любившая его больше своей жизни при нем была неотступна. Прошло несколько лет – о нарывах потерялась и память. Однажды собравшись с визитами я заехала к нему и была поражена известием, что у него делается нарыв и за доктором послали, который не замедлил явиться. Осмотрев больного, он объявил мне о нарыве и что за последствия не ручается. На вопрос мой: скоро ли прорвется? не ранее, сказал, 9-ти дней, а теперь он только что начинается. Я, проводя его, сажусь в карету и отправляюсь на Покровку к небесным врачам. Сильно билось моё сердце и дух был смущен до нельзя. Молебен пред иконою Космы и Дамиана о болящих там служится превосходно. Молебен ещё не был кончен, как я совершенно успокоилась. Взявши масла из лампы и воды со святых мощей, я возвратилась к своему больному. Ко мне бегут навстречу с радостным известием, что нарыв прорвался и за доктором послали. Сей последний изумился необычному случаю, и чрез два дня больной совершенно оправился не будучи уже более подвержен нарывам.

2-е их чудо.

В числе коротко мне знакомых была Ан. Льв. Новикова. Из всех её дочерей я более любила бывшую замужем за военным полковником Бергштерн. Он был поражен сильным сумасшествием, вследствие неожиданной смерти своего ребенка. Весь Петербургский факультет определил, что этого рода сумасшествие неизлечимо, ибо происходит от размягчения мозга; московские доктора, и даже сам Саблер⁴⁷⁷, известный врач для умалишенных, подтвердили тоже, и даже предписано было отделить его от семейства на дачу. Они оба после консилиума приехали ко мне делить свое горе; я, выслушавши их, сказала: хотя мы и хорошо знакомы, но этого недостаточно, – я желаю знать дух вашей веры. Они в один голос отвечали: «можно ли же сомневаться». Тут я им рассказала о Косме и Дамиане; они приступили с просьбой сейчас же туда ехать и мы отправились; отслуживши молебен, я, отдавая Св. воду жене, сказала: ваш муж лютеранин, но ваша вера должна заменить

его; прикажите его камердинеру, без ведома его, по три капли класть в его еду, питье и лекарство. Она все это выполнила и на другой день поехала навестить мужа, и как его видит? в совершенном рассудке; увидав её, он сказал: ах, Маша! какой я нынче видел сон: кто-то ко мне подошел и что-то вынул из-под головы, вследствие чего я ясно усмотрел, что я был сумасшедший, и узнал все свои безрассудные поступки; но скажи мне, что это за вода, от тебя присланная? Она нашлась вынужденной всё рассказать, и он воскликнул: не думаешь ли ты, что твои консилиумы меня исцелили? нет, а вот кто, и я теперь желаю причаститься, что было выполнено немедленно. Когда же он совершенно здоровым возвратился к семейству, то вся Московская знаменитость с удивлением объявила, что тут искусства их и быть не могло и ни в одной аптеке и сыскать лекарства было невозможно.

Чудо от Святителя Ионы⁴⁷⁸.

Я всегда имела привычку говеть 4 раза в год: на 1-й и страстной неделе, в Рождественский пост – три дня только и в Успенский – все две недели. У меня немного заболели глаза; доктор мне не помог, и мне припомнилось событие в Успенском соборе, во время войны 12-го года. Когда все мощи из рак были выкинуты и к мощам Святителя Ионы подход был недоступен, тогда сам Наполеон, не поверя ослеплению дерзновенно подходящих, – сам хотел приступить, но хотя и не известно мне, какое ему было видение, но он, отступя, сказал: «оставьте этого старика». Мне и пришла мысль коли Святитель ослеплял неверующих, то, конечно, исцелит верующих, и вот что я сделаю: приложусь к мощам, оботру глаза воздухом и исцелею. Эта мысль ни на минуту не оставляла меня. Две мои хорошие знакомые старушки, весьма набожные, – одна жена известного генерала Алексеева, другая сестра её Вигилева, – упросили меня в Успеньев день – день моего причащения у них обедать, зная, что вечерню этого праздника я всегда слушала в соборе, и желая вместе со мной туда ехать, что и было нами исполнено. Но к удивлению моему, мысль меня не покидавшая изгладилась в минуту прикладывания; и когда я стала сходить со ступенек, я горестно вздохнула. Народ меня уже оттер, и на тайную мою

мысль рука гробового монаха из-за толпы ко мне протянулась и подала с мощей мне воздух, и монах сказал удерживая меня: «а вот». Я изумилась; с восторгом обтерла им глаза. В карете мои спутницы спросили меня: вы, конечно, знакомы с гробовым? Нет. Так что же это за предпочтение? вас остановил и, чтобы никому не дать воздуха, над нашими головами его пронес и положил в раку. Не знаю причины, отвечала я, но возвратясь домой рассказала мужу.

Сила веры.

Грузинский Архиерей Досифей⁴⁷⁹ чрезвычайно нас любил, в особенности меня, что доказывает его пожертвование мне замечательного образа Матарской Божией Матери, написанного на сучке дерева, под которым святое семейство отдыхало в селении Матарии, во время бегства через песчаную Аравию. Вблизи дерева Спаситель ударением рук открыл кладязь. С этим образом я никогда не расставалась. В 61-м году я была в Горчакове⁴⁸⁰ со своей двоюродной сестрой Колокольцовой; при нас была горничная, лакей и почтальон. Я имела в кармане более 1500 р. собранного оброка, и на возвратном пути в дебаркадере мы нашли пролетку, присланную за нами с братом, дабы не дожидаться снятия кареты с платформы, но я, боясь их лошадей, отпустила сестру с горничной. Начальник станции, мне знакомый, узнав, что горничная увезла от кареты ключ, упрасивал меня у него ночевать, на что я не согласилась. Будучи уже почти дома, попросила послать за заставу за извозчиком, ибо весь поезд уже разъехался, что было им и выполнено. Это была первая моя проба извозчиков; почтальону я приказала сесть со мной в пролетку, лакея же оставила при карете. От дебаркадера до заставы очень далеко; дорога невыносимая, ночь тёмная, осенняя, к тому же изморозь; извозчик мальчик, лошадь уже усталая. Вдруг нам слышались голоса от заставы, к нам приближающиеся. Извозчик испугался, когда подошло к нам несколько человек, взявших лошадь за узду, с криком: «стой, это наше дело»; пока почтальон на них кричал, я прочла молитву Спасителю и Его Пречистой Матери и неробким голосом сказала: «подите прочь», – и к удивлению моему не только злонамеренные отскочили, но громко

воскликнули: «ох, оставь этот экипаж», – и я благополучно доехала домой.

Другой случай.

Однажды кучер мой стал отпрягать моих смиренных лошадей; вдруг одна из них взбесилась; весь дом сбежался, ворота затворили и она не только металась на все стороны, но подняла кучера, становясь на дыбы, и опускала на землю, подкидывая под себя. Я, видя беду неминуемую, с твердой верой подошла к окну и только что успела сказать: «Господи, ты же нам сказал: еще веру имете и не размыслите, то речете горе сей двигнись – и будет; верую, Господи, и Твоим именем укрощаю лошадь» – как вдруг она не только усмирилась, но стала ласково глядеть на кучера и тот выпустил даже узду, видя что она сама пошла в конюшню и встала в свое стойло.

Третий случай.

Однажды будучи в деревне у своего родителя, я с своими обеими сестрами собралась к одной соседке, и только что хотела сесть на линейку, как почувствовала сильную боль в глазу; доктор всегда находился в доме. Я спросила его: что это значит? Он велел промыть глаз, прибавя: если не облегчит, то я не только не позволю вам ехать, но настойчиво буду требовать, чтобы вы отправились скорее в Москву; здесь нет пиявок, а для вашего воспаления они необходимы. Я уехала, и когда мой доктор меня вылечил уже, то сказал мне: благодарите Бога, что там был доктор; ваше воспаление было такого рода, что глаз бы лопнул. Через четыре года тому назад я собралась в воскресный день к обедне. Это было летом, и ветру не было. Едва за мной затворили подъезд, как я почувствовала тоже воспаление и в том же глазу. Что было делать? променять обедню на доктора, или рисковать глазом? Но сказала себе: пойду ко Врачу врачей и вот что сделаю: подойду под Св. Дары при их перенесении и, если на мое счастье будут причащать какого-нибудь младенца, загляну в потир и, увидавши тело и кровь Спасителя, исцелю. Пришла в храм Иоанна Предтечи; совершалась ещё проскомидия. Каково же было дожидаться столько времени? Глаз вертело, слеза била, мысли смущены. Наконец желанная минута настала, и, едва я успела нагнуть

голову, как вдруг все утихло. От перенесения даров уже было недолго ждать; поднесли младенца, и, когда я увидала желаемое, пришла домой такой же здоровой, как и вышла. Поставила себе в обязанность созвать свою прислугу и рассказать событие, дабы укрепить их веру.

Сны предсказательные.

Однажды, изготовив деловую бумагу в Петербург, запечатав пакет и написав адрес, приказала с вечера на другой день отнести на почту. Уснув крепким сном, под утро, слышу голос: «твоя бумага без года, месяца и числа». Я сейчас же проснулась и подумала: стоит ли вставать? с моей аккуратностью может ли это быть? Однако же встала, распечатала пакет... и бумага была без года, месяца и числа.

2-й сон.

Мне нужно было вносить в Опекунский Совет за имение выкупное свидетельство, а их не иначе можно вносить, как лично, или по доверенности, и подумав, что все директора меня знают, то, вероятно, для меня сделают исключение. Написала им записку с вечера, приказала своему человеку отнести записку и свидетельство. Уснув крепким сном забыла и думать более о деле. Под утро вижу, что я провожаю двух каких-то мужчин. Один из них с поспешностью вернулся из передней, сказав: «ах, мне нужно вам дать бумагу, а то у вас будет много затруднений». Проснувшись подумала: я, которая благодаря Бога, никогда не вижу пустых снов, а вот сон совершенно пустой. Зная, что Опекунский Совет всегда задерживает очень долго, я удивилась скорому возвращению своего посланного. Спрашиваю: что это значит? Ответ был: вышло затруднение, но директора, чтобы выполнить ваше желание, решились прислать вам бумагу, которую следовало бы вам подписать; так извольте её на дому и завтра при свидетельстве её прислать к ним, что мною и было выполнено. Но завтра та же история. Посланный извещает, что опять затруднение: они забыли, что в этот день они заняты другими делами и назначили опять завтра. Снова возвратился посланный с указанием на затруднение. Бумага, мною подписанная, была составлена ими с ошибками: выставлен не тот номер свидетельства, не тот год и число;

прислали уже правильную к моей подписи – и только в четвертую поездку дело мое кончилось без затруднений.

3-й сон.

Двоюродную мою сестру Колокольцеву с братом я ожидала из-за границы в скором времени. И вот я вижу их во сне у себя в спальне обоим в недоумении: отдать ли мне телеграмму о Николае Андреевиче... и что же я прочла? «Встал совершенно здоров, без всякой причины впал в беспамятство, пришел в себя – и умер»... С их приездом получаю от Ник. Андр. письмо: «Ты удивишься, мой друг, расскажу: Я встал совершенно здоров, без всякой причины впал в беспамятство, пришел в себя» – Я ему отвечала, что в свою очередь удивлю его, ибо всё это знала через сон. Но потом безошибочно подумала, что длинное тире в телеграмме означает через год его кончину. Так и сбылось.

4-й сон.

Год тому назад вижу я, что я нигде не была и никуда не шла, но очутилась на своём тротуаре. Ночь наступила, небо было покрыто тучами; за мной шел какой-то провожатый. Я, не оборачиваясь к нему, сказала: ну, теперь уж мне никто не нужен: тротуар гладок как паркет; и по тени я видела, что провожатый пошел назад; но лишь только я пошла по тротуару, на каждом шагу были камни преткновения. Я выбилась из сил подходя к подъезду. На небе стало светлеть и подъезд, но уже не мой, сам собою растворился, чрезвычайно освещенный. Я не входя ещё в него стала размышлять: дом мой, но подъезд не мой... и какое в нём освещение! Стало быть всякий может сюда входить. Вошла в переднюю и тут нашла такое же освещение и человека четыре, которые меня все вычищали. Я их спросила: что это все значит? и к чему такое освещение? Мне отвечали: «для вас Николай Андреевич приказал, как можно скорее для вас отчистить все. Тут я проснулась и, разбирая аллегорический этот сон, ясно вижу, что камни преткновения ничто иное, как трудовая моя земная жизнь; дела не улаживаются не смотря на труды, а что подъезд уже близок, это несомненно, но, конечно, по грехам моим и мыслить не дерзаю найти его для себя освещенным.

Сношения с усопшими.

Сестра моя Полтавская составляла со мной одного человека: у нас были одни понятия, одни чувства и мысли, но уравниваться с ней в христианских подвигах и мыслить не дерзаю. Кончина её ясно это доказывает. В течении шестинедельных страданий она несколько раз причащалась, все ночи заставляла читать ей акафист, лежать она не могла и с большим трудом сидела в креслах, и то поддерживаемая горничной. В день её кончины я стояла сзади неё; два доктора окружали больную. Она сказала обернувшись ко мне: ты всё плачешь? береги себя: касательно своих детей я спокойно умираю – у них есть мать. – Потом спросила докторов без малейшего страха, как они её находят? Они вместо ответа друг другу подали её пульс. Она их поняла и сказала без испуга: «вы сами отцы семейства; если можно – спасайте меня». – На ответ же их, что всё что от них зависело, всё сделано, она не смутилась и желала ещё причаститься. Исповедь её была громкая, и едва ли младенец имел менее грехов. Когда же причастилась, то с улыбкой, подняв к небу руки, сказала: ну, теперь мы можем заснуть, – и заснула, так что и сам духовник не подозревал, что она перешла в вечность. Я два года не осушала глаз. И вот однажды вижу сон, что я стою одна на прекрасном месте, обнесенном низеньким плетнем, трава была высокая и густая, но ни тропинки, ни калитки не было, и вдруг увидала сестру возле меня стоящую. Я с радостью хотела её обнять и поцеловать, но не знаю, почему этого не сделала, а только спросила: «любит ли она меня по-прежнему». Она отвечала: «уж это не та любовь». А молишься ли обо мне? Она, сказав: «ещё как молюсь», скорыми шагами стала уходить. Трава перед ней раскидывалась и она шла по тропинке. Когда же я хотела за ней идти, то снова перепутывалась и скрывала тропинку. Остановись, кричала я, возьми меня с собой; ты видишь, что я одна не могу идти, но ответа не было, и она сделалась невидимой. Я обернулась к небу и увидала распятие во весь рост; мгновенно оно сдвинулось и дало место Господу Саваофу, то и другое не скрываясь дало место царским дверям затворенным... и я проснулась.

2-й сон.

Другая моя сестра Повалишина имела много достойных качеств и, хотя мы были от разных матерей и она гораздо моложе меня, мы были очень дружны. Она была слабого здоровья и я чаще бывала у ней, чем она у меня. Когда случалось так, что у ней не было посетителей, то любимые разговоры наши были о будущей жизни. Раз она мне сделала замечание, что я очень грешу, не переставая плакать по сестре; стало быть ты не хочешь покориться воле Божией; возьми же меня в пример: сколько я имела детей и всех потеряла, осталась одна дочь и та болезненная, и то не ропщу. Чрез год она ещё родила и, протрадав недель шесть, скончалась. Я всё время была при ней и от вторичного горя сама занемогла и, отстояв первую панихиду, на похоронах уже не была. Доктора добивались во мне испарины, но никакие средства её не производили. Накануне 9-го дня ночью со мной сделалась испарина на лице и на груди... и вдруг во сне я слышу чей-то голос: Елизавета Владимировна приказала вас разбудить. Я же отвечала: скажите Лизаньке, чтоб она меня не будила: у меня испарина, которой добиваются доктора. Опять тот же голос сказал: для того то она и приказала вас разбудить – эта испарина для вас вредна, она неправильная. Я проснулась, испарина исчезла, и я вздумала спросить докторов, существует ли неправильная испарина, не сказав им, что она у меня была. Они отвечали, что она самая вредная, ибо не повсеместная и непременно надо её перервать. В это же утро муж сестры моей присылает барышню, жившую у них, сказать, что сам бы меня навестил, но так как это 9-й день, то исполнив всю службу, устал; более же прислал ко мне по приказанию Елиз. Влад., которая во сне с ним много говорила и между прочим сказала ему: скажи от меня сестре Кашинцовой, что я её благодарю за все – за все и прошу её, чтоб она более не плакала.

3-й сон.

В доме моего родителя был в числе прислуги человек весьма набожный и преданный всему нашему семейству, но был глуп и из него делали шута. Когда я была так убита горем, он часто приходил меня навещать. Однажды я попросила его научить меня как поминать на славе усопших, читая по ним

псалтирь, что он и сделал. Вследствие чего я спросила – поминает ли он мою сестру? Он с негодованием возразил: как же нет? вы обе выросли на моих глазах... и праведницу вашу матушку поминаю и за всех вас живых молюсь. Года через четыре и он умер. Из признательности к нему я сочла своей обязанностью помянуть его, а так как у меня вековое поминовение в том приходе, где живу, то и его вписали; так же вписала имя его и в свое поминанье, с которым всегда бываю в других приходах. В Троицкую родительскую субботу я была у ранней обедни, потом поехала к поздней на Ваганьково: в самый Троицын была также. На Духов день вижу сон, что я вошла в какую-то неизвестную мне часовню, где по левую сторону был большой образ. Я намеревалась по ступенькам к нему ведущим взойти приложиться и рассмотреть какой это образ в серебряном окладе, как вдруг увидела у ступенек по правую сторону Александра. Он был с веселым лицом и помолодевший. Я пришла в недоумение идти прикладываться, или с ним заговорить. Предпочесть разговор – боялась согрешить: а при мысли, что человек невидимо вошедший мгновенно может и скрыться, я решилась подойти к нему с вопросом: Александр! это ты?

Да, я. Да ведь ты умер? умер. А как же ты здесь? Он взял меня в сторону, поднял руки к небу, сказав: а Троицын то день... ваши молитвы и ваше поминовение большую мне приносят пользу и сделал мне низкий поклон.

Я проснувшись стала разуживать когда будет его годовой день, чтобы по нем отслужить панихиду, и оказалось, что он был в самый Троицын день.

4-й сон.

Всеми уважаемая штатс-дама Прас. Ив. Мятлева⁴⁸¹ не столько мне была близка по родству, сколько по её расположению. Старшая её дочь Граф. Левашова⁴⁸² была ещё в детстве нашем со мною очень дружна. Впоследствии она жила в Петербурге, но мы вели переписку. С кончиной графини переписка прекратилась. И вот я вижу сон, что вторая Мятлевой дочь Галахова говорит мне: поди к маменьке – она тебя зовет. Я сейчас же за ней пошла и изумилась, найдя Праск. Ив. уже не в

великолепном доме, а в темной и узкой комнате, на каком-то ничтожном диване лежащую. Когда она меня увидела, то, протянувши ко мне руки, благословила меня. Этот сон не выходил из моей памяти и я вполне была уверена, что она скончалась. Анна Алекс. Окулова⁴⁸³, воспитательница нашей Великой Княжны Ольги Николаевны, если и на два дня приезжала в Москву, всегда бывала у меня, и на сей раз меня посетила. Я прежде чем с нею поздороваться спросила: скажи прежде всего мне о Мятлевой? и ответ был: недавно скончалась.

5-й сон.

Однажды во сне я вижу Миллера, бывшего полицеймейстера Московского в белом одеянии. Он подошел ко мне и начал говорить всё про покойников – общих наших знакомых. Я, рассказывая сон Николаю Андреевичу, прибавила: странно, что человек давно мною забытый, мне приснился и не нашел другого разговора, как о покойниках. Забывши сон и ездивши с визитами, я приехала к его племяннице. Она бежит ко мне навстречу, объявляя, что её дядя на днях скончался.

6-й сон.

При жизни ещё моего мужа мне снилось, что получила от него письмо и прочла: тебе будут большие беспокойства от кухарки. Впоследствии не прошло двух дней, как мне докладывают, что надо поторопиться отправить кухарку в больницу, – она занемогла так сильно, что едва доедет. Так и должна была она там кончить жизнь.

7-й сон.

В год поджигательств в Москве мне снилось, что я вхожу в церковь Покрова к утрени и вижу покойного своего родителя, стоящего у правого клироса; в руках его был большой крест без распятия, вызолоченный по дереву. Не оборачиваясь ко мне, он подал мне этот большой крест, и я проснулась. В непродолжительном времени мне объявляют, что одна странница неотступно желает меня видеть (а я до предсказателей не охотница, и даже считаю за грех с ними толковать), но она почти силой ко мне ворвалась. Описала меня как я сама себя знаю, сняла с себя перчатки, надела

сильно на мои руки, сказав: тебе тепло будет; стала перед образами и, молясь, твердила: Господи! спаси ее. Потом укутала меня своим платком сказав: о, как тебе тепло будет... и снова за меня молилась. Её предсказание и поданный мне крест предвестили мне два пожара в нашем доме, через полгода один после другого, но они были во славу Божию, и милосердие Бога было сопряжено, можно сказать, с чудесами. В первом пожаре огонь горел в углу сеней девичей и, не раскидываясь, пробил крышу, – и вместо убытка я же получила большую сумму из страхового общества. Духовник мой покойный – от Рождества в Кудрине, любивши меня более, чем духовную дочь, прибежал ко мне и стоя при огне, ничего не зажигаящем, дивился. Я не потеряла присутствия духа: распорядилась вынести шкаф с образами и помолясь им сказала: Господи, твори свою волю, и ушла в сад, но преданная прислуга всё важнейшее перенесла туда же. Когда же приехавшая часть потушила огонь и всё из сада вносилось, то утвердительно можно с верой сказать: «аще и пойду посреди сени смертные не убоюсь зла». Образа в шкафе треугольном как будто и не выносились. Весь мой гардероб не только не испачкался, но кисейные платья не требовали утюга. Второй пожар – та же самая история с той разницей, что загорелось в кладовой, горел потолок, составлявший накат моей спальни. Со двора кричали: спасайте барыню, сейчас её пол провалится. Люди в передней задыхались от жару и дыму, а я лежащая на самом огне (ибо это было ночью – от 10-ти часов вечера до 5-ти утра) и дыму не слыхала. Равным образом всё было вынесено и внесено невредимо. И я же получила опять сумму из страхового общества, от которой я отказывалась не потеряв ничего, но по правилам страховка должна быть принята. Тамошний архитектор с удивлением говорил, стоя перед пожаром: «я состарился в этой службе, но подобных пожаров не видал».

Вот, Преосвященнейший Владыко, Вам некоторое описание моей жизни. Оно – следствие недавно прочитанной мною книги о чудесах Шуйской чудотворной иконы, где Владычица повелевает объявлять о её чудесах. Иначе как же бы я могла позволить себе дерзновение утруждать Вас столь длинным

чтением, и кому же лучше, как не Вам посвятить все это описание? Но умоляю Вас, чтобы эта тетрадь никому не попала на глаза. Нет сомнения, что она меня переживет, пускай она будет Вам напоминанием о душевно Вас уважающей, всем сердцем преданной Вам и жаждущей Ваших молитв Евдокии Кашинцовой.

P.S. Вот ещё случай: в молодости моих лет, когда я читала Четь-Минею, в конце Апреля опять во сне слышала: «Пафнутий Боровский». Проснувшись, спросила мужа: есть ли такой святой? и он тоже не знал. Когда же я дочиталась до 1-го Мая, то к удивлению моему, это было о Пафнутии Боровском. Так как у меня в доме каждое первое число служитя молебн с водосвятием, я вменяю себе в обязанность молиться этому святому 1-го числа Мая.

Теперь прибегаю к Вам, Преосвященнейший Владыко, прося Вас вразумить меня, чему я должна приписать все свои сновидения? К чему я так много была извещена о долженствующем случиться? Если это искушения, то удвойте Ваши Архипастырские молитвы за меня грешную».

В ответ на это послание писал я от 16-го числа:

«Ваше Превосходительство,
Досточтимая о Господе,
Евдокия Владимировна!

Приношу Вам искреннюю благодарность за Ваше великое ко мне доверие.

Прочитав с полным вниманием Вашу назидательную повесть о Вашем рождении и воспитании, о совершившихся над Вами дивных знамениях силы Божией, о примечательных случаях в Вашей жизни и о Ваших знаменательных сновидениях, я понял теперь ясно, откуда в Вас такое благочестивое настроение мыслей, такая любовь к храму Божию, такая преданность в волю Божию и такое сердечное расположение к истинной христианской благотворительности. Не обинуясь можно сказать о Вас, что Вы благочестивого корене пречестная отрасль, как нередко воспевается в церковных песнопениях в честь некоторых святых мужей и жен. От таких родителей и каковы были у Вас и как Вы их изображаете, мог ли

произойти иной плод, иная воспитанница, как Вы? Ибо как, по древней притче, от беззаконных исходит беззаконие (1Цар.24:14), так, напротив, от праведных и благочестивых естественно должны исходить правда и благочестие.

Чудесные явления над Вами и над присными Вам силы Божией, очевидно, суть плоды живой веры Вашей в Божественную помощь.

Бывают и у других примечательные события в жизни, но не все обращают на них должное внимание, не все так пользуются ими к своей душевной пользе, как пользовались и пользуетесь Вы.

В ночных сновидениях всегда более или менее отражаются мысли и чувствования, какими бывает занята душа в бодрственном состоянии. Вот обыкновенное, естественное изъяснение сновидений. Но как нам известно из Св. Писания, бывают сны особенного свойства, происходящие по действию и особенному устроению Промысла Божия. На эти сны нельзя не обращать особенного внимания и к содержанию их нельзя не быть внимательным. Но с другой стороны, бывают сновидения, замечательные по своему содержанию, но сомнительные по своему происхождению. Относительно таких снов много встречается предостережений в книгах Священного Писания и в житиях Святых.

Итак не всякому сну можно приписывать особенное значение.

Вот все, что могу я ответить на Ваш вопрос относительно сновидений.

Приветствуя Вас с начавшимся и продолжающимся ещё в св. церкви великим и всерадостным торжеством о преславном воскресении из гроба Божественного Искупителя, призываю на Вас Его спасительное и вседейственное благословение».

2-го ч. получено было мною с родины моей, от священника села Гориц, Шуйского уезда, Александра Яковлевича Невского, уведомление об устройстве, по моему распоряжению, памятника над могилою моей родительницы. Памятник над могилою родительницы⁴⁸⁴ устроен в форме чугунного креста стоимостью во сто рублей. В дополнение к посланным мною от

20 ноября 1865 г. на вечное поминание моих сродников пяти билетам сериями (250 р.)⁴⁸⁵ препровождено мною на тот же предмет ещё два банковых билета по 100 руб. каждый с тем, чтобы причт церкви села Гориц пользовался только одними процентами.

7-го ч. получено было мною письмо из Вильны от попечителя учебного округа Н. А. Сергиевского.

Николай Александрович от 2-го числа писал мне:

«Вместе со словами пасхального приветствия: «Христос воскрес», примите, Ваше Преосвященство, мое и жены моей искреннейшее поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и все наши лучшие Вам благожелания. Дай Господи провести Вам светлые дни праздника в совершенной радости и полном здравье.

Сердечно благодарен я Вашему Преосвященству за письмо от 22-го января и за присланную книжку. Вы спрашиваете, когда же мы увидимся? Дорого бы я дал за удовлетворительный ответ. Но, увы, не могу дать такого ответа. Носилась в голове мысль поехать летом на Кавказ, чтобы там отдохнуть и полечиться. Но едва ли удастся осуществить эту мысль, сопряженную со многими затруднениями. Если же поездка эта устроится, то я заблаговременно уведомлю о проезде через Харьков, где постараюсь остановиться на два, три дня.

Теперь, я думаю, Ваше Преосвященство уже обжились и освоились с Харьковом. Нет сомнения, что душе там легче, нежели в наших польско-жидовских странах.

Нового у меня решительно ничего. Всё идет своим чередом, по-старому. Нередко стал я прихварывать. Постоянная напряженность начинает разрушать организм. Не знаю, долго ли могу так работать, как теперь работаю в Вильне вот уже седьмой год.

Буду с нетерпением ожидать от Вашего Преосвященства сведений о Вас и Вашем житье-бытье».

10-го ч., в субботу на Пасхе, неожиданно приехал ко мне из Белгорода, сосланный туда в наказание, архимандрит Полоцкого Богоявленского монастыря Григорий, с целью излить предо мною свои скорбные чувства и получить от меня какое-

либо утешение. Я, сколько мог, утешил его и словом, и делом, вручивши ему на его нужды небольшую сумму денег. Немало побеседовали мы с ним, в продолжении трех суток, о Полоцке и о Белгороде.

14-го ч. писал я в Москву Преосвященному Леониду:

«Пропустивши время приветствовать Вас с всемирным торжеством о преславном воскресении из гроба Господа и Спасителя нашего, спешу, по крайней мере, не запоздать к Вам явиться с моим усерднейшим поздравлением по случаю Вашего личного празднества в честь и славу св. муч. Леонида, молитвами и предстательством коего да хранит Вас благодать Воскресшего Жизнодавца на многия лета, к радости и утешению Ваших присных и всех Вас душевно почитающих. – Мне помнится, если не ошибаюсь, Вы празднуете 16-е число апреля в 30-й уже раз: слава Богу! немалое уже поприще монашеского жития пройдено Вами. Но-увы! В настоящее печальное время более и более оскудевает число *преподобных* в духовных школах высшего образования. Как слышно, наше высшее священноначалие немало озабочено при виде этого неутешительного явления. Но и простому нашему монашеству угрожает сокращение.

Не далее, как вчера я слышал, что внесено в Св. Синод предложение о закрытии некоторых городских монастырей, в том числе Полоцкого Богоявленского; посмотрим, какие будут из этого последствия. В нашей благословенной Украине, в царствование Екатерины II, закрыто было множество монастырей, но впоследствии времени некоторые из упраздненных обителей, как напр. Святогорская Пустынь, Ахтырский Троицкий монастырь и др., по усиленному ходатайству местных помещиков и благочестивых поселян, восстановлены и, можно сказать, процветают. В духе русского православного народа таится какое-то особенное расположение и уважение к иноческим обителям; их не терпит только современный социализм и нигилизм. У меня в епархии создается вновь одним благочестивым старцем-помещиком монастырь, на устройство и поддержание коего он определил 100 т. деньгами и 4400 с лишком десятин превосходной земли с

вековыми дубовыми рощами, водами и проч. К концу нынешнего лета предполагается открыть эту обитель.

Таврический преосвященный⁴⁸⁶, мимоездом из Москвы, провел у меня сутки. Много с ним мы беседовали о разных предметах, и ничего утешительного он не сообщил мне. Петербург произвел на него, во всех отношениях, самое грустное впечатление.

Вот не стало между нами ещё одного крепкого ратоборца за права Церкви и епископского сана. Я разумею Преосвящ. Агафангела. Родные его приглашали меня на его погребение, но я не мог решиться на такое дальнейшее путешествие, не зная распоряжений по этому случаю со стороны Св. Синода. Кто-то займет его теплое место⁴⁸⁷?

Необыкновенно скорое, при нынешних порядках, награждение *прогрессивного* Хрисанфа⁴⁸⁸ не может не заслуживать особенного внимания. Желающие награды должны принять это к сведению.

Утешен конечно наградой и мой почтенный земляк – Муромский Владыка⁴⁸⁹. Судя по его летам, пора бы ему и на епархиальную кафедру. Нельзя не порадоваться и за старца о. прот. П. Е. Покровского⁴⁹⁰, украшенного также звездой.

Еретическая книга Farrar'a⁴⁹¹, о которой изволите, писать, переводится однако же и печатается в «Православном Обозрении».

Я забыл Вам сказать о *великопостных* забавах и увеселениях. Харьковцы не меньше древних римлян преданы наслаждению всякого рода зрелищами, но и они несколько устыдились перед Св. Четыредесятницей: по крайней мере, местная газета не раз выражала скорбь по поводу пустоты театров, не смотря на появление в них нередко знаменитостей артистических. Слава и благодарение Господу!

Ваше Преосвященство изволите заключать свое послание от 9-го Марта словами: «негде более писать, да и некогда»... Что Вам *некогда* писать, с этим я согласен, но чтобы *негде* было писать, это неправда. Вы так много оставляете неписанной бумаги сверху страниц, что там можно было бы поместить другое подобное Вашему письму. Вперед

покорнейше прошу исписывать весь почтовый лист сверху донизу».

15-го числа писал я во Владимир Преосвященному Иакову:

«Светлый праздник Христова Воскресения, радостный для всякого православного христианина, для Вашего Преосвященства ныне вдвойне должен быть радостен, как ознаменованный для Вас монаршим благоволением. Поэтому и от меня примите сугубое усерднейшее поздравление.

При сем позволяю себе обратиться к Вашему Преосвященству с следующею покорнейшею просьбою. У меня давно лежало на душе сделать хотя небольшое приношение на пользу Церкви и причта села Палеха Вязниковского уезда, где был на службе и где окончил свою жизнь мой родитель⁴⁹². Теперь я решился, наконец, привести в исполнение эту мысль. Не желая беспокоить своим поручением достопочтенного старца Высокопреосвящ. Антония, я рассудил обратиться к Вашему Преосвященству и просить Вас принять на себя труд переслать через Консисторию к причту помянутого села препровождаемые вместе с сим в особом пакете на имя Вашего Преосвященства три банковых 5% билета, по 100 р. каждый. Исполнение этой просьбы я приму для себя за особенное одолжение.

Среди страстной недели скончался мой сосед, Преосвящ. Архиеп. Варлаам, бывший Тобольский, и проживавший на покое в Белгородском монастыре. Отпевание его совершал в среду на Светлой неделе Преосвященный Курский⁴⁹³. Слышно, что покойный Варлаам начал дело об открытии и прославлении мощей нетленно почившего в Белгородском монастыре святителя Иоасафа (Горленко)⁴⁹⁴. Дай Бог, чтобы это дело приведено было ко благовому концу».

Вместе с тем препроводил я к нему упомянутую в письме сумму при особом официальном письме за № 37, следующего содержания:

«Препровождая при сем к Вашему Преосвященству три Государственных пятипроцентных банковых билета – выпусков: 1860 г. за 180.758; 1861 г. за № 163.209 и 1869 г. за № 46.509 по сто рублей каждый, покорнейше прошу Вас принять на себя труд сделать распоряжение об отправлении сих билетов к

причту Вязниковского уезда села Палеха Крестовоздвиженской церкви, при которой погребен мой родитель, с тем, чтобы процентами с двух билетов пользовался причт означенной церкви и за сие совершал поминовение о моих сродниках по прилагаемой при сем записке, а проценты с третьего билета поступали бы в пользу церкви; самый же капитал оставался бы навсегда неприкосновенным.

Как о получении помянутых билетов, так и о сделанном Вашим Преосвященством распоряжении касательно доставления их по назначению благоволите меня уведомить»...

Из Москвы писала мне от 15-го числа Графиня А. Г. Толстая в ответ на мое письмо от 1-го апреля:

«Ваше Преосвященство много утешили меня милостивым письмом и внимательным участием, с которым расспрашиваете меня о моем исцелении от слепоты. Мне сделал операцию глазной доктор Маклаков, он снял катаракт очень удачно, и во все 11-ть дней, которые я пролежала, никакой болезни, никакого обычного мне страдания у меня не было, по-особенному заступлению Царицы Небесной.

Прочитав случайно о чудесах, явленных исключительно слепым чрез Икону Божией Матери, именуемой Тихвинскою, я вспомнила о таковой же иконе (настоящей копии с чудотворной), привезенной из Тихвина покойному мужу моему. Икона эта была в Москве, я просила привести её сюда, и тут же помолившись решила сделать операцию, которая удалась в честь и славу Маклакова. Радость моя была велика, соразмерна ей моя благодарность Всевышнему за Его многия и неизреченныя блага.

Теперь надеюсь видеть Вас ещё в этой жизни. Вашему Преосвященству легко понять, какое это будет для меня счастье, и как искренно я его желаю.

В ожидании его благодарю ещё раз Ваше Преосвященство и прошу Ваших святых молитв с Архипастырским благословением».

19-го ч. писал я в Новочеркасск преосв. Никанору, Еп. Аксайскому:

«Приношу Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за приветствие меня с светлым праздником и за одобрительный отзыв о книжке. Прошу принять и от меня взаимное, хотя и позднее, но тем не мене усердное поздравление с продолжающимся празднеством Св. Церкви о преславном воскресении Христовом.

Вы называете описание моего прощания с Полоцкою паствою *образцовым*; не слишком ли много чести? Предполагаемому Вами описанию предстоящего юбилея Вашего досточтимого Архипастыря⁴⁹⁵ желаю не только сравняться с этим образцом, но и превзойти его.

Да, судя по началу моего управления Полоцкой паствой, мог ли я ожидать такого конца и такой оценки моих трудов? Вы сами были свидетелем, с каким предубеждением многие смотрели на первоначальное мое действовање в Витебске и какую борьбу пришлось мне выдержать со всем меня окружающим. Но так как я действовал по совести и ничего не желал для своей паствы, кроме добра, то Господь и благословил мое действовање добрым успехом, и пасомые поняли, наконец, и оценили мои добрые намерения. За всё слава и благодарение Господу!

Прошедшим летом до меня доходил слух, что Ваше Преосвященство имели было намерение посетить меня; я очень порадовался было этому слуху, но, к сожалению, он не оправдался. Не рассудите ли нынешним летом осуществить Ваше благое намерение? Я душевно был бы рад Вашему посещению.

В нынешнем году меня посетил, по пути в СПб. и обратно, Преосв. Таврический Гурий, который ездил в северную столицу для совещания со врачами. На Пасхе гостил у меня дня три несчастный Полоцкий изгнанник – Архим. Григорий. По общему сознанию, с ним поступлено очень жестоко и едва ли справедливо. Я утешал и успокаивал его сколько мог. За него вступилось Полоцкое Братство и обратилось с ходатайством к Графу Д. А. Толстому; не знаю, какой успех будет иметь это ходатайство. О. Григорий с признательностью передавал мне о Вашем сочувствии его горю».

21-го ч. неизвестно кто писал мне:

«Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко!

Блаженной памяти Преосвященный Филарет, бывший Архиепископ Харьковский, в продолжении церковной процессии 22 Апреля и 1-го Октября, благословляя молящихся на известных пунктах города, каждый раз на несколько мгновений высоко возносил святую икону повыше своей головы. Лицезрение святыни в эти торжественные минуты нередко исторгало слезы у прибывших издалека поклонников и надолго-надолго оставляло в сердцах их благодатное умиление».

В этих строках, без сомнения, преподавался мне урок для следующего дня, т. е. 22-го числа, когда по обыкновению переносится из Харькова чудотворная икона Озерянской Божией Матери в Куряжский монастырь. К сожалению, наставление это несколько запоздало; записку эту получил я на другой уже день после крестного хода.

26-го ч. получена была мною официальная бумага от Начальника Санкт-Петербургских женских гимназий и профессора Д. Академии Ив. Терент. Осинина⁴⁹⁶. Он писал мне от 22-го числа за № 209:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь!

Окончившая воспитание в Педагогическом курсе С.-Петербургских женских гимназий и прослужившая свыше 5 лет в должности Классной Надзирательницы при Василеостровской женской гимназии, дочь статского советника девица Мария Ивановна Шопен просит меня рекомендовать её на должность Начальницы женского Епархиального училища в г. Харькове.

Так как девица Шопен, по моему убеждению, могла бы как по нравственным своим качествам, так и по полученному ею образованию и по педагогической опытности с истинной пользой для образования воспитанниц Епархиального училища занять вышеупомянутую должность, то позволяю себе утруждать Ваше Преосвященство покорнейшею просьбою, не признаете ли возможным предоставить должность Начальницы Епархиального училища девице Шопен.

Испрашивая себе Архипастырских молитв Ваших, с глубочайшим почтением честь имею быть»...

На эту официальную бумагу я отвечал таким же официальным письмом от 4-го Мая за № 45:

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

На отношение Вашего Превосходительства от 22-го минувшего Апреля за № 209, в коем Вы изволите рекомендовать на должность Начальницы Епархиального женского училища в г. Харькове дочь статского советника Марию Ив. Шопен, имею честь сообщить Вам, Милостивый Государь, что в настоящее время в Харьковском Епархиальном женском училище Начальница имеется на лицо и что, в случае вакансии, избрание Начальницы в Епархиальные женские училища, на основании Высочайше утвержденного Устава сих Училищ, предоставлено съезду духовенства.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть»...

27-го числа писал мне из Владимира Преосвящ. Иаков:

«Сердечно благодарю Ваше Преосвященство за поздравление меня с двойною радостью, по случаю общего для всех праздника и моего орденского.

Орденские знаки получены мною 7-го апреля, а грамота вчера только.

Кто радуется, а иные плачут. Г. Чуриловский⁴⁹⁷, смотритель Шуйск. училища, Вам, думаю, небезызвестный (45 л-на службе) уволен от должности, по ревизии Зинченко⁴⁹⁸, который нехорошо отнесся о нем, как наставнике и начальнике. Бедный очень встревожен; хотел даже жаловаться на ревизора. – Всё духовенство было постоянно довольно его управлением. Я впрочем его не знаю.

А изволите ли читать Влад. Еп. Ведомости? 4-й № этих Ведомостей обратил внимание Главного Управления печати. Напечатана была статья Св. Хераскова⁴⁹⁹ по поводу газетных толков о разрешении театров в Великий пост. Совет нашел её направленною против Правительственных распоряжений и возмутительною. Министр Вн. Дел препроводил заключение Совета к Гр. Толстому. Граф, нимало не рассуждая, сообщил

только содержание министерской бумаги. Мы растолковали это в свою пользу. В Синоде, видно, не осуждают нашего автора и рук нам не связывают. Владыка домашним образом показал графское отношение.

Преосв. Костромской⁵⁰⁰, прочитав статью Хераскова, в то же время предписал городскому духовенству читать её по церквям. Агитаторы!

Если молчать нам, то мы подставим шею и отдадим себя и вместе церковь на заклятие. Мацеевича⁵⁰¹ все бранили за протест против распоряжений Екатерины; наконец, нашелся человек, который возвысил голос в защиту его. Истина восторжествует. Спасибо Барсову⁵⁰².

Наши епарх. работы по реформе церквей окончены печатью. Вышла книга в 19 листов. Скоро разошлется по церквям. 816 причетников оказываются сверхштатными, а священников, кажется, 120. Кому же хорошо будет?!

7-го апр. прибыл во Владимир г. Судиенко, новый губернатор; 8-го сделал нам визиты, 9-го мы ему отдали поклон. Представлялись и члены Консистории и семинарское начальство.

17-го ч., после обедни, губернатор и вице-губернатор дождались выхода Владыки из алтаря, и первые приняли его благословение и поздравили с торжеством. Этого прежде не было.

Обещают нам в нём много доброго. Дай Бог!

Простите, Владыко. Поручаю себя Вашим святым молитвам».

Вместе с этим Его Преосвященство уведомлял меня официальной бумагой о сделанном им распоряжении относительно передачи Банковых билетов, посланных мною в пользу причта села Палеха.

Получив это уведомление, я писал Преосвященному:

«Спешу принести Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за Ваше распоряжение касательно отправления по моему назначению процентных билетов. Но позвольте попросить Вас сделать мне ещё одолжение: поручите, пожалуйста, Г-ну Секретарю Консистории, Г. Ф. Нарбекову,

распорядиться извлечением из Консисторского архива сведений о *летах* моих родителей. Отец мой, пономарь села *Палеха*, Вязниковского уезда, Мих. Серг. скончался 25-го Янв. 1819 г. и там погребен; а мать Стеф. Ив. умерла и погребена в селе *Горицах*, Шуйского уезда, 14-го Марта 1830 г. Знаю, что такие справки нелегко сделать, но я готов вознаградить того, кто примет на себя этот труд: пусть только Гер. Фед. напишет, сколько нужно будет заплатить.

Благодарю Ваше Преосвященство за указание статьи о. Хераскова. Я прочитал её с большим интересом и мысленно поблагодарил автора. Подобную статью редактора Душеп. Чтения я приказал перепечатать в Харьков. Еп. Ведомостях.

Поздравляю Вас с новым начальником губернии. Дай Бог, чтобы он как начал, так и продолжал свои отношения к начальникам епархии.

Как мне жаль почтенного И. П. Чуриловского: это был всегда примерный наставник и начальник, а его нравственные качества, можно сказать, беспримерны для нынешнего века. Я знаю его с давнего времени».

29-го ч. писал я в Вильну Попечителю Округа П. А. Сергиевскому:

«На Ваше приветственное: *Христос воскрес*, с чувством глубокой душевной признательности отвечаю: *воистину воскрес*.

Благодарение Господу, светлый праздник я встретил и проводил мирно и благополучно, хотя и не без утомления по причине обычных приёмов и выездов. Пасха у нас была не только красная и светлая, но и жаркая и весьма пыльная. Вообще, весна нынче началась здесь, как бы в вознаграждение за прошлогднюю, весьма рано; в Марте месяце засеяны были уже по местам яровые поля. В Апреле жары доходили до 25° в тени. При таких жарах и при необычайной в Харькове пыли, жизнь в городе несносна. 23-го ч. я поспешил удалиться в свое загородное уединение, но с этого, именно, дня изменилась и погода, стало гораздо прохладнее, но дождей почти нет, хотя небо и покрыто облаками.

И в городе моя жизнь, в продолжении зимы, текла, по крайней мере, по вечерам тихо и уединенно, а здесь в загородном доме я, можно сказать, услаждаюсь блаженством уединения; разве какой-нибудь проситель изредка нарушит мое уединение. Но это впрочем пока в начале; затем, вероятно, будет шумнее. Прошедшее лето, начиная с Июля почти всё я провел в кругу гостей – родных и разных знакомых. Ожидается немало посетителей и на нынешнее лето. Но я буду очень недоволен, если Вы, достолюбезнейший Н. А., не посетите меня нынешним летом. – Послушайтесь моего доброго совета: возьмите отпуск и съездите на Кавказ, или в Крым; не доводите до крайнего изнеможения своих сил, для коих немало ещё предстоит работы в будущем, на каком бы Вы ни были служебном поприще.

Занятий по службе у меня и здесь не меньше, чем было в Витебске, но таких сердечных тревог, какие я постоянно испытывал там, здесь, слава Богу, не ощущаю. Между духовенством есть правда и здесь люди задорные, но таких злостных варваров, какие были в Витебске, здесь пока не вижу. Витебск и теперь не оставляет меня в покое. Оставляя Полоцкую Кафедру, я не оставил за собою ни одной копейки долгу, в чем и получил от Консистории законную квитанцию. Но чрез год, нежданно, негаданно, вдруг получаю от моего почтенного преемника⁵⁰³ бумагу с требованием более 1000 рублей для уплаты долгов, оказавшихся на архиерейском витебском доме. По истребовании относящихся к делу документов, я увидел, что эти долги – произведение недобросовестного эконома и его клевретов, и потому просил Его Преосвященство обратиться с своим требованием к виновнику этих долгов. Преосвященный Викторин, так неосмотрительно обратившийся ко мне с неосновательным требованием уплаты долгов, по получении моего ответа, почувствовал, как мне пишут, немалый стыд.

Между тем я, поступивши на Харьковскую Кафедру, получил в наследство от своего предшественника не мнимых, а действительных долгов более 25-ти тысяч. В течении минувшего

года погашено тысячи четыре, или пять; прочее подлежит уплате на дальнейшее время».

30-го ч. получено было мною печальное известие о кончине старейшего из Русских иерархов, Высокопреосвященного Арсения⁵⁰⁴, митрополита Киевского, последовавшей в Петербурге 28-го числа от апоплексического удара, на 79-м году от рождения. Отпевание над телом почившего святителя совершено было 2-го Мая в Петербургском Казанском соборе, а погребение – в дальних пещерах Киево-Печерской лавры. – Обстоятельства кончины и погребения с подробностью описаны в современных духовных журналах и газетах. А его учено-нравственная и административная характеристика изображена в следующих отдельных изданиях: 1) Памяти Высокопреосвященного Арсения, митрополита Киевского, Киев, 1876 г., и 2) Воспоминания о покойном митрополите Киевском Арсении, В. Ф. Певницкого, Киев, 1877 г.

О моих личных отношениях к почившему в Бозе Иерарху довольно было говорено выше⁵⁰⁵.

6-го мая я посетил Институт Благородных девиц для присутствования на выпускном экзамене по Закону Божию воспитанниц 1-го (старшего) класса. Вследствие сделанного мною в прошедшем году преподавателю, протоиерею Павлову, замечания относительно одинакового высшего балла (12) у всех воспитанниц⁵⁰⁶, в нынешнем году из числа 19-ти воспитанниц, значившихся в списке, у трёх поставлен балл – 11, но и это не вполне соответствовало действительным сведениям в Законе Божиим воспитанниц.

9-го числа писал мне из Владимира Преосвященный Иаков:

«Выписку из Консисторских документов о летах Ваших родителей препровождаю к Вам подлинником.

Вчера писали нам из СПб., что Митр. Арсений умирал с *трудом*, что весь Питер занят толками о преемнике его. Называют кандидатами – Донского⁵⁰⁷, Экзарха⁵⁰⁸, Димитрия⁵⁰⁹ Яр. и Макария⁵¹⁰ Литовского; но о первом говорят, что любит деньги, второго не знает граф⁵¹¹, третий только что перемещен на Волынь. Значит ни тому, ни другому, ни третьему неудобно, а

о последнем граф говорил, что первая вакансия митрополита его. – Увидим, чья возьмет⁵¹².

При этих толках стоит заметить зоркость петербургских глаз. Словно в зрительные трубы, как астрономы, видят движение и шаги наши, и произносят суд. Это напоминает мне А. П. Святославского⁵¹³, сказавшего мне однажды, что М. Ф.⁵¹⁴ знает всё, даже и то, что едят попы. В Петербурге как в фокусе сходятся всякие лучи.

У Преосв. Агафангела по смерти не нашли, говорят, денег. Значит, окружающие обобрали его. Хорошо делают те, которые заблаговременно распределяют свое доброе. Помните, вероятно, Андрон. архим. Гавриила⁵¹⁵. У него были деньжонки, и он собирался положить капитал на содержание одного или двух учеников его имени, но по скупости всё откладывал и умер ничего не сделавши, и денег после него не нашли: служитель воспользовался.

На днях отпечатано 1200 экз. книги о реформе церковей Влад. еп. Вышла книга в 19 листов. Но объявить её Владыка затрудняется, боясь, чтобы не произошло возмущений от крестьян, коих, не спросясь, отчислили к соседним церквам. Надо бы, говорит, привести в исполнение через уездные комитеты, но они давно закрыты. В Комиссиях много нагрешили и делали это секретно.

Владыка думает поручить это важное дело благочинным, дав им особое наставление. Я советую вводить новые штаты постепенно, начав с Влад. уезда. При этом можно будет видеть, как действовать далее. И начать не ранее Сентября, по уборке хлеба. Как Вашему Преосвященству кажется?

Нелегко будет справляться и с духовенством сверхштатным. В Ярославской епархии священников сверх штата 70, а у нас 90, причетников же 800. Переводить их на вакантные места без согласия неудобно, а сами вряд ли пойдут на другие места. Это ведь иногда очень дорого стоит. Будь у нас церк. дома, тогда перемещать было бы удобнее.

Кстати о домах. В Харьк. епархии у причтов свои или церк. дома? Если церковные, то велико ли дается помещение священнику и прочим членам? Если есть у Вас планы этим

домам, Вы сделаете нам одолжение, если пришлете копии с планов. У нас крестьяне строят, где принудят их, просто мужицкие избы. Благочинные говорили мне, хорошо бы дать планы.

Не понимаю я, от чего слабы отношения прихожан к своему священнику. Чуть что случится не по мысли детей духовных, они готовы в грязь втоптать его, прогнать и даже убить. И это бывает иногда с лучшими священниками. Какой-нибудь помещик, как недавно в Чамереве Судогодск. уезда, рассорится с попом, и выставит два, три ведра вина: крестьяне съедят попа. На днях очень почтенный священник просит меня словесно убрать дьячка, как негодяя. Подайте, говорю, бумагу. «Не могу». Отчего же? «Крестьяне защитят его». А давно ли Вы на месте? «30 лет». Значит бунтовщики выросли на Ваших глазах. Чему же вы их учили? «Да, большинство вышло из моей школы, но прежняя закваска не вывелась». И выведется ли когда? Духовенство словно пятое колесо в госуд. машине, никому ненужное! Разъясните, Бога ради, эту рознь в обществе, эту вражду против нас, и укажите меры к примирению.

Ученики Семинарии и училищ не являются после святок и Пасхи в срок, и, большей частью, опаздывают два, три дня. Подтверждали родителям о своевременной доставке, но неимется: то приходские требы задерживают, то распутица. Причины благословные. Владыка вот что удумал – продлить ученье до 20 июля, и в этом смысле написать в Синод. Понравится ли это? У нас и то не как у других: роспуск бывает 15-го июля, а у других 1-го.

Не отягчил ли я Ваше внимание? – Извините. Замолчу и буду с терпением ожидать Ваших речей.

За приглашение Ваше насладиться Вашей дачею, а паче любовью усерднейше благодарю. Как воспользоваться этим? Расстояние чуть не 700 в. Пользуйся мы перми, как архиереи в иностр. державах, дело облегчалось бы хоть с одной стороны. Нам и по своей епархии нет даровых переездов: этим пользуются только губернаторы, да судебные следователи и пасторы. Но это ещё и туда и сюда; но как покажется властям дальняя поездка? Сам по себе я с удовольствием поехал бы в

гостеприимный дом, где трапезовал я и у Преосв. Филарета и у преосв. Макария и у прот. Кустова. Тогда впрочем не гостем был я, а яко враг, и то было время труда и забот. Я не умел пользоваться командировками так, чтобы взял несколько дней для отдыха. Всегда торопился, сам не зная куда».

20-го ч. в 1 ч. пополудни выехал я, в сопровождении Кафедрального о. Ключаря⁵¹⁶, из Харькова в г. Ахтырку.

По пути обозрел церкви в слободах: *Песочине, Ольшане, г. Богодухове* и слоб. *Купиевахе*.

В Песочинской церкви особенное внимание мое обращено было на образ: «Молитва Господня» в лицах. Некоторые лица очень странны и неизящны.

В слободе Ольшане три церкви: Воскресенская, Покровская и Трехсвятительская. Первые две благолепны, а последняя довольно бедна. Священник Воскресенской церкви Греков⁵¹⁷ основал женскую школу и пользуется за это уважением от прихожан. При Покровской церкви существует школа, в которой обучается до 140 мальчиков.

Некоторые из них спрошенные мною по Свящ. Истории и Катехизису отвечали очень удовлетворительно.

В 8 часов приехал в *Богодухов* – прямо к собору, где ожидало меня множество народа, требовавшего благословения. Собор довольно тесный и не весьма благолепен. Настоятель собора протоиерей Ф. Рашевский⁵¹⁸ болен.

Ночлег приготовлен был мне в доме настоятеля Троицкой Церкви, прот. П. Покровского.

21-го ч. слушал литургию в соборе; служил помощник настоятеля приходской Покровской церкви А. Червонецкий, но так небрежно, неблагоговейно и несмысленно, что я велел ему явиться в архиерейский дом для научения правильному и благоговейному совершению богослужения. При этом сделано было замечание благочинному соборному протоиерею (на священнической вакансии) А. Молчановскому за небрежное хранение ризницы. – Оказалось притом, что в Богодухове таинство крещения совершается не по православному, а по латинскому чину – *через обливание*; это неприятно удивило меня, и мною сделано было благочинному должное внушение.

После литургии осмотрены были мною две приходских церкви – Покровская и Троицкая и церковь в тюремном замке.

Настоящая *Покровская* церковь деревянная, но при ней сооружается новая каменная. Причту сделано замечание насчет небрежного хранения священных утварей.

Троицкая церковь каменная, обширная и благолепная; содержится очень чисто. При входе моем в церковь, певчие из прихожан пели стройно. Причт двуклиросный: настоятель и его помощник – оба имеют сан протоиерея, и потому отношения между ними не совсем правильные. Сколько мог, я старался выяснить отношения к настоятелю.

При посещении церкви в тюремном замке, я беседовал с арестантами, между коими я заметил очень молодого и образованного юношу. Оказалось, что это сын одной из дам, служащих при женском епархиальном училище.

Из Богодухова через слободу *Купьеваху*, где свящ. Попов⁵¹⁹ оказался не совсем трезвым, в 6 ч. вечера припыл в г. *Ахтырку*.

В 6 ч. в соборе всенощная, а на другой день 22 ч., в субботу, литургия, после которой совершен был в Ахтырский Троицкий монастырь с чудотворной иконою Б. Матери обычный крестный ход, который я сопровождал до Успенской церкви, на краю города.

Вслед затем, я отправился в экипаже в монастырь, где в свое время отправлена была всенощная служба с литией и величанием. Пение братское оказалось стройнее, нежели в прошедшем году.

23-го ч. – Праздник Св. Троицы. В 9 ч. литургия с торжественной затем вечернею.

После литургии обычная трапеза, к которой были приглашены некоторые более почетные лица из духовенства и граждан.

В 6 1/2 ч. вечера слушал утреню в домово́й церкви, при настоятельских покоях, в коих я имел пребывание.

24 ч. День Сошествия Св. Духа – главный монастырский праздник. Литургия совершена была, в свое время, с обычной торжественностью.

Отдохнувши немного после обильной праздничной трапезы, за которой гостей было ещё более, чем накануне, я отправлялся в города, для обозрения тамошних церквей. При посещении церквей, деланы были испытания причтов в знании догматов веры и порядка церковного богослужения: не оставлял без внимания и замеченных каких-либо беспорядков по службе. В соборе сделано было мною, наедине, строгое внушение и предостережение настоятелю протоиерею А. Попову и другому протоиерею (на священнической вакансии) В. Лопатину, по поводу дошедших до меня слухов о их нетрезвом поведении, а диакона Ракшевского⁵²⁰ за его трезвое и честное поведение и исправность по службе обещал представить к благословению Св. Синода.

После храмов посетил духовное училище и произвел краткое испытание учеников по всем предметам учебного курса.

25-го ч. слушал в монастыре раннюю литургию, за которой очень много причащали младенцев, принесенных из города и из окрестных деревень.

После того я велел собрать в трапезу всю братию и здесь, по поводу многократно доходивших до меня анонимных писем о Настоятеле⁵²¹ и братии, писанных, по всей вероятности, иеродиаконем Дорофеем, тщетно домогавшимся пострижения в схиму из корыстных побуждений, я почел долгом изъяснить всё недостойнство и всю неуместность таких постыдных доносов, внушив при этом настоятелю и братии не подавать поводов к справедливому нареканию и жалобам на свое поведение.

В 11 часов оставил монастырь.

В 5-м часу, на обратном пути из Ахтырки, опять приехали мы в г. *Богодухов*, где прихожане Троицкой церкви убедили меня остаться на ночь и на другой день совершить в их приходской церкви литургию. Такая усердная просьба, разумеется, охотно была мною исполнена.

Всенощную слушал я в своей квартире – в доме того же протоиерея Покровского; пели прихожане певчие очень удовлетворительно; на дворе и около дома было множество народа, которому через открытые окна слышно было не только пение, но и чтение.

Моя свита приехала в город очень поздно вечером вследствие затруднения в лошадях, по интриге уездного предводителя дворянства, барона Радена, негодовавшего на меня за то, что я не исполнил его несправедливого требования относительно удаления от должностей священника и псаломщика Самоноевского прихода.⁵²²

26 ч. в 8 часов утра началась литургия, которую я совершал соборне в Троицкой церкви при весьма многочисленном стечении богомольцев.

В 12-ть часов дня оставил я Богодухов и в 6 ч. вечера благополучно возвратился в Харьков.

Здесь меня ожидали два письма: одно от протоиерея Дюкова из Святогорской пустыни, а другое из Старобельска от начальницы тамошней женской общины Ангелины.

О. Дюков писал мне от 18-го числа:

«И к Высочайшим Особам верноподданные их обращаются к ним формою писем в экстренных случаях своей жизни. Что касается меня, то я в настоящее время постижен такими обстоятельствами, кои далеко оставляют за собой всё, что было в долговременной моей службе самого горестного и прискорбного.

Начиная с Архипастырства, блаженной памяти Архиепископа Мелетия⁵²³, я письменно или партикулярно обращался по разным предметам к последующим за ним великим предшественникам Вашим по управлению Харьковскою паствою.

На сем основании я возымел дерзновение, кроме официального, при сем прилагаемого прошения, обратиться к Вашему Преосвященству и письменно, среди подобных выше выраженных скорбных обстоятельств.

Составлением статьи в Вып. 37 «Домашней Беседы» 1875 г. и написанием объяснительного прошения от 11 апреля, я хотя ненамеренно, но тем не менее безрассудно оскорбил высокую Архипастырскую особу Вашего Преосвященства.

Припадая к стопам Вашим и имея вскоре лично явиться к Вашему Преосвященству и повергнуться к Святительскому Вашему подножию, я, орошая сии строки слезами горького

раскаяния среди стенаний сокрушенного сердца, всенижайше и всепокорнейше прошу ослабить праведный и заслуженный мною гнев и пременить на милость, оставив меня дожить век в Святогорской пустыни, где я прожил шесть лет. Со времени начавшегося дела глубокая скорбь и печаль сердца до того расстроили мое физическое и старческое здоровье, что едва передвигаю стопы свои, чувствую головокружение и опасаясь за умопомешательство с преждевременным прекращением жизни. Если бы я был один, то скорби мои и печаль были бы легче и выносливее. Но я имею сестру-старицу в Хорошевском монастыре, племянницу – дочь бедного многосемейного отца и, наконец, на Афоне сына иеромонаха Афанасия, кои все живут и питаются, особенно первые, единственно от меня, при посредстве скудной 140-рублевой годовой пенсии.

Посему, если не ради меня самого, то ради сих трех невинных кровных существ, пощадите меня, почти 73-летнего болезненного и морально и физически, крайне расслабленного старца. По слову Св. Апостола: *идеже умножися грех, преизобилует благодать*. Если мое преступление и велико пред Вами, то явите соразмерно оному и величие своего милосердия и снисхождения, дабы я в краткий остаток дней моих более мог прославлять сии богоподобные качества, нежели испытывать тяготу, хотя и праведного гнева, об отвращении коего Св. Церковь ежедневно умоляет Милосердного Господа. О сем из глубины души умоляю и я»...

Известно уже, что протоиерей Дюков, за неосновательные и оскорбительные для монастырского начальства статьи, какие он помещал в разных журналах, резолюцией моею от 9-го февраля текущего года переведен был из Святогорской пустыни в Троицкий Ахтырский монастырь. Но, не отправляясь ещё на новое, указанное ему, место жительства он обратился ко мне с слезной просьбою об оставлении его на прежнем месте. Я велел Консистории спросить настоятеля Святогорской пустыни и старшую братию, согласны ли они оставить на дальнейшее время в своей обители немирлолюбивого протоиерея. Они изъявили согласие, – и он был оставлен.

От того же 18-го числа писала мне и начальница Старобельской общины Ангелина:

«Решаюсь беспокоить Ваше Преосвященство моею покорнейшею просьбою – осчастливить посещением Вашим нашу Старобельскую общину «Всех Скорбящих Радости», где я могла бы передать Вашему Преосвященству многое касающееся общины этой; сама же я, по слабому здоровью моему, не в силах явиться в г. Харьков.

Вторая моя покорнейшая просьба к Вашему Преосвященству, не имеете ли в виду особы, проживающей в одном из женских монастырей, могущей занять должность казначеи общины, дабы впоследствии времени могла бы занять и мое место, так как я чувствую, что силы мои все слабеют. Настоящая же казначея, при всех её достоинствах, по тяжкой болезни и по совершенному расстройству её сил от тяжких трудов, не в состоянии далее заниматься делами; другой же, которая могла бы заменить её, я решительно не имею; тем более что все сестры общины малограмотны, посему ещё покорнейше прошу Ваше Преосвященство назначить по Вашему усмотрению на должность казначеи».

Вследствие сего мною дано было от 31-го Мая за № 52 Консистории следующее предложение:

«Начальница Старобельской Скорбященской общины обратилась ко мне от 18-го сего Мая с письмом, в коем, между прочим, изъяснив, что Казначея этой общины, по причине тяжкой болезни, не в состоянии далее заниматься делами, и что другой сестры, которая бы могла заменить её, она не имеет в виду, так как все сестры общины малограмотны, просит меня назначить, по собственному усмотрению, на должность Казначеи какую-либо из сестер существующих в Харьковской епархии женских монастырей.

По сему предлагаю Консистории учинить следующее: предписать Настоятельнице Вознесенского Хорошева монастыря, чтобы она, избрав из числа сестер вверенной ей обители способную и благонадежную, предложила ей принять на себя должность Казначеи помянутой Старобельской общины, и о том представила бы на усмотрение Епархиального

Начальства. Если же в Хорошевом монастыре не окажется способной и благонадежной кандидатки на должность Казначей, то обратиться с таким же предписанием к Настоятельнице Верхо-Харьковского Николаевского монастыря, и о последующем доложить».

В Хорошевом монастыре оказалась довольно образованная и способная к Казначейской должности монахиня Смарагда; она и отправлена была в Старобельскую общину.

27-го числа получено было мною письмо из Москвы от неизвестного мне тогда ученого Ф. Матвеева⁵²⁴. Вот что он писал мне от 20-го числа:

«Много святых и мудрых отцов и учителей, много вдохновенных произведений было и есть в нашей Восточной церкви, но глубина премудрости Божией не исчерпывается умом человеческим.

Сохраняя в душе чувства глубочайшего уважения к природным нашим Учителям и Наставникам, смею однако же думать, что обмен мыслей с учителями других исповеданий, не только не может считаться делом излишним, но должен быть признан необходимым условием, без которого не может осуществиться великая, любвеобильная мысль и горячая молитва нашей святой церкви о благосостоянии святых Божиих церквей и соединении всех, и соответствующее ей настоящее западное стремление слиться с православием.

Сознавая ничтожность моих знаний для самостоятельных трудов по богословской части, я решился перевести книгу доктора богословия Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», заслужившую десять изданий в Англии и много почетных отзывов нашей ученой богословской прессы.

Представляя на глубокопросвещенный суд Ваш мой посильный труд на пользу церкви, я покорнейше прошу, Ваше Преосвященство, принять его как дань моего истинного душевного уважения к Архипастырю, собственными своими трудами обогатившему нашу духовную литературу, – и, если признаете книгу достойной, Вашим милостивым о ней отзывом содействовать её распространению».

На это отвечал я от 17 Июня:

«Получив посланную Вами мне книгу: «Жизнь И. Христа» долгом поставляю принести Вам искреннюю благодарность за такой труд.

Я не мог ещё прочитать всей переведенной Вами книги, и потому не могу произнести решительного суждения о достоинстве сочинения, но тем не менее, судя уже по тому, что мною прочитано, нельзя не быть Вам признательным за труд перевода такого капитального сочинения. Нельзя, с другой стороны, не поблагодарить Вас и за пропуски, допущенные Вами в переводе, против оригинала.

Относительно распространения Вашей книги в пределах вверенной мне епархии будет сделано мною должное распоряжение.

Призывая на Вас и на Ваши учено-литературные труды Божие благословение, имею честь быть»...

Под 29-е число в ночь скончалась моя двоюродная сестра Марья Петровна, жена заштатного священника села Хотимля, Ковровского уезда, Владимирской епархии, И. Н. Успенского, на 65 году жизни. И при жизни отличалась она строгими нравственными правилами, и в загробную жизнь перешла истинною христианкою. Да вчинит Господь душу её в селения праведных!

29-го числа писал я в Пермь Протоиерею Евгению Попову⁵²⁵.

«Принося Вам искреннюю благодарность за доставление мне нового сочинения Вашего по Нравственному Богословию⁵²⁶, прошу принять от меня препровождаемую при сем лепту (25 р.) на покрытие издержек по изданию сего полезного сочинения.

По письму Вашему от 27-го минувшего апреля относительно распространения по вверенной мне епархии Ваших книг, мною вместе с сим сделано надлежащее распоряжение.

Призывая на Вас и на Ваши духовно-литературные труды Божие благословение, с братскою о Христе любовью пребываю».

31-го числа писал я во Владимир Преосвященному Иакову:

«За доставление мне выписки из метрических книг приношу Вашему Преосвященству искреннюю благодарность.

Вот какое неожиданное, но тем не менее вполне вождеденное, последовало назначение, т. е. Преосвящ. Филофея, архиеп. Тверского, на Киевскую Митрополию! Против такого назначения едва ли может быть какое-либо возражение? В этом назначении, по моему мнению, можно усматривать особенное действие бодрствующего над православною Русскою Церковью Провидения Божия.

Ещё неожиданнее назначение на кафедру Ярославскую Преосвященного Дмитровского⁵²⁷, который так сроднился с Москвой, что, казалось, никогда не оставит её. Назначение впрочем очень почётное, и, по-видимому, не должно казаться неприятным для назначенного.

Вы требуете моего мнения относительно способа приведения в исполнение реформы приходов Влад. епархии? Я сообщу Вашему Преосвященству о том, как эта реформа осуществилась в здешней Харьковской епархии. Реформа эта совершилась здесь в 1873 г. – Высочайше утвержденные штаты объявлены были через печатные брошюры посредством благочинных. Дело велось как в местных комитетах, так и в Губернском Присутствии, не совсем чисто и правильно. Вследствие сего, по прибытии моем на Харьковскую кафедру, с первых дней и до сего времени почти ежедневно я получаю просьбы от тех или других прихожан о возвращении одних к прежним приходам, и о восстановлении у других самостоятельных причтов. На неправильное распределение границ приходов заявляют иногда неудовольствие и сами причты. Приходится нередко удовлетворять просьбы прихожан и восстанавливать прежние приходы в тех, разумеется, случаях, когда прихожане обеспечивают вполне содержание причта.

Что касается до причтовых построек, то они большей частью церковные или общественные. Определенных планов для этих построек не существует, так как не везде дома у причта строятся вновь, иногда они приобретаются готовыми на церковные, или мирские суммы, от самих же священников, или от посторонних. Но во всяком случае у священника должно быть не менее трех приличных комнат, кроме кухни и прочих надворных принадлежностей.

В здешней епархии сверхштатных священников оказалось 120 человек. К настоящему году их осталось ещё 80. О причетниках и говорить нечего. Впрочем положение здешнего духовенства, сравнительно с Владимирским, как прежде было, так и теперь, без сомнения, гораздо удовлетворительнее, хотя удовлетворить вполне желаниям человеческим, при возрастающей день ото дня роскоши, никогда нельзя.

Главная причина тех или других отношений между пастырем и пасомыми заключается, по моему мнению, в самом духовенстве, в его умственных и нравственных качествах. Священник умный, трезвый, бескорыстный всегда может расположить прихожан в свою пользу.

Бывают, конечно, случаи, что и на доброго пастыря нападают злые люди; в таком случае долг Архипастыря всячески защищать и поддерживать невинного священника, хотя бы за это пришлось и самому потерпеть неприятность, как это не раз случалось со мною».

Директор 1-й Московской военной гимназии, генерал-майор М. Я. Попелло-Давыдов отношением от 21-го Мая за № 886 спрашивал меня, нет ли препятствия к перемещению Смотрителя Харьковского Д. Училища Павла Голубева на должность воспитателя в означенное заведение и просил при этом сообщить сведения об умственных и нравственных качествах Голубева и о том, может ли он с пользой для заведения быть воспитателем.

На эти запросы я отвечал, от 2 Июня за № 53, следующее: 1) препятствий к перемещению Смотрителя Голубева не имеется; 2) что же касается умственных и нравственных качеств г. Голубева и может ли он с пользой для заведения быть воспитателем, то о сем могу сказать, что а) г. Голубев, как получивший высшее образование и имеющий с 1868 года практическую деятельность и в преподавании некоторых предметов, и в наблюдении за преподаванием других наставников, – имеет достаточные умственные дарования для занятия преподавательской должности в средних учебных заведениях; б) нравственные качества и педагогические способности Голубева во вверенном ему заведении

заслуживают особенной похвалы как со стороны Епархиального Начальства, так и со стороны местного духовенства и, следовательно, в) от него Голубева можно ожидать истинной пользы на должности воспитателя в помянутом выше заведении».

На место Голубева, на должность Смотрителя Харьковского училища определен был мною преподаватель Архангельской Семинарии Лапчинский⁵²⁸.

7-го ч. был на экзамене по Закону Божию в женской гимназии, где преподавателем тот же протоиерей Павлов, который и в институте, но здесь слышал я ответы менее удовлетворительные, чем там; между прочим, одна воспитанница, перечисляя послания Ап. Павла, нашла у него послание к Самарянам (!) Разность в ответах учениц гимназии и института при одном и том же преподавателе объясняется, по моему мнению, разностью в надзоре за преподавателями и разностью положения воспитанниц: в гимназии все приходящие, а в Институте все живущие вместе под бдительным надзором начальницы и классных дам.

10-го ч. присутствовал на экзамене по Закону Божию в мужской прогимназии, где преподавателем состоял настоятель Троицкой церкви, протоиерей Н. Лащенков. В высшем, 4 классе, в котором производится экзамен, налицо оказался только один православный ученик и притом уроженец Полтавской губернии; прочие все из иноверцев. И этот единственный питомец православной веры оказался недостаточно сведущим в катехизическом учении о догматах веры и благочестия, а притом и держал себя перед испытателями не очень прилично. Ученики приготовительного класса отвечали по свящ. истории хорошо.

11-го числа получено было мною два письма – из Владимира от Преосвященного Иакова и из Сергиева посада от Инспектора Московской Д. Академии С. К. Смирнова.

Преосвящ. Иаков писал мне от 8-го числа:

«Согласно желанию Вашему, при сем честь имею представить экземпляр *Расписания наших приходов по новому положению*.

Немало дивились и мы назначениям на Киевскую⁵²⁹ и Ярославскую⁵³⁰ кафедры. Ярославский делает, кажется, маневр: абие по сих он явится Московским владыкой по примеру незабвенного Моск. Архипастыря в Бозе почившего Митрополита Филарета⁵³¹. Так пишут ко мне из нашего Сиона. Я чуть ли не первый поздравил Преосв. Леонида с Монаршею милостию в Духов день, по крайней мере, первый сделал на пакете надпись, титуловав его Архиепископом Ярославским. Прочитав мое краткое поздравление, в коем я пожелал ему, чтобы звезда Митр. Филарета была его звездой, он, как слышно, восплакал, и вскоре мне ответил, благодаря за слово о нашем благодетеле.

Нам естественно желать видеть Пр. Леонида на Моск. кафедре. Он, можно сказать, натурализовался в Москве и нам по его добрым отношениям нечужой. Я его расположением очень доволен. Он как и Вы большой хлебосол: не отпускал меня из Москвы ни разу, не сделав званый обед из избраннейших особ.

Нелегко ему будет в Ярославле. Духовенство Преосв. Нилом⁵³² очень распущено. Про Преосв. Димитрия говорят, что он может быть ушел на Волынь, потому что не видел возможности сделать что-нибудь к исправлению духовенства. Я бы посоветовал Преосв. Леониду выбрать себе энергичного викария: вдвоем дело пошло бы успешнее и тверже. Не заблуждаюсь ли я?

Я на ревизию отправляюсь 19 июня. Не знаю как Вы составляете маршруты, а у нас выходят часто курьезы. По карте ехать везде удобно, а на деле выходит часто неудобноисполнимым. Ездить бы просто без расписаний, как делает это Нижегородский⁵³³. Полезнее было бы, но в лошадях может встретиться затруднение, если брать по пяти. У нас есть проект – составить особую карту путешествий, и это сделаем теперь при новом расписании приходов.

Ворочусь, вероятно, недели через три.

Благословите, Владыко Святей, и помолитесь о путешествующих».

От того же 8-го числа писал мне и С. К. Смирнов:

«Давно уже, отвлекаемый неизбежными занятиями, не имел я удовольствия беседовать с Вами посредством послания, и прошу прощения в долгом безмолвии.

Мы существуем под управлением нового начальника⁵³⁴, давно уже нам известного, и пока не видим, чтоб заведенные прежде порядки заменяемы были новыми. Но при всём том не можем не вспоминать о прежнем о. Ректоре, столь великом по уму, столь благосклонном по сердцу.

Семья моя и я, по милости Божией, благоденствуем. Одна из дочерей моих, четвертая по счету, Анюта вчера возвратилась в родительский дом, окончив и притом первой ученицей, шестилетний курс в пансионе Дюмушель. Второй зять читает в Вифании Св. Писание. Молю Бога о ниспослании третьего и четвертого.

В высшей иерархии, как Вам известно, большие передвижения. Преосв. Димитрий был проездом в Лавре и служил в Троицын день. Был и в собрании Академическом. Немногим сказал, что поторопился⁵³⁵ прошением о перемещении его на Волынь. Преосвящ. Филофей в Лавру не пожаловал, а, пообедав у Митрополита⁵³⁶ в Москве, отправился в Киев. Преосвященный Леонид ещё продолжает прощаться⁵³⁷ с Московскою паствою, однако же вскоре ожидается здесь. Назначение его было для него неожиданно; кажется, и Митрополит не был спрошен. На место его предназначен Преосв. Никодим⁵³⁸, которого Владыка вызвал из Новгорода и спросил его: не пожелает ли он переехать в Москву? Преосв. Никодим дал ответ: «Владыко Святый! если бы Вы изволили сказать, чтоб я пешком пришел в Москву из Новгорода, я бы пошел пешком».

Простите за болтовню. Дела у нас кончились вчера и ныне первое время отдыха я посвящаю беседе с Вами. В нашем служебном кругу есть некоторые перемены: Егор Васильевич⁵³⁹ совсем оставляет службу и будет замещен молодым наставником⁵⁴⁰; на догматику вчера избрали первого из окончивших курс Александра Беляева⁵⁴¹, из Рязанских, даровитого и благонадежного по направлению кандидата. Из

присланных в прошлом году от Вас Буткевич⁵⁴² занял первое место.

P.S. Прошу принять препровождаемую при сем просфору на благословение от Преп. Сергия».

На это отвечал я:

«За священный дар и приятнейшее послание приношу Вам искреннейшую благодарность.

Не получая долго от Вас вестей, я невольно подумал, здоровы ли Вы. Но, слава Богу, что Вы и семейство Ваше здравствуете и благоденствуете. Да исполнится во благих желание Ваше относительно устройства судьбы остальных дочерей Ваших. Анну Сергеевну поздравляю с блистательным окончанием учебного поприща и желаю ей достойного её жениха. А где и как Ваш Сергей Сергеевич – прежний Сережа?

Приезжайте, пожалуйста, провести мое житье-бытье и побеседовать со мною в моем мирном уединении. Из Харькова можете побывать в Святогорской пустыни: я уверен, что лучше и восхитительнее этой местности Вы ничего ещё в жизни не видали. Надеюсь, что достопочтенная Софья Мартыновна⁵⁴³ соизволит на Ваше путешествие в Харьков.

Нельзя не порадоваться от души за назначение на Киевскую митрополию Высокопр. Филофея. Преосв. Леонид, как слышно, поражен был нечаянностью своего назначения».

12-го числа приветствовал я досточтимого друга своего, Преосвящ. Леонида с возведением его в сан архиепископа и с назначением на Ярославскую знаменитую кафедру. Вот что я писал ему:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь!

От полноты преданного Вам сердца приветствую Вас с возведением на высшую степень иерархического служения Православной Христовой Церкви. Да дарует Вам Пастыреначальник Господь Иисус Христос благодатную помощь и духовную мудрость право править слово истины и созидать душевное спасение вверенной Вам паствы!

Итак пришло время и над Вами исполниться апостольскому слову: *яко не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго*

взыскуем. Из первопрестольного града Вам указан державною волею путь к иному граду. Нет сомнения, что Вам, после столь продолжительного пребывания в первопрестольной Столице, нелегко расставаться с нею, но премудрый Строитель судеб человеческой жизни да устроит рано или поздно и Вам, подобно великому предшественнику Вашему на Ярославской кафедре, в Бозе почившему Святителю Филарету, обратный путь из града Ярославля в богохранимый град Москву!

Позвольте однако же, Высокопреосвященнейший Владыко, братски спросить Вас, каким образом совершилось Ваше новое назначение на Ярославскую кафедру; было ли по-прежнему предварительно требовано Ваше на сие согласие, или нет, и кому собственно принадлежит первоначальная мысль об этом назначении.

Я питаю себя приятною надеждою, что Ваше В-во и на новом месте Вашего Архипастырского служения сохраните ко мне Ваше прежнее доброе расположение.

Ярославль мне несколько знаком; в нем я был в 1861 г. в качестве ревизора тамошней Семинарии. Но с того времени, без сомнения, многое изменилось и, вероятно, к лучшему. В Ярославле у меня есть и до сих пор знакомые; между прочим позвольте мне рекомендовать Вам законоучителя Демидовского лицея, Протоиерея А. П. Лаврова⁵⁴⁴, как моего доброго товарища и совоспитанника Академии. Это человек в высшей степени кроткий и благодетельный.

Прося Ваших святительских молитв пред Угодниками Ярославскими и Ростовскими, с душевным почтением и преданностью имею честь быть».

На другой день, 13 ч., служил я в Усекновенской кладбищенской церкви, при которой находится Епархиальное женское училище, литургию и молебен по случаю выпуска из оногo девиц. Затем присутствовал на акте, на котором, после раздачи выпускным девицам аттестатов, книг и похвальных листов, произнесена была Инспектором училища, священником Оникевичем приличная случаю речь.

19-го числа имел я честь получить от Председателя
Православного Миссионерского Общества,

высокопреосвященного Иннокентия, митрополита Московского, официальное отношение от 14-го числа, за № 333, следующего содержания:

«Преосвященнейший Владыко,

Возлюбленный о Господе Брат и Сослужитель!

Приношу Вашему Преосвященству глубочайшую благодарность за открытие во вверенной Вам Харьковской епархии Комитета Православного Миссионерского Общества, столь благовременное при усиливающемся развитии миссионерской деятельности в нашем отечестве и за пределами его, и покорнейше прошу Вас, Милостивый Архипастырь, не оставлять новооткрытый Комитет Вашим участием и покровительством.

При сем долгом почитаю сообщить, что Общим Собранием Православного Миссионерского Общества, бывшим в Москве в минувшем Мае месяце, известие об открытии Харьковского Комитета принято было с живейшим сочувствием».

Вследствие определения Св. Синода от 23 янв.–14 февр. 1876 г., члены Консисторий, как штатные, так и сверхштатные, не должны быть допускаемы ни под каким видом и предлогом к прохождению благочиннических должностей. На этом основании, Благочинный градских Харьковских Церквей, Кафедральный Ключарь Симеон Илларионов, как сверхштатный член Консистории, был уволен от благочиннической должности, и на его место должен быть избран другой. По произведенному градским духовенством выбору, представлены были мне на утверждение три кандидата: протоиереи – Николаевской церкви А. Федоровский, Димитриевской – П. Дохлевский и Воскресенской – И. Чижевский. На избирательном акте дана была мною от 23 июня следующая резолюция:

«Из трех, избранных на должность градского Благочинного кандидатов, двое – Прот. А. Федоровский и П. Дохлевский не могут быть утверждены в должности Благочинного на том основании, что первый из них обременен многими другими общественными должностями, а последний имеет физический недостаток слуха. Посему в должность Благочинного 1-го

Харьковского Округа назначается третий из кандидатов – Протоиерей И. Чижевский».

24-го ч. получил я письмо из Вильны от Преосвящ. Макария, архиепископа Литовского. Вот что писал он мне от 19-го числа:

«Не знаю, в чем провинился мой племянник, священник Харьковской Вознесенской церкви Четвериков, – он об этом не пишет, а только слезно умоляет меня походатайствовать пред Вами, чтобы его не переводили из настоящего прихода. И я покорнейше прошу, Ваше Преосвященство, если найдете возможным, наказать провинившегося как-нибудь иначе, а не перемещать его от Вознесенской церкви, вблизи которой он имеет дом».

В ответ на это писал я Его Высокопреосвященству от 28-го числа:

«Мне очень неприятно огорчать Ваше Высокопреосвященство недобрыми вестями о Ваших родственниках: для меня было бы гораздо приятнее противное тому.

Поступок свящ. Четверикова, о котором изволите писать мне, заключается в следующем. Вечером 7-го числа сего месяца, о. Четвериков, в нетрезвом виде, пришел в квартиру своего жильца, полицейского чиновника, с выговором за причиненную его малолетней дочери малолетнею также дочерью чиновника обиду. При этом произошла взаимная между чиновником и Четвериковым брань, дошедшая до драки. Об этом тотчас же доведено было самим о. Четвериковым до сведения Начальника губернии, который распорядился послать, для водворения порядка в квартирах хозяина и жильца, четверых полицейских солдат. Хотя ссора окончилась взаимным примирением, но происшествие огласилось по всему городу.

Так как случаи нетрезвости не раз бывали с о. Четвериковым и прежде и, так как между ним и настоятелем Вознесенской церкви происходит постоянная вражда, к крайнему соблазну прихожан, то я, для прекращения этого соблазна, и прежде советовал о. Четверикову и теперь повторил свой совет оставить настоящий приход и поменяться местами

или с кем-либо из городских священников, или с родственником своим, свящ. Гутниковым, о котором Ваше В-ство изволили писать мне прежде. Но он отказывается последовать моему совету.

Чем должно окончиться настоящее дело об о. Четверикове, я не могу ещё определительно сказать. Оно передано мною на рассмотрение Консистории».

В № 191 газеты «Голос» писали, что 4-го Июля, в воскресенье, в г. Орле, по предложению Преосвящ. Макария состоялось в городском саду народное гулянье в пользу Болгар, с платою за вход по 20 коп.; собрано свыше 700 рублей. Цель добрая, но одобрительно ли с строго-христианской точки зрения средство? Итак, не только миряне, но и *пастыри* допускают увеселения с благотворительными целями; слыханное ли это дело!

В первых числах этого месяца послал я Кафедрального о. Ключаря, Протоиерея Илларионова к помещику села Рясного, Ахтырского уезда, К. Д. Хрущеву, предпринявшему в своем имении, как уже известно, построение общежительного монастыря, с поручением склонить его к выдаче, согласно предписанию Св. Синода, дарственной записи на движимое и недвижимое имение в пользу строящегося монастыря. И вот что по этому случаю писал мне из Рясного о. Илларионов от 6-го числа:

«По благословению Вашему, 4-го числа в 5-ть часов утра, приехал я в Рясное. Первее всего отслужил в церкви молебен о здравии больного и затем посетил его. Благословение Ваше и все благожелания и советы обращаться с крепкою верою ко Врачу душ и телес – Господу Иисусу, переданные от имени Вашего, Константин Димитриевич принял с большим утешением. – Накануне 4-го в субботу ему сделалось очень дурно – появилась опухоль на ногах и в животе; почему он сам пригласил Илиодора и высказал опасение за свое здоровье. Илиодор кстати доложил ему о Вашем письме, и, согласно его желанию, прочитал, после чего Константин Димитриевич сказал: надо послать за нотариусом, но распоряжение со стороны его не сделано в тот день. – Утром в Воскресенье ему сделалось

гораздо лучше; при свидании со мною, когда речь дошла до дарственной записи, Константин Дмитриевич стал высказывать прежние свои убеждения и уверять, что никто из наследников не станет мешаться к имуществу, назначенному монастырю, «не треба никаких бумаг и без того будет всё монастырское». На все его доводы я сказал ему: Владыка внимательно юридически обсудил дело и прислал меня высказать Вам решительное его мнение, что отсутствие такого документа, как дарственная запись, весьма велико, и что духовное завещание недостаточно обеспечивает Ваш дар, – могут возникнуть протесты, процессы, тяжба и затормозить, если не разрушить, святое дело. – Всё высказанное по сему предмету, как видно, сильно повлияло на Константина Дмитриевича и он велел послать за доктором и нотариусом, – что немедленно и было исполнено. Нотариус из Сум приехал в 5-ть часов, а доктора ещё нет. – Что-то породит каждый день? Один из наследников – Павел Дмитриевич Хрущев вчера, почти за мною, приехал в Рясное, виделся с Конст. Дмитриевичем, но не произвел никакого влияния на намерение его; Константин Дмитриевич и сегодня утром повторил, чтобы дарственную запись приготавливали к подписи. Некоторые из окружающих стали склоняться в пользу наследника и неблагоприятно высказываться.

Помолитесь, Преосвященнейший Владыко, да в час недоумений положит Господь на сердце мысль благу!»

Но этой благой мысли не допущено своекорыстием наследника осуществиться: старик Хрущев умер, не совершивши дарственной записи. Какие были от сего последствия, увидим далее.

12-го мною получено было из Москвы от Преосвящ. Леонида письмо, писанное, очевидно, в состоянии сильного душевного волнения, так что некоторых слов нельзя и разобрать. – Вот что писал мне досточтимый друг мой от 9-го числа:

«Знаете Вы, какая внезапность постигла меня и влечет ещё далее от Вас местом, но не духом любви. Прошу, помолитесь. Помню слова Ваши, что в провинции и полгода не просидеть мне благополучно, и становится мне страшно. В мои годы, при

моих силах, можно продолжать, но не начинать новое дело. Дайте совет, если имеете его; Вы служили и служите в других местностях, но думаю, что много есть общего в быте. На мое место – Преосвящ. Никодим. Желание, чтобы... (далее слова нельзя разобрать), движет рукою, а голова пуста или переполнена, и писать более не в силах. Родные мои Вас просят о благословении».

На это дружеское послание я отвечал, по некоторым соображениям, не ранее 24-го числа, и вот что писал тогда:

«Краткое и грустью проникнутое послание Ваше от 9-го Июля я получил 12-го числа.

Я не спешил отвечать на Ваше послание, потому что знал, что Ваша душа и Ваше сердце, в последние дни в Москве и в первые – в Ярославле, до того переполнены были разнообразными мыслями и чувствами, что Вам было не до моих писем. Теперь, вероятно, Вы несколько уже поуспокоились и поосмотрелись на новом месте служения; и потому я решился начать с Вами братскую беседу.

Прежде всего позвольте приветствовать Вас с благополучным вступлением на новую вверенную Вам кафедру.

С особенным интересом следил я по газетам за последними событиями Вашего пребывания в Москве и за Вашими движениями к новому месту служения. Едва ли кто из Московских викариев оставлял Москву с такою торжественностью и при таком общем изъявлении добрых и признательных чувств, какими напутствованы были Вы. И в этом должно заключаться для Вас немалое уже утешение. Притом Ярославль не Витебск, и ярославская епархия – не полоцкая епархия. Знаю, что переход для Вас из Москвы куда бы то ни было гораздо ощутительнее, чем был для меня; но что же делать? Нельзя же было целый век оставаться викарием; надобно же было рано или поздно начинать и Вам самостоятельную жизнь и самостоятельное действие.

Но для Вас самостоятельная деятельность на поприще святительского служения, после столь продолжительного приготовления к ней под руководством таких великих и мудрых иерархов, как Филарет и Иннокентий, не должна быть особенно

затруднительна. И на Ярославской кафедре Вы, как я полагаю, немного встретите нового, чего бы Вы уже не видели и о чём не рассуждали в Москве. Правда, при одних и тех же предметах, немало значат иные лица, иной состав сотрудников и помощников. В особенности для епархиального архиерея много значит Консисторский секретарь: он главная пружина в консисторском механизме; в его руках сосредоточены все дела. Ваш настоящий секретарь известен мне по Витебску, и ещё по Владимиру, как бывший наставник Семинарии⁵⁴⁵. Человек он способный и хорошо составляет бумаги, но, говоря между нами, не чужд мздоимства, якоже и прочие консисторские секретари. В этом последнем отношении он требует бдительного надзора. Но чтобы не быть в излишней зависимости от секретаря, архиерею необходимо самому знать законы и синодские распоряжения.

Из Ярославского духовенства, кроме прот. Лаврова, о котором я уже писал Вашему Высокопреосвященству, известен мне только инспектор Семинарии, прот. Барский⁵⁴⁶. – Он курсом меня старше по академии, и я знал его за человека доброго и простого; не знаю, каков он теперь.

Не могу я понять, почему до сих пор при старейшей и знаменитой из архиепископских кафедр – Ярославской нет викария⁵⁴⁷. Ужели в такой епархии не имеется для сего материальных средств? Мне кажется, Вашему Высокопреосвященству, при Вашем непостоянном здоровье, необходимо иметь ближайшего помощника, не столько, конечно, для письменных консисторских дел, хотя и это немаловажно, сколько для церковных служб. Только одного при этом надобно желать, чтобы Викарий был единомыслен с Вами и благопокорлив.

Скажите же, Высокопреосвященнейший, как Вы устроились и устрояетесь на новом месте жительства? Кто с Вами и при Вас из Московских присных, или преданных слуг? Меня очень интересует Ваше новое положение».

13-го ч. получил я письмо из Ярославля от Профессора Богословия в Демидовском Юридическом Лицее, протоиерея А. П. Лаврова. Он писал мне от 8-го числа:

«Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вашему Преосвященству глубокое почтение и искреннее расположение. Этим случаем послужило для меня недавно полученное мною письмо от редактора Ваших Епархиальных Ведомостей, написанное им по особому поручению Вашего Преосвященства. Из письма этого видно, что Вы желаете знать об условиях учреждения нашего Епархиального духовного цензурного Комитета. Собравши сведения об этом от нашего кафедрального о. протоиерея, который состоит вместе и членом Консистории, я спешу сообщить Вашему Преосвященству об этом предмете следующее. Епархиальный духовный цензурный Комитет, учрежденный для рассмотрения духовных сочинений, преимущественно проповедей, предназначенных для напечатания, существует и доныне в г. Ярославле. Председателем его состоит Инспектор духовной Семинарии, Протоиерей о. Николай Барский. К числу членов его принадлежу и я. Он учрежден был, кажется, в 1870-м году, без особого разрешения Св. Синода, на основании общего постановления Св. Синода 1869 года о том, что духовные сочинения, преимущественно проповеди, предназначенные для печати, могут быть рассматриваемы местною цензурою. – Но было ли донесено в Св. Синод об этом тотчас по открытии означенного Комитета, или упомянуто в годичном отчете, о. Протоиерей не мог сообщить мне этого. От него же я узнал, что один из Епархиальных Архиереев (кто, именно, о. Протоиерей не мог этого припомнить) обращался в Св. Синод с просьбою о дозволении учредить особый Комитет для цензуры проповедей и кратких духовных сочинений, назначаемых для печати, и получил ответ, что для этого нет нужды в учреждении особого Комитета, так как цензура означенных сочинений может быть поручена местным, уже существующим в каждом губернском городе, духовным цензорам. Об этом было напечатано, по словам нашего отца Протоиерея, в Епархиальных Ведомостях, но в каких, именно,⁵⁴⁸ он не мог вспомнить. Вот всё, что я мог узнать об этом предмете. Сведения эти не полны и не точны, но они в таком, именно, виде были сообщены мне.

Книгу «Путевые записки Преосвященного Нила» имею честь препроводить к Вашему Преосвященству с настоящей почтой (Цена ей 2 р.). Вместе с тем, покорнейше прошу Вас принять от меня экземпляр моего последнего сочинения: Записки по предмету Закона Божия для III, IV и V классов мужских гимназий.⁵⁴⁹ Только покорнейше прошу Вас извинить меня в том, что предлагаю их Вам без переплета, так как в переплете нет ни одного готового экземпляра.

P.S. 11-го числа этого месяца мы ожидаем из Москвы нового Владыку преосвященнейшего Леонида».

Поводом к переписке с о. Лавровым по вопросу о цензурном Комитете было открытие такого Комитета в Харькове, без предварительного разрешения Св. Синода, но, когда я донес об открытии Комитета к сведению Св. Синода, Синод предписал закрыть оный.

На письмо о. Протоиерея Лаврова я отвечал от 13-го числа: «Усердно благодарю Вас за доставление сведений о Цензурном Комитете.

Ещё более благодарю Вас за Ваш учено-литературный дар. Дай Бог, чтобы этот труд Ваш был не последним.

Прошу принять и от меня посылаемую вместе с сим книжку. Книга эта плод не моих трудов, но она повествует о моих посильных трудах и подвигах на Полоцкой Кафедре.

Деньги (2 р.) за книгу «Путевые записки А. Н.» я приказал выслать Вам моему секретарю.

Приветствую Вас с новым архипастырем. Я писал ему о Вас и рекомендовал Вас, как моего доброго и любезного товарища по академии. Надеюсь, что его Высокопреосвященство не оставит без внимания моей рекомендации; ещё более уверен, что Вы вполне оправдаете мою рекомендацию.

Напишите мне, как Вы встретили нового Владыку, какое впечатление произвел он на свою паству и доволен ли он на первый раз паствою.

Мое пребывание в Харькове более мирно и спокойно, чем в Витебске.

Призывая на Вас и на Ваши учено-педагогические труды Божие благословение, с братскою о Христе любовью

пребываю»...

Благочинный 1-го округа Ахтырского уезда, Протоиерей Мих. Артемьев⁵⁵⁰ доносил мне от 16-го числа за № 221:

«Вследствие Архипастырского Вашего Преосвященства наставления мне данного, долг имею донести Вашему Преосвященству, что Протоиерей Ахтырского Покровского собора Василий Лопатин продолжает вести невоздержную жизнь, предаваясь излишнему употреблению хмельных напитков. Так сего 15-го Июля при производстве мною полугодовой ревизии документов и сумм Ахтырского Покровского собора, явившись в Церковь в нетрезвом виде, упал и был выведен сторожами из церкви и отвезен в дом».

На основании этого донесения дано было мною Консistorии предложение за № 63 следующего содержания:

«До сведения моего дошло, что Протоиерей Ахтырского Покровского собора Василий Лопатин, 15-го сего Июля, явившись в собор в нетрезвом виде, упал и был выведен сторожами из церкви и отвезен в дом.

Так как и в прежнее время доходили до меня подобные сведения о нетрезвости Протоиерея Лопатина и мною делаемы были не раз строгие внушения, которые, очевидно, остаются бесплодными, то, на сей раз, запретив ему священнослужение, вызвать его в наш архиерейский дом, для испытания в поведении.

Консistorия сделает по сему должные распоряжения».

25-го ч. получено было мною из Ярославля от преосвященного архиепископа Леонида 23 р. денег при краткой записке от 20-го ч. следующего содержания:

«Осмеливаюсь утруждать Вас просьбою. Прикажите справиться, действительно ли близ Харькова, в селе Основе, есть очень бедная больная Анна Александровна Тимковская. Если это верно, то будьте милостивы выдать ей посылаемые 23 р., которые у меня случились из денег данных мне на бедных, следовательно не мое благотворение.

Помогите моей духовной скудости молитвою.

Не могу писать, ибо пишу между правилом и благовестом.

За все Богу благодарение, щедрому и многомилостивому».

Это поручение наделало было мне, как увидим далее, немало хлопот и неприятностей.

В тот же день получил я письмо из Владимира от преосвящ. Иакова. Он писал мне от 21-го числа:

«Пользуясь случаем, кланяюсь Вашему Преосвященству и позволяю себе спросить, здравствуете ли и как поживаете.

Наш Владыка⁵⁵¹ вчера отправился в Киржач открывать собор и тамошнего настоятеля, свящ. Белоцветова⁵⁵² (известного по проповедям в Душеп. Чт.) возвести в сан протоиерея, и всё это совершить завтра в день Марии Магдалины. Оттуда поедет в Введенскую пустынь, и погостив до 26-го ч. отправится в Москву до 30 Июля. Поклонится Моск. святыне, повидается с Митрополитом⁵⁵³ и осмотрит перестроенное Суздальское подворье⁵⁵⁴.

Я с 18 июня по 3 июля поездил по Гороховскому, Ковровскому и Вязниковскому уездам. Теперь домовничаю.

Преосв. Никодим не усидел в Новгороде и переселился в Москву. Его вакансии и другие доселе не заняты. Будут ожидать, как слышно, возвращения графа⁵⁵⁵ из-за границы.

С 1-го июля объявлена у нас по епархии реформа приходов. Причетники то лично, то по почте просят кто дать штатное место в том же селе, где он-де, а не другой должен оставаться в штате, кто перевести на имеющую открыться вакансию, кто жалуется на стеснение со стороны священника: убирайся, говорит, ты сверх штата. Страшная тревога. Консистерия завалена бумагами. Инде крестьяне в соединенном приходе просят позволения выстроить для причта дом, чтоб священника удержать при своей церкви. Это всё по моей части. Я поручил Консистерии дать план для цер. домов, чтобы прихожане строили приличное помещение.

В Ярославской епархии прихожане, как слышно, отказываются от данного обещания обеспечить свои церкви. Что прикажете делать? Преосв. Леониду предстоит немалый труд вообще по делам епархии. Покойный Владыка⁵⁵⁶ позапустил и пораспустил духовенство. Я бы посоветовал ему взять себе в помощь доброго викария... Скорее бы дело пошло. Помогите ему Бог!

Старцу отцу Александру Кустову кланяюсь и прошу прислать мне его карточку. Сообщите ему, Владыка, что архим. Агапит проживает ныне в Моск. Покровском монастыре, как частный человек».

Архимандрит Агапит (Лопатин), о котором упоминается в письме, известен своими превратностями в жизни и своею печальной судьбою. По окончании курса в Киевской Д. академии в 1845 г. с званием магистра, назначен был на должность Ректора в Перервинское духовное училище, Московской епархии, и тогда я лично знал его. С 1860 г. по 1864 г. он был Ректором Харьковской Семинарии и Настоятелем Куряжского монастыря, где с ним близко был знаком протоиерей Кустов. Но при нём и Семинария не процветала, а монастырь был почти вовсе разорен. Из Харькова, за неисправность по службе и за неблагоповедение, Агапит удален был и помещен в какой-то монастырь в число братства; а теперь оказался уже в Московском Покровском монастыре в качестве частного человека. К чему же послужило для него высшее духовное образование!..

На братское послание Преосвященного отвечал я 8-го августа:

«Приношу Вашему Пр-ву искреннюю благодарность за доставление мне экземпляра Расписания Владимирских приходов по новому положению.

Из сличения этого расписания с расписанием приходов Харьковской епархии оказывается, что здесь причты щедрее наделены приходскими душами, чем во Владимире. Между тем, как у Вас нередко при 600–700 душах м. пола назначено по два священника и по два псаломщика, у нас при 1000–1300 оставлено по одному священнику и одному псаломщику. Притом и народонаселение здешней епархии вообще, как я полагаю, зажиточнее народонаселения Владимирской епархии, и почва земли здесь без сомнения удобнее, чем там. Но желания человеческие ничем не могут быть удовлетворены. Здесь, в городе, иной молодой священник получает не менее 1500 р., и жалуется на скудость средств. Правда, что здесь жизнь едва ли

не дороже, чем в столицах; по крайней мере, все на это жалуются, и духовные и светские.

Поздравляю Вас с благополучным совершением путешествия. А мне только ещё предстоит путь, и путь не краткий – не меньше 1000 верст. Предполагаю, если Бог благословит, выехать из дому 17-го ч. и возвращусь не ранее половины Сентября. Прошу Вас сопутствовать мне Вашими братскими молитвами.

На днях явился ко мне из Владимира диакон Сокольский, которого я определил на штатную вакансию к Кафедральному Собору. И ростом, и голосом, и характером он очень понравился здешним гражданам. Я очень благодарен Высокопреосвящ. Антонию⁵⁵⁷ за уступку мне такого голосистого диакона. Здесь в епархии, к удивлению моему, не нашлось ни одного порядочного диакона, которого бы я мог взять к Кафедральному Собору».

30-го ч. дано было мною Консistorии за № 64 предложение следующего содержания:

«Имея в виду предпринять во второй половине будущего августа поездку для обозрения церквей Харьковского, Изюмского, Старобельского, Купянского и Волчанского уездов, предлагаю Консistorии учинить следующее: 1) заготовив от моего имени к Г. Начальнику губернии отношение с просьбой об учинении зависящих распоряжений относительно исправности путей сообщения между церквями, предположенными к обозрению, представить оное к подписанию; 2) поручить Кафедральному о. Ключарю⁵⁵⁸ принять из Казначейства потребную для моей поездки сумму; 3) предписать Благочинным означенных уездов, чтобы они в рапортах своих, которые обыкновенно представляют при встрече архиерея, обстоятельно излагали о церквях и причтах только то, на что следует обратить особенное внимание при посещении церквей, не повторяя тех сведений, которые заключаются в клировых ведомостях, и чтобы приказали приходским священникам наряду с церковными документами представлять мне свои поучения за последние два года; и 4) в отсутствие моё все журналы и протоколы, за исключением тех, которые по особой

важности, как, напр., об утверждении в должности благочинных и т. п., требуют моего непосредственного рассмотрения, представлять на усмотрение и утверждение Преосвященного Викария.

При сем прилагается маршрут с означением приходов, которые предположено мною посетить».

31-го ч. читал я статью, помещенную в № 28 Руководства для сельских пастырей, под заглавием: «Несколько случаев встречи современных нам архипастырей с иноверцами».

В этой статье повествуется 1) о Преосвященном Викторине, Еп. Полоцком, что он, при объезде епархии, посетил латинский костёл, в котором встречен был ксёндзом в полном облачении и с крестом в руках; 2) о Преосвященном Димитрии, бывшем Архиепископе Херсонском, что он принял приглашение от Еврейского раввина посетить его дом и быть у него на обеде; 3) о Преосвященном Антонии, архиепископе Казанском, что он удостоивал некоторых из татарских мулл своим посещением, и, наконец, 4) о Преосвященном Платоне, архиепископе Донском, что он, проезжая в Сентябре 1875 г. по калмыцким улусам, встречен был *бакшой* или ламайским первосвященником и, по приглашению сего последнего, посетил калмыцкие хурулы или капища и слушал там языческое богослужение.

Но я выпишу буквально слова автора об этой изумительной выходке православного донского архипастыря.

«Когда же высокопреосвященный (Платон), – пишет П. Р-в в своей статье, – изъявил на это согласие, бакша ввел его в меньший хурул и посадил около стола, на котором расположены идолы. Здесь в присутствии высокопреосвященного совершено было калмыцкое богослужение с его обычными церемониями, именно, бакша пригласил певцов и заставил их петь молитвы, а сам кропил предметы, стоявшие на столе и вместе с певцами делал пальцами и руками какие-то таинственные круги и фигуры, составляющие необходимую принадлежность их богослужения, а также звонил в бронзовый колокольчик, когда нужно было делать остановку пения для перехода в другой тон. По окончании этого богослужения, продолжавшегося около восьми

минут, бакша поспешно подал владыке написанный на листе бумаги русский перевод того, что было пропето, а владыка благодарил его за это и вместе за пение, потом внимательно рассматривал гробницу прежнего бакши и хранящуюся при ней одежду его, которые признаются калмыками за святыню. Подошедши к идолам и осматривая их, владыка с любопытством расспрашивал о значении этих изображений, и узнав, что они изображают людей, достигших духовного совершенства и могущества на земле, интересовался знать подробности относительно их совершенств, на что также получил от бакши удовлетворительные ответы. Затем владыка, по приглашению бакши, отправился в другой большой хурул, в котором обстановка в сущности такая же, только в больших размерах, и самые священные их предметы в большем количестве. Здесь опять владыка сел на предложенном ему стуле, близ жертвенного стола, а бакша опять пригласил певцов и, сверх того, музыкантов, всех человек до тридцати. Богослужение в этом хуруле было вдвое продолжительнее против первого. После него бакша также вручил высокопреосвященному написанный на листе перевод богослужения, за что опять владыка благодарил его. Из перевода, полученного высокопреосвященным, оказалось, что в присутствии его совершено было молебствие о его здравии и благополучном путешествии. По выходе из капища, владыка принял от бакши приглашение к обеду, на котором присутствовали почетные духовные и светские лица из калмыков, а также и духовные и светские лица, сопровождавшие владыку. За обедом хозяин и гость обменялись заздравными тостами, а после обеда хозяин поднес гостю в подарок несколько священных ламайских предметов, которые были приняты последним благосклонно. Посещение владыки, как видно, произвело самое благоприятное впечатление на бакшу, и, когда владыка отправился в другую станицу для освящения закладки храма, вслед за ним поспешил туда бакша, где присутствовал при закладке и пожертвовал на устрояемый храм 25 рублей».

И всему этому автор придает руководительное значение и для приходских пастырей.

Как при этом не вспомнить о великом Московском Святителе Филарете и не поскорбеть, что его нет более между нами! Что он сказал бы, прочитавши на страницах духовного журнала приведенные нами строки?

Вот что он писал ещё в 1839 г. преосвященному Гавриилу⁵⁵⁹, архиепископу Херсонскому, когда тот извещал его о своем посещении магометанской мечети и о произношении в ней молитвы Господней: *Отче наш*.

«Прежде обращал я, – писал Владыка Московский, – ваше внимание на то, не затрудняется ли у вас магометанам вход в христианство; и вы опровергли сие опасение; теперь обращаю внимание Ваше на то, правильно ли Вы с христианством втесняетесь в магометанство. Не только в письме ко мне Вы хвалитесь, но и в публичных листах напечатано, что Вы пели в мечети молитву Господню. Это значит, что Вы публично обвинены, или обвинили себя в нарушении церковных правил. Если с еретиками молиться не позволено, кольми паче с магометанами, кольми паче в магометанской мечети, кольми паче высочайшею из молитв, которую и в церкви на литургии произнести желая, готовимся к тому особенною молитвою: сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смести призывати Тебе небеснаго Бога Отца и глаголати: Отче наш. Магометан ни одной души Вы не приобрели; а правила нарушили, и православных соблазнили.

Не станете ли защищаться и не скажете ли, что Апостол Павел входил в Синагогу? Ответствую: синагога совсем не то, что мечеть, особенно в то время, когда входил в неё св. Павел; христианская церковь только рождалась; до сих пор синагога была обителью истинной религии, долженствующей проповедью евангельской преобразоваться в новозаветную церковь, для чего и входил в оную св. Павел. Но мы не видим, чтобы он входил в языческие храмы молиться и проповедовать; ибо сие значило бы раздражать и возмущать, и следственно заграждать, а не открывать путь назиданию в вере. В Ареопаг св. Павел не

сам пришел, а был приведен и спрошен; тогда в порядке было возвестить истину.

Что магометане, слушая Вас в мечети, безмолвствовали, это была их скромность. Но если бы они вздумали Вас оскорбить, Вы подверглись бы сему так, что не имели бы права просить удовлетворения. Хорошо, что сего не произошло; но не хорошо то, что последовало. Магометане Вашим нашествием на их мечеть возмущены, приведены в опасение, что их будут притеснять в вере. Ваше местное начальство сим озабочено; я это из верного источника знаю, и сим то побужден писать к Вам о сем предмете так наступательно. Братски прошу Вас принять мое нападение с терпением, и, рассмотрев дело беспристрастно, взять правила осторожности. Надобно обращать внимание на то, чтобы действовать в мире с гражданским начальством. Мирные власти подкрепляют одна другую в деле общепольном, делают ход его благоспешным и благонадежным»⁵⁶⁰.

Если Московский святитель осудил вступление Херсонского архиепископа в магометанскую мечеть с христианской молитвою, то какой грозный суд произнес бы он об архиепископе Донском, входившем в языческое капище и присутствовавшем при языческом богослужении, пред лицом гнусных идолов?! О tempora, o mores!..

1-го августа получил я письмо из Москвы от преосвящ. Игнатия, Еп. Можайского. После продолжительного молчания, наконец, разомкнулись его уста, и вот что он писал мне от 29-го июля:

«Неожиданно для Москвы и меня было назначение Преосв. Леонида, хотя назначение было высокое и почетное. Теперь, из так именуемого во время оно триумвирата, един я остаюсь здесь, но не знаю, надолго ли. Пожалуй очередь и до меня дойдет, хотя и трудно будет уезжать из Москвы при слабом здравии.

Я просил Первосвятителя⁵⁶¹ оставить за мною прежние уезды и дела и сохранить прежнее (общее наше) именование. Новому лицу всё равно принимать вновь те или другие уезды. Пр. Никодим только вчера приехал и очень рад, что

переселился в Москву. Вечером мы вместе провели довольно времени у маститого старца на Троицком подворье и сладце беседовали. В Новгород переводится викарий Вологодский Варлаам⁵⁶². – Москва с 1862 г.⁵⁶³ не видала в кремле архиерейской хиротонии.

P.S. Желал бы мысленно проникнуть туда, где Вы теперь пользуетесь благорастворением воздуха и запасаетесь силами на зимнее время. – Простите, что давно не писал. Тяжел на подъем в письмах.

Владыка Ярославский скорбит, что на его долю выпал жребий закрытия 150 церквей. Комнаты произвели на него благоприятное впечатление, сход на реку для купанья очень близок и удобен».

На письмо это я поспешил ответить, и 3-го числа писал Его Преосвященству:

«Ваше братское послание после столь долгого молчания очень приятно удивило меня своею неожиданностью.

Вы пишете, что «желал бы *мысленно* проникнуть» в мое виталище, но почему бы и не *телесно*? Дорога до Курска Вам уже известна, а от Курска до Харькова всего 8 часов езды. Харьков принял бы Вас не только с горячим усердием, но и с великим жаром. Действительно жары здесь в Июне и Июле по временам были такие, о каких я прежде и понятия не имел. Теперь, слава Богу, температура воздуха стала умереннее.

Испытавши в прошедшем году крайнее неудобство путешествия по епархии в Июле месяце под палящими лучами солнца, ныне я распорядился своей поездкой во второй половине текущего Августа. Путешествие мое продолжится не меньше месяца. Если бы Вы прежде, чем оставить Москву, посетили меня по возвращении из моей поездки, во второй половине Сентября, Вы доставили бы мне большое утешение. В Сентябре и даже иногда в Октябре погода здесь бывает самая благоприятная.

Скоро ли настанет чреда и для Вашего Преосвященства оставить родную Москву, и где Вам уготовляется место для самостоятельного действия? Не в Твери ли? Кстати, долго

ли пребывал в Москве бывший Тверской Владыка⁵⁶⁴ на пути к месту своего нового служения?

Прошу благосклонно принять посылаемую, вместе с сим, книжку о моем прощании с Полоцкою паствой. Другой экземпляр той же книжки потрудитесь вручить новому сотруднику своему, Преосвящ. Никодиму, которому при сем прошу передать мое искреннее поздравление с возвращением в родную Москву.

А от Вашего Преосвященства желал бы получить, если возможно, две следующие брошюры: 1) Памяти Филарета Митр. Московского, Москва, 1876 г. и 2) Краткие сведения о всех церквях Моск. епархии. Обращался я за этими брошюрами к Московским книгопродавцам, но не мог получить».

1-го ч. писал я к двум архипастырям Воронежскому и Ярославскому.

Преосвященному Серафиму⁵⁶⁵, архиепископу Воронежскому, от которого получил я в дар его проповеди, я выражал свою признательность в следующих строках:

«Настоятель Святогорской пустыни, Архимандр. Герман доставил мне от имени Вашего Высокопреосвященства две книги Ваших назидательных проповеднических трудов.

Приняв этот дорогой дар, как залог Вашего милостивого ко мне внимания и благорасположения, долгом поставляю принести Вашему Высокопреосвященству за таковой дар мою искреннейшую благодарность.

Не могу при этом не пожалеть, что при поучениях не приложено изображение досточтимого автора.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с глубоким почтением и преданностью имею честь быть»...

Преосвященному Леониду, архиеп. Ярославскому, писал я в ответ на его письмо от 20-го июля:

«По поручению Вашему, я разыскал Тимковскую, в пользу которой Вы изволили прислать мне 23 р.

Оказалось, что это – моя старая знакомая.⁵⁶⁶ Она писала мне ещё в 1868 г. из Тобольска, затем в 1872 г. и 74 из Петербурга, и каждый раз получала от меня небольшое пособие. – Теперь же, находясь так близко от меня, она ни разу

ни обращалась ко мне за пособием, из опасения, разумеется, что её мнимая болезнь будет изобличена. Испрашивание денег от архиереев, которые находятся подальше, кажется составляет её специальную профессию.

По расследованию, произведенному Протоиереем села Основы, оказалось, что Тимковская замужем более 20 лет, но документов о браке не имеет, и что она не помнит где и когда венчана, что муж её будто бы служит в военной службе, был разжалован, потом сослан в Сибирь и впоследствии будто бы прощен, а в настоящее время арестован и содержится в Харьковском Тюремном замке. – Вообще, по мнению протоиерея, Тимковская личность тёмная и подозрительная.

Следует ли после сего такой личности вручать такую значительную сумму, какая Вами прислана? Не лучше ли раздать эти деньги действительно нуждающимся, или отослать в пользу страдальцев Болгар.

Буду ожидать Вашего распоряжения».

Изложу за сим представленную мне 29-го июля градским Благочинным, протоиереем Иоанном Чижевским записку о Тимковской:

«Проживающая в селе Основе Тимковская, говорят, есть дочь генерал-майора Куколевского; родителей её нет в живых; по её словам, она замужем более 20 лет, но документов о браке не имеет, и, как объяснила протоиерею Подольскому, не знает и не помнит, где и когда она венчана; муж её будто бы служил в военной службе, был разжалован, потом сослан в Сибирь и будто бы впоследствии прощен, а в настоящее время арестован и содержится в Харьковском Тюремном замке. Вообще же, по мнению Протоиерея Подольского, личность эта темная и подозрительная».

2-го ч. получил я письмо из Мурома от свояка, священника А. Орфанова. Он писал мне от 28-го июля:

«Началась у нас, Преосвященнейший, перестройка собора⁵⁶⁷, но я, признаюсь, равнодушно видеть эту перестройку не могу. Прежняя галерея и паперть совершенно сломаны, а на место их устроена новая галерея без крыши и без окон, открытая совершенно; паперти прежние заменены открытыми

широкими ступенями, идущими внутри галереи. При разборке старых папертей, на глубине 2 1/2 аршин в земле, найдены два гроба, совершенно прочные и нимало не сгнившие. Любопытные осмелились приподнять крышки, и в одном оказался священник; облачение на нем цело и крепко; во втором гробе, как бы помещик, богато одетый, и его одежда цела; будто бы сохранились и самые тела, но я лично того не видал, а слышал всё это от очевидцев. На этом месте перекинули небольшую арку и устроили входную лестницу. Другое открытие: когда стали копать канавы для св. алтаря, в одном месте, в ряд, нашли три глиняных сосуда, похожих на урны, – в них пепел и кости. По неосторожности урны эти разбиты, но с одной урны снят снимок. – Вид собора перестройкою обезображен. Прежний алтарь отломан, а новый – очень удлинен к бывшему правлению духовному. Вследствие этого иконостас уже переносится за арку, у которой он стоял, и станет на том месте, где был св. престол – и даже позади его. Вид иконостаса изменится, – он будет ниже, загорожен столбами и мало виден из храма. В алтаре предполагается устроить три св. престола в ряд. Св. мощи⁵⁶⁸ будут поставлены в храме на правой стороне со входа. Прежние окна заложены а проделаны новые, в старом стиле, но полуширокие, ни старинные, ни новые. Главный средний купол снят до его основания, и вместо каменного сделан из досок, с наружной стороны обитый железом, а внутри отштукатуренный, – и к довершению этой глупости теперь кладут под собором духовые печи, желая сделать его теплым, а прежний теплый собор останется навсегда лишним и без служения. Удивляюсь, что чудят-строят. По-моему, если бы кто завернул в Муром из влиятельных и ревностных археологов, досталось бы всем на калачи. Работает всё сие особая комиссия, составленная, по преимуществу, из замысловатого и ученого молодого купечества. Ревнуя за древность следовало бы написать по сему предмету статейку, но боюсь досадить Преосвященному⁵⁶⁹ и гражданам. В сборнике Ратшина о замечательных монастырях и церквях России⁵⁷⁰, напечатано: «собор в уездном городе Муроме построен около 1170 года, Кн. Юрием Владимировичем Муромским, праправнуком В.К.

Святосл. II-го, и храмоздатель его погребен здесь». Судя по счислению, предполагаю, что это был отец св. Петра⁵⁷¹ Юрьевича, почивающего теперь нетленно в соборе. А в описи Киреевского значится, что собор этот перестроен В. К. Иваном Васильевичем III⁵⁷², думаю, в память его пребывания в Муроме от преследования Шемяки. И на главу этого собора, или правильнее, вместо главы, надели деревянную кадушку, да вздумали отапливать. Увы и ах!»

В ответ на это писал я от 15-го числа:

«Описываемая Вами перестройка и переломка соборного храма истинно возмущает душу. Меня при этом более всего удивляет то, как мог решиться Преосв. Антоний, без ведома Синода, дозволить такое искажение священного исторического памятника.

На вакантное диаконское место при моем Кафедр. соборе нашелся во Владимирской епархии добрый диакон, который отличается и голосом и ростом, и в особенности трезвым поведением. Это – диакон Сокольский из г. Александрова. Он уже явился сюда и всем здесь понравился.

17-го числа отправляюсь в дальний путь, для обозрения церквей. Путешествие мое продолжится не менее месяца. Прошу Вас сопутствовать мне Вашими молитвами».

Из Ярославля писал мне от 1-го августа протоиерей А. П. Лавров в ответ на мое письмо от 15-го июля:

«Приношу Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за Вашу добрую рекомендацию обо мне, какую Вы выразили в письме к новому Владыке нашему.

Вместе с сим считаю приятным для себя долгом выразить Вашему Преосвященству глубокую признательность и за присланную Вами мне в дар книгу о Ваших Архипастырских трудах на Полоцкой Кафедре. С большим удовольствием прочитал я это описание Вашей полезной Архипастырской деятельности.

Нового Владыку своего мы встретили 11-го июля с радостью и торжественностью, при многочисленном стечении народа. Первая встреча его была у ворот Спасского монастыря. Здесь, в главной церкви, в которой почивают святые мощи Благоверного

князя Феодора и чад его – Давида и Константина, он облачился в полное Архиерейское облачение и потом отправился отсюда в собор, со всем городским духовенством в белых ризах. – В соборе он совершил первую литургию и произнес первое приветственное слово. По окончании литургии все высшие представители градского общества и духовенство отправились в архиерейские покои и здесь поднесли новому Архипастырю своему хлеб-соль и приветствовали его с благополучным вступлением на новую кафедру. В тот же день Владыка сделал визиты многим из светских лиц.

На первый раз Владыка произвел самое приятное впечатление не только на светских, но и на духовенство, своим ласковым и деликатным обращением и благосклонным вниманием ко всем. Дай Бог, чтобы он остался таковым же и на будущее время. Слышно, что и Владыка на первый раз остался доволен своею паствою и своим помещением в Архиерейском доме»⁵⁷³.

10-го ч. получил я письмо из Перми от известного писателя, протоиерея Евг. Попова.

Он писал мне от 3-го числа:

«Самую сердечную благодарность приношу Вам за Ваш подарок мне в ответ на мой презент. В нем выразилось и внимание к приношению и сочувствие к нуждам моим и справедливость воздаяния, для меня лично тем более приятнее, чем единичное и первичное этот пример. Сам я тоже прошел школу нужд материальных всякого рода и никак не могу окончить курса в этой школе. Потому душевно верю нуждам белого и приходского духовенства и как-то не совсем располагаюсь к капиталистам в духовенстве, между прочим ославляющим через себя в богатстве сотоварищей своих ко вреду последних.

В этом месяце выйдет третья книга: «Чтений по нравственному Богословию» с одною (VII) заповедью. По выходе же тотчас будет представлена Вам под бандеролью с двумя картинными произведениями. Четвертая же и последняя книга выйдет, полагаю, в сентябре–октябре: она очень растет в своем объеме, так что цена 3 р. за все части назначена мной

очень не велика, а для церквей при совокупной выписке ещё понижается эта цена, – до 2 р. 50 к. Всё же я ищу распространения света по своей мере, а не расширения своих средств. Только бы выбиться из огромных долгов.

По обещанию Вашего Преосвященства надеюсь получить требование от меня книг для Харьковской епархии. Всего спокойнее для меня, если Консистория выпишет, примет, разошлет книги и вознаградит за них. Но так как для Консистории может казаться эта операция обременительной, то я готов принять на себя труд: уложить в тюки для каждого о. Благочинного известное число книг, сделать на тюках надписи, словом изготовить совсем посылку для сдачи на почту, кроме (казенной) печати, и потом все эти посылки разом доставить Консистории, которой останется только сдать их на почту со своей печатью».

10-го ч. писал я в Москву П. Н. Батюшкову:⁵⁷⁴

«Из газет узнал я сегодня о Вашем возвращении из-за границы в пределы любезного отечества, и спешу приветствовать Вас с благополучным возвращением.

Я ожидал Вашего возвращения, чтобы препроводить (и вместе с сим препровождаю) Вашему Превосходительству книжку о моем прощании с Полоцкою паствою и вступлении па Харьковскую кафедру.

Прошу принять эту книжку, как дань моей душевной признательности Вашему Превосходительству за благосклонное содействие мне в благоустройстве церквей моей прежней епархии».

11-го ч. получено было мною письмо из родного Владимира от дальнего родственника, Секретаря Консистории Г. Ф. Нарбекова, который писал от 7-го числа в ответ на мое письмо от 18-го июля:

«Искреннюю душевную благодарность приношу Вашему Преосвященству за присланную Вами книгу о трудах и подвигах Ваших на кафедре Полоцкой. С истинным наслаждением прочел я её от первого слова до последнего и порадовался, что Господь помог Вам так много потрудиться и так много сделать доброго для ополченной и окатоличенной паствы Полоцкой.

Просьбу Вашу о перемещении к Вам диакона Сокольского исполнил, кажется, неукоснительно.

В епархии нашей особенных новостей нет. Реформа приходов у нас объявлена и введена в действие с 1-го числа минувшего Июля. Но, увы! она породила только тысячи дел для Консистории. Постоянно вступают жалобы то от причтов, зачем того или другого из них оставили сверх штата или за штатом; то от прихожан, зачем отписали их от прежнего прихода к новому; особенно прошений последнего рода бесчисленное множество. Виноваты в этом уездные Комиссии, работавшие над уравнием приходов. Вместо того, чтобы дело вести с согласия причтов и прихожан, они, по своему усмотрению, перечисляли деревни из одного прихода в другой, лишь бы составить приблизительно уравнительные приходы. И вот теперь почти все эти деревни вопиют, что, вопреки их желанию, приписали их к новой церкви, что при прежней церкви похоронены их отцы и деды, что церковь та украшена на их пожертвования и т. п. – фразы, сделавшиеся уже как бы казенными от постоянного употребления их во всех просьбах по подобным делам.

С 1-го августа до нынешнего дня гостил у нас во Владимире, без сомнения известный Вам, Член Св. Синода Протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский.⁵⁷⁵ Останавливался он в доме невестки своей – вдовы после покойного брата его Виктора Васильевича. Владимирцы, конечно, рады были дорогому гостю; угощали его обедами, то Преосвященный Антоний (2 раза), то Боголюбовский Архимандрит, то Прот. Ф. Мих. Надеждин⁵⁷⁶, то родные его. И я грешный имел честь дважды разделять трапезу с ним – в Боголюбове и у наставника Семинарии о. Александра Сервицкого⁵⁷⁷, которому он приходится сродни. Новостей особенных он нам не сообщил».

Из Коломны писал мне в ответ на мое письмо от 3-го ч. Преосвящ. Игнатий, Еп. Можайский, приехавший туда для обозрения церквей:

«Усердно благодарю Ваше Преосвященство за любезное приглашение в Богоспасаемый Ваш град; и желал бы им

воспользоваться, не знаю только позволяют ли обстоятельства и дела.

Вам угодно знать о Тверском Владыке. Он благоволил прибыть в Москву в полночь с 8-го на 9-ое Июля, а утром, приняв старшее духовенство, поспешил в Троицкое подворье. В 12 часов отбыл в Лавру; слушал там молебен и панихиду по Святителе Филарете⁵⁷⁸, а вечером назад в Москву. Не успел быть в Вифании и Гефсимании, не смотря на сильное желание, по недостатку времени. 10-го июля, отстояв раннюю литургию в Чудове, немало беседовал с посетившим его святителем Московским⁵⁷⁹, откушал с ним вдвоем, – и в Киев, не выходя из вагона. Очевидцы рассказывали, что проповедь в Софийском соборе, на другой день приезда, он произвел сильное впечатление и заставил даже плакать Киевских протоиереев. Многолетия говорить при первой встрече в Киево-Печерской Лавре не позволил. Так смиренно вступил на старейшую кафедру один из особенно уважаемых викариев⁵⁸⁰ почившего в Бозе Святителя!»

На журнальном постановлении Консистории от 28-го июля по делу о неправильном присвоении себе священником Троицкой церкви слоб. Брамли, Ахтырского у., Георгием Страховским, звания студента Семинарии, 13-го авг. за № 1651 дана была мною следующая резолюция:

«1) Если Консистория обвиняет свящ. Страховского за то, что он присвоил себе звание студента на основании второстепенных документов, т. е. а) Билета, выданного ему из Семинарского правления от 16-го Июля 1849 г. за подписью Инспектора Семинарии и с приложением печати, где он, Страховский, назван студентом, и б) Билета, выданного из Консистории от 19-го июля того же 1849 г. за № 4854, с приложением печати, где Страховский назван также студентом, то прежде всего надлежит обвинять Семинарское Правление и Д. Консисторию, выдавших документы, на основании коих свящ. Страховский присвоил себе не принадлежащее ему звание студента.

2) Консистория пишет: «Если Страховский на основании выданных ему документов введен был в обман, по

легкомыслию, в первое время своего священства, то в последствии он мог узнать положительно, что он не студент, от своих товарищей и непосредственно от Семинарского начальства».

Но а) свящ. Страховский едва ли мог представить себе, чтобы начальство Семинарское и Епархиальное желали вводить его в заблуждение, именуя его студентом, и потому б) ему не было необходимости наведываться о своем звании ни от товарищей, ни от Семинарского Начальства. Иное дело, если бы он в помянутых выше документах назван был второразрядным, а он уверен был, что он студент, он, конечно, не преминул бы точнее исследовать этот вопрос. Естественно было ожидать, что Консистория, имея в своем архиве подлинный документ, именно разрядный список, где Страховский значится во 2-м разряде, и между тем ежегодно получая клировые ведомости, где Страховский именуется студентом, поспешит исправить допущенную его ошибку и воспретить Страховскому именовать себя студентом. Но этого не было сделано в течении более, чем 20-ти лет; и только уже, спустя 22 года, возбужден вопрос о неправильном присвоении Страховским звания студента, благодаря его добрым товарищам, которые 22 года молчали о сем и только лишь вследствие личных неудовольствий на Страховского подняли вопрос о его студенчестве. Но если посему судить и осуждать священ. Страховского за противозаконное присвоение себе не принадлежащего ему звания, то справедливость требует привлечь к суду и его товарищей, священников Санжаревского и Копейчикова, которые знали о сем и 22 года молчали. –

3) Третьим пунктом определения Консистории от 14-го Мая по делу о священнике Страховском было положено: «относительно определения степени виновности свящ. Страховского в присвоении себе звания студента окончательное суждение иметь по представлении (согласно 1-му пункту) Благочинным Протоиер. Никольским следственного дела о Свящ. Страховском». Очевидно, что этот пункт определения поставлен в связи и зависимости от первого пункта того же определения. Но так как 1-й пункт, резолюцией от 19-го мая,

оставлен без исполнения, то не следовало приступать к рассуждению и по 3-му пункту. Посему настоящее журнальное постановление, согласно особому мнению члена Консистории Прот. Илларионова, оставить без исполнения».

14-го ч. получено было мною прискорбное известие о смерти Ряснянского помещика Конст. Дим. Хрущева, основателя Ряснянского Димитриевского монастыря, последовавшей 13-го числа. Наследник его, двоюродный внук, молодой помещик, по фамилии также Хрущев, не замедлил возбудить процесс о присвоении себе богатого имущества, оставшегося по смерти его деда и завещанного в пользу новостроящегося монастыря.

15-е число. *Успение Пресв. Богородицы* – храмовый праздник в моем Кафедральном соборе. Там я служил, с подобающей торжественностью, литургию и молебен. Участником торжества нашего оказался Председатель Духовно-учебного Комитета, известный Протоиерей Иосиф Васильевич Васильев⁵⁸¹; он во время литургии стоял в алтаре, остался доволен благолепием служения, но жаловался на продолжительность службы. В Харьков он заехал по пути из Полтавы, где служит его брат секретарем Консистории. Накануне праздника он слушал всенощную в семинарской церкви и осматривал потом семинарские помещения. Заметивши какие-то маловажные неисправности, он сделал ректору протоиерею Энеидову, которого удостоил своим посещением, строгое внушение яко власть имеющий, – что однако же он утаил от меня, и я узнал уже о всем этом после его отъезда из Харькова; такова лукавая политика петербуржцев!..

В праздник после литургии о. Васильев посетил меня; затем я пригласил его вместе с собою к соборному старосте на завтрак. В уединенной беседе со мною о. Васильев жаловался мне на Обер-Прокурора графа Толстого за то, что он, сделавшись вместе Министром народного просвещения, стал унижать духовно-учебные заведения перед светскими; между тем как прежде, пока был только Обер-Прокурором, он превозносил семинарии перед гимназиями. Упрекал также графа Толстого за его неприязненные вначале отношения к

нему лично. Когда Васильев, после многолетнего пребывания в Париже, возвратился в Петербург для устройства своего многочисленного семейства, он просил Обер-Прокурора дать ему соответственное его заслугам и достоинствам место с приличным вознаграждением. Граф, питая за что-то личное к нему неудовольствие, медлил исполнением его просьбы, не смотря на многократные с его стороны напоминания. Наконец, Васильев обратился к графу Толстому с угрозой; он написал ему, что если он не удовлетворит его просьбы немедленно, то он вот что сделает: пригласит через газеты всех своих духовных детей жертвовать ему в год по одному рублю – не более; и как у него детей духовных рассеяно по России не менее 15000 душ, то он и надеется получать ежегодного доходу до 15000 рублей. Такая угроза не осталась будто бы без надлежащего действия: граф Толстой поспешил дать ему то назначение, какое он имеет теперь, с содержанием, при казенной квартире, с окладом 6000 р., с пенсией в 1000 р. и с арендой в 2000 р., а всего – 9000 р. Приличное обеспечение для достопочтенного о. протоиерея!

Но слышно было прежде, что о. Васильеву предлагали занять настоятельское место при Кафедральном Исаакиевском соборе. Он готов-де был принять это почетное место, но с непременною условием, чтобы Исаакиевский собор изъят был из-под личной зависимости от петербургского митрополита и был подчинен, по примеру Московского Успенского Собора, непосредственному ведению Св. Синода. Но такая гордая притязательность офранцузенного русского прелата, разумеется, была отвергнута.

17-го ч., во вторник, выехал я из Харькова, в сопровождении Кафедрального Ключаря и прочей свиты, по тракту к заштатному городу Чугуеву, для обозрения церквей.

Общие результаты моих наблюдений во время поездок по епархии в течении 1876 г. изложены в отчете Св. Синоду в таком виде:

«1) Большая часть храмов, как по наружному виду, так и по внутреннему устройству, вполне соответствуют своему назначению. Церкви ветшающие и утратившие прежнее благолепие, тщанием и усердием прихожан, постепенно

исправляются и приводятся в подобающий святыне вид. Мною обращено было особенное внимание на иконную и стенную живопись, и усмотренные в этом отношении недостатки тут же указываемы были приходским священникам и местным Благочинным, с приказанием немедленно исправлять оные.

2) В священных утварях, в ризничных и других богослужебных принадлежностях нигде недостатка мною не усмотрено; только в одной церкви, именно Петропавловской села Лимала, Изюмского уезда, я нашел, к удивлению моему, одну и единственную напрестольную одежду, и притом довольно бедную. Впрочем это зависело не столько от скудости средств, сколько от недостатка внимания приходского священника и церковного старосты.

3) Церковные библиотеки, большей частью, не достаточны, но при некоторых церквях, как, напр., при соборной Троицкой в г. Волчанске, при Гусаровской Изюмского уезда, и Камянской Старобельского, очень довольно имеется книг духовно-нравственного содержания, и библиотеки находятся в отличном порядке. Об умножении полезных и назидательных книг в церковных библиотеках везде делались мною должные внушения.

4) Церковные документы не везде найдены в должном порядке и исправности. К приведению сего в порядок приняты надлежащие меры.

5) Приходское духовенство, за весьма немногими исключениями, отличается добрым направлением как в умственном, так и в нравственном, отношениях. – Из всех священников, коих я видел при посещении церквей, только один, именно, священник Беловодской Троицкой церкви, В... изобличен был в нетрезвой жизни, и за сие подвергнут должному взысканию. – Из псаломщиков двое, также за нетрезвость, удалены от своих мест.

6) Проповедничеством не все приходские священники отличаются в одинаковой мере, так как не все имеют одинаковое образование, но все, по мере своего образования, с большим или меньшим усердием учат народ истинам веры и христианского благочестия – одни посредством устных или

письменных поучений своего сочинения, а другие через чтение с церковной кафедры печатных слов и бесед. При ревизии церквей, мною обрацаемо было особенное внимание на письменные поучения приходских священников, и за основательные и назидательные проповеди я тут же объявлял сочинителям свою признательность; в слабых же поучениях указывал авторам недостатки и давал советы и наставления, как избегать тех или других недостатков в поучениях.

7) Большинство псаломщиков, отличаясь исправностью в чтении и пении и отчасти в знании церковного устава, мало имеют сведений в катехизическом учении веры и заповедей Божиих, а ещё менее разумеют смысл священнодействий и церковных обрядов. Посему делано было мною строгое подтверждение Благодичным, чтобы они, согласно своей инструкции, заботились об исправлении этих недостатков.

8) В простом народе немного примечено мною умственного образования, но много усмотрено религиозного чувства, много искреннего усердия к поддержанию и благоукрашению своих приходских храмов. Впрочем это усердие к храмам более или менее условливается урожаями хлеба в полях, так как в здешней стране, при отсутствии в народе всяких других промышленных занятий, хлебопашество составляет исключительный источник народного благосостояния».

15-го числа, в день возвращения моего из поездки по епархии, получено было мною письмо, из Москвы от П. Н. Батюшкова, который писал мне от 10-го числа:

«Не знаю с чего начать мое письмо, с изъявления ли признательности Вашему Преосвященству за дорогую по содержанию книгу о Вашей Архипастырской деятельности, с которой, в Полоцкой Епархии, связаны мои лучшие воспоминания, или с низкой и покорной просьбы простить мое долгое молчание? Всё это время я был завален работой и, только на днях, мог заняться чтением Вашей книги, отвечать же Вам не познакомившись с книгой не хотелось.

Восьмилетние неусыпные труды Вашего Преосвященства, на пользу Полоцкой Епархии, прошли не бесследно, несмотря на встречаемые Вами на каждом шагу затруднения; никто ближе

меня не знает той задачи, которую приходилось Вам разрешать, не только без содействия, но, скажу смело, при противодействии ведомств и лиц, которые должны были бы оказывать Вам помощь. Я уже не касаюсь местного противодействия, исторически сложившегося, с которым Вы, со свойственным Вам тактом, сумели поладить без шума, оставив вашему преемнику благоустроенную Епархию.

Не знаю как у Вас в Харькове, но здесь только и думается, только и говорится, об одних Славянах Балканского полуострова, предоставленных цивилизованной Европой на съедение диких орд. Мне досталась на долю забота о разрушенных, разграбленных и сожженных церквях Сербии и Болгарии. Бьюсь из всех сил в этом святом деле. Жертвы ко мне идут отовсюду и, надеюсь, что, с помощью Божией, Россия обязанная тамошнему краю своим духовным просвещением, в свою очередь, не оставит его в безвыходном горе».

16-го ч. получил я письмо из СПб. от внука своего, окончившего курс в Д. Академии, Ген. Виноградова⁵⁸². Он писал от 1-го сентября:

«Позвольте мне рекомендовать себя: я смотритель Приворотского духовного училища.⁵⁸³ Назначение, со стороны Учебного Комитета, на эту должность вызвано было, с одной стороны, моим заявлением иметь место службы на Юге России, а с другой – отсутствием кафедр в семинариях по истории – по предмету моей специальности; последнее обстоятельство – излишек оканчивающих курс – становится с каждым годом всё заметнее и заметнее. В настоящее время из 35 кончивших курс получили назначение только 14-ть студентов; остальным же приходится сидеть у моря и ждать погоды.

Назначение на должность я получил 30 Июля, но весть о нём нашла меня в Иванове в конце августа. Сегодня первого сентября получил прогоны на путевые издержки и сегодня же отправляюсь в путь. Прямой путь в Каменец-Подольский лежит через Киев, но я осмеливаюсь просить у Вас позволения нарушить прямую линию – заехать к Вам в Ваш Харьков и получить от Вас благословение Архипастырское и мудрый совет».

На другой день по получении этого письма, явился ко мне и сам автор его, новоназначенный смотритель неведомого мне Приворотского училища и прогостил у меня до 20-го числа.

17-го ч. получено было мною письмо из Ярославля от Преосвященного архиепископа Леонида, который писал мне от 26-го августа:

«Дивитесь Вы и может быть дружески меня осуждаете за молчание. Доношу Вашему Преосвященству: болезнь причиной. Сильное в течение двух месяцев душевное напряжение с простудами истомленного тела произвело несколько болезней⁵⁸⁴, которые к ночи на Успеньев день низложили меня на одр, с которого и теперь лишь понемногу встаю.

Благодарю за дружеские послания; ущедряйте меня ими и давайте наставления, делайте замечания.

На вопросы Ваши отвечаю: со мной перешли мой монастырский казначей иеромонах Павел и послушник-чтец, да на время келейный, получивший в Москве место.

Что я нашел здесь? Дом архиерейский не бедный, не худа и братия; но запущенность в хозяйстве и управлении всесовершенная. – Нет во всей епархии церкви грязнее моих; об уставе ниже слышали. В духовенстве Ярославля нашел несколько почтеннейших людей, с худыми (если они есть) ещё не познакомился. Дело о приходах получило до меня санкцию и возвращено к исполнению. Лучше, где за него не брались, но здесь оно лучше, нежели где-либо во всех прочих местах. В 1869 г. приходское духовенство епархии имело капитал в 191 тысячу, а теперь до 1.250.000. Норма для самостоятельности прихода 500, а не 1000 душ. За недостающую до нормы сотню душ – капитал с процентами в сто рублей, или земля с доходом в сто рублей.

Доныне делами консистории занимаюсь один, изредка призываю членов.

Учебная часть епархиальная чужда моему сердцу; занимаюсь по долгу моему.

Приюта для заштатных, для вдов и сирот, можно сказать никакого.

Раскол заботит; но ещё не узнал его. Единоверие в дурном состоянии.

Викария не вижу нужды иметь, и откуда взять? навяжут такого, что жизни не рад будешь. Довольно мне и на Толге⁵⁸⁵ видеть безногого ректора Владимира на настоятельстве; бестолочь у него в богослужении, в житии и т. п. Думалось: польза обители требует другого начальника, а потом иная мысль: ты много сам не знаешь, из правительствующего Синода нашлют ещё худшего. Между тем для обители лучше было бы выдавать от обители пенсию, но не приказывать отдавать обитель этим инвалидам на разорение.

Государю Императору благоугодно было, чтобы надзор за церковностью иконописания в храме Спасителя остался за мною.

На мое приветствие получил я ещё в Лавре такую телеграмму от сердечно любимого мною Государя Великого Князя Сергея Александровича из Александрии от 6 Июля:

«Сердечно благодарю Ваше Высокопреосвященство за телеграмму и письмо. С отрадным чувством всегда помню о Вашем расположении, беседах и молитвах. Уверен, что отъезд из Москвы не отдалит Вас сердцем от любящих Вас. Сергей».

Выписал вполне, чтобы Вы помолились о прекрасном юноше с любовью, да укрепит и охранит его Господь».

В ответ на это писал я от 24-го числа:

«Письмо Вашего Высокопреосвященства от 26-го августа имел я удовольствие, растворенное впрочем грустью, прочитать не ранее 17-го сего Сентября. Оно получено было в Харькове во время моей поездки по епархии и посланное вслед за мною в известное место, не нашло меня там, и возвратилось в Харьков на третий день по моем возвращении из путешествия.

Приключившейся Вам болезни я не удивляюсь: при Ваших обстоятельствах это было очень естественно. Но сохрани Бог, если болезнь Ваша будет продолжительна. Для нас, архиереев, особенно при неимении помощника, болеть долго весьма неудобно. Если заболит гражданский начальник, кто бы он ни был, – его обязанности легко могут быть исполнены другим, хотя бы и низшим его по рангу, но кто из сотрудников по

управлению епархией заменит болящего епископа в случае, напр., необходимости произвести ставленника или освятить антиминсы, как это и случилось со мною на первых днях по приезде моем в Витебск.

Да поможет Вам благодать Божия неустроенное и расстроенное благоустроить и привести в порядок!

Оставление за Вашим Высокопреосвященством надзора за церковностью иконописания в храме Спасителя – знамение во благо.

За сообщение телеграммы В. Князя приношу Вам душевную благодарность. Телеграмма эта делает великую честь порфирородному юноше.

Что скажу Вам о себе? Благодарение Господу, я благополучно совершил довольно продолжительное путешествие по епархии. В 30-ть дней я проехал около 1000 верст, осмотрел до 100 церквей, совершил 16 литургий – одну с освящением храма и сверх сего два молебна с акафистами. При обозрении церквей обращал особенное внимание на иконопись; перечитал много священнических проповедей, но дельных оказалось не очень много. В украинском народе, в особенности в местах, отдаленных от железных дорог, сохраняется ещё искреннее благочестие и необыкновенная привязанность к своим приходским храмам. Вследствие сего, реформа приходов возбудила в здешнем народе много ропота и жалоб, хотя, с другой стороны, вызвала в нем наружу ещё большую ревность об удержании своих приходов самостоятельными; крестьяне делают всевозможные пожертвования, чтобы только не оставаться без причтов и без богослужения в праздничные дни. Путешествие мое по епархии было, можно сказать, торжественным триумфом. В будничные дни все крестьяне оставляли работы и стекались в храмы, чтоб видеть архиерея, по здешнему выражению, *подивитися*, и принять от него благословение».

22-го ч. был у меня принявший крещение из евреев Лев Кириллов. Рейхенберг⁵⁸⁶. Родом он из Молдавии и получил высшее образование в Венском Университете. По приезде в Россию и до принятия крещения, он занимался адвокатурой. По

принятии крещения, он возымел мысль принять священство с миссионерской целью проповедовать христианство между своими единоплеменниками. Из беседы с ним я убедился в его основательном знании Библии не только Ветхого, но и Нового Завета, тем не менее дал ему совет не спешить приведением в исполнение своего доброго намерения, но приготовляться тщательным изучением всего, относящегося к Православию. Для сего подал ему мысль поступить для изучения богословских предметов в какое-либо высшее духовно-учебное заведение, и он, как увидим далее, последовал моему совету.

23-го ч. получил я письмо из Ставрополя на Кавказе от Преосвященного Епископа Германа. Он писал мне от 17-го числа:

«Опытно познав Вашу доброту в радушнейшем гостеприимстве Вашем, которым я имел счастье пользоваться ровно год тому назад и благодарного воспоминания о котором не могут изгладить во мне и многие годы, я тем смелее обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою, к чему вынуждает меня сущая необходимость.

В минувшем году и мы обзавелись Епархиальным Училищем женского рода, но, кажется, на свою беду. Беда наша в том, что нет у нас людей способных и энергических, которые могли бы вести дело управления училищем с толком и быстротою. Вот, напр., наш Совет до сих пор не собрался выработать инструкций даже для главных должностных лиц по Училищу, от чего между ними происходят постоянные недоразумения и столкновения, а в делах путаница. Ради Бога, помогите нам высылкой тех инструкций, какие приняты в Харьковском Епарх. женском училище; в особенности я покорнейше просил бы Ваше Преосвященство поспешить высылкой мне инструкций для эконома и делопроизводителя училища. Этим Вы бесконечно одолжили бы и обязали меня.

Может быть, когда-нибудь и наше училище чем-нибудь пригодится Харьковскому. Даже и теперь одна из Харьковских воспитанниц, именно, Тамарова, нашла себе хорошее положение при нашем училище, в качестве воспитательницы.

Сегодня я имел счастье получить Рескрипт от Ея Высочества Великой Княгини Ольги Феодоровны, которым она, согласно моей просьбе, изъявляет согласие принять наше училище под свое покровительство. Понятно, что этим создается для меня особенное побуждение стараться о наилучшем его устройстве».

Я не замедлил исполнить просьбу почтенного собрата; 28-го числа послал требуемые инструкции и при этом писал Его Преосвященству:

«Спешу исполнить просьбу Вашего Преосвященства относительно инструкций для служащих в Вашем женском училище лиц. На первый раз Вам посылаю копии инструкций для эконома и делопроизводителя; прочие будут доставлены вслед за ними.

В инструкции для эконома слова, написанные в скобках, должны быть исключены на основании позднейших распоряжений Высшего Начальства.

Желаю Вашему юному питомнику Божия благословения и процветания под благодетельною сенью Высокой Покровительницы.

О пребывании у меня в прошедшем году Вашего Преосвященства я воспоминаю с любовью. Прошу и впредь, аще случится мимоидти нас, уклоняться под кров нашей обители: для Вас всегда будет готов у меня братский радушный приём».

Еще в Августе (именно 17-го числа) писал мне из Москвы Преосвященный Игнатий, епископ Можайский:

«Ныне только возвратился в Москву из путешествия по епархии.

Путешествие освежило и несколько меня укрепило, особенно после того, как два месяца я исправлял и Дмитровскую и Можайскую должность вместе. 12-го августа в Павловском посаде из М. Ведомостей узнаю о Твери, потом перепечатывают из Русского Мира и другие газеты. – Не знаю, на сколько сие верно.

Но немного ли и не высоко ли будет? Конечно, ныне классы епархий не существуют. Но после такого светила, каким был

нынешний Владыка Киевский, страшно восходить на кафедру. Потом Белюстин.⁵⁸⁷ Семинария не преобразована. Хорошо только что близко.⁵⁸⁸

Впрочем может быть только одни газетные слухи, не имеющие основания. Москва слухами о Твери угощает меня с начала Июня, и первую весть о сем получил я в Серпухове после освящения церкви от приехавших из Москвы. Да будет во всем воля Божия!

С великим удовольствием я прочитал присланную от Вашего Преосвященства брошюру и усердно благодарю. Описание церквей М. епархии не найду, а другую брошюру «Памяти Филарета М. Московского» посылаю. Думаю, что последняя для Вас дороже».

Получив это братское послание 23-го того же августа в г. Славянске, я не мог скоро отвечать на него. И вот, ровно через месяц, 23-го сентября я писал в ответ Его Преосвященству:

«Искренно благодарю Вас и за братские послания и за брошюры о приснопамятном Владыке.

Продолжительное путешествие свое я совершил, по милости Божией, благополучно. В 30-ть дней я измерил около 1000 верст, осмотрел до 100 церквей. При этом пришлось претерпевать и зной дневной и хлад ночной. Между прочим, был в Святогорской пустыни, которую посещал и в прошедшем году. Чудное местоположение этой обители напоминает Киевские горы. Если Вы заблагорассудите когда-либо посетить меня, я постараюсь убедить Вас непременно съездить в Святогорскую пустынь. – Вы хорошо сделали, что не решились ехать ко мне теперь. Нынешний сентябрь у нас совсем не похож на прошлогодний – и холоден и сыр.

Что же – за кем останется Тверская кафедра? Почему так медлят избранием и назначением на неё епископа? Оставлять на долгое время такую многолюдную епархию без архиерея – нерезонно».

В тот же день и также в Москву писал я своему доброму благодетелю, купцу С. П. Оконнишникову:

«Посылаю Вам усерднейшее поздравление со днем Вашего ангела с искренним желанием Вам и вашему любезному

семейству здоровья и благоденствия, а наипаче душевного мира и спокойствия.

15-го числа я возвратился из моего тридцатидневного путешествия по епархии, по милости Божией, благополучно.

Проехал по шести уездам, видел необозримые украинские степи, любовался черноземною почвою, особенно в Старобельском уезде, питался ежедневно белым пшеничным хлебом, укоряя всех своих гостеприимцев за недостаток черного, ржаного хлеба, без коего русскому человеку обойтись трудно. Между тем меня совестились угощать арбузами, которые я люблю, потому только, что они очень дешевы, от 3-х до 5-ти коп. самый лучший.

По возвращении из поездки, продолжаю жить в Всехсвятском и возвращаюсь в город не ранее 29-го числа.

Призывая Вам и всем вашим присным Божие благословение, остаюсь в надежде скорого и приятного свидания с Вами».

29-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвященного Игнатия. Он писал от 26-го числа:

«Из глубины сердца приношу Вашему Преосвященству глубокую благодарность за приглашение меня во 2-й половине сентября в Харьков. Было у меня помышление воспользоваться сим приглашением, но обстоятельства помешали. Если доживу в Москве до следующего лета, то не премину воспользоваться Вашею любовью и освежиться путешествием.

Приближающийся день Преподобного Саввы Вишерского⁵⁸⁹ налагает на меня обязанность приветствовать Вас. Если не ошибаюсь, второй раз Вы будете праздновать на новой кафедре. Думаю, что Харьков по многим отношениям для Вас лучше прежнего града. Дай Бог, чтобы более можно находить Архипастырского утешения во благочестии и доброй вере пасомых. Ваш праздник, по обычаю, должен я провести в Лавре, чтобы служить в Покровской Академической церкви и присутствовать на акте. Бывало после акта почтенный Александр Васильевич⁵⁹⁰ всегда воспоминал и здоровье именинника Святителя. Там мне благословите о Вас помолиться.

Чаша Тверская меня миновала, и хорошо. Все назначения утверждены, и в среду объявлены уже в Св. Синоде».

На другой день, 30-го числа, от него же получаю другое письмо от 27-го числа. В нем он пишет:

«Вчера утром после ранней литургии послал я Вашему Преосвященству письмо, а собираясь к служению поздней литургии получил любезное Ваше письмо, на которое собираюсь отвечать скоро.

Лаврский о. Наместник⁵⁹¹ остается на своем месте, и святитель⁵⁹² помышляет ему дать помощника, который мог бы заменять его в священнослужении и надзоре за Лаврскими ларцами. Но кто будет сей помощник – ещё не решено.

Пермский Архиепископ Антоний⁵⁹³ уволен по прошению, по слабости зрения, на покой. Он будет жить в Данилове, где и комнаты для него приготовлены. Он был при О. Агапите⁵⁹⁴ (который почти и не принимает никого по усиливающейся слабости своего здоровья) инспектором Вифанской Семинарии и по курсу академическому товарищ нового Владыки Киевского».

30-го ч. совершен был обычный крестный ход по случаю встречи Чудотворной Озерянской иконы Божией Матери, принесенной из Куряжского монастыря на зимние месяцы в Харьковский Покровский монастырь. Ясная и тихая погода вполне благоприятствовала этой торжественной процессии, в которой участвовали необозримые массы богомольцев.

1-е Октября – главный монастырский праздник в честь Покрова Пресв. Богородицы и день моего ангела. Всенощная с вечера и на утро литургия совершены были с обычною торжественностью.

После обедни было множество поздравителей. В 3 часа обед, за которым присутствовало до 50-ти человек.

В тот же день, кроме личных приветствий, немало получено мною и заочных поздравлений телеграфических и письменных.

Общее и главное содержание их – поздравление со днем ангела; но в некоторых из них есть нечто, сверх сего, особенное, более или менее интересное. Помещаю здесь некоторые из этих последних писем в полном их виде.

Так от 28-го Сентября писал мне из Владимира Преосвящ. Иаков, еп. Муромский:

«С Ангелом поздравляю Вас, Ангел церкви Харьковской, и желаю Вам радоваться со Ангелами. Многая лета Вашему Преосвященству!

Сейчас приходил ко мне Иван Григорьевич Соколов⁵⁹⁵. Узнав, что пишу к Вам, просил меня передать Вам его почтение и поздравление с Ангелом. Старичок частенько стал прихварывать и сегодня первый выход ко мне сделал после недельного затворничества от простуды. Свободный от училищных дел, он теперь может хворать сколько угодно.

6 сент. мы молились по случаю совершившегося 10-летия Владыки на Влад. кафедре. Я нашел, что молиться нам никто не воспретит, и с согласия своего набольшего служил в соборе, потом молебствовал со всем духовенством, после принесли юбиляру поздравление. Протоиерей Жудро⁵⁹⁶, за болезнью Фед. Мих-ча⁵⁹⁷, поднес от духовенства икону и сказал речь, граждане – хлеб-соль на серебряно-вызолоченном блюде, и гражданские власти приветствовали от себя. Это назвал я предпразднеством 25 л. юбилею в епис. сане, который совершится 8 июля 1877 г., ровно чрез 10 месяцев.

С 30 августа по 2 сент. Владыка ездил в Нижний – посмотреть устройство свечного завода и на город, в коем не был 16 лет. Завод действует хорошо, но Владыка боится у себя заводить подобный. Нелегко поставить дело как следует и труден надзор. В Нижнем при всём надзоре в одном складе проторговали (похищено) 8 т. руб., а в другом 2 т. Кажется, свечное дело отдано будет в аренду.

Сейчас посетил меня г. Николаев, председатель Земской Управы. Он только что воротился из Сербии, куда ездил по собственному желанию послужить Сербам и деньгами и личным трудом. Хвалит страну и народ. Там вблизи к действующей армии покойнее, чем у нас. Народ вовсе не желал войны, его втянули власти. Перемены правления не желает; турецкою податью не тяготится (около 100,000 в год); не богаты, но довольны. У всякого за столом есть говядина, вино. К церкви не усердны; но духовенство в особом почете. Русских уважают, и в

начале, пока прилив добровольцев был незначителен, выходили навстречу, принимали как гостей. Страна сама по себе как сад. Плодов вволю. Причину одушевления Русских находит Николаев в том, что у нас жить тяжело и скучно. Время, говорит, разъяснит, так ли это.

Но не пора ли замолчать? Благословите».

От того же 28-го числа писал мне из СПб. И. Г. Слиборский:

«Священною и приятнейшею для себя обязанностью считаю поздравить Ваше Преосвященство с приближающимся днем Вашего Ангела...

С радостным чувством приближался я к Харькову 9-го сентября, надеясь лично удостоиться Архипастырского Вашего благословения; но с прискорбием уехал, не застав Вас дома. Надеялся несколько вознаградить эту неудачу в Петербурге, в беседе с о. Александром (Римским)⁵⁹⁸; но и здесь надежда обманула. Было предположение произвести о. Александра в епископа Екатеринбургского, Викария Пермского; по ошибке же, вместо Екатеринбургского, ему написано – частным образом – Екатеринославский. Эта ошибка была причиной, что о. Александр хлопотал оставить его в Риме, чего и достигнул. Своему корреспонденту пишет, что с удовольствием поехал бы куда-нибудь на окраину, где бы можно заняться миссионерством. Пермская епархия удовлетворила бы, кажется, этому его желанию. Видно очень сжился с инородцами, что не захотел внутрь России!

Больше новостей в С.-Петербурге нет, по крайней мере, я не знаю. Все и все заняты Балканским полуостровом».

2 ч. получено было мною 8-мь писем преимущественно также приветственного содержания. Вот некоторые из них наиболее интересные.

От 28-го числа сентября писал мне из Ярославля преосвященный Леонид:

«Прежде всего прошу Ваше Преосвященство включить меня в число наипреданнейших поздравителей Ваших на день 1-го октября, в который Ваша святыня да воспомянет мое недостойнство, яко вступившего в 32 лето⁵⁹⁹ пресвитерства.

От болезни я, слава Богу, оправляюсь, но, по её милости, просидел в четырех стенах всё благопогодное время, а теперь начинается осеннее ненастье. Благодарение Богу, болезнь не отнимала меня от дел служебных, даже просителей принимал лично, у постели. Ставленников не имеется на долг-час.

Так как о. Павел Прусский⁶⁰⁰ на Кавказе, а без него не решаюсь касаться раскола, то занимает меня вопрос славянский. Везде Славянам сочувствуют, отовсюду к ним «помощь идет». Так, но прекратится война и все о них забудут. Между тем тогда-то и нужна будет помощь, помощь нравственная, для возрождения. Общество составляется из семейств, основа семейства мать, следовательно надобно готовить для славянства женщину, способную быть и матерью и учительницею. Опыт училища в Алексеевском монастыре дал результат прекрасный. Преосвящен. М. Михаил⁶⁰¹ в восторге от сербок возвратившихся в Белград. Монастырь принял вновь. Ему следуют другие. Не все могут делать то же, что Алексеевский, где девицы (от 12–15) живут, содержатся и учатся. Рождественский принял четырех, Страстной, Ярославский – Казанский, Рыбинский, надеюсь, Мологский и Ростовский примут по 6 на содержание и воспитательный надзор, с тем, что учиться они будут в гимназиях и прогимназиях. Здесь, кроме того, г-жа Соболева дает дом и всё содержание на 10 болгарских сирот с 5-ти до 11–12-ти-летнего возраста. Как хорошо было бы, если бы эта мысль распространилась и в дело обратилась по лицу Русской земли. Будь так и Россия была бы настоящей благодетельницей славян: дала бы им хлеб в сытость духовную».

Из Витебска писал мне от 28-го сентября заштатный священник И. Горбачевский⁶⁰²:

«Спеша поздравить Ваше Высокопреосвященство с радостным днем ангела Вашего, осмеливаюсь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что судьба наша, после выезда Вашего, окончательно разрушена злобою Красовицкого⁶⁰³, который с какой-то странной мести для меня, будучи теперь председателем попечительства, и управляя, к общему горю, всею епархией, отнял у меня, назначенное ещё Вашим

Высокопреосвященством, попечительское пособие 60 р., и этим окончательно убил меня расслабленного и слепого с болезненною женою, и я теперь нахожусь в неописанной крайности и бедности, жизнь моя теперь хуже смерти, и не знаю, где искать теперь помощи; мы часто со слезами вспоминаем Ваше Высокопреосвященство, что, если бы Вы были, не позволили бы так обижать нас, несчастных, Красовицкому, потому что Вы действительно были внимательны к слезам и страданиям несчастных, а теперь, сказать правду, у нас этого нет».

В утешение несчастному страдальцу послано было мною 10 рублей.

От 29-го числа писал мне Инспектор Моск. Д. Академии С. К. Смирнов:

«Вменяю себе в приятнейший долг поздравить Вас с радостным днем Вашего ангела и от всей души желаю Вам непоколебимого здоровья и всевозможного благополучия на новый год Вашей жизни.

Простите, что давно не писал Вам, быв занят разными срочными делами. В последнее время к 1-му Октября готовил для публичного собрания речь об Александре Васильевиче⁶⁰⁴, для которой нужно было пересмотреть немало материалов из его архива. Но я мог перебрать и прочитать только двадцатую часть этого сокровища. Главнейшим источником для речи послужили дневники, которых нашлось немало. По напечатании речи буду иметь честь её Вам представить.

Нынешнее лето у нас много было гостей царского рода, о чем Вы могли узнать из моей статьи, недавно напечатанной в Моск. Ведомостях. Из Преосвященных были Митрополит Филофей, Павел Кишиневский⁶⁰⁵, Преосв. Леонид, гостивший здесь неделю, Пр. Никодим, прошедший здесь свои именины. В начале Сентября был в академии и потом посетил меня о. протоиерей И. В. Васильев, который сказывал, что был у Вас и заметил, что Вы стали иметь седины. Специальная цель его приезда – осмотр Вифанской Семинарии, которой существование он обещал отстоять.

Недавно из Петербурга получен здесь ревизионный отчет Преосв. Макария, присланный при указе Св. Синода. Совету Академии вменяется в обязанность – восстановить издание творений Св. Отцев. Отзыв о состоянии учебной части в Академии очень хорош; большая часть наставников расхвалены⁶⁰⁶. Замечание сделано только относительно А. Ф. Лаврова⁶⁰⁷ и В. Н. Потапова⁶⁰⁸. О первом замечено, что в лекциях его встречается иногда неосновательность; о втором, что у него не хороша дикция. Инспекции сделано замечание по поводу записанных в протоколах нескольких случаев нетрезвости студентов.

Характер нового управления в академии отличается против прежнего значительною строгостью, которую нужно было ввести давно. Доброта покойного о. Ректора, которую злоупотребляли, не могла привести к добрым результатам. Опущенное теперь исправляется, и, по милости Божией, беспрепятственно.

Академия наша взяла из Вашей Семинарии одного наставника, именно, Татарского⁶⁰⁹, в приват-доценты, по кафедре словесности, и так как для молодого наставника трудно было занять на первый раз полную кафедру, то Совет определил дать ему в помощники прежнего профессора Е. В. Амфитеатрова, низведши его в звание приват-доцента.

На днях ожидаем сюда Преосв. Иоанна, Алеутского⁶¹⁰, который теперь в Петербурге и, как говорят, не возвратится на свою кафедру.

Вот все наши новости. Не осудите за излишнюю болтовню».

От того же 29-го числа писал мне из Витебска Кафедраальный протоиерей В. С. Покровский:

«Смирнейше прошу принять сердечное приветствие и искреннейшее благожелание долгоденствия от меня, искренно преданного Вашему Преосвященству, – преданного до того, что ни время, ни пространство, ни перемена отношений никогда не в силах ослабить или умалить мою сыновнюю, сердечную, искреннюю, священную любовь к моему незабвенному Архипастырю и Отцу.

Служебное положение мое, основанное и утвержденное отеческою рукою Вашего Преосвященства, благодарение

Господу, ни в чем не изменилось: все идет по-прежнему; настоящий Архипастырь мой также, как и Ваше Преосвященство, внимателен и расположен ко мне.

В нынешнее лето Бог судил мне ещё раз побывать в Москве и поклониться её святыням. Было сильное искушение – заехать по дороге в Харьков, чтобы ещё раз увидеть моего Архипастыря-благодетеля и ещё раз лично поблагодарить за все отеческие милости Ваши; но время не позволило: к 13-му Июня я должен был, по известной Вашему Преосвященству причине, прибыть с иконою Иверской Б. Матери в Витебск».

В ответ на это писал я от 5-го октября:

«Усердно благодарю Вас за доброжелательное воспоминание о дне моего ангела. Вы упоминаете при том с признательностью о моих к Вам отношениях: мои отношения к Вам, равно как и к другим, всегда основывались на признании достоинств и заслуг. Если и мой преемник сохраняет к Вам такие же отношения, каковы были мои, то значит, что Вы продолжаете быть тем же и теперь, чем были при мне, т. е. честным и усердным служителем алтаря Господня и верным исполнителем архипастырских поручений. Да утвердит Вас Господь и на дальнейшее время в этих добрых качествах!

Очень сожалею, что Вы не заехали ко мне из Москвы. Может быть, Вы разъяснили бы мне дело о долгах витебского архиерейского дома. Не можете ли Вы, о. протоиерей, сообщить мне, на чем остановилось это дело и почему о последствиях его меня не уведомляют.

О принесении в Витебск списка с чудотворной Иверской иконы Божией Матери я читал в свое время в Полоцких Епарх. Ведомостях и душевно порадовался, но вот что меня при сем удивляет и не совсем радует. Мне из Витебска писали, что принесенная из Москвы новая икона поставлена в соборе за левым клиросом, с устранением от этого места прежней, также Московской иконы Владимирской Б. Матери, которая получена была мною в 1867 г. в благословение Полоцкой пастве из рук великого Московского Святителя Филарета в день празднования пятидесятилетнего юбилея служения его в епископском сане и поставлена на этом месте в соответствие с иконою

Нерукотворенного Образа Спасителя, стоящего за правым клиросом. Правда ли это? Если правда, то это для меня очень прискорбно. Ужели нельзя было найти для новой иконы в обширном соборе другого, более удобного и соответствующего её размерам места? Притом эта икона, как я припоминаю, предназначалась для часовни, а не для храма соборного; почему же изменено её назначение?»

3-го ч. посетил я Командующего войсками Харьковского округа, графа Ф. Н. Сумарокова-Эльстона. Он рассказывал мне о своем путешествии в Вену, по особому Высочайшему повелению, по поводу войны Сербов с Турками. В Вене пробыл 6-ть он дней; три раза виделся с австрийским Императором; ежедневно и иногда по два раза в день беседовал с Министром Иностр. Дел, Графом Андраши. В заключение сказал: «как ни лестно было для меня настоящее поручение, но в другой раз такого поручения иметь не желал бы».

4-го ч. писал я в Витебск Начальнику губернии, П. Я. Ростовцеву:

«По возвращении домой из поездки по епархии 15-го сент., я нашел у себя Вашу карточку с надписью о Вашем проезде чрез Харьков и о Вашем желании видетсья со мною, и крайне поскорбел, что лишен был удовольствия принять Вас у себя; но я утешал себя надеждою, что Вы на обратном пути посетите меня. Между тем, и эта надежда оказалась тщетною; вероятно, Вы возвращались из Крыма раньше моего возвращения в Харьков.

Не можете себе представить, как мне прискорбно, что я не мог видетсья с Вашим Превосходительством при таком благоприятном случае. А как я желал Вас видеть ещё раз и побеседовать с Вами по-витебски – искренно и откровенно! Моя душа так была занята мыслью о свидании с Вами, что я, во время поездки, видел Вас во сне и дружески обнимал Вас.

Итак когда же повторится подобный случай для нашего взаимного свидания? Вероятно, в другой раз Вы не скоро решитесь ехать в Крым; а для меня путь в Витебск прегражден едва ли не навсегда. Если бы даже мне и довелось когда-либо проезжать через Витебск, я едва ли могу остановиться там, не

подвергая себя опасности быть арестованным и посаженным в долговую тюрьму, так как меня огласили в Витебске несостоятельным должником.

Нет сомнения, что Ваша поездка в Крым доставила Вам истинное удовольствие. Многие убеждают и меня побывать там и полюбоваться красотами тамошней природы. Может быть, когда-нибудь и решусь на это, хотя у меня и дома есть местности, поражающие своим величием и красотой. Я разумею Святогорскую пустынь с её меловою скалою, возвышающеюся над уровнем реки до 50-ти сажень. Я ныне посетил эту пустынь во второй уже раз и с особенным удовольствием провел в ней трое суток. Нынешнее путешествие мое продолжалось целый месяц, и я совершил его, по милости Божией, весьма благополучно. По возвращении из поездки, я продолжал жить до 29-го сент. в загородном доме, а теперь водворяюсь уже на зимней квартире, хотя погода так ещё хороша, что снова манит меня за город».

4-го же числа получено было мною приветственное письмо от 30-го сент. № 175 из Динабурга от новопроизведенного в сан протоиерея о. Владимира Щербова. Вот что писал он:

«Примите Ваше Преосвященство и от меня смиренно-недостойного служителя Божия задушевно-сердечное поздравление со днем Вашего ангела. Живя далеко от Вас телом, я душою не расставался с Вами. Живо помня и беспрдельно дорожа Вашим всегдашним вниманием и милостями и к моему недостойнству, я привык благоговеть пред Вами – нашим Святителем, любить Вас как отца и усердно молиться о Вас, как благодетеле.

Да будет же и на новом Вашем служении так благословенно и приснопамятно Ваше Святительское имя, как в нашей Полоцкой епархии, где оно постоянно воспоминается с горячею сыновнею любовью. Да хранит же Вас, незабвенного моего Архипастыря и Отца, Всеблагий Господь и да продлит драгоценную жизнь Вашу на много, много лет, в добром здоровье и истинном благополучии».

Я поспешил на другой же день отвечать на это задушевное послание; и вот что я писал о. протоиерею Щербову:

«На Ваше искреннее и благожелательное приветствие меня со днем ангела ответствую взаимным поздравлением Вас с новым, высшим саном.

Награждение Вас протоиерейством вполне справедливо и Вами заслужено. Душевно радуюсь за Вас.

Не гневайтесь Бога ради на меня, что я до сих пор не отвечал на Ваши многократные и преисполненные самых добрых чувств письма. В этом отношении я не только пред Вами, но и пред многими другими очень виноват. Но что же делать? Мне приходится так много получать и письменных, и телеграфических поздравлений, что отвечать на каждое поздравление порознь не имею никакой возможности. Вот и теперь, по случаю 1-го числа, я получил с разных сторон около 30-ти писем и более 30-ти телеграмм; есть ли возможность отвечать на все эти письма и телеграммы, при множестве ежедневных занятий по службе?

Передайте от меня усердный поклон и Божие благословение всем Динабуржцам, помнящим меня».

О. Волков от 29-го того же Сентября писал мне:

«Приближается тот радостный день, который мы девять раз торжественно встречали, в который приносили наши теплые молитвы Господу Богу о здравии и благополучии Вашем, Преосвященнейший Владыко. Считаю долгом принести поздравление Вам, Преосвящ. Владыко, с этим светлым, радостным и дорогим днем, днем Вашего Ангела, от души желая Вам долгоденствия и благополучия. Любовь паствы Вашей Полоцкой не ослабевает к Вам: она выражается доброю памятью о Вас, весьма добрыми отзывами о Вас и самым искренним, при всяком воспоминании, пожеланием Вам доброго здоровья и долгой жизни.

Из многого, что было у нас в Витебске, полагаю, Вы почти всё знаете. Есть люди душевно преданные Вам: они могли сообщать всё то, что могло составлять интерес для Вас. Поэтому, на сей раз расскажу, что близко моей душе, что осталось в моей памяти. 28-го Мая, вечером часу в 9-м, был в Успенском соборе Министр В. Дел со своим чиновником и губернатором. Собор обратил на себя особенное его внимание.

Я показал ему всё, кратко кое-что рассказал, поднес два экземпляра брошюры, возложил на него маленькую на ленточке иконочку Успения Божией Матери, а другую большого размера подал в благословение его семейству. Он остался очень доволен. Не снимая с шеи иконочки ходил вокруг собора и по бульвару. Показал ему теплую нашу церковь и попросил его помочь нам на перестройку оной. Он сказал: «батюшка! не налагайте на нас... теперь на нашей шее лежит Холмская епархия; туда много нужно». Я отвечаю: «совершенно согласен и беру мое слово назад». «Нет, я не отказываю Вам, говорит он мне, но прошу вас обождать до следующего года; подайте записку». – Я ему – в руки. «А много вам нужно?» «Тысяч пять». «Не больше?» «Нет». «Ну хорошо». – С тех пор я пребываю в самом приятном ожидании осуществления моих желаний, относительно устройства теплой церкви. Но, Вы не поверите, говорю правду, которую подтвердят свидетели. Преосвященный Василий⁶¹¹ поклялся пред Успенским же собором, что не допустит, чтобы при соборе была теплая церковь. Это было так: кажется 22 июля, наш Преосвященный пригласил Преосвящ. Василия к молебну в Успенский собор. О комедии, какая совершилась, если не слышали, скажу после. Из церкви, чай и обед кушали Преосв. Василий и другие у нашего Преосвященного. После обеда оба преосвященные поехали к Дружиловскому⁶¹² – внуку Преосв. Василия. Дружиловский встретил их у своего подъезда, что к собору. Преосв. Василий, вышедши из кареты, остановился и начал хвалить собор и отделку его. К этому Дружиловский говорит: всё это хорошо; но вот, Владыка, Протоиерей Волков затевает перестраивать теплую церковь... тогда мы и особенно я должны пострадать. «Как так?» Да кажется, вот это мои отхожие места должны будут сломать, и вообразите тогда мое положение... «А!!! и в самом деле»... Затем подымает руку и крестясь на собор говорит: «вот тебе крест... пока я в Синоде и буду жив, не допущу, чтобы Волков смел тут делать что-нибудь. Не только новой церкви не построит, но и старую разрушит. Как можно разорять людей и лишать их самого необходимого». Наш преосвященный стоял и улыбался. Продолжение будет скоро».

6-го ч. получено мною, также как и 5-го, с разных сторон два письма: из села Приворотья, Подольской, и из села Гориц, Владимирской губернии.

Из Приворотья писал мне от 29-го сент. внук мой, Смотритель Д. училища Геннадий Виноградов:

«Приношу Вам глубокую мою благодарность за добрые советы, особенно полезные для меня в начале моих занятий по школе.

Продолжительный и утомительный труд путешествия из родного края в край чужбины я уже окончил и окончил благополучно. Четвертый день, как я уже стою на почве Каменец-Подольской губернии. Грустное, тяжелое чувство произвела во мне Каменец-Подольская губерния при самом начале ещё своих границ, своею грязною, непроходимую дорогою, своими неприглядными, бедными, изредка встречающимися, селениями. И Каменец – губернский город – не облегчил моей грусти: бедные, раскинутые в беспорядке на высоких скалах города, жидовские хаты, узкие, замечательно-грязные улицы града Подольска, – улицы битком набитые неприглядным Израилем – неспособны порадовать сердце великоросса. Не порадовало мое сердце и приворотское училище – место, назначенное, для моей службы. Приворотское училище находится в 30-ти верстах от Каменец-Подольска, в небольшом, бедном крестьянском селе Приворотье – в такой глуши, куда немногие знают дорогу, да и не дай Бог знать её. Страшно высокие, скалистые горы постоянно пересекают путь, ведущий из Каменца в Приворотье, посему путешествие становится здесь крайне опасным. Между тем Смотритель училища обязан являться раз в месяц в Каменец-Подольский. Избавить себя от этого крайне неприятного труда – нет возможности, потому что вблизи нет почтового пункта. Самый ближайший почтовый пункт находится в местечке Дунаевцы – в 25-ти верстах от школы....

«И скучно и грустно

И некому руки здесь подать

В минуту душевной невзгоды!»

В должность смотрителя ещё не вступал, поэтому мало ещё знаком с состоянием школы. По отзыву ревизора Г. Миропольского училище находится в неудовлетворительном состоянии по всем частям. Причинами этого служат, с одной стороны, невыгода помещения училища в глуши, скудость средств содержания, а с другой – частая смена учителей. Нет средств удержать учителей надолго в такой глуши, как Приворотье. Самый долгий срок службы учителей здешней школы есть трехлетний. При множестве недостатков школа имеет и хорошие стороны. Сюда относится красивая и здоровая местность приднестровской полосы, хорошее помещение для школы и смотрителя, обширный фруктовый сад и чистый, свежий воздух.

В Каменец прибыл я 24-го ч. сентября. На другой день был у Преосвященного Феогноста⁶¹³. Преосвященный очень ласков и внимателен ко мне. В разговоре, между прочим, он высказал для меня отрадную новость – свой проект об уничтожении училища в Приворотье через присоединение его к училищу Каменец-Подольскому; но, к сожалению, этот отрадный для меня проект не встретил сочувствия со стороны Подольского духовенства.

В свое несчастное Приворотье я прибыл 27-го сентября и встречен был ласково наставниками училища. Рады и ученики: по приезде моем они тотчас же послали депутацию к инспектору с просьбой сделать неучебный день. Должно быть лентяи на редкость!»

Из Гориц писал мне от 1-го октября родственник мой, священник А. Я. Невский:

«Честь имею уведомить Ваше Преосвященство, что памятник, предположенный устроить над могилою Вашей родительницы, с помощью Божией, устроен. Крест чугунный известному Вам рисунку вполне соответствует и очень прочен; в настоящее время поставлен на могилу её, по указанию родственников. 30-го Сентября отслужена заупокойная литургия в храме Рождества Богородицы и большая панихида, и крест окроплен святою водою. Внизу на тумбе, с одной стороны, вылиты слова: упокой Господи душу усопшия рабы Божией

Стефаниды, а с другой: сей крест устроен усердием Епископа Саввы Харьковского. Месяца Июля 20 дня 1876 года; записано мною в церковной летописи о пожертвованиях же Ваших в села Горицы, и Палех пропечатано во Владимирских Ведомостях. Благодарим Господа Бога, и благодетеля нашего ныне тезоименитого – в день Покрова Б. Матери».

В ответ на это писал я от 11-го числа:

«Усердно благодарю Вас за тщательное исполнение моего поручения относительно устройства памятника над могилою моей родительницы и прошу не забывать ее, равно как и прочих моих сродников, в ваших св. молитвах.

По Вашему желанию посылаю Вам мой фотографический портрет, но с тем, чтобы и Вы, если имеете, доставили мне Вашу карточку, так как я не имею верного и ясного представления о Вашей личности, хотя Вы и считаетесь моим учеником».

17-го числа, дворяне Харьковской губернии, по случаю выборов на разные должности, собравшиеся в губернский город, приведены были мною в Кафедральном соборе, после литургии и молебна, к узаконенной присяге; при чем произнесена была мною следующая речь⁶¹⁴:

«Благородные и достопочтенные мужи!

Собравшись из разных градов и весей, вы предстали ныне здесь, пред алтарем святого храма, чтоб в общей церковной молитве испросить от всемогущего Бога помощь и произнести пред лицом Всеведующего клятвенный обет верности в исполнении предстоящего вам дела.

Дело это – избрание из среды вас достойных лиц на установленные гражданские должности и служения.

Чем важнее и священнее обязанности, соединенные с тем или другим общественным служением, тем внимательнее и осмотнительнее должен быть выбор лиц, коим будут вверены общественные должности.

Нам известно, что избранные вами лица должны быть представителями вашего благородного сословия, блюстителями ваших сословных интересов, ближайшими участниками и отчасти распорядителями в важнейших общественных и даже

государственных делах, как то: в благоустройстве внешнего материального быта низшего государственного сословия, в его умственном и нравственном образовании, в общественной христианской благотворительности, в споспешествовании делу ограждения безопасности Отечества через избрание способных и благонадежных воинов и, наконец, в облегчении горькой участи преступных членов общества, подвергаемых тюремному заключению.

В виду столь важных и разнообразных обязанностей естественно желать, чтобы лица, на коих, по вашему избранию, возложены будут эти обязанности, имели более или менее соответствующие оным качества.

Какие же именно качества?

Для того, чтобы быть, например, достойным представителем вашего благородного и возвышенного перед прочими званиями сословия, не довольно иметь только благородное, хотя бы даже и очень знатное, дворянское происхождение, но надобно отличаться истинно-благородными чувствами сердца, возвышенным образом мыслей, ревностью о благе общем и совершенным бескорыстием. Чтобы не бесплодно трудиться в благоустройстве внешнего народного благосостояния, надобно проникнуться искреннею любовью к меньшим братьям о Христе. Для успешного наблюдения за правильным и прочным развитием народного умственного образования и религиозно-нравственного воспитания, необходимо и самим блюстителям иметь достаточную степень умственного просвещения и неукоризненный образ жизни. Успех дела общей благотворительности несомненно обуславливается сердечною добротою и искренним сочувствием к оному со стороны деятелей. В деле избрания мужей брани требуется строгое беспристрастие и зоркая проницательность. Наконец, живое и деятельное участие в попечении о несчастных узниках не может быть и мыслимо без доброго и сострадательного сердца.

Вот качества, которые, без сомнения, и для каждого из вас, почтенные избиратели, достожелательны в рассуждении тех лиц, на коих должен пасть жребий вашего избрания.

Усмотрите же себе, скажем вам словами одного из древних опытных советников, усмотрите из предстоящего здесь сонма мужи сильны, т. е. людей способных, Бога боящихся, мужи праведны, ненавидящая гордости и корысти (Исх.18:21).

В намерении такого избрания произнесите ваш священный обет пред Серцеведцем-Богом, и Он благословит и совершит предприемлемое вами избрание ко благу всех и каждого».

19-го ч. получил я из Динабурга от протоиерея Вл. Щербова письмо от 14-го числа, следующего содержания:

«Письмо (от 5-го окт.) Вашего Преосвященства, которым удостоили почтить и мое недостойнство, истинно обрадовало, утешило и ободрило меня. Ваши святительские слова, что я смиренный служитель Божий, «вполне достоин протоиерейского сана», помирили меня с самим собою и успокоили мой смущенный дух, волнуемый сознанием моего недостойнства. Беспредельно благодарю Вас, моего Незабвенного Архипастыря, Святителя и Отца за память и Отеческое ко мне внимание и участие.

Все православные мои прихожане живо помнят Вас и с благоговением и радостью приняли весть о преподанном им от Вас Владычнем благословении и просят меня повергнуть к святительским стопам Вашего Преосвященства их искренно-усердную благодарность и полную уверенность, что и нас грешных Вы никогда не забудете в Ваших святых молитвах.

Трудно, тяжело жить. На меня возложено обязательно, ежемесячно делать собеседования с раскольниками по городу и уезду, и доносить о последствиях ежемесячно. К миссионерской деятельности я не готовился, а теперь, проживши 5-й десяток жизни, необходимо вновь учиться.

Частые созывания через полицию старообрядцев и продержание их до окончания бесед, в течении двух суток, озлобляют их особенно против меня и делают самую жизнь не безопасной; Бог знает, что будет дальше, но доселе эти труды и хлопоты, стоящие мне потери здоровья и спокойствия, благих жданных плодов не принесли, несмотря на то, что в них принимал личное участие и сам Архипастырь, которому в заключение его бесед раскольники везде говорили: «Вы

прекрасно говорите, мы рады слушать Ваше Преосвященство, но просим оказать нам великую милость – позвольте открыть запечатанные моленные и разрешите нам в них молиться».

Тяжело мне расставаться с Динабургом, где мне так дорога паства, мне преданная и любящая, где около 300 человек, мною соединенных с православною церковью, где и храм моими трудами обновленный; хотелось бы пожить здесь хотя года два, пока сын окончит курс наук в реальном училище, но если обстоятельства не изменятся к лучшему, то, для спасения жизни и продления её, должен буду искать другого места, где, в тихом, скромном пастырском труде, могу окончить мирно жизнь свою.

Помолитесь за меня, многогрешного, и благословите меня. Горько иногда заплачешь при мысли, что Вас нет здесь, что Вы далеко».

Начальник губернии, Князь Д. Н. Кропоткин запиской от 21-го числа приглашал меня на следующий день вечером напиться у него чаю. Я воспользовался, конечно, таким любезным приглашением. Частные беседы наши с Князем, который воспитан был в добром христианском духе, сосредотачивались преимущественно на церковной литературе; в особенности он любил толковать о проповедях знаменитых проповедников русских – митрополита Филарета и архиепископа Иннокентия.

26-го ч. получил я обширное послание от 19-го ч. из Витебска от протоиерея В. Волкова. Вот содержание этого послания:

«В прошедшем письме я, кажется, остановился, на сообщении об архиепископе Василии, клявшемся, что он не допустит, чтобы теплая церковь Успен. собора была перестроена единственно потому, что при перестройке её может быть разрушено нечистое место его племянника Дружиловского, стоящее в двух, даже менее, саженьях от Успенского собора. Наш Преосвящ. владыка стоял, слушал и улыбался, но не говорил ни слова. Но когда к нему обратился Преосв. Василий с просьбой – не допускать, то он сказал: это не моя затея, а прот. Волкова, и, указывая на стоявшего тут священника Слонимского, добавил – вот ему скажите, чтобы он передал Волкову всё, что он слышит. Слонимский же, желая попасть в

такт, повел такую речь, о чем сам же все дословно и передал мне: «не мы, а протоиерей Волков всё затевает; церкви теплой совсем не нужно, у нас есть церковь при семинарии»... Преосвящ. Василий: «о! и справедливо, умно и резонно» и с этими словами пошли в комнаты Дружиловского. А Слонимский пришел ко мне и все откровенно, дословно передал. Спрашиваю его: для чего же вы так сказали? «А что я ему скажу? Скажи не по его, так он обругает».

Спустя несколько дней, я подошел к ректору⁶¹⁵ убедиться в справедливости переданного мне. Ректор подтвердил. А я говорю ректору, если только в самом деле затеют мне препятствовать перестроить церковь из-за отхожего места, – обо всем самым откровенным слогом напишу Митрополиту, Обер-Прокурору, во все газеты и занесу на вечные времена в историю Успенского собора. Это смутило и испугало ректора; – «неужели же Вы, спрашивает ректор, решились бы написать об этом?» А почему же, говорю, этого не сделать? Ведь я напишу правду; само дело будет служить доказательством тому... «Да это ещё одни только слова, говорит ректор; я скажу о ваших словах Дружиловскому»... Говорил ли ректор Дружиловскому, или нет, но Дружиловский с тех пор уже ни слова о препятствиях и Преосв. Василий, при прощании, ни намека мне о теплой церкви.

Так вот, Владыка Святой, какие теперь времена: сами архиереи, из-за ... мест готовы даже разрушать церкви. –

Следует ли, после этого, удивляться, если турки разрушают церкви?! Тяжело, не только говорить, но и подумать об этом. Я всеми возможными способами и случаями пользуюсь, самые энергические меры употребляю, слезами выпрашиваю помощи на устройство церкви, не отнимая ни у кого, и не лишая никого ничего, – а мне говорят: не нужно... у вас, говорят, теплая семинарская церковь... Но церковь закрытого учебного заведения, внутри здания, за коридорами и столовой, удобна ли заменить собой церковь приходскую, нужную во всякое время дня и ночи для требоисправлений и совершения богослужений? Совершение Богослужений в Семинарской церкви есть причина того, что Успен. собор потерял почти всех своих прихожан,

рассыпавшихся по всем приходам, и не имеет никакого дохода. К тому же если не это, то последующее за сим начальство Семинарии, может вовсе отказать соборянам в своей церкви, само совершая в оной Богослужение. И обстоятельства могут измениться: пройдет возможность выпросить сумму на устройство теплой при соборе церкви, и тогда увы! служите соборяне и летом, и зимою в холодном соборе. Разумеется, для кафедры это лучше, чтобы для дохода собирать весь город в одну церковь. Имея все это в виду, я поставил себе неременной обязанностью, во что бы ни стало, устроить теплую церковь. И к величайшей радости в Рус. Море прочитал, что уже ассигновано на оную 3500 р. – Благодарение Богу! с помощью добрых людей мы и этими деньгами церковь соорудим.

Сказал бы Вам, Владыка Святой, о встрече Преосв. Василия, но Вы об ней уже вероятно слышали. Пр. Василий от встречи был в восторге до самозабвения. Представлял собой всю власть Св. Синода. Хвастовству о своей силе и власти не было границ... Наш Преосвященный постоянно целовал ему руки, а он с самодовольствием позволял, и тут-то обещано ему все, чего бы наш владыка не попросил. – 22 Июля, во время литургии в Успенском соборе, наш владыка после каждого возгласа делал ему поясной поклон... Станным казалось это для нас; но мы видели в этом заискивание, увеличение своей силы над нами и желание прославления в Петербурге... И действительно похвал один другому они не жалели; сыпали как из мешка... Чего только они не приписывали один другому?! Василий назывался просветителем *страны сея*⁶¹⁶, бессмертным, великим подвижником за православие; а наш владыка – Ангелом церкви Полоцкой, беспримерным миссионером, гениальным администратором, политиком и дипломатом.

Два раза наш владыка ездил в Любашково⁶¹⁷ и там проводил по двое суток, – Преосвящ. Василий, как рассказывают очевидцы, своим поведением более возбуждал смех, нежели уважение: оденется во все регалии, наденет клобук с крестом и целый день не снимает – и это в деревне. –

Прости Боже согрешение мое, и Вы простите, Владыка, что я говорю об этом, но я говорю только Вам и не в осуждение его, а к сведению, чтобы при случае сказать кому-нибудь, дабы его не пускали сюда. И после посещения его наш владыка явно и резко стал относиться ко всем Вашим распоряжениям. Два раза даже при мне, в котором он знает самого преданного и верного Вам слугу и называет поборником Московского Православия, по делам об округлении приходов выражался: «ах, Преосвященный Савва, Преосвященный Савва!»... Вероятно хороши его отношения к Вам, если губернатор не сознается ему, что был у Вас. Губернатор говорит, что заезжал и не застал Вас дома. А если Вы получили от него письмо и долговое дело, тому побуждением был северный ветер, принесший слух, что Вас вызывают в Синод. Так это было ясно и смешно. Вижу в один день, флюгер Иудинского лагеря поворотил на Харьков; в лагере суется; говорят о первом октябре; спрашивают, буду ли я писать письмо или телеграмму, и при этом передают слух (из достоверных источников), что Вас вызывают в Синод. А, думаю, так вот что причиною вашего движения! – «Да разве ты об этом не слышал», спрашивают меня? – «Нет, говорю, не слыхал». – «И никто тебе не писал?» – «Нет». – «Ну, ты врешь, скрываешь. Во всяком случае мы будем поздравлять с ангелом».

Преосвященный Василий посетил Успенский собор во время литургии; по окончании литургии поблагодарил меня, сказав: «благодарю, молодец протопоп, отделал собор лучше Исаакия⁶¹⁸». Я целую руку и говорю: не забудьте Ваше Высокопреосвященство и Вы о соборе. «О нет, не забуду, всем расскажу»... Я адресовался к его карману, говорил ему о помощи, а он отвечает, что перед всеми похвалю. Почесал я затылок, тем и кончилось; не дал ни одного гроша даже на свечку к иконе своего ангела. Племяннику его Дружиловскому я без стеснения, самым бесцеремонным слогом, откровенно сказал: Господа! вы наследники после Высокопреосвящ. Василия; но по закону ни ризницею его, ни другими церковными вещами вы не можете воспользоваться; попросите его, чтобы он отписал свою Архиерейскую ризницу в Успенский собор.

Обещали сделать намек, но едва ли? А ризница нужна, чтобы не таскать каждый раз из кафедр».

28-го ч. писал я в Сергиев Посад Инспектору Московской Д. Академии С. К. Смирнову, в ответ на его поздравительное письмо от 29-го сентября:

«Приношу Вам искреннейшую благодарность как за благожелательное поздравление меня со днем ангела, так и за сообщение интересных новостей.

Позвольте побеседовать с Вами по поводу некоторых из этих новостей.

О. Васильев, бывши в Харькове, дозволил себе некоторую хитрость по отношению ко мне. Во время всенощной под Успенев день он был в семинарской церкви и, обзревая после службы семинарское здание, делал, яко власть имеющий, Ректору замечания, хотя и не очень важные и основательные; но на другой день, бывши у меня после литургии, ни слова не сказал мне о посещении семинарии, спрашивая меня, кто и каков Ректор. Это по-петербургски. Он удивляется моей сединой, а я ещё больше удивлен был его дряхлостью, так как он моложе⁶¹⁹ меня по летам.

Отзыв высокопреосвященного о. Ревизора об А. Ф. Лаврове очень удивляет меня. Признаюсь, в справедливости этого отзыва я не могу не усомниться.

Судя по газетным отзывам о Вашей речи, произнесенной 1-го октября, я с нетерпением ожидаю обещанного Вами экземпляра.

А есть ли надежда на восстановление издания св. отцев⁶²⁰?

Что скажу Вам о себе? После продолжительной поездки по епархии, с 17-го авг. по 15-е сентября, сижу теперь дома и никуда почти не выезжаю. Наконец, я познакомился уже со всей своей епархией, по крайней мере, в главнейших её пунктах; побывал во всех уездах и посетил все уездные города, за исключением одного. В нынешнюю поездку я проехал около 1000 верст, осмотрел не менее 100 церквей. Получил понятие об украинских степях; инде на протяжении ста и более верст не видел не только лесов, но и кустарников. Поверхность земли, большей частью, совершенно ровная; дороги превосходные,

кони быстрые: по 15-ти и более верст проезжал в час. Церкви большей частью благолепные; духовенство в большинстве исправно и живет далеко не бедственно, а иные даже и роскошно: здешний народ, сравнительно с великорусским, не говорю уже – белорусским, благоденствует и чрезвычайно усерден к церкви. Мой приезд в каждое село, или, по-здешнему, слободу, составлял для народа великий праздник: все народонаселение собиралось в церковь, не смотря на полевые работы, чтобы посмотреть, или, как говорили хохлы, *подивитися*, на архиерея. Я не говорю уже о тех местах, где совершалось мною богослужение. Помещики также везде принимали меня с искренним радушием. Только одна помещица – старушка, пожертвовавшая 300,000 рублей на гимназии и здешний Университет, скрылась от меня, по той причине, что не знает, как нужно обращаться с архиереями: истинная хохлачка!»...

31-го ч. писал я в Москву Н. П. Киреевской:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за память о 1-м Октября. День этот я встретил и провел, по милости Божией, благополучно, хотя и не без шума: поздравителей было очень немало.

Возвратился ли с поля брани Ваш первый сын и отправился ли на защиту Славян второй? Видно, что в том и другом из них кипит геройская кровь. Исполать им!..

А за Ник. Ив. душевно радуюсь. Да поможет ему Господь с такой же честью и пользой продолжать служебные подвиги, с какими он начал их!

Недавно мне довелось приводить к присяге дворян здешней губернии перед выборами на разные должности. При этом я счел своей обязанностью сказать несколько слов к ним, и краткую речь свою велел напечатать в небольшом количестве экземпляров. Вместе с сим посылаю Вам три экземпляра этой речи. Из них один экземпляр прошу доставить г. предводителю дворянства Н. И. Киреевскому для сведения и, если угодно, для исполнения; другой – малому Коле, будущему избирателю, для руководства; а третий – извольте оставить у себя.

Что скажу Вам о себе? Благодарение Господу, я здоров и продолжаю заниматься делом службы по надлежащему. После продолжительного путешествия по епархии, какого мне не случилось ещё совершать, я успел уже отдохнуть. Путешествие мое продолжалось 30-ть дней. Между прочим был в богатом имении Александровке, принадлежавшем некогда Н. А. Муханову, а теперь составляющем собственность Княгини Мещерской. Здесь, по желанию владетельницы, я имел ночлег и 9-го сент. служил. Сообщите об этом Праск. Алексеевне, если она в Москве, и передайте при этом всему их семейству мое усердное почтение».

31-го ч. получено было мною письмо от Начальника Витебской губернии П. Я. Ростовцева, в ответ на мое письмо от 4-го числа:

«Больно и мне было два раза проехать Харьков и не иметь возможности испросить благословения и побеседовать с Вами, глубокочтимый и сердечно-любимый наш бывший Архипастырь. Но я не лишаю себя надежды, тем или другим путем, повидаться с Вами, Владыко. Меня крайне поразило одно место Вашего письма о Витебске и об оглашении Вас должником. Место тем более загадочное, что в Витебске, от мала до велика, всякий вспоминает о Вас с той любовью и уважением, которые Вы заслужили своею добротой, правдивостью, умом и святой жизнью. Постараюсь как-нибудь разгадать эту загадку.

Крым доставил мне много удовольствия и подкрепил меня: чудный климат, живописная природа, сочные плоды, превосходное морское купанье – всё это не могло не подействовать благотворительно на меня и мое здоровье.

Возвратясь в Витебск я снова окунулся в бездонный омут всех возможных хлопот, трудов и неприятностей, неизбежно сопряженных с делами еврейских городов.

Я любовался Вашим Харьковом: какой прекрасный, большой, торговый город. Ваш собор, хотя уступает нашим по архитектуре, но по величине и богатству далеко превосходит их. Жаль, что не видел Вашего помещения. Я встретил на дворе о. Даниила, нашего бывшего залучесского рыболова, и отдал ему свою карточку, с выражением моего искреннего сожаления, что

не мог Вас видеть. Мне показалось, что когда о. Даниил узнал меня, то его суровое лицо прояснилось и он отнесся ко мне очень приветливо. Благодарю Бога, что люди, с которыми мне приводилось встречаться в жизни, не таят ничего сурового и недоброго ко мне.

Зимою поеду в Петербург. Эта поездка чисто служебная и очень мне не по сердцу. Мечешься из дому в дом, из департамента в департамент и несказанно бываешь рад, когда окончишь эти мытарства. Может быть мы когда-нибудь свидимся с Вами в Петербурге; ведь, я думаю, и Вам от времени до времени приходится навещать нашу северную Пальмиру. Теперь все мы, русские душой, скорбим о наших братьях – несчастных Славянах и собираем лепты на пособие этим страдальцам.

Будьте все здоровы, Преосвященный Владыко, и верьте неизменности моего глубочайшего уважения и искренней преданности».

7-го Ноября получил я письмо из г. Сум от соборного протоиерея Василия Никольского⁶²¹. Вот что он писал мне от 3-го числа:

«По делу завещания помещ. Хрущева считаю долгом своему архипастырю сообщить следующую приятную весть: некоторые из юристов останавливаются на том, что нет юридического лица, которому покойный Хрущев завещал свое имение. Такое же мнение высказал и Прокурор, быв недавно у меня. Но когда я сообщил, что там около 9-ти лет существует монашество с игуменом, что ещё покойником отмежевана земля, имеющая отойти под монастырь, устроены два корпуса и церковь, Прокурор переменял мнение свое, сказав при этом: «в таком случае монастырь должен выиграть дело». Большинство голосов, в том числе и председатель, в пользу монастыря.

Относительно корреспонденции, о которой, по поручению Вашего Преосвященства, спрашивал меня о. Протоиерей Чижевский, следует сказать, что она, вероятно, прислана из г. Сум. Автор статьи говорит о бывшем в г. Сумах, в 60-х годах, пансионе, содержимом вдовою Ивановою. Эта госпожа имела сыновей, сестру-девицу и взрослую дочь. Действительно, у неё

часто устраивались танцевальные вечера, действительно и то, что невинные полувзрослые пансионерки часто прогуливались в ограде соседней Ильинской церкви. Но пансион, как и содержательница его, всегда пользовались хорошей репутацией, и оставили хорошую по себе память. Предосудительного не только ничего там не происходило, а и не предполагалось. Мы угадываем лицо, писавшее ужасную корреспонденцию. Это – отставной чиновник-пришлец из Могилевской губернии. Женился он в Сумском уезде, на дворянке, бывшей гувернантке. С зверским характером мужа она не могла ужиться, и бросила его. Мировым Судьям, Прокурору, Окружному Суду, Жандармскому Начальству, Директору Гимназии (ибо имеет сына лет 10-ти) и мне он надоед своими кляузами, жалобами и нелепыми просьбами. Бесчисленное множество подписок взято было от него подлежащими властями. Будучи зол на всех за то, что жена его получила вид на свободное жительство, он клеймит и позорит всех, кто попадется под руку. Доказывая пред судом, будто жена обворовала его, корреспонденцией своей он хочет сказать, что многие Сумские женщины безнравственны, и что этим они обязаны когда-то бывшей школе. Общество наше возмущено этой наглой клеветой. Некоторые поговаривают о том, чтобы возбудить преследование».

Корреспонденция, о которой идет здесь речь, напечатанная первоначально в газете «Сын Отечества», перепечатана затем в № 291 газеты «Голос». Вот что здесь читаем:

«Корреспондент «Сына Отечества» из города С., Харьковской губернии, сообщает следующие подробности о распространенной в крае «секте покровительства любви». Секта эта начало получила лет 20–15 назад, от содержательницы школы (старой девы). Будучи полуграмотною, эта старая дева заманивала к себе в наставницы всех молоденьких девиц, употребляя всевозможные козни для раздора их с родителями. По утрам учили грамоте, а после обеда рукоделью, и тут-то под блеск иголки сыпалось красноречие содержательницы школы, что «все созданы одинаково: животные и люди. Природа дала им чувства, которые, чуть созрели, дают им волю – любить по

инстинкту, не спрашивая даже о взаимности. Кто достигнет этого святого чувства, тот счастлив, верит в чистоту и не колеблется принести жертву очищения, после чего делается легко и отраднo. Самый грубый зверь делается ласковым и покорным своей самке. Они никому не обязаны давать отчета в своих действиях, но, чтобы умалить силу друга, женщина всегда обязана требовать от него очищения – поверки. Этот брак любви и есть настоящий брак, расторгать который зависит от женщины, по мере угасающего чувства». По окончании работ младшие отпускались по домам, а старшие пили чай, играли на фортепиано, танцевали, для чего приглашалась вся молодежь мужчин, вход которых оплачивался подарками, по мере сил и даровитости. Соседний с домом наставницы церковный садик служил местом прогулок и посвящений в брак созревших чувством любви. Посевы наставницы Х., падая в самую плодотворную, нетронутую почву, принесли обильный урожай. Последовательницы её учения вскоре сделались матерями, приобретая в супруги без разбора в темноте иногда родных братьев, которые по уговору с сестрами-супругницами поднимали руки с оружием против родителей. Власти города, происшедшие большею частью из членoв, посещавших вечера школы, сделались покровителями той любви и не давали ходу ни одной жалобе отцов и мужей, за которых впоследствии повыходили несчастные жертвы любви, покинутые отцами.

Жены эти, выходя замуж, думали, что после рассказа мужьям такого учения, они получают и станут во главу семейства, но не тут-то было; не достигнув этой цели, они успели только, обокрав мужей и поделившись кражею с покровителями, получить от них отдельные виды на жительство. В городе много учебных заведений и взрослых воспитанников, которые с дозволения начальства помещаются на квартирах у отставных жен и старых дев, а потому во всех заведениях страшно распространилась болезнь. Доктора не успевают лечить. Воспитанников исключают десятками, но не обращают внимания на причину. Власти сами участвуют и устраивают афинские вечера; а воспитанники, хотя и не допускаются, но

подсматривают и раздражаются. Об этом говорили кому следовало, но он отозвался, что не его дело».

Затем протоиерей Никольский, по этому же делу, писал от 12-го ноября Редактору Харьковских Епархиальных Ведомостей, протоиерею И. Чижевскому:

«В дополнение к написанному мною Его Преосвященству относительно появившейся в газетах пасквильной корреспонденции из Сум вот ещё что могу сказать.

Корреспондент достоверно почти известен. Жена его имеет квартиру у Гризодубовой (урожденной Харьк. – Дмитриевой), также живущей на отделе от своего мужа. Это свободное жительство жен он в корреспонденции своей хочет объяснить дурным направлением Сумских женщин, и навязывает его когда-то бывшей школе, – и потворством властей, ревнуя к жене почти всех без изъятия. Школы такой не было, и не могло быть.

На мужские учебные заведения корреспондент нападает, вероятно, вот чрез какое обстоятельство. Жена взяла от мужа единственного своего сына, 8-милетнего мальчика. Отец успел было возвратить его, и определил в Гимназию. Но когда и гимназическое начальство он стал награждать разными кляузами и беспутными жалобами на жену, то Директор просил его взять сына из заведения. Случаев подобных исключений и болезней не было от основания гимназии, и в настоящее время нет. Одним словом, вся пошлая корреспонденция переполнена наглой клеветой. Гимназическое Начальство уже отнеслось к Г. Попечителю учебного Округа с просьбою об открытии лица, писавшего корреспонденцию».

8-го ч. получил я из Москвы от старшего викария, преосвященного Игнатия, письмо от 4-го числа, следующего содержания:

«Приветствую Ваше Преосвященство с сегодня совершившимся 14-летием святительского служения. Господь Бог да сподобит Вас достигнуть и 50-ти лет в великом оном служении.

В В.-Петровском монастыре я особенно воспоминал сей день, как день освящения Покровской домово́й церкви и по

возможности старался в ней служить в сей приснопамятный день. Жаль, что после меня⁶²² очень редко там совершается служение.

Полагаю, что новая Ваша паства более прежней приносит Вам духовного утешения. Просил бы я Вас на свободе написать несколько слов о Семинарии. Семинарские дела мне здесь препоручены и потому интересно для меня знать, что в других семинариях; довольно ли жертвуют съезды для училищ».

На это отвечал я от 10-го числа:

«Искренне благодарю Вас за такую добрую память.

Простите, что давно не писал Вам.

На вопрос о Семинарии и училищах отвечаю. Харьковская Семинария перед моим прибытием в Харьков была у высшего начальства на весьма худом счету: ученики вольничали и даже буйствовали. Теперь, слава Богу, пока мирно и тихо. На содержание училищ духовенство из собственных средств дает очень мало; за то церковных сумм не щадит. В некоторых из здешних училищ мальчик-сирота получает на руки пособия 100 руб. сер., тогда как я во время оно получал в училище 60 р. ассигнациями. Вообще здешние церкви весьма обременены податями на училища и другие епархиальные потребности. Кафедральный, напр., собор ежегодно вносит более 1000 руб. Правда, что здешние церкви очень не скудны средствами, не то, что Полоцкие. Да и в других отношениях не может быть никакого сравнения Харьковской епархии с Полоцкою».

11-го ч. получено было мною письмо от шурина, священника Д. В. Царевского, который извещал меня о смерти жены своей Веры Феодоровны.

В утешение молодому вдовцу писал я от 15-го числа:

«Горестное известие ваше о постигшей Вас, по воле Божией, тяжкой скорби тем живее отозвалось в моем сердце, что я сам некогда испытал подобную Вам участь.

Соединим же наши усердные молитвы о почившей супруге Вашей, да упокоит Господь дух её в селениях праведных!»

12-го ч. получено было мною письмо из Костромы от Секретаря Д. Консistorии Сем. Ив. Ширского.

Г. Ширский писал мне от 2-го ноября:

«Почтительнейше поднося Вашему Преосвященству составленную мною книгу «О преподавании Закона Божия в начальных народных училищах», осмеливаюсь всепокорнейше просить Вас, Милостивый Архипастырь и Отец, удостоить благосклонно принять мой труд и оказать милостивое Архипастырское содействие к распространению его в управляемой Вами епархии.

Объявление о выходе книги напечатано в № № 38–40 Церковного Вестника. Для меня будет великая милость, если Ваше Преосвященство соизволите приказать перепечатать это объявление в Ваших Епархиальных Ведомостях».

Я тем охотнее исполнил просьбу Г. Ширского относительно объявления об изданной им книге в Епархиальных Ведомостях, что книга его от многих заслужила полное одобрение. При этом не излишне заметить, что автор книги получил высшее духовное образование в С.-Петербургской Дух. Академии и окончил курс со степенью старшего кандидата, но с правом на получение через два года звания магистра.

14-го ч. праздновали в Москве 25-тилетний юбилей со времени появления в печати 1-го тома «Истории России» профессора Московского Университета, Сергея Михайловича Соловьева⁶²³. По этому случаю почитатели знаменитого историка поднесли ему адрес в следующих выражениях:

«Сергей Михайлович!

«Не только те, для кого история России представляет предмет научного интереса, но и все русские люди, которым дорога историческая судьба их отечества, высоко ценят Ваше имя и с глубоким сочувствием следят за Вашей ученой деятельностью. В течении 25-ти лет каждый год вы приносили им из глубины архивных рудников ряд обработанных фактов, увеличивавших собою прочный запас нашей исторической науки. Ждать этого стало для них потребностью, и они наперед привыкли заносить с нетерпением ожидаемый новый том в число своих ежегодных научных приобретений. Начав с первых ростков русской народности, показавшихся на её исторической почве, вы мерным и безустанным шагом шли всё дальше в

чащу развивавшейся жизни России, поднимая нетронутые вашими предшественниками нови. Теперь вы стоите у колыбели поколения, к детям которого принадлежите сами; вы уже рассказываете о явлениях, среди которых родились понятия и чувства, памятные многим из нас, как впечатления молодости. При вашей преданности науке и неослабной энергии в труде вы доведете рассказ до той исторической минуты, когда ваши изыскания встретятся с вашими воспоминаниями и ученое сказание историка сменится повестью наблюдательного современника.

Это – искреннее наше желание, и когда оно исполнится, прошедшее России впервые будет рассказано писателем, мысль которого руководилась не минутным настроением современного ему общества, а неизменным разумом исторических фактов.

Эти чувства и желания мы сочли обязанностью высказать вам по поводу выхода тома, совершившего первое двадцатипятилетие вашего обширного труда, и мы уверены, что к тесному кругу лиц, принявших участие в нашем заявлении, присоединились бы, если бы им была дана возможность, все почитатели русской исторической науки».

Так как я с давнего времени имел знакомство с почтенным Сергеем Михайловичем и ежегодно получал от него в дар по экземпляру каждого тома его истории, то я, со своей стороны, почел долгом приветствовать его, наряду с прочими, с совершившимся юбилеем, и вот что писал я ему от 15-го числа:

«Ваше Превосходительство,
Досточтимый и возлюбленный о Господе,
Сергей Михайлович!

Позвольте и мне издалека присоединиться к многочисленному сонму Ваших усердных почитателей, приветствующих Вас с совершившимся 14-го сего Ноября двадцатипятилетием со времени появления в печати 1-го тома Вашего знаменитого произведения – «Истории России».

С истинным удовольствием вспоминаю я то время, когда имел случай оказать Вашему Превосходительству хотя малую

услугу при совершении Вами великого учено-исторического труда⁶²⁴.

От всей души желаю, чтобы Господь подкрепил Ваши силы и благопоспешил Вам в приведении к окончанию Вашего многолетнего труда на пользу отечественной исторической науки.

С глубоким уважением и душевной преданностью имею честь быть»...

Почтенный юбиляр не замедлил ответить мне на это приветствие. Он писал мне от 22-го числа:

«Преосвященнейший Владыко!

Приношу Вашему Преосвященству усерднейшую благодарность за сочувствие к празднику, который устроили мне любители исторической науки; только позвольте поправить в письме Вашем некоторую неточность. Вы пишете о малой услуге, Вами оказанной во время моих занятий в Синодальной библиотеке, тогда как услуга была пребольшая. В то время, как в других архивах я должен был, с опасностью явною для здоровья, заниматься в шубе, у Вас я находил теплый приют; Вы стесняли себя для труженика науки⁶²⁵; это никогда не изгладится из моей памяти.

Поручая себя архипастырским молитвам Вашим имею честь быть».

17-го ч. неожиданно посетил меня Симбирский помещик, Николай Семеныч Волков – мой совоспитанник по Московской академии, окончивший курс в 1848 г.⁶²⁶ с званием магистра. – Его, так называемое, курсовое сочинение на тему: «Николай Мистик, патриарх Константинопольский» (896–925 г.) – напечатано в Прибавлениях к Твор. Св. Отцев 1861 г.⁶²⁷ По окончании курса в академии, он состоял некоторое время на службе в Московском Сенате, где, сверх прямых своих обязанностей, занимался адвокатурой и, выигравши одно важное какое-то дело, получил за него большое вознаграждение, между прочим, значительным земельным участком в Симбирской губернии. Вследствие сего, оставивши службу и женившись в Москве, отправился в свое поместье и там занялся сельским хозяйством; устроил, между прочим,

стеклянный завод, который вместе с прочими статьями, доставляет ему до 15,000 ежегодного дохода.

В Харьков приезжал он для свидания с сыном – молодым офицером, который вместе со своим полком должен был проходить, в это время, через Харьков, из какой-то, не помню, западной губернии на Кавказ.

Не видавшись много лет с Николаем Семенычем, я очень был рад его посещению; пригласил его к себе обедать, и за обедом с приятностию воспоминали об академической и московской старине. Так как Н. С-ч уроженец г. Калязина, Тверской епархии, речь коснулась тамошнего пресловутого священника Белюстина⁶²⁸. И вот в каких чертах описал мне его мой собеседник: «Белюстин среднего роста, широкоплечий, с большою белокурой головой и с широкими глазами; от роду лет около 60-ти; женат на сестре бывшего профессора Московского Университета Морошкина⁶²⁹; по временам предается запою и др.»...

В тот же день, т. е. 17-го числа, получено было мною письмо из Москвы от А. Е. Викторова, который писал мне от 13-го числа:

«Я так виноват перед Вашим Преосвященством, что стыдно и глаза показать Вам. В прошлом году, по возвращении из своей поездки в Крым и на Кавказ, я предполагал написать целый том, с подробным описанием своего путешествия, с объяснением, почему я, вопреки прежнему предположению, не заехал в Харьков, и т. д.; покончил тем, что не написал ни одного листка. Не раз собирался я писать к Вам и нынешним летом, во время поездки на север, и тоже не удалось. Теперь пишу в виду настоящей надобности узнать, ту ли книжку Вестника⁶³⁰ я послал к Вам, или у Вас недостает ещё какой. Всех книжек четыре и теперь отправлены к Вам 2-я и 4-я. Если ещё недостает какой, не замедлим выслать. Будет ли дальше издаваться Вестник, неизвестно. Филимонов⁶³¹ всё хлопочет перейти на службу на Кавказ, а с его отъездом, конечно, прекратится и издание журнала. В 3-й и 4-й книгах Ваше Преосвященство, конечно, заметили и мое рукоделье. Есть и

отдельные оттиски моей статьи, но ещё не получены из типографии. Когда получу, пришлю к Вам экземпляр.

О своих путешествиях прошлого и нынешнего года скажу, по крайней мере, хоть несколько слов. В прошлом году я объехал южный берег Крыма, был в Бахчисарае, Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии и в Керчи; потом отправился морем в Потти, а оттуда в Кутаис и Тифлис. В каждом из этих городов я пробыл от одного дня до недели, а в Тифлисе – больше 10-ти дней. Здесь, в Тифлисе я встретился с Филимоновым, и мы вместе проехали по знаменитой военно-грузинской дороге до Владикавказа, а оттуда через Ростов, Воронеж и Рязань вернулись в Москву, что было уже 1-го сентября. Нынешняя моя поездка была в совершенно противную сторону, на дальний север, в Соловецкий монастырь. Туда я ехал через Вологду Сухоней, Северной Двиной и Белым морем, а оттуда из Архангельска на почтовых до Вытегры, откуда опять водою до Петербурга.

На следующее лето, думаю ехать в Вильну и Варшаву и на обратном пути лично заехать к Вам в Харьков и рассказать подробно о своих странствиях за последние три года. Я сам себе удивляюсь, как это я обратился в такого рьяного путешественника. Сильно подмывает проехать и за границу, но, увы, без языка туда ехать скучно, а учиться поздно. Вот, если Константинополь наш будет, сейчас же отправлюсь туда, а вместе и на Афон.

На севере, именно, в Сийском монастыре⁶³² и в Архангельске я нашел довольно значительные собрания рукописей, которые вкратке и описал. Около 50 рукописей оказалось и в Соловецком монастыре⁶³³. Вообще, по ученой части, последняя моя поездка была гораздо удачней, чем прошлогодняя.

Душевно желаю Вашему Преосвященству быть здоровым, и испрашивая Вашего благословения имею честь быть искренно преданным Вам»...

В ответ на это писал я в Декабре:

«Наконец-то, мой почтенный А. Е., откликнулся и рассеял мои недоумения. Действительно не дождавшись Вас на

обратном пути с Кавказа и не получая от Вас никаких вестей, я невольно подумал, что или случилась с Вами какая-либо беда, или Вы остались недовольны моим приемом. Теперь все разъяснилось для меня, и я успокоился.

Известие о Вашем путешествии на далекий Север для меня неожиданно, хотя, при Вашем настоящем положении, и не весьма удивительно.

Благодарю Вас от души за доставленные мне выпуски Вестника, из коих вместе с прежними, мне высланными, выпусками составилась полный том⁶³⁴, в котором очень много интересных для меня статей. С любопытством рассматривал я и Ваше «рукоделье»⁶³⁵, которое, очевидно, стоило Вам немало времени и труда. На стр. 5-й описывая доставленную мною в 1865 г. в Синод. Контору опись Патр. ризнич. казны 1633 г. Вы недоумеваете, каким образом эта рукопись могла попасть в Голутвин⁶³⁶ монастырь. Если угодно, я помогу Вам разрешить это недоумение. Около тридцатых годов Синодальным Ризничим был иеромонах Иосиф⁶³⁷. Справьтесь в архиве Синод. Конторы, или консисторском, куда был переведен с должности Ризничего этот Иосиф. Если окажется, что он назначен был, если не непосредственно, то впоследствии времени, настоятелем Коломенского Голутвина монастыря, то Ваш неразрешенный вопрос легко разрешится.

Вы предпринимаете дальние путешествия, чтобы видеть и изучать на месте достойное внимания и ученого любопытства; а я, сидя дома, привлекаю к себе достопримечательные предметы древности, если не в их действительности, то в точных изображениях, и подробных описаниях. Так, нынешним летом я выписал из-за границы французское издание с великолепными рисунками вещей, преимущественно церковных, начиная со II в. по Р. Х., под заглавием: «Collection Basilewsky»⁶³⁸. Не знаю, есть ли это издание в Вашем музее.

Думаю также подписаться на другое подобное издание, под заглавием: «Le Costume historique, M. A. Racinet»⁶³⁹, стоящее 500–600 франков. Не осудите ли меня за такую расточительность?

Кстати: не посоветуете ли мне выписать из Москвы отечественное издание: «Древности Российского Государства»⁶⁴⁰? Не правда ли, что стыдно, приобретая дорогой ценой чужестранные издания, пренебрегать родными? Если Вы одобрите мою мысль, то я просил бы Вас уведомить меня, имеются ли в продаже полные экземпляры означенного издания, какая цена полного экземпляра и к кому следует адресоваться с требованием. А если бы Вы были так добры, что сами бы выбрали для меня полный экземпляр и выслали бы мне при удобной okazji, которую я бы Вам указал, то оказали бы мне большую услугу.

Приготовленный в прошедшем году для Вашего музея экземпляр моих палеографических снимков большого формата я доставлю на Ваше имя или по почте, или также при okazji, которые у меня в Москву бывают часто».

20-го ч. совершал я в градской Крестовоздвиженской церкви литургию и отпевание над телом Гофмейстера Двора Его Величества, Александра Андреевича Щербинина, скончавшегося на 88-м году от рождения. Тело усопшего, для погребения, отвезено было в родовое имение его, село Бабай, в 12-ти верстах от Харькова.

Ещё в Мае 1875 года, при посещении церкви в селе Песочине, в 12-ти верстах от Харькова, я обратил внимание на образ Лоретской Б. Матери, где вокруг, в медальонах, изображены фигуры разных лиц, по-видимому, польских и французских королей⁶⁴¹, и поручил находившемуся при мне местному Благочинному, священнику Павлу Лобковскому, описать подробно эти фигуры и представить мне описание. Прошло много времени, и я забыл уже о данном мною приказании, как неожиданно представляет мне о. Лобковский 25-го ноября 1876 г. целую тетрадь, на 8-ми почтовых листах, озаглавленную: «Историческое описание Лоретской Божией Матери». Труд очень почтенный, но я вовсе не этого требовал от автора.

26-го ч. в 7 часов вечера, во время всенощной службы, получена была мною из Ниццы от жены Московского купеческого старшины, Действ. Ст. Сов. В. М. Бостанжогло, Елены

Карловны, на французском языке, телеграмма следующего содержания:

«Mon mari Basile Bostandjoglo décédé hier à Nice se recommandant à vos prières».

Вслед затем такого же содержания телеграмма получена была мною из Москвы от племянника умершего купеческого сына Николая Александр. Алексеева.

Получив эти печальные телеграммы, я немедленно распорядился отправлением на другой день, в своей Крестовой церкви, заупокойной литургии и вслед за ней панихиды о почившем рабе Божиим Василии. И моя молитва об усопшем была, самая искренняя и усердная, как об истинном благодетеле, моем в продолжении многих лет.

В Харьковских Епархиальных Ведомостях (№ 23) помещена была о почившем в Бозе В. М. Бостанжогло небольшая статья следующего содержания:

«25-го сего ноября скончался в Нице действительный статский советник и старшина Московского купеческого общества Василий Михайлович Бостанжогло. По получении о сем телеграфного известия, преосвященный Савва, епископ Харьковский, совершил (27 ч.) в своей Крестовой церкви заупокойную литургию, с панихидою по усопшем болярине Василии.

Хотя в пределах Харьковской епархии немногим известна была личность покойного, тем не менее мы, не вдаваясь впрочем в биографические подробности о жизни и деяниях покойного, считаем своим долгом сказать несколько слов о его христианской благотворительности и благочестивом усердии к Церкви Христовой, небызывестном и Харьковским жителям.

Василий Михайлович принадлежал к купеческому сословию г. Москвы и кроме должностей, занимаемых им по городским и коммерческим учреждениям, проходил, с неизбежными и весьма значительными от него пожертвованиями, должности и звания при многочисленных благотворительных учреждениях и учебных заведениях. Насколько велики были заслуги В. М-ча, оказанные этим учреждениям, видим из того, что он был взыскан Высочайшею Милостию Государя Императора и

награжден сначала орденом св. Владимира 3-й ст., затем, в 1871 году, чином статского советника, и, наконец, в 1873 г. удостоен чина действительного статского советника.

Но великая благодеяниями душа Василия М-ча не ограничилась пределами одной Москвы. Нет! она простерла свою щедродательность далеко за её пределы. Поводом к этому было то, что Василий М-ч находился в отличных, можно сказать, дружественных отношениях к архипастырю нашему, преосвященнейшему епископу Савве. И вот когда преосвященный перемещен был из Москвы на Полоцкую кафедру, вслед за ним потекли и благодеяния от Христолюбивой Москвы, в которых покойный В. М. оказал самое живое и деятельное участие. Так, по его ходатайству, московскую купеческой управой отчислена, в 1870 г., для Полоцкой епархии, часть процентов, в количестве 1200 р., с капитала, завещанного в пользу церкви почетным гражданином П. И. Куманиным⁶⁴². В мае 1871 г., при представлении пожертвованных благотворителями Москвы ризничных и утварных вещей на сумму 4225 р., Василий М-ч, совокупно с А. В. Ганешиным, П. С. Камыниным и С. П. Оконнишниковым, поднесли в дар любимому ими архипастырю дорогое – полное архиерейское облачение в знак глубокого к нему уважения и памяти⁶⁴³. В декабре 1873 г., В. М-ч препроводил к Преосвященному Савве 500 р. на епархиальные нужды. Из этой суммы владыка, употребив 300 р. на приобретение утварных вещей для бедных церквей, 200 р. передал в пособие бедным вдовам и сиротам. И когда сообщая об этом распоряжении, преосвященный спрашивал: будет ли такое распоряжение согласно с волею жертвователей? Василий Михайлович отвечал, что такое распоряжение «не только соответствует желанию жертвователей, но вызывает с его стороны ещё большее стремление оказать помощь этому истинно-доброму делу», и вместе с сим прислал еще 200 р., с просьбою употребить их именно для этой цели⁶⁴⁴.

Не прошло ещё и полугода, как преосвящ. Савва прибыл на Харьковскую кафедру, а Василий Михайлович расположил известных ему по своей благотворительности людей гор.

Москвы к новым пожертвованиям на подарок любимому архипастырю. В мае 1876 года прислано было его преосвященству в личную его собственность дорогое полное архиерейское облачение и полные же облачения для всех служащих при торжественном архиерейском священнодействии. Это великолепное облачение мы имели удовольствие видеть на всех служащих в первый раз 11-го мая прошлого 1875 года в монастырской Покровской церкви. И когда владыка, выражая свою искреннюю сердечную благодарность за это пожертвование, вопрошал: «скажите же, Бога ради, чем я заслужил такую любовь Москвы и чем могу воздать ей за её ко мне недостойному внимание и благорасположение?» Василий М-ч, от лица всех жертвователей, отвечал: «служите в нем (облачении) Преосвященнейший Владыко пред престолом Всевышнего и молитесь за жертвователей, вот всё, что они могут просить от Вас. Между тем, будьте уверены, что все, участвующие в этом деле, приняли это участие самым сочувственным образом; мы помним Вас, уважаем Вас за Ваши редкие качества, любим и почитаем от чистого сердца, и что делаем, делаем по побуждению душевному и с полным искренним желанием. Не Витебск и не Харьков тут имеют значение, а Преосвященный Савва, всеми москвичами любимый и уважаемый.

На какой бы кафедре Вы ни были, отношения наши к Вам останутся теми же, без малейшей перемены»⁶⁴⁵.

Любя так много Владыку, Василий М-ч постоянно собирался в Харьков для свидания с ним, но тяжкая болезнь не позволила ему исполнить это сердечное желание, и он, вместо Харькова, должен был, по предписанию врачей, отправиться в августе прошлого года в Ниццу, где скорбел о том, что далек от своей родины и что лишился возможности быть ей полезным. Не прекращались письменные сношения В. М-ча с нашим Архипастырем и из Ниццы, и потому не трудно представить, какую глубокой скорбью поражено было его сердце от потери столь любимого и уважаемого им человека!

Мир тебе, доблестный христианин и благодетель человечества!..

Тело Василия Михайловича из Ниццы перевезено было в Москву и 18 декабря погребено в Алексеевском девичьем монастыре. При погребении произнесено было известным московским проповедником, протоиереем А. О. Ключаревым⁶⁴⁶, слово на текст: *приятни пред Господем путие мужей праведных, ими же и врази друзие бывають* (Притч.15:28)⁶⁴⁷.

В этом надгробном слове, между прочим, представлено краткое изображение существенных свойств и заслуг покойного Василия Михайловича. И вот в каких чертах изображены эти свойства и заслуги:

«Василий Михайлович был грек по происхождению, родившийся в России. Следы этого происхождения сохранились в чертах его лица и в живости его характера. От добрых родителей он получил тщательное христианское воспитание. При достаточном общем научном образовании, пополненном впоследствии чтением и кабинетными занятиями, и при основательных познаниях в Священном писании, в истории церкви и её уставах, в нем сложился цельный нравственный характер христианина, сознательно верующего, для соблазнов неверия недоступного, и искренно ревностного относительно дел веры и церкви. Он знал хорошо древний греческий язык, мог на нем пользоваться по подлинникам писаниями великих отцов нашей церкви, помнил на этом языке множество церковных песнопений, – и это сохранило в нем до конца жизни живое сочувствие к соплеменникам, к греческой церкви и к Востоку. Совершенно русский человек в душе, он в этом сочувствии к отечеству своих предков и родителей находил только особое поприще для своей многосторонней деятельности. Это делало его живым членом не только Русской, но и Вселенской православной церкви. Он вел переписку с иерархами Греческой церкви, принимал с любовью приезжавших сюда с Востока по церковным нуждам, и помогал им материальными средствами. Освобождение Восточной церкви от ига неверных было горячайшим его желанием и предметом его молитв. Но это не уменьшало его любви и к церкви Русской. Как истый русский человек, он любил участвовать в построении и украшении святых храмов. В

качестве купеческого старшины он был главным пособником в построении новой церкви при Московском мещанском училище, как прихожанин принял живое участие в обновлении приходской церкви, как доброхотный жертвователь и сотрудник он был деятельным помощником других, принимавших на себя труд храмоздания. В наше время многие эту добродетель называют пристрастием ко внешнему благолепию и усердие к храмозданию объясняют тщеславием; пример Василия Михайловича говорит иное. Из его деятельности видно, что это был только один из лучей того света, который называется искреннею верою. Кто любит храм, тот любит церковь Божию и отзывается на все её нужды и потребности. Василий Михайлович горячо принял к сердцу нужды православных церквей и монастырей в Западном крае после бывшего там возмущения, особенно Виленского женского монастыря, имеющего особую задачей содействие утверждению православия в крае путем воспитания девиц.

Он принимал деятельное участие в снабжении бедных церквей Витебской епархии священными облачениями и другими богослужебными принадлежностями, во время служения в этой епархии преосвященного Саввы.

Он оказал большие услуги Православному Миссионерскому Обществу при его открытии и, как член его Совета, не взирая на множество своих занятий, неопустительно посещал его собрания, и оживлял их своим вниманием ко всем вопросам занимавшим Совет и своею одушевленною речью. Надобно было видеть его воодушевление при рассуждениях об устранении препятствий, задерживающих успехи миссионерского дела в нашем отечестве, об улучшении состояния наших бедных миссионеров, о необходимости усиленных жертв для распространения православия в Японии (на что он доставлял и весьма значительные пособия), и тому подобное, чтоб убедиться, что не пристрастие к обрядности, а истинная, многообъемлющая вера была душою его слова и дела в пользу церкви Христовой.

Он оказал великие услуги делу воспитания – улучшением училищ своего сословия, – делу благотворительности и

общественного благоустройства – расширением заведений для призрения бедных, умножением благотворительных капиталов московского купеческого общества, возвышением доходов с его имущества; ни коммерческие учреждения, ни новые пути сообщения, ни частные общественные предприятия для какой бы то ни было доброй цели, – ничто не было ему чуждо.

Василий Михайлович был богат, он мог устроить себе жизнь тихую, покойную, со всеми удобствами, какие дает ныне богатство и каких естественно требует слабое здоровье, и, так сказать, на досуге, от лишних средств и от избытка свободного времени, оказаться и благотворителем бедных, и полезным членом своего сословия. Но вот, этот богатый человек принимает на себя на многие годы личные, утомительные, раздражающие труды и заботы. В доме, по утрам, продолжительный прием людей деловых и бесчисленного количества бедных просителей, в течении дня и вечера присутствие во многих советах, комитетах, обществах, в них продолжительные рассуждения и прения, разъезды по домам членов купеческого сословия для личных объяснений по делам, обширная переписка, наконец необходимость о многом подумать и наедине, иногда и в глубокую ночь, и с потерю необходимого спокойного сна, – что все это как не обречение себя в жертву для блага других, как не служение ближним с христианским самоотвержением?

В частной жизни покойный Василий Михайлович был добрый родственник, верный друг, гостеприимный хозяин. Обращение его носило на себе отпечаток его пылкого характера: горячность в минуты гнева, или раздражения, стократно вознаграждалась его ласковостью, добродушием и необыкновенной приветливостью. Беседа его была искренна и увлекательна. В нем не было этой горделивости, которая, к несчастью, так часто встречается в людях, достигших собственным трудом высшего положения в обществе, и которая дает себя так оскорбительно чувствовать товарищам отставшим от них на пути отличий.

Он был прост и ласков в обращении с низшими. Дух любви, благожелательства ко всем выражался в его постоянной заботе

отличить и поощрить наградами своих сотрудников по разным отраслям его общественной деятельности. Особенно поражала в нем всегдашняя готовность на всякую услугу и необыкновенное добродушие и терпение в выслушивании и исполнении просьб о призрении бедных детей, или престарелых во вверенные ему заведения. Его преследовали этими просьбами каждый день, на каждом шагу, и он не выражал досады или утомления людей занятых, а только разве скорбь о том, что он не может для всех сделать всего, что желал бы сделать. Но что уже раз обещал Василий Михайлович, того не забывал никогда, ни среди трудов и забот, ни в болезни. Доказать расположение услугой, это было его удовольствием».

28-го ч., в воскресенье, служил я в Кафедральном соборе; после литургии отправлен был молебен «в путь шествующим», по случаю выхода из Харькова квартировавших здесь полков Пензенского и Тамбовского в юго-западный край России. После молебствия я напутствовал их следующей речью:

«Христоролюбивые и доблестные вожди и воины!

Сейчас мы призывали в церковной молитве благословение Божие на предстоящий вам путь в далекую страну, где вас, быть может, ожидают бранные подвиги за веру православную и за единоплеменных нам братьев.

Да будет же благословен ваш путь! Да сопутствует каждому из вас, подобно древнему Товии, ангел-хранитель! Да озарится ваше бранное оружие славою побед над изуверными и свирепыми врагами Креста Христова!

Но, возлюбленные, когда вам суждено будет вступить в борьбу со врагами, полагайтесь не столько на свое собственное мужество и крепость, сколько на помощь и силу Единого *крепкого во бранех* – Господа. Вспомните древнего ратоборца – Давида, который вещал к Богу: *не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет мене... Царь мой и Бог, мой, о Тебе враги наша избодем рога, и о имени Твоем уничижим востающих на ны.* (Пс.43:7, 5:6).

Взывайте и вы в сердцах ваших с Псалмопевцем: *Господь сил с нами, заступник наш Бог Иаковль* (Пс.45:8).

Желаете ли еще знать, каким оружием древние вожди израильские побеждали царства, были крепки на войне, прогоняли полки чужих? – Оружием веры в грядущего Мессию. Верую, повествует о них св. апостол Павел, *победита царствия..., быша крепцы во бранех, обратити в бегство полки чуждих* (Евр.11:33:34).

Да будет и вашей неотъемлемой принадлежностью эта святое и победоносное оружие! То есть, храните крепко и вы в сердцах ваших веру православную – живую веру в Господа и Спасителя, уже пришедшего. С этим всеильным оружием сможете и вы великое совершить.

Итак, оградившись щитом веры, грядите с бодростью на лежащий вам многотрудный подвиг.

Мы же, пребывая здесь, не престанем внимательно следить за вами на вашем бранном поприще и будем споспешествовать вам в подвигах брани нашими усердными молитвами; будем, подобно вождю народа израильского – Моисею (Исх.17:11), воздвигать руки наши на молитву к Богу браней и Господу сил, да дарует вам одоление на новых амаликитян – безумных и фанатических поклонников ислама.

В залог наших молитв и в знамение невидимого соприсутствия с вами Господа сил и Его вседейственной вам помощи, примите от нас сие священное изображение Воскресшего Господа с Его двумя учениками – Лукою и Клеопой, коим Он благоволил спутешествовать, по своем тридневном воскресении, во Эммаус (Лк.24:13–35).

Напутствуют также вас сими святыми иконами Христа Спасителя, с искренними вам благожеланиями, православные граждане богоспасаемого града сего»⁶⁴⁸.

При сем вручены были мною две иконы: одна от меня, а другая от граждан.

30-го ч. писал мне Инспектор Моск. Академии С. К. Смирнов:

«Прежде всего считаю долгом отвечать на предложенные Вами вопросы.

Преосвящ. Алексей был здесь 11-го октября в день памяти Александра Васильевича. В Тверь он отправился не по своему

желанию, а вследствие немалого количества доносов, из которых могу Вам указать на один, именно, что Преосвящ. Алексей обязал причты своей епархии доставлять ему за венчание каждого брака по 1 р. сер. Когда это сделалось известным в Петербурге и к нему последовал запрос, он повернул дело так, что купил дом для помещения престарелых из духовного звания. — Заметно, что путешествие в Тверь не очень для него приятно, и когда я поздравил его с повышением, он принял поздравление неблагосклонно, сказав, что степени иерархии ныне уничтожены.

Дело по возобновлению издания творений Св. Отцев у нас началось. Совет просит субсидии у Св. Синода для начала издания, которое предположено с 1878 года и кроме прибавлений будет вмещать переводы из Епифания Кипрского и Кирилла Александрийского. Если Синод откажет, издание, конечно, не пойдет. Журнал предположено издавать в 4-х книжках по прежней программе. Прибавления будут наполняемы лекциями Александра Васильевича⁶⁴⁹.

Над могилою Александра Васильевича поставлена довольно изящная чугунная часовня.

Владыка Митрополит⁶⁵⁰ уехал 23-го ноября. Накануне я был у него и нашел его очень благодушным.

Отдельных оттисков своей речи я ещё не получил и по получении немедленно отправлю к Вам экземпляр».

По моему распоряжению составлены были Инструкции для домоуправления и для частных должностных лиц Харьковского архиерейского дома. На подлинном экземпляре Инструкции дана была мною 1-го ч. декабря следующая резолюция:

«1) Настоящую Инструкцию прочитать в общем собрании братии архиерейского дома, к сведению и точному исполнению, со взятием, на особом листе, от каждого подписки в слушании оной.

2) Подлинную общую Инструкцию хранить при делах домоуправления, а списки с частных инструкций, за подписью одного из членов домоуправления, вручить под расписку каждому должностному лицу, с тем, чтобы, в случае смены или

выбытия того или другого лица, Инструкция от него была отбираема и передаваема его преемнику».

3-го ч. умер в СПб. священник Входаиерусалимской (Знаменской) церкви, Александр Тимофеев. Никольский, на 56 г. от рождения, – магистр XVI курса (1845 г.) С.-Петербургской академии.

Умерший, по словам автора «Очерка его жизни и деятельности»⁶⁵¹ (1878 г.), по справедливости, должен признаваться представителем нового *типа* православного приходского русского священника.

В чем же заключается этот новый тип священника?

«Главной отличительной чертой этого типа приходских священников, по словам того же автора, является стремление *практически* выйти из пассивного, зависимого и приниженного состояния, в каком издавна поставлен и находится православный русский священник в обществе, церкви и государстве». – (Предисловие, стр. 11).

Нравственный характер священника Никольского в «Очерке его жизни и деятельности» изображается следующими чертами: он был совершенно бескорыстен, правдив, по своей болезненности иногда отступал от строгого исполнения постов, и пр.

По отзыву панегириста покойного – священника Горчакова⁶⁵², он не боялся ни властных и чиновных лиц, ни толпы, не дорожил ни дружбою, ни родством, презирал честолюбие и награды; в своем слове он был неумолимо правдив, откровенен начистоту, даже резок. – (стр. 320).

Таков был представитель *нового типа* православного российского священника!..

6-го числа я обратился к своей пастве с окружным воззванием о помощи бедствующим Герцеговинцам, переселившимся, по причине тяжкого угнетения со стороны Турок, в пределы Черногории. Вот содержание этого воззвания:

«Возлюбленные о Господе отцы, братия и чада!

После неоднократных моих воззваний к вам, чрез посредство епархиальной газеты, о помощи бедствующим

славянам, ещё раз простираю к вашей любви мое пастырское слово.

Хотя, в настоящую минуту, перестали проливаться на юге Европы потоки крови христианской, хотя на время замолкли громы бранных орудий, тем не менее ещё не перестали и не перестают достигать до нашего слуха потрясающие душу вопли и стенания единовѣрных и единоплеменных нам славянских братьев.

Мы слышим и читаем, что переселившиеся в прошедшем году в пределы Черногории Герцеговинцы, большей частью женщины, дети и немощные старцы, числом до ста тысяч душ, лишены в настоящее время всякого пропитания, почти всякой одежды и крова.

Открывая для этих несчастных переселенцев, или – точнее, изгнанников, на своей тесной территории убежище, Черногория сама бедна, истощена и разорена, и потому не может, если бы и хотела, доставлять им всего необходимого для ежедневного существования.

Что же? Ужели несчастные Герцеговинцы, избегшие от меча лютых и бесчеловечных врагов своих – турок, должны погибнуть на чужбине от голода и холода? Ужели никто в христианском мире не отзовется на их вопли и стенания?.. Но кроме родственной им по вере православной России, негде искать им верной и благонадежной себе помощи.

Поспешим же, возлюбленные, поспешим ещё раз отозваться на громкий и болезненный вопль наших злополучных братьев, прострем к ним братскую руку помощи. Пусть каждый из нас уделит им от избытков своих, что и сколько может; пусть от хлеба своего даст алчущему и от одеяний своих нагим (Тов.4:16). – И да ведаем, что, по непреложному слову Божественного писания, иже дает убогим, не оскудеет (Притч.28:27) и что милуяй нища взаим дает Богу (Притч.29:17).

Грядущий родится плотию в Вифлееме Господь и Спаситель наш Иисус Христос, Иже богат сый обнища нас ради, благоволительно примет от нас всякую, с усердием во имя Его

приносимую на пользу страждущих братьев наших жертву и сторицею за сие воздаст нам.

Желающие сделать приношение в пользу бедствующих Герцеговинцев могут обращаться с своими пожертвованиями к приходским священникам, а сии должны доставлять, при письменных донесениях, как денежные, так и вещественные приношения местным о.о. Благодичным, для препровождения оных к о. Редактору Харьковских Епархиальных Ведомостей.

Тем из ваших пасомых, кои сделали уже на пользу бедствующих славян посильные приношения, призываем Божие благословение и приносим нашу искреннюю пастырскую благодарность. Особенную же признательность изъявляем почтенному редактору Харьковских Епархиальных Ведомостей, о. протоиерею Иоанну Чижевскому, так много и бескорыстно, в течении года, потрудившемуся и продолжающему трудиться в собирании и препровождении по назначению всякого рода благотворительных приношений.

Смиренный Савва, Епископ Харьковский и Ахтырский.

Примечание. Воззвание сие может быть прочитано в воскресный или праздничный день в церкви»⁶⁵³.

7-го числа писал я в Москву племяннику покойного В. М. Бостанжогло, Н. А. Алексееву:

«Для сохранения памяти о досточтимом и незабвенном для меня Василии Михайловиче, я поручил Редактору Харьковских Епархиальных Ведомостей составить и напечатать краткую записку о добрых и благодетельных ко мне отношениях покойного.

Тридцать экземпляров отдельных оттисков этой записки препровождаю к Вам вместе с сим, и прошу доставить по экземпляру матушке Василия Михайловича, его супруге, Николаю Михайловичу⁶⁵⁴, а прочими экземплярами распорядитесь по своему усмотрению».

В тот же день писал я в Ярославль преосвященному архиепископу Леониду, в ответ на его письмо от 28-го сентября:

«Простите Бога ради, что так поздно отвечаю на ваше дорогое приветственное послание от 28-го сентября. Каждое утро, как известно Вам по собственному опыту, официальные

дела и просители, а по вечерам с некоторого времени я начал заниматься, и не без увлечения, делом, о котором давно думал и мечтал и к которому когда-то старался расположить и Вас. Я разумею мемуары. Вот уже написано листов 60-т. Я начал с эпохи назначения моего на полоцкую кафедру; выходит повесть зело чудна и весьма душеполезна. Когда окончу повествование о восьмилетнем пребывании моем в Витебске, тогда обращусь к началу моего жития на земле.

Одобрите ли Вы мое предприятие или нет?.. Прошу Вас изъяснить мне об этом предмете Ваши искренние мысли. К занятию этим делом меня поощряют многочисленные примеры не только светских, но и духовных лиц, и даже святых мужей. Между прочим, имел я при этом в виду некоторых из ваших предшественников на Ярославской кафедре, начиная с Святителя Димитрия. Следует теперь и Вашему Высокопреосвященству приняться за перо, чтобы начертить если не подробную автобиографию, то, по крайней мере, воспоминания о ваших многолетних и столь близких отношениях к приснопамятному Святителю Филарету.

Вы были на днях в Москве. Воображаю, как для Вас было отрадно снова взглянуть на священный град после Вашей, хотя ещё и не очень продолжительной разлуки с ним. С радостью, без сомнения, увидали Вас многочисленные Ваши почитатели. Жаль, что мне не дано никакого поручения, чтобы иметь повод почаще бывать в незабвенной Москве. Правда, Москва начинает для меня более и более пустеть: многих, очень многих добрых знакомых я уже не досчитываюсь там. Вот и ещё одною и очень крупною цифрою сократилось для меня число московских благоприятелей и благодетелей. Я говорю о В. М. Бостанжогло. В нем я лишился одного из самых благорасположенных ко мне людей. Вечная ему память!..

Скажите же, Владыко Святый, как Вы привыкаете к новому месту служения, как идут ваши консисторские дела, имеете ли какое-нибудь, хотя небольшое, но приятное для Вас общество между Ярославскою интеллигенцией».

8-го числа писал я во Владимир, Редактору Губернских Ведомостей и секретарю Губернского Статистического Комитета,

Конст. Никит. Тихонравову⁶⁵⁵:

«Как земляк, обращаюсь к Вам, моему почтенному земляку, со следующей усерднейшею просьбой.

Прошу доставить мне список всех ваших изданий, касающихся древностей и этнографии Владимирской губернии, с означением цены каждому сочинению отдельно. Я намерен приобрести их для своей библиотеки, в которой имеется множество сочинений по части древностей не только русских, но и иностранных, а о родных – Владимирских древностях, к стыду моему, почти ничего нет.

Исполнением этой просьбы Вы сделаете для меня приятное одолжение».

10-го ч. посетила меня благочестивая и набожная помещица Купянского уезда, Анфиса Прохоровна Курчанинова, зимою проживавшая в Харькове и почти ежедневно бывавшая при богослужениях в моем Покровском монастыре. В беседе со мною, между прочим, сообщила, что в Харькове, в прежнее время, под воскресные и праздничные дни, спектаклей никогда не было, но с тех пор, как преосвященный Макарий⁶⁵⁶ разрешил однажды спектакль в субботу под воскресенье с благотворительной целью в пользу детского приюта, – спектакли под воскресные и праздничные дни стали делом обыкновенным. Почтенная Анфиса Прохоровна рассказывала об этом с сердечной скорбью.

Получив из СПб. брошюру, под заглавием: «Земля неподвижна», Шепфера, перев. с немецк. 2-го изд. 1876 г., я поручил преподавателю математики Харьковской Семинарии, священнику Аполлону Ильяшеву⁶⁵⁷ – рассмотреть эту любопытную брошюру и дать о ней отзыв. О. Ильяшев в докладной своей записке от 14-го декабря изложил следующее:

«Представляя при сем порученную мне Вашим Преосвященством для рассмотрения популярную лекцию доктора Шепфера, в которой доказывается, что земной шар не вращается ни около оси, ни около солнца, честь имею покорнейше доложить Вашему Преосвященству, что, так как учение Коперника о движении земли около оси и около солнца в науке принимается отнюдь не за несомненное, а только как

теория, более или менее вероятная, то всякое противоречащее об этом предмете мнение имеет свое значение, хотя бы даже в том отношении, что побуждает науку не останавливаться на изысканных уже доказательствах вероятности существующей теории, а и впредь продолжать свои изыскания по этому предмету. Такое, именно, значение и имеет лекция Шепфера, когда указывает на сомнительную точность измерения земного меридиана, возможную выпуклость земного шара на экваторе от других причин, помимо движения его около оси, сомнительные явления при качании маятника, неточное исследование земной атмосферы, от которой в прямой зависимости находится переломление лучей нашего зрения, а вместе с тем и правильность наших наблюдений и проч. Что же касается собственно теории о неподвижности земли, то эта теория до настоящего времени имеет за собою менее вероятности, чем теория Коперника; это вытекает не из частного какого-либо доказательства, а обуславливается общим характером обеих этих теорий и согласием их с добытыми наукою несомненными изысканиями, отнюдь не исключаящими возможности в будущем новой теории, которая также будет согласна с этими наблюдениями и может иметь еще большую вероятность, нежели какую имеет в настоящее время теория Коперника».

16-го ч. в 8 час. утра совершенно неожиданно получил я из Москвы от казначея Высокопетровского монастыря игумена Иосифа телеграмму следующего содержания:

«Обозревая епархию, высокопреосвященный Леонид сегодня (15-го числа) скончался, в Бабаевском монастыре, Костромской губернии».

Как гром поразила меня эта печальная телеграмма; я едва мог верить своим глазам, читая и перечитывая её несколько раз.

Того же 16-го числа получил я письмо из Москвы от племянника покойного Бостанжогло, купеческого сына Н. А. Алексеева. Вот что писал он мне от 12-го числа:

«Глубоко тронутый вниманием, которым благоугодно было Вам почтить меня, адресуя мне два письма, осмеливаюсь

принести Вам искреннюю благодарность как от себя лично, так и от моих родственников, за те чувства, которые Вы изволили выразить нам, по поводу кончины нашего незабвенного Василия Михайловича.

Память о нем, как о лучшем и благочестивом гражданине Москвы, надолго не забудется в нашем обществе. И мы на этих днях ожидаем его смертные останки, дабы со всеми почестями и торжественностью предать их земле, в склепе под летней церковью Алексеевского монастыря.

К крайнему моему сожалению я не получил посланных Вами 30 экземпляров брошюры о почившем».

Я поспешил ответить на это письмо, и вот что писал я Н. Ачу от 18-го числа:

«Ваше известие о неполучении Вами посланных мною экземпляров брошюры о покойном Василии Михайловиче меня крайне удивило, но по исследованию оказалось, что посылка с этими брошюрами, по ошибке моего секретаря, была адресована не на ваше имя, а на имя Преосвящ. Леонида, и отправлена в Ярославль, так как вместе с письмом к Вам, по адресу коего я велел адресовать посылку, послано было письмо и к Преосвящ. Ярославскому.

Спешу исправить эту нечаянную и крайне неприятную для меня ошибку, посылаю Вам ещё десять, почти последних, экземпляров означенной брошюры, так как оттиснуто было не более 50-ти.

Призывая Вам и всем вашим родным Божие благословение, остаюсь с искренней к Вам любовью».

17-го ч. писал я в Москву Казначею Высокопетровского монастыря, игумену Иосифу:

«За телеграммы ваши, хотя они и очень печального содержания, приношу Вам усердную благодарность. Но телеграмма о кончине В. М. Бостанжогло не слишком поразила меня, так как я был уже предварен известием прямо из Ниццы. Телеграмма же о кончине Преосвящ. Леонида сколько неожиданна для меня, столько же и глубоко-поразительна. В нем я лишился истинного и неизменного мне друга. Да будет ему вечная память!..

Если узнаете, почтеннейший о. Игумен, какие-либо подробности о кончине Преосвященнейшего моего собрата и друга, пожалуйста, не замедлите сообщить мне. Этим Вы много обяжете меня.

Вместе с сим посылаю Вам несколько брошюр, между прочим, о В. М. Бостанжогло, который также был истинным моим приятелем. Несколько экземпляров этой брошюры посылаю также и родным усопшего».

18-го ч. совершена была мною соборне с Преосвященным Викарием Еп. Вениамином панихида о почившем в Бозе Преосвященном архиепископе Леониде, и вслед затем заупокойная литургия.

19-го ч. скончался протоиерей Харьковского Кафедрального собора, Иоанн Гапонов, на 76 г. от рождения.

19-го ч. писал я в Москву брату и сестрам покойного Преосвященного Леонида:

«Возлюбленный о Господе
Александр Васильевич!

С глубокою сердечною скорбью пишу Вам о событии, коего нравственное значение и горестные последствия для Вас и для вашего семейного благобытия вполне постигаю.

Скажите, что это случилось!..

Неожиданное известие о кончине вашего дорогого брата, а моего бесценного и неизменного друга, до того поразило меня, что я, читая телеграмму от 15-го числа, не верил очам своим. В продолжении целых суток я несколько раз перечитывал её и не мог убедиться в справедливости столь прискорбной вести, так что не ранее как через полтора суток я мог решиться сделать распоряжение о совершении заупокойной литургии о почившем рабе Божием, преосвященнейшем архиепископе Леониде, а писать к Вам не решался до тех пор, пока не получил подтверждения роковой вести.

Не стану, да и не могу предлагать Вам никаких утешений в постигшей Вас горести: они теперь несвоевременны. Вы горько и безутешно плачете, плачу и я с Вами.

Вы скорбите, всем сердцем разделяю Вашу скорбь и я...

Когда же Ваши и мои взволнованные чувства несколько утишатся, тогда будем вместе и усердно молиться к Отцу духов и всякия плоти, да вселит Он, Премилосердый, душу отшедшего от нас брата и друга нашего в своих небесных селениях и да соединит его там с общим нашим отцом и благодетелем, приснопамятным святителем Филаретом!..

Душевно преданный и соскорбящий Вам»...

Письмо это послал я при следующем письме на имя Преосвящ. Игнатия:

«Не зная адреса А. В. Краснопевкова, посылаю письмо на имя его к Вашему Преосвященству, прося Вас доставить оное по принадлежности, если кто-нибудь из семейства Краснопевковых находится в Москве; а если все они в Ярославле, потрудитесь препроводить его туда, сделавши на конверте надпись и положивши на него марку.

Скажите Бога ради, что это случилось с Ярославским Владыкой? Зачем он, в зимнюю пору, поехал по епархии, и какими судьбами попал в монастырь чужой епархии. Прошу Вас, Преосвященнейший, написать мне без замедления об обстоятельствах кончины нашего возлюбленного собрата.

Совершенно неожиданное известие о кончине Преосвящ. Леонида потрясло меня до глубины души.

Если можно, прикажите сделать копию с послужного списка почившего архипастыря и пришлите мне поскорее».

19-го же числа писал я в Ярославль товарищу своему по академии, Протоиерею А. П. Лаврову:

«Скажите Бога ради, что это случилось с вашим новым архипастырем? Какими судьбами очутился он, в зимнюю пору, в Бабаевском монастыре?

Прошу Вас дружески, поспешите описать мне подробно все обстоятельства кончины и погребения Преосвященного Леонида. Вам не безызвестно, какою тесною и искреннею дружбою я связан был, в течении 26-ти лет, с почившим архипастырем, и потому для меня чрезвычайно интересно знать всё, что касается его последних дней. Не умолчите при сем и о том, был ли покойный доволен своим положением на

Ярославской кафедре и довольна ли была им его новая и первая паства?

Исполнением этой просьбы Вы, любезнейший А. П., сделаете мне большое одолжение.

В ожидании Вашего письма с братскою о Христе любовью и душевною преданностию остаюсь»...

В тот же день, т. е. 19-го ч., писал я в СПб. графине Евдокии Вас. Гендриковой, лишившейся своей матери.

«Господу угодно было посетить Вас новою скорбью, да дарует же Он, Всеблагий, и утешение в вашей скорби! Но для Вас в настоящем горестном случае должна служить немалым утешением мысль о тех высоких нравственных качествах, с какими преселилась в вечность Ваша благочестивая родительница. Да будет ей вечная память, а Вас с вашими присными да хранит благодать Божия во здравии и благополучии!

Повторяю Вашему Сиятельству и Графу Александру Ивановичу мою душевную признательность за оказанное мне столь радушное гостеприимство»⁶⁵⁸.

Неожиданная кончина доброго и высокочтимого друга моего, Преосвященного архиепископа Леонида, поразившая меня до глубины сердца, возбудила во мне мысль составить о нем воспоминания. Я немедленно приступил к осуществлению этой мысли. 20-го числа я начал уже писать и продолжал этот труд около четырех месяцев с особенным наслаждением. Плодом этого труда вышла довольно объемистая книга, о которой немало будет говорено впереди⁶⁵⁹.

Из Москвы писали мне Директор Публичного и Румянцевского музеев, В. А. Дашков⁶⁶⁰ и Н. П. Киреевская.

Г. Дашков писал мне от 16-го числа за № 462:

«Я имел честь получить через посредство г. Хранителя Отделения рукописей при Московском Публичном и Румянцевском музеях А. Е. Викторова пожертвованные Вашим Преосвященством в дар подведомственным мне музеям: 1) редкий экземпляр изданных Вами палеографических снимков, 2) книгу: «Прощание с Полоцкой паствой» и 3) два фотографические вида – Витебска и Харьковского

архиерейского дома. Долгом считаю принести за все означенные пожертвования усерднейшую признательность».

Н. П. Киреевская писала от 18-го числа:

«Желаю передать Вам, Владыко Святейший, случай настоящего времени. Хозяйка квартиры, нами занимаемой с 24-го ч. Октября, Г-жа Кученева – богатая, довольная своим положением; она вдова – лет 40; имеет одну дочь, которая замужем, счастлива, и мать её боготворит.

В разговоре со мною она высказала свои убеждения религиозные, говоря, что, бывши юной, она верила как и все, но, конечно, давно уже убедились, что всё, что проповедано и в Евангелии, – всё это легенды, что нет ни рая, ни ада, и словом всё сказано для темных, а нынче яснее видится и разумеется и проч. и проч.

Что могла, я говорила, но с крайнею умеренностью, потому что видна была невозможность действовать на нее. Через несколько дней её мать-старушка говорила мне, что слышала рассказы об о. Макарии⁶⁶¹, Оптинском старце, и желала бы прочесть его письма. Я дала ей книгу писем о. Макария к мирским людям, но, как в это время у старушки умерла её любимая невестка после 4-х дней болезни, ей было не до чтения, а г-жа Кученева взяла книгу с собой при отъезде к своей дочери в деревню. Она застала дочь свою больною при смерти, была в отчаянии, и ещё много стекло обстоятельств для неё особенно тяжелых. Не зная, что делать и за что приняться, она, почти машинально, взяла книгу писем о. Макария и стала читать их; так ими увлеклась, видя что в них на всё есть ответ, объяснение, укрепление и утешение в уповании на милосердие Божие. Она не могла оторваться от этого чтения и, получив на днях по эстафете депешу, что старушка-мать её приехала в Москву и с ней сделался удар, хотя и огорчилась, но с преданностью промыслу Божию приехала в Москву, была у меня на днях, благодарила за книгу и сказала: письма о. Макария подействовали на меня сильно, внушили мне чувство веры, которое я имела в юности; теперь я всё, всё бросила из заразы новой философии безбожной, не только с радостью верую слову Божию и всему объясненному в письмах о.

Макария, но даже, никогда не употребляя постной пищи в пост, я теперь ее употребляю, и мне во всем внутренне спокойнее. Дочери её стало лучше; видя г-жу Кученеву в этом преображении устройства внутреннего, не могу иначе сказать и чувствовать, как то, что этот случай есть чудо милосердия Божия. Слава Его великой милости!

Простите, что отнимаю время Ваше дорогое на чтение длинного моего письма, но не могу не разделить с Вами радости духовной.

Грустная весть о скоропостижной кончине Преосвященного Леонида многих поразила и огорчила; в Москве получена она депешою в день его кончины 15-го декабря, а 16-го уже напечатана была в Москов. Ведомостях. Вот человеческие мечты и уверенность возвратиться митрополитом в Москву! Жаль Преосвященного! Да упокоит Господь душу его в месте светле!»

23-го ч. получено было мною два письма из Владимира от Преосвященного Иакова и из Москвы от Преосвящ. Игнатия.

Преосвящ. Иаков писал мне от 18-го числа:

«С грядущими праздниками Рождества Христова и нового года имею честь поздравить.

Мне приходится продолжать с Вами, Владыка, скорбную летопись: 14-го ч. вечером в 7 1/4 ч. скончался, после тяжелой болезни, о. Прот. Ф. М. Надеждин⁶⁶², а на другой день внезапно умер Преосвящ. Ярославский. Кончина Преосвящ. Леонида поразила нас. Нам казалось, что возвратится в Москву митрополитом, а Господь взял его в обитель, где общий наш благодетель и отец владыка Филарет. Что это значит, писал ко мне секр. Моск. конс. Н. П. Розанов⁶⁶³ после отъезда М. Иннокентия в СПб.: одного проводили, другого владыку встретили? Вопрос скоро разрешился самым обыкновенным образом... Пр. Леонид приезжал проститься с Москвой и благословиться у Московских Святителей в путь загробный... Преосв. Леониду не исполнилось ещё 60; надо бы пожить и показать на практике плоды архипастырской самостоятельной деятельности, чего мы вправе были ожидать от ученика великих учителей. Непостижимы судьбы Божии!

О. Надеждина вчера отпели мы со Владыкой⁶⁶⁴ и похоронили с правой стороны собора, налево по выходе из южных дверей. На отпевании были два архимандрита, 5 протоиереев, 28 иереев и 1 иеромонах. О. Ректор⁶⁶⁵ во время причастного сказал что-то нам неизвестное, говорил тихо и владыке сочинение не показывал, затем перед отпеванием сказал прощальную речь о. Херасков⁶⁶⁶ и после разрешит. молитвы ещё сказана была тепленькая речь свящ. Д. Миловским⁶⁶⁷. Эти отцы хвалили деликатность и доброту усопшего, чем он действительно отличался.

Его место займет о. Прот. Жудро».

От 19-го ч. писал мне Преосв. Игнатий:

«Получив телеграфическое известие о преставлении Высокопреосвящ. Леонида, я тотчас позаботился сообщить Вашему Преосвященству скорбную весть через Петровского Игумена Иосифа. Теперь из моих рукоположителей остался только один святитель Харьковский⁶⁶⁸, которому премного благодарен за присланные брошюры и статьи.

Кончина Ярославского Владыки была мирная и, можно сказать, блаженная. Почувствовав во время ранней литургии в Бабаевском монастыре спазмы в груди, поспешил в келию и чрез 50 минут отыде ко Господу, успев принять таинства покаяния и причащения. По причащении едва только по чину церковному вкусил антидора и теплоты, как все кончилось. По причащении громко и с чувством произнес: «Слава Тебе Боже... Тебе Боже», и прочитал прежде «Верую Господи»... Заметили, что за обедней молился с особенным чувством. Предшествующий день – утром обозревал сельские церкви своей епархии, возвратился к обеду в Бабаевский монастырь; очень был оживлен, весел и до полночи беседовал с настоятелем⁶⁶⁹ и генералом Брянчаниновым⁶⁷⁰, братом покойного Преосвящ. Игнатия⁶⁷¹, потом долго стоял на молитве, и всю ночь не мог уснуть. На меня известие неожиданное произвело сильное впечатление. В последние годы Московской жизни я всегда дивился его крепости и здоровью адамантову; так много он выносил и не было заметно утомления. 30-го Ноября я провел вместе с ним все утро – после ранней

литургии в Чудове в прежнем Вашем помещении у архим. Иосифа⁶⁷², Синодального Ризничего. Здесь он смотрел принесенные саккосы древние из ризницы, возлагал на себя, а художник списывал для иконописания во храме Христа Спасителя. И думал ли я, что вижу его в последний раз? По приезде в Москву он очень скоро посетил меня, а перед отъездом в Ярославль в Июне привез мне панагию Пр. Сергия на память! Господь да помянет его во царствии Своем!

Предлагал я ему несколько раз служить в Чудове (26 Ноября), или даже в воскресенье в Богоявленском; но он не решился, а только в Чудове приобщился Св. Таин.

Приходит на мысль, что Московский Святитель Филарет постепенно и часто призывает к себе в вечность присных своих: Сушков, Муравьев, Александр Васильевич Горский, Муханов (брат Мухановых, Вам известных), которого я отпевал 29 ноября (без служения впрочем литургии), Леонид Архиепископ и другие... Теперь, может быть, очередь за мною.

Перенесение тела почившего в Бозе Архиепископа в Ярославль назначено сегодня в неделю пред Рождеством Христовым, а завтра, 20-го дня, – отпевание в Ярославском соборе и там же погребение тела, где положены другие иерархи Ярославские.

Для священнодействия в Ярославле назначен Преосвященный Геннадий, Епископ Костромской⁶⁷³».

24-го ч. получено было мною письмо из Москвы от Высокопетровского казначея, игумена Иосифа, который писал мне от 21-го числа:

«19-го сего Декабря получено мною Ваше письмо, на которое спешу ответить Вашему Преосвященству.

О покойном Высокопреосвященнейшем Леониде; могу сказать Вам только то, что совершенно знаю. Во время пребывания в Москве он был очень скупен, так что его таковым никогда не видали. Литургии, хотя и предлагали ему, нигде не служил. Приехал в Москву 23-го Ноября, в самый тот день, когда Владыка⁶⁷⁴ отправлялся в Петербург, успел только проводить его. По возвращении в Ярославль, вскоре отправился по епархии в самое холодное время; обзорева

оную, к ночи всегда возвращался в Бабаевский монастырь. Накануне пред кончиною он ночь проводил дурно, жалуясь на спазмы; между тем, 15-го Декабря раннюю литургию выслушал, по окончании оной с лестницы не мог сойти в келию, – уже привели его. О. Архимандрит Иустин⁶⁷⁵ предложил ему, не нужно ли послать за доктором. Лучше пошлите за духовником, сказал Преосвященный. Исполнив эту христианскую обязанность, приобщился Св. Таин, запил теплотою, произнес слова: «Слава Тебе, Христе Спасителю мой», и тотчас же скончался. Погребение сегодня 21 ч. декабря совершается в Ярославле».

23-го ч. писал мне из Ярославля Профессор Демидовского Лицея, Протоиерей А. П. Лавров:

«Пред великим праздником Богу угодно было посетить нашу Ярославскую паству великим лишением. Я разумею кончину нашего Высокопреосвященнейшего Леонида.

Так как Ваше Преосвященство принадлежали к числу слушателей его и имели к нему уважение, я считаю долгом известить Вас об этом печальном событии.

Кончину нашего Владыки приписывают разрыву сердца. Припадки этой болезни случались с ним и прежде. Бывши у него по делам своей службы 11-го декабря, я слышал от него самого, что накануне этого дня, во время сна, он вдруг почувствовал необыкновенное биение сердца и сильную боль в голове. Ещё тогда, по его словам, он мог бы кончить жизнь, если бы Сам Бог не спас его от этого, при помощи врача. Не смотря на то, он выразил мне свое намерение докончить обозрение епархии, чтобы в отчете за этот год Св. Синоду поместить вместе и об этом. Заметив необыкновенную бледность его лица и крайнюю холодность его благословляющей руки, которою он, обыкновенно, жал мою руку после благословения, я осмелился выразить Владыке свой совет отложить поездку по епархии до Февраля или Марта будущего года, когда можно ожидать более теплой погоды. Но он остался непреклонным. И прежде отправления по епархии решился съездить в Николо-Бабаевский монастырь, находящийся в Костромской губернии, близ границы нашей епархии, чтобы помолиться Богу, согласно

с своим обещанием. Но, на другой день по приезде туда, с ним повторился припадок его болезни в усиленной степени. И он не мог перенести этого повторения, тем более, что, за неимением доктора, некому было подать ему помощи. Погребение Владыки совершено было 21-го числа, по предписанию Св. Синода, Викарием Костромской Епархии, Епископом Кинешемским Геннадием. Тело почившего положено в нашем Кафедральном соборе. Мне Бог привел почтить моего Владыку кратким поучением, произнесенным накануне погребения его, во время всенощного бдения. Более подробное описание этого печального для нашей паствы события, равно кончины и кратковременной деятельности нашего Архипастыря, будет помещено в наших Епархиальных Ведомостях»⁶⁷⁶.

От 24-го ч. писал мне из Белгорода, Курской губ., состоящий в числе братства тамошнего монастыря, бывший Архимандрит Полоцкого Богоявленского монастыря Григорий.

«...Положение мое нисколько по настоящее время не изменилось к лучшему. В Июле месяце Преосвященнейший Сергей⁶⁷⁷ входил с представлением в Св. Синод о назначении мне настоятельского места. Но Св. Синод, как видно из указа в августе месяце последовавшего, признав ходатайство Его Преосвященства рановременным, оставил оное без последствий. Спустя некоторое время родной брат моего зятя, служащий Обер-Секретарем в Правительствующем Сенате, был у Высокопреосвящ. Митрополита⁶⁷⁸ с просьбою об улучшении моего положения. На это Митрополит, между прочим, сказал: «Вам лучше, чем кому-нибудь другому должно быть известно, что авторитет верховного судилища должен быть уважаем. По указу Св. Синода Ваш родственник отправлен в Белгородский монастырь не для наказания, а для наставления. Пройдет время испытания, и Ваш родственник будет возвращен к прежним своим настоятельским правам». – Когда же будет конец моему терпению и что делать, не придумаю. Просить опять ходатайства Его Преосвященства не смею, самому же обратиться с прошением нет смелости. Вот положение!

Чего не передумал я в течении годичного моего испытания. Боже мой!»

29-го ч. получено было мною два письма – одно из Вильны, другое из Москвы.

Из Вильны писал мне от 24-го ч. попечитель учебного округа Н. А. Сергиевский:

«Спешу предстать пред Вашим Преосвященством с сердечным приветствием в виду наступающего праздника Рождества Христова и с таким же сердечным желанием Вам, глубокоуважаемый Владыко, доброго здоровья и крепости сил, равно как радости труда, всегда плодотворного для святой церкви.

Глубоко благодарен Вашему Преосвященству за память о мне, в день 6-го декабря. День этот и в сем году пришлось мне провести в Петербурге по делам.

Вчера я возвратился из Витебска. Там с особенной живостию чувства вспоминал я о Вашем Преосвященстве. И многие благодарно помнят о Вас.

Жизнь моя идет по-прежнему: много труда, много хлопот, много неприятностей. Среди них изредка проглядывает и радость – мое солнышко, оно-то живет и греет труженика. Без радости труд тяжел бы был сей последний.

Поездка за границу принесла много пользы моему здоровью. Я как будто переродился после того морского леченья, которое пришлось мне выдержать в Виши.

Полагаю предел моему слову, да не обременит оно Ваше Преосвященство. Прибавлю только одну просьбу: не забывают меня глубоко чтущего Вас и по родному преданного Вам».

На письмо это я отвечал в следующих выражениях:

«Простите, что несколько замедлил ответом на Ваш любезнейший привет. Примите взаимно и мое искреннейшее, душевное поздравление с наступившим новолетием. Сердечно желаю Вам и вашему семейству в новом лете, сколько можно, меньше мрачных, пасмурных дней и, сколько можно, больше дней ясных, светлых, радостных, наипаче же желаю Вам от Творца времен и лет мира, здоровья и душевного спокойствия.

Весьма отрадно слышать, что Ваша поездка за границу не осталась для Вас бесплодною; но желательно, чтоб Ваши поездки за пределы земли русской не повторялись более. А

если Вам и понадобится подышать чистым воздухом и попользоваться какими-нибудь водами, минеральными или морскими, извольте отправляться на Кавказ или в Крым, а по пути заезжайте в Харьков, где Вас встретят с распростертыми дружескими объятиями.

Вы пишете, что вспомнили о мне в Витебске, а я разве забывал Вас хоть на один день в Харькове? У меня в двух комнатах на окнах стоят Ваши портреты, и я каждый день по несколько раз на них взираю и о Вас воспоминаю. Тем более воспоминаю о Вас, что здесь, до сих пор, среди многого множества людей, я не обрел ещё человека по сердцу, с кем бы мог так сердечно беседовать, как беседовал некогда с Вами.

В Вашем, дорогом для меня письме, простите, не понравилась мне одна фраза: полагаю предел моему слову, да не обременит оно и пр. Желал бы я, чтобы впредь таких, неприятных для меня, фраз в Ваших посланиях не было и чтобы Вы не слишком скоро полагали предел Вашей дружеской со мною беседе, которая меня никогда не обременяла и не обременит».

Из Москвы писал мне от 26-го ч. преосвящ. Игнатий:

«Усердно благодарю за письмо от 19-го числа, полученное мною в самый праздник Рождества Христова после обедни.

И меня сильно потрясла весть о Преосв. Леониде. Я писал Вам об обстоятельствах его кончины, но не знаю, и не помню, всё ли тогда написал.

Преосвящ. Леонид в зимнее время успел объехать почти всю епархию; незадолго до его кончины Секретарь Консистории писал Андрон. Архимандриту, что всех их удивляет Владыка, который в лютые морозы в открытых санях ездит по епархии и уже в Бабаевский монастырь поехал в санях открытых. Бабаев монастырь очень близко от Ярославля, а от церквей епархии Ярославской ещё ближе.

В Августе он очень простудился в Толгском монастыре, и когда, после, по возвращении в Ярославль, был приглашен доктор, не смотря на нежелание Владыки видеть его, то доктор сказал, что если бы двумя часами его позднее пригласили, исход мог бы быть смертельным. Недавно Преосвященный

жаловался в Ярославле на сильный угар, но, по отзывам других, это был не угар, а легкий нервный удар. Накануне смерти он был очень доволен и весел и, окончив обозрение своих церквей, прилегающих к монастырю Бабаевскому, хотел домой возвратиться, но был удержан Архимандритом, который заметил его усталость.

Для меня знаменательно и поразительно следующее. Владыка Леонид всегда с особым благоговением приступал к св. причащению, и всегда сильно желал приступить к сему таинству пред смертью, – и Бог даровал ему сие утешение. Не прошло минуты после причащения, – и он преставился. Между нами сказать: перемещение в Ярославль ему не совсем было по сердцу, так к Москве он привык. Я не мог быть на его погребении, потому что нельзя было Москву оставить».

30-го ч. писал мне из Витебска кафедральный протоиерей В. Покровский:

«Икона Иверской Божией Матери, привезенная 13-го Июня сего года из Москвы и предназначавшаяся для часовни, действительно помещена в киоте, за левым клиросом, но побуждением к этому было то, что, с прибытием сей св. иконы, учреждено по субботам чтение акафиста Божией Матери и, по окончании всенощной, под воскресные и праздничные дни, пение молитвы «Под Твою милость». Всё это было бы немыслимо выполнить, ежели бы икона была помещена в часовне, особенно в зимнее время. Образ же Владимирской Божией Матери предположено Его Преосвященством поставить в часовне. Для сей цели заказан уже большой, соразмерно всей величине стены, киот, в котором, посреди, будет находиться означенная икона с надписью на бронзовой доске, что она – благословение Полоцкой пастве приснопамятного Митрополита Филарета, а по сторонам, в особых отделениях того же киота, иконы свв. мучеников: Смарагда, Исидора, Викторина и преподобных Василия Парийского и Саввы Вишерского и т. д. Последняя из этих икон та самая, которою Вы, незабвенный Архипастырь наш, благословили паству полоцкую, при последней разлуке с нею, а прочие все пишутся в Петербурге. Вот истинные причины такого распоряжения! Насколько оно

неудачно, судите сами, Преосвященнейший Архипастырь и Отец».

31-го ч., в последний день года, писал мне из Динабурга искренно преданный мне протоиерей Влад. Щербов:

«От всего сердца и души, полных к Вам святою любовью и благоговением, поздравляю Ваше Преосвященство с новым годом.

Да хранит и да благословляет Вас Господь в грядущее новолетие и многие, многие будущие годы!

Самое дорогое, светлое и отрадное воспоминание оставили Вы нам о себе, нашем незабвенном Святителе и Отце. Имя Ваше никогда не изгладится из сердца и памяти православных г. Динабурга.

Православное духовенство и моя паства смиреннейше приветствуют Ваше Преосвященство с наступающим новым годом! Все мы усерднейше и покорнейше просим помолиться о нас и благословить нас.

Тяжело и горестно жить вдали от Вас – моего Святителя и Отца; Бог знает, что будет с нами в грядущее лето, что оно сулит нам и что ждет нас? Одна надежда на Всеблаготворителя, Отца щедрот, любви и всякия утехы. Да будет же над нами Его святая воля!»

1877 г.

Наступивший 1877-й год был для меня, можно сказать, продолжением предшествовавшего: начались те же труды и занятия, какие были прежде; продолжались те же отношения к ближним и дальним моим друзьям и приятелям, повторялись такие же или подобные прежним скорби и радости.

День нового года ознаменован был обычным церковным богослужением, обычными приветствиями и поздравлениями – личными и письменными. – Так письменно приветствовал меня, за болезнью, Управляющий Харьковской Таможней, С. Г. Соболев⁶⁷⁹, человек мне искренно преданный.

В тот же день получено было мною поздравительное письмо из Динабурга от Законоучителя Реального училища, священника Е. Н. Соловьева⁶⁸⁰. Он писал мне от 28 декабря минувшего 1876-го года:

«С искренней радостью приветствую Ваше Преосвященство с наступающим новым годом! Желаю Вам от Господа здоровья, долголетия и всяких радостей.

Год прошедший был годом большой потери для меня: я лишился дорогого родственника, Высокопреосвящ. Агафангела.

Владыка Агафангел горько плакал пред смертью, со всеми прощался, вздыхал о родине и умер смертью праведника; два раза причастился Св. Таин и оособоровался маслом.

Перед смертью дня за три, или четыре, Высокопреосвященный просил переложить его с кровати на комнатную тележку, и его перевезли из спальни в залу, и он долго любовался красным весенним солнцем вздыхая и плача, расставаясь с миром. Но это была уже последняя дань его природе и людям. Засим он не плакал более: укрепился в мысли о смерти и великодушно дожидался её.

Желаю собрать материалы для составления полной биографии Высокопреосвященного, чтобы издать впоследствии. Надобно будет посмотреть в его ящиках, не осталось ли после него рукописей; но ящики его (5-ть) и вещи находятся ещё в Житомире в соедин. Палате. Ящики упакованы ещё при его

жизни и назначены были словесно в наш погост, но теперь, конечно, не пойдут к нам».

10-го ч. получил я письмо из Москвы от А. Е. Викторова. От 6-го числа он писал мне:

«На праздниках я был в Орле, где, не смотря на краткое пребывание, я виделся с Преосв. Макарием, которого убеждал ехать в Архангельск⁶⁸¹, пленяя его множеством ожидающего его там археологического материала; но он всё стоял на том, что не поедет, а будет проситься на покой в Мценский монастырь.

О причине катастрофы с Преосвященным я, конечно, не решился его спрашивать. Но по слухам, которые ходят в Орле и в Москве, причиной её следующая история: в каком-то обществе, переполненном поляками, он был на обеде, и после обеда эти благодетели подняли Преосвященного, что называется, на ура и начали качать. Затем, они же, без сомнения, сказали об этом жандармскому полковнику, а тот донес в Петербург.

Очень рад, если Вы заинтересовались моей работой в Вестнике. Как члену общества и вместе правления, мне нужно было во что бы то ни стало дать что-нибудь в журнал. Вот я и пустился в историю ризницы, и эта работа действительно потребовала большой возни. Очень Вам благодарен за разъяснение истории старшей описи, и во всяком случае очень хорошо, что она попала на свое место. Я подбиваю всё Потемкина⁶⁸², чтобы все документы, касающиеся ризницы, из Арх. Оруж. Палаты, из Арх. Мин. Юстиции и из других архивов вытребовать в Синод. библиотеку; но пока тот ничего не сделал по этому вопросу.

Я теперь занят приготовлением к печати каталога рукописей Савостьянова⁶⁸³, как Слав., так и Греч., и покойного Профессора Беляева⁶⁸⁴. Когда напечатаю, не замедлю прислать к Вам. Но ещё прежде надеюсь прислать первый выпуск (24 1/2 печ. л.) каталога Архива Оружейной Палаты⁶⁸⁵. В первой половине декабря я нарочно ездил в Петербург, чтобы подвинуть это дело.

Душевно желаю Вам быть здоровым и прошу Вашего благословения».

11-го ч. писал я в Новочеркасск преосвященному Никанору, Епископу Аксайскому, получившему назначение на Уфимскую кафедру:

«С особенным удовольствием спешу приветствовать Вас с новым годом и новым назначением. Время уже Вам вступить на поприще самостоятельной деятельности. При Ваших талантах и под руководством такого опытного Архипастыря, как высокопреосв. Платон, Вы, без сомнения, достаточно созрели для такой деятельности. Да дарует же Вам Великий Пастыреначальник Господь Иисус Христос благополучно вступить на новое поприще служения и благоплодно совершить оное ко благу вверенной Вам Уфимской паствы.

Если бы Вашему Преосвященству путь к месту нового служения лежал через Харьков, я душевно был бы рад видеть Вас у себя и побеседовать с Вами. Воспомянули бы тогда и Витебскую старину.

С братскою о Христе любовью имею честь быть»...

Преосвященный не замедлил ответить на мой привет.

Он писал мне от 18-го числа ещё из Новочеркасска: «Приношу Вам, Милостивейший Отец, благодарение за отеческий привет с новым моим назначением. Преклоняя мою голову, прошу Вас, осените Вашей Святительской молитвою и Вашим отеческим благословением новый путь моей жизни и путника, не твердыми шагами, но предуставленными свыше стезями, шествующего к отечеству горнему.

Увы! путь мой лежит не на Харьков, а на Воронеж, Самару и Оренбург. Раз я совсем уже было навесился сесть в вагон и ехать на личное поклонение Вашему Преосвященству; оставалось получить только последнее разрешительное слово. Сверх чаяния, слово это сказалось смутно, и, по мнительности своей, я остался и лишился чести засвидетельствовать Вашему Преосвященству мои почтительные чувства лично.

Благоволите, Ваше Преосвященство, принять заочно мои уверения в чувстве моего всегдашнего глубокого почитания и признательного воспоминания»⁶⁸⁶.

12-го ч. дано было мною Консистории предписание следующего содержания:

«Нам сделалось известным, что во многих приходах вверенной нам епархии, в день Крещения Господня, для освящения воды в реках и источниках, есть обычай делать на льду изображение Креста Господня, которое затем оставляется, конечно, неизглаженным и следовательно может подвергаться попираню от людей и от животных.

Такой обычай противен правилам Вселенских соборов. В 73 прав. VI Вселенского Собора изображено следующее: «Поелику Животворящий Крест явил нам спасение, то подобает нам всякое тщание употреблять, да будет воздаваема подобающая честь тому, чрез что мы спасены от древнего грехопадения. Посему и мыслию, и словом, и чувством поклонение ему принося, повелеваем: изображения Креста, начертываемые некоторыми на земли, совсем изглаждати, дабы знамение победы нашея не было оскорбляемо попиранием ходящих. Итак отныне начертывающих на земли изображение Креста повелеваем отлучати».

Имея в виду сие правило Вселенского Собора, предлагаю Консistorии рассудить, следует ли допускать на будущее время существование помянутого выше обычая, и если не следует, то какие принять меры к прекращению оно́го».

Но предложение это оставлено было, кажется, без последствий, и Консistorия не придумала никаких мер к прекращению антиканонического обычая.

13-го ч. писал я в СПб. Главному Священнику армии и флота Протоиерею Петру Евдокимовичу Покровскому⁶⁸⁷:

«Приношу Вашему Высокопреподобию мое душевное поздравление с новым годом и пожелание Вам на новое лето жизни мира, здоровья и благопоспешения от Господа в Вашем многотрудном служении.

Затем позвольте изъяснить Вам мою усерднейшую просьбу.

Один из преданных мне протоиереев моей прежней Полоцкой паствы обратился ко мне со слезною просьбою и умоляет меня исходатайствовать пред Вашим Высокопреподобием о зачислении его кандидатом на настоятельское место при каком-либо из военных крепостных соборов, и, если бы можно было, при Динабургском.

Побуждением к этому служит для него с одной стороны его необеспеченность при многочисленном семействе и трудность воспитания и образования детей, а с другой – более значительная, чем на епархиальной службе, пенсия.

Протоиерей этот – настоятель Витебского градского Успенского собора и член Консистории Василий Волков. Человек он средних лет (ок. 50), даровитый, из лучших студентов Черниговской Семинарии, энергический, трезвый и в высшей степени исполнительный. С успехом может исполнять всякие начальственные поручения.

Он при мне был градским благочинным, а теперь, по новому распоряжению Св. Синода, он, состоя Членом Консистории, должен был оставить эту должность.

Если бы Вашему Высокопреподобию благоугодно было принять под свое покровительство рекомендованного мною Протоиерея о. Волкова, то я надеюсь, что он оправдает пред Вами мою рекомендацию.

Могу ли я ожидать исполнения моей покорнейшей просьбы?

В ожидании от Вас благосклонного ответа, имею честь быть»...

На это отвечал мне о. Протоиерей от 19-го числа:

«Усерднейше благодарю Вас за выраженные мне благожелания, исполнение коих признаю для себя лучшим благом.

К сожалению, при всей своей готовности, Вашей просьбы решительно исполнить не могу.

При Динабургском соборе состоит на лицо заслуженный Протоиерей Дорошкевич, который никогда не выражал мне желания или перейти на другое место, или выйти в заштат, – след. место это не праздно.

Но если бы оно было и праздно, то и тогда я не мог бы определить на оное рекомендуемого Вами Протоиерея. Сему препятствует Высочайшее повеление, которое гласит так: «1-го Марта 1852 г. К местным военным соборам и церквам всегда определять заслуженных полковых священников». Посему я могу принимать и принимаю из епархий священников только для полков, и таких кандидатов записано у меня более

тридцати человек, и иным приходится ждать два–три года. Ныне для полевых госпиталей в шести военных округах, в случае войны, требуются 84 свящ. и 84 причетника; Св. Синод назначает для сего иеромонахов.

Благодарю Вас за посещение меня в Питере, куда я так не к месту попал, и где уже прожил пять лет, а что далее, да будет воля Божия!»

13-го же ч. писал я в Москву преосвящ. Игнатию:

«Благодарю Вас усердно за доставление мне послужного списка почившего Архипастыря Ярославского⁶⁸⁸. Я начал писать мои воспоминания о нем, и много уже написал. Нечто из этого со временем, может быть, и напечатаю⁶⁸⁹.

Меня удивляет молчание А. В. Краснопевкова⁶⁹⁰. Здравствует ли он? Или он слишком сильно огорчен кончиною своего дорогого брата? Или чрезмерно занят делами службы?

А что приключилось с Вашим почтенным собратом Преосв. Никодимом? Чем он болен, и прекратилась ли его болезнь? Понимаю, что Ваше положение, при таких обстоятельствах, не весьма легкое.

Вы пишете, что в 1882 г. исполнится 26-го декабря сто лет со времени рождения приснопамятного Московского Владыки. А готовит ли Москва к этому дню полную биографию великого святителя? По крайней мере, будут ли к этому времени изданы все его сочинения? Скоро ли выйдет 3-й том его проповедей⁶⁹¹?

Правда ли, что печатаются его письма к Лаврскому о. Наместнику? Кто их редактирует и скоро ли они выйдут из типографии»⁶⁹²?

17-го ч. писал я в Витебск начальнице духовного училища, Баронессе М. А. Боде:

«Позвольте принести Вам и вашим родным со всеми вашими домочадцами взаимное искреннее поздравление с наступившим новым годом. Да дарует Вам всем Всеблагий Отец небесный на новое лето жизни все, потребное к животу и благочестию!

Праздник и новый год встретил я под грустными впечатлениями вследствие внезапной кончины моего доброго друга и брата Преосв. Леонида. Вам известны мои к нему

отношения. Вы знаете также отчасти, какая искренняя и интересная велась между нами переписка. – После его кончины, совершив о нем молитвенное поминовение, я тотчас начал перечитывать его дружеские письма, коих сохранилось у меня с 1850 г. более 200. При этом у меня родилась мысль составить, на основании этих писем, биографическую статью о моем почившем друге. Приступил я немедленно к делу, но вместо статьи выходит целая книга. Начавши писать с 20-го декабря, я до сих пор написал уже 40 листов, а впереди ещё столько же. Статья выходит очень интересная не только для меня, но и для посторонних лиц, коим я даю её читать.

Но признаться ли Вам (впрочем пока между нами), чем я ещё начал заниматься с Июля минувшего года? Составлением мемуаров, о которых у нас с Вами не раз была речь. Я начал с эпохи пребывания моего на Полоцкой кафедре, как наиболее для меня памятной во многих отношениях. Написал уже листов 60-т, но не выступил ещё из пределов первого полугодия моей там жизни: так много сохраняется у меня в памяти и в письменных документах разного рода фактов!

Из этого Вы можете заключить, что в Харькове у меня более свободного для свободных занятий времени, чем бывало в Витебске, где всё почти мое время поглощалось отписками по разным ябедам и доносам. Да, здесь, по милости Божией, я чувствую себя гораздо спокойнее, чем в Витебске.

Не могу и я не разделить Вашей радости о предстоящей счастливой судьбе Вашей питомицы Пульхерии (по отчеству забыл). Когда она будет графиней, поздравьте её от меня и пожелайте, чтоб эта птичка производила таких же хороших и добрых пташек, какова она сама».

18-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвящ. Игнатия, в ответ на мое письмо от 13-го числа:

«За письмо Вашего Преосвященства, полученное мною вчера перед всенощною, усердно благодарю и поспешаю ответом.

Прошу извинения, что не вдруг прислал послужной список Владыки Ярославского. На Саввинском подворье не оказалось; в Консistorии не вдруг отыскали.

А. В. Краснопевков слишком огорчен смертью возлюбленного старейшего своего брата. В день Рождества Христова на Саввинском подворье Преосвящ. Никодим причащал его за литургией Св. Таин. На 20-й день он ездил в Ярославль. Денег осталось после покойного¹ р. 75 коп. серебром. Много хлопот у него по наследству.

У Преосвящ. Никодима приливы крови к голове, или отливы от головы. Устает очень и временем боится, как бы не упасть от головокружения. Впрочем, теперь лучше; вкушает сон; даже в воскресенье, в день Св. Филиппа Митрополита⁶⁹³, отслужил у меня в новоосвященной верхней Богоявленской церкви с удовольствием и не особенно устал. Но в соборе ещё опасается служить. Замечательно, что он чувствовал головокружение в одно время, именно, во время ектении: вся святая помянувшие..., когда с ним случилось в первый раз. Иногда даже заставляет иподиаконов поддерживать себя. Выезжать ему предписано вместо лекарства».

19-го ч. дано было мною Консistorии следующее предложение:

«По правилам церковным и по общепринятому в православных монастырях обычаю монашествующие должны исповедаться у священнослужителей монашеского звания; исключения допускаются только в случае крайности.

Между тем известно, что в женских монастырях вверенной нам епархии – Вознесенском, Хорошеве и Верхо-Харьковском Николаевском обязанности у монашествующих исполняют, вопреки церковным правилам, местные мирские священники.

Отныне это должно быть прекращено. Должность духовника для монашествующих лиц Хорошева и Николаевского монастырей возлагается на иеромонаха нашего архиерейского дома Даниила⁶⁹⁴ – старца честного и благонравного.

Консistorия сделает по сему должные распоряжения».

20-го ч. писал я в Витебск начальнице Гимназии А. П. Ушаковой:

«Примите и от меня хотя несколько запоздалое, тем не менее усердное поздравление с новым годом.

Спрашиваете, как я встретил и проводил праздники? Не очень весело по случаю внезапной кончины моего доброго друга и брата Преосв. Леонида. Весть о его кончине застала меня совершенно врасплох. Я писал ему 7 дек. и ожидал от него ответа, но вместо ответа получаю утром 16-го числа телеграмму с роковою вестью о его внезапной смерти. Нет, я всегда говорил, что служба и жизнь в провинции не для Преосв. Леонида, при его аристократических привычках. Он и сам был недоволен своим назначением, не смотря на высокий чин, каким хотели его обольстить. Он писал мне, между прочим, в первом письме по получении нового назначения: «помню слова ваши, что в провинции и полгода не просидеть мне благополучно, и становится мне страшно. В мои годы, при моих силах, можно продолжать, но не начинать новое дело». И вот мои слова, к великому прискорбию моему, оказались зловещими для моего друга».

22-го числа получено мною письмо от младшей сестры почившего в Бозе преосвящ. Ярославского архиепископа Леонида Татианы Васильевны Краснопевковой; она писала мне от 18-го числа:

«Не смею и благодарить Вас за скорбь, выраженную Вами в письме к нам, зная Вашу искреннюю любовь и сердечное расположение к нашему незабвенному Владыке.

Вы спрашиваете, как это случилось? Из газет Вы, конечно, знаете все подробности его кончины. Главной причиной расстройства его здоровья был, конечно, перевод его из Москвы в Ярославль. Последнее прощание с Москвой глубоко потрясло его и оставило тяжелые следы, тем более, что он старался казаться спокойным, затаив грусть внутри себя. По приезде в Ярославль, он нашел страшные беспорядки в разных частях управления и особенно в монастырях, которые он так любил.

Вы знаете, какой он был ревностный подвижник. При каждом повышении он возлагал на себя новые подвиги. Как пастырь он спешил работать для паствы, трудясь день и ночь, и всё ещё ему казалось, что он не довольно делает.

В последнем письме он говорил, что получил от Вас письмо, где Вы сообщаете ему, что составляете записки своей

жизни и приглашаете его заняться тем же. «Но когда же мне» замечает он на это. И действительно, забота о пастве и молитва не оставляли ему свободного времени. За то и внезапная кончина не застала его неприготовленным; последние слова его были: «слава Тебе Боже, слава Тебе Боже!» Последнее действие – принятие Св. Таин, после чего он закрыл глаза и смолк на веки. Но его жизнь, его дела будут вечно, красноречиво говорить о нем; его оплакивают монах и мирянин, вельможа и простолюдин, старый и малый; для каждого он был свой, близкий; каждый лишился в нем искреннего друга, готового помочь словом и делом, разделить радость и горе. Кратко было его пребывание в Ярославле; но он оставил о себе доброй памяти больше, нежели те, которые жили там десятки лет.

Немного было людей, которых покойный Владыка любил столько, сколько он любил Вас; и поэтому Ваша память будет особенно дорога для нас».

Вслед за сестрою писал мне от 20-го числа и брат её Александр Васильевич Краснопевков:

«Письмо Вашего Преосвященства, пришедши ко мне в дни великой скорби нашей, утешило глубоко скорбящее мое сердце, как выражение сочувствия человека, которого покойный любил со всею силою своей благородной души. В эти дни отрадно мне было вспоминать об этой связи, основанной не на хилых основаниях, которые дает мир, а на основаниях глубоко духовных.

Что касается меня, не могу не сказать, что до сих пор я ещё не освоился с мыслию об утрате брата; всё кажется, что он воротится к нам. А между тем во всех событиях, сопровождавших смерть брата, нельзя не видеть дивный промысл Божий, самым наглядным образом проявившийся пред глазами нашими. Хотя с первого взгляда и кажется, что смерть постигла его внезапно, но по всем рассказам о последних месяцах его жизни видно, что он чувствовал её приближение и готовился к чему-то чрезвычайному. Болезнь, начавшаяся в августе и едва тогда же не поразившая его смертельно, стала отзываться сильными припадками в груди, но он хотел победить

болезнь и, как видно, боялся, чтобы лечение не лишило его деятельности, которой он, со времени приезда в Ярославль, предался с полным увлечением. В августе был у него геморроидальный припадок, но от такого ли припадка он умер, сказать нельзя; доктора говорят, что смерть произошла от паралича сердца, а прежняя болезнь и затем ряд припадков спазматических и приток крови к сердцу и легким только подготовили паралич. Как бы то ни было с медицинской точки зрения, но его нет на земле. Призывая почившего к горнему Иерусалиму, Господу угодно было исполнить его пламенное желание – умереть посреди полной деятельности, в пустынножительном монастыре⁶⁹⁵, принявши за три минуты до смерти тело и кровь Христовы, притом умереть у гроба иерарха⁶⁹⁶, который положил начало его монашеской жизни, умереть на дружеских руках его родного брата Петра Александровича Брянчанинова⁶⁹⁷; и положен он посреди своей паствы в древнем соборе Ярославском, близ гробниц святых князей Ярославских, под осенением знамен ратников 1854 года, пред чудотворною иконою Св. Николая. Лучшей минуты для перехода в новый мир, лучшего места для упокоения тела придумать нельзя.

Да сохранит Господь душу его, да утешит молитвами Вашими его новую жизнь, как утешался покойный общением Вашим, исполненным любви и дружбы здесь на земле.

Помолитесь Владыко и за нас, оставшихся здесь до времени и благословите».

От 20-го же числа писал мне из Москвы совоспитанник мой по академии, священник Космодамиановской церкви Михаил Симонович Боголюбский⁶⁹⁸ – один из первых магистров XVI курса (1848 г.). Вот содержание его письма:

«Недавно Преосвященный Игнатий говорил мне, что Вы пожелали узнать, кто пишет Воскресные беседы. Так как целые полтора года беседы о законе Божиим вел я, и все они составляют нечто целое, то я собрал их в одну книжку, которую и осмеливаюсь представить, испрашивая Вашего святительского благословения на трудившегося».

В ответ на это писал я от 29-го числа:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за доставление мне экземпляра Ваших простых, назидательных и весьма обстоятельных поучений о заповедях Закона Божия. Я с душевным удовольствием читал их. Да поможет Вам Господь продолжать в таком же роде и дальнейшие Ваши беседы!»

23-го ч. писал я во Владимир преосвящ. Иакову в ответ на его письмо от 18-го декабря минувшего года:

«Вы благоволили поздравлять меня с грядущими праздниками, а я приветствую Вас с прошедшими. Благополучно ли Вы провели праздники и встретили новый год?

Усерднейше благодарю Вас за доставление мне брошюры о благодетеле моем о. Протоиерее Троепольском⁶⁹⁹.

Доброе дело делаете Вы, что воскрешаете в памяти потомства деятелей, достойных памяти и подражания.

Какие дорогие и приснопамятные для меня имена: Преосвящ. Парфений⁷⁰⁰, мой рукоположитель и благодетель, о.о. прот. Полисадов⁷⁰¹ и Савелов⁷⁰²! Как я много был бы обязан Вашему Преосвященству, если бы Вы благоволили доставить мне о каждом из них брошюры.

Желательно было бы вспомнить Шуйских достопочтенных старцев протоиереев: В. И. Смирнова⁷⁰³, который был при мне смотрителем тамошнего училища, И. А. Субботина⁷⁰⁴ – родителя Н. И. Субботина⁷⁰⁵, бывшего Инспектора того же училища, и в особенности Шуйского соборного протоиерея А. Никитского – прадеда Шуйского прот. Вл. Цветкова⁷⁰⁶, который впрочем едва ли хорошо его помнит. Когда я учился в Шуйском училище, ему было более 80 лет и он был уже в заштате. Он воспитанник Славяно-Греко-Латинской академии и Моск. университета. В 1833 и 34 г. я переписывал для него ревизскую сказку, и он мне говорил, что он окончил первым курс и в академии и в университете. Когда, бывало, он здоров, постоянно видишь его с французским фолиантом отеческих творений в руках – и в кабинете, и в кухне перед обедом; а когда нападет на него злой дух нетрезвости, слышишь голос его в бане, которая была как раз против окон моей квартиры, и куда запирали его впредь до выздоровления. Он пользовался в епархии таким ученым авторитетом, что, когда в 1834 г. послан

был к нам из Семинарии Ревизор, Инспектор Израиль⁷⁰⁷ (впоследствии Еп. Винницкий) – магистр, Преосвящ. Парфений предварил его насчет прот. Никитского и внушил воздавать ему должное уважение, и, как теперь помню, на публичном экзамене, на первом месте сидел старец⁷⁰⁸ – протоиерей, а подле него ревизор».

Из помянутых в письме лиц изложу здесь несколько подробностей о протоиерее Савелове⁷⁰⁹, как о личности наиболее примечательной.

Иоанн Евфимович Савелов родился в 1789 г. По окончании курса во Владимирской Семинарии, он послан был в Сергиево-Лаврскую Семинарию для образования к учительской должности. По выходе отсюда, он определен был в 1809 г. учителем еврейского и немецкого языков во Владимирскую семинарию. 1820 г. Окт. 30 д., оставив службу при Семинарии, Савелов поступил настоятелем к Екатерининскому собору в город Судогду, где и оставался до конца своей жизни. Он скончался 27 декабря 1847 г., на 58 году своей жизни.

В Судогде и её окрестностях о. Савелов оставил незабвенную память о себе, как об отличном проповеднике, бескорыстном пастыре, искусном враче, многосторонне образованном человеке: он был глубокий богослов, математик, живописец, механик, техник и магик.

Из его сочинений, кроме проповедей и поучений, известны: 1) Летописец священно-библейский; 2) Палестинские записки, и 3) Математика. Но все эти сочинения остались после него в рукописях, ненапечатанными.

Им изобретены были две машины: одна служащая к измерению пространства дороги⁷¹⁰, а другая – водоподъемная.

Он занимался писанием планов и фасадов на дома, живописью и гравированием.

В его библиотеке, сгоревшей в 1838 г., была книга древней магии, при помощи которой он делал много разных фокусов. За эти-то фокусы он и прослыл в простом народе чернокнижником, чародеем.

Я лично не знал протоиерея Савелова. Однажды, – это было в августе 1845 г., – мимоездом чрез г. Судогду, я заходил,

по поручению Муромского соборного протоиерея М. Г. Троепольского, в дом о. Савелова, но его, к сожалению, не застал дома.

25-го числа исполнилось *35 лет* со времени моего рукоположения во священнический сан⁷¹¹; в тот же день ежегодно совершается мною память кончины моего родителя. Я расположился совершить в этот день, в своем монастырском храме, божественную литургию, с панихидою пред нею и с благодарственным молебном после оной, для излияния пред Великим Архиереем и Господом благодарных чувств о пройденном мною тридцатипятилетнем поприще служения во священном сане.

В этом личном моем празднестве, совершенно неожиданно для меня, приняло молитвенное участие всё градское духовенство. Узнав накануне о предположенном мною служении, настоятели градских церквей, помимо всяких официальных распоряжений, отслужили в 25-й день ранние литургии с молебном в своих приходских церквях, а к концу поздней литургии, совершаемой мною, собрались в мой монастырский храм и все вышли вместе со мною на молебен. Эта неожиданность удивила и до глубины сердца тронула меня.

По окончании молебна, все участвовавшие в оном пришли в мои покои и здесь приветствовали меня с тридцатипятилетием моей службы в священном сане, причем поднесли мне икону Покрова Пресвятой Богородицы и хлеб-соль, а о. Ректор Семинарии В. Ф. Энеидов прочитал и поднес мне от служащих при Семинарии адрес.

Вот этот адрес:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший
Архипастырь и Отец!

«Ныне исполнилось 35-ть лет служения Вашего Преосвященства, в священном сане, Св. Церкви, Престолу и Отечеству. День знаменательный в жизни Вашего Преосвященства, заключающий собою многознаменательный период Вашего служебного поприща!

В этот очень не короткий период служебной Вашей деятельности, Промысл Божий поставлял Ваше

Преосвященство и воспитателем юного детства и образователем юношества и руководителем более зрелых из сего возраста в высших областях Богословского знания.

Оттого, когда Ваше Преосвященство были призваны на высшие ступени иерархического служения, Вы, умудренные опытом, всюду, где ни поставляла Вас Верховная Власть, оказывали самое благотворное влияние на рассаdники Отчественного Духовного Просвещения.

Добром и молитвою воспомянут Вас, Ваше Преосвященство, в нынешний день эти рассаdники и на берегах Оки, и на берегах Москвы, и на берегах Двины!

Харьковская Духовная Семинария, руководимая Вашим высокопросвещенным умом и теплою Архипастырскою любовью, в полном сознании благотворности этого руководства, принося Вашему Преосвященству искреннейшее и сердечное поздравление с совершившимся, во благо Св. Церкви, 35-летием служения Вашего Преосвященства, усердно молит Жизнодавца-Господа, чтобы настоящий день, заключивший собою 35-летие служения Вашего, был и началом долгого, долгого ряда лет благоплодной Архипастырской деятельности Вашей.

Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшие послушники» (след. подписи служащих в семинарии)⁷¹².

31-го ч. писал я в Москву Александру Васильевичу и Татьяне Васильевне Краснопевковым:

«Как ни велико Ваше лишение, как ни естественна Ваша сердечная скорбь о вечной разлуке с дорогим Вашим братом, но из писем Ваших, хотя и проникнутых глубоким чувством скорби, я примечаю однако же, что христианская блаженная кончина Преосвященнейшего Леонида умеряет Вашу душевную скорбь и примиряет Вас с мыслию о неизбежной с ним разлуке вследствие тех обстоятельств, которые предшествовали его кончине.

Нельзя поистине не ублажать кончины Ярославского архипастыря, но нельзя не скорбеть о пастве, которая так скоро лишилась столь доброго пастыря. По человеческим расчетам и

соображениям, следовало бы ему ещё пожить и потрудиться на пользу вверенной ему паствы, но по премудрым судьбам Верховного Мироправителя, видно, пришло уже время опочить ему от многолетних трудов своих и воспринять за них достойную мзду в селениях небесных.

Впрочем, чтобы память о трудах почившего Делателя в вертограде Христовом не изгладилась скоро в сердцах его читателей, надлежит нам – ближайшим свидетелям его трудов и подвигов запечатлеть в письмени деяния его свыше тридцатилетнего служения Христовой Церкви. Без сомнения, после покойного Вашего братца осталось немало его дневных записок, много интересных писем к нему и от него, и других документов. Хорошо было бы, если бы Вы, любезнейший А. В., привели все эти письменные материалы в порядок и на основании их составили, по возможности, полную биографию почившего Архипастыря.

Со своей стороны, я начал уже писать свои воспоминания о Преосв. Леониде, на основании моих личных наблюдений и письменных с ним сношений. У меня сохранилось более 200 писем моего почившего друга, но жаль, что мои к нему письма далеко не все имеются у меня в черновых списках. Я был бы очень признателен, если бы Вы доставили мне, для прочтения, мои прежние – до 1866 г. письма к Преосвященному, если только они сохранились.

В залог моей молитвенной о Вас памяти и неизменного ко всем вам благорасположения, посылаю вместе с сим священное изображение Чудотворной иконы Б. Матери, именуемой Озерянскою и находящейся в монастыре при моем архиерейском доме.

Мне хотелось бы лично побеседовать с Вами о почившем друге и брате моем; что, если бы Вы, возлюбленный А. В., посетили меня в свободное от служебных занятий время? Как был бы я рад Вам! – Подумайте об этом, и напишите мне.

Между тем, желал бы я знать теперь же, с кем покойный Владыка имел, в последнее время, более тесные дружеские связи, и с кем чаще вел переписку».

1-го февраля писал я в Москву Графине Анне Георгиевне Толстой:

«Позвольте и мне быть в числе приветствующих Вас с днем Вашего ангела и пожелать Вам на новое лето Вашей духовной жизни от Верховного Виновника и Источника всякой жизни мира, здоровья и преуспевания в подвигах благочестия и христианской благотворительности.

В прежнее время, сколько помнится, много, очень много бывало у Вашего Сиятельства в этот день посетителей и поздравителей. Но с течением времени число их, без сомнения, сокращается.

Вот не стало и ещё одного из усердных Ваших поздравителей и почитателей; разумею Преосв. Леонида. Я слышу, что его внезапная кончина немало огорчила Ваше Сиятельство. И неудивительно: покойный за свои высокие нравственные качества всегда пользовался Вашим особенным вниманием и уважением.

Глубокую душевную скорбь испытал и я при нечаянной вести о кончине Преосвященного. Вашему Сиятельству не безызвестно, что между нами, в продолжении 26-ти лет, сохранялась самая искренняя братская дружба. Памятниками этой дружбы служат 200, или даже более, писем ко мне от покойного Ярославского Владыки. По этим письмам и по личным воспоминаниям моим, я составляю теперь биографическую записку о Преосвященном. Может быть эта записка со временем будет напечатана; тогда я долгом поставлю представить экземпляр этой записки Вашему Сиятельству.

А теперь покорнейше прошу принять благосклонно несколько брошюр – моих проповеднических произведений».

В ответ на это почтенная Графиня писала мне от 9-го числа: «Ваше отраднейшее приветствие, вместе с проповедническими трудами Вашего Преосвященства, я имела счастье получить и приношу за оба дара глубочайшую благодарность. Если в словах Вашего Преосвященства я, с душевною признательностью, усматриваю ко мне благорасположение, то в присланных книжках немало

наставлений, утешений и поощрений к добродетельной жизни, доселе мне ещё неизвестной по лености и нерадению моему.

Вот прошел ещё год и наступил другой; Господь долготерпит грехам моим, и могла ли я ожидать, чтобы опередил меня свежий годами и силами Преосвященный Леонид? Как громом поразила меня эта внезапная кончина. За две недели пред тем Владыка Ярославский приезжал в Москву, был два раза у меня, и хотя в последний раз я нашла его мрачным и даже грустным, однако же грозная истина, – так как она сразила нас впоследствии, – не на минуту не возмутила сердечной радости этих двух свиданий. Теперь даже мне не верится и не могу подумать, что Преосвященного Леонида нет больше для меня на свете. Что же должно чувствовать Ваше Преосвященство, потерявши такого друга, при внезапном разрыве тех крепких союзов любви и взаимного доверия, которые так тесно скрепили между Вами 26-летняя привычка и полнейшее единодушие! Преклоняюсь пред Вашим горем, замолчу о себе, но не могу утаить пред Вашим Преосвященством, с каким нетерпением я буду ждать обещанной биографии, которая, написанная рукою друга, будет верна, полна, достойна своего высокого предмета.

Повергая к стопам Вашего Преосвященства мою смиреннейшую любовь и благодарность, прошу прощения, благословения и святых Ваших Архипастырских молитв».

6-го ч., в сыропустное воскресенье, совершал я литургию и молебен в Кафедральном соборе по случаю празднования, в этот день, в честь чудотворной *Ельнинской* иконы Божией Матери, находящейся в соборе и благоговейно чтимой гражданами; а вечерню в тот день слушал в своей монастырской церкви, куда на этот раз ежегодно собирается множество богомольцев, для прощания с архиереем и для принятия от него на подвиги поста архипастырского благословения.

11 ч. – пятница 1-й недели Великого поста. – Оказался в моей монастырской просфорне недостаток просфор для причастников, от чего произошел сильный ропот и негодование говельщиков. Главным виновником этого беспорядка оказался

иеромонах Даниил, которому поручено было наблюдение над просфорнею и который распорядился приготовить к субботе просфор не более 3000, тогда как требовалось более 10.000. В Харькове издавна существует обычай, что каждый причастник покупает просфоры по числу своих родных и знакомых, и в день причащения, вынув из этих просфор на проскомидии заздравные частицы, разносит оные по домам родных и знакомых.

12-го ч. получено было мною письмо⁷¹³ из Киева от профессора Д. академии, протоиерея Александра Михайловича Воскресенского⁷¹⁴ – моего земляка, известного мне с детства по Муромскому училищу. Он писал мне от 7-го числа:

«О. Протоиерей Иоанн Чижевский писал ко мне, чтобы я сообщил Вашему Преосвященству некоторые сведения о слушателе академических лекций Льве Рейхенберге, бывшем жителе г. Харькова.

Считаю особенно приятным для себя долгом уведомить Ваше Преосвященство, что Рейхенберг бывает у меня довольно часто – то за книгами, то за советами и т. п., и я довольно знаком с его жизнью и положением.

Академические лекции посещает он весьма усердно, с таким же усердием изучает и избранные им специальные предметы. Жизнь ведет самую скромную – труженическую. В материальном отношении положение его, сколько я вижу, очень тяжело, и с этой стороны он вполне заслуживает поддержки. Совет Братства Св. Владимира, в виду пособия Рейхенбергу, поручил ему готовить, в братском приюте, ко Св. крещению прозелитов из евреев и евреек, и за это выдает по 10 р. в месяц; но что значат эти десять рублей при найме квартиры, содержании семейства, дороговизне на всё в Киеве и частом хождении с Подола к Софийскому Собору. Тем с большим удовольствием сообщаю Вашему Преосвященству эти сведения, что цель и конец их – христианское св. дело.

Преосвящ. Филарет⁷¹⁵ относился к Рейхенбергу очень внимательно, также относятся к нему и наставники, с которыми ему приходится иметь дело по своим занятиям. Ему особенно желательно скорее принять свящ. сан, но скоро ли он может

достигнуть этого, ничего не могу сказать. Думаю, что ему хоть один экзамен нужно сдать для засвидетельствования о своих занятиях и серьезном ознакомлении с догматами Св. веры. Его сочинение «Свет Израилю»⁷¹⁶, которое он представил Его Высокопреосвященству с прошением напечатать на Лаврский счет, поручено Консistorией рассмотреть мне. Я положил исправить его, где нужно, и одобрить к напечатанию.

Преосвященного Филарета с любовью проводили из Киева 29 янв., а Преосв. Михаила⁷¹⁷ ждем на днях. Теперь Киев без наличных Преосвященных, чего, кажется, никогда не бывало.

Смиреннейшее испрашивая молитв и благословения Вашего Преосвященства для себя и семейства своего, имею счастье, с сыновнею преданностью, быть».

Лев Рейхенберг – это ученый еврей, принявший христианство и, по моему совету, поступивший, для получения высшего богословского образования, в Киевскую духовную академию.

16-го ч. получен был мною в первый раз Отчет о деятельности Императорской Публичной Библиотеки при записке от имени Директора этой Библиотеки Действ. Тайного Советника Ивана Давыдовича Делянова⁷¹⁸, с которым я познакомился в Сентябре 1875 года.

18-го ч. умер в Рязани, на 68 году жизни, известный духовный публицист, или точнее, памфлетист, Д. И. Ростиславов⁷¹⁹ – ярый противник монастырей и монашества.

19-е ч. Торжество Восшествия на престол Государя Императора. В этот день ожидали в Харькове такой же демонстрации, какая произошла в СПб. на Казанской площади 6-го декабря минувшего 1876 года. Об этом предварены были анонимными письмами Командующий войсками Харьковского военного Округа граф Сумароков-Эльстон и другие власти. Однако же, благодарение Господу, ничего особенного не произошло; только из числа рабочих на станции железной дороги взято под арест 9-ть человек, оказавшихся пропагандистами.

В этот день был, по обыкновению, в доме Начальника губернии торжественный обед.

1-го марта скончался в Одессе архиепископ Иоанникий (Горский)⁷²⁰, незадолго перед тем переведенный туда из Варшавы.

4-го числа получил я официальное письмо за № 27 от Председателя Общества испытателей природы при Харьковском Университете, следующего содержания:

«Общество испытателей природы при Императорском Харьковском Университете, осведомившись от своего со-члена А. С. Питра о желании Вашем иметь издания означенного Общества, постановило поднести Вашему Преосвященству напечатанные до сих пор девять томов «Трудов», которые и будут доставлены в самом скорейшем времени».

Вслед за тем, при письме Ректора Университета Ад. Питра от 9-го числа за № 382, препровождены были ко мне девять томов «Трудов» Общества.

Разумеется, за такой дар я почел долгом поблагодарить Общество, и вот что писал я от 17-го ч. за № 34:

«Получив при отношении Г. Ректора Харьковского Университета от 9-го сего Марта за № 382, согласно определению общего собрания означенного Общества, девять томов «Трудов» сего Общества, долгом поставляю принести почтенному Обществу за такой дар мою искреннейшую благодарность и прошу взаимно принять от меня следующие издания – плоды моих прежних археологическо-палеографических трудов: 1) Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) Библиотеки; 2) Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей той же библиотеки, и 3) *Sacristie patriarcale dite synodale de Moscou*».

Помощник настоятеля Харьковской Вознесенской церкви священник Четвериков довел до моего сведения, что настоятель этой же церкви священник Чеботарев, не совершая сам литургии в субботу 1-й недели В. Поста (12-го февраля), причащал однако же пред другим алтарем прихожан, и, причастивши несколько человек, заметил в чаше недостаток крови Христовой. Вошедши в алтарь, он подлил в чашу неосвященного вина и продолжал причащать подходивших к

нему прихожан. Призванный мною священник Чеботарев сначала отрицал этот факт, но затем признался и дал мне письменное объяснение по этому случаю. На сем объяснении 11-го марта дана была мною следующая резолюция:

«Из объяснения свящ. Г. Чеботарева открывается, что – 1, он, не служивши в субботу на 1-й нед. текущей Четыредесятницы, приобщал говевших по принятому якобы обычаю; 2, по причине оказавшегося недостатка в чаше Крови Христовой, он взял с престола чашу, в которой хранилось около полустакана (?) Св. Крови, приготовленной на случай приобщения больных *младенцев*, нередко приносимых в будние дни, вылил оную в большую чашу и не больше лжицы *влил вина*, совершенно невинно, основываясь на том, что, при приобщении больных, в сухие дары вливается вино и пр.

Но 1) священник, преподающий причастникам Св. Тайны без совершения литургии, изобличает в себе лень и недостаток благоговения ко святым и страшным Христовым Тайнам.

2) Никакими церковными правилами не допускается, чтобы оставлялась в чаше Кровь Христова, под предлогом причащения больных *младенцев*.

3) Свящ. Чеботарев, вливши в чашу неосвященное вино, указывает на тот случай, когда для приобщения больных в сухие дары вливается вино, но забывает то церковное правило, которое изложено в «Известии учительном» в конце служебника и которым со всею строгостью возбраняется священнику, под опасением *казни извержения*, в случае недостатка в чаше Божественной Крови, приливать вина.

По сему учинить следующее:

1) Чтобы в тех приходах, где два или три священника и где в храме не один престол, в случае великого множества причастников, совершаемо было две или три литургии; или если будет совершаться одна литургия, то совершаема была бы соборне всеми, какие состоят при церкви, священниками, и чтобы ни один священник, не совершавший литургии, не дерзал преподавать Св. Тайны причастникам в храме.

2) Оставлять от литургии в чаше Св. Кровь под предлогом причащения младенцев в будние дни совершенно воспретить, так как она может подвергнуться от чьей-либо неосторожности пролитию.

3) Свящ. Чеботарева допустившего, вопреки строгого запрещения Церковного правила, прилитие в чашу неосвященного вина, послать на две недели в Преображенский Куряжский монастырь, с запрещением в священнослужении и с тем, чтобы он при каждом богослужении полагал по 40 земных поклонов с молитвою к Богу о прощении содеянного им греха, и затем, по очищении совести исповедью пред духовником, допущен был до священнослужения.

4) Об исполнении же сего Казначей Куряжского монастыря имеет донести мне»⁷²¹.

12-го ч. получил я письмо из Витебска от начальницы Гимназии А.П. Ушаковой. Она писала мне от 1–9-го чисел:

«Вчера стукнуло мне 48 лет. Немало для женщины, да ещё столько пережившей как я! Утро провела я в гимназии на службе и в церковь не попала. И скучно было, да что же делать? Вечером приехал Преосвященный ко мне чай пить. Остальные в городе из знавших об этом дне или были больны, или заняты, чему я была очень рада, а звать – я никого не звала. Стала вспоминать я Вас (как и всегда). Преосвящ. рассказал тогда, как утешил Вас Харьков в день 35-летия священства Вашего. Как мне приятно было слышать об этом Вашем душевном торжестве! Как я радовалась за Вас, что Вас полюбили, оценили в Харькове! Хоть и грустно за себя, что Вы, наш добрый друг, далеко; но слава Богу, что Вам хорошо. Право Витебск стал ещё гаже, а скука в нем какая, Господи – просто нестерпимая! Мне кажется, что здесь всё как-то постарело, поглупело, опошлено, помертвело! Даже сплетня – эта живая струнка каждой провинции, если и пробудит здесь мертвящую тишину, является какой-то старообразной, невозможной.

Здесь архиерей живет как отшельник – взаперти: служит в соборе, говорит проповеди, изредка является на заседаниях Общества Кр. Креста. Мне кажется, что скучает этот Архиерей в Витебске убийственно. Хоть Консistorские дела и книги,

положим, должны наполнять жизнь, но жить и не иметь с кем сказать человеческого слова – должно быть очень тяжело. По моему Преосв. очень умный, по очень скрытный; простой по-видимому, но сдержанный и суровый.

9-е Марта. Письмо, начатое мною 1-го, прервано было моею хворью. Эту зиму я болею часто. Чем, – я и сама не знаю. Лихорадка, общая развинченность, летучий ревматизм и глазная боль по очереди посещают меня. И сильная я натура, а мое невеселое прошлое, да года видно сказываются и надламывают меня. Буди воля Божия!

Это письмо Вы получите незадолго до Вашего рождения⁷²². Примите, дорогой Владыка, мое душевное поздравление. Памятен и для нас этот день. Всегда молюсь с благодарностью за Вас, а этот день помолюсь особенно о Вашем здоровье и душевном спокойствии. Помяните и меня грешную в Ваших святительских молитвах.

Окончили ли Ваш труд? С каким нетерпением я жду прочесть строки, посвященные памяти Высокопреосвященнейшего друга Вашего. Да, для Вашего любящего сердца смерть его есть большая скорбь».

Я не замедлил ответом на это письмо, и вот что писал от 14-го числа:

«Харьковский 58-ми-летний старец витебской 48-летней старице, принося искреннюю благодарность за поздравление со днем рождения, приветствует её со днем тезоименитства и желает ей от Господа на новое церковное лето жизни всяких благ, духовных и вещественных.

Если Вам наскучил Витебск, то неудобно ли, для развлечения, спутешествовать во Св. град Иерусалим, а по дороге заехать в Харьков?

Посылаемую вместе с сим книгу прошу принять от меня на память⁷²³.

Да, Премилосердый Господь даровал мне великую милость и утешение достигнуть 35-летия во пресвитерском сане. Ведь это значит, что я заслужил, по нынешним законам, пенсию в 90 рублей. А при таком обеспечении не пора ли и в отставку? Как Вы думаете?

Благодарю Преосвященного Вашего за сочувствие к моему юбилейному торжеству, но почему же он не приказал перепечатать в своих епархиальных ведомостях статью об этом торжестве, тогда как многие чужие, как духовные, так и светские, газеты перепечатали её? Не странно ли это?

Мой литературный труд о Преосв. Леониде приведен почти уже к концу: написано 100 листов. Из них листов 10–15 не могут, в настоящее время, подлежать печатному оглашению; прочее, может быть, скоро пойдет в цензуру, сначала частную – родных покойного, а затем и в официальную».

15-е число день моего рождения. В Харькове об этом дне никто почти не знал, но в Витебске не забыли о нем. И вот в каких выражениях приветствует меня оттуда с этим днем Начальница дух. училища, Баронесса М. А Боде:

«Не могу пропустить возможности поздравить Вас с наступающим днем рождения Вашего – этим днем, за который я и столь многие благодарим Бога.

Сестра моя, брат, наставницы училища, равно и воспитанницы – все просили меня принести Вам от имени их усердное поздравление, и все мы молим Господа, чтобы Он надолго продлил драгоценные дни Ваши и украсил жизнь Вашу всеми радостями и благословениями».

В один день с письмом Баронессы Боде, т. е. 15-го числа, получено было мною письмо из Москвы от брата покойного архиепископа Леонида А. В. Краснопевкова, который писал мне от 11-го числа:

«Хотел отвечать Вам на приветливое дружеское письмо Ваше, когда исполню все поручения Ваши на меня возложенные, но оказывается это не так-то легко, как мне казалось.

После Преосвященного брата осталось несколько ящиков и ящичков с бумагами. Разбором их занимаются две сестры – и занимаются весьма усердно, но дело далеко ещё не окончено, а скорее только в начале. Письма Ваши попадались, но за последние годы, прежних же до сих пор не оказалось ни одного. Когда будет собрано хотя несколько писем за прежние годы, пришлю немедленно.

Ящики с книгами, в которых находятся сочинения Преосвященного, тоже не разобраны и приступить к ним в настоящее время нельзя за невозможностью иметь достаточное помещение для расстановки книг, а в которых ящиках находятся сочинения Покойного, неизвестно. Если нападём на них, то немедленно и по этому поручению будет исполнение.

Теперь остается долг любви и благодарности – благодарности во 1-х за икону Божией Матери, которую мы приняли как благословение от Вашего чистого сердца на новую жизнь семейству нашему. Действительно жизнь наша должна теперь сложиться совершенно иначе: нет прежнего центра, около которого мы обращались, и сердца, которое согревало и объединяло нас своею любовью. Дай Бог молитвами Вашими устроиться нам по воле Божией, а не по своему усмотрению.

Приглашение Ваше сильно меня заинтересовало. Я уже мечтал об этом и прежде, а теперь мысль посетить Вас в Харькове ещё более меня пленяет. Позволят ли обстоятельства воспользоваться Вашим дорогим для меня приглашением, дадут ли они возможность утешить себя Вашею беседою – это вопрос, который в настоящее время для меня неразрешим. Если предвидится возможность, то только в Июле, после экзаменов; впрочем, полагаюсь на Господа; Он знает, какое утешение может принести это свидание».

В ответ на это писал я от 18-го числа:

«Видеться с Вами чем бы скорее, тем бы для меня приятнее; но если Вам неудобно будет пожаловать ко мне, хотя бы на короткое время, на Светлой неделе, то я с любовью буду ожидать Вас в Июле.

А теперь посылаю Вам третью часть моего литературного труда, посвященного памяти приснопамятного друга и брата. Посылаемые мною тетради прошу Вас предварительно прочитать в вашем семейном кругу, а если угодно, то и в присутствии близких Вам знакомых. Если найдете в моем повествовании какие-нибудь неточности, потрудитесь исправить их; если признаете что-либо нужным опустить, зачеркните. Нечто из переписанного я и сам признал за лучшее исключить, – что и очеркнул синим карандашом. Там, где поставлены мною

на полях тем же карандашом знаки вопроса, требую Вашего совета и согласия на допущение к напечатанию.

Если Вы, по внимательном прочтении и строгом обсуждении моей рукописи, общим советом признаете её заслуживающей печати, то передайте её кому-либо из Московских духовных цензоров на рассмотрение, – и об этом не замедлите меня уведомить. По получении от Вас извещения, я постараюсь выслать Вам следующие тетради.

В случае издания моих воспоминаний о Преосвящ. Леониде, я желал бы приложить к книге портрет почившего Владыки. Без сомнения, у Вас есть хороший фотографический портрет; тогда я буду просить Вас обратиться к одному из лучших Московских гравёров или литографов и заказать ему сделать с этого портрета, по числу экземпляров книги, соответственное количество экземпляров самых точных копий».

19-го ч. имел я честь получить из Белграда архипастырское послание от высокопреосвященного Михаила⁷²⁴, митрополита Сербского. Вот содержание этого послания от 11-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,
Возлюбленный о Господе
брат и сослужитель!

Глубоко тронут доказательствами Вашей любви и соучастия в тяжелом положении нашей страны и народа нашего по заключении мира со врагами, считаю своим долгом душевно благодарить Ваше Преосвященство за столь милостивое внимание к нуждам многострадальной Сербии и окрестных православных стран.

Отец Протоиерей Иоанн⁷²⁵ несколько раз писал мне и передавал Ваш братский поклон любви, что меня очень укрепляло в слишком затруднительных обстоятельствах моих.

С душевною признательностью, ценя Вашу любовь, прошу Ваших молитв для улучшения судьбы православных христиан, столь много терпевших прежде и ныне от злых Агарян.

Прошу передать братский поклон Преосвящ. Вениамину.

С глубоким уважением и преданностью, пребываю Вашего Преосвященства во Христе брат

Митрополит Сербский Михаил».

Я почел долгом ответствовать на это послание, и вот что писал я от 26-го числа:

«Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Движимый искренним сердечным сочувствием к тяжким бедствиям, постигшим в минувшем году Сербию и другие родственные ей по вере и племени страны, я не раз обращался к вверенной мне пастве с приглашением о помощи в пользу страдальцев – Славян, и – благодарение Господу, мой пастырский голос не оставался без сочувственных отзывов со стороны паствы.

Зная, как много Ваше Высокопреосвященство обременены были письменными сношениями с разными лицами и учреждениями, я не позволял себе утруждать Вас непосредственными письмами, а поручал препровождать посильные денежные сборы на имя Вашего Высокопреосвященства, или в Московский Славянский Комитет, о. Протоиерею Иоанну Чижевскому.

Молю Воскресшего из гроба Жизнодавца, да озарит животворными лучами духовной радости Ваше архипастырское сердце, омраченное столь глубокой и продолжительной скорбью о тяжких бедствиях, постигших Вашу духовную паству и Ваше правое Отечество!

Поручая себя и свою паству Вашим Святительским молитвам, с глубоким почтением и душевной преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря покорнейший послушник»...

21-го ч. дано было мною Консistorии предложение следующего содержания:

«При обозрении мною, в 1875 и 1876 г.г., церковью Харьковской вверенной мне епархии, усмотрены мною следующие недостатки и беспорядки, требующие неотложного исправления:

I. *В отношении к священноцерковнослужителям:*

1) Многие приходские священники, как мне сделалось известным, совершают таинство Крещения над младенцами не по чину православной восточной церкви – через тоекратное

погружение в купели, а по обычаю латинской церкви – *через обливание*.

2) Некоторые священники, по доходящим до меня слухам, вопреки правилу и чиноположению Православной Церкви об исповеди, принимают на исповедь прихожан не по единому, а многих вместе, – что в книге «о должностях пресвитеров приходских» (стр. 144) – *называется крайним нерадением и бессовестием*.

3) Некоторые священнослужители, получившие не только семинарское, но даже академическое образование, или вовсе не пишут, вопреки своего долга, поучений, или пишут, но очень мало; иные даже обременяются читать, для назидания своей паствы, готовые печатные поучения. При рассмотрении же мною письменных поучений оказалось, что некоторые из них заслуживают полного одобрения; другие, напротив, показывают в сочинителях недостаток должного внимания к столь важному делу в пастырском служении, и обличают в них малое знакомство с содержанием книг Свящ. Писания, со священной и церковной историей и с прочими богословскими науками. Некоторые из проповедников любят украшать свои поучения неуместными, заимствованными из светских журналов, выражениями и иностранными научными терминами, коих смысла, большею частью, сами не понимают, по незнанию иностранных языков.

4) Многие священники, как удостоверился я из многократных случаев, не знают церковных правил, заключающихся в «Известии Учительном», печатаемом обыкновенно в конце Служебника, и потому нередко допускают тяжкие погрешности в рассуждении Св. Таин и других священных предметов.

5) Большинство диаконов и псаломщиков недостаточно разумеют смысл священнодействий и церковных обрядов, а из исправляющих должность псаломщиков немногие надлежащим образом знают устав церковный.

II. В отношении к храмам и кладбищам:

1) Во многих церквях усмотрены мною иконы или неискусно написанные, или написанные не в духе православной Церкви;

встречались иконы аллегорического и символического содержания, как, напр., изображение птицы, питающей птенцов своею кровию, или изображение Христа Спасителя в образе естественного агнца, указуемого перстом Иоанна Крестителя, вопреки 82 правилу VI Вселенского Собора, и т. под. Тоже должно сказать и о стенной церковной живописи. В некоторых церквях имеются большие кресты, и даже не по одному экземпляру, стоящие не только в алтаре, но и вне алтаря, на подножиях, имеющих вид *двуглавого орла*.

2) Не везде имеется достаточное число священных одежд; так, напр., в Петропавловской церкви села Лимана Изюмского уезда найдено мною только одно напрестольное одеяние, и притом не очень благовидное.

3) Замечались в некоторых церквях на полу ковры с изображением, вопреки 73 прав. VI Вселенского Собора, четвероконечных крестов, или с фигурами разных зверей и птиц, – что вовсе неприлично христианскому храму.

4) Приходские кладбища, большей частью, не только не обнесены оградами, но даже, вопреки закона, не окопаны рвами, и притом не имеется при них домов или часовен, для помещения в оных, до истечения узаконенного для погребения трехдневного срока, тел умерших, – что особенно необходимо в летнее время.

III. В отношении к церковным библиотекам и документам:

1) Библиотеки при церквях, за немногими исключениями, очень скудны; инде нет даже полной Библии.

2) Описи церковного имущества составлены, большей частью, не по новой узаконенной форме. Много встречается на иных описях отметок о вещах, сделавшихся по ветхости негодными к употреблению, а между тем реестров убылым вещам не имеется. При передаче церковного имущества от одного старосты к другому, не имеется под описями подписей ни сдатчика и приемщика, ни присутствовавших при сем лиц, Благочинного и членов причта. В некоторых церквях описи не прошнурованы и не скреплены по листам кем следует.

3) В приходе-расходных книгах не все статьи своевременно очищаются расписками получателей; а если и делаются

расписки, то неточные и не всегда определенные, без означения, например, времени и количества полученной суммы.

4) В обыскных книгах не везде имеются расписки за безграмотных жениха, невесты и поручителей; а если и имеются, то иногда эти расписки делаются за всех вместе в конце обыска, а не под подлежащими пунктами.

5) В метрических книгах допускаются неточные, неправильные записи и непростительная небрежность. В одной, например, метрической книге 8-мь страниц написанных перечеркнуты и затем снова написаны. В 3-й части о умерших, не пишут по отчеству отца умирающих младенцев, а только имя и фамилию; в части о родившихся встретила запись фамилии отца родившегося младенца: Лобода, а в части о умерших отец того же младенца записан по фамилии – Малафиенко. Вероятно, одна из этих фамилий настоящая, а другая, так называемая, уличная. Здесь, при выписи для воинской повинности, неизбежно встретится затруднение. Некоторые священники в шнуровых книгах под статьями подписывают начальную только букву своего имени, или же просто одну фамилию; и притом так неразборчиво, что трудно прочитать.

IV. В отношении к женским монастырям и училищам девиц:

При посещении женских монастырей, я не раз замечал, что не только манатейные монахини, но и послушницы входят в алтарь и даже проходят между престолом и горним местом, – что возбраняется 11-м правилом Св. Никифора Исповедника, патриарха Цареградского (Кормч. Кн. ч. 2-я, гл. 57). Тоже допускается, вопреки соборных правил (Лаодик. пр. 44. VI. Вселенск. пр. 69), и в некоторых женских училищах.

Хотя о всех вышеизложенных беспорядках и допущениях были делаемы мною на месте должные замечания и внушения, тем не менее, поскольку те же допущения и беспорядки, в большей или меньшей мере, могут быть и в других местах, мною ещё не посещённых, почитаю должным учинить следующее:

I. Предписать всем о.о. Благочинным, чтобы они:

а) Строго наблюдали за точным и неуклонным исполнением всеми приходскими священниками правил и уставов Православной Церкви относительно крещения младенцев и исповеди возрастных, под опасением, в противном случае, строгого взыскания, и о нарушителях означенных правил и уставов немедленно доносили мне;

б) Внушали священникам с большим усердием и тщанием заниматься проповедованием слова Божия, и для сего прилежно изучать Священное Писание, творения Св. Отцев и проч.;

в) При обзоре вверенных им Церквей, священнослужителей испытывали, между прочим, в знании церковных правил, заключающихся в «Известии Учительном», а псаломщиков – в знании катехизиса, церковного устава и изъяснения обрядов богослужебных;

г) Не допускали в иконостасах и на церковных стенах изображений, несообразных с церковными правилами и противных духу православной церкви;

д) Внушали причтам и церковным старостам заботиться о снабжении церквей священными одеждами и прочими принадлежностями богослужебными в достаточном количестве, а также назидательными для чтения книгами; вещей же, неприличных храму, как, напр., ковров с неуместными изображениями не допускали;

е) Наблюдали за правильным и тщательным ведением церковных документов и, наконец,

ж) Настаивали, пред кем следует, об ограждении церковных кладбищ и об устройстве при них часовен для временного помещения в них тел умерших прихожан.

II. Предписать настоятельницам женских монастырей и Начальнице Старобельской Общины, а также священникам при женских учебных заведениях, чтобы первые не позволяли входить в алтарь монахиням и послушницам, а вторые – воспитанницам учебных заведений.

Консистория сделает по сему зависящие распоряжения»⁷²⁶.

24-го ч. неожиданно получено было мною письмо от Преосвящ. Иереи⁷²⁷, бывшего Епископа Нижегородского. Вот

что писал мне досточтимый иерарх от 19-го числа из заштатного Феодоровского Городецкого монастыря (в 15 верстах от г. Балахны, Нижегородской губ.), где он пребывал на покое:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

В настоящий для меня день Воскресения друга Господня Лазаря приветствую Ваше Преосвященство с грядущим днем Воскресения Самого Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа и молитвенно желаю в радости духовной, с живыми и почившими отцами и братьями нашими воскликнуть: Христос воскрес!

В пределах Богохранимой Паствы Вашей, в одном из селений Ахтырского уезда, покоится дед мой – чтец Феоктист, прибывший к сыну своему Фирсу из дома родителей моих (да помянет Господь души их вкупе с его душою).

В детстве моем, обязанный ему, между прочим, благоговением и любовью к Четыи-Минеям Святого Димитрия Ростовского, в некую благодарность и молитвенную о нем память, покорнейше прошу Ваше Преосвященство сию панагию мою препроводить в Ахтырскую обитель и твердо прикрепить к местной иконе Пресвятой Богородицы.

На ней изображения Преподобного Сергия, при храме которого старец Феоктист служил, Святого Димитрия Ростовского с прочими Ростовскими Чудотворцами и Святителей Воронежских – Митрофана и Тихона, бывших наших Святых Архипастырей.

Испрашивая Ваших святительских молитв, с истинным почтением и с братскою о Господе любовью, имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейший слуга, сомолитвенник Епископ Иеремия.

Купно с панагией для той же цели да примется в обитель (книга) «Преподобный Нил Сорский», т. е. на память о незабвенном моем учителе – Феоктисте.

В святительской усыпальнице Вашей кафедры покоятся два святителя, из коих один мой предшественник по ректорству Киевской академии – Преосв. Мелетий⁷²⁸; а другой из воспитанников и по кафедре Нижегородской преемник Пр.

Нектарий⁷²⁹. – Обоим рцыте от моего недостойнства в день Пасхи: Христос воскрес!»

По получении упомянутых в письме предметов, мною дано было Консistorии от 31 числа за № 37 следующее предложение:

«Преосвященный Иеремия, бывший Епископ Нижегородский, препроводив ко мне при письме от 19-го сего Марта сребропозлащенную архиерейскую панагию с изображениями разных святых и книгу под заглавием «Преподобный Нил Сорский, Спб. 1864 г.»⁷³⁰, просит препроводить оныя в Ахтырский Троицкий монастырь, на память деда его, чтеца Феоктиста, скончавшегося в одном из селений Ахтырского уезда; при чем Его Преосвященство выражает желание, чтобы означенная панагия твердо прикреплена была к местной иконе Божией Матери.

Прилагая при сем вышеупомянутые – панагию и книгу, предлагаю Консistorии учинить следующее: 1) Панагию и книгу препроводить в Троицкий Ахтырский монастырь с предписанием а) внести оныя в опись монастырского церковного имущества; б) панагию употребить согласно назначению высокочтимого жертвователя; в) внести в монастырский Синодик, для вечного поминовения, имена как здравствующего жертвователя, так и почившего его сродника, чтеца Феоктиста, и г) об исполнении сего донести. 2) О получении панагии и книги, равно как и о сделанном распоряжении, немедленно уведомить от моего имени Его Преосвященство».

В тот же день писал я и Его Преосвященству:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Принося Вашему Преосвященству взаимное приветствие с светлым и всерадостным праздником Воскресения Христова, восклицаю: воистину воскрес Христос!

Долгом поставляю уведомить Ваше Преосвященство, что присланные Вами на мое имя панагия и книга: «Преподобный Нил Сорский» переданы мною в Консistorию для отправления по назначению, со следующим притом предписанием: 1) панагию и книгу внести в опись монастырского церковного

имущества; 2) панагию употребить согласно назначению жертвователя; 3) внести в монастырский Синодик, для вечного поминовения, имена как здравствующего жертвователя, так и почившего его сродника, чтеца Феоктиста.

Поручая себя Вашим св. молитвам, с чувством глубокого почтения и преданности имею честь быть»...

25-го ч. писал мне из Москвы протоиерей Платон Ив. Капустин⁷³¹:

«Почтительнейше принося Вам поздравление со всерадостным праздником Воскресения Христова и желая Вашему Преосвященству сиять Его светом в церкви Его и просвещать многих многая и многая лета, долгом поставляю всепокорнейше Вас благодарить за дорогую для меня память Вашу о моем недостойнстве, новым доказательством которой явилась полученная мною от Преосвященнейшего Игнатия книга: «Выписки из дневника паломника о. Александра Анисимова». – Стесненное время минувшей Четыредесятницы не позволяло мне прочесть её с надлежащим вниманием, хотя конечно не для того, чтобы высказать свое заключение об ней, так как я был во св. местах чрезвычайно короткое время, притом в страшные жары, расслабляющие и душевные и телесные силы, но для того, чтобы узнать что-либо новое и не подмеченное мною в крае, навсегда для меня памятном и дорогом».

29-го ч. получено было мною письмо из Владимира от преосвященного Иакова, который писал мне от 22-го числа:

«Имею честь поздравить Ваше Преосвященство с грядущими светлыми днями и позволяю себе сказать Вам мое Христос воскрес. Радуйтесь и веселитесь о Господе, и нас с Собою совоскресившем.

Читаете ли Вы наши епарх. ведомости? 1-го Марта редактор Беляев⁷³² напечатал довольно резкую заметку по поводу русского концерта Славянского, данного 27 февр., на другой день после проповеди о. Хераскова⁷³³ об эстетич. удовольствиях в пост. Начальник губернии вышел из себя, прискакал ко Владыке и говорил, что статьей оскорблены общество и администрация. Владыка оправдывался как умел. Г.

Судиенко прощаясь сказал, что он на этот раз не преследует редакцию, но впредь не будет оставлять без внимания неприличные выходки духовного органа. Этим однако ж не унялся, а чрез день прислал ко Владыке конфиденциальное отношение с предостережением редакции. Чуть войны не вышло. Ох, эти представители царской власти! много берут они на себя. Хорошо ещё, что Владыка, можно сказать, отшутился.

А речь Аксакова⁷³⁴ читали ль? Газета отобрана, но к нам попал № . Сильно говорил И. С., и за то получил Высоч. неблаговоление. Москва долго волновалась. Он и она требуют войны, да без войны и не обойдется. Нас втягивают в неё. Преосв. Феофан⁷³⁵ из своей пустыни вопиет: «надо воевать. Иначе вечный стыд падет на нас, да Россия сойдет в ряд второстепенных держав. И денег, говорит, добудем и люди найдутся. Воевать, воевать!»

На братское послание это не мог я отвечать ранее 16-го апреля, и вот что писал тогда:

«Приношу Вашему Преосвященству душевную благодарность за приветствие со светлым праздником и прошу, если ещё не поздно, принять и от меня взаимное поздравление.

Прочитавши статью по поводу концерта Славянского, я душевно поблагодарил автора, и на месте Преосвящ. Антония я сделал бы губернатору такой отпор, что он вперед не захотел бы вмешиваться не в свои дела.

Речь Аксакова читал я в ту самую минуту, как принесли мне Ваше письмо.

С 6-го ч. я уже на даче и услаждаюсь пением соловьев, хотя погода не совсем ещё установилась.

На днях явился к нам Ревизор – Миропольский⁷³⁶. Он, вероятно, будет снисходительнее к недостаткам наших школ, чем Зинченко⁷³⁷, так как сам был здесь на службе и нашел немало своих сослуживцев, и отчасти учеников. Сам же г. Миропольский мой питомец по академии: мною принят в академию, когда я был там ректором.

Скоро начнем молиться о даровании победы Российскому оружию».

30-го ч. получено было мною, с разных сторон, 15-ть писем приветственных. Вот некоторые из них, более или менее интересные по своему содержанию.

От 25-го ч. писал мне из Вильны Попечитель учебного Округа Н. А. Сергиевский:

«Христос воскрес!»

Вместе с сим пасхальным приветствием примите Ваше Преосвященство мое сердечное поздравление с наступающим праздником Воскресения Христова и горячее желание встретить и провести святую седмицу в светлой радости духа и добром здоровье, которое изобильно да даст Вам Господь на дальнейшее плодотворное служение Вашей Церкви православной.

Благодарю за Ваше письмо. Мысли мои не раз стремились к Вам, но простите моей бедности на время. Все три месяца этого года прошли у меня в непрерывных разъездах по разным захолустьям западной окраины. В Вильну возвращался я не часто и ненадолго, возвращался для того, чтобы испытать новую бедность во времени. Так и прошло время доселе.

Пишу к Вам в день Благовещения. Помните ли этот праздник в Москве, при покойном нашем святителе, приснопамятном Митрополите Филарете? Как хорош был этот праздник как светло было на сердце? Для меня миновали эти дни духовного наслаждения, и ничего нет заменяющего их. Грущу, что не принадлежу к Вашей пастве, завидую ей. Вы, убежден в том, являетесь Харькову те же величия священных празднеств, что и в Москве. Ваше богослужение умиляло меня и в Витебске. А здесь что? Здесь, при разновременной обстановке, полная скудость величия православия, формальность служения, не возбуждающая духа, – но да престанет сетующее слово мое. Я благодарю Бога и за то, что мне суждено было устроить храм здесь для учеников. Там, и при одиночном иерейском служении, душа более отдыхает и испытывает духовное наслаждение. Велика милость Божия и в этом.

Жду от Вашего Преосвященства письма обильного словом. Хочется слышать, как идет Ваше время. О себе ничего не могу сказать нового и интересного. У меня то же общество, те же

труды, та же суета жизни, те же заботы – короче: сегодня как вчера, а вчера – как третьего дня».

От 26-го ч. писал мне из Витебска протоиерей Волков:

«С душевною радостью и приятнейшим удовольствием исполняю мой сыновний – священный долг, приветствуя Вас с радостнейшим праздником воскресения Христова и прося Вашего благословения, которое крепко поддерживает меня в треволнениях моей жизни.

О себе не стану сей раз говорить ничего, чтобы не опечалить сердца Вашего, мои невзгоды близко принимающего к себе. Отчет архиерейский отправлен в Петербург; я не читал его, потому что не хотел, а переписывался он в Консistorии. Говорят, что Владыка резко выразился в отчете, что и пастыри и паства заражены болезнью пьянства, против чего он сильно вооружается и принимает все целительные меры, но что успеха мало. Написал было, что и канцелярию Консistorии составляют почти все пьяницы. Разумеется, это сделано по внушению Секретаря⁷³⁸. Сидя вдвоем с секретарем в присутствии, говорю ему:

«а ведь вам, Николай Иванович, плохо будет... можете быть причислены к канцелярии Обер-Прокурора». «За что?» спрашивает он. «Да как же? на вас архиерей в своем отчете жалуется; он пишет, что канцелярию Консistorии составляют пьяницы. Отсюда Обер-Прокурор выведет такое заключение, что Архиерей, как гонитель водки, через секретаря принимал все меры к исправлению канцелярии, но секретарь или не сумел, или не захотел помочь Архиерею, вот и жалуется в отчете на него. А потому канцелярию выгнать вон, а секретаря вызвать в нашу Обер-Прокур. Канцелярию». Н. Ив. понял, что действительно это может случиться; но сам не решился ни на что, а сказал: «да, это правда... я подумаю». Это значит – посоветуюсь с Евф. Васильевной⁷³⁹, которая управляет им не только дома, но и в Консistorии. Если Евф. Вас. – эта фальшивая монета самой искусной подделки – прикажет в 1-й день Пасхи поститься Ник. Ивановичу, – он ту же минуту подвяжет живот, поставит около себя скляночку и не только других, но и себя будет уверять, что ему нужно поститься и

лекарство принимать, которое вот тут перед ним стоит, приправленное Евф. Васильевной. В общем совете, т. е. Евф. Вас. говорила, а Ник. Ив. стоял и слушал, решено, что дело дряннь... надобно идти и просить Владыку не писать худо о канцелярии. Но дабы постращать канцелярию, отправили с просьбой к Архиепископу двух канцелярских чиновников. Владыка умиловился и даже, говорят, похвалил канцелярию. Великое и сильное у нас теперь оружие – фальшь. На кого и на что не посмотрю – всё фальшь! И в молитве – фальшь. Покровский⁷⁴⁰ наприм. стоит, охает, вздыхает, голову на бок склонит и трясёт ею; от фальшивого умиления, благоговения и набожности старших и младшие морщатся и выжимают слёзы, которые, впрочем, никак не текут; и выходит смешно, грешно, и людей наводит на грех осуждения. А вот и ещё подобный пример фальши: какого-то числа в феврале Евф. Вас. именинница была. По её приказу Н. Ив. просит владыку на пирожок. Владыка говорит: «у вас будет рыба, а я теперь не ем... да желаю, чтобы и отцы и вы не ели»... и не был у именинницы. Как только Н. Ив. передал это, тотчас сделалось известным владыке, что Н. Ив., Евф. Вас., прот. Покровский, и Кудрявцев⁷⁴¹ не едят в пост рыбы, а ест – непокорный прот. Волков, да втихомолку Красовицкий⁷⁴². Между тем в действительности все ели преисправно, лучше меня, рыбу, а семьи Покровского и Красовицкого – даже скоромное. Не фальшь ли, не обман ли? Не грех ли?! Между владыкой, Н. Ив. и прот. Покровским связалась такая тесная дружба, что и водой не разольешь. Как станут Покровский и Н. Ив. целоваться, то каждый раз боишься, как бы не задавили друг друга в своих объятиях и не упали на землю мертвыми. Между тем Покровский говорит, что Н. Ив. дурак, что без Казанского⁷⁴³ он совершенно слеп, что умеет только обманывать Архиепископа; и Н. Ив. говорит, что Покровский человек хитрый и опасный: ворвался он к Архиепископу и водит его за нос. Что же значат объятия и лобзания их? Не фальшь ли? А какое у нас лицемерие – и сказать нельзя.

В следующем письме я много расскажу Вам смешных эпизодов из обыденной жизни нашей, и расскажу единственно

для потехи, потому что без смеха нельзя смотреть на такие вещи».

Из Сергиева Посада Инспектор Московской Д. Академии С. К. Смирнов писал:

«В академии нашей, по милости Божией, всё обстоит благополучно. В течении всей шестой недели поста здесь пребывал И. А. Ненарокомов⁷⁴⁴, с которым я виделся очень часто; он занимался организацией дела по поводу поступления Лаврского дома призрения, со всеми принадлежащими к нему учреждениями, под высочайшее покровительство Государыни Императрицы⁷⁴⁵. Владыка Митрополит обеспечил содержание всего заведения ежегодным взносом до 25, или до 30,000 рублей. Предположено учреждение особого Попечительного Совета для заведывания делами заведения, в котором братия Лавры не примет участия. Дело пойдет несомненно лучше прежнего. Особенно такая реформа нужна была для училища мальчиков, которое находилось в плохом положении.

Спрашиваете об архиве покойного Александра Васильевича⁷⁴⁶. Разработка его остановилась за недосугами разбиравших его. Впрочем кое-что академия думает уже пустить в печать, именно, предполагается издать его евангельскую историю отдельной книгой⁷⁴⁷. Движение в хозяйственном управлении по делу возобновления нашего издания понемногу начинается, и есть основание думать, что средства для издания даны будут.

Письма Митрополита Филарета к о. Наместнику Лавры редактирует живущий здесь граф Д. Н. Толстой, которому принадлежит и предисловие к первому тому. Издание плохо, потому что нет примечаний. О. Наместник⁷⁴⁸ продолжает быть таким же хворым, как был; постом его положение два раза было так плохо, что едва сохранилась его жизнь.

Спешу окончить, если Богу угодно будет, в настоящем году свою давнюю работу – историю нашей академии⁷⁴⁹. Текущие дела непрестанно отрывают от этого занятия, и я могу посвящать ему только каникулярное время. Для некоторых справок, может быть, понадобится съездить в Петербург».

5-го апреля получено было мною письмо из Приворотья от внука, Смотрителя Училища Г. Ф. Виноградова, который писал мне от 27-го Марта:

«В первый раз довелось мне встречать праздник Пасхи в малороссийском крае. Нравы и обычаи малоросса при встрече этого праздника произвели на меня неотрадное впечатление. Малоросс – глух и невнимателен к тому великому событию, которое сегодня воспоминалось церковью; он медленно собирался в церковь; уныло, угрюмо и в церкви стоял. В самой церкви было мрачно: и мало в ней света, мало молящихся и мало чтения и пения праздничного. В крестьянском селе – Приворотье я не встретил и тени того неподдельного христианского воодушевления, которым бывает полон, в ночь на настоящий праздник, крестьянин-великоросс. Здесь я не заметил ни обычного для великоросса пасхального приветствия, ни братского целования.

Малоросс более одушевлен был при конце литургии – при взгляде на громадных, в целом виде зажаренных, свиней, принесенных к церкви для окропления св. водою. Эти, презираемые татарин, животные составляли собою несколько рядов, около которых, по окончании литургии, было хождение священно-церковнослужителей с крестом и пением пасхальных песнопений... Громадные зажаренные свиньи с хреном во рту представляли собою невзрачную для меня картину, но весьма привлекательную для малоросса: большая толпа малороссов стояла около этой картины, с нетерпением ожидая минуты покороче познакомиться с нею.

Весна – лучшая пора года заявляет уже свои права в Подолии. Стало тепло, всюду является зелень, не медлят своим появлением и даровые сладкопевцы – птички. Вероятно и Ваша прекрасная дача не забыта певцами – соловьями».

В Петербурге образовалось новое ученое общество, под названием «Общество Любителей Древней Письменности». Цель этого общества – издавать славяно-русские рукописи, замечательные в литературном, научном, художественном или бытовом отношении, и перепечатывать книги, сделавшиеся библиографической редкостью, строго держась текста рукописи

или старопечатной книги. Главные члены – учредители сего общества обратились ко мне с письмом от 31-го Марта, следующего содержания:

«Вновь учреждаемое Общество Любителей Древней Письменности предполагает себе целью издавать в определенном числе оттисков памятники русской древней письменности, преимущественно драгоценные по своей редкости, с тем, чтобы сделать их доступными для большего числа изыскателей и чтобы ознакомить всех образованных людей с уровнем просвещения древней Руси в разные эпохи её исторической жизни.

Полагая, что такая задача не может не вызвать сочувствия в каждом образованном Русском и зная Вас за просвещенного любителя нашей отечественной древности, мы решились сообщить Вам на прочтение проект устава нашего Общества и обратиться к Вам с просьбой: если Вам угодно будет принять в нем участие, возвратить этот проект с Вашей подписью».

Письмо подписано: Макарием, Архиепископом Литовским, Юрием В. Толстым (Товарищем Обер-Прокурора Св. Синода), Князем Павлом Петровичем Вяземским⁷⁵⁰ и Графом Сергием Дмитриевичем Шереметьевым.

Получив это почтенное письмо 7-го апреля, я не замедлил отозваться на него. Вот что писал я 9-го числа на имя князя Вяземского:

«Ваше Сиятельство,
Милостивый Государь!

Препровожденный ко мне при письме от 31-го минувшего Марта проект Устава Общества Любителей Древней Письменности имею честь при сем возвратить, со сделанной под оным моей собственноручной подписью, на имя Вашего Сиятельства, согласно адресу, показанному в означенном списке.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть».

8-го ч. писал я Инспектору Московской д. академии С. К. Смирнову:

«Полагаю, что ещё не поздно и мне приветствовать Вас и достолюбезное семейство Ваше с преславным и

радостотворным торжеством Христова воскресения, так как в церковных богослужениях слышатся ещё радостные пасхальные песни. Но благовременнее теперь поздравить Вас со знамением Монаршего благоволения.

На днях с большим любопытством прочитал я письма покойного Владыки к о. Наместнику. Жаль, что слишком много имен скрыто под инициалами, хотя некоторые из них, конечно, неудобно ещё обнаруживать. Не можете ли однако же объяснить мне, кто был смотритель Звенигородских Училищ И... о котором так часто упоминается в письмах? Или: кто была девица З... которая столько делала неприятностей о. Наместнику?

Из писем покойного Митрополита к его викариям нам, архиереям, должно извлекать уроки, как надобно управлять епархией и вести дела Консисторские; а из писем к о. Антонию надлежит учиться строению и управлению монастырскому.

Может быть, в непродолжительном времени и я напечатаю, хотя не в цельном виде, письма ко мне Преосв. Леонида. Их у меня более 200. Есть очень интересные.

Вчера получил я от членов – учредителей Общества Любителей Древней Письменности письмо с приглашением к участию в деятельности этого почтенного Общества посредством ежегодного взноса 200 или 4000 р. единовременно. Можно ли отказаться от такого любезного приглашения?

Недавно также получил я приглашение на Археологический съезд в Казань. Как Вы думаете, не следует ли мне, как члену Археологического Общества, отправиться туда вниз по матушке – по Волге? Но с чем я туда явлюсь? Разве с изборником из курьезных Консисторских дел? Мне теперь не до археологии; едва достаёт времени для занятий по части неологии, т. е. новых и новых происшествий и проказ со стороны клириков».

10-го ч. явился ко мне на дачу член-ревизор учебного Комитета при Св. Синоде, С. И. Миропольский, приехавший в Харьков для ревизии Семинарии и училищ.

11-го ч. получил я икону и письмо из села Высочиновки, Змиевского уезда, от А. Ф. Ковалевского, который от 6-го ч. писал мне:

«Простите, Владыка Святый и милостивейший, что я дерзаю в дар пасхальный препроводить Вам освященную и писанную на св. Афонской горе икону Богоматери «Достойно есть», примите её милостиво в знак моей признательности и всегдашних за Вас моих грешных молитв. На св. Афонской горе блюдется св. обычай – каждому иноку иметь в келии своей икону Богоматери «Достойно есть», и при каждом приходе из церкви в келию пред нею читать молитву «Достойно есть» и обычный отпуст. Пресвятая Царица небесная честной сей иконой Своей да будет помощницей и хранительницей Вам в жизни земной, и доброй одигитрией Вашей к жизни небесной! С сим сердечным молитвенным желанием св. икону Ея сопровождаю, в чаянии что не отвергнете моего усердия».

В ответ на это писал я от 13-го числа:

«Спешу принести Вам, досточтимый о Господе Андрей Феодорович, искреннейшую благодарность за ваш дорогой и священный дар и за ваши благие при сем желания. О, если бы, по вашему глаголу, Честнейшая Херувим и Славнейшая без сравнения Серафим; благоволила быть моею помощницей и хранительницей в жизни земной и доброю путеводительницей к жизни небесной! Воистину, не имамамы иныя помощи, не имамамы иныя надежды, разве Ея, нашей Владычицы».

16-го ч. получил я письмо от ученика VI класса Витебской Семинарии Михаила Чепика, который от 12-го ч. писал мне:

«Высокопреосвященнейший Владыка, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Прикрываемый Вашею Архипастырскою отеческою милостию, я, недостойный, поступил в Полоцкую Семинарию и теперь уже в VI классе оной. Так как Господу угодно было, чтобы я занимал в этом классе второе место по списку, то меня хотели назначить для поступления в Академию, но на заседании в Правлении 6-го апреля, когда вопрос зашел о назначении в академию, восстали против меня некоторые члены правления.

Ваше Высокопреосвященство! На Вас теперь у меня вся надежда. Спасите меня; ведь я не имею куда главы приклонить. Со слезами припадая, прошу Ваше Высокопреосвященство,

сколько возможно, помочь моему горю, и как-нибудь определить меня в академию. Я постараюсь быть благодарным Вам, буду стараться учиться и за Вас усердно Богу молиться».

Чепик – сын крестьянина Лепельского уезда, Витебской губернии. Во время поездки моей по епархии, приходский священник, у которого он учился в школе, привел его к моему регенту и просил принять его, как мальчика, обладающего хорошим голосом, в архиерейский хор. Мальчик был взят и привезен в Витебск. Здесь он, вместе с прочими малолетними певчими, начал ходить в училище. К учению он оказался ещё более способным, нежели к пению. Переходя из одного класса в другой, он с успехом окончил учение в Витебском дух. училище и, по выдержании экзамена, принят был в Семинарию. Здесь, как видно из его письма, он окончил курс в числе лучших учеников и, несмотря на встретившееся препятствие, поступил в число студентов Киевской духовной академии.

17-е число – день рождения Государя Императора. После торжественной литургии, и молебна, в Кафедральном соборе, в четыре часа пополудни был, по обыкновению, у Начальника губернии обед. Здесь я встретился и познакомился с молодым французским принцем Мюратом, женатым на вдове Князя Орбелиана – дочери богатой Харьковской помещицы М. П. Сомовой. Принц держал себя очень просто и свободно, как и подобает истому французу. Он сделал мне комплимент, сказавши, что слышал обо мне ещё в Париже, хотя я, со своей стороны, до настоящей минуты не имел о его светлости и понятия.

Попечительный Комитет Кременчугского Общества вспомоществования бедным обратился ко мне с письмом от 19-го числа следующего содержания:

«Разлитие реки Днепра 5-го сего Апреля причинило городу Кременчугу⁷⁵¹ страшное бедствие. Весь город, за весьма немногим исключением, затоплен. Почти все дома повреждены, а некоторые разрушены. Сообщение по всему городу производится на барках и лодках. Все жители оставили свои дома и помещаются под открытым небом и частью на чердаках. Хлеб хотя и раздается от Городской Управы, но такая пища при

настоящих условиях неудовлетворительна. Вследствие дождливой и холодной погоды и скудной пищи развиваются болезни. Средства местного Общества недостаточны даже для первой помощи.

Такое бедственное положение побудило Комитет Кременчугского Общества вспомоществования бедным обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшей просьбой оказать содействие Комитету в помощи крайне нуждающимся жителям г. Кременчуга, находящимся в безвыходном положении».

По этому письму послано было мною 25 рублей.

21-го ч. получил я письмо из СПб. от Члена Совета Министра Народного Просвещения, Д. Ст. Сов. Августа Матвеевича Гезена⁷⁵² – моего старого знакомого по Москве. Вот что он писал мне от 18-го числа:

«Будучи командирован летом прошлого года за границу для изучения разных учебных заведений, между прочими и итальянских, я был также в Риме, где виделся и с Кардиналом Питрой⁷⁵³, который постоянно, с искренней благодарностью, вспоминает о том радушии, с каким Ваше Преосвященство способствовали некогда его занятиям в Синодальной библиотеке. Он был очень рад, когда я ему сообщил, что осенью 1875 года я имел удовольствие видеть Вас здоровым в Харькове, и тогда же мне сказал, что пришлет мне два экземпляра нового своего издания: «*Analecta Sacra*»⁷⁵⁴, с тем, чтобы я препроводил один из них к Вашему Преосвященству с покорнейшей просьбой принять эту книгу и ознакомиться с изложенной в ней теорией просодии греческих церковных песней. Так как Вы много занимались греческими рукописями, то Кард. Питра считает Вас одним из наиболее компетентных судей по вопросам касающимся означенной просодии, и потому он выражал мне сильное желание, в интересах науки, узнать мнение Вашего Преосвященства об изложенной им теории, против которой возражал здешний профессор Ловягин⁷⁵⁵ в мартовской книжке Христианского Чтения 1876 года.

Посылая, вместе с сим, означенную книгу, прилагаю также адрес Кард. Питры, на случай, если Ваше Преосвященство

найдете достаточно свободного времени, чтоб исполнить его просьбу».

В ответ на это писал я от 1-го Мая:

«Для меня очень лестно, что высокочтимый Кардинал Питра до сих пор сохраняет о мне добрую память, засвидетельствуемую при том вещественным знаком.

С чувством особенной признательности я принял препровожденный ко мне экземпляр ученого труда Его Эминенции, и с великим усердием готов бы исполнить возлагаемое не меня поручение относительно отзыва изложенной в этом труде теории просодии греческих церковных песней, но, к стыду моему, я должен признаться, что я никогда не занимался изучением теории ни музыки, ни поэзии не только греческой, но и русской. Если мне случилось заниматься когда-то греческими рукописями, то я, как Вам известно, изучал их только со стороны палеографической, почти вовсе не касаясь их внутреннего содержания.

Прошу Вас покорнейше, Авг. Матвеевич, передать всё это досточтимому Г-ну Кардиналу Питра. Просил бы я также препроводить от моего имени Его Высокопреосвященству экземпляр моего археологического издания: «*Sacristie patriarcale dite Synodale a Moscou*». Книга эта посылается на имя Вашего Превосходительства. Другие две книжки, вместе с сим посылаемые, прошу Вас принять от меня на память».

В 12-й день апреля объявлен был в Кишиневе Высочайший Манифест о вступлении войск в пределы Турции для защиты от турецкого угнетения единоверных нам славянских племен. В тоже время Августейшая Покровительница⁷⁵⁶ Общества Красного Креста обратилась к русскому человеколюбию с приглашением оказать помощь в предстоящих нуждах и болезнях воинам, идущим на брань. – По поводу сего приглашения я обратился к духовенству Харьковской епархии с следующим пастырским воззванием:

«Недавно мы выслушали с благоговейным вниманием в святых храмах исшедшее из уст нашего Великого Самодержца и Верховного Вождя народа роковое слово, повелевающее доблестным войскам русским вступить в пределы Турции, для

восстановления и ограждения поправных бесчеловечной политикой и грубым произволом поклонников Ислама человеческих прав единовѣрных и единоплеменных нам братьев – Балканских славян.

Да благословит Всевышнй славою побед над врагами Креста Христова бранное оружие Христоролюбивого всероссийского воинства.

Одновременно с державным велением Монарха раздался кроткий глас и Его Августейшей Супруги – Матери Отечества – глас, призывающий всех сынов России послужить предстоящим нуждам и болезням воинов, подвизающихся на поле брани.

«Нужды больных и раненых воинов – вещает Сердобольная Матерь-Царица – будут велики и многообразны; но Я знаю, как велик дух братской любви и благотворительности, искони живущий в русском народе. Я уверена, что и теперь, когда наше храброе войско идет стать грудью против врага, за освобождение поработенных и угнетенных собратов, не оскудеет дающая рука и горячее чувство народное не ослабеет во всех сословиях и во всех краях нашего обширного Отечества. Всякое даяние будет благо, всякое приношение, и великое и малое, равно ценны пред Богом, как жертва любви, всех нас связующей во едино, во имя Христово».

Возлюбленные о Господе Отцы и братья! хотя на нас, как на служителях алтаря Господня, по преимуществу лежит в настоящую пору, как и всегда, священный долг возносить к Царю царей и Господу сил усердные и усиленные молитвы о даровании силы, крепости и мужества с храбростью Христоролюбивому воинству нашему на сокрушение врагов и супостатов братьев наших; но мы вместе с тем – и сыны России, и члены гражданского общества, и граждане нашего великого отечества, следовательно и к нам, наравне с другими, относятся пригласительные слова Благочестивейшей Государыни.

Поспешим же и мы, братья, на этот Царственный глас; принесем и мы посильные личные жертвы и, по возможности, уделаим что-либо из общецерковных сумм, на пользу доблестных

воинов, с самоотвержением подвизающихся за веру православную и за единоплеменных нам братьев на поле брани.

Приглашаю почтенное духовенство вверенной мне Харьковской епархии, как белое, так и монашествующее, доставлять свои пожертвования настоятелям обителей и местным о.о. Благочинным, с записью имен жертвователей и количества пожертвований на особых листах, которые вместе с сим рассылаются в каждый монастырь и каждое благочиние, с тем, чтобы собранные суммы вместе с подписными листами были доставляемы в нашу Канцелярию, для отсылки первых по назначению. Вещественные же приношения могут быть препровождаемы на имя о. Редактора Харьковских Епархиальных Ведомостей, протоиерея Иоанна Чижевского⁷⁵⁷.

Смиренный Савва, епископ Харьковский и Ахтырский. Апреля 26 дня 1877 года».

Данная мною 11-го марта и напечатанная в № 7 Харьковских Епархиальных Ведомостей резолюция по делу о прилитии священником Чеботаревым в чашу неосвященного вина, по недостатку в оной для причащавшихся прихожан Св. Крови, подала повод к укориженной и неблагонамеренной статье, помещенной в № 45 (от 24 апр.) известной Петербургской газеты «Церковно-Общественный Вестник».

Я не знал бы о существовании этой статьи, так как вовсе не читал означенной газеты, если бы мне не указали на нее другие.

Прочитавши статью, я испытал горькое, неприятное чувство, при мысли о невежестве и злонамеренности автора статьи и редактора газеты. Между тем, с другой стороны, слышал, что многие из городских священников и даже лица, ко мне; близкие, читавшие статью, выражали к ней сочувствие и разделяли мысли, в ней изложенные. Это побудило меня взяться за перо и написать опровержение неблагонамеренной статьи, не столько в виду защищения своей пастырской чести, сколько для разъяснения сущности столь важного предмета и для ограждения своей паствы от превратного понимания смысла данной мною резолюции.

Вот что было мною написано в опровержение помянутой статьи:

«Сущность передовой статьи № 45-го Церковно-Общ. Вестника заключается в рассмотрении и осуждении моей резолюции от 11 Марта, напечатанной в 7-м выпуске Харьковских Епархиальных Ведомостей.

Так как здесь идет речь о предмете очень важном, а именно о прилитии неосвященного вина в св. тайны, при оказавшемся недостатке Божественной Крови для причастников в одной приходской церкви, то нельзя не обратить внимания на эту статью и не разъяснить сущности этого предмета.

В статье своей автор – 1) кратко излагает сущность дела, по поводу коего дана мною резолюция; 2) повторив в сокращенном виде эту резолюцию, подробно разбирает 1-й пункт оной; 3) по поводу наложенной на священника, допустившего прилитие простого вина в св. тайны, эпителии на основании правила «Учительного Известия», печатаемого в конце служебника, подвергает строгой критике это правило и вообще «Учительное Известие»; 4) критически рассматривает 3-й пункт моей резолюции, где наложена мною эпителии на священника; 5) рассматривает 165 ст. уст. дух. консисторий и определяет отношение её к наложенной на виновного священника эпителии; 6) выражает, наконец, желание, чтобы все без изъятия архиерейские резолюции были обязательно печатаемы во всеобщее сведение.

Рассмотрим со вниманием каждый из этих пунктов по порядку.

1) Автор статьи пишет: «Сущность дела такая. В одной церкви, при которой состоят два или более причта, на первой неделе великого поста в субботу собралось так много исповедников, что очередной, совершавший литургию, священник затруднился всех приобщить: потребовалось разделить труды его, оказался даже недостаток в приготовленных св. тайнах. Местный священник в этом затруднительном случае поступил так: облачился сам, принял от совершавшего литургию часть даров в другую чашу и разделил труды его по причащению исповедников, а так как оказался недостаток в св. Крови, то употребил хранившуюся в запасе св. Кровь и прибавил несколько вина».

Но в действительности дело происходило таким образом:

9-го Марта помощник настоятеля В-ой церкви г. Х-ва, священник Н, довёл до моего сведения о следующем нововведении, которое он называет возмутительным. 12-го февраля, исправляющий должность псаломщика диакон Кр-кий, после причащения прихожан, заявил ему словесно, что он видел, будто бы настоятель священник Ч-в, причащая означенного числа пред другим алтарем прихожан, заметил в чаше недостаток Крови Христовой и, не желая открыть это пред народом, произвольно прибавил в св. чашу неосвященного вина и причастил несколько человек, произнося слова: «Честная Крове Господа.... причащается такой-то».

Впоследствии, тот же священник Н письменно объяснил мне, что он, как очередной, совершал в субботу на первой неделе литургию, что хотя исповедников, готовившихся к причащению, было более 500 душ, но он в состоянии был один всех причастить и на помощь себе настоятеля не приглашал; что настоятель, пришедши к концу литургии в церковь, по праву настоятеля, потребовал, дабы отделено было св. тайн тела и крови Христовых из чаши в другую, что, наконец, у него, по причащении всех подходивших к нему причастников, осталось в чаше столько св. даров, что ими можно было причастить человек до 40.

Получив сведения о таком нововведении, я не мог, конечно, не обратить на такое противозаконное действие священника Ч-ва своего внимания. Сначала призвал я псаломщика-диакона, как свидетеля поступка, допущенного настоятелем священником Ч-м. Диакон сначала словесно, а затем и письменно, показал, что настоятель, причастивши несколько душ, вошел в алтарь, потребовал от него красного вина и один ковш выпил сам, а затем прямо из бутылки влил около двух ковшов в потир.

Призванный мною вслед за диаконом настоятель Ч-в сначала не хотел признаться в том, что он приливал, в св. тайны вино, хотя и не отрицал того факта, что он сам пил вино; но затем, когда я ему сделал должное испытание и разъяснил тяжесть допущенного им греха, сказав при том, что, в случае его дальнейшего запирательства, о его поступке будет произведено

формальное исследование, он сознался в своей вине. При этом я спросил его: известно ли ему церковное правило, заключающееся в «Учительном Известии», где такое действие, как прилитие в св. тайны неосвященного вина, строго воспрещается, – он отвечал, что неизвестно и что он даже не знал о существовании этого «Известия». Когда же я показал ему в книге означенное правило, он очень смутился.

Вслед затем я велел ему тут же, в своей канцелярии, изложить на бумаге всё, что он говорил мне на словах. И вот его письменное показание: «В субботу на первой неделе великого поста я не служил литургии, как не седмичный, а между тем приобщал говеющих по принятому обычаю. В чаше, из которой я приобщал, остались св. дары, напоенные св. Кровию, довольно густые. Почему я, не желая, чтобы сетовали оставшиеся душ до 15-ти прихожан, вошел в алтарь, где совершалась литургия, взял с престола маленькую чашу, в которой хранилось около полустакана св. крови, приготовленной на случай приобщения больных младенцев, нередко приносимых в церковь в будние дни, вылил оную в большую чашу и не больше лжицы влил вина, совершенно невинно, основываясь на том, что, при приобщении больных, в сухие дары вливается вино, – что учинено мною без всякого умысла для оскорбления святыни происходящей (?) от небрежности, а просто по неведению»...

На этом письменном показании свящ. Ч-ва и дана была мною 11-го марта следующая резолюция: 1) чтобы в тех приходах, где два или три священника и где в храме не один престол, в случае великого множества причастников, совершаемо было две или три литургии; или если будет совершаться одна литургия, то совершаема была бы соборне всеми, какие состоят при церкви, священниками, и чтобы ни один священник, не совершавший литургии, не дерзал преподавать св. тайны причастникам в храме; 2) оставлять от литургии в чаше св. кровь под предлогом причащения младенцев в будние дни совершенно воспретить, так как она может подвергнуться от чьей-либо неосторожности пролитию; 3) священника Ч-ва, допустившего, вопреки строгого запрещения

церковного правила, прилитие в чашу неосвященного вина, послать на две недели в Преображенский Куряжский монастырь, с запрещением священнослужения и с тем, чтобы он при каждом богослужении полагал по сорока земных поклонов, с молитвою к Богу о прощении содеянного им греха, и затем, по очищении совести исповедью пред духовником, допущен был до священнослужения.

Через три дня после написания мною резолюции, именно 14-го того-же Марта, местный благочинный донес мне: «О поступке настоятеля священника Ч-ва словесно заявил мне священник N⁷⁵⁸, (помощник Ч-ва), 19-го февраля. Не допуская той мысли, чтобы священник Ч-в, студент семинарии, прослуживший 20 лет священником, несущий уже второе пятилетие почетную должность депутата, мог сделать подобный поступок, я спросил N, может ли он подтвердить свое заявление и кто этому был свидетелем; получив в ответ, что кроме псаломщика-диакона Кр-го никто этого не видел, но что и сей последний едва ли обнаружит, я советовал N не заявлять бездоказательно, не тревожить начальства и совести тех причастников, которых приобщал священник Ч-в; если же он намерен обнаружить, то предложил ему донести мне рапортом. В то же время, не оставляя без внимания столь важного дела, я пригласил к себе диакона Кр-го и предлагал ему – по чистой диаконской совести сказать правду, но, несмотря на все мои вопросы, просьбы и убеждения, диакон заявил, что в св. чашу священник Ч-в вина не подливал, а требовал оного для того, чтобы выпить. Так точно объяснил мне 20 февраля и священник Ч-в». В заключение своего рапорта благочинный просил меня подвергнуть диакона Кр-го, сокрывшего пред ним поступок священника Ч-ва, отеческому исправлению.

Вот истинные обстоятельства дела, о котором у нас с автором статьи «Церковно-Обществ. Вестника» идет речь.

Если сообразить теперь изложенные мною обстоятельства дела с краткою повестью о том же деле автора газетной статьи, то оказывается следующее.

Автор статьи утверждает, что очередной, совершавший литургию, священник затруднился всех приобщить; а сам

очередный священник пишет, что он мог без затруднения один причастить всех говевших прихожан. И это нисколько не удивительно. В других приходах Харьковской епархии, где при одном священнике бывает иногда вдвое и даже почти втрое больше приходских душ, нежели в Вознесенском при двух священниках⁷⁵⁹, священник однако же один, без посторонней помощи, удовлетворяет всех своих прихожан.

Автор статьи пишет, что оказался недостаток в приготовленных св. тайнах, а служивший священник N удостоверяет, что у него оказался ещё избыток в св. тайнах.

Автор статьи пишет: «местный настоятель облачился сам и разделил труды его, т. е. своего помощника, по причащению исповедников», но помощник не нуждался в помощи настоятеля и не приглашал его к разделению труда... Следовательно настоятель Ч-в, без особенной нужды, приступил к участию в причащении прихожан и допустил, без всякой надобности, нарушение церковного правила, прилив в св. тайны неосвященного вина.

«По-видимому, заключает автор статьи, настоятель не учинил никакой беды: поступил не незаконно и в сообразность с существующим обычаем: сила таинства нисколько не пострадала, соблазна ни малейшего, и нужда удовлетворена».

Но это только так кажется автору статьи; на самом же деле, настоятель Ч-в учинил великую беду, потому что допустил тяжкий грех; поступил совершенно незаконно, приливши в чашу неосвященное вино; от прилития неосвященного вина пострадала и сила таинства, иначе Церковь не назвала бы этого действия тяжким смертным грехом; соблазн произведен величайший, как видно из донесения священника N от 9-го Марта и рапорта благочинного от 14-го числа того же месяца; а нужда могла быть удовлетворена, как явствует из предыдущего, без нарушения церковного правила: стоило только настоятелю отослать 15-ть человек, для коих у него недостало в чаше св. крови, к его помощнику, у которого осталось св. причастия ещё человек для 40.

2) Далее – автор статьи подвергает рассмотрению 1-й пункт моей резолюции, где возбраняется священнику, без совершения

литургии, преподавать причастникам св. тайны в храме.

«Может ли вообще, спрашивает автор, священник, не совершая литургии, причащать кого-либо св. тайн? – Без сомнения, может», – дает сам же на свой вопрос ответ. Затем перечисляя особенные, внезапные случаи как то: болезнь, путешествие по суше и по водам и проч., заключает: «значит, Церковь полагает возможным преподавание св. тайн верующим, в нужде конечно, и без совершения литургии».

Но у меня в резолюции речь не об этих внезапностях и случайностях, которые мне известны не меньше, чем автору статьи, а о таких случаях, которые всегда могут и должны быть предусмотрены и которые повторяются ежегодно только в известные определенные времена, то есть, когда православные христиане, здравствующие и отрешившиеся, по возможности, от всех житейских забот и мирских сует, после пятидневного молитвенного приготовления, в великом иногда множестве, приступают в храме Божиим к таинствам исповеди и причастия. Вот к чему была направлена моя мысль, когда я писал свою резолюцию. После сего позволительно спросить: если один священник, не служащий, принимает на себя труд (без особенной иногда нужды) помогать другому священнику, совершавшему литургию, в преподавании св. причастия многочисленным исповедникам, то что могло препятствовать этому священнику или участвовать в совершении литургии, или совершить отдельно, на другом престоле, раннюю или позднюю литургию; и за этой литургией причастить часть исповедовавшихся прихожан? Можно ли на этот раз представить какие-либо другие уважительные причины, а не те, кои мною указаны в резолюции от 11-го марта (т. е. леность и недостаток благоговения к святым и страшным Христовым Тайнам)? В самом деле, когда священник, преподающий мирянам св. тайны, более может сохранить благоговейное настроение духа – тогда ли, когда он исполняет это по совершении им самим литургии, или тогда, когда он приступает к этому важному и священному делу без должного приготовления и даже, может быть, напившись дома чаю.

«На чем же, спрашивает автор статьи, – основано харьковское запрещение преподавать св. тайны в храме без совершения литургии? Единственно на личном усмотрении: канонических оснований не имеется».

Если бы даже это запрещение основывалось и на личном моем усмотрении, оно должно иметь обязательное значение для подчиненных мне пресвитеров, но оно имеет и каноническое основание – в повелении св. ап. Павла, который учит, что в церкви всё должно быть благообразно и по чину (1Кор.14:40). Кроме того, пресвитеры, по 79-му правилу апостольскому и по 57-му правилу Лаодикийского собора, ничего не должны делать без воли своего епископа.

Но есть ли, спрошу я в свою очередь, каноническое основание для того обычая, по которому православный священник преподает в храме, в дни св. сорокадесятицы, св. тайны без совершения литургии, напившись чаю и, может быть, позавтракавши, и в каком из двух обычаев больше благообразия и чинности, требуемых апостолом Павлом, в первом или последнем?

«А между тем, пишет далее автор статьи, запрещение может повести к последствиям весьма неудобным, к лишним стеснениям и пастырей и пасомых. Будут непременно случаи, что исповедники останутся непричастными св. тайн до другого дня»...

Никаких неудобных последствий от сделанного мною распоряжения произойти не может, никакого лишнего стеснения ни для пастырей, ни тем более для пасомых быть не может. Напротив, для пасомых, в том случае, если будет в приходской церкви две литургии – ранняя и поздняя, будет гораздо больше удобства и свободы: одни из прихожан, которые привыкли вставать рано, охотнее пойдут для причащения к ранней литургии; другие, которые не имеют этой доброй привычки, предпочтут идти к поздней. Оставшихся же непричастными в таком случае никак быть не может, ибо, при двух св. Агнцах и при двух чашах со св. кровию, будет вдвое больше и частиц св. тела, и св. крови, нежели при одном Агнце и при одной чаше. Это для всякого ясно до очевидности.

Но автор статьи продолжает настаивать на своем. «Обычай, пишет он, против которого направлено харьковское запрещение, введен, конечно, не священниками, не леностью их и недостатком благоговения; а как он существует не в одной харьковской епархии, то надо полагать, вводил его некто, имевший на то право и достаточное основание».

Кто же это некто? Уже ли какой-либо православный епископ? Но какая надобность и какое побуждение для епископа вводить в пределах своей епархии обычаи странные, бесчинные и несообразные с духом православной Церкви? Есть, например, в некоторых епархиях обычай, что приходские священники принимают на исповедь не по одному, как требует церковное правило, а по несколько человек вместе; ужели и этот обычай введен тем или другим архиереем? Но в таврической епархии, где этот обычай, видно, издавна существовал, он возбудил против себя со стороны епархиальной власти строгое преследование (Таврич. Епарх. Вед. 1876 г. № 22). Нет, неправильные и бесчинные церковные обычаи вводятся постепенно и затем поддерживаются не епископами православными, а именно приходскими священниками, или проникают в пределы древлеправославных епархий из епархий бывших униатских. Из вышеизложенного донесения помощника настоятеля, священника N, легко усмотреть, как в Харьковской епархии начал было заводиться небывалый и бесчинный обычай приливать в св. тайны вино неосвященное. Другой обычай, неслыханный нигде, обычай оставлять для младенцев св. кровь, недавно ввел в Харьковской епархии один просвещенный протоиерей – уроженец одной из юго-западных епархий, воспитанный, как видно, в понятиях униатских. К счастью, этот обычай очень мало имел и имеет между харьковскими священниками последователей.

3) «Настоятеля, пишет автор статьи, допустившего, вопреки строгого запрещения церковного правила, прилитие в чашу неосвященного вина, преосвященный Савва признал справедливым подвергнуть взысканию. Да позволено нам будет спросить: помещенное в служебнике «Учительное Известие», в котором содержится названное церковным правилом

запрещение, есть ли кодекс церковных канонов и может ли быть таковым признаваемо? Отнюдь нет; это не более, как наставление и разъяснение на разные случаи церковной практики, притом, прибавим, по содержащимся в нем недоразумениям, противоречиям, неясностям и проч., требующее безотложного, самого строгого пересмотра».

Но а) «Учительное Известие» подлинно есть в своем роде кодекс церковных канонов, определяющих «как долженствует иерею и диакону служение в церкви святых совершати» и проч. И поскольку это «Известие» печатается при церковно-богослужебной книге и издается от лица святейшего синода, высшего законодательного учреждения господствующей в пределах русского царства православной церкви, то оно по справедливости может назваться церковным актом и должно быть обязательно для всякого православного русского священнослужителя. б) Положим, что «Учительное Известие», по словам автора статьи, есть не более, как наставление и разъяснение на разные случаи церковной практики, но для чего же преподается это наставление, если не для того, чтобы ему внимали те, до кого оно относится; для чего разъяснение, если не для того, чтобы впредь не повторялись те случаи, по поводу коих сделаны те или другие разъяснения. в) Если автор статьи называет «Учительное Известие» разъяснением, то каким образом это «известие», по словам того же автора, оказывается неясным и содержащим в себе недоразумения и даже противоречия? И для кого собственно «Учительное Известие» оказывается таковым? Если для людей светских, то это неудивительно. Но оно не для мирян и писано; для тех же, к кому оно собственно относится и кто его внимательно хотя раз прочитал, оно не представляет ничего неясного и недоуменного, тем более противоречивого.

В пример противоречия «Учительного Известия» самому себе автор статьи представляет правило, воспрещающее приливать в чашу неосвященное вино. «По замечанию составителя⁷⁶⁰ «Учительного Известия», – пишет автор статьи, – священник, причащающий мирян, если к остающимся в чаше напитанным кровию частицам тела Христова прильет

неосвященного вина, смертно согрешит и подлежит казни извержения; высказавши такое строгое прещение, «Учительное Известие» прибавляет, что священник может всыпать в чашу запасные дары и продолжать преподавание св. тайн, разумеется, прибавив вина, – это уже не смертный грех и не такое дело, чтоб грозить извержением. Какая же разница между запасными дарами и оставшимися в чаше частицами тела и крови Христовой? Никакой; значит «Учительное Известие» явно само себе противоречит – что же это за церковное правило?»

Выпишем здесь подлинные слова «Учительного Известия», чтобы видеть, насколько правилен и основателен взгляд автора статьи па правило о прилитии в св. тайны неосвященного вина.

«Вестно тебе буди, о иерею, яко аще мнози будут причастницы, никоже да дерзнеша (недоставающе в святой чаши Божественныя крове, или тела) прилити вино, или хлеб простой всыпати: смертно бо тяжко согрешити, и извержения казни подпадеша. В таковом убо случаи до утрия повели иным пождати, и служив причасти тыя, или от кивота хранимыя больных ради божественныя тайны, всыпи во св. чашу, и причасти тыя по обычаю».

Вникнем несколько глубже в смысл этих наставительных слов «Учительного Известия». Здесь преподается наставление приходскому священнику на тот случай, если у него причастников слишком много, а освященных даров тела и крови Христовой недостаточно. Тут могут быть два случая: или неостанет, по числу причастников, частиц тела Христова, при оставшейся в чаше крови Христовой, или неостанет для всех Божественной крови. В первом случае «Учительное Известие» дозволяет всыпать в чашу хранимые в кивоте больных ради Божественныя тайны, совершенно возбраняя в тоже время всыпать простой хлеб. Во втором случае повелевает отложить причащение говевших до следующего дня, но отнюдь не дозволяет приливать вина, под опасением смертного греха и казни извержения.

Есть ли здесь в чем-либо противоречие «Учительного Известия» самому себе?

Чтобы найти в наставлении «Учительного Известия» противоречие самому себе, автору статьи Церковно-Общественного Вестника угодно было вставить измышленные им самим слова: «разумеется, прибавив вина». Слов этих, как всякий легко может видеть, в подлинном тексте нет, да и не могло быть, ибо, при вложении запасных св. даров в чашу, в которой есть ещё достаточно Божественной крови, какая надобность приливать туда простое, неосвященное вино? И после этого автор статьи с изумлением ещё спрашивает, «что же это за церковное правило?» Не большее ли изумление должен возбудить в умах здравомыслящих и благомыслящих людей самый этот вопрос почтенного автора.

«При том известно, продолжает рассуждать автор статьи о правиле «Учительного Известия», – что в чашу приливается вода в теплоте, – почему не может быть прилито вино?»

Потому, отвечаю я, что приливать к освященным тайнам простое, неосвященное вино нет ни надобности, ни цели, тогда как прилитие в потир воды – на проскомидии холодной, а по освящении Даров, пред причащением, непременно теплой, имеет свой особый смысл и свое значение, ибо в богослужении православной Церкви и при совершении таинств ничего не делается без мысли и без цели. На проскомидии священник, наполняя чашу вином, соединенным с водою, этим показывает, что, по прободении на кресте Христа, из Божественного ребра Его абие изыде кровь и вода. По освящении св. даров и пред причащением установлено Церковью вливать в чашу теплую воду, как образ св. Духа, или, в знамение того, что кровь, которая истекает из жертвы, недавно закланной, бывает теплою, дымящеюся и даже жизнью еще дышащею (см. Нов. Скриж. ч. 2, § 37 стр. 98, и §§ 73 и 74, стр. 170 и след. Спб. 1858 г.). Какой же, спрашивается, смысл и какое значение может иметь неосвященное вино, вливаемое в освященные тайны?

«На литургии преждеосвященных и больным преподаются св. дары в вине тоже неосвященном, почему здесь нет смертного греха?»

Потому, что, по наставлению Новой Скрижали, в преждеосвященных дарах вино и вода, вливаемые в

соединение, имеют другое значение, нежели какое они имели на проскомидии полной литургии (там же § 18 стр. 215).

«По справедливости», заключает автор статьи свое рассуждение о правиле «Учительного Известия», – в данном случае следовало возбудить вопрос о пересмотре «Учительного Известия», а отнюдь не карать священника за недоразумения, которым и конца не будет, пока существует названное «Известие» в настоящем его виде». Но прежде чем пересматривать какое бы то ни было сочинение, надобно его хотя однажды прочитать, чтобы знать, что в нем содержится и что должно подлежать пересмотру. Но если священник Ч-в, в продолжении 20 лет, ни разу не прочитал «Учительного Известия» и даже не знал о его существовании, хотя оно заключается в той книге, по которой он почти ежедневно совершает богослужение, то каким образом отсюда следует, что «Учительное Известие» должно подлежать пересмотру? И чем виновно это «Известие», что священник, не читая его, впадает в недоразумения и тяжкие грехи? – На этом основании следовало бы подвергнуть пересмотру и другие церковные книги и даже Библию, так как, к великому прискорбию, есть священники, которые не только не читают, но даже вовсе не имеют этой священной книги ни у себя, ни в церковных библиотеках. Нет, не пересмотра «Учительного Известия» надлежит требовать, а надобно убеждать приходских священников, чтобы они чаще перечитывали это «Известие», и тем предохраняли себя от грехопадений.

4) Приступая к критическому рассмотрению 3-го пункта моей резолюции от 11-го Марта, где священнику Ч-ву назначена эпитимия, автор передовой статьи Церковно-Общественного Вестника пишет: «сочтено справедливым «Учительное Известие» оставить неприкосновенным источником недоразумений и придилок, а священнику назначить взыскание».

Действительно, сочтено справедливым «Учительное Известие» оставить неприкосновенным источником только не недоразумений и придилок, как выражается автор статьи, а источником необходимых сведений и весьма благопотребных

наставлений о том, «како долженствует иерею и диакону служение в церкви святей совершати и приуготовлятися к священнодействию, наипаче же к Божественной литургии, и каковыя бывают бедственные и недоуменные в скорости случаи, како в том исправлятися» (Заглавие «Учительного Известия»).

«Соответствует ли по крайней мере взыскание вине», – спрашивает автор статьи?

Отвечаю: не соответствует в том смысле, в каком автор понимает это несоответствие взыскания вине.

«С одной стороны, – так начинает автор разрешать предложенный им самим вопрос, – если допущена ошибка, то, очевидно, по недоразумению и неведению, – священник хотел правильно выйти из затруднения, но запутался в лабиринте «Учительного Известия», которое, по-видимому, знал не так твердо, как иные записные начетчики и заправские казуисты»...

Нет, священником Ч-вым допущена не ошибка, а тяжкий смертный грех, и притом не по недоразумению и неведению, а по крайнему легкомыслию и грубому, неизвинительному для священнослужителя, носящего на себе 20 лет священный сан, невежеству.

Священник, по словам автора, хотел правильно выйти из затруднения, но затруднения у него, как мы видели выше, никакого не было, и правильный выход был для него весьма незатруднителен; ему надлежало только прекратить причащение и отослать непричастившихся прихожан к другому священнику.

Священник Ч-в, по выражению автора, запутался в лабиринте «Учительного Известия», но он запутаться в этом лабиринте никак не мог по той простой причине, что он, в течении 20 лет, ещё ни разу не входил в него и даже не знал к нему дороги.

«По-видимому, знал (Учител. Изв.) не так твердо» – совершенно не знал и не хотел знать.

«С другой стороны, – продолжает рассуждать автор, – за невольную и ненамеренную ошибку назначается наказание не

только тяжкое, но даже соединенное с истязанием (курсив в подлиннике)».

Не невольная и ненамеренная, а совершенно произвольная и намеренная, только лишь безрассудная, допущена священником Ч-вым ошибка, если только можно назвать ошибкой тяжкий грех. Взыскание назначено виновному не только не тяжкое, но даже слишком снисходительное, далеко не соответствующее вине, как увидим ниже.

«Священник запрещается в священнослужении, посылается в монастырское заключение, как некий в своем роде арестант, отрывается на две недели от службы, от семьи, от хозяйства, – значит подвергается немалым материальным потерям, вместе с тем необходимо унижается перед подчиненным клиром и перед своей паствой, наконец обязывается отбивать 40 земных поклонов за каждой службой, т. е. в день минимум 120 поклонов».

Но – а) защищаемый автором священник Ч-в запрещен в священнослужении, потому что допустил тяжкий смертный грех;

б) послан в монастырь не в качестве арестанта (арестантов сажают в острог, как недавно был случай с одним священником здешней же епархии), а в качестве эпитимиста, для очищения совести молитвою и покаянием;

в) удален от совершения богослужения, как впадший в смертный грех, «таковый бо, по наставлению Св. Димитрия, митрополита Ростовского, да не дерзнет литургисати, дбндеже очистит грех свой покаянием, а литургисая в грехе смертном раздражает Бога зело»⁷⁶¹.

г) от семьи и от хозяйства (хотя у городского священника, каков священник Ч-в, хозяйства, разумеется, полевого, никакого нет) приходские священники нередко добровольно, а часто и самовольно, отлучаются не только на две недели, но и более, не только за десять верст, как в настоящем случае, но за сто и более, под предлогом свидания с родственниками, или друзьями.

д) перед подчиненным клиром и перед паствой роняет настоятеля не законное взыскание, налагаемое на него

законной властью, а его незаконные действия и проступки, подвергающиеся взысканию.

е) обязывается, наконец, класть (а не отбивать) поклоны, как грешник, кающийся пред Богом и умоляющий Его благость о прощении содеянного им греха.

Назначение по 40 земных поклонов за каждой службой: автор статьи называет истязанием. Но чтобы он сказал, если бы ему известно было постановление православной церкви, по которому каждый православный христианин обязывается во время чтения на утрени, в четверг 5-й недели четьиредесятницы, великого канона, пред каждым тропарем полагать по три поклона; а как всех тропарей в каноне 266, то выходит 798 поклонов? В новопечатной постной триоди не определено в точности, какие должны быть полагаемы поклоны – поясные, или земные; но в триодях старопечатных показаны – земные поклоны, – что в точности и выполняется в единоверческих церквях. По взгляду автора, это телесное истязание? Или: в 75-м правиле Номоканона, печатаемого в конце малого требника, изображено: «духовный отец, аще исповесть кому грех исповедавашагося, имать епитимию: три лета да есть празден (т. е. устранен от священнослужения), токмо да причащается в месяц единою, и да творит на всяк день поклонов сто». Что же – и это телесное истязание?..

«Заслуживает внимания, – продолжает автор, – что всё это продельвается (!) с полной публичностью, даже с некоторой похвальбой».

Что разуметь под публичностью? Публичную епитимию, или публикацию в газетах? Если публичную, явную епитимию, то за явный грех и следовало виновного подвергнуть явной епитимии. – «Согрешившим в тайне, – пишется в книге о должностях пресвитеров приходских, – тайная и епитимия да определится; за явные соблазны да вдается епитимия явная» (§ 107 стр. 158). Так как поступок священника Ч-ва относится к явным грехам, то он и подвергнут епитимии публичной – монастырскому подначалию. В чем однако же заключается эта публичность? Приходит священник наряду с монастырской братией в храм Божий; войдет, как священнослужитель, в

алтарь, станет где-нибудь в стороне, начнет с благоговением и сердечным умилением, как свойственно кающемуся грешнику, полагать земные поклоны пред святыми иконами, или пред престолом Божиим, в присутствии иеромонаха и еще двух-троих из братий, находящихся при алтарном послушании; вот и вся публичность!

Если же под публичностью разумеет напечатание резолюции в епархиальных ведомостях, то и это допущено не без основания и не без цели. Епископу сказано: *согрешающих пред всеми обличай, да и прочии страх имеют* (1Тим.5:20). С той именно целью и напечатана резолюция (без оглашения впрочем имени виновного), чтобы все священники вверенной мне епархии предостерегали себя от поступков, подобных поступку священника Ч-ва, и чтобы мне, как законному и Богом поставленному в пределах епархии блюстителю церковных правил и законов, не иметь печальной необходимости повторять над кем бы то ни было совершения такого же суда, какой совершен по отношению к священнику Ч-ву.

«Так трактуется, – заключает автор свою трактацию 3-го пункта моей резолюции, – пастырь церкви, настоятель, ради чего? Ради славы Божией, ради блага человечества, ради пользы религии, или – ради буквы «Учительного Известия»?

В самом деле, скажите, положа руку на сердце, ради чего такое жестокое отношение к пастырю?»

Так трактуется пастырь церкви, настоятель? Но какой пастырь, какой настоятель? Если такой, как священник Ч-в, то его иначе и трактовать нельзя. К счастью, таких настоятелей в Харьковской епархии не слишком много. Большинство суть *пресвитеры добре прилежащи; немало между ними и труждающихся в слове и учении* (1Тим.5:17), которые за свои труды *сподобляются сугубая чести*. Между тем как, в течении года, суду непосредственно архиерейскому подвергаются два-три священника, к наградам ежегодно представляются чуть не сотни.

Ради чего так трактуется пастырь – ради славы Божией? – Именно ради славы Божией, ибо такими пастырями и такими

действиями, как поступок священника Ч-ва, имя Божие хулится в православном народе.

Ради блага человечества? Так, ради блага человечества, или, частнее, ради паствы, вверенной духовному руководству и попечению священника Ч-ва, ибо, по словам Златоустого, «иерей, недостойне литургию служай, наводит гнев Божий не токмо на единого себя, но и на весь народ»⁷⁶².

Ради пользы религии, или – ради буквы «Учительного Известия»? – Ради той и другой. поскольку священник Ч-в своим нерассудительным поступком, т. е. прилитием в св. тайны неосвященного вина, оскорбил таинство и нарушил ясное и строгое церковное правило, то я, как строитель, по благодати Божией, таин, не мог не вступить за оскорбление таинства, и как епископ, подчиненный высшему священноначалию, не мог и не могу допускать безнаказанно нарушение правил, изданных от лица сего священноначалия. Пред своею архиерейской хиротонией, я торжественно, пред лицом всей церкви, обещался «не приимати странных обычаев (каков обычай прилития простого вина в св. тайны) в церковных преданиях и чинех, но хранить предания и чины вся неизменно с кафеолической восточной церковью православной, и согласно и единодушно со святейшим правительствующим всероссийским синодом».

«Ради чего такое жестокое отношение к пастырю?»

В настоящем случае не только не жестокое, а напротив – самое милостивое, самое снисходительное допущено отношение к священнику Ч-ву, как это сейчас будет доказано.

Священник Ч-в виновен не только в том, что он позволил себе, без всякой нужды, прилить, вопреки ясному запрещению церковного правила, в св. тайны неосвященного вина, но и во многом другом.

Положим, что он, не зная вовсе о существовании церковного правила, учинил свой поступок в состоянии неведения, хотя незнанием закона никто не может оправдываться, и продолжал священнодействовать с невозмущенною, по-видимому, совестью. Чрез 8 дней по учинении поступка, 20-го февраля, его допрашивает об этом

благочинный; но он, отвергнувши самый факт поступка, продолжает священнодействовать. Это уже не есть состояние неведения. После сего совесть не могла уже не изобличать священника Ч-ва и не побуждать его к признанию незаконности его поступка, а между тем он все-таки продолжает священнодействовать; и как поступок его, по определению церковного правила, есть тяжкий смертный грех, то он, по силе вышеприведенного мною наставления св. Димитрия Ростовского, не должен был литургисать, пока не очистит грех свой покаянием. Мало того: священник Ч-в и 10-го марта, когда призван был мною для допроса по сему делу, не с первого раза сознался в учинении противозаконного поступка, а после того уже, как ему было объявлено, что о его поступке будет произведено формальное исследование. Итак, священник Ч-в к своему первому проступку присоединил ещё заpiresательство и священнодействие в смертном грехе, без очищения совести покаянием.

Теперь, если слова «Учительного Известия»: «смертно тяжко согрешиши и извержения казни подпадеши», – не суть слова праздные и ничего не значащие, то священник Ч-в, допустивши через прилитие в св. тайны простого вина смертный грех, подлежит за это извержению из сана, а по совокупности с другими проступками, увеличивающими его вину, он подвергался ещё более строгому наказанию, если только может быть для священника более тяжкое наказание, чем извержение из сана.

Так с священником Ч-вым и должна была бы поступить консистория, если бы на её суд отдан был его поступок, но так ли с ним поступлено? И после этого, автор статьи позволяет ещё себе укорять меня в жестоком отношении к священнику Ч-ву!..

Без сомнения, если бы этот священник, сознавши свой тяжкий грех, сам поспешил явиться ко мне и принести искреннее раскаяние в своем грехе, я поступил бы с ним, по данной мне, как епископу, власти, ещё снисходительнее: назначил бы ему, на основании 12-го пр. 1 Всел. Соб. и 61 и 74

правил Василия В., тайную, домашнюю эпитимию и на менее продолжительный срок.

Но автору газетной статьи, очевидно, хотелось бы, чтобы священник Ч-в оставлен был без всякого взыскания, так как и поступок его он даже сомневается назвать настоящим его именем, выражаясь так: «поступок настоятеля, если считать его проступком» и проч. Но с таким требованием безнаказанности и с таким взглядом на поступок священника Ч-ва согласиться никак не могу. Мне известно 102-е правило VI Вселенского Собора, которое гласит: «не должно ниже гнати по стремнинам отчаяния, ниже опускати бразды к расслаблению жизни и к небрежению». Слышу также наставительное на сей раз апостольское слово: *овех убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня, восхищающе* (Иуд.1:22–23).

5) Автор статьи, желая окончательно убедить себя и других в незаконности и несправедливости моего суда над священником Ч-вым, обращается к 165 ст. Устава дух. консисторий и думает изобличить меня в превышении власти по отношению к виновному священнику. «Посмотрим, – пишет он, – на сколько легально поступлено с священником. По 165 ст. Уст. дух. конс., непосредственно архиерейскому суду подлежат проступки неведения и нечаянности, проступки, несоединенные с явным вредом и соблазном, замеченные в человеке безукоризненной жизни, и жалобы, приносимые именно с тем, чтоб поступившего неправильно исправить архипастырским судом и назиданием без формального производства. Очевидно, поступок настоятеля, если считать его проступком, подлежит суду архиерейскому».

Остановлюсь здесь и мимоходом замечу, что, хотя автор статьи снисходительно предоставляет моей архиерейской юрисдикции настоящий поступок священника Ч-ва, я должен объяснить г. автору откровенно, что поступок о. Ч-ва, по строгому суждению, не должен был бы подлежать непосредственно-архиерейскому суду на основании той же самой 165 статьи, так как в этой статье, между прочим, сказано, что судопроизводству непосредственно архиерейскому подлежат проступки, замеченные в священнослужителе,

которого прежние поведение было неукоризненно; между тем прежние поведение священника Ч-ва было далеко не безукоризненно: он не раз подвергался уже за разные предосудительные проступки суду – и непосредственно-архиерейскому, и формальному-консисторскому. Тем не менее я решился, в настоящем случае, лучше отступить от буквы закона и подвергнуть поступок священника Ч-ва своему собственному суду, нежели отдать его на суд консистории, которая, на основании тех данных, какие мною изложены выше, и на основании ясного правила «Учительного Известия», подвергла бы виновного несравненно более строгому взысканию, нежели какому он подвергнут мною. Вообще должно сказать, что суд непосредственно архиерейский всегда может быть снисходительнее и безвреднее для подсудимых, чем суд консисторский, так как, с одной стороны, архиерею предоставлено соборными правилами право и смягчать наказание для виновного, и сокращать время эпитимии, на него наложенной, – чего консистории законом не предоставлено, а с другой стороны, случаи архиерейского суда не вносятся в формулярные списки, между тем как взыскания, наложенные по формальному суду консисторскому, должны быть вносимы в эти списки, и раз внесенный в формулярный список штраф никогда уже не изглаживается. Посему нередко случается, что виновные священнослужители не только словесно, но и письменно просят для себя, как милости, суда непосредственно архиерейского.

«Что же по 165 ст. делает архиерей, как судья?» – спрашивает автор статьи, и сам же отвечает: «Если, по негласному дознанию, оговор подтвердится, архиерей может вызывать обвиняемого к себе, испытывать его совесть и затем или отпускать прямо на место с пастырским вразумлением или притом наложить приличную эпитимию, с прохождением оной на месте или в архиерейском доме, до двух недель, а в случае отдаленности местожительства обвиняемого, поручает вразумление его кому-либо из доверенных духовных лиц, или подвергает его эпитимии, с устранением на означенное время (до двух недель) от священнослужения. Так ли поступлено в рассматриваемом случае, – заключает автор свою длинную

тираду, – как велит 165 ст. консисторского устава, это очевидно для всякого».

По мнению автора, не так, а по моему убеждению, совершенно так, как требовала означенная 165 статья, а именно: на настоятеля Ч-ва поступила ко мне от его помощника жалоба на возмутительное нововведение; обвиняемый вызван мною в архиерейский дом; взято от него показание, сначала устное, а затем письменное в моей канцелярии; испытана мною его совесть и, по испытании, оказалось нужным наложить на него эпитимию, с прохождением оной до двух недель и притом с запрещением священнослужения. Отступление, по-видимому, допущено только в том, что священник не оставлен мною в архиерейском доме, а послан в монастырь.

«На каком же это основании?» строго вопрошает автор.

А вот на каком: харьковский архиерейский дом находится, как известно, в монастыре, и следовательно священник Ч-в очутился бы не в архиерейском доме, а в монастыре. Но я предпочел послать его в загородный монастырь, отстоящий впрочем от епархиального города не далее 10-ти верст, желая тем оказать ему новое снисхождение. Так как виновный священник Ч-в принадлежит к числу харьковских градских священников, то для него, без сомнения, было бы тягостнее проходить эпитимию там, где все его знают, нежели в загородном монастыре, где он разве только немногим из братии известен.

«Никакой закон, – с уверенностью говорит автор, – не дает архиерею права посылать кого-либо из клира в монастырь не только на две недели, но и на один день».

Совершенная неправда, г. автор. Архиерею предоставляют право посылать, кого бывает нужно, в монастырь и закон, и церковная практика, и даже здравый смысл человеческий.

По ст. 187-й Уст. дух. Консисторий, в числе мер взыскания и исправления, в пун. 5-м показывается временное испытание в архиерейских домах и монастырях; следовательно, для закона безразлично – в монастырь ли послать виновного священнослужителя на испытание, или при архиерейском доме оставить. Но автор возражает, что эта мера взыскания

определяется только по суду. Справедливо, но по какому суду? По епархиальному, как над вышеупомянутой 187 статьей Устава, вверху 72-й страницы, и значится: епархиальный суд. Но кому принадлежит епархиальный суд? Епархиальное судопроизводство, по ст. 164 Устава консисторского, бывает двоякое: или непосредственно архиерейское, или через Консисторию. К какому же, спрашивается, из этих двух судопроизводств принадлежит мера взыскания, показанная в 5-м пункте 187-й статьи? Если к консисторскому, как очевидно, хотелось бы автору, то архиерей не может никого подвергать испытанию и в своем архиерейском доме, так как в означенном 5-м пункте наряду с монастырями поставлены и архиерейские дома; но в таком случае 5-й пункт оказался бы в противоречии с ст. 165-ю, которая предоставляет архиерею право назначать виновным эпитимию с прохождением оной в архиерейском доме. Между тем противоречия тут не окажется никакого, если мы обратимся к первоначальному источнику, на основании которого составлена 165-я статья Устава консисторского. – Основанием для этой статьи служит указ Св. Синода от 17-го марта 1828 г., последовавший вследствие Высочайшего повеления. В 9-м пункте этого указа изображено: «тех (священнослужителей), о которых неофициально дойдет до сведения епархиального архиерея, что они замечаются в нетрезвости или других неприличных званию поступках,.. брать епархиальному архиерею под личный надзор для испытания их поведения в архиерейский дом на один или два месяца, или, когда то, по особенным обстоятельствам архиерейского дома, окажется неудобным, с таковою же целью посылать в монастырь под личный надзор благонадежного настоятеля».

В виду этого указа, составитель проекта Устава дух. Консисторий, почивший в Бозе митрополит Московский Филарет всегда посылал виновных священнослужителей, по своему непосредственно-архиерейскому суду, на эпитимию в разные монастыри, смотря по местожительству виновного и по удобству, как это всякий может видеть из тех многочисленных его резолюций, которые, в продолжении уже нескольких лет, печатаются в «Душеполезном Чтении» и в других журналах. По

примеру почившего иерарха, всегда невозбранно поступали и другие епархиальные архиереи, не исключая и моих предшественников по харьковской кафедре. Почему же, спрашивается, один я не могу пользоваться таким правом?

Если, наконец, по требованию автора статьи, слепо держаться буквального смысла 165 ст. Консисторского Устава, то могут встретиться немаловажные коллизии и затруднения. Хотя в этой статье речь идет, по-видимому, только о суде над белым духовенством, но всякий, конечно, должен согласиться, что непосредственно-архиерейскому суду, наравне с лицами белого духовенства, подлежат и монашествующие. По своеобразному толкованию автором 165-й статьи, архиерей может заставлять виновное лицо проходить назначенную ему эпитимию только на месте или в архиерейском доме, а отнюдь не в монастыре. Но представим, что подвергся архиерейскому суду монах (что весьма нередко бывает); что с ним делать архиерею? Послать для прохождения эпитимии на место? нельзя, потому что монах живет в монастыре, а послать для эпитимии в монастырь автор статьи Церковно-Общественного Вестника строго возбраняет архиерею. Совершила какой-либо проступок неведения и нечаянности, подлежащий непосредственно-архиерейскому суду, игуменья или простая монахиня. Назначив той или другой эпитимию, посылать их для исполнения эпитимии в свой же монастырь бывает иногда неудобно, потому что могут соблазниться и впасть в грех осуждения или укоризны прочие сестры. Что в таком случае делать архиерею? Послать виновную в другой монастырь он, по строгому запрещению автора, не смеет даже и на один день. Вот к каким несообразностям может приводить узкое и превратное понимание церковных правил и законов!

«О поклонах мы уже не говорим, – продолжает автор, – не говорим насколько прилично, разумно и полезно для благочестия молитвенные телесные действия обращать в карательную меру и насколько вообще уместны телесные истязания, хотя бы в форме поклонов, но ведь и поклоны могут быть назначаемы только епархиальным судом (см. ст. 187-ю Уст. д. Конс.)».

Если понимать статью 187-ю консисторского устава так, как понимает автор передовой статьи Церковно-Общественного Вестника, то архиерей не имеет права делать виновному священнику не только строгого, но и простого выговора и даже замечания, потому что и эти меры взыскания заключаются в той же 187 статье. В чем же, спрашивается, будет заключаться приличная эпитимия, которую налагать предоставляется архиерею право на виновных священнослужителей статьей 165-й того же консисторского устава, – какого права не лишает архиерея и сам автор передовой статьи? В пространном катехизисе православной церкви эпитимия определяется так: «слово сие значит запрещение (2Кор.2:6). Под сим наименованием, смотря по надобности, предписываются кающемуся некоторые особенные благочестивые упражнения и некоторые лишения, служащие к заглаждению неправды греха». Спрашиваю; относятся ли к благочестивым упражнениям земные поклоны, или нет? Очевидно, относятся. По изъяснению Новой Скрижали, эпитимии состоят в запрещении употреблять в пищу масло, рыбу и мясо, в назначении некоторого числа поклонов с молитвой Иисусовой и проч. (Нов. Скр. ч. IV. § 6, стр. 52). – Следовательно, архиерей, вопреки запрещению автора статьи, не лишен права назначать виновным священнослужителям поклоны с молитвою⁷⁶³. В данном случае так и поступлено со священником Ч-вым: ему назначено полагать по 40 земных поклонов с молитвой к Богу о прощении содеянного им греха.

6) «Повторяем, пишет автор газетной статьи, душевную благодарность почтенной редакции «Х. Еп. Вед.» за напечатание рассмотренного нами решения архиерейского суда. Почаще бы подобные откровения; как бы это было хорошо и поучительно».

Напрасно автор статьи благодарит и даже повторяет свою благодарность редакции «Х. Еп. Вед.» за напечатание моей резолюции: эта часть ей не принадлежит. Резолюция напечатана в Епарх. Вед. по моему непосредственному личному распоряжению, с той именно целью, какая была изъяснена выше.

«А ещё бы лучше, если бы все без изъятия архиерейские резолюции были обязательно печатаемы во всеобщее сведение»...

К удовлетворению этого желания со стороны архиереев, без сомнения, не может быть никакого препятствия, и опасности никакой для них здесь не предусматривается; да в настоящее время немало уже и печатается архиерейских резолюций в разных журналах и газетах не только духовных, но и светских. Но будет ли это в интересах подведомого архиереям духовенства? Для того, чтобы архиерейская резолюция была вполне понята и не возбуждала в уме читателя никаких недоразумений, необходимо, разумеется, предварительно изложить все обстоятельства дела, по которому дана та или другая резолюция, с ясным при том означением имени лица подсудимого. Но это, как выражается автор статьи, откровение едва ли будет достожелательно для многих подсудимых, не исключая и священника Ч-ва, о котором до сих пор шла речь. Едва ли, с другой стороны, такое откровение может быть назидательно и для читателей, в особенности духовных детей того или другого из подсудимых пастырей. Ведь и священники, как немощные существа, не чужды бывают иногда таких грехов и пороков, о которых не только печатать, но и говорить вслух не подобает, без опасения соблазна для мирских людей.

«И помимо громадной пользы, какое бы это было многосодержательное чтение... Это уже было бы получше, чем разные мифические сказания о трогательных прощениях с паствами и о пролитых сими последними ручьях слез; получше даже, чем иные домашнего приготовления похвалы от человек и витиеватые речи о подвигах и совершенствах».

О вкусах спорить не следует: одним нравится чтение сказаний о трогательных прощениях пастырей, разлучающихся с паствами; для других усладительную пищу могут доставлять повести о скандалах, производимых приходским духовенством. Симпатии автора передовой статьи, очевидно, на стороне последних.

Кажется, я исчерпал всю мудрость, заключающуюся в передовой статье № 45 Церковно-Общественного Вестника,

внимательно пересмотрел и по достоинству оценил каждую её мысль, каждое почти выражение. Остается теперь подвести итоги наших взаимных с автором пререканий, чтобы сделать окончательное заключение о достоинстве названной статьи.

Вот эти итоги:

1, Настоятель священник Ч-в нарушил явное церковное правило, допустивши прилитие в св. тайны неосвященного вина.

Автор передовой статьи утверждает: настоятель Ч-в не учинил никакой беды.

2, Архиерей, на основании апостольского повеления, возбраняет подчиненным ему священникам преподавать, без совершения литургии, св. тайны причащающимся в св. Четыредесятницу прихожанам в храме.

Автор статьи признает это архиерейское распоряжение самовольным и неканоническим.

3, Происхождение обычая преподавать св. тайны без совершения литургии архиерей объясняет леностью и недостатком благоговения к св. тайнам.

Автор статьи усматривает в сохранении этого обычая уважение к преданиям старцев.

4, Настоятель священник Ч-в, в продолжении 20 лет своего служения, ни разу не прочитал «Учительного Известия», и допустил нарушение одного из его важнейших правил.

Автор статьи настойчиво требует безотложного, самого строгого пересмотра этого «Известия».

5, Православная Церковь воспрещает, под угрозой извержения из сана, приливать в св. тайны простого вина.

Автор статьи властительно разрешает это.

6, Епископ подвергает священника Ч-ва, допустившего смертный грех, самой снисходительной эпитимии.

Автор статьи называет это жестоким отношением к пастырю. Наконец –

7, Архиерей действует в данном случае в точной соответствии с церковными канонами и постановлениями высшей церковной власти.

Автор статьи признает его действия незаконными и самочинными.

После всего, мною изложенного, если доводы автора передовой статьи в защиту священника Ч-ва положить на весы строгого правосудия, все они едва ли не окажутся, по выражению Псалмопевца, легче пухоты (Пс.61:10).

А между тем, разобранный нами статья не могла конечно не произвести своего рода впечатления в читателях, особенно таких, кои мало знакомы с существом дела, о котором в ней шла речь; не могла и не может не принести, по роду своему, плодов, разумеется, горьких и ядовитых. Нет сомнения, что рассудительные и опытные священники не увлекутся ложными идеями этой статьи, по священники, подобные Ч-ву, внимая этой легкомысленной неблагонамеренной статье, могут со спокойной совестью приливать к св. тайнам неосвященное вино и пренебрегать всеми церковными правилами и канонами, будут порицать епископов за возложение на них в случаях, подобных настоящему, епитимий, могут даже, полагаясь на авторитет и защиту Церковно-Общественного Вестника, отказывать своим архипастырям в законном повиновении и т. д.

Вот к каким печальным результатам может привести необдуманная статья № 45 Церковно-Общественного Вестника!

Горе миру от соблазн, но вящее горе человеку, имже соблазн приходит! (Мф.18:7)»⁷⁶⁴.

Такое разъяснение дела и такое изобличение злонамеренной критики на мою резолюцию успокоило умы подводомых мне пастырей. Но моя полемика с Церковно-Общественным Вестником возбудила против меня нареkanie со стороны некоторых редакций журналов и газет в ином смысле, а именно: меня упрекали, зачем я, епархиальный архиерей, вступаю в бесполезную и недостойную моего сана борьбу с таким органом печати, каков Церковно-Общественный Вестник. Так в газете «Современные Известия» (№ 142), корреспондент этой газеты из Харькова, между прочим, пишет: «В настоящее время преосв. Савва в местных Епарх. Вед. восстанавливает факт возмутительного поступка священника и доказывает справедливость своей резолюции. К сожалению, ответ

преосвящ. Саввы производит тяжелое впечатление, в виду того, что всеми уважаемый епископ счел возможным оправдываться пред клеветой, взведенной на него со стороны подобного органа печати, как вышеназванный вестник».

Еще сильнее упрекал меня редактор известного, к сожалению, вскоре прекратившегося журнала: «Домашняя Беседа», Виктор Ипатьевич Аскоченский⁷⁶⁵. Вот что писал он, между прочим, в 25-м выпуске своего журнала за последний 1877 год (стр. 745): «С горьким чувством сожаления прочитали мы в двух номерах «Харьковских Епарх. Ведомостей» оправдательную статью преосвящ. Саввы, досадуя на то, что он решился выступить на несвойственном его сану и недостойном высокого положения его в иерархии церковной поприще журнальной полемики. Не стоило тратить слов против явной клеветы, злословия и намеренного непонимания обязанностей *право правящего слово истины*, особенно когда за архипастыря говорит само дело».

Не смотря на эти укоризны, я не ограничился тем, что напечатал свое опровержение злонамеренной статьи в Епархиальных Ведомостях; я велел сделать до 300 отдельных оттисков своего опровержения и разослал их в разные стороны к своим знакомым, с желанием получить от них правдивый и беспристрастный отзыв о моем суде над нарушителем церковных правил, священником Чеботаревым. По мере получения этих отзывов, я буду помещать их в своем месте моей Хроники, а между тем буду продолжать свое повествование о совершившихся событиях моей жизни.

1-го мая писал я в Вильну Попечителю учебного Округа Н. А. Сергиевскому, в ответ на его письмо от 25-го марта:

«Вы ожидаете от меня письма, обильного словом? Спрашиваете, как идет у меня время? Что скажу Вам на это?

С половины декабря и до половины апреля я, можно сказать, переживал снова московскую жизнь. По поводу кончины моего доброго друга и собрата, Преосвящ. Леонида, мне пришло на мысль перечитать его ко мне письма, коих сохранилось у меня более 200. А перечитывая письма, я пришел к мысли составить, на основании их, мои воспоминания

о почившем друге; и вот плодом моих четырехмесячных трудов оказалась целая книга – более 100 листов. Ещё в посте послал я часть своего литературного труда в Москву, к родным покойного Преосв. Леонида, на их предварительный суд, но ответа никакого до сих пор не получил. Между тем, на днях Преосв. Игнатий пишет мне, что он читал мою рукопись и очень ею заинтересовался.

Теперь я намерен возвратиться к продолжению записок о моей собственной жизни, к составлению коих я приступил в Июле прошедшего года, начавши впрочем их не с начала, а с конца, т. е. со времени моего назначения на Полоцкую кафедру. История выходит очень длинная и небезынтeресная.

В свободные от служебных дел минуты читаю, разумеется, книги и газеты. Недавно прочитал 1-ю часть писем покойного Владыки к Наместнику Лавры. Очень много в них любопытного и поучительного для нашей братии, имеющей в управлении монастыри. Читали ли Вы эти интересные письма?

С 6-го ч. я уже на даче; чувствую себя здесь очень мирно и спокойно; но одна беда – сообщение с городом дов. затруднительно. При ежедневных почти дождях, грязь на дороге непроходимая. Ожидаем ясной и теплой погоды».

4-го ч. в 12 ч. дня, отправился я, в сопровождении Кафедрального Ключаря, в Вознесенский Хорошев женский монастырь на храмовый праздник Вознесения Господня.

В 3 часа пополудни прибыл в монастырь. Входя из церкви в игуменские кельи, я увидел на полу ковер с вышитым на нем вензелем: Е. Ф. (т. е. Епископ Филарет) и с митрою над ним. Тотчас же велел я снять с полу такой неподобающий ковер.

В 6 часов всенощная с литией и величанием.

5-го ч. – Праздник Вознесения Господня. В 9 ч. благовест к литургии, которая совершена была с обычной торжественностью, при значительном стечении богомольцев. В числе богомольцев был начальник губернии, Князь Д. Н. Кропоткин с супругою Ольгою Александровной.

После обеда, к вечеру возвратился в Харьков.

На другой день, 6-го ч., был в Институте благородных девиц и присутствовал на испытании по Закону Божию выпускных

девиц.

7-го ч. получено было мною от С. И. Миропольского, ревизовавшего Харьковскую Семинарию, письмо от 6-го ч. следующего содержания:

«Долг имею при сем препроводить на благоусмотрение Вашего Преосвященства полученные мною от Ахтырского училищного Правления сведения о состоянии Ахтырского училища в текущем году. Мною сделаны некоторые замечания на сем документе. Я полагал бы полезным передать оный, для соображений при ревизии означенного училища, тому лицу, которое для сей цели будут избрано.

Прилагая при сем некоторые из своих педагогических работ, покорнейше прошу милостиво принять оные, как выражение искреннейшей признательности за радушие и гостеприимство, какие я встретил в Харькове у Вашего Преосвященства.

Испрашивая святительских молитв Ваших, долг имею пребыть с глубочайшим уважением, преданностью и всегдашней готовностью служить»...

Сведения о состоянии Ахтырского училища, о которых упоминается в письме, изложены на 8 1/2 листах. Тут, между прочим, помещен перечень проступков, замеченных за учениками в продолжении четырех лет, с 1873/4 – по 1876/7 год. В этом перечне значится до 129-ти видов ученических проступков. Об этом перечне ревизор тут же написал синим карандашом следующую ноту: «Обилие проступков и их качество указывают на низкий уровень воспитания в училище. Надо узнать причины столь прискорбного явления».

Приложенные при письме педагогические работы г. Миропольского суть: 1) Обязательность обучения в России, Спб. 1876 г., и 2) Обучение грамоте, Спб. 1877 г.

10-го ч. получил я письмо из Владимира от Секретаря Статистического Комитета К. Н. Тихонравова, который писал мне от 7-го числа:

«Приношу искреннейшую благодарность за Ваш дорогой подарок. В особенности для меня крайне интересна книга об архипастырской деятельности Вашего Преосвященства на Полоцкой пастве. Невольно, не без зависти подумал: что как бы

всё это добро выпало на долю родного края; в особенности как благотворна была бы здесь Ваша любовь к старине русской. При Вас здесь много, много спасено было бы от истребления, а то все любят старое заменять новым и поощряют это варварство медалями.

Без препроводительных писем, коими я не смею беспокоить Ваше Преосвященство, я буду постепенно высылать Вам выпуски Трудов Владимирского Губернского Статистического Комитета с № 1–11-й за исключением 5, 6 и 8, коих нет ни одного экземпляра. Сличая первые выпуски с дальнейшими, резко заметна будет постепенная заботливость о внутреннем содержании и наружной благовидности. Что делать – век живи, век учись».

12-го числа выехал я из Харькова по направлению к Ахтырке, для участия в празднестве в Ахтырском Троицком монастыре и с целью затем обозрения церквей.

В 6 1/2 ч. вечера, через слободу Ольшану, о которой было уже говорено прежде (в 1876 г.), прибыл я в г. Богодухов и остановился в доме купца Панченки. В 8 ч. слушал в квартире своей всенощную, а на другой день, 13-го ч., служил литургию в соборе.

Из Богодухова, через слоб. Купиеваху, прибыл в Ахтырку около 4 часов пополудни, и по обыкновению поместился в особых покоях при соборе.

В 6 ч. слушал в соборе всенощную и выходил на литию и величание.

14-го ч. литургия в соборе с обыкновенной торжественностью и после оной обычный крестный ход в Троицкий монастырь с чудотворной иконою Б. Матери, при многолюдном стечении богомольцев.

В 6 ч. всенощная в монастырском соборе и на другой день, 15-го числа, в праздник Св. Троицы литургия с вечерней совершены были с обычной торжественностью.

В 6 часов вечера слушал я утреню в домово́й церкви, примыкающей к настоятельским покоям.

16-го ч. в 9 ч. литургия без молебна. За литургией, кроме городских богомольцев, много было пришлого с разных сторон

народа.

После обеда, за которым было немало гостей, имел я объяснение с смотрителем ахтырского духовного училища, протоиереем Клементьевым⁷⁶⁶ по поводу переданных мне ревизором Миропольским сведений о нравственной распущенности учеников училища, и предложил ему или оставить училищную службу, или прекратить посторонние занятия, естественно препятствующие ему исполнять должным образом обязанности смотрителя. Он избрал первое, т. е. оставление училищной службы.

Тут же мне представлено было из Харькова письмо от моего домашнего секретаря М. Зверинского, который писал от 14-го числа:

«Полученные вчера телеграммы от Преосвященного Игнатия и Казначей Сергиевской Лавры о смерти наместника Архимандрита Антония имею честь при сем препроводить. О. эконом, услышав от меня о сем случае, сделал распоряжение об отправлении сегодня панихиды.

Относительно дня совершения молебствия, по случаю совершеннолетия В. Кн. Сергея Александровича, Преосвященный Вениамин, предварительно, посылал спросить Г. Губернатора, и Его Сиятельство непременно пожелал, чтобы молебен был назначен в воскресенье. На представленное Его Сиятельству неудобство означенного празднования в день Пятидесятницы, он ответил, что другого дня указать не может и что службу можно начать как-нибудь пораньше; почему в воскресенье литургия назначена в 9 1/2 часов».

Вот содержание телеграмм, приложенных при письме:

1) «В четверг вечером скончался Наместник Сергиевой Лавры, архимандрит Антоний». Игнатий, Епископ Можайский.

2) «Вчера, 12-го Мая, в 7 часов пополудни, скончался Лавры Наместник, архимандрит Антоний. Просим святых молитв о усопшем». Казначей Авдий.

«Архимандрит Антоний, – по словам биографа его, профессора Моск. д. академии П. С. Казанского, был одним из замечательных лиц православного монашества. Человек неизвестного происхождения достигает такой известности, что

его знала не только вся Россия, но и многие за границей, как на востоке, так и на западе; не получив школьного образования, обнаруживает такие познания и такой ум, что митрополит Московский Филарет часто просил его советов и следовал им; занимая невысокое место Наместника Лавры, получил отличия, редко даваемые архимандритам ставропигиальных монастырей (панагию и знаки ордена Св. Владимира 2-й степени), и получал знаки такого внимания не только от высших лиц в государстве, но и от царственных особ, какого удостоиваются немногие из архиереев»⁷⁶⁷.

Он скончался на 86 году от рождения, прослуживши в звании наместника Лавры 46 лет.

17-го ч., после ранней литургии, оставил я Троицкий монастырь и отправился в слободу Краснополье, где 19 числа предположено было совершить освящение нового каменного храма.

19-го числа в 9 часов начался благовест к литургии. Перед литургией совершено было мною, по церковному чиноположению, освящение новосооруженного храма в честь Успения Б. Матери. Вслед затем соборне отслужена литургия, при весьма многолюдном стечении богомольцев не только из Краснопольского прихода, но и из окрестных селений. Новоосвященная церковь очень обширная и довольно красивой архитектуры; иконостас сверху до низу золоченый, но не изящен по своей форме; иконопись не довольно искусна; алтарь – главное святилище храма – оставлен был вовсе без икон; я велел разместить там несколько образов из прежней церкви.

Краснопольский приход очень многолюден; в нем более 5000 душ обоего пола. Поэтому здесь по штату положено быть двум священникам. Старший священник Лука Федоровский, не отличаясь богословским образованием (хотя и 1-го разряда), отличается художественным талантом: он, по окончании курса в Киевской дух. Семинарии, поступил в 1863 г. в Спб. Императорскую Академию художеств и оттуда вышел с званием художника. Он довольно искусно пишет иконы и предлагал свои услуги подрядчику иконостаса относительно писания икон для

своей приходской церкви, но, к сожалению, не согласился в цене.

Младший священник Стефан Клепальский⁷⁶⁸, имеющий степень студента, не отличается миролюбием и неуважителен к своему настоятелю. Между тем, представленные им мне поучения не показывают в нем достаточной основательности в мыслях. Вот, между прочим, какая встречается мысль в одном из его поучений: «Иоанн Предтеча и другие праведники исполняли больше, чем от них требовалось» (!).

К Краснопольскому приходу принадлежит имение ахтырского предводителя дворянства М. П. Радена; поэтому он, после литургии, пригласил меня в свой дом, где и предложена была приличная трапеза.

По возвращении домой, я нашел письмо из Харькова от секретаря моего М. Зверинского, который писал мне от 17-го числа:

«По поводу смерти наместника, о. Архимандрита Антония, Московские Ведомости, между прочим, пишут: «погребение о. Антония последует 16-го Мая, в день сошествия св. Духа, на Апостолов. Тело его, по его желанию, будет положено под папертью церкви во имя св. праведного Филарета Милостивого».

Редакция журнала «Руководство для сельских пастырей» прислала Вашему Преосвященству 1-й выпуск Сборника поучений, с следующим воззванием: «Редакция всегда ценила благосклонное внимание Вашего Преосвященства к издаваемому ею журналу и теперь, по отпечатании 1-го выпуска поучений, она считает священнейшим долгом поднести Вам, Преосвященнейший Владыко, экземпляр такового выпуска, надеясь также на Ваше архипастырское содействие к его распространению, которым обуславливается продолжение и самое окончание, всего сборника».

В ныне полученных Московских Ведомостях напечатано известие, что 13-го мая скончался Преосвященный Платон, Архиепископ Костромской»⁷⁶⁹.

20 ч. утром выехал я из Краснополя и, обзревши некоторые церкви на пути, 21-го ч. вечером приехал в слободу

Котельву, где в доме купца Алтухова остановился на ночлег.

Слобода Котельва – одна из самых населенных слобод Харьковской губернии. В ней более 12000 жителей: церковей приходских 5-ть.

Выслушавши с вечера в своей квартире всенощную, на другой день, 22-го числа, в воскресенье, я совершил в одной из приходских церковей – Преображенской – литургию. О стечении богомольцев излишне даже и говорить.

После обеда выехал из Котельвы и, посетивши на пути все приходские храмы, 23 ч. прибыл в слободу Новую Водолагу.

В Новой Водолаге три церкви: Воскресенская (бывший собор), Преображенская и Николаевская.

В Воскресенской церкви предположено было на следующий день, 24-го числа, совершить литургию, и совершена соборне с местным благочинным и местными священниками. В конце литургии произнесено было настоятелем церкви, священником Н. Федоровским, слово, заранее им приготовленное, «О трех степенях церковной иерархии».

Кроме этого слова, мною прочитано было пред обеднею ещё несколько поучений того же священника, и между ними одно на малороссийском наречии. Все поучения оказались отчетливыми и довольно основательными. Не таковыми оказались поучения другого проповедника, священника Николаевской церкви Л...а: они очень слабы по мыслям и нескладны по изложению. Вот какие, между прочим, встречаются в них выражения: «Бог одарил человека благонасажденными чувствами, приятным звоном словопроизношения» и проч.

Из Новой Водолаги я прибыл в слободу Преображенскую; в этой слободе церковь обширная и очень благолепная; при ней состоят два причта. Благолепием своим церковь всего более обязана усердию старосты, богатого крестьянина Ильи Прокофьева Журавлева, который владеет 6,000 дес. превосходной земли. В доме этого богатого и гостеприимного крестьянина я имел ночлег. Когда я вошел в дом и сел в гостиной на диване, в ожидании чая, вошла сюда женщина и, остановившись против меня, внимательно и довольно долго

смотрела на меня. Когда я спросил ее, наконец, что ей нужно, она с наивною простотою отвечала: «я пришла, батюшка, посмотреть на тебя; я никогда архиереев не видала». И здесь, как оказалось по моим расспросам, действительно около 30 лет не было архиерейского посещения.

25 ч. утром, напившись чаю, оставил я гостеприимный кров почтенного крестьянина Журавлева и направился к г. Змиеву. По пути осмотрел церкви в слободах:

– Алексеевской крепости. Здесь две церкви – Троицкая и Богородице-Рождественская. Настоятель первой из них, прот. П. Ковалевский – старец почтенный и очень любознательный. У него довольно порядочная библиотека, состоящая из книг разного содержания; между прочим в ней Библия и Н. Завет на разных языках; есть несколько славянских старопечатных книг, о коих упоминается в Историко-статистическом Описании Харьковской епархии⁷⁷⁰. Собрание в библиотеке книг на иностранных языках объясняется тем, что протоиерей Ковалевский был некогда учителем греческого языка.

– Высочиновке. Здесь, в храме, есть древняя и весьма чтимая икона Б. Матери Казанская. В летнее время немало собирается сюда из разных сторон богомольцев.

Помещик этой слободы, Андрей Федорович Ковалевский, о котором не раз уже упоминалось выше, отличается искренним благочестием и особенным усердием к храму и его святыне. В его доме я имел ночлег и слушал всенощную службу, готовясь на другой день служить литургию в соборе города Змиева, отстоящего от Высочиновки в 4-х верстах.

Вечером имел я беседу с почтенным хозяином о покойном Епископе Игнатии Брянчанинове, коего биографию просил его составить брат Преосвященного Петр Александрович Брянчанинов, находящийся доньше в Николо-Бабаевском монастыре, где, пребывая на покое, скончался в 1867 г. преосвященный Игнатий. Но Андрей Федорович отклонил от себя это нелегкое поручение, между прочим, потому что в письмах покойного Игнатия встречается немало отзывов, неблагоприятных для почивающего в Бозе московского

митрополита Филарета, к которому он питал всегда чувства глубокого уважения.

26-го числа, по приготовлении к литургии, я отправился, в сопровождении гостеприимного хозяина, в град Змиев.

Змиев, расположенный при слиянии рек Мжи и Северного Донца, один из самых малонаселенных городов Харьковской губернии: в нем жителей не более 4.000 душ обоего пола, и при таком народонаселении только одна церковь соборная, при трехклирном причте.

После литургии, предложена была мне, по обычаю, в доме соборного старосты трапеза, после которой сейчас же выехал я из города.

Осмотревши по пути церкви в слободах: Замостье (предместье Змиева), Шубине, Васищеве и Безлюдовке, я благополучно возвратился к вечеру в Харьков.

Таким образом, с 12-го по 26-е число Мая, обозрены мною в уездах Харьковском, Богодуховском, Ахтырском, Банковском и Змиевском 63 церкви; при чем совершены 8 литургий и освящен один храм.

На другой день, по возвращении моем из поездки, 27-го числа писал мне мой странноприимец А. Ф. Ковалевский:

«По приказанию. Вашему, листок № 19 газеты «Гражданин», имеющий сведения о выходе на Английском языке жизнеописания в Бозе почившего Высокопреосвящ. Леонида, при сем имею честь к Вам препроводить. К сожалению, не означено заглавие английской газеты, содержащей это жизнеописание, что затруднит желающих с ним познакомиться.

Долгом своим считаю повергнуть пред Вами мою искреннюю сердечную благодарность за посещение Ваше моего жилища, и за дорогое мне благословение Ваше – святую икону».

30-го числа писал я в Москву преосвящ. Игнатию:

«Телеграмму Вашу с печальным известием о кончине старца – Наместника получил я в г. Ахтырке, где был по случаю храмового праздника Ахтырского Троицкого монастыря. Кто же будет преемником о. Антония?

Из Ахтырки отправился я для обозрения церквей в разных уездах и домой и возвратился 26-го числа, и потому, не мог своевременно написать Вашему Преосвященству, чтоб поблагодарить Вас за телеграмму и поздравить Вас со днем Вашего ангела. Прошу принять от меня то и другое теперь.

В последнем письме к Вам я выражал недоумение, почему А. В. Краснопевков ничего не пишет мне о моих «Воспоминаниях о преосвящ. Леониде». Он и до сих пор молчит и не возвращает мне тетради. Не можете ли, Преосвященнейший, объяснить мне эту странность со стороны А. В.?

Вы, может быть, читали напечатанную в № 45 Цер.-Общ. Вестника ругательную статью по поводу моей резолюции напечатанной в № 7 Хар. Еп. Вед. Я вынужден был писать ответ на эту дерзкую статью, половину коего Вы, вероятно, уже прочитали в № 10 нашей епархиальной газеты. Вслед за сим я вышлю Вашему Преосвященству несколько отдельных оттисков своей статьи с тем, чтобы Вы дали прочитать ее благонамереннейшим из о.о. протоиереев московских и сообщили мне о статье их отзывы, равно как и Вас прошу сказать о ней свое слово.

Пишу Вам эти строки из своей загородной виллы, где отдыхаю от своего утомительного 15-дневного путешествия, во время коего мне пришлось совершить 8-мь литургий и освятить одну церковь».

1-го июня получил я из Москвы прискорбное известие о кончине моего давнего доброжелателя, достопочтенного о. Архимандрита Агапита, настоятеля ставропигиального Новоспасского монастыря. Он скончался 28-го мая, после продолжительной болезни, на 78 году от рождения.

О. Агапит, в мире Петр Иванович Введенский, сын священника села Козлятьева, Покровского уезда, Владимирской епархии. По окончании в 1828 г. курса в московской дух. академии с званием магистра, он назначен, был Инспектором Владимирской семинарии, а оттуда в 1834 г. определен на должность Ректора Вифанской семинарии с назначением в то же время настоятелем Иосифова Волоколамского монастыря. В

1851 г. переведен в Московский Новоспасский монастырь и назначен членом Московской Синодальной Конторы. В это время я, состоя на должности Синодального ризничего, с ним познакомился, и наше знакомство не прекращалось до самой его кончины.

Вот какими чертами изображает почившего в Бозе о. Архимандрита Агапита один из его воспитанников, иером. Алексей П-в:

«Пламенная ревность по Бозе, неподдельная набожность, образцовая скромность в келейной обстановке, в одежде, походе и словах, примерное смирение, постоянный пост духовный и телесный, редкая нестяжательность, евангельское целомудрие, строгое соблюдение почти всех правил монастырских, необыкновенная любовь к духовному чтению и трудам черным, щедрое благотворение бедным, погорельцам, сиротам и всем несчастным, а особенно трезвым и благонравным сродникам и монастырской братии исправной – вот светлые стороны в нравственной жизни покойного»⁷⁷¹.

2-го числа присутствовал я на экзамене по Закону Божию во 2-й мужской гимназии, где законоучителем член Консистории, магистр протоиерей И. Вертеловский⁷⁷². Ученики отвечали удовлетворительно; между прочим, на экзамене была речь о постах в православной церкви, об их происхождении и нравственном значении. Между тем, когда по окончании экзамена, я проходил через столовую комнату, куда прочие воспитанники собрались для завтрака, я увидел на столе мясные котлеты, – и это во дни Петрова поста; таков ныне у нас, в православной России, разлад практики с теорией, и притом не только в рассуждении постов, но и во многом другом!..

4-го ч. получено было из Спб. от Общества Любителей Древней Письменности следующее извещение от 30-го мая:

«Государь Император, по положению Комитета Министров, в 6 день текущего мая, Высочайше соизволил на учреждение Общества Любителей Древней Письменности, с представлением, по бывшим примерам, Министру Народного Просвещения права утвердить устав сего Общества. Господин

Министр, утвердив 18-го числа сего же мая означенный устав, вместе с тем уведомил, от 18-го мая за № 5981, что, в виду необходимости открыть ныне же действие Общества, он разрешает в отступление § 40 устава созвать чрезвычайное собрание Общества в мае или июне месяце сего года для выбора должностных лиц.

Вследствие сего Господа члены учредители приглашаются 8-го числа наступающего июня в среду, в 8 часов пополудни, в дом Графа Шереметева, на Фонтанке, с главного подъезда, для обсуждения мер, которые должны быть приняты для заведывания делами Общества впредь до собрания на основании § 40».

В тот же день получил я письмо из Москвы от преосвящ. Игнатия, который писал мне от 2-го числа:

«Вчера, 1-го июня утешен был я письмом Вашим, и благодарю за молитвенное о мне воспоминание – 28 мая⁷⁷³. В сей день, по обычаю, служил я в Давыдовой пустыне⁷⁷⁴, приехал туда накануне из Белопесоцкого монастыря⁷⁷⁵. Но на другой же день должен был поспешить восвояси так как, за болезнью Преосвящ. Никодима, должен был 30-го мая, в день рождения Петра 1-го, совершить закладку 1-й женской гимназии, близ Страстного монастыря. И экзамены теперь все на мне.

Преосвященный Иоанн⁷⁷⁶, Ваш ученик, новый член Синодальной Конторы, поместился в Новоспасском, и мы вместе отпевали достопочтенного о. Агапита, а я служил литургию. Но едва ли Пр. Иоанну не придется переменить помещение, если в Новоспасский настоятелем будет назначен преосвященный, напр. член Конторы – Алексий⁷⁷⁷.

Преемником о. Антония по Лавре будет Новоиерусалимский Архим. Леонид⁷⁷⁸, согласно представлению Священно-Архимандрита Лавры.

Давно не вижу А. В. Краснопевкова. Виделся только на краткое время в Лавре после погребения Наместника. Родные сестры его хотели жить на даче в Петровском Разумовском. При случае спрошу.

Церк.-Общ. Вестник известен своими постоянными нападкамии на святителей. Ваша статья в Епархиальных

Ведомостях написана основательно и убедительно. Странно, что противник думает по своему усмотрению распоряжаться Учительным Известием. Скоро станет, пожалуй, вводить новый чин литургии. За намерение прислать ко мне оттиски усерднейше благодарю.

Виллу Вашу желал бы я, и очень желал бы посмотреть. Но теперь я не только Можайский, но исправляю должность и Дмитровского⁷⁷⁹».

6-го ч. писал мне из села Высочиновки А. Ф. Ковалевский:

«Приношу Вам сердечную мою благодарность за присланную Вами книжицу Вашу по поводу статьи «Церковно-Общ. Вестника», и за ту святительскую ревность к защите установлений св. нашей Церкви, которая видится в труде Вашем, и в борьбе с атеистическим направлением, представителем которого является журнал под различными личинами ложно и совсем напрасно именуемый себя «Церковно». Название «Цыганского», каковым почтил его Аскоченский, более ему приличествует по его направлению, и я немало дивлюсь, как это ему доселе не воспретят величать себя церковным органом. Вина священника Ч., по мнению моему, так велика, что её здесь на земле вполне даже определить трудно; на небе ответ за неё страшный пред праведным Судией, и в милосердном определении Вашем, в наказании за неё каяться и молиться виновнику, видно великое попечение Ваше о бедной его душе. Но куда понять это редактору с его сотрудниками, в роде о. Белюстина, которые привыкли осмеивать всякое проявление православного молитвенного чувства, у которых слово «Византия» однозначуще ругательству, и которые сами, кажется, давно уже разучились молиться православно, ибо открыто глумятся над православием. Горе времени нашему! к знамениям времени поистине нужно приписать подобное настроение даже некоторых пастырей, при которых чего же ждать от пасомых? Слава Господу, что у кормила церкви стоят ещё столпы православия! Слава Господу, что и наша харьковская церковь не лишена такового в лице своего архипастыря! Это не лесть, а

святая истина, очевидная всякому, кто беспристрастно прочтет присланную Вами мне книжицу⁷⁸⁰».

В тот же день писал я в Москву А. В. Краснопевкову:

«Ваше молчание крайне удивляет меня. Очевидно мои «Воспоминания о Преосвящ. Леониде» вам не нравятся, и потому вы затрудняетесь сделать о них отзыв. Прошу вас, без всякого отзыва, возвратить мне тетради, которые останутся у меня памятником наших взаимных с почившим собратом отношений».

8-го числа получена была мною из Новочеркасска от преосвященного архиепископа Платона⁷⁸¹, перемещенного на Херсонскую кафедру, телеграмма следующего содержания:

«Полагаю быть на Харьковском дебаркадере 10-го июня, в два часа дня; прошу экипажа и гостеприимства».

Тотчас, по получении этой телеграммы, я поспешил дать ответ в следующих выражениях:

«Душевно буду рад посещению Вашего Высокопреосвященства. Экипаж будет готов».

В назначенный день и час пожаловал ко мне в загородный дом высокопочтенный гость. К этому же времени приехал в Харьков, по предварительному соглашению с ним, и преемник его по Донской кафедре, преосвященный Александр⁷⁸², архиепископ бывший Минский, и остановился в квартире моего викария.

Ради таких важных гостей я пригласил к обеду, в загородный дом, кроме Викария, членов Консистории, Ректора Семинарии и некоторых других лиц из старшего духовенства. Трапеза, обильная яствами и питием, приправлена была живою и одушевленной беседою почтенных гостей.

После обеда, когда прочие гости разъехались, я с преосвященным Платоном, а преосвященный Вениамин с епископом Александром, отправились в Куряжский монастырь к вечерне, и там провели весь вечер в взаимной откровенной беседе. Из монастыря с преосвященным Платоном возвратились во Всехсвятское, где он и имел ночлег, а преосвященный Александр отправился для ночлега в город.

На другой день, утром я с гостем переехали в город, где он посетил некоторые храмы, и затем, после завтрака у меня, отправился к месту своего нового служения, в Одессу, откуда чрез несколько дней телеграфировал мне: Покорнейше благодарю за гостеприимство и приветствие; рад буду, если Господь приведет принять вас у себя».

Между тем Преосвящ. Александр остался в Харькове ещё на несколько дней, с целью, между прочим, видеть здешнее архиерейское служение и посетить женское епархиальное училище. Вскоре к тому и другому представился благоприятный случай.

12-го ч. назначен был в Епархиальном училище акт по случаю выпуска окончивших курс учения воспитанниц; при этом обыкновенно бывает архиерейское служение. Утром в этот день, пригласивши с собой нового Донского Владыку, я отправился в Предтечевско-Усекновенскую церковь на городском кладбище, где находится училище, для совершения литургии, во время которой преосвящ. Александр стоял в алтаре и с большим вниманием за всем следил. После обедни и благодарственного молебна, пришли мы в училищный зал, где обыкновенно происходили годовичные акты.

Что происходило затем, изложу здесь словами Записки, помещенной в № 12-м Харьк. Епарх. Ведомостей за этот год. Вот что там, на стр. 394 и сл., напечатано:

«С прибытием в зал преосвященного Саввы, в сопровождении высокопреосвященного Александра и князя Кропоткина, стройным пением «Царю Небесный» открыто было торжество. Как только наш архипастырь и почетные посетители заняли свои места, делопроизводитель совета объявил список о переводе воспитанниц из низших классов в высшие, вызывая по фамилиям тех из них, которым, за отличные успехи и благонравие, советом училища присуждены похвальные листы. К сожалению, только некоторые из воспитанниц первых пяти классов, отличенных советом, находились на лицо⁷⁸³ и могли получить дорогие для них листы из рук преосвященного при его благословении. Приятно было смотреть на довольные лица воспитанниц со скромностью, но без всякой застенчивости,

подходивших к архипастырю. Архипастырь, раздавая награды; с особенным милостивым вниманием расспрашивал почти каждую о её родных и поощрял на дело к дальнейшим успехам. Внимание всех присутствовавших особенно оживилось, когда начались вызовы воспитанниц, окончивших курс. Во всех движениях их как-то приятно поражала зрителей та непринужденность и простота, которые свидетельствовали об их выдержанности, о том, что называется умением держать себя и что служит наглядным признаком благовоспитанности. Каждой из окончивших курс вручаем был преосвященным Саввою, при архипастырском его благословении, аттестат. Высокопреосвященный Александр также принимал деятельное участие, раздавая подходящим к нему воспитанницам по книге Нового Завета. После раздачи аттестатов, многие из лучших окончивших курс особо отличены были наградными книгами. В заключение председателем совета прот. Александром Федоровским прочитана была задушевная, полная жизненной правды, речь, составленная инспектором классов, о. Никандром Оникевичем, но произнесенная им самим за внезапной болезнью. Напутственная речь эта, не смотря на то, что произнесена была не самим составителем, силою своего содержания совершенно овладела сердцами воспитанниц, окончивших курс, к которым обращена она была, растрогала их и вызвала искренние слезы.

Акт закончился радушным гостеприимным завтраком в квартире начальницы училища для двух преосвященных владык и других почетных гостей и затем особым обедом для выпускных девиц».

Из училища я с преосвящ. Александром отправился за город, во Всехсвятское. где в саду, при тихой и ясной погоде, с приятностью провели мы вечер в искренней, братской беседе, хотя прежде мы не были лично знакомы друг с другом. В беседе этой он удивил меня подробными сведениями о всём, что говорится в нашем церковном мире и особенно в синодских канцеляриях. При этом признавался мне откровенно, что новым назначением своим он недоволен и в шутку предлагал мне с ним поменяться епархией. Переночевавши у меня, на другой

день утром он отправился в город, и в тот же день поспешил в дальнейший путь – к месту своего нового служения.

12-го ч. получено было мною письмо из Москвы от Н. П. Киреевской, которая писала мне от 8-го числа:

«Вот и о. Наместника Антония не стало! Назначение о. Леонида Кавелина хотя и не дурно, но следовало бы назначить о. Архим. Ювеналия⁷⁸⁴ – он на покое теперь в Оптине. Говорю: следовало бы, потому что покойный митрополит Филарет имел его в виду на место наместника, а последний, незадолго перед своей кончиной, говорил и желал этого назначения и уверен был в исполнении его. Жаль, что он не заявил Императрице о сем в её бытность в Лавре в апреле месяце. О. Ювеналий во всех отношениях личность как бы созданная для Сергиевской Лавры; но первенствующего⁷⁸⁵ негодование за оставление наместничества в Невской Лавре⁷⁸⁶ поставляет препятствие. Впрочем, по моему разумению, не без воли Божией всё это происходит. Впоследствии, едва ли не одумаются, и вряд ли миновать о. Ювеналию этого назначения, хотя он его вовсе не искал и не желает».

В ответ на это писал я от 16-го числа:

«Меня удивило назначение на должность Лаврского Наместника о. Леонида. После настоятельства в первоклассном ставропигиальном монастыре⁷⁸⁷, где он сам имел наместника, принять звание наместника, хотя бы то и в Лавре, я не понимаю, какой мог быть тут расчёт и какие особенные побуждения. Иное дело занять эту должность о. Ювеналию.

О. Ювеналия я видел один раз, когда он отправлялся в Иерусалим с Преосвящ. Кириллом⁷⁸⁸, но о. Леонида никогда не видал; знаю его только по историко-археологическим сочинениям. Желал бы иметь его фотографическое изображение.

В православной церкви русской видится ныне какое-то особенное грозное посещение Божие; в один год столько отошло архипастырей в вечность: Агафангел⁷⁸⁹, Варлаам⁷⁹⁰, Арсений⁷⁹¹, Платон⁷⁹², Леонид⁷⁹³, Антоний⁷⁹⁴, Афанасий⁷⁹⁵, Иоанникий⁷⁹⁶, другой Платон⁷⁹⁷, Павел⁷⁹⁸ и, наконец, Алексей⁷⁹⁹

–11 иерархов скончались в один почти год: едва ли что подобное было когда либо прежде?!...

При крайней ныне скудости в ученом монашестве, откуда, наконец, будут брать кандидатов, и насаждать на вакантные епископские кафедры?»

13-го ч. дошла до меня печальная весть о кончине преосвященного Алексия, архиепископа Тверского, – моего начальника и наставника по московской дух. академии, от руки коего притом я получил в 1848 г. и монашеское пострижение.

Подробные сведения о его служебной деятельности, а также об обстоятельствах его кончины и погребения, напечатаны в №№ 12–15 Тверских Епархиальных Ведомостей.

Преосвященный Алексей скончался 9-го числа, в 7 часов вечера, на 63 году от рождения, пробыв на Тверской кафедре менее года⁸⁰⁰. 13-го числа совершено было погребение усопшего архипастыря в тверском Преображенском кафедральном соборе. К погребению прибыл накануне из Петербурга преосвящ. Гермоген⁸⁰¹, Епископ Ладожский, викарий С.-Петербургской епархии. Перед погребением и при погребении произнесено было несколько слов и речей.

В одном из этих слов, произнесенном протоиереем Владимирской церкви В. Владиславлевым, нравственный и административный характер почившего архипастыря представлен в следующих чертах:

«Он особенно любил и берег сирот духовенства; был прост и доступен в обращении с подчиненным ему духовенством; как отец выслушивал всякого; наедине, как духовный судия, желал выслушать полную и чистосердечную исповедь лица подсудимого. Озабочен был устройством епархиального училища для девиц духовного звания; ввел выборное начало благочинных и положил начало изданию епархиальных ведомостей.

Таким мы, – продолжает оратор, – успели узнать почившего архипастыря нашего в немногие месяцы служения его у нас...

Каковы мы были пред ним? Как мы смотрели на него, особенно мы – тверитяне?

О,... мы любили судить о нем и осуждать его; мы осуждали его за службу церковную; мы осуждали его за быстрый, и иногда нетерпеливый характер...; осуждали его за то, за другое, за всё; чего и не было за ним, и за то осуждали... И не за это ли Господь так скоро взял его от нас»...

14-го ч. получено было мною письмо из Витебска от баронессы М. А. Бодэ; она писала мне от 10-го числа:

«Прочитав присланную Вашим Преосвященством брошюру, я пришла в негодование. Понимаю как больно для души, когда всякий неблагонамеренный писатель позволяет себе критиковать действия высокопоставленного лица, не понимая ни законов, ни правил, почему совершено такое действие.

Я имела случай говорить с некоторыми лицами о Вашей брошюре. Все соглашались, что она превосходна, но многие находят, что лучше было бы оставить глупую статью без ответа, что она не стоила того, чтобы Вы брали на себя труд обращать на неё внимание, что слишком много чести для дурака и невежи делаете, оправдывая себя и пред ним и пред той публикой, которая, могла бы дать какую-либо веру его обвинениям... Презренье – мой ответ на дерзкие слова».

Преосвященный Иаков, епископ Муромский, писал мне из Владимира от 6-го июля:

«Посылаю Вам «Воспоминание о св. Алявдине», родителе Ив. Гр. Соколова⁸⁰² и в рукописи воспоминание об о. Никитском⁸⁰³, написанное по Вашему указанию. Потрудитесь прочесть и указать, чем бы дополнить собранные сведения. К сожалению, об училищной деятельности о. Никитского ничего не сказано».

На это отвечал я от 14-го числа:

«Возвращая Вашему Пр-ву краткий, но тем не менее очень интересный для меня биографический очерк Шуйского протоиерея А. Н. Никитского, я должен Вам сказать, что ни прибавить к этому очерку, ни убавить от него ничего не могу. Вы сожалеете, что об училищной деятельности старца Никитского ничего не сказано, но он никакой училищной должности не занимал.

Препровождаю при сем к Вашему Преосвященству слово покойного протоиерея Никитского, которое, не помню, когда и от кого я получил. Распорядитесь им по Вашему усмотрению; если найдете возможным, прикажите напечатать оное в конце биографии. Но во всяком случае посылаемую рукопись я просил бы Вас возвратить мне обратно».

15-го ч. получил я письмо из Ярославля от Профессора Богословия в Демидовском Лицее, протоиерея А. П. Лаврова, который писал мне от 11-го числа:

«На этих днях имел я удовольствие получить от Вашего Преосвященства брошюру, заключающую в себе Ваш ответ на статью Цер.-Общ. Вестника о Вашей резолюции по поводу неблагоразумного поступка одного из вверенных Вашему управлению приходских священников. С большим удовольствием прочитал я Ваш ответ и считаю долгом выразить Вашему Преосвященству глубокую благодарность за доставление его мне. Действительно «Учительное Известие» почти совершенно игнорируется нашими священниками. Между тем, его знание, по моему мнению, необходимо для нас, особенно для приходских священников. Поэтому было бы очень полезно, если бы архипастыри наши вменяли в неперемennую обязанность каждому священнику, вновь рукополагаемому, вполне ознакомиться с ним.

Новый Владыка наш, преосвященный Ионафан очень хорош для духовенства. Своею доступностью для всех и ласковым обращением он невольно располагает к себе всех. Дай Бог, чтобы он навсегда остался к нам таким же добрым и снисходительным, каким мы видели его теперь. Вчера, именно 10-го, он отправился в первый раз для обозрения своей епархии. Впрочем, если позволите сказать откровенно, я до сих пор глубоко сожалею о внезапной и неожиданной для всех кончине Преосвященнейшего Леонида. Он, хотя был строг, но чрезвычайно деятелен и внимателен ко всему. Особенно он имел в виду искоренить злоупотребления, какие прежде нередко допускались лицами, близкими к епархиальному управлению, особенно чиновниками, консисторскими. С этой целью он приблизил некоторых из лиц духовных, без совета с

которыми не делал почти ничего важного. В числе этих приближенных лиц имел счастье быть и я. Именно, мне поручено было предварительно рассматривать все бумаги, присылаемые из духовных училищ Ярославской губернии. После того Владыка сам, при мне, рассматривал каждую из этих бумаг и, большей частью, соглашался с моими мнениями. Вообще ко мне он был чрезвычайно хорош и близок; поэтому для меня потеря его слишком чувствительна. Но воле Божией необходимо покориться.

После 20-го числа этого месяца, если Господь приведет, я думаю отправиться: с своими сыновьями в дальнее путешествие, именно – сначала в С.-Петербург, потом в Минск, где живет моя матушка с выданной мною туда сестрою моею, и, наконец, в Киев. Чрезвычайно приятно было бы заехать и в Ваш Богоспасаемый Харьков, чтобы лично получить от Вас Архипастырское благословение. Но, к несчастью, едва ли это будет возможно, по причине далекого отклонения от прямого пути».

На другой же день, 16-го ч., поспешил я отправить к своему доброму товарищу по академии телеграмму следующего содержания:

«От Курска до Харькова 8-мь часов по железной дороге. Буду ожидать Вас непременно».

16-го же числа получил я письмо из Москвы от А. В. Краснопевкова. Он писал мне от 13-го числа, в ответ на мое письмо от 6-го числа:

«Краткое письмо Ваше крайне меня огорчило, тем более, что причина вызвавшая его – диаметрально противоположна тому, что Вы предполагаете. Я и все сестры с нетерпением ждем продолжения, но напоминать Вам я не желал. Что же касается до присланных тетрадей, то я всё уже сделал, что было нужно. Я и сестры, а также Преосвященный Игнатий прибавили замечания (весьма впрочем незначительные); я говорил с В. П. Нечаевым⁸⁰⁴ который с удовольствием готов напечатать их в Душеполезном Чтении. Если пожелаете отдельные оттиски, потрудитесь назначить количество их.

Литография вытеснена фотографией. Сколько ни хлопотал найти хорошего литографа, не мог, и от знатоков дела получил совет не искать далее; а потому обратился к фотографам и напал на такого, который продал уже более 1000 портретов брата. Он берется (если потребуется не менее 1200) доставить для статьи нужное число экземпляров по 5 копеек, конечно без наклейки, которая обойдется не более 1 копейки.

Жду благословения и доброго ответа с указаниями, отдать Нечаеву статью теперь, или когда будет готово все; мне кажется, что можно теперь же.

Рукопись в цензуре у Степана Ивановича⁸⁰⁵ и вероятно уже им прочитана».

Я не замедлил ответом на это письмо, и вот что писал я А. В-чу от 18-го числа:

«Простите, если письмо моё огорчило Вас, но я не знал, чем объяснить Ваше молчание относительно моих тетрадей после того, как я, отправляя их к Вам, просил Вас без замедления уведомить меня о том, какое Вы сделали касательно их распоряжение.

Теперь моё недоумение разъяснилось. Обратимся к делу.

Свой литературный труд я окончил ещё в половине апреля, и ожидал только извещения от Вас, чтоб отправить к Вам следующие тетради. Теперь посылаю Вам еще 10-ть тетрадей. Остальные 18-ть вышлю, когда перечитаю и исправлю.

Между тем прошу Вас немедленно прислать мне первые тетради, чтобы видеть, какие сделаны Вами и цензурой замечания и исправления и чтобы дополнить их новыми сведениями, заключающимися в моих письмах, которые Вами были мне присланы. Чем больше Вы и цензор будете делать в моей рукописи сокращений и исправлений, тем для меня будет спокойнее. Вы видите в какое сравнительно короткое время какой значительный труд совершил я, не опуская между тем ни одного, даже малейшего, служебного дела, и потому не удивительно, если в этом поспешном труде для постороннего и беспристрастного взора окажется что-либо излишнее и неудобное для печати.

Что касается печатания моих воспоминаний, то я думал было печатать их в Харькове, под своим личным наблюдением. Впрочем этот вопрос я окончательно решу тогда, когда вся рукопись моя будет Вами прочитана и цензурой рассмотрена. Тогда же речь будет и о портрете почившего владыки. Во всяком однако же случае я желаю, чтобы издание было вполне достойно того лица, которому оно посвящается. О материальных издержках не может быть и речи; ради такого друга, каков был для меня Преосвящ. Леонид, у меня найдутся достаточные средства.

Впрочем обо всем этом лучше бы нам переговорить с Вами лично, если Вы исполните свое обещание посетить меня.

В № 19 «Гражданина», на стр. 487, между прочим, напечатано:

«Нередко приходится нам узнавать из иностранных газет отчеты о деятельности русских замечательных людей. Так недавно мы встретили в одном английском журнале обстоятельное жизнеописание недавно скончавшегося епископа Леонида».

Неизвестно ли Вам, в каком именно журнале напечатано жизнеописание преосвящ. Леонида и кем оно составлено. Если известно, потрудитесь написать мне: я выпишу бы этот журнал.

P. S. Потрудитесь прислать мне вместе с процензурированными тетрадями хотя один экземпляр фотографического портрета покойного Вашего братца, для образца».

Жизнеописание епископа Леонида в английском журнале, по всей вероятности, принадлежит *Гаррисону*, пастору нижней церкви в Англии, прибывшему в 1876 г. в Россию принять православие и даже крещение, потому что крещен не был. 12-го числа декабря того же года он приехал в Ярославль к Преосвящ. Леониду и с ним 13-го числа отправился в Николаевский Бабаевский монастырь, где 15-го числа и был свидетелем кончины своего гостеприимного хозяина и сопутника⁸⁰⁶.

17-го ч. получено было мною письмо из Москвы от преосвящ. Игнатия. Вот какие вести сообщал он мне от 15-го

числа:

«Не прошло месяца, и уже третий архиерей возьмется от среды живых – Тверской. Погребение его совершено июня 13-го Преосвященным Гермогеном, викарием С.-Петербургским. 10-го вечером Владыка митрополит Московский получил телеграмму от первенствующего члена Св. Синода о том, чтобы Преосвящ. Никодим поспешил на погребение. Но по тяжелой болезни последнего сего невозможно было исполнить. Тогда выбор пал на Преосв. Гермогена. Меня же Владыка не хотел отпустить из Москвы, чтобы не остаться одному.

Преосвящ. Никодим очень опасно болен, и, по отзыву Владимира Ивановича⁸⁰⁷, безнадежен: отек легких. В некоторые часы он с чрезвычайным трудом и болезненностью может дышать; никого почти не принимает. Все его дела мне поручены. Владыка даже заводил речь о преемнике. Вчера был консилиум.

Вчера посетил меня Владыка Подольский⁸⁰⁸, отправляющийся в Св. Синод. Окончил курс в 1853 году. С направлением серьезным и достойным уважения.

О. Леонид уже утвержден наместником, хотя сие и несогласно с его желанием».

В ответ на это я писал от 19-го числа:

«Над русской православной церковью тяготеет ныне какой-то особенный гнев Божий: в минувшем году переселились в вечность семь архипастырей; не прошло ещё и половины нынешнего года, как не стало уже четырех иерархов, да и ещё двое близки к могиле. Бывало ли что-нибудь подобное в прежние времена?..

Жаль преосвящ. Никодима: служить бы ему и служить.

Признаюсь, ваше настоящее положение нелегко. Да подкрепит Вас сила Господня! Не пора ли уже Вам оставить древлепрестольный град и водвориться в каком, либо ином граде?

Разъяснились, наконец, наши взаимные с А. В. Краснопевковым недоразумения относительно его молчания. На днях я получил от него письмо, а вчера послал ему ещё 10-ть тетрадей моих воспоминаний о преосв. Леониде. Вероятно, он даст Вам их прочитать. Прошу Вас, как можно, строже

отнеситесь к моему литературному труду и всё, что покажется Вам излишним, исключайте без всякой пощады. Не замедлю выслать в Москву и остальные 18-ть тетрадей.

Я ожидаю к себе Ярославского протоиерея А. П. Лаврова, нашего общего товарища по академии. Он будет в Киеве и по пути оттуда, быть может, заедет и в Харьков. От него я надеюсь немало получить верных сведений о покойном ярославском владыке».

22-го ч. посетил меня мимоездом на свою родину – во Владимирскую губернию, почтенный земляк мой, профессор Киевской дух. академии Вас. Феод. Певницкий. Он пробыл у меня лишь несколько часов, но мы немало успели переговорить с ним о разных предметах по части ученой и церковно-административной. Между прочим, он сообщил мне за достоверное, что известная петербургская газета «Церковно-Общественный Вестник» состоит под особым покровительством Обер-Прокурора Св. Синода Графа Толстого и служит органом для распространения неблагонамеренных его идей в рассуждении монашества и архиерейской власти.

26-го числа получил я интересное послание из Витебска от протоиерея В. Волкова. Вот что он писал мне от 21-го числа:

«Благодарю за присылку ответной брошюры⁸⁰⁹. С большой горестью читал я статью, направленную против Вас; но с неизмеримо большим удовольствием и радостью читал я ответ Ваш на ту статью. Не могу скрыть от Вас, преосвященнейший Владыко, что меня удивляет невнимание к направлению Цер.-Общ. Вестника тех властей, в силе которых изменять вредное направление журналов и газет, обуздывать их порывы к нападкам на всех и всё, что несогласно с их легкомысленностью, и указывать пределы, за которые редакции выходить не должны, особенно в делах церковных и вообще религиозных. Без разбора печатая всякий вздор, ложь и клевету, думают ли они, что делают величайший вред православной церкви? Знают ли, что раскольники, штундисты, шалопуты и прочие им подобные, с жадностью читают нумера газет, где говорится о делах нашей православной церкви и духовенстве её – неблагоприятно? Что может миссионер говорить в пользу

обращения в православие или в свое оправдание, если увещиваемый скажет и печатное покажет: «батюшка! да посмотрите на себя и около себя... что у вас делается? Какие у вас церковные порядки, какие правила, какие архиереи, какие священники? вот читаем вашу же церковную газету (Церк.-Общ. Вест.) несколько лет, и кроме худого, гадкого, отвратительного ничего не видим... духовенство не исполняет церковных правил, не слушается архиереев, жалуется на архиереев, ссорится с архиереями и между собой; сойдутся на съезде и чуть не дерутся; пишут, что правила вашей церкви уже не годятся, нужно пересмотреть, переделать, да в порядок привести; а вы, батюшка, уговариваете, чтобы и мы присоединились к такой церкви». Что против этого может сказать миссионер? Улика печатная на лицо... Не раз мне приходилось слышать, что худшего народа на свете нет, как православное духовенство. Оно, говорят, и само на себя так смотрит; само о себе пишет всякие гадости.

В каждом ведомстве, говорят, есть худые люди и своего рода безобразия; но не выставляют же их на показ всему миру, а духовенство имеет для этого свой специальный журнал – газету, и чего только там нет? Пользы от такой гласности нет никакой; дурное духовенство не исправилось; вражда и ненависть меньшего духовенства к старшему, и преимущественно к архиереям, разжигается и возрастает; своеволие, неповиновение и непокорность крепнут; власть осмеивается и – естественно слабеет. И что смешнее всего: читаются архиереям наставления, как они должны управлять епархиями, как должны относиться к духовенству, и кто же делает эти наставления? Мы, т. е. Церк.-Общ. Вестник, или какой-нибудь молокосос, писавший статью..., студент академии первого, или второго курса. Вот кто мы! Почему, спрошу, католики не пишут о своих ксёндзах? Неужели между ними нет проказников? Есть – и достаточно; но прихожане, по уважению к сану их, ни слова худого не разглашают о них. А наши православные желают и требуют, чтобы все резолюции архиерейские обязательно печатались. Для чего? Для того, чтобы издеваться над архиереями... Но довольно! Что пользы

делу, если я возмущаюсь и ясно вижу вред от литературной распушенности нашего православного мира – светского и духовного в делах церкви и духовенства? Ни власти, ни силы помочь делу я не имею. Впрочем, я успел достаточно приобрести сторонников моих взглядов на гласность о делах церковных и православного духовенства. Буду довольствоваться и утешаться хоть этим.

Если Вас, Владыка, интересует наша епархия, позвольте сообщить некоторые сведения о том, что делается в ней. Преосвященный наш возвратился из Лепельского, Полоцкого и Витебского уездов 31-го мая. Духовенством, богослужением и порядками остался доволен. Во время ревизии особенное внимание его было обращено на храмы. Прихожане, ожидая помощи от правительства, правду сказать, позапустили храмы; но преосвященный всем им внушает, что от правительства не следует ожидать помощи, а хотя частями, постепенно, начиная преимущественно с крыши, чтобы не было течи, исправлять на свои приходские средства. Священников, усердствующих в этом деле, поощряет, награждает».

В ответ на это послание писал я от 10-го июля:

«Благодарю Вас за Ваше сочувствие⁸¹⁰ к моей ответной статье на ругательную статью Цер.-Общ. Вестника. Нашлись однако ж как в Харькове, так и в Витебске, особы, которые с злорадством читали статью Вестника и с укоризною отнеслись к моему ответу. Но о вкусах нельзя спорить. Во всяком случае я, написавши ответ в разъяснение сущности спорного предмета, нимало в том не раскаиваюсь.

Ваш взгляд на современную церковно-газетную литературу очень верен. Почему бы Вам всё то, что Вы написали мне в последнем письме, не сообщить редакции Домашней Беседы? Она, вероятно, охотно поместила бы это в отделе своего журнала: Блестки и Изгарь.

Извините, что на ваше пространное послание отвечаю кратко».

27-го ч. писал мне из Киева известный уже Л. К. Рейхенберг:

«Я приехал в Киев без всяких средств. Решившись посвятить себя Христу-Богу в деле миссионерства, я не мог

остановиться из-за того, что 3000 руб., мои единственные и последние средства, на которые я вполне рассчитывал, пропали у недобросовестных должников. Продав свои пожитки, я обеспечил на первое время жену, сочувствующую мне и, ради моей высокой задачи, переносящую безропотно разлуку и недостаток, и с крестом в сердце и верою в душе отправился в Киев.

Первое время посвятил я поклонению здешней святыне. Изучив предварительно жития почивающих там угодников, я пошел прикладываться, и моя благоговейщая душа исполнилась высшего восторга. Вы здесь чувствуете себя в торжественном собрании великих царей, владык! Страх и радость обнимают душу, ни тени уныния, ни малейшего следа тяжелого впечатления смерти..., напротив, вы чувствуете отчетливо, ясно, что находитесь в царстве жизни, а не смерти. Св. мощи представляют вообще дивное сочетание неземного величия и самоуничтожения, всеобъемлющей славы и крайнего смирения, бессмертия, нетленности, и смерти и гроба... Я молил их о ходатайстве, чтобы Дух Святой помог мне сделаться хоть отчасти похожим на них. Лобызая чудотворную икону Успения, я был весь благоговение. С каким блаженством лобызал я этот чудотворный образ! А что я чувствовал прикладываясь к крови Господа и Спаса моего, честнейшей крови Нового Завета, пролитой за грехи мира, в том числе и за меня, недостойного, – этого никакое слово неспособно передать! Я перестал существовать для всего остального, и для меня, кроме Спаса, ничего не существовало. Я остался без жизни, без движения, я был весь в душе, а душа у Христа, Царя и Бога. Я ни о чем не просил, я ни в чем не нуждался, ничего не жалел: я созерцал Бога-Слово и был невыразимо счастлив. Обильные слезы умиления, следствие избытка счастья, доказывали настроение души моей!

К сожалению, я не могу описать чувств волновавших душу мою при этих великих моментах. Эти ощущения – достояния чувства, а не слова!

Факты однако же вывели меня из духовного мира к действительной жизни, и я хоть поустроил свою будущность в

отношении науки, но мое материальное положение оказалось так безвыходным, что я едва не пал духом; семейство там, я здесь в самой последней крайности; занятий в городе нет, а на выезд хоть и есть, но я не могу выехать из Киева, где, под руководством профессора Воскресенского, должен готовиться к вступительному экзамену. И в то время, когда я возвел очи мои в горы, отнюду же приидет помощь моя, Господь милосердый «посла ми помощь от святаго». Нет слов выразить мою признательность за внимание и покровительство, которыми Вам угодно было удостоить меня. Ваша двойная помощь душе и телу поспела именно в момент упадка физических и нравственных сил».

27-го получено было мною письмо из Москвы от А. В. Краснопевкова. Он писал от 24-го числа:

«Благодарю Вас за то, что утешили меня ответным Вашим письмом. Теперь боюсь медлить и спешу, во-первых, послать Вам процензированную рукопись и образцы портретов брата. Мысль ваша издать воспоминания под своей редакцией в Харькове, конечно, самая лучшая, тем более, что статья столь объемистая растянется в журнале на множество номеров и тем самым не будет иметь того главного впечатления, которое получается от статей, прочитанных без перерыва. Горю желанием поскорее быть в Харькове. Надеюсь, если Бог благословит, поспешить в Харьков в течении лета. Заблаговременно прошу не отказать мне привести к Вам письма покойного митрополита Филарета к брату и вместе с Вами прочесть их и сделать примечания, которые оказываются необходимыми».

На это отвечал я от 3-го июля:

«Посланные Вами тетради и фотография, портреты имел я удовольствие получить; душевно благодарю Вас.

В свою очередь посылаю Вам остальные 18-ть тетрадей. Потрудитесь предварительно прочитать их сами и, что найдете нужным, исправьте, или опустите. Я поместил в конце «моих воспоминаний» Ваши с Татьяной Васильевной письма; не прогневайтесь ли Вы за это на меня?

Попросите затем о. прот. Зернова не замедлить рассмотрением моей рукописи. Пока не будет рассмотрена и одобрена к напечатанию вся рукопись, я не знаю, приступлю ли к её печатанию.

Выбор портрета мною будет сделан не иначе, как по взаимному совещанию с Вами. Но когда же прикажете ожидать Вас в Харьков? Я просил бы Вас предупредить меня о вашем приезде.

Письма покойного митрополита к преосв. Леониду я с удовольствием готов прочесть с Вами и сделать к ним, какие могу, примечания. Но для удобнейшего разумения этих писем полезно было бы иметь пред глазами черновые письма ко Владыке от Преосв. Леонида, если только они сохранились. Кстати, просил бы я Вас показать мне, если можно, дневные записки вашего покойного братца: в них, вероятно, очень много интересного»⁸¹¹.

3-го июля получено было мною из Москвы от Помпея Николаевича Батюшкова письмо от 1-го июля, следующего содержания:

«Сохраняя в памяти сердца Ваше благосклонное ко мне внимание, беру смелость препроводить на Ваше просвещенное Архипастырское благоусмотрение отдельный оттиск статьи, помещенной в Московских Ведомостях, – в том предположении, что, быть может, благоугодно будет Вам, Милостивый Архипастырь, ознакомить духовенство с её содержанием.

Открытие особого, специального, в России, учебно-воспитательного заведения для славян Балканского полуострова, – при недремлющей пропаганде запада, не жалеющей денежных средств, чтобы стереть славянство и православие с лица земли, – и современно и необходимо. В деле этом принимают участие весьма высокопоставленные лица, и я надеюсь, что, с помощью Божией, предприятие это осуществится.

Если Вашему Преосвященству с богоспасаемой епархией Вашей угодно будет принять участие, я просил бы Вас, Владыка, высылать пожертвования на мое, или Ивана Сергеевича Аксакова имя, специализируя, на какой, именно,

предмет делаются пожертвования, во избежание того, чтобы они не слились с другими суммами Славянского Общества».

Настоящее приглашение г. Батюшкова, при множестве других с разных сторон требований, не имело в вверенной мне епархии никакого успеха.

8-го ч. получено было мною от Начальника губернии Кн. Д. Н. Кропоткина письмо за № 222, следующего содержания:

«Харьковское местное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах в заседании своем 7-го июля сего года единогласно решило обратиться к Вам с покорнейшею просьбой освятить изготовленный местным Управлением Харьковский санитарный поезд.

Уведомляя об этом Ваше Преосвященство, со своей стороны имею честь покорнейше просить не отказать местному Управлению в исполнении его желания; при чем долгом считаю присовокупить, что освящение поезда имеет быть во вторник 12-го июля в одиннадцать с половиною часов утра, на станции железной дороги».

8-го ч. писал я в Витебск Баронессе М. А. Боде:

«Простите, что начну письмо это полемикой.

Вы пишете: «многие находят, что лучше было бы оставить глупую статью (Цер.-Общ. Вестника) без ответа» и проч.

Такие же слова слышал я и от некоторых из близких ко мне лиц ещё прежде, чем я написал свой ответ на газетную статью. Но я, внимая голосу своей пастырской совести и наставлению вселенского учителя – И. Златоустого, решился непременно отвечать, и в этом не раскаиваюсь и теперь.

Вот что писал в свое время св. Златоуст: «Хорошо (Предстоятелю Церкви) ни чрезмерно бояться несправедливых обвинений, ни совершенно пренебрегать ими. Но хотя они были ложны, хотя бы происходили от людей незначащих, надобно погашать их как можно скорее... Лишь возникнут худые подозрения, тотчас нужно истреблять их, убеждать обличителей, хотя они были бы бессмысленнейшие из людей. Когда же мы сделаем со своей стороны всё, и обвинители будут упорствовать, тогда можем отнестись к ним с презрением⁸¹²».

Когда появилась в Хар. Епарх. Вед. первая лишь половина моей ответной статьи, редактор Цер.-Общ. В. угрожал мне новою бранью (№ 61); но когда напечатана была вторая половина, то вот уже прошло более месяца, и я не вижу и не слышу от моего противника ни одного слова. Стало быть, мой ответ поставил его в тупик, так что ему некуда ступить.

Далее – как ни глупа и ни дерзка статья Цер.-Общ. Вестника, тем не менее она произвела здесь сильное впечатление, хотя и не в одинаковом смысле. Одни, даже из духовных особ, читали её с злорадством, другие с сердечной скорбью. Некоторые хотели даже написать что-нибудь против статьи в мою защиту и оправдание, но ничего не могли придумать: так озадачила их эта статья.

Если бы действительно кто-нибудь поспешил хотя что-нибудь дельное напечатать в опровержение пасквильной против меня статьи, я, может быть, и не взялся бы за перо. Но не видя ниоткуда защиты, а между тем предполагая, что газетная статья может произвести немалый соблазн между духовенством моей епархии, я почел своим пастырским долгом разъяснить сущность дела, о котором в статье шла речь. И когда появился в печати мой ответ, то те самые лица, которые предостерегали меня от полемики, искренно благодарили меня за этот ответ.

Что у меня в намерении было не столько защищать свою честь (хотя и это дело немаловажное), сколько оградить свою духовную паству от соблазна, это я доказал тем, что свой ответ на статью поместил не там, где эта последняя была напечатана, а в своих Епархиальных Ведомостях, в том, именно, расчете, чтобы этот ответ был прочитан всем духовенством моей епархии, а о посторонних читателях у меня не было и нет никакой заботы.

После сего, скажите, достопочтеннейшая М. А., по справедливости, прав ли я, или нет?

Не менее, чем в Витебске, заняты войной и в Харькове. Но меня удивляет то, каким образом бедный Витебск может устроить лазареты на 700 кроватей, тогда как богатый Харьков устроил палатки только на 200 кроватей? Зато духовенство здешнее с особенною щедростью отозвалось на мое воззвание:

в каких-нибудь два месяца оно сделало приношений более 5000 рублей.

На днях ожидаю к себе гостя из Москвы брата покойного Преосв. Леонида. С ним надеюсь немало побеседовать о почившем моем друге. Воспоминания мои о преосвящ. Леониде рассматриваются цензурою, и часть уже мне возвращена. Скоро приступлю к печатанию моего литературного труда. По напечатании, разумеется, не замедлю прислать Вам экземпляр. Воспоминания мои будут печататься несколько в сокращенном виде; но если бы Вам угодно было прочитать их в полном тексте, то я просил бы Вас пожаловать ко мне в Харьков».

10-го ч. получено было мною письмо из Симбирска от преосвященного Феоктиста⁸¹³; он писал мне от 5-го числа:

«Сочинение Вашего Преосвященства по поводу передовой статьи газеты «Цер.-Общ. Вестник» № 45-й, за 1877 г. мною получено.

Я вполне ценю силу Вашего отпора «Цер.-Общ. Вестнику». Думаю, что многие из богословов сочувственно отнеслись к Вашей статье. Но едва ли «Церк.-Общ. Вестник» признает себя побежденным ею. Не так давно он делал резкие замечания Св. Синоду за то, что не награждает докторскими степенями и крестами тех из православно ученых, которые составляют сочинения о богословских истинах в духе православия и даже неверия. Дивно ли, если Цер.-Общ. Вестник выставит против Вашего сочинения целую батарею своих словоизвержений и отвратительных глумлений? А может быть, кто-либо из влиятельных лиц в Петербурге остановит новые выходки его против Вашего Преосвященства».

12-го ч. в 11 1/2 ч. совершено было мною освящение санитарного поезда, устроенного Харьковским местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах, в присутствии начальника губернии и многих других почетных лиц. По окроплении св. водою всех вагонов поезда, и затем по прочтении коленопреклоненной молитвы, я обратился к санитарному персоналу, во главе коего стоял с красным крестом на правой руке Куряжского монастыря иеромонах Дионисий, с следующей речью:

«Какое великое и тягостное зло – война, и как ужасны её последствия!

Там, где кипит брань, всё делается жертвою гибели и разрушения: разрушаются вековые твердыни, гибнут общественные здания и частные жилища; большинство населения лишается крова и имущества; сбережения многих лет и плоды тяжких трудов мгновенно истребляются пламенем или расхищаются врагами, а иногда и своими, как это видим ныне в Турции; но, что особенно ужасно, сколько там проливается невинной крови, сколько гибнет молодых сил, сколько слышится стонов и страданий!

Ужели война – зло непредотвратимое и неизбежное? К несчастью, пока живут и действуют в обществах человеческих злые страсти – рвение, зависть, властолюбие, корыстолюбие, злоба, мстительность, и тому подобные, – война неизбежна.

Нельзя ли, по крайней мере, ослабить и ограничить бедствия, соединенные с войною?

В настоящее время, к чести человечества, являются благородные порывы ограничить зло, причиняемое войною, и облегчить страдания, наносимые этим бичом.

И вот пред нашими очами один из благодетельнейших способов к облегчению страдания воинов, подвизающихся на бранном поле.

Эти огнедвижимые колесницы уготованы для того, чтобы в них могли, сколько можно безболезненнее, достигать врачевниц воины, пораженные, но не сраженные от пуль и мечей вражеских.

Эти избранные души с готовностью идут на христианский подвиг служения больным и раненым воинам.

Тех, кои возымели усердие устроить эти благопотребные колесницы, по справедливости можно уподобить благосердому евангельскому Самарянину, который, увидев на пути лежавшего человека, ограбленного и израненного разбойниками, сжалился над ним и, перевязав ему раны, посадил его на своего осла и привез в гостиницу (Лк.10:33–34).

А эти доблестные и сострадательные души, которые, с забвением о собственном спокойствии, идут, во имя Христова,

служить в пути больным и раненым соотечественникам, идут возливать на их раны масло и вино (Лк.10:34) и даже, что всего важнее, преподавать им духовное утешение и божественное врачевство, – не принадлежат ли они к числу тех, о коих сказано в писании: *болен бех, и посетисте Мене?* (Мф.25:36).

Приимите же вы, возлюбленные о Господе, в напутствие и благословение от нас священное изображение Того, Кто некогда речет вам: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира: болен бо бех и посетисте Мене*». (Мф.25:34)⁸¹⁴.

При этом вручил иеромонаху образ Спасителя в сребропозлащенной ризе.

15-го ч: послано было мною в Переяславль-Залесский, шурина, священнику Дм. Вас. Царевскому 300 рублей при следующей записке:

«Посылаю Вам при сем, на определение Вашей дочери в Мариинский Институт, 300 р., но с тем, чтобы Любовь Дмитриевна, по поступлении в высшее учебное заведение, доставила мне подробное описание этого заведения, с объяснением где оно находится, кто в нем начальница, какие преподаются науки, кто законоучитель и проч...

Вам и семейству Вашему мир и Божие благословение».

18-го ч. приехал ко мне из Белгорода (Курской епархии) бывший Полоцкий архимандрит Григорий, который сообщил мне следующие сведения:

1) Преосв. Василий, бывший архиеп. Полоцкий, освящал по три престола в один раз, иногда освящал вновь церковь, только лишь накануне освященную Благодичным; поддерживал прежние униатские обычаи; искал случаев видеться с митрополитом р.-католических церквей Жилинским и входил с ним в секретные собеседования; позволял Благодичным удерживать из жалованья, выдаваемого духовенству, в свою пользу процентов до 15-ти...

2) Свящ. С. З...ий приводил детей своих в Чашницкий костел для принятия от католического митрополита миропомазания. Архим. Григорий, бывши тогда Благодичным в

Лепельском уезде, доводил о сем до сведения архиеп. Василия, но тот не обратил на это никакого внимания.

3) Некоторые воссоединенные из унии священники Лепельск. у. совершали литургию без проскомидии, употребляя для агнца просфору в роде латинской облатки. Многие священники до конца жизни служили по униатским служебникам и требникам; высланные из Св. Синода богослужебные книги оставались без употребления.

4) По смерти Марковского Архимандрита Павла⁸¹⁵, найдено было архим. Григорием письмо, писанное в 1859 г. к Новгородскому митрополиту Григорию⁸¹⁶. В этом письме архим. Павел умолял митрополита удалить от Полоцкой епархии архиеп. Василия, как человека зловерного.

21-го ч. получено было из Витебска от А. П. Ушаковой письмо, в котором она от 17-го числа писала мне:

«Благодарю за Вашу брошюру. Я прочла её с великим удовольствием. Лично мне она очень понравилась по сжатому своему слогу и ясному изложению дела. Сдержанность, с которой отвечаете Вы на все пункты обвинения и разъясняете самую сущность факта, видимо свидетельствует, что Вы, как архипастырь, руководились лишь желанием восстановить истину в вверенном Вам высоком служении Церкви Христовой, оставляя в стороне личные мелкие расчеты. – Мне приятно было, что почти такое же мнение высказал и наш Преосвященный. Как-то недавно зашли к нему после обедни; заговорили и об Вашей брошюре. Мнения были различны, кто-то из духовных сказал: «не стоит из крупковских пушек воробьев стрелять». Преосв. сказал: «я с Вами не согласен: Преосв. Савва руководился высокою целью, отвечая своему, может быть, и ничтожному противнику. Мы все архиереи должны быть ему признательны, что он так твердо отстаивает и хранит истину во св. Христовой церкви».

В № 160 газеты «Голос», между прочим, напечатано известие, что библиотека умершего на покое в Болдинском монастыре (близ Астрахани) архиепископа Афанасия (Дроздова), бывшего Астраханского, оцененная в 48.000 р., поступила, по его завещанию, в этот монастырь. Очень жаль,

что такая богатая библиотека не передана в какое-либо высшее учебное заведение. Здесь она, без сомнения, могла бы приносить более пользы, нежели в иноческой обители.

1-го августа писал я в Москву А. В. Краснопевкову:

«Вот прошел и Июль, а Вас нет, как нет. Со дня на день ожидаю письменного, по крайней мере, известия от Вас, но и того не получаю.

Что это значит? Живы ли Вы, здоровы ли?

В ожидании Вашего прибытия и возвращения из цензуры остальных тетрадей моей рукописи, я не приступал к печатанию одобренной части моих «воспоминаний», хотя и сделаны уже некоторые по сему распоряжения.

Покорнейше прошу уведомить меня, скоро ли я могу получить мои тетради.

Я же, в свою очередь, неизлишним почитаю известить Вас, что 12-го числа я отправляюсь в Святогорскую пустынь и не ранее недели могу оттуда возвратиться.

В ожидании Вашего уведомления, с душевным к Вам благорасположением пребываю»...

2-го ч. Редактор Харьк. Еп. Ведомостей, протоиерей И. Чижевский, передавал мне, что священником села Шульгинки, Старобельского уезда, Андреем Лядским послана была в редакцию Цер.-Общ. Вестника статья, в опровержение известной передовой статьи № 45 этой газеты и в защиту моей резолюции; но само собой разумеется, что статья эта не нашла себе благосклонного приема у редакции и возвратилась к своему автору, от которого потом досталась мне и хранится у меня в целости. Такова честность и таково беспристрастие г. Редактора П. Для пасквильных и ругательных статей на архиереев у него открыты объятия, а статьям, защищающим честь епископов, на страницах редактируемой им газеты нет места. Это значит, что он верой и правдой служит принципу своего высокого патрона⁸¹⁷, о котором речь была выше.

10-го ч. получил я в дар от преосвященного Феофилата, Еп. Симбирского, брошюру, под заглавием: «Симбирские Чуваши, и поэзия их, свящ. П. М. Мальхова. Казань, 1877 г.» По этому

поводу, а вместе с тем и в ответ на письмо Преосвященного от 5-го июля, я писал Его Преосвященству:

«Благодарю Ваше Преосвященство за доставление мне любопытной брошюры о ваших Симбирских Чуваших.

А Вы правы. Цер.-Об. Вестник начал и продолжает снова выставлять против моей резолюции батареи своего пустословия. В последнем нумере газеты (№ 88) выступил наконец против меня с оружием критики, впрочем очень тупым и заржавленным, сам о. Белюстин. Видно, что у этого злого пса зубы уже притупились: он продолжает ещё лаять, но кусать уже не может. Впрочем сколько бы ни писали полемических статей против меня, я не намерен более тратить времени на бесплодную полемику.

На первую статью я обязан был дать ответ и разъяснить сущность дела, к охранению своей паствы от соблазна. Притом я имел на этот раз в виду и наставление Св. Златоуста (Душеп. Чт. 1877 г. май, стр. 87 и сл.).

Скажите мне, Преосвященнейший, если можно, в чем сущность Самарского дела и насколько в этом деле оказывается, по Вашему мнению, виновным Преосвящ. Герасим⁸¹⁸? Справедливо ли также, что сей Владыка просится на покой?»

19-го ч. получил я письмо из Киева от профессора академии В. Ф. Певницкого; он писал мне от 17-го числа:

«Приношу Вам глубокую благодарность за то дорогое для меня внимание, каким Вы удостоили меня в мое недавнее пребывание в Харькове.

Посылая Вашему Преосвященству две свои книжки («Воспоминания о покойном митрополите Киевском Арсении»⁸¹⁹ и «Григорий Двоеслов»)⁸²⁰, прошу Вас благосклонно принять их. Если что неправое усмотрите в них, своим снисхождением покройте мои ошибки. Я сознаю всю маловажность представляемых Вам сочинений, и это сознание было причиною того, что своевременно я не представил Вам своего исследования о св. Григории Двоеслове.

Мое путешествие в родные страны⁸²¹ совершилось вполне благополучно. Муром не произвел на меня ныне благоприятного

впечатления: он показался мне городом не столько обновляющимся, сколько ветшающим. Духовное училище стоит в том же самом виде, в каком Вы его оставили в давние годы⁸²². 8-го июля в Владимире собирались праздновать юбилей по случаю исполнившегося двадцатипятилетия служения в архиерейском сане Преосвященного Антония, но от Св. Синода не последовало разрешения на то торжество.

Наш Высокопреосв. Митрополит⁸²³, не смотря на свои телесные немощи, неутомимо служит во все воскресные и праздничные дни. Преосвящ. Порфирий, пользуясь полуторамесячным отпуском, до последних дней жил на даче, принадлежащей Михайловскому монастырю, в верстах 20 от Киева, и не являлся в Киев даже 15 июля, когда в торжественном ходе, по случаю воспоминания крещения Киевлян, участвует всё духовенство города Киева. И Преосвящ. Филарет⁸²⁴ брал отпуск на двенадцать дней на родину в Воронеж. Он очень быстро совершил свое путешествие: в Задонск напр. приехал в два часа ночи, ночью же отслужил молебен у гроба Святителя Тихона, а в 5-ть часов утра отправился в обратный путь. Он выехал 2-го августа и хотел непременно к 15-му августа поспеть в Киев».

Не раньше как через месяц мог я ответить на это любезное письмо почтенного земляка, и вот что писал я ему от 18-го сентября:

«Искренно благодарю Вас за дорогое письмо и за книги. С ученым сочинением Вашим о св. Григории Двоеслове, оказалось, я отчасти знаком был и прежде, а воспоминания о преосв. Митрополите Арсении прочитал лишь теперь. Очень много в них интересного; между прочим, в Вашем описании служения покойного Владыки на кафедрах Подольской и Варшавской я заметил много обстоятельств, сходных с моими обстоятельствами, когда я был на Полоцкой епархии. Спасибо Вам за Ваш интересный и назидательный литературный труд.

Что же Вы не сказали ничего о Вашем пребывании в Воронеже и о вашем брате о. Димитрии⁸²⁵. Как он живет и подвизается на учебно-педагогическом поприще?

Очень жаль, что Вы мало погостили у нас в Харькове. В следующие каникулы приезжайте к нам, по крайней мере, на неделю. Я уверен, что у нас с Вами найдется довольно предметов для собеседования.

Прошу Вас не оставить Вашим вниманием нашего Харьковского неофита, г. Рейхенберга, если он допущен к слушанию академических лекций».

От 20-го августа писал мне из Москвы А. В. Краснопевков:

«Степан Иванович Зернов обещал завтра или послезавтра прислать мне находящиеся на его цензорском рассмотрении тетради. Не сетуйте на меня за медленность и за то, что не был ещё в Харькове. Если бы Вы видели, как у меня проходит время, и узнали все испытания, обрушившиеся на мою голову со смертью незабвенного брата, то поняли бы, что мне тяжело. В июле месяце начал лечение водами, вместо предполагавшегося отдыха, но тяжесть испытаний была так велика, что разрушала все действие вод и даже ухудшила мое состояние, так что Владимир Иванович⁸²⁶, наконец, признал нужным посоветовать мне прекратить лечение до тех пор, пока тяжесть душевная не облегчится, – но когда это будет, не знаю. В настоящее время должен ехать в Петербург, чтобы устроить некоторые дела. Помолитесь о мне; знаю, что испытания необходимы, но когда, куда не обернешься, везде видишь тяжесть и гнет, то силы начинают ослабевать. Во всяком случае пришлю рукопись до отъезда из Москвы».

21-го ч. посетил меня помещик села Никольского, Сумского уезда, Д. Ст. Сов. Иван Кузьмич Калугин, знакомый мне по Москве, где он служил в Главном Архиве Мин. Иностр. Дел, а в настоящее время состоит на службе в II Отд. Собственной Его Величества Канцелярии. Между прочим, он сообщил мне, что он был членом особой Комиссии о добровольном снятии с себя вдовыми священниками и диаконами священного сана. Между тем как некоторые из членов Комиссии склонялись к решению этого вопроса в положительном смысле, он и немногие другие члены с настойчивостью утверждали, что такое решение противно каноническим правилам Церкви.

23-го ч. Кафедральный Ключарь, протоиерей С. Илларионов передавал мне рассказ профессора Новороссийского Университета И... о том, как Министр Нар. Просвещения, граф Толстой, при посещении в 1875 году Университета, в кругу всей ученой корпорации и в присутствии двух священников, порицал духовенство, в особенности архиереев, и рассказывал, к великому соблазну слушателей, самые неприличные анекдоты. И – это притом Обер-Прокурор Святейшего Правительствующего Синода!..

26-го ч. Директор Харьковского театра Дюков просил моего разрешения на допущение спектаклей с благотворительной целью в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи (29-го авг.) и Воздвижения Креста Господня (14 Сент.). Само собой разумеется, что разрешения на эти благотворительные увеселения, оскорбляющие достоинство истинной христианской благотворительности, мною не было дано; но при этом тем неприятнее и грустнее было для меня выслушивать такую нелепую просьбу от Дюкова, что он духовного происхождения – сын православного русского священника.

28-го ч., в воскресенье, совершено было мною освящение барачного госпиталя, устроенного частью на средства Общества Красного Креста, а частью на пожертвованную городом сумму. При этом произнесена мною следующая речь:

«Благодарение Господу! Мы видим, что и наш богоспасаемый град не менее других отечественных городов ревнует о принятии живого и деятельного участия в великом общественном деле попечения о больных и раненых воинах, мужественно подвигающихся на поле брани за веру православную и единоплеменных нам и единоверных братьев славян.

Эти, церковной молитвою ныне освящаемые, храмины воздвигнуты общим усердием, общим иждивением благочестивых и человеколюбивых обитателей града сего.

Какое же их назначение?

В них должны найти и найдут временное пристанище и успокоение от тяжких подвигов, благопотребную и благовременную врачебную помощь в телесных недугах

христоролюбивые воины, оставившие на время поле битвы, чтобы потом, по уврачевании своих недугов и язв, полученных ими от меча или пули вражеской, снова возвратиться на бранное поле.

Доблестные воины, проливая на поле брани свою кровь, исполняют долг любви к Царю и отечеству; вы, достопочтенные сограждане, уготовляя для этих воинов временное пристанище и потребную врачебную помощь, исполняете долг человеколюбия и признательности к ним – защитникам веры и отечества.

И так, в этом взаимообщении христианской любви, пусть каждый продолжает совершать, до конца брани, свое дело.

Бог же мира и Господь браней да споспешествует всем нам во всём благом своею благодатию». ⁸²⁷

30-го ч. получил я письмо из Ярославля от Протоиерея А. П. Лаврова. Он писал мне от 27-го числа:

«При первой возможности спешу выразить Вашему Преосвященству покорнейшее извинение в том, что я не исполнил Вашего благосклонного приглашения заехать из Киева к Вам – в Харьков. Главной причиной этого была просьба моей матушки, живущей в Минске, ехать из Киева на этот город, чтобы можно было ещё повидаться с нею.

Итак Курск и Харьков остались далеко в стороне от моего пути. И я лишился удовольствия лично видетсья с Вашим Преосвященством и получить от Вас архипастырское благословение. Путешествие мое доставило мне великое удовольствие. Особенно приятно было видеть древний город Киев и поклониться почивающим здесь угодникам Божиим. Обилие святыни в этом городе поразило меня и произвело сильное впечатление на мою душу. Вместе с тем я имел счастье получить архипастырское благословение от Высокопреосвященного Митрополита Филофея, который, будучи родом из нашей Ярославской губернии, принял меня очень благосклонно и ласково.

Не смотря на дальнейшее путешествие мое, Господь сохранил меня от различных несчастий. И я возвратился в Ярославль, слава Богу, благополучно и теперь, при помощи Божией, принимаюсь за свои учебные занятия.

Церковно-Обществ. Вестник не оставляет Ваше Преосвященство в покое, снова поднявши вопрос о Вашем деле и необходимости пересмотра Учительного Известия. Мне, кажется, лучше не отвечать на это. Впрочем извините меня за эту нескромность. Вы сами лучше гораздо знаете, как поступить в этом случае».

Кстати об «Учительном Известии».

В № 34 Церковного Вестника (от 27 авг.) напечатана очень любопытная справка по поводу полемики со мною «Церковно-Общ. Вестника».

Вот что сказано там:

«В видах разъяснения полемики «Церковно-Общественного Вестника» с преосвященным Харьковским, возникшей из-за вопроса о том, правильно ли поступил преосвященный, положив на одного из священников вверенной ему епархии двухнедельную монастырскую эпителию за прилитие этим священником, во время причащения прихожан в субботу первой недели великого поста, в св. чашу, в коей не оказалось крови Христовой, вина, – долгом считаем привести решение Святейшего Синода на этот предмет, выразившееся в следующем его определении:

«Июля 18-го дня 1733 года. По указу Ея Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод, в Санктпитебурхе, приказали: церкви Вознесения Господня, что в Санктпитебурхе-ж при адмиралтейских переведенских слободах, священника Исидора Прокопиева, который в нынешнем 1733 году Февраля 10-го дня, в субботу на первой неделе великого поста, служил раннюю литургию, и после киновика, по объявлении святых даров, во время причащения святыми Тайнами приходских людей, оскудевающей во святей чаше крови Господней, дерзнул прилить воды и вина церковного, о чем в С.-Питебурхском духовном правлении по поданному нынешнего-ж 1733 года марта 8-го дня тоя-ж церкви диакона Ивана Иванова сына Мякишева доношению и сам он священник Исидор допросами вину свою признал и просит милостивого прощения, объявляя свое в том неведение, понеже-де никаких о том правил и церковных узаконений он

нигде не видал и не слышал. За ту его вину, сверх того, что он, Исидор, с предреченного времени от священнослужения уже удержан и ни в какое священническое действо вступать ему не велено, содержать ее в таком же запрещении до будущего тысяча семьсот тридцать четвертого года января до первого числа, ни к какому священнодействию его не допуская, вящего же ради наказания отослать его в Троицкий Александро-Невский монастырь в мукосейные труды, в которых и быть ему, Исидору, до одного первого числа января неисходно, а по прошествии того вышеопределенного времени, его, Исидора, из одного Александро-Невского монастыря освободив, о разрешении его паки во священнослужение Божественных литургий и всех иереям подобающих действий доложить Святейшему Правительствующему Синоду».

Изложенное определение подписано членами Синода: архиепископами – Феофаном Новгородским, Леонидом Крутицким, Питиримом Нижегородским; архимадритами – Иларионом Новоспасским, Варсонофием Соловецким и Иоанном, протопопом Благовещенским».

1-го сентября писал мне Управляющий Харьковскою Казенною Палатой И. К. Мартенс:

«Имею честь препроводить к Вам письмо гр. Дмитрия Николаевича Толстого, в котором Вы прочитаете строки, не читанные мною по случаю присутствия разных сторонних лиц».

В приложенном при этой записке письме Графа Дм. Ник. Толстого (Председателя Моск. Общества Истории и Древн. Росс.), между прочим, изъяснено:

«Брошюру Преосвящ. Саввы (по поводу передовой статьи газеты Церк. Общ. Вест., № 45, за 1877 г.) прочел я с живым интересом. Доводы его сильны, каноны ясны, логика безупречна, а знаете ли что? Я не печатал бы это на его месте. Этим объяснением он слишком много сделал чести взведенному на него обвинению, которое, по моему мнению, заслуживает только презрительного молчания.

Принесите Его Преосвященству выражение моей искренней благодарности за оказанное им внимание присылкой мне этой брошюры».

5-го ч. получено было мною письмо из Сергиева Посада от Инспектора Моск. Д. академии, С. К. Смирнова. Он писал мне от 27-го августа:

«Долго я не беседовал с Вами, в чем прошу Вашего прощения. Усерднейше благодарю Вас за Вашу брошюру, направленную против Цер.-Общ. Вестника. Как ученое исследование, Ваш ответ составляет прекрасный вклад в область церковного законоположения, но Вестник не стоил такого серьезного ответа. Это, по мнению лучших людей, п...я я...а, на содержимое в которой не только в правительственных сферах, но и во всяком благонамеренном кружке, не обращают никакого внимания. Сам Н. П. Гиляров, не любящий вообще стеснять свободу мысли, недавно отозвался об этой газете весьма саркастически.

Лавра управляется новым о. Наместником, Леонидом Кавелиным. Он произвел в монастыре довольно большой переворот и строго смотрит за братией, которая, по случаю долговременной болезни покойного о. Наместника, действительно, хотя в меньшинстве, была пораспущена. Гробовой иеромонах о. Иосиф не перенес крутого выговора наместника и умер. С братией вообще он обращается нелюбезно и распоряжается быстро и не всегда осторожно. С академией было пока одно столкновение, именно, 5-го июля. К сослужению с митрополитом назначен был по обычаю Ректор Академии⁸²⁸. Наместник объявил Владыке⁸²⁹, что он в служении должен занять первое место потому де, что ему предоставлены права Воскресенского архимандрита во время служения в Вифанском монастыре, но о. Михаил не хотел занять второго места и не служил. Братия Лавры, вспоминая прежнего Наместника, твердит, что новый наместник не ходит никогда к заутрене и иногда к обедне и т. п.

О Владыке нашем ходит слух, по-видимому, достоверный, что нынешнею осенью он думает отказаться от управления епархией и предполагает поселиться в Гефсиманском скиту, имея будто бы намерение просить себе права управлять оным. В чаянии будущего начались в скиту некоторые соответственные предположению работы.

Преосв. Алексей⁸³⁰ скончался от воспаления легких вследствие простуды, полученной им при освящении храма в Вышнем Волочке. Не стало и Преосв. Платона Костромского. Грустно заметить, что в последние полтора года смертному определению подпали святители из воспитанников нашей академии, числом до восьми. Да сохранит Господь живущих из них, которых осталось немного! Да дарует Господь милость долголетия и Вам, Преосвященнейший».

5-го же числа писал я в Москву Протоиерею Николаявленской, на Арбате, церкви Степ. Ив. Зернову, члену Цензурного Комитета:

«Усерднейше благодарю Вас за принятый на себя труд по рассмотрению моей рукописи о Преосвящ. Леониде.

Первую, Вами рассмотренную и одобренную к напечатанию, часть я недавно уже получил, но к печатанию ещё не приступал, в ожидании остальных тетрадей.

А. В. Краснопевков писал мне от 20-го минувшего августа, что Вы обещали прислать ему на другой или на третий день находящиеся в рассмотрении Вашем мои тетради, и что он пришлет мне рукопись до своего отъезда из Москвы в Петербург. Но вот прошло уже две недели, а я рукописи все ещё не получал.

Не можете ли, почтеннейший о. Протоиерей, разъяснить мне, в чем состоит затруднение к возвращению моей рукописи. Если в содержании её заключается что-либо противное цензурным правилам, пожалуйста, исключайте это без всякого опасения с моей стороны претензии. Я даже покорнейше просил бы Вас сказать мне искренно, по-братски, не заключается ли в моих «воспоминаниях», помимо противного цензурным правилам, чего-либо несообразного вообще с законами литературного вкуса, или не слишком ли много допущено мною субъективного и моего личного элемента.

По получении рукописи, не замедлю прислать на Ваше рассмотрение краткое предисловие к моим «воспоминаниям».

6-го числа мною получено письмо от Преосвящ. Феоктиста в ответ на мое письмо от 10-го августа:

«Прошу прощения, что мне не пришлось неотлагательно дать Вашему Преосвященству сведение о делах Самарского Епархиального Управления.

Из Самары поступало в Петербург много жалоб на духовное начальство. В Петербурге некоторые возмущались действиями и распоряжениями Самарской духовкой администрации. Наконец, один из священников сельских, в виде завещания или пасквиля, составя обличительную записку против своей епархиальной власти, окончил свою жизнь самодавлением. Эта записка, по смерти его найденная в его письменном столе, перешла в копии через Губернатора, Министра внутр. дел и Обер-Прокурора Св. Синода, в Св. Синод, который и соблагоизволил послать меня в Самару для обозрения положения Самарской епархии по всем частям Епархиального Управления, – что и исполнено мною в мае месяце нынешнего года. Отчет отправлен мною в Св. Синод 22 июня. Нельзя высказать в письме кратком то, что помещено в отчете, обнимающем более сорока листов, без приложений к нему.

Как Св. Синод посмотрит на представленные ему мною сведения, взятые из дел за последние три года и полученные через особое дознание и обследование, а также проверенные с делами архива за прежние восемь или девять годов, совершенно не известно мне. Пока я проживал в Самаре, Преосвященный Герасим обнаруживал твердую уверенность в правильности и безвинности своих действий и распоряжений и относительно увольнения на покой даже не делал намека, напротив выражал надежду на получение награды. Я относился к нему с совершенною почтительностью и возможно в тогдашнем положении искренностью.

Ни словом, ни намеком я не дал знать никому из Самарских, будто мой приезд в Самару имеет исключительное отношение к Преосвященному Герасиму, объясняя его простой обревизовкой некоторых бумаг, не относящихся лично к нему. Кажется, мне удалось тяжесть наветов на Преосвященного разложить между членами и Секретарем Консистории».

8-го ч., в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, предположено было празднование в Одессе пятидесятилетия

службы Херсонского архипастыря, преосвящ. архиепископа Платона. К этому торжеству я был приглашаем и лично самим юбиляром, и через одного священника Донской епархии, проезжавшего в августе из Одессы через Харьков, но я, по тогдашним военным обстоятельствам, не мог решиться на путешествие в Одессу. Поэтому ограничился следующим телеграфическим приветствием маститого юбиляра: «Приношу Вашему Высокопреосвященству усерднейшее поздравление с совершившимся пятидесятилетием достославного служения Церкви».

На это приветствие получен был мною от Его Высокопреосвященства 12-го числа следующий ответ: «Покорнейше благодарю Ваше Преосвященство за приветствие и благожелание ваше мне. Взаимно желаю вам всего доброго».

Но в 8-й день Сентября преосвящ. Платон воспоминал день своей архиерейской хиротонии, происходившей в Вильне в 1843 году. Юбилейное же торжество по случаю совершившегося 50-летнего служения его происходило 16-го числа. В этот день юбиляр сам совершал литургию и за нею благодарственный молебен, в сослужении с преосвященными: Серапионом⁸³¹, еп. Черниговским, и Нафанаилом⁸³², викарием Херсонской епархии. На молебне, после обычных многолетий, провозглашенных протодиаконом, юбиляр сам возгласил следующие многолетия:

«Служащим и молящимся во св. храме сем, жителям богоспасаемого града Одессы и всей Херсонской епархии, подаждь, Господи, здравие, благоденствие, душевное спасение и во всем благое поспешение и многия лета».

«Жителям епархий: Тверской, где я родился и воспитывался, Орловской, Петербургской, Костромской и Литовской, в которых я служил в разных должностях по духовному ведомству, Рижской, Псковской и Донской, которыми я архипастырски управлял, подаждь, Господи, здравие, благоденствие, душевное спасение и во всем благое поспешение и многия лета».

«Здравствующим о Господе моим благодетелям, поощрявшим меня, и сотрудникам, содействовавшим мне в моем служении церкви и отечеству, воздаждь, Господи, дарами

благодати Своей за то добро, какое они мне оказали, и сохрани их на многия лета».

За сим он возгласил:

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим моим родителям, наставникам и благодетелям, от юности моей вспомоществовавшим мне в моих трудах и моем служении; воздаждь им, Господи, в царствии небесном вечное блаженство и сотвори им вечную память!»...

Настоящий юбилей ознаменован был для Херсонского архипастыря Монаршим вниманием – пожалованием ордена Св. Равноапостольного Князя Владимира 1-й степени и множеством приветственных телеграмм, писем и адресов.⁸³³

20-го ч. получены были мною из Афин от Начальника Иерусалимской миссии о. архимандрита Антонина⁸³⁴ следующие вещи: фотографический снимок с Кувуклии Гроба Господня, каменные четки, чашка и кувшинчик из какого-то состава, вроде глины. Вещи эти доставлены были мне послушником Харьковского Покровского монастыря, Титовым, находившимся до войны с Турцией при Иерусалимской Миссии.

30-го ч. была обычная торжественная встреча из Куряжского монастыря чудотворной Озерянской Иконы Божией Матери и принесения её в Покровский монастырь. По случаю неблагоприятной погоды стечение богомольцев в крестном ходу было меньше сравнительно с прежними годами.

В тот же день получено было мною письмо из Сергиева Посада от Инспектора Моск. Дух. Академии, С. К. Смирнова, который от 27-го ч. писал мне:

«Имею честь принести Вам усерднейшее поздравление с днем Вашего ангела и от всего глубоко-преданного Вам сердца желаю Вам новый год жизни препровождать вполне здраво и благополучно.

Творения Св. Отцев издаваться в следующем году ещё не будут, потому что Синод ещё не рассматривал нашей сметы и не решал просьбы о субсидии. Директор Хозяйственного Управления Н. П. Смирнов⁸³⁵, который в сентябре осматривал здания нашей академии и главным образом новую библиотеку, и с которым я познакомился, сопровождая его один по академии,

говорил, что дело издания Творений поставлено в связи с условием уступки Св. Синоду права издания старых переводов Творений, именно, Григория Богослова, Василия В. и Ефрема Сирина. Уступка впрочем будет совершена не безмездно, но на условиях взаимного соглашения».

1-го октября – день моего ангела. По этому случаю получено было мною, в этот день, несколько поздравительных телеграмм и писем от разных лиц и из разных мест. Между прочим, писали мне:

а) Ив. Григ. Слиборский из СПб.:

«Харьковская церковь празднует день ангела своего Архипастыря. К молитвам Харьковской паствы присоединяю и свою недостойную, но теплую молитву к Пресвятой Деве, да покровом своим осеняет и защищает Харьковского Святителя от всех напастей и скорбей на долгие и долгие годы.

Если бы Ваше Преосвященство не отказались от поездки на юбилей, имели бы случай хорошо ознакомиться с Одессою, этим, как и называют, европейским городом. Юбиляр приглашал гостей на 8-е сентября, но в Св. Синоде нашли, что следует праздновать 14-го, так и последовало Высочайшее разрешение. И так приезжие должны были целую неделю ожидать праздника. Преосвящ. Никанор⁸³⁶ наверно не участвовал лично на этом торжестве; но, без сомнения, поздравил письменно. Интересно бы прочесть это поздравление! К прискорбию, Уфа не радуется о своем Архипастыре. Прилагаю письмо Уфимца (скорее выдержку из письма, в котором все представлено рельефно) к одному лицу, занимающему довольно видный пост по духовному ведомству. Это письмо не секрет, если и мне сообщена из него выписка. Я хлопотал, чтобы попросили Чистовича⁸³⁷ предостеречь его; но сомневаюсь, чтобы предостережение имело успех. Если бы Ваше Преосвященство сочли удобным и полезным сделать от себя предостережение, то покорнейше прошу не высказывать, что эти сведения имеете от меня».

Вот содержание приложенной к этому письму выдержки из Уфимского письма:

«По распоряжению Уфимского Епархиального Начальства нам, депутатам со стороны духовенства, приказано было к 15-му числу августа 1877 г. собраться в г. Уфе. 17-го числа мы явились к архиерею и приняли от него благословение. Расположившись, по приглашению, по местам, мы услышали от архиерея следующее: «я должен вам, господа, сказать, что худые впечатления вывез из своей поездки по епархии; у вас, как и на Дону, мало знают молитв, не знают Христа и не видели Христа; вот я вам прочту свои замечания, прошу слушать и язык держать за зубами». Читает и разъясняет, что де в селе Березовке при входе его в храм народу было всего 10-ть человек, как будто прихожане священника Малиновского и знать не хотят, что к ним приехал архиерей; спросил молитвы, и молитвы знают не все, за что я вынужденным нашелся удалить священника в другой приход. Приезжаю в другое село, и та же история... «У вас, продолжает Владыка, попы пудовики собирают, а Христа у них не знают, и попы с требой ездят на лошадях крестьян, а не на своих»; а когда ему осмелился один депутат возразить: если у священника нет лошадей? – на это архиерей отвечал: «а мне какое дело – поезжай хоть на палочке верхом». Потом опять стал говорить. «У вас Христа не знают, а попы прихожан обирают, берут, как по таксе, за молебен 10 к., а за брак – по 3 и 4 р., а то не знают, что туне приясте, и туне дадите», и, стуча пальцем по столу, продолжает: «я вам докажу, я вас нищими сделаю, у вас не только дети – мальчики и девочки не знают Христа, но даже возрастные; так, в селе Сорвихе, я обратился к одной девке, лет 17-ти, спрашиваю её, знает ли она Христа, а она от меня пугается, я хватаю её за руку и держу крепко, и опять повторяю: знаешь ли Христа, а она вырывается из моей руки и, закрывая рот своим передником и припрыгивая, говорит: не знаю, не знаю»⁸³⁸... И встает наш Владыка со своих председательских кресел, показывая пример, берет, в виде передника девушки, в зубы свою рясу и прыгает перед нами по зале. Что такое – думаем, не с ума ли наш ученый архиерей сошел? Но уж верно у него такой нрав всё передразнивать, как передразнил в Бирском монастыре Уфимских монахинь, и то где? В храме Божиим. Депутаты, в

приходе которых он был на ревизии, говорят: «спроси он, кто такой Христос, и видели ли св. икону Христа?» – тогда на эти вопросы почти бы все ответили; но раз, что он и вопросы не так задает, а во вторых – не с любовью и ласкою спрашивает запуганных крестьянских мальчиков, которым иногда и зуботычки давал, спрашивая до сотни раз, знает ли Христа?

Вот и ревизия архиерейская, вот и ученый, передовой человек? Это самолюбивый и гордый деспот, не любящий и не слушающий никаких возражений, вспыльчив до невероятности. Попов в храме, в присутствии прихожан, с криком и топаньем обзывает дураками, мерзавцами, ослиами и пудовишниками и передвигает их теперь из прихода в приход, как шашки.

Теперь о Епархиальном съезде. Съезд, как было сказано в указе Консистории, назначается по делам училищным, а каким? Бог весть. Приезжаем, дают нам дело, или вопросы, и подчас такие, которые должны быть решены предварительно на благочиннических съездах. Напр., дается резолюция Преосвященного таковая: «чтобы удержать на службе продолжительно учителей уездного дух. училища, предлагаю съезду прибавить им жалованье по предлагаемому расписанию». Жалованье по расписанию положено равное учителям семинарии. Так как денег требовалось немало, и каждый депутат не был уполномочен от своего духовенства на раскладку сих денег, то и постановили оставить это дело до будущего съезда. Так за это что и было!... и высказать даже неприятно. Он просто ругал, ругал нашего председателя, почтенного о. прот. Яхонтова, да и выгнал. Ну, нечего делать; и сделали раскладку и положили. Не знаем теперь, что духовенство- то нам скажет. Вот и съезд наш!

При разговоре об одном деле был упомянут Синод, на что архиерей сказал: «это секретари да столоначальники там мудрствуют, а не синод».

б) из Москвы А. В. Краснопевков:

«Наконец, после всех проволочек, могу иметь утешение, поздравляя Вас от всего нашего семейства с днем Вашего ангела, препроводить и труд Ваш.

Зачеркнутые мысли просил бы выкинуть и некоторые собственные имена означить буквами.

Вот все что могу заметить. Затем ещё раз приношу благодарность за любовь к брату и прошу молитв Ваших в настоящее время особенно необходимых для семейства нашего».

От 29 числа из Екатеринославля писал мне Секретарь Консистории А. Н. Невоструев:

«Я очень рад, что исполнил Ваше желание. Вы вероятно уже познакомились несколько с отправленною к Вам книжкой: «Исторический обзор Православной христианской церкви в пределах Екатеринославской епархии до времени формального открытия её». Екатеринослав, 1876 г. Не знаю, какое она произведет впечатление на Вас, но книжка интересна по содержанию для нас, жителей Новороссии и, сколько мне кажется, составлена добросовестно. Печатаемое на страницах Екатеринославских Епарх. Ведомостей в текущем году по-видимому продолжение её принадлежит перу другого автора, наставника местной Семинарии М. Никольского, и не окончено ещё».

3-го ч. получено было мною письмо из Москвы от Архимандрита Николо-Угрешского монастыря Пимена.

О. Пимен⁸³⁹ писал мне от 25-го сентября:

«Зная Ваше всегдашнее расположение к покойному Преосвященному Архиепископу Ярославскому Леониду, спешу поделиться с Вами только что напечатанной книжкою его писем ко мне⁸⁴⁰. Поэтому я и замедлил. Вам желательно было иметь «Исторический очерк Николаевского-Угрешского монастыря»⁸⁴¹. Препровождая к Вам и сию книгу, пользуюсь случаем просить Вас принять от меня ещё книжку «Мои воспоминания»⁸⁴². При сем же прилагаю и фотографические виды монастыря.

Мне никогда не пришло бы и на мысль писать свои воспоминания, ежели бы настоятельно не потребовал от меня сего покойный Преосвящ. Леонид.

Будьте снисходительны к писателю – самоучке».

В ответ на это писал я от 6-го октября:

«Усерднейше благодарю Вас за столь щедрое приношение мне книг, брошюр и фотографий.

Письма к Вам почившего в Бозе Преосвященного Леонида прочитал я с живым интересом и назиданием.

Ваши «Воспоминания» читал я ещё на страницах журнала также с большим любопытством. Спасибо покойному Владыке Леониду, что он вызвал Вас на такой полезный труд. В Ваших воспоминаниях очень много для меня новых сведений о монастырях и о монашествующих.

Давно не бывши в Вашей Св. Обители, я нашел в Ваших фотографических видах много новых, мною не виденных, зданий и сооружений.

Честь и слава Вам за приведение в такое великолепие и благоустройство вверенной Вам обители!

Вероятно, не безызвестно Вашему Высокопреподобию, что и мне Бог помог совершить некоторый труд в память приснопамятного моего друга и собрата, Преосв. Леонида. Я написал о нем воспоминания и приступил уже к печатанию их. К книге я намерен приложить, по Вашему примеру, фотографический портрет покойного».

О. Протоиерей Зернов писал мне от 30-го сентября:

«Когда я получил письмо Вашего Преосвященства от 5-го сентября, цензурное мое дело в отношении к «Воспоминаниям» было уже исполнено. Несколько страниц из Вашей рукописи я читал Владыке⁸⁴³. Владыка с видимым интересом слушал читанное мною из Воспоминаний и только относительно случаев, где приводятся подлинные слова Государя, заметил, что их без особого разрешения не всегда удобно бывает предавать тиснению. Произведение Ваше составит добрую и занимательную книгу, которую будут читать несомненно с удовольствием. Особенно же много читателей найдет она, конечно, между многочисленными почитателями Преосвященного Леонида».

От 30-го сентября писали мне сестры Преосв. Леонида О. и Т. Вас. Краснопевковы:

«Позвольте и нам в числе друзей Ваших принести поздравление с днем Вашего ангела.

Чтение Ваших записок доставило большое удовольствие как нам, так и всем тем, которые их видели, и все с нетерпением ожидают выхода их в свет.

После Владыки у нас осталось несколько бриллиантовых панагий, которые мы должны продать; не угодно ли будет Вам, или кому из известных Вам Владык купить которую-нибудь из них? Каждая вещь Владыки нам очень дорога, и потому не хочется продать просто в магазин, а было бы более желательно видеть их на тех людях, которых любил и уважал наш незабвенный покойный.

1) Панагия гр. Толстой⁸⁴⁴ с иконою Знамения Божией Матери – 500 р.

2) С иконою Иверской Божией Матери с бриллиантами и рубинами самого изящного рисунка – 1200 р.

3) С иконою Божией Матери Умиления, с жемчугом, бриллиантами и рубинами – 800 р.

4) С жемчугом и бирюзой – 400 р.

Я выставляю не цену их первоначальной стоимости, а ту, которую дают ювелиры».

На письмо это я отвечал от 13-го октября:

«Душевно признателен Вам за память о дне моего ангела.

Очень рад, что чтение моих записок о Преосвящ. Леониде доставило Вам и вашим знакомым некоторое удовольствие. С удовольствием читали их некоторые и здесь.

Из предлагаемых Вами панагий я всего охотнее желал бы приобрести первую, т. е. подаренную покойному Вашему братцу, перед его хиротонией, Графинею А. Г. Толстой. Эта панагия особенно для меня памятна⁸⁴⁵. Поэтому прошу Вас доставить её мне, если можно, без замедления. По получении же её не замедлю выслать деньги».

4-го числа писал я в Витебск Управляющему Контрольной Палатой И. В. Павлову:

«Мое всегдашнее к Вам уважение и искреннее душевное к Вам благорасположение налагают на меня нравственный долг явиться к Вам в настоящие горестные для Вас дни, с словом сердечного сочувствия и соболезнования.

Мне известна Ваша семейная скорбь, Ваше тяжелое горе. Лишиться сына, для воспитания коего употреблено столько забот и трудов, – сына, который так утешал Ваше родительское сердце своими успехами в науках, который составлял Вашу радость, Вашу надежду, который, полный сил и добрых залогов для полезной деятельности, едва лишь вступил в поприще общественного служения, – лишиться такого сына, поистине, великая, потрясающая душу скорбь и печаль...

Время ли и место ли тут земному утешению? Нет, я не берусь сам утешать Вас в постигшей Вас горести, не буду напрасно предлагать Вам теперь убеждения не предаваться скорби и печали: это значило бы только растравлять Вашу сердечную рану; для этого будет время, когда Ваш взволнованный и потрясенный горестным событием дух более или менее успокоится.

А теперь, вместо словесного утешения и убеждения, прошу принять от меня препровождаемое при сем священное изображение Той, Которая Сама в земной жизни Своей испытала безмерные скорби и страдания, Которая стояла при Кресте Своего Божественного Сына и горько рыдала, а потому и может истинно сочувствовать и соболезновать скорби и страданию всякой земной матери и всякого отца и всегда готова изливать небесное утешение и успокоение в преогорченные родительские сердца».

Лишь только отправлено было на почту это письмо, как я получаю из Витебска от брата Ивана Васильевича Николая Васильевича письмо от 30-го сентября следующего содержания:

«Страшное несчастье поразило семейство брата Ивана Васильевича! Ни сам он, ни сестра Надежда Николаевна не в силах писать о том Вашему Преосвященству. Сын их Василий 30-го августа под Плевной был ранен пулей в верхнюю часть ступени левой ноги, 3-го сентября его привезли в Зимницу, откуда он уведомлял телеграммой, что легко ранен, 7-го сентября его привезли в Яссы, где ему сказали, что надо пробыть ему недели две там в лазарете, чтобы вынуть пулю. 12-го сентября у него начались судороги, вследствие чего тогда же решили вынуть пулю, что и исполнили. 13-го ч. сестра

милосердия, наблюдавшая за ним, уведомила телеграммой, что здоровье его плохо, и просила скорее приехать. 14-го ч. поехала в Яссы старшая, племянница Аня, но уже его не застала! После операции судороги продолжались, хотя врачи и надеялись на выздоровление; 16-го ч. он сам почувствовал близость кончины своей, попросил сам пригласить священника, исповедовался и приобщался Св. Таинств в ясном сознании. Просил передать своим, что он умирает спокойно, что совесть его чиста, что долг свой он исполнил свято! Под 17-е в ночь он скончался! Аня приехала 18-го числа. 19-го ч. было совершено погребение, 21-го ч. она поехала в обратный путь и 26 ч. возвратилась обратно в свою семью.

Брат, сестра и всё семейство просят Вас, Преосвященнейший Владыко, помолиться, дабы Господь их и послал им сил перенести столь великое горе!»

5-го ч. получил я письмо из Полоцка от Председателя Церковного Братства, протоиерея А. Добрадина⁸⁴⁶. Он писал мне от 1-го числа:

«Совет Полоцкого Церковного Братства считает священным долгом приветствовать Ваше Преосвященство с торжеством Вашего тезоименитства и усердно молит небесного Пастыреначальника, да продлит Он по молитвам пречистой Владычицы нашей Богородицы и преподобного Саввы Вишерского дни жизни Вашей в ненарушимом здравии и благополучии ко благу святой своей церкви, на помощь Полоцкому Церковному Братству и к радости всех, глубоко почитающих священную особу Вашего Преосвященства.

Пользуясь настоящим случаем, вменяю себе в приятнейший долг принести Вашему Преосвященству сердечную мою признательность за брошюрку, заключающую ответ на одну из возмутительных статей Цер.-Общ. Вестника, которую я имел честь получить от Вашего Преосвященства; эта брошюрка принесла мне (да и не мне только, но и другим, кому я давал её прочитать) величайшее удовольствие во 1-х потому, что заключает спокойный и основательный ответ на возмущающую чувство статью; во 2-х она пришла ко мне, именно, в тот день и, позволяю себе сказать, час, когда я

подумал, прочитав новую статью Цер.-Общ. Вестника: «как приятно было бы прочитать «опровержение» Преосвященнейшего Саввы в Харьковских Епарх. Ведомостях!», в 3-х она служит свидетельством Вашего архипастырского внимания к моему недостоинству».

8-го ч. получил я письмо из Киева от бывшего ученика моего по Московской академии, Экстра-ординарного профессора Киевской Академии, Александра Дмитр. Воронова⁸⁴⁷. Он писал мне от 5-го числа:

«Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Всегда питая к Вам чувства искреннего уважения, как к бывшему моему Наставнику и Начальнику, по незабвенной общей нашей alma mater Московской академии, имев некогда удовольствие и честь получить от Вашего Преосвященства некоторые из Ваших ученых трудов, поставляю долгом препроводить к Вашему Преосвященству только-что изданное исследование свое под заглавием: Главнейшие источники для истории свв. Кирилла и Мефодия⁸⁴⁸. Усерднейше прошу Ваше Преосвященство принять мою книжку как знак искреннего, глубокого почитания к Вам и добрых чувств какие я всегда питал и питаю к особе Вашего Преосвященства. Было бы приятно, если бы исследование, за которое я хотел бы получить степень доктора Богословия, было признано стоящим не ниже тех научных требований, какие внушала своим ученикам Московская Академия и преимущественно присно с похвалами поминаемый её знаменитый учитель Александр Васильевич Горский, мудрости и любви обильный образ которого так часто предносился мне при исследовании открытых им Паннонских житий свв. Кирилла и Мефодия. Благоприятные отзывы ученых о моем посильном труде укрепили бы меня в намерении издать со временем и самую историю жизни и деятельности свв. первоучителей Славянских».

Получив книгу, я писал в ответ г. Воронову от 13-го числа:

«С особенным удовольствием получил я, вслед за Вашим письмом, Ваше ученое произведение, которое не замедлю прочитать. Искренне желаю, чтобы оно выдержало неумытый

суд ученых судей и доставило Вам право на получение высшей ученой степени.

А известно ли Вам о сочинении о Кирилле и Мефодии Профессора Моск. академии Евг. Евс. Голубинского, увенчанном Демидовской премией⁸⁴⁹? К сожалению, оно остается у него ненапечатанным, вероятно, по недостатку средств и по неуверенности в достаточном требовании на него со стороны читающей публики в случае напечатания».

15-го ч. в 6 1/2 ч. утра получил я из Москвы от Казначая Высокопетровского монастыря игумена Иосифа телеграмму с прискорбным известием о кончине Преосвященного Никодима, епископа Дмитровского, викария Московской епархии.

На другой же день по получении этой телеграммы 16-го ч. писал я о. Иосифу:

«Телеграмма ваша с прискорбным известием получена была мною во время ранней литургии, и потому я имел возможность сейчас же помянуть пред престолом Божиим имя новопреставленного раба Божия Преосвящ. Епископа Никодима.

В продолжении 90-летнего существования московского викариатства, это – первый пример кончины викария в Москве. Многие, я думаю, сожалеют о преждевременной кончине Преосв. Никодима, который в начале, без сомнения, подавал о себе добрую надежду на помощь для старца – Митрополита».

16-го числа получен было мною из Витебска от И. В. Павлова ответ на мое письмо от 4 числа:

«Преосвященнейший Владыко!

Вчера мы сподобились получить от Вашего Преосвященства образ Ахтырской Божией Матери и сердечное слово утешения в нашей скорби. Да наградит Вас Бог! Дорога, говорят, милостыня во время скудости, но участие и сострадание ещё дороже тому, чья душа зол исполнися, и нет сил возвестить печали своя...

Чтобы показать неизмеримую глубину нашей потери, я выпишу несколько строк из последнего письма, которое наш незабвенный сын писал нам за несколько дней до смерти, когда уже начались страшные судороги шейных и жевательных мышц.

«Духовное мое состояние таково, что узнай я о взятии Плевны да будь с вами, то был бы совершенно счастлив. Сознание того, что исполнил свой долг как следует до последней возможности, так всё освещает и освящает, что никакими словами не выразишь. Благодарю Бога, что сподобил этого счастья. А какая радость вспомнить о своем третьем взводе! с каким доверием и любовью солдатики к нам относились! Пошли им, Боже, всего хорошего».

Рядом с этими солдатами он и в госпитале лежал, отказавшись от офицерского помещения – «с солдатами-де гораздо веселее и лучше». И плакали же об нем эти солдатики. «Такого, говорят, молодца у нас допреж не бывало... И настоящий праведник! за то его и Бог к себе взял».

Сентября 16-го, он исповедался и приобщался святых Таин, а 17-го в четыре часа утра тихо скончался».

Т. В. Краснопевкова писала мне от 25-го ч:

«Согласно желанию Вашего Преосвященства, спешу отослать панагию, которую Вы желали иметь для себя. Большое удовольствие доставляет нам мысль, что вещь, которая так нравилась нашему дорогому Владыке, будет служить украшением для того, кого он так много любил и уважал.

Вот и Преосвященного Никодима не стало. Не ожидал он себе такого скорого и печального конца в Москве, куда переходил с такою радостью и где пришлось испытать так много горьких разочарований. Вместо него вторым викарием назначают Алексея Иосифовича Ключарева⁸⁵⁰. Что-то ему готовит Бог, всем хотящий спастись и в разум истины прийти?

Брат всё хлопочет о памятнике Владыке, и в настоящее время передал это дело в надежные руки. Генерал-Губернатор⁸⁵¹, как председатель комитета по постройке храма Спасителя, откуда, по Высочайшему повелению, отпускается мрамор на памятник, просил от себя о. Архимандрита Пимена заняться этим делом, на что тот охотно согласился и вчера отправился в Ярославль вместе с главным архитектором Комиссии, Каминским, который хотел видеть собор, чтобы сделать рисунок памятника, подходящий к общему стилю собора.

Прилагаем при сем домашний омофор Владыки, в котором он совершал келейные правила и который был с ним на Бабайках, где он провел всю свою последнюю ночь в молитве».

В ответ на это писал я от 5-го ноября:

«Получив дорогую для меня и священную вещь (панагию), спешу препроводить Вам назначенную за неё сумму (500 р.).

Дай Бог, чтоб эта священная утварь, украшая мою грудь, возбуждала в ней те же благочестивые чувства, какие постоянно наполняли сердце моего приснопамятного друга и брата.

Усердно благодарю Вас за присланный мне омофор покойного Вашего братца. Вчера, в день 15-й годовщины моей архиерейской хиротонии, я употребил его в первый раз при совершении келейного правила, с мыслью и желанием, чтобы это священное одеяние сообщало, каждый раз, моему духу хотя некую часть того молитвенного настроения, каким всегда проникнут был почивший архипастырь.

Известие об устройстве, можно сказать, царственного памятника над могилою Преосвященного весьма для меня утешительно. Но может ли быть он готов к годовщине⁸⁵² кончины Владыки?»

Три вечера сряду (28, 29 и 30 числа) посещал меня приехавший из СПб. Чиновник особых поручений при Министре Внутр. Дел, Полковник Евг. Вас. Богданович⁸⁵³ – известный оратор и сторонник южного направления Сибирской железной дороги. Его имя известно также и в литературе. Мне лично до сих пор он не был известен, хотя женат на дочери знакомого мне по Москве Директора Строгановского училища технического рисования В. И. Бутовского⁸⁵⁴.

Красноречивый и словоохотливый гость, в продолжении трех вечеров, чего-чего не наставлял мне о своих путешествиях по России, и о своих хозяйственных предприятиях, и о своих учено-литературных трудах, и о своих отношениях к разным высокопоставленным лицам, не исключая и Царских Особ, и проч. и проч. Так, он рассказывал мне о своем путешествии в 1866 г. по Уралу, где пришла ему мысль о проведении железной дороги в Сибирь, о свидании с Пермским Преосвященным Неофитом⁸⁵⁵, о водопроводе в г. Муроме, о своей службе при

Генерал-Губернаторе Строганове в Одессе, где он был близко знаком с знаменитым Иннокентием⁸⁵⁶, о своем знакомстве с новым Наместником Троицкой Лавры, архимандр. Леонидом, который будто бы обязан своим назначением на эту должность непосредственному желанию Государыни Императрицы Марии Александровны.

Г. Богданович подарил мне на память свои сочинения: 1) Наварин – 1827– 1877 г.⁸⁵⁷; 2) О мерах к усилению миссионерской деятельности⁸⁵⁸; 3) День св. Георгия Победоносца в Москве. М. 1877 г., и 4) Доклад в заседании Комитета Грамотности, 25 янв. 1877 г.⁸⁵⁹

В свою очередь и я не захотел остаться у него в долгу, я подарил ему свои археологические и палеографические издания; но при этом дал ему, для прочтения, первые десять листов моей новой книги: «Воспоминания о преосвящ. Леониде», тогда печатавшейся, с тем, чтобы он возвратил мне их, и он обещал возвратить их с дороги из г. Сум, куда он отправился из Харькова, но и совсем не возвратил.

29-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвящ. Игнатия. Он писал мне от 26-го числа:

«Не прошло ещё года по кончине Преосвященного Леонида, как и другой Преосвященный Дмитровский скончался.

Может быть Вам не безынтересно было бы знать, кто предназначается на праздное место.

Архимандрит (не могу пока сказать ещё имя, так как он ещё не пострижен) – ныне Казанский Протоиерей Алексей Ключарев. Мне поручает Владыка произвести в Архимандрита тотчас по получении ожидаемого через неделю разрешения Св. Синода. Немедленно по произведении будет он представлен в сан викария Московского.

Архимандр. Сергей⁸⁶⁰ из Знаменского монастыря был в числе первых кандидатов, и, вероятно, скоро сделан будет Архиереем.

Отпевание Преосвящ. Никодима и поездка в Саввин для погребения много взяла времени; и нужно было всем распорядиться».

На это братское послание отвечал я от 5-го ноября:

«Весть о преемнике преосв. Дмитровского неожиданна, но не удивительна. Я давно и не раз твердил о. Ключареву, что ему следует оставить мир и вступить на поприще высшего церковного служения. Тогда было бы для него ещё благовременно начинать новую жизнь, а теперь при летах, уже склоняющихся к старости, думаю, не очень легко будет для него изучать новую науку деятельности и совершать нелегкие подвиги архиерейского служения. Впрочем, лучше поздно, чем никогда. От дарований и опытности А. О. можно ещё ожидать благих плодов на пользу церкви».

30-го ч. в 4 1/2 часа пополудни прислана была мне через полицейского солдата печатная повестка следующего содержания:

«Командующий войсками Харьковского Военного Округа Генерал-Адъютант Граф Сумароков-Эльстон 30-го октября в 4 ч. утра скончался».

А на другой день, 31-го числа, читаю в Харьковских Ведомостях (№ 281) следующее объявление, напечатанное, по распоряжению Начальника губернии, Князя Кропоткина.

«Вчера, 30-го октября, в 4 ч. полуночи, скончался после тяжкой двухнедельной болезни командующий войсками Харьковского Военного Округа Генерал-Адъютант, генерал-лейтенант граф Феликс Николаевич Сумароков-Эльстон... Вынос тела покойного последует в среду 2-го ноября, в 9 ч. утра, в кафедральный собор, где Преосвященным Саввою, епископом Харьковским, будет отслужена заупокойная литургия и совершено отпевание».

Хотя я был с умершим графом довольно знаком, но о его продолжительной болезни ни от кого не слыхал, и когда он, совершенно неожиданно для меня, скончался, никто ни из его семейства, ни из распоряжавшихся его погребением ко мне не явился для личных по сему предмету объяснений и переговоров, между тем печатно заявляют о моем служении в соборе. Такое бесцеремонное, чтоб не сказать более, распоряжение мною, епархиальным архиереем, показалось мне крайне оскорбительным, и я не мог не дать этого почувствовать, кому следует.

Вслед затем, когда я прочитал в газете изложенное выше объявление, получаю от Начальника штаба Харьковского военного округа, генерал-майора Гончарова письмо следующего содержания:

«Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Имею честь сообщить Вашему Преосвященству, что вынос тела покойного графа Сумарокова-Эльстона из квартиры в Кафедральный Собор назначен в среду, 2-го ноября, в 9 ч. утра. Из Собора, после литургии и панихиды, тело будет перевезено на станцию железной дороги для отправления в Петербург.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть»...

На это я тотчас же отвечал:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

В письме от 31-го Октября Вы сообщаете мне, что вынос тела покойного Графа Сумарокова-Эльстона из квартиры в Кафедральный Собор назначен в среду, 2-го ноября, в 9-ть часов утра, и что из собора после литургии тело будет перевезено на станцию железной дороги для отправления в Петербург.

На сие долгом поставляю ответствовать, что ни к выносу тела покойного Графа в назначенный срок из квартиры в Собор, ни к перевезению тела из Собора на станцию железной дороги, препятствий со стороны Епархиального Начальства не усматривается».

Получив такой ответ, генерал Гончаров, разумеется, понял всё свое невежество и свою бестактность по отношению ко мне и тотчас же явился ко мне в полной форме для личного объяснения и извинения. Изъяснив ему всё неприличие с их стороны в отношении ко мне, я немедленно сделал все нужные распоряжения насчет выноса тела и погребения усопшего графа.

31-го ч. получено было мною письмо из Москвы от А. В. Краснопевкова, который писал мне от 27-го числа:

«По общему совещанию с о. Архимандритом Пименом поручение Ваше относительно портретов исполнено. Портреты

будут готовы в течение ноября.

В настоящее время о. Архимандрит Пимен уехал в Ярославль со старшим архитектором храма Спасителя для того, чтобы на месте сообщить условия, которые нужно принять при составлении проекта памятника. Государь Император разрешил употребить на памятник порфир и лабрадор, приобретенные для храма Спасителя, а дальнейшие распоряжения принял на себя, по предложению Московского Генерал-Губернатора, о. Архимандрит.

Дай Бог, чтобы труды их были успешны».

1-го ноября получено было мною письмо от Инспектора Московской дух. академии С. К. Смирнова:

«С нетерпением ожидаю Ваших воспоминаний о преосв. Леониде, которого не все любили при его жизни и которого теперь только начинают ценить. В преемники его Владыка «убедил» поступить Алексея Осипыча Ключарева, который, говорят, уже подал прошение о пострижении. Он заручился уже расположением Московского Общества и, думаю, будет иметь хорошую обстановку с этой стороны.

Вы, без сомнения, читали телеграмму юбилея В. Д. Кудрявцева⁸⁶¹ и Н. И. Субботина⁸⁶². Подробностей нужно ждать в Православном Обозрении. Пировали мы на славу, но Н. И. остался в большой тени, потому что и адреса и дары даны были одному В. Д., о неудобстве какового обстоятельства я предварительно говорил распорядителям юбилея, но сделать ничего не мог.

Я приближаюсь к окончанию истории академии и теперь пишу биографии святителей, вышедших из нашей академии. Для сей цели мне необходим Ваш послужной список, с которого копию усерднейше прошу Ваше Преосвященство прислать мне, и при том поскорее».

На это письмо я отвечал от 6-го числа:

«Посылаю экземпляр книги о. Чижевского – Прощание мое с Полоцкой паствою⁸⁶³. В конце этой книги Вы найдете послужной список мой по 1876-й год.

Если Вам угодно принять к сведению нечто, касающееся моей службы в текущем году, то да будет ведомо Вам, что 1) я

включен в число членов – учредителей С.-Петербургского Общества Любителей Древней Письменности, с обязательством ежегодно вносить по 200 р.; 2) мне объявлена 5-го Октября Высочайшая Её Величества, Государыни Императрицы, благодарность за пожертвование от духовенства Харьковской епархии в пользу русских воинов 7304 руб.

Да благоспешит Вам Господь успешно совершить начатый труд!»

2-го ч. совершенно было мною с подобающей торжественностью в Кафедральном Соборе отпевание тела умершего графа Феликса Николаевича Сумарокова-Эльстона, и вслед затем гроб отнесен был на станцию железной дороги, для отправления в С.-Пб., где в Александро-Невской Лавре предположено было погребение тела.

4-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвященного Игнатия. Он писал мне от 1-го числа:

«Наш древний град в настоящее время занят вопросом, где будет хиротония предназначенного (ещё не пострижен в иночество) епископа Можайского? С 4-го ноября 1862 г.⁸⁶⁴ не видал здешний Успенский Собор хиротонии, так как мое рукоположение было в Лавре⁸⁶⁵. Хорошо было бы, если бы ныне состоялось великое священнодействие здесь. Старец Владыка не слишком полагается на свои силы, хотя 31-го октября освящал при моем участии храм Св. Николая на Болвановке в Таганке. Со святителем беседую весьма часто, но при множестве дел ещё не успел завести речь об известной Вашей рукописи. Если будет речь, не замедлю написать.

Благоволите взглянуть в последней (за апрель) книге Чтений Истории Древностей статью Преосв. Никодима⁸⁶⁶ Енисейского о Митр. М. Филарете. Очень любопытно».

В тот же день, т. е. 4-го числа, получено было мною ещё четыре письма – одно из Петербурга и три из Москвы.

Из Петербурга получил я официальное письмо от 1-го ноября за № 17 от Общества вспомоществования недостаточным студентам С.-Петербургской дух. академии. Письмо это следующего содержания:

«Принося нижайшую благодарность Вашему Преосвященству за милостивое внимание и пожертвование в пользу Общества, Комитет, по внесении имени Вашего в список пожизненных членов, честь имеет представить квитанцию в получении взноса Вашего и просить Архипастырского благословения на полезную деятельность сего нового благотворительного учреждения».

Из Москвы писали мне – Председатель Общества Любителей Духовного Просвещения, Протоиерей Иоанн Николаевич Рождественский⁸⁶⁷, Н. П. Киреевская и Протоиерей С. И. Зернов.

Вот что писал мне от 1-го ноября о. Протоиерей Рождественский:

«В 1875 году Обществом Любителей Духовного Просвещения предприняты перевод с греческого языка и издание толкований на правила св. Апостолов, Соборов Вселенских и Поместных и св. Отцев.

В прошедшем 1876 году вышел в свет первый выпуск этого издания, содержащий в себе толкования на правила Св. Апостолов.

В настоящее время окончен перевод толкований на каноны Вселенских Соборов, которые вместе с толкованиями на правила Св. Апостолов составили 1-й том предпринятого Обществом издания.

Почтительнейше представляя Вашему Преосвященству экземпляр этого тома, испрашиваю святительских Ваших молитв и Архипастырского благословения себе и нашему Обществу на продолжение трудов во благо церкви.

Вашего Преосвященства Милостивого Архипастыря покорнейший слуга Председатель Общества Любителей Духовного Просвещения Протоиерей Иоанн Рождественский».

На почтенное письмо это я отвечал 7-го числа:

«Получив посланный Вами 1-й том предпринятого Обществом Любителей Духовного Просвещения издания, в русском переводе, толкований на правила Св. Апостолов, Соборов Вселенских и Поместных и Св. Отцев, долгом поставляю принести Вам искреннейшую благодарность как за

этот весьма приятный для меня труд, так и за Вашу добрую о мне память.

В виду продолжающихся в литературе толков о духовно-судебной реформе, настоящее издание Вашего Общества весьма благовременно и благопотребно для всякого, интересующегося вопросом о церковном суде, и в особенности для нашей братии – канонистов-практиков.

Да благословит Господь добрым успехом продолжение Вашего почтенного труда на пользу Церкви!»

Н. П. Киреевская писала мне от 1-го числа:

«Мне не очень давно сообщал Преосвящ. Игнатий о получении им от Вас в рукописи воспоминаний о покойном Преосвящ. Леониде, говоря, что весьма много интересного находит в труде Вашем. Надеюсь, что буду иметь удовольствие прочесть воспоминания Ваши; меня интересует особенно Ваш труд.

Ожидаемое назначение Протоиерея Ключарева радует дамское общество, но не меня. Весьма справедливо Ваше замечание в письме к Преосв. Игнатию: «не поздно ли это для него»? Очень поздно как по его характеру и жизни; да и монашеского-то ничего в нем нет, и серьезно заняться делами едва ли он способен, по легкости его характера; а учиться дело делать в его лета слишком трудно. Нельзя назвать такое назначение удачным. Настоящее время более чем трудное и даже разрушительное... не легко живется. Религия – увы! как бы вовсе не нужна и особенно больно и страшно видеть в духовенстве упадок и отсутствие веры и во всем свободу. Таково большинство, даже законоучители. Чего же можно ожидать от учащихся? Тяжело, невыразимо тяжело. Но совестно мне занимать Вас этим печальным рассказом; лучше заключу мое письмо сердечным, искренним благожеланием для Вас, возлюбленнейший о Господе Владыко святой, всего прекрасного, приятного и утешительного».

Протоиерей С. И. Зернов писал мне от 1-го числа:

«Мы ожидаем пострижения Алексея Осиповича, и предстоящих ему затем посвящений. Наша отечественная, и вся православная иерархия делает приобретение многоценное,

которого доброта ещё более возвышена будет и упрочена благодатию хиротонии. Да исполнятся все благие ожидания и упования, которые возбуждаются в душах преданных Церкви его высокими талантами и качествами!

Слух ходит, что после Преосв. Никодима осталось хорошее состояние, до 50,000; часть назначена им на благотворения».

От 8-го ч. писал мне из Москвы Преосвящ. Игнатий:

«Сегодня я праздновал в Московской Семинарии, а вчера после всенощной в домовой Спасской церкви совершил, по милости Божией, пострижение в иночество Протоиерея Алексия (Ключарева). Имя ему дано Амвросий. Восприемником был Наместник Чудовский⁸⁶⁸.

Сегодня иеромонах Амвросий произведен мною в Архимандрита в Семинарской церкви. Сегодня хотели донести Св. Синоду. Затем постановление будет о возведении его в сан Епископский и доклад послан будет Его Величеству. Вероятно через месяц хиротония».

Получив это письмо 11-го числа, я отвечал на него от 18-го:

«Поздравляю Вас с приобретением нового знаменитого инока. Где он поселился и какое ему на первый раз назначено послушание и духовное делание?

Читал я рекомендованную Вами статью преосвящ. Никодима (бывшего Енисейского) о покойном Владыке Филарете. Преинтересная статья во многих отношениях. Вот если бы побольше таких статей, тогда наша церковная история не была бы сборником сухих, голых фактов. Но я думаю, что со временем будет более и более появляться таких памятней. Нужно было только пример показать».

29-го ч. обратился я к Обер-Прокурору Св. Синода, Графу Д. А. Толстому, с ходатайством о награждении моего ближайшего сотрудника по управлению епархией, преосвященного епископа Вениамина. Вот что я писал Графу:

«Преосвященный Вениамин, Епископ Сумский, Викарий Харьковской епархии, по окончании курса в Киевской Д. Академии с званием магистра, с сентября 1845 г. по июль 1872 г., в течении 27 лет, проходил в разных епархиях, как то: Курской, Литовской, Казанской и Харьковской, разные

должности по духовно-учебному ведомству, а именно: преподавателя, Инспектора Семинарии и Академии и, наконец, Ректора Семинарии, исполняя при том и другие поручения, возлагаемые на него Епархиальными Начальствами.

В июле 1872 г. он возведен в сан епископа и назначен Викарием Харьковской епархии. В этом звании Преосвящ. Вениамин, в продолжении более пяти лет, оказывал моему предшественнику, покойному архиепископу Нектарию, и оказывает мне ощутительную помощь как в делах епархиального управления, так и в заведывании низшими духовно-учебными заведениями.

Посему справедливым почитаю покорнейше просить Ваше Сиятельство ходатайствовать пред Его Императорским Величеством об удостоении Епископа Вениамина сопричисления к ордену Св. Анны в 1-й степени.

При сем имею честь препроводить его послужной список».

Ходатайство мое было уважено: преосвященный получил в свое время просимую для него награду.

От 30-го числа, за № 1279, писал мне Начальник Губернии, Князь Д. И. Кропоткин:

Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах, от 18-го сего ноября за № 10119, уведомило меня, что вследствие отношения Харьковского Местного Управления Красного Креста об устройстве по инициативе Вашего Преосвященства в мужских монастырях – на их средства – кроватей для нетрудно раненых и больных воинов и об изготовлении в женских монастырях белья для раненых, Главное Управление считает приятным долгом выразить Вашему Преосвященству свою благодарность за полезную услугу, оказанную раненым и больным воинам расширением для последних числа приютов.

О вышеизложенном со своей стороны спешу уведомить Ваше Преосвященство».

9-го декабря писал я в Москву А. В. Краснопевкову:

«Книга моя почти готова, готовы ли портреты Преосвященного Леонида? Прикажете, пожалуйста, немедленно

выслать мне хотя несколько экземпляров. Мне хотелось бы к празднику послать Вам и прочим, кому успею, свой труд.

Позвольте напомнить Вам о списке Ваших знакомых, кому бы хотели подарить мои воспоминания о Преосвященном.

Скоро и годовщина со времени кончины нашего приснопамятного брата и друга; как быстро летит время! Не отправитесь ли Вы к 15-му числу в Ярославль? Если будете там, сотворите и от меня земное поклонение пред могилою почившего архипастыря, с молитвою о нем к Богу».

12-е число ознаменовано было во всей России торжественно-поминовенным служением по случаю столетнего юбилея со дня рождения почившего в Бозе Государя Императора Александра Павловича⁸⁶⁹. В этот день, мною совершены были в Кафедральном Соборе, в сослужении со старшим духовенством, в присутствии высших военных и гражданских властей, литургия и затем торжественная панихида. При этом произнесено было приличное случаю слово старейшим из Харьковского духовенства протоиереем Кафедрального Собора Александром Кустовым, окончившим курс в С.-Петербургской дух. академии в 1821 г.

Харькову памятны неоднократные посещения в Бозе почившего Государя Императора; в первый раз он посетил Харьков 17-го сентября 1817 г. на пути из Полтавы, а во второй раз 31-го июля 1820 г. по пути . в Варшаву. В третий раз Харьков с глубокой скорбью встречал и провожал, в январе 1826 г., бранные останки почившего 19-го ноября 1825 г. в Таганроге Благословенного народом Монарха.

В тот же день получил я письмо из Москвы от Протоиерея С. И. Зернова. Он писал мне от 11-го числа:

«Ожидаю выхода вашей новой книги. Скоро будем творить и годовичную память приснопамятного Владыки (15 ч.)! Во многих московских церквях усердная вознесется молитва о нем! Когда будете, Преосвященнейший Владыка, совершать литургию, в этот день, вспомните в своей святительской молитве и Протоиерея Ипполита М. Богословского⁸⁷⁰, 7-мь лет тому назад скончавшегося в то же число. Я знаю, что он принадлежал к числу искренно уважающих Вас людей.

Без сомнения, Вы читали в газетах, какое тяжкое несчастье постигло о. Амвросия: брат его Александр Осип., назначенный на священническое место в Шереметьевскую больницу, и уже посвященный в диакона, погиб самоубийством. Жестоко поразило это несчастье о. Амвросия, и конечно, Петра Васильевича Приклонского⁸⁷¹, на дочери которого женился несчастный. Владыка⁸⁷² требовал вскрытия тела. Но медицина и без этого получила возможность прийти к заключению, что самоубийство произошло в припадке умственного расстройства.

Завтра у нас в Москве, как и в Харькове и во всей России, будет совершаться торжественное поминание благословенного Императора Александра I-го. От Председателя Губерн. Земского собрания я получил известие, что в 2 часа пополудни в зале Российского Благородного Собрания Владыкою Митрополитом будет совершено торжественное молебствие (?) и лития.

В добром здравии дай Бог Вам встретить приближающиеся великие дни Рождества и Крещения Господня, и между ними день нового года, и воспрять новые силы к продолжению великого возложенного на Вас святительского служения».

На письмо это отвечал я от 19-го числа:

«Сегодня типография отправляет к Вам 10-ть экземпляров моей книги для представления, куда следует. Из них, я не знаю, сколько может остаться в Вашем личном распоряжении, но, во всяком случае, я буду иметь честь, по получении билета на выпуск книги из типографии, представить достопочтенному о. Цензору особый экземпляр. Теперь дело за Вашим разрешением, об ускорении которого покорнейше прошу Вас.

Книга окончена была набором как раз к 15-му числу.

В этот день я совершил молитвенное поминание о почившем архипастыре Леониде, но к его имени присоединено было и другое, для меня также досточтимое имя – прот. Ипполита. Я очень Вам благодарен, что напомнили мне о дне кончины моего доброго наставника⁸⁷³ по академии.

Какая ужасная и возмущающая душу история случилась с братом о. Амвросия! К большому для меня огорчению, он при мне учился в Семинарии и при мне, если не ошибаюсь, вступил

в академию. Я знал его за скромного и благородного юношу. O tempora, o mores!

В 311 № Моск. Вед. прочитал я чье-то заявление об учреждении особой Комиссии для разработки и печатания материалов к составлению подробной биографии почившего в Бозе митр. Филарета, в виду приближающейся (в 1882) столетней годовщины со дня его рождения. Достойно и праведно об этом заблаговременно позаботиться, кому следует.

Приветствуя Вас и любезное семейство ваше с приближающимся праздником Рождества Христова и с днем Вашего ангела, всеусердно желаю Вам от Грядущего родиться плотию в Вифлееме Господа духовного обновления и телесного здоровья, к дальнейшему благополучному служению Его Св. Церкви».

Начальник Харьковской губ., Князь Дм. Ник. Кропоткин, в качестве Председателя Местного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах, сообщал мне от 14-го декабря следующее:

«Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах, отношением от 3-го сего Декабря за № 10396, уведомило меня, что об устройстве по инициативе Вашего Преосвященства при мужских монастырях Харьковской епархии больниц для раненых и больных воинов, с полным содержанием их на время войны, доведено до Высочайшего сведения Августейшей Покровительницы Общества и что Государыня Императрица Всемиловитейше повелеть соизволила: Именем Её Величества благодарить Ваше Преосвященство за это пожертвование.

О таковой Высочайшей благодарности имею честь уведомить Ваше Преосвященство».

20-го ч. писал я в Москву Преосв. Игнатию:

«Моя книга о Преосвящ. Леониде набором окончена была к 15-му числу, а теперь уже и напечатана. Сегодня посылается в цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. По получении книги из типографии, не замедлю доставить экземпляр Вашему Преосвященству.

В № 311 Моск. Вед. кто-то заявляет об учреждении особой Комиссии для разработки и печатания материалов к составлению подробной биографии блаженной памяти Моск. Владыки – Филарета, в виду приближающейся столетней годовщины со дня его рождения. Мысль прекрасная! На Московской пастве, и преимущественно на ученом московском духовенстве, лежит священный долг почтить великого иерарха достойною его имени и заслуг для церкви биографией. Старайтесь, пожалуйста, распространять во всех кругах Московского Общества эту мысль.

Р. S. Не припомните ли, Преосвященнейший, где было напечатано письмо покойного москов. Владыки Филарета к покойному же преосвящ. Гавриилу⁸⁷⁴ бывшему Херсонскому, по случаю посещения сим последним еврейской синагоги⁸⁷⁵? Мне очень хотелось бы отыскать и прочесть это письмо».

Из Москвы от 17-го ч. писала мне Н. П. Киреевская:

«Ваша искренняя доброта и доверенность к отшедшей личности⁸⁷⁶ – трогательны. Но далеко эта покойная личность не заслуживала Вашего чувства и такого отзыва. Грустно то, что пришлось знать. Вот личность Преосвященного Игнатия безошибочно искренняя, добрая, чистая – во всей силе этого слова. Отношения с ним верны, покойны и приятны. Впрочем Вам, Владыко Святой, всё должно быть известно. Очень приятно слышать отзывы духовенства о Преосв. Игнатии: все называют его ангелом доброты и чистоты.

Но как всем не по сердцу новый Амвросий, который, как говорят, считает оскорблением, что будет назначен Можайским, а не Дмитровским, и прибавляет: «но ведь это не долго продолжится». Вероятно под предлогом полезным, намерен поскорее удалить преосв. Игнатия на епархию, в виде повышения его. Иезуитизм практикуется Амвросием ужасный. Ведь, кажется, довольно имел поражения в самоубийстве брата своего, которого опутал на женитьбу. Всё, всё не вещает о нем доброго. Жаль его очень... Желание видеть в духовенстве более утешительное.

Дай, Боже, Вам здоровья, мира, радости и всевозможного благополучия на многия, многия лета»!..

Я поспешил ответить на это письмо, и вот что писал почтенной Н. П-не от 22-го числа:

«Очень жаль, что я не имею никакой надежды на скорое свидание с Вами, и потому не могу воспользоваться Вашею устною беседою о том, что Вы не желаете излагать на письме. Но почему бы, думается, не вверить бумаге то, что скрывается у Вас в душе и что, как видно, просится наружу? Если не в один раз, то постепенно листик за листиком исписывались бы и перелетали из Москвы в Харьков. Можно было бы писать, не упоминая ясно имен, о коих будет речь...

Что касается отшедшей личности, то о ней может судить всякий по-своему. У меня с этой личностью были, в продолжении 26 лет, отношения, и личные и письменные, самые близкие и непосредственные; и едва ли кто лучше меня мог знать её во всех отношениях. Я не могу сказать, чтобы эта личность была без всякого пятна, когда и на солнце есть пятна. Но пятно пятну рознь. Впрочем, во всяком случае, поздно уже мне переменять об этой личности свои мысли. Но при этом не могу не заметить, что при Вашем взгляде на отшедшую личность, я не знаю, следует ли мне присылать Вам мой литературный труд? Он Вам, по всей вероятности, не понравится так, как понравился Преосвящ. Игнатию и другим»...

21-го ч. получено было мною три письма, и все они из Москвы. Так писали мне оттуда, во-первых, редакторы-издатели сочинений почившего в Бозе митрополита Филарета, Адриановский Протоиерей П. И. Казанский и священник Успенской в Печатниках церкви К. Богоявленский⁸⁷⁷.

Вот содержание их коллективного послания от 18-го числа:

«По поручению родственников покойного митрополита Московского Филарета имеем честь почтительнейше препроводить Вашему Преосвященству третий том издаваемых ныне его слов и речей.

При сем, надеясь на Ваше благорасположение к предпринятому нами труду, осмеливаемся снова беспокоить Ваше Преосвященство покорнейшею просьбою, благоволите, Преосвященнейший Владыко, сделать известным о выходе сего тома по вверенной Вашему Преосвященству епархии».

Получив этот дар, я писал от 24-го ч. на имя старшего редактора, Протоиерея Казанского:

«Приношу Вам и доброму сотруднику Вашему искреннюю благодарность за доставление мне 3-го тома изданных Вами слов и речей великого святителя московского Филарета. Изъясните за сие душевную мою признательность и прочим Вашим сродникам.

Желание Ваше относительно публикации об изданном Вами новом томе слов и речей, в пределах вверенной мне епархии, будет исполнено.

Призывая Вам и сотруднику Вашему благословение и помощь к дальнейшим трудам Вашим на редакционном поприще, с братскою о Христе любовью пребываю».

23-го ч. получено было мною письмо из Москвы от М. Ив. Соколова⁸⁷⁸, смотрителя Куманинской Богадельни. Он писал мне от 20-го числа:

«Давно я хотел писать Вам, но всё поджидал развязки по делу о. Амвросия (Ал. Ос. Ключарева). Наконец, эта развязка состоялась 17-го декабря. Государь Император, на докладе Св. Синода о бытии ему епископом Можайским, с посвящением в СПб., изволил написать: «быть по сему». Слава Богу! А сколько за это время преподобный перенес горя самого мучительного. Слышали, что случилось с братцем его Александром Осиповичем, предназначавшимся в священники в Шереметьевскую больницу? Он в Екатеринин день (день ангела жены его) был поставлен во диакона; поставлялся и приобщался Св. Таин с вожделенным благоговением и целый день был весел. На другой день пошел к родственнику своему, священнику у Николы в Столпах, и там, часа в два пополудни, пред самым обедом, в отхожем месте бритвою зарезался наповал. Сколько тут было толков, разъяснений, обидных и для жены, а главным образом для о. Амвросия. Мне дело известно, как нельзя лучше. Мой зять – доктор лечил его с малых лет и знал натуру его наилучшим образом. Он написал и доказал, что Алекс. Ос. покусился на убийство в припадке меланхолии. Видите, он страдал глазами и вечером не мог читать при свечах. Когда взошел в первый раз в Шереметьевскую больницу, мрак оной

навел на него ужас. Он всё сокрушался, как будет служить, потому что при свете свечей не будет видеть книги, будет врать и таким образом явится посмешищем всей Москвы, между тем как большую часть молитв, читаемых священником, знал наизусть. Вот и судите о нем. В последнее время пошла молва и такого рода, якобы Государь не утвердил доклад Синода. Можете представить положение о. Амвросия. Ну, слава Богу, теперь все это умолкает».

На письмо отвечал я 26-го числа:

«Очень Вам я благодарен за разъяснение поразительной истории с братом о. Амвросия. Сильно занимала меня эта прискорбная история.

Да, великим искушением и немалыми скорбями ознаменовано начало новой жизни почтенного о. Архим. Амвросия. Да сотворит ему Всеблагий и Премилосердый Господь со искушением и избытие!

Слышно, что он уже отправился в Петербург для восприятия архиерейской хиротонии. Должно уповать, что в обилии имеющей излиться на него благодати погрузятся все его душевные скорби и страдания, и он возвратится в Москву с обновленными силами души и духа».

24-го ч. получил я письмо из Москвы от А. В. Краснопевкова. Он писал мне от 21-го числа:

«Портретов приготовлено уже несколько сот, но встретилось затруднение в приобретении подписи, где бы был полный титул. После многих исканий нашли такую в Ярославской Консистории, которая будет скопирована на днях, и потому я распорядился послать теперь к Вам только тридцать портретов, наклеенных на крепких листах с печатными подписями.

На пятнадцатое число сестры и я были в Ярославле, где Преосвящ. Ионафан оказал нам самое утешительное внимание. Его Преосвященство служил в этот день в теплом соборе обедню и панихиду, на которую собралось всё Ярославское духовенство. Панихида отправлялась так, как любил покойный брат, т. е. по требнику Петра Могилы⁸⁷⁹ с чтением всех стихов и канона по усопшим иерархам. После службы был обеденный стол у Преосвященного, к которому были приглашены, кроме

нас, родных покойного, и духовенства, некоторые почетные лица светские.

Памятник в ходу. Князь В. А. Долгорукий принимает самое главное участие. Архитектор храма Спасителя Димитриев⁸⁸⁰, которому Князь поручил принимать подписку на памятник, говорил, что и денежная часть идет удовлетворительно. К 26 апреля желают поставить памятник на место и к этому дню Генерал-Губернатор со всеми членами комитета думает ехать в Ярославль. Дай Бог ему всего доброго за такую память о покойном».

От 23-го ч. писал мне из Москвы Преосвящ. Игнатий, Епископ Дмитровский (а уже не Можайский):

«17-го декабря утвержден доклад Св. Синода как о мне, так и о новом Можайском – Амвросии. Рукоположение последнего в С.-Петербурге около 15-го Января.

В день Святителя Петра Митрополита Московского утром выехал я из Богоявленского в Успенский Собор к служению, а из собора на Саввинское подворье, и водворихся ту; не знаю – на долго ли. Господь знает, как устроить всё во благо. Признаюсь, назначение сие принял я с удовольствием, и особенно потому, что загородный Звенигородский монастырь⁸⁸¹ может принести пользу для здравия летом. И церковь подворья была и любимым местом, куда я нередко приходил ещё учеником⁸⁸² Семинарии на богослужение.

Благословите на новое лето покорнейшего слугу Вашего и всегдашнего богомольца Игнатия, Еп. Дмитровского».

В ответ на это писал я от 31-го числа:

«Братски приветствую Вас с новым летом благодати Господней на новом месте Вашего жительства. Да обновит и укрепит Господь сил ваши и душевные и телесные силы, к благоуспешному прохождению дальнейшего поприща служения св. Церкви.

Но долго ли суждено будет пребывать Вашему Преосвященству на Дмитровской кафедре? Не ожидает ли Вас, в скором времени, новая самостоятельная архипастырская деятельность?

Если Вы получили мое письмо от 20-го дек., то позвольте Вам напомнить об ответе на мой вопрос насчет письма покойного Владыки к преосвященному Гавриилу, бывшему Херсонскому».

От 24-го ч. писал из г. Серпухова архимандрит Высоцкого монастыря Мелетий. После приветствия с праздником продолжал:

«Нашего Преосвящ. Игнатия взяли на Дмитровскую кафедру, но наш уезд останется пока за ним, как я слышал, по соглашению Митрополита.

В Лавре после смерти наместника при новом много перемены и передраги всем живущим; с академистами он в разладе, и все им недовольны. Для Лаврских монахов допущена полицейская стража и присмотр, так что полицейский солдат монаха, среди белого дня, в посаде, свободно берет и ведет по назначению, куда следует, т. е, в полицию, а потом уже в монастырь. Вот до какого посрамления дожили. На монастыре стоят три полицейских солдата, и соглядаяют, кто к монахам идет, и дают знать новому наместнику. Простите, что я пишу эти строки. И пение и служение изменилось в Лавре, и много кое-что другого производится».

28-го ч. получил я письмо из СПб. от Наместника Александро-Невской Лавры, архимандрита Симеона⁸⁸³. Он писал мне от 23-го числа:

«Нижайшую благодарность приношу Вашему Преосвященству за присланные брошюры по поводу статей Цер.-Общ. Вестника, из коих один экземпляр я передал в тот же день нашему Первенствующему Святителю⁸⁸⁴; он мне сказал: «прочту с удовольствием, хотя не стоило предпринимать таких трудов, чтобы с негодеем переговоры вести». При сем прибавил: «правда, что ныне такое уже время», а я добавил: «да, и притом, Высокопреосвященнейший, в провинции»...

Преосвящ. Никодима схоронили; Московский первосвятитель⁸⁸⁵ просил было меня у нашего Владыки; но первенствующий Святитель сказал, что я ему ещё нужен».

Упоминаемый в письме отзыв Преосвящ. Митрополита Исидора о редакторе Церковно-Общественного Вестника, где

попираются права и унижается власть епископов православной церкви, очень знаменателен. Первенствующий Член Синода, у которого на глазах издается его подчиненными ругательная газета, сам называет редактора «негодяем», и не может воспретить ему издеваться над своею братиею – архиереями; что же после сего остается делать нам, бессильным провинциальным епископам? О, времена лютая!

На письмо о. Симеона отвечал я 11-го февраля 1878 г.

Вот что было писано тогда:

«Искренно благодарю Вас за сообщение отзыва Преосв. Митрополита. Прошу и впредь не отказывать мне в подобных сообщениях.

Препровождаемую при сем книгу⁸⁸⁶ прошу принять от меня в залог моего искреннего душевного к Вам благорасположения. По прочтении, прошу сообщить мне, какое она произведет на Вас впечатление».

В тот же день, т. е. 28-го ч., получено было мною письмо из Москвы от Н. С. Лазаревой-Станицевой. Вот содержание этого письма:

«Спешу Вам сообщить постигшее нас горе: 14-го декабря скончался наш незабвенный, кроткий и добрый отец⁸⁸⁷. 11 и 12-го был у обедни и здоров, а 13-го встал, помолился Богу, прочел свои правила, оделся, напился чаю, почувствовал озноб, лег и захрапел как бы крепким сном. Что не делали? и банки и кровь отворяли; ничто не помогло привести его в чувство; 14-го после соборования как только пробило 6 час. вечера, он уснул непробудным сном, на 83 году жизни. Грустно нам вспомнить, что его нет уже более на свете.

Не могу выразить Вам всего нашего горя. Вы, как истинный друг нашего семейства, надеюсь, разделите вполне наше горе, и не откажетесь присоединить свою святую молитву к нашей грешной о упокоении души его».

На это отвечал я:

«Семейной скорби вашей сердечно сочувствую и вместе с Вами соболезнаю о внезапной кончине вашего старца – родителя. К вашей о нем молитве не премину присоединить и свою, да вселит его душу Премилосердый Господь в небесных

своих обитателях. Это горестное событие в вашем семействе да соединит ещё теснее вас, оставшихся в живых!

Призывая всем Божие благословение и желая на новое лето жизни утешения от Господа, с истинным к Вам расположением остаюсь»...

На журнале Консистории 12/15 декабря 1877 г. по делу о раскольнических книгах и рукописях, рассмотрение коих поручено было преподавателю Семинарии, священнику Аполлону Ильяшеву⁸⁸⁸, дана была мною 30-го ч. следующая резолюция:

«Из рассмотрения донесения свящ. Аполлона Ильяшева и настоящего журнала Консистории усматривается, между прочим, следующее:

Священник Ильяшев в донесении своем пишет: «все эти книги *старопечатные*». Но на деле оказывается, что из 8-ми книг четыре *рукописные*; а из печатных одна только может быть названа *старопечатной*, именно Требник; прочие перепечатаны с прежних изданий в XVIII столетии в разных типографиях.

О. Ильяшев пишет: «смысла вредного и запрещенного (?) в политическом и административном отношениях (книги) не имеют, а в нравственном отношении само собою влияние их не может быть названо безвредным». Но для такого отзыва не представлено ясных и твердых оснований.

О псалтири о. Ильяшев пишет: «издание сие относится к 7198-му году от сотворения мира, т. е. к 1698 (в журнале 1898) г. по Р. Х., в царствование Алексея Михайловича⁸⁸⁹, при патриархе Иосифе⁸⁹⁰».

Но а) рассмотренная о. Ильяшевым Псалтирь напечатана не в 7198 – 1698 г., а перепечатана в позднейшее время (не ранее конца прошедшего столетия) в неизвестной типографии с Московского издания 7159–7160 года, т. е. 1650–1651 г.; б) царствование Алексея Михайловича и патриаршество Иосифа относить к 1698 году – крайняя хронологическая несообразность, неприличная не только для ученого священника, но и для ученика семинарии.

Постановление Консистории об оставлении рассмотренных свящ. Ильяшевым книг несообразно с существующими

узаконениями.

Об упоминаемых в справке четках не сделано никакого постановления.

Посему учинить следующее:

1) Поставив на вид свящ. Ильяшеву невнимательное исполнение возложенного на него Начальством поручения, поручить кому-либо из градских ученых священников вновь рассмотреть, при участии единоверческого священника, означенные книги.

2) Затем сделать новое постановление.

3) При сем возвращаются книги и рукописи».

30 ч. получил я письмо из Вильны от попечителя учебного Округа, Н. А. Сергиевского. Он писал от 25-го числа:

«Только что возвратясь из Петербурга домой, спешу приветствовать Ваше Преосвященство с наступившим праздником Рождества Христова и пожелать Вам в радости духа и добром здоровье совершить архипастырское служение Ваше и в предстоящее новое лето Господне.

Моя жизнь и деятельность идут прежним путем: много хлопот, много забот, много труда, немало бывает и скорбей; но не разладил я и с радостью, хотя она и редкая гостья у меня. Семья моя, благодарение Господу, благополучна: все здоровы, двое старших сыновей в гимназии и учатся хорошо; третий сын готовится поступить осенью предстоящего года также в гимназию; четвертый начал учиться; пятый выучился ходить и привыкает говорить.

Воспоминания мои о Вас – всегда живые и светлые; таковы они доселе; таковы будут и всегда. Грущу, что не могу лично перемолвиться с Вами, и горячо желаю встретиться где-либо.

Призывая на себя Ваше благословение и на будущее время, с глубоким уважением и сердечною преданностью имею радость всегда быть»...

В ответ на это писал я от 5-го янв. 1878 года:

«Узнав из газет о Всемиловейшем награждении Вашего Превосходительства орденом св. Владимира 2-й ст., спешу принести Вам искреннейшее сердечное поздравление с этим

знаком Монаршего к заслугам Вашим внимания и благоволения. Впрочем, эта награда вполне Вами заслужена.

О Вашей неутомимой деятельности и о той великой пользе, какую Вы своими трудами принесли учебно-воспитательному делу в северо-западном крае, я получил на днях достоверное свидетельство из уст одного Виленского старожила, именно М. И. Прозорова (медицинского Инспектора Виленского военного округа). Для меня очень было приятно побеседовать с этим умным доктором о Вас и о ваших служебных обстоятельствах. Г. Прозоров хвалился мне притом своим близким с Вами знакомством и вашим к нему благорасположением.

Приношу Вам душевную благодарность за приветствие с праздником и новым годом. Взаимно и Вас с вашим любезным семейством усердно поздравляю с вступлением в новое лето жизни. Да украшается Ваша семейная жизнь, по благодати Господней, новыми и обильнейшими радостями и да благословляются Ваши труды вящими успехами на поприще общественного служения на пользу отечественного просвещения и к утешению благоднейшего Монарха!

Что скажу Вам о себе? По милости Божией, новый год встретил благополучно и продолжаю заниматься своими делами обычным порядком. Жизнь веду, можно сказать, уединенную, и этим несколько не скупаю. Довольно читаю, а ещё больше пишу».

Из Витебска писал мне от 31-го числа Протоиерей В. Волков:

«Начинать настоящее письмо нахожу более приличным и самым лучшим – поздравлением Вашего Преосвященства с новым годом и, после сию минуту оконченной моей пламенной молитвы о Вашем здравии и благополучии, пожеланием, чтобы молитва моя была услышана Богом и Царицею небесною и чтобы Они в новом году даровали Вам то, о чем я молил Их и святых Божиих.

Поздравляю Вас, Преосвященнейший Владыко, целую Ваши руки и сердечно желаю Вам многих, многих и премногих благ. Скорби и огорчения да мимо идут Вас и не касаются Вашего любвеобильного сердца. Мир, утешение и радости да

наполняют сердце Ваше и покоят душу Вашу! Сбудется ли мое такое сердечное желание – не знаю; но знаю только то, что желаю от души, от искреннего сердца, и ежедневно, постоянно молю о сем Бога. Аминь, аминь, аминь!!!».

1-го января, в день нового года, служил я, по обыкновению, в Кафедральном соборе и затем принимал обычные поздравления. Так как к этому дню написанная мною книга, под заглавием: «Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском», была уже окончена печатанием и мною получено было несколько экземпляров, хотя и не был ещё прислан из Цензурного Комитета билет на выпуск книги из типографии, я, ради нового года, роздал по экземпляру некоторым из более почетных поздравителей, как напр. Начальнику губернии Князю Д. Н. Кропоткину, преосвященному Вениамину и др.

8-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвящ. Игнатия, который писал мне от 6-го числа:

«От ректорской должности⁸⁹¹ в академии отрицается и Кудрявцев⁸⁹². Думают о Лаврове⁸⁹³, который изъявил желание принять иеромонашество. Даже Сергей Константинович⁸⁹⁴ не прочь сделаться преемником о. Архим. Михаила, если бы ему было предложено.

Хиротония о. Амвросия⁸⁹⁵ предполагается 15-го Января.

Если что знаете, Владыко, о Костроме, прошу мне сообщить. Кажется мне не миновать туда пути, хотя дело ещё не утверждено, и состоится не прежде, как новый Преосвященный Можайский, по возвращении из Петербурга, вступит в должность, чтобы столица не осталась без викария.

Покойный Ключарев⁸⁹⁶ был очень мнителен, и очень жаловался на слабость зрения. Причиной катастрофы – меланхолия. Старший брат (еп. Амвросий) очень был поражен и даже рыдал, потому что он особенно настаивал на принятии священного сана. .Самое решение о вступлении в брак с дочерью Никольского в Новой Слободе иерея П. В. Приклонского⁸⁹⁷ последовало в один вечер. Накануне смерти жена умершего была именинница. Но о сем довольно.

Вчера исполнилось 10 лет со времени управления М. епархией Высокопреосвящ. Иннокентия⁸⁹⁸. Сегодня в 1-м часу дня старшее духовенство предполагает собраться на Троицком подворье с приветствием. Приготовлена икона Владимирской Б. Матери в серебряной ризе. Протоиерей Зернов⁸⁹⁹ готовит речь. Праздник домашний.

Всей службы в священном сане Владыки 60⁹⁰⁰. От роду ему 81-й год. Энергия и бодрость прежняя, хотя силы телесные слабее прежнего. Жалко будет мне с ним расставаться. Владыка едет в Питер вечером 8-го Января до Лазаревой субботы».

В тот же день получено было мною известие о кончине великого благодетеля многих монастырей и церквей, Московского фабриканта, Действ. Ст. Сов. Павла Григорьевича Цурикова⁹⁰¹. Он скончался 5-го числа, на 67 г. от рождения. – Предки его вышли в Россию, как писали в газетах, из Цюриха.

Чрез пять дней (от 8-го ч.) я получил другое письмо от Пр-го Игнатия; от 9-го числа он писал мне:

«Прошу извинить, что долго не доставлял сведения по вопросу о письме к Преосв. Гавриилу Херсонскому⁹⁰². Ныне только о. Григорий⁹⁰³, знаток сего дела, сказал мне нечто подобное, – не знаю то ли самое, что для Вашего Преосвященства нужно.

Сегодня Арх-м. Григорий во время всенощной был восприемником – кого бы Вы думали? Александра Феод. Лаврова⁹⁰⁴. Господь привел мне ныне постричь его в ангельский чин с наименованием Алексием, на Саввинском подворье. Имя избрано Владыкою Митрополитом⁹⁰⁵, в той мысли, что св. Александр Невский, покровитель новопостриженного, в иночестве восприял имя Алексия. Завтра рукоположение новопостриженного в иеродиакона в Чудове монастыре, где соберутся дворяне по случаю выборов, а 12-го – в иеромонаха в университетской церкви. Помолитесь, Владыко, чтобы инок новый принес пользу Православной церкви. Пострижение принял он со смирением и благоговением.

Вчера в 5-м часу утра я получил от Владыки поручение немедленно ехать в Звенигородский уезд на погребение

Цурикова. Обещал сам Владыка, но не мог по приключившемуся временно нездоровью. В половине 7-го утра, отслушав дома раннюю литургию, я отправился и в начале 11-го, нигде не останавливаясь, по милости Божией, приехал благополучно (45 верст), совершил литию пред выносом, отпевание и погребение в той же самой церкви, им благолепно устроенной. Через полчаса, не дожидаясь обеда, отправился я в обратный путь в том же возке зимнем, и в 6-м часу вечера был дома. Через час – на Троицкое подворье; немало беседовал с отъезжающим Святителем и в 8 1/2 часов простился с ним в вагоне Николаевской-Петербургской железной дороги. Владыка был отечески внимателен и сказал, что может быть мы более не увидимся. – Обычный молебен в Чудове о путешествии Владыки совершен уже ныне в 6 часов».

На письмо это отвечал я 16-го числа:

«Если Вам уже суждено отправиться в славный град Кострому, то да будет благословен Ваш путь! Но мне жаль, что Вы оставите Москву, не побывавши в Харькове.

О Костроме не могу сообщить Вашему Преосвященству никаких точных и обстоятельных сведений. Там я никогда не бывал, хотя и имел намерение посетить Кострому в июле 1861 г. из Ярославля, где я был на ревизии: обстоятельства не дозволили исполнить это намерение.

Кострома, как слыхал я, город хороший, хотя не так богат, как Ярославль. Пространство епархии обширное и лесистое. Церквей и причтов очень достаточно, как видно из отчетов Обер-Прокурорских; следовательно и занятий для епархиального архиерея немало. Но, при помощи викария, я уверен, Вы будете иметь там более свободного времени, нежели в Москве; в особенности, если хорошо организована Консistorия. Тамошний секретарь, как мне известно, очень умный человек; не знаю, в такой ли же мере честный и благонамеренный. В делах епархиального управления Консistorский секретарь главная пружина.

Позвольте надеяться, что Вы время от времени будете извещать меня об обстоятельствах предстоящего Вам нового положения.

Очень Вам благодарен за указание письма, напечатанного в Душепол. Чтении⁹⁰⁶. Я имел в виду именно это самое письмо, хотя не знаю, почему мне представлялось, что оно писано было якобы к Преосв. Гавриилу. Не можете ли однако ж точнее узнать и мне сообщить, к какому именно миссионеру было писано это письмо (не к Макарию ли алтайскому)⁹⁰⁷?

Если угодно, я сообщу Вашему Преосвященству по какому поводу мне пришло на память это письмо.

Летом 1876 г. один из наших иерархов⁹⁰⁸, путешествуя по епархии, где есть довольно язычников, не отказался посетить, по приглашению главного жреца, языческое капище, где Его Преосвященство посадили к столу, на котором находились идолы, и где, пред этими идолами, совершено было языческое служение, именно молебствие о здравии и благополучном путешествии сего православного иерарха. Это необычайное посещение тогда же оглашено было в некоторых духовных газетах и превознесено громким одобрением. Читая газетное об этом известие, я изумился и вспомнил об означенном письме. При этом я подумал: что если бы этот скандал случился при жизни покойного Моск. святителя? что бы он написал тогда этому посетителю языческого капища⁹⁰⁹?.. О времена, о нравы! Вот до чего мы дожили!»

Получив 13-го числа из Московского Цензурного Комитета билет на выпуск из Типографии изданной мною книги: «Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе Ярославском», я на другой же день, 14-го числа, послал экземпляр этой книги почтенному Цензору оной, Московскому Протоиерею Ст. Ив. Зернову, при следующем письме:

«Препровождаемый при сем экземпляр книги примите, как дань моей искренней душевной признательности за ваш великий труд по рассмотрению моей немалой рукописи.

Не знаю, много ли найдется читателей для моей книги. Судя впрочем по отзывам о ней здешней читающей публики, по-видимому, можно ожидать успеха⁹¹⁰. Но у меня, при составлении Воспоминаний о приснопамятном моем друге, не

было в виду другой цели, кроме той, чтобы исполнить долг дружбы. *Dixi et animam levavi*».

Вслед за сим, я начал щедрою рукою раздавать и рассылать свое литературное произведение. Немало экземпляров поступило и в продажу как в Харькове, так и в Москве. И по мере распространения книги, начали появляться в журналах и газетах (преимущественно духовных) рецензии и критика на неё. В моей хронике своевременно будут указаны рецензии и отзывы о моей книге.

17-го ч. присутствовал я на Университетском акте, который, по случаю занятия актовой университетской залы ранеными воинами, происходил в зале Ветеринарного Института. На акте один из профессоров читал речь: «О состоянии в России железных дорог».

22-го ч. писал я в Москву А. В. Краснопевкову:

«Спешу представить Вам и сестрицам вашим по экземпляру изданной мною, в память Вашего дорогого брата, а моего незабвенного друга, книги.

Примите усердный труд мой с любовью, и да будет он Вам на утешение.

Князю Вл. Андр. Долгорукову посылаю экземпляр вместе с сим. Прочим лицам, означенным в вашей записке, не замедлю выслать книги на Ваше имя.

Повторяю Вам мою усерднейшую просьбу поспешить высылкой портретов покойного Владыки, сколько есть готовых. Моя книга начинает расходиться довольно быстро. В течении недели разобрано более уже ста экземпляров. Так она заинтересовала здешнюю читающую публику. В Москве, без сомнения, будут читать её с большим интересом».

На следующий день, 23-го ч., я снова писал Александру Васильевичу:

«Препровождаю к Вам вместе с сим 12-ть экземпляров моей книги. Из них половина в пакетах с надписями на имя тех лиц, кои более или менее мне лично известны. Прочие шесть экземпляров, без всяких надписей, для тех из означенных в Вашем списке лиц, которые мало или почти вовсе мне

неизвестны. Впрочем и этим последним особам предложите книги, если угодно, от моего имени».

От 23-го ч. писал я в Москву Генерал-Губернатору, Князю Владимиру Андреевичу Долгорукову:

«Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь!

Зная многолетние, искренние отношения Вашего Сиятельства к почившему в Бозе преосвященному Леониду, архиепископу Ярославскому, долгом поставляю препроводить к Вам экземпляр составленной и изданной мною книги, под заглавием: «Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе Ярославском и Ростовском».

Благоволите, Досточтимый Князь, благосклонно принять от меня это усердное приношение.

Усерднейше призывая Вам Божие благословение и небесную помощь в делах многотрудного Вашего служения, с глубоким почтением и совершенною преданностию имею честь быть»...

На это Князь отвечал мне от 31-го января:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

Получив присланную при письме Вашего Преосвященства, от 23-го сего Января, составленную и изданную Вами книгу, под заглавием: «Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском», приношу Вам, Милостивый Архипастырь, мою искреннюю, сердечную благодарность за Ваше внимание ко мне и за то удовольствие, которое Вы доставили мне присылкой этого интересного издания, посвященного памяти глубокоуважаемого мною покойного Архиепископа Леонида. С совершенною преданностию имею честь быть»...

8-го февраля получено было мною три письма: два из Москвы и одно из Могилева.

Из Москвы писали мне: А. В. Краснопевков и Редактор Душеполезного Чтения, Протоиерей В. П. Нечаев.

А. В. Краснопевков писал от 6-го числа:

«С чувством глубокой благодарности получил я изданную Вами книгу воспоминаний о покойном моем брате. Не говоря

уже о том, что она будет мне всегда служить утешительным воспоминанием о человеке, который был для меня не только братом, но и другом и сильным молитвенником пред Господом, она останется и утешительным напоминанием и Вашей дружбы к покойному, который так высоко ценил эту духовную с Вами связь.

Приложенные экземпляры для сестер и присланные отдельно двенадцать экземпляров будут розданы по назначению.

Фотографическое изображение в числе 600 экземпляров с подписями посланы Вашему Преосвященству 1-го февраля.

На вопрос Ваш, кому из лиц Царского семейства удобно послать Ваши воспоминания, считаю долгом ответить, что, по моему мнению, было бы весьма хорошо, если бы Вы признали возможным послать по экземпляру Великим Князьям Сергию и Павлу Александровичам, всегда любившим и всегда бывшим приветливыми с братом. Послать следует через воспитателя их Арсеньева, которому также будет приятно получить экземпляр и на свою долю.

Дай Бог, чтобы Господь послал Вам всякие утешения за те утешения, какие Вы доставляете близким к покойному Преосвященному, предавая печати его слова и его действия».

От 6-го же числа писал мне из Москвы и протоиерей В. П. Нечаев⁹¹¹:

«Приношу Вам душевную благодарность за драгоценный подарок – за «Воспоминания о Преосвящ. Леониде». С живейшим интересом прочитал я Вашу книгу. Вы прекрасно воспроизвели в ней образ блаженно-почившего Святителя. Обнародованная Вами переписка его с Вашим Преосвященством достаточно знакомит читателя с личностью его, с его внутреннею жизнью, с его характером, склонностями, привычками, с его отношениями семейными и церковно-общественными. В ней много данных не только для его биографии, но вообще для русской церковной истории нашего времени. Из Вашей книги профессора и писателя церковной истории будут многое почерпать для оживления своих лекций и книг. Очень благодарен Вам, что Вы не пренебрегли и таким

неважным материалом, как моя речь⁹¹² пред отъездом его в Ярославль, и слово пред панихидою по нем на второй день по кончине его. Главное достоинство этих произведений заключается в искренности выраженных в них чувств. Во все продолжение его службы в Москве я ничего подобного не мог говорить ему в лицо, чтобы не показаться льстецом, заискивающим его благосклонности. Его удаление из Москвы, а потом смерть развязали мой язык. Я мог хвалить его без опасения быть заподозренным в лесть и низкой угодливости к человеку, от которого ни в каком отношении не завишу. Мне однако немало досталось выслушать упреков от своего же брата за выражение сочувствия к Преосв. Леониду. Мне говорили, что он неровен был в обращении с духовенством – с одними был очень ласков, с другими очень суров, давал большую волю Секретарю, пристрастен был к светскому обществу и т. д. Намек на пристрастие к великосветским выражен был даже в застольной речи почтеннейшего Ив. Никол. Рождественского⁹¹³, а застольная речь А. О. Ключарева⁹¹⁴ была просто груба. Но если были какие недостатки в Преосв. Леониде, не мое дело и не благовременно было оглашать их. Притом, они бледнеют в сопоставлении с несомненными достоинствами; его аскетизм, его пастырская ревность – образец для подражания архиереям. Записанная им беседа с В. Князьями Сергием Александровичем и Павлом Александровичем служит примером, по которому можно судить вообще о его домашних беседах с людьми светскими: все они имели благочестивый колорит. Я не читал его писем к М. Иннокентию⁹¹⁵ в которых он убеждал его вместе с прочими членами Синода противодействовать распоряжению о великопостных спектаклях⁹¹⁶. Письма не достигли цели, что достойно сожаления. Если бы все наши архипастыри одушевлены были Леонидовою ревностью, отношение мирской власти к церкви было бы гораздо благотворнее, чем теперь. Тогда и духовно-литературная борьба со злом пошла бы успешнее, – теперь нет для неё поддержки в архипастырях. Последние равнодушны даже к нашим нападениям на них самих, в роде тех, какие встречаются в Цер. Общ. Вестнике и в

Современных Известиях. Честь и слава Вашему Преосвященству, что Вы не оставляете без ответа подобные нападения. Но один в поле не воин.

Овны, воздвигающие речи на пастырей, тем нахальнее становятся, чем безнаказаннее. Надобно удивляться: за статьи, даже косвенно направленные против светских властей и их действий, даются журналам и газетам предостережения; но не было примера, чтобы Ведомство по делам печати когда-нибудь вступилось за честь духовенства и даже высших его представителей, бесцеремонно попираемую каким-нибудь Белюстиным⁹¹⁷ и Церковно-Общ. Вестником. Но я, кажется, зарпортовался. Простите».

На это любезное письмо я отвечал от 17-го числа:

«Вы доброе делаете дело, что рассеянные по разным книжкам статьи собираете вместе и издаете в одной книге. Это очень удобно для читателей, но не знаю, полезно ли и неубыточно ли для издателя.

Мне очень понравилась, между прочими, ваша речь⁹¹⁸ при отпевании К. И. Невоструева⁹¹⁹: в ней очень верно охарактеризовали Вы покойного, которого я душевно уважал и с которым вёл переписку до последних дней его жизни.

Но позвольте обратить внимание на некоторые частности, касающиеся его службы и частной жизни. Вы пишете в своей речи, что он принес в жертву отечеству последние 500 р., но он мне говорил, что он вручил лично Графу Закревскому⁹²⁰ 200 р. Вы сообщаете в подстрочном примечании, что он вызван был в Москву в 1847 г., но мне помнится, что в 1849 г., незадолго до моего поступления на должность Синодального ризничего. Нельзя ли поточнее об этом разведать и меня уведомить?

Душевно рад, что Вам понравились мои воспоминания о Преосвящ. Леониде и что мой взгляд на него совпадает с Вашим. Но как Ваши прекрасные речи к преосвященному и о преосвященном возбудили в некоторых из вашей же братии превратные толки, так и мои воспоминания, вероятно, испытают такую же участь, хотя до сих, пор я слышал о них только добрые отзывы, и книга моя быстро расходуется.

Вы одобряете мой ответ на ругательную статью Ц. Общ. Вестника; но мне пришлось выслушать за него немало укоризн и письменных, и печатных, и не только от светских, но даже и от своей братии – архиереев, хотя все единогласно признают основательным мой ответ. «Зачем, говорят, архиерею входить в полемику с такою ничтожною и неблагонамеренною газетою?» Но я, вступая в полемику с этой газетою, имел в виду только устранить соблазн, произведенный её нелепой статьей в моей пастве, – и благодарение Господу вполне достиг своей цели. Все, прочитавшие мою ответную статью, совершенно успокоились.

Тяжелое и грустное время переживаем мы, почтеннейший Вас. Петрович!

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь!»...

Из Могилева писал мне от 2-го числа преосвящ. Архиепископ Евсевий⁹²¹.

«Благодарю Ваше Преосвященство за Ваше внимание к моей старости. Особенно с половины минувшего лета стал я чувствовать немощи старческие. Причиною была простуда, которая, хотя не воспрепятствовала мне исполнять мои обязанности, но то, что прежде легко было делать, стало для меня делом нелегким, так что я боялся выехать в епархию, по требованию. Однако, по милости Божией, это исполнено.

В начале прошлого года, или под конец предпрошлого года, предложено было мне: «приму ли я без скорби перемещение в Ярославль». Я просил Преосвященнейшего Исидора⁹²², чтобы меня оставили в Могилеве, представляя, как много влечет за собою трудов и хлопот или забот это переселение; а мои годы напоминают мне о моем переселении в другой мир, и мои товарищи пошли туда один за другим. И очень благодарен и Владыке Исидору: он отклонил назначение меня на новое место, которое так много обещало мне дела такого, к которому я делаюсь уже мало способным.

Вашему Преосвященству искренно желаю всяких милостей от всеблагого Господа, благопотребных для жизни настоящей и будущей. Знаю, что в Харькове есть особые труды и заботы,

особенно в настоящее время, потому что Харьков ближе к месту военных действий. Да поможет Вам Господь преодолеть благоуспешно все трудности к утешению многих, во славу имени Его.

Смиренно прошу Вашей молитвенной памяти о моем недостоинстве».

Московское Общество Истории и Древностей Российских препроводило ко мне, как почетному его члену, при отношении от 1-го февр. за № 33, проект устава Общества, с просьбою уведомления, не признаю ли я нужным сделать в нем какие изменения.

В ответ на это я сообщил, от 8-го числа, что, по внимательном прочтении присланного мне проекта устава, я не усмотрел в нем ничего подлежащего изменению. При этом я препроводил для библиотеки Общества экземпляр составленной и изданной мною книги: «Воспоминания об архиепископе Леониде».

9-го ч. получил я письмо из Ярославля от преемника моего почившего друга преосвященного епископа Ионафана⁹²³, переведенного на Ярославскую кафедру с Олонецкой. Вот что писал мне от 4-го числа преосвященный Ионафан:

«Приношу Вам сердечную благодарность за присылку мне книги Ваших воспоминаний о Высокопреосвященнейшем Леониде. Читая Ваши воспоминания о любимом Вами Архипастыре, я с любовью и расположением воспоминал и о Вашем Преосвященстве. Дорогой подарок Ваш, принесенный на гробницу в Бозе почившего Архипастыря, особенно обрадует Москву, где и у Вас и у него много знакомых и друзей».

10-го ч. мною получено было два письма из Москвы – от Н. П. Киреевской и Пр. Ал. Мухановой.

Г-жа Киреевская от 8-го ч. писала мне:

«Болезнь запрещает мне брать перо в руки; оно действует на болезнь мою, как кинжал. Но желание сказать Вам то, что может не пришлось мне выразить в последнем письме, решает написать эти строки, как ни трудно мне.

Сказанное мною о покойном Леониде единственно по чувству искренней моей, преданной к Вам любви. Зная Вашу

прямоту характера, Вашу доброту и доброжелательность любви, мне собственно по любви глубокой к Вам, жаль было, что Вы изволите превосходно и может слишком прекрасно говорить о человеке, который не был искренен в отношении Вас, Владыко Святой! Вот что теснило мою душу. Но видно, должно было быть так напечатано и потому о сем – Аминь!

Как мне жаль, что берут⁹²⁴ от нас преосвящ. Игнатия! Все духовенство любит его искренно и все жалеют очень о разлуке с ним. И что ещё больнее, что сиятельное намерение – из другой епархии заместить его; цель Дм. Андр.⁹²⁵ – стереть не только дух, но и память о покойном Митрополите⁹²⁶. Не попусти ему Бог успеха этого вреда. Владыко Святой! воздохните ко Господу Вашею святительской молитвою о непуущении готовящегося вреда и зла святой церкви и православию! Душа сильно страдает, видя успех сатанинского влияния».

П. А. Муханова⁹²⁷ писала мне от 7-го числа:

«С особенным интересом читаем Ваши воспоминания о высокопреосв. Леониде. Говорят, что у книгопродавца Ферапонтова⁹²⁸ уже раскупили все экземпляры этой книги, у него находившиеся. Вот доказательство, как Москва всегда любила и любит своих святителей. Теперь большая передвижка оных с кафедры на кафедру и много вновь получивших хиротонию. Как бы нам удержать у себя преосв. Игнатия, который сейчас нас посетил. Он единственный оставшийся представитель прошлого, и, сколько может, придерживается прежних порядков. С умножением круга его занятий и деятельности, мне кажется, что они его не только не отягощают, но даже благотворно повлияли на его здоровье. Впрочем, да будет всё к лучшему. Пути Божии неисповедимы».

В тот же день, т. е. 10-го числа, посланы были мною экземпляры изданной книги о преосвящ. Леониде следующим особам: 1) Государю Императору; 2) Государыне Императрице; 3) Наследнику Цесаревичу; 4) Цесаревне Марии Феодоровне; 5 и 6) Великим Князьям Сергию и Павлу Александровичам; 7) В. Кн. Марии Александровне, Герцогине Эдинбургской; 8, 9 и 10) Митрополитам: Новгородскому, Киевскому и Московскому, 11) Придворному протоиерею И. В. Рождественскому; 12) Обер-

Прокурору Св. Синода Графу Д. А. Толстому; 13) Контр-Адмиралу Дм. Серг. Арсеньеву; 14) Кн. С. Н. Урусову и 15) Попечителю Виленского учебного Округа Н. А. Сергиевскому.

Экземпляры для Их Величеств и Их Высочеств – Наследника, Цесаревны и Герцогини Эдинбургской препровождены были мною к Обер-Прокурору Св. Синода при следующем письме от 10-го февр. за № 29:

«Близкие служебные отношения и многолетняя искренняя дружба с почившим в Бозе преосвященным архиепископом Ярославским Леонидом внушили мне мысль сохранить мои воспоминания о нем посредством печати.

С этою именно целью я издал книгу, экземпляр коей при сем имею честь препроводить Вашему Сиятельству с следующею покорнейшею просьбою.

Как известно, что покойный архиепископ Леонид имел счастье пользоваться благоволителным вниманием Их Императорских Величеств и других Августейших Членов Императорской фамилии, – что отчасти видно и из его ко мне писем, помещенных в изданной мною книге, то я почитал бы не неуместным представить свою книгу всемилостивейшему вниманию Их Величеств и Их Высочеств Государя Наследника, Государыни Цесаревны и Государыни Великой Княгини Марии Александровны.

Посему, препровождая при сем особо пять экземпляров изданной мною книги, покорнейше прошу Вас, Сиятельнейший Граф, принять на себя труд представить от моего имени эти экземпляры – в сафьянном переплете – Его Величеству Государю Императору и Его Высочеству Государю Наследнику Александру Александровичу, а в бархатном – Её Величеству Государыне Императрице, Её Высочеству Государыне Цесаревне Марии Феодоровне и Её Высочеству Государыне Великой Княгине Марии Александровне, Герцогине Эдинбургской.

При этом не могу не объяснить Вашему Сиятельству, что вместе с сим мною посылаются два экземпляра для государей В. К. Сергия и Павла Александровичей на имя состоящего при Их Высочествах Контр-Адмирала Д. С. Арсеньева».

Вместе с сим писал я состоящему при В. Князях Сергии и Павле Александровичах Контр-Адмиралу Д. С. Арсеньеву:

«Близкие служебные отношения и многолетняя искренняя дружба с почившим в Бозе преосвященным архиепископом Ярославским Леонидом внушили мне мысль сохранить мои воспоминания о нем посредством печати. С этою именно целью я издал книгу, под заглавием: «Воспоминания о высокопреосвящ. Леониде, архиепископе Ярославском и Ростовском».

Так как из писем ко мне покойного Архиепископа Леонида, помещенных в этой книге, видно, что он пользовался с давнего времени благоволительным вниманием Его Высочества Государя Великого Князя Сергия Александровича, а равно и Его Высочества Великого Князя Павла Александровича, то я почитаю не неуместным представить высокому вниманию Их Высочеств изданную мною книгу.

Препровождая при сем три экземпляра этой книги, покорнейше прошу Ваше Превосходительство два экземпляра вручить от моего имени Их Императорским Высочествам, а третий благоволите принять от меня для Вашей собственной библиотеки на память о почившем в Бозе архиепископе Леониде, который, как мне известно, всегда питал к Вам глубокое уважение».

Придворному протоиерею и члену Св. Синода, о. Иоанну Васильевичу Рождественскому⁹²⁹ послана была мною книга при следующем письме:

«Препровождая при сем экземпляр составленной и изданной мною книги, под заглавием: «Воспоминания о высокопр. Леониде, арх. Ярославском и Ростовском», покорнейше прошу благосклонно принять от меня эту книгу, как дань моего глубокого к Вам почтения и как памятник о почившем в Бозе Архиепископе Леониде, который также всегда питал к Вам искреннее уважение, как это отчасти видно и из его ко мне писем, помещенных в моей книге.

Если у Вас, досточтимый о. протоиерей, достанет времени и охоты прочесть мою книгу, то я всепокорнейше просил бы Вас сказать мне искренно и откровенно, уместно ли поступил я,

препроводив по экземпляру этой книги, чрез Графа Д. А. Толстого, для Их Величеств, и Их Высочеств Государя Наследника, Государыни Цесаревны и В. Кн. Марии Александровны, и через Контр-Адмирала Дм. Серг. Арсеньева, для Великих Князей Сергия и Павла Александровичей».

12-го числа получено было мною два письма: одно из Ярославля от Протоиерея А. П. Лаврова, а другое из села Высочиновки от А. Ф. Ковалевского.

О. Лавров писал мне от 7-го числа:

«Спешу выразить Вашему Преосвященству самую искреннюю и глубокую благодарность за присланное Вами мне сочинение – Воспоминания о высокопреосв. Леониде. Чтение этого сочинения доставило мне великое удовольствие. Во 1-х приятно было узнать о многих обстоятельствах Вашего служения, которые до этого оставались для меня неизвестными. Во 2-х интересно было узнать о неутомимой деятельности и жизни покойного Владыки Леонида, который в последние четыре месяца своего служения в нашем Ярославле удостаивал меня особенным вниманием и благосклонностью, чего я признавал себя совершенно недостойным. В 3-х чрезвычайно интересно было прочитать помещенные в Ваших воспоминаниях письма покойного Митрополита Филарета, которого каждым словом и мыслию я всегда в высшей степени дорожил и дорожу. В 4-х при чтении Вашего труда нельзя было не вспомнить о дорогой для нас академии и жизни, проведенной в ней в течение 4-х лет⁹³⁰, под ближайшим кровом Преподобного Сергия. Наконец в своих воспоминаниях Вы почтили и меня лестным отзывом своим. Конечно, в Вашем добром мнении о себе я никогда не сомневался. Но тем не менее не имел я права ожидать выражения этого мнения в печатном сочинении. За такую Вашу благосклонность ко мне считаю долгом выразить Вашему Преосвященству особенную глубокую благодарность.

В настоящее время я занимаюсь чтением другого интересного труда, именно, Священной Летописи Г. Властова⁹³¹. Это, можно сказать, капитальное сочинение. Пока вышли два тома на книги – Бытия, Исход и Левит. Нельзя не пожелать,

чтобы автор написал подобную же летопись и на прочие книги Моисеевы⁹³². Главное достоинство этого сочинения, по моему мнению, состоит в том, что автор, пользуясь английской комментированной Библией и приводя мнения многих ученых, старается держаться православного взгляда нашей Церкви. В летописи на книгу Бытия он с большим уважением часто приводит мнения покойного Владыки Филарета».

А. Ф. Ковалевский писал от 11-го числа:

«Извините и простите меня Господа ради за мою крайнюю смелость, с которой решаюсь докучать Вам на сей раз, в той благой надежде, что Вы архипастырски вразумите и наставите меня, и тем окажете мне истинное благодеяние. Случалось мне видеть у людей мирских, благочестию прилежащих, частицы св. мощей угодников Божиих, чему я всегда от души завидовал, и себе желал иметь на благословение и освящение таковую святыню, хотя и зазревал свое к тому недостойнство. Меня начал занимать вопрос, каким образом подобные святыни приобретаются частными лицами и откуда могут быть они получены? Слышал я, что в Италии, и особенно в Риме, удобно получить частицы св. мощей от католического духовенства, но слышал также и о том, что там можно жестоко в этом обмануться, ибо, под видом св. мощей, дают простые частицы разных подходящих видом предметов, иногда даже из животных и птичьих остатков, и что этим идет там просто кощунственная торговля, что разумеется сильно охладило мое желание и усердие к подобному римскому приобретению. Не знаю, насколько это верно, но слышал, будто и наши православные афонцы тоже не чужды подобной торговли, особенно Греки, в руках которых много св. мощей древних святых, и которые меняют их на золото, не чуждаясь и римского способа. Пытался я, во избежание обмана, приобрести в Киево-Печерской лавре хоть одну самонаименьшую верную частицу св. мощей тамошних угодников Божиих, для чего и сребропозлащенный крест со влагалищем внутри приготовил, но там мне сказали, что это невозможно ни за какие деньги, и даже укорили меня за подобное желание, хотя я, грешный, истинно не считал себя заслужившим этот укор, потому что с глубокой верою и

благословением искал приобрести подобную святыню себе на благословение и помощь духовную, потому что некоторые благочестивые люди меня уверяли, что нахождение при человеке частицы св. мощей делает к нему доступ невидимого врага дьявола затруднительным, и что в брани духовной с помыслами и страстями это немалое против него пособие. Хотя и в мире живу я, но в моем уединении иногда очень сильно ощущаю злобу его, и веду с ним борьбу непосильную, почему и нуждаюсь в защите от его стрел, ради чего вера моя в рассказы о благодатном действии св. мощей, и желание одного и себе сподобиться, думается мне, не совсем заслуживали укора.

После Киевопечерской неудачи, я все-таки остался с прежней верою и желанием касательно этого предмета. В Москве я видел много частиц св. мощей в соборах и патриаршей ризнице. Это внушило мне мысль просить Ваше Преосвященство, как прежнего синодального ризничего и знакомого с обычаями тамошними, сказать мне, может ли быть и каким путем приобретена там частным лицом хоть одна самонаименьшая верная частица св. мощей не безымянных? Премного облагодетельствуете Вы меня, Владыко Святой, советом Вашим в этом отношении, который с любовью и признательностью прииму, хотя бы и с укором от Вас за мое предположение и желание. Если оно действительно покажется предосудительным Вам, то обличенный в том от Вас, моего Архипастыря, я уже буду иметь полное основание бороться с этим моим желанием как явно греховным. Усерднейше прошу Вас не до конца прогневаться на меня дерзновенного, слишком надеющегося на Вашу ко мне доброту и милость, и не лишиться меня совета и наставления архипастырского, благословения о имени Господни и святых молитв Ваших, испрашивая себе которые, с совершенным моим к Вам уважением имею честь пребыть»...

На письмо это я отвечал от 21-го числа в следующих выражениях:

«Предмет, о котором пишете Вы от 11-го числа, требует внимательного рассмотрения.

Конечно желание иметь у себя святыню, чтобы освящаться благоговейным прикосновением к ней, и ограждаться ею от нападений невидимых врагов – есть желание доброе и святое.

Но одобрителен ли тот способ, каким бы Вы думали приобрести частицу мощей, т. е. приобретение тайное и за сребро? Неодобрителен! Если непосредственные хранители святыни позволяют себе, без разрешения высшей власти, раздавать частным лицам части вверенной им святыни, хотя бы и по добрым, бескорыстным побуждениям (не говорю уже о корысти), то они, очевидно, совершают святотатство и подлежат строгому осуждению.

Неправы следовательно и те, кои тем или иным образом вводят их в это искушение.

В 1870 г. я испросил официальным порядком у покойного Киевского Митрополита Арсения часть св. мощей пр. Евфросинии Кн. Полоцкой, в благословение основанной ею в г. Полоцке Спасской обители. Св. Синод, узнав о сем, сделал Митрополиту замечание за то, что он раздает святыню самовольно, без разрешения высшей церковной власти.

Итак Вам следует, по моему мнению, оставить всякую мысль о приобретении святыни мощей из какого-либо церковного или монастырского хранилища.

Иное дело, если бы Вам возможно было приобрести желаемую святыню от какого-либо частного благочестивого лица, имеющего оную по наследству от предков. Да дарует Вам сие Господь по вере вашей и по благочестивому желанию сердца вашего»!

18 числа писал я Инспектору Моск. дух. академии С. К. Смирнову:

«Книгу «Воспоминания о Преосв. Леониде» послал я Вам с надписью, без письма, по той причине, что, разослав более 100 экз. этой книги, я не имел возможности писать при этом особых писем.

Без сомнения, Вы прочитали уже эту книгу; извольте же сказать мне не обинюясь, какое она произвела на Вас впечатление и как толкуют о ней другие.

У меня в Семинарии производится выбор нового ректора на место Протоиерея Энеидова⁹³³, по болезни оставившего службу. Из четырех наличных в епархии протоиереев – магистров ни один не пожелал баллотироваться. Семинарское Правление обратилось с поисками кандидата во все страны России; между прочим, указали на какого-то Московского священника Иоанна Смирнова⁹³⁴, бывшего преподавателем в Вифанской Семинарии. На всякий случай, желал бы я иметь об этом иерее сведения, какого он академического курса и каких качеств? Не можете ли Вы, почтеннейший С. К., удовлетворить моему любопытству?»

19-го ч. в день торжества Восшествия на престол Государя Императора, после утреннего богослужения в Кафедральном Соборе, в 5-ть часов пополудни был я, вместе с прочими властями, за обедом у Начальника губернии, Князя Кропоткина⁹³⁵.

На следующий день, утром, прислал мне Командующий войсками А. Ф. Минквиц⁹³⁶ записку следующего содержания:

«Милостивый Архипастырь!

Сейчас получена мною от Военного Министра телеграмма следующего содержания:

«Государь Император⁹³⁷ изволил получить от Его Императорского Высочества Главнокомандующего⁹³⁸ Действ. армией от 19 февраля 5 час. пополудни следующую телеграмму: имею счастье поздравить Ваше Величество с подписанием мира. Господь сподобил, Государь, окончить предпринятое Вами великое святое дело. В день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского».

Поспешаю поделиться с Вашим Преосвященством этою великою радостью».

На это утешительное известие отвечал я тотчас же в следующих выражениях:

«Приношу Вам искреннейшую благодарность за сообщение мне столь радостного известия.

Итак Господь крепость людям Своим дал, Господь благословил люди Своя миром! Да будет же имя Господне благословенно отныне и до века!»...

В тот же день получено было мною с почты два письма с разных сторон – из Петербурга, и Москвы.

Из Петербурга почтил меня своим собственноручным архипастырским посланием (от 15-го числа) Первенствующий Член Св. Синода, Высокопреосвященнейший Исидор⁹³⁹ Митрополит Новгородский и С.-Петербургский. Вот что изволил писать мне старейший иерарх Российской Церкви:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь!

Благодарю Ваше Преосвященство за присланную Вами книгу: «Воспоминания о Преосвященном Леониде». Сведения о нем тем более для меня интересны, что я не имел возможности близко узнать его, а знакомство по слуху всегда бывает поверхностно и не всегда верно. Нельзя не пожалеть о кратковременной его службе на Ярославской кафедре, где самостоятельные действия его могли обнаружить в нем все богатство духовной опытности, приобретенной и собственным трудом и долговременным руководством мудрого святителя Московского⁹⁴⁰. Но суды Божии неисповедимы! Слуга Божий, столько по нашему мнению нужный и для церкви полезный, особенно в нынешнее время, так скоро оставил земное поприще. Благому и верному рабу, верно, пришло время внити в радость Господа своего.

Вот и сослужитель его по Москве – Преосв. Игнатий переселяется на Костромскую кафедру. Из новых викариев Московских Преосвящ. Амвросий Можайский пожелал, вместо Саввинского подворья, остаться в Богоявленском монастыре. Другой ещё не избран, но, по всей вероятности, будет Арх. Кирилл⁹⁴¹, Инспектор Вифанской Семинарии, находящийся здесь на чреде.

Поручая себя святым молитвам Вашим, с совершенным почтением и братскою о Христе любовью честь имею быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою»...

Послание это доставило мне, разумеется, великое утешение. Но какая при этом странность! Первенствующий Член Синода считает вероятным назначение на освобождающуюся вакансию второго Викария Московской епархии Инспектора

Вифанской Семинарии, архимандрита Кирилла; и однако ж это предположение не осуществляется. Почему? По несогласию Обер-Прокурора⁹⁴², который поставляет Синоду на вид, что будто бы ещё не бывало примеров, чтобы из инспекторов Семинарии возводились на степень епископскую (об этом сообщал мне в июле 1879 г. сам о. Кирилл – мой воспитанник⁹⁴³ по академии и постриженник). А между тем, в следующем 1879 г. в сан епископа Острогожского, Викария Воронежского, возведен был, с соизволения конечно того же Обер-Прокурора, вышедший из Одесского Ришельевского Лицея и не получивший вовсе богословского образования архимандрит Филарет⁹⁴⁴.

Из Москвы писал мне от 18-го числа Настоятель Кафедрального Архангельского Собора, Протоиерей Мих. Изм. Богословский⁹⁴⁵:

«Приношу Вам сердечную благодарность за дорогой дар.

Память праведного с похвалами; и память доброго пастыря, видимо алкавшего и жаждавшего праведности, ублажается по достоянию.

Воспоминания Ваши ублажают его воистину по достоянию.

Незабвенный Владыка Леонид был всегда внимателен к пользам и нуждам ближнего; никому не отказывал в теплом сочувствии. Его общительность была исполнена назидательности. Бесполезных речей и пустых шуток он не любил, но проводить с ним время никогда не было утомительно.

Никогда я не забуду первую встречу мою с ним. В первый день приезда моего в Москву я представился ему на Саввинском подворье. Прежде всего он повел меня в церковь, взял с престола приготовленную мне икону преподобного Саввы, и после усердной молитвы осенил меня ею. Это был святой привет пришельцу.

Он нередко навещал меня; иногда освежал мою голову вечерними поездками или под Симоново, или в Петровский земледельческий Институт, или в парк Петровский. Бывало там пройдемся пешком и побеседуем по душе.

Словом, он все меры употреблял, чтобы сделать для меня Москву приятною, и по возможности заменить мне петербургских друзей.

Эти личные отношения, важные для меня, не были чем-либо исключительным. Своим обращением он привязал к себе очень многих; и добрыми советами и благовременными напоминаниями сумел расположить военачальников и градоначальников к примерному уважению церковных обычаев и празднеств.

Не хотелось ему оставлять Москву; и отчасти утешали его удостоверением, что Ярославль ближе к Москве, чем Дмитров. Да будет со святыми покой его!»

В журнале «Руководство для сельских пастырей» напечатан довольно подробный разбор изданной мною книги о преосвященном Леониде⁹⁴⁶. Вот что, между прочим, сказано там о моей книге:

«По нашему мнению, это сочинение заключает в себе живой интерес и полезное назидание для всякого, особенно для лиц духовного звания» (стр. 187–188).

«Как дороги воспоминания преосвящ. Саввы, раскрывающие по преимуществу келейный быт Преосвящ. Леонида, его отношения, так сказать, домашние, дружественные» (стр. 188)... «В воспоминаниях Преосвящ. Саввы можно видеть, так сказать, целую семью святителей. Такой очерк келейной жизни архипастырей составляет в нашей литературе весьма редкое явление; по искренности и живости изображения характеристических черт, его можно сравнить с общеизвестными записками келейников Тихона Задонского, послужившими богатым материалом для жизнеописания сего святителя»⁹⁴⁷ (там же).

25-го ч. имел я удовольствие получить письмо из СПб. от Придворного о. протоиерея И. В. Рождественского:

«Приношу усерднейшую благодарность Вашему Преосвященству за книгу «Воспоминаний» о Преосвященном Леониде. Книга доставила мне большое удовольствие и пользу, потому что из ней я ближе ознакомился с досточтимой личностью покойного Владыки. Я имел несколько случаев видаться с ним, но только мимоходом, на несколько минут и в официальной позе; а уважение искреннее стал питать к нему с тех пор, как переведен отсюда в Москву свояк мой Мих. Изм.

Богословский. Преосвященный принял изгнанника с особенною благосклонностью, нередко посещал его, приглашал к себе на продолжительные беседы, делал для него приятные развлечения, и вообще обращался с ним дружески до самого выезда своего в Ярославль. – Мало (хотя и давно) знаком я был доселе и с обстоятельствами вашей жизни, потому что встречался с Вами также случайно и мимоходом; теперь имею удовольствие знать больше и отчетливее.

В доказательство того, что книга прочитана мною внимательно, прошу позволения вступить в некоторое словопрение. – Например, Вы изволите говорить (на стр. 275), что В. К. Мария Александровна⁹⁴⁸ первую исповедь свою приносила в Сергиевой Лавре, в июле 1861 г., и что первым духовником её был Преосвящ. Митрополит Филарет; а я утверждаю, на основании неопровержимого документа, что первая исповедь была в Петербурге, на первой неделе великого поста, 11-го марта 1861 года, и что первым духовником Её Высочества был законоучитель её⁹⁴⁹, который и оставался духовником до самого выхода Её в замужество и выезда за границу. Исповедь в Лавре можно назвать единственной и необычайной, но не первой. Изменила память и покойному Пр. Леониду, когда он, вспоминая о протоиерее Павском⁹⁵⁰, говорил, что стан у него «неуклюжий», «лицо с рябинами», и вообще наружность его производила весьма неприятное впечатление; что он «до конца своего придворного поприща оставался Андреевским Протопопом» (Андреевского собора). Я хорошо помню почтенного Герасима Петровича, каков он был в отроческие годы Преосв. Леонида. Неуклюжим и рябым он никогда не был; напротив, наружность его, как и нравственная физиономия⁹⁵¹, до самой преклонной старости⁹⁵² была привлекательна. При Андреевском соборе оставался он короткое время после назначения законоучителем Наследника Престола; потом перечислен к малой церкви Зимнего Дворца, а по удалении от Двора⁹⁵³ – к церкви Дворца Таврического. Есть и ещё некоторые обмолвки в книге, но распространяться об них не имею ни времени, ни надобности.

Испрашивая архипастырского благословения и молитв о моих немощах, телесных и душевных, с искренним почтением и совершенною преданностью имею честь быть»...

26-го ч. получил я два письма: одно из СПб. от Главного священника армии и флота, протоиерея П. Е. Покровского, а другое из Сергиевского посада от Инспектора Московской академии С. К. Смирнова.

О. протоиерей Покровский писал мне от 22-го числа:

«Благодарю Вас от всей души за память обо мне и за весьма интересный подарок – «Воспоминания», который и сам по себе интересен, но особенно для меня, так как здесь описываются события, мне современные, в некоторых из коих я принимал участие, и лица мне весьма близкие и любезные, так что, читая Ваши воспоминания, я вновь переживаю прожитое время и как бы юнею. – Начавши читать я не мог оторваться от чтения до ослабления глаз, за что и жалуюсь Вам на вашу книгу. Но при всем удовольствии чтения, невольно пробиваются печальные мысли: как многих нет теперь в живых, тогда бодрых, деловых, – и не могу не возблагодарить Бога, милующего меня доселе⁹⁵⁴ (76 л.), и, при возникающих немощах, имеющего ещё силы для продолжения своей службы.

Не могу не удивляться, как Вы могли сохранить в памяти своей такое обилие случаев и происшествий, и с такими подробными обстоятельствами. Многие из Ваших воспоминаний имеют особенное значение, как материал для истории. Это есть автобиография и Ваша и друга вашего. Книга капитальная.

Неизвестно ещё, кого в академию⁹⁵⁵. Ищут сего места С. К. Смирнов – Инспектор и о. Алексей Лавров⁹⁵⁶».

С. К. Смирнов писал от 23-го числа:

«От всего сердца благодарю Вас за экземпляр «Воспоминаний» Ваших о преосв. Леониде. Книгу прочитал я в один присест и прочитал с великим удовольствием. Как только сделалось о ней известным наставникам, сейчас пристали ко мне, и теперь она ко мне ещё не возвратилась. Отзывы прочитавших её весьма сочувственны.

Вы даете мне вопрос⁹⁵⁷ об И. А. Смирнове. Он человек умный, скромный и вполне достойный. Я его в сии дни не

видал, но от близко знакомых с ним наставников академии узнал, что он не решится ехать в Харьков. Его приглашали прежде на ректуру в две семинарии, но он отказался. Есть у нас один доцент – магистр Петропавловский⁹⁵⁸, недавно принявший священство и желающий поступить на приход в Москву, человек, которого можно рекомендовать. Он окончил курс в 1870 г. и читает в академии Основное Богословие. Я с ним при свидании поговорю и о последующем Вам сообщу.

Бывшего о. Ректора Михаила наше общество проводило⁹⁵⁹ без сожаления. Симпатичности в нем никто не видел, а видели только, что он вполне заслуживает названия, встречающегося в евангелии от Лк.13:32⁹⁶⁰. На свое место он рекомендовал в Петербурге своего товарища и друга А. Ф. Лаврова⁹⁶¹, ныне иеромонаха Алексия, который, по всей вероятности, и будет назначен⁹⁶² ректором Академии.

Петру Симоновичу⁹⁶³ Господь даровал кончину мирную. Он хворал пять дней от возвратной горячки; почувствовавши особенный прилив мокроты, потребовал к себе духовника, в полном сознании исповедался, и стоя на ногах причастился Св. Таин, потом закашлялся и скончался».

27-го ч. получено было мною письмо от протоиерея Зернова, который от 25-го числа писал мне:

«С душевною признательностью принял я присланный мне Вашим Преосвященством экземпляр Воспоминаний о Высокопреосвященнейшем Леониде. Радуюсь, что мне Бог привел несколько послужить Вашему Преосвященству при издании этого замечательного во многих отношениях труда. С утешением слышу, что книга возбуждает интерес и покупается.

Наш маститый Архипастырь⁹⁶⁴ особенно доволен, что Алексей Осипович⁹⁶⁵ решился принять монашество. По великим талантам и по глубокой преданности его Владыке, конечно, так и должно быть. Без сомнения Владыка найдет в преосв. Амвросии крепкую и всегда благонадежную опору. Дай Бог, чтобы он этим был для всей церкви отечественной! Все первые его действия и распоряжения производят в Москве приятное впечатление».

28-го ч. получил я из СПб. два письма: одно официальное от Обер-Прокурора Св. Синода, а другое частное от Киевского Митрополита Филофея.

Г. Обер-Прокурор, Граф Д. А. Толстой, от 23-го числа за № 900, уведомил меня:

«Долгом поставляю принести Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за присланный мне экземпляр изданной Вами книги, под заглавием: «Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском», и при этом присовокупить, что относительно представления экземпляров сего сочинения, предназначенных Вами Их Императорским Величествам и другим Высочайшим Особам, мною сделаны надлежащие распоряжения.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть»...

Вот содержание краткого послания (от 24 ч.) досточтимого архипастыря Киевского⁹⁶⁶:

«С особенным утешением получив от Вашего Преосвященства экземпляр составленной и изданной Вами книги, содержащей воспоминания о Владыке Ярославском Леониде, приношу Вам искреннюю благодарность мою за Ваш драгоценный для меня дар.

Поручая себя святым молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть»...

В № 4 (от 15 февр.) Харьковских Епарх. Ведомостей перепечатан из № 30-го Харьковских Губернских Ведомостей небольшой отрывок из статьи г. *Лихницкого*, в которой сделан отзыв об изданной мною книге. Вот несколько строк из этого отрывка:

«Преосвященный Савва изданием писем преосвященного Леонида явил пример дружбы – пример, достойный и себя, и своего сана, и достойный подражания для каждого из нас. В настоящий век, век по преимуществу эгоизма и меркантильности, дружественные отношения основаны, по большей части, на расчетах, взаимных выгодах; друг остается другом, пока только он в силе, славе, пока богат; пока, так или иначе, может быть нам полезен, выгоден, необходим. Не только

со смерти друга умирают в нас и чувства привязанности к нему; нет, – смерть постигает дружбу и раньше; постигает, как только изменяются взаимные отношения друзей. Дружественные отношения, основанные исключительно на взаимном духовном единении, на влечении одной души к другой, и продолжающиеся не год, не два и не один десяток лет, и сохраняющиеся во всей полноте даже и по смерти друга, согласитесь, явление редкое, пример достойный подражания. А дружба преосвященного Саввы с покойным преосвященным Леонидом такова именно п еСТЬ.

Письма преосвященного Леонида до того хороши, до того назидательны, и на столько увлекательны, что некоторые из них с наслаждением перечитывал я несколько раз, и при чтении испытывал то же биение сердца, какое ощущал помню, когда впервые читал нашего бессмертного Пушкина: «ещё одно последнее сказание, и летопись окончена моя»... Вот, например, несколько строк из одного письма его к преосвященному Савве. «Начинаю беседу с вами в священную и страшную ночь великого пятка. Не знаю причины, почему не могу уснуть. Между прочим, может быть, и действие полной луны, которая тихо и светло катится по безоблачному небу, может быть и приток электричества в воздухе, ибо после всенощной около 9 часов я видел сильный блеск молнии. Сверкнуло и теперь, в половине третьего; термометр на 10 градус. тепла. Но и не очень жалею о сне в ночь бессонную для Ока духовного мира, как наименовал Господа Иисуса Христа почивший наш Владыка (преосв. Филарет). То с одной, то с другой колокольни летят торжественные звуки. Православные пастыри и верный народ в храмах духом следуют за своим Спасителем»... Сколько здесь, не правда ли, поэтического, человеческого, христиански назидательного!.. Представьте себе, читатель, весеннюю лунную ночь великого пятка, тихую, уединенную келию подвижника, теплящуюся у образа лампаду, стук часового маятника и сверкающую вдали молнию. Святой подвижник, под влиянием сильных впечатлений церковных служб великого пятка, и весеннею свежестью пахнувшего воздуха, не спит всю эту ночь. Что ж делает он, чем занята душа его? Он весь

погружен в созерцание крестных страданий Господа Иисуса, и святыми своими чувствами спешит в письме поделиться с лучшим своим другом, который, уверен он, поймет вполне и оценит эти чувства.

Личность преосвященного Леонида, благодаря изданию преосвященным Саввою писем его, восстанавливается пред глазами читателя так ясно, так отчетливо, рельефно. А что это за личность?! И восторженный поэт, и гуманнейший человек, и высокий подвижник и достойнейший из архипастырей; весь – искренность, весь – неподдельная доброта, весь – любовь. Вполне понятно, почему автор мемуаров так предан, так сердечно привязан к покойному святителю.

Своих архиереев мы привыкли видеть только в официальной обстановке, по большей части в отправлении своих служебных обязанностей. Домашняя же, келейная их жизнь нам почти или вовсе неизвестна. Мемуары преосвященного Саввы и с этой стороны оказали немалую услугу. Читая взаимную переписку двух епископов, мы видим их такими, каковы они на самом деле, видим их дома, у себя. Желательно, чтобы пример преосвящ. Саввы нашел себе подражание в этом отношении. Это много содействовало бы рассеянию несправедливых, обидных для епископов рассказов и нелепых вымыслов.

В заключение не могу не сказать, что автор мемуаров более чем достиг своей цели. Чтение изданной книги не только доставило мне духовное утешение и назидание, но и познакомило меня с преосвященным Саввою».

1-го Марта получено было письмо из Москвы; писал мне преосвященный Игнатий⁹⁶⁷, предназначенный к перемещению на Костромскую кафедру:

«11-го Февраля Высочайше утверждено назначение Епископа Дмитровского на Костромскую кафедру, и протокол в Синоде уже подписан; но указом медлят, чтобы пробить мне в Москве некоторое время. – Полагают, что преосв. Амвросий будет в Дмитров перемещен, с оставлением в Богоявленском монастыре, согласно его желанию; а новый Можайский будет

жить на Сав. подворье. В Синоде ещё не рассуждали, кто будет Можайским.

Владыка⁹⁶⁸ по получении Указа зовет меня в Петербург – побеседовать и проститься с ним, не надеясь меня застать здесь в начале Апреля. Из Костромы, надеюсь, Владыка святой, временем беседовать с Вами писанием».

27 Февраля в 1 ч. 40 м. пополудни получена была мною из Курска от преосвященного архиепископа Иоанникия⁹⁶⁹, перемещенного с Нижегородской кафедры на Карталинскую, с званием экзарха Грузии, телеграмма следующего содержания:

«Выезжаю в три часа (из Курска); покорнейше прошу дать приют страннику на короткое время».

Получивши такую неожиданную телеграмму и в такое неудобное время (это было в среду на 1-й неделе вел. поста), я тем не менее сделал должное распоряжение к встрече такого важного гостя: велел выслать на станцию экипаж, и приготовить ужин. Поезд на Харьковскую станцию железной дороги, по расписанию, должен был прибыть около 12-ти часов ночи, и я в подобающей форме готовился встретить в полночи, яко евангельского жениха, ожидаемого гостя, но полночь прошла, бьет час пополуночи, а гостя ещё нет; бьет два – и я с напряженным вниманием прислушиваюсь к каждому движению на дворе, но тщетно; я чувствую уже крайнее утомление от такого, непривычного для меня, бдения; в таком же тревожном и, конечно, неприятном состоянии находились и мои домочадцы. Наконец, в три часа, когда у меня в доме всё дремало, является гость. Оказалось, что поезд так долго замедлил в пути по причине снежных заносов.

С дороги я предложил своему почтенному гостю чай и не то ужин, не то завтрак (так как это было уже в 4-м часу пополуночи). Преосвященный не отказался ни от того, ни от другого. По необходимости и я должен был участвовать с ним в трапезе в такую необычную пору. Затем мы оба отошли ко сну.

На другой день, 2-го числа, утро проведено было нами в домашней беседе; после обеда, в 2 ч. пополудни, поехали вместе в Кафедральный собор и в Семинарию. В Семинарии преосвященный встретил своего товарища по Киевской

академии, преподавателя Трофима Мишту, но едва мог узнать его: так изменился и утучнел последний.

3-го ч., в пятницу, я предложил своему гостю отслужить в крестовой церкви преждеосвященную литургию, и он охотно принял мое предложение. За этот священный труд я поднес Его Высокопреосвященству священный дар – копию с чудотворной Озерянской иконы Божией Матери.

Вечером и на другой день, 4-го числа, утро провели в домашней беседе. После обеда, к которому был приглашен викарий преосвящ. Вениамин, между нами зашла речь о разных ученых предметах, между прочим, о том, возможно ли вне православной церкви спасение человека? Ученый экзарх утверждал, даже с настойчивостью, что спасение для человека возможно не только вне православия, но и вне христианства: это немало удивило меня и моего викария.

В домашних откровенных беседах со мною, преосвященный Иоанникий сообщил мне следующие факты:

1) В 1864 г., на место умершего (17-го Окт. 1863 г.) епископа Саратовского Евфимия⁹⁷⁰, Синодальный Обер-Прокурор А. П. Ахматов предложил назначить Ректора Казанской академии Иоанна⁹⁷¹ (Соколова), но этому воспротивился Первенствующий Член Синода, Новгородский Митрополит Исидор, сказавши: «никогда моя рука не будет лежать на голове Иоанна». Тогда определен был 13-го января на Саратовскую кафедру Епископ Выборгский и вместе Ректор С.-Петербургской академии Иоанникий (Руднев), т. е. мой гость, а на его место переведен Ректор Казанской академии, архимандрит Иоанн. Когда же через год, именно в январе 1865 г., сам Митрополит Исидор завел речь в Синоде о возведении ученого архимандрита Иоанна в сан Выборгского епископа, протопресвитер В. Б. Бажанов с укоризною напомнил Митрополиту о его угрозе не возлагать руки на главу Иоанна; тем не менее Иоанн рукоположен был в сан Епископа.

2) В 1877 г. по смерти Архиепископа Тверского Алексия ему (Иоанникию) предложено было перейти с Нижегородской кафедры на Тверскую; но он уклонился от этого перемещения. В том же году он был в числе кандидатов, вместе с преосвящ.

Курским Сергием и Подольским Феогностом, на вызов в Петербург для присутствования в Синоде, но из них эта честь предоставлена была младшему, именно преосвященному Феогносту.

3) Назначение на Карталинскую кафедру, с званием экзарха Грузии, принято им (Иоанникием) не с особенным удовольствием, тем более, что ему известно о больших нестроениях там, как по епархии, так в особенности по духовно-учебным заведениям.

Вследствие этих-то нестроений и удалился из Тифлиса архиепископ Евсевий⁹⁷².

4) Обер-Прокурор Граф Толстой и протоиерей Васильев – покровители редактора Церковно-Общ. Вестника П...о.

5) Казанский Архиепископ Антоний⁹⁷³ отличается задорным характером, – за что и не пользуется благорасположением Синода; Владимирский архиепископ Антоний не в мирных отношениях с своим викарием, Епископом Иаковом; – Епископ Самарский Герасим круто обращается со своим духовенством; Епископ Кавказский Герман страдает от падучей болезни; Костромской викарий Геннадий недугует, по временам, от нетрезвости.

Преосвященный Иоанникий, 52 лет от роду, роста выше среднего, с темно-русыми волосами, благообразен; говорит шепелевато, – не любостяжате́лен, но любоприте́лен и излишне самоуверен.

4-го числа, в субботу, в 12 час. ночи, я простился с ним. Он отправился на Кавказ чрез Крым. Но накануне выезда его из Харькова, именно 3-го числа, получил я из Крыма, от преосвященного Таврического Гурия⁹⁷⁴ письмо, в котором он от 27-го февраля пишет мне:

«Высокопреосвященный Экзарх Грузии Иоанникий телеграммою из Саратова спрашивал меня, ходят ли из Севастополя пароходы в Поти? Заключая из сего вопроса, что Его Высокопреосвященство путь свой в Тифлис предполагает направить чрез наши страны, и желая с своей стороны оказать должное ему уважение и посильную помощь в чем окажется надобность, покорно прошу Ваше Преосвященство уведомить

меня телеграммою о времени когда Высокопреосвященный Экзарх выедет из Харькова к нам. Прошу этого одолжения в уверенности, что именитый гость остановится у Вас отдохнуть и следовательно даст Вам полную возможность знать день и час его отъезда в Лозовую.

Примите уверение в совершенном моем к Вам уважении».

Когда я показал письмо это своему гостю, он сказал, что сам будет телеграфировать преосвященному Гурию с дороги.

3-го же числа получено было мною письмо из Москвы от сестры покойного архиепископа Леонида, Ек. Вас. Ушаковой.

Она писала мне от 28-го февраля:

«С живейшею признательностью получила я назначенный мне экземпляр драгоценных «Воспоминаний» Ваших, и не могла ничего делать, даже и выразить Вам мою глубокую благодарность, пока не проглотила всей книги, не выпуская её из рук, читая и перечитывая некоторые места по несколько раз.

Во время чтения я не жила настоящим, а совершенно перенеслась в те блаженные времена, которые стали теперь, по воле Божией, одними воспоминаниями, но которые могли бы повториться, если бы Всеблагому Промыслу то было угодно.

Вы знаете, с какими надеждами отпускали дорогого Владыку нашего из Москвы, и мы, и все жители столицы; вы знаете также, что эти надежды были не без основания, и даже Ярославцы говорили: боимся слишком полюбить и привязаться, видим что человек не по нас, и что ему идти выше и выше, а не погрязать в нашем городе. Я никогда не любила предаваться мечтам о будущем, но в этом случае, сознаюсь Вам, верила в близкое переселение дорогого сокровища нашего в Москву. С точки зрения человеческой можно думать, что жизнь его сократилась от разлуки со всем милым, родным, привычным и дорогим и от необычайных трудов в распущенной епархии; с точки же зрения духовной, думается, что Господь, видя приближающуюся кончину дней его, указал ему это новое поприще архипастырской деятельности, чтоб никто потом не мог усомниться в его способности к самостоятельному правлению. Может быть, не смотря на его краткое пребывание в Ярославле, им посеяны семена, которые не пропадут, но дадут плод.

Сестры мои переехали в дом, за который должны платить каждый год, и мало-помалу сделать его своим, если Бог благословит продать панагию, поднесенную купечеством в юбилей, и дачу в Разумовском за хорошую цену. Да поможет им Господь совершить благополучно это предприятие; тогда бы они жили безбедно».

5-го ч. получено было мною из Москвы пространное (на трех почтовых листах) письмо, никем не подписанное. Предметом этого послания служит изданная мною книга «Воспоминаний» о преосвященном Леониде. – Вот что писал мне почтенный аноним от 2-го марта:

«Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

«Позвольте человеку, совершенно неизвестному Вам, а потому и не называющему себя, удовлетворить нравственной потребности – почтительнейше выразить Вам чувства глубокой признательности за «утешение», доставленное ему Вашими «Воспоминаниями» о покойном Преосвященном Леониде.

В подтверждение буквальной искренности этих слов дозволю рассказать Вам, что пишуций эти строки, узнав о Вашей книге совершенно случайно (объявления о ней мне не пришлось видеть ни в одной из газет) и приобретя оную утром в пятницу Сырной недели, затем в течении всего остального дня, свободного, по счастью, от служебных обязанностей, (до утомления и боли в глазах) не мог оторваться от этих страниц, от которых, начиная, с несравнимо-прекрасного эпиграфа⁹⁷⁵ и первой до последней строки, как в каждой строчке Вашего дорогого «друга», так и в том сердечном тоне, которым Вы сами говорите об этом «друге», веет такой неподдельной теплотой, такой, особенно в наш грубый век, отрадной искренностью братского чувства...

Насколько я могу позволить себе судить, книга эта, помимо присущего ей биографического и общественно-исторического значения, независимо от интереса так сказать субъективного или более интимного свойства (для друзей и почитателей покойного) представляет даже для читателей вовсе незнакомых с покойным высокий интерес объективный, интерес

психологический и эстетический. – Быть может и Вы сами, Преосвященнейший, печатая эту (книгу) переписку и внося в нее, по-видимому, только для объяснения и хронологической связи, Ваши собственные заметки (по-видимому так безыскусственные, но между тем так красноречивые для ума и сердца разумеющего читателя), быть может, Вы сами не сознавали, что дарите русской читающей публике (разумею публику несколько просвещенную и христианскую) нечто столь безыскусственно-прекрасное и в смысле просто литературном. Едва ли, думается мне, подозревали Вы, до какой степени, в этом памятнике умершему «другу», рельефно, хотя, без сомнения, помимо Вашего желания и намерения, обрисовывается и Ваш собственный прекрасный нравственный образ. Мне кажется, одним словом, что Ваша книга представляла бы чтение весьма интересное и увлекательное и в том случае, когда бы на первом листе её, вместо её настоящего заглавия, было написано просто: «два друга», когда бы, то есть, вместо живой и фактической действительности, всё заключающееся в ней было – один художественный вымысел. Повторяю, и тогда она была бы очень интересна и занимательна, но когда вспоминаешь, что в ней нет вымысла, что, от начала до конца, она дает одну чистую правду, внутреннюю и внешнюю, тогда в душе читателя является другое, более высокое чувство, чувство благодарности Богу, что в наши «сумрачные» дни были возможны и такая идеальная чистота отношений и двое таких друзей.

На мой взгляд, и в области художественного вымысла, немного встретится мотивов трогательнее самого факта появления этой книги в её настоящем виде, отраднее этой «дружбы», которая так нежно и с такою любовью (эта «любовность», если можно так выразиться, или «pietas» видится мне, между прочим, и во внешнем изяществе издания) полагает этот свежий венок на могилу друга, «сиротствующего» там на берегах Волги, вдали от близких и знакомых. Наряду с этим проявлением самых симпатичных сторон человеческой нравственной природы, я решился бы разве поставить только дело другого столько-же верного и за пределами могилы

«друга», Отца Пимена⁹⁷⁶, который, «дерзнув просити телесе» усопшего, с трепетной надеждой, у смертных останков его ожидает разрешения, которого однако «наверху» почему-то не рассудили дать.

Вы подумаете, может быть, что пишущий это принадлежал к кругу людей, близко знавших покойного? Нет, я очень мало и только по редким официальным отношениям (раз два-три в год) встречался с Преосвященным Леонидом, частью от застенчивости, частью по скромному общественному положению, не решаясь воспользоваться представлявшимися не раз, при доступности и любезности покойного, случаями к сближению. Но, во-первых, я имею серьезный повод благодарности к его памяти за те глубокие и воспитательные впечатления, которые некогда, ещё будучи студентом университета, я имел случай и счастье почерпать в частных служениях покойного, как в Заиконоспасском, так и в храме при «доме Остермана». И тогда чувствовал я и теперь, ещё благодарнее, сознаю, что это были впечатления благие и благотворные, и что им я много обязан тем, что уцелели или, по крайней мере, несовершенно утратились и заглохли в душе моей среди увлечений и заблуждений юности, добрые семена идеального и религиозного направления, которые я вынес из родной семьи. С тех пор прошло более двадцати лет, но и теперь не забыл я и, надеюсь, никогда не забуду тех хороших, счастливых часов, которыми в пятидесятых годах я бывал обязан покойному Отцу Леониду, особенно на первой и последней неделях Великого поста. Как же не любить мне его память! Во-вторых, признаюсь, меня, равнодушного к жизни Церкви, личность покойного всегда очень живо интересовала и всегда казалась мне очень оригинальной и замечательной.

Как некогда в юности, так и впоследствии, во время редких, как я уже сказал, большей частью официальных встреч и бесед с покойным, я всегда, инстинктом, чувствовал в нем пылкую, впечатлительную, недовольно, быть может, уравновешенную, но изящную и симпатичную натуру, симпатичную уже по своей неспособности к «равнодушию» (и столь удобному в жизни и столь обыкновенному в наше холодное время), натуру, нередко

увлекающуюся, иногда погрешающую, иногда слишком резкую, но всегда верную своему «идеалу», всегда одинаково наполненную искреннего убеждения, желания добра и чистоты намерений. Читая Вашу книгу, мне было приятно убедиться, что я не погрешал в моей инстинктивной оценке покойного, и что он был таким именно, каким я представлял его себе, а именно – одним из тех, которые, «много возлюбив», имеют и преимущественное обетование «отпущения» немощей, этих неизбежных спутниц бедной человеческой природы.

Жаль вспомнить, что и от некоторых из более просвещенных представителей Московского духовенства приходилось иногда слышать на покойного обвинения, без сомнения, более или менее искренние, между прочим и в таких качествах, как «лицемерие, аффектация, и даже – иезуитизм»... Ваша книга, снимая с покойного, сколько я могу понимать, до очевидности, не оставляющей места сомнению, этот столько же тяжкий, сколько и несправедливый укор, оказывает памяти друга великую истинно-дружескую услугу, и, хотелось бы верить, должна примирить с ним хотя некоторых из его слишком строгих и заблуждающихся судей, из числа тех, по крайней мере, которые заблуждались невольно и искренно...

В письме, помещенном у Вас на стр. 235, приветствуя Вашу мысль написать свои мемуары (Ваше положение, светлый ум, понимание людей и талант изложения заставляют очень желать, чтобы Вы не остались при одном намерении), покойный высказывает, между прочим, свое предпочтение «романтическому пошибу» стиля перед классическим. Слова эти, сказанные мимоходом, думается мне, характеризуют написавшего их. Мне кажется, что и сам он был – «романтик» или «идеалист», или, если угодно, «человек преимущественно сердца» в хорошем и чистом значении каждого из этих терминов. Это делало его так привлекательным для людей непредубежденных, это сказывалось во всей его личности, и в собственном его слоге, даже в мелочах его житейской обстановки, в его способности к привязанности, которая переживала так долго самый предмет привязанности (напр. покойного Слепцова⁹⁷⁷, Митрополита Филарета и т. д.), в его

сочувствиях, и всего, мне кажется, ярче в его сочувствии к природе и к монашеству...

Случалось слышать, что люди с более «классическим» или более «современным направлением» осуждали Преосвященного Леонида за «мечтательность», «непрактичность» – качества, вредившие, между прочим, будто бы и его административной деятельности. Не мне судить, насколько справедливо последнее обвинение, но, думаю, и эти строгие судьи будут согласны, что в слуге Церкви, в христианине, в монахе особенно, такая «мечтательность», какую проникнуто письмо от великого пятка на стр. 226-й, описание посещения могилы отца или сетования о «Платоновской» Вифании, во всяком случае несравненно более у места, нежели те «практичность и трезвость», которые в наш век проявляются все резче и там, между прочим, где бы всего менее желалось их видеть. Так думается невольно, глядя, не без грусти, на то, как, например, настоятели Московских монастырей, наперерыв друг перед другом, увлекаясь примером покойного Преосвященного Никодима⁹⁷⁸ и практическим успехом дела, ломают монастырские ограды на лабазы и дома, обвешивают их вывесками, и точно ревнуют о том, чтобы, по крайней мере, внешним видом своих обителей как можно резче засвидетельствовать свое глубокое презрение ко всякому «романтизму»⁹⁷⁹...

Простите, Преосвященнейший Владыко, за это отрицание из непризванных уст мирянина, впрочем, чуждое всякой задней мысли и дурного намерения, сказавшееся просто под влиянием Вашей же книгой навеянных воспоминаний о прошедшем...

Если это грешная дерзость (я впрочем осуждал не «брата», т. е. не лица, а систему, общий строй), то позвольте надеяться заслужить прощение, сообщив Вам (в дополнение собранных Вами о покойном друге Вашем) те исключительно «благие» слова, которые мне самому, прошедшим летом, во время краткого пребывания проездом в Ярославле довелось слышать о нем от лиц самых различных общественных положений, начиная от представителя высшей местной учености и кончая стариком-извозчиком (который вез меня в собор – поклониться

праху покойного). Этот последний отзыв, в своей наивности, представляется мне особенно характерным: «не судил ему Бог пожить, а уж такой был человек, такой человек! вот я мужик, а, веришь-ли, стоишь, бывало, у обедни, а он голосом-то заведет..., так вся душа-то, кажется, перевернется»... О другой, достойной всякого уважения, и вовсе не так уже обыкновенной между нашими иерархами⁹⁸⁰, черте покойного свидетельствует слышанное мною при посещении хотя и не очень древних, но, по крайней мере, отчасти прекрасно сохранившихся церквей Ярославля. Эта черта – уважение и любовь покойного к красоте священной старины, и если не ученое, то, по крайней мере, эстетическое её понимание. Так как Ярославль Вам знаком, то не изволите ли знать там и Предтеченскую, что за Которослью, в бывшей «Толчковской слободе», церковь? Любуясь в продолжении целого утра, как внутри, так и снаружи, этим прелестнейшим памятником русского церковного зодчества 1680-х годов, я слышал от причетника, что Преосвященный Леонид, служивший в этом храме 29-го Августа 1876 г., ещё и прежде приезжавший полюбоваться им, говорил между прочим: «построил бы себе тут же на монастыре домик, да и не отошел бы от этого храма»... Не правда ли, как это на него похоже? Подобное слышал я и в другой, также старинной и весьма замечательной, церкви Богоявления, что против Спасского (архиерейского) монастыря, от местного священника. В алтарном своде этой, очень бедной, церкви, среди сплошной и своеобразной живописи (также XVII стол.), образовалась трещина; покойный Владыка живо озабочивался спасением живописи, и для этой цели не один раз приходил в неё, между прочим, и с Отцем Пименом (или присылал его; извините, хорошенько не помню), прося его советов, как помочь горю.

Заканчивая мое писание, сколько утомительное, столько же и бедное содержанием, чувствую, Преосвященнейший Владыко, как много нуждаюсь в Вашем благосклонном и снисходительном прощении, и за то, между прочим, что осмеливаюсь отправить это послание без подписи, хотя, впрочем, его вполне невинное содержание, полагаю, достаточно свидетельствует, что в этой «безымённости» не скрывается ничего, кроме страха, чтобы,

назвав себя и тем как бы навязываясь на ответ, или знакомство, не явиться в глазах Вашего Преосвященства ещё более навязчивым и нескромным.

Если же, в чем я не сомневаюсь, Ваша книга есть верное отражение Вашего доброго сердца. Вы, смею надеяться, не лишите великодушного извинения и заочного святительского благословения Вашего – написавшего эти строки, благодарного Вам за доставленное ему утешение, если он осмелится попросить Вас об этом – именем и памятью Вашего почившего, дорогого друга и брата»⁹⁸¹!

6-го ч. писал я Инспектору Моск. Д. Академии С. К. Смирнову:

«По Вашей телеграмме, на другой же день было сделано мною распоряжение относительно приглашения о. Петропавловского к баллотированию его на должность Ректора здешней Семинарии. Но и о. Смирнов, кажется, не прочь от этой чести; по крайней мере, он наведывался об условиях и выгодах ректорской должности в Харькове. Приглашен к баллотировке и г. Елеонский⁹⁸² – Ваш молодой доцент. Не знаю, какой он дал отзыв Семинарскому Правлению, но на всякий случай прошу Вас сообщить мне ваш правдивый взгляд на этого кандидата.

На днях был у меня и прогостил три дня новый Экзарх Грузии⁹⁸³. Немало побеседовали мы с ним о разных важных и неважных материях. Через несколько дней ожидаю к себе его почтенного предшественника⁹⁸⁴.

Очень приятно слышать, что мои «Воспоминания» о преосв. Леониде понравились Вам и вашей ученой братии. Слышу я о них сочувственные отзывы и от многих других. Вот что, между прочим, пишет мне из СПб. о. Прот. П. Е. Покровский⁹⁸⁵: «начавши читать (книгу), я не мог оторваться от чтения до ослабления глаз, за что и жалуюсь Вам на вашу книгу».

Книга моя расходуется быстро и раздается не безуспешно: до 150 экз. уже роздано; между прочим, 7-мь экземпляров послано через Обер-Прокурора ко Двору, для Высочайших Особ».

8-го ч. имел я утешение получить краткое благодарственное послание из СПб. от Московского Святителя,

высокопреосвященного Митрополита Иннокентия. Вот что писал мне от 4-го числа слепой старец – Святитель:

«Преосвященнейший Владыко,

Возлюбленный о Господе Брат и Сослужитель!

Приношу Вам искреннюю благодарность мою за присланную мне Вами книгу «Воспоминания», которую я прочитал, и, правильнее сказать, дослушал только вчера. Видно, что эта книга составит 1-й том Вашего мемуара. Завидую Вам, что Вы и желаете и можете писать подобные вещи. А я желал бы подражать Вам, но не могу ни читать, ни писать...

Поручая себя молитвам Вашим, имею честь быть с братскою о Господе любовью и искреннею преданностию Вашего Преосвященства покорнейшим слугою»...

Начальные две строки и шесть последних написаны собственною нетвердою рукою досточтимого архипастыря, прочие рукою домашнего секретаря.

11 ч. В ночь на это число, в Харькове, к фонарным столбам прибита была прокламация, угрожающая смертью всякому, кто откроет Правительству пропагандистов революционных идей.

Обер-Прокурор Св. Синода, Граф Д. А. Толстой, от 8-го ч., за № 1085, уведомлял меня:

«Государыня Императрица⁹⁸⁶, с удовольствием удостоив принять экземпляр изданной Вашим Преосвященством книги «Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском», изволила повелеть благодарить Вас от Августейшего Её Величества имени, за усердное поднесение этой книги.

Исполняя сим повеление Её Величества и поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностию имею честь быть».

От 10-го числа писал мне И. Г. Слиборский:

«Приношу глубокую сердечную мою благодарность Вашему Преосвященству за Вашу книгу воспоминаний о пр-м Леониде. Всю первую седмицу я её читал и перечитывал. Чтение, признаюсь, возбуждало мой ум к религиозным размышлениям и располагало сердце к благоговению. Благодарю, Владыка, за

высокое духовное наслаждение, какое доставило мне чтение Вашей книги.

Ваше Преосвященство! не позволите ли мне приобрести для Вас заморскую диковинку? Есть в виду, по уверению её владельца, диковинка, но не заморская, а уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском Государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении Его Величества Государя Царя и великого Князя Алексея Михайловича всея России Самодержца в лето от сотворения мира 7156. Издание вторым тиснением при Императорской Академии наук 1737 года. Приобрести эту диковинку я не решаюсь во 1-х, потому что не знаю, таковая ли это редкость, как уверяет её владелец, во 2-х, может быть она уже есть у Вас и в 3-х г. владелец хочет за неё, по-моему, безумно дорого – 25 р. Кажется, если бы это была такая редкость, как выставляет собственник, в Петербурге, наверно, нашлись бы охотники купить её. Дело оставляю Архипастырскому Вашему усмотрению. Кажется, можно поторговаться; если намерены купить, то сколько можно дать?

У нас вопрос дня – рукоположение о. Александра⁹⁸⁷. На наречении произвел он свою речь⁹⁸⁸ замечательное впечатление, хотя говорил и недолго. По наречении он угостил Обер-Секретарей, товарищей по академии, чинов Лавры и меня, как сослуживца, недешевым обедом. Вам, Владыко, он земно кланяется и просит святительских Ваших молитв, в которых да не будет забыт и Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца нижайший и преданнейший слуга Иван Слиборский».

В ответ на это писал я от 18-го числа:

«Очень рад, что моя книга доставила Вам на несколько дней интересное и назидательное чтение. Подобные Вашему отзывы о моей книге слышу и от других, кому я её посылал или дарил, а раздарил я ни много ни мало – почти полтораста экземпляров.

Что скажу Вам в ответ на Ваше предложение относительно библиографической редкости? Уложение Царя Алексея Михайловича в особом издании, конечно, составляет, может

быть, редкость, но его текст помещен в Полном Собрании Законов Росс. Империи, и следовательно, в случае надобности, я всегда могу там его найти. Впрочем, я не откажусь, пожалуй, в основание моей юридической библиотеки положить этот законодательный кодекс.

Поторгуйтесь с книгопродавцем, сколько можете, и, затем заплативши ему, сколько следует, за книгу, потрудитесь прислать её мне. Вы знаете, что на книги я не жалею и не такой суммы, какою Вы угрожаете мне, т. е. 25 р. Не далее как на Сырной неделе, я выслал г. Вольфу 146 р. 25 к. за французское издание: *Iconographie du costume du IV au XIX siècle*⁹⁸⁹.

За о. Александра я душевно радуюсь. Вчера с особенным удовольствием прочитал я в Москов. Ведомостях известие о торжественной хиротонии его в сан епископский. Если это письмо застанет его ещё в Петербурге, потрудитесь, пожалуйста, повидать его и передать ему от меня искреннее приветствие с получением святительского сана.

Жаль, что путь в Туркестан лежит не чрез Харьков: для меня весьма утешительно было бы видеться с Преосвященным Александром».

14-го ч. писал я в Москву протоиерею С. И. Зернову:

«Я желал бы продолжить с Вами мои письменные сношения, если только с Вашей стороны не встретится препятствия, при Ваших многосложных трудах и занятиях. До сих пор у меня были в Москве постоянные корреспонденты, которые делились со мною Московскими новостями. Теперь, с выездом из первопрестольного града преосвящ. Игнатия, не остается более у меня корреспондента. Не изволите ли Вы принять на себя это звание? К Вам, именно, обращаюсь с таким вопросом, потому что я всегда питал к Вам самое искреннее, душевное благорасположение. Тоже примечал и с Вашей стороны в отношении ко мне. Итак, прошу Вас дать на мой вопрос прямой и искренний ответ».

В тот же день получено было мною из Москвы письмо от Действ. Ст. Сов. Андрея Владимировича Симанского.

Вот что писал мне от 14-го числа Андрей Владимирович:
«Достоинуважаемый Преосвященнейший Владыко!

Я и вся семья моя, читая воспоминания Ваши о бесценном, незаменимом и обожаемом нами приснопамятном высокопреосвященнейшем Леониде, обливались слезами, видя, как Вы его искренно любили, точно понимали и считали своим незабвенным другом. Всё изложение Ваше так и дышит своею правдивостью, непритворною и нежною ласкою в обычной неофициальной переписке. Нам так было отрадно тотчас приобрести эту книгу у Ферапонтова⁹⁹⁰, лишь только о выходе её узнали, ибо, по совести скажу, не проходит дня, когда бы мы возлюбленного нашего усопшего в чем-либо не вспомнили, независимо от молитвы, которую приносим о нем Господу утром и вечером. Любовь наша и преданность великому иерарху была беспредельна, ибо Высокопреосвященнейший в свою очередь доказал нам свое расположение и внимание не один раз. Под его святительскими благословениями и добрыми советами не только словесными, но, при отсутствии нашем из Москвы, и письменными выросли наши дети – сын и дочь. Ему, и именно, ему обязаны мы во многом, что видим в них детей, глубоко преданных церкви, нежно нас любящих и во всем, положа руку на сердце, могу сказать, благочестивых. 1-го декабря, накануне своего возвращения в Ярославль, Владыка обедал у нас в доме. Могли ли мы думать, что прощаемся с несравненным и чудным нашим гостем на веки и увидим его через две недели во гробе, ибо все мы со своим семейством явились, разумеется тотчас, поклониться останкам вечной славы достойной памяти Архипастырю и в том самом храме, куда за 5 месяцев тому назад он в первый раз вступал с крестным ходом 11 Июля. Этому величественному входу я был очевидцем, ибо неожиданно, за час до прибытия в город горячо любимого Владыки, я приехал в Ярославль, и он так был удивлен и порадован – видеть своего Москвича, что сказал мне от души: я никогда не забуду этого вашего внимания. Целый день до позднего вечера провел у него в избытке оказанного мне расположения и любви.

Извините, многоуважаемый Владыка, что я так распространился своим письмом, но право, говоря о сильно

любимом существе, я не могу остановить себя, тем более, что знаю, что беседа моя с другом его теплого сердца».

На другой же день, 17-го числа, я отвечал на это, неожиданное для меня, письмо, и вот что было написано мною:

«Для меня весьма отрадно видеть в Вас и во всем вашем семействе такое искреннее расположение, такую живую преданность к почившему в Бозе Архипастырю. Не удивительно посему, что мои «Воспоминания» о нем возбудили в Вас не только удовольствие, но и слезы.

Если мне случится быть в Москве, я сочту за особенное удовольствие посетить Вас и познакомиться со всем Вашим семейством. Равно, если бы и вам довелось быть в Харькове, или проезжать через него, покорнейше прошу не миновать меня: я Вам душевно буду рад. При личном свидании, мы с утешением воспомянули бы нашего общего приснопамятного друга – святителя.

Призывая Вам и присным вашим Божие благословение, с искренним благорасположением и преданностию имею честь быть Ваш усердный Богомолец».

20-го ч. получил я письмо из Москвы от нового Костромского Владыки, бывшего преосвященного Дмитровского Игнатия, который писал мне от 18-го числа:

«Поспешаю довести до Вашего сведения, что, наконец, решено в Св. Синоде, что епископом Можайским и Настоятелем Саввинского Звенигородского монастыря будет профессор М. Д. академии Архимандрит Алексей (Лавров).

Преосвящ. Амвросий переименован будет во Епископа Дмитровского с оставлением в прежнем Богоявленском монастыре.

После рукоположения преосвящ. Александра Туркестанского я возвратился из СПб. в Москву, и в половине следующей недели думаю в свою епархию ехать, чтобы на пути в день Благовещения служить литургию в Лавре. Из Костромы в апреле надеюсь, еще Бог изволит, к Вам писать. Благословите в путь покорнейшего слугу Вашего Преосвященства Игнатия, Епископа Костромского и Галичского».

На это братское послание не замедлил и я ответом; 22-го ч. я писал Его Преосвященству, епископу Костромскому и Галичскому:

«Братски приветствую Вас на Боговрученной Вам Костромской Кафедре. Да благословит пастыреначальник Господь Иисус Христос новую самостоятельную деятельность Вашу на поприще архипастырского служения ко благу вверенной Вам паствы!

Слышу, что Костромская паства ожидала Вашего прибытия к ней с добрыми чувствами и благими надеждами. Нет сомнения, что Вы вполне оправдаете эти надежды и осуществите благие чаяния Костромичей.

Известие Ваше о назначении на Можайскую кафедру о. Алексия (Лаврова) очень приятно удивило меня. Этот муж весьма достойный во всех отношениях. От него, как ученого канониста, можно ожидать действия на поприще епископского служения основательного и твердого.

Но первенствующий член Св. Синода⁹⁹¹ в феврале, между прочим, изволил писать мне, что тогда имел ввиду на Ваше место Архим. Кирилла⁹⁹², Инспектора Вифанской семинарии.

Кстати об о. Кирилле. Каков он на Ваш взгляд? Я помню его по академии: он при мне окончил курс⁹⁹³ и мною пострижен в монашество. Я знал его тогда, как юношу очень доброго и скромного, хотя и не очень далекого. Не знаю, каков он теперь. Нельзя ли, в случае нужды, иметь мне его в виду себе в помощники, когда, рано или поздно, Господь воззовет моего теперешнего сотрудника (преосв. Вениамина) на самостоятельную епископскую кафедру? Прошу написать мне об этом с братскою искренностью».

21-го ч. получено было мною письмо из Москвы от Ал. В. Краснопевкова:

«Вчера был я в Алексеевском монастыре, по случаю праздника Св. Алексия, человека Божия. Обедню служил преосв. Амвросий и посвящал в архимандрита Саввинского монастыря иеромонаха Алексия (бывшего Александра Лаврова) профессора Моск. Академии. До 16-го Марта не было никакого известия – кто будет вторым викарием.

16-го ч. вечером преосвящ. Амвросий получил от митрополита телеграмму, в которой говорится, чтобы как можно скорее посвятить в архимандрита Саввинского монастыря иером. Алексия. Тотчас была послана телеграмма в Троицкую академию. Отец Алексей 17 числа приехал от Троицы прямо в Алексеевский монастырь к служению, где и был посвящен. В час была послана телеграмма к Митрополиту об исполнении его распоряжения. Так что ранее окончания суток Митрополит должен получить известие об исполнении его распоряжения. Вечером мы опять были с преосвящ. Амвросием на открытии читальни для народа религиозного содержания книг при картинах, освещенных фонарем. Присутствовал генерал-губернатор и другие почетные лица. Преосвященный говорит о значении чтения духовных книг для человека вообще и для низкого класса народа в особенности».

Предводитель Харьковского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, князь Д. Н. Кропоткин письмом от 26-го марта, за № 1857, уведомлял меня:

«Главное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах, отношением от 18-го сего Марта за № 1348, уведомило меня, что о содействии Вашего Преосвященства, по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов, доведено до Высочайшего сведения Августейшей Покровительницы Общества и что Государыня Императрица Всемиловитвейше повелеть соизволила Именем Ея Величества благодарить Ваше Преосвященство за Ваше содействие.

О таковой Высочайшей благодарности имею честь уведомить Ваше Преосвященство».

30-го ч. получил я письмо из Москвы от своего *нового корреспондента*, почтенного о. протоиерея С. И. Зернова. Он писал мне от 28-го числа:

«Я получил письмо Вашего Преосвященства от 14-го сего Марта и рад принять на себя звание Вашего корреспондента, но, не имея точного сведения об условиях для того, чтобы быть хорошим корреспондентом Вашим, смущаюсь и колеблюсь особенно после такого предшественника в этом звании, как преосвященный Игнатий. Что касается до искренности моего

благорасположения к Вашему Преосвященству – в этом я, по крайней мере, не уступлю преосвященному Игнатию, если не превзойду его. Но если от корреспондента требуется, напр., аккуратность, то я в этой добродетели не весьма успеваю. А знаю, что Ваше Преосвященство весьма цените это качество и может быть считаете его главным в корреспонденте. Когда же подумаю о материале для корреспонденции, то смущение мое возрастает ещё более. Чем могу я делать свои письма занимательными? Новостей Московских часто мне и самому известно немного, или узнаю их поздно. Обращаюсь я, после приходской службы, исключительно в круге должностей законоучительской и Консistorской. По первым двум мало и редко что может представиться для сообщения. А по третьей моя служба имеет ту особенность, что я приезжаю в Консистирию уже из Института⁹⁹⁴, не ранее 12 1/2 час. и большей частью не застаю моих товарищей, от которых мог бы узнать что-нибудь новое. Таким образом, и желал бы и рад принять на себя звание, предлагаемое Вашим Преосвященством, но и опасаясь ради упомянутых винословий. Разве в виде опыта позволите мне, Владыко, и благословите принять его? Отставка может быть дана во всякое время. Только покорнейше и усерднейше прошу не лишать меня Вашего Святительского благорасположения даже и в том случае, если бы я оказался негодящимся корреспондентом.

Проводили мы преосвященнейшего Игнатия в Кострому с искренним сожалением. В Московском обществе отбытие его не произвело особенного движения. Но духовенство знает ему цену и любит его – и потому напутствовало его усердными изъявлениями своих чувствований. Перед отъездом он служил в Филаретовском женском училище, и был засыпан там речами. Нечего и говорить – Московское духовенство и его дети долго будут помнить кроткого и тишайшего Игнатия!

Наш Владыка прислал в Консистирию из Петербурга на общее обсуждение прошение Московских старообрядцев, поданное ими Министру Внутренних Дел на имя Государя – о снятии печатей с алтарей их храмов на Рогожском кладбище. Я не читал самой просьбы. Пишут будто бы в ней, что вот де Ваше

Величество предприняли войну для освобождения народа нам единоговерного и даровали ему счастье свободно служить Богу истинному, – даруй дескать и нам – твоим верным подданным это счастье и т. д. Сегодня назначено рассуждение о сем предмете. К сожалению, мне не удастся быть в Консistorии ради случившихся похорон, требующих моего личного служения. Надобно полагать, что Консistorия выскажется против снятия печатей.

Вторая экспедиция нашей Консistorии ждет нового себе секретаря. Василий Андр. Богородский помер 7 Марта внезапно. Кровь залила. Смерть застала его за работой. Ваше Преосвященство вероятно помните его. Неутомимый был труженик своей должности. За сие достоин памяти и молитвы. Перед отпеванием я говорил проповедь.

Пока у нас один Викарий – преосвященнейший Амвросий. Все им довольны. Другим Викарием слухи упорно назначают о. Алексия Лаврова, профессора Академии нашей. Ректором академии нашей будет, говорят, Сергей Константинович⁹⁹⁵.

Благословите, преосвященнейший Владыко, Вашего усердного Богомольца и вернейшего слугу протоиерея Стефана Зернова с его семейством».

31-го ч. получено было мною письмо из Симферополя от преосвященного Таврического Гурия. Он писал мне от 28-го числа:

«Вследствие полученного из Редакции Харьковских Епархиальных Ведомостей напоминания спешу исправить мою ошибку. Вместе с сим (в особом тючке) посылаю на имя Вашего Преосвященства: а) мою переписку с молоканом Захаровым (две брошюры) и б) о богоучрежденности Епископского сана в Христовой церкви. Как это могло случиться, что брошюры эти ещё не у Вас? А я воображал, что уже давно препроводил их к Вам! Прошу великодушно простить мою старческую память.

С совершенным почтением и душевною преданностию имею честь быть».

В ответ на это писал я от 3-го апреля:

«Я поручил о. Редактору своих Епархиальных Ведомостей выписать из редакции ваших Ведомостей потребные и

интересные для меня брошюры за сребро, а между тем получаю их от Вашего Преосвященства туне, да ещё с приложением извинения. Спешу принести за этот сколько приятный, столько же и полезный для меня дар, усерднейшую благодарность Вашему Преосвященству.

Позвольте, в свою очередь, и мне сделать Вам, преосвященнейший, книжное приношение.

Тогда как Вы свои учено-литературные труды посвящаете делам службы, мне вздумалось свои досуги посвятить дружбе.

Если Вы не имеете, может быть, сведений о моих близких дружественных отношениях к покойному преосвящ. Леониду, то из препровождаемой при сем книги, надеюсь, получите достаточное понятие о нашей взаимной дружбе, если только удосужитесь до конца прочитать мои «Воспоминания».

Я виноват пред Вашим Преосвященством, не исполнивши Вашего требования касательно уведомления о времени выезда из Харькова преосвященного экзарха⁹⁹⁶, но меня не допустил исполнить это мой досточтимый гость, принявши на себя уведомить о своем выезде Ваше Преосвященство.

Желал бы я знать, когда прибыл к Вам в Симферополь этот «Именитый» гость и виделся ли он на пути с преосвященным Екатеринославским⁹⁹⁷, которому он телеграфировал из Харькова, но выехал отсюда, не получивши от него ответной телеграммы, которая пришла, сюда на другой уже день после его выезда.

Ожидаете ли Вы к себе на перепутье предшественника⁹⁹⁸ Высокопреосвященного Иоанникия? Или он поедет с Кавказа не морским путем, а сушею?

Поручая себя Вашим святым молитвам, с братскою о Христе любовью и преданностью имею честь быть»...

2-го апреля получено было мною два письма с противоположных сторон, одно из Витебска, другое из Новочеркасска, то и другое доставлено мне не через почту, а частным путем.

Из Витебска писала мне ещё от 9-го Марта Баронесса М. А. Боде:

«Это письмо передаст Вам бывшая моя воспитанница – Ольга Котырло⁹⁹⁹, если припомните, та, которой Вы заметили и поощрили первые литературные опыты и поэтическое настроение. Её пылкая душа не могла ужиться с прозой сельской обстановки и стремилась к более обширной деятельности. При чтении о подвигах сестер милосердия, она воспламенилась усердием служить отечеству, страждущему человечеству – приехала в Витебск, слушала медицинские лекции и поступила сестрой милосердия в лазарет Красного Креста. Теперь требуют сестер милосердия в места более близкие к театру войны; она изъявила желание туда отправиться. Сестры остановятся в Харькове, откуда их распределят по местам назначения, и Ольга Котырло желала получить Ваше благословение на предстоящий путь труда и самоотвержения».

Письмо это вручено было мне девицею Котырло – дочерью священника, которая, отличаясь пылким и энергическим характером, решила поступить в число сестер милосердия и через Харьков отправлялась, не помню, куда именно – на Кавказ, или в Крым.

Из Новочеркасска от 28-го марта писал мне преосвященный Архиепископ Александр¹⁰⁰⁰:

«Прошу принять, хотя несвоевременно высказываемую, искреннюю мою благодарность за братское радушное гостеприимство, оказанное страннику при проезде из Минска на Дон. Взамен широкого прощания с Полоцкою паствою прилагаю краткое прощание с Минском.

Прося Ваших святительских молитв с искренним почитанием, братскою любовью и преданностию имею честь быть».

Письмо это и при нем брошюра: «Прощание с Минской паствой высокопреосвященного архиепископа Александра, в 1877 г.», – доставлены были известным игуменом Московского единоверческого монастыря Павлом (Прусским), который, бывши в Новочеркасске по миссионерским делам, на обратном пути оттуда посетил Харьков и провел у меня сутки.

4-го ч. получено было мною два письма – одно из Костромы и другое из СПб.

Из Костромы, в первый раз, писал мне от 29-го марта Преосвященный Игнатий, новый Епископ Костромской и Галичский:

«Вчера – во вторник Господь даровал мне по Волге, где лед ещё с утра 27-го марта тронулся, на спасительной ладии (общества спасения погибающих от кораблекрушения) шествовать в Кострому; проплыл благополучно, хотя вода высока была, и кругом льдины были; но потом спутники мои должны были довольно долго ждать, и не без затруднения попали в город.

Меня ждали после полудни, но я в 11-м часу прибыл в Кострому. Карету не успели подать. Я сел в открытую пролетку на белой лошади. На колокольнях зазвонили и во св. вратах Собора сделали встречу с крестом. Собор произвел на меня очень хорошее впечатление: обширен, светел, легкий воздух.

По принятии посетителей, от Вас получил благословение в письме, которое мне подали во время трапезы, и премного был утешен. Служил в воскресенье 26-го дня в Ярославском Соборе заупокойную литургию и на могиле Преосвященного Леонида был с братом его А. В. Краснопевковым.

Об о. Архим. Кирилле могу сообщить немало доброго. Трудюлюбив, смиренный, заслуживший доброе мнение в Вифанской семинарии. Если он не попал в Еп. Можайского, то потому что о. Алексия¹⁰⁰¹ не хотели некоторые видеть Ректором, а между тем неудобно же было бы оставить его при другом ректоре. Говорят, Сергей Конст.¹⁰⁰² – Префект займет ректорское место.

Прошу Ваших св. молитв».

В ответ на это писал я от 15-го апреля:

«Приношу Вашему Преосвященству усерднейшее поздравление с светоносным и всерадостным праздником Христова Воскресения. Да преисполнится ваше архипастырское сердце обильною духовною радостью, при совершении сего празднества среди новой Боговрученной Вам паствы!

Но где же Вы будете встречать светлый праздник? В Кафедральном ли своем храме, или в Ипатьевской обители?

Кстати прошу сообщить мне сведения об этой св. Обители: в каком она расстоянии от Кафедрального собора или от Консистории; сколько в ней братии; достаточные ли она имеет средства для поддержания своего исторического значения; какие в ней особенно достопримечательные предметы и проч.?»

Из СПб. от 31-го марта писал мне И. Г. Слиборский:

«Наконец, после долгих справок, убедившись, что предлагаемая мною книга есть библиографическая редкость и что дешевле выпрошенной у меня цены нельзя её купить, я решился дать продавцу 25 рублей, с тем, что пересылка по почте будет на его счет. Нужно иметь в виду, что приложенный к книге портрет Алексея Михайловича имеет особое значение. Один антикварий предлагал мне за него 10 р., разумеется, оставляя книгу в мое распоряжение. Он имеет портрет Алексея Михайловича, но нескладный; как он называет.

Г. Березин желал познакомиться с литературными произведениями Вашего Преосвященства для внесения Вашего имени в издаваемый им Словарь и крепко сожалел, что узнал о них уже по окончании буквы С; но хочет поместить под буквою Т.

В заключении письма своего Ваше Преосвященство предлагаете мне лестный, но трудный для решения вопрос. Скажу откровенно, что нигде не проводил я времени с большим удовольствием и душевным спокойствием, как под Вашим, Владыко, гостеприимным кровом. Постоянно с чувством глубокой к Вам признательности вспоминаю эти времена. Был бы рад и теперь воспользоваться милостивым Вашим расположением, но... Авось, даст Бог, обстоятельства изменятся к лучшему, и тогда сам буду просить позволения засвидетельствовать лично ту истинно сыновнюю преданность и глубочайшее почтение, с какими всегда останусь».

На письмо это я отвечал от 10-го апреля:

«Приношу Вам усердную благодарность за доставление мне библиографической редкости. Портрет Царя Алексея Михайловича действительно хорош. У меня есть его фотографии, но не совсем похожи на этот портрет».

15-го ч. получил я письмо из Симферополя от преосвященного Гурия. Он писал мне от 12-го числа:

«За «Воспоминания» глубоко благодарю Ваше Преосвященство. – Три дня с большим усердием читал я эти воспоминания и чем больше вчитывался, тем больше благодарил Вас. Много полезных мыслей – и Ваших и чужих, Вами припоминаемых – приобрел я от этого чтения. Думаю, что и всякий прочитавший воспоминания не пожалеет о времени и труде, и Вам не раз спасибо скажет.

В «Воспоминаниях» прочитал я в письме к Вам негодование преосв. Леонида на Фаррара. В сочиненной им жизни Иисуса Христа Фаррар выразился о некоторых предметах (напр., о приснодевстве, об евхаристии) по-протестантски. Покойный преосвящ. Леонид удивляется этому. Грешный человек – я улыбнулся при этом удивлении. Да разве протестант может иначе выражаться? Всякое дерево приносит плод по роду своему. Но вот что удивительно, что протестант, хорошо знакомый с классическими языками, говорит совершенно не то, что писано в евангелиях. Напр. (стр. 256) воины перебили (у распятых) «голену» а Фаррар говорит «колена». Евангелист же говорит *σκέλη*, а не *γόνυ σκέλη*, значит ту часть ноги, что ниже колена до ступни. Затем Фаррар утверждает, что воин ударил в бок распятого Господа «тупым концом копья», а евангелист Иоанн пишет, что *λόγχη ἐνυξε* т. е. острием, металлической заостренной частью копья, а не тупой, что было бы *δόρυ*. И в пояснение своей мысли приводит пророчество: воззрят нань его же *прободоша* – *ἐξεκέντησαν* –прокололи, а не пробили. Этому можно удивляться. Ещё более должно удивляться тому, что наше *Православное Обозрение* из этой Фарраровской книги напечатало у себя главу о чудесах Иисуса Христа¹⁰⁰³. Не раз прочитал я это измышление и всякий раз более и более удивлялся неразборчивости умного редактора¹⁰⁰⁴. Такую главу даже и протестанты не одобряют: это писал невер и насмешник! Негодование преосв. Леонида совершенно естественно и законно. Когда я прочитал далее, что преосвящ. Леонид бросил фарраровское измышление, то мысленно поклонился Владыке: вечная ему память!

Извините, преосвященнейший Владыко, за отступление. Мне хотелось показать, до какой степени я заинтересовался чтением присланной Вами книги. Прочту её ещё, может быть, и не раз в уверенности, что найду в ней много для себя полезного. Видно, что Вы жили с мыслью, со вниманием к себе и окружавшим Вас предметам. Тут есть чему поучиться.

Теперь о высокопреосвященном экзархе¹⁰⁰⁵. Он приехал ко мне в понедельник утром, прожил вторник, а в среду (на второй неделе поста) уехал в Севастополь. Остановился в Херсонесском монастыре; осматривал город, соборы, места бывших побоищ. В пятницу уехал на пароходе. Имею стороннее сведение, что он доехал благополучно.

Прошу Ваших молитв».

15-го же числа писал я в Москву протоиерею С. И. Зернову, в ответ на его письмо от 28-го марта:

«Вы напрасно смущаетесь и затрудняетесь принятием на себя звания моего *почетного* корреспондента. Оно не требует от Вас никаких стеснительных и неудобноисполнимых для Вас условий и обязательств, а об определенных сроках не может быть и речи.

Само собою разумеется, что о том, что печатается в газетах или журналах, писать не следует, так как я получаю из Москвы немало журналов и газет. Я желал бы, чтобы Вы время от времени сообщали мне то, что не подлежит, по крайней мере, печатной гласности.

Самые интересные для меня новости те, которые касаются церковных дел и Епархиального Управления. Вот если бы Вы благоволили почаще писать мне о рассматриваемых и решаемых в Москов. Консistorии вопросах, в роде вопроса о *снятии печатей с алтарей в храмах Рогожского кладбища*, я был бы этим вполне удовлетворен. Как же, в самом деле, решен у Вас этот последний вопрос? Когда я поступил на Полоцкую епархию, я немало перебрал из Москов. Консistorии решаемых дел по разным предметам, для образца тамошней Консistorии, состоявшей из малообразованных и малоопытных членов. Харьковская Консистория сравнительно с Полоцкой более благоустроена, но и ею не могу вполне похвалиться.

Поэтому для меня было бы очень полезно знать взгляды, и решения по важнейшим и исключительным вопросам Московской Консистории, почти столетия руководимой гениальным вождем – Филаретом.

Вечная память Василию Андреевичу Богородскому¹⁰⁰⁶: это был образцовый секретарь. Кто же займет его место?

Да здравствует на многия лета другой почтенный ветеран Ник. Павл. Розанов¹⁰⁰⁷. И о нем я сохраняю также самую добрую память. Передайте ему, пожалуйста, от меня усердный поклон и приветствие с праздником, а вместо красного яйца посылаю ему книгу о преосвящ. Леониде.

Приветствуя Вас и присных Вас с светлым и всерадостным торжеством Христова Воскресения, с братскою о Христе любовью и сердечною преданностью остаюсь».

16-го ч. Светлый день Христова Воскресения.

17-го числа получено было мною два письма.

От 13-го числа Архимандрит Высокопетровского монастыря Григорий писал мне:

«Примите с любовью мое усердное поздравление и, вместо пасхального яйца, препровождаемые при сем, согласно желанию Вашего Преосвященства, оттиски резолюций в Бозе почившего Митрополита Филарета.

Не стало Филарета, не стало и преосвященных Викариев, ближайших и последних сотрудников его, каковы: Леонид, погребенный в Ярославле, и Игнатий, ныне Епископ Костромский и Галичский.

Воспоминания Ваши о высокопреосвященном Леониде читал я с великим интересом. За эту книгу, говорят, объявлена¹⁰⁰⁸ Вам благодарность Государыни Императрицы. Имею честь поздравить Ваше Преосвященство.

О разлуке с преосв. Игнатием скорблю не я один. К нему мы привыкли, а к другому надобно привыкать. Избрание архимандрита Алексия в епископа Можайского меня впрочем порадовало, а его, конечно, удивило; он писал мне от 10 марта: «Никак ещё не могу заставить себя верить этому. Я верю чудесам; но было бы это чудо из чудес». Такое устройство свыше. Он всей России известный защитник православия.

Хиротония его назначена в Фомино воскресенье, в Петербурге, но Владыка-Митрополит¹⁰⁰⁹ не примет в ней участия, потому что уже возвратился в Москву в великую среду.

Из Костромы получил я (11 апр.) письмо преосвящ. Игнатия. Он благодушен и доволен.

Ректор¹⁰¹⁰ Академии посвящен во иерея. Не известно об инспекторе. Павел Ив. Горский¹⁰¹¹ желает баллотироваться, но он семейный человек, а это неудобно в Лавре.

Я не сказал: отец Алексей 12 числа вечером переехал на Саввинское подворье; в Петербург поедет в конце светлой седмицы. Ему немало содействовал протоиерей И. Вас. Рождественский, склонивший его к постригу. Высокопр. Макарий¹⁰¹² поддержал, и дело скоро сделалось. «Видимо дело Божие» сказал Московский Владыка.

Благословите и помолитесь о мне, Святитель Божий!»

На письмо это отвечал я от 20-го числа:

«Искренно благодарю Вас за множество доставленных мне брошюр. Весь ли запас резолюций великого святителя Филарета истощили Вы, или ещё нет? Когда окончите этот труд, постарайтесь, если можно, все, рассеянные Ваши по разным изданиям, резолюции эти собрать вместе и издать в одной книге, в каком-либо определенном порядке, чтобы с большим удобством можно было ими пользоваться¹⁰¹³. Этим Вы окажете важную услугу нашей братии – архиереям, а со временем и Вам самим это понадобится.

Благодарю Вас за сообщение интересных для меня сведений. Вы много меня обязали бы, если бы и впредь не оставляли делиться со мною Московскими новостями, и через то заменили бы для меня доброго моего корреспондента – преосвящ. Игнатия, который из Костромы продолжает со мною переписку.

Об утверждении в должности ректора Академии С. К. Смирнова до Вашего письма я не знал. Я не понимаю, почему Вы почитаете неудобным для П. И. Горского, как семейного, быть Инспектором, когда С. К-ч был также семейным человеком?

От того же числа Н. П. Киреевская писала мне:

«Поздравляю Вас Владыко, от лица всего семейства моего с праздником Воскресения Христова и прошу принять мои сердечные, лучшие для Вас, Владыко Святый, благожелания.

О преосвященном Игнатии все в Москве, единодушно жалеют – духовные, и мирские. Действительно этот человек редкой доброты. Об Архим. Григории мне сам преосв. Игнатий говорил, что он, беседуя с Митрополитом Иннокентием, говорил о старших архимандритах, которым бы по достоинству и справедливости следовало назначение в Викария, и когда упомянул об архим. Григории, то Митрополит Иннокентий сказал: «он не годится¹⁰¹⁴ для столицы, а можете его взять себе в Кострому – в Викарии, потому что ваш викарий стар»¹⁰¹⁵. Так на этом и остановилось дело. Когда же Митрополит Иннокентий вызвал преосв. Игнатия в Петербург, – принял его очень хорошо, равно и Митрополит Исидор – с большим вниманием, милостив был к нему, много говорил с ним. И добрый преосв. Игнатий не упустил этого случая, чтобы напомнить об о. Алексии Лаврове-Платонове, особенно потому что нам грозило назначение викарием священника Петербургского (Гречулевича)¹⁰¹⁶, что было бы более чем грустно. Говорил и об о. Архим. Григории, которого пожелал лично видеть Митр. Исидор. И как только возвратился в Москву преосв. Игнатий, Архим. Григорий приехал к нему говоря: «поздравляю Вас с приездом», а преосвященный отвечает ему: «а я поздравляю вас с отъездом в Петербург сейчас же; явитесь к Митрополиту Иннокентию и потом к Митр. Исидору». И с первым отходящим поездом его отправили в Петербург. Вероятно, впоследствии и будет он Викарием Костромским. Но я особенно радуюсь назначению Викарием Лаврова. Общее о нем мнение отличное. Слава Богу!»

От 14-го числа писал мне из Москвы А. В. Симанский:

«Считаю для себя приятным долгом поздравить Вас с наступающими великими праздниками и пожелать Вам от себя и жены полного здоровья и спокойствия. Мы всю службу страстной недели проводим по-прежнему в церкви всегда нам памятного и приятного Саввинского подворья, куда в и среду прибыл вновь назначенный во Епископа о. Архим. Алексей,

настоятель уже Саввинского монастыря, в мире известный Вам – Лавров-Платонов. При встрече его в храме, он произвел на всех предстоящих весьма приятное в пользу свою впечатление, как одаренный от природы благообразностью, так и в особенности счастливою наружностью, выражающей его внутреннее кроткое и сердечно-религиозное настроение. Одним словом по общему говору на первый раз оказался он для всех симпатичным. Теперь совершает все службы сам и потому постоянное соборное служение.

Имею честь быть навсегда преданным и готовым к услугам Вашего Преосвященства».

18 ч. получено было мною несколько писем с разных сторон и от разных лиц, родных, знакомых и друзей.

Так от 13-го числа писал мне родственник из Пензы, преподаватель Семинарии А. И. Успенский:

«В начале Марта все ждали в Семинарию ревизора, г. Григоревского, родом Харьковца, который 20-го Марта и пожаловал к нам, пробыв здесь ровно две недели. По приезде в Пензу, он целую неделю посвятил исключительно ревизии Семинарии, посещая уроки в Семинарии неопустительно. В Семинарии он ежедневно был от 8 1/2 час. и до окончания уроков. На каждом уроке просиживал не менее 40 минут, а на ином – и весь час с четвертью. У каждого наставника он был по несколько раз; на уроках учеников более спрашивал сам, не стесняя в тоже время и свободы преподавателя. По ответам учеников судил о ходе и постановке дела у известного преподавателя. У меня на греческом языке был два раза и спрашивал учеников тоже сам большей частью. Надобно сказать, что настоящая ревизия г. Григоревского была довольно серьезная; её нельзя сравнивать с ревизией г. Зинченко¹⁰¹⁷. Г. Зинченко, посещая классы, учеников не спрашивал, а смотрел только на то, как ведет преподаватель свое дело. На уроках просиживал не более 10–15 минут. Следовательно, тот ревизор был более теоретик, а настоящий – человек дела. В нем заметно более и педагогического такта: по окончании ревизии, с каждым преподавателем он вел беседу о его предмете, давал советы и довольно хорошие. Отсюда понятно, что настоящая

ревизия в педагогическом отношении более полезна, чем прежняя. Прежний ревизор делал отзывы о преподавателях на основании слов ректора, этот же наоборот – всюду входил сам. Правда, настоящий ревизор не так деликатен, как прежний. При входе и выходе из класса он не давал руки преподавателям, как делал прежний, тем не менее, в своих отчетах о Семинариях, он смотрит на преподавателей гуманнее г. Зинченко. Кажется, он в нашей Семинарии дурного не нашел, только почему-то остался недоволен сочинениями по словесности и другим устным предметам.

Вообще ревизия его в Семинарии сошла более или менее удачно, а для меня – и более чем удачно. Г. Григоревский нашел меня сведущим преподавателем. Такой отзыв Григоревского дорог для меня потому особенно, что он сам знаток древних языков».

От 13-го также числа писал мне из Вильны Попечитель учебного Округа Н. А. Сергиевский:

«Первое мое пасхальное приветствие из Вильны – к Вашему Преосвященству. Вместе с сим прошу принять мое сердечное поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и все лучшие благожелания.

Не знаю как и благодарить Вас за присылку мне Вашего последнего печатного труда. Дорога мне Ваша память, дорога и самая книга. Читая её, я испытал великое наслаждение. Я не мог оторваться от неё: моя юность складывалась там и в то время, которое Вы так живо описываете; все лица, которые говорят и пишут в Вашей книге, все – по духу мне родные. Среди нравственного одиночества в изгнивающей Вильне мне радостно было перенестись мыслями в родную Москву, в известный кружок светлых личностей, послушать их, полюбоваться на их светлые честные отношения к людям и жизни, подивиться их дружелюбию... Книга эта не сходит у меня со стола. Я несколько раз принимался читать её, особенно когда одолевала виленская нравственная тошнота. Ещё раз много и много благодарю Вас.

К празднику Пасхи я получил новую милость от Государя: мне пожалована аренда на 12 лет по 1800 руб. в год. С

особенным чувством радости принял я эту великую милость не потому, чтобы я был корыстолюбив, а потому что она нравственно ободрила при настоящей тяжелой жизни. Тяжести и огорчений всё прибавляется, а силы уходят.

Испрашивая святых молитв Ваших и Архипастырского благословения, пребываю с глубоким уважением и сердечною преданностью».

На это любезное письмо отвечал я от 1-го мая:

«Взаимно приветствуя Вас с великим праздником Христова воскресения, от всей души поздравляю Вас с Монаршей милостью. Едва ли кому из Ваших родных и друзей более понятно значение этой Монаршей милости, чем мне испытавшему некогда такую же нравственную тяготу и тошноту, на которые жалуетесь Вы. Но почему бы Вам не оставить, наконец, душной виленской атмосферы? Прошедшей зимою пронеслась молва, что Вы займете место Ю. В. Толстого¹⁰¹⁸; признаюсь Вам и я и многие другие этому очень радовались. Но почему не осуществилась эта народная молва? Сами ли Вы уклонились от этого, предполагаемого назначения, или это произошло как-нибудь иначе?

Очень рад, что моя книга о Преосвящ. Леониде Вам понравилась. Но она пришлась по сердцу и многим другим, в особенности почитателям памяти покойного. О ней я получил множество самых сочувственных отзывов от лиц разных положений и направлений».

От 14-го числа писал мне из Владимира Преосвящ. Иаков:

«Приветствую Ваше Преосвященство со светлым воскресением Христовым, мысленно обнимаю Вас со словами «Христос воскрес» и, вместо красного яичка, представляю два номера наших Епархиальных Ведомостей, где печатаются письма Преосвящ. Парфения¹⁰¹⁹. До окончания академического курса Вы принадлежали к Владимирской пастве; Вам дорого всё относящееся до Владимирской церкви. По мере выхода писем, буду высылать книжки (особых оттисков не печатается). Не угодно ли получить и первые номера Ведомостей¹⁰²⁰?

Преосвящ. Игнатий двинулся уже с места. Его проводили из Москвы с любовью; с любовью встретили, вероятно, и в

Костроме; но он-то рад ли перемещению? Присидишься, так нелегко подниматься. На его место сватали меня, но писал ко Владыке Исидору¹⁰²¹, что двигаться никуда не желаю, хотя Москва и влекла меня к себе: там все мои родные. В Москве свои кандидаты ждут не дождутся случая попасть в архиереи. Для чего мешать им? Да я и не гожусь для столицы. Доволен своими оброки.

Благословите и не забудьте в св. молитвах того, кто поминал и поминает Ваше Преосвященство».

На письмо это я отвечал Его Преосвященству от 20-го числа:

«Взаимно и Вас приветствую с великим и всерадостным торжеством о преславном воскресении Божественного Искупителя.

Усерднейше благодарю Вас за доставление мне писем приснопамятного для меня рукоположителя и благодетеля Преосвящ. Парфения. Они очень для меня интересны, в особенности по упоминанию в них о разных обстоятельствах жизни каждого Владыки и многих других, мне лично или только лишь по преданию известных, лиц. Много обяжете меня, если пришлете мне и продолжение этих писем.

Читали ли Вы в Русской Старине биографию Преосвящ. Иннокентия (Борисова)¹⁰²²? Там, между прочим, пишут, что о его детстве и первоначальном воспитании ничего не известно. Между тем я имею возможность восполнить этот пробел: в Харькове жил и умер после уже кончины Преосвященного его старший брат. В сент. прошедшего года скончалась его также старшая сестра, около 40 лет жившая в Хорошеве монастыре. От них то сохранились некоторые устные сказания о детском возрасте Иннокентия. Но мне известно, что Преосвящ. Иустин¹⁰²³ сверстник и по летам и по образованию с покойным Иннокентием. Не можете ли, Владыко, при свидании с Преосвящ. Иустином пораспросить его о детстве Преосвящ. Иннокентия и, что услышите, сообщить мне. На основании доставленных мне сведений я составил бы хотя коротенькую статейку о детстве покойного Иннокентия и послал бы в редакцию Русской Старины».

От 14-го же числа писал мне из Витебска преосвящ. Викторин:

«Посылаю Вам мое искреннее приветствие с праздником светлого Христова воскресения. Молю воскресшего Господа, да дарует Он Вам и нам встретить и провести сей праздник в добром здоровье и в радости о Дусе Святе.

Владыко Святый! не продолжаете ли Вы гневаться на Вашего Витебского преемника, из-за той неприятной переписки¹⁰²⁴, которая велась у нас из-за экономии? Ради Бога забудем её и простим друг другу вся воскресением.

Будущим летом, если Бог благословит, я предполагаю посетить Киев, в котором никогда не бывал. Думаю воспользоваться правом 8-дневной отлучки из епархии, чтобы поклониться святым в колыбели церкви отечественной. Позвольте мне тогда представиться и Вашему Преосвященству, по пути, и лично выразить Вам чувства моего искреннего к Вам уважения.

Не забывают меня, Владыка Святый, в Ваших святых молитвах. Я же, не обинуясь, скажу Вам, всегда памятую незабвенного для здешнего края моего Иерарарха-предшественника, и имею честь быть душевно преданным и почтительным»...

В ответ на это писал я от 24-го числа:

«На приветствие Вашего Преосвященства с светлым праздником Христова воскресения спешу ответить взаимным приветствием и братским целованием, взывая к Вам издалека: да будет между нами навсегда, как и был, Христос посреде нас!

Усерднейше благодарю Ваше Преосвященство за молитвенную о мне память. Взаимно уверяю Вас, что и Ваше имя, а равно и вверенная Вам паства, столь близкая моему сердцу, никогда не забываются в моих церковных молитвах.

Вашему посещению душевно буду рад, тем более, что при этом посещении удобно могут разъясниться и однажды навсегда прекратиться наши взаимные недоразумения».

20-го ч. получено было мною письмо из Уфы от законоучителя гимназии священника Евф. Н. Соловьева¹⁰²⁵:

«Вашему Преосвященству уже известно, что я перемещен был из Динабурга в Омск, на что получена была мною бумага, прогонные деньги и годовой оклад. В 1-х числах Ноября я выехал на новое место, простясь с западом и его жизнью. Дальняя Сибирь уже иногда грезилась мне во сне и мерещилась в полусонках, потому что только и думы было об ней, только и разговоров о тамошней жизни; дети мои уже называли себя сибиряками, и все мы стойко ждали, когда вступим в эту дальнюю сторону, хотя внутри нас уже потеряно было мужество и оставался в душе нашей один безмолвный ропот на прежнюю нашу решительность; но самолюбие заставляло нас скрывать пред другими действительные наши чувства.

Путь наш лежал через Петербург. Желалось насмотреться и проститься с дорогою моею академией. Приехали. Сделали там, что нужно было; побывали в соборах, помолились (в домике Петра) чудотворному образу Спасителя, и что же? Чудодейственная сила Божия милостиво коснулась нас в самой столице! Я получил там приглашение занять законоучительское место в Гатчине, в Учительской семинарии; но довольно крупная часть полученных мною казенных денег была затрачена мною на различные покупки, а потому я, не имея возможности их внести, должен был отказаться от приглашения.

После этого случая, огорченный, пришел я в Министерство Н. Просвещения к своему знакомому делопроизводителю Департамента. Сидим и говорим с ним о будущем моем сибирском пути, как неожиданно является в нашу комнату главный инспектор училищ Зап. Сибири Андрей Петрович Дзюба, который определил меня в Омск. Мой знакомый отрекомендовал меня ему; Дзюба принял меня весьма любезно; удалились мы с ним в особую комнату, и он светлыми красками изобразил мне Сибирскую жизнь. В заключение нашей беседы он дал мне совет ехать туда, не через Казань и Пермь, а через Оренбург. По его совету я так и сделал и, на другой день, отправился в путь через старушку благочестивую – Москву. В Москве остановки не сделал, а на пути, от Петербурга до Нижегород. вокзала, заехал в Иверскую часовню приложиться к св. образу Богородицы и отслужить молебен. Затем,

добравшись до вокзала, сели в вагон и поехали в Погост Ильинский-Телешево¹⁰²⁶.

На родине мне батюшка¹⁰²⁷ показал и прочел половину написанной им биографии преосвящ. Агафангела¹⁰²⁸. Старик, отец мой, нисколько не потерял духа и способности; память его жива, изложение более, чем хорошее; написано верно и даже литературно. Для прочтения и пополнения я просил родителя переслать биографию Вам и мне, когда он окончит её. Вам известна, вероятно, служебная деятельность преосвященного по Московской Дух. Академии. О деятельности его в Харьковской Семинарии, может быть, Вы отберете некоторые сведения от помнящих его. А Костромскому духовенству я сделаю печатное воззвание и приглашение доставить мне сведения о его 9-летней деятельности там; большинство духовенства его ученики и относятся о нем с полной признательностью.

На родине провели мы три недели. Родитель мой был безгранично рад, хотя в тоже время скорбел о нашем дальнем путешествии и отшествии нашем в Сибирь. 10-го дек. отправился сопровождаемый напутственными благословениями отца в дальний и небесстрашный путь. 16-го декабря прибыл я в Оренбург. 22-го декабря явился я к попечителю округа. Попечитель принял меня ласково, выслушал меня, сказав мне: «Батюшка, зачем Вам ехать в Сибирь и томиться там со своей семьею? Неловко мне останавливать Вас на полпути, но я не могу не сделать Вам предложения: вчера открылось в моем округе самое лучшее законоучительское место, в Уфе, в мужской и женской гимназии, с содержанием 2500 р. сер., при казенной квартире и отоплении. Я желаю, чтобы Вы перешли ко мне. Вы получили не взачет годовой оклад, и здесь полагается тот же оклад; вы получили двойные прогоны – и здесь полагаются двойные, не доехали до Омска Вы 1540 верст и придется Вам возвратить лишние деньги, но я предпишу Директору Уфимской Гимназии, чтобы он заплатил за Вас в Казначейство деньги из специальных сумм Гимназии. О ваших нуждах и обстоятельствах Вам нечего хлопотать и перепрашиваться у начальника, я ныне уезжаю в Петербург и

сам лично буду хлопотать и ходатайствовать об вас пред г. Министром. Соглашайтесь поступить ко мне в округ. Что было мне делать? Место вышло лучше сибирского, и я не счел даже нужным сходить для совета к жене и объявил Его Превосходительству о своем согласии перейти в Уфу. Попечитель пожал мне руку и предложил лист бумаги для написания ему прошения. Прощение написано в его гостиной, подано, и наложена немедленно резолюция о совершенном его согласии принять меня к себе на службу.

23-го декабря попечитель поехал в Петербург, доложил обо мне графу Толстому, и Его Сиятельством я назначен и утвержден (4 февр.) законоучителем Уфимских мужской и женской гимназий. 5-го Марта явился я на новое место служения.

10-го числа представлялся Его Преосвященству¹⁰²⁹. Владыка узнал меня с первого раза. Я знаком был с ним в Петербурге, будучи студентом академии. Архиерейский прием был превосходен. У Владыки я был уже четыре раза; в Благовещение был приглашен к обеду в числе четырех лиц. Но прием гимназического начальства был не совсем любезен. Директору было предписано попечителем отвести мне казенную квартиру; но эта квартира была занята тещей директора с её семьей, а потому он процедил сквозь зубы, что квартиры удобной при гимназии для меня не имеется; я, услышав от других в чем дело, предложил, вместо квартиры, получать деньги. Так и сделано.

Город Уфа расположен на высоких горах и довольно похож на Киев; весь в садах. При городе большая река – Белая; на ней ходят теперь пароходы в Каму и Волгу.

Религиозно-нравственное состояние здешней гимназии более чем в лучшем состоянии; ученики поют прекрасно на два хора, подают кадило, носят свечи (попарно). Предместник мой был о. протоиерей и настоятель Кафедрального собора, Владимир Федорович Владиславлев, Магистр Киевской Дух. Академии; человек, говорят, был благочестивый и ревностный к своему делу».

20-го ч. Викарий мой Епископ Сумский Вениамин получил, вследствие моего представления, орденские знаки Св. Анны 1-й степени. Кто-то, поздравляя его с этою наградой, заметил, что она запоздала и что ему давно следовало бы иметь её. На это он остроумно ответил: «звезды на небе являются обыкновенно вечером», разумея под вечером свои 59 лет.

29 ч. поздно вечером получена мною из Владимира от К. Н. Тихонравова¹⁰³⁰ телеграмма следующего содержания:

«Сегодня в пятом часу утра скончался архиепископ Владимирский Антоний после удара апоплексии. Подробности пишу».

4-го мая получен был мною при отношении Председателя Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, В. А. Дашкова, от 10-го апреля за № 204, диплом на звание Почетного Члена сего общества, с просьбою притом о единовременном взносе за оный . 25-ти рублей. На другой же день требуемая с меня сумма была отослана по принадлежности.

Диплом напечатан на бумаге, подделанной под цвет пергамента, славянскими буквами древних рукописей XII в. В нем значится, что Общество избрало меня в число своих почетных Членов 29-го ноября 1864 г. Диплом написан и подписан 29-го Мая 1874 г., а послан ко мне 10-го апреля 1878 г.

Все это свидетельствует о крайней неспешности почтенного ученого общества в его действиях.

6-го ч. писал я в Уфу законоучителю Гимназии священнику Евф. Н. Соловьеву.

«Письмо ваше от 9-го апр. получено мною 20-го числа.

Итак, вместо Омска Вы водворились и пребываете в Уфе. Поздравляю. В этом неожиданном изменении Вашего назначения, без сомнения, должно усматривать высшее распоряжение Божественного Промысла. Так бывало и с святыми апостолами. Апостол идет с проповедью о Христе в один град, или в одну страну, а Дух Святый указывает ему путь в другой град и в другую страну.

Отрадно слышать о добром религиозно-нравственном настроении воспитанников Уфимской гимназии. В настоящее

время не часто можно слышать подобные Вашему отзывы о наших учебных заведениях не только светских, но и духовных. Вам поэтому остается только, с Божией помощью, поддерживать доброе настроение в сердцах ваших воспитанников.

Душевно радуюсь, что Преосвященный встретил Вас ласково. Надеюсь, что Вы вполне оцените это и постараетесь всегда сохранять почтительное отношение к Его Преосвященству. Когда будете у него, передайте ему мое усердное почтение.

Как мне приятно слышать, что ваш почтенный батюшка трудится над составлением биографии высокопр. Агафангела. Но я желал бы знать, все ли бумаги и документы, оставшиеся по смерти покойного Владыки, находятся в руках составителя биографии. Не можете ли притом сообщить мне, с кем почивший архипастырь имел, кроме родных, более частые письменные сношения? Это меня очень интересует.

Если ваш родитель пришлет мне для прочтения составляемую им биографию, я буду этому очень рад и, может быть, найду возможность восполнить в ней какие-либо пробелы на основании тех данных, какие у меня имеются под руками. Но не лучше ли было бы, если бы о. Николай по частям присылал мне свой труд, так как конца его труда, может быть, придется ожидать довольно долго.

Р. S. Если рассудите писать мне, напишите и о том, каким духом и направлением отличается Уфимское духовенство и в каком оно отношении к своему новому архипастырю».

12-го числа получил я письмо из СПб. от управляющего Канцелярией Св. Синода, Тайного Сов. Конст. Алексеев. Воцинина¹⁰³¹. Он писал мне от 8-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь!

Бывший мой сослуживец, Вице-Директор Департамента Народного Просвещения Дьяков, по просьбе тайного советника Попова, просит меня представить Вашему Преосвященству записку единоверческого священника Раздобарова¹⁰³² о назначении ему помощника.

Простите великодушно, что не отклонил просьбы, а решился беспокоить Вас представлением записки.

Испрашивая Архипастырского Вашего благословения, с отличным почтением и совершеннейшею преданностью имею честь быть»...

Приложенная при письме записка священника Раздобарова следующего содержания:

«Священник Николаевской Единоверческой церкви Харьковской губернии, Купянского уезда, слободы Кармазиновки, Тимофей Раздобаров покорнейше просит о ходатайстве пред Епархиальным Начальством о назначении ему, Раздобарову, в помощь другого священника при означенной Николаевской церкви, так как, вследствие продолжительных отлучек священника Раздобарова для сбора подаяний на строящуюся в слободе Кармазиновке каменную церковь, паства его, ещё недавно обращенная из раскола в лоно православия, остается часто без духовного назидания. Для большей пользы паствы весьма желательно, чтобы вновь назначенным священником был теперешний диакон сказанной церкви, Антоний Васютин, который сам принадлежал прежде к расколу и потому вполне знает обычаи и духовные потребности этих новых детей православия, а по образу жизни своей служит для них нравственным примером».

В ответ на письмо Его Превосходительства я писал от 24-го числа:

«На почтенное письмо Ваше, при котором препровождена ко мне записка о назначении священнику Единоверческой церкви, слободы Кармазиновки, Харьковской еп., Тимофею Раздобарову в помощь другого священника, имею честь объяснить следующее:

Священник Раздобаров ещё в ноябре прошедшего года обращался к Епархиальному Начальству с просьбою о рукоположении в помощника ему диакона – псаломщика той же Кармазиновской церкви Антония Васютина; но ему в этой просьбе было отказано.

Не могу и теперь не отказать священнику Раздобарову в его домогательстве по следующим причинам: 1) При

Кармазиновской единоверческой церкви по штату не положено быть двум священникам; а определять и посвящать в какой бы то ни было священнический сан сверх штата закон возбраняет (Уст. Д. Конс. ст. 75); 2) Диакон Васютин не более трех лет, как принят в духовное звание из крестьян того же прихода, и по своей малообразованности не может быть скоро удостоен священнического сана; 3) если удовлетворить желанию свящ. Раздобарова, т. е., если посвятить во священника диакона Васютина, то надлежит определить к Кармазиновской церкви нового псаломщика. Между тем как и для двух членов причта содержание весьма недостаточно по причине крайне ограниченного числа приходских душ (менее 200 д. обоого пола), при самом скудном жалованьи (псаломщику 48 р.) и при неимении готовых квартир. Причт до сих пор не наделен даже землею; об этом идет только ещё переписка.

Итак, мне остается только пожалеть, что свящ. Раздобаров своими нерассудительными происками утруждает должностных лиц и обременяет их напрасно и бесплодною перепиской.

Простите, достопочтеннейший Константин Алексеевич, что я не мог дать на Ваше письмо иного более удовлетворительного ответа.

Призывая Вам Божие благословение, с истинным почтением и преданностию имею честь быть»...

На это г. Вощинин писал мне от 30-го числа:

«Приношу Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за ответное письмо, коим изволили почтить меня. Признаюсь, я сомневался в основательности домогательства священника Раздобарова уже по той одной причине, что для обращения к своему Архипастырю он избрал такой окольный путь.

Сообщив ответ лицам, просившим меня по этому делу, считаю долгом извиниться пред Вами, Милостивый Владыка, что беспокоил Вас по просьбе, того не заслуживающей.

Испрашивая Архипастырского благословения Вашего, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть».

13-го ч. писал я во Владимир Преосвящ. Иакову, Епископу Муромскому:

«Владимирская паства осиротела, лишившись своего архипастыря. Древний Владимир давно не испытывал такой духовной скорби, если не иметь в виду кончины Вашего предшественника¹⁰³³ по Муромской кафедре.

Бремя епархиального управления легло теперь на ваших раменах, да поможет Вам нести оное Пастыреначальник Господь И. Христос! Но естественно ожидать, что это благое, хотя и нелегкое, бремя служения не снимется уже с ваших рамен. И этого, без сомнения, желает Владимирская паства, так близко с Вами уже освоившаяся. Да будет по её благому желанию!

Но ранее своего архипастыря отошел в вечность один из старейших и достойнейших пастырей града Владимира; разумею о. Протоиерея Миловского¹⁰³⁴. Да будет ему, равно как и почившему вслед за ним архипастырю, вечная память!

Место умершего Протоиерея Миловского занято, как известно, Вязниковским Протоиереем Павлушковым¹⁰³⁵; в Вязники, как пишут мне из Мурома, перемещен священник Муромского собора Смирнов¹⁰³⁶. Кому же суждено будет занять место сего последнего? Мне пишут муромские родственники, что на это место подал прошение свойственник мой, учитель дух. училища Виктор Варваринский, и умоляют меня ходатайствовать пред Вашим Преосвященством об определении его на священническую вакансию к собору. Побуждением к сему служит то, что в случае определения на это место Варваринского, дом, принадлежащий его и моей свояченице-вдове Терновской и составляющий всё её достояние, может остаться неприкосновенным; так как Варваринский и теперь живет у ней, и, по принятии священнического сана, может продолжать жить в её доме; в противном случае, она лишится своего дома, так как он стоит на церковной земле, которая потребуется, без сомнения, для вновь определенного священника.

Если учитель Варваринский достоин священнического сана и если не будет противно справедливости определить его на

священническое место к вашему Кафедральному храму, позвольте покорнейше просить Вас о сем, Преосвященнейший Владыко. Чрез это Вы явите враз две милости – и учителю Варваринскому и бедной вдове Терновской; да и я приму это за личное для себя одолжение».

17-го ч. Начальник Харьковской губернии, Князь Д. Н. Кропоткин обратился ко мне с официальным письмом за № 2682, следующего содержания:

«Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Председатель, состоящего под Августейшим покровительством Государя Наследника Цесаревича, Московского Главного Комитета для сбора пожертвований на приобретение морских судов добровольного флота, Генерал-Адъютант Князь Долгоруков с разрешения Государя Наследника Цесаревича обратился ко мне с просьбою открыть под моим председательством в г. Харькове Губернский Комитет и приступить по вверенной мне губернии к повсеместному сбору пожертвований на приобретение судов добровольного флота.

Вследствие сего, имею честь обратиться к Вашему Преосвященству с покорнейшею просьбою о вспомоществовании этому патриотическому делу и назначить к участию в занятиях Губернского Комитета Преосвященного Викария. Открытие Губернского Комитета назначено 21-го Мая в 12 часов полдня в зале Харьковского отделения Императорского Русского Музыкального Общества на Рыбной улице.

Поручая себя Архипастырским молитвам Вашим с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть»...

На письме этом 18-го числа дана была мною следующая резолюция: «Приглашаю Преосвященного Викария к участию в занятиях Губернского Комитета по сбору пожертвований на приобретение судов добровольного флота».

Затем, 20-го числа, я отвечал на письмо Князя в следующих выражениях:

«Ваше Сиятельство,

Милостивый Государь!

На почтенное письмо Ваше от 17-го сего Мая, за № 2682, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что, согласно Вашему желанию, Преосвященный Вениамин, Еп. Сумский, приглашен мною к участию в занятиях Губернского Комитета по сбору пожертвований на приобретение судов добровольного флота.

Независимо от сего, мною сделаны будут надлежащие распоряжения по вверенной мне епархии к споспешествованию в успехе этого патриотического дела.

Прилагая у сего 300 р. на изъясненный выше предмет и призывая благословение Божие на Вас и на соучастников Ваших в предстоящих Вам трудах на пользу доброго патриотического дела, с истинным почтением и преданностью имею честь быть»...

На следующий день, 21-го числа, в помещении Харьковского отделения Музыкального Общества, происходило открытие Комитета по сбору пожертвований на сооружение добровольного флота. Описание этого открытия помещено в № 129 (от 22-го Мая) Харьковских Губернских Ведомостей.

24-го ч. отправился в Вознесенский Хорошев женский монастырь на храмовый праздник Вознесения Господня. С вечера всенощная и на следующий день, 25-го числа, литургия совершены были с должною торжественностью, при значительном стечении богомольцев.

В мое отсутствие был у меня придворный Лейб-Окулист, Тайный Советник Ив. Ив. Кабат¹⁰³⁷. Он отправлялся в Святогорскую пустынь для осмотра открытой там, по моему распоряжению, временной больницы для раненых и больных воинов, и, как слышно, остался очень доволен её устройством.

По возвращении из Хорошева монастыря домой, я нашел здесь письмо из Владимира от преосвященного Иакова, который писал мне от 22-го числа:

„Предо мною два письма Вашего Преосвященства, одно от 20-го апр., с «Воспоминаниями о преосвященном Леониде», другое от 13-го мая, со скорбью о нашем почившем Владыке. Душевно благодарю Вас за то и другое.

Я с удовольствием читаю Ваши Воспоминания о вашем друге. И коротенькие записочки преосвящ. Леонида пригодились, как и большие письма. Они вызвали на свет то, что без того исчезло бы бесследно. Всякий кто прочтет Вашу книгу, особенно из Москвичей, скажет Вам свое спасибо. Есть у меня несколько писем преосв. Леонида, только я не заглядывал в них. Наверное, каждое из них дало бы свой материал к биографии покойника. На досугах пересмотрю, но писать вряд ли найду время.

Кончина моего Владыки поразила всех своею неожиданностью, а мне досталось и достается испытывать это лишение более всех. На мне легла вся тяжесть по управлению, и я не вижу ни дня свободного; сон мой стал короче. Прежде с 11 веч. спал до 5; теперь просыпаюсь около 4 – и заснуть не могу. Для стариков, как я, это – нехорошо. Управление епархией Синод оставляет до времени и, если дела пойдут хорошо, особенно часть учебная, утвердят меня на кафедре. Но меня это не радует, и я уже писал к Митрополиту Исидору, что мне не под силу нести труды за двоих. Посмотрим что выйдет.

Забота об учебных заведениях, как пишет первосвященитель, высоко ценится в Синоде. Научите меня, Владыко, в чем, при нынешнем семинарском уставе, должна выражаться особая забота об учебных заведениях: не в одном ли утверждении журналов? Я право не знаю этого секрета. Стоя в стороне от школьного дела, я не читал ни уставов училищных, ни ревизий: для меня всё темно. Кажется, архиерею ставится в заслугу собственно материальная помощь. Это, если угодно, важная услуга учебному делу. У нас ещё нет общежития, и средств не изыскано. Завод свечной пока не удался, а других средств не предвидится. Возьмите на себя труд сделать мне указания и советы на новом незнакомом мне пути. Это будет благодеянием для меня и для всей епархии.

Первое что дало мне случай к новым распоряжениям – это церемониал погребения Владыки. Он мне удался. Второе дело – порядок ношения Боголюбской иконы по городу с нынешнего дня¹⁰³⁸ – и дал руководство, в виде опыта. Об этих порядках изволите прочитать в прилагаемом номере Ведомостей...

Слышу большую благодарность за расписание. И крестный ход пойдет нынче по-новому. Призвал к содействию полицию и надеюсь на её помощь... Прошу Ваше преосвященство сообщить мне, если есть особенности в крестных ходах по Харьков.

По словам преосв. Иустина, Борисов уроков в семинарии не учил и ещё в риторике читал фолианты и в Богословии говорил свои проповеди, по назначению, в приходской церкви. Подробностей преосв. Иустин не мог сообщить мне. Попробую ещё вызвать его на разговор.

Что касается соборной вакансии в Муроме, я предложил г. Варваринскому посвятиться во иерея и числиться при соборе, не пользуясь доходами, которые мною предоставлены в пользу наличного причта на год, чтобы какую-либо помощь оказать бедствующим от скудости. В священнике, вместо выбывшего, пока нет надобности. С полгода служит при соборе безмездно произведенный из заштатных дьяконов – человек с хорошими средствами и будет служить. Это распоряжение сделано мною 1-го мая, задолго до Вашего письма. Переменить его в настоящее время неудобно. Терновской никто не будет стеснять, а Варваринскому надеть рясу хорошо.

Меня озабочивают сверхштатные причетники, которым в январе объявлено, чтобы разбирались на штатные места в течении двух лет, иначе зачислены будут в заштат. Думается, иных можно оставить сверх штата и после срока; батюшки выходят из себя, что не сейчас сокращают причты и всячески стараются сбыть с рук лишнего члена. Назначен ли у Вас срок для размещения сверхштатных?

Что делать с дурными священниками, бывшими под запрещением и наконец разрешенными? редкий из них не возвращается на прежний путь пьянства? Заботясь о них и их семействах, немилостиво оставлять без внимания приходы, которым и бременем и соблазном служат нетрезвые пастыри. Вы как поступаете в этих случаях?

О последних днях преосвящ. Антония прочтете статью его племянника¹⁰³⁹.

Извините. Пора в крестный ход. Благословите.

9 ч. вечера. Стечение народа в крестном ходу было необыкновенное. Никто не запомнит подобного стечения. С вечера был дождь, а утром солнце, но жару не было, пыли тоже. При Сергиевской церкви я делал встречу Иконы, читал акафист и евангелие, после осенил крестом на все стороны, покропил св. водой и пришел в собор. Церемония кончилась в 2 часа. В деле пришлось быть до 4-го часа».

26-го ч. дано было мною Консistorии предложение (№ 80) следующего содержания:

«21-го сего Мая в г. Харькове открыт Губернский Комитет для сбора пожертвований на приобретение морских судов добровольного флота. В распоряжениях Комитета разъяснены цели и высокое значение этого патриотического дела и указаны способы для сбора пожертвований, о которых и напечатано в местных губернских ведомостях.

Независимо от сего, в виду несомненной пользы означенного дела, считаю долгом, со своей стороны, пригласить духовенство вверенной мне Харьковской паствы к участию в этом патриотическом деле и, зависящими от него мерами и способами, к разъяснению своим прихожанам цели, пользы, значения и необходимости для России обладания большим морским флотом как в военное, так и в мирное время.

Но, принимая нравственное участие в споспешествовании успеху сказанного дела, духовенство Харьковской епархии, уже оказавшее великую пользу своими заботами и личными пожертвованиями на нужды минувшей войны, – надеюсь, – и на сей раз, не откажется от таковых же пожертвований на доброе – патриотическое дело, имеющее возвысить славу, силу и богатство нашего доброго отечества.

Пожертвования, как личные, так и собранные от разных лиц, имеют быть доставлены чрез о.о. Благочинных в мою Канцелярию, за исключением тех, кои будут собираемы Членами Комитета по выданным им книжкам».

27-го ч. в 8 1/2 часов утра выехал из Харькова, в сопровождении Кафедрального Ключаря и прочей свиты, для обычного осмотра церквей и ревизии причтов.

Первая встретившаяся на пути церковь была в слободе Русская Лозовая – Русская в отличие от другой Лозовой – Черкасской. Местность, в которой расположена слобода – Русская Лозовая, болотистая, неблагоприятная в гигиеническом отношении. Церковь во имя Святителя Николая деревянная, не весьма благолепная. В ней, по местному обычаю, хранится на полках по стенам множество небольших икон, принадлежащих прихожанам. О прихожанах своих настоятель церкви, священник Аполлон Ястремский, в своей докладной записке, пишет, что они „с усердием притекают в храм Божий для излияния своих религиозных чувств, выражая в оном свои прошения, свои прославления и свою благодарность Творцу и Создателю вселенныя».

В той же записке о. Ястремский о своем причте (двуклирном) выражается: «причт духовный свято и ненарушимо исполняет свои служебные обязанности и старается служить добрым примером своим прихожанам, а через это снискивает себе от них расположение».

Между тем, прихожане, при моем посещении и испытании их, оказались малосведущими в первоначальных даже истинах Христианской веры.

В слободе Русской Лозовой архиерейского посещения, как рассказывают мне, никогда не было.

– Слобода Дементеевка. Здесь обратил на себя особенное внимание помощник настоятеля, священник Д. Андреенков¹⁰⁴⁰, который в продолжении 15-ти лет своей службы написал одно только поучение, и того не произносил в церкви. За такое опущение существенного долга пастырского служения сделано ему строгое внушение.

– Слобода Казачья Лопань. Церковь построена в 1793 г. тщанием священника Игнатия Фленкова.

– Слоб. Уды расположена по обеим сторонам р. Уд. Церковь каменная благолепная, построенная в 1822 г. В её построении участвовал, между прочим, профессор Харьковского Университета Иоаким Нахимов. Причт двуклирный, прихожан более 5000 душ обоего пола, в том числе до 700 д. раскольников поморской беспоповщины, с коими не без успеха

ведет борьбу Настоятель прихода, Протоиерей Н. Ничкевич¹⁰⁴¹. В докладной записке, которую, за болезнью настоятеля, представил мне его помощник протоиерей П. Каллинин, о прихожанах сделан такой отзыв: «прихожане все, кроме раскольников, в религиозном отношении достаточно удовлетворяют чувство благодарности пред Богом, и, благоговая к храму Божию, усердно посещают его во все воскресные и праздничные дни».

– Заштатный город Золочев. Успенская церковь каменная, не довольно прочна; собирается сумма на построение нового храма. В числе 1200 душ прихожан до 30 человек раскольников. «Раскольники эти, – пишет в своем репорте Настоятель, свящ. М. Рокитянский, – не местные коренные прихожане, а перешедшие на жительство в г. Золочев из хутора Козачка, прихода села Уд, бывшие прихожане Харьковской единоверческой церкви, оставившие единоверие и возвратившиеся в раскол; на православных прихожан они не имеют никакого влияния».

В 6 ч. пополудни прибыл я в слободу Должик – имение Князя Дм. Фед. Голицына, и здесь, по приглашению молодого помещика, остановился в его обширном доме на ночлег, расположившись на другой день совершить в Должинском храме литургию.

Богатое имение Должик, принадлежавшее некогда Харьковскому полковнику Григорию Иерофеевичу Донцу, переходило затем из рода в род, от сына Донца Фед. Григорьевича к князю Як. Никит. Кропоткину, женатому на его дочери; от Кропоткина к его зятю Щербинину, а от сего последнего, не знаю, через какое посредство, к настоящему владельцу.

Существующая ныне в сл. Должике каменная церковь сооружена Князем Кропоткиным, а его зятем Щербининым снабжена разными священными и церковными утварями, сколько дорогими по ценности, столько же и изящными по рисунку, в особенности замечателен в последнем отношении сосуд для благословения хлебов, устроенный в виде пшеничного снопа.

В 7 часов вечера слушал я всюнощную в доме.

28-го ч., в воскресенье, в 9 ч. начата была литургия, в конце которой пришел в церковь Начальник губернии, Князь Д. Н. Кропоткин, нарочно приехавший сюда из Харькова, по приглашению Князя Голицына. При литургии присутствовали также, кроме того, тесть Князя Голицына, Граф Сиверс¹⁰⁴², бывший Харьковский губернатор, и свояк Валер. Валер. Ширков – секретарь дипломатической миссии в Бельгии, со своею супругою.

После обеда, за которым велась приятная и оживленная беседа, я отправился в дальнейший путь, и через слободы Большую Рогозянку и Малую Писаревку, где ничего особенного мною не было примечено, к вечеру достиг слободы Большой Писаревки, где и остановился на ночлег в доме священника Успенской церкви А. Артюховского.

Писаревка, расположенная при р. Ворскле, многолюдное селение; в нем более 5000 д. обоего пола и три церкви: одна главная и две приписные. Главная Успенская церковь довольно благолепна, но недостаточно просторна. В ней особенно чтимую святыню составляет чудотворная икона Божией Матери, именуемая Михайловскою¹⁰⁴³. Пред этою иконою совершен был мною на другой день, по желанию прихожан, молебен с акафистом.

Поучения помощника Настоятеля, священника А. Ястремского¹⁰⁴⁴ и сверхштатного священника Покровской церкви А. Червонецкого, мною читанные, оказались очень складными и назидательными. Червонецкий, независимо от церковных поучений с кафедры, занимался в воскресные и праздничные дни устными собеседованиями с народом, в послеобеденное время, в церковной сторожке.

В приписной Николаевской церкви не без удивления увидел я над царскими вратами резного двуглавого орла. Разумеется, я приказал немедленно удалить его.

29-го ч., по пути из Писаревки, осмотрел я церкви в слободах: Вольном (бывший город), Пожне, Семереньке, Бранцовке, Видневке. К вечеру приехал в слободку Бобрик, где

и расположился ночевать, с намерением на другой день совершить здесь литургию.

Храм в слободке Бобрике каменный трехпрестольный, заложенный в 1822 г. помещицею вдовою генерал-поручика Елизаветою и её сыном, Тайным Советником Рахмановыми, но освященный в 1851 г. преосвященным Филаретом, Еп. Харьковским. Местные иконы Христа Спасителя и Богоматери писаны в Италии, замечательны в художественном отношении, но не совсем уместны в православном русском храме; в особенности неприятно поражает взоры православного христианина изображение Богоматери. Пресвятая Дева представлена стоящею и держащею за ручку Богомладенца, также стоящего и совершенно *обнаженного*. В том же храме есть древняя икона Святителя Николая, почитаемая явленною и чудотворною.

В 8 ч. вечера слушал я всенощную в своей квартире, в доме настоятеля, священника П. Раевского, а на следующий день, 30-го ч., в 8-мь часов утра начата была литургия, которая совершена была мною соборне при довольно многолюдном стечении народа.

После литургии предложен был гостеприимным хозяином завтрак, за которым я не без удивления узнал, что находившаяся тут же дочь о. Раевского была в замужестве за лютеранином. Тут же предварил меня Сумский Благочинный, Протоиерей Никольский¹⁰⁴⁵, что супруга помещика подгородной слободы Николаевки Калугина будет просить меня совершить в их приходской церкви богослужение, чего в моем маршруте не предполагалось. Поэтому я, по прибытии в Сумы и при свидании с г-жею Калугиной, предполагал отклонить это приглашение, чтобы не нарушать своего маршрута, но, как увидим далее, вышло иначе.

Из Бобрика, чрез Нижнюю Сыроватку, где видел вновь сооружаемую усердием богатого Сумского сахаровара Ив. Гер. Харитоненко церковь, около 2 часов пополудни приехал в слоб. Низы – имение уездного предводителя дворянства Ник. Дм. Кондратьева. Здешняя Иоанно-Богословская церковь приписана

к Нижне-Сыроватской, но предполагалась к восстановлению в положение самостоятельной.

Богатое имение г. Кондратьева, расположенное при р. Псле, находилось в аренде за 25,000 рублей у Сумского купца – сахаровара Суханова; но Суханов, получая с этого имения более 100,000 руб. дохода, добровольно, по своему добродушию, прибавляет ежегодно владельцу ещё по 10,000 рублей.

В Низах приготовлен был для меня радушным помещиком роскошный обед, к которому приглашены были некоторые из его соседей. Супруга Н. Д. Кондратьева Марья Сергеевна, урожденная Пашкова, из Москвы.

Между Низами и городом Сумами находится село Старое, в котором, как мне сказывали, никогда не было архиерейского посещения, по причине неудобного пути. Я решился посетить это селение и нашел в нем церковь каменную, благолепно украшенную тщанием церковного старосты, который нарочито приезжал в село Бобрик просить меня посетить их приходский храм. При обозрении мною ризницы и утварей, между ними оказался старинный серебряный золоченый ковш с вязною надписью, которой до того времени никто не мог разобрать, но мне удалось прочесть её, и вот что в ней содержится: «Божиею милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич всея великия и малыя и белыя России самодержец, в 1680 году арзамазец Иван Елисеев сын Сальников пожалован сим ковшом за таможенную службу и за прибор, что был головою».

Из церкви зашел я в дом церковного старосты, очень зажиточного крестьянина, который с необычайным радушием принял меня и угостил чаем.

В 7 1/2 часов прибыл я в город Сумы и остановился в доме соборного Протоиерея В. Никольского.

31-го ч. утром, по совершении в градской Ильинской церкви молебна с акафистом Божией Матери, по просьбе прихожан, мною осмотрены были прочие приходские церкви, коих числом 5-ть.

Вот некоторые сведения о более примечательных из сих церквей.

Церковь Воскресенская. Это одна из древних церквей г. Сум, сооруженная усердием стольника и полковника Андрея Герасимовича Кондратьева; в избытке снабжена ризничными и утварными вещами, благодаря усердию прихожан. Настоятель этой церкви, священник Д. Никулищев отличается особенною ревностью в проповедании слова Божия и свои поучения тщательно записывает в особую заведенную им книгу. В своей докладной записке о. Никулищев о религиозно-нравственном состоянии своего прихода пишет следующее:

«Приход состоит из 175 душ мужеского пола и 186 душ женского пола, всего 361 человек, но, находясь в , центре города, он пополняется квартирантами, только не всегда православными; большинство их состоит из сынов Израиля и Протестантов, которые, хотя, при надзоре пастырском, не опустошают небольшой паствы моей, жизненными идеями оставляют след в умах некоторых прихожан. Жизненная задача Еврея – барыш, выгода без разбора средств, проглядывала и в действиях некоторых мелких торговцев, старавшихся им подражать. Спекуляции торгашей нередко сопровождалась оскорблениями друг другу, и поддерживаемые адвокатами иногда переходили в камеру Мирового Судьи. Такой нехристианский образ жизненной деятельности я старался объяснить своим прихожанам и в частных беседах и в церковных поучениях.

Индифферентное отношение Протестанта к обрядовой стороне богослужения христианского иногда сказывалось и на Православных; малое число праздников у них давало иногда тему для бесед и Православным. И в частных беседах и особенно в церковных поучениях, которые ведены мною неопустительно, я объяснял необходимость установленных Церковью праздников не только для нравственной, но и для физической стороны человека. В поучениях я объяснял также необходимость прекращения торговли в воскресенье и праздники – в подспоре веденным Протоиереем Феоктистом Лашенковым в городской Думе прениям о законном священнии

дня Господня, что, к утешению благочестия христианского, и увенчалось успехом; ибо в конце прошлого года торговля в Сумах в воскресенье, двенадесятые праздники и Высокоторжественные дни приговором Думы, с утверждения Губернского по городским делам Присутствия, прекращена до 12 часов дня и прихожане во всех церквах Сумских заметно ревностнее стали посещать богослужения.

Хотя наша интеллигенция неохотно слушает поучения, особенно когда поучение затрагивает болезненное место нравственности, но средний и низший классы православных, к утешению моему, охотно приходили слушать поучения, и, как мне кажется, поучения не оставались без влияния на них».

Церковь Николаевская. Построенная в 1825 г., она возобновлена в 1873–76 г.г. тщанием и усердием церковного старосты купца В. И. Ткаченко, пожертвовавшего на благоуукрашение храма более 13,000 р. из собственных средств. Это одна из благолепнейших городских церквей. Настоятель церкви Протоиерей Ф. Лащенко из лучших студентов Семинарии, состоит законоучителем в местной классической гимназии – ревностный пастырь. Вот что он писал в своей записке о состоянии прихода:

«Религиозно-нравственное состояние прихожан удовлетворительно. Уклоняющихся от выполнения христианского долга – бывают ежегодно у исповеди и приобщения Св. Таин – нет. Богослужения в воскресные и праздничные дни посещают усердно. Особенно это заметно с нынешнего года, когда приговором Сумского общества прекращена торговля в воскресные и праздничные дни до полудня, с чем вместе сами собою прекратились в эти дни и базары. Из встречающихся в жизни прихожан отступлений от выполнения уставов Св. Церкви более других выдающихся – это с каждым годом усиливающееся нарушение постов. Немного лет тому назад оно встречалось лишь среди высшего сословия, а в среднем лишь изредка, теперь нередкость и среди рабочего класса. Кроме общих причин такого явления, объясняющихся духом времени, в нашем городе есть и местные – это значительное количество временно проживающих в нем

(сравнительно с народонаселением) должностных лиц светского сословия и особенно немцев, имеющих в г. Сумах и свою кирку».

В 7 ч. вечера слушал я в соборе всенощную, за которую выходил на величание. На левом клиросе пели довольно стройно соборные певчие.

1-го июня в четверг, совершена была мною в соборе литургия, при весьма многочисленном стечении богомольцев.

Когда я возвратился из собора в квартиру, мне представлен был мальчик-гимназист, который прислан был ко мне матерью, помянутой выше помещицею Калугиной, с убедительною просьбой остановиться на ночлег в их доме и на другой день отслужить в их слободе – Николаевке литургию: при этом мальчик объяснил, что в этот же день к вечеру приедет из Петербурга его отец Ив. Кузьмич Калугин.

Слобода Николаевка в 22-х верстах от г. Сум и значилась в моем маршруте. После обильного и роскошного обеда в доме богатого купца Харитоненко, я поспешил в путь. Приезжаю в Николаевку; пред церковью встречает помещик И. К. Калугин, знакомый мне по Москве. Состоя на службе в СПб., он, узнавши, что я буду проезжать через его имение, оставил все свои дела и поспешил в свое имение, чтоб встретить меня здесь и попросить отслужить в его приходской церкви. Можно ли было отказать в такой усердной просьбе, тем более, что г. Калугин, происходя из купеческого звания и получивши доброе христианское воспитание, был искренно религиозен, хотя имел и университетское образование.

Супруга Ивана Кузьмича Мария Николаевна, урожденная Куприянова, отличалась также благочестием и набожностью.

В 8 ч. вечера началась всенощная в церкви, с величанием пред явленной иконою Божией Матери, именуемою Корсунской. На левом клиросе довольно стройно пели певчие из крестьян, одетые в парадные певческие платья, устроенные по образцу придворных.

После всенощной беседовал я с радушным хозяином о разных петербургских новостях, между прочим, о Комитетах по делам раскольничьим, по вопросу о снятии с себя вдовыми

священниками и диаконами священного сана, о газете «Цер.-Общ. Вестник», покровительствуемой, как он уверял меня, Протоиереем Васильевым¹⁰⁴⁶, и проч.

2-го ч. утром читал поучения приходского священника Ил. Созонтьева – студента Семинарии. Поучения оказались очень незрелыми и неосновательными, написанными языком неточным, неопределенным, вообще несоответствующим степени студента. Вот, напр., какие выражения встретил я в поучениях Созонтьева: «Он (Спаситель) *родился* в яслях». – «Дела передаются от потомства к потомству». – «Одна только *любовь* служит основанием веры, надежды и *любви* к Богу и ближним».

В 9 ч. начата была литургия. После литургии предложена была гостеприимным помещиком радушная трапеза, к которой приглашены были ближайшие из его соседей.

Из Николаевки, через слободы Речки и Выри, приехал я к вечеру в слободу Ульяновку и остановился на ночлег в доме священника Д. Эннатского – вдового и одинокого; дом на красивой местности, очень поместительный и содержится весьма прилично.

В Ульяновке две церкви, обе каменные. Главная во имя Пр. Илии очень благолепна и оригинальной архитектуры. К ней почти вплоть примыкает с восточной стороны небольшая, также очень благовидная, церковь, построенная помещицею Носковою над могилою сына её. Содержание этой церкви обеспечено капиталом в 5,000 руб.

В Ульяновке, при 2,600 д. муж. пола, два причта. Поучения помощника Настоятеля М. Красина очень складны и назидательны.

3-го ч. утром, оставивши Ульяновку, приехал я в слободу Марковку, где ожидали меня, по разосланному вперед маршруту, накануне, и потому при встрече народу оказалось очень немного. В Марковке обратил на себя мое внимание диакон Мухин: он владеет сильным басистым голосом, но не отличается трезвостью; особенно поразило меня его невежество. Когда я спросил его, что значит слово: Преображение (храмовый в этой слободе праздник –

Преображение Господне), он не мог объяснить; а на вопрос, когда бывает праздник Преображения Господня, отвечал: 6-го Марта!..

За Марковкой следовала слобода Штеповка. Церковь во имя Иоанна Предтечи каменная, обширная и благолепная, круглообразной формы. Настоятель А. Котелевский (с 1853 г.), при флегматическом характере, не отличается усердием к проповедничеству; представил мне одно только поучение на слова: *Да исправится молитва моя*, и то неудовлетворительное. Оттого прихожане его остаются в грубом невежестве. На мой вопрос: кто был Иоанн Предтеча? один крестьянин отвечал: «это праздник, что бывает на *Ивана Купала*, когда бывает ярмарка у нас». Само собой разумеется, что я не мог остаться доволен таким ленивым и нерадивым пастырем...

Около полудня прибыл я в знакомую уже мне слободу Ольшаную, где я в 1875 г. освящал храм, сооруженный благочестивою помещицею, вдовою Генерал-Майора А. С. Шатовой¹⁰⁴⁷.

Г-жа Шатова, в это время, намеревалась со своею дочерью отправиться в другое свое имение, в Крым; но узнавши о моем приближении к Ольшаной, отложила свое намерение, чтоб принять меня ещё раз в своем доме.

Приезд мой в Ольшаную был в субботу, накануне праздника Пятидесятницы. Я расположился ради такого великого праздника совершить, на следующий день, в освященном мною храме, божественную литургию. Вечером, в 7-мь часов, совершена была с обычною торжественностью всенощная служба.

4-го ч. воскресенье – день Пятидесятницы.

В 9 часов начата была литургия и вслед за нею положенная по уставу вечерня. Стечение богомольцев весьма значительное.

После трапезы, с великим радушием предложенной мне гостеприимною хозяйкою и после краткого отдохновения, я отправлялся, в сопровождении о. Ключаря, в хозяйском экипаже, в заштатный город Недригайлов, отстоящий от Ольшаной в 10–12 верстах¹⁰⁴⁸.

В Недригайлове, при довольно значительном населении (более 6000 душ обоого пола) приходская церковь одна, но обширных размеров. Причта по новым штатам положено быть только 2 священникам и 2 псаломщикам, тогда как прежде было 3 и даже 4 причта. Прихожане усиленно ходатайствовали, и не без основания, о назначении третьего причта, ибо при церкви находится более 300 десятин, дающей доходу ежегодно до 3000 р. Земля пожалована в 1648 г. Царем Алексеем Михайловичем, – на что имеется и Царская грамота.

О прихожанах своих настоятель церкви, священник Андрей Савинов¹⁰⁴⁹ (с 1842 г.) в рапорте ко мне делает такой странный, чтоб не сказать более, отзыв:

«Прихожан при сей церкви, как значится в исповедной ведомости за 1877 г. муж. пола 3021, женского 3262 души. Все они православного исповедания. – Все взрослые здесь в Недригайлове, как и везде, по всему свету, охотнее, при случае и обстоятельствах, прикрываются формами благочестия, а суть религии, цивилизации и прогресса также мало коснулась их, как вообще вера во Христа с добрыми делами – последствиями оной, на народы мира со дня проповеди об ней. И здесь сердце народа, как везде, благоговейно обращается на ниву, приемлющую семя Слова благодатной жизни и вскоре заглушаемую тернием и волнами страстей. И этот народ, через давление отовсюду и происходящую от него неразвитость и узкий кругозор, охотнее увлекается влиянием такой же среды, чем инсинуациями свыше».

Из Недригайлова на ночь возвратились мы в Ольшаны.

5-го ч., после ранней литургии, я отправился в дальнейший путь. В слоб. Василевке, куда я приехал около 12-ти часов и где церковь и причт нашел почти в том же положении, в каком видел их в 1875 г., – меня ожидал в доме помещицы Марьи Львовны Богаевской¹⁰⁵⁰ заранее приготовленный обед. Когда я пришел в дом, мне подано было письмо от соседней знатной помещицы, вдовы генерал-адъютанта Веры Ивановны Анненковой. Вот что она писала мне от 2-го числа:

«Высокопреосвященный Владыко!

Я сохранила такую добрую память о посещении Вашем меня и семейства моего, что льщу себя приятной надеждой, что и в этот раз Вы не откажете порадовать меня Вашим посещением и убедительно прошу Вас, Милостивый Владыко, доставить мне счастье Вас видеть в Боброве и отдохнуть в моем мирном уединении.

Мне нужен Ваш благий совет и утешение в глубокой скорби, постигшей меня, и отрадно будет не письменно, а на живых словах, выразить Вам чувства моего глубочайшего почтения и душевной преданности.

Вашего Высокопреосвященства покорнейшая слуга Вера Анненкова.

Р. С. Дочь моя, Княгиня Вера Николаевна Голицына – помещица села Славгорода крайне сожалеет, что Вы не изволите посетить Славгород (Ахтырского уезда) и просит меня в письме, которое я сейчас получила, передать Вашему Высокопреосвященству просьбу её касательно священника села Славгорода отца Герасима, которая изложена в прилагаемой записке».

Записка эта следующего содержания:

«Села Славгорода Троицкой церкви настоятель священник Герасим Кузнецов, прослужа более 35-ти лет в сане священника, вследствие расстроенного здоровья своего, желает уступить свое место сыну, настоятелю слободы Степановки, Донской епархии, Миусского Округа, священнику Николаю Кузнецову¹⁰⁵¹, который, по окончании курса учения в Харьковской духовной Семинарии, два года проходил должность учителя и законоучителя в народном училище, более года состоял в должности учителя и надзирателя при Харьковском духовном училище, ныне за усердную трехлетнюю службу в сане священника награжден набедренником...

Во уважение к семейным его обстоятельствам – смерти жены его и многочисленности семейства отца своего – 70-ти летнего старика, сын священника Николай Кузнецов может занять место священника в селе Славгороде, если Вашему Преосвященству благоугодно будет».

Прочитавши письмо Её Превосходительства, я не знал что мне делать: удовлетворить её желанию – значит ещё на сутки расстроить мой маршрут, отказать – значит огорчить столь почтенную особу. В этой нерешимости я пошел в сад, чтоб там несколько освежиться с дороги и размыслить основательно, на что мне решиться. Меня сопровождала хозяйка дома. Через несколько минут, возвращаясь уже по аллее к дому, мы видим вдали движущуюся нам на встречу фигуру в черном платье. Я, по своей близорукости, не мог скоро различить, кто эта фигура, но моя спутница с удивлением говорит мне: «ведь это Вера Ивановна Анненкова!» Действительно оказалась она. Вера Ивановна, приблизясь к нам, говорит мне: «нет, теперь вы не можете уже отказать мне в просьбе посетить меня». Действительно, как мог я отказать в этой просьбе 66-тилетней старице за 25-ть верст нарочито приехавшей звать меня. За обеденным столом решено было, чтобы я, побывавши в г. Лебедине, приехал оттуда на ночь в село Боброво – поместье г-жи Анненковой.

После обеда, поблагодаривши за гостеприимство почтенную хозяйку и простившись до приятного свидания с Верой Ивановной, я поспешил в путь и к вечеру приехал в слободу Михайловку – имение Предводителя Лебединского дворянства, графа Василия Алексеевича Капниста.

Местность слободы Михайловки – одна из самых прекрасных местностей, какие мне приходилось видеть в Харьковской губернии. Вот как описывается эта местность в Историко-Статистическом описании Харьковской епархии: «местность Михайловки прелестная. Смотря с хребта гор, под которыми расположена Михайловка, вы видите амфитеатр гор и при подошве их долину, покрытую бархатною зеленью лугов; вблизи хребтов лентой вьется р. Псел, который, орошая в весеннее время долину водою, оплодотворяет её роскошною растительностью»¹⁰⁵².

В саду графа Капниста, расположенном на горе над Пслом, поныне цел дуб (впрочем уже подсохший), под которым сидел Петр I-й, когда решались судьбы России и Швеции при Карле XII.

В Михайловке храм каменный трехпрестольный; по наружному виду и по внутреннему благолепию – один из лучших в епархии. В нем хранятся следующие святыни: а) части мощей Св. Иоанна Предтечи, великомученицы Варвары и некоторых других святых; б) напрестольный крест серебряный (без позолоты), мерою в длину 10 1/2 вершков, в поперечнике 5 1/2 в. На задней стороне креста в середине означен славянскими буквами год **†аѳмс** (1546).

Настоятель церкви Протоиерей А. Лободовский¹⁰⁵³ (с 1834) избран был духовенством в должность Благочинного; но частью по преклонности лет, частью по природной ограниченности, оказался мало способным к этой должности.

По осмотре храма, я приглашен был помещиком графом Капнистом в его дом, где предложен был мне и ночлег. Здесь с вечера выслушал я всенощную, расположившись на следующий день отслужить литургию в г. Лебедине, отстоящем от Михайловки в 9 верстах.

6-го числа, утром, в сопровождении гостеприимного хозяина, отправился я в Лебедин, где в 9 часов начат был благовест к литургии. За литургией в соборе народу было множество.

После обедни, напившись чаю в доме соборного старосты, я приглашен был на экзамен по естественной истории в женскую прогимназию, где слышал очень удовлетворительные ответы учениц.

Затем осмотрены были городские приходские церкви.

После обеда в доме градского головы (он же и соборный староста), я, для сохранения данного слова, отправился в сопровождении того же графа Капниста, в село Боброво, отстоящее от Лебедина в 15-ти верстах, в совершенно противоположную сторону от моего направления. Около 6-ти часов приехали мы в Боброво. Осмотревши церковь, я пришел в дом, мне уже знакомый; Вера Ивановна встретила меня с искренним радушием. Весь вечер и на следующий день (7 ч.) утро провели мы с ней в неумолкающей беседе. В беседе этой она изливала предо мною и скорбные и радостные чувства; вспоминала о своем знаменитом супруге Николае Николаевиче

(бывшем Киевском Генерал-Губернаторе); показывала и перечитывала мне многие очень важные бумаги, оставшиеся после него. С сердечною скорбью рассказывала мне о преждевременной кончине своей любимой невестки, жены сына её Генерал-Лейтенанта; затем с радостью сообщала мне подробности бракосочетания младшей дочери её с секретарем французского посольства¹⁰⁵⁴: как Государь Император Александр Николаевич был посаженным отцом при этом браке, а Государыня Цесаревна Мария Феодоровна была посаженною матерью; как после брака, совершенного в церкви Зимнего Дворца, жених и невеста приведены были к Государыне Императрице Марии Александровне, и Её Величество пожаловала невесте драгоценный подарок, как, наконец, Государь Император Сам благоволил привезти в квартиру её матери и ей вручить молодую чету, и проч.

С другой стороны, Её Высокопревосходительство выражала мне свое неудовольствие на приходского священника Адр. Крыжановского за его недостаточное образование (он вышел из среднего отделения Семинарии), неискусное служение, незаботливость о чистоте её домово́й церкви, несочувствие к заведенной и поддерживаемой ею школе и проч. Но, в свою очередь, и священник Крыжановский жаловался мне на излишнюю притязательность со стороны г-жи Анненковой, говорил, что она требует от него, чтобы он на малом входе, при литургии, подносил к ней, для целования, евангелие, и при встречах с нею целовал её руку. Я внушил ему, чтобы и впредь он не исполнял таких неуместных и оскорбительных для священного сана требований.

Перебирая при мне бумаги своего покойного мужа, Вера Ивановна нашла несколько печатных экземпляров его некролога на французском языке, составленного, как она мне рассказывала, Министром иностранных Дел А. М. Горчаковым¹⁰⁵⁵. Один экземпляр она вручила мне.

Кроме некролога, Вера Ивановна сообщила мне, для прочтения, довольно большую рукопись, содержащую в себе «Очерк жизни Генерал-адъютанта Николая Николаевича

Анненкова». Очерк этот составлен Преосв. Игнатием (Брянчаниновым), бывшим Епископом Кавказским¹⁰⁵⁶.

Как ни упрашивал я досточтимую хозяйку, чтоб она часом ранее приказала приготовить обед за тем, чтобы мне не слишком запоздать приездом на ночлег, назначенный по маршруту в слободе Тростянце, Ахтырского уезда, но она никак не хотела исполнить моей просьбы, желая лишний час продолжить со мною беседу. Наконец в 4 ч. пополудни я оставил Боброво.

Из Боброва путь мой лежал опять чрез г. Лебедин, где была кратковременная остановка для перемены только лошадей. Далее на пути я встретил слободу Рябушки, где был уже в 1875 г. За Рябушками начинало уже темнеть, а дорога, после довольно сильного дождя, становилась более и более затруднительною, так что не без труда могли мы добраться до слободы Белок, куда приехали мы в половине одиннадцатого часа. Далее невозможно было ехать, и я по необходимости должен был остановиться здесь на ночлег. Помещение дано было мне в доме священника Хижнякова, который, конечно, не без смущения встретил такого неожиданного гостя. Между тем, в Тростянце двое суток тщетно ожидали меня на ночлег собравшиеся там власти из Ахтырки.

8-го ч., после раннего чая, я поспешил в путь и через слободы Тростянец, Бакиревку, Кириковку, Новую Рябину, я приехал в слободу Матвеевку, где Богодуховский предводитель дворянства Д. Н. Кованько радушно предложил мне обед.

Из Матвеевки, через г. Богодухов, и слободы Александровку и Новый Мерчик, я прибыл после уже заката солнечного в слободу Старый Мерчик, проехавши в день 108 верст. Церковь в этой слободе, при освещении ночью, показалась мне очень благолепною, в изобилии снабжена от усердия благочестивого владельца Евг. Мих. Духовского священными утварями и ризницею.

Ночлег предложен был мне в помещичьем доме, который по обширности и великолепию украшений справедливо может быть назван дворцом. Но здесь случилось тоже, что и в Тростянце: меня ждали здесь на ночь 6-го числа, а я приехал 8-

го. Из трех братьев Духовских (они дети Петербургского священника) старший Евгений Михайлович, которому собственно принадлежит дом и имение, находился в это время в Париже; второй – Сергей Мих., генерал-лейтенант, на Кавказе, а младший Виктор Михайлович, остававшийся дома, с нетерпением ожидал меня, пригласив для встречи меня некоторых из соседей и знакомых из Харькова, но, после двудневного напрасного ожидания, отпустил гостей и сам отправился в Харьков по своим делам, предоставив мне, в случае моего приезда, весь дом в мое распоряжение и поручив управляющему сделать мне подобающий прием. После роскошного ужина, который разделяли со мною о. Ключарь, местный Благодичинный, приходский священник и сопровождавший меня становой пристав, я поспешил лечь в постель, чувствуя крайнее утомление от столь продолжительного дневного путешествия. Это был последний мой ночлег в дороге.

9-го числа, освежившись утреннею прогулкой по обширному господскому саду и парку и напившись чаю, я оставил гостеприимный кров и направился уже к дому. По пути осмотрел церкви в слободах Огульцах, Гиевке и Короче, и к вечеру возвратился в Харьков.

Таким образом, в продолжении 14-ти дней, мною обозрены 62 церкви и совершено 6 литургий и 2 молебна с акафистом.

14-го ч. писал я во Владимир преосв. Иакову в ответ на его письмо от 22-го мая:

«Замедлил я ответом Вашему Преосвященству, потому что письмо Ваше получено было мною накануне моего выезда в епархию. Возвратившись из путешествия, спешу исполнить должное.

Буду отвечать Вам по пунктам.

1) Спрашиваете, в чем должна выражаться особая забота епархиального архиерея об учебных заведениях?

Главная забота архиерея, по моему мнению, должна заключаться в наблюдении за добрым религиозно-нравственным направлением духовных школ. Это общая и безусловная забота. Что касается заботы о материальном

благосостоянии духовно-учебных заведений, эта забота не во всех епархиях может составлять для епархиального архиерея одинаково тяжкое бремя. В Харьковской, напр., епархии, благодаря обильным источникам церковных доходов, для епархиального архиерея меньше представляется заботы об устройстве духовных школ, чем в Полоцкой или другой какой-либо. В здешней епархии на духовно-учебные заведения и другие общепархиальные потребности приходские церкви доставляют ежегодно более 100,000 рублей. Тем не менее однако ж имеется в виду устройство, по примеру других епархий, свечного завода, хотя я и не вполне уверен, чтобы это предприятие было благоуспешно. Бывший Нижегородский Владыка¹⁰⁵⁷, посетивши меня мимоездом в Тифлис, сообщал мне, что не смотря на его личное самое тщательное наблюдение за свечным заводом, время от времени обнаруживались злоупотребления.

Новые семинарские и училищные уставы, при некоторых недостатках, имеют ту полезную сторону, что не дозволяют преподавателям и наставникам лениться и не исполнять своих обязанностей. Теперь уже не то старое доброе время, когда наставники, собравшись в сборную комнату, могли спокойно толковать о политике и курить табак, предоставляя своим ученикам полную свободу шалить и шуметь. Так было в Московской Семинарии, когда я был там ректором; так бывало и во Владимирской Семинарии, когда я был учеником. Поэтому, в настоящее время, архиерей может с большим спокойствием смотреть на учебное дело в подведомых ему школах. – Не излишне однако ж епархиальному архиерею время от времени заглядывать в подведомые ему школы, если только он имеет досуг и удобство. Я хотел бы почаще бывать, напр., в Семинарии, но не имею удобства. Вам известно, в каком расстоянии Харьковская Семинария находится от архиерейского дома. В Витебске я изредка посещал Семинарию, и эти посещения не оставались без своего рода впечатлений. Здесь же я бываю только на экзаменах в высших классах. Когда, при поездке по епархии, встречаю на пути духовные училища, то не прохожу мимо их, если в них продолжается учение.

2) Относительно крестных ходов могу сообщить Вашему Преосвященству следующее. Известно, что в Харькове, кроме общих и повсеместных ходов на реку, с 1844 г. существуют два частных крестных хода с Чудотворною Иконою Озерянской Б. Матери из города в Куряжский монастырь и обратно. При этих ходах особенность составляет то, что архиерей как встречает икону на Холодной, т. н., горе, так и провожает её до этой горы, отстоящей от архиерейского дома версты на три; на том и другом пути, против церквей, мимо коих лежит путь, архиерей осеняет иконою на четыре стороны, при обычном возглашении протодиаконом и при пении певчими: *«Пресвятая Богородице, спаси нас»*.

3) Назначением определенного срока для размещения сверхштатных священно-церковнослужителей Епарх. Начальство без нужды может стеснять себя. В недавнее время Высочайше утвержденным присутствием предоставлено епарх. архиереям право размещать сверхштатных на вакантные штатные места по своему усмотрению, и если бы назначаемый вздумал уклоняться от указываемого ему места, то он рискует быть зачисленным в *безместные*. А слышали ли Вы, что на днях случилось, по милости этой реформы, в Курской епархии? Один сельский священник, очень небедный, желая поскорее освободиться от сверхштатного причетника, в одну ночь отправил его в гроб, угостивши чаем, приправленным мышьяком. Об этом производится уголовное следствие».

15-го числа писал я *новому* Ректору Московской Д. Академии, протоиерею Сергию Константиновичу Смирнову:

«Приношу Вам искреннейшее поздравление с получением благодати священства, и с новою высшею почетнейшею должностью. Да дарует Вам Пастыреначальник Господь Иисус Христос ходить достойно Вашего нового священного звания и да благопоспешит Вам в исполнении новых многотрудных обязанностей Вашего служения на пользу Церкви и Отечества!

Из подписи под бумагою на мое имя с препровождением документов студента Буткевича¹⁰⁵⁸ я в первый раз удостоверился о Вашем новом назначении.

Но скажите, пожалуйста, что я должен делать с Буткевичем и чего могу ожидать от него? На первый раз я поместил его у себя в архиерейском доме; ему предложена должность надзирателя при Семинарии, но он отказывается от неё по причине болезни. Желал бы я однако ж знать, действительно ли физическая болезнь была причиной его преждевременного выхода из академии; не было ли соединено с нею другой более опасной болезни?..

Как же Вы, достопочтеннейший о. протоиерей, вступаете в свое новое служение, как начинаете управлять вверенным Вам заведением, какие созидаете планы для возвышения религиозно-нравственного и умственного уровня Ваших питомцев?..

Что скажу Вам о себе? Недавно возвратился из поездки по епархии; путешествовал две недели; много видел, много слышал всякой всячины; встречалось на пути нечто и прискорбное, но немало вынес из своего путешествия и отрадных впечатлений. В народе видится искреннее усердие к церкви; в нем горит живое религиозное чувство, но, к сожалению, мало, очень мало осмысленного. Можно возлагать в будущем добрые надежды на народные школы, если только они будут в добрых руках. Духовенство приходское, если захочет, может иметь сильное влияние на народные массы, но ему самому ещё много недостает. Помещики, в большинстве, способствуют учреждению и процветанию школ. Здесь есть ещё довольно зажиточные помещики, хотя многие из них находятся в руках уже купцов – сахароваров и других промышленников. Прием для меня у помещиков был необыкновенно радушный. За все благодарение Богу!»

26-го ч. представлен был мне профессором физической географии в Харьковском Университете Юрием Ив. Морозовым¹⁰⁵⁹ план ограды Хорошевского женского монастыря с следующей под ним подписью: «Согласно указаниям монахинь, поиски железной двери и скрытого за нею помещения были произведены у западной части ограды и преимущественно на внутренней стороне её, что обозначено толстою черною чертою, – всего на протяжении более 40 сажень; со внешней

стороны ограды раскопка сделана меньшая. В пункте, означенном буквою А., в фундаменте ограды найдено подобие арки, какая могла быть сделана над дверью, но самой двери там не оказалось; быть может она была тайно вынута людьми, делавшими ограду; помещение же, находившееся за дверью, вероятно завалилось гораздо раньше постройки ограды».

Я должен объяснить, по какому поводу составлен был этот план ограды и какой имеет смысл сделанная под ним подпись.

Два телеграфиста Харьковской железной дороги, слышавшие от своей родственницы, проживавшей в Хорошевом монастыре, будто, при построении новой каменной ограды в сороковых годах текущего столетия, найдена была в земле запертая железная дверь, за которой, как полагали, сокрыты были какие-то сокровища, но которая, по приказанию игумении, была снова завалена землей, – подали Министру Внутренних дел прошение о дозволении им отыскать эту дверь и воспользоваться сокрытыми сокровищами за нею. Прошение это передано было Министром Обер-Прокурору Св. Синода, а этот препроводил оное ко мне на зависящее распоряжение. Я отнесся к Университетскому Начальству с просьбой поручить кому-либо из профессоров произвести около монастырской ограды раскопки для отыскания указываемой телеграфистами железной двери. Труд этот принял на себя помянутый профессор Морозов, но его работы не привели его, как видно из подписи под означенным планом ограды, ни к каким положительным результатам, о чем и сообщено было мною Синодальному Обер-Прокурору.

27-го ч. получено было мною два письма – одно из Киева, другое из Москвы.

Из Киева писал мне от 24-го числа профессор духовной академии Дм. Вас. Поспехов¹⁰⁶⁰:

«Ответное письмо Ваше ко мне от 2-го мая, сопровождаемое такими очевидными, вещественными и словесными знаками милостивого внимания Вашего Преосвященства к моему недостоинству, глубоко тронуло меня. Сердечно благодарю Вас, что в широте Вашего сердца отведен и для меня теплый уголок.

Книгу Вашу «Воспоминания о Преосвящ. Леониде» я прочитал, почти без перерыва, хотя время мое и было полно заботами и работами разного рода: так она заинтересовала меня! Из неё я впервые узнал подробно и обстоятельно о тех редких и замечательных чертах и обстоятельствах жизни покойного, которые так привлекали к нему сердца всех вступавших в общение с ним, но о которых я имел доселе очень смутные представления.

За милостивое приглашение Ваше к личному свиданию с Вашим Преосвященством усердно благодарю, – и при случае воспользуюсь им: ведь я частенько езжу на родину¹⁰⁶¹.

В настоящее лето всё мое семейство переехало на дачу – в Китаев. Завтра еду и я, покончив с большим трудом и изнеможением годовичные учебные занятия. Здоровье мое что-то опять сильно страдает; может быть дачная жизнь немного оправит его. Дай Бог.

Испрашивая Архипастырского благословения Вашего себе и семейству своему, с чувствами высокого почитания и совершенной преданности, честь имею быть».

Из Москвы от 24-го же числа писал мне профессор Московского Университета Ф. И. Буслаев¹⁰⁶²:

«Отправляя своего сына Владимира в Харьковский учебный Округ на службу, я вменяю себе в особенное счастье, что могу рекомендовать его Вашему просвещенному вниманию, в надежде на то благоволение, которым я и мое семейство всегда пользовались от Вашего Высокопреосвященства.

Некогда Вы преподали моему сыну благословение на успех в науках. Теперь вновь прошу Вас всеусерднейше не отказать ему в Вашем архипастырском благословении на его служение отечеству в качестве наставника и педагога.

Благоволите, Ваше Высокопреосвященство, принять уверение в моем глубочайшем к Вам уважении».

Сын почтенного профессора, преподаватель Коломенской прогимназии, Владимир Федорович, лично вручивший мне письмо своего родителя, приглашен был мною к обеденному столу.

28-го ч. получено было мною письмо из Москвы от А. Е. Викторова, который писал мне от 26-го числа:

«Преосвященнейший Владыко! простите великодушно, что, пославши Вам, больше недели тому назад, своего рукоделья книгу, я доселе не написал Вам в объяснение той странности, что на этой книге выставлен 1877 г., а к Вам она пришла уже в 1878 г. Книга эта, составленная мною по званию Архивариуса оружейной палаты, напечатана мною (на счет Министерства Двора) ещё два года назад; потом в 1877 г. напечатан к ней и заглавный лист; а так как наш министр в прошлом году и в начале нынешнего был на Дунае, то и разрешение на выпуск книги вышло только в начале нынешнего месяца. Мне дано при этом 200 экз.; 30 экз. приказано разослать по разным ученым обществам и учреждениям, а остальные 170 экземпляров (из 600) велено хранить в архиве и без разрешения Министра Двора не расходовать. Вот это то я и хотел объяснить в письме к Вам, при посылке по-видимому запоздалого подарка. В той же посылке я послал отдельные оттиски своей статьи об описях патр. ризницы. Решительно не помню, послал ли я Вам эти оттиски в свое время, или нет. Если послал, то эти экземпляры покорнейше прошу, как и 2-й экземпляр описания архива Оруж. палаты, передать в Семинарию, или вообще распорядиться по Вашему усмотрению.

Вот уже около двух недель горю нетерпением пуститься на юг, в Крым; но доселе никак не могу выбраться из Москвы. Уехал в отпуск мой товарищ по архиву, другой архивариус, а я сижу у моря и жду погоды, и, кажется, ранее 5-го июля не удастся выбраться. На этот раз, увы, я еду на юг, уже не для удовольствия, а для лечения. Всю нынешнюю зиму у меня страшно болела голова, от чего более месяца я пролежал в постели. Болезнь мою доктор объясняет золотухой, той самой, от которой происходили у меня прежде припадки и обмороки. Теперь от той же золотухи пришла другая беда, сильная, особенно после сна, головная боль, вследствие которой почти всю нынешнюю зиму не мог ничего делать. Для упразднения этой болезни мне и советуют прибегнуть к Сакским грязям (подле Евпатории), как самому сильному специальному

средству против ревматизма и золотухи. К этой поездке меня особенно одушевил своими рассказами отец архим., теперь Епископ Михаил¹⁰⁶³. Если на Сакских грязях доктора скажут, что они не идут к моей болезни, поеду в Пятигорск. К сожалению я уж порядочно опоздал делать эти экскурсии, и придется спешить и спешить. От этого к Вам едва ли мне удастся заехать, разве на обратном пути.

В Москве у нас все по-прежнему. Вчера был на даче у Ф. Ив. Буслаева, который просит меня кланяться Вам. Вместе с тем он надеется, что Вы не откажете в Вашем покровительстве сыну его, который на днях явится к Вам.

В конце прошлого месяца я делал экскурсию в Ростов, Ярославль и Кострому (по части старой славянской печати). В Ярославле познакомился с Преосвящ. Ионафаном¹⁰⁶⁴, а в Кострому попал прямо на именины к Преосв. Игнатию. Костроме он очень понравился, получил репутацию человека благочестивого и правдивого, беспристрастного. Но окружающим не нравится, что в 2 часа утра встает и зовет их к заутрене. В Ярославле виделся с А. П. Лавровым, о существовании которого в Лицее узнал из Вашей книги. Похвалите меня, я прочел её всю с начала до конца, с большим удовольствием. Особенно приятно было вспомнить первые годы Вашей службы в патриаршей ризнице.

Ив. Д. Бердников¹⁰⁶⁵ по-прежнему служит – и в певч. училище и в Музее. Собирается ехать на июль в Киев к Преосв. Михаилу, но не знаю, при своей неподвижности соберется ли.

Библиотеку Григоровича¹⁰⁶⁶ мы купили всю – и рукописи и печатные книги. Недавно к нам поступила и библиотека Чижова¹⁰⁶⁷ и кабинетная г-на Погодина, подаренная вдовой его».

30-го ч. получено было мною письмо из Москвы от Протоиерея С. И. Зернова, который писал мне от 28-го числа:

«Думаю, что Ваше Преосвященство теперь пребываете не в Харькове, а в загородном архиерейском доме и пользуетесь свежим воздухом. Да обновятся Ваши силы на продолжение многотрудного святительского служения благу Церкви!

И мы тоже, глядя на других москвичей, выбрались из Москвы в деревню ближайшую к нам. Деревушку эту зовут Фили. Там на арендуемой у крестьянина земле имеем мы хорошую избу, разделенную на два жилья. Шагах в 30 от неё находится роща, а за нею большой Кунцевский лес и парк. Растительности вдоволь, воздуха чистого и свежего – также. На террасе, перед лицом рощи, пьем чай, обедаем. Я обыкновенно, отслужив в воскресенье раннюю обедню, уезжаю на Фили и остаюсь там до вечера вторника, ежели не случится каких-нибудь особенных потреб по приходу, а с среды до воскресенья живу в Москве. По должности члена Консистории я не имею права гулять два дня в неделю, но мои благосклонные товарищи изъявили готовность бывать и за меня и за себя по понедельникам и вторникам, а я держу череду за себя и за них по средам и четвергам. Пятница у нас есть день общего собрания.

В половине июля к нам прибыл новый Секретарь – Вам, я думаю, и по Семинарии небезызвестный. Это – Алексей Егорович Беляев¹⁰⁶⁸ моложе нас курсом, кандидат нашей академии, из Владимирской Семинарии, родной брат Преосвященного Вятского Аполлоса¹⁰⁶⁹. Человек, кажется, хороший. Вероятно и Секретарь будет хороший. Дела Консисторские, без сомнения, должен знать хорошо – служил лет 12 Секретарем Курской духовной Консистории.

Наш маститый Архипастырь живет теперь в Черкизове и, конечно, может отдыхать там покойно, имея таких благонадежных и преданных помощников, как Преосвященные – Амвросий и Алексей. Распоряжениями их и действиями все довольны. Отношения между ними и Консисторией наилучшие – всё обещает Московской епархии благоденственное и мирное житие. В настоящее время у нас, как и везде, и в Харькове, конечно, заботу дня составляет добровольный флот. Только в Николоявленском приходе сей предмет не возбуждает пока движения, по запустению прихода; наши прихожане, в большинстве дворяне и помещики, все разъехались по своим имениям, а другие живут на дачах. Итак надобно дожидаться, когда возвратятся в Москву.

Ваше Преосвященство желаете знать, как решено дело по просьбе раскольников о снятии печатей с алтарей в храмах Рогожского кладбища. Я, кажется, писал Вам, с какою ловкостью воспользовались они последней войной за освобождение единоверных нам славянских племен, чтобы расположить Государя и им – Его собственным верным подданным даровать свободу молиться за него, которой будто бы лишены они чрез запечатание их алтарей. Консистория, рассмотрев обстоятельство, вследствие которых последовало Высочайшее повеление о запечатании раскольниковских алтарей на Рогожском кладбище, по настоянию Митрополита Филарета, – пришла к следующему заключению: из вышеписанного видно, что: 1) раскольники Рогожского Кладбища не лишены святой молитвы, как они пишут во всеподданнейшем прошении, а лишены только открытого богослужения, по непринятию ими законно-поставленных священников; 2) в 1856 году не по распоряжению бывшего Министра Внутр. Дел г. Бибикова, а по Высочайшему повелению алтари их часовни, за выбытием из раскола последнего священника Русанова, запечатаны с воспрещением допускать новых священников без присоединения к православию или единоверию; 3) ходатайство раскольников об открытии алтарей в Рогожских часовнях противно ясно выраженной на журнале Секретного Комитета 1856 г. июня 16 дня Высочайшей воле ныне Царствующего Государя Императора; 4) ходатайство сие или не имеет цели, или имеет целью, также вопреки Высочайшей воле, домогательство признания законным открытого богослужения чрез так называемых австрийских лжесвященников, которых теперь большая часть поповцев принимает, и таким образом допущение в единой соборной и Апостольской церкви двух иерархий друг от друга независящих и равноправных – что не только противно существу и духу церкви православной, но и гражданскому строю.

По сим соображениям Консистория полагает ходатайство приемлющих священство раскольников, изложенное во всеподданнейшем прошении их об открытии алтарей в Рогожских часовнях признать неподлежащим удовлетворению и

сие заключение от лица Его Высокопреосвященства представить г. Обер-Прокурору Св. Синода – причем возвратить и подлинное прошение Рогожских раскольников.

Что за сим последовало, нам пока неизвестно. Вероятно, до времени заключение Москов. Консистории будет иметь действие».

1-го Июля получено было мною письмо от Ректора Московской д. академии, Протоиерея С. К. Смирнова. Вот что он писал мне от 28-го июня, на первый раз, по назначении его на новую высшую должность:

«Усерднейшее благодарю Вас за Ваше дорогое для меня приветствие с новым саном и новою должностью. Господь устроил дело – избрал меня недостойного на служение святой Своей церкви, для меня неожиданно и непостижимо. Помолитесь о мне, да не явлюсь рабом неключимым.

Обстановка моей жизни с новою должностью изменилась. Сказано негде¹⁰⁷⁰: *«и имущий жены, якоже неимущий, будут»*. Я живу в комнатах ректорских один, там и ночую, а питаюсь студенческими яствами. В праздники обедаю в семье, с которою выдаюсь и в будни часа на полтора, и то не всякий день. К такому одиночеству я не был побужден указом Св. Синода, а сам почел необходимо нужным постоянное пребывание в Академии, тем более, что Инспектор П. И. Горский живет в посаде. Я скоро привык к новому положению и новой жизни; жена моя также не скучает, имея при себе семью. Что касается администрации, то семилетняя инспектура сделала меня уже довольно опытным в этом отношении.

Пребывая в Лавре, я познакомился со своим соседом о. Наместником Леонидом. Но сблизиться с ним считаю неудобным, потому что это человек горячий, безалаберный и крайне неуживчивый. Он всё ломает, и ничего не созидает. В короткое время своего правления он успел со всеми переругаться.

Имею к Вам маленькую просьбу. Мне нужны сведения об о. Иакове Пospelове, который был Инспектором Харьковской Семинарии при Архиеп. Филарете и потом послан был в Рим. Прикажете снять копию с его послужного списка с

присовокуплением, когда он выбыл из Семинарии, и пришлите мне».

В ответ на это я писал ему от 7-го июля:

«Препровождаю Вам при сем, потребную для Вас, копию формулярного списка бывшего Инспектора Харьковской Семинарии, архим. Иакова, с желанием скорейшего окончания Вашего многолетнего труда.

Покойный Архим. Иаков мне лично был известен; я видел его в Москве, когда он (в декабре 1852 г.) отправлялся в Римскую миссию. Он мне представился тогда очень болезненным.

О Буткевиче я должен Вам доложить, что он едва не умер у нас; он подвергся тифу, но наш монастырский врач спас его от угрожавшей ему смерти. Ваши мысли касательно поступления его в Университет я вполне разделяю; но я не успел ему сообщить эту мысль, так как он до получения мною вашего письма отправился к матери в деревню.

Приветствую Вас с прошедшим Лаврским праздником¹⁰⁷¹. Без сомнения, на праздник приезжал кто-либо из Московских святителей, и Вы, вероятно, не уклонились, по примеру вашего предшественника, от участия в церковном Лаврском торжестве».

6-го ч. получен был мною из Св. Синода *секретный* указ от 28-го июня (№ 2059), коим поручалось сделать зависящее распоряжение о том, чтобы крайне вредная по своему направлению брошюра, под заглавием: «Страдания Великого Учителя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа», не была перепечатываема в епархиальных изданиях, и чтобы епархиальные цензора с большой осмотрительностью пропускали как статьи, предназначенные к печатанию в изданиях Харьковской епархии, так и отдельные духовного содержания брошюры и сочинения.

В точном исполнении этого указа взяты были мною подписки от цензора Харьковских Епархиальных Ведомостей, Протоиерея Александра Федоровского, и от редактора тех же Ведомостей, Протоиерея Иоанна Чижевского.

9-го числа получено было мною письмо из Витебска от А. П. Ушаковой, которая писала мне от 6-го числа:

«У нас, вчера (5-го ч.), скончалась Мария Александровна Боден¹⁰⁷² в 1 3/4 дня, в полной памяти, тихо; исповедовалась и причащалась и соборовалась, а чрез 10 минут отошла ко Господу.

Зная, как Вы уважали и любили М. А., я не могла, Владыка, не сообщить Вам этого горестного известия. Я уверена, что Вы помолитесь за усопшую. Да и мне её жаль: я её очень любила».

9-го ч. была у меня дочь отставного чиновника (совоспитанника по Белгородской Семинарии преосвящ. Вениамина, моего Викария), девица Ек. Мих. Смирницкая, по-видимому, очень набожная. Она сообщала мне о нападении на неё злых духов (о чем я слышал уже прежде от Преосвящ. Вениамина); при этом говорила, что ей являлась неоднократно и Божия Матерь и Сам Спаситель, вручивший ей как бы в залог духовного обручения вещественное кольцо; показывала притом шапочку с изображениями на ней Распятия Господня с предстоящими и Херувимов, данную ей от какого-то юродивого Ивана, а сим полученную якобы с неба. Впоследствии, как увидим, Смирницкая оказалась неблагонамеренной обманщицей.

10-го ч. получено было мною два письма – одно из Москвы, другое из Петербурга.

Из Москвы писал мне от 7-го ч. новорукоположенный Епископ града Можайска, Преосвящ. Алексей:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь, Отец и Благодетель!

Смирнейше испрашиваю прощения Вашего Преосвященства в том, что до сего дне не исполнил моего священнейшего пред Вашим Преосвященством долга – не испросил Вашего Архипастырского благословения мне новому во Архиерействе, столь внезапно возведенному на сие великое и страшное служение. Приимите покаяние, не положите гнева и продолжите милость.

По неисповедимым судьбам Божиим я, недостойнейший, столь внезапно возведен на великое и страшное Епископское

служение, что не могу и помышлять о сем без чувства величайшего страха. Ещё только шесть месяцев, как я был мирянином, девять месяцев как я был женатым человеком; и ныне уже – Епископ. Боже мой, помилуй мя! Вот краткая повесть моего необычайного шествия к Епископству. 9-го января Преосвященнейшим Игнатием я пострижен в монашество на Саввинском подворье; при чем возведен был к пострижению из той самой моленной, в которой покойный Преосвященный Леонид благословлял меня и молился обо мне в 1872 г. во время тяжких моих обстоятельств в Петербурге¹⁰⁷³. 10-го числа рукоположен во иеродиакона в Чудове монастыре, 12-го – во иеромонаха в Университетской Церкви; 17-го Марта, в день Алексея человека Божия, в Алексеевском монастыре, Преосв. Амвросием (в мире Алексеем Осиповичем) иеромонах Алексей произведен во архимандрита; 6-го Апреля Высочайше утвержден и 30-го апреля хиротонисан во Епископа Можайского, в Петербурге, в Исаакиевском Соборе. По случайности, конечно, но знаменательной для меня, я видел до своей хиротонии только одну хиротонию – первого Можайского Епископа в ноябре 1862 года, и сейчас ещё слышу голос знаменитого, но уже остаревшего Антоныча¹⁰⁷⁴: «приводится Боголюбезнейший, избранный и утвержденный священно-архимандрит Савва хиротонисаться во Епископа Богоспасаемого града Можайска».

Второй раз услышал тоже самое, только с именем Алексия на своей хиротонии. Хиротонии Преосвящ. Игнатия не видел, потому что был в отпуске; в Петербурге во время моих туда шатаний хиротонии были, но я на них не бывал: думал, что это никогда не будет меня касаться. С 7-го мая я в Москве, в тех палатах, на Саввинском, которые столь Вам известны. Можайский – ныне помещается на Саввинском, а Дмитровский – в Богоявленском. И это, конечно, случайность; но также моему, не без знаменования: нынешний Дмитровский пострижен в Богоявленском, а Можайский на Саввинском. Так и жить им пришлось.

Прекраснейшую и поучительнейшую книгу Вашего Преосвященства я читаю именно в настоящие дни и дошел уже до 271-й страницы. Земное поклонение должно быть Вашему

Преосвященству от обоих Московских Викариев (от Можайского сие в настоящий же раз и исполняется): это инструкция и настольная книга для них. Приведи, Господи, Московским Викариям жить всегда так, как жили два Викария, трогательная дружба которых изображена в книге Вашего Преосвященства. Чистота, откровенность, благородство, твердость Вашей благороднейшей души – здесь как в зеркале. Возрадовался, верю, Ваш знаменитый друг в обителях небесных о Вашем чистом о нем слове. Возрадовались и многие близкие ему по духу и великое благодарение воздают Вашему Преосвященству; я это слышал, а Ваше Преосвященство, надеюсь, имеет письменные о сем уверения.

Смиренно испрашивая себе Архипастырского благословения и святительских о моем недостойнстве молитв, с глубочайшим почитанием и совершеннейшею преданностью имею счастье пребыть Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря, Отца и Благодетеля смиренный послушник Алексей Епископ Можайский.

Позвольте, Преосвященнейший Владыко, указать ещё одну, по-моему, знаменательную случайность, или совпадение: 30 апреля 1870 года было первое заседание Комитета о преобразовании духовно-судебной части, где и я был: 30-го апреля 1878 года – моя хиротония во Епископа».

Преосвященный Алексей, в мире Александр Феодорович Лавров-Платонов, по окончании курса в Московской Д. Академии в 1854 г. *первым* магистром, оставлен был при академии на должности бакалавра по кафедре церковной словесности и канонического права. В 1864 г. получил звание экстра-ординарного профессора. В 1872 г. вызываем был в СПб. для участия в Комиссии по делу церковно-судебной реформы.

16-го ч. получено было мною письмо из Костромы.

Писал мне от 12-го числа молодой преподаватель Семинарии Николай Александрович Заозерский¹⁰⁷⁵, мне в то время вовсе неизвестный:

«Имею честь представить Вашему Преосвященству мою книгу: «Церковный суд в первые века христианства»¹⁰⁷⁶; она писана на соискание ученой степени магистра Богословия.

Покорнейше прошу Ваше Преосвященство благосклонно воззреть на труд мой, побуждением к которому служило усердное желание сказать слово правды по одному из важнейших вопросов современной церковной жизни».

Присланная мне в дар книга доставила автору её ученую степень магистра и должность доцента при воспитавшей его Московской Д. Академии.

19-го ч. писал я в Москву протоиерею С. И. Зернову, в ответ на его письмо от 28-го июня:

«Поздравляю Вас с новым секретарем. А. Е. Беляев мне известен с давних пор; секретарская должность ему, без сомнения, хорошо знакома.

Москва, вместе с её Архипастырем, конечно, должна быть вполне довольна такою двоицею Викариев, каковы Преосвященные Амвросий и Алексей. Лучших Викариев, трудно и пожелать. На днях от одного из них, именно от преосв. Амвросия получил я поклон и ему отвечал тем же: а другой, т. е. преосв. Алексей, почтил меня любезным-прелюбезным письмом, в котором, между прочим, пишет о моей книге и называет её «инструкцией и настольной книгой для Московских Викариев».

За сообщение решения Вашей Консистории по делу о снятии известных печатей приношу Вам искреннюю благодарность. Решение разумное и резонное.

В заключение послания позвольте мне обратиться к вашему любомудрию за разрешением следующего моего немаловажного недоумения.

В последней – июльской книжке Душеполезного Чтения я прочитал статью некоего С. П. П., под заглавием: «Безгрешность Господа нашего Иисуса Христа, как доказательство Его Богочеловеческой природы»¹⁰⁷⁷. На стр. 273 я неожиданно поражен был следующими словами: «Все добродетели Христа и вообще все Его нравственное совершенство не было Ему врожденно, не было дано Ему готовым от природы, напротив, дух Его только постепенно развивался, проходил истинно-человеческий путь развития и

этот путь совершал не без борьбы с естественно-чувственными влечениями своей физической природы» и пр.

Что это? Стало быть, и к Воплотившемуся Сыну Божию можно относить слова Ап. Павла, которые он, в послании к Римлянам (Рим.7:23), написал о себе и в своем лице о всем падшем человечестве: *вижду ин закон во удех моих, противу воюющъ закону ума моего...!* Стало быть, и безгрешный Господь Иисус Христос мог сказать о себе то, что далее, в 25 стихе, говорит о себе Апостол: *окаянен аз человек* и пр. – Так или нет? Научите и вразумите меня на сей раз, достопочтеннейший о. Стефан.

Нет, если бы автор статьи посмотрел и прочитал § 136 Православно-Догматического Богословия Макария Еп. Винницкого (т. II. Спб. 1851 г.), где собраны и процитированы относящиеся к этому предмету места из Творений Св. Отцов и где учение, подобное учению автора означенной статьи, названо *лжеучением*, осужденным на V Вселенском Соборе, – он не написал бы таких гнилых и нездравомысленных слов.

Прискорбно было бы думать, что указанная мною статья Душеп. Чт. принадлежит перу духовного писателя, получившего высшее духовное образование. Нет, мне думается, что это мудрование какого-либо светского писателя, мнящегося быть мудрым, но не о Христе. Неправда-ли?»

21-го ч. получено было мною письмо из Киева; от 18-го ч. писал мне профессор дух. академии, земляк В. А. Певницкий:

«Я имел честь получить книгу Вашего Преосвященства «Воспоминания о Высокопреосвященнейшем Архиепископе Леониде». Приношу Вам глубочайшую благодарность за дорогой подарок. С большим интересом я прочитал книгу Вашу, и, когда кончил чтение её, жалел, что долее не продлилось то высокое удовольствие, какое я испытывал при чтении книги.

Я живо помню то приятное впечатление, какое произвел на меня и на моих товарищей по семинарии и академии преосвящ. Леонид. Отправляясь¹⁰⁷⁸ из Владимира в Киевскую академию на приемный экзамен, я вместе со Сперанским¹⁰⁷⁹, братом¹⁰⁸⁰ и Дм. В. Поспеховым счел долгом явиться к Вам, когда Вы жили в комнатах Синодального Ризничего, и, вслед за нами, к Вам

вошел покойный преосв. Леонид. Узнавши, кто мы, он обратился к нам с несколькими ласковыми одобрительными и неожиданными словами. Другой раз мне привелось видеть его в Киеве; в этот раз я мог видеть только его высокое молитвенное настроение, какое заметно было в его внешности при посещении святынь Киевских.

Собственно Академия новым ректором¹⁰⁸¹ чрезвычайно довольна. До сих пор он никому не дал повода к осуждению себя за что-либо, и держит себя с большим тактом.

Брат мой, ректор Воронежской семинарии¹⁰⁸² в настоящее время живет в Липецке, – пользуется, по совету врачей, тамошними водами для поддержания своего некрепкого здоровья. Липецк чрезвычайно приятное место для летнего житья и очень полезное для слабых здоровьем. Нынешний год, по словам брата, он переполнен приезжими со всех концов России».

Выше, при описании моего пребывания, 7-го июня, в селе Боброве у вдовы генерал-адъютанта В. И. Анненковой, было сказано, что я взял с собою в Харьков, для прочтения, рукопись, под заглавием: «Очерк жизни генерал-адъютанта Николая Николаевича Анненкова», составленный родственником покойного Епископом Игнатием Брянчаниновым. Прочитавши эту интересную рукопись и сделавши из неё краткие выписки; я возвратил оную Вере Ивановне при следующем письме от 22-го июля:

«С искреннею благодарностью возвращаю при сем Вашему Высокопревосходительству рукописное жизнеописание Вашего досточтимого супруга. С душевным удовольствием прочитал я эту рукопись; она и по изложению своему, но в особенности по содержанию, заслуживает полного внимания. Благодарение почившему святителю (преосвящ. Игнатию – Брянчанинову)¹⁰⁸³, принявшему на себя труд составления и изложения биографии одного из именитых современных деятелей на разнообразных поприщах служения отечеству. Жаль, что эта рукопись остается ненапечатанною. В ожидании полной биографии Николая Николаевича, мне кажется, и это краткое жизнеописание могло бы принести читателям и чтителям памяти покойного немало

пользы и назидания. Тем большего уважения заслуживает память Николая Николаевича, что он своими личными достоинствами, после Творца Бога, обязан единственно самому себе, своему самообразованию и своим неусыпным и честным трудам.

Подобный пример самообразования видел я в покойном генерал-адъютанте С. П. Шипове¹⁰⁸⁴. В 6-м № Русского Архива текущего года напечатаны его воспоминания. В этих воспоминаниях содержится много сходного в обстоятельствах жизни Сергея Павловича с обстоятельствами Николая Николаевича. Если Вы не читали эти воспоминания, рекомендую прочитать.

Позвольте затем принести Вашему Высокопревосходительству мою сердечную благодарность за Ваше радушное гостеприимство. С утешением вспоминаю о проведенном у Вас времени.

Призывая на Вас и на присных Вам Божие благословение, с истинным почтением и признательностью имею честь быть»...

В ответ на это письмо от 22-го июля В. И. Анненкова писала мне от 27-го числа:

«Искренно и душевно благодарю Вас за Ваши добрые строки от 22-го сего июля и за возвращение рукописи покойного Епископа Игнатия. Ещё за многое полно мое сердце признательности к Вам – за отрадное посещение Ваше и за те часы, которые Вы пожертвовали мне на берегу Псла в моем мирном уединении. Храню о них самое приятное воспоминание, а так как воспоминание особенно дорого, когда оно дает надежду в будущем, то я льщу себя приятной надеждой, что быть может будущим летом Вы снова изволите осчастливить меня Вашим посещением и отрадной беседой, и что я лично буду иметь возможность высказать Вам мои впечатления при чтении воспоминаний о Высокопреосвященном Леониде.

Одно могу сказать Вам, что Вы вполне достигли желанной цели труда Вашего. Воспоминания Ваши заставляют любить и чтить память покойного Святителя Леонида, и также заставляют любить и уважать друга его – автора воспоминаний.

Предоставляю себе также изустно изъяснить Вам причины, по которым я не желаю печатать при жизни моей очерк жизни моего незабвенного Николая Николаевича: я уверена, что когда Вы их узнаете, то одобрите меня.

Примите, многоуважаемый, милостивый Владыко, искреннее изъяснение моего душевного уважения и преданности и позвольте мне поручить себя и семейство мое святым молитвам Вашим».

23-го писал я в Витебск начальнице женской гимназии А. П. Ушаковой:

«Поездка моя по епархии совершилась благополучно. Обзорение церквей Харьковской епархии вообще гораздо труднее сравнительно с Полоцкою и требует более времени. Когда я путешествовал по прежней своей епархии, то при посещении церквей, нередко и даже большей частью, встречал в них только причты со старостой и разве десятка два-три прихожан; исключение составляли только города и местечки. Здесь же в каждой церкви видишь не сотни, а тысячи народа, и все с необычайным рвением требуют архиерейского благословения. Там, бывало, проедешь 50–100 верст, и едва встретишь на пути одну-две православные церкви; здесь от одной слободы до другой пять, десять, редко двадцать верст. Там можно было ездить мне одному, без свиты; здесь это дело невозможное. Народ здешний так любит видеть архиерейское богослужение, что выезжают верст за пятьдесят и более вперед депутации просить меня совершить в том или другом селении, если не литургию, то акафист пред местной святыней; о городах и говорить уже нечего. Если проехать через город без служения, значит огорчить граждан. Таким образом в нынешнюю двухнедельную поездку я совершил 6 литургий и прочитал 2 акафиста. В здешней губернии довольно ещё зажиточных помещиков и богатых землевладельцев. Все они наперерыв один пред другим упрашивают архиерея посетить их дома и поместья. Один знакомый мне по Москве помещик (И. К. Калугин), состоящий на службе в Петербурге, узнав, что я буду проезжать через его имение, оставил все дела и поспешил в свое поместье, чтоб принять меня и упросить отслужить в своей

приходской церкви. Мог ли я отказать в удовлетворении такому усердному желанию? Другая богатая помещица – генеральша (Шатова) собралась было уже, по своим домашним обстоятельствам, в Крым, но узнавши о моей поездке по тому уезду, в котором она живет, отложила свое путешествие, чтоб не лишиться моего посещения. В устроенной ею и мною в 1875 г. освященной церкви мне привелось ныне праздновать праздник Св. Троицы, – Третья великоважная особа, вдова бывшего Киевского Генерал-Губернатора Анненкова, 66-летняя старица, у которой в доме я имел ночлег в 1875 г., узнав, что ныне её имение и приходская церковь не значатся в моем маршруте, написала мне письмо и прислала его в дом к своей соседке-помещице, за 25 верст, где для меня приготовлен был обед. В письме этом она убедительно просила меня ещё раз посетить её. Но едва успел я прочесть письмо, как является сама сочинительница письма, чтобы к письменной просьбе присоединить личную. Судите сами, мог ли я не удовлетворить столь искреннего желания вельможной старицы? На другой же день я приехал к ней и провел в её прекрасной усадьбе с обширным садом, на берегу довольно большой реки, целые сутки.

Вот Вам отчет о моей поездке.

С 9-го июля сижу в своем Всехсвятском и наслаждаюсь чистым воздухом, но перестал с первых чисел сего месяца пользоваться свежей водою; по причине частых дождей и довольно холодной погоды».

24-го ч. получено было мною письмо из Авраамиева Городецкого монастыря, Костромской епархии, от преосвященного Игнатия; он писал мне:

«Преемник мой по Можайской кафедре и Савв. Монастырю – Преосв. Алексей, как слышно, возбуждает немалое сочувствие среди духовенства и купечества; он пишет, что не может ещё привыкнуть к новому своему положению. Обитатели Саввинского подворья благодарят Бога за такого настоятеля.

11-го июля выехал я для обозрения епархии в Солигаличский и Галичский уезды; 13-го июля я едва не подвергся великой опасности. Нужно было на *пароме* через

небольшую реку переехать. Как скоро карета въехала на паром, некоторые бруссы на пароме опустились, и карета попала в воду; я сидел со своим наместником Архим. Иаковом. Хотели выйти из кареты в лодку; но вода стала более и более наполнять карету. Придумали вынуть нас из окна кареты в лодку; лодка едва прошла, будучи приближена к карете. Становой предложил свой малый экипаж для меня, промочившего ноги и нижнюю часть рясы и подрясника; я поехал в село другое, за *три версты*, и прямо в дом священника, где нужно было согреться и обсушиться. Карету привезли гораздо позднее. Чемодан и все вещи оказались измоченными. Впрочем часа через два снова продолжали путь, и на ночлег благополучно приехали, хотя и поздно. Благодаря принятым мерам, здоровье, кажется, не пострадало, по милости Божией. В реке вода глубиною была четырех аршин; и если бы мы промедлили, карета могла бы утонуть. Становой был новый, не знавший хорошо местности.

На ночлеге мы сочли долгом совершить в церкви благодарное молебствие.

В Солигаличе освятил я церковь в Феодоровской женской общине 15-го июля, а на другой день служил в Соборе. Город крайний и отдаленный, но народ усердный, а некоторые церкви таковы, что не стыдно было бы и в Москве иметь подобные. В деревнях дома гораздо лучше Московской губернии.

Теперь в Авраамиеве монастыре на берегу озера отдыхаю от трудностей путешествия и собираю силы для предстоящего. В Галичском уезде, говорят, дороги так дурны, что в час ездят 3 или 4 версты. А Галич считается здесь первым градом после Костромы».

26-го ч. получено мною письмо из Витебска от сестры усопшей Начальницы женского духовного училища Марии Александровны – Софьи Александровны Баронессы Боде:

«Я знаю, что Вам уже известно давно несчастье меня постигшее, по этой причине я и не сообщила телеграммой Вашему Преосвященству о смерти моего друга и сестры – Марии Александровны, будучи уверена, что Вы уже молитесь о упокоении её прекрасной души. Зная, как искренно Вы были расположены к ней, я желала сообщить Вам, Милостивый

Владыка, некоторые подробности о её последних минутах: но кроме моего ужасного горя ещё тысячи неприятностей, которыми окружили меня враги покойной сестры моей, мешали мне до сих пор излить Вам всю горечь души моей. Я измучилась от гонений правления, под председательством преосвященного; по его распоряжению захватили всё имущество сестры моей, чтобы покрыть казенные долги, которые возрастали с каждым днем после её кончины. Преосвящ. не отслужил ни одной панихиды по усопшей и не сказал мне ни одного слова утешения, приехал, погулял в саду и не мог скрыть своего удовольствия, что избавился от ненавистной ему Начальницы Училища, не хотел даже позволить похоронить её подле училищной церкви, чтобы не оставалось и памяти о ней при том заведении, которое она создала и которым занималась почти 15 лет с такою любовью; если бы не губернатор, который взял на себя всю ответственность за погребение Начальницы при училище, её похоронили бы далеко, на общем кладбище, и мы не имели бы утешения посещать её могилу каждый день. На похоронах были все власти и все добрые знакомые, которые так горячо её любили. Преосвященный уже не мог не хоронить сам Начальницы Училища, но и тут постарался влить яд в свое слово, сказанное пред гробом покойницы. Я и теперь не могу вспомнить без отвращения этого фальшивого голоса и этих язвительных слов. Эта возмутительная речь, которой нельзя бы даже сказать пред прахом преступника, привела в негодование всех слушателей, и теперь весь город отзывается о ней с презрением. Я передам Вам, Преосвященнейший Владыко, некоторые слова этой речи, из которых Вы составите себе понятие всего этого недостойного произведения. Викторин говорил, что путь, по которому идет теперь усопшая, далек и страшен, он выразил это так, что как будто теперь демоны окружают её, что хотя она и имела хорошие качества, но были у нее и пороки, хотя и сохранила девственную чистоту, но не была лишена слабости, свойственной её полу, что только одни молитвы наши могут спасти её, и потому лучше за нее молиться, нежели проливать притворные слезы. Речь была очень длинна и вся сказана в таком же утешительном духе.

Можете себе представить, многоуважаемый Владыко, каково нам было всё это выслушать?! После похорон никто не последовал за преосвященным, все разъехались по домам. Преосвящ. пожаловал на похоронный завтрак, но был очень сконфужен, и видимое негодование всех его делало неловким как в действиях, так и в словах. Он даже не удостоил прочитать литию после завтрака; не пели вечной памяти усопшей; едва перекрестясь, поторопился уехать домой. Вот, Преосвященнейший Владыка, в когтях какого зверя была сестра моя! Бедная, бедная! Чего только она от него не вытерпела! Каких гонений, каких клевет не положили на её благородную голову! Тысячу раз мы с ней вспоминали Ваше отеческое расположение, неоцененный, многоуважаемый Владыко! При Вас клеветники не убили бы сестру мою.

Простите меня, Милостивый Владыко, что я, увлекшись своей глубокой скорбью, так многоречиво вылила Вам душу, без всякого стеснения, как доброму снисходительному отцу».

На письмо Баронессы С. А. Бодэ я отвечал от 30-го числа:

«Примите мое искреннее соболезнование о постигшей Вас семейной горести. Я вполне постигаю всю цену вашего лишения; утрата столь почтенной и дорогой для Вас сестры вознаградима для вашего сердца. Прискорбна и для всех ваших знакомых потеря столь благородной и душевно всеми чтимой особы. Да будет ей вечная память!

С сердечною грустью читал и перечитывал я Вашу печальную повесть об обстоятельствах кончины и погребения вашей, поистине, многострадальной сестрицы. Не мое, конечно, дело судить о виновниках её скорбей и огорчений; суд над ними принадлежит Верховному и нелицеприятному Судии – Богу. Не могу однако ж не сказать Вам и себе в утешение, что число почитателей и ценителей достоинств и заслуг почившей в Бозе Марии Александровны несравненно более, чем её врагов и недоброжелателей.

Благодарение достопочтенному Павлу Яковлевичу (Ростовцеву), принявшему столь живое и деятельное участие в указании места погребения почившей. Тем менее, по моему мнению, могло быть препятствий к погребению тела М. А. при

Св. Духовской церкви, что там, помнится мне, были уже чьи-то могилы.

Могу уверить Вас, почтеннейшая Софья Александровна, что память о почившей сестрице Вашей навсегда сохранится в моей душе и в моих молитвах пред престолом Божиим. Её имя внесено уже в мой помянник наряду с моими присными.

Желая Вам мира, здоровья и душевного успокоения от скорби, с душевным уважением и преданностью пребываю».

29-го числа явился ко мне избранный на должность Ректора в Харьковскую Семинарию преподаватель Нижегородской Семинарии, протоиерей Михаил Разногорский, очень видный и красивый собою, обладающий живым и свободным даром слова. Он поступил на место протоиерея Энеидова, оставившего семинарскую службу по болезни.

2-го августа писал я в Москву Преосвящ. Алексею, Еп. Можайскому, в ответ на его письмо от 7-го июля:

«От всего сердца приветствую Вас с восприятием священного епископского сана. Вдвойне приятно для меня приветствовать Вас – и как моего по кафедре Можайской преемника, и как преемника по месту жительства моего приснопамятного друга, Преосвящ. Леонида. Да дарует же Вам Верховный Пастыреначальник Господь Иисус Христос сугубую ревность к достойному прохождению высокого и многотрудного епископского служения!

Воочию всех удивил на Вас Господь милость Свою, призвав Вас таким необычайным путем к священноначальственному служению в Своей св. Церкви. Впрочем, небызвестны нам из Церковной Истории примеры подобного быстрого восхождения по степеням иерархического служения. Св. Амвросий Медиоланский, великий Фотий Цареградский и др. да будут Вашими руководителями на поприще Епископского служения!

Приношу Вашему Преосвященству искреннюю благодарность за доставление мне книги о церковном суде. Это для нас – архиереев новая твердая опора на случай, если рано или поздно возобновится вопрос о духовно-судебной реформе. Великое Вам от нас благодарение за этот новый, великий труд, хотя и не Вашим именем запечатленный.

Душевно рад, что моя книга о Преосвящ. Леониде понравилась Вашему Преосвященству. Не могу при этом не пожелать, чтобы между настоящими Преосвященными Викариями московскими сохранились такие же взаимные отношения, какие были между нами с покойным Преосвященным. Но я уже слышу, что Москва любит и восхищается новыми помощниками своего Архипастыря».

3-го ч. получено было два письма: одно из СПб., другое из Казани.

Из Петербурга писал мне Председатель Комитета Общества Любителей Древней Письменности, Князь П. П. Вяземский:

«Николай Платонович Барсуков, согласно заявленному им, в заседании Общества Любителей Древней Письменности 25-го Апреля текущего года, намерению, принес в дар Обществу 200 экземпляров многолетнего труда своего «О Жизни и Трудах П. М. Строева»¹⁰⁸⁵, главного представителя русской палеографии, положившего прочное начало делу, успех которого составляет задачу нашего Общества.

Общество в собрании 25-го Апреля приняло этот дар с выражением полнейшей благодарности сочинителю, совершившему свой труд крайне добросовестно и с полной любовью к своему предмету.

На основании вышеизложенного, честь имею препроводить при сем экземпляр книги о «Жизни и Трудах П. М. Строева».

На это отвечал я от 13-го числа:

«Получив почтеннейшее письмо Ваше и вслед за ним книгу: «Жизнь и труды П. М. Строева», составленную и изданную Н. П. Барсуковым, долгом поставлю уведомить о сем Ваше Сиятельство и изъяснить мою душевную благодарность почтенному автору.

Но чтобы не пользоваться таким интересным даром незаслуженно, вменяю себе в обязанность препроводить вместе с сим два экземпляра составленной и изданной мною книги: «Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиеп. Ярославском». Из них один экземпляр покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять от меня для Вашей собственной библиотеки, а другой благоволите вручить г.

Барсукову, в знак моей искренней признательности за его дорогой для меня дар.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть»...

Из Казани от 29-го июля писал мне Преосвящ. Архиепископ Антоний в ответ на мое письмо от 25 июня:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивый Архипастырь и возлюбленный во Христе брат и сослужитель!

От души благодарю Вас за братолюбное писание Ваше от 25-го июня. Оно оживило во мне память о Вас, как бывшем моем ближайшем соседе по Смоленску, а главное – как о вполне сочувственном и единомысленном мне собрате, с коим привелось мне сблизиться так искренно и задушевно в Москве в оное время.

Скорблю и я, что со времени моего перемещения из Смоленска в Казань письменное общение между нами прекратилось. Здесь у меня умножилось дел, и притом крепко озабочивающих, сравнительно со Смоленском. Поневоле приходится отрешиться даже от таких занятий, которых бы и желала душа, да времени на них, при других официальных занятиях, не достаёт. Общение тесное и живое между архипастырями и я считаю самым существенным условием истинной церковной жизни. В сем вполне был единомыслен со мною и добрый почивший в Бозе друг Ваш, – не обинуясь скажу – и мой, Владыка Леонид, о ранней кончине коего я глубоко вздохнул, принеся о нем усердную молитву и теперь всегда поминаю его в заупокойном молении – и церковном и домашнем. С ним было у меня и нередкое письменное общение. Узнав об изданной Вами книжке воспоминаний о сем архипастыре, я крепко желал приобрести её тогда же, и даже собирался написать к Вам о сем моем желании, но не успел собраться, как Ваше Преосвященство угадали духом своим это желание и благоволили мне прислать сию книжку, с прочими приложениями. Прошу принять мою живейшую благодарность за сей дар братолюбия Вашего. Простите только, что замедлил своею благодарностью. Причиной служит тяжкая болезнь, постигшая меня, Божиим гневом и милостию, в конце июня и

начале июля и приблизившая меня даже до врат смертных, ради чего я и приготовился, как подобало, по долгу христианскому и пастырскому. Но верно предстательство угодников Божиих Казанских и теплые молитвы о мне паствы похитили меня из рук ангела смерти на более или менее продолжительное время. Приемлю сие Божие посещение как послание себе от Пастыреначальника – Христа Иисуса, в роде, например, посланий Его же к ангелу Ефесской, или Лаодикийской, или других из семи Церквей¹⁰⁸⁶... Теперь поправляюсь от злой огневицы, бывшей у меня, но ещё продолжаю принимать от ней врачевство и нахожусь в руках врача. От того, как видите, и пишу ещё не довольно твердою рукою. Между тем – вот что: к почившему Архипастырю я писал, незадолго до перевода его из Москвы, одно длинное и серьезного содержания письмо. Да и между другими моими письмами были о предметах более или менее относящихся к церковным делам. Желал бы знать, сохранил ли он у себя сии корреспонденции, и если сохранил, кому они достались?

Но я утомил и Вас и себя своим многописанием. Простите на сей раз. Прошу Ваших молитв о моей немощи, и с истинным почтением, преданностию, и яже во Христе любовью есмь Вашего Преосвященства усерднейший слуга»...

5-го ч. писал я в Москву Высокопетровскому архимандриту Григорию:

«С любопытством ожидаю июньской книжки Чтений в Общ. Люб. Д. Просв., в которой Вы сделали вклад материалов для биографии покойного Владыки. Да, пора ученому Московскому духовенству серьезно приняться за приготовление достойной биографии своего великого и незабвенного Святителя.

Скажите мне, о. Архимандрит, у кого в руках остаются 39 томов записок покойного Никодима¹⁰⁸⁷, Еп. Енисейского, о которых упоминается в Январской Кн. Правосл. Обзор. за текущий год, в подстрочном примечании на стр. 111, и какое из них думают сделать употребление. И не из этих ли записок извлечена Вами статья Преосв. Никодима, напечатанная в Чтен. Общ. Ист. и Др. Р. под заглавием: «О Филарете митр. моск. моя память»¹⁰⁸⁸.

С возлюбленным о Господе братом и моим преемником по кафедре Можайской начинаю входить, кроме молитвенного, и в письменное общение. От него недавно получил прелюбезное письмо, на которое и сам не замедлил ответом. Получил также от Его Преосвященства в дар книгу о церковном суде. Книга преинтересная и преполезная для нашей братии.

Преосвященный Полоцкий¹⁰⁸⁹ в письме своем между прочим сообщает мне: «Пишут мне из Костромы. Там не нарадуются, смотря на своего нового Архипастыря – доброго, кроткого, ко всем равно внимательного, благоговейного; считают его за ангела Божия и не находят довольно слов для восхваления его».

Для Вас, как человека преданного Преосвящ. Игнатию, надеюсь, утешительно слышать о нем такой лестный отзыв. И Вы не погрешите, если эти благие слова передадите в Кострому».

В тот же день писал я в Москву А. В. Краснопевкову:

«Вчера получил я письмо от Казанского Владыки Преосвящ. Антония. Вот что, между прочим, он пишет мне: «Общение тесное и живое между архипастырями и я считаю самым существенным условием истинной церковной жизни. В сем вполне был единомыслен со мною и добрый почивший в Бозе друг Ваш, – не обинуясь скажу – и мой, Владыка Леонид, о ранней кончине коего я глубоко вздохнул, принеся о нем усердную молитву и теперь всегда поминаю его в заупокойном молении – и церковном и домашнем. С ним было у меня и нередкое письменное общение... Между тем – вот что: к почившему Архипастырю я писал, незадолго до перевода его из Москвы, одно длинное и серьезного содержания письмо. Да и между другими моими письмами были о предметах более или менее относящихся к церковным делам. Желалось бы знать, сохранил ли он у себя сии корреспонденции, и если сохранил, кому они достались?»

Я выписал здесь слова эти из письма Казанского архипастыря с тем, чтобы Вы помогли мне дать на предложенный в них вопрос точный и определенный ответ. Итак ожидаю вашей немедленной помощи.

Вы конечно не читаете Киевского журнала: «Руководство для сельских пастырей». Спросите у кого-нибудь из редакторов Московских духовных журналов №№ 23, 28 и 30 означенного журнала за текущий год и прочитайте там рецензию на мою книгу о Преосв. Леониде. Я надеюсь, что она вам понравится».

8-го числа писал я в Кострому Преосвящ. Игнатию, в ответ на его письмо от 18-го июля:

«Над Вами, очевидно, исполнились слова Псалмопевца: *ангелом своим заповесть о тебе сохранить ты во всех путех твоих*¹⁰⁹⁰. Благодарю вкупе с Вами Господа, спасшего Вас от потопления в водах речных. Но вперед Вам наука: в подобных случаях, т. е. при переправах через реки, а также при спусках с крутых гор, надобно всегда выходить из экипажа.

Нечто подобное случилось, во время нынешнего путешествия по епархии, с Преосвященным Полоцким. Сломавши по проселочным дорогам оставленную ему в наследство от меня дорожную карету и затем тарантас исправника, он сел в монастырскую телегу и из ней, вероятно, на косогоре, слетел со всеми дорожными принадлежностями в лужу.

Что до моей поездки, то она совершилась, по милости Божией, очень благополучно.

Преосвященный Викторин изменил своему слову относительно посещения Харькова; отложил поездку и в Киев.

Недавно явился ко мне новый Ректор Семинарии, из Нижегородских священников и преподавателей Семинарии, но родом Орловский; человек молодой, живой и представительный.

В половине минувшего июля получил я в дар от наставника Вашей Семинарии г. Заозерского книгу о церковном суде. Книга очень интересная и преисполненная учености. Я благодарил его за этот дар письмом, которое послал ему по адресу, показанному в его письме.

Не знаю, получил ли он мое письмо? Потрудитесь спросить его об этом, когда он возвратится в Кострому, через о. Ректора».

9-го ч. обедал у меня Директор Хозяйственного Управления при Св. Синоде, Действ. Ст. Сов. Андрей Григорьевич

Ильинский¹⁰⁹¹ – из воспитанников Киевской Д. Академии. К обеду приглашены были – новый Ректор Семинарии и Инспектор – зять Ильинского.

После долгого колебания, я решился, наконец, осуществить свое намерение ещё раз побывать в священном граде Киеве и повидаться там с новым Киевским архипастырем, высокопреосвященным митрополитом Филофеем¹⁰⁹², с которым я не видался с 1867 года¹⁰⁹³. Но предварительно я счел нужным осведомиться, найду ли я в Киеве Владыку и примет ли он меня. С этою целью я обратился с письмом к знакомому мне по Смоленску преосвящ. Викарию Киевскому, Епископу Чигиринскому Иоанну¹⁰⁹⁴, и вот что писал я от 10-го числа Его Преосвященству:

«Преосвященнейший Владыко, возлюбленный о Господе брат!

Позвольте обратиться к Вашему Преосвященству, как старому и доброму знакомому, с покорнейшею просьбою.

Мне хотелось бы ещё раз побывать в священном граде – Киеве (я там был в 1870 г.) для поклонения святыне и для свидания с глубокочтимым мною Святителем Киевским, высокопреосвящ. Митрополитом Филофеем.

Путешествие это я думал бы предпринять в последних числах сего августа или в первых сентября. Но могу ли я в это время найти высокопреосвящ. Митрополита в Киеве? Не будет ли он тогда в поездке по епархии, как это было в 1870 г. с покойным владыкою, митрополитом Арсением.

Поэтому я покорнейше просил бы Ваше Преосвященство 1) уведомить меня, благовременно ли будет мое прибытие в Киев в означенное выше время; 2) испросить для меня соизволение высокопреосвященнейшего Владыки на прибытие в Киев, и 3) так как поезд Харьковско-Киевской дороги приходит в Киев, кажется, поздно ночью, то не будет ли Вашей милости укрыть меня на первый раз под кровом Вашей св. обители, как ближайшей к станции железной дороги? Само собой разумеется, что о времени прибытия моего в Киев я предварю Ваше Преосвященство телеграммою.

В ожидании Вашего благосклонного ответа, с братскою о Христе любовью и душевною преданностию имею честь быть»...

Долго не было на это письмо ответа, и я не знал, чем объяснить продолжительное молчание со стороны Преосвященного Иоанна. Наконец 26-го числа получено было мною ответное письмо в самом благоприятном смысле. Содержание этого письма будет изложено в своем месте.

13-го ч. получил я письмо из Москвы от Высокопетровского Архимандрита Григория, который писал мне в ответ на мое письмо от 5-го числа:

«Письмо Ваше (от 5-го ч.) имел утешение получить 6-го августа. Приношу Вашему Преосвященству глубокую благодарность за доброе внимание ко мне. На другой день я был в Черкизове у Владыки. О Владимирской кафедре Владыка сказал, что едва ли займет её Преосвящ. Иаков. Для епархии он был бы тяжел и навсегда, вероятно, останется Викарием. В каком-то журнале помещена статья о нем и ему повредила; так писал Преосвящ. Амвросию Наместник Лавры о. Симеон¹⁰⁹⁵. Обер-Прокурор тоже против него, подмечая в нем привычку подкапываться под других. Он деловой человек, он юрист, но это-то и вредит ему. Как Викарий, он должен был держать себя несколько иначе. Все это я слышал от Владыки, а суждение его, как члена Синода, достойно внимания. Но меня простите, что я решился передать это Вам. Со своей стороны я уважаю Преосвященного Иакова, зная всегдашнюю благонамеренность его и правдолюбие, соединенное с прямою характера.

В ответ на письмо Ваше имею честь сообщить о Преосвящ. Никодиме Енисейском, что все рукописные сочинения его, равно и книги, завещаны в библиотеку Красноярского Кафедр. собора. Статья его о Митрополите Филарете написана им в том самом виде, как и напечатана; она есть самостоятельное сочинение, а не извлечение из других записок его».

От племянника своего, П. И. Успенского, незадолго пред тем возвратившегося из Москвы, слышал я, что Прокурор Московской Синодальной Конторы Потемкин, при посещении Синодальной Ризницы Персидским Шахом, поднес Его Величеству, в отличном переплете, описание славянских

рукописей Синодальной библиотеки, составл. Горским и Невоструевым, но Шах на другой же день возвратил книги назад. Чему здесь должно более удивляться, неуместному ли усердию Потемкина, или азиатскому невежеству Шаха?..

26-го ч. получено было мною письмо из Киева от Преосвященного Иоанна, Еп. Чигиринского, о котором мною было упомянуто выше.

Вот что писал мне Преосвященный Иоанн от 22-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,

Милостивейший Архипастырь!

Высокопреосвященнейший Митрополит Филофей с удовольствием соизволяет согласие на прибытие Ваше в Киев, будет очень рад видеть и принять Вас. Назначает Вам удобное помещение в своем митрополичьем доме, что при Софийском Кафедральном Соборе, и просит Вас пожаловать с вокзала прямо в эту квартиру.

Я со своей стороны за счастье считаю, по извещению Вашему, выслать для Вашего Преосвященства на вокзал железной дороги карету, в какой бы то ни было час дня и ночи, и, если это случится в ночное время, прошу пожаловать ко мне на ночлег. Усердно желал бы, чтобы Ваше Преосвященство и всё время пребывания Вашего в Киеве благоволили провести в моей квартире обительской.

Итак, до свидания, Преосвященнейший Владыко».

28-го числа писал я в Москву Высокопетровскому архимандриту Григорию в ответ на его письмо, полученное мною 13-го числа:

«С удовольствием прочитал я в Июльской книжке Чтений Общ. Люб. Дух. Просвещения собранные и напечатанные Вами материалы для биографии Святителя Филарета.

Но скажите, пожалуйста, откуда и как Вы приобретаете эти столь важные и интересные документы? Или, по русской пословице, на ловца и зверь бежит? Продолжайте же быть этим добрым ловцом и делитесь своею прекрасною добычею с читателями памяти великого иерарха.

Не распространяюсь более в ожидании приятного с Вами свидания».

В тот же день, т. е. 28-го числа, послано было мною письмо в Казань архиепископу Антонию, в ответ на его письмо от 29-го июля:

«Мысль Вашего Высокопреосвященства, что общение тесное и живое между архипастырями есть самое существенное условие истинной церковной жизни, я вполне разделяю. И вот, руководясь этою мыслию, я на сих днях отправляюсь в священный град Киев для поклонения Печерским угодникам Божиим и для свидания с высокочтимым Владыкою Митрополитом. Как бы желал я видеться и лично, усты ко устом, побеседовать с Вашим Высокопреосвященством. В прошедшем году мне представлялся случай быть в Казани по поводу происходившего там Археологического съезда, на который был приглашен и я, как Член Археологического Общества, но я не знаю, удобно ли было мне воспользоваться этим случаем для поездки в Казань. Не заблагорассудите ли Вы, Владыко Святой, предпринять в родной Вам Киев когда-либо путешествие и мимоездом посетить Харьков: какое утешение доставили бы мне своим посещением!

Общение письменное я имею не очень со многими Святителями: опасаясь и других обременять и себя стеснять.

Относительно писем Вашего Высокопреосвященства к покойному Преосвященному Леониду я писал к брату его в Москву, но до сих пор не получал от него ответа, а потому и к Вашему Высокопреосвященству замедлил писать. Впрочем мне известно из прежней переписки с А. В. Краснопевковым, что вся корреспонденция покойного брата его находится на руках одной из его сестер, которая занимается приведением оной в порядок».

29-го ч. получено было мною из Вильны от Преосвященного архиепископа Макария письмо от 24-го числа, в котором он ещё раз ходатайствовал предо мною о своем несчастном племяннике, священнике Павле Четверикове.

Данный мною на это письмо ответ от 22-го Сентября будет изложен в своем месте.

30-го ч. получил я письмо из села Масолова, Тульской губернии, от неизвестной мне особы, Елисаветы Ивановны

Богаевской, рожденной Капнист. Вот что она писала мне от 28-го числа:

«Ваше Высокопреосвященство,
Всемиловитейший Архипастырь и Отец Савва!

Молю Ваше Высокопреосвященство не отказать мне в нижайшей просьбе моей и соблагovolить выслать мне «Воспоминания Ваши о Высокопреосвященном Леониде». Я не имею средств приобрести эту книгу, а память о Святителе так близка сердцу моему. Он был для меня учителем, отцом, и самым верным другом, Владыко! Господь призвал его; он легко покинул скорбную земную жизнь, но сколько горя, слез и печали сделал тем, кто искренно любил и знал его! В тяжелые минуты жизни моей (а их было и есть так много) всегда находила я слово утешения и ободрения у него; если же лично не видала его, то всегда письменно наставлял и вразумлял меня. Много есть у меня его писем, и теперь, как что сильно сердце загрустит, в них нахожу отраду и помощь. Да упокоит Господь святительскую душу его в вечном блаженстве, и по его святым молитвам помилует меня грешную, Владыко Святой! Жизнь моя исполнена скорбей, болезни и страданий, потому-то покойный Архипастырь любил меня: ведь он любил таких; мы близки были его сердцу, потому что он сам страдал и понимал наши страдания. Ежели позволите, Святейший Владыко, я напишу Вам всё, что знаю о покойном Архипастыре, и тогда Вы узнаете, почему мне так дорого каждое слово о великом Святителе. Простите, Христа ради, меня грешную, и не откажите в моей просьбе. Владыко! Принесите Вашу святую молитву о мне, муже моем Оресте¹⁰⁹⁶ и отроке Иоанне.

С глубочайшими чувствами благоговения и почтения имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорной слугой – Елисавета Богаевская, рожденная Капнист».

Желание столь усердной почитательницы моего доброго друга было исполнено: книга, и с моею подписью, была послана на другой же день по означенному в письме адресу.

31-го ч. в 6 часов утра отправился я по новой Сумской железной дороге в Киев.

Проехавши по Харьково-Елисаветградской дороге одну станцию, от Люботина мы сделали поворот вправо на Сумскую дорогу. Здесь я увидел на протяжении нескольких верст грушевую рощу, доставляющую свои фрукты в Москву и в окружающие её губернии. Сушеные Люботинские груши и приготовляемый из них квас составляет лакомство для простого народа.

В 3 1/2 часа пополудни мы были уже на Сумской станции. Здесь встретил меня соборный Протоиерей В. Никольский.

В 6 1/2 ч. прибыли на станцию Курско-Киевской дороги Ворожбу, и здесь должны были два часа ожидать Московско-Курского поезда. За неимением удобного помещения на станции, мне дозволено было оставаться до прихода поезда в том вагоне, в котором я ехал из Харькова. В 8 1/2 часов двинулся наш поезд к Киеву.

1-го сентября в 8 часов утра я был уже в Киеве. За мною выслана была на станцию из Михайловского монастыря карета с четвернею лошадей. По приезде в монастырь, я прежде всего зашел в храм для поклонения мощам св. великомученицы Варвары. Отсюда пришел в покои настоятельские, где Преосвященный Иоанн встретил меня с самою искреннею братскою любовью и убедил меня оставаться у него во все время моего пребывания в Киеве. Помещение его одноэтажное, но весьма просторное, так что я, принявши его любезное приглашение, не мог опасаться, что стесню его. Кроме простора, покои Преосвященного, благодаря его предшественнику, преосвященному Порфирию (Успенскому), поражали своим убранством. Этот последний, долго странствуя по Востоку, во многом усвоил себе восточный вкус; он, бывши Викарием Киевским и пребывая в Михайловском монастыре, украсил свои настоятельские покои дорогими обоями самых ярких цветов, с золочеными бордюрами, мебелью модною и роскошною, огромными по стенам картинами и портретами в дорогих золоченых рамах. Но при этой роскошной обстановке домашней, храмы Божии оставались в убогом виде и поражали своею неприглядностью.

Киев с 1870 г., когда я был там в первый раз, почти нисколько не изменился сам по себе; но мой взгляд на него был несколько инаков. Киевские горы и красота местоположения, после Святогорской горы и местности, не были уже для меня так поразительны теперь, как были они поразительны в первый раз. Но святыня и священные древности Киева никогда не могут утратить своего значения и своего духовно-нравственного действия на сердце православного пилигрима.

В продолжении восьмидневного пребывания моего в Киеве, многое я видел, с многими виделся и немало интересного слышал. Изложу всё это в последовательном порядке.

Напившись с дороги в Михайловском монастыре чаю, я поспешил в Лавру для поклонения тамошней святыне и для свидания с Преосвященнейшим Митрополитом. Когда доложили о мне Владыке, у него в гостиной были какие-то приезжие из Москвы богомольцы. Отпустивши их, он быстро удалился в свои внутренние покои, и оттуда в полной форме, т. е. в белом клобуке и с пангией на персях, вышел ко мне в залу и принял меня самым ласковым приветливым образом, как близкого родного. Не выдавшись с ним одиннадцать лет, я поражен был его поистине светолепным старческим видом. На первый раз я не мог долго быть у Его Высокопреосвященства, так как его постоянно вызывали в залу то просители, то разные должностные лица. Провожая меня, он пригласил меня служить с собою в воскресенье в Лавре (3-го числа); разумеется с благодарностью было принято мною такое благосклонное приглашение.

По возвращении в Михайловский монастырь, мне предложена была радушным хозяином трапеза; обедали с ним вдвоем.

В 6-ть часов явился ко мне молодой студент академии – Чепик, поступивший из Витебской Семинарии; это тот крестьянский мальчик, который был принят мною в Витебске в певческий архиерейский хор и о котором было уже говорено выше. Расспросивши его о занятиях науками, я наградил его книгою и дал на чай немного денег.

Вечер провели мы с добрым хозяином в братской, откровенной беседе; вспоминали о первом взаимном знакомстве нашем в Смоленске, куда я приезжал в 1869 г. из Витебска для отпевания умершего епископа Иоанна (Соколова) и где он был тогда Кафедральным Протоиереем. Преосвященный много рассказывал мне о Смоленских Преосвященных – Иоанне, Серафиме¹⁰⁹⁷ и нынешнем Иосифе¹⁰⁹⁸. Об Иоанне, между прочим, говорил, что он был справедлив и писал иногда очень разумные резолюции; о Серафиме (впоследствии Рижском и Самарском) – что он не для всех был доступен, но действовал рассудительно, болезнен и раздражителен, проповедей никогда не говорил; об Иосифе – что он напротив очень доступен и пользуется любовью от духовенства.

Немало, также, сообщил он мне сведений и о Казани, где он был с 1875 г. Викарием и откуда в начале 1878 г. переведен в Киев.

О Преосвященном архиепископе Антонии¹⁰⁹⁹ сказывал, что он вел борьбу с Кафедральным Протоиереем Вишневским и другими членами Консистории; что, посещая университетские экзамены по Богословию, каждый раз оставался недоволен невежеством студентов; что он, не получая 12 лет никаких наград, скорбел и получил орден св. Александра Невского лишь тогда, когда, по совету своих приближенных, написал Обер-Прокурору, Графу Толстому, на новый год поздравительное письмо.

О предшественнике своем по Казанскому викариатству, Епископе Викторине (потом Полоцком), Преосвящ. Иоанн сообщал, что он вообще не симпатичен, что, бывши некогда Инспектором Смоленской Семинарии, сурово обращался с учениками, а в Казани, бывши викарием, не отличался искренними отношениями к своему Владыке – Антонию; образовал особый кружок знакомых с особым направлением; управляя Спасским монастырем, не слишком много заботился о его благосостоянии, а при назначении на Полоцкую кафедру, оставляя монастырь, увез с собою все лучшие облачения и

утвари, но некоторые из сих последних (напр. дорогую митру) должен был возвратить.

Между беседою речь зашла об известном порицателе монашества – Ростиславове. Преосвященный уверял меня, что этот антагонист монашества поражен был внезапною смертью, именно, среди злоречия на монашествующих.

2-го ч. слушал я раннюю литургию в домово́й церкви, примыкающей к настоятельским покоем. Церковь довольно просторная и благовидная, в особенности обширен алтарь, к которому с северной стороны примыкает просторная ризничная палата; архиерейская ризница скудна, митр много, но из них 5 шиты золотом по малиновому бархату без особенных украшений. За литургией пели послушники очень стройно. На ектениях, по распоряжению Преосвященного, после имени Митрополита возглашали и мое имя.

Напившись после обедни чаю отправился обозреть священные памятники древности и видетъся со своими знакомыми. Был в Десятинной церкви; оттуда приехал в Андреевскую, где молился над гробом приснопамятного Андрея Николаевича Муравьева; из церкви заходил в сад покойного, и оттуда долго любовался прекрасными видами на ближний Подол и на отдаленное Межигорье. В Софийском соборе слушал позднюю литургию; из Собора заходил в митрополичий дом, где мне приготовлена была квартира, которою однако ж я, по милости Преосвящ. Иоанна, не мог воспользоваться. Здесь познакомился с эконо́мом дома, архимандритом Смарагдом, уроженцем Самарской губернии.

Заезжал потом в дом земляка – Протоиерея Николая Ив. Флоринского, женатого на племяннице покойного Смарагда, архиепископа Рязанского¹¹⁰⁰, после которого, как сказывал Флоринский, осталось капиталу 160,000 рублей; но этим богатым наследством воспользовалась не его жена, а её брат – молодой человек, который, получивши наследство, отправился за границу, и там, расточивши его, преждевременно умер. О. Флоринский не весьма одобрительно отзывался мне об образованности Киевского духовенства; оно, по его словам, не отличается ни основательным знанием богословских наук, ни

знакомством с церковностью. Рассказывал он мне, между прочим, о *видении* одного отставного солдата, которому во сне виделся Спаситель гневавшимся на то, что в Флоровском женском монастыре (в Киеве) монахини ходят в алтаре по горнему месту. Между тем, Преосвященный Филарет, бывший Ректор Киевской Академии и наблюдатель за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях, внушал Законоучителям женских заведений допускать воспитанниц, для прислуживания, в алтарь, по примеру якобы Пресв. Девы Марии. О. Флоринский, прослуживший 25-ть лет по учебному ведомству и состоящий теперь при Софийском соборе в качестве чередного священника и в должности члена духовного Попечительства, скучал своим положением и желал бы возвратиться на учебное поприще. Я предложил ему поступить на должность Законоучителя в Харьковский Институт благородных девиц, он охотно принял мое предложение. Но дело это, как увидим далее, не состоялось.

От Флоринского спустился я на Подол и приехал в Братский монастырь, где находится Духовная Академия. Зашедши в собор и приложившись к чудотворной иконе Б. Матери, именуемой Братскою, я пришел в покои Управляющего монастырем преосвященного Михаила, нового Ректора Киевской Академии и моего старого сослуживца по Академии Московской. Преосвященный принял меня очень любезно и вступил со мною в откровенную беседу. Жаловался, между прочим, на трудность ректорской должности, на многообразие административных и других дел, препятствующих ученым занятием, так что с тех пор, как он сделался Ректором в Московской Академии, он не мог почти вовсе продолжать своих экзегетических трудов по толкованию Св. Писания, столь успешно начатому. Вспоминал о своих трудах по участию в Комитете по преобразованию духовно-учебных заведений; говорил, что главные виновники нынешних, семинарского и училищного, уставов протоиерей Мих. Изм. Богословский¹¹⁰¹ с Нектарием, бывшим тогда Нижегородским (впоследствии Харьковским) архиепископом – председателем Комитета, и с Н. А. Сергиевским, Директором Канцелярии Обер-Прокурора.

Когда зашла речь о Московской Академии, Преосвященный упрекал своего предшественника, протоиерея А. В. Горского, за выпуск из академии вдовых священников без пострижения их в монашество. Упрек вполне справедливый.

У Преосвященного Ректора я встретился со своим земляком и почти сверстником по Владимирской Семинарии – заслуженным ординарным профессором Академии, Дм. Вас. Поспеховым, с которым отправился потом в его дом и познакомился с его семейством. Дм. В-ч, между прочим, сказывал мне, что предпринял было писать сочинение на ученую степень доктора «О Клименте Александрийском», но внезапная болезнь остановила его на половине этого труда, и потому он, вместо этого сочинения, представил другое, написанное им прежде, исследование о книге Премудрости Соломона (Киев 1873 г.). Почтенный земляк мой живет очень прилично – имеет два собственных дома и очень счастлив в своем семействе.

Возвратившись домой, я нашел у себя Ректора Семинарии, архимандрита Виталия¹¹⁰². В беседе с ним речь зашла, между прочим, о рецензии на мою книгу: «Воспоминания об Архиепископе Леониде», помещенной в издаваемом при Киевской Семинарии журнале «Руководство для сельских пастырей». Оказалось, что эту рецензию писал преподаватель семинарии Пав. Розанов (магистр XVIII курса (1852 г.) Московской Академии), не без участия впрочем самого Ректора. Коснулся также разговор пресловутой газеты «Церк.-Общ. Вестник». О. Виталий уверял меня, что редактор этой злонамеренной газеты П.... ежегодно получает от Обер-Прокурора графа Толстого по 2 тысячи рублей субсидии.

В 6 часов вечера слушал я всенощную в домово́й церкви: служба шла очень стройно.

3-го ч. воскресенье. В 9-ть часов утра отправился я в Киево-Печерскую Лавру к литургии, которую совершали мы с высокопреосвященным Митрополитом соборне. Вот какие особенности замечены были мною при богослужении: 1) облачение Митрополита происходило во время чтения часов, при тихом возглашении протодиаконом положенных стихов, и

только слова: *Тако да просветится свет твой*, и проч., произнесены были громогласно; 2) на Митрополита, по древнему обычаю, возлагается две панагии, но без наперсного креста, что представляется довольно странным; 3) диаконы, во время чтения часов, кадят и алтарь, – чего в Москве не бывает, на том основании, что алтарь кадит после малого входа сам архиерей.

После обедни, в покоях Владыки я встретил совершенно неожиданно Игуменью Московского Алексеевского монастыря Антонию¹¹⁰³. Тут же познакомился с двумя дворянками сестрами Раковича, товарища покойного Леонида по Горному корпусу¹¹⁰⁴ и с почтенным старцем, Действ. Ст. Сов. Фаддеем Семеновичем Виноградовым¹¹⁰⁵, бывшим Председателем Киевской Уголовной Палаты, уроженцем Тверской епархии, по происхождению из духовного звания. Он приглашен был вместе со мною к митрополичьему обеду.

Лишь только сели мы втроем за стол и едва лишь подано было первое или второе блюдо, как с старцем Фаддеем Семеновичем сделалось дурно, и он должен был выйти из-за стола. Мы остались со Владыкою вдвоем и вели самую откровенную беседу. После обеда вышли на балкон, откуда открывается прекрасный и обширный вид на Заднепровье. Здесь подали нам кофе, и мы продолжали свою беседу до 7-го часа пополудни. О чем была наша беседа, я изложу это далее особо.

Я пожелал остаться на ночь в Лавре, чтоб на другой день утром посетить пещеры и поклониться почивающим в них мощам угодников Божиих. Мне указаны были для ночлега кельи, находящиеся под митрополичьими покоями. После приятной вечерней прогулки в митрополичьем саду, я напился в своей новой квартире чаю и вскоре лег в постель. После дневного утомления сон мой был глубокий и спокойный.

4-го ч. в 6 ч. утра отправился я в Лаврском экипаже в ближние пещеры и слушал раннюю литургию в церкви преподобного Антония. Здесь ещё раз испытал я тоже благоговейное чувство, каким был проникнут при первом посещении этого храма в 1870 г. После литургии, обошедши

ближние пещеры и поклонившись почивающей в них святыне, я отправился в дальние Феодосиевы пещеры, и, там после поклонения прочим мощам, я выслушал молебен пред мощами Преподобной Евфросинии Полоцкой, почивающими в пещерной Благовещенской церкви.

В дальних пещерах виделся я с иеромонахом Меркурием. Моему Викарию, преосв. еп. Вениамину вышеупоминаемая¹¹⁰⁶ девица Ек. Мих. Смирницкая сообщала, что это 90-летний старец, ведущий необыкновенно строгую жизнь, что он её духовник и ведет с нею постоянную переписку, что он вместе с тем духовник и Митрополита, которому её рекомендовал, что на него так же, как на неё, бывают частые нападения злых духов, и нередко в одно и тоже время и проч. При моем свидании с о. Меркурием оказалось, что ему немного более 60-ти лет, человек совершенно здоровый и не отличающийся, как уверял меня сам Митрополит, никакими особенными подвигами, что он духовником Митрополита никогда не был, и Смирницкую исповедовал только один раз и однажды только писал ей письмо, а телеграмм никогда не посылал, что нападений злых духов никогда на него не было, а только один раз после утрени, когда он, для отдохновения, сел у себя в келье на диван, ему представилось 7 фигур, между коими был сам сатана, который назвал себя князем.

Возвратившись около 11 часов утра из пещер, я хотел было проститься с Владыкою Митрополитом и отправиться в Михайловский монастырь, но мне сказали, что Владыка просит меня остаться у него кушать. Делать нечего – надобно было оказать послушание, хотя это послушание не весьма трудное; напротив для меня было весьма приятно продолжить беседу со столь досточтимым архипастырем. В два часа пополудни сели за стол; трапеза так же, как и накануне, была праздничная с заздравным вином, – что удивляло даже его келейных: так это было у них необычайно... После обеда кофе на том же балконе, как и вчера. Беседа, начавшаяся за столом, продолжалась здесь и окончилась не ранее четырех часов.

Вечер провел я дома в беседе со своим добрым хозяином.

5-го ч. раннюю литургию слушал я в домовой церкви, а в 9-ть часов пошел в собор, где в этот день, т. е. по вторникам, еженедельно совершается пред литургией торжественный молебен с акафистом св. Великомученице Варваре при её святых мощах. На молебне канон и акафист читал сам Преосвященный Иоанн; богослужение продолжалось полтора часа, при многолюдном стечении народа. Затем началась литургия.

После обедни посетила меня Московская Игуменья Антония и, между прочим, рассказывала мне о Преосвящ. Леониде, о его приезде из Ярославля в Москву в ноябре 1876 г., о том, что ему на станцию железной дороги не был выслан благовременно экипаж с Саввинского подворья, — что его немало огорчило; а ещё более огорчил его отказ Митрополита Иннокентия в дозволении ему совершать богослужение во время пребывания его в Москве, куда он приезжал на несколько дней для наблюдения за иконописными работами в храме Христа Спасителя, каковая обязанность, по Высочайшей воле, осталась за ним и по назначении его на Ярославскую кафедру. При этом Игуменья передала мне замечательный сон П. А. Брянчанинова, на руках коего, как известно, скончался в Николо-Бабаевском монастыре Преосвящ. Леонид. Брянчанинов видел во сне Святителя Митрофана Воронежского совершавшим литургию и молившимся о собрате, архиепископе Леониде.

Вслед за Игуменьей были у меня сестры Ольга и Надежда Александровны Раковичи, с коими я встретился и познакомился в воскресенье в покоях митрополита. Они доставили мне, для прочтения, письмо преосвящ. Леонида к А. Н. Муравьеву от 5-го августа 1868 г. Вот содержание этого интересного письма:

«Кончилась малая вечерня великого праздника Преображения Господня; я из деревянного мирного храма перешел тихими стопами в свою келью и остался в ней, в ожидании всенощного бдения, полный воспоминаний о дне 5-го августа 1867 года¹¹⁰⁷.

Первой книгой, какая попала мне под руку, был духовный журнал, в котором помещены Ваши, возлюбленный А. Н., впечатления о кончине и погребении великого почившего в Бозе

Святителя. Дав покойное положение больным моим ногам, я принялся читать «впечатления», и читал снова как бы новое нечитанное мною произведение. Утром сегодня, когда после ранней заупокойной о Владыке литургии, отслужил я соборне панихиду о нем, я как будто укорял себя за сухость глаз и за сухость сердца; чего недоставало утром, то, благодаря Вам, восполнено с избытком под вечер. Если бы кто спросил меня теперь, что такое красноречие сердца, я указал бы на вашу статью и на свои глаза. Благодарю Вас и Господа за вас. Так день годовщины юбилея как начал я, так и кончаю, воспоминаниями о кончине юбиляра. Его же – этот приснопамятный день я избираю, чтобы прервать продолжительное свое молчание и во имя этого дня получить себе прощение ваше. Мне первая мысль была по документам и впечатлениям описать вам встречу нового нашего архипастыря, но вскорости сделать этого не мог за множеством дел и хлопот, а потом было бы это не своевремененно и потому не занимательно. Между тем мысль эта или мечта долго от меня не отставала; теперь я с нею покончил. Конечно, сожалею, что, в надежде в стройном порядке изложить событие, я ничего не записал; теперь частности сгладились, а было немало достойного памяти. Владыка Митрополит¹¹⁰⁸ вступил на кафедру Московскую при наилучших обстоятельствах. Его апостольская слава ему предшествовала, и москвичи всех ступеней общественной жизни следили по газетам за его приближением. Его въезд в Москву был триумфальный. Блестящий сонм сановников встретил его при выходе из вагона. Осенив себя знаменем креста, старец святитель поставил ногу на Московскую почву, и, говорят, в глазах его дрожали сдержанные слезы, когда он слушал простое слово первого от москвича в Москве приветствия, которое сказать выпал мне приятный жребий; за мною была вся группа духовенства. Викарии были приглашены им в его карету, и нам было приятно видеть, как не преставаая во всю дорогу благословлял он обеими руками народ, который густою массою стоял по улицам, бежал за каретою, простирая руки в окна. На другой день было вступление в Кремль; это учреждено по Высочайшему

повелению. Ему казалось, что Викарии, хотя и подвластные, но саном епископы, не должны участвовать в его шествии в Успенский собор, и поэтому я мог, невидимый, из окна ризницы соборной видеть это необыкновенное торжество церковное; день был ясный; бесчисленные хоругви разливали в воздухе золотые лучи; белое облачение ослепляло белизной; длинный ряд митр горел камнями самоцветными; как ни многосложно было собрание духовенства, но порядок был превосходный.

Жалко, что архипастырь не мог этого видеть, шествуя в заключении крестного хода. Народ теснился около него впереди и за ним. Владыка непрерывно на обе стороны раздавал благословение, осеняя большими и частыми знаменами креста, и между тем, тихо подвигался по тесному пространству, почтительно оставленному для него народом. Речь с диаконского амвона, которую, по знаменовании себя у св. икон и мощей, произнес он, опираясь на посох, произвела впечатление превосходное, хотя впоследствии некоторые спорили против выражений крайнего смирения. Всех тронуло, когда за литургией, которую совершал он с обоими викариями, внезапно велел читать ектению о упокоении души почившего его предшественника! Тем путем, но обратно, ехал он из Кремля, каким шел во гробе из подворья в Кремль почивший. Мы приглашены были им в его карету и к столу, став таким образом его первыми в Москве гостями. Как накануне, так и в этот день, народ ожидал его по улицам и долго потом, как только пройдет молва, что митрополит будет служить там и там, народ уже располагался по улицам. Целую неделю продолжались представления духовных и светских, официальных и неофициальных лиц, и заключилось все это роскошным угощением, предложенным от Князя Вл. Андреевича (Долгорукова)¹¹⁰⁹, который своим сыновним отношением к почившему приобрел любовь, расположение, доверие от духовенства и граждан, и сочувственным отношением ко мне и делам церковным, где они соприкасались с гражданским порядком, много облегчал мою полугодовую *севастопольскую* службу, в качестве управляющего делами епархии. «Севастопольскую», – говорю, ибо исполнять чужие

обязанности всегда трудно, а каково же исправлять обязанности лица высокого, которого образа мыслей не знаю; исполнять же не отлагая почти ничего, и неукоснительно, под наблюдением многих непризванных вверху и внизу в течении полных шести месяцев, и где же? На епархии Московской, которая и сама по себе, и по центральному своему положению, по великим и священным своим преданиям, а также и по значению, которое в новое время имела она как кафедра Платона и Филарета, при скромном титуле продолжает быть русской «патриархией», с неким характером вселенства. Не только Генерал-Губернатору, но и всякому, кто не противодействовал, а сочувствовал и помогал мне, я был глубоко благодарен. Если же всё мое 6-месячное служение пройдет без неприятных последствий, то это явный знак содействия из иного мира и милость Божия, – содействия молитв того, «аще возымех дерзновение», который создал меня тем, чем аз есмь, исключая недостатков, немощей и грехов моих. Новый Владыка отнесся к нам чрезвычайно благосклонно и сказал: «до сих пор вы ездили сюда за советами, теперь будете ездить с советами». На это мы ответили, что для нас довольно чести быть до времени справочными книгами и что мы, в уповании снисхождения архипастырского: постараемся быть верными исполнителями воли Первосвятителя.

Вам будет приятно слышать, что новый Владыка самый горячий приверженец Соборного начала, и когда профессор Горский¹¹¹⁰ заметил, что «от неопытности архиереев могут произойти в церкви новые затруднения», он возразил: «верно, если основываться на доверии к собранию людей несовершенных по природе своей; но неверно, если основываться на вере в св. Церковь, Духом св. управляемую». В монашестве он чтит общежительное начало, так что, рассматривая проект одного игумена относительно построек в монастыре, спросил: «а каков у вас монастырь?» и, узнав, что общежительный, сказал, «в таком случае обеими руками благословляю». Его сокрушает новый училищный устав, в котором он много бед видит для будущего прав. Церкви в России. В Синодальной Конторе он имел случай сказать одному

лицу, «вы говорите, что никого не боитесь; но что будет, если встретитесь с человеком, который также никого не боится?»

Приглашено было к нему на обед старшее духовенство; один протоиерей говорил некстати и непочтительно. Узнав об этом я извинился за него. Владыка заметил: «ничего; в службе не позволю никому черту переступать, а гость может всё говорить свободно; хозяину должно только примечать, которого гостя не приглашать вторично».

К сестрам милосердия из монахинь он так расположен, что хочет основать обширную больницу для женских монастырей с сестрами из монахинь.

Духовенству повторяет, что живая связь между ним и прихожанами, теперь давно утраченная, должна быть возвращена живым отношением к духовным нуждам паствы, а не сухим исполнением треб и школьными проповедями.

В Сан-Франциско просят его о священнике. Его желание представить туда викария из Ситхи, ибо сильно действовать надобно там, где сильна потребность, силен призыв и силен враг.

Вот Вам очерк. Всё это для немногих, а нечто исключительно для Вас. Начало благоприятно; что даст Бог дальше, никто, кроме Бога, не знает. К нему благодарения и прошения!

Я здесь, на Угреше, как в раю. Угреша вас приветствует. Простите, вспомните нас в праздник Успения в Киеве, а мое упование – Бога молить о вас в Москве».

В тот же день, т. е. 5-го числа, вечером посетил меня земляк, профессор д. академии Вас. Фед. Певницкий. Он рассказывал, между прочим, о бывшем Ректоре, Преосвященном Филарете, о его бескорыстии, простиравшемся иногда до крайности. Получивши от какой-то благорасположенной к нему особы в свое полное распоряжение 10,000 рублей, он употребил их на приобретение для академического музея коллекции древних икон, принадлежавшей московскому единоверцу Сорокину; между тем, такое приобретение не было согласно с желанием

означенной особы, и потому она потребовала от него обратно свой капитал.

По словам Певницкого, новые ревизоры – члены Учебного Комитета при Св. Синоде, приезжая в провинции на ревизию учебных заведений, или вовсе не являются к архиереям, как, напр., К. в Киеве (не явился к Викарию, Епископу Уманскому Филарету), или являются поздно, напр., Г. явился к архиепископу Антонию через две недели по приезде своем в Казань.

Такова была политика Обер-Прокурора Графа Д. А. Толстого, в духе коего действовали ревизоры, как его послушные орудия.

6-го ч. в 11 ч. утра я присутствовал, вместе с высокопреосвящ. Митрополитом и Преосвящ. Иоанном, на диспуте в академии. Окончивший в том же году курс академии Студент Л. Царевский¹¹¹¹ защищал диссертацию на степень магистра, на тему: «Происхождение и состав первой и второй книги Паралипоменон»¹¹¹². Официальными оппонентами на диспуте были: ординарный профессор С. М. Сольский¹¹¹³ и экстраординарный А. А. Олесницкий¹¹¹⁴. Тот и другой делали серьезные возражения, но последний, т. е. Олесницкий, удивил меня своими сведениями в еврейском языке; он почти целые главы из Еврейской библии читал наизусть. Магистрант защищался дельно, но довольно робко.

После диспута был обед в покоях ректора, за которым был и молодой диспутант, удостоенный звания магистра. – После обеда пил я кофе у Инспектора академии, архимандрита Сильвестра¹¹¹⁵ – ученого догматиста. Затем обозревал существующий при академии музей, недавно открытый, но заключающий в себе немало уже примечательных предметов.

Из академии заезжал к земляку-профессору, Протоиерею А. М. Воскресенскому.

Вечером, вместе с Преосвященным Иоанном, был я у Кафедрального Протоиерея о. Лебединцева¹¹¹⁶. Здесь встретил земляка – молодого Протоиерея Экземплярского¹¹¹⁷, получившего образование в Киевской академии и занимающего должность воспитателя в учебном заведении Галагана. В

небольшом кружке гостей шла живая беседа о разных предметах. Между прочим, кто-то рассказывал о глубоком старце, униатском епископе Иосифе, проживающем на Лаврском хуторе близ Киева, как он в праздничные и высокаторжественные дни ездит на волах в Лавру, украшенный звездой и аннинской лентой. Вспоминали также о покойном Митрополите Арсении, о его общительности и гостеприимстве, и проч.

7-го ч., после ранней литургии, был у меня упоминаемый уже не раз выше, вольный слушатель академических лекций, принявший христианство в Харькове, образованный еврей, Лев Кирил. Рейхенберг. Он просил моего ходатайства пред Митрополитом о возведении его в сан священника и о причислении его к какой-либо приходской церкви, не без корыстных, разумеется, расчетов. Я отклонил от себя эту просьбу.

В 11-ть часов утра я отправился, вследствие приглашения Владыки, в сопровождении Кафедрального Протоиерея, в Епархиальное женское училище, состоящее под покровительством Государыни Императрицы. Здесь встретила нас Начальница училища Ю. С. Гедеонова и провела прежде всего в церковь, затем мы обошли все помещения и пришли в квартиру Начальницы, где подан был нам кофе. Училище очень многолюдное; в нем 306 воспитанниц; везде и во всем виден был добрый порядок. Я очень был доволен этим посещением.

В 6 часов вечера слушал я всенощную под праздник Рождества Пресвятой Богородицы в домовый монастырской церкви. Пели певчие Преосвященного Викария стройно, но голоса, особенно мальчиков, не вполне удовлетворительны.

Мне следовало бы уже 7-го числа оставить Киев; но Владыка-Митрополит убедил меня остаться ещё на сутки, чтоб вместе с ним отпраздновать главный праздник его престольного храма.

8-го ч., в день общего христианского празднества в честь и славу Рождества Пресвятой Богородицы, в Киево-Софийском Соборе празднуется в честь Софии Премудрости Божией (в Новгородском Кафедральном соборе тоже празднество

совершается 15-го августа – в день Успения Б. Матери). Я приглашен был к участию в служении литургии, и мы служили втроем – Митрополит и два епископа – я и Преосвященный Иоанн. За литургией из высших городских властей не было никого, но простого народа было очень довольно.

После обедни в митрополичьих, покоях был завтрак и затем обед, к которому, кроме старшего духовенства, приглашены были и старшие профессора академии. У некоторых из духовных лиц, как, напр., у Протоиерея Фаворова¹¹¹⁸ – профессора Богословия в Университете, я заметил нечто странное и необычайное, именно *кольца* на руках. В Москве – это неслыханное дело.

После обеда, отпустивши прочих гостей, Владыка оставил меня на несколько минут у себя, и мы ещё кое о чем побеседовали с ним.

Вот краткое содержание всех бесед, какие мне довелось иметь с досточтимым архипастырем в продолжении восьмидневного пребывания моего в Киеве.

Владыка Филофей жаловался на недостаток единомыслия Членов Синода в важнейших делах церковных. Так по бракоразводным делам архиепископ Макарий и протопресвитер Бажанов были на стороне передачи этих дел в светские руки.

Скорбел о предполагаемых раскольникам льготах.

Сочувствует мысли о соборах, но почитает это делом несбыточным.

Одобрял книгу Профессора А. Лаврова о церковно-судебной реформе и почитал автора её достойным степени доктора Богословия.

С любовью вспоминал о Митрополите Московском Филарете, от которого сохраняет у себя более 100 писем. По смерти Митрополита, письма к нему Царских Особ возвращены были по принадлежности; из прочих бумаг более замечательные оставлены для хранения в Св. Синоде.

Преемник Филарета, Митрополит Иннокентий обязан своим назначением на Московскую кафедру записке А. Н. Муравьева, представленной через Фрейлину Мальцеву Государыне Императрице.

Преосвященный Алексей¹¹¹⁹ переведен с Рязанской кафедры на Тверскую вследствие многочисленных на него жалоб в Синод от духовенства. Огорченный этим перемещением, Преосвященный хотел вовсе оставить службу и идти на покой, но убежденный письмом Митрополита Филофея решился покориться своей судьбе. В письме этом повторены были мысли покойного Митрополита Филарета, высказанные сим последним кому-то из архиереев в подобных обстоятельствах.

О назначении Преосвященного Леонида на Ярославскую кафедру не было рассуждения в Синоде, но это назначение состоялось по частным переговорам Митрополита Иннокентия с Обер-Прокурором. Митрополит хотел почетным образом удалить от себя старшего Викария, который будто бы уже довольно явно начал домогаться Московской митрополии.

Об Епископе Муромском Иакове, викарии Владимирском, Владыка сообщил мне, что протоиерей И. В. Рождественский делал в Св. Синоде неодобрительный отзыв об его характере. Да и сам Митрополит отозвался мне о Преосв. Иакове так: «он имеет в себе нечто отталкивающее». Такой отзыв в устах такого серьезного и правдивого мужа, как Митрополит Филофей, весьма многозначителен.

Известие о посвящении во священника *неженатого* профессора (впоследствии ректора) Московской д. академии А. В. Горского (в 1860 г.) принято было в Синоде с удивлением; а протопресвитер В. И. Кутневич¹¹²⁰ сильно восставал против этого, небывалого в России, факта.

Члены Синода *протоиереи* – аномалия. Если Синод заменяет патриарха, то нет Синода.

Книга священника Белюстина «О сельском духовенстве», напечатанная Погодиным в Берлине, сделалась известною прежде всего при Дворе (В. Княгини Елены Павловны), и о ней, чрез Обер-Прокурора Св. Синода, Графа А. П. Толстого, требовался от Преосвященного Филофея, бывшего архиепископа Тверского, отзыв. Но когда преосвященный потребовал объяснения о книге от её автора, Белюстина, этот последний имел бессовестность отречься от своего

неблагонамеренного произведения. Тот же Белюстин написал, по поводу моей рецензии (в 1865 г.) на его сочинение: «Страстная седмица» (Компиляция из сочинения Ренана: *Vie de Jésus Christ*), и представил в Синод дерзкую записку. Об этой рецензии было уже говорено в своем месте¹¹²¹.

Не смотря на покровительство П., редактору Ц.-Общ. Вестника, со стороны Обер-Прокурора, Графа Д. А. Толстого (о чем Преосвященному Филофею сообщено Митрополитом Исидором), Св. Синод поручил Графу снестись с Министром Вн. Дел о том, чтобы в газете, редактируемой П., не были печатаемы статьи духовного содержания без разрешения духовной цензуры.

Преосвященный Митрополит недоволен духовенством Киевской епархии, его немиролюбивым настроением и иезуитизмом. Митрополит Арсений также жаловался на это духовенство и просил у покойного Митрополита Московского Филарета на этот счет совета. Тот советовал больше принимать в епархию из великороссийского духовенства.

После краткой беседы в Софийском митрополичьем доме, я простился с Владыкою Филофеем, получив от него в благословение образ (финифтяный) Киево-Печерской Б. Матери и в дар книжку – «Указатель святыни и священных достопамятностей Киева» (изд. 5-е, 1871 г.), а в 8 часов вечера я оставил Киев с самыми живыми и приятными впечатлениями в душе. До станции железной дороги провожал меня мой добрый и радушный хозяин, преосвященный Иоанн.

На следующий день, 9-го числа, в 9 часов утра я прибыл на станцию «Ворожба», где должен был пробыть около четырех часов, в ожидании поезда Сумской железной дороги. Здесь неожиданно встретил меня Благодичный, священник слободы Речек Пав. Клементьев¹¹²², приезжавший в заштатный город Белополье для служения в одной из приходских церквей по случаю храмового праздника в день Рождества Пресвятой Богородицы. Чтобы не терять напрасно время, я пригласил Благодичного отправиться в слободу Ворожбу, отстоящую от станции версты на полторы, для обозрения тамошней Церкви. Нам подали тарантас (по местному названию *таратайка*),

запряженный парю лошадей. Подъезжаем к церкви; церковь заперта, и из двух приходских священников не оказалось на лицо ни одного; оба были в приходе с требами. Между тем сторож отпер нам церковь, и мы вошли в неё. Церковь каменная, внутри довольно благолепна и содержится чисто. Не нашедши церковных документов, я увидел на окне, в алтаре, книгу с записью братских доходов. Из этой записи я усмотрел, что братские доходы ворожбянского причта довольно достаточны (от 60 до 200 р. в месяц). Осмотревши церковь, мы зашли в дом старшего священника К. Позднякова; жена его предложила нам чай. Пока приготавливали чай, возвратился из прихода и о. Поздняков, а вместе с ним и его помощник, священник Гр. Малиевский (племянник покойного Преосвященного Харьковского, впоследствии Черниговского, архиепископа Филарета), переведенный сюда из Марьинского прихода Богодуховского уезда. После чая предложен был нам завтрак. Неожиданное посещение наше тем приятнее было для священника, что у него в этот день случился в семье именинник – сын. После завтрака мы возвратились на станцию, где я, отпустивши Благодичного, остался один в квартире начальника станции, в ожидании поезда. Наконец поезд двинулся.

На Сумской станции встретил меня соборный Протоиерей Никольский и передал мне распространившийся в Харькове, по поводу моей поездки в Киев, слух о моем будто бы желании перейти на Владимирскую кафедру, – о чем мне и на мысль никогда не приходило.

10-го числа, в два часа пополудни, я благополучно возвратился в Харьков.

Дома нашел я несколько писем с разных сторон. Из Москвы писала мне И. П. Киреевская:

«Время летит быстро, а долгое молчание Ваше, Владыко Святейший, грустно отзывалось сердцу...

События нынешнего времени так грустны и тяжелы, что трудно о них слово сказать. Одна лишь молитва и упование на милосердие Божие сильны поддержать нас.

Очень желаю, чтобы Ваше предположение побывать в Киеве, для поклонения святыне и посещения Святителя

Митрополита Филофея, осуществилось. Утешение быть у Киевской святыни, в великой церкви, иметь счастье приложиться ко святой чудотворной иконе Честного Успения Б. Матери и быть у св. мощей в пещерах – есть великое духовное утешение! От души его Вам желаю, и прошу милостиво вспомнить о мне, недостойной, в Ваших святительских молитвах.

Не могу не позавидовать Вам в том, что услышите святую, отрадную для души беседу Владыки Митрополита Филофея. Это уже, конечно, последний святой старец на земле, и истинный старец, глубоко прозорливый. Слава благодати в нем чувствительна.

Однажды я была у него в Петербурге, по поручению покойного Митрополита Филарета. Его отеческий, смиренный и любвеобильный прием доселе утешительно отзывается в моей душе. Спаси его Господи и утешь!»

В ответ на это писал я от 13-го сентября:

«Благодарение Господу! Мое душевное желание исполнилось: я был в Киеве; 31-го числа августа выехал из Харькова, а 10-го сентября ранним утром возвратился. В Киеве пробыл 8 суток. Два раза сподобился служить со Владыкою Митрополитом, один раз в великой Лаврской церкви, а другой – в Софийском Соборе, в день храмового праздника, 8-го числа. 6-го числа присутствовал вместе с прочими архиереями на магистерском диспуте в академии.

Владыка Филофей принял меня чрезвычайно милостиво. Два дня сряду я у него обедал вдвоем с ним, и каждый раз беседовал часа по три и по четыре. Все, что было у меня на душе, я изъяснил ему, и от него, в свою очередь, получил очень много разного рода сведений, весьма для меня интересных и полезных. Он был со мною искренен и откровенен, как отец с сыном. Спаси его Господи!

Высокопреосвящ. Филофей – это истинный святитель Божий. Не обинуясь, можно причислить его к великим иерархам первенствующей христианской Церкви. В служении и в частной беседе он много напоминает покойного Московского Святителя. Не выдавшись с ним 11 лет, я нашел большую перемену в его

внешнем виде: он смотрит глубоким старцем. Но душа и сердце его неизменны в своей благодати, кротости и смирении. Между тем, однако же, с возвышением его в иерархическом чине, заметна в нем ещё большая ревность о благе Церкви и о защите церковных канонов. Это – твердый и непоколебимый столп православия.

Но милости Божией, путешествие мое в Киев совершилось благополучно и доставило мне великое душевное утешение».

Из Владимира писал мне от 2-го числа Преосвященный Иаков, епископ Муромский, управлявший тогда, за смертью Архиепископа Антония, Владимирской епархией:

«У нас с 19-го по 23-е августа был гость, Иван Васильевич, о. Протоиерей Рождественский. Его посещение, неожиданное нами, вызвало меня из Ковровского уезда прежде срока. О прибытии уведомили меня в Ковров телеграммой. Решился видаться с высоким гостем. Свояченицу или невестку с детьми приезжает он навещать года через два. Нынче просил увольнения от поездки в Крым и приехал к нам на короткий срок... Не посмотреть ли, говорят иные, на дела Викария и послушать речей от близких ему?

На вопрос о. Хераскова, с желанием, чтобы утвержден был викарий епархиальным, ответа не даде. Я не просил за себя, а жаловался только на тяготу и вар и говорил: пора бы решить дело и прислать настоящего архиерея. И. В. заметил, что к старикам неудобно присылать молодых и что он настаивал, чтобы в Кострому не посылали Игнатия. Это де нехорошо. Не послушали. Из заслуженных никто, говорит, не пойдет во Владимир... Другим говорил, что м. Исидор на моей стороне. Во всяком случае, решения нельзя ожидать ранее того, как соберется Синод во всём его составе. Буди воля Божия! Я спокойно ожидаю решения, не интересуясь первенством.

Гостя потчевал я обедом. Прежде угощение предлагал Владыка, а я не дерзал, яко мний.

Прошу сказать, как у Вас ведется дело о рукоположении в дьяконы из причетников. Покойный Владыка очень стеснял просителей, подвергал дьячков экзамену по особой программе и редко-редко кто удостоивался чести дьяконства. Я смотрю на

дело иначе. У нас в служении диакон необходим, особенно при безголосом священнике; он поможет священнику и покойника поднять и панихиду отпеть. В 4 месяца я поставил 11 дьяконов; в некоторых благочиниях не было ни одного дьякона; обращались в случае надобности в соседнее благочиние. Для виду требую, чтоб подвергали искателя экзамену, допуская только тех, кои служат беспорочно, особенно стариков, в награду и утешение. Думаю, что за это не будут бранить меня сверху.

Вчера мы начали, а завтра продолжим празднование 100-летнего юбилея Владимирского Наместничества. Распоряжение о сем изволите усмотреть из объявления в Ведомостях. Простите и благословите».

На письмо это отвечал я от 13-го числа:

«Поздравляю Вас с совершившимся юбилеем Владимирского Наместничества. Предполагается и у нас, в Харькове, в ноябре, своего рода юбилей в честь известного украинского писателя Грицьки Основьяненко¹¹²³, о котором сохранились здесь стихи:

Был поэтом, был актером,
Был монахом¹¹²⁴, был танцором.

На ваш вопрос о рукоположении во диаконы из причетников, неокончивших, разумеется, курса Семинарии, я должен дать Вашему Преосвященству ответ, для Вас неожиданный. Если узнает об этом Св. Синод, он не только не одобрит этого, но и совершенно возбранит такое рукоположение. По крайней мере, был со мною такой случай в Витебске. Я произвел в диакона сельского причетника – весьма достойного и по особенному обстоятельству должен был иметь об этом диаконе сношение с Св. Синодом. Когда Синод из дела усмотрел, что этот диакон произведен мною из причетников, неокончивших курса Семинарии, поставил мне это на вид и, разъяснив, что, на основании известных правил Высочайше утвержденного Присутствия, в диаконы могут быть посвящаемы только кандидаты священства, окончившие курс Семинарии псаломщики, строго воспретил мне это на будущее время. Здесь, в Харькове, не раз обращались ко мне с просьбами

причетники о посвящении во диаконы, но я всем им отказывал на основании Витебского опыта. Правда, у меня теперь нет и особенной надобности умножать число диаконов; их так много было посвящено до меня, что станет на многие годы.

Впрочем можно ожидать, что настоящий порядок вещей рано или поздно изменится и возвратится к прежним временам в виду крайнего оскудения кандидатов священства. Вот уже и теперь Кавказское епархиальное Начальство приглашает к занятию священнических вакансий диаконов, неокончивших курса Семинарии, и некоторые диаконы поспешили воспользоваться этим приглашением».

12-го числа писал я в Киев Высокопреосвященному Митрополиту Филофею и его Викарию, Преосвященному Иоанну.

Вот что писал я Его Высокопреосвященству:

«Не нахожу слов благодарить Ваше Высокопреосвященство за Ваше милостивое отеческое ко мне внимание, едва ли мною заслуженное. Всещедрый и богатый милостию Отец небесный сторицею да воздаст Вам за Ваши ко мне милости!

Благословляю Господа, благоустроившего мне путь в священный град Киев для поклонения тамошней святыне и для свидания с Вашим Высокопреосвященством. Поклонение Святым угодникам Печерским преисполнило благоговейными чувствами мою душу; а неоднократные и продолжительные собеседования с Вашею, досточтимую, Милостивейший Архипастырь, особою истинно услаждали мое сердце.

Напутствуемый Вашим Святительским благословением, я благополучно возвратился в Харьков и начинаю заниматься обычными делами своего служения».

Преосвященному Иоанну я писал следующие строки:

«Приношу Вам искреннюю, сердечную благодарность за оказанное мне братское гостеприимство. Семидневное пребывание мое под мирным кровом Вашей Св. обители надолго сохранится в моей признательной памяти.

Прошу передать мою усердную благодарность и почтенной братии Вашей обители за её молитвенное возношение моего имени при богослужениях.

Напутствованный Вашею братскою любовью, я благополучно совершил обратный путь до Харькова, куда прибыл 10-го числа, в воскресенье, в 2 часа пополудни, и дома нашел, по милости Божией, всё в добром порядке».

Уволенный из Московской Духовной Академии, под предлогом болезни, студент Тимофей Буткевич, уроженец Харьковской епархии, обратился ко мне с просьбою об определении его на какое-либо священническое место. В виде испытания его богословских сведений, я велел ему написать сочинение на тему: «Образ истинного пресвитера Христова, по учению слова Божия и церковным постановлениям». Это было 13-го числа. На другой день, 14-го числа, он представил мне на семи почтовых листах очень дельное сочинение. Это крайне удивило меня: в такой короткий срок и такое обширное сочинение. Оказалось, что он владеет стенографическим искусством писания, и потому мог так скоро, в одни сутки, написать и переписать свое сочинение. Усматривая в Буткевиче такие дарования, я решился принять его в свою епархию и дать ему священническое место. На первый раз я определил его помощником настоятеля к Троицкой церкви заштатного города Беловодска.

30-го ч. совершена была обычная торжественная встреча из Куряжского монастыря Чудотворной Озерянской Иконы Б. Матери, при многочисленном стечении богомольцев.

1-го октября храмовый праздник в моем Покровском монастыре и день моего ангела. Богослужение в храме и прием поздравителей в доме происходили по примеру прежних лет. Впрочем этот день ознаменован был для меня на сей раз некоторым особенным фактом. Уполномоченные от прихожан подгородной слободы Ивановки, в знак признательности за уступку им нескольких сажень из принадлежащей архиерейскому дому земли, для сооружения нового каменного храма, поднесли мне в этот день благодарственный адрес следующего содержания:

«Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Деревянный храм наш в подгородной слободе Ивановке по количеству прихожан мал, ветхий, холодный и находится далеко не в центре прихода. Все эти причины давно уже породили в нас – прихожанах Ивановской церкви единодушное желание построить новый храм – каменный.

Главною и единственною преградою к осуществлению этого желания служило то обстоятельство, что в черте Ивановского прихода не было места, где бы постройка нового храма могла быть вполне целесообразна. Но Господь Бог невидимо пекущийся о благе своей церкви послал нам в лице Вашего Преосвященства видимого покровителя и благодетеля.

По милостивому соизволению Вашего Преосвященства теперь мы имеем вполне удобное для храма место, и имеем его, как дар Ваш.

Сознавая всю неоценимую важность такого дара, мы по единодушному уполномочию общества прихожан повергаем к стопам Вашего Преосвященства, Милостивейшего Архипастыря, нашу искреннейшую сердечную благодарность и покорнейше испрашиваем Святительских молитв Ваших о благополучном окончании предпринятого нами дела.

Вашего Преосвященства

Милостивейшего Архипастыря покорнейшие слуги

Уполномоченные от общества прихожан села Ивановки».

От 28-го числа писал мне из Сергиевского Посада Ректор Московской д. академии, Протоиерей С. К. Смирнов:

«Имею честь приветствовать Вас со днем Ангела Вашего и от всего сердца желаю Вам сретить и провождать новое лето жизни Вашей в полном благополучии, в свободе от приражения всего, что может возмутить покой души.

Из Церковного Вестника узнал я, что в начале Сентября Вы были в Киеве. Без сомнения Вы неоднократно имели случай видеться с о. Ректором Академии¹¹²⁵. Мы не имеем от него и от других никаких сведений о его служении на новом месте. Не оставьте сообщить, что о том стало Вам известным.

Я, по милости Божией, совершенно свыкся с моим новым положением. Теперь у нас на очереди вопрос об открытии при нашей Академии общества вспомоществования нуждающимся

студентам академии, которых число год от году увеличивается. В прошлом году своекоштных, долженствующих жить в посаде, поступило 10-ть человек, а ныне 16-ть. На первый раз помогло им Братство Святителя Николая, а дальнейшее их существование ничем не обеспечено: они ожидают помощи от будущего общества. Открывается для них и ещё источник блага: Преосвящ. Амвросий осенью открывает с компанией сотрудников курс чтений по Богословским наукам, и сам хочет читать о воспитании молодого поколения, и сбор за слушание лекций полагает обратить в пользу наших студентов. Дай Бог всему этому осуществиться.

Церковный Вестник объявляет, что с будущего года у нас будет возобновлено издание Творений Св. Отцов, но это не совсем верно; следующий год мы только будем готовить материал, на что потребуется немало времени: нужно сделать хороший запас, чтобы с самого начала не сесть на мель. Св. Синод, к которому мы обращались с просьбою о денежном пособии для начала издания, повелел нам обратиться для сего к Московской кафедре, которая не отказывает нам в помощи. Видите, как много добрых предприятий; благословите нас на их исполнение».

На письмо это я отвечал от 26-го числа:

«Примите мою искреннейшую благодарность за поздравление со днем моего ангела и за ваши благие желания на новое 31-е лето моей иноческой жизни. 30-ть лет в монашестве, да столько же до монашества – итого сколько же? Извольте сосчитать... Удивительно, как быстро летит время!.. Я думаю и Вам не меньше моего лет от рождения, признайтесь.

Желаю Вам скорейшего осуществления всех благих Ваших начинаний и предприятий. Когда утвержден будет устав Вашего Братства, я не замедлю прислать Вам свою лепту.

Поездка в Киев доставила мне великое утешение. Много и о многом побеседовал я с Владыкою Митрополитом. Спаси его Господи: он принял меня с истинною отеческою любовью. С Преосвящ. Михаилом виделся я не один раз, но немного мог от него узнать. На мой вопрос о том, какую разность находит он между Московскою и Киевскою академией, он ответил

уклончиво, сказав, что он ещё недостаточно ознакомился со своею новою корпорацией. После Филарета, который не отличался особенною приветливостью к подчиненным, Преосв. Михаилом, по-видимому, довольны и наставники и студенты. И сам он, кажется, доволен своим положением.

Из напечатанного на днях Отчета Киевской д. академии не без удивления узнал я, что в числе вольных слушателей академии был Граф В. М. Толстой. Объясните мне пожалуйста, каким образом это могло быть и по каким побуждениям Его Сиятельство предпочел Киевскую академию Московской».

2-го числа я имел удовольствие получить письмо из Болгарии от Высокопреосвящ. Мелетия, Митрополита Софийского. Вот что он писал мне от 6-го сентября:

«Ваше Высокопреосвященство!

Его Благоговеинство священник Воронежского полка отец Павел Романский передал мне, что любвеобильное сострадание и благосклонность Вашего Высокопреосвященства к нашему народу изъявили ему, когда он в последнее время бывал у Вас, что вверенная Вам Богом Харьковская и Ахтырская паства боголюбиво и человеколюбиво имела расположение пожертвовать церковные утвари, богослужебные книги и даже колокола для бедных церквей Болгарии.

Эта весть крайне всех нас здесь обрадовала и вызвала глубочайшие сердечные благодарения к Вашему Высокопреосвященству и к боголюбивым жертвователям Вашей епархии. Будьте уверены Ваше Высокопреосвященство, что мы с неописанным благоговением примем эти священные подарки, как новые доказательства неизреченной любви Православного русского народа к сродному и единоверному ему Болгарскому народу, вызванному уже к новой жизни победоносными войсками Его Императорского Величества, Преблагословенного Александра Николаевича, и как знаки, которые более скрепляют единство этого происхождения и св. веры навсегда.

От глубины сердца и души, благодаря от себя и от всей Софийской паствы Ваше Высокопреосвященство и Христоролюбивую Вашу паству за такое расположение,

почтительнейше смею предложить свою готовность к услугам благочестивых дарителей для раздачи их подарков по списку, куда следует, или куда сами они прикажут, как только получены будут здесь.

Поручая себя и свою паству святым Вашим молитвам честь имею быть Вашего Высокопреосвященства о Христе братом»...

От 23-го Сентября писал мне из Уфы Законоучитель Гимназии, священник Е. Н. Соловьев:

«Приветствую Вас со днем ангела и молю Бога да светится свет Ваш пред человеки многия и многия лета!

Была у нас недавно ревизия; приезжал сам попечитель; на уроках моих он был три раза, в 7-м, 4-м и 1-м классах. Слава Богу, всё сошло благополучно и хорошо.

17-го Сентября у нас в Гимназии бывает престольный праздник (церковь – Гимназическая-Софийская); я, как настоятель Церкви, вместе с Директором, просили Его Преосвященство¹¹²⁶ служить, и он, конечно, не отказал в нашей просьбе. Встречу Преосвященного проектировал я. Все ученики были выстроены шпалерами по обеим сторонам от церкви, находящейся во 2-м этаже, по коридору и лестнице до парадного крыльца; когда Владыка вступил на крыльцо, то из первых рядов воспитанников посыпались к ногам архипастыря букеты и живые цветы, которых для сего случая было запасено огромных три корзины; таким образом сопровождалось шествие архипастыря по усеянному полю цветов до самой церкви, где я с другими сослужащими встретил его с крестом. Обедня шла торжественно; прислужники и чтецы были гимназисты. После обедни Владыка произнес прекрасное слово «о гонении креста Господня в различные века со стороны язычников и мнимопередовых людей». Слово направлено было против современной молодежи, издевающейся над религией и государственным законом. Отчего бывают такие явления в государствах? От того, что иногда старшие, руководители и пестуны, ведут молодую жизнь своих питомцев не дорогою Церкви, а путем коловратного мира. Но горе тем, чрез которых соблазн в мир приходит, говорил Архипастырь, и тем заключил свое слово».

От 29-го Сентября писал мне из села Высочиновки А. Ф. Ковалевский:

«Имею честь принести Вам почтительнейшее поздравление мое со днем Ангела Вашего. Усердно молю Господа Спасителя нашего и Его Пречистую Матерь даровать Вам здравие, долгоденствие и вечное спасение.

Недавно Господь утешил меня разрешением Св. Синода на напечатание составленного мною акафиста Святителю Арсению, Епископу Тверскому, Чудотворцу, в чем я почти уже отчаялся, ибо немало было к тому затруднений. Но Святитель Арсений явственно явил в этом деле свое святое участие: подвинул Членов Св. Синода – Высокопреосвященнейшего Филофея Киевского, недавно бывшего ещё Тверским, и Преосвященного Феоноста Подольского, уроженца Тверского, принять живое участие в судьбе акафиста Святителю Арсению, чрез что он удостоился наконец разрешения Св. Синода и по особой милости Высокопреосвященнейшего Филофея даже очень изящно напечатан в типографии Киево-Печерской Лавры. Прилагаемый при сем экземпляр прошу принять на память об авторе».

Получив экземпляр акафиста Святителю Арсению, Епископу Тверскому, мог ли я тогда вообразить, что через год, и даже менее, я, недостойный, буду восседать на епископской кафедре Тверской?!..

От 30-го Сентября писал мне из Москвы протоиерей С. И. Зернов:

«Во множестве искренно уважающих Вас и искренно преданных Вам людей, поздравляющих Вас со днем тезоименитства, примите и меня, Преосвященнейший Владыко, с любовью. Усердно молю Господа всегда, чтобы Он в первых помянул Господина нашего Преосвященнейшего Епископа Савву и даровал Его святым своим церквям в мире цела, честна, здрава, долгоденствующа, право правяща слово Его истины.

Письмо Вашего Преосвященства от 19-го июля я получил 22-го числа и прочитал его с душевною благодарностью, но последняя часть его возбудила во мне сильную тревогу. В

приведенных Вами словах статьи Душеполезного Чтения – «Безгрешность Господа Иисуса Христа, как доказательство Его Богочеловеческой природы» – Ваше Преосвященство усмотрели *лжеучительные мысли* (стр. 273). Я и сам, когда читал эту статью, над этим местом, хорошо помню, остановился, но, к великому сожалению, не отнесся к нему с тою строгостью, к которой обязан ещё и должностью своею. Мне казалось, что общее направление статьи – хорошее, и при этом впечатлении возбуждившееся было во мне сомнение стало смягчаться, и вот я, расположив себя к снисхождению, после малого колебания, подписал статью с её большими местами. Ваше замечание открыло мне глаза. Вижу мою вину и смиренно прошу Вас, милостивейший Архипастырь и Отец, отпустить мне оную, и этим отпущением святительским успокоить мою смущенную совесть. Признаться сказать немало представляет мне случаев к тяжелым затруднениям цензорская должность. Вот и в настоящее время нахожусь в большом смущении от печатаемых в Православ. Обозрении чтений г. Соловьева¹¹²⁷ о Богочеловечестве. Жду замечаний. За статью Душеп. Чтения под заглавием: «Страдания Великого Учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа» уже и прислано мне из Св. Синода внушение. С другой стороны – едва ли менее тяжело бывает и с редакторами объясняться...

По части епархиальной хроники у нас в Москве ничего особенного не случилось. Но деятельность свежих викариев, и особенно старшего из них, чувствуется непрерывно. Красноречивые отзывы Преосвящ. Амвросия на события современной жизни Ваше Преосвященство, конечно, изволили читать. Об них говорят ещё и теперь многие с живейшим сочувствием, а иные ими и недовольны. Особенно, говорят, недовольна знаменитым оратором новейшая интеллигенция из преподавательского состава, видно чувствуя, что удары падают прямо на местопребывание болезни. По Епархиальному управлению Преосвящ. Амвросий энергически занялся устройством наших бедных вдов и для этого восстанавливает и вновь открывает как в Москве, так и по епархии, просвирнические места. По его же инициативе задуманы у нас,

и скоро, говорят, начнутся публичные чтения по предметам православного веро- и нравоучения. В этих чтениях он и сам будто бы намерен принять участие. О. Иванцов-Платонов¹¹²⁸ будет читать по Истории церкви. Сбор за чтение будет употреблен на благотворение по духовному ведомству. Часть его, говорят, будет отчислена для учреждения при нашей академии общества на помощь бедным студентам, по примеру Петербургской Академии. Нужда в таком обществе настоящая. Более десяти человек – студентов ныне обратилось с просьбами о пособии в наше братство, которое и препроводило на сей предмет о. Ректору Академии до 250 рублей, вызвавшись и ежегодно жертвовать не менее того в Братство или Общество Преп. Сергия, если бы таковое открылось при академии для, бедных студентов. Нет сомнения, что такое учреждение встречено будет московским духовенством и всеми воспитанниками нашей академии с искренним сочувствием.

Слышали, конечно, и читали, Ваше Преосвященство, что и у нас завелся небольшой, на первый раз в виде опыта, свечной завод, пока для одного благочиния. Дай Бог ему успеха. Мы ожидаем, что из него вырастет и обще-епархиальный свечной завод. Но церковные старосты московские не очень ласково (по крайней мере большая ещё их часть) смотрят на новый завод, предвидя в нем начало неприятного контроля. О заводе идет молва хорошая. Производимые им свечи хвалят.

Был в конце августа в Москве Член Св. Синода Иван Васильевич Рождественский – обедал у Преосвящ. Амвросия, к каковому случаю в числе приглашенных был и я. В первый раз близко я видел этого заменательного нашего земляка. Мне показался он прекрасным человеком.

Вот и вся мне известная Московская хроника!

Преподайте, Преосвященнейший Владыко, Ваше Архипастырское благословение вернейшему Вашему и преданнейшему послушнику и усерднейшему богомольцу о Вас Протоиерею Стефану Зернову, с его семейством».

От 1 Октября писал мне из Владимира Преосвящ. Иаков:

«Ваше прещение о посвящении причетников во дьяконы меня довольно смутило, но не остановило. Читая положение 1869 г., я не нашел ясного запрещения возводить причетников в сан дьякона; напротив 6 § Положения предоставляет усмотрению епарх. архиерея возводить с некоторым ограничением. По моему убеждению, дьяконы не роскошь, а необходимость при наших церквах – и произвожу достойных причетников, подвергая их в Консистории установленному Архиеп. Антонием испытанию и не ранее 25 лет. Впрочем, после Вашего сообщения, буду поудерживаться, чтоб не размножались.

26 сент. я освящал, в первый раз, антимины, и в чине встретил некоторые поправки, сделанные покойным Владыкой, напр., жертвенник вместо престольные уборы, и др. изменения. Наизусть не могу указать их. Позвольте спросить Вас, делал ли покойный Митрополит Филарет какие отступления от чинопоследования, в чем именно, и как Вы совершаете освящение? Мой Владыка ни разу не дозволял мне освящать антиминов, я видел как он освящал, но в книгу не заглядывал, увидал только накануне 26-го ч. Век живи, и век учись, и все-таки умрешь незнайкой.

У меня в Муроме молодой архимандрит Спасского монастыря, поставленный Владыкой из казначеев Благов. монастыря в декабре 77 года, восстановил против себя белое духовенство, и на него сделан донос жандармскому полковнику, что он часто посещает дом молодой вдовы, под предлогом преподавания уроков 15-л. дочери её, долго просиживает у ней и даже три раза ночевал у неё на даче. Полковник сообщил мне свое дознание на мое распоряжение. Я взял от архимандрита допрос и при своем письме препроводил к Митр. Исидору, прося его защиты, если бы дело дошло до Синода. Владыка, прочитав объяснение, нашел, что архимандрит действовал очень неблагоприятно, и мне трудно будет защитить его, если дело войдет в официальную колею. На беду полковник – ученик И. В. Рождественского, и когда он был во Владимире объяснил ему всё, что мне написал. Архим. виновен не более, как в неосторожности. Вдова и дочь её – его дети духовные, которые

к нему на дух ходят около 4-х лет, стали исповедоваться, когда он был ещё казначеем; приходской священник, Протоиерей Ястребов, сильно обижается, что у него отняли богатых детей и уроки; он, кажется, и сочинил донос, стараясь оговорить его в связи; но архим. не того склада, чтобы посягать на женскую честь, ведет жизнь строгую, даже вериги носит. Из студентов Семинарии, был священником в Смоленской епархии лет 12-ть, потом постригся в Оптиной пустыни и мною выпрошен для водворения порядка; лишь явился в Муром, его тотчас отличили, и потянулись к нему и с вопросами совести и с вкладами в монастырь. Не обида ли это заурядным священникам? Гость наш прямо сказал мне: уберите его! Мне жаль дельного человека; под его руками Спасский монастырь оживает и покрывается плотью. Сам он страшно смущен, и близко знающие его граждане тоже скорбят при мысли, что на него возводят клевету. Что тут делать? Гость едва ли будет на моей стороне, замечает Владыка-Первосвятитель, если дело дойдет до Синода. Но жандармский полковник дал мне слово, что он не донесет Шефу, если архимандрит прекратит со вдовой всякие сношения; а со стороны гостя было бы слишком..., если бы он вздумал от себя сделать донос по одному слуху... Я крепко наказал Архим. держать себя как можно осторожнее, и он не нарушит моей заповеди. Митр. Исидор возвратил мне объяснение, значит дело пока как бы не существует.

Владыка поставил мне на вид газетную весть, что мои певчие на пути из Муромы пели песни; но дело об арх-те, по его словам, хуже... О песнях я не писал в СПб., не придавая им особой важности, тем более, что петь заставил жанд. полковник, и не пели ничего худого, а такие песни, как регент говорит, певали в покоях у Влад. Антония. Ныне такое время, что нам слова не дадут сказать, чтоб не огласить его со своим толкованием. Трудное время.

Что делать для охранения церквей от воров? Редкую почту не доносят мне, что воры забрались в церковь, или делали покушение. У Вас не приняты ли особые меры, нам неизвестные? Научите. Я думал завести собак. В народе страшная распущенность. Ничего не боятся.

Каков народ, таковы и пророцы. Не мы ли сами виной всему?»

7-го ч. получил я письмо из Киева от Инспектора академии, архимандрита Сильвестра. Он писал мне от 3-го числа:

«Посылая Вашему Высокопреосвященству свою книжку под заглавием: «Опыт православного догматического богословия»¹¹²⁹, прошу благосклонно принять её в свою домашнюю библиотеку. Вместе же с сим высылаю и остальные свои книжки, предоставляя Вашему Высокопреосвященству передать их другим, по своему усмотрению, если таковые уже есть у Вас. Делаю же это в виду того, чтобы иметь со своей стороны больше основания напомнить об обещанной Вашим Высокопреосвященством присылке и мне своих трудов, которые я приму с полнейшею благодарностью.

Испрашивая себе и всей академии Ваших архипастырских молитв и благословения, долг имею пребыть с глубочайшим почтением и искреннею преданностью Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря и Отца, нижайшим слугою»...

В ответ на это писал я от 10-го числа:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за доставление мне Ваших истинно ученых произведений, которые я читал и буду продолжать читать с душевным удовольствием.

Из четырех, Вами присланных, сочинений два, а именно о Церкви и о Св. Духе, у меня были уже в библиотеке, и потому я, согласно вашей воле, передам их дублиеты кому-либо из окружающих меня ученых людей.

В свою очередь прошу и от меня принять на память нечто от моих литературных трудов.

Желая Вам от Господа укрепления Вашего зрения, столь необходимого при ученых занятиях, имею честь быть Вашего Высокопреподобия слугою.

С. Е. Х.»

Еще 7-го августа Начальник Псковской губернии Михаил Борисович Прутченко¹¹³⁰ писал в Харьков Редактору Епархиальных Ведомостей, протоиерею И. Чижевскому:

«Прочитав «Воспоминания о Преосвященнейшем Архиепископе Ярославском Леониде», написанные Епископом Саввою, я сильно заинтересовался личностью Харьковского Преосвященного, – и усмотрев в «Воспоминаниях» (стр. 310:311), что Вами, Милостивый Государь, была издана в 1876 г. книга под заглавием: «Прощание Преосвященного Саввы с Полоцкою паствою и вступление его на Харьковскую Кафедру», я решился просить Вас выслать мне, по нижеозначенному адресу, эту книгу. Не зная её стоимости, я прилагаю при сем 1 р., покорнейше прося в случае, если не достанет этих денег на оплату книги с пересылкой, уведомить меня, и я немедленно дошлю Вам недостающее.

Если можно иметь фотографическую карточку Епископа Саввы в Харькове, я крайне был бы Вам признателен, если бы Вы, милостивый Государь, сооблаговолили приложить её к книге; конечно, стоимость её будет с благодарностью возвращена».

Так как моих карточек в продаже не было, Протоиерей Чижевский обратился ко мне с просьбою удовлетворить желание г. Прутченко. Я не затруднился, конечно, исполнить эту просьбу, но с условием, чтобы и г. Прутченко выслал мне свою карточку. Условие это охотно им принято, и вот что он по этому поводу писал мне от 4-го октября:

«Известившись из письма о. Протоиерея Чижевского, что Вашему Преосвященству желательно бы было иметь фотографическую группу Великих Князей, снятую во время пребывания Их Величеств в Пскове, я позволяю себе предложить Вам, Преосвященнейший Владыко, экземпляр этой группы, посланный отдельною посылкой.

Группа эта включает двенадцать лиц, поместившихся в следующем порядке, если смотреть от правой руки к левой: два георгиевских кавалера – Их Императорские Высочества Великие Князья Константин Константинович и Сергей Александрович; в середине Ваш покорный слуга: затем Великие Князья Павел Александрович и Димитрий Константинович. Во второй линии, сзади Великого Князя Константина Константиновича Капитан Генерального Штаба (состоящий при В. К. Сергее Александр.) Степанов; возле него Преподаватель Их Высочеств Действ. Ст.

Сов. Вегнер; далее известный археолог, Действ. Ст. Сов. Граф Уваров; затем Тайный Сов. Качалов, Свиты Его Величества Контр-адмирал Арсеньев (Попечитель В. К. Сергея Александровича и воспитатель Вел. Кн. Павла Александровича); возле него воспитатель Вел. Князей Константина и Дмитрия Константиновичей, Капитан-Лейтенант Зеленый, и, наконец, Профессор Истории, Действ. Ст. Сов. Бестужев-Рюмин.

Эта группа снята в Пскове 12-го июля 1878 года.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы испросить Архипастырского благословения Вашего и вместе с тем покорнейше просить принять уверение в искреннем уважении и совершенной преданности»...

Получив это письмо 8-го числа, я отвечал г. Прутченко от 13-го числа:

«Получив 8-го числа почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства, а чрез четыре дня и упомянутую в этом письме фотографическую группу, спешу выразить Вам мою искреннюю душевную благодарность за приятный и дорогой для меня дар.

Сожалею, что, живши более 8-ми лет в соседстве с Псковскою губернией, я не имел случая посетить древний град Псков и лично познакомиться с Вашим Превосходительством.

Но очень рад, что моя книга о покойном Архиеп. Леониде дала мне повод познакомиться с Вашим Превосходительством, по крайней мере, письменно.

Призывая Вам и семейству Вашему Божие благословение, с истинным почтением и преданностью имею честь быть»...

Выше мною было упомянуто, что я, бывши в сентябре месяце в Киеве, приглашал земляка своего, Протоиерея Софийского Собора Н. И. Флоринского, занять в Харьковском Институте благородных девиц должность законоучителя, и он на это изъявил согласие. Но когда я, по возвращении из Киева, сообщил об этом Инспектору Института, Гр. Сем. Рындовскому, и он отнесся по этому вопросу к о. Флоринскому с официальным запросом, то этот последний дал ему отрицательный ответ. В таком же смысле писал и мне от 6-го сентября.

«Принося сыновнюю благодарность Вашему Преосвященству, – писал мне Протоиерей Флоринский, – за архипастырское отеческое к недостойности моему внимание и благорасположение, честь имею известить Вас, что Владыка Митрополит Киевский не соизволил и не благословил меня оставлять Киев.

Когда, по изъяснению мною Его Высокопреосвященству о приглашении меня в Харьков, присоединил я и причину, побудившую меня принять это приглашение – желание дать моей меньшей дочери воспитание в Институте Харьковском, Владыка Митрополит сказал: «законоучителя найдут и в Харькове; а вам советую и желаю продолжать служение в Киеве, тем более что есть привлекающее к нему – Святых его».

Говоря так, наш Богомудрый Святитель дал мне ответ (прикровенный) и на высказанное желание относительно места воспитания моей дочери, – т. е. (как понял я) и для неё полезнее воспитываться в Киеве.

Подлинно, Ваше Преосвященство, девочка эта довольно болезненного телосложения. Земные врачи наши, при всем знании своем, не могут столько пособить нам в болезнях, сколько врачи небесные – чудотворцы святые».

До июня 1878 г. в Институте должность законоучителя и вместе Настоятеля институтской церкви занимал протоиерей Тимофей Павлов, кандидат XII курса (1845 г.) Киевской Д. Академии; но по неприятностям с Начальницей заведения он оставил свою должность. На его место я рекомендовал Законоучителя 1-й Харьковской Гимназии, протоиерея Павла Солнцева, имеющего также академическую степень кандидата, но Инспектор Института о нем и слышать не хотел, вероятно, подозревая его, как вдовца, в неприличной священному сану жизни. Между тем, в совет Института вошел прошением об определении на место протоиерея Павлова настоятель Троицкой, в слободе Беловодске, церкви, протоиерей Алексей Илларионов из студентов Харьковской Семинарии, – человек также, как и Солнцев, вдовый, но отличающийся примерно, всем известною, нравственностью и глубоким религиозным

настроением. Когда Совет Института обратился ко мне с запросом, нет ли препятствий к утверждению протоиерея Илларионова в должности Законоучителя и Настоятеля институтской церкви, я не мог представить никакого возражения, хотя и предусматривал, что он, по своему болезненному состоянию, не мог быть прочен на этой, довольно трудной, службе. Между тем назначение протоиерея Илларионова – *семинариста* на должность Законоучителя в высшем якобы женском заведении (хотя в этом высшем заведении по Закону Божию преподается не более как пространный Катехизис) вызвало укоризненную и для Институтского, и для Епархиального Начальства, корреспонденцию из Харькова помещенную в № 116 пресловутой Петербургской газеты, известной под именем: «Церковно-Общественный Вестник», или, как выражаются иные – «Сплетник». Но корреспонденция эта далеко не отличается основательностью.

Впрочем, протоиерей Илларионов, как я и ожидал, очень недолго оставался при Институте: в Сентябре он подал прошение об увольнении его от занимаемых им при Институте должностей. Совет Института не замедлил его увольнением и 11-го октября, за № 921, обратился ко мне с отношением следующего содержания:

«Законоучитель и Настоятель церкви Харьковского Института благородных девиц протоиерей Алексей Илларионов прошением поданным 23-го сентября просил Совет Института уволить его по болезни от должностей Законоучителя и Настоятеля церкви институтской. Совет, уволив его Илларионова по болезни от службы при Институте, имеет честь представить о том Вашему Преосвященству и почтительнейше просить Вас, Преосвященнейший Владыко, рекомендовать достойного и способного иерея для занятия должностей Законоучителя и Настоятеля церкви Харьковского Института благородных девиц».

Получив эту бумагу, я поручил Ректору Семинарии спросить преподавателей Семинарских, не пожелает ли кто из них занять должность Законоучителя и Настоятеля церкви при Институте, но желающих не оказалось.

Затем, Совет Института, кажется, сам пригласил к преподаванию Закона Божия помощника Настоятеля ближайшей к Институту церкви (Крестовоздвиженской-Мироносицкой), священника Павла Григоровича, который, хотя так же, как и Илларионов, не получил академического образования, но человек очень дельный и способный. Но поскольку Григорович, как приходский священник, не мог совместить при Институте двух должностей – законоучительской и настоятельской, он утвержден был только Законоучителем, а на настоятельское место к Институтской церкви переведен был мною из заштатного города Чугуева протоиерей Андрей Дюков¹¹³¹.

16-го ч. получено было мною от Обер-Прокурора Св. Синода, графа Д. А. Толстого, конфиденциальное письмо от 12-го ч., за № 184, следующего содержания:

«Секретари Харьковской духовной Консистории Коллежский Советник Буханцев и Херсонской – Надворный Советник Рогачевский обратились ко мне с прошением о перемещении их одного на место другого, первого в Херсонскую, а последнего в Харьковскую Консисторию. При сем Буханцев объясняет, что вследствие тяжких трудов в течении почти 25-ти лет непрерывной службы и в том числе 16-тилетней службы в должности Секретаря Харьковской Консистории, он чувствует некоторое ослабление в силах, а потому для него было бы благодеянием перемещение на ту же должность в Херсонскую епархию, где он мог бы морскими купаньями восстановить свои силы. Что же касается Рогачевского, то, по его объяснению, побуждением к ходатайству о перемещении в Харьков для него служит с одной стороны болезненное состояние жены, уроженки г. Харькова, для которой климат г. Одессы, по мнению медиков, оказывается вредным, а с другой то обстоятельство, что перешедшее к жене его от родителей её недвижимое имущество в г. Харькове остается без надлежащего надзора.

Предварительно каких-либо распоряжений, сообщая о вышеизложенном Вашему Преосвященству, долгом поставляю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь и Архипастырь, почтить меня уведомлением, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к удовлетворению ходатайства

Рогачевского о перемещении его на должность Секретаря в Харьковскую Консисторию».

На это отвечал я двумя письмами – конфиденциальным и секретным.

Вот что изложено в *конфиденциальном* письме, за № 119-м:

«Ваше Сиятельство,

Милостивый Государь!

Конфиденциальным письмом от 12-го текущего Октября за № 184: Ваше Сиятельство изволите требовать от меня уведомления, не встречается ли с моей стороны препятствий к удовлетворению ходатайства Секретаря Херсонской Д. Консистории о перемещении его на должность Секретаря в Харьковскую Консисторию.

Прежде, чем изложу свой ответ на предложенный мне вопрос, долгом поставляю принести Вашему Сиятельству глубокую благодарность за оказанное мне в настоящем случае доверие.

Затем позвольте мне изложить пред Вами, Сиятельнейший Граф, со всею искренностью и прямою мои мысли по настоящему предмету.

Двенадцатилетний опыт самостоятельного управления моею второю уже епархией достаточно убедил меня, как затруднительно для начальника иметь на административной службе лиц туземного происхождения. При всех, иногда отличных качествах – умственных и нравственных, административное лицо, окруженное родством, дружбою и знакомством, редко может, при исполнении своих служебных обязанностей, отрешиться от личных привязанностей и пристрастий, а это всегда, более или менее неблагоприятно, отражается на ходе служебных дел. В епархиальном управлении особенно это должно заметить относительно Консисторских Секретарей, в руках коих сосредоточены все формальные дела епархиального управления.

Настоящий Секретарь подведомой мне Консистории Буханцев – способный и сведущий в делах; но поскольку он уроженец здешней епархии и имеет немало близких родных, а также сверстников и товарищей по семинарскому и

академическому образованию, то, говоря откровенно, он не чужд пристрастия и не всегда направляет дела законным порядком. Бывали нередко случаи, что я с трудом мог давать тому или другому делу законное движение и направление, и даже возникали иногда у меня помыслы писать к Вашему Сиятельству и просить об устранении от Харьковской Консistorии секретаря-туземца. Теперь, если г. Буханцев будет перемещен Вашим Сиятельством в Херсонскую Консistorию, я буду рад и за себя и тем более за него, ибо он вне своей родины, в новой и чуждой для него среде, может действовать свободнее и беспристрастнее.

Но радуясь устранению одного, я, к сожалению, не могу с такою же радостью изъявить желание принять к себе на службу другого.

Так как г. Рогачевский уроженец также Харьковский (хотя он и не из духовного происхождения – его отец крещеный из евреев), и так как он состоял уже здесь на службе около 15-ти лет, сначала в должности Столоначальника Консistorии, а затем – домашнего Секретаря при моем предшественнике, архиепископе Нектарии, и следовательно имеет немалый круг знакомых и друзей, то, в случае перемещения его сюда на должность Секретаря Консistorии, я могу быть поставлен в отношении к нему в такое же затруднительное положение, в каком нахожусь теперь по отношению к г. Буханцеву.

Что касается семейных и хозяйственных обстоятельств г. Рогачевского, требующих будто бы его пребывания в Харькове, против сего можно заметить, что небольшая будет разность, если он вместо Харькова поселится, например, в Полтаве, или Екатеринославле, так как в этих городах климат не хуже, если не лучше Харькова, и при нынешних путях сообщения очень удобно можно иметь и оттуда надзор за недвижимым имуществом, находящимся в Харькове.

Вот всё, что я мог и должен был по совести сказать Вашему Сиятельству в ответ на Ваше почтеннейшее письмо».

Содержание *секретного* письма следующее:

«Сиятельнейший Граф!

Позвольте мне, независимо от официального ответа на Ваше письмо, секретно сообщить, к сведению Вашего Сиятельства, нечто особое относительно Секретаря Херсонской Консистории Рогачевского.

Г. Рогачевский, после пятнадцатилетней службы в Харькове, оставил здесь по себе очень недобрую память как между духовенством, так и между другими сословиями. Занимая около пяти лет должность домашнего Секретаря при покойном Архиепископе Нектарии и вкравшись в его доверие, он крайне злоупотреблял этим доверием. Никто из просителей или подчиненных не мог иметь к Преосвященному доступа помимо Рогачевского и ни одно почти дело не выходило из его рук без надлежащей оплаты. Заведовав канцелярскими письменными делами при архиепископе, он в тоже время был полным распорядителем по делам хозяйственным архиерейского дома. Без его ведома и участия не производилась по дому ни одна постройка, ни одна более или менее значительная покупка. С 1872 по 1874 г. произведено было, по распоряжению покойного архиепископа Нектария, разных построек по архиерейскому дому тысяч на семьдесят, и хотя для производства этих построек существовал Строительный Комитет, но главным руководителем и распорядителем этого дела, как уверяли меня оставшиеся в живых Члены Комитета, был Рогачевский.

Последствием столь близких отношений к покойному Преосвященному и столь близкого участия в хозяйственных делах архиерейского дома было для г. Рогачевского то, что он сам сделался, в непродолжительном времени, владельцем нескольких каменных домов в Харькове. По указателю домовладельцев г. Харькова, составленному в 1876 г. и напечатанному в Харьковском Календаре 1877 г., Рогачевский значится владельцем двух каменных домов с двумя такими же при них флигелями на Коцарской улице под №№ 28 и 30. Об этих домах в прошении г. Рогачевского к Вашему Сиятельству, как видно, не упомянуто.

Что же касается упомянутого в прошении недвижимого имущества в г. Харькове, перешедшего будто бы к жене его,

Рогачевского, от её родителей, то и это показание не вполне точно. Имущество это действительно принадлежало родителю жены г. Рогачевского, купцу Бакунину, но оно перешло к дочери не по наследству и не по дару, а было на её имя куплено с аукционного торга, производившегося вследствие расстройства коммерческих дел Бакунина, и куплено, без сомнения, на счет её мужа.

Все это мне сделалось известным тотчас по прибытии моем, в январе 1875 г., в Харьков, и потому я не захотел оставить при себе Рогачевского на должности домашнего Секретаря.

После сего Ваше Сиятельство сами изволите рассудить, могу ли я быть спокойным, если г. Рогачевский займет при мне должность более прежней значительную и влиятельную.

Я был бы Вашему Сиятельству весьма благодарен, если бы Вы благоволили назначить в подведомую мне Консисторию Секретаря не из уроженцев Харьковской епархии».

Пока я оставался в Харькове, оставались и Секретари Буханцев и Рогачевский на своих местах, но, после моего перемещения на Тверскую кафедру, Рогачевский переведен был в Курскую Консисторию, а Буханцев на его место – в Херсонскую.

19-го ч. писал я в Киев протоиерею Н. И. Флоринскому, в ответ на его письмо от 6-го числа:

«Приношу Вам искреннюю благодарность за приветствие меня со днем ангела и за Ваши благожелания.

Сожалею, что Вы не заняли в нашем Харьковском Институте должности Законоучителя, но с другой стороны Вам нельзя было конечно пренебречь отеческим советом Вашего Богомудрого Архипастыря. После Вас делано было приглашение на законоучительскую должность преподавателям здешней Семинарии, но никто из них не изъявил согласия. Теперь выбор остановился на одном приходском священнике, хотя с семинарским только образованием, но тем не менее обладающем достаточными богословскими познаниями и хорошим педагогическим тактом.

В заключение позвольте обратиться к Вам с следующей усерднейшею просьбою. При встрече у вас с сельским о. Благодичным я узнал, что при Киевской Консistorии существует особая постоянная Комиссия для рассмотрения церковных документов, ежегодно представляемых в Консistorию приходскими причтами. Желал бы я знать, с какого времени существует у вас эта комиссия и на каких началах она учреждена, с разрешения ли Св. Синода, или по распоряжению Епархиального Начальства; какие, именно, документы рассматривает Комиссия и какими при этом руководствуется правилами и наставлениями; не напечатаны ли эти правила в Епархиальных Ведомостях и за какой, именно, год?

Если бы Вы, достопочтеннейший о. протоиерей, потрудились собрать и доставить мне эти сведения о помянутой Комиссии, очень много обязали бы меня. По примеру Киева учредил бы я и у себя подобную Комиссию».

20-го ч. имел я честь получить письмо из Ялты от попечителя Его Императорского Высочества, В. Кн. Сергея Александровича, Контр-Адмирала Дмитрия Сергеевича Арсеньева. Вот что он писал мне от 14-го числа:

«Преосвященнейший Владыко!

Простите мне великодушно, что так долго не отзывался на любезное письмо Ваше от 10-го февраля и на посылку Великим Князьям Сергию и Павлу Александровичам и мне 3-х экземпляров сочинения Вашего: «Воспоминания о Преосвящ. Леониде». Великие Князья приняли книги с большим удовольствием и поручили мне очень благодарить Ваше Преосвященство за столь любезное к Ним внимание. Я виноват, что столь замедлил порученье Их Величеств исполнить; но замедление это было не без причин; я всё ожидал, чтобы Великие Князья *прочитали* Вашу книгу, желая сообщить Вам кроме благодарности Великих Князей и впечатление, произведенное на Них Вашей книгой. Их Высочества прочли её с живейшим интересом и большим удовольствием; Им отрадно было вспомнить многия обстоятельства своих отношений с покойным Владыкой и видеть как эти отношения отражались в его нежном и добром сердце; – кроме того, Великим Князьям

были очень интересны многие подробности особенностей и порядков службы Московских викариев и отношений их к Высокопреосв. Филарету, а равно и многие черты нравов и жизни нашего монашествующего духовенства и, наконец, изложение Ваших отношений и дружбы Вашего Преосвященства с покойным Владыкой Леонидом, – отношений, которые показывают всю возвышенность чувств обоих друзей и заставляют любить и уважать обоих.

Вот впечатления, вынесенные великими Князьями из чтения «Воспоминаний», которые возбуждают в Великих Князьях «надежду» и желание лично познакомиться с их почтенным автором. Великие Князья поручают мне Вам сказать, Владыко, что они будут очень рады, когда представится Им случай с Вами встретиться и познакомиться.

Позвольте прибавить, что мое впечатление от «Воспоминаний» вполне сходно с мнением моих Высоких воспитанников и что я тоже с нетерпением жду случая лично познакомиться с Вами.

С глубочайшим почтением, имею честь быть Вашего Преосвященства покорным слугою».

Я не замедлил ответить на такое любезное и утешительное для меня письмо, и вот что писал я Дмитрию Сергеевичу от 22-го числа:

«Приношу Вашему Превосходительству искреннейшую сердечную благодарность за Ваше драгоценное для меня, письмо. И чем оно нечаяннее для меня, тем утешительнее.

Получив столь лестный отзыв Их Императорских Высочеств о моем посильном труде в память моего в Бозе почившего друга и брата, Преосвященного Архиепископа Леонида, я почитаю себя вполне вознагражденным за этот труд.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство изъяснить Их Высочествам чувства моей глубокой благодарности за Их милостивое и благосклонное воззрение на мой литературный труд.

День, в которой я буду иметь счастье лицезреть Их Императорские Высочества, будет для меня днем радости и торжества.

Призывая на Вас и на Ваше высокое служение Отечеству воспитанием Августейших сынов Царевых Божие благословение, с глубоким почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства, Милостивого Государя, покорнейшим слугою и усердным Богомольцем»...

20-го же числа получил я письмо из села Мосолова, Тульской губ., от помещицы Елизаветы Ив. Богаевской, урожденной Капнист, которой, по её желанию, послана была мною 30-го августа моя книга «Воспоминания об Архиепископе Леониде», с собственноручною надписью. Она писала мне от 14-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец Савва!

С глубочайшим чувством признательности и благодарности, с молитвой о здравии Вашего Преосвященства и за упокой незабвенного Отца и Архипастыря Леонида Ярославского, приняла и прочла Ваши Воспоминания, проникнутые сердечными, дружескими, святыми чувствами. 5-го Сентября, в день моего ангела, получила я, Преосвященный, Вашу книгу, – подарок незаслуженный, но для меня драгоценный. Он дал мне возможность проследить мысль и духом достойную удивления и благоговения подвижническую жизнь почившего Святителя. Благодарю Вас, Владыко, за дарованные мне чудные минуты. Молю Господа дать мне радость суметь на деле доказать Вам благодарные чувства, наполняющие душу мою.

Простите меня, Владыко Святый, я много виновата перед Вами: я не отвечала тотчас и не благодарила за надпись, но, получив её с портретом моего благодетеля, предалась первой мысли написать Вам и описать в подробности, без утайки, всю мою жизнь бурную, светскую, исполненную переворотов, потрясений, и принялась я за это дело не для того, чтобы, вспоминая прошлое, раздражать свое воображение, но чтобы, Владыко, узнали и поверили бы мне, чем был для меня мой отец, наставник и друг – Высокопреосвященнейший Леонид. Много страниц написано мною... но вдруг мысль моя остановилась: как смею, подумала я, без благословения Вашего Преосвященства навязывать и утруждать Вас чтением жизни о

женщине, оставленной всем прежним её обществом? Поэтому, Владыко Святой, письмо мое замедлило. Я предполагала сразу выслать много листов, но теперь осмеливаюсь просить Вашего позволения; тогда приложу все письма покойного архипастыря ко мне с объяснением каждого. Их всех около тридцати, а знала я Владыку всего десять лет.

Прося Ваших Святительских молитв и благословения мне и семейству моему, с чувствами искренней признательности и почтения остаюсь Вашего Преосвященства недостойная молитвенница и слуга Е. Богаевская».

В ответ на это писал я от 5-го ноября:

«Душевно рад, что моя книга о Преосвящ. Леониде доставила Вам на несколько часов приятное и назидательное чтение. В этом – цель моего труда.

Если Вы доставите мне возможность прочесть письма покойного моего друга, адресованные к Вам, этим окажете мне самое приятное одолжение. Всё, что писано было им самим, или пишется теперь о нем, я читаю и перечитываю с особенным утешением.

А если Вы заблагорассудите сообщить мне сведения и об обстоятельствах вашей собственной жизни, то я приму это, как знак вашего ко мне доверия, хотя мною ещё и незаслуженного.

Призываю на Вас и на семейство Ваше Божие благословение»...

21-го ч. писал я в Москву Протоиерею Ст. Ив. Зернову, в ответ на его письмо от 30-го сентября:

«Приношу Вам искреннейшую сердечную благодарность за память о дне моего ангела и за все Ваши благие пожелания, в искренности коих я вполне уверен.

Ваше любезное послание меня чрезвычайно обрадовало. Долго не получая от Вас вестей, – простите, – я подумал, не прогневался ли на меня достопочтеннейший Стефан Иванович, не огорчил ли я его своим последним письмом, и признаюсь, начал было скорбеть душою. Но теперь я успокоился духом, видя, что Вы не только не гневаетесь на меня, но даже, по своему великодушию, у меня просите прощения. Итак, да пребывает между нами выну мир Господень!

Между тем, позвольте мне объяснить Вам повод, по которому я обратил внимание на статью Душеполезного Чтения. Один из моих здешних знакомых – человек с высшим университетским образованием и с добрым, по-видимому, христианским направлением, занимающий притом высокий служебный пост¹¹³², в беседах со мною не раз возбуждал вопрос о человеческой природе И. Христа в том, именно, смысле, в каком трактует оную автор статьи Душеполезного Чтения. Правда, не раз начиная об этом предмете беседу, мы никогда её не оканчивали, так как всякий раз кто-нибудь прерывал наш разговор¹¹³³. И вдруг я вижу печатную статью об этом именно предмете. Судите сами, мог ли я не обратить на нее внимания. Но я боюсь, чтобы эта статья не попала в руки моего почтенного собеседника и совопросника, иначе она окончательно может утвердить его в его неправильных мыслях. Впрочем мое опасение, кажется, напрасно. Наша светская интеллигенция не только не читает наших духовных журналов, но и не знает о существовании многих из них.

Да, Ваше положение, как цензора, в настоящее время, не очень приятно и даже не безопасно. Да хранит же Вас Господь от сетей авторских и редакторских!

Ваши опасения за мою книгу о Преосв. Леониде теперь, кажется, должны уже совсем миновать. Не далее, как вчера я получил от Двора довольно подробную рецензию на эту книгу, – рецензию, которою не могу не поделиться с Вами – моим достопочтенным цензором¹¹³⁴.

Не правда ли, что такие лестные слова и для меня утешительны, и для Вас успокоительны?

От всей души поздравляю Вас с званием почетного члена академии, Вас воспитавшей и образовавшей».

24-го ч. служил я в Институтской церкви литургию с панихидой пред оной по случаю 50-тилетней кончины Императрицы Марии Феодоровны¹¹³⁵.

25-го ч., по случаю вступления в Харьков, для временного пребывания, Имеретинского полка, возвратившегося из-за Кавказа и участвовавшего в геройском взятии неприступной

крепости Карса, я совершал на Михайловской площади благодарственный молебен и говорил речь¹¹³⁶.

4-го Ноября из Киева получено было мною письмо от протоиерея Н. И. Флоринского. Он писал мне от 31-го октября:

«На вопрос, сделанный Вами в письме ко мне от 19-го сего Октября месяца, имею честь отвечать Вам настоящим сим письмом:

1) При Киевской Дух. Консistorии существует два ревизионных Комитета, – один для поверки метрических книг Киевского уезда церквей. Метрики прочих уездов поверяются уездными протоиереями, с приглашенными от них сотрудниками из духовенства. Другой Комитет имеет обязанностью своею поверять прихода-расходные книги церквей всей епархии за 1877-й год.

2) Первый Комитет учрежден при покойном Митрополите Арсении. Метрические книги издавна были поверяемы духовными правлениями. По закрытии этих правлений, годах в 1870-х, Консistorия Киевская определением своим от 2 мая 1877 г. положила возложить обязанность просматривать метрики церковные на лица из духовенства менее занятые. И я в настоящее время в числе сих поверителей состою с 1877-го года.

3) Комитет для поверки прихода-расходных книг Церквей Киевской Епархии учрежден в текущем году таким образом.

Некоторые благочинные прислали книги сии для поверки в Консistorию, на основании известного Вашему Высокопреосвященству указа Св. Синода от 24 дек. 1876 года, за № 9, в котором Указе сказано, чтобы, по введении новой формы книг, прежние по заключении оных по существующему порядку представлены были для поверки в Консistorии.

Получив от некоторых о.о. Благочинных прихода-расходные церквей их ведомства книги для поверки, Консistorия рассуждала и приказала:

«По множеству книг и по множеству дел Консistorии, при ограниченном штате служащих, она не имеет возможности произвести поверку книг без замедления других дел. Консistorия полагает для поверки книг прихода-расходных за

1876-й г. составить Комиссию, членами которой назначает протоиерея и троих при нем священников (NNNN), предписав им, чтобы журнал своих действий представили в Консисторию по каждому Благочинию отдельно».

29 го апр. 1878 г. Преосвящ. Иоанн надписал на сей бумаге Консисторской: с мнением Консистории согласен. А 8-го мая утверждено мнение Консистории Митрополитом.

Вот Высокопреосвященнейший Владыко, сведения, кои смиреннейше представляю согласно Вашему требованию».

Восьмого числа получено было мною от Историко-Филологического Общества при Харьковском Университете отношение, за подписью Секретаря Общества, Н. Андреевского, следующего содержания:

«Историко-Филологическое Общество при Императорском Харьковском Университете имеет честь пригласить Ваше Преосвященство пожаловать в заседание Общества для выслушивания реферата члена Общества, А. С. Лебедева¹¹³⁷, сего 8-го ноября, в семь часов вечера. Содержание реферата следующее: а) «Историческая записка об архиве Курского Знаменского монастыря»; б) «Материалы к вопросу о крепостном владении приходских церквей»; в) «Синодальный Указ 1735 г. о временном удержании Вологодского Епископа Афанасия¹¹³⁸ не только от архиепископского, но и простого иерейского служения»; д) «Распоряжение Курского Епископа¹¹³⁹ (1804 г.) о встрече в Курском духовном училище г. Попечителя Харьковского Учебного Округа, графа Потоцкого»¹¹⁴⁰.

Так как я не получал формального уведомления об избрании меня Членом этого Общества (мне только словесно заявлял об этом профессор А. С. Лебедев), то я и не рассудил явиться в заседание Общества.

10-го ч. получил я письмо из Москвы от А. Е. Викторова. Он писал мне от 6-го числа:

«Вашему Преосвященству, конечно, давно известно о кончине приснопамятного бессребреника, отца Агапита¹¹⁴¹, но едва ли Вы знаете о судьбе оставшейся после него библиотеки, а потому и спешу поделиться с Вами сведениями, которые я на днях собрал по этому предмету. Оказывается, что о. Агапит

предполагал подарить свою библиотеку Владимирской Семинарии, но письменного завещания составить не успел, а потому после его кончины библиотека его и осталась в монастыре. Но Преосвященный Иннокентий, снисходя к бедным родственникам о. Агапита, которым никакого после него наследства не осталось, велел отдать им его библиотеку. Родные разделили библиотеку на три части, и две из них увезены во Владимирскую епархию, а третья, самая лучшая, осталась в Москве, и теперь распродается по частям. Случайно узнавши об этом, я поехал смотреть её и прежде всего спросил, нет ли рукописей. Мне сейчас же подали четыре фолианта дополненной Истории Российской иерархии, именно исторические описания монастырей, но за эти фолианты просят 300 руб., поэтому я сейчас же и отступился. Затем стал рассматривать каталог печатных книг. Разумеется оказались книги Богословского содержания, которые для музея особого интереса не представляют. Но тут я пришел к мысли, не захотите ли Вы купить что-либо из библиотеки о. Агапита, и потому взял листок почтовой бумаги и сделал из каталога выписки. Этот листок и посылаю к Вам.

Я выписывал из каталога буквально, и если названия книг не особенно точны, то это не от меня зависело. Цен в каталоге не означено, и продавец сам не знает, какие назначить им цены. На случай, если Вы захотите приобрести что-либо, прибавляю адрес продавца, родственника о. Агапита, некоего Федора Алексеевича Виноградова, занимающегося адвокатурою (Сущ. ч. 3-го квартала, на Долгоруковской улице, д. Виноградовой, подле острога). Я говорил ему, что Вы может быть будете в числе покупателей, и, если Вы потребуете, он вышлет Вам полный каталог.

Не писал Вам долго, вопреки обещанию, потому что всё хотел явиться к Вам с списком книг, рассеянных по монастырям и церквам Харьковской епархии, – книг, которые нам могли бы быть очень полезны. Помните, Вы обещали, что может быть дадите нам что-нибудь из этих книг. У меня очень залегло это в памяти, как залегают всё касающиеся музея. Но описания Харьковской епархии я не успел ещё пересмотреть».

На дружеское письмо это я не замедлил ответом и вот что писал я от 12-го числа:

«Очень Вам благодарен за сообщение сведений о библиотеке, оставшейся после смерти о. Архим. Агапита. Такова печальная судьба большей части библиотек нашей ученой братии. Боюсь, как бы и с моею библиотекою не случилось того же.

Хотел бы и я посмотреть рукописные фолианты, о коих Вы пишете. Но согласится ли г. Виноградов прислать их мне, разумеется, на мой счет, для рассмотрения и сличения с печатным изданием Истории Р. Иерархии? Может быть я и приобрел бы их с некоторой уступкой, конечно, из назначенной цены. Переговоривши с владельцем рукописей об этом, напишите мне поскорее о результате переговоров.

Вы пишете, что у Вас очень залегло в памяти мое обещание относительно старопечатных книг; но, видно, улетучилось дорогою из вашей памяти ваше собственное обещание доставить мне, для прочтения, мемуары Графа М. Н. Муравьева¹¹⁴² и вашу статью в защиту моих палеографич. снимков, напечатанную в С.-Петербургских Ведомостях. Позвольте же Вам, Милостивый Государь, напомнить об этом.

Что скажу Вам о себе и о своих занятиях? Слава Богу, мое здоровье удовлетворительно, хотя вступаю уже на праг старости: в будущем Марте исполнится 60-ть лет. Извольте принять это к сведению. Однако ж не без успеха продолжаю свою «Хронику»; довел её уже до 74-го года.

Скажите, пишется ли на мою книгу о Преосвящ. Леониде критика, которою мне угрожали?

Ваш усердный Богомолец»...

16-го ч. приезжал в Харьков для совета с врачами и у меня обедал архимандрит Полтавского архиерейского дома Полиевкт, светского происхождения, уроженец Нижегородской губернии, пострижен в монашество в Киево-Печерской Лавре, где и был близок к Полтавскому Преосвященному Иоанну¹¹⁴³, бывшему тогда Наместником Лавры. В беседе со мною он, вспоминая о своей родине – Нижнем Новгороде, где он был до монашества на гражданской службе, рассказал мне несколько

анекдотов о Ректоре Нижегородской Семинарии, архимандрите Аполлони и о Преосвященном Иеремии¹¹⁴⁴, бывшем Нижегородском.

Так, однажды Преосвящ. Иаков¹¹⁴⁵, бывший Епископ Нижегородский, во время св. Четыредесятницы хотел совершить литургию Преждеосвященных даров в Семинарской Церкви. Ректор Аполлоний, отличавшийся своенравием, не хотел допустить этого под тем предлогом, что в Семинарской церкви нет запасного Агнца. Преосвященный велел принести Агнец из своей Крестовой церкви и распорядился служением; но Ректор отказался от участия в богослужении.

В другой раз, приезжает в Семинарию ревизор, Инспектор Казанской академии, архимандрит Антоний¹¹⁴⁶, бывший Инспектор Нижегородской Семинарии и сослуживец архимандрита Аполлония, который не иначе называл его, как вором, грабителем. Когда доложили Аполлонию о приезде ревизора, он не захотел с ним даже видаться. Когда доведено было об этом до сведения высшего Начальства, Аполлоний удален был от должности и послан в Московский Симонов монастырь. Это было в 1850 году.

Преосвященный Иеремия, раз заезжая в Великий Пяток в Кафедральный Собор к вечерне мимо градского Благовещенского Собора, и увидев, что в лавках, устроенных под колокольнею этого собора, производится в эти часы торговля, так разгневался, что, призвав после вечерни Кафедрального Протоиерея, дал ему свою именную печать и приказал запечатать Благовещенский Собор. Служба в соборе прекратилась в столь великие дни, к крайнему удивлению и огорчению как причта, так и прихожан. Собор оставался запечатанным до половины светлой седмицы.

В 1864 г. Епископ Иеремия, получив приглашение быть Начальником Алтайской Миссии, охотно согласился на это предложение и обратился уже к некоторым из знакомых ему архиереев с письмами о пособии, в котором ему и не было отказано. Но когда он узнал, что ему надлежало быть в некотором подчинении у местного (Томского) Епископа, он поспешил отказаться от предложенной ему чести, не

возвративши однако собранных субсидий, хотя он всем известен по своему бескорыстию.

23-го числа писал я во Владимир преосвященному Иакову в ответ на его письмо от 1-го октября:

«Простите, что запоздал принести Вам мою душевную благодарность за Ваше братское поздравление меня с 1-м числом Октября. Зато спешу явиться вовремя к Вам с моим усерднейшим приветствием по случаю дня Вашего ангела и пожелать Вам здравия, долгоденствия и преуспения в подвигах Вашего архипастырского служения на пользу врученной Вам родственной мне паствы.

От Полтавского о. Архимандрита Полиевкта получил я Ваши брошюры, за которые приношу искреннюю благодарность, и сведение о Вашем здравии. Но он удивил меня, сказавши, что Вам уже 67 лет от рождения. Правда ли это? Я полагал, что Вы старше меня не более, как двумя-тремя годами; а мне и 60-ти ещё нет (в будущем марте исполнится 60 л.).

Слышно, что Владимирской кафедры домогаются Кишиневский и Подольский; ужели она так завидна? А в самом деле, желал бы я знать, какие, в настоящее время, имеет средства Владимирский архиерейский дом? В прежнее время, при Преосвященном Парфении, средства его, как я слыхал, были довольно ограничены.

От вопроса экономического обращусь к предмету церковному. Спрашиваете, делал ли покойный Митрополит какие-либо отступления от чинопоследования при освящении антиминсов? Я видел его священнодействие на сей раз только однажды и не заметил никакого отступления; и сам я совершаю освящение антиминсов с буквальной точностью по печатной книге. Любопытно бы знать, сам ли покойный Владыка Антоний выдумал исправление молитв, или заимствовал от кого-нибудь?

По вопросу относительно училища девиц духовного (не звания – это нынче не допускают) происхождения имею честь объяснить Вашему Преосвященству, что в Харькове такое училище существует с пятидесятих годов; в нем воспитанниц

около 280-ти; средства достаточны и содержание воспитанниц удовлетворительно; по крайней мере я не слышу никаких жалоб.

Рекомендуемую Вами статью о расколе в журнале «Слово» имею под руками, но ещё не читал. Да всего, что пишется и печатается, нельзя и перечитать. Я получаю ежегодно более 20-ти журналов и газет, независимо от множества разных неперIODических книг и изданий; где же всё прочитать? Я люблю иметь книги под руками для справок, на всякий случай.

При всем иногда желании прочитать что-нибудь интересное, не находишь довольно свободного времени. Не говоря уже о служебных ежедневных занятиях, я немало должен употреблять часов на частную переписку, которая год от году более и более расширяется. У меня постоянно 10–15 писем лежат пред глазами и неотступно напоминают об ответе. Часто также похищают дорогое время как утром, так и вечером, посетители, хотя сам я весьма редко выезжаю из дома; по возвращении с дачи, в течении двух месяцев, я выезжал по вечерам не более двух раз.

У меня в доме, по милости Божией, мирно, но в городе не совсем. На прошедшей неделе негодяи – ветеринары поколотили одного из своих наставников, и теперь производится суд и расправа. К их мятежу пристала и вольница университетская. К нашему Харькову велено, по Высочайшему повелению, применить Петербургские полицейские меры. Вот какой чести удостоился Харьков!..

Прошу Вас помолиться Владимирским чудотворцам о моем недостоинстве».

24-го числа получил я письмо из села Мосолова, Тульской губ., от известной уже Е. И. Богаевской. – Вот что она писала мне от 20-го ч., в ответ на мое письмо от 5-го ноября:

«Посылаю 28 писем и карточку Пр-го Леонида; они, быть может, укажут Вам, Святейший Владыко, на некоторые, не совсем известные Вам, черты почившего Архипастыря. Вывод один: жил не для себя и кончил жизнь не в своей любимой Москве, – на то воля Господня, да будет благословенно Имя Его! Смею просить Ваше Преосвященство – по прочтении их возвратить мне их: ими укрепляется часто падающий дух мой.

Описание моей отвратительной жизни приложено; писала по ночам: смысл и почерк достойны той, о ком пишется. Не смею думать, что длинная история глупой жизни может заинтересовать Вас.

Описание первого свидания с Преосвящ. Леонидом начинается с 8-го листа; если найдете ненужными и излишними первые, то с этого листа увидите, какую милость оказал мне Господь, послав меня на Саввинское подворье.

Поверьте, Владыко, что память о незабвенном Владыке для меня священна; счастлива, если могу говорить и думать о нем.

Что касается описания жизни моей, то покорнейше прошу Вас, Преосвященнейший, не возвращайте мне обратно».

В ответ на это письмо писал я от 22-го декабря:

«Простите, писанное вами по ночам, я не без труда могу разбирать и днем, особенно при пасмурной погоде: так мелко Ваше писание, а мое зрение уже не так остро, как было в молодые годы. Вот причина, почему я не мог до сих пор прочить всего Вами присланного и почему не писал Вам.

Письма Преосв. Леонида позвольте мне на некоторое время удержать. Мне хотелось бы некоторые из них ещё раз перечитать: так они назидательны и такими исполнены добрыми, пастырски-любвеобильными к Вам чувствами».

Упоминаемое в предыдущих письмах «Описание жизни Елисаветы Ивановны Богаевской, урожденной Капнист», составленное ею самою, заключается на 15-ти почтовых листах мелкого письма¹¹⁴⁷. В нем очень много интересных и назидательных фактов, но ещё более горестных приключений и тяжких испытаний, коим подвергалась г-жа Богаевская.

25-го ч. писал я в Витебск А. П. Ушаковой:

«Что скажу Вам о себе? Особенного ничего, все по-старому. Книга моя приобретает мне более и более друзей, и не только друзей приобретает, но и врагов моих делает мне друзьями. Так, одна капризная барыня гневалась на меня и на мою Консисторию за то, что мы не дали ей для её деревенской церкви особого причта; жаловалась даже на нас Синоду. Но прочитавши мою книгу, пишет мне: «Вполне каюсь пред Богом и Вами Если бы я знала вас, как я теперь вас знаю, то

совершенно иначе действовала и не просила бы Св. Синод»... И так я в своей книге имею некоторый талисман для укрощения и примирения с собою врагов; не правда ли что это не дурно?..

В доме моем, по милости Божией, все мирно и тихо, но во граде нашем не совсем благополучно. На прошедшей неделе пошумели наши ветеринары. Эта дикая орда напала и поколотила в аудитории одного из своих наставников за то, что он требовал от своих мятежных слушателей репетиции уроков. Вследствие сего Институт был несколько дней в осадном положении, пока производился суд над буянами. Распушенность между школьною молодежью крайняя: не признает она над собою никакой власти. Один из ветеринаров публично, перед толпою своих товарищей, Попечителю Округа сказал: «у тебя в голове не мозг, а солома!»

В тот же день был у меня Управляющий государственными имуществами в Харьковской губернии Ник. Ив. Лоран, и, между прочим, просил меня разрешить воспитанникам земледельческой школы на ферме – крестьянским детям употреблять в текущем рождественском посту мясную пищу, ссылаясь на пример предшественника моего, архиепископа Нектария, который, по просьбе Министра Валуева, разрешал будто бы для этих воспитанников употребление мясной пищи в некоторые посты. Но я не счел себя вправе следовать примеру своего почтенного предместника, вопреки апостольским правилам и церковным уставам.

1-го Декабря получено было мною два письма: одно из Костромы от Преосвящ. Игнатия, другое из Москвы от А. Е. Викторова.

Вот что писал мне от 27-го ноября Преосвященный Игнатий:

«Может быть, для Вас небезынтересно будет, что я узнал о Владыке Московском¹¹⁴⁸.

В последнее время здоровье его значительно колебалось. Нередко бывает стеснение в груди, тупая боль в голове и затем иногда потеря сознания минут на 15 или на 20. Врачи находят *vitium cordis*, и говорят, что несмотря на всю видимую бодрость и свежесть маститого старца *mors* может быть мгновенна. Особенно нехорошо было 13-го ноября.

Владыка исповедовался; ночью было лучше, и 14-го на литургии в алтаре приобщился Св. Таин, чего прежде не имел обычая делать без священнодействия.

Преосвящ. Амвросию в письме передал управление Епархией. Но потом стало ему лучше, и принимал как-то Викариев с делами.

Государь Император после соборного молебствия в Николаевском Малом Дворце спросил провожавшего с крестом Преосв. Амвросия о здравии Преосвящ. Митрополита; и, когда услышал, что не совсем хорошо здравие, приказал сказать, чтобы он не хворал и *много лет служил*; при сем выразил сожаление, что не видел его. В часовне Иверской молился Помазанник Божий на коленях, а в театрах совсем не был. На рауте у Князя Владимира Андреевича¹¹⁴⁹ изволил пробывать около часа».

От 27-го же ноября писал мне и А. Е. Викторов:

«Послать к Вам рукопись истории иерархии¹¹⁵⁰ на просмотр продавец не соглашается, ссылаясь на то, что, пока рукопись будет путешествовать в Харьков и обратно, он может упустить случай продать её, но на самом деле очевидно по опасению, что её могут списать, и она в таком случае может потерять в цене. Представленные мною резоны не помогли, и он сделал лишь одну уступку, что может для образца списать описание какого-либо монастыря и послать Вам. Что же до цены, то Виноградов твердит одно: триста рублей. Ясно, человек ещё не обдержался. Мне кажется, что пройдет полгода, и он как о цене рукописи, так и о ценах на книги, заговорит другим языком и будет гораздо уступчивее. Что же до моего мнения, мне кажется, что больше 100 р. за рукопись и не дадут, и она не стоит больше. Больше половины с печатного, остальное же составлено кое-как, на месте, по официальным предписаниям из Синода. Ученых ссылок на источники нет, а всё писано не мудрствуя лукаво, в том же роде, как составляет свои книжки добрейший от. Иосиф¹¹⁵¹. И как видно эта работа не о. Агапита, а его предшественников. При Агапите же только переписана набело. Всех томов три, в л., – каждый ок. 500 л. При 1-м томе большая папка чернового оригинала, со вставленными в нем

печатными листами и тетрадями, которые идут попеременно с рукописными тетрадями. – Мне кажется по поводу этой рукописи нужно выждать время, пока сам продавец отнесется ко мне с просьбой написать Вам, напомнить о ней, и сам предложит послать её к Вам. Я долго доказывал ему, что, не видевши рукописи, не купит её у него ни духовная академия, ни Преосвящ. Макарий Литовский. Он не имел что возразить мне, но стоит на своем.

В заключение о записках Муравьева. Рукопись эта небольшая, всего листов (т. е. в 4 стран.) 50. Она давно лежит у меня на столе в кабинете, но сделать для Вас с неё копию доселе не удалось. Отдать списывать в самом музее невозможно. Рукопись принадлежит к разряду таких, которые в чтение не выдают. Писца же, которого можно бы посадить у меня в квартире, доселе не нашел.

Спрашивал нынче о. Казначей¹¹⁵² о здоровье Митрополита. Говорит, что ему лучше, что он всё говорит о своей поездке в Петербург. Но на самом деле, конечно, не поедет. Преосвящ. Амвросий, в бытность Государя в Успенском Соборе, на вопрос о здоровье Митрополита, подал ему от него письмо. Государь высказал желание, чтобы старец ещё послужил церкви.

К Вам – в Харьков скоро явится на житье Москвич – Бессонов¹¹⁵³, в качестве профессора слав. наречий. Говорил мне, что думает представиться Вам, но опасается, не сердитесь ли Вы на него за известную полемику по поводу типографской библиотеки. Я, конечно, уверил его, что эта история слишком давняя, чтобы Вы могли помнить её, тем более, что он полемизировал собственно со мною, а не с Вами».

5-го ч. писал я в Спб. И. Г. Слиборскому:

«В письме от 7-го июля Вы извещали меня со слов о. Архим. Арсения¹¹⁵⁴, что Редакция *Церковного Вестника*, за напечатание объявления о моей книге, не желает принимать от меня платы, считая себя чем-то мне будто бы обязанною.

Не желая однако ж быть у редакции в долгу, я послал ей чрез Вас в дар экземпляр моей книги.

Между тем, на днях, к крайнему удивлению моему, получаю из редакции Ц. В. счет, за подписью о. Казначей, с требованием

о доставлении означенной в этом счете суммы.

В прилагаемом при сем подлинном счете, за троекратное напечатание, объявления о моей книге, исчислено всего – *11 р. 25 к.*; но за вычетом 2 р. 50 к. за экземпляр моей книги я обязан доплатить в Редакцию *8 р. 75 коп.*

Что всё это значит, я решительно не понимаю. Тут кроется какое-нибудь недоразумение.

Не можете ли Вы, почтеннейший И. Гр., разъяснить мне это недоразумение? Потрудитесь повидаться, с кем следует, и спросите, почему почтенная редакция, отказавшись сначала принимать от меня плату за объявление о книге, – чего я вовсе не желал, – теперь требует её, и почему она не хочет принять от меня в дар книгу?

Если, по исследовании, окажется, что я обязан внести в кассу Редакции должную плату, то потрудитесь уплатить по счёту *11 р. 25 коп.*, и если Редакция не пожелает принять моей книги *в дар* – безмездно, то возьмите эту книгу назад и подарите её кому-либо из ваших родных, или знакомых. Я вовсе не намерен был уплачивать Редакции за объявление *товаром*».

7-го числа неожиданно получил я из гостиницы «Дагмара» от Игумении Топловского Параскевиинского монастыря, Таврической епархии, Валерии (урожденной Баронессы Боде) записку следующего содержания:

«Находясь проездом в Харькове я желала бы повидаться с Вами и получить Ваше благословение. Соболаговолите назначить мне время, когда я не обеспокою Вас своим посещением».

Я просил мать Валерию приехать ко мне в тот же день вечером. Явилась, но оказалось, что она не одна в Харькове, с ней была известная Митрофания (урожденная Баронесса Розен), бывшая Игумения Серпуховского Владычного монастыря. Они проезжали из Ставрополя на Кавказе, где Митрофания, после известного, огласившегося в целом мире, судебного процесса по делу о присвоении ею будто бы обманным образом капитала купца Солодовникова, для устройства в Москве Покровской женской Общины, – полтора года жила в женском Иоанно-Мариинском монастыре, – в Покровский Ладинский монастырь, Полтавской епархии, где

Митрофания пожелала продолжать свою затворническую жизнь. Валерия же, добровольно оставивши настоятельство в Топловском монастыре вследствие неудовольствия на Преосвященного Гурия¹¹⁵⁵, решилась разделять с Митрофанией, которой она предана всею душою, её затворничество и келейные труды.

Я послал пригласить к себе и Митрофанию, которая с радостью приняла мое приглашение и немедленно явилась.

Долго и обо многом беседовали мы втроем.

Игуменья Валерия рассказывала историю о своем переходе из Московского Страстного монастыря, где она была Настоятельницею, в Таврическую епархию по приглашению Преосвящ. Гурия, Епископа Таврического; о неблагоприятных затем и притеснительных с нею поступках Преосвященного и Консистории; о начатии Топловского, близ г. Феодосии, женского монастыря при Преосвященном Алексии (впоследствии архиепископе Рязанском и затем Тверском) без письменных актов со стороны жертвовательницы, и об открытии этого монастыря без монахинь.

Митрофания, лишенная по суду игуменского сана и даже, помнится, монашества, — повествовала мне о разных обстоятельствах своей бурной и многомятежной жизни.

Прежде всего она рассказывала о своем приближении ко Двору, по приглашению Великой Княгини Александры Петровны¹¹⁵⁶, для благоустройства детского приюта; о своих самых близких и искренних отношениях к В. Княгине; далее — об основании, по поручению Государыни Императрицы Марии Александровны, женской Общины в Пскове и о своих отношениях к тамошнему Епископу Павлу¹¹⁵⁷, о котором она не может вспомнить хладнокровно: так он для неё антипатичен. Сообщала о своем участии в истории восстановления Нижегородского Макариева монастыря, предположенного Архиепископом Нектарием к упразднению с целью воспользоваться его богатыми сокровищами. Первоначальная мысль о сохранении этого монастыря, в видах открытия в нем общины сестер милосердия, принадлежит Преосвященному Леониду, Епископу Дмитровскому, викарию Московскому.

Орудием для осуществления этой благой мысли избран был известный ревнитель благочестия и благотворитель обителей и церквей, богатый Звенигородский купец П. Гр. Цуриков. Он с избранными им единомышленниками из Нижегородцев отправился в Петербург в качестве депутата по этому делу. Доведено было о сем до сведения Государыни Императрицы, которая приняла в сем деле живое участие и поручила Придворному протоиерею И. В. Рождественскому и ей, Игумении, осмотреть монастырь и дать заключение. Но тот и другая разошлись в своих взглядах на дело. Игумения была на стороне нижегородских граждан, а Рождественский на стороне нижегородского архиепископа. Дело окончилось, кажется, закрытием монастыря и удалением архиепископа Нектария на Харьковскую кафедру.

Об обстоятельствах кончины блаженной памяти Митрополита Московского Филарета и её последствиях Митрофания и Валерия передали мне следующие сведения.

Бывший протоиерей Московского Архангельского Собора П. Евд. Покровский, со слов Наместника Лавры, архим. Антония, передал Игумении Валерии, что Митрополит Филарет, при последнем свидании с Государем, просил Его Величество, в случае его смерти, назначить в Москву Митрополитом Тверского архиепископа Филофея; но Государь указал будто бы на Преосвящ. Леонида. Валерия слышала также от Графа Шувалова, что на семейном вечере в Зимнем Дворце вся царская фамилия выражала желание видеть Московским Митрополитом Леонида, но Обер-Прокурор Граф Толстой сильно воспротивился этому и сказал будто бы Государю, что скорее он оставит Синод, чем Леонид будет в Москве Митрополитом.

Негодование графа Толстого на Преосвященного Леонида объясняют тем, что Леонид не сам явился к Графу Толстому с приглашением на поминальный обед в Мироварной Палате после отпевания почившего в Бозе Митрополита, а послал к нему Николо-Угрешского архимандрита Пимена.

По кончине Митрополита Филарета, Граф Толстой, приехавши в Москву, будто бы самовольно распорядился

забиранием из кабинета покойного Владыки бумаг, чем возбудил крайнее негодование против себя в высшем Московском обществе. Преосвященный Леонид поручил Митрофанию доложить об этом Императрице, и Государыня, оставшись также недовольна таким распоряжением Обер-Прокурора, приказала протоиерею И. В. Рождественскому из привезенных в СПб. бумаг митрополита отобрать собственные Её Величества письма и письма других Царских Особ и, запечатав их, хранить в Синоде, – что, как известно, и было в точности исполнено.

Однажды Императрица спросила будто бы Обер – Прокурора, все ли архиереи согласны на духовно-судебную реформу. Он отвечал: все, и даже подписали уже проект устава; между тем Императрица от кого-то из архиереев узнала совершенно противное. Это так разгневало её, что она несколько недель не принимала к себе Толстого, а Толстой вследствие сего сделался будто бы болен.

О грозной *туче*, идущей на Россию с запада, о которой покойный Митрополит Филарет говорил Лаврскому Наместнику, Митрофания сама слышала из уст Митрополита.

Митрофания признавала и признает несправедливым суд над нею по делу о суммах Солодовникова; жаловалась па Преосвященного Леонида, который будто бы за 5.000 рублей дал свое согласие на первоначальный её арест; указывала на разные подлоги в деле; для прекращения дела будто бы требовали с неё 30,000 и Государь будто бы предлагал внести за неё эту сумму, но она отклонила это предложение, твердо решившись принять на себя все последствия пристрастного и несправедливого суда и осуждения. Во время заключения в Петербургской Рождественской части она имела случай познакомиться с *социалистками* и их подпольной литературой.

О Ставропольском Иоанно-Мариинском монастыре, откуда Митрофания теперь ехала, она отзывалась во всех отношениях весьма неодобрительно. Климат там, по её словам, непостоянный и для здоровья неблагоприятный. О Преосвященном тамошнем Германе¹¹⁵⁸ сказывала, что он не пользуется расположением светского общества.

На следующий день, 8-го числа, я пригласил этих вечерних собеседниц к своему обеденному столу. За обедом и недолго после обеда продолжалась в том же тоне, как и накануне, взаимная беседа. При прощании я дал им на дорогу 25 рублей, которые они приняли с видимым удовольствием и признательностью.

После той роли, какую та и другая из этих странниц играли, в свое время, и в мире и в монашеской сфере, видеть их в настоящем положении было для меня и страшно и жалко.

Того же 8-го числа, в 9-м часу вечера получена была мною из Софии (в Болгарии) от командира Тамбовского полка полковника Шульца телеграмма следующего содержания:

«Тамбовцы, празднуя день своего полкового праздника, пьют за драгоценное здоровье Вашего Преосвященства и благодарят за Ваши молитвы ко Всевышнему, благодаря которым полк вышел со славою из борьбы со врагом».

Телеграмма напоминает о том обстоятельстве, когда я 28-го ноября, при выходе из Харькова полков – Пензенского и Тамбовского за Дунай, напутствовал их, по совершении в Кафедральном Соборе молебна в путь шествующим, краткой речью и благословил иконой¹¹⁵⁹.

18-го ч. получено было мною два письма: одно из села Радьковки, Прилукского уезда, Полтавской губернии, от помещика Егора Александровича Раковича, совоспитанника по Горному Корпусу Преосвященного Леонида; другое из Киева от профессора Дух. Академии, Протоиерея А. М. Воскресенского.

Вот что писал мне от 12-го числа г. Ракович:

«Дошло до моего сведения, что Ваше Преосвященство изволите интересоваться письмами покойного Архипастыря Леонида, писанными им к разным лицам. Если приложенные у сего три письма моего однокашника, с семейством которого я был хорошо знаком, могут быть, по усмотрению Вашего Преосвященства, напечатаны вместе с разными другими, то благоволите, Преосвященнейший Владыко, приказать, сняв с них копию, переслать мне обратно, адресуя в г. Прилуки, Полтавской губернии.

Последнее письмо покойный писал в ответ на мою просьбу молиться о выздоровлении жены моей, которая была тогда при смерти. Несмотря на то, что из 30-ти разных лекарств, прописанных больной тремя докторами, жена моя не приняла ни одного, здоровье её совершенно восстановилось. Конечно я приписываю это чудное исцеление усердным молитвам богоугодных людей.

С душевным наслаждением просматриваю я часто изданную Вашим Преосвященством книгу об усопшем товарище.

С чувством глубочайшего уважения к Особе Вашей, Милостивый Архипастырь, имею честь быть»...

Из трех, приложенных при сем, писем Преосвященного Леонида одно от 9-го ноября 1870 г., другое от 5-го ноября 1871 г., а третье от 9-го июля 1873 года.

Прочитавши с живым интересом эти письма и оставивши у себя с них точные списки, подлинники я возвратил владельцу их при следующем письме от 29-го того же декабря:

«Милостивый Государь,
Георгий Александрович!

Возвращая при сем три письма покойного Архиепископа Леонида, к Вам адресованные, приношу Вам, досточтимый Георгий Александрович, искреннюю благодарность за доставление мне утешения прочитать эти дружеские назидательные послания почившего Архипастыря.

Сделав с них точные копии, я постараюсь, при удобном случае, с Вашего позволения огласить их в печати.

Мне приятно слышать, что чтение изданной мною книги доставляет Вам удовольствие.

Прошу принять душевное поздравление с наступающим новым летом благодати Господней».

Так как едва ли мне придется когда-либо напечатать означенные письма моего доброго друга, то я, для сохранения их потомству, считаю за лучшее поместить их здесь в последовательном порядке:

I. «Возлюбленнейшему Георгию Александровичу от Господа милость и мир, здравие и спасение! Прошли все сроки:

желание, не исполнившееся в летние месяцы, не исполнится, конечно, в зимние. Надежда на свидание, сначала далекая от исполнения, потом казавшаяся близкою к нему, теперь опять от него становится далекою. Остается перо и бумага и то при крайней тесноте времени, такой, что и этот листок лежит на деловых бумагах, от которых я отрываюсь, чтобы на нем, этом листке, найти отдых в беседе с Вами. От чего я не ответил на Ваше любезное письмо? Оттого, что начал свой ответ *ab ovo*, хотел пройти пред Вами со всею жизнью своею от сорокового года, как проходит пред генералом полковник с своим полком. Скоро заметил, что не готов к смотру, хотел подготовиться, но не смог; винюсь и являюсь в этих немногих строках.

Появление в моих келиях Ваших достопочтенных сестриц, и Вашей достолубезной дочери со словами от Вас и об Вас повеяло на меня нашей седой стариною, седой, по крайней мере, для меня, как могут свидетельствовать родные Вам уста. Не знаю, те ли мы с Вами, какими когда-то были; но вижу, что около нас всё быстро и быстро изменяется. Когда взгляну на одну железную дорогу и на влияние этого изобретения в жизни современного человечества, невольно говорю: *проидохом сквозе огонь и воду*. Но могу ли сказать за себя и за Вас (если позволите), могу ли и когда возмогу сказать: *и извел еси ны в покой?..* Но пусть мчится жизнь по скользким полосам железа, обдавая всё направо и налево клубами черного своего дыма; пусть мысль быстрее молнии облетает шар земной, я примечаю везде и во всём, что, при всеобщем шумном движении, одна истина вовек стоит непоколебимо – светло сияющий крест, на нем же распяся Христос, Царь и Господь, имже паде древом прельстивый, Богу пригвоздившуся плотию, подающему мир душам нашим.

Что эти мгновенно сокрушаемые пред глазами величия царств и царствующих, это странное и страшное смешение света и тьмы, высокой цивилизации с диким варварством народов запада и вождей народов этих, что это как не оправдание божественных слов: «без Мене не можете творити ничесоже»? Как хочется закричать в слух этих людей, их науки,

их цивилизации, их житейской мнимой мудрости – слова, заученные нами в детстве на своем им языке:

«De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vois tu? »

Это совершенно соответствует 4 ст. 15 гл. Иоанна (Ин.15:4) и прямо относится к переживаемым минутам.

Мы люди старого закала, хотя и чувствительные ко всему, что в новизне приятно и спасительно пред Отцем нашим Богом, да просим у Спасителя Бога благодати пребывать верными вере, благонадежными для горьких надежд и любителями Христовой единой и истинной любви.

Детское доброе чувство связывало нас когда-то. Применим к себе Божие слово: будьте яко дети. Детское доброе чувство, претворенное в мир и любовь яже о Христе, да будет нашим взаимным чувством. Когда не позволяет пространство телесных выражений дружественности, обьемем друг друга в духе и дадим взаимно лобзание мира.

Христос посреде нас, добрый товарищ милого нашего детства или отрочества. Простите мне мое молчание, мое многоглаголение.

Приветствую всю вашу домашнюю церковь, а наипаче тех, которые дали мне утешение видеть их, познакомиться с ними и хотя мало побеседовать.

Ваш смиренный Богомолец
Леонид Е. Дмитриевский.
Москва, Ноября 9-го 1870 г.

Все искал узнать Ваш адрес и не находил. Наконец, решаюсь писать в Прилуки, ибо из этого города пишут Ваши сестрицы, которых усердно приветствую.

28 Ноября».

II. «Уже оканчивал я ответ к Надежде Александровне, когда нечаянно обернув листок вижу приписку Вашу, Георгий Александрович.

Видно так угодно Богу, чтобы отменено или отложено было наше свидание. Оно могло бы состояться только в том случае, если бы с сестрицами Вашими я виделся в Киеве.

У меня в памяти Ваше требование рассказать о том, как провел я жизнь мою с тех пор как мы с Вами расстались.

Сначала не было времени этим заняться, потом думал рассказать (если есть что рассказывать) при свидании. Теперь опять дела и делишки, долг и суета.

Благодарю за Ваши строки. Почерк этот мне памятен с детства.

От всей души призываю на Вас благословение Господне.

Простите».

III. «Поручение, данное старым товарищем, так обязательно, что отказаться от него и не можно, и не должно, возлюбленный Георгий Александрович! Ежедневно в Церкви возносится имя болящей Варвары.

При этом, и подобных, случае скорблю об одном, что слишком немощен и неискусен в молитве. Конечно, понимая это, я передаю её в сокровищницу молитв Церкви, ибо здесь сила до века пребывающего в ней Св. Духа. Да будет угодно Богу возвращение ей здоровья! Даровав человеку вся яже к животу и благочестию, Бог даровал нам спасительную силу в таинствах, – Он между этими таинствами дал одно собственно для восстановления тела посредством отпущения грехов – таинство елеосвящения.

Употребляет Св. Церковь и таинство причащения, так как Спаситель говорит прямо: *еще не ядите плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе, жизни, сил и здоровья; если хочет себе здравия человек, то пусть приступит к Божественной Чаше.*

Вот и сейчас прерываю письмо, чтобы идти к обедне, где помяну Георгия и Варвару пред жертвенником Божиим. Очень уж неразборчиво пишу, ибо ночь не спалось и очень ослабел, а надобно целый день провести в езде по приходам, и день то жаркий. Но я до страсти люблю быть вне города, среди простоты и природы.

О юбилее... я не собираюсь конечно, и о себе ничем не напоминаю, ибо я не окончил курса в Горном Корпусе и как горный инженер не отличался. Горный Корпус был для меня заменой или продолжением пансиона Fishwich'-а и M-r Revel'-я,

где, как батюшка находил, я баловался, – что приписывалось впрочем не мне, а французу, и что было ли на деле, даже не припомню; ибо я с тех пор ни в чем к лучшему не изменился.

Мир Вам и утешение от Бога Спасителя и Исцелителя».

Профессор Киевской академии, Протоиерей А. М. Воскресенский писал мне от 15-го декабря:

«Вашему Преосвященству, конечно, не безызвестно, что с наступающего 1879 года Академия наша будет издавать три журнала: 1) Труды Академии, в доступной, по изложению, большинству читателей форме, по общезанимательным предметам наук, преподаваемых в академии; 2) Воскресное чтение в том духе и даже формате, как оно издавалось в первые времена и 3) Епархиальные Ведомости.

Академическая корпорация обращается к Вашему Преосвященству, как ревнителю просвещения в духе истинного христианства, с ходатайством о распространении её изданий в Вашей епархии способом, какой Ваше Преосвященство найдете более удобным. Корпорация Академии приложит всё старание, чтобы оправдать искомое доверие к себе, которое она желает встретить у любителей духовного просвещения и душеспасительного чтения.

Испрашиваю Вашего Архипастырского благословения».

В ответ на это писал я от 23-го числа:

«Ваше ходатайство относительно распространения в пределах вверенной мне епархии ваших академических изданий нами предварено. О них печатано уже объявление в здешних Епархиальных Ведомостях. Больше этого сделать ничего нельзя.

С братскою к Вам о Христе любовью пребываю»...

19-го ч. писал я в Москву А. Е. Викторову:

«Знаете ли, какая в настоящее время мысль меня занимает? В июльской книжке Чтений Общ. Люб. Дух. Просвещения я прочитал в отделе библиографии, по поводу нового издания Real-Encyklopädie von Herzog следующие строки: «смотря на второе издание энциклопедии Герцога мы чувствуем глубокое сожаление о том, что у нас, в России, нет и доселе подобного важного труда... Поэтому желательно бы было, чтобы

какое-нибудь высокопоставленное лицо из нашего духовенства, обладающее достаточными для издания богословского лексикона средствами, взяло на себя святой почин в желаемом деле»¹¹⁶⁰.

Эти строки напомнили мне, что мысль об издании Богословского Словаря занимала нас в Академии, когда я был Ректором. У меня сохранился даже черновой проект представления об этом покойному митрополиту, составленный покойным также А. В. Горским. Затем А. В-ч публично заявил в своей речи в 1864 г., по случаю академического юбилея, о потребности и существенной пользе такого издания. Но на том дело и остановилось.

Если Вам случится, во время святок, увидеться с кем-либо из академических ученых, или из Московских священников – магистров, заведите, пожалуйста, об этой материи речь и затем, что услышите, передайте мне. Если бы в Московской Академии или в среде московского духовенства образовался кружок солидных ученых и предпринял труд издания Богословского Словаря, я охотно предложил бы ему свою материальную помощь».

20-го ч. получил я письмо из СПб. от И. Г. Слиборского, который писал мне от 15-го числа:

«Винюсь и каюсь. Причиной неприятного недоразумения относительно уплаты за напечатание в Церк. Вестнике объявления о Вашей книге был я, а никто другой. Я неправильно понял ответ редакции, переданный через архим. Арсения.

Получив письмо Вашего Преосвященства я лично представил в редакцию 11 р. 25 коп., на что и получил прилагаемую при сем квитанцию; на требование же мое возвратить книгу – Анд. Ив.¹¹⁶¹ ответил просьбою оставить её для редакции, причем прибавил, что в одном из ближайших № № Церковного Вестника будет напечатан отзыв об этой книге. Любопытно, что скажут о ней велемудрые богословы, а для нас профанов она всегда будет назидательна, занимательна и полезна. Я нередко в неё заглядываю и кроме поучений часто нахожу в ней и утешение. Итак я книгу оставил, но повторил

опять г. редактору, что книга посылалась не как плата, но как дар – любезность за любезность».

22-го числа отвечал я на это письмо:

«Я очень рад, что дело разъяснилось и благополучно окончилось. Теперь остается ожидать, что речет и что возглаголет о нас и о нашей книге высокопочтенная редакция».

23-го ч. писал я в Кострому Преосв. Игнатию:

«Братски приветствуя Вас с великим и преславным праздником Христова Рождества, желаю, чтобы благодатный мир, принесенный на землю воплощением Сына Божия, выну преисполнял ваше архипастырское сердце!

Итак Владимирская кафедра осталась за Преосвященным Подольским¹¹⁶². Его хвалят. Но скажите, пожалуйста, с чего взяли газеты провозглашать Вас Владимирским? И даже прежде газетных толков до меня доходила о сем молва из Москвы. Я не считал это правдоподобным, но признаюсь, если бы осуществилась эта молва, я порадовался бы и за свою родную епархию и отчасти за Вас. Во Владимире, думаю, Вам было бы спокойнее, чем в Костроме. Та епархия и по пространству менее обширна, чем Костромская, и по климату, вероятно, благоприятнее, и по характеру народонаселения, кажется, лучше. Владимирский архиерейский дом очень приличный и притом в центре города. Там Вы не могли бы испытывать таких неудобств и затруднений в сообщении с подведомыми местами и учреждениями, какие испытываете теперь, сидя в своей Ипатиевской обители.

Какие новые вести имеете о Московском Владыке? Очень жаль, если состояние его здоровья не позволит ему отправиться в Петербург. Все-таки в Синоде был бы лишний голос на стороне партии благонамеренной».

От 21-го ч. писал мне из Владимира Преосвященный Иаков:

«С наступающими праздниками Христова Рождества и нового года имею честь поздравить Ваше Преосвященство, желая Вам милости, Божией, а паче всего доброго здоровья.

Мое царствование по епархии сокращается. 9-го Декабря утвержден епархиальным Владыкой Преосвящ. Феогност, о чем получил я от него известие 19-го числа, а сегодня получен

Консисторией Указ Св. Синода. Меня обошли, как пишет Петр Евдокимович¹¹⁶³, за археологический грех. Покойным Владыкой¹¹⁶⁴ года четыре тому назад был представлен проект о продаже жемчуга и некоторых вещей серебряных, числившихся древними, с тем, чтобы вырученные деньги употребить на учреждение училища при Покровском женск. монастыре в г. Суздале, которому и вещи принадлежат. Я говорил покойному, разве это можно? Он мне указал на пример по Новгородской еп. и поручил пересмотреть список вещей, назначаемых к уничтожению. Иное я положил *уничтожить*, в том числе пелены, по преданию царские, но несколько раз переделанные, иное – сохранить. Владыка при представлении в Синод приложил и список, с моими отметками, где о том, что вещи не раз переделывались, не говорилось. Как состоялось представление, я узнал уже гораздо после. Обер-Прокурор препроводил список вещей в Археологическое Общ. Граф Уваров¹¹⁶⁵ вознегодовал на такое *варварское* отношение к драгоценной старине, но почему-то долго думал и свой отзыв в Синод прислал в мае 1878 г. В Синоде тоже долго думали и доклад приурочили ко времени рассуждения о назначении епархиального архиерея во Владимир. По *старому* делу положено объявить мне указом, что Епарх. Начальство неуместно ходатайствовало об уничтожении древностей, а мое Преосвященство неосновательно высказалось; а затем граф отклонил мое утверждение на Владимирской кафедре – за одно неосновательное мнение по вопросу об уничтожении. Господь *намерение целует*, а люди за намерения штрафуют... Что меня обошли, я этим нимало не огорчаюсь. Я не искал первенства, а искать имел возможность. Я поручил себя воле Божией и в случившемся вижу благий о мне промысл... Неприятно мне только, что приплели тут грех, которого я не совершил. Бог с ними!

Преосвящ. Феогност думал выехать из СПб. или 21-го декабря, если успеет собраться, или 26-го ч. Ожидаем его на святках. Его хвалят. Прислал мне очень любезное письмо.

Суздальское подворье ныне дает 9,000 руб. аренды, а лет через 10 будет давать до 30 или более тысяч. Всё оно

перестроено, по контракту, арендатором. Есть чем интересоваться Подольскому Владыке, который не мог сводить концов с концами и нажил в Питере долгов. Он домогался быть нашим. Радует за него... Приедет на короткий срок – недели на две, или на три, как слышно стороною.

На сей раз довольно.

Преосвящ. Феофан¹¹⁶⁶ послал в Синод через Ценз. Комитет толкование на послание к Римлянам и боится, что там задержат... Спешит окончить толкование посланий Ап. Павла и затем примется толковать псалтирь».

На братское послание это я не мог ответить в скором времени. Отвечал не ранее 19-го января следующего 1879 г., и вот что писал тогда:

«Опять замедлил ответом на Ваш братский привет. Простите.

Жаль, что за Вами не закрепили мою родную епархию, с которою Вы так уже освоились и где Вас достаточно узнали. Странное дело! Прежде из Владимира в Подольск переводили архиереев под предлогом почести; а ныне из Подольска архиереи бегут во Владимир, – и по каким побуждениям? По побуждениям корыстолюбия! О tempora, o mores!..

Преосвящ. Феоноста лично я не знаю, но имел случай раз писать к нему¹¹⁶⁷ в Подольск и получил от него братский ответ. Опишите мне его наружность, а если можно, пришлите фотографическую карточку его, да кстати и свою: ведь у меня нет Вашего изображения. Ну, как же Вам и владимирцам понравился новый архипастырь?

Я не помню, чтобы Владимирские владыки ездили когда-нибудь в Петербург для присутствия в Синоде. Преосвященного Парфения¹¹⁶⁸ удостоивали этой чести, но он, по своей болезненности, отказался от неё.

Как велика свита отправилась теперь в СПб. и много ли певчих осталось при Вас?»

25-го ч., в день праздника Рождества Христова, писал мне из Москвы Протоиерей Ст. Ив. Зернов:

«Спешу поздравить Вас с наступившим уже праздником Рождества Христова, а затем с имеющим скоро наступить

новым годом.

Наш Владыка в последнее время был не очень здоров, и болезненные припадки, по летам его, возбуждали опасение. Но теперь, слава Богу, он начал чувствовать себя хорошо, и после нового года, слышно, собирается ехать в Петербург. К своему отъезду между прочим приказал Консistorии изготoвить доклад о мерах к снабжению сельских причтов помещениями от церквей. Общие черты этого предположения Вашему Преосвященству известны, я думаю, из Московских епарх. ведомостей. В последнее время сделаны в нем некоторые изменения – и в этом-то измененном виде Владыка намеревается представить свои соображения Синоду. Я слышал, будто Викарии полагали бы привести предположения по означенному предмету в связь с предположениями по сокращению причтов на основании известного положения Св. Синода. У нас о сем последнем предмете начинают думать серьёзно, и уже составляется подкомиссия с целью изготoвить для исполнения предначертаний Синода материал по Московской епархии. Но Владыка не изъявил согласия дожидаться работ этой подкомиссии, опасаясь, что она может замедлить исполнением данного ей поручения, от чего прежние затруднения по продаже и покупке домов между членами причтов стали бы продолжаться.

Писал, кажется, я Вам, что Преосвященный Амвросий предполагает открыть ряд популярных бесед и чтений о предметах веры – теперь ничего уже не слышно об этом предположении. Вероятно, встретились какие-нибудь препятствия к его исполнению. Давно уже не видался я с Преосвященным Амвросием, чтобы спросить его об этом».

28-го числа получено было мною ещё 8-мь писем. Вот содержание некоторых из них.

От 20-го декабря писала мне из Ладинского монастыря, Полтавской губ., Игуменья Валерия:

«Позвольте мне принести Вам мое усердное поздравление с наступающими праздниками Рождества Христова и новым годом, молю Господа, да сохранит Он Вас своею благодатию в добром здоровье и полном благоденствии на многия лета.

По совету Вашего Высокопреосвященства мы из Харькова поехали по Сумской дороге, нам попался отличный кондуктор, который нас покоил всю дорогу и усладил своей духовной беседой; в наше грустное время безверия – это истинное утешение встретить человека глубоко и сознательно верующего. Он нам передавал, что имел счастье сопровождать Ваше Преосвященство в поездке Вашей по этой дороге.

В Нежине мы были тоже встречены с любовью матушкою Игуменью Смарагдою; это – истинная старица и подвижница нашего времени; оба дня проведенных в Нежине мы были у неё, только ночевали на квартире, она было предлагала переехать к ней, но уже не стоило подымать этой возни, она сама приехала нас проводить и навезла нам всякой домашней провизии, которой нам и здесь станет надолго. Вообще, как мы только вступили в пределы Малороссии, так повеяло совсем другим духом, чем за пределами оной; благочестие, радушие и гостеприимство стали проявляться повсюду. Мы так долго томились под гнетом неприязни, немирствия и всестороннего неустройства, что мы совершенно ожили от Вашего истинно христианского и отеческого приема, который навсегда останется неизгладимым в наших благородных сердцах. В Нежине мы тоже приобрели мать и покровительницу в добрейшей матушке Смарагде, которая и впредь предложила нам свои услуги, взялась получить наш багаж с железной дороги и переправить сюда, а летом сама хотела нас навестить. Я говорю нас, как будто и я здешняя, а на самом деле ещё не знаю, где Господу угодно будет меня устроить. Я было хотела остаться в Нежине – погостить у матушки Смарагды и дожждаться наших вещей, но матушка Митрофания убедила меня проводить её до места, и мы опять поехали вместе. В Нежине мы ездили на санях, а в дорогу поехали на колесах, потому что от Прилук до монастыря вовсе нет снега, а теперь опять оттепель и грязь.

В Ладинский монастырь мы приехали поздно вечером, а потому не получили никакого особенного впечатления; нас тотчас провели с фонарями в приготовленные матушке келии, где приняла нас Благодичная, а Игуменню мы увидели только на другой день в 12 часов и она пригласила нас с нею

отобедать. Она совсем другого склада, чем матушка Смарагда, но тоже очень добрая, прямая и нелестливая, она мало говорит любезностей, но на деле старается успокоить чем может; она с большим радушием и любовью приняла матушку, и в короткое время мы так с нею сблизились, точно давно знакомые. Праздники я намерена провести здесь, на что матушка Дорофея выразила свое согласие, а после праздников, если получу ожидаемые мною деньги, желала бы съездить в Витебск и в Москву. От о. Архимандрита Григория я узнала, что был запрос от Обер-Прокурора, в каком положении осталось училище после смерти моей сестры; из этого я заключаю, что её последнее письмо произвело свое действие, и, если его не испортят недоброжелательными докладами, можно надеяться, что все неприятные пререкания о деньгах окончатся, что было бы весьма утешительно для нас – близких усопшей, потому что более чем тяжело видеть такую благодарность за честную и усердную службу.

Я передала Ваш архипастырский привет о. Арх. Григорию, он был тронут Вашим вниманием и с любовью вспоминал то время, когда имел счастье служить под Вашим начальством. Он рад был и меня видеть, как старую знакомую, но слышать не хочет, чтобы я жила на покое и советует опять проситься на службу; но признаюсь, благодарность Преосвященного Гурия за мою усердную и бескорыстную службу так ещё свежа в моей памяти, что даже страшно и подумать опять иметь дело с Консисториями, да ещё на какого архиерея нападешь, а самой себе назначать монастырь неудобно, да и вообще не в моих правилах самой располагать своей судьбой; с тех пор как я оставила мир, более уже 20 лет, я всецело предала себя в волю Божию и плыву по течению, куда Господу угодно причалить мою лодочку; так покойнее на душе, когда чувствуешь себя под водительством Божиим.

Матушке Митрофании хочется, чтобы я устроилась вместе с нею, я не противлюсь этому, потому что мне здесь довольно нравится, здесь тихо, уединенно и летом должно быть очень хорошо; лес, река, горы, местоположение красивое и воздух, говорят, здоровый. Устав церковный исполняется строго; о

жизни монашествующих пока ничего не могу сказать, но держат себя все сестры скромно, прилично и есть много духовных стариц, по словам игумении.

Вот, Высокопреосвященнейший Владыко, краткий отчет о наших действиях, впечатлениях и намерениях на будущее время; помолитесь о нас грешных, чтобы Господь Милосердый утешил нас скорбных и устроил нас так, как полезнее для нашего спасения и получения царства небесного, для которого мы оставили вся красная мира сего.

Припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваю Ваших святительских молитв и благословения, и остаюсь с признательностью и любовью глубоко почитающей Вас многогрешная послушница Игумения Валерия.

P.S. Матушка Митрофания просит засвидетельствовать Вашему Высокопреосвященству её глубочайшее почтение, она просит Ваших святительских молитв и благословения, сама собирается Вам писать на этих днях».

29-го ч. получил я письмо из Вильны от Попечителя учебного Округа, Н. А. Сергиевского, который писал мне от 24-го числа:

«Спешу принести Вашему Преосвященству искреннейшее поздравление с наступающим праздником Рождества Христова, сопровождая оное горячими желаниями Вашему Преосвященству преизобильной милости Божией в наступающее новое лето Господне. Дух Ваш да будет бодр, плоть да не будет немощна; труд Ваш да будет радостен во славу имени Божия и во славу имени Вашего.

Желал бы очень слышать о Вашем житье-бытье. Моя жизнь идет прежним чередом. В нынешнем году она разнообразилась поездкой осенью в Париж на выставку, где я с пользой прочитал огромную живую книгу, и болезнями почти всего дома, случившимися вскоре по возвращении из-за границы и доставившими много скорби, которая, впрочем, по милости Божией, усладилась потом выздоровлением всех болевших. По учебным заведениям у меня, благодарение Господу, все тихо и спокойно.

Тяжелое время переживаем мы, Владыко! Юношество наше сбивается с пути правого, становится под влияние ума неправого. Вся причина, по моему глубокому убеждению, в охлаждении веры и любви к Церкви. Не время ли пастырям церкви подумать как устранить это зло? Простите, что в праздничном письме завел непраздничную речь. Но душа болит, смотря на мятущуюся молодежь».

31-го ч. писал я в Москву Преосвященному Алексию, епископу Можайскому:

«Вы, по-доброму ко мне расположению и усердию, вспомнили, во время пребывания своего в обители Преп. Сергия, о годовщине (и скажу Вам по секрету – уже *тридцатой*) моего пострижения в монашество и любезно приветствовали меня из моего прежнего академического кабинета с началом новолетия моего иноческого жития. Весьма Вам признателен за такую братскую любовь.

Теперь позвольте мне, в свою очередь, приветствовать Вас с новым общим для всех нас летом благодати Господней. Да ущедрит Вас Всеблагий Господь и Владыка времен лет, во грядущем лете, всякими дарами Своей благодати, потребными уже к животу и благочестию!

Освоились ли Вы со своим новым положением и с обязанностями нового служения?

Один из самых ревностных читателей памяти покойного Преосвящ. Леонида на днях пишет мне из Москвы: «мы очень рады и благодарим Бога, что на Саввинское подворье поступил достойный по началу служения преемник Преосвящ. Леонида – Преосвященный Алексей, который всегда с полными чувствами любви и уважения чтит память усопшего и всеми мерами старается поддерживать с благоговением его распоряжения и порядки относительно строгого исполнения служебных правил церкви».

Выписывая эти строки, надеюсь доставить Вашему Преосвященству некое утешение.

Как здоровье Вашего Владыки, и располагается ли он ехать в Петербург? Что нового в вашем первопрестольном граде и в вашей епархиальной сфере, помимо того, что оглашается в

публичных листах, как выражался покойный Владыка – Филарет?»

С добрыми и мирными чувствами встретил я новый год, не воображая, что ожидало меня в недалеком будущем. Я разумею перемещение на другую не весьма вожделенную для меня кафедру.

Первый день нового года начат и освящен был, но обыкновению, священнослужением в Кафедральном Соборе; но после литургии было необычайное множество поздравителей, гражданских и военных, с Командующим войсками А. Ф. Минквицем во главе.

Были получены мною в этот день и письменные поздравления.

Получено было мною письмо от неизвестного, подписавшегося «Христианин».

Вот содержание этого оригинального письма:

«С новым годом имею честь поздравить Ваше Высокопреосвященство и пожелать совершенного благоденствия и полного в начинаниях Ваших успеха.

Да! вот наступил и новый год, но не каждый, конечно, встретил его весело; много есть в нашем городе бедняков, которым и перекусить нечего для нового года. Много видали мы нищих и калек, просящих подаяния и прежде, а теперь на праздниках их число ещё увеличилось; вероятно в надежде на доброе праздничное настроение жителей они покинули свои углы и трущобы и выползли на свет Божий с протянутой рукой и жалобным воплем о помощи.

Ваше Высокопреосвященство! Вы близко к сердцу принимаете бедствия народа, не щадите трудов и здоровья, чтобы облегчить участь бедняков, а потому осмеливаюсь обратить Ваше внимание на следующий проект для улучшения быта неимущих и уничтожения попрошайничества.

Вам, как лицу высокопоставленному, очень легко будет привести его в исполнение.

Проект мой состоит в том, чтобы предложить публике жертвовать для бедных 10% с рубля, платимого за билеты для входа в театры, маскарады и другие увеселительные

заведения. Из этого сбора составит капитал совершенно достаточный для помощи неимущим; заведывание сим капиталом и контроль над ним, под председательством Вашего Высокопреосвященства, поручить влиятельным лицам города и отчеты о приходе и расходе его помещать в местных ведомостях.

Примеру сего благотворительного учреждения последует, конечно, вся Россия, и неимущая братия со слезами благодарности вознесет к Престолу Всевышнего теплые молитвы о благоденствии Вашего Высокопреосвященства, как благотворительного организатора и милосердного друга человечества.

Ожидаю с нетерпением результата сего послания».

Но этот анонимный филантроп обманулся в своих расчетах: он не дождался и не мог дожидаться никакого результата своего послания, при моем воззрении на христианскую благотворительность.

Благочинный Градских Харьковских церквей, Протоиерей Иоанн Чижевский от 8-го декабря минувшего 1878 г. за № 755 обратился к подведомым ему настоятелям приходов и их помощникам с предложением следующего содержания:

«До сведения моего дошло, что некоторые из оо. Протоиереев и иереев, вопреки постановлениям церкви и предписаниям Св. Синода и Епархиального Начальства, делают следующие отступления: 1, на литургии в воскресные и праздничные дни, вместо положенного времени, когда все верующие приглашаются «со страхом Божиим и верою» приступить к принятию Св. Божественных и животворящих Таин Тела и Крови Христовой, приобщают детей после отпуска; 2, ходят, а иногда и ездят, к больным для приобщения оных, не с запасными Дарами, в дароносице, а с Св. потиром, также по окончании литургии, и 3, тоже по окончании литургии, оставивши в Св. потире несколько Божественной Крови, ходят, а иногда и ездят, в дома для приобщения больных детей.

Почему предлагаю ничего из вышепрописанного отнюдь не допускать, а 1, как детей, так и взрослых, приобщать в церкви в одно, только для сего установленное, время, 2, в дома

прихожан для приобщения больных *исключительно* ходить или ездить с одною дарохранительницею и запасными Св. Дарами, а не с потиром, и 3, детей, немогущих принимать твердой пищи, *исключительно* приобщать только в церкви, а не в домах. Если некоторые из прихожан будут выражать свое неудовольствие за отказ в приобщении с чашею их малолетних детей, таковым предоставить право жаловаться Епархиальному Начальству. Если же дойдет до моего сведения, что кто-либо и после этого предложения будет по-прежнему производить вышепрописанные отступления от правил Церкви и предписаний Св. Синода и Епархиального Начальства, то о таковом будет немедленно доведено до сведения Епархиального Начальства. В ведении и исполнении сего расписаться и возвратить к благочинническим делам».

Большая часть священников, прочитавши это предложение, написали под ним: «читал *такой-то*». Но некоторые этим не ограничились, а заявили против Благочиннического предписания протесты.

Так:

1) Настоятель Преображенской церкви, священник Василий Лихницкий¹¹⁶⁹ написал под предписанием: «8-го дек. читал, но имею доложить Вашему Высокопреподобию по поводу сего Вашего предложения особо в непродолжительном времени».

Но докладывал ли что-нибудь о. Лихницкий Благочинному, неизвестно.

2) Настоятель Благовещенского прихода, священник Аполлон Ильяшев написал следующее:

«Ввиду священной важности предмета, которого касается настоящее распоряжение, покорно прошу Ваше Высокоблагословение разъяснить мне: во 1-х, какие при этом имеются в виду *постановления Церкви, предписания Св. Синода и Епархиального Начальства?* Во 2-х, отменяются ли настоящим распоряжением те, известные Вашему Высокоблагословению, церковные постановления, в которых дается священнику право ходить в дома для приобщения больных и с дароносицей и с потиром и, при каждодневном Богослужении, от одного дня до другого оставлять для этой

цели в потире часть Св. Даров; и если это последнее постановление не отменяется, то неужели из этих, таким образом оставляемых от одного дня до другого, св. даров, частицы должны быть перелагаемы предварительно в дароносицу? в 3-х, в пункте 1-м настоящего распоряжения запрещается ли только вводить в обыкновенную норму приобщение детей после отпуска, или же вообще запрещается приобщение детей после отпуска, если таковые будут принесены к этому времени по опозданию, потому что в свое время не могли протолпиться и др. причинам? и в 4-х, относительно пунктов 2-го и 3-го, ведомо ли Его Преосвященству настоящее распоряжение Вашего Высокоблагословения, так как точное выполнение указанных пунктов может повести к серьезным последствиям? В виду важности настоящего предложения, покорно прошу Ваше Высокоблагословение ответить мне на предложенные вопросы письменно; до получения же такового разъяснения, настоящего распоряжения я не могу почесть для себя обязательным, хотя бы даже по той простой причине, что, как видно из всего вышеизложенного, недоумеваю как понимать его».

3) Помощник Настоятеля Вознесенского прихода, священник Григорий Томашевский представил Благодичинному на особом листе отзыв от 2-го января 1879 г. такого содержания:

«На основании предложения Вашего Высокопреподобия от 31 дек. за № 791, относительно приобщения взрослых и младенцев больных и о прочем, имею честь представить свои соображения.

1) Мне кажется, что распоряжение об этом не относится к власти и действиям Благодичного, а зависит от Представителя Церкви – Архиерея. Одни Архиереи только могут и должны своею властью искоренять установления, обычаи в практике церковной в своих епархиях; Пр. 97, о Св. Духе гл. 27 Вас. Великого.

2) Касательно приобщения больных в Христианской церкви уже целые столетия никогда и никто не возбуждал вопроса: како причастити больного – с чашею ли, или без чаши, запасными ли св. дарами, или же остающимися по совершении Литургии. *Буди*

страж день и ночь с крещением, покаянием и причащением. (Поуч. к новоп. Иерею от Свят. л. 6-й изд. 1852 г. и книг. о долж. пресв. с. 116). Больные причащаются во всякое время (ст. 114), но не сказано непременно запасными дарами. В первые века христианства употреблялись и диаконы для разности Божественной трапезы, остающейся после литургии (58 пр. VI всел. соб., Ап. пост. Кн. 8, гл. 13).

3) Бывают больные горловыми болезнями, не могущие проглотить св. частицу сухую, и дети, и взрослые; ужели же их оставить умирать без приобщения хотя одною Божественною кровию. Полагаю, что священник, допустивший это, при возможности причастить после обедни, должен быть безответен пред Богом любви, пред своею совестью и пред скорбными окружающими одр умирающего родными и близкими. У места ли тут формальность? Мф.26:28; Лк.18:15–16; Ин.6:55; Облич. Бог. Архим. Иннокентия §177.

4) Где есть возможность ежедневно служить Литургию, издревле практикуется обычай ближайших больных причащать после литургии с чашею (Учит. Изв.). Таким образом, если позволительно и носить и возить величайшую Святыню и в отдаленные места, то чаша не составляет ещё такой неприкосновенной святыни, чтобы с нею нельзя ходить к больным¹¹⁷⁰. Евангелие святее чаши, и носится везде.

5) Остановив сразу древний обычай в городах и монастырях причащать больных и после окончания обедни, особенно детей, не успевших подойти к обычному времени приобщения, и ходить с чашею к ближайшим трудно больным горловыми болезнями, можно возбудить ропот в прихожанах, недоверие к священникам, уменьшение веры во св. Таинство и пр. Поэтому нам подобает быти невысокомудрствующе, по апостолу, но смиренными ведущеся, дабы не производить разделения между верными о Христе. Мы стражи дома Бога Вышняго, не формою, а духом и истиною! Есть души горячо верующие во св. таинство причащения и в спасительное действие оногo. Ослаблять сию веру формальностью, ни к чему не ведущею, не спасительно.

Так я думаю и так верю, и если ошибаюсь, Милосердие Божие да не поставит мне в грех».

Когда Благочинный Протоиерей Чижевский представил мне свое предписание с сделанными под ним подписями священников и особый отзыв священника Томашевского, – я, прочитавши всё это, оставил дело без дальнейших последствий.

3-го числа был у меня приехавший из Москвы вновь избранный профессор Харьковского Университета Петр Алексеевич Бессонов, о котором уже писал мне из Москвы Виктор. Я принял почтенного профессора с радушием, как старого знакомого.

6 числа получено мною письмо от преосвященного Алексия¹¹⁷¹, который от 3-го числа писал:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь, Отец и Благодетель!

Смиреннейше прошу принять мое искреннейшее приветствие с наступившим новым летом, которое да будет для Вашего Преосвященства летом Господним приятным. Да хранит Вас Господь во здравии, крепости и во всяком благополучии и в грядущее и во вся лета жития Вашего!

Тридцатый год иноческой жизни Вашего Преосвященства, и первый моей – какая огромная разница! Смиреннейше прошу Святительских молитв Вашего Преосвященства о моем недостойнстве, да помилует меня начинающего не с начала, а прямо с верху. Господь Бог своею милостию на новом для меня пути!

Здоровье Владыки¹¹⁷² нашего не вполне удовлетворительно и о поездке в Петербург на вчерашнем докладе он говорил с сомнением. В 1-й день праздника Рожд. Христова служил у себя на подворье. Спаси его, Господи, для блага церкви и нашего (т. е. викариев)!

Смиреннейше испрашивая Архипастырского благословения и святительских молитв Вашего Преосвященства с совершеннейшим почитанием и глубочайшею преданностью имею счастье пребыть»...

7-го ч. писал я в Вильну Попечителю учебного Округа, Николаю Александровичу Сергиевскому:

«Приношу Вам сердечную благодарность за приветствие с праздником и за Ваши искренние благожелания.

Совершающиеся на наших глазах происшествия в школьном-юношеском мире, поистине, печальны. И Вы совершенно правы, указывая причину этих прискорбных явлений в охлаждении веры и любви к Церкви. Справедливо и то, что пастырям церкви давно бы пора подумать об устранении этого зла. Но спрашивается, как пастырям приступить к этому делу, с чего начать устранение зла? Устной проповеди пастырей не хотят слушать; или слушают только такие проповеди и таких проповедников, которые удовлетворяют лишь праздному любопытству: всё догматическое, всё духовно-нравственное и назидательное в проповедях большинству кажется устарелой схоластикой. Изобличение с церковной кафедры современных пороков и заблуждений ещё более оскорбляет утонченный слух и вкус т. наз. интеллигентной публики. Мне не очень давно писали из Москвы, что речи нового Московского Викария, Преосвящ. Амвросия, направленные против современного общественного духа, многим и очень многим не нравятся. Ещё менее наше современное интеллигентное общество интересуется *печатною* духовною литературой. Никто из ученых светских мужей и понятия почти не имеет о духовных журналах, не говоря уже о специальных богословских сочинениях. В так называемых публичных городских библиотеках собирается всякая литературная дребедень, но нельзя найти ни одной почти духовно-нравственной книги, не исключая даже евангелия. Я недавно слышал от одного из здешних священников следующий поразительный факт. Нынешнюю осень он провел несколько недель в Ялте, где существует публичная библиотека, которую он нередко посещал. Раз он спросил у библиотекаря евангелие в русском переводе; но евангелия не оказалось, а ему, вместо евангелия, подают алкоран! Итак в православной русской библиотеке магометанский мулла может найти свою священную книгу, а православный священник лишен этой возможности.

Во Владимире один священник написал и напечатал в местных Епарх. Ведомостях сильную изобличительную речь по поводу *великопостных* спектаклей¹¹⁷³. Губернатор в ужасе прибежал к покойному архиеп. Антонию и чуть не требовал за такую дерзость ссылки в Соловецкий монастырь смелого священника. А вслед затем последовала к Преосвященному по этому поводу из СПб. от высшего цензурного Управления сильная нота.

Епархиальный архиерей естественный блюститель за преподаванием закона Божия во всех учебных заведениях, существующих в пределах его епархии, но для него закрыты двери не только в высшие учебные заведения, но иногда и в средние. В Харькове, напр., некоторые директоры гимназий не дают архиерею знать о том, когда у них бывает экзамен по Закону Божию. Об Университете уже и говорить нечего. В Казани, впрочем, как я слышал, приглашают Архиерея на экзамены в Университет, но присутствие на экзамене, как мне передавали также, для архиерея – истинная пытка. Так бесчинно и так нагло держит себя пред архиереем нынешняя молодежь!

После сего, что же прикажете делать нам, в особенности провинциальным архиереям, почтеннейший Н. А.?

Нет, не от одних пастырей надобно ожидать и требовать забот и усилий к прекращению, или, по крайней мере ослаблению существующего зла. Не менее, если не более, могут и должны содействовать этому власти и начальства светские, как словом вразумления юных мятежников, так ещё более собственным примером. Я уверен, что если бы все начальства учебных светских заведений были по своему образованию и нравственным качествам таковы, как настоящий г. попечитель Виленского учебного Округа (говорю это по сущей справедливости, а не из лести) и действовали бы в своей сфере, как действует он, т. е. с такою же рассудительностью и энергией, – не было бы, по крайней мере, на половину таких возмутительных явлений, какие совершаются пред нашими глазами. Судите сами, можно ли требовать от воспитывающегося юношества особенной горячности в вере и

любви к церкви, когда мы не видим таких качеств в их ученых руководителях и воспитателях? Больно видеть и слышать, как иные православные наставники и начальники (об иноверных не может быть уже и речи) индифферентно и пренебрежительно относятся к учению и Богослужению Православной Церкви. В самые великие праздники и высокотожественные дни их или вовсе нет в храме, или если и приходят к концу Богослужения, то разве только для свидания с друзьями и приятелями – ни одного поклона пред св. иконами не положат. О таинствах исповеди и причащения – существенной потребности каждого истинного христианина едва ли все ежегодно помышляют.

Что сказано мною о начальствующих и учащих в светских учебных заведениях, тоже должно отнести и к представителям нашей светской литературы, которые своими гнилыми и либеральными произведениями не меньше, если не больше, чем школьные преподаватели, развращают наше молодое поколение. Мне пишут из Киева, что там, в праздник Рождества Христова, умер без напутствования св. таинствами редактор местной газеты «Киевлянин», бывший профессор Университета Шульгин, о котором притом говорят, что он несколько лет не исповедовался и не причащался, и поэтому его едва не лишили за это христианского погребения. Можно ли было ожидать от такого литератора чего-либо доброго и назидательного?..

Но довольно. Я слишком далеко простер свое слово».

8-го ч. получено было мною письмо из Ладинского женского монастыря, Полтавской епархии, от бывшей Игуменнии Митрофании.

Она писала от 2-го числа:

«Наступил новый год, и я мысленно переношусь к Вам и приношу Вашему Высокопреосвященству мое поздравление и молю Бога, да сохранит Он Вас от всякого зла и скорби.

Не писала я к Вам, Владыка Святой, ранее, дабы иметь возможность дать Вам известия о моей жизни здесь, более основательные и верные, так как в первые дни, после моего приезда, могла сделать более или менее ошибочное определение о всех и обо всём встретившем меня здесь, но, слава Богу, первое благоприятное впечатление оправдалось,

обитель мне так понравилась, что я желаю здесь и умереть. Мать Игуменья Дорофея так внимательна, добра и сострадательна ко мне, что большего участия не могла бы ожидать нигде и никогда. Помещение она мне дала отличное, настолько просторное, что для нашей семьи всем покойно и хорошо. В церкви благолепие, стройное пение, соблюдение устава – всё мне по духу и напоминает мне Владычный монастырь. Мать Игуменья добра, разумна и честно относится к своему трудному положению; мы с ней сошлись, и мне отрадно беседовать с ней; она – истинная монахиня, любящая Бога и заботящаяся о своем монастыре, но у бедной скорбей немало, пришлось ей побороться много после всех неурядиц и беспорядков, бывших при её предместницах. Монастырь своекоштный, училище трехклассное, всех девочек 75-ть, из которых 25 содержатся на счет обители; училищное здание теперь строится за оградой, по плану на один миллион кирпичей; кирпичный завод свой.

Вот Вам, Владыко святой, вкратце описание внутреннего порядка обители; внешность тоже хороша; соборная церковь выстроена по плану великой церкви Киево-Печерской Лавры, трехпрестольная, зимняя – тоже трехпрестольная; постройки все по мере возможности мать Игуменья возобновляет; местоположение очень хорошее, за монастырской оградой лес монастырский, а с другой стороны река. Жизнь здесь во всем относительно продовольствия привольная, свежая рыба баснословно дешева; климат тоже очень хорош. Все эти условия жизненные также весьма приятны для меня, неимеющей собственных средств к жизни, а привыкшей жить прилично и с удобством. – Слава Господу Богу, не оставляющему меня нигде и никогда!

Ваше Высокопреосвященство оказали мне столько участия в последний мой проезд через Харьков, что, веря несомненно в отеческое расположение Ваше, я осмелилась утрудить Вас этим моим письмом. Вы, Владыко, получили рукоположение от нашего Святителя Филарета, Вы относились к нему с сыновним доверием и благоговением, и видя Вас я много утешалась воспоминаниями о прошедшем. Да, счастливы мы, что Господь

привел нас знать близко и пользоваться отеческими милостями великого иерарха церкви нашей; верую, и теперь он не оставит нас молитвами своими. Эта мысль утешала и ободряла меня во дни гонения, утешаюсь и теперь при воспоминании о прошедшем.

Простите, Владыко Святый, и благословите меня грешную, глубоко преданную и благодарную Вам».

9-го числа получил я письмо из Новочеркасска от бывшего у меня незадолго перед тем земляка, Инспектора народных училищ Области войска Донского, Александра Лукича Крылова¹¹⁷⁴. Вот что он писал мне от 5-го числа:

«Чем могу я отблагодарить Вас за те поистине приятные минуты, которые я провел у Вас в дорогой и всегда памятной для меня беседе, конечно, почти дословно у меня записанной? Ведь всё, что я прилагаю при сем¹¹⁷⁵, только капля, крупица, в сравнении с тем, чем Вы меня одарили. Я пока занят чтением «Воспоминаний»¹¹⁷⁶. Начавши читать вчера, т. е., только что приехавши в город, я уже дошел до 108-й стр., читаю, и не могу оторваться. В наш избалованный многочтением и многоскнижием век, когда притупленный вкус редко по сердцу находит книгу, это великое достоинство книги, что её не хочется оставить; оставишь по необходимости, но я думаю, что мне не будет грустно и скучно, потому что у меня есть прелестная книга. Таково впечатление от книги «Воспоминаний». Читаю я много. Но, ей, давно не испытывал того благодушия, кроткого и тихого влияния, которым запечатлена вся книга. Она же дает много сведений и о жизни Вашего Преосвященства. При чтении её, я переносусь в родной Муром, вспоминаю и целый ряд других лиц; люблюсь мысленно священными древностями Москвы и Троицко-Сергиевой Лавры, – словом, переживаю много прежних, хороших минут. А разве это не много?

Смею доложить Вам, что одно из приятных воспоминаний из Харьковских впечатлений оставила во мне беседа с Вашим Преосвященством. Ей, я не ожидал такого приема, и, признаюсь, не заслужил. Постараюсь заслужить, чем и как могу, если только это возможно в моем скромном положении.

2-го января я был у Его Превосходительства¹¹⁷⁷. Принял ласково; говорил об университете, справился о здоровье Вашего Преосвященства, спросил меня, говорил ли я о предложении, которое он сделал мне? А предложение Его Превосходительства таково. Министерство просит г. Попечителя рекомендовать ему лиц, которые могли бы составлять книжки (брошюры) для народного чтения с целью укрепления в народе православной веры, доброй нравственности и преданности престолу и отечеству. Г. Попечитель предлагает мне, не угодно ли мне удостоиться этой чести? Я скромно доложил Его Превосходительству, что приношу на его благоусмотрение свои малые труды, и доказываю ему, что это 20-я только доля того, что я писал и печатал по этнографии, археологии (местной, донской)¹¹⁷⁸ и т. д., и как будто я могу считать себя правоспособным на эту работу. – «А какое вознаграждение за труд Ваш положите?» – «Я, Ваше Пр-во, человек довольно бескорыстный; о вознаграждении и не смею думать». – «Вас не обидят. Печатать будут тоже на казенный счет». Всё это хорошо, прекрасно даже. Вдруг обратили внимание на такого скромного человека.

Примите уверение в искреннем к Вам почтении и преданности».

13-го числа писал я сам в Москву Помпею Николаевичу Батюшкову¹¹⁷⁹:

«Препровождая при сем к Вашему Превосходительству официальный ответ на два почтеннейших письма Ваши по предмету пересылки пожертвований в пользу Болгарских и Румелийских церквей, долгом поставляю принести Вам и достойнейшей супруге Вашей мое усерднейшее поздравление с наступившим новым годом. Верховный Владыка времен и лет да воздаст Вам временными и вечными благами за Ваше благочестивое усердие и попечение о благолепии православных храмов Божиих!

Если верно газетное известие о пожаловании Вам Православным Князем Сербии Орденом знаков Такова, то позвольте принести Вам с этою наградой сердечное поздравление.

Не знаю, получили ли Вы мою книгу о преосвященном архиепископе Леониде. Простите, что я не приложил при ней особого письма.

Повторяя Вашему Превосходительству мою душевную признательность за Ваши прежние ко мне милости, с глубоким уважением и преданностью имею честь быть»...

16-го ч. получено было мною второе уже письмо из Новочеркасска от Инспектора училищ А. Л. Крылова. Но это письмо было продолжением первого (от 5 числа). И вот что ещё писал мне добрый земляк от 10-го числа:

«Дорогую Вашу книгу «Воспоминаний» дочитал со слезами на глазах. Преосвященный Леонид в письмах Вашего Преосвященства и своих собственных выступает как живой. Он был поэт с прелестным сердцем; но не менее прелестно и то сердце, к которому обращены эти прелестные, поэтические, религиозные, возвышенные и одушевленные письма.

Прочитавши Вашу книгу, Милостивый Архипастырь, я пожалел что дочитал, не оставивши хоть немного для чтения вечером. Этакое благодущие вселяет книга. Так бы и хотелось подражать и Преосв. Леониду и Вашему Преосвященству. «Дух бодр, плоть же немощна».

Примите, Милостивый Архипастырь, мою усердную и сердечную благодарность за то наслаждение, которое я испытал при чтении Вашего Преосвященства».

После сего я не мог не отозваться на такие задушевные письма любезному земляку, и вот что писал я ему от 18-го числа:

«Получив два письма Ваши, спешу отозваться на них хотя в коротких словах.

Очень рад, что имел удовольствие познакомиться с таким добрым и любезным земляком, как Вы. Радушие, с каким я встретил и принял Вас на первый раз, не изменится, если Вы будете посещать меня чаще и чаще.

Усердно благодарю Вас за доставленные мне брошюры. Ваше Воспоминание о Преосвящ. Никаноре прочитал я с удовольствием. А читали ли Вы его поучение о Премудрости, сказанное в Уфимской Семинарии и напечатанное в двух

номерах (3 и 4) Цер.-Общ. Вестника за текущий год? Признаюсь, поучение с церковной кафедры в 12-ть газетных столбцов мелкой печати, как бы оно ни было велемудро и поучительно, не может не утомить какого бы то ни было слушателя, выслушавшего уже и выстоявшего на ногах продолжительную архиерейскую литургию, и притом, быть может, в тесной и душной церкви, каковы большей частью наши церкви домовые. Это, по-моему, не сообразительно и не практично.

С нового года я начал повествование, о котором Вы имеете уже некоторое понятие, с начала, т. е. с детства, и написал уже листов десять. Когда опять приедете в Харьков, услышите эту повесть. Но об этом до времени прошу не разглашать. Я просил бы Вас преждевременно не оглашать и того, что Вы из моих с Вами устных бесед занесли в свой дневник.

Призывая на Вас и на ваши литературно-педагогические труды Божие благословение, с душевным к Вам благорасположением остаюсь»...

20-го ч. писал я в Уфу законоучителю Гимназии, свящ. Е. Н. Соловьеву:

«Благодарю Вас за приветствие меня со днем ангела, с праздниками Рождества Христова и новым годом. Взаимно и Вас поздравляю с новым летом благодати Господней.

Радуюсь о добром к Вам расположении Преосвящ. Никанора. На сих днях я прочитал в Цер.-Общ. Вестнике (№№ 3–4) поучение Его Преосвященства, сказанное в Семинарской Церкви. Желал бы я знать, какое впечатление произвело на слушателей это пространное пастырское поучение? Напишите мне об этом искренно и откровенно.

Известно ли Вам, что у меня в Семинарии новый Ректор – Ваш сверстник и совоспитанник по академии? О. Протоиерей Разногорский мне сказывал, что он с Вами был в добрых товарищеских отношениях».

22-го числа посетил меня бывший профессор Сельского Хозяйства в Новороссийском Университете, Действ. Ст. Сов. Иван Иустинович Палимпсестов¹¹⁸⁰, уроженец Саратовской губернии, духовного происхождения, воспитанник Саратовской Семинарии, сверстник по образованию Преосвященному Гурию,

епископу Таврическому, с живым характером и свободным даром слова. Его имя известно в сельскохозяйственной литературе. Так, 1) им составлен и напечатан в 1855 г. в Одессе «Отчет о действиях Императорского Общества сельского хозяйства южной России в продолжении 25-летнего его существования»; 2) ему же принадлежит составление «Словаря сельско-хозяйственных растений», и пр. В последнее время И. И-ч живет в своем имении, близ Феодосии, в Крыму. В Харьков приехал он по своим семейным обстоятельствам.

От Преосвященного Гурия он передал мне поклон и при этом сообщил, что он ведет совершенно замкнутую жизнь и отличается характером скрытным. Когда в беседе между нами зашла речь о Синоде, он заметил, что и там у него есть товарищ по Семинарии и земляк Ив. Гр. Терсинский¹¹⁸¹, Управляющий Контролем при Св. Синоде. О последнем он передал мне следующий факт. Когда он, при свидании в СПб. с Терсинским, спросил его, как трудны его обязанности по службе, тот отвечал: «если бы все его занятия, в продолжении года, соединить вместе, то они легко могли бы быть исполнены в 24 часа». Поистине великие и тяжкие труды! И за такие труды велико ли вознаграждение? Всего – 5000 р. при казенной квартире, генеральский чин и две-три звезды. Не обидно ли это?! Рассказывал также Палимпсестов, как Граф Д. А. Толстой, бывши в 1875 г. в Феодосии, и вошедши в алтарь собора, просил у настоятеля позволения, по праву Обер-Прокурора Св. Синода, приложиться к престолу и получил оное...

24-го ч. присылал ко мне богатый рыбный торговец Н. Ем. Сериков своего приказчика просить разрешения сопровождать на кладбище тело умершей его 15-тилетней дочери музыкой. Такая просьба со стороны малообразованного, хоть и весьма богатого, купца крайне удивила меня. Я отклонил эту просьбу и не дал совета забавлять сопровождавших тело умершей музыкой.

25-го ч. явилась ко мне Харьковская купеческая вдова (фамилии не помню) и представила письмо, писанное на греческом языке, прося перевести его на русский язык. При этом она объяснила мне, что её сын, обучаясь в Чугуевском

юнкерском училище, познакомился там с пленным турецким офицером, и увлеченный им, бежал в августе 1878 г. в Константинополь. Огорченная таким поступком легкомысленного сына мать обратилась, по чьему-то совету, к Константинопольскому Патриарху с просьбой оказать содействие к возвращению её сына в родительский дом. Святейший Патриарх не отверг просьбы несчастной вдовы, повелел своему архидакону принять меры к разысканию её сына и о последствиях розысков её уведомить. И вот что писал вдовице почтенный архидакон от 20 Ноября 1878 г.:

«Милостивая Государыня!

Уединенный от других, испытывая скорбь душевную при мысли о трагическом и поражающем сердце случае бегства и заблуждения сына Вашего, Ивана Никифорова, я, по приказанию Его Всесвятейшества Патриарха, спешу дать Вам ответ на письмо ваше от 6/18 Октября.

Известились мы, Милостивая Государыня, что сын ваш ушел с возвратившимся назад оттоманом Али в Константинополь в надежде на хорошее будущее и что, вследствие того, что он мог прийти в сообщение с христианами, он был отослан, как оказывается, под строгим надзором на Оттоманскую морскую службу на броненосце, где он и пробыл несколько времени в ожидании. Впоследствии он переселен в Константинополь, где, по внушению и убеждению своего близкого друга, совращен по несчастью и принял ислам.

Усердное ходатайство Патриарха осталось бессильным как в том, чтобы произвести действие пред здешними властями, так и в том, чтобы открыть следы этого, а затем и при самом положении Патриарха ему ничего не оставалось такого, чтобы он благовременно мог сделать, что только можно сделать при подобных обстоятельствах, для спасения и возвращения по несчастью впавшего в заблуждение сына вашего.

Сообщая об этом к сведению вашему, я выражаю при этом, с одной стороны чрезмерную нравственную тугу, которую ощутило бы всякое христианское сердце при этом трагическом известии, а с другой стороны извещаю вас об этом

конфиденциально, чтобы вы позаботились походатайствовать о дальнейшем чрез здешнее Царское русское Посольство.

За сим еще Выражая вам сердечную скорбь, которую я испытываю при воспоминании об этом событии, остаюсь Весь к услугам Архидиакон Герман Михайлов.

P.S. В эту минуту я известился, что сын ваш услан отсюда в военную службу».

27-го ч. имел я честь получить письмо из Твери от высокопреосвященного архиепископа Евсевия¹¹⁸². Его Высокопреосвященство писал мне от 24-го числа:

„Преосвященнейший Владыко
Милостивейший Архипастырь
Возлюбленный о Господе брат!

Приношу Вам, Милостивейший Архипастырь, искреннейшую мою благодарность за присланные книги и молю Бога, да укрепит Ваши силы для новых трудов, полезных и благопотребных для нашей Православной Церкви и любезного Отечества.

И ещё священным долгом считаю принести Вашему Преосвященству мою глубокую благодарность за Ваше Начальническое благорасположение и отеческое попечение к моим родным, коих, как Вам известно, у меня в Харькове немало.

За сим прошу Ваших Святительских молитв и продолжения Вашего доброго расположения ко мне и моим присным, с истинным к Вам почитанием и братскою о Христе любовью и преданностию имею честь быть»...

Посылая мне это послание, воображал ли благодушный архипастырь, что через три месяца я буду его преемником на Тверской кафедре?..

28 числа писал я Настоятелю Пощанской Пустыни, архимандриту Моисею¹¹⁸³:

«Вы гневаетесь, без сомнения, на меня за то, что я долго не отвечаю на ваши письма: простите. А я сержусь на Вас за то, что не исполнили своего обещания посетить меня.

Вы думали ехать прошедшим летом в Киев, и не собрались. А я не думавши долго, ни гадавши, съездил туда в Сентябре

поклониться святым и повидаться с новым Владыкою и с старыми друзьями-земляками. У Вас есть ли в Киеве кто-нибудь теперь из старых знакомых?

Видел я в академии присланных Вами в дар музею идолов; был в Семинарии, где Вы воспитывались; неделю жил в Михайловском монастыре, где и Вы, некогда, с Владыкою Иеремиєю вероятно пребывали.

Если Вы давно не были в Киеве, то, пожалуй, и не узнаете его: так он расширился и благоукрасился.

Обещанные Вами, в случае личного свидания, сведения о вашей обители, но оставшиеся при Вас, Вам следовало бы изложить в своем последнем письме.

Признаюсь Вам, я не люблю получать короткие и бессодержательные письма; не люблю и сам писать кратко, если только позволяют мне служебные дела».

29-го ч. писал я в Москву Протоиерею С. И. Зернову:

«Благодарю за Ваши поздравления.

Да дарует Всеблагий Господь и Вам пройти мирно и безмятежно наступившее поприще нового лета!..

О современном состоянии нашего общества и гражданского и церковного прискорбно и говорить. Либерализм, социализм, нигилизм проникают во все слои нашего общества.

М. в своей статье о Юрьевском архимандрите Фотии (Вестн. Евр. 1878 г., ноябрь и декабрь) издевается над сим последним и называет его фанатиком, но, право, мне кажется, не худо было бы, если бы и в наш, мнимопросвещенный век, явился кто-либо в роде Фотия, с такою же силою духа и с такою же ревностью о защите Церкви и православия.

Забота Москов. Епарх. Начальства о снабжении сельских причтов церковными или общественными постройками весьма похвальна, но спешить приведением в исполнение проекта относительно сокращения причтов и соединения приходов, по моему мнению, едва ли следует. В Харьковской епархии проект этот осуществлен ещё в 1873 г.; но Вы не можете представить, сколько он произвел и до сих пор производит волнения в епархии. Крестьяне, у коих закрыли церкви, их собственным иждивением сооруженные и заставили их ходить в чужую

церковь верст за пять – за десять, ропщут, и некоторые угрожают даже отпадением в раскол; между духовенством возбуждена зависть и вражда, особенно если Настоятель, хотя и старше своего помощника по службе, ниже его по образованию. Сверхштатные, до сих пор не все ещё размещенные по штатным местам, и пользующиеся прежними выгодами в ущерб штатных членов причта, служат предметом ненависти и гонения со стороны последних. И вот при сем какие бывают ужасные случаи. В одной из соседних с Харьковскою епархией, не далее как в минувшем году, один сельский священник, не зная, как выжить от себя лишнего, сверхштатного, причетника, решился посягнуть на его жизнь. Об этом производится уголовное дело в одном из здешних окружных судов. У меня не проходит почти дня, чтоб не было жалоб или от прихожан на отнятие у них причта; или от духовенства на взаимные между собой недоразумения. Вот какая-нибудь деревня перечислена из одного прихода в другой, но крестьяне не хотят обращаться с своими требами к новому причту и, по привычке, идут к прежнему, а этот не отказывает в удовлетворении их просьб, по корыстным, разумеется, побуждениям; вот и повод к жалобе. И этим жалобам нет конца.

А где мы будем брать впоследствии кандидатов священства? У меня в минувшем году из 43-х учеников V-специального класса 24 ушли в Университет. Правда, на год или на два у меня есть ещё запас в сверхштатных священниках, а затем что будет? На Кавказе, в Ставропольской епархии, давно уже истощился запас кандидатов, окончивших курс Семинарии; Преосвященный набирает себе священников в соседних епархиях из неокончивших курс диаконов. Из моей епархии отправились туда до 15-ти, если не более, диаконов и облечены саном священства. В Черниговской епархии, как мне сказывали, до 70-ти или более священнических вакансий, и замещать их некем. По необходимости, должны будем возвратиться к блаженным временам XV–XVI столетия».

1 Февраля из Церковного Вестника (№5) я узнал, что 26-го Января скончался в СПб. Член Св. Синода, архиепископ

Василий (Лужинский), мой предшественник по Полоцкой кафедре. Мир его душе¹¹⁸⁴.

4 ч. получено было мною письмо из села Мосолова от Е. И. Богаевской, писанное от 17-го января. Вот содержание этого запоздалого письма:

«Вчера возвратилась из Москвы от дорогой моей больной матери; сегодня беру перо, чтобы умолять Ваше Преосвященство о прощении за мелко, неразборчиво исписанные листы, утрудившие глаза Ваши и, вероятно, расстроившие нервы, потрясенные трудами и заботами. Жизнь моя, как Вы видите из моих Записок, полна резких перемен и не стоит внимания, но некоторые случаи могут интересовать, как рисующие великие тайные черты милосердия, снисхождения Архиепископа Ярославского Леонида и других усопших Святителей. Простите же, Преосвященнейший, великодушно меня недостойную.

Была в Ярославле на могиле святого Владыки, часа три провела у него в холодном Соборе, но на душе было тепло, легко; лампадка теплится, будто его святая душа; в храме ни души; упросила сторожа запереть меня, пока исполнит, что ему нужно, и получила просимое. Спаси его Господи! Скоро быстро пролетели часы. Святитель отдыхает, осененный знаменами побед; образ Благовещения Б. Матери, образ Св. Николая и св. великие Князья как бы ограждают останки его от мирских тревог и злобы дня. Хорошо, гостеприимно принял меня хозяин трехаршинной полосы земли. «О чем тоскуешь?» – «Вот всё, что нужно на земле». Не ушла бы я оттуда, да не моя воля. Владыко Святый! свезла ему и Ваш поклон и Ваш дружеский привет. Образ драгоценной Озерянской Б. Матери положила на гроб его и приняла от него.

Сказать ли Вам, Святейший Владыко, как грустно у нас в селе; вот муж мой больной, хилый; одно утешение служба в храме; понятно, что и болезнь будто слабеет, слыша общие моления, да и душе легко, но закрыли наш приход, закрыли наш каменный и далеко не бедный храм Успения Б. Матери; храм исторический, выстроенный на жертвованные деньги зараженных чумой. Крестьяне должны идти за 5–7 верст. У нас

служба в две недели раз, священник за пять верст, больных много, треб немало, – каково же и священнику, каково и приходу? Великие праздники близко, а мы не знаем, будет ли служба или нет. Пусто и грустно в праздничные дни, с призывом православных на молитву, слышать разгульные песни, шум празднующих в месте недобром и далеко не честном. Жаль народ, жаль нас помещиков, которых тут пять семейств. Бывают заказные обеды и довольно часто, но никак не упросим духовенство давать нам знать, а мы ближайшие соседи храма – менее версты наш дом, как же не трудно другим? Отовсюду жалобы и слезы, да и правду сказать ропот и недобрые советы. Как же быть? У нас в доме бывают часто всенощные, приходят из ближней деревни крестьяне, а дальние остаются без утрени и обеды. Грустно, а уж как больно, что из-за небольшого прибытка одному человеку губят нравственность и чистоту предковских заветов. Добрый пастырь был обеспечен, да кто бы отказал разделить кусок последний с ним? Недобрый же и при полном довольстве сыт не будет; это, кажется, не ошибочное мнение. За что же лишили нас храма? Кому наскучило знать, что в селах одна радость – церковь, одно утешение – церковь, одно прибежище в скорби – церковь? Грустно, до невероятия тяжело.

В Москве волнуются, слыша только о закрытии приходов, не дай же Бог испытать это горе и злейшим врагам!

Простите, Владыко Святой, открытую, прямую речь, но не мешает своевременно предупредить какими путями вкореняется раскол. В Тульской губернии процветает секта молокан, и вожаки начинают посещать наши места – цель понятна: овцы без пастыря одна за другой вслушиваются в льстивые, лукавые речи, и беспоповский толк пускает глубокие корни. Храни Бог и защити нас Царица небесная!

Владыко Святой! не мне грешной и худшей всего мира объяснять постановления духовных властей, но и мое жесткое сердце страдает; ведь в храм звались не одни праведники, но и труждающиеся и обремененные грехами, пороками и невзгодами жизни; мое то место тут и было».

Вот что писано было мною в ответ на это письмо от 27-го февраля:

«Возвращаю Вам при сем прочитанные и перечитанные мною письма почившего в Бозе Преосвященного Леониды. Подлинно, они должны составлять для Вас неоцененное духовное сокровище, которое естественно Вам хранить и беречь.

Что скажу Вам относительно ваших автобиографических записок? Вы требуете, чтоб я предал их огню, но мне жаль истреблять их целиком. В них так много жизненной правды, и такие заключаются интересные сведения о ваших отношениях к великим иерархам Церкви, что мне хотелось бы пощадить их. Не позволите ли мне, изгладив некоторые, наиболее резкие и выдающиеся места, прочее сохранить, для назидания грядущим поколениям? Буду ожидать вашего милостивого решения.

Усердно благодарю Вас за то, что не забыли и от меня сотворить поклонение пред могилою моего приснопамятного Друга.

Досылаемую при сем просфору прошу принять от меня, как знамение молитвенного о Вас воспоминания.

P.S. Искренне разделяю вашу скорбь о закрытии вашего прихода».

5-го ч. писал я в Киев Профессору Д. Академии, В. Ф. Певницкому, в ответ на его письмо от 29-го дек. 1878 г.:

«Простите, что долго не отвечал на ваше любезное письмо от 29-го декабря. Если ещё не поздно, прошу принять и от меня усердное поздравление с наступившим новым годом, с искренним желанием Вам и семейству вашему доброго и многолетнего здравия.

История с Шульгиным достойна примечания. Церковь едва не лишила его христианского погребения, а мир сопровождает его в загробную жизнь с всевозможными почестями. Не знамение ли это времени? Преосвященному Иоанну делает великую честь его мужество, но жаль, что он не выдержал его до конца. Хороши и отцы *кольценосные*¹¹⁸⁵ иереи!»...

8-го ч. получил я письмо от Настоятеля Площанской Пустыни, архимандрита Моисея. Он писал мне от 4-го числа, в

ответ на мое письмо от 28 января:

«Письмо Ваше от 28-го Января получил 2-го февраля. Вы пишете, что сердитесь на меня за то, что я не исполнил своего обещания посетить Вас, – в этом простите. Отдаленность пустыни моей от железной дороги, летние полевые работы, производящиеся под непосредственным распоряжением Настоятеля, и другие занятия по хозяйственным частям, ремонтировка монастырских зданий, непрестанное пребывание за монастырскими службами, коих в сутки 6-ть, как-то: вечерня, правило до 7-ми часов, с 7 часов до часа ночи отдых, с часа утрени до 4 1/2 пополудни – это в простые дни, а в праздничные, воскресные и в двенадцатые, после утреннего отдыха, в 6-ть часов акафист Б. Матери, после – ранняя, в 8 1/2 поздняя – не дали мне и подумать отлучиться из обители. Теперь, узнавши причины, удержавшие меня, не только не посердитесь на меня, а пожалеете меня. В Киеве был я в 1858 году при переезде из Тифлиса в Смоленск на Ректуру и полагаю, если бы пришлось побывать там, не узнал бы его, но едва ли когда-либо я побываю в Киеве из Площанской Пустыни, так она приковала меня к себе. Очень приятно, что Вы видели присланных мною в дар музею идолов и побывали в Семинарии той, в которой я воспитывался, и пожили в Михайловском, в котором и я жил несколько лет у Преосвященного Иеремии; из Михайловского с ним из Киева выехали на Кавказ.

Теперь слово о моей пустыни, о которой Вы желаете получить от меня сведения. Богородицкая Площанская пустынь находится от города Орла в 116 верстах, а от железной дороги на Карачев 90 верст, а от Дмитровска-Севска в 45 верст, а от железной дороги на Курск в 150 верстах. Она не заключает в себе ни огромных зданий, ни великих богатств, не поражает посетителя и дикостью или особенным величием природы; в ней всё просто, скромно и привлекательно этою скромною простотой своей. Удаленная от всякого жилого места, окруженная со всех сторон лесами, пустынь вполне соответствует характеру уединенной иноческой жизни. В пустыни, в настоящее время, 24 иеромонаха, 12 иеродиаконов, 27 монахов, 27 послушников определенных, да половину

неопределенных, есть скотный двор, лошадей 50, рогатого скота – дойных коров 25, а всего рогатого скота 150 штук завода Черкасского; скот – здоровый, рослый. Своя пашня, свой огород, три мельницы, свой сенокос, две пасеки с сотней ульев.

Поздравляю с концом четырехлетия и началом пятилетия вступления Вашего на Харьковскую кафедру».

С 9-го на 10-е число, в пятницу сырной недели, совершилось в Харькове потрясающее событие – злодейское покушение на жизнь начальника губернии, Князя Дмитрия Николаевича Кропоткина.

Вот как описано это событие в Харьковских Губернских Ведомостях (№ 39, 13-го февраля):

«В этот день, т. е. 9-го числа, Его Сиятельство в 11 ч. вечера возвращался домой с детского бала из института благородных девиц. В его карете было открыто окно с левой стороны. Экипаж приближался уже к дому, оставалось только проехать пространство около Вознесенского сквера, как вдруг кто-то с левой стороны ехавшего экипажа выстрелил в открытое окно кареты; пуля попала в левое плечо его сиятельства, раздробила ключицу и засела, по-видимому, в позвоночном столбе.

На другой день, утром, по всему городу разнеслась эта печальная весть. Харьковское общество всех слоев спешило в дом его сиятельства, чтобы выразить свои искренние чувства соболезнования к несчастью, постигшему его сиятельство и, можно прибавить, весь город. Комнаты больного не переставали наполняться в течение всего дня; соболезнование было общее: все хотели видеть страдальца, лично выразить ему сочувствие и одолевающее всех полное омерзение к гнусности злодеяния; но состояние больного было таково, что к нему, по совету медиков, не допускался никто».

С ужасом узнав, на другой день, об этом страшном событии, я поспешил в дом пораженного пулею страдальца, но не мог видеть его. Тут однако ж с утешением узнал, что Князь Дмитрий Николаевич едва лишь внесен был в дом, как, прежде всякой врачебной помощи, потребовал к себе духовника и после исповеди причастился св. Таин. Вот свидетельство о

благих плодах доброго семейного воспитания, какое получил страдалец – князь в своем детстве.

Страдания Князя продолжались до 15-го числа. В этот день, в 7-м часу утра, он скончался на 44 году жизни (род. в 1836 г.) 17-го ч., в субботу, в 3 часа пополудни, был вынос тела из дома в Кафедральный Собор со всеми подобающими почестями. В этот же день прислана была в канцелярию губернаторскую, а ночью расклеена была по городским столбам, от гнусной социально-революционной партии прокламация, под заглавием: «Казнь князя Кропоткина». В прокламации этой князь обвинялся в жестоком будто бы обращении с арестантами Новоборисоглебской каторжной тюрьмы, в неверном донесении о студенческой истории 14-го декабря 1878 г. и проч...

18-го ч., в воскресенье 1-й недели великого поста, совершено было после литургии в кафедральном соборе торжественное отпевание над телом почившего в Бозе Князя. При этом произнесено было, по моему поручению, назидательное слово Профессором Богословия в Харьковском Университете, Протоиереем В. И. Добротворским, духовником умершего Князя¹¹⁸⁶. После отпевания в соборе гроб с телом Князя перенесен был в Покровский монастырь, и поставлен в папертях нижней церкви, где и оставался до первых чисел Марта, а затем перевезен был в Москву, где и похоронен был в Новодевичьем монастыре 8-го Марта. После литургии, совершенной Преосвященным Амвросием, епископом Дмитровским, пред преданием тела земле произнесено было преосвященным замечательное слово, на текст: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк.12:49)¹¹⁸⁷.

Не скоро могли разведать, кто был виновником убийства Князя Д. Н. Кропоткина. Наконец раскрыто было, что убийцею Князя был сын Киевского 2-й гильдии купца, еврей Григорий Гольденберг, в соучастии с дворянином Волынской губ. Лудвигом Александр, Кобылянским¹¹⁸⁸.

Возвратимся назад.

На другой день после горестного события с Князем Д. Н. Кропоткиным, т. е. 10-го февраля получено было мною

конфиденциальное письмо его от 4-го числа за № 190, следующего содержания:

«В № 141 газеты «Телеграф» за прошлый год помещена статья, в которой сообщается о неблагоприятном действии, какое оказывает на нравственное состояние арестантов пребывание в Новоборисоглебской каторжной тюрьме, и сведения об этом извлечены из статей бывшего священника при Новоборисоглебской каторжной тюрьме Александра Анисимова, находящегося ныне на приходе в г. Изюме, помещенных первоначально в *Харьковских Епархиальных Ведомостях*, а затем в журнале Странник (в Ноябре минувшего года).

Господин Управляющий Министерством Внутренних Дел нашел, что подобные сообщения в печати представляются не соответствующими цели во всех отношениях, и потому нельзя не желать, чтобы такие корреспонденции не были сообщаемы священником Анисимовым.

О таковом мнении Г. Управляющего Министерством считаю долгом сообщить Вашему Преосвященству на тот конец, не признаете ли необходимым внушить священнику Анисимову, чтобы он впредь воздержался от печатания статей, касающихся Новоборисоглебской каторжной тюрьмы, в которой он состоял настоятелем.

Поручая себя Архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть»...

Вслед затем, по сему же предмету, получено было мною конфиденциальное также письмо от 20-го марта, за № 300, от преемника Князя Кропоткина, свиты Его Величества Генерал-Майора, Виктора Вильгельмовича Фон-Валя, в котором он писал мне:

«Г. Министр Внутренних Дел письмом от 13-го сего Марта за № 2149 уведомил меня, что в № 61 газеты «Русские Ведомости» помещена корреспонденция из Харькова, в которой между прочим приведена проповедь священника местной Центральной Каторжной Тюрьмы.

В этой проповеди, напечатанной будто бы в местных епархиальных ведомостях, в самой положительной форме, как

выражается корреспондент, сообщается следующий факт: «из всего населения Каторжной Тюрьмы, состоящего из 500 человек, в течении только четырех месяцев прошлого года умерло 200 человек от цинги».

Вследствие сего Его Высокопревосходительство просит меня сообщить подробные сведения о числе умерших в упомянутых двух тюрьмах за 1878 год с указанием от каких болезней последовали смертные случаи, присовокупив вместе с тем сведения о том, кто именно из священников сообщил эти сведения.

Сообщая об этом имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство не отказать сообщить мне, кто из священников говорил подобную речь и была ли она напечатана в Епархиальных Ведомостях, в каком случае просил бы прислать мне этот №.

Поручая себя Архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорным слугою» и пр.

На это отвечал я от 24-го того же Марта за № 18:

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Конфиденциальным письмом от 20-го текущего Марта за № 300 Ваше Превосходительство просите сообщить Вам, кто из священников местных центральных каторжных тюрем говорил проповедь, в которой будто бы сообщается следующий факт: из всего населения Каторжной Тюрьмы состоящего из 500 человек, в течении только четырех месяцев *прошлого года*, умерло 200 человек от цинги.

На это долгом поставляю ответствовать Вашему Превосходительству следующее:

1) Говорил ли кто из священников двух центральных каторжных Тюрем Харьковской губернии Новоборисоглебской и Ново-Белгородской в прошедшем 1878 г. проповедь, в которой бы сообщался приведенный выше факт о смертности заключенных в той или другой тюрьме, мне неизвестно.

2) Между тем, мне известна статья (а не проповедь) священника Соборной о. Изюма церкви Александра Анисимова,

под заглавием: «Наказанный и помилованный грешник», в которой, между прочим, действительно встречаются слова: «в этой (т. е. Ново-Борисоглебской) тюрьме за четыре только месяца умерло от цинги 200 душ». Но –

3) Принимая в рассуждение, что статья эта первоначально напечатана была (без моего ведома) в № 51 Одесского Воскресного листка за 1877 г. и затем, по просьбе автора, перепечатана в № 17 Харьковских Епархиальных Ведомостей 1878 г., и что священник Анисимов состоял настоятелем при церкви Ново-Борисоглебской Центральной Тюремы с 24 июля 1869 г. по 28-е Октября 1870 г., как видно из клировой ведомости о соборном изюмском причте, нельзя не видеть, что означенный факт никак не может относиться к минувшему 1878 году; но он относится, очевидно, к 1870 году, когда в помянутой Ново-Борисоглебской тюрьме, как усматривается из представленной мне справки из Архива Харьковской Д. Консистории, умерло, не считая иноверцев, 190 душ христиан, в том числе 122 – от цинготной болезни. Что же касается до 1878 г., то, по той же справке, в этом году умерло в той же Ново-Борисоглебской Тюреме только 54 души, в том числе 40 душ от цинготной болезни.

Препровождая при сем означенные № № Одесского Воскресного листка и Харьковских Епархиальных Ведомостей, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть»...

10-го же февраля получено было мною письмо от П. Н. Батюшкова, который писал мне от 6-го числа:

«Надеюсь, что Ваше Преосвященство изволили своевременно получить пожертвованные дочерью Ивана Ив. Четверикова, вдовою Ек. Ив. Стахеевой, потир и крест, предназначенные ею для бедствующих церквей Болгарии и, что, как этот дар, так и вещи, собранные Вами по Епархии, отправлены к месту назначения.

Прилагая при сем вырезку из сегодняшнего № Московских Ведомостей (письма г. Дринова), указывающую ближайшие пункты для отправки утварных вещей и книг в Болгарию, думаю, что указание это будет для Вас не бесполезно.

На случай получения Вашим Преосвященством из Москвы письма или писем от лиц, которые завидуют Вашему религиозному – патриотическому настроению и действию, – о чем до меня доходят смутные слухи, – прошу Вас, Владыко, не смущаться. Святое дело, которое Вы предприняли, по собственному вчинанию, будет всегда святее и выше дела, начатого по внешней инициативе, и по получении от Вас извещения, что вещи отправлены, я почту обязанностью и долгом довести о том что Вы изволили сделать до сведения Г. Обер-Прокурора Св. Синода, при просьбе повергнуть то, что Вами сделано, к стопам Освободителя Болгар».

В тот же день я отвечал на это письмо:

«Спешу известить Вас, что посланные Вами вещи получены мною с почты чрез несколько дней по получении вашего почтенного письма от 20-го января и что они вместе с собранными у нас вещами уложены и приготовлены к отсылке, но Начальство железной дороги ещё не приняло их по причине множества груза, потому и медлил писать Вам. Как скоро будут сданы вещи, я поспешу обстоятельно уведомить о том Ваше Превосходительство.

Указаниями приложенной при Вашем письме вырезки из Москов. Вед. мы постараемся воспользоваться.

Если Вашему Превосходительству угодно будет довести до сведения Г. Обер-Прокурора Св. Синода о наших пожертвованиях, то я покорнейше прошу обратить при сем внимание на труды моего Кафедрального Ключаря Протоиерея С. Илларионова. Он и принимал, и записывал, и разбирал, и закупоривал доставляемые пожертвования и распоряжается их отправкой. Ему отчасти помогал во всем этом другой Протоиерей того же собора П. Дахневский».

12-го ч. от того же П. Н. Батюшкова получаю телеграмму следующего содержания:

«Убедительнейше прошу телеграфировать возможно подробно о состоянии здоровья Князя Дмитрия Николаевича. Получили ли заказное?»

Тотчас же я отвечал на это телеграмму:

«Вчера состояние здоровья Князя было довольно удовлетворительно; сегодня хуже. Ответ на Ваше письмо послан вчера».

Вслед затем от 15-го числа я снова телеграфировал П. Нчу:

«Сегодня, в седьмом часу утра, скончался Князь Дмитрий Николаевич Кропоткин».

Получив эту телеграмму Помпей Николаевич в тот же день писал мне:

«Почтеннейшее письмо Вашего Преосвященства, от 10-го числа, и печальную телеграмму сегодняшнего числа, о кончине Князя Дм. Ник. Кропоткина, я имел честь получить сейчас.

Предполагая съездить на следующей неделе в Петербург, я почту долгом лично доложить г. Обер-Прокурору Св. Синода о пожертвованиях сделанных вашею епархией и о трудах Протоиереев Илларионова и Дахневского, по делу приема и отправки пожертвований на Болгарские церкви, а по возвращении в Москву почту долгом довести до Вашего Архипастырского сведения о результате моего представления.

Трагическая кончина Князя Дмитрия Николаевича производит здесь сильное впечатление. Толков множество. Познакомился я с ним ещё во время служения нашего в Западном крае и сблизился, года три тому назад, за границей, в Содене, куда Князь ездил лечить свою слабую грудь. С самого начала нашего знакомства и до последнего времени, я уважал в нем русскую струну, которую не могла порвать среда ей враждебная и в которой ему суждено было жить. Сердечно жаль его. Если Ваше Преосвященство найдете возможным, почтою, или по оказии, уведомить меня об настоящем мотиве его убийства, Вы многим меня обяжете. Что-то не верится личной мести, и как-то мысль относится к другим мотивам. Всё, что Вы мне скажете, умрет между нами.

Пользуясь случаем прошу Вас, Преосвященнейший Владыко, верить чувствам преданности и уважения».

В ответ на это писал я от 22-го числа:

«На Ваш вопрос относительно мотива убийства нашего Князя могу с уверенностью сказать, что оно не следствие

личной мести, а дело известной злой партии. 17-го числа, в день выноса из дома тела убиенного князя, в его канцелярию прислан был пакет за № с печатною прокламацией, которая озаглавлена: «Казнь Князя Кропоткина». В прокламации этой, обращенной к русскому обществу, покойный обвиняется в жестоком будто бы обращении с арестантами, заключенными в тюрьмах, в неверном изложении последней студенческой истории в здешнем Университете, и пр.

Вот всё, что я могу объяснить по настоящему предмету Вашему Превосходительству.

18-го ч. с подобающими почестями мы совершили отпевание над телом Кн. Д. Н.».

17-го ч. мною получено было два письма.

От 11 числа писала мне, сестра покойного Преосвященного Леонида, Е. В. Ушакова:

«Едва прошло два года после кончины незабвенного Владыки нашего, как Господу было угодно потребовать от нас новой жертвы. Страдания сестры моей Олимпиады Васильевны прекратились вместе с жизнью. Она была всегда подвержена нервным болезням, а получив ужасное известие о внезапной кончине Владыки, она почувствовала такую боль в ногах, которая лишила её возможности ходить. Мы постоянно питали надежду, что болезнь уменьшится и силы возвратятся; она же думала только о переселении в вечность; три раза причащалась и в день кончины соборовалась, хотя никаких смертных признаков не было. Она скончалась в 10-ть часов вечера 31-го января, в тихом сне. Брат, сестра и врач сидели возле её постели и долго боялись до неё дотронуться, боясь испугать. Я простилась с ней часу в шестом, а рано утром спешила ехать к ней – узнать, как она провела ночь, и едва отворились двери как глаза мои увидели её безгласную, бездыханную, убранный любящими нежными руками сестры и окруженную растениями, ею самую выращенными от маленьких веточек. И болезнь, и кончина, и погребение – всё было окружено такою любовью, такими заботами и попечениями, что никакой богач не купил бы их своими миллионами. В большой, белой, освещенной зале, сестра моя лежала, украшенная душистыми цветами, как будто

готовясь к торжеству, с улыбкой на сомкнутых устах и ничем не напоминая смерти. Помолитесь за неё в Ваших святых молитвах и также за нас».

На скорбное послание это отвечал я от 20-го числа:

«С того дня, как я получил сведение о кончине Вашей многострадальной сестрицы, я стал присоединять в своих молитвах её имя к именам почивших Ваших присных.

Нужно ли скорбеть о том, что сестрица ваша, после долговременного и многострадального подвига, почила мирным сном смерти и тихо переселилась туда, где нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий? Да будет ей вечная память и упокоение со святыми!

Как Вы здравствуете и здравствуют ли Ваши родные? Давно от них не имею сведений.

А мы здесь находимся под самыми тяжелыми впечатлениями вследствие прискорбного события, совершившегося на сих днях пред нашими очами. Я разумею трагическую кончину нашего Губернатора. Тяжкие времена переживаем мы. И мало видится надежды на перемену к лучшему».

От 14 числа Ректор Московской Д. Академии Протоиерей С. К. Смирнов писал:

«Слышу, что Вы сетуете на меня за мое молчание. Ради дней прощения прошу простить мою вину, никак не мог я справиться с моим временем, чтоб исправить все благопотребное. История Академии печатается и постом должна появиться в свет, а я ещё дописываю последнюю главу, и посылаю за нужными для меня справками то туда, то сюда. Итак простите.

Новый священник Вашей епархии Буткевич в письме ко мне выражает желание получить академическую степень и для сего прибыть к Маю на экзамен в академию. Сочинение у него готово. Совет со своей стороны не находит препятствий допустить его до экзамена на 3-м курсе, потому что он по болезни оставил на время академию. Окажите ему милость, даровав временный отпуск из епархии.

Об издании Творений Св. Отцов с 1880 года послали в Св. Синод. Кроме Св. Епифания думаем ещё переводить Св. Кирилла Александрийского.

Устав Братства Пр. Сергия ещё не приходит из Петербурга, но благотворители уже напрашиваются, а некоторые уже благотворят».

В ответ на это писал я от 27-го числа:

«Вам неточно передано, будто я сетую на Вас; не сетовал я, а недоумевал о том, получено ли Вами мое письмо; или, м. б., Вы, получивши это письмо, писали мне, но я не получил Вашего ответа, как это раз уже и было. Теперь вижу, что и мое письмо достигло ваших рук, и Ваш ответ в моих руках.

Сердечно радуюсь окончанию вашего многолетнего труда и поздравляю Вас от души. С нетерпением жду от Вас экземпляра вашего нового произведения.

Если священник Буткевич будет просить себе отпуска для известной цели, получит его беспрепятственно. О нем имею я пока добрые вести: только слышу, что его здоровье не очень прочно. Если он получит ученую академическую степень, я буду душевно рад и буду иметь его ввиду для Харькова. На сих днях скончался у меня один из Харьковских протоиереев Член Консистории (Иак. Голяховский); если бы о. Буткевич имел уже ученую степень, он мог бы занять это место».

24-го числа скончался Член Консистории, Настоятель градской Крестовоздвиженской церкви, протоиерей Иаков Михайлович Голяховский, на 79 году от рождения. 27-го числа совершено было отпевание над телом почившего старца.¹¹⁸⁹

27-го ч. вечером посетил я сетующую вдовицу, Княгиню Ольгу Александровну Кропоткину. Она, между прочим, рассказывала мне, что покойный муж её, незадолго до своей трагической кончины, секретно доносил Министру Внутренних Дел о состоянии Харьковской губернии и в частности о городе Харькове; но это донесение через несколько дней появилось уже в революционной газете: «Земля и воля». Тут же слышал я о том, что Министр народного просвещения Граф Д. А. Толстой нередко получает от социалистов благодарственные письма за

доставление им, через исключение воспитанников из учебных заведений, обильного контингента деятелей.

5-го Марта писал я в Витебск А. П. Ушаковой:

«Мы пережили тяжелые дни. Неожиданная и трагическая кончина Кн. Кропоткина поразила всех нас ужасом, но при этом мы утешены были его христианскими предсмертными чувствами. Пораженный вражескою пулею, он прежде всего призвал духовника и освятил себя таинствами исповеди и причащения, а затем, накануне смерти, принял и таинство елеосвящения. Вот, что значит получить в детстве доброе, христианское воспитание: оно никогда не погибнет бесследно. Благочестивая старушка мать, жившая зиму у сына, была свидетельницею его страдальчески-христианской кончины.

Супруга умершего Князя (урожденная Графиня Борх) – молодая женщина, лет 30-ти с чем-нибудь, воспитана также в добрых религиозно-нравственных правилах, и потому, как ни тяжело её испытание, переносит его с христианским терпением и смирением. У ней осталось на руках двое детей: девочка лет 9-ти и мальчик 6-ти лет, и третье дитя, говорят, во чреве. Материальное, состояние её весьма обеспечено: кроме недвижимого имения у ней, как слышно, имеется до 300,000 руб. денежного капитала.

Почившему Князю при погребении, кроме обычных военных почестей, возданы всевозможные почести и церковные. Пока тело его оставалось в доме, мы с преосвященным викарием ежедневно, утром и вечером, по очереди совершали соборные панихиды. Вынос тела из дома я совершал сам; процессия эта продолжалась около двух часов. Отпевание в соборе совершали вдвоем с викарием, при участии всего градского духовенства.

Тело умершего Князя до сих пор оставалось в склепе при моем монастыре; завтра предположено перенести оное на станцию железной дороги, для отправления в Москву и погребения в Новодевичьем монастыре, где похоронен его отец.

Отношения наши с покойным Князем были, по возможности, мирные и добрые. Но достоинство людей мы оцениваем большею частью тогда когда их теряем, по

латинскому изречению: Nil nisi bonum omisum. – Не знаю, заменит ли для меня Князя Кропоткина – новый Губернатор Фон- Валь – немец, лютеранин и молодой холостяк; все – качества, для меня не возжеленные.

На днях возвратился из ПБ. Командующий войсками Минквиц с Генерал-губернаторскими полномочиями: это для нас успокоительно. В его руках более средств к укрощению дерзких мятежников, притом он человек с твердым характером».

12-го ч. получено было мною отношение Императорского Одесского Общества Истории и Древностей, от 9-го числа, за № 187, следующего содержания:

«С 13-го на 14-е число минувшего февраля, ночью, через запущенный городскою Думою соседний Музею Общества сад, неизвестные грабители, проломав под окном Музея стену, вытащили шкаф с монетами Эллинскими и Восточными золотыми, серебряными и медными и унесли монеты в количестве свыше 5000.

Потеря трудно вознаграждаемая! – преимущественно местная коллекция монет Золотоордынских крымских ханов серебряных и медных, а также Генуэзско-татарских.

Зная теплое сочувствие Ваше к Обществу и его коллекциям, оное уповает, что Вы, Милостивый Государь, приложите старание Ваше на приобретение Золотоордынских, Крымско-татарских и Генуэзско-татарских монет, чтобы малопомалу восполнить заграбленное в Музее. При благосклонном содействии Вашем, есть надежда, что по времени, коллекция и прочих пропавших монет также восстановится.

Признаки главные монет Крымских ханов суть тамги:
, а Генуэзских , Золотоордынских .

Всякое приношение Ваше, Милостивый государь, также и приглашенных Вами сторонних лиц Обществом будет принято с признательностью, и имена дарителей будут объявляться в газетах».

12-го ч. скончался Преосвященный Евсевий, архиепископ Тверской и Кашинский.

16-го числа получил я письмо из Сергиева Посада; писал мне, от 8-го числа, Ректор Московской дух. академии,

протоиерей С. К. Смирнов:

«Посылаю письмо с новым нашим кандидатом Любимовым Александром, уроженцем Московской епархии, назначенным на должность помощника Инспектора Харьковской Семинарии. Примите его благовольтельно: он человек, могущий оправдать добрую о нем рекомемдацию.

Вчера, в Москве я виделся с обоими викариями, из которых один (преосв. Амвросий) нынешний день совершает погребение Князя Кропоткина и скажет замечательное слово¹¹⁹⁰, которое он произнес мне наизусть. Оно, без сомнения, будет в печати, и Вы с наслаждением его прочитаете. Надо признаться, что он великий оратор. Обер-Прокурор прислал ему весьма лестное письмо за проповедь 19-го февраля¹¹⁹¹ и, между прочим, пишет, что он распорядился напечатанием её отдельными оттисками и разошлет их по всем учебным заведениям министерства народного просвещения.

В цензуру представлен новый том сочинений Митрополита Филарета, состоящий из писем его к родным¹¹⁹². Переписка начинается со времени его ученичества в Троицкой Семинарии. Она весьма любопытна и составляет превосходный, ещё неизвестный в печати, материал для биографии святителя.

Живущий в Харькове, наш давний питомец, И. В. Платонов¹¹⁹³ в письме ко мне выражает желание получить от нашей академии степень магистра Богословия. Как Вы находите сие желание?

Улеглись ли беспокойства в Харьковском Университете? Думаю, что много перечувствовали скорби по поводу этих беспорядков и Вы, хотя, по милости Божией, зараза не проникла в Семинарскую молодежь.

Желаю Вам радостно встретить праздник Воскресения Христова».

На письмо это отвечал я от 27-го числа:

«Рекомендованного Вами кандидата Любимова я принял, как доброго земляка. Но вот какая беда: Москвичи как волки; как их ни корми, как ни ласкай, а они всё к лесу смотрят. Я ласкал Тихомирова, своего однофамильца, а он хвост показал, хотя Харьков привязал было его к себе даже узами гименея.

Об ораторских достоинствах Преосвящ. Амвросия и говорить нечего: великий мастер. Но, если и его красноречивое слово не трогает ожесточенных злодеев, то чего ожидать от других? Лютые времена переживаем мы!..

О каком Платонове, намеревающемся искать степени магистра, пишете Вы? Я не знаю его.

С новыми полномочиями Командующего войсками здешнего военного округа и с прибытием нового начальника губернии, молодого и энергичного немца, у нас пока мирно и тихо; но надолго ли, неизвестно.

В нашей Семинарии, во всё время моего пребывания здесь, не было, по милости Божией, никаких особенных происшествий. В епархии же не без грехов.

Принося Вам и семейству Вашему усердное поздравление с приближающимся великим и светлым праздником Христова воскресения, с душевным почтением и преданностью имею честь быть».

17-го ч. получил я из Владимира от Преосвященного Иакова телеграмму следующего содержания:

«Преосвященный Иустин¹¹⁹⁴ в полночь на 17-е Марта мирно скончался; отпеваем 19-го; положим в Рождественском (монастыре)».

25-го ч. – день Благовещения Пресвятые Богородицы и вместе неделя ваий. Вечером в этот день приходит ко мне неожиданно староста Кафедрального Собора, купец Павел Ив. Рыжов¹¹⁹⁵ и с сильным душевным волнением передает мне о тяжком соблазне, причиненном ему и всем прихожанам за раннюю литургией Протоиереем Николаем Павловым. Павлов¹¹⁹⁶, по его словам, и утреню в этот день и раннюю литургию совершал в нетрезвом виде, и за литургией, на великом входе, пролил из чаши на пол несколько капель вина. Протоиерей Павлов магистр, преклонных уже лет, и в такие великие праздники совершает в кафедральном соборе богослужение в нетрезвом виде: поистине великий и тяжкий соблазн!.. Эта неожиданная весть не дала мне во всю ночь спокойно заснуть. Призвавши на другой день утром настоятеля

собора, Протоиерея А. Кустова, я дал ему предписание следующего содержания:

«До сведения моего дошло, что Протоиерей Кафедрального Собора Николай Павлов, 25-го сего Марта, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, совершал утреню и божественную литургию в нетрезвом виде и что на великом входе литургии из св. чаши пролил на пол часть вина.

Посему предписывается Вам, О. Протоиерею, взять по сему от Протоиерея Павлова объяснение и оное немедленно представить».

Так как Протоиерей Павлов не признался в своей виновности, то мною назначено было формальное исследование о его состоянии при совершении богослужения в 25-й день Марта, с устранением его от священнослужения впредь до усмотрения. Производство исследования поручено было Инспектору епархиального женского училища, священнику Оникевичу.

27-го ч. получено было мною от Обер-Прокурора Св. Синода, Графа Д. А. Толстого, секретное отношение от 21-го числа за № 55, в котором изложено следующее:

«В Январе текущего года получена мною докладная записка на мое имя, подписанная священником Харьковской епархии, Купянского уезда, слободы Покровска, Покровской церкви Иоанном Стефановым, в которой он изъясняет свои воззрения на состояние современного общества и излагает свои мысли о существующих отношениях между церковью и государством и между белым духовенством и паствою, находя их ненормальными и считая их главною причиною увлечения современного общества социально-демократическими тенденциями.

Препровождая означенную записку к Вашему Преосвященству, долгом поставляю покорнейше просить Вас, Милостивый Государь и Архипастырь, почтить меня, с возвращением приложения, сообщением Вашего отзыва о личности священника Стефанова, а также и о том, действительно ли он есть автор вышеупомянутой записки.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть».

Вследствие сего, на другой же день мною предписано было священнику Стефанову немедленно прислать мне по почте его поучения за последние два года, дабы можно было видеть из них направление его мыслей, и затем, в удобное время, явиться ко мне для личного объяснения по настоящему делу.

Священник Стефанов, получив это предписание, представил мне от 14-го апреля следующее объяснение:

«Вследствие высокоуважаемого предписания Вашего Высокопреосвященства от 28-го Марта сего года за № 21 ко мне последовавшего, а полученного мною 10-го апреля, имею честь при сем представить пять своих поучений, почтительнейше докладывая Вашему Преосвященству, что я вообще чувствую себя неспособным к писанию проповедей по правилам богословской науки, как по случаю своей головной боли, от которой я постоянно страдаю, как это всем моим знакомым и прихожанам известно, более десяти лет, так и по неимению к тому свободного и покойного времени, так как для обеспечения своих детей я вынужден употреблять себя на хозяйственные занятия (двух сыновей своих я задался мыслию сделать земледельцами – фермерами). Сверх того, все мои более или менее серьезные труды по проповедничеству истреблены пожаром, происшедшим от умышленного поджога 1878 года Июня 19-го дня, от которого сгорел дотла мой хутор, а с ним и полсостояния моего, в котором я, уединяясь, получал некоторую возможность заниматься умственными трудами. Но чтобы представить Вашему Высокопреосвященству доказательство того, что я всегда был носителем сознания своего долга пред св. церковью и сердечно желал быть неленостным деятелем в вертограде Христовом, осмеливаюсь всенижайше представить при сем на милостивейшее воззрение Вашего Высокопреосвященства, как бы в восполнение своих скудных и слабых поучений, копию с докладной записки, поданной мною сего 1879 г. Января 10-го Господину Обер-Прокурору Св. Синода, из которой можно видеть, как много лежит неодолимых препятствий на том пути приходского

священника, которым он обязан идти к достижению своих целей и как мало пригоден существующий порядок для осуществления высокой задачи православного русского пастырства.

Что же касается явки для личного объяснения по некоторому важному делу, считаю священнейшею обязанностью, при первой возможности, явиться в Харьков, если только не последует особого распоряжения Нашего Высокопреосвященства в виду тех обстоятельств, какие я повергаю на благоусмотрение Ваше в особом от сего письме».

А в письме этом изъяснено:

«Хотя я, на далекой низменности стоящий, и не имею права беспокоить особу Вашего Высокопреосвященства частным письмом, но, в виду, безвыходности своего положения, решаюсь на эту крайнюю меру, опираясь на свое убеждение, что у Вашего архипастырского сердца достанет милосердия и сострадания к своему подчиненному на столько, чтобы такой поступок не осудить, а оправдать и извинить. Позвольте же, всемилостивейший Архипастырь, всенижайше просить отменить вызов меня в Харьков, как весьма стеснительный для меня и обременительный для моего кармана, оставшегося после пожара пустым, и заменить его потребованием от меня объяснения на бумаге. Текущая запоздалая весна потребовала у меня всех лошадей в поле в бороны, а по окончании этой работы, они окажутся вовсе негодными к гоньбе вдаль, так как, по неурожайному и бедственному году, лошади лишены надлежащего корма. Надеюсь, что такая сельская безыскусственная откровенность моя примется Вами за знак моей глубокой уверенности в Вашем милосердии и готовности по возможности облегчить участь своих подчиненных. Жду решения и милостивого и снисходительного к себе».

Получив объяснение священника Стефанова, я писал г. Обер-Прокурору от 21-го апреля за № 19-м, в ответ на его секретное отношение:

«Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Секретным отношением Вашего Сиятельства от 21-го Марта текущего года за № 55, при коем препровождена ко мне

докладная записка на имя Вашего Сиятельства, подписанная священником Харьковской епархии, Купянского уезда, слободы Покровска, Покровской церкви Иоанном Стефановым, – требуется от меня отзыв о личности священника Стефанова, а также и о том, действительно ли он есть автор вышеупомянутой записки.

Получив означенное отношение 27-го того же Марта, я предписал 28-го числа священнику Стефанову, чтобы он явился ко мне для личного объяснения по делу, о сущности которого я умолчал.

Священник Стефанов, не являясь ко мне лично по причине домашних обстоятельств, но вероятно догадываясь о деле, по которому я его требую, прислал ко мне при письменном объяснении от 14-го сего апреля копию докладной записки, препровожденной к Вашему Сиятельству.

Из сего можно усмотреть, что эта последняя записка действительно принадлежит Священнику Стефанову и что он есть автор её.

Что же касается личности священника Стефанова, долгом поставляю сообщить Вашему Сиятельству, что он, Стефанов, по окончании курса в Харьковской Семинарии в 1843 году с званием студента, в августе 1844 г. рукоположен был во священника и, в продолжении свыше тридцатилетнего служения во священническом сане, неоднократно был удостоен за честную и усердную службу Высочайших наград; последняя награда – орден Св. Анны 3-й степени получена была им в 1874 г. По клировой ведомости за 1878 год местным благочинным аттестован: «весьма способен, поведения отлично хорошего».

При сем возвращается докладная записка священника Стефанова».

Какой был результат всей этой переписки, неизвестно.

29-го ч. Великий Четверток. Я служил в Кафедральном Соборе литургию и совершал по чину обряд Умовения ног. После службы пришли ко мне из Собора Кафедральный Ключарь, Протоиерей Симеон Илларионов и Градский Благочинный, Протоиерей Иоанн Чижевский; вслед за ними явились староста Воскресенской церкви купец Велитченко и

Настоятель той же церкви, Протоиерей Гавриил Федоровский¹¹⁹⁷, для приглашения меня на служение в их церкви в Светлый понедельник, по случаю храмового праздника. Подали в гостиную чай. Вдруг докладывают мне, что меня желает видеть Смотритель Ахтырского дух. училища Преображенский¹¹⁹⁸. Я велел позвать его в гостиную. Входит, и, не принявши ещё от меня благословения, громогласно произносит: «Чсть имею поздравить Ваше Преосвященство с новым назначением»... «Куда» – спрашиваю я с недоумением? «На Тверскую епархию»... Как громом все мы были поражены этим неожиданным известием; особенное смущение заметил я на лице о. Ключаря, как человека, наиболее всех мне преданного. «Откуда – спрашиваю я злого вестника, – получили вы это известие?» «Из Петербурга – отвечает, – от письмоводителя протопресвитера В. Б. Бажанова». Недолго продолжалась, под таким тяжелым впечатлением, наша беседа. Все молча, с грустным настроением мыслей, разошлись от меня. В тот же день роковая весть эта распространилась, разумеется, по всему городу. Все дивились столь неожиданному перемещению моему и не знали, чему приписать это.

Чтобы убедиться, справедлива ли и в какой мере справедлива весть о моем новом назначении, я поручил своему племяннику, П. И. Успенскому спросить об этом телеграммой моего верного комиссионера и честного исполнителя моих поручений бывшего профессора Витебской Семинарии И. Гр. Слиборского, постоянного, в последнее время, обитателя Петербурга и довольно близкого, по своим дружеским связям, к синодальному чиновничьему миру.

Но проходит день, и два, и три – ответа на телеграмму нет; это ещё более усиливало мое недоумение и душевную тревогу.

Между тем приближался светлый праздник Пасхи. Не трудно вообразить, с какими смутными и тревожными мыслями и чувствами я должен был встретить этот всерадостный христианский праздник...

Накануне праздника, 31-го числа, получена была мною из Москвы от Преосвященного Можайского Алексия телеграмма следующего прискорбного содержания:

«Преосвященнейший Митрополит Иннокентий скончался ныне в два часа сорок пять минут пополуночи».

1 Апреля – день Пасхи. Утренняя, по обыкновению, совершена была мною в Кафедральном Соборе, а литургия в Покровской монастырской церкви. После литургии, в продолжении всего утра, было, по обычаю, множество поздравителей, но между ними, вопреки обычаю, не оказалось моего ближайшего сотрудника, преосвященного Викария. Он еще на 6-й неделе Поста отправился в свой Куряжский монастырь и до половины светлой недели оттуда не возвращался.

В тот же день получено было мною, с разных сторон, несколько поздравительных телеграмм.

2-го ч. получено было мною 10-ть писем преимущественно, разумеется, приветственного содержания. Вот некоторые из них.

От 28-го Марта писал мне из Владимира Преосвященный Иаков:

«Христос воскрес!»

Поздравляю Вас с праздником праздников и желаю Вам вечно радоваться радостью о Господе.

Нового Владыку¹¹⁹⁹ у нас встретили с радостью. Наружность его не очень представительна: худощавый, с плешью, здоровья небогатого, он в то же время живой, владеет даром слова, говорит быстро, так что не найдешь минуты вставить свое слово, поучения говорит без тетрадки, не заглянув ни разу в рукопись, как бы слово ни было велико, деятельный. Пробыв 23 дня во Владимире, он служил 9 раз и говорил 5 или 6 поучений, успел осмотреть и церкви и все хозяйственные принадлежности, был в Консистории, в Попечительстве, освидетельствовал два монастыря – Успенский и Боголюбов, побывал в нескольких городских церквях и в одной сельской, много бумаг вышло из его рук; все судебные дела прибрал к своим рукам, от меня по каждому требует мнения; очень внимательно рассматривает все дела, дает новые формы для производства их; вводит Благочиннические советы, отменяет окружных благочинных. Энергичный, нередко раздражается, но бодр, набожен, осторожен в слове; из Питера пишет такие новости, которые мы

знаем из газет. Лет ему только 49. Карточки его не имею. И своей карточки не могу прислать Вам. Сбираюсь сняться.

В Питер взял Владыка 3 иеромонахов, 2 иеродиаконов, 1 протодиакона, 6 человек певчих, при нем келейник и Секретарь. Из иеромонахов двое из Боголюбова, прочие монахи архиерейского Дома.

Хор наш состоит из 28 человек. Певчие, кроме архиерейского дома, поют в Соборе и в Знаменской церкви, получают за то от Собора 500 р., а от приходской церкви 1,000. Преосвященный на будущее время думает прекратить этот порядок, жалея мальчиков. На содержание прибавит им от Дома.

19-го числа мы схоронили Владыку Иустина. Старец под конец очень тяготился жизнью. Пред смертью благодарил меня за любовь к нему и назвал меня своим другом. По смерти, по его завещанию, получил я панагию, ему поднесенную гражданами в 1863 г., когда он уходил на покой. Сам ни разу не надевал ее. Умер 82 л.

Архиепископ Казанский¹²⁰⁰ тяжело болен; с 4-й недели Великого Поста в постели. Не знают, встанет ли? Может быть в постель сложил его грубый ректор Сем. Бережковский. Архиерея знать не хотел, с журналами не являлся к архиерею, никогда не представлялся и к себе не принимал под предлогом болезни. Извольте возиться с таким упрямцем. В газетке умалчивают о характере и поведении ректора. Надо архиерея унижить.

Довольно на сей раз. Пора правило читать».

От 29-го Марта писала мне из села Мосолова Е. И. Богаевская:

«Сегодня, в день незабвенной вечери, Господь призрел на нас, услышал и исполнил моление наше, преложил печаль мою и семейства моего на радость, по слову Царя Пророка: вечер – водворися плачь, завтра – радость. Щедрым, Царским воздаянием воздал Он нам за возложенную на Него печаль нашу. Разумеется, Владыко Святой, Вашему молитвенному воспоминанию обязаны мы, Вашему сердечному вздоху пред престолом благодати и любви должны мы полной признательностью и благодарностью.

Сегодня мы – трое приобщались святых христовых Таин, сегодня наш закрытый храм получил самостоятельность, и вновь прихожане Успенской церкви будут постоянно приносить свои молитвы праздничными днями, сегодня и в семействе нашем дела изменились к лучшему. Вот сколько радостей в день, когда Радость наша ужасается, страждет и готовится вознестись на крест. Сумею ли описать Вашему Преосвященству чувства, движущие душу мою к небесному Ходатаю. Нет, примите, прошу Вас, простой рассказ мой, красноречия не имею, а от изобилия сердца подвинулась душа выразить Вам нашу радость.

Возвратясь из церкви, мы застали у себя гостя, Львова, которого я знала не менее 20 лет назад и которого с тех пор ни разу не видала. Он слышал, что Мосолово будет продаваться и приехал взглянуть, чтобы купить себе. Сжалось сердце мое; неприветливо встретила гостя и невольно слезы явились – незванные и непрошенные. Смутился Леонид Николаевич и, отложив в сторону светские приличия, с дружеским участием отнесся к нашему нежеланию расстаться с благословенным нашим приютом и вместо ожидаемой купли, узнав, что банк не ждет, тотчас предложил 300 р. и пени внести за январь. Владыко Святой! сегодня же деньги отправлены и мы успокоились до июля месяца. Добрый гость наш уехал в ночь, будто приезжал он затем, чтобы вынуть деньги и тем сделать нам праздник – беззаботным о горестях земных. О, велика милость Божия, неизреченны Его благодеяния и всемогущество! Чем же воздам Господу моему? Чашу спасения прииму и имя Господне призову. О, как счастлива была бы, как счастлива, если бы теперь же могла излить душу мою в Харькове, если бы увидела бы Вас, святой, милостивый Архипастырь! С какою радостью бросила бы житейские заботы и была бы там, куда давно тянет сердце.

Простите, Святейший Владыко, что первая мысль писать Вам исполняется тотчас делом, но ведь не лжет сердце мое, оно убеждено, что печаль, радость всегда найдут живой, чистый отголосок в любвеобильной архипастырской душе Вашего Преосвященства. Однако же злая мысль смущает голову мою;

вот что вертится в ней. По какому праву и по чьей воле так назойливо, дерзко тревожить Харьковского Владыку, какие данные имеешь утруждать чтением твоих писем того, чей час – минута и день исполнены забот и трудов? Если раз им выраженное желание прочесть письма приснопамятного друга¹²⁰¹ и брата, подвигнуло сердце его писать тебе, то не естественно ли, что память о возлюбленном и из гроба свята, верна и тверда? Исполнила ты желание... далее умолчи. Так ли, Святейший Архипастырь, так ли говорит мой лжеименный разум? Нет. Быть не может, чтобы не привлекли сердца Святого Владыки сугубые раны грешной и больной души? Нет. Солнце, места нечистые проходя лучом своей ясности и света, не оскверняется, а иссушает грязь, уничтожает грязь и просвещает темноту, блещет же своим собственным светом на небесной высоте; везде, везде оно – царь природы, живет, веселит своим появлением; не так ли Дар Духа Святого исполняет тишиной, радостью, благодатным утешением тех, кто, хотя весь грязь и нечистота, идет к иерарху, исполненному сугубой благодати, никогда не оскудевающей, идет хотя на мгновение позаимствовать освежительной чистоты, и от яркого светильника горящего воспользоваться лучом веры и твердости духа в тревожных состояниях превратностей земных? Не может умалить источника воды чаша влаги, почерпнутая из него, не может осквернить быстро текущей воды струя гнилой жидкости.

Простите же, Преосвященнейший святой Владыко, мое неразумие; не помяните моих беззаконий и в час молитвы, вспомняте в эти великие дни праздничные имя грешной слуги Вашего Преосвященства.

Примите наше общее поздравление с торжественными праздниками; да продлит милосердный Господь на долгое и долгое время Вашу жизнь, здоровье и силу на утешение паствы Вашего Преосвященства. С глубочайшими чувствами благодарности, признательности и почтения остаюсь».

Особенный интерес имело для меня письмо из СПб. от И. Г. Слиборского, которому, как выше было сказано, послана была телеграмма. Вот что писал мне почтенный И. Г-ч от 30-го Марта:

«Сознаюсь, что плохой я у Вас комиссионер! Вас хотят перевести в Тверь, а я даже не знаю об этом, не знал бы и до сих пор, если бы не телеграмма Петра Ивановича¹²⁰². Некоторое извинение нахожу в том, что суждение о перемещении Вашем было в последнее заседание в Синоде пред Страстной, т. е. 22 Марта. Подобные суждения не вдруг делаются известными, и я случайно только узнал о переводе Вашем. Как дело это ещё не решенное, мне не позволено сообщать Вам об этом телеграммой. Если бы Высочайшее соизволение последовало завтра, на что очень мало вероятия, – то завтра же поздравлю Ваше Преосвященство с предстоящим новосельем, в противном случае буду следить за этим делом. Преемником Вашим называют Преосвященного Острожского¹²⁰³, но это ещё сомнительно.

Простите, Владыка! Слышу благовест к вечерне. У плащаницы помолюсь, чтобы это известие усугубило Вашу радость по поводу светлого праздника».

На другой же день, 3-го числа, поспешил я ответить на это письмо, и вот что писал:

«Не получая до сих пор обещанной Вами телеграммы, я думаю: о, если бы её и вовсе не было! Не можете представить, как неприятно поразила меня весть о перемещении меня на Тверскую кафедру; а эту горькую весть получил я в Великий Четверг от Смотрителя Ахтырского училища, которому писали-де из Канцелярии о. протопресвитера Бажанова.

Вы думаете, что решительные вести о моем назначении на Тверскую епархию усугубят мою праздничную радость; напротив омрачат. Рассудите сами почтеннейший Ив. Гр., что мне принесет Тверь нового, кроме новых трудов, забот и, может быть, огорчений? И легко ли притом мне перебираться с моею Вам известною библиотекою, которая должна быть для Вас памятна по тем мозолям на руках, которые Вы получили, помогая Петру И-чу¹²⁰⁴, при разборке оной.

Если назначение в Тверь предстоит мне, как наказание за какие-либо опущения по настоящей моей службе, то я, конечно, должен принять оное безропотно. Но если мне велят видеть в этом награду, то я нелегко могу в сем убедиться.

Но во всяком случае просил бы я Вас покорнейше разведать пообстоятельнее, какими побудительными причинами руководствовался Св. Синод при назначении меня на Тверскую кафедру, и о том немедленно меня известить».

3-го ч. получено мною письмо из Москвы от Вл. А. Симанского, который от 31 Марта писал мне:

«Поздравляю Вас, добрейший и многоуважаемый Владыко, с наступающим великим праздником Воскресения Христова.

Сегодня в великую субботу постигла паству Московскую великая утрата; как Вы изволите уже, конечно, знать, сегодня в 2 часа 45 минут пополудни скончался маститый Архипастырь Московский, высокопреосвященный Митрополит Иннокентий; он был болен недолго, но страдал много; у него была водяная в груди; во вторник на страстной неделе совершено было над ним таинство елеосвящения, в великий Четверг он приобщался святых тайн. Оба Преосвященных Викария вчера находились безотлучно на Троицком подворье; также долго сидел у постели Владыки наш глубокоуважаемый Начальник столицы Кн. Долгоруков.

Да, угас ещё один из верных ревнителей церкви православной! не одну тысячу лиц соделал он сынами её, великую награду стяжал у престола Всевышнего этот поистине достойный уважения проповедник слова Божия.

14-го Апреля у нас в Москве готовится большое торжество: будет праздноваться юбилей 50-летней службы Московского Генерал-Губернатора. К сему дню готовится масса разных стипендий, подарков и т. п. Кроме того ему собирались дать по подписке обед в зале благородного собрания, но он отказался, прося все деньги, собранные по подписке, отдать в пользу бедных. Вы, Преосвященнейший Владыко, изволите несколько знать Князя Долгорукова, а потому, вероятно, присоедините к нам – Москвичам и ваши благожелания ему на этот день. Хотя Князь и любим весьма многими, но тем не менее социал-демократы и им почему-то недовольны; Кн. Долгоруков также получил анонимное угрожающее письмо, с наставлением как должен он поступать, чтобы не возбудить гнева русских революционеров.

Какое прекрасное слово в день погребения тела Кн. Кропоткина сказал Преосвященный Дмитровский Амвросий против социалистов. Дай Бог, чтобы побольше и почаще в разных концах России громили этих истинных врагов и церкви и отечества нашего!

До свидания, достоуважаемый Владыко, помяните меня в своих святых молитвах и благословите заочно всю семью нашу».

4-го ч. получено было мною два письма – одно из Костромы, другое из Вильны.

Из Костромы от 30-го Марта писал мне Преосвященный Игнатий:

«Христос воскрес!»

Радость Воскресения Христова, да осветит все попечения Вашего Преосвященства о благе Вашей епархии, да оградит все входы и исходы.

Преемник¹²⁰⁵ нашего Великого Рукоположителя¹²⁰⁶, имеющий от рождения 82-е лето, как сообщают мне, теперь пред вратами вечности. Присоединилась ещё водяная, и подступает к груди. Захарьин¹²⁰⁷ сказал: «очень плох Владыка». В начале страстной седмицы совершенно елеосвящение; для успокоения дают Валериановы капли. Делали проколы на груди, чтобы дать течение воде. Не помогает!..

Ректору Академии¹²⁰⁸ на 5-й неделе сказал: «более не увидимся». Пожалеют о добром Владыке.

Слышали ли Вы, что речь Преосв. Амвросия на погребении Кропоткина понравилась Цесаревичу¹²⁰⁹. Владыка Новгородский¹²¹⁰ говорил в Св. Синоде, что её следовало бы напечатать и разослать по заведениям. Речь о воспитании 19-го февраля очень заинтересовала Графа¹²¹¹, и он хотел тоже распорядиться о напечатании. О Преосвящ. Алексии Можайском говорят, что он преуспевает в смирении, и привлекает всеобщее сочувствие. Преосвященный Исидор о нем отзывается, как очень умном человеке, способном с успехом рассматривать дела Консисторские. Кого-то Бог пошлет к ним взамен настоящего доброго маститого старца? Преосвящ. Алексей относился к нему, яко сын к отцу».

Из Вильны от того же 30-го числа писал Н. А. Сергиевский:

«Спешу предстать пред Вашим Преосвященством с радостным пасхальным приветствием: Христос воскрес! Прошу принять вместе с тем мое искреннейшее поздравление с светлым праздником Воскресения Христова и молитвенное желание Вам радости духа и крепости сил, для коих, думаю, немало испытаний в вашем небезмятежном граде.

Не посетуйте, Владыко, за краткость письма, и верьте глубоким моим чувствам к Вам».

Так как из письма И. Г. Слиборского узнал я, что дело о моем переводе на Тверскую кафедру окончательно ещё не решено, то я решился обратиться к старейшим членам Св. Синода, преосвященнейшим Митрополитам Новгородскому и Киевскому, с просьбою об оставлении меня на настоящем месте.

Вот что я писал от 4-го апреля Первенствующему Члену Св. Синода, Преосвященнейшему Митрополиту Исидору:

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь и Отец!

Почтительнейше приношу Вашему Высокопреосвященству сыновнее поздравление с светлым и торжественным праздником Христова воскресения. Молю Воскресшего Жизнодавца, да оживит и обновит Он Своею всесильною благодатию Ваши душевные и телесные силы к прохождению великого служения Вашего Святой Его церкви!

После того, как оставил я Полоцкую паству, я ни разу не беспокоил Ваше Высокопреосвященство никакими личными просьбами, а теперь решаюсь изъяснить пред Вами, Милостивейший Архипастырь, свою всепокорнейшую просьбу.

По г. Харькову распространился слух о перемещении меня на Тверскую епархию. В какой мере справедлив этот слух, я не знаю; но во всяком случае он произвел на меня тягостное впечатление.

Назначение на Харьковскую епархию я принял как высокую награду за мои восьмилетние, поистине, тяжкие труды по управлению Полоцкой епархией, и весьма дорожил и дорожу этою наградой. Здесь я ощутил после прежних скорбей и

огорчений значительное душевное успокоение и, в продолжении четырех лет, достаточно уже ознакомился с духом и настроением новой мне вверенной паствы; а при этом ознакомлении с паствою, дальнейшая моя деятельность естественно должна быть и для меня более легкою, и для паствы более плодотворною.

Правда и на настоящей моей кафедре, я не без борьбы должен был устанавливать некоторые порядки как по церковному богослужению, так и по делам епархиального управления; но эти порядки только тогда упрочатся, если продолжится здесь мое пребывание. В противном случае, мои труды окажутся напрасными.

С другой стороны, в случае моего перемещения на иную епархию, мне придется вновь знакомиться с паствою и снова вступать, может быть, в борьбу с беспорядками, или злоупотреблениями, а это, для меня, при моих немолодых летах (мне исполнилось уже 60 лет), будет весьма нелегко.

Высокопреосвященнейший Владыко! Если я, занимая более четырех лет Харьковскую кафедру, не оправдал доверия высшего Начальства, если моего удаления от Харьковской епархии требуют какие-либо особые виды Правительства, то я, без сомнения, должен безусловно подчиниться этому требованию. Если же мое перемещение на другую кафедру обуславливается не этими, а иными какими-либо соображениями, то я всепокорнейше просил бы Ваше Высокопреосвященство оказать мне милость, оставив меня на настоящей, мною занимаемой, кафедре. Тот, кто предполагается на мое место, без сомнения, не менее, если не более, меня достоин занять ту кафедру, какая предназначается для меня.

Поручая себя благословению и святым молитвам Вашего Высокопреосвященства, с глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностью имею честь быть»...

Вместе с сим писал я и Киевскому Владыке¹²¹²:

«Принося Вашему Высокопреосвященству всеусерднейшее поздравление с великим и священнейшим торжеством о преславном воскресении из гроба Божественного Искупителя,

молю Воскресшего Жизнодавца, да преисполнит Он духовною святою радостью Ваше архипастырское сердце!

Приемлю смелость вторично писать Вашему Высокопреосвященству, но на сей раз уже единственно о себе.

Дошел до меня слух о перемещении меня на Тверскую епархию. Не знаю, в какой мере справедлив этот слух, но он болезненно отозвался в моем сердце.

Едва лишь я начал знакомиться с вверенною мне Харьковскою паствою, едва лишь начал понимать её духовные нужды и предпринимать к удовлетворению их соответственные меры, как уже слышу верный или неверный, но тем не менее смущающий сердце слух о предназначении мне иной паствы, где мне будут предстоять новые труды, новые заботы и, быть может, немалые огорчения.

Высокопреосвященнейший Владыко! я столько уже испытал в своей жизни разных перемен и переворотов, что, наконец, хотелось бы где-нибудь и на чем-нибудь остановиться и успокоиться. Имея в виду немало примеров, что епархиальные архиереи остаются на своих епархиях по несколько десятилетий, желал бы и я оставаться, насколько можно, долее на настоящей своей пастве, если только мое желание непротивно каким-либо особым видам высшего Начальства.

Об этом я пишу вместе с сим и Высокопреосвященнейшему Митрополиту Исидору, прося у Его Высокопреосвященства милости не разлучать меня с Харьковскою паствою.

Убедительнейше прошу и Вас, Милостивейший Архипастырь, оказать Ваше милостивое содействие к удовлетворению моей всепокорнейшей просьбы.

Поручая себя Вашему архипастырскому благовниманию и святым молитвам, с глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностию имею честь быть».

Между тем, как Митрополит Киевский, по своей крайней осторожности, медлил своим ответом, Владыка Новгородский поспешил дать мне ответ, и вот что он писал мне от 7-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивый Архипастырь,
Воистину Христос воскрес!

Братским взаимным целованием приветствую Вас с пресветлым праздником Воскресения Христа Бога нашего, и молитвенно желаю, чтобы Воскресший Спаситель, обещавший ученикам пребыть с ними во вся дни до скончания века, соприсутствовал Вам во вся дни жизни, облегчая бремя служения Вашего и подкрепляя силы Ваши на многия лета во благо вверенной Вам паствы.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью честь имею быть

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою».

Эти слова написаны рукою писца; но далее на обороте листа сделана Его Высокопреосвященством собственноручная приписка следующего содержания:

«P.S. Всеподданнейший доклад Св. Синода о перемещении Вас в Тверь уже передан Обер-Прокурору для представления Его Величеству, и на днях, вероятно, уже утвержден, а потому невозможно изменить его.

Св. Синод избрал Вас во уважение достоинств и заслуг Ваших, и вместе желая почтить старейшую кафедру, на которой восседали Филарет¹²¹³, Григорий¹²¹⁴ и Филофей¹²¹⁵ Митрополиты. После этих администраторов, напрасно Вы опасаетесь встретить в Тверской епархии много беспорядков. Было в виду и то, что из Твери удобнее вызывать для присутствования в Св. Синоде, когда в том будет нужда. С упованием на Господа, идите, куда Промысл Божий указывает, и свою волю покоряйте в послушание Христово».

После сего ничего не оставалось более, как покориться в послушание Христово.

5-го ч. получил я письмо из Москвы от А. В. Симанского, который писал мне от 2-го числа:

«Мы сейчас вернулись с Троицкого подворья, где поклонялись праху усопшего Святителя Митрополита Иннокентия. Там же читали сами телеграмму сегодня полученную на имя викарного Епископа Амвросия от Митрополита Исидора, который дает знать, что Митрополит Макарий¹²¹⁶ прибудет в Москву 3-го апреля, для совершения погребения, но о времени самого погребения ещё неизвестно.

Видно из всего, что 1-го апреля архиепископ Макарий лично возведен в сан Митрополита, а теперь без сомнения будет уже и Московским. Митрополит, как сказывал вам сын его¹²¹⁷, был до последнего часа в полном сознании, благословил своего внука офицера с особым наставлением, чтобы всегда был офицером русским и верен принятой присяге. Прах Митрополита будет положен в той церкви, где покоится и великий наш святитель Митрополит Филарет, но только не против его могилы, а тотчас налево от дверей. Говорят, Митрополит Иннокентий прежде выражал желание, чтобы его похоронили на общем академическом кладбище, но потом убедился, что архиереев вне церкви не хоронят, и выразил согласие на погребение в церкви Филарета Милостивого, присовокупив притом, по своему смирению, что всякий скажет: «вот лежит мудрец, а вот – простец».

6-го числа имел я утешение получить приветственное послание и книжный дар от досточтимого Владыки Могилевского, преосвященнейшего Архиепископа Евсевия¹²¹⁸. Вот что он писал мне от 26-го марта:

«Прошу Вас принять мое братское приветствие с великим праздником светлого Христова воскресения.

Да дарует Вам Всеблагий Господь Спаситель в вожденной радости встретить и проводить сей праздник и ныне и всегда. А Христос Спаситель вчера и днесь той же и во веки. О Нем Спасителе нашем и Ваша радость да будет непрестающая и вечная!

Прошу принять с братскою любовью при сем посылаемую книжку с брошюрами из неё, почти только что полученную из Петербурга, по её перепечатании.

В Могилеве, по милости Божией, спокойно. Только архиерей Могилевский стареет и хиреет. Он усердно просит Ваших молитв пред Господом, да дарует ему Он, Всеблагий, с непоколебимою верою и надеждою окончить поприще земной жизни.

С истинным почтением и братскою о Господе любовью честь имею быть».

В ответ на это писал я от 20-го апреля:

«Приношу Вашему Высокопреосвященству всеусерднейшую благодарность за Ваше архипастырское благожелательное приветствие с светлым праздником Христова воскресения и за Ваш дорогой дар, свидетельствующий о Вашем милостивом ко мне внимании.

На приветствие могу отвечать взаимным приветствием, на благожелание – взаимным искреннейшим желанием Вашему Высокопреосвященству мира, здоровья и душевного радования о Господе, но чем воздам за Ваш книжный дар? После того, что мною было препровождено к Вашему Высокопреосвященству, я не имею пока никаких новых произведений моего ума.

До слуха Вашего Высокопреосвященства, быть может, дошло известие о новом предполагаемом для меня назначении на Тверскую епархию. Как ни почетно, по мнению иных, это назначение, но я предпочел бы остаться на настоящем своем месте. В четыре года я успел уже несколько ознакомиться с Харьковскою паствою, и потому дальнейшее пребывание здесь и для меня было бы спокойнее и для паствы плодотворнее. Сверх сего немало затрудняет меня при переходах с одного места на другое моя, довольно значительная, библиотека, заключающаяся более, нежели в 10,000 томах; оставлять же её на месте в чьих бы то ни было руках пока ещё не желательно.

Впрочем да будет надо мною воля Божия!»

7-го ч. получил я письмо из Москвы от А. Е. Викторова. Он писал мне от 5-го числа, в ответ на мое письмо от 5-го февраля:

«Преосвященнейший Владыко! приношу Вам искреннейшее поздравление с праздником Воскресения Христова и душевно желаю Вам всего доброго.

На страстной неделе я по обычаю ездил для говения к Троице. Виделся там и с Сергеем Константиновичем¹²¹⁹ и с другими. История академии С. К. готова и вероятно на днях Вы получите её. Вышло до 40 листов. Издание журнала снова отложили до следующего года, да, как оказывается, и не думали начинать его с нынешнего года. Осуществится ли это в следующем году, тоже вопрос. Так говорил мне теперешний инспектор академии¹²²⁰, с которым я ехал в одном вагоне по дороге к Троице. Он же много рассказывал о неладах академии

с лаврою, т. е. теперешним Наместником¹²²¹ и т. п. Голубинский¹²²² приготовил к изданию огромный, листов в 60 печатных, том Истории русской церкви до Татар. Но начать печатание затрудняется вопросами о средствах и о цензуре. По последнему вопросу хотел ехать на святой в Петербург. Не знаю, уехал ли?

Разумеется, в Москве теперь много толкуют о преемнике покойного Митрополита. У Троицы С. К. называл мне Филофея, который будто бы сам просился, так как находит вредным для себя южный климат. Но здесь в Москве больше говорят о Макарии Литовском. Как бы Ваше Преосвященство не двинули тогда в Вильну. Очень возможная вещь. В светских кругах здесь Вас даже сюда назначают иные. По крайней мере считают Вас третьим кандидатом после Филофея и Макария.

Об Университете вчера рассказывали мне новость: Тихонравов¹²²³ за свое постоянное препирательство с Попечителем получил от Высочайшего имени выговор. Ждут нового университетского устава. Федор Иванович¹²²⁴ по обычаю ни о чем не говорит и не думает, как об одной науке, или, по собственному его выражению, учится. Прелестная личность! Общество наше¹²²⁵, с утверждением новой должности вице-президента и с выбором на нее Буслаева, каждый месяц аккуратно собирается и делает заседания, которые наполняет своими сообщениями, конечно, тот же Буслаев. В Обществе Истории новый Председатель – Соловьев¹²²⁶, но при нем ещё ни одного заседания не было, и, что выйдет, неизвестно. Общество Словесности, с отъездом Бессонова¹²²⁷, двигается черепашьям шагом и всего вернее заснет сном праведным. Всех живее действуют Общество естествознания¹²²⁸, устроившее выставку, и Уваровское Археологическое¹²²⁹.

С искренним уважением, прося Вашего благословения, имею честь быть Вашему Преосвященству душевно преданный».

8-го ч. получено было мною два письма – одно из Сергиева Посада от Ректора Моск. академии, Протоиерея С. К. Смирнова, другое из СПб. от А. П. Ушаковой.

Вот что писал мне о. Ректор:

«Имею честь приветствовать Вас со всерадостным праздником воскресения Спасителя и преподнести Вам вместо красного яйца экземпляр Истории нашей академии¹²³⁰, который прошу принять милостиво.

У нас хлопотное время. Завтра, 6-го числа, привезут для погребения тело Митрополита Иннокентия; место погребения назначено в Филаретовской церкви, налево от входа в углу. Я готовлюсь говорить слово на литургии.

Различны толки о преемнике М. Иннокентия; говорят о Преосвященном Киевском¹²³¹, Виленском¹²³² и первом викарии Московском¹²³³. Но еще ничего верного и не может быть узнано в настоящее время.

Простите, что не имею времени писать более».

А. П. Ушакова писала от 4-го числа:

«Христос воскрес, многоуважаемый Владыко. Я в Петербурге:

Знаете, что я услышала? От Ив. Рождественского¹²³⁴ сегодня слух, что Вы назначаетесь в Тверь. Меня это до того встревожило и обрадовало, что я спешу об этом поделиться с Вами».

На это краткое послание отвечал я не ранее 1-го Мая, и вот что писал:

«На краткое послание ваше из северной столицы не отвечал до сих пор, потому что не получал ещё решительных вестей о моем перемещении в Тверь, но, вероятно, скоро уже получу.

Вы радуетесь за меня, а я скорблю. Согласитесь сами, приятно ли из теплой комнаты переходить в холодную, из теплого южного климата, с которым я уже освоился, переселяться в северный – суровый, от пшеничного хлеба переходить к ржаному. А каково мне перебираться с моим книжным скарбом, который здесь почти удвоился сравнительно с Витебском? Да мне вообще очень наскучили уже частые переходы с одного места на другое.

Я писал было в СПб. и просил оставить меня в Харькове, но мне пишут оттуда в утешение:

«Св. Синод избрал вас во уважение достоинств и заслуг ваших, и вместе желая почтить старейшую кафедру, на которой восседали Филарет, Григорий и Филофей – Митрополиты. Было в виду и то, что из Твери удобнее вызывать для присутствования в Св. Синоде, когда в том будет нужда»¹²³⁵.

Что прикажете против этого возражать? Да будет надо мною воля Божия!

Между тем, в ожидании решения своей участи, я две недели уже живу в загородном доме и дышу чистым благоуханным воздухом».

8-го ч. получена была в Харькове из СПб. телеграмма о назначении Графа Лорис-Меликова¹²³⁶ временным Харьковским Генерал-Губернатором.

9-го числа получено мною письмо из Москвы от протоиерея С. И. Зернова, который от 7-го числа писал:

«От преданной Вам искренно души поздравляю Вас с Светлым праздником воскресения Христова.

Простились мы и с своим маститым, добрым, простым и для всех доступным Владыкою. До самой отходной (в пятницу великую после вечерни) сохранил он сознание, и с полным напутствием церковным отошел на вечный покой. Без сомнения, вся русская церковь будет молиться об нем. А мы долго-долго будем помнить Его, я же лично – до конца жизни моей.

Преосвященный Макарий назначен был совершить последний долг над умершим Святителем, и, казалось, торопился исполнить поручение. Когда он прибыл в Москву, то вместо того, чтобы отправиться прямо на Троицкое подворье и совершить панихиду, он предпочел въехать в Чудов монастырь, где представителям духовенства заметил, что ожидал найти тело вынесенным уже в монастырь. Ему хотелось так устроить затем, чтобы в один день и перенести тело и отпеть, и в Лавру отправить. Но, конечно, этого, не смотря на его настояние, исполнить было нельзя. Церемониал выноса погребения, затем провожания, был приличный. Духовенство, кажется, всё было в сборе. Литургию и отпевание совершал Преосвящ. Макарий с обоими нашими викариями и Преосвящ. Иоанном¹²³⁷, бывшим Алеутским. Преосвящ. Порфирий¹²³⁸ не был, неизвестно

почему. С преосвящ. Алексием, говорят, сделался удар, вследствие чего он и не мог быть. Преосвященный Амвросий произнес доброе слово, в котором изобразил и заслуги и черты характера почившего Архипастыря. В служении Литургии – 6 Архимандритов и 2 протоиерея – Иван Николаевич Рождественский и я недостойнейший. Речей не было. Покойный и не желал, чтобы они были. Преосвящ. Макарий не провожал тела, а уехал в Лавру заранее и там уже встретил оное у Троицкого собора. Нельзя сказать, чтобы и это уклонение от сопровождения тела поправилось населению Москвы, которой купеческие и мещанские сословия любили Владыку. Тело как на выносе, так и на пути из Кремля на станцию Ярослав. железной дороги было не несено, а везено на колеснице, говорят, потому что из гроба было отделение воды (Владыка умер от водяной и скоро стал предаваться разложению). А народ скорбел и винил распоряжение; мы бы, говорят, батюшку Святителя на своих руках донесли. Гроб на другой же день кончины был закрыт. Так и отпевали в закрытом гробе. Меня Бог сподобил проводить Владыку до Лавры. Похоронен он в той же церкви, где и Филарет незабвенный.

Кто будет его преемником – неизвестно. Молва называет первым кандидатом Макария, потом Димитрия¹²³⁹, затем Платона¹²⁴⁰. Иные говорят, что Филофей будет переведен в Москву, что будто он сам изъявил желание. А мне думается, что управление митрополией поручено будет Преосвященному Амвросию. В Генерал-Губернаторе он имеет сильную поддержку. Государыня лично его знает, – и высокопоставленных лиц, к нему расположенных хорошо, у него множество. По случаю произнесенной им проповеди о началах христианского воспитания Обер-Прокурор написал ему чрезвычайно любезное письмо, в котором, между прочим, говорит, что он сделал распоряжение напечатать это словом количестве нескольких тысяч экземпляров и разослать его по учебным заведениям Министерства. Если мое предположение исполнится, то нет ни малейшего сомнения, что Преосвященный Амвросий сумеет быть не ниже своего положения».

В тот же день, т. е. 9-го числа, почтил меня Преосвященный Платон¹²⁴¹ архиепископ Херсонский, следующей телеграммой:

«Если справедливо газетное известие о переводе вашем на Тверскую кафедру, то радуюсь и поздравляю вас».

13-го числа, получив известие о возведении преосвященного Макария, архиепископа Литовского, в сан Митрополита, с переводением его на московскую кафедру, я почел приличным приветствовать его Высокопреосвященство, по сему случаю, телеграммой. В то же время, градский благочинный, протоиерей Чижевский, составивши, без моего ведома, поздравительный адрес новому Митрополиту, заставил подписать его подведомое ему духовенство и отправил по назначению. На этот самочинный адрес получена была от Митрополита благодарственная телеграмма: но моя телеграмма не удостоена такой чести.

15-го числа получено было мною письмо из СПб. От И. Г. Слиборского, который писал мне от 10-го числа:

«Без сомнения Вы гораздо раньше узнаете, чем получите это письмо, что Митрополитом Московским назначен высокопреосв. Макарий Виленский. Высочайшее повеление состоялось вчера 9-го апреля. Дело же о кафедре Тверской ещё не было в докладе. В доступных мне кружках не узнал я ничего нового. Говорят, что по случаю новой вакансии могут изменить прежнее определение Св. Синода; но во всяком случае Вашему Преосвященству нужно быть готовым к перемещению. Несмотря на то, что разделение епархий на классы уничтожено, некоторые кафедры считаются более важными; к таким принадлежат Тверская и Виленская, и это, говорят, единственно имел в виду Св. Синод, решая перевести Вас в Тверь. Постараюсь разузнать, что скажут завтра в заседании Синода, и, если узнаю что новое, не премину сообщить. Такова уже доля Ваша, Владыко. Не малое время беспокоила Вас неопределенность слухов о перемещении из Витебска; теперь повторение той же истории. Знаю, что не легко подняться Вам с места со своим сокровищем – библиотекою; но и утешаюсь, что глубоко чтимого мною Архипастыря ценит и высшее начальство».

На это отвечал я от 19-го числа:

«Усерднейше благодарю Вас за сообщенные мне вести, хотя и не решительные, но при этом убедительно прошу Вас, почтеннейший И. Гр., написать мне немедленно, когда состоится определение Св. Синода и в каком именно смысле; а когда последует Высочайшее утверждение этого определения, известить меня о сем *телеграммою*, дабы я, в ожидании указа Св. Синода, мог тотчас же приступить к сборам в путь, которые потребуют немало времени, и дабы в противном случае не последовало затруднения для моего преемника, у которого сборы, без сомнения, будут короче моих.

В случае назначения мне новой кафедры, прошу Вас собрать о ней, какие можете, сведения и сообщить мне для потребных соображений.

В ожидании решения своей горькой участи, я переселился вчера в Всехсвятское, чтобы подышать в последний раз здешним чистым и свежим воздухом, и подкрепиться на новые предстоящие мне труды и подвиги».

17-го числа получено было мною два письма – одно из Костромы, другое из Витебска.

Из Костромы писал мне от 11-го числа преосвященный Игнатий:

«Вероятно, уже известно Вашему Преосвященству о назначении преосвященного архиепископа Литовского Митрополитом Московским. Кто теперь будет председателем Миссионерского Общества?

Праздна епархия литовская. Казалось бы кому лучше вверить сию епархию, как не тому святителю, который в Витебске много и благотворно подвизался в пользу истинного православия. Но не думаю, чтобы Вильна была лучше Харькова.

Из Петербурга пишут мне, что Харьковский Владыка предназначается в Тверь. Слух был ещё прежде отшествия в вечность святителя Иннокентия. Если сие верно и согласно с желанием Вашим, то прошу принять мое приветствие и самые благие и усердные пожелания. Там нужен архипастырь твердый и опытный.

Вероятно Вы уже имеете историю М. Д. Академии о. Ректора, Протоиерея Сергия К. Смирнова. Много любопытных подробностей.

Окружающие не позаботились в день кончины Святителя Иннокентия принять нужные меры и покурить благовонными специями, и чрез 4 дня стал чувствоваться запах от разложения тела (по причине водяной болезни). Накануне выноса, по совету врача, по прочтении разрешительной молитвы в церкви Троицкого подворья, гроб закрыли, засмолили и вложили в другой ящик. Вот причина, почему нельзя было нести на руках, а поставили на колесницу. Преосвященный Макарий, по-видимому, был недоволен тем, что вынос в Чудов не был сделан прежде. Речей не было согласно завещанию покойного. Тема для проповеди, произнесенной на литургии Преосв. Амвросием, была назначена самим Владыкою Иннокентием. Прощание после соборования было умиленное; мне послал поклон, благодарил и даже испрашивал прощения. Великое смирение!»

В ответ на это писал я от 21-го числа:

«Ни Тверской, ни тем менее Литовской епархии я вовсе не желаю, а желал бы оставаться на Харьковской кафедре, с которой я довольно уже сроднился. Писал я об этом к двум старейшим владыкам, и от одного из них получил уже ответ, несоответствующий, впрочем, моим мыслям и желаниям, а другой ещё молчит. Что будет, то и будет, а паче всего да будет воля Божия всеблагая и премудрая!

С новым первоиерархом, вероятно, немало будет в Москве перемен в строе церковной жизни. Дай Бог, чтоб всё было к лучшему.

С большим интересом читаю я историю нашей alma mater – Московской д. академии. Спасибо за труд почтенному о. Протоиерею Сергию.

В настоящую пору и я описываю свою академическую-студенческую жизнь. Очень приятно и даже назидательно вспоминать старое доброе время, особенно ввиду настоящих, возмущающих душу, событий.

Не смотря на громкие слухи и толки о моем перемещении, я решился переселиться за город, чтобы подышать чистым весенним воздухом. В моем саду все деревья покрыты необычайно обильным цветом; не знаю, будет ли соответствовать такому обилию цветов количество плодов. В прошедшую осень у меня посажено было несколько сот виноградных лоз; и что если мне не удастся вкусить плодов от этих новосаженных лоз!..

Простите. Отправляюсь в город для свидания с новым прибывшим вчера Генерал-Губернатором (Графом Лорис-Меликовым), а завтра, если Бог благословит, отправлюсь в трехверстный крестный ход по случаю провожания из города в Куряжский монастырь Чудотворной иконы Озерянской Б. Матери».

Новый начальник Харьковской губернии В. В. Фон-Валь, в качестве председателя Губернского Статистического Комитета, препроводил ко мне диплом на звание действительного члена Комитета при письме от 16-го апреля за № 65, следующего содержания:

«Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Харьковский Губернский Статистический Комитет в собрании своем 6-го апреля единогласно избрал Вас своим действительным членом. Сообщая об этом Вашему Преосвященству и препровождая для сего диплом на звание действительного члена Статистического Комитета, имею честь покорнейше просить Вас соблаговолить принять на себя это звание.

Поручая себя архипастырским молитвам Вашим, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства покорным слугою»...

Получив письмо и диплом 19-го числа, я почел долгом изъявить признательность за оказанную мне честь, хотя и запоздалую. От 31-го числа за № 31 я писал г. Фон-Валю:

«Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Получив при почтенном письме Вашем от 16-го сего апреля за № 65 диплом на звание, действительного члена Харьковского Статистического Комитета, долгом поставляю принести Вам, Милостивый Государь, и сочленам Вашим искреннюю благодарность за оказанную мне честь.

Призывая на полезные труды Статистического Комитета Божие благословение, с истинным почтением и преданностию имею честь быть»...

20-го числа прибыл в Харьков вновь назначенный временный Генерал-Губернатор, граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Я послал Кафедрального Ключаря на станцию железной дороги поздравить Его Сиятельство с благополучным прибытием. На другой день, 21-го числа, граф пожаловал ко мне с визитом. В беседе со мною, очень любезной и откровенной, он выражал сожаление о моем удалении из Харькова и хотел писать в С.-Петербург к Митрополиту Исидору об оставлении меня на Харьковской епархии, но я отклонил его от исполнения этого намерения. По удалении от меня графа, я поспешил отдать ему визит, а через день, т. е. 23-го числа, представил Его Сиятельству, в его квартире, старшее градское духовенство. Между тем, 22-го числа, по случаю провожания из Покровского монастыря Чудотворной Озерянской Иконы Божией Матери в загородный Куряжский монастырь, граф Михаил Тариелович сопровождал меня в крестном ходе.

24-го ч. писал я Ректору Московской дух. академии протоиерею С. К. Смирнову:

«Преусерднейше благодарю Вас за *красное яичко*, которое по объему своему не меньше страусового, а по содержанию так вкусно, что я почти две недели, каждый день, с услаждением питался им. От начала и до конца, не опуская ни одной строчки, я прочитал Вашу историю нашей общей *alma mater*. В доказательство того, что я внимательно прочитал Вашу прекрасную книгу, я позволю себе указать на некоторые, впрочем не очень важные, обмолвки. Так на стр. 443–4 Вы пишете о *Вениамине Карелине*, что он в 1866 г. 29-го мая хиротонисан во епископа ревельского, викария *петербургской митрополии*; но он был викарием рижской епархии, ибо с 6 мая

1865 г. ревельское викариатство перечислено к епархии рижской (см. Списки архиереев и пр. Ю. Толстого, стр. 124).

На стр. 452 об архимандрите Анастасии Воскресенском сказано, что он скончался в 1830 г. на покое в Боголюбове монастыре, близ Владимира. Но если это тот самый Анастасий, которого я знал в Боголюбове и которого не один десяток проповедей переписал для его племянника, а моего зятя, он мог умереть не ранее 1836 г., так как около этого времени лично вручал ему его проповеди, бывши учеником Семинарии. Разве это не был ли какой-нибудь другой ученый Анастасий?

Больше не могу указать Вам никаких недостатков в Вашей книге: извините. Однако ж эта книга, как я вижу, потребовала от Вас немалого запаса архивных и других сведений. Все питомцы Московской академии должны быть весьма признательны Вам за такой громадный труд.

В вашей книге меня заинтересовали, между прочим, сведения о взаимных отношениях между А. В. Горским и Кап. Иван. Невоструевым (стр. 491–5), о коих, впрочем, я, в свое время, нечто знал от Кап. Ивановича.

Если бы я заранее знал, что в вашей истории академии будут помещены темы для сочинений, то я мог бы представить Вам список всех тем не только для месячных, но и для курсовых сочинений нашего XVII курса. Поберегу их для 2-го издания вашей книги, к которому, вероятно, Вы не замедлите приступить.

Приветствую Вас с новым знаменитым архипастырем.

Вы радуетесь предстоящему со мною свиданию, а я скорблю об угрожающем мне переселении. Рассудите сами, легко ли мне перебираться с одного места на другое с моим книжным скарбом, которого у меня не менее 500 пудов.

Не говорю уже о других невыгодах и затруднениях. Но странно, что до сих пор ничего не слышу из СПб. решительного. Ничего не может быть неприятнее неопределенного положения».

27-го ч. получено было мною письмо из СПб. от И. Г. Слиборского, который писал мне от 24-го числа:

«Не вините меня, Владыка, в нерадении. Поверьте, что старался, сколько мог, разузнать всё, что Вам угодно было поручить мне. Не мог узнать, когда именно подписано определение Св. Синода о Вашем перемещении на Тверскую кафедру – решен этот вопрос, как уже имел я честь писать Вам, 22-го марта, т. е. в последнее заседание Синода перед страстной. Чем руководствовался Синод при этом, тоже мне неизвестно, так как, говорят, в определении мотивы не указаны, а определено прямо: переместить. Так ли это, не ручаюсь, потому что подлинного определения не мог видеть. Одно и, кажется, главное знаю верно, что из Канцелярии Обер-Прокурора 19 апреля отослан к Статс-Секретарю всеподданнейший доклад для представления на Высочайшее утверждение. Не премину известить, когда таковое последует; а последует, должно быть, скоро.

Относительно кафедры Тверской могу только сообщить, что она считается высокою в иерархическом порядке; если узнаю что подробнее, не премину сообщить. Теперь спешу на почту».

1 мая получил я письмо из Костромы от преосвященного Игнатия. Он писал мне от 27-го апреля в ответ на мое письмо от 21-го числа того же месяца:

«Усердно благодарю Ваше Преосвященство за письмо Ваше. Вы уже наслаждаетесь весною, а я ещё сижу дома; река позволила мне только дважды переехать в город для священнослужения в нынешнем месяце: в Пасху и 17-го апреля; в сей последний день на пароходе.

Думаю к празднику Св. Николая по обычаю на пароходе по Волге двинуться в Николо-Бабаевский монастырь, а пред тем, может быть, соберусь в Лавру, чтобы помянуть доброго старца святителя Иннокентия на месте его погребения. О. Ректор Академии уже предлагал мне свои комнаты, как было при Александре Васильевиче Горском.

Кстати нужно посетить Владыку ярославского¹²⁴², который нарочито ко мне приехал в начале февраля.

Второе предостережение было уже Церковно-Общественному Вестнику¹²⁴³... И нужно. Для чего он прежде времени провозгласил замещение не только Тверской, но и

Харьковской кафедры? По слухам из Москвы (от М. И. Богословского)¹²⁴⁴ в Св. Синоде в конце великого поста была речь о переведении Харьковского святителя на старейшую кафедру Тверскую. Но осиротевшая кафедра Виленская, может быть, не будет ли иметь место в окончательном решении?

Здесь, в Костроме, из наших товарищей: 1) Петр Виноградов¹²⁴⁵ магистр, Протоиерей и Кавалер св. Анны 2 ст., законоучитель Гимназии. С одобрением проходил должность.

2) Наставник Семинарии – кандидат Иван Островский, имеет Св. Анны 3 ст.; родственник по жене Знаменскому архим. Сергию¹²⁴⁶; не из даровитых преподавателей, хотя усердный.

3) Член Консистории и Семинарского Правления Протоиерей Гавриил Пернаткин, прежний письмоводитель по Редакционному Комитету. Был секретарем в Семинарии, и по Консистории любит писать особые мнения, иногда резкие. Был представляем к ордену Св. Анны 2 степени, по отказано.

4) Андрей Любославский был Смотрителем и Протоиереем. Скончался».

На это братское послание отвечал я от 13-го мая:

«Вы мне пророчите всё Вильну, но, кажется, в Тверь отвергается мне дверь. Указа ещё не имею, но слышу достоверные о том вести. Что прикажете мне делать тогда с Белюстиным – Калязинским *Лютером*, как называет его Церковный Вестник?

Слышал я о пребывании Вашем в родной Москве и в Лавре и получил через Высокопетровского о. Казначей¹²⁴⁷ ваш поклон, за который усердно Вас благодарю.

Я слышал, что следующий том сочинений покойного святителя Филарета будет состоять из его писем к родственникам; это будет очень интересно.

Ввиду предстоящего мне переселения, меня занимает вопрос, где в Москве мне найти пристанище? При почившем Владыке я мог бы рассчитывать на помещение в Чудовом монастыре; но к настоящему архипастырю не дерзаю обратиться с такою просьбой».

2-го ч. писал я в Одессу Преосвящ. Платону, архиепископу Херсонскому:

«На приветственную телеграмму Вашего Высокопреосвященства от 9-го апреля я не отвечал, потому что тогда не был я ещё уверен в своем перемещении на Тверскую кафедру. Теперь я имею уже достоверное, хотя ещё и не официальное о сем сведение, и потому спешу принести Вам, милостив, архипастырь, искреннейшую благодарность за сочувственное поздравление с новым для меня назначением.

Я не имею непосредственного понятия ни о Твери, ни о положении тамошней архиерейской кафедры. Знаю только, что Тверь город древний и что на Тверской кафедре восседали многие знаменитые иерархи русской церкви.

Тверь – Ваша родина, и я помню обещание Вашего Высокопреосвященства посетить свою родину. От души желаю, чтобы это обещание исполнилось, и я с тем же усердием и радушием готов буду принять Ваше Высокопреосвященство в Твери, с какими принимал Вас в Витебске и Харькове.

Поручая себя Вашим архипастырским молитвам, с глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть»...

В тот же день писал я во Владимир преосвящ. Иакову, в ответ на его письмо от 28-го марта:

«Воистину воскрес Христос!

Думаю, что ещё не совсем неблаговременен этот ответ на Ваш братский привет. В храме Божием слышатся ещё праздничные песнопения во славу Воскресшего Господа.

Душевно благодарю Вас за сведения, сообщенные в письме от 28-го марта. Начертанная Вами картина лучше всякого портрета представляет мне личность Вашего нового Владыки. Вероятно, он скоро возвратится к Вам и водворится на своей новой кафедре.

Что до меня, то и я слышу звание Божие на новое также место служения. Не хотелось бы ещё так скоро расставаться с теплым гнездом, на котором я было уже поустроился, но надобно повиноваться велению высшей Власти.

Мимо Твери не раз я проезжал, но в неё не заглядывал, и потому не имею никакого почти понятия об обстоятельствах и условиях тамошней службы. Не имеете ли Вы от покойного

преосвященного Алексия¹²⁴⁸ об этом каких-либо сведений; прошу поделиться ими со мною».

Начальник губернии, генерал-майор Фон-Валь отношением от 30-го апреля за № 3442 уведомлял меня, что недозволенная цензурою газета австрийского издания на *славянском* языке, под заглавием: «Старообрядец», в которой порицаются действия русского правительства в отношении к старообрядцам, оказалась у раскольников слобод Трихибиной и Райгородке, Старобельского уезда. Вслед затем, при отношении от 2-го мая, за № 572, мне прислано было несколько разбитых (не цельных) номеров, а именно: 1, 3 и 4 в одной тетради, стр. 13–16, 5-й и 6-й – оба цельные.

Газета озаглавливается «Старообрядец. Газета церковно-научно-нравственная и экономическая». Ответственный редактор *Лев Стадниченко*; издатель инок *Никола Чернышев*; печатается в типографии М. Белоуса в Коломые, в 4-ю д. листа. Нумера называются *числами*; выходит два раза в месяц 1-го и 15-го дня; подписная цена на получение газеты с почтовою пересылкой на год в Австрии 4 гульдена и пр.

Число, или номер, 1 – вышло 1-го декабря 1878 года. На 1-й странице этого номера политипажное изображение *Афанасия*, митрополита Белокриницкого (преемника Кирилла † 1874 г.).

Содержание 1-го № следующее:

1) Передовая статья, в которой изложены побуждения к изданию газеты. В конце статьи представлен разговор одного старообрядца с кем-то из высокопоставленных представителей русского правительства в Австрии, который советовал старообрядцам издавать свою газету, если не в России, то за границей. «Но ведь такую газетою, – возражал старообрядец, – русская цензура будет недовольна?» «Отчего бы кажется, – говорит представитель русского правительства, – но вы пишете правду». – «Правду-то сущую правду будем писать, – продолжает старообрядец, – но в том-то и беда, что правду ныне люди не любят, а особливо высокопоставленные члены Св. Синода с множеством орденов на груди. Они хотя бы какую правду перекрутят по-своему».

2) Краткие сведения об *Афанасии* Федоровиче *Макурове* – третьем Митрополите Белокриницком.

3) Шесть вопросов к Св. Синоду в С.-Петербурге от старообрядцев.

Здесь, на стр. 5-й, в подстрочном примечании, между прочим, читаем: «Тертий Иванович Филиппов¹²⁴⁹ первый поднял вопрос о старых обрядах в «Обществе любителей духовного просвещения в С.-Петербурге»... Он предлагал дать равноправность содержащим старые обряды наравне с содержащими новые».

3-го ч. присутствовал я на экзамене по закону Божию выпускных воспитанниц Благородного Института.

4-го ч. получено было мною от Генерал-Губернатора, Графа М. Т. Лорис-Меликова конфиденциальное письмо, при коем приложена копия с заявления известного Его Сиятельству своею благонадежностью лица касательно действий злоумышленных людей. Вот что писал мне граф от 30 апреля за № 14:

«Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Из прилагаемой при этом копии с заявления, полученного от лица известного мне своею благонадежностью¹²⁵⁰ Ваше Преосвященство усмотрите, между прочим, в каком направлении и на какую среду люди злоумышленные стремятся ныне обратить свои преступные усилия.

Предварительно принятия каких-либо мер, по изъясненному в заявлении предмету, признавая необходимым ознакомиться с мнениями лиц, коим условия здешней губернии ближе известны, я обращаюсь к Вам, Милостивый Архипастырь, с просьбою высказать мне с полною откровенностью взгляд Ваш на настоящий по-видимому существенный вопрос и не отказать в сообщении мне всех тех указаний, какие найдете нужными для уяснения и практического его разрешения.

Все подобные указания, как исходящие от лиц, коим интересы и будущность здешнего края не могут не быть дороги, я приму с особенной признательностью, твердо убежденный, что только при дружном содействии и поддержке всех

благомыслящих людей возложенное на меня Высочайшим доверием поручение может достигнуть успеха и дать возможность оправдать ожидания, возлагаемые на нас Государем Императором и Отечеством.

Поручая себя молитвам Вашим, прошу принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности покорного слуги»...

Содержание прилагаемой при сем письме Копии с заявления (Сумцова) следующее:

«Ваше Сиятельство доверием Августейшего нашего Императора облечены властью для искоренения в нашем крае коммунистической пропаганды, стремящейся разрушить основы нашего государственного строя. Бог благословил усилия Вашего Сиятельства при уничтожении чумной заразы в Астраханской губернии, и мы, Харьковцы, надеемся, что Всевышний благословит и здесь труды Ваши при искоренении зла, гораздо вреднейшего чумной заразы. Но для того, чтобы Ваше Сиятельство могли уничтожить коммунистическое зло, к Вам должны прийти на помощь благонамеренные граждане – все верноподданные нашего возлюбленного Монарха. Вот почему, я, по долгу совести и присяги, осмелился довести до сведения Вашего Сиятельства некоторые факты и предположения, которые, быть может Ваше Сиятельство примете в соображение при исполнении возложенного на Вас Государем Императором поручения.

Государственные крестьяне и крестьяне собственники выражают опасение, что покупаемые ими у дворян и других сословий земли будут у них и у помещиков кем-то отобраны и разделены между всеми жителями поровну. На вопросы, кто говорил об этом, крестьяне обыкновенно отвечают, что об этом в их обществах говорят все. Хотя я внушал и внушаю крестьянам, чтобы они не верили подобным рассказам и о самих рассказчиках доносили немедленно местным полицейским властям, но до сего времени не встречал ни одного случая, чтобы полицейские власти обратили внимание на подобных рассказчиков и предали их суду, не смотря на то, что при теперешнем устройстве уездной полиции, если бы

исправники, становые пристава, урядники и сотские обратили внимание на такие вредные внушения крестьянам, давно были бы открыты виновные и зло прекращено.

Вдумываясь, кто распространяет между крестьянами коммунистические идеи, и стараясь, по мере сил и возможности, разъяснить этот вопрос, я дошел до твердого убеждения, что подобные рассказы распространяют между народом преимущественно, так называемые, народные учителя. На этот класс людей нужно обратить строгое внимание, тем более что в некоторых народных школах есть такие учителя, которые были уже прикосновенны к шайке коммунистов, были судимы и неосуждены, за неимением, так называемых, юридических доказательств, или отданы только под надзор полиции.

Для уничтожения вредных, распространенных между простым народом слухов о непрочности владения землею и о разделе её поровну между всеми, осмеливаюсь представить Вашему Сиятельству мнение мое о том, чтобы строжайше было предписано исправникам, становым приставам, урядникам и членам уездных по крестьянским делам присутствий немедленно созвать сельские сходы и объявить им, что подобные слухи ложны и распространяются врагами Государя Императора, Охранителя нашего счастья и спокойствия, и что каждое лицо, которое будет рассказывать о разделе земли, должно быть задерживаемо и представляемо полицейской власти. Независимо от сего, просить Епархиальное начальство строжайше предписать уездным благочинным и настоятелям приходских церквей, чтобы они, по окончании Богослужений, объявляли прихожанам с церковных кафедр о лживости вышесказанных слухов. Затем предписать всем уездным земским управам, чтобы, так называемых, народных учителей, взятых, большею частью, из недоучившихся студентов университета и изгнанных семинаристов и гимназистов, они заменили настоятелями церквей или их помощниками, а в женских школах лицами, благонадежность коих положительно известна земским управам.

Кроме того, осмеливаюсь утрудить внимание Вашего Сиятельства соображением моим о том, что, независимо от вышесказанных мер, следует воспользоваться для искоренения русской коммуны и теми мерами, кои были блестящим образом применены покойным Михаилом Николаевичем Муравьевым¹²⁵¹ при усмирении мятежа в западных губерниях.

При настоящих обстоятельствах, когда некоторыми злодеями подтачиваются освященные веками основы нашего Отечества, когда самым низким образом убивают должностных лиц, когда дерзают явно, на улице, поднимать руку на Священнейшую Особу нашего Государя, только такие меры могут искоренить и послужить спасительным вразумлением для многих увлекающихся, но ещё не увлекшихся юношей».

В ответ на письмо Его Сиятельства я писал от 10-го мая за № 39 конфиденциально:

«Сиятельнейший Граф,
Милостивый Государь!

Конфиденциальным письмом Вашего Сиятельства от 30-го минувшего апреля (полученным мною 4-го сего мая) за № 14, при коем приложена копия записки, в коей, между прочим, изъясняется, в каком направлении и на какую среду люди злоумышленные стремятся ныне обратить свои преступные усилия, – требуется, чтобы я с полною откровенностью высказал Вам, Милостивый Государь, свой взгляд на настоящий вопрос и сообщил те указания, какие найду нужными для уяснения и практического его разрешения.

Вследствие сего, долгом поставляю изложить Вашему Сиятельству следующее:

1) В основе социалистической пропаганды лежит, без сомнения, отрицание или искажение религиозно-нравственных начал. Поэтому Правительству надлежит прежде всего обратить внимание на этот коренной источник зла.

2) Какого рода внушения делаются пропагандистами простому народу и в какой мере виновны в допущении этих внушений полицейские и другие власти, – судить об этом не могу, не имея ввиду никаких положительных данных.

3) Что народные учителя и учительницы многократно изобличались в неблагонамеренных действиях в отношении крестьян и их детей, – об этом с достоверностью мне известно из многочисленных официальных бумаг, получаемых из Министерства народного просвещения.

4) Указываемая в записке мера к прекращению распространения между народом ложных и вредных слухов о разделе земли поровну между всеми заслуживает одобрения.

5) Рекомендуемая в той же записке замена всех народных учителей и учительниц настоятелями церквей и их помощниками, хотя и желательна, едва ли удобоисполнима. Приходские священники не всегда беспрепятственно могут исполнять и обязанности законоучителей в народной школе. Но во всяком случае полезно было бы, если бы приходским священникам и назначаемым от Епархиального Начальства Блюстителям за преподаванием Закона Божия в народных школах предоставлен был преимущественный надзор за направлением преподавания в этих школах.

6) Что касается учительниц в народных женских школах, то девицы, получающие воспитание и образование в духовных епархиальных училищах, могут быть призваны более других благонадежными преподавательницами в означенных школах, но также не иначе, как под наблюдением приходских священников и Блюстителей за преподаванием Закона Божия.

7) По моему мнению, Правительство не может не обратить внимания и на домашних учителей и учительниц в дворянских и купеческих семействах. Нередко случается слышать жалобы, что дети православных родителей, воспитываясь под надзором иностранных, а иногда и русских, неблагонамеренных гувернеров и гувернанток, получают превратные понятия о религии и нравственности. Чего же доброго можно ожидать Государству и Обществу от таких детей, когда они достигнут зрелого возраста и будут поставлены в такие или иные отношения к простому народу?

8) Желательно, чтобы в высших и средних учебных заведениях влияние законоучителей на воспитание учащихся ,

по возможности, было уравновешено с влиянием прочих преподавателей.

9) Много вреда, по моему мнению, причиняет молодым и нетвердым умам юношества излишне свободная по отношению к религиозно-нравственным вопросам пресса, и притом не только светская, но отчасти и духовная, в особенности изъятая из-под предварительной цензуры.

Наконец – 10) кому неизвестно, какое могущественное и благотворное влияние на народ может иметь православное русское духовенство, если оно поставлено к нему в правильные и законные отношения. Но могут ли существовать правильные отношения между народом и духовенством, когда современная неблагонамеренная литература старается всячески унижить духовенство в глазах народа, оглашая в печати пороки и даже преступления духовных лиц, часто вымышленные или, по крайней мере, преувеличенные, между тем, как, с другой стороны, осуждая и порицая законные взыскания, коим Епархиальное Начальство справедливо подвергает действительно виновных.

Вот всё, что на первый раз мог я сообщить Вашему Сиятельству, по Вашему требованию.

С истинным почтением и преданностью имею честь быть».

5-го ч. был я в последний раз на экзамене по Закону Божию в Епархиальном женском училище. Некоторые из спрошенных мною воспитанниц выпускного класса отвечали очень удовлетворительно.

8-го ч., в день святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, служил я литургию в Семинарской церкви, по случаю храмового праздника. После обедни предложена мне была в ректорской квартире трапеза, в которой участвовала вся ученая корпорация. Но праздничному и торжественному утру не соответствовал вечер. Кем-то из грубых учеников, вероятно, недовольных новым ректором протоиереем Разногорским, в 11 часу этого дня брошен был, через окно, в его квартиру большой камень, – о чем мне передано было самим ректором.

10 числа получено мною письмо из Сергиева Посада от ректора дух. академии протоиерея С. К. Смирнова, который от 7

числа писал:

«Препровождаю Вам сие письмо с о. Буткевичем, которого мы уже отэкзаменовали и отпустили на его место. Отвечал он отлично по всем предметам. Устройте Вашим милосердием, чтобы он не потерял своей должности в Беловодске. В четвертый год курса он может иметь некоторые льготы от занятий.

Душевно благодарю Вас за добрый отзыв о моем труде и за указание замеченных в нем недостатков. Их найдется, вероятно, ещё более указанных Вашим снисхождением.

Мая 4-го здесь был и служил в Филаретовской церкви заупокойную литургию по Владыке Иннокентии преосвящ. Игнатий Костромской. Он был пред тем (с 1-го мая) в Москве и оттуда привез известие, будто Вас назначают не в Тверь, а в Вильну. На сколько это достоверно, без сомнения, узнаю завтра, ибо отправляюсь приветствовать нового Владыку. О том, что узнаю, дам Вам знать».

12-го ч., в первом часу пополудни, тихо и мирно отошел в вечность, после многолетних недугов, пребывавший в Покровском монастыре на покое, архимандрит Иона – мой и общий братский духовник, на 69 году от рождения. Слух о моем переводе из Харькова до крайности огорчил старца и, быть может, ускорил его кончину. Накануне своей блаженной кончины он благословил меня, как духовного сына, Казанскою иконою Божией Матери в сребропозлащенной ризе. 15-го числа я отдал ему последний долг, совершивши над ним отпевание в Холодногорской церкви, приписной к Покровскому монастырю. Там, близ алтаря, он был и погребен. Рассудительный, любознательный и благочестивый был старец; да будет ему вечная память!¹²⁵²

13-го ч., в воскресенье, после литургии, получен был мною, наконец, из Св. Синода от 8 мая за № 1475 Указ *о бытии мне Епископом Тверским и Кашинским.*

Вместе с этим указом и от того же 8-го числа имел я честь получить из СПб. письмо от преосвященного Филофея, Митрополита Киевского, в ответ на мое письмо от 4-го апреля. Вот что изволил писать мне сей излиха осторожный Владыка:

«Прошу у Вашего Преосвященства снисхождения к моему замедлению ответом на Ваше письмо от 4 дня Апреля. Оно получено мною в то время, когда дело о перемещении Вашем на Тверскую кафедру было уже решено в Св. Синоде и передано по принадлежности для представления на Высочайшее утверждение, которое и последовало в 23 день апреля. При таком положении дела, невозможно было сделать что-либо к исполнению Вашей просьбы об оставлении Вас на Харьковской кафедре. Прошу Вас, возлюбленный брат, благодушно принять Ваше перемещение, как устроение Провидения Божия, и не смущаться предстоящими Вам новыми трудами на новом месте. Господь всем нам Помощник.

Поручая себя святым молитвам Вашим, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью Вашего Преосвященства покорнейшим слугою»...

14-го числа, с прописанием Синодского Указа, я дал Харьковской дух. Консистории следующее предложение:

«1) На основании 118 и 120 ст. Устава дух. Консисторий, поверить наличность штатных и неокладных сумм, принадлежащих Харьковскому архиерейскому дому, а также имущества оною, и принять в свое смотрение и распоряжение, а мне выдать надлежащую квитанцию.

2) Согласно ст. 119 того же Устава, сделать в отпущенных на мое содержание из Харьковского Губернского Казначейства на первое полугодие текущего года деньгах, а равно и в неокладных суммах, расчет по 23 число минувшего апреля месяца.

3) По делам епархии, требующим личного архиерейского разрешения, обращаться к Преосвященному Викарию

и 4) Снабдить меня, для следования к месту моего нового назначения в г. Тверь, казенною подорожною».

В тот же день писал я в Вильну Попечителю Учебного Округа Н. А. Сергиевскому в ответ на его письмо от 30 Марта:

«Смиренно прошу прощения в неисполнении долга взаимности относительно праздничного приветствия. Но я с великого четверга, когда в первый раз коснулась меня совершенно неожиданная для меня весть о перемещении моем

на Тверскую епархию, и до сей минуты нахожусь в беспокойном состоянии духа. Я никак не могу понять смысла этого перемещения, при нынешнем обезразличении епархий. Вы недавно были в Петербурге, не можете ли сколько-нибудь разъяснить для меня тайну моего перемещения? Если это наказание за какие-нибудь мои провинности, то нечего и говорить. Но если хотят убедить меня, что это награда и поощрение за труды, то с трудом могу убедиться в этом. Впрочем, что сделано, того нельзя уже переделать. Вчера получил я указ, и недели чрез две оставлю Харьков».

15 ч. получил я письмо из Москвы от А. Е. Викторова, который писал мне от 13-го числа:

«В бытность мою в прошлом году у Вас, Ваше Преосвященство выражали готовность уступить нашему музею часть имеющихся в Вашей епархии старопечатных книг, которые могут пополнить наше, по этой части, собрание. С этою целью я и решил пересмотреть Описание Харьк. епархии Преосв. Филарета и сличить его с нашими каталогами. Но так как эта работа копотная, требующая много времени, то и долго не мог выбрать для неё времени. Наконец, покончивши с отчетом по Музею и в частности с описанием рукописей Григоровича, чем я занят был целую зиму, я принялся за описание Харьковской еп. и пересмотрел все 4-ре книги сначала до конца. Старопечатных книг, которых не имеется у нас, оказалось в разных монастырях и церквях Харьковской епархии более 100 №№-в. Но конечно собрать все эти книги нет никакой возможности, и это тем более, что книги, хранящиеся в церквях и монастырях вне Харькова, по всему видно, описаны неточно, вероятно по реестрам, представленным приходскими священниками. По всему этому, я и ограничиваю свои претензии на книжные богатства Харьковской епархии только одним городом Харьковом и именно тремя монастырями, и позволяю себе при сем приложить список, имеющихся в этих монастырях, интересных для нас книг, с означением страниц I-го тома Описания Харьковской епархии. Будьте милостивы, нельзя ли нам уступить эти книги, безмездно, или в промен, напр., на богослужебные книги новых изданий, как в прошлом году

соблаговолил сделать это Преосв. Ионафан Ярославский. Как Вы убедитесь из прилагаемого реестра, нужные нам книги, по содержанию, даже по времени издания, – большею частью 2-й половины XVII в., не представляют ничего особенно интересного. Но для нас эти книги были бы драгоценны, потому что у нас их нет, и в библиографическом отношении они послужили бы для нас очень важным приобретением. Если Ваше Преосвященство найдете возможным облагодетельствовать нас этими книгами, то позвольте просить Вас не оставить меня уведомлением, и в таком случае мы не замедлим прислать Вам от управления Музеев официальную челобитную, за подписью директора. Я очень рад бы был лично явиться к Вам с этой челобитной дня на два, на три, чтобы и книги пересмотреть и парк Ваш видеть в весеннее время.

В последнем письме своем (на святой неделе) я писал Вам, что по слухам Вам предстоит переезд в Вильну; потом были слухи о назначении Вашем в Тверь. Теперь и те и другие слухи замолкли, но, конечно, по случаю перемещения к нам Преосвящ. Макария, непременно последуют передвижки и могут коснуться Вас. Вот почему я убедительнейше просил бы Вас, нельзя ли Вам будет поскорее заняться нашим вопросом, т. е. насчет книг. А то я сильно опасаюсь, что потом уж поздно будет это.

О преосв. Макарии, т. е. о первой деятельности его, кроме газетных известий, ничего не слышал. Говорили, впрочем, что, при представлении ему духовенства, он встретил его выговором за то, что московские священники не служат сами литургий, а поручают это наемным священникам, так называемым, ранникам, и что службы бывают в церквях далеко не каждый день.

Желаю Вашему Преосвященству быть здоровыми и с успехом воспользоваться для этого дачною жизнью».

На другой же день, т. е. 16-го числа, писал я в ответ:

«Вы изволите писать мне от 13-го числа о пожертвовании в Ваш музей старопечатных книг; а я того же 13-го числа имел честь получить указ из Св. Синода о бытии мне Епископом Тверским и Кашинским.

Что мне теперь прикажете делать? Напишите мне в свое время, может быть, я мог бы тогда сделать что-нибудь в Вашу пользу, а теперь ровно ничего не могу – nil possum. Итак пеняйте на себя, а не на меня.

Впрочем, чего не могу уже сделать для Вас я, то может сделать мой преемник – преосвящ. Иустин: ведь он Ваш старый знакомый. Помните, мы у него гостили с Вами в Ярославле, в 1861 году, целую неделю¹²⁵³.

Извините, что я не отвечал на Ваше пасхальное письмо: был очень озабочен мыслию о переселении, притом рассчитывая скоро видеться с Вами лично. В Москве я надеюсь быть в последних числах этого месяца. Итак, до свидания».

Утром 16-го ч. был у меня домашний секретарь преосвященного Курского Сергия (фамилию его не помню). Я поручил ему предварить Его Преосвященство о моем намерении побывать в г. Белгороде, где покоится в неистлении тело в Бозе почившего преосвященного Иоасафа (Горленко)¹²⁵⁴, епископа Белгородского, в епархии коего находился некогда г. Харьков. При этом я просил преосвященного Сергия приказать о. Наместнику Троицкого Белгородского монастыря дать мне убежище в этой обители на несколько часов.

19-го числа мною получено было письмо из Москвы от Преосвященного Можайского Алексия, который от 15 числа писал:

«Примите мое искреннейшее поздравление с новым назначением Вашим на святительскую кафедру древней и славной Церкви Тверской. Наконец Пастыреначальник Иисус Христос Вас истинного и коренного великоросса, после немаловременного служения на престолах белой и малой России, возвращает опять в великую Россию. Полагаю, что сие возвращение в великую Россию и притом на кафедру древнюю не может не радовать Вашего сердца. Слава Господу тако благоволившему! И да сохранит Он Вас, Преосвященнейший Владыко, на многая лета для блага святыя церкви Своея! При проезде Вашего Преосвященства через Москву я надеюсь лично принести Вашему Преосвященству мои поздравления.

У нас в Москве новый Владыка. Пришествие его к нам было с миром и великим торжеством. Викарии приветствованы были необычайно милостивым словом Владыки в Чудове монастыре, где представлялось ему духовенство по прибытии его в Москву. О духовенстве Владыка изволил отозваться также с похвалою, но и с некоторым замечанием, которое проникло и в газеты. Торжественное вступление Владыки в Успенский собор было 10-го числа. Помолитесь, Преосвященнейший Владыко, чтобы служение мое Господу при новом Владыке было в мире и с пользою для дела и для моей души. В Бозе почивший Владыка был мне как истинный и родной отец. Нет с моей стороны большого и искреннейшего желания, как то, чтобы и отношения нового Владыки ко мне были таковы же. Дай Господи!»

В ответ на это писал я от 21-го числа:

«Приношу Вам сердечную благодарность за братское поздравление и искреннее сочувствие по поводу моего нового назначения.

Ещё более благодарю Вас за ваше братолюбное приглашение меня под свой кров во время предстоящего мне проезда через Москву, как пишет мне о том Высоко-Петровский о. Казначей. Предполагаю выехать из Харькова в будущий понедельник, 28-го числа. Впрочем, о времени своего выезда и прибытия в Москву я буду телеграфировать Вашему Преосвященству с дороги.

Приветствую Вас с новым архипастырем. Дай Бог, чтоб доброе начало было верным залогом дальнейших мирных между Вами отношений, ко благу и назиданию Московской паствы.

При личном свидании надеюсь о многом побеседовать с Вашим Преосвященством искренно и откровенно».

21-го числа вечером посетил меня на даче Управляющий Казенной Палатой Ив. Кар. Мартенс и в беседе со мною, между прочим, сообщил мне вероятно, со слов своего друга, Графа Дм. Ник. Толстого, что племянник сего последнего, граф Дм. Андр. Толстой обязан будто бы своим назначением на должность Министра Народного Просвещения (в 1866 г.) своему сочинению: «Le catholicisme romain en Russie, 1863–64»

(Римский католицизм в России). Государыня Императрица Мария Александровна читала это сочинение в то время, когда Государь, вошедши к ней в кабинет, стал спрашивать её совета, кого назначить на место Головина Министром народного просвещения; она будто бы указала на автора лежащего перед нею сочинения.

22-го ч., в 8 ч. утра, отправился я по железной дороге в г. Белгород, для поклонения тамошней святыне. Через три часа я был уже там. На станции встретил меня в монастырском экипаже градский Благочинный, протоиерей Молчанов. Когда я ехал по городу, во всех церквях, по распоряжению, разумеется, преосвященнейшего Сергия, производился звон, к моему крайнему удивлению. Приехавши в 11-ть часов утра в Троицкий монастырь, я литургии уже не застал; но для меня соборне отслужен был Наместником монастыря, Игуменом Варсонофием, с братией, молебен пред чудотворною иконою святителя Николая и затем совершена панихида при гробе свято-почившего святителя Иоасафа Белгородского († 10 дек. 1754 г.), в склепе под западную часть главного соборного храма.

Троицкий Белгородский монастырь основан в 1599 г.

С 1845 по 1879 г. монастырь этот состоял под управлением епископов Курских.

Настоятельские покои каменные двухэтажные довольно поместительны. Зала украшена портретами архиереев (с 1666 г.) в полном облачении, хотя живопись портретов не высокого достоинства.

После обеда я отправлялся, в сопровождении о. Наместника, в загородный архиерейский дом, отстоящий от города верстах в двух-трех. При доме довольно просторный тенистый сад. Там предложен был мне чай.

По возвращении в город, я посетил женский Рождественский монастырь. Главный монастырский храм, в виде ротонды, очень благолепен; в нем находится чтимая икона Божией Матери, именуемая Корсунской. Из церкви заходил в келии Игуменнии, где предложен был мне чай и десерт. Игуменния

Людмила, урожденная Мясоедова, женщина средних лет, очень скромная и благочестивая.

Из монастыря я отправился уже прямо на станцию железной дороги и отсюда с Курским поездом в 11 1/2 ч. благополучно возвратился в Харьков.

На следующий день, 23 числа, предпринял я поездку в Куряжский Преображенский монастырь, где имел на этот раз свое пребывание мой, теперь уже бывший, Викарий, епископ Вениамин. Отстоявши в монастыре литургию и выслушавши пред Чудотворною Озерянскою иконою Б. Матери молебен, я послал доложить преосвященному, может ли он принять меня. Говорят, может. Я пришел в его покои, но он встретил меня очень холодно и сухо. Пробывши у него не более пяти минут, я оставил его в покое и отправился в свое мирное Всехсвятское.

23-го ч. получил я письмо из Москвы от Преосвященного Можайского Алексия, который писал мне от 18-го числа:

«Третьего дня я приветствовал Ваше Преосвященство с назначением на одну из старейших кафедр Российской церкви. А вчера от отца Игумена Иосифа получил радостное известие, что Ваше Преосвященство имеете милостивое намерение удостоить Саввинское подворье Вашего посещения и в нем иметь пребывание. Примите, Преосвященнейший Владыко, мою искреннейшую благодарность за Вашу милость к моему недостоинству и вместе мою усерднейшую просьбу не изменить Вашего намерения. Покорнейше прошу Вас, Преосвященнейший Владыко, известить меня телеграммою – в какой день и к какому часу должно выслать экипаж на Курскую железную дорогу».

24-го ч. оставил я навсегда мирное убежище в загородном Всехсвятском доме и переселился в город, где в этот и следующий за ним день делал светским властям и добрым знакомым прощальные визиты.

Между тем, в эти же дни я получил с разных сторон письма и телеграммы, и сам писал некоторым.

Так, 24-го числа, я получил письмо из Москвы от А. Е. Викторова. Он писал мне от 21-го числа:

«Поздравляю Вас с перемещением на новую кафедру, но признаюсь, не понимаю хорошо, повышение ли это для Вас на иерархической лестнице, или просто перемещение. Для меня ясно одно лишь, что Харьковский климат не в пример лучше Тверского; конечно там и дачи архиерейской нет такой прелестной, как Ваше бывшее Всехсвятское; да и книг нельзя будет выписывать столько, сколько Вы выписывали в Харькове, т. е. средств будет меньше. Вообще в вашем перемещении я вижу одно лишь удобство: Ваше Преосвященство будете ближе к Москве и к Петербургу. Но и это удобство пойдет в пользу больше для нас, чем для Вас. Я хочу сказать, что Вы будете теперь лишь в 6-ти часах от Москвы; значит можно будет иногда приехать к Вам просто отобедать, или вечер провести, а потом и обратно.

Желаю Вам успешно покончить дорожные сборы, особенно по перевозке библиотеки, и поскорее приехать к нам».

В тот же день получил я от Смотрителя Ахтырского духовного училища Матвея Преображенского – первого вестника о моем новом назначении, телеграмму следующего содержания:

«Преосвященнейший Владыка!

Правление Ахтырского духовного училища, преподаватели и воспитанники училища, известясь о предстоящем отъезде Вашем в Тверскую епархию, приносят Вашему Преосвященству чувства искренней сыновней благодарности за Ваше архипастырское внимание к училищу. Молим Бога о здравии и долгоденствии Вашего Преосвященства и нижайше просим Вашего Архипастырского благословения».

24-го же числа писал я в Тверь Кафедральному протоиерею, магистру Григорию Петровичу Первухину¹²⁵⁵, совоспитаннику моему по академии:

«Получив, по воле Божией, назначение на старейшую Тверскую кафедру, я радуюсь, что в среде старшего Тверского духовенства могу встретить лиц, издавна мне известных. Из них Вы первый, и потому к Вам прежде всех обращаюсь с моим словом.

В понедельник, 28-го ч., я предполагаю оставить Харьков. По пути к Твери остановлюсь на несколько дней в Москве, но долго ли там пробуду, теперь не могу определить в точности.

Если в Консistorии есть какие-нибудь важные и требующие моего утверждения дела, не может ли привести их в Москву к 30-му или 31-му числу г. Секретарь, или кто-либо другой? Мое помещение там будет на Саввинском подворье.

Призывая Вам и прочим собратьям нашим о Господе Божие благословение, пребываю с истинною к Вам любовью».

25-го ч.. в пятницу, часу во втором пополудни, стало собираться в мою залу городское духовенство к обеденному столу, устроенному на его счет по случаю моего выезда из Харькова. Когда всё было готово, мне доложили об этом, и я вышел из своего кабинета. Принявши от меня благословение, все сели за трапезу. Обед этот был чисто семейный: исключительно присутствовали на нем о.о. протоиереи и иереи г. Харькова и близлежащих сел, настоятель Святогорской Успенской пустыни, секретарь духовной Консistorии и эконо́м архиерейского дома (всего до 40 человек). В продолжении стола пел хор архиерейских певчих и говорились, по заведенному обычаю, речи. С речами обратились ко мне: Кафедральный протоиерей А. Г. Кустов, профессор богословия в университете В. И. Добротворский и Кафедральный Ключарь С. А. Иларионов, который изложил свои чувства на бумаге и вручил мне на память. Вот содержание его речи:

«Преосвященнейший Владыко!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Воля Божия и державная власть вверяют твоему пастырскому руководительству другую паству. Не далее, как четыре года тому назад, высшие власти и представители града, народ и духовенство, с особою радостью исходили в сретение тебя. Преданность и любовь к тебе паствы Полоцкой, скорбь и слезы при разлуке с тобою радовали и утешали благою надеждою, что ты, добрый Архипастырь, своею мудростью, знанием и опытом, долго и долго будешь руководить нас на пути ко спасению и вести порядок внешнего управления. И вот так неожиданно и скоро скорбь паствы Полоцкой обнимает нашу

душу и слезы орошают наше лицо. Мы собрались в последний раз хлебом-солью запечатлеть нашу преданность, принять твое благословение и проститься, быть может, навсегда.

Немного времени управлял ты паствою Харьковскою, но немало потребовалось бы для того, чтобы достойно и вполне изобразить твою неусыпную, усердную и благотворную деятельность. Зная, что только душа озаренная светом слова Божия может стать твердо на пути истины и благочестия, ты первее всего обратил внимание на проповедание слова Божия. Во всё время не было произнесено ни одной проповеди без твоего предварительного рассмотрения и должных наставлений и указаний. При обзоре церквей епархии, при удостоении духовенства наградами, ты пользовался всякою свободной минутой и каждым случаем и с особенным вниманием прочитывал поучения, произносимые в приходах. Причем наставлял и убеждал проповедников учить народ христианской жизни не с кафедры только, а при всяком удобном случае, и не одним словом, а более собственным примером. Любовь твоя к благоговейному служению и благолепию храмов и знание уставов православной церкви изменили в этом отношении многое и многое к лучшему.

При рассмотрении епархиальных дел ты являл всегда правдивость, редкое знание и опытность. С изумительным терпением причитывались тобою Епархиальные дела, и ни одно из них не решено прежде, пока лично ты не осмотрел его всесторонне и не убедился в сути дела. Причем в делах более важных, ты был тверд, но без строгости, а в других являл и снисходительность, не доходившую впрочем до слабости.

Подчиненное духовенство всегда видело в тебе не начальника, а чадолюбивого отца. Двери твои открыты были для всех, каждый мог свободно приходить и лично изъяснять свои нужды и свои дела. При таких отношениях, изучив в самое короткое время духовенство, по его образу жизни и степени образования, ты способных и усердных поощрял и награждал, а из тех, кои имели несчастье уклоняться от исполнения своих обязанностей, и коих число самое незначительное, ты предавал Епархиальному суду, только в исключительных случаях;

большею же частью призывал к себе, сам исследовал дело и своею мудростью, а более отеческою нежностью, приводил к сознанию и раскаянию и, вразумив, как должно достойно своего звания, отпускал с миром. Нередко случалось, что виновный входил к тебе со смущением и страхом, а выходил с умилением и слезами благодарности за твою отеческую любовь.

В словах и действиях своих твердо сохранял ты истину, а потому дружба, собственные выгоды и покой всегда приносились в жертву при исполнении тобою пастырского долга. Твердо и настойчиво отклонял ты те мирские обычаи и общие мнения, кои не были согласны с здравым рассудком, твоею совестью и смиренномудрием христианским. Последнее вызывало в некоторых недовольство, но и то на время, пока не убеждались, что всё происходило от чистосердечия и любви к правде. Если и были порицатели, то это не люди, а их страсти и собственные немощи. Всё сказанное далеко не обнимает и не исчерпывает твоей деятельности. Лучшим доказательством твоих благотворных трудов для паствы Харьковской может служить настоящее почтеннейшее собрание. Что привлекло их сюда, как не готовность выразить тебе чувства благоговейного уважения, благодарности, крепкой преданности и самых искренних пожеланий?.. И если бы о настоящем дне ведала епархия, то лиц исполненных подобными чувствами не могла бы вместить эта обширная зала и тебе пришлось бы выслушать много и много отрадного для твоего сердца. Теперь же да не оскорбится твое святительское смирение, если будет указано ещё на твое человеколюбие к беспомощным и страждущим. Кроме ежедневных и тайных своих благотворений, доведомых Единому Богу, ты, своим примером и неоднократными воззваниями и наставлениями, призвал к особой благотворительности и твою паству. Имя твое, как благотворителя, известно в Болгарии, Сербии и Черногории. Поистине, милостивейший Архипастырь и Отец, являя собою образ пасомым, ты старался пасти Харьковскую паству *не нуждею, но волею и по Бозе, ниже неправедными прибытки, но усердно* (1Пет.5:2–3). А потому тяжело нам расставаться с тобою, скорбь обнимает нашу душу.

Благослови нас и помолися, Преосвященнейший Владыко, да дарует Господь, в утешение наше, встретить нам и в новом архипастыре истинного делателя вертограда Христова – Архипастыря цела, честна, здрава, долгоденствующа и право правяща слово истины».

По выходе из-за стола, мною вручен был Кафедральному о. протоиерею образ Христа Спасителя в благословение всему Харьковскому духовенству, с просьбой поставить сей образ навсегда в Кафедральном Соборе.

26 ч. посетил я, в последний раз, Епархиальное женское училище, где мне Советом Училища предложен был небогатый, но радушный завтрак. При прощании, я вручил Председателю Совета, протоиерею А. Федоровскому Банковый 5% билет в 500 р. и сверх сего кредитный 25-рублевый билет при следующей бумаге от 26-го мая 1879 г. за № 45:

«По случаю имеющего совершиться в будущем июне месяце двадцатипятилетия со времени учреждения означенного училища, желая ознаменовать это событие, при разлучении с Харьковскою кафедрою, некоторым приношением со своей стороны, препровождаю при сем в Совет Училища Государственный пятипроцентный Банковый Билет в *пятьсот (500) рублей* 1876 г. за № 31796-м с тем, чтобы заключающийся в сем билете капитал сохранялся неприкосновенным и чтобы только проценты с оного, в количестве 25-ти рублей, ежегодно выдаваемы были, по усмотрению Совета, одной из лучших воспитанниц – *сирот*, при выпуске её из заведения, на её первоначальное устройство.

А так как получение процентов по означенному билету начнется лишь с будущего ноября месяца, то при сем особо прилагаю 25 рублей для выдачи их одной из воспитанниц – сирот настоящего выпуска».

Двадцатипятилетие существования Епархиального Училища предположено было праздновать 6-го числа июня, и Члены училищного Совета убедительно просили меня остаться в Харькове до этого числа, чтоб принять участие в этом училищном празднестве, но я, с одной стороны, не имея сведений о времени прибытия моего преемника в Харьков, а, с

другой, не желая слишком замедлять свой приезд в Тверь, не мог исполнить этой просьбы.

27-го ч., в воскресенье и в день обретения мощей препод. Нила Столобенского чудотворца, я служил последнюю прощальную литургию в Харьковском Кафедральном Соборе, куда собралось на этот раз всё Харьковское духовенство. После отпуска, разоблачившись и возложивши на себя мантию, я приложился, при пении певчих: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко»... к местным иконам и Чудотворной Иконе Б. Матери Еллинской. Затем, ставши на амвон, произнес к своей пастве прощальную речь¹²⁵⁶.

По окончании речи, я отошел и стал на солее пред местною иконою Спасителя, а духовенство под председательством о. Архимандрита Святогорской Пустыни Германа начало молебен о в путь шествующих. После обычных многолетий, когда поднесен был мне для целования крест и для окропления св. вода, я вступил опять на амвон и здесь мне поднесены были иконы от Святогорской обители – Божией Матери Знамения, а от Кафедрального Собора – Успения Божией Матери. Затем все присутствовавшие в храме начали подходить ко мне, для принятия от меня пастырского благословения, для большей части уже последнего; между тем певчие пели концерт: «Живый в помощи Вышнего»...

В 3 часа пополудни, я предложил у себя скромную трапезу для старшей монастырской братии и для некоторых представителей местных епархиальных учреждений.

28-го ч. слушал позднюю литургию в Покровской монастырской церкви и после литургии простился с монашествующею братиею, благословивши её образом Преп. Саввы Вишерского.

В 3 часа пополудни, я вошел в Крестовую церковь, куда собралось духовенство и немалое число граждан: приложившись к св. престолу и местным иконам и благословивши народ, я сел в экипаж и отправился на станцию железной дороги, в сопровождении немалого числа экипажей. По распоряжению начальства железной дороги, мне предложен был вплоть до Москвы особый, так называемый, министерский

вагон. Когда я, благословивши на платформе собравшихся, для напутствования меня благожеланиями, лиц, вошел в вагон, со мною вошли туда несколько лиц, наиболее мне близких, а именно – Святогорский архимандрит Герман, Кафедральный Ключарь Протоиерей С. А. Иларионов, Член Консистории Протоиерей Н. Лашенков, градский Благодочинный Протоиерей И. Чижевский, Протоиереи А. Федоровский и Андр. Щелкунов¹²⁵⁷; священники В. Лихницкий и П. Тимофеев, секретарь Консистории Я. Д. Буханцев, купец И. И. Ващенко; игумения Верхохарьковского Николаевского монастыря Арсения со своею келейницею и Начальница Епархиального женского училища А. В. Кушен. В таком большом обществе много было дорогою разговоров – веселых и грустных. Некоторые из моих добрых сопутников проводили меня только до второй станции (Казачьей Лопани) где встретили меня с пением: «Достойно есть»... сестры Верхохарьковского Николаевского монастыря, поднесли мне хлеб-соль и затем напутствовали песнью: «Ныне отпускаеши»... Прочие спутники отправились со мною далее. Большинство из них простились со мною в Белгороде. Здесь встретила меня Игумения Белгородского монастыря Людмила с несколькими из своих сестер, и подарила мне на память бархатный, искусно вышитый, кушак. Святогорский о. Архимандрит и Кафедральный Ключарь о. Иларионов не захотели, по примеру прочих, расстаться со мною в Белгороде, но решились проводить меня до Курска. Теперь, чем меньше было мое общество, тем искреннее и откровеннее была наша беседа. В полночь приехали мы на Курскую станцию. Здесь, наконец, нужно было мне расстаться с этими, наиболее мне преданными, лицами. Благословивши и поблагодаривши их от всего сердца за их искреннюю ко мне любовь и преданность, я оставил их с самым грустным настроением духа; а с какими чувствами они простились со мною, это изъяснил мне о. Протоиерей Иларионов в своем первом письме ко мне в Тверь.

Оставшись в вагоне один, я, после крайнего утомления и после разнообразных впечатлений дня, погрузился в глубокий сон.

Рано пробудившись 29-го числа, я очутился уже в пределах Орловской губернии, где и природа иная и климат другой, более суровый. После предыдущего жаркого дня, когда я оставлял Харьков, тем ощутительнее для меня была прохлада настоящего дня, и чем ближе подъезжал я к Москве, тем сильнее и сильнее становился холод.

На пути от Орла к Москве вошел ко мне в вагон Управляющий Курско-Харьковскою железною дорогою, Действ. Ст. Сов. Василий Дм. Хлебников. С ним проехали мы несколько станций и провели время в приятной и интересной беседе; была, между прочим, речь о современном состоянии общества, о действиях нового Генерал-Губернатора Харьковского Графа Лорис-Меликова, и проч.

Около 7-ми часов вечера прибыл в родную Москву. На станции встретил меня иеромонах Саввинского подворья о. Сергей и, посадивши меня в карету, запряженную четвернею в шорах, привез на подворье, где Преосвященный Алексей встретил меня с распростертыми объятиями и самою искреннею любовью. Сейчас же предложен был мне чай и затем ужин.

30-е число – среда, утро ясное, но очень холодное. Весь этот день провел я в путешествии по Москве. Прежде всего заехал в Иверскую часовню, для поклонения Чудотворной Иконе Божией Матери; затем отправился в Успенский Собор, где слушал литургию, но по причине холода не мог достоять оную до конца: поспешил отогреться в келиях Синодального Ризничего, о. Архимандрита Иосифа. Затем осмотрел патриаршую ризницу и библиотеку, при чем невольно пробудились во мне самые приятные и разнообразные воспоминания о минувшем невозвратном служении моем в должности Ризничего.

Из Кремля отправился я на Троицкое подворье, для представления новому Московскому Владыке, высокопреосвященному Макарию. Митрополит принял меня с холодною ласкою – не так, как это было в 1871 г. в Вильне. Когда я поздравил Его Высокопреосвященство с новым высоким назначением, он начал жаловаться мне на множество посетителей. Затем повели мы речь о совершившихся

назначениях на кафедры: Тверскую, Харьковскую и Литовскую. На Тверскую кафедру приглашали-де Тульского архиепископа Никандра и Курского Сергия, но тот и другой отказались от всякого перемещения; поэтому жребий пал на меня. В Вильну имели было в виду преосвященного Антония, архиепископа Казанского; но его болезненное состояние воспрепятствовало осуществлению этой мысли. Против назначения на Литовскую кафедру Донского архиепископа Александра¹²⁵⁸ некоторые Члены Синода поставляли на вид его слабый будто бы характер. Не будь сделан уже о мне доклад на Тверскую паству, быть бы мне в Вильне, как уверял меня Московский Владыка. Но что было бы для меня, – думал я про себя, – лучше и полезнее – Вильна или Тверь? Думаю, что в Вильне для меня было бы затруднительнее, чем в Твери. Со мною там, вероятно, повторилась бы, в большей или меньшей мере, история витебская.

С Троицкого подворья заехал я в Высокопетровский монастырь, вошел в Боголюбскую церковь, которую нашел в лучшем против прежнего виде, зашел в настоятельские покои, которые напротив оказались грязными и неопрятными, посетил келью Казначая, Игумена Иосифа – моего давнего и честного комиссионера.

Был затем у Помпея Николаевича Батюшкова, в его собственном доме у Страстного монастыря. В беседе с ним речь зашла, между прочим, о статьях Лескова¹²⁵⁹ (Члена Совета Министерства народного просвещения), под заглавием: «Мелочи архиерейской жизни». Помпей Н-ч статьи эти порицал, и справедливо.

От Помпея Николаевича заезжал к Генерал-Губернатору, Князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, но не застал его дома. Впрочем Князь, возвратившись откуда-то домой и узнавши о моем посещении, тотчас отдал мне визит на Саввинском подворье.

Поехал я затем в Богоявленский монастырь к Преосв. Амвросию, епископу Дмитровскому, но и того не застал дома.

В 1 ч. пополудни обед на Саввинском подворье. К столу приглашены были преосвященные – Амвросий и Иоанн¹²⁶⁰,

бывший Алеутский, мой ученик по академии и постриженец.

После обеда, часу в 5-м пополудни, отправился я к сестре покойного архиепископа Леонида, Татьяне Васильевне Краснопевковой, живущей с братом своим Александром Васильевичем в собственном доме на Сивцевом Вражке. От ней получил я подлинную собственноручную записку Преосвященного Леонида о поездке его в Октябре 1873 г. в Петербург на юбилей Горного Института¹²⁶¹.

От Краснопевковых поехал я к Наталье Петровне Киреевской. Она рассказывала, между прочим, о назначении на Киевскую Митрополию преосвященного Филофея, что это назначение последовало будто бы по особому откровению Государю. В какой мере справедлив этот рассказ, не знаю.

Часу в одиннадцатом возвратился в свою квартиру.

31 ч. утром принимал я приезжавших из Твери, для встречи меня, Члена Консистории Протоиерея Вас. Фед. Владиславлева¹²⁶² и Секретаря той же Консистории Сергея Петровича Славлюбова. Последний вручил мне несколько пакетов с официальными бумагами.

Затем продолжал я свое путешествие по Москве: был в Никитском и Страстном монастырях и у Попечителя Учебного Округа Князя Н. П. Мещерского, которого не нашел дома; он выехал куда-то из Москвы. Посетил своего доброго приятеля и земляка, Протоиерея Николаявленской, на Арбате, церкви Ст. Ив. Зернова; с ним довольно долго, искренно и дружески побеседовал.

Возвратившись на Саввинское подворье, встретил здесь Серг. Мих. Сухотина, давнего моего знакомого.

Вечер провел я в своей квартире с А. Е. Викторовым и Дм. Мих. Струковым – известным художником-археологом, от которого при сем получил я в дар следующие его сочинения: 1) О рисовании в России, М. 1878 г.; 2) Покровский Собор в Москве, М. 1871 г.; 3) Древние памятники христианства в Тавриде, М. 1876, и 4) Житие святых Таврических чудотворцев, М. 1878 г. От Викторова и Струкова получил я прискорбное сведение о том, что знаменитый историк наш С. М. Соловьев¹²⁶³ при смерти.

1-го июня после литургии, напившись чаю, отправился вместе с А. Е. Викторовым в Сокольники на дачу к профессору университета Федору Ивановичу Буслаеву. Не выдавшись с ним 12 лет (с 1867 г.), мы оба чрезвычайно обрадовались взаимному свиданию. Разговорам и воспоминаниям нашим о былом, когда он занимался в моем кабинете рукописями Синодальной библиотеки, не было конца. В настоящую минуту Ф. И-ч занимался, по поручению Общества любителей древней письменности, изучением лицевых списков Апокалипсиса¹²⁶⁴. Увлеченный этой ученой работой, он с восторгом показывал мне точные снимки с многих рисунков апокалипсического содержания. При расставании он дал мне твердое обещание посетить меня в Твери и, как увидим далее, сдержал честно свое слово.

2-го ч. слушал на подворье раннюю литургию, после которой Преосвящ. Алексей совершил, по моей просьбе, панихиду по приснопамятному моему другу, Преосвященному архиепископе Леониде.

Всё это утро оставался я дома, в ожидании посещения высокопреосвященного Митрополита, которое впрочем он сделал во втором часу пополудни не мне, а моему почтенному хозяину; со мною же обошелся не довольно внимательно.

В 6 часов всенощную слушал на Саввинском подворье.

Здесь же на следующий день, 3-го ч., в воскресенье, слушал и литургию, которую совершал Преосвященный Алексей.

В этот день я посетил в Знаменском монастыре о. Архимандрита Сергия¹²⁶⁵ –доктора Богословия, получившего эту высшую ученую степень за многоученное сочинение: «Полный месяцеслов Востока. Восточная агиология, в двух томах, М. 1875–76 г.» В беседе со мною он сообщил, между прочим, что в настоящее время он занимается составлением Истории Иверской Иконы Божией Матери¹²⁶⁶ и вместе с тем продолжает разрабатывать агиологию востока.

Из Знаменского монастыря проехал в Новоспасский, где прежде всего помолился на могиле досточтимого старца, покойного о. Архимандрита Агапита¹²⁶⁷ († 28 мая 1877 г.), с

которым у меня, в продолжении многих лет, были самые добрые искренние отношения. Затем велел доложить о себе Управляющему монастырем Преосв. Порфирию, известному путешественнику на Восток. Он принял меня, как старого знакомого, дружелюбно, хотя с некоторою важною осанкой; показывал мне Сборник старинных греческих нот, начиная с IX или X века, выкраденных им из рукописей афонских монастырей, – за что я братски его укорил; беседовали затем о синайском кодексе Библии, привезенном в Россию известным палеографом К. Тишендорфом. Порфирий этот список Библии называет купеческим, в том смысле, что он сделан был для продажи¹²⁶⁸. При этом он подарил мне свою брошюру, под заглавием: «Мнение о Синайской рукописи, архимандрита Порфирия (Успенского), Спб. 1862 г.», 4-ого, – и ещё другую: «Новое слово об афоно-иверской иконе Богоматери, Еп. Порфирия, М. 1879 г.»

От одного епископа зашел я к другому, имевшему временное пребывание здесь же, в монастыре. Разумею преосвященного Иоанна, бывшего епископа Алеутского. Несчастный питомец мой по академии жаловался и на скудость средств к жизни и особенно на недоброжелательные отношения к нему со стороны епископа Порфирия.

Из Новоспасского монастыря я проехал к академическому совоспитаннику (старшему впрочем меня на один курс) протоиерею Василию Петровичу Нечаеву¹²⁶⁹, Настоятелю Николаевской в Толмачах церкви и известному редактору журнала: «Душеполезное Чтение». Нашел его у себя и несколько минут с ним дружески побеседовал. Выслушал от него, между прочим, совет, чтобы епархиальные архиереи, вместо поучений с кафедры, чаще обращались к своим паствам с окружными посланиями. Совет добрый и разумный.

Вечером, вместе с Преосвященным Алексием, были мы у старейшего из Московских протоиереев, Председателя Общества любителей духовного просвещения и Настоятеля Предтеченской под Бором церкви, моего достопочтенного земляка, протоиерея Иоанна Николаевича Рождественского, пили чай и дружелюбно беседовали о разных, более или

менее серьезных, предметах; между прочим была речь о причащении младенцев: можно ли причащать их на дому, и следует ли для сего иметь запасную св. кровь, как это допускалось некоторыми священниками в Харькове? Ответ на этот вопрос дан был моими учеными собеседниками отрицательный.

4-го ч. в 10-ть часов утра были, вместе с Преосвященным Алексием, в храме Христа Спасителя. Стенная живопись превосходна, хотя подписи под священными изображениями не везде грамматически правильны; но что особенно не совсем приятно меня поразило – это размеры главного престола, далеко не соответствующие обширности алтаря. Не видно также, где назначено место для жертвенника.

В 4 часа отправился по железной дороге в Троицкую-Сергиеву Лавру. Мне сопутствовал туда граф М. В. Толстой¹²⁷⁰ – двоюродный брат Обер-Прокурора Св. Синода. В беседе со мною, между прочим, сообщил он мне, что Обер-Прокурор Граф Д. А. Толстой желал бы умножить число митрополий в России для уменьшения значения митрополичьего сана. Мысль целесообразная в виду усиления обер-прокурорской власти в Синоде, и без того безграничной; таково властолюбие графа Толстого!..

По приезде в Лавру, я остановился в покоях Ректора академии, протоиерея Сергея Конст. Смирнова, который принял меня с самым искренним радушием.

5-го ч. после ранней литургии слушал молебен Преп. Сергию и панихиду при могилах Митрополитов Филарета и Иннокентия, а также архимандрита Антония.

Затем, в своей квартире, виделся и беседовал с новым Наместником Лавры, архимандритом Леонидом (из дворян). Беседа наша сосредоточена была на предметах археологии и археографии, так как о. Леонид специалист по этой части.

В 11-ть часов, я присутствовал, вместе с Преосвященным Амвросием, на магистерском диспуте, происходившем в актовом академической зале. Наставник рижской духовной Семинарии, кандидат А. Остроумов защищал диссертацию на степень магистра Богословия, под заглавием: «Синезий,

епископ Птолемаидский» (М. 1879 г.) Официальными оппонентами были профессор древней церковной истории А. П. Лебедев¹²⁷¹ и доцент по кафедре древней гражданской истории Н. Ф. Каптерев¹²⁷². Защита диссертации магистрантом признана удовлетворительной¹²⁷³.

Вечер провел я в семействе о. Ректора, в его собственном доме, на Вифанской улице.

6-го ч. утром послал в Харьков на имя Начальницы Епархиального женского училища А. В. Кушен приветственную телеграмму, по случаю совершившегося 25-летия со времени основания училища.

В 8 часов отправился в Вифанию поклониться гробу святителя Платона. Прежний Казначей вифанского монастыря, иеромонах Иларион оказался в этот день именинником; встретившись с ним в монастыре, приглашен был в его келью и выпил у него чашку чаю. Затем был в Семинарии и посетил Ректора и Инспектора.

Ректор Протоиерей Филарет Александрович Сергиевский¹²⁷⁴ – родной брат Попечителя Виленского учебного округа Н. А. Сергиевского. Он, между прочим, сказывал мне, что его брат Н. А-ч путешествовал, в нынешнем году, в Крым и мимоездом был в Харькове. Это известие огорчило меня тем, что Николай Александрович, с которым, по-видимому, мы были очень дружны, бывши в Харькове, не почтил меня своим посещением.

Инспектор Вифанской Семинарии, архимандрит Кирилл¹²⁷⁵ – мой ученик по академии и постриженник. Когда он был в Петербурге на чреде священнослужения, покойный Митрополит Московский Иннокентий представлял его в Синод для посвящения в сан епископа Можайского, Викария Московского; но Обер-Прокурор граф Толстой воспротивился этому на том основании, что будто бы у нас не бывало примеров возведения в епископа прямо из Инспекторов Семинарии, помимо ректорства. Вследствие сего, предположено было назначить его на должность ректора Донской Семинарии; но это предположение почему-то не состоялось.

Из Вифании я заезжал в Гефсиманский скит и был в пещерах, для поклонения Чудотворной Иконе Черниговской

Божией Матери.

В 11-ть часов опять присутствовал на магистерском диспуте. Диспутантом явился преподаватель Полтавской дух. Семинарии, священник И. Мансветов¹²⁷⁶. Диссертация, служившая предметом диспута, имела заглавие: «Новозаветное учение о Церкви» (М. 1879 г.). Оппонентами были приват-доцент по кафедре догматического Богословия А. Д. Беляев¹²⁷⁷ и доцент по кафедре сравнительного Богословия Н. М. Иванцов¹²⁷⁸. Возражения последнего были многочисленны и вески; защита диссертации признана удовлетворительною и диспутант признан достойным степени магистра Богословия¹²⁷⁹. О. Мансветов, как уроженец Тверской епархии¹²⁸⁰, представил мне в дар, как Тверскому епископу, экземпляр своего ученого произведения.

После диспута обедали мы с о. Ректором академии у о. Наместника Лавры, архимандрита Леонида. Обед приправлен был живою, откровенною беседою, тем более, что мы обедали лишь втроем.

После обеда с любопытством обозревал я академическую библиотеку в новом очень просторном её помещении.

В 8-мь часов отправился из Лавры обратно в Москву. Со мною, в одном отделении, ехал в Москву из Сергиева Посада Прокурор Тверского Окружного Суда Евгений Романович Ринг, у которого в посаде живут мать и сестра. Ринг человек молодой, благородный и образованный, но, к сожалению, не обладающий здоровьем. Поэтому он намерен был из Москвы отправиться в Самару, для лечения кумысом. Дорогой мы разговорились, между прочим, о том, нельзя ли попросить Начальство Николаевской железной дороги, чтобы к утреннему пассажирскому поезду из Москвы в Тверь прицеплен был вагон 1-го класса. Он с горячим усердием принял на себя комиссию разведать об этом и на другой же день сообщить мне о результате своего расследования. И вот что он писал мне 7-го числа:

«Преосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец!

Железнодорожное начальство на мой вопрос ответило, что к поезду, отходящему из Москвы в 9 ч. 30 минут утра, не может быть присоединен вагон 1 класса. Если Вам благоугодно будет ехать с названным поездом, то в распоряжение Ваше предоставят особое отделение вагона II класса.

С уверенностью дерзаю заявить, что приезд Ваш в час вечерний нисколько не уменьшит радости Вашей новой паствы.

Повергая себя архипастырскому благословению и святой молитве Вашей, с глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть»...

Во время пребывания моего в Москве скончался (4-го ч.) Протопресвитер Успенского Собора Дмитрий Петрович Новский, магистр IV курса (1824 г.) Московской духовной академии. 7-го числа назначено было отпевание тела в Крестовоздвиженской, на Воздвиженке, церкви. Литургию в этот день совершал Преосвященный Алексей, а к отпеванию прибыли высокопреосвященный Митрополит и Преосвященный Иоанн Алеутский. При отпевании были все почти архимандриты московских монастырей и множество протоиереев и священников. Во время литургии и отпевания я стоял в алтаре. Здесь я встретил многих своих знакомых и, между прочим, почтенного земляка, Настоятеля Архангельского Кафедрального Собора, Протоиерея Михаила Измайловича Богословского. В разговоре со мною Михаил Измайлович высказался, между прочим, что он не желает трех вещей – быть архиереем, присутствовать в Синоде и быть на службе при Дворе, а желал бы быть Обер-Прокурором Св. Синода, чтоб показать, чего не должен делать Обер-Прокурор.

Из церкви заезжали мы с Преосвященным Алексием к Директору Публичного и Румянцевского Музеев Гофмейстеру Василию Андреевичу Дашкову, пили у него чай и осматривали замечательное собрание литографированных портретов знаменитых русских деятелей. Здесь я встретился и познакомился с Почетным Опекуном, Тайным Советником Александром Павл. Дегаем¹²⁸¹, бывшим Астраханским губернатором.

В 7-мь часов вечера ездил на Троицкое подворье проститься с Митрополитом. У него встретил жену старосты Петербургского Исаакиевского Собора, Генерал-майора Богдановича, урожденную Бутовскую. Когда она ушла, между нами началась довольно откровенная беседа. Митрополит жаловался на уклончивость в действиях Митрополитов Новгородского¹²⁸² и Киевского¹²⁸³; сообщал о важном значении в Синоде Протоиерея И. В. Рождественского, о том, что Государь и Государыня его больше уважают, чем Бажанова; говорил, что газета «Церковно-Общ. Вестник» пользуется покровительством Протоиерея И. Васильева и Канцелярии Обер-Прокурора, что известному священнику Белюстину покровительствует Обер-Прокурор.

На этом беседа наша прекратилась: доложили, что приехал В. И. Коптев¹²⁸⁴. Я простился со Владыкою и уехал на Саввинское подворье. На другой день 8 числа я оставил дорогу и гостеприимную для меня Москву и в 4-м часу пополудни отправился в новый престольный град мой – Тверь.

Примечания

¹ - Платонову, ныне викарий Костромской епархии, епископ Кинешемский.

² - Алексею Егоровичу, товарищу Преосв. Саввы по академии, известному археологу, † 20 Июля 1883 г.

³ - † 16 Декабря 1900 г.

⁴ - Булгаков, митр. Московским † 9 Июня 1882 г.

⁵ - † 19 Мая 1883 г.

⁶ - Графа Д. А. Толстого † 25 Апреля 1889 г.

⁷ - С 1859–1868 г.

⁸ - Надеждин, предшественник Преосв. Саввы по Харьковской кафедре, † 7 Сентября 1874 г.

⁹ - Александр Абрамович, известный химик («русский дедушка химии»), † 21 Января 1880 г.

¹⁰ - Никольскому, † 7 Сентября 1892 г.

¹¹ - † 15 Января 1879 г.

¹² - См. о нём т. III и IV Хроники по указателям.

¹³ - † 29 Ноября 1875 г.

¹⁴ - † 18 Июля 1888 г., ср. том III Хроники, стр. 781

¹⁵ - † 19 Ноября 1867 г., ср. том III Хроники, стр. 781

¹⁶ - Орлинскому, † 21 Февраля 1883 г.

¹⁷ - † 10 Октября 1886 г.

¹⁸ - Бровкович, † архиеп. Херсонским 27 Декабря 1890 г.

¹⁹ - Амфитеатрова, † 8 Ноября 1879 г.

²⁰ - Ляпидевского, † митр. Московским 11 Февраля 1898 г.

²¹ - Архиеп. Донского Платона Городецкого, † митр. Киевским 1 Октября 1891 г.

²² - Борисовым, известным проповедником, † 26 Мая 1857 г. архиеп. Харьковским.

²³ - Вениамина.

²⁴ - Любимова, преемника Преосв. Саввы по Полоцкой кафедре, † 21 Августа 1882 г.

- ²⁵ - Микулицкий, † еп. Вологодским 23 Апреля 1894 г.
- ²⁶ - † 29 Ноября 1881 г.
- ²⁷ - Филонова, ныне еп. Аккерманского, викария Кишинёвской епархии.
- ²⁸ - Ныне настоятеля Нежинского монастыря Черниговской епархии.
- ²⁹ - † 30 Марта 1896 г., см. о нём т. III и IV Хроники по указателям.
- ³⁰ - † 7 Мая 1878 г.
- ³¹ - См. о ней предшествующие тома Хроники по указателям.
- ³² - Напечатана в книге: Речи, говоренные в разное время Саввою, Архиепископом Тверским и Кашинским (Тверь, 1892.), стр. 42–44.
- ³³ - † 16 Апреля 1877 г., см. о нём том III Хроники по указателю.
- ³⁴ - Белокурову, † еп. Дмитровским 14 Октября 1877 г.
- ³⁵ - Митр. Исидору.
- ³⁶ - Краснопевкову, † архиеп. Ярославским 15 Декабря 1876 г.
- ³⁷ - Ныне Анастасий, еп. Воронежский.
- ³⁸ - О принесении части св. мощей Преп. Евфросинии см. IV том Хроники, стр. 441 и сл.
- ³⁹ - 24 Сентября 1872 г., см. IV том Хроники, стр. 602–605.
- ⁴⁰ - † 3 Августа 1887 г., см. о нём тома III и IV Хроники по указателям.
- ⁴¹ - См. о нём том IV Хроники по указателям.
- ⁴² - Чернявский, † еп. Минским 21 Мая 1889 г.
- ⁴³ - По книге Ю. В. Толстого, Списки архиереев иерархии Всероссийской (СПб. 1896), стр. 63 (№ 435) – сын священника.
- ⁴⁴ - Москвина II, † 28 Апреля 1876 г.
- ⁴⁵ - Булгаков.
- ⁴⁶ - Доброхотова, † на покое в Москве 23 Апреля 1900 г.; о его отзыве см. том IV Хроники, стр. 739–741.

- ⁴⁷ - Попова, † архиеп. Рязанским 2 Декабря 1894 г.
- ⁴⁸ - † 27 Ноября 1883 г., см. о нём тома III и IV Хроники по указателям.
- ⁴⁹ - С 1837–1840 г.
- ⁵⁰ - С 1844–1858 г.
- ⁵¹ - † 25 Февраля 1888 г.
- ⁵² - † 10 Октября 1882 г., см. о нём тома II–IV Хроники по указателям.
- ⁵³ - Руднева, † митр. Киевским 7 Июня 1900 г.
- ⁵⁴ - Дроздова, † еп. Смоленским 28 Сентября 1881 г.
- ⁵⁵ - Муретова, † архиеп. Херсонским 14 Ноября 1883 г.
- ⁵⁶ - Ильинский, † архиеп. Тверским 12 Марта 1879 г.
- ⁵⁷ - Горский, † архиеп. Херсонским 1 Марта 1877 г.
- ⁵⁸ - Лебединский, † митр. Московским 1 Августа 1893 г.
- ⁵⁹ - Вышеупоминаемый прот. Рождественский.
- ⁶⁰ - Обер-Прокурора Св. Синода.
- ⁶¹ - См. о нём тома III и IV Хроники по указателям.
- ⁶² - См. о нём том IV Хроники по указателю.
- ⁶³ - Бровковиче, вышеупоминаемом.
- ⁶⁴ - Граф Виктор Никитич, министр юстиции при импер. Николае I.
- ⁶⁵ - Модест Андреевич, председатель департамента законов Государственного Совета, впоследствии граф.
- ⁶⁶ - О. Василия Борисовича, † 1 Июля 1883 г.
- ⁶⁷ - Вениаминове, † 31 Марта 1879 г.
- ⁶⁸ - Раеву, † митр. СПб. 5 Декабря 1898 г.
- ⁶⁹ - Булгакова, вышеупоминаемого.
- ⁷⁰ - Впоследствии настоятель Московского Единоверческого Никольского монастыря, † 27 Апреля 1895 г. См. о нём том IV Хроники по указателю.
- ⁷¹ - См. о нём том IV Хроники по указателю.
- ⁷² - † 5 Марта 1878 г., см. в Церк. Вестнике 1901 г. № 33, стр. 1069, характеристику его лекций, сделанную Болотовым.

⁷³ - В 1857–1865 г.; ср. о сем том III Хроники, стр. 518–519 и прим. 1-е на стр. 519-й.

⁷⁴ - См. о нём тома I и II Хроники по указателями.

⁷⁵ - Филонову, настоятелю Маркова монастыря, вышеупоминаемому.

⁷⁶ - Ректором семинарии, в 1860–1868 г.

⁷⁷ - Ср. том IV Хроники, стр. 810–811; † 23 Августа 1874 г.

⁷⁸ - † 19 Июня 1891 г.

⁷⁹ - Рождественскому, еп. Можайскому, † еп. Костромским 7 июня 1883 г.

⁸⁰ - Умер в 1875 г. 11 Октября.

⁸¹ - † Архиеп. Херсонским 3 сентября 1901 г.

⁸² - † 20 октября 1900 г.

⁸³ - † 28 октября 1874 г.

⁸⁴ - Троилину, † в 1897 г. См. о ней том III Хроники по указателю.

⁸⁵ - † 7 сентября 1885 г. См. о ней в книге Преосв. Саввы, Воспоминания о Преосв. Леониде (Харьков, 1877), стр. 34.

⁸⁶ - См. о сем том IV Хроники, стр. 765–772, а также в упоминаемой выше книге Преосв. Саввы Воспоминания о Преосв. Леониде, стр. 253–271.

⁸⁷ - † 16 Февраля 1898 г.

⁸⁸ - Начал издаваться в 1860 г.; к Смирнову-Платонову редакция журнала перешла в 1869 г.

⁸⁹ - Известного историка, † 4 октября 1879 г.

⁹⁰ - † 31 Июля 1900 г.

⁹¹ - Кризис западной философии (против позитивистов). Москва, 1874.

⁹² - Напечатаны в Прав. Обозрении 1878 г. тома I–III, 1879 г. том III, 1880 г. том III и 1881 г. том I и III.

⁹³ - Фёдором Александровичем, ныне директор Пулковской обсерватории.

⁹⁴ - См. о ней тома III и IV Хроники по указателям.

⁹⁵ - Графа П. Я. Ростовцева, † 22 Ноября 1882 г.

- ⁹⁶ - Василий Семенович, кафедральный протоиерей.
- ⁹⁷ - Кафедральный протодиакон, † 6 Марта 1888 г.
- ⁹⁸ - Ростовцев, губернатор.
- ⁹⁹ - Медведева, † 12 Мая 1877 г.
- ¹⁰⁰ - † 11 Октября 1875 г.
- ¹⁰¹ - Впоследствии ректор Академии и протоиерей, † 16 Февраля 1889 г.
- ¹⁰² - Профессор по кафедре метафизики, † 3 Декабря 1891 г.
- ¹⁰³ - Он же и Обер-Прокурор Св. Синода.
- ¹⁰⁴ - Михаилу Никифоровичу, известному публицисту, редактору-издателю Русского Вестника и Московских Ведомостей, † 20 Июля 1887 г.
- ¹⁰⁵ - Т. е. в Чудовом монастыре.
- ¹⁰⁶ - Архим. Вениамина Успенского, † 30 Сентября 1888 г.
- ¹⁰⁷ - † 16 Января 1884 г.
- ¹⁰⁸ - В следующем 1876 г. 15 Декабря Преосв. Леонид † архиепископом Ярославским.
- ¹⁰⁹ - По выезде Преосв. Саввы из Москвы, преосвящ. Леонид писал от 31-го янв. в СПб. к преосвящ. Митрополиту Иннокентию: «8-го числа (янв.) трапезовали у меня преосвящ. Викторин и Иоанникий (Нижегородский). Были ко мне милостивы, но беседы епископской не удостоили: разговор был пущен в общие места, за то усладил меня и всех преосвящ. Савва, насквозь проникнутый великим служением архиерейским. Почти в каждый из 10-ти дней, проведённых им в Москве, я виделся с ним. Два раза он у меня обедал... Князь Владимир Андреевич, графиня Анна Георгиевна, И. А. Кононов, мои родные, угощали его и всюду меня за ним влачили, и везде с приятностью и пользою, ибо он охотно говорит о крае, где действовал, и действованиях своих, без надмения и без жеманства, правдиво и наглядно. — Особенно обильно было его слово в (моём) тесном родственном кружку у сестёр моих младших. Навестил он и старшую, в монастыре, где славянское училище привело его в восхищение оригинальностью,

развитостью детей, соединенною с простотою, в других училищах уже утраченную. – Отрадно было видеть то впечатление, которое производил на всех этот достойнейший истинный иерарх» ...

¹¹⁰ - Покровский, † 27 Июня 1893 г.

¹¹¹ - Симеон Алексеевич, † 8 Июля 1891 г.

¹¹² - В.Ф., † 8 Мая 1889 г.

¹¹³ - Фаворов, † 12 Мая 1879 г.

¹¹⁴ - † 22 Июня 1884 г., см. о нём том IV Хроники по указателю.

¹¹⁵ - † 18 Мая 1813 г

¹¹⁶ - † 20 Января 1817 г.

¹¹⁷ - † 7 Февраля 1832 г.

¹¹⁸ - † 4 Декабря 1840 г.

¹¹⁹ - † на покое 3 Апреля 1869 г.

¹²⁰ - † архиепископом Рязанским 11 Ноября 1863 г.

¹²¹ - † 26 Мая 1857 г.

¹²² - † архиепископом Таврическим 31 Мая 1860 г.

¹²³ - † архиепископом Черниговским 9 Августа 1866 г.

¹²⁴ - † митрополитом Московским 9 Июня 1882 г.

¹²⁵ - Сравнивая число раскольников с количеством православного населения в Харьковской и Полоцкой епархиях, я не мог не порадоваться за первую, ибо в последней, т. е. Полоцкой епархии, на 466.089 православных было в 1866 г. 52.640 раскольников.

¹²⁶ - Отд. 1, стр. 44. Харьков, 1859.

¹²⁷ - † 2 Июля в 1731 г.

¹²⁸ - † в 1729 г.

¹²⁹ - Алексея Андреевича, фаворита императора Александра 1-го, † в 1834 г.

¹³⁰ - † 23 Июля 1879 г., см. некролог в Харьковских Епархиальных Ведомостях за 1879 г., № 15, стр. 152.

¹³¹ - † в 1879 г.

¹³² - † 12 Мая 1879 г.

- 133 - † в 1886 г.
- 134 - † 29 Ноября 1881 г., см. Харьковские Епарх. Ведомости 1881 г. № 23.
- 135 - † 19 Февраля 1876 г.
- 136 - † 27 Октября 1886 г.
- 137 - † 24 Февраля 1879 г., см. Харьк. Епар. Ведом. 1879 г. № 5, стр. 201.
- 138 - † 24 Сентября 1896 г. См. Листок для Харьковской епархии 1896 г. № 19, стр. 511.
- 139 - † в Одессе в 1886 г.
- 140 - Вышеупоминаемый.
- 141 - Ныне преподаватель 1-го кадетского корпуса в Москве.
- 142 - Ныне начальница Ставропольского женского епархиального училища.
- 143 - Доныне здравствующий.
- 144 - † 28 Сентября 1825 г.
- 145 - † 16 Декабря 1870 г.
- 146 - † в 1856 г.
- 147 - Слово это напечатано в № 4-м Харьковских Епархиальных Ведомостей 1875 г. и в отдельном издании «Речи, говоренные в разное время Саввою, архиеп. Тверским». Тверь, 1892 г., стр. 45.
- 148 - Не раз вышеупоминаемому.
- 149 - † в Марте 1876 г.
- 150 - † 17 Июля 1889 г.
- 151 - Линьков, † 31 Июля 1899 г. епископом Минским.
- 152 - Григорий Медиоланский, † 21 Апреля 1881 г.
- 153 - † в 1894 г., см. воспоминания о нём в Приб. к Церк. Ведомостям 1901 г. № 36, стр. 1294 и сл.
- 154 - Проф. Моск. Дух. Академии, † архиепископом Литовским 9 Ноября 1890 г.
- 155 - Булгаков, вышеупоминаемый.
- 156 - См. о нём выше.

- ¹⁵⁷ - Проф. богословия в Моск. Университете, † в Июне 1892 г. Слово его в Прав. Обозрении 1874 г. Ноябрь.
- ¹⁵⁸ - Потомственный почётный гражданин, † 14 марта 1886 г.
- ¹⁵⁹ - Протоиерею, см. о нём тома III и IV Хроники по указателю.
- ¹⁶⁰ - М. И., см. о нём том IV Хроники по указателю
- ¹⁶¹ - Протодиакон.
- ¹⁶² - Жена известного славянофила И. В. Киреевского, см. о ней тома II–IV Хроники по указателям, † 14 Марта 1900 г.
- ¹⁶³ - С 1856–1862 г., † 21 Июля 1873 г.
- ¹⁶⁴ - Покровским.
- ¹⁶⁵ - Феогносту Лебедеву, ныне митр. Киевский.
- ¹⁶⁶ - Толстым, министром народного просвещения и обер-прокурором Св. Синода.
- ¹⁶⁷ - О третьей книге Ездры. Опыт исследования о книгах апокрифических. СПб. 1861.
- ¹⁶⁸ - Дроздова, † на покое в Москве 7 Декабря 1876 г. См. о нём Русский Архив 1881 г. I, 290–291; Богословский Вестник 1894 г. I, 4, 165, и 1900, III, 11, 388, прим. 1; о его библиотеке Голос 1877, № 160
- ¹⁶⁹ - Виктора Димитриевича, потом профессора, † 3 Декабря 1891 г.
- ¹⁷⁰ - Богословскому, † 19 Февраля 1892 г.
- ¹⁷¹ - История Моск. Дух. Академии С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 230.
- ¹⁷² - Епископ Вениамин.
- ¹⁷³ - Мнения Преосвященных епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Том I. СПб. 1874.
- ¹⁷⁴ - Энеидов, вышеупоминаемый.
- ¹⁷⁵ - В Тверской епархии, на имя Преосвящ. Архиеп. Гавриила последовал указ из Св. Синода от 29 июля 1853 г., № 7581, по тому же предмету в противоположном смысле. Примечание Преосв. Саввы.

- 176 - Впоследствии Алексей, архиепископ Литовский, † 9
Ноября 1890 г.
- 177 - Преосв. Макария Булгакова.
- 178 - См. IV том Хроники, стр. 480, прим. 1.
- 179 - Гумилевского.
- 180 - Митр. Новгородского.
- 181 - Старобельская женская Община «Всех Скорбящих
Радости», – Прот. Г. Дюкова, Харьков, 1873 г.
- 182 - Имеется в виду книга М. Морошкина; Выборное начало
в духовенстве. СПб. 1870 г.
- 183 - Впоследствии Виталия, епископа Могилевского, † 14
Мая 1885 г.
- 184 - Соловьеву, † 8 Марта 1876 г.
- 185 - Преосв. Агафангел был ректором Харьковской
семинарии в 1842–1845 гг.
- 186 - † 30 Марта 1896 г., ср. о нём том IV Хроники по
указателю.
- 187 - Красовицкий, священник кафедрального собора,
вышеупоминаемый.
- 188 - Священник Крестовоздвиженской церкви, с 1901 г.
протоиерей.
- 189 - Кафедральный протоиерей, вышеупоминаемый.
- 190 - Вышеупоминаемом.
- 191 - Вышеупоминаемого Красовицкого.
- 192 - Ростовцевым, Павлом Яковлевичем.
- 193 - Преосв. Викторин, преемник Преосв. Саввы по
Полоцкой кафедре, перед тем был епископом Чебоксарским,
викарием Казанской епархии.
- 194 - В еврействе Вульф Нахлас, доселе здравствующий
автор многих сочинений об иудействе и евреях.
- 195 - Беседы православного христианина из евреев с
новообращёнными из своих собратий об истинах святой веры и
заблуждениях талмудических. Издание 2-е дополненное и
исправленное. Новгород. 1874.

¹⁹⁶ - Прасковья Алексеевна, известная благотворительница, † 6 Октября 1894 г.

¹⁹⁷ - Иннокентия.

¹⁹⁸ - Разумеется, беседа Преосвящ. Леонида от 14 апреля 1872 г. в великий пяток, в 5 ч. утра (помещена в IV томе Хроники за 1872 г. м. апрель и в отдельной книге: «Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, архиепископе Ярославском и Ростовском», 1877, стр. 226–230).

¹⁹⁹ - Разумеется письмо Преосвящ. Саввы от 14 февр. 1875 г. См. выше.

²⁰⁰ - Предшественник Преосвящ. Саввы, вышеупоминаемый.

²⁰¹ - Савченко, архиепископ Черниговский, † Марта 1875 г.

²⁰² - Вышеупоминаемый.

²⁰³ - Разумеется Мироосвящение, совершаемое ежегодно в Московском Успенском соборе в Великий Пяток.

²⁰⁴ - Разумеется Иосиф (Левитский), преемник Преосвящ. Саввы по должности ризничего Синодального; † в схиме на Афоне 29 апреля 1891 г.

²⁰⁵ - Белокуров, из наместников Александро-Невской Лавры 1 Апреля 1875 г. епископ Старорусский, † епископом Дмитровским 14 октября 1877 г.

²⁰⁶ - Митрополит Иннокентий.

²⁰⁷ - Протоиерея А. В. Горского.

²⁰⁸ - Упоминаемого выше в письме Преосвящ. Леонида.

²⁰⁹ - Доныне здравствующего, известного профессора по истории и обличению раскола.

²¹⁰ - Дмитрия Дмитриевича, † 21 Декабря 1873 г.

²¹¹ - Профессора академии, † 17 марта 1888 г.

²¹² - Вышеупоминаемого.

²¹³ - Вышла в свет в 1879 г. в Москве.

²¹⁴ - Протодиакон, † 6 Марта 1888 г.

²¹⁵ - Сергей Григорьевич Величин, † в Твери 29 Апреля 1900 г.

- ²¹⁶ - Архиерейская дача в Витебске.
- ²¹⁷ - Ныне протоиерей церкви Гребневской Божией Матери, в Москве.
- ²¹⁸ - Серафим Аретинский, † 22 Апреля 1886 г.
- ²¹⁹ - Шамиль, грозный возбудитель Кавказских горцев против русских, покорившийся в 1861 г.; † 9 апреля 1871 г. в Медине.
- ²²⁰ - Добросердов, † епископом Астраханским 24 Июня 1880 г.
- ²²¹ - Харьков. Епарх. Ведомости 1875 г. № 9, стр. 274 и след.
- ²²² - Церемониал этот см. в книжке: «Озерянский Чудотворный образ Б. Матери», Гр. Кулжинского, Харьков, 1879 г., стр. 30 и след.
- ²²³ - См. Летопись монастыря, сост. в 1850 г. (Список с этой летописи хранится в библиотеке Преосвященного Саввы, ныне Московской Духовной Академии).
- ²²⁴ - Более подробные сведения о Куряжском монастыре см. в Историко-Статистическом Описании Харьковской епархии. отд. 1, стр. 73–108, Харьков, 1859 г.
- ²²⁵ - Орлинский, † 21 Февраля 1883 г.
- ²²⁶ - Письмо это см. выше под 2-м числом Марта, стр. 82–83.
- ²²⁷ - Орфанова, протоиерея Муромского собора, † 8 Апреля 1899 г.
- ²²⁸ - Макария Булгакова, Архиепископа Литовского.
- ²²⁹ - Митрополит Московский, † 19 Ноября 1867 г.
- ²³⁰ - Протоиерею-профессору, † 22 Августа 1854 г.
- ²³¹ - 1844–1848 г.
- ²³² - † протоиереем Московской церкви Зачатия св. Анны 19 Января 1902 г. См. Церковный Вестник 1902 г. № 4, кол. 115, и Московские Церковные Ведомости 1902 г. № 4, стр. 54.
- ²³³ - В монашестве Игнатий, † епископом Костромским 7 Июня 1883 г.

²³⁴ - Проф. д-р Ф. Шафф, Иисус Христос – чудо истории. Сочинение, заключающее в себе опровержение ложных теорий о лице Иисуса Христа и собрание свидетельств о высоком достоинстве характера, жизни и дел Его со стороны неверующих. СПб. 1874–1875.

²³⁵ - См. о нём том III Хроники, стр. 407.

²³⁶ - Свято-Троицкий богадельный дом в Ораниенбауме. СПб. 1875 г.

²³⁷ - Вечный памятник достославному святителю, Преосвященному митрополиту Московскому Филарету, в Свято-Троицком богадельном доме, состоящем под Августейшим покровительством Её Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Екатерины Михайловны, в г. Ораниенбауме С.-Петербургской губернии. СПб. 1875 г.

²³⁸ - С 1881–1897 г. был кафедральным протоиереем; лишившись зрения, уволился за штат; ныне проживает в Харькове.

²³⁹ - Старшины Московского купеческого общества, † 25 Ноября 1876 г.

²⁴⁰ - Впоследствии Московский городской голова, убит 9 Февраля 1893 г. См. Моск. Вед. 1893 г. № 70.

²⁴¹ - Подробности об учреждении Николаевского монастыря заключаются: 1) в брошюре: Открытие Никольского Верхохарьковского монастыря, Киев, 1846 г., 2) в Биографии Игуменнии Емилии, монахини Леониды (Суражевской), Харьков, 1878 г. и 3) в статье А. Ковалевского, помещ. в 3-й ч. Душеп. Чт. за 1885 г.

²⁴² - Арсений II (Москвин Федор Павлович), † 28 Апреля 1876 г.

²⁴³ - † 10 Декабря 1754 г.

²⁴⁴ - Успенским, † 31 Марта 1876 г. Ещё в 1824г. Ноября 19-го, во время проезда через г. Белгород Императора Александра Павловича, который в склепе, где покоится нетленное тело в Бозе почившего Святителя Иоасафа, слушал панихиду, Епископ Курский Владимир (Ужинский, † 16 декабря 1855 г.) представлял Его Величеству причислить святителя Иоасафа к лику святых,

но Государь не изъявил на это согласие; и надобно же случиться, что ровно через год, именно в этот день, 19-го числа, день тезоименитства Иоасафа, Государь скончался в Таганроге (См. Воспоминания Н. И. Шенига, в Русск. Арх. 1880 г. III, 289).

²⁴⁵ - Кротков, † на покое в Москве 1 Декабря 1885 г.

²⁴⁶ - Игнатий Клементьевич, впоследствии управляющий контролем при Св. Синоде, † 19 Апреля 1901 г., см. Церковные Ведомости 1901 г., № 18; стр. 653.

²⁴⁷ - Архиепископу Антонию Павлинскому, † 29 Апреля 1878 г.

²⁴⁸ - Беляев, епископ Вятский, † 26 Ноября 1885 г.

²⁴⁹ - Архим. Павел Вильчинский, впоследствии еп. Пензенский. ныне на покое, см. Церковные Ведомости 1902 г. № 24, стр. 796.

²⁵⁰ - Впоследствии Директор Канцелярии Обер-Прокурора Св. Синода, † 14 декабря 1889 г.

²⁵¹ - Протоиерея А. В. Горского.

²⁵² - Геннадием Феодоровичем, ныне священник Московской Николаевской, Красный звон именуемой, церкви.

²⁵³ - Ныне генерал, известный деятель по соединению со старокатоликами.

²⁵⁴ - Раздыбаев – священник Единоверческой церкви Купянского уезда Харьковской епархии.

²⁵⁵ - Архимандрит Московского Никольского единоверческого монастыря, † 27 Апреля 1895 г.

²⁵⁶ - Иван, кандидат XXV (1866 г.) курса Московской Дух. Академии.

²⁵⁷ - † 20 Февраля 1883 г., см. Харьковские Епарх. Ведомости 1883 г. № 10.

²⁵⁸ - Алексеев, вышеупоминаемый.

²⁵⁹ - Апол. Феод., † 23 Февраля 1891 г. См. Листок для Харьк. Епархии 1891 г. № 6-й, стр. 128.

²⁶⁰ - Пётр Алексеевич, † 2 Ноября 1877 г. См. Харьк. Епарх. Вед. 1877 г. № 23, стр. 348.

²⁶¹ - Его жизнь довольно подробно описана в Историко-Статистическом Описании Харьковской епархии Архиеп. Филарета Гумилевского, Отд. II, стр. 211–256.

²⁶² - Иван Степанович, гетман – изменник, † 22 Августа 1709 г.

²⁶³ - Сведения о явлении в 1739 г. Ахтырской Иконы Божией Матери и о чудесах от неё заключаются в Историко-Статистическом Описании Харьковской епархии, отд. III, стр. 12 и сл.

²⁶⁴ - † в 1884 г.

²⁶⁵ - † в 1901 г.

²⁶⁶ - Надаржинский, приняв схиму и имя Товии в Ахтырском Троицком монастыре, скончался в 1729 г. и погребён был на правой стороне внутри Троицкого Собора (Историко-Статист. Опис. Харьк. еп. Отд. I, стр. 195).

²⁶⁷ - Вышеупоминаемого.

²⁶⁸ - † протоиереем в 1890 г.

²⁶⁹ - † протоиереем 4 Февраля 1894 г.

²⁷⁰ - Николая Николаевича, † 25 Декабря 1865 г.

²⁷¹ - О слободе Ольшанах см. Письма с Украины Н. Н. Балабухи – в № 58 Моск. Ведом. 1890 г.

²⁷² - Должно заметить при сем, что иконы для иконостаса писаны дочерью Генеральши Шатовой, девицею Анастасиею Николаевной: живопись тщательная и довольно искусная.

²⁷³ - † 27 Декабря 1893 г.

²⁷⁴ - Подробности о Слободе Тернах – в Историко-Статистич. Описании Харьковской епархии Отд. III, стр. 583–593, Москва, 1857 г.; ещё в № 58 Моск. Вед. 1890 г., в Письмах с Украины Балабухи.

²⁷⁵ - † 1728 г.

²⁷⁶ - † 30 Октября 1891 г.†

²⁷⁷ - Мысль об устройстве в своём имении монастыря Хрущеву внушена была, как он мне сказывал, соседнею помещицей – Эллинской.

²⁷⁸ - † 19 Июля 1883 г.

- 279 - Филаретов, † епископом Рижским 23 Февраля 1882 г.
- 280 - См. о нём тома III и IV Хроники по указателям.
- 281 - Епископом Викторинном.
- 282 - Князь Д. Н. Кропоткин.
- 283 - Юрий Васильевич, † 2 Января 1878 г.
- 284 - Потом Амвросия, архиепископа Харьковского, † 3 Сентября 1901 г.
- 285 - † 5 Апреля 1885 г., см. о нём том IV Хроники по указателю.
- 286 - Военский начальник.
- 287 - Владимир Николаевич, генерал-майор, бывший Витебский губернатор, в то время командующий 16-й дивизией.
- 288 - Генерал-губернатор Варшавский, † 19 Мая 1883 г.
- 289 - Ростовцеву, губернатору.
- 290 - Ныне настоятель Успенского Собора в Витебске.
- 291 - Настоятель Динабургского Собора, † 3 Августа 1887 г.
- 292 - Потом протоиерей Витебского кафедрального собора, † 5 Апреля 1898 г.
- 293 - Протоиерей А. В. Горский.
- 294 - Архимандрит Антоний Медведев, † 12 Мая 1877 г.
- 295 - Иерофей Алексеевич, потом экстраординарный профессор Московской Академии по кафедре теории словесности и истории иностранных литератур, с 1902 г. 21 Июня в отставке.
- 296 - Ныне протоиерей Николаевской, что на Ямах, церкви.
- 297 - † 27 Ноября 1883 г. См. о нём тома III и IV Хроники по указателям.
- 298 - Протоиерея Илларионова.
- 299 - † 13 Апреля 1890 г.
- 300 - К этим источникам можно присовокупить ещё сочинения: 1) А. Н. Муравьева, Святые Горы и Оптина Пустынь, СПб. 1852 г., и 2) Статьи А. Ф. Ковалевского в Душеп. Чт. 1867 г., II, 73 и сл., 1868 г. III, 139 и сл., и 1869 г. II, 85–105.

301 - † 1 Июля 1869 г. См. о ней брошюру А. И. Муравьева, Несколько слов в память Т. Б. Потемкиной, Киев, 1869, а также тома I и III–IV Хроники по указателям.

302 - † 19 Июля 1872 г.

303 - Курской губ., основ. в XVII в.

304 - Митрофановым, † 12 Октября 1859 г., игуменом в Святогорской пустыни был с 21 Апреля 1844 г.

305 - Известного духовного писателя, † 18 Августа 1874 г., см. о нём предшествующие тома Хроники по указателям.

306 - Воспоминание об А. Н. Муравьеве. Киев, 1875.

307 - Николаем Васильевичем. † 25 Февраля 1891 г.

308 - Цурикову, † 5 Января 1878 г., см. о нём тома III и IV Хроники по указателям.

309 - См. о нём тома III и IV Хроники по указателям, † 17 Мая 1901 г.

310 - Вышеупоминаемой.

311 - Линькова, бывшего ректора Пензенской семинарии, товарища Преосв. Саввы по академии, † еп. Минским 31 Июля 1899 г.

312 - Александра Феодоровна, Супруга Импер. Николая I-го.

313 - Потемкиных, вышеупоминаемых.

314 - Толстых.

315 - Старец, † 7 Сентября 1860 г.

316 - Гренков, † 10 Октября 1891 г.

317 - Осецкого, † на покое 18 декабря 1896 г.

318 - Исидора.

319 - Филаретова, † 23 февраля 1882 г.

320 - 5 Сентября 1825 г. посвящен во иеромонаха.

321 - Москвина, † 28 Апреля 1876 г.

322 - Епископу Викторину.

323 - П. Я. Ростовцева.

324 - Сведения эти заимствованы из Харьковских Епарх. Ведой. 1877 г. № 1, стр. 18–28. О Геппнере упоминается в письме Преосвященного Иннокентия Сербиновичу от 29 Ноября

1843 г. (См. Русск. Старину 1880 г. том XXIII стр. 381). Ср. о нём том IV Хроники по указателю.

325 - Москвин, потом митрополит Киевский, вышеупоминаемый.

326 - Протоиерея Энеидова.

327 - † в 1882 г.

328 - Ныне Анастасий, Архиепископ Воронежский.

329 - 30-го августа П. Я. Ростовцев произведен в чин Тайного Советника.

330 - Вышеупоминаемый.

331 - Протоиерея А. В. Горского.

332 - Тимофей, ныне профессор богословия в Харьковском Университете.

333 - Протоиерея церкви св. Параскевы Пятницы, в Москве † 16 Января 1895 г.

334 - Феодор Николаевич, кандидат XXXVI (1879 г.) курса СПб. Академии, ныне протоиерей Воскресенского всех учебных заведений собора в СПб.

335 - Митр. Исидор (Никольский).

336 - 1875, III, 489. Торжество 5-го сентября 1875 года (50-летний юбилей митр. Исидора).

337 - Вышеупоминаемого.

338 - Преосвященном Викторине.

339 - † 22 Августа 1854 г.

340 - † 12 Мая 1877 г.

341 - Восторгов А. В., так же как и Горский, вступил в Академию из философского класса Ярославской Семинарии в 1828 году. По окончании курса Академии, он был назначен преподавателем математики во Владимирскую Семинарию.

342 - Пятницкого, впоследствии архиепископа Тобольского, † на покое 19 Марта 1862 г.

343 - Душеполезное Чтение 1882 г. I, февраль, Стр. 192.

344 - Православное Обозрение 1880 г., II, 353.

345 - Ibid. I, 724.

- 346 - 1875 г. № 42, стр. 364.
- 347 - Чт. в Общ. люб. дух. просвещ. 1881 г. том 3, стр. 422.
- 348 - Моск. Еп. Вед. 1875 г. № 43, стр. 377.
- 349 - Там же – № 42, стр. 363.
- 350 - Правосл. Обзор. 1876 г, ч. 3, стр. 461.
- 351 - Моск. Епарх. Вед. 1875 г. № 42, стр. 364.
- 352 - О Горском см. исследование С. Г. Попова в Богословском Вестнике за 1896 г. и отдельно: Сергиев Посад, 1896, а также в книге: «Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нём Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. 11 и 22 Октября 1900 года. (С приложением некоторых неизданных бумаг из архива А. В. Горского). Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1900. Здесь помещены о нём статьи С. И. Смирнова, Г. А. Воскресенского, В. А. Соколова, Д. Ф. Голубинского, А. П. Лебедева, а также Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском.
- 353 - † в Апреле 1893 г. См. Листок для Харьковской епархии 1893 г. № 7.
- 354 - Преосв. Нектарием.
- 355 - † 26 Января 1878 г.
- 356 - Оконнишников, вышеупоминаемый.
- 357 - Михаил Иванович Руднев, ныне протоиерей церкви Бориса и Глеба, что на Арбате, в Москве.
- 358 - Владимирской губернии.
- 359 - См. о нём том I Хроники по указателю.
- 360 - Преосв. Савва хиротонисован во епископа Можайского 4 Ноября 1862 г.
- 361 - Потом министр народного просвещения, † 1898 г.
- 362 - † 19 Августа 1892 г., ср. том II–IV Хроники по указателям.
- 363 - † 12 Апреля 1890 г.
- 364 - Профессор физики, † в 1897 г.
- 365 - Москва, 1875.

366 - Ныне здравствующий заслуженный ординарный профессор Киевской Духовной Академии.

367 - Автор этой статьи пребывавший в Святогорской Пустыне на покое Протоиерей Иоанн Дюков, † 23 мая 1877 г.

368 - Вышеупоминаемого.

369 - Митрополит Иннокентий.

370 - Князь Долгоруков.

371 - Митрополита Исидора.

372 - Лист этот, как видно, не был отослан своевременно.

373 - Сотрудник «Моск. Ведомостей», † 8 Февраля 1888 г.

374 - См. о нём предшествующие тома Хроники по указателям.

375 - Лузине, с 25 Марта 1861 г. до Октября 1870 года бывшем инспектором Академии; однако он и был назначен преемником прот. Горского, с 21 Января 1876 г., † епископом Курским 20 Марта 1887 г.

376 - Митрополита Филарета.

377 - С. К. Смирнова.

378 - Настоятель Николо-Угрешского монастыря, † 16 августа 1880 г.

379 - Сергий Спасский, ныне архиепископ Владимирский.

380 - Архангельского собора М. И. Богословский.

381 - См. Прав. Обзорение 1875 г., том III, в приложении: Памяти ректора Московской Духовной Академии, доктора богословия протоиерея Александра Васильевича Горского.

382 - Протоиерей Ф. А. Сергиевский.

383 - Ольги Косминичны † 3 марта 1872 г., см. том III Хроники, стр. 350.

384 - В 1848–1849 г. бакалавр Академии по классу патристики.

385 - В 1861–1862 г. ректор Академии.

386 - Гефсиманском.

387 - т. е. Филарета, митр. Московского, часть лета проводившего в скиту, в котором покои его сохраняются в

неприкосновенном виде доселе.

³⁸⁸ - Черниговской Божией Матери.

³⁸⁹ - Павла Дмитриевича, графа, министра государственных имуществ † 14 Ноября 1872 г.

³⁹⁰ - Введенский, † 28 Мая 1877 г.

³⁹¹ - Известного художника, † 12 Июня 1852 г.

³⁹² - 21 Ноября 1808 г.

³⁹³ - Митр. Филарет.

³⁹⁴ - Это было в Июле 1866 года.

³⁹⁵ - Смирнов.

³⁹⁶ - Кудрявцев.

³⁹⁷ - Субботин.

³⁹⁸ - Митр. Иннокентию.

³⁹⁹ - Прасковья Станиславовна, вдова бывшего Витебского губернатора.

⁴⁰⁰ - Сергиевского, попечителя Виленского учебного округа, вышеупомянутого.

⁴⁰¹ - Филаретовское.

⁴⁰² - Исторические сведения о Витебском градском Успенском соборе и некоторых событиях, связанных с ним, собранные Настоятелем того Собора. Витебск. 1875.

⁴⁰³ - † 12 Апреля 1865 г.

⁴⁰⁴ - Более подробные сведения об А. II. Карцове см. в Харьк. Губ. Вед. 1875 г. № 262.

⁴⁰⁵ - Витебский губернатор.

⁴⁰⁶ - Известного окулиста.

⁴⁰⁷ - † 30 Октября 1877 г.

⁴⁰⁸ - Сумароков-Эльстон, граф, сконч. в 4 ч. утра 30 Окт. 1877 г. на 57 г. жизни; в письме м. Филарета к наместнику Лавры Антонию (ч. IV № 1374) говорится: Эльстон присоединился к православной церкви от Римской, будучи ещё офицером, по чистому усердию; а потом супружество с дочерью и наследницею графа Сумарокова сделало его графом (См. № 1376).

- 409 - † 25 Февраля 1891 г.
- 410 - См. выше.
- 411 - Имеется в виду книга: Прощание Преосвященнейшего епископа Саввы с Полоцкою паствою и вступление его на Харьковскую епископскую кафедру. Харьков, 1876.
- 412 - Потом помощник инспектора Харьковской семинарии, † 31 Декабря 1878 г.
- 413 - Богоявленскому.
- 414 - Архимандрит, благочинный монастырей, вышеупоминаемый.
- 415 - Филонова, ныне еп. Аккерманский.
- 416 - Вишневского, ныне еп. Новомиргородский, первый Викарий Херсонской епархии.
- 417 - Карпов, † архиеп. 17 Марта 1882 г.
- 418 - † 13 Октября 1894 г., см. Листок для Харьковской епархии 1894 г. № 19, стр. 458.
- 419 - Речь эта, равно как и описание всего процесса открытия Комитета, напечатаны в № 3 Харьк. Еп. Ведом. за 1876 г.; речь перепечатана в книге: Речи говоренные в разное время Саввою, Архиепископом Тверским и Кашинским (Тверь, 1892), стр. 50–52.
- 420 - Игуменьей была в 1850–1859 г.
- 421 - Кротков, потом епископ Муромский, вышеупоминаемый.
- 422 - Сведения эти заимствованы из донесения архим. Иакова Митрополиту Моск. Филарету, от 21-го июля 1858 г.
- 423 - См. выше (примечание 407).
- 424 - В. Волков.
- 425 - СПб. 1875 г.
- 426 - Ильинского, † архиеп. Тверским 12 Марта 1879 г.
- 427 - † 15 Ноября 1898 г.
- 428 - Протоиерея Горского.
- 429 - По каталогу 4301 название.

⁴³⁰ - В настоящее время в библиотеке Моск. Д. Академии – в так наз. Архиве Горского.

⁴³¹ - Столетняя годовщина со дня рождения (1782–1882) в Бозе почившего митр. Филарета праздновалась 9 янв. 1883 года, а не 26 декабря, по случаю рождествен. праздников. См. изданный по сему случаю Обществом Любителей Дух. Просвещения Сборник, в 2 частях. Москва. 1883 г.

⁴³² - Богоявленский, ныне настоятель Покровского Василия Блаженного Собора в Москве; последний 5-й том вышел в 1885 г.

⁴³³ - † ех – королем 29 Января 1901 г.

⁴³⁴ - Наталии.

⁴³⁵ - † 5 Февраля 1898 г.; об интригах против него см. Моск. Ведом. 1890 г. № 259. и 1887 г. № 219.

⁴³⁶ - Архиепископ Антоний.

⁴³⁷ - Архиепископ Агафангел.

⁴³⁸ - Архиепископу Герману, вышеупоминаемому.

⁴³⁹ - Софья Ильинична, благотворительница, † 30 июля 1885 г.

⁴⁴⁰ - См. о нём предшествующие тома Хроники по указателям.

⁴⁴¹ - Сергеем Петровичем, известным врачом, † 12 Декабря 1889 г.

⁴⁴² - Вильчинский, впоследствии епископ Пензенский, с 15 июня 1902 г. на покое.

⁴⁴³ - Герцогини Лейхтенбергской, дочери Императора Николая I-го род. 6 авг. 1819 г., † 9 фев. 1876 г.

⁴⁴⁴ - СПб., 1876 г.

⁴⁴⁵ - † 20 Окт. 1888 г.

⁴⁴⁶ - † 24 Сентября 1896 г., см. Листок для Харьковской епархии 1896 г. № 19, стр. 511.

⁴⁴⁷ - Алексеев, вышеупоминаемый.

⁴⁴⁸ - † 8 Марта 1876 г.

⁴⁴⁹ - Из сочинений покойного архиепископа Агафангела известны: 1) Перевод с подстрочными примечаниями книги Иова

(с еврейского); 2) Перевод (с греческого) книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова; 3) Толкование послания св. Ап. Павла к Галатам; 4) Объяснение экзегетического характера первых семи глав св. Матфея, напечатанное в Волынских Епархиальных Ведомостях; 5) Слова на разные случаи; 6) Пастырское наставление о воздержании от пьянства и др... Ему же приписывают: а) первоначальный перевод с греческого языка на русский «Книги Правил» (Церк. Вести. 1876 г. № 11, стр. 15) и б) известное «письмо из Владимира» о литографированном переводе учительных и пророческих книг В. Завета, посланное митрополитам: Серафиму и Филаретам – Московскому и Киевскому, и повлекшее за собою дело о протоиерее Г. П. Павском (Христ. Чт. 1872 г., Май, стр. 96–150). Более подробный перечень сочинений преосв. Агафангела см. в 3-м выпуске «Истории Владимирской дух. Семинарии» Н. Малицкого, 264 стр., и Волынские Еп. Вед. за 1893 г., №№ 26–28.

⁴⁵⁰ - Вышеупоминаемому.

⁴⁵¹ - В 1845–1854 г. был ректором Костромской семинарии; а Иустин (Михайлов) еписк. Костромским с 1845–1850 г. Иустин сконч. в Боголюбове Владим. г. 17 Марта 1879 г.; см. о нём интер. сведения в «Истории Владимир. д. семинарии» Н. Малицкого (1902), вып. 2-й, по указателю.

⁴⁵² - Десять верст от г. Владимира.

⁴⁵³ - Потом врач в Москве и член городского врачебного совета, † 12 Марта 1901 г. Моск. Вед. 1901 г. № 15.

⁴⁵⁴ - Охотин, ныне архиепископ Херсонский.

⁴⁵⁵ - Был здесь настоятелем в 1842–1845 г.

⁴⁵⁶ - См. о нём темы II–IV Хроники по указателям.

⁴⁵⁷ - См. Русск. Стар. 1878 г. том XXIII, стр. 381–382.

⁴⁵⁸ - Доброхотова, † 23 Августа 1900 г. на покое в Москве.

⁴⁵⁹ - Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. СПб. 1876

⁴⁶⁰ - т. е. сестра Преосв. Леонида, в замужестве Ушакова.

⁴⁶¹ - Разумеется «Прощание с Полоцкою паствою», см. выше, стр. 252.

⁴⁶² - Жена секретаря Консистории, † 20 Февраля 1871 г., см. о нём т. III Хроники по указателю.

⁴⁶³ - Бодё, начальнице епарх. училища.

⁴⁶⁴ - † 29 Января 1885 г., см. о нём Владимирские Епархиальные Ведомости 1885 г., № 9, и Малицкого, История Владимирской семинарии, в. 2-й. стр. 251–252.

⁴⁶⁵ - С 1880 г. Предтеченской церкви, ср. о нём т. I Хроники по указателю.

⁴⁶⁶ - † в 1886 г. в г. Сумах.

⁴⁶⁷ - Павел Иванович, † в 1885 г.

⁴⁶⁸ - Впоследствии городского головы в Москве, † 9 Марта 1893 г.

⁴⁶⁹ - Бровкович, вышеупоминаемый.

⁴⁷⁰ - Городецкого, с 7 сент. 1827 г. Магистр, † митр. Киевским 1 Октября 1891 г.

⁴⁷¹ - Т. е. архиепископом Платоном.

⁴⁷² - Успенский.

⁴⁷³ - † 2 февраля 1882 г., см. о ней тома III и IV Хроники по указателям.

⁴⁷⁴ - Ср. том IV Хроники, стр. 596.

⁴⁷⁵ - Митр. Ростовского.

⁴⁷⁶ - т. е. с мужем, см. о нём тома III–IV Хроники по указателям.

⁴⁷⁷ - Федор Фомич, † 3 Дек. 1872 г.

⁴⁷⁸ - Митр. Московского.

⁴⁷⁹ - Пицхелаури, † на покое в Москве 19 Ноября 1830 г.

⁴⁸⁰ - Близ г. Шуи Владимирской губернии.

⁴⁸¹ - † 11 Декабря 1859 г.

⁴⁸² - Евдокия Васильевна, † 23 Мая 1868 г.

⁴⁸³ - † 13 Февраля 1861 г.

⁴⁸⁴ - Стефаниды Ивановны, † 14 Марта 1830 г. см. I том Хроники, стр. 51.

⁴⁸⁵ - Ср. том III Хроники, стр. 307–308.

⁴⁸⁶ - Гурий.

- ⁴⁸⁷ - Архиеп. Димитрий Муретов, † 14 Ноября 1883 г.
- ⁴⁸⁸ - Ретивцева, еп. Астраханского, † на покое 6 Ноября 1883 г.
- ⁴⁸⁹ - Еп. Иаков.
- ⁴⁹⁰ - Главного священника армии и флота, † 25 Февраля 1888 г.
- ⁴⁹¹ - О Фарраре и его лжеучении см. ряд статей в Москов. Вед. за 1900 г. № 355, 357 и сл. – Игум. Арсения.
- ⁴⁹² - Михаил Сергеевич, † 25 Января 1819 г. См. I том Хроники, стр. 3.
- ⁴⁹³ - Сергей.
- ⁴⁹⁴ - Еп. Белгородский, † 10 Декабря 1754 г.
- ⁴⁹⁵ - Архиеп. Платона Городецкого, † митр. Киевским 1 октября 1891 г.
- ⁴⁹⁶ - † 23 Февраля 1887 г.
- ⁴⁹⁷ - Иван Петрович, † 2 Января 1883 г., см. Владим. Епарх. Вед. 1883 г., №№ 2 и 17, и Историю Шуйского духовного училища Правдина, стр. 67–83, Владимир, 1887.
- ⁴⁹⁸ - Игнатий Климентьевич, † 19 Апреля 1901 г.
- ⁴⁹⁹ - Протоиерей Богородице-Рождественского собора в г. Суздале Владимирск. губ. † 9 Сент. 1901 г.; см. о нём: Церков. Вест. 1901 г. № 33. стр. 1260; Москов. Вед. за 1901 г., № 298; Пастыр. Собесед. 1901 г. № 39, стр. 561.
- ⁵⁰⁰ - Платон (Фивейский), † 12 Мая 1877 г.
- ⁵⁰¹ - Арсения, митр. Ростовского, в 1763 г. лишенного сана, † 28 Февраля 1772 г.
- ⁵⁰² - Николаю Ивановичу, проф. СПб. Д. Академии; см. его статью об Арсении Мацеевиче в Русской Старине 1876 г. т. XV, стр. 721–756. а также в книге: Исторические, критические и полемические опыты. СПб. 1879 г.
- ⁵⁰³ - Преосв. Викторина.
- ⁵⁰⁴ - Москвина.
- ⁵⁰⁵ - См. тома III и IV Хроники по указателям.
- ⁵⁰⁶ - См. выше.

- ⁵⁰⁷ - Платона Городецкого, вышеупоминаемого.
- ⁵⁰⁸ - Евсевия Ильинского, экзарха Грузии, архиепископа Карталинского, вышеупоминаемого.
- ⁵⁰⁹ - Муретова, архиеп. Ярославского, с 26 Апр. 1876 г. Волынского, вышеупоминаемого.
- ⁵¹⁰ - Архиепископа, вышеупоминаемого.
- ⁵¹¹ - Толстой, Обер-Прокурор Св. Синода.
- ⁵¹² - Назначен был архиеп. Тверский Филофей Успенский, † 29 Января 1882 г.
- ⁵¹³ - Домашний секретарь митр. Филарета, † 4 Мая 1856 г.
- ⁵¹⁴ - Т. е. митрополит Московский Филарет.
- ⁵¹⁵ - † в 1848 г.
- ⁵¹⁶ - Протоиерея С. А. Илларионова.
- ⁵¹⁷ - О. Алексей Андреевич, † 27 Мая 1892 г.; см. Листок для Харьк. епархии 1892 г. № 12, стр. 286.
- ⁵¹⁸ - О. Феодор Иаковлевич, † 24 Декабря 1876 г., см. Харьков. Епарх. Вед. 1877 г. № 2, стр. 88.
- ⁵¹⁹ - О. Феодор Прокопиевич, † 12 Апреля 1877 г., см. Харьк. Епарх. Вед. 1877 г. № 10, стр. 333.
- ⁵²⁰ - Впоследствии священник Успенской, в Ахтырке, церкви, † 8 февраля 1898 г.
- ⁵²¹ - Игумене Серапионе.
- ⁵²² - Об этом обстоятельстве напечатано в Домашней Беседе 1876 г. (№ 12, стр. 324–327) резкая и укоризненная статья против Радена († в 1902 г.), принадлежащая свящ. В. Капустинскому († 10 Сент. 1897 г.), под псевдонимом: «Горемычный».
- ⁵²³ - Леонтовича, с 22 июня 1835 г. архиепископа Харьковского, † 29 Февраля 1840 г.
- ⁵²⁴ - Феодора Максимовича, – присяжного поверенного и впоследствии управляющего Тверским подворьем в Москве на Кузнецк. мосту, † 4 сент. 1888 г.
- ⁵²⁵ - † 24 Июня 1888 г.
- ⁵²⁶ - Нравственное богословие. Общенародные Чтения по православно- нравственному Богословию. (В порядке десяти

заповедей Божиих), в 2-х частях. Пермь. 1876.

527 - Леонида Краснопевкова.

528 - † в 1888 г.

529 - Архиеп. Филофея.

530 - Леонида, еп. Дмитровского, с 15 Мая Ярославского, † в том же году 15 Декабря.

531 - С 26 Сентября 1820 г. архиеп. Ярославского, с 3 Июля 1821 г. Архиепископа Московского.

532 - Исаковичем, † 21 Июня 1874 г.

533 - Еп. Иоанникий Руднев, † 7 Июня 1900 г. митр.

Киевским.

534 - Архим. Михаила.

535 - 28 Апреля 1876 г. сконч. Киев. митр. Арсений Москвин II-й, а Димитрий Муретов 26 Апреля 1876 г. назначен на епархию Волынскую.

536 - Иннокентия.

537 - Прощание Преосв. Леонида описано в №№ 27 и 28 Моск. Епарх. Вед. 1876 г.

538 - Белокуров, † 14 Октября 1877 г.

539 - Амфитеатров, † 17 Марта 1888 г.

540 - Заместителем его избран преподаватель Харьковской Дух. Семинарии И. А. Татарский, вышеупоминаемый.

541 - Дмитриевич, ныне доктор богословия ординарный профессор.

542 - Ныне протоиерей, профессор богословия в Харьковском Университете.

543 - Супруга С. К. Смирнова, здравствующая доныне.

544 - См. о нём тома I и IV Хроники по указателям.

545 - Разумеется Никольский, Мирон Гр., см. о нём III том Хроники, стр. 788.

546 - Николай Аф., † ректором Ярославской семинарии в 1899 г., ср. о нём том II Хроники, стр. 630.

547 - Викариатство Угличское учреждено лишь 9 апреля 1888 г.

- 548 - 1869 г. № 23 и 1870 г. № 15.
- 549 - Имеется в виду этих Записок Издание 2-е, исправленное и дополненное. Ярославль, 1875.
- 550 - † в 1884.
- 551 - Архиеп. Антоний.
- 552 - Алексея Васильевича † 27 Сентября 1876 г.
Биографические сведения о нём см. в его книге: Круг поучений (110) на все воскресные и праздничные дни в году и на седмицы: пасхальную, первую поста и страстную, с биографией и приложением к ним особо семи слов и поучений, не относящихся к сему кругу. Издание 2-е. Владимир, 1879.
- 553 - Иннокентием.
- 554 - В Москве на Рождественке.
- 555 - Толстого, Обер-Прокурора Св. Синода.
- 556 - Ср. выше, стр. 348, прим. 4.
- 557 - Архиеп. Владимирскому.
- 558 - Протоиерею Илларионову.
- 559 - Розанову, † 8 Сентября 1858 г.
- 560 - Подлинное письмо митрополита, в числе 60-ти других, к архиепископу Гавриилу, хранится у члена Тверской Консистории, Прот. Вас. Владиславлева. Оно напечатано в Душеп. Чт. 1869 г., ч. 3, стр. 72–73 (Известия и заметки), где имя архиепископа Гавриила прикрыто именем Миссионера.
- 561 - Митр. Иннокентия.
- 562 - Чернявский, † еп. Минским 21 Мая 1889 г.
- 563 - Т. е. со времени хиротонии Преосв. Саввы.
- 564 - Филофей, назначенный митрополитом Киевским.
- 565 - Аретинскому, † 22 Апреля 1886 г. Имеются в виду его Слова и речи, с приложением рассуждения о том, что истинная философия может быть почерпнута только из Божественного откровения. Томы I–II. Спб. 1876.
- 566 - См. о ней том IV Хроники, стр. 45–47.
- 567 - Во имя Рождества Пресвятой Богородицы, сооруженного в XII в.

- 568 - Петра и Февронии, кн. Муромских.
- 569 - Архиеп. Антонию.
- 570 - Москва, 1852, стр. 57.
- 571 - † 25 июня 1228 г.
- 572 - † 27 Октября 1505 г.
- 573 - Вступление свое па Ярославскую Кафедру преосвящ. Леонид красноречиво сам описал в письмах своих к родным (стр. 3–4), напечатанных в Москве в 1879 году.
- 574 - Помпею Николаевичу, см. о нём тома III–IV Хроники по указателям.
- 575 - † 10 Октября 1882 г. См. о нём книгу А. Смирнова, Уроженцы и деятели Владимирской губернии, вып. 2-й, стр. 201–213; ср. также томы II–IV Хроники по указателям.
- 576 - См. о нём тома I–III Хроники по указателям.
- 577 - См. о нём т. IV Хроники по указателю, а также Малицкого, Историю Владимирской Д. Семинарии, в. 2-й, стр. 284–286.
- 578 - Митрополите Московском.
- 579 - Митр. Иннокентием.
- 580 - Был еп. Дмитровским в 1849–1853 г.
- 581 - † 27 Декабря 1881 г. ср. о нём тома II–IV Хроники по указателям.
- 582 - Ныне священника Московской свят. Николая Красный Звон именуемой церкви.
- 583 - В 30 верстах от г. Каменец-Подольска в Ушицком уезде.
- 584 - Невралгия, лихорадка, геморрой – началось с июля, усилилось с 9-го августа.
- 585 - Толгский Богородичный первоклассный монастырь в 8 верстах от г. Ярославля.
- 586 - Ему принадлежит книга: Свет Израилю. Часть 1-я. Статья обличительного богословия для еврея талмудиста или раввиниста. Киев, 1879.
- 587 - Иоанн Стефанович, священник г. Калязина Тверской епархии, † 2 Июня 1890 г. См. о нём том III Хроники по

указателю.

⁵⁸⁸ - Относительно Тверской епархии был запрос преосвящ. Игнатию от митрополита Новгородского Исидора. Предварительно своего отзыва на этот запрос, преосвящ. Игнатий обращался за советом к преосвящ. Алексею, архиепископу Рязанскому, и вот какой ответ получил от него в письме от 5-го августа: «Добрые вести! Советую вам не отречься от предлагаемого. Управление Епархией трудно, п. ч. там есть Белюстин и Ко, немало и других людей удалых. Но и от такой епархии Вам отказываться не надобно. Конечно, лучше бы, если бы в Тверь перевели Тамбовского (Палладия) многоопытнейшего, а Вам дали бы назначение в Тамбов, где епархия по преимуществу спокойная. Мне кажется, так в скромных выражениях можно Вам объясниться со Владыкой, первенствующим в Синоде, когда будете писать ответ о согласии на предложение». Но ни Можайскому, ни Тамбовскому епископам не пришлось занять высокую Тверскую Кафедру, а суждено было воссесть на неё самому советодавцу Рязанскому Владыке Алексею.

⁵⁸⁹ - 1 Октября.

⁵⁹⁰ - Протоиерей Горский.

⁵⁹¹ - Архим. Антоний.

⁵⁹² - Митр. Иннокентий.

⁵⁹³ - Смагин, † 21 Декабря 1876 г.

⁵⁹⁴ - Введенском, вышеупомянутом.

⁵⁹⁵ - Вышеупоминаемый.

⁵⁹⁶ - Матфей Иванович, ныне член консистории и протоиерей кафедрального собора.

⁵⁹⁷ - Надеждина, вышеупоминаемого.

⁵⁹⁸ - Кульчицким; настоятелем посольской церкви в Риме, † еп. Костромским 16 Декабря 1888 г.

⁵⁹⁹ - 1-го Октября 1845 г. посвящен в иеромонаха.

⁶⁰⁰ - Вышеупоминаемый.

⁶⁰¹ - Митр. Сербский, † 5 Февраля 1898 г.

⁶⁰² - † 2 Марта 1893 г.

⁶⁰³ - Матвея Ивановича, священника, см. о нем том IV Хроники по указателю.

⁶⁰⁴ - Речь под заглавием: «Воспоминания о покойном о. ректоре Моск. Дух. Академии, протоиерее А. В. Горском» напечатана в книге: Годичный акт в Московской Духовной Академии. 1-го Октября 1876 года. Москва, 1876, стр. 3–41.

⁶⁰⁵ - Лебедев, † архиеп. Казанским 23 Апреля 1892 г.

⁶⁰⁶ - В письме от 13 Июня 1875 г. к Е. В. Амфитеатрову Преосв. Леонид (Краснопевков) писал: «Преосв. Макарий (Булгаков) удостоил меня посещением и говорил с похвалою и уважением, даже можно было в словах его заметить предположение, которое готов отдать ей пред другими академиями. Особенно заинтересовали его лекции В. Д. Кудрявцева и Д. Ф. Голубинского. Может быть и других, но в краткой беседе об них не успел сказать. Говоря о пользе, которой можно бы ожидать от введения в академию того же способа ознакомления с современными вопросами естествознания, он заметил, что этой пользы можно именно только в том случае ожидать, когда профессор будет сам проникнут убеждением, как Д. Ф.» и т. д.

⁶⁰⁷ - † архиеп. Литовским 9 Ноября 1890 г.

⁶⁰⁸ - † 5 Февраля 1890 г.

⁶⁰⁹ - Ср. выше (примечание 295).

⁶¹⁰ - Митропольского, ныне еп. Аксайский, викарий Донской епархии.

⁶¹¹ - Лужинский, архиеп. Полоцкий до 1866 г., † 26 января 1879 г.

⁶¹² - Инспектору семинарии.

⁶¹³ - † Митр. Киевским 22 Января 1903 г.

⁶¹⁴ - Напечатана в Харьковских Епархиальных Ведомостях 1876 г. № 21, и в сборнике: «Речи говоренные в разное время Преосв. Саввою». Тверь, 1892, стр. 53–56.

⁶¹⁵ - Архим. Израилю, – † еп. Вологодским 23 Апреля 1894 г.

⁶¹⁶ - Ср. том III Хроники, стр. 431–435 и след.

⁶¹⁷ - Имение Преосв. Василия.

- ⁶¹⁸ - Т. е. Исаакиевского собора в Петербурге.
- ⁶¹⁹ - Преосв. Савва родился в 1819 г., а протоиерей Васильев в 1821 г.
- ⁶²⁰ - Восстановились лишь с 1880 г.
- ⁶²¹ - Максимовича, † 24 Ноября 1882 г., см. Харьковские Епарх. Ведомости 1882 г., № 24.
- ⁶²² - С 1873 г. Преосв. Игнатий управлял Богоявленским монастырем.
- ⁶²³ - 1-й том вышел в Москве в 1851 г.
- ⁶²⁴ - На должности синодального ризничего и заведующего синодальной библиотекой, см. том II Хроники по указателю.
- ⁶²⁵ - Преосв. Савва отводил ученым для занятий собственные небольшие комнатки, см. о сем в статье Н. Колосова, Библиотека высокопреосв. Саввы. (Богословский Вестник 1896 г. том III, № 7, стр. 101, и отдельно, стр. 5).
- ⁶²⁶ - XVI-го курса (1844–1848 г.); Преосв. Савва XVII-го курса (1846–1850 г.).
- ⁶²⁷ - Том XX, стр. 163–265.
- ⁶²⁸ - См. о нём тома III–IV Хроники по указателям.
- ⁶²⁹ - † 5 Декабря 1857 г.
- ⁶³⁰ - Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном Музее, издаваемый под редакцией Г. Филимонова.
- ⁶³¹ - Георгий Дмитриевич, археолог, † 26 Мая 1898 г.
- ⁶³² - Антониев Сийский монастырь Архангельской епархии, основан в начале XVI в.
- ⁶³³ - Значительное собрание рукописей Соловецкого монастыря теперь в библиотеке Казанской Духовной Академии.
- ⁶³⁴ - 1874–1876 г. №№ 1–12. Москва, 1876.
- ⁶³⁵ - Обзорение письменных источников русской археологии. Описи патриаршей ризной казны. №№ 1–6 (1631–1686 г.).
- ⁶³⁶ - Близ Коломны.
- ⁶³⁷ - 7 Апреля 1830 г. переведен был в Голутвин монастырь, † в 1838 г.

⁶³⁸ - Collection Basilewsky. Catalogue raisonne précédé d'un essai sur les arts industriels du Ier au XVI-e siècle par A. Darcel et A. Basilewsky. Paris. V-ve A. Morel et C-ie 1874. Texte et Planches, 2 voll.

⁶³⁹ - Cinq cents planches. Paris, Firmin Didot et C-ie, 16 livraisons.

⁶⁴⁰ - Изданные по Высочайшему повелению. Отделения I–VI. Текст in 4°, хромофотогр. рисунки in F°. Москва, 1849–1853.

⁶⁴¹ - См. выше.

⁶⁴² - Прощание преосвящ. еп. Саввы с полоцкой паствою, Харьков 1876 г., стр. 131.

⁶⁴³ - Там же, стр. 132–133.

⁶⁴⁴ - Там же, 179–180.

⁶⁴⁵ - См. выше, стр. 155–156.

⁶⁴⁶ - Впоследствии Амвросий, архиеп. Харьковский † 3 Сентября 1901 г.

⁶⁴⁷ - См. Моск. Ведомости 1877 г. № 5, а также в книге его: Проповеди за последние годы служения его в Москве 1873–1882. Москва, 1883, стр. 114.

⁶⁴⁸ - Эта речь напечатана в «Харьк. Епарх. Ведомостях» 1876 г., затем выпущена отдельной брошюрой, и перепечатана в книге: Речи говоренные в разное время Саввою, архиеп. Тверским и Кашинским, Тверь, 1892, стр. 57–59.

⁶⁴⁹ - Горского.

⁶⁵⁰ - Иннокентий.

⁶⁵¹ - В этой (бесцензурной) книге много говорится не очень лестного о высокопреосвящ. митрополите Исидоре.

⁶⁵² - М. И., профессора – канониста.

⁶⁵³ - Воззвание это напечатано в № 24 Харьков. Еп. Вед. 1876 г. и отдельными оттисками; перепечатано в книге: «Речи говоренные в разное время Саввою, Архиеп. Тверским», Тверь, 1892, стр. 60–64.

⁶⁵⁴ - † 28 февраля 1891 г.

⁶⁵⁵ - † 6 июля 1879 г.

⁶⁵⁶ - Булгаков, Харьковский в 1859–1868 гг.

- 657 - Впоследствии протоиерей Харьковского Благовещенского собора, † в январе 1894 г.; им издана книга: Руководство для преподавания пасхалии в духовных семинариях. Харьков, 1871.
- 658 - Во время обозрения Харьковской епархии.
- 659 - Воспоминания о Высокопреосвященном Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском. Саввы, епископа Харьковского. Харьков. 1877.
- 660 - † 8 Января 1886 г.
- 661 - Учитель Амвросия Оптинского, † 7 Сентября 1860 г.
- 662 - Бывший ректором Владимирского Дух. Училища.
- 663 - † 12 Октября 1883 г.
- 664 - Архиеп. Антонием.
- 665 - Архим. Павел Вильчинский, впоследствии еп. Пензенский, ныне на покое.
- 666 - Законоучитель гимназии, потом ректор семинарии, † 9 Сентября 1901 г.
- 667 - Дмитрием Ивановичем, † 18 Января 1888 г.
- 668 - Разумеется Преосв. Савва.
- 669 - Архим. Иустином.
- 670 - † 26 Июня 1891 г.
- 671 - Еп. Кавказского, в 1861 г. уволен на покой в Николо-Бабаевск. монастырь: † 30 апреля 1867 г.
- 672 - † на Афоне схимником 29 Апреля 1891 г.
- 673 - Левитский, викарий Костромской, еп. Кинешемский, † на покое 10 Февраля 1893 г.
- 674 - Митр. Иннокентий.
- 675 - Настоятель монастыря.
- 676 - См. Ярославские Еп. Ведомости 1876 г. №№ 50–52, и 1877 г. №№ 1, 2, 6 и др. неоф. части.
- 677 - Ляпидевский, † Митр. Московским 11 Февраля 1898 г.
- 678 - Исидора.
- 679 - † 30 Марта 1879 г.
- 680 - Вышеупоминаемого.

⁶⁸¹ - 25 Декабря 1876 г. Преосв. Макарий назначен был епископом в Архангельск; занимал здесь кафедру до 1879 г. † 24 Декабря 1894 г.

⁶⁸² - Прокурора Моск. Синодальной конторы.

⁶⁸³ - Собрание рукописей П. И. Савостьянова. Москва, 1881.

⁶⁸⁴ - Собрание рукописей И. Д. Беляева. Москва, 1881.

⁶⁸⁵ - Имеется в виду книга: Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 г. Выпуск 1-й. Москва, 1877.

⁶⁸⁶ - В последних числах Января преосв. Никанор оставил Новочеркасск: 25 го ч. ему давало дворянство прощальный обед, который описан в № 12 (от 9-го февр.) Донских Областных Ведомостей.

⁶⁸⁷ - † 25 Февраля 1888 г.

⁶⁸⁸ - Леонида.

⁶⁸⁹ - Вышли в Харькове, в 1877 г.

⁶⁹⁰ - Брата почившего Преосв. Леонида.

⁶⁹¹ - Вышел в 1877 г.

⁶⁹² - Архим. Антонию. Вышли в четырех частях, Москва, 1877–1884, под редакцией графа Дм. Н. Толстого.

⁶⁹³ - 9-го Января.

⁶⁹⁴ - Впоследствии архимандрита Малицкого Николаевского, в 7 верстах от г. Твери, монастыря.

⁶⁹⁵ - В Николо-Бабаевском Костромской епархии.

⁶⁹⁶ - Игнатия Брянчанинова, еп. Кавказского, † на покое 30 Апреля 1867 г.

⁶⁹⁷ - Бывшего губернатором в Ставрополе, см. Моск. Ведомости 1876 г. № 328.

⁶⁹⁸ - Впоследствии протоиерей церкви зачатия св. Анны, что в Зарядье, † 19 Января 1902 г., см. Моск. Церк. Ведомости 1902 г. №№ 4, 7, 11 и 18.

⁶⁹⁹ - См. о нём том I-й Хроники по указателю; имеется в виду статья из Владимирских Епарх. Ведомостей 1876 г.

⁷⁰⁰ - Чертков, † 5 Августа 1853 г.

⁷⁰¹ - Ив. Никит., прот. при СПб. Гимназии Имп. Человеколюбивого общества, сконч. на 63 году жизни 14 Март. 1886 г. см. Нов. время 1886 г. № 3607–9, и Смирнова, Уроженцы и деятели Влад. губ., вып. 3-й, стр. 246–252.

⁷⁰² - О Савелове сказано ниже...

⁷⁰³ - См. I-й том Хроники по указателю и Малицкого, История Влад. семинарии вып. 1, стр. 202, † в 1857 г.

⁷⁰⁴ - Ив. Алексеев., прот., † 20 мая 1860 г., см. Влад. Епар. Вед. 1894 г. №№ 7 и 9.

⁷⁰⁵ - Ныне здравствующего, бывшего ординарного профессора Моск. Академии по кафедре истории раскола.

⁷⁰⁶ - См. о нём I том Хрон. по указателю.

⁷⁰⁷ - (Лукин) † 11 ок. 1864 г.

⁷⁰⁸ - О Никитском, Алексее Никитиче см. том I-й Хроники, стр. 29, и Влад. Епарх. Вед. 1877 г. № 13, стр. 680–685.

⁷⁰⁹ - Ср. Истор. Влад. Сем. Малицкого, вып. 1, стр. 209–211, и Влад. Еп. Вед. 1875 г., № 22, стр. 1097 и сл.

⁷¹⁰ - Машина служила к измерению пространства, какое кто проедет, и всех уклонений направо и налево, бывших на всем протяжении этой дороги; прикреплялась к экипажу и сама чертила на бумаге все извилины дороги; описания и рисунка машины не осталось (см. История Влад. сем. Малицкого, вып. I стр. 211); другая машина – для тушения пожаров.

⁷¹¹ - В 1842 г. 25 Января.

⁷¹² - Описание праздника см. в Харьк. Еп. Вед. 1877 г., № 3, стр. 124–126.

⁷¹³ - Письмо сие относится к 12 Февраля 1878 года, как заставляют думать ниже в примечаниях приведенные хронологические даты.

⁷¹⁴ - † 26 дек. 1883 г. Перечень его сочинений см. у Малицкого в Истории Владимир. семин., вып. 3, стр. 75–76; ср. А. Смирнова: «Уроженцы и деятели Владимир. губ.», вып. 2-й, стр. 106–118, и Труды Киев. Д. Академии 1884 г., т. 1-й.

⁷¹⁵ - Ректор Академии, с 31 Декабря 1877 г., еп. Рижский, † 23 Февраля 1882 г.

- 716 - См. о нем выше, (примечание 586).
- 717 - Лузина, с 31 Декабря 1877 г. еп. Уманского, ректора Киевской Академии.
- 718 - Впоследствии министра народи, просвещения, † в 1900 г.
- 719 - Бывший профессор СПб. Духовной Академии.
- 720 - См. Моск. Вед. 1877 г., № 63.
- 721 - Резолюция эта напечатана в № 7 Харьк. Епарх. Ведомостей 1877 г.
- 722 - 15 Марта.
- 723 - Разумеется книга «Выписки из дневника Паломника отца Ал. Анисимова» (книга посвящена имени пр-ого Саввы).
- 724 - † 5 Февраля 1898 г.
- 725 - Разумеется протоиерей Чижевский.
- 726 - Предложение это, помещенное в отчете о состоянии Харьковской епархии в 1877 г., в сокращении напечатано в Извлечении из Отчета Обер-Прокурора Св. Синода за означенный год (стр. 152–153).
- 727 - Соловьева, † на покое 6 Декабря 1884 г.
- 728 - Леонтович, был ректором Киевской Академии в 1824–1826 г., † 29 Февраля 1840 г.
- 729 - Надеждин, † 7 Сентября 1874 г.
- 730 - Имеется в виду книга: Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и устав его о жительстве скитском. Спб. 1864.
- 731 - Церкви Никиты мученика в Басманной, † в 1890 г.
- 732 - Николай Егорович, преподаватель Владимирской семинарии (1857–1886 г.), см. о нем Историю Владимир. Сем. Малицкого вып. 2-й стр. 277; † 2 дек. 1894; некролог во Влад. Еп. Вед. 1894 г., № 24.
- 733 - Вышеупоминаемого.
- 734 - Ивана Сергеевича, † 27 Января 1886 г.
- 735 - Говоров, † в затворе в Вышенской пустыни 6 Января 1894 г.

- 736 - Ныне здравствующий член Учебного Комитета при Св. Синоде.
- 737 - Игнатий Климентьевич, † 19 Апреля 1901 г.
- 738 - Абрамова Николая Ивановича, † 7 Мая 1878 г.
- 739 - Супруга Секретаря Евфросиния Васильевна.
- 740 - Василий Семенович, протоиерей Витебского кафедрального собора, † 29 июля 1883 г.
- 741 - Василий Тихонович, протоиерей Витебского кафедр. собора, † 5 апреля 1898 г.
- 742 - Матфей Иванович, свящ. кафедр. собора, вышеупоминаемый.
- 743 - Чиновника Консистории.
- 744 - Иван Александрович, директор канцелярии обер-прокурора Св Синода, † 14 декабря 1889 г.
- 745 - Александро-Мариинский Дом Призрения.
- 746 - Горского.
- 747 - Издана под заглавием: История евангельская и церкви апостольской. Академические лекции. Москва, 1883. Второе издание вышло в Сергиевом Посаде в 1902 году.
- 748 - Архим. Антоний Медведев, † 12 Мая 1877 г.
- 749 - Вышла лишь в 1879 г.
- 750 - † 29 Июля 1888 г.
- 751 - Уездный город Полтавской губернии.
- 752 - † 19 Августа 1893 г.
- 753 - Питра – кардинал, библиотекарь Ватиканской библиотеки. Папой Львом XIII поручено было ему (в 1880 г.) напечатать все научно-обработанные каталоги богатейшей в мире Ватиканской библиотеки, заключающей в себе до 24,000 драгоценнейших рукописей, в том числе 3853 греческих и 17059 латинских. См. Моск. Вед. 1885 г., № 169: Церк. Вести. 1885, № 25, 1889. № 8. Род. в 1812 г., † в 1889 г.
- 754 - *Analecta sacra spicilegio Solesmensi parata. Tomus I-us.* Parisiis, 1876.
- 755 - Евграф Иванович, проф. СПб. Д. Академии.

- ⁷⁵⁶ - Императрица Мария Александровна, † 22 мая 1880 г.
- ⁷⁵⁷ - Это воззвание помещено в книге: «Речи, говоренные в разное время Саввою, архиеп. Тверским», Тверь 1892 г., стр. 65–67. Там же (на 60–62 стр.) и краткий отчет о сборе пожертвований в пользу славян.
- ⁷⁵⁸ - Четвериков, Павел.
- ⁷⁵⁹ - В В-м приходе, по клировой ведомости за 1876 г., значится приходских душ обоего пола – 1235.
- ⁷⁶⁰ - Должно заметить, что составителем «Учительного Известия» был известный по своей учености и благочестию, строгий ревнитель православия. знаменитый митрополит Киевский Петр Могила, о котором в Киеве до сих пор сохраняется самая глубокая и благоговейная память (см. Требник, известный под именем Петра Могилы и изданный в Киеве, в 1646 г., ч. I, стр. 219–270).
- ⁷⁶¹ - Сочин. св. Димитрия, ч. 1. стр. 183, Киев 1869 г.
- ⁷⁶² - Бес. на Ев. Матф. Ч. 1. л. 483.
- ⁷⁶³ - По № 49 Инструкции благочинному приходских церквей, печатаемой по определению Св. Синода, даже благочинный имеет власть штрафовать диакона и причетников поклонами в церкви. Примеч. Преосвященного Саввы.
- ⁷⁶⁴ - Написанное мною опровержение напечатано в №№ 10 и 11 Харьковских Епарх. Ведомостей и отдельной брошюрой.
- ⁷⁶⁵ - † 18 Мая 1879 г.
- ⁷⁶⁶ - Игнатием, † в 1901 г.
- ⁷⁶⁷ - Очерк жизни Антония наместника Свято-Троицкой Лавры (стр. 1) – в Православном Обозрении 1878 г. и отдельно, Москва, 1878. См. также краткие сведения о нем в журнале «Домашняя беседа», 1877 г., стр. 667.
- ⁷⁶⁸ - † 13 Мая 1898 г.
- ⁷⁶⁹ - Фивейский, см. о нем «Краткие сведения об архиеп. Платоне» в Душеп. Чт. 1877 г. ч. 2, стр. 250 и сл.
- ⁷⁷⁰ - Отделение IV, стр. 243–244. Здесь же представлена довольно подробная характеристика Украинского Малорусса и Великороссиянина.

⁷⁷¹ - Душеп. Чт. 1877 г. ч. 2, стр. 501. Ещё во Влад. Еп. Вед. 1877 г. № 12, стр. 630 и сл; ср. 1-й т. Хроники, стр. 93, Смирнова История Моск. Д. Ак., стр. 453 и История Влад. Семинарии Малицкого, т. 2-й, стр. 65 и след.

⁷⁷² - Доныне здравствующий, в отставке.

⁷⁷³ - 28-го мая – Игнатия еп. Ростовского (1288 г.) – тезоименитство преосв. Игнатия.

⁷⁷⁴ - Давидова Вознесенская пустынь, на реке Лопасне, в Серпуховск. уезде, основана в 1515 г. старцем Давидом, пришедшим из Боровского Пафнутиева м-ря.

⁷⁷⁵ - Белопесоцкий Троицкий, на Оке, против гор. Каширы, основан в конце XV века.

⁷⁷⁶ - Митропольский, бывший Алеутский, ныне еп. Аксайский.

⁷⁷⁷ - Новоселов, бывший Екатеринославский, см. о нем т. II–IV Хроники по указателю.

⁷⁷⁸ - Кавелин, † 22 Октября 1891 г.

⁷⁷⁹ - За болезнью Преосв. Никодима † 14 Октября 1877 г.

⁷⁸⁰ - Разумеется отдельное издание ответа пр-го Саввы редактору Поповицкому.

⁷⁸¹ - Городецкого, † митр. Киевским 1 Октября 1891 г.

⁷⁸² - Добрынин, † Литовским архиеп. 28 Апреля 1885 г.

⁷⁸³ - Совет училища, не желая стеснить радость и нетерпение воспитанниц, с благословения архипастыря, отпустил на каникулы всех желавших немедленно после экзаменов, между 21 мая и 9 июня.

⁷⁸⁴ - Половцева, ныне архиеп. Литовского.

⁷⁸⁵ - Митр. Спб. Исидора.

⁷⁸⁶ - Архим. Ювеналий был наместником Лавры в 1867–1871 г.

⁷⁸⁷ - В Воскресенском, именуемом «Новый Иерусалим».

⁷⁸⁸ - Наумовым, еп. Мелитопольским, начальником миссии в Иерусалиме, с 1857 г.

⁷⁸⁹ - Соловьев, архиеп. Волынский, † 8 Марта 1876 г.

⁷⁹⁰ - Успенский, архиеп. Тобольский, † 31 Марта 1876 г.

- 791 - Москвин, митр. Киевский, † 28 Апреля 1876 г.
792 - Троепольский, еп. Томский, † 8 Октября 1876 г.
793 - Краснопевков, архиеп. Ярославский, † 15 Декабря 1876 г.
- Г.
- 794 - Смолин, архиеп. Пермский, † 21 Декабря 1876 г.
795 - Дроздов, архиеп. Астраханский, † 7 Декабря 1876 г.
796 - Горский, архиеп. Херсонский, † 1 Марта 1877 г.
797 - Фивейский, архиеп. Костромской, † 12 Мая 1877 г.
798 - Попов, еп. Камчатский, † 25 Мая 1877 г.
799 - Ржаницын, архиеп. Тверской, † 9 Июня 1877 г.
800 - С 9 сент. 1876 – 9 Июня 1877 г.
801 - Добронравин, † еп. Псковским 17 Августа 1893 г.
802 - Инспектора Владимирского духовного училища, вышеупоминаемого.
803 - Ср. выше.
804 - Редактором – издателем журнала «Душеполезное Чтение», ныне Виссарион, еп. Костромской.
805 - Зернова, протоиерея, вышеупоминаемого.
806 - Письма из Ярославля к родным Леонида, арх. Ярославского. М. 1879 г. стр. 128, примеч. 133.
807 - Рахманова, врача, † 11 октября 1885 г.
808 - Феогност Лебедев, † митр. Киевским 22 Января 1903 г.
809 - По поводу передовой статьи газеты «Церковно-Общественный Вестник», см. выше, стр. 536 прим. 1.
810 - В журнале „Руководство для Сельских Пастырей» за 1877, № 30 – (стр. 380–389), напечатана по поводу моего ответа на статью Цер. Общ. Вестника весьма сочувственная статья под заглавием: «Архипастырское решение некоторых вопросов, касающихся пастырской практики».
811 - Эти дневные записки хранятся у наследника архива Преосв. Саввы и со временем поступят в библиотеку Моск. Дух. Академии.
812 - Душеп. Чт. 1877 г., том 2-й, май, стр. 87 и сл.
813 - Попова, вышеупоминаемого.

814 - Напечатана в сборнике речей Преосв. Саввы, Тверь, 1892, стр. 68–70.

815 - Чичкевича, архим. м-ря с 1832–1861 г.

816 - Постникову, † 17 июня 1860 г.

817 - Графа Д. А. Толстого.

818 - Добросердов, в этом же 1877 г. переведен в Астрахань, † 24 июня 1880 г.

819 - Издание Редакции Трудов Киевской дух. Академии. Киев, 1877.

820 - Разумеется книга: Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила. Киев, 1871.

821 - Васильевское Муром. у. Влад. губ.

822 - В 1846 году.

823 - Филофей.

824 - Ректор Академии, еп. Уманский.

825 - Ныне прот. Гребненской, на Лубянке в Москве, Церкви: в Воронежской сем. был ректором с 22 ноября 1872 г.–1881 г.

826 - Рахманов, врач, вышеупоминаемый.

827 - Напечатана в сборнике речей преосв. Саввы, Тверь, 1892, стр. 71–72.

828 - Архим. Михаил (Лузин).

829 - Митр. Иннокентию.

830 - Ржаницын, архиеп. Тверской.

831 - Маевским, † еп. Екатеринославским 5 декабря 1891 г., см. Церк. Вестник 1891 г. № 50-й и Московские Ведомости 1891 г. № 348.

832 - Соборовым, потом еп. Архангельским, ныне на покое, управляет Моск. Спасо-Андрониевым монастырем.

833 - Подробное описание юбилея напечатано в местных Епархиальных Ведомостях и издано особою брошюрою, под заглавием: Пятидесятилетний юбилей служения св. церкви и отечеству Высокопреосвященного Платона, архиепископа Херсонского и Одесского. (Из Херсонских Епархиальных Ведомостей). Одесса, 1877. Кроме сего, по поводу этого юбилея, издано две брошюры: 1) Донская епархия и

десятилетнее управление ею архиепископа Платона. Выпуск 1-й. Николая Снесарева, Новочеркасск, 1877 г. и 2) Псковская и Рижская епархии под управлением преосвященного Платона (Городецкого). (Из № 1 и 2 Христ. Чтения за 1878 год) Одесса, 1878 г.

⁸³⁴ - Капустина, † 23 Марта 1894 г.

⁸³⁵ - Николай Павлович, потом Товарищ Обер-Прокурора Св. Синода, ныне Сенатор, Действительный Тайный Советник.

⁸³⁶ - Бровкович, еп. Уфимский, бывший Аксайским, викарием Донским.

⁸³⁷ - Иллариона Алексеевича, бывшего проф. Спб. Дух. Академии. Вице-Директора Канцелярии Св. Синода, † 3 ноября 1893 г.

⁸³⁸ - Свящ. села Сорвихи передавал, что Архиерей взял девушку за руку и сказал: «я не парень 18-ти лет и не на посиделки тебя зову, не дичись».

⁸³⁹ - Мясников, † 16 августа 1880 г.

⁸⁴⁰ - Письма Преосв. Леонида, архиеп. Ярославского и Ростовского, к архим. Пимену, настоятелю Николаевского монастыря, что на Угреше. Издание Импер. Общества Истории и Древн. Российских. Москва, 1877 г. Им же напечатана брошюра: «Подробности о погребении архиеп. Леонида». Москва, 1877.

⁸⁴¹ - Москва, 1872.

⁸⁴² - Воспоминания архим. Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1877.

⁸⁴³ - Иннокентию, митр. Московскому.

⁸⁴⁴ - Об этой панагии см. том II Хроники, стр. 455–456.

⁸⁴⁵ - Эта панагия, по завещанию преосв. Саввы, вместе с другими панагиями и крестами, передана душеприказчиком доктором Орфановым в Тверской Кафедральный Собор.

⁸⁴⁶ - Ныне Анастасий, архиеп. Воронежский.

⁸⁴⁷ - См. о нем том II Хроники, стр. 741 прим. 1.

848 - Киев, 1877. Из журнала Труды Киевской духовной Академии, за 1876 и 1877 г.

849 - См. И. И. Срезневского Рецензия рукописного сочинения г. Голубинского: «Святые Константин и Мефодий, апостолы славянские». (Извлечено из отчета о 12-м присуждении наград гр. Уварова). Спб. 1870.

850 - Протоиерея Казанской, что у Калужских в Москве ворот, церкви, † 3 сентября 1901 г. архиеп. Харьковским. См. книгу: Высокопреосвященный Амвросий, Архиепископ Харьковский. Биографический очерк Прот. Т. И. Буткевича. Харьков, 1902.

851 - Князь Вл. Андр. Долгоруков, † 21 Июня 1891 г.

852 - К 15 Декабря 1877 г.

853 - Ныне генерал, известный издатель для бесплатной раздачи народу книг о важнейших событиях государственной и общественной жизни.

854 - Виктора Ивановича, † в 1879 г.

855 - Сосниным † 5 Июля 1868 г.

856 - Борисовым, архиеп. Херсонским, † 26 Мая 1857 г.

857 - Москва, 1877.

858 - Общества попечения о раненых и больных воинах. Спб. 1876 г.

859 - Спб. 1877.

860 - Спасский, ныне архиеп. Владимирский.

861 - Профессора Академии по кафедре метафизики, † 3 Декабря 1891 г.

862 - Профессора Академии, ныне в отставке.

863 - См. о ней выше, стр. 252, прим. 2.

864 - Разумеется хиротония преосв. Саввы.

865 - 7 августа 1866 г.

866 - Казанцева, † на покое 11 Июня 1874 г., см. о нем том IV Хроники, стр. 819–824. Имеется в виду его статья в Чтениях Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете 1877 г., кн. II – О Филарете, митр. Московском, моя память. С предисловием и примечаниями Архим. Григория.

- 867 - † в 1894 г., см. о нем тома II–IV Хроники по указателям.
- 868 - Архим. Вениамин Успенский, потом архим. Высокопетровского монастыря, † 30 сентября 1888 г.
- 869 - Род. 12 дек. 1777 г., † 19 ноября 1825 г.
- 870 - В 1870 г., см. том IV Хроники, стр. 400, 408 и 412.
- 871 - Ныне протоиерей церкви св. Николая, что в Новой Слободе.
- 872 - Митр. Иннокентий.
- 873 - О. Ипполит Богословский-Платонов был бакалавром по классу логики и истории философии средней и новой в 1844–1850 г.г.
- 874 - Розанову, † на покое 8 сентября 1858 г. О письме этом см. выше, стр. 367–368 и прим. 1-е на стр. 368.
- 875 - Ошибка: магометанской мечети.
- 876 - Разумеется Преосв. Леонид.
- 877 - См. о них том IV Хроники по указателю.
- 878 - † 22 Июля 1902 г.
- 879 - 1646 года.
- 880 - Алексей Михайлович, академик, † в 1879 г.
- 881 - Саввин-Сторожевский.
- 882 - 1840–1840 г.
- 883 - Линькова, † еп. Минским 31 Июля 1899 г.
- 884 - Митр. Исидору.
- 885 - Митр. Иннокентий.
- 886 - Разумеются «Воспоминания о Преосв. Леониде, Архиепископе Ярославском». Харьков, 1877.
- 887 - Сем. Аркад. Лазарев Станицев, Шуйский, Владим. губ , помещик; см. II-й том Хроники, стр. 127.
- 888 - См. о нем выше, стр. 443 и прим. 1-е.
- 889 - † 30 Января 1676 г.
- 890 - † в 1652 г.
- 891 - Бывший (с 1876) рект. ак. ар-м. Михаил (Лузин) 31 дек. 1877 г. назн. еп. Уманским, † в Курске 20 марта 1887 г., см. о нем Церк. Вести. 1887 г. № 16.

- ⁸⁹² - Викт. Дм., проф. М. ак.; † 3 дек. 1891 г.
- ⁸⁹³ - Лавров-Платонов А. Ф., магистр XIX (1850–1854 г.) курса, бакалавр ак. с 1854–1863 г., с 1864 г. профессор, † ар-еп. Литовским 9 нояб. 1890 г.
- ⁸⁹⁴ - Смирнов – Инспектор (с 1870–1878 г.); с 1878 г. – прот. и рект. акад., † 16 фев. 1889 г.
- ⁸⁹⁵ - Не раз вышеупомянуемого прот. А. О. Ключарева.
- ⁸⁹⁶ - О Ключареве см. выше стр. 617–618.
- ⁸⁹⁷ - Ныне – протоиерея при той же церкви св. Николая (в Москве – Новая слобода); см. о нем Ист. Влад. семин. Малицкого т. 2-й стр. 260–261.
- ⁸⁹⁸ - (Вениаминова); митрополитом М. с 5 янв. 1868 г.
- ⁸⁹⁹ - О Зернове упоминалось выше.
- ⁹⁰⁰ - С 1817 г. началась служба в сане диакона.
- ⁹⁰¹ - О Цурикове см. выше, стр. 175.
- ⁹⁰² - Гавриил. (Розанов) ар-еп. Херсон, с 1837 г.; с 1848 г. – Тверской; в 1857 г. ув. на покой; † 8 сент. 1858 г.; интер. сведения о Гаврииле см. в 113-м томе сборника Импер. Русск. Истор. Общества, кн. 2-я стр. 366 исл.; по этим сведениям Гавриил рассматривал имущество церквей и достояние причтов, как свои оброчные статьи.
- ⁹⁰³ - Разумеется Григорий (Воинов), ар-м. Спасо-Андрон. м-ря; † 1 авг. 1896 г.; см. Душеп. Чт. 1901 г. авг. стр. 491 и IV том Хрон. стр. 426 пр. 3.
- ⁹⁰⁴ - Впослед. Алексия Литовского.
- ⁹⁰⁵ - Иннокентием.
- ⁹⁰⁶ - В Душеполез. Чтении за 1869 г. т. III (ноябр.) стр. 72.
- ⁹⁰⁷ - Макарий (Глухарев), ар-м. начальник алтайской миссии † 17 мая 1847 г.
- ⁹⁰⁸ - Имеется в виду Платон (Городецкий), ар-еп. Донской (с 1867–1877 г.) который часто оказывал честь иноверцам. Интересен взгляд противоположный, высказанный м. Филиппом 1-м великому князю Иоанну III-му: «кто отдает почести чужой вере, тот унижает свою». (Из лекций проф. Павлова см. Богосл. Вестник за 1902 год, т. I (апрель) стр. 662).

⁹⁰⁹ - См. письмо пр-го митр. Филарета к еп. Гавриилу выше на стр. 367.

⁹¹⁰ - Книга быстро разошлась и в настоящее время в продаже её нет.

⁹¹¹ - Ныне еп. Костр. Виссарион.

⁹¹² - Речь помещена в книге: «Воспоминания о пр-м Леониде» (на 337 стр.).

⁹¹³ - См. о нем выше стр. 73.

⁹¹⁴ - Вышеупоминаемого.

⁹¹⁵ - Вениаминову.

⁹¹⁶ - Разумеются письма от 2 янв. и 26 февр. 1876 г., как это видно из копий автографов, оставшихся в архиве пр-го Саввы.

⁹¹⁷ - Вышеупоминаемым.

⁹¹⁸ - Речь напечатана в Душеполезн. Чт. за 1872 г., ч. 3., стр. 463 и сл.

⁹¹⁹ - Извест. учен. археолог. Биогр. сведения о нем см. IV том Хрон. стр. 643 и сл. и др. тома Хроники по указат.

⁹²⁰ - Закревский Арсен. Андреев, граф с 1828 г. Мин. внутр. дел., с 1848–1859 г. генер.-губерн. в Москве; в 1859 г. увол. от должности; † в Флоренции 11 Янв. 1865 г.

⁹²¹ - Орлинский, † на покое в 1883 г. 21 февраля.

⁹²² - Митр. Новгородского и Спб.

⁹²³ - Руднева, доныне здравствующего архиепископа.

⁹²⁴ - На Костромскую епархию, где он пробыл до смерти – до 7 Июня 1883 г.

⁹²⁵ - Разумеется сиятельный граф, об. прок. Св. Син. Дм. Андр. Толстой.

⁹²⁶ - Филарете (Дроздове).

⁹²⁷ - Муханова Пр. А. ск. на 86 г. 6 Окт. 1894 г. см. письма м. Филарета Высочайшим Особам и разн. др. лицам. Част. 2-я стр. 316–323.

⁹²⁸ - Феррапонтов А. Н. книгопр. ск. 27 ноября 1884 г.

⁹²⁹ - См. выше стр. 377.

⁹³⁰ - С 1846–1850 г.

⁹³¹ - Властов Георг. Конст. – почет. опекун Спб. Опекунск. Совета учреждений Импер. Марии род. 1827 г., ск. 24 окт. 1899 г. см. Некролог в журнале: Странник 1899 г. том 3-й, Декабрь, стр. 806.

⁹³² - Первые три тома, Пятикнижие Моисеево, изданы в Спб. 1875–1878 г., IV том, в 2-х частях, Пророки, в 1893.

⁹³³ - Об Энеидове упоминалось выше на 53 стр.

⁹³⁴ - Смирнов И. А., магистр XXII (1856–1860 г.) курса; сочин. его «О греческой церкви в Италии до подавления её латинством» напечатано в Прибав. к Твор. св. Отцев за 1860 г.; – ныне прот. в Москве при церкви св. Николая, что на Ямах.

⁹³⁵ - О Кропоткине см. выше стр. 6.

⁹³⁶ - Минквиц Ал. Феод., ген. адют. ск. 9 янв. 1882 г.

⁹³⁷ - Импер. Александр II.

⁹³⁸ - Вел. Кн. Николай Николаевича Старшего ск. 12 апр. 1891 г.

⁹³⁹ - О митр. Исидоре упоминалось выше.

⁹⁴⁰ - Разумеется митр. Филарет.

⁹⁴¹ - Орлов Инспек. Вифанской сем. с 1863–1880 г.; затем – еп. Острогжский; с 1882 г. – Чебоксарский; с 1888 г. – Екатеринбургский; с 1889 г. – Ковенский; † 26 дек. 1890 г.

⁹⁴² - Толстого Дм. Ан.

⁹⁴³ - Кандидат XXIII (1858–1862 г.) курса; пострижен 8 июня 1862 г.

⁹⁴⁴ - Косинский, Острогжским еп. с 1879 г.: ск. 24 сентября 1880 г.

⁹⁴⁵ - † 16 янв. 1884 г.: см. Церк. Вести. 1884 г. № 3.

⁹⁴⁶ - За 1878 г. в №№ 23, 28 и 30.

⁹⁴⁷ - О свят. Тихоне см. II том Хрон. стр. 581 и 637 и книгу Лебедева: «Св. Тихон Задонский и всея России чудотворец», изд. 2. 1890 г.

⁹⁴⁸ - Вел. Княгиня Мария Александровна родил. 5 окт. 1853 г; была в супружестве с Принцем Альфредом-Эрнестом-Альбертом великобританским.

⁹⁴⁹ - Автор письма И. В. Рождественский.

⁹⁵⁰ - В приложении к книге на 23 стран. – Павский – выдающийся филолог и гебраист, по окончании курса Спб. д. ак., занял кафедру еврейского языка. О трудах его – см. обзор р. д. л: Филарета Черниговского, изд. 3. 1884 г. стр. 494. Интересные сведения о Павском: Христ. Чт. 1900 г. март. стр. 395. пр. 2., Русск. Старина 1880 г. апр. стр. 708–714. Христ. чт. 1872 г. май, стр. 96–150. Сборник Импер. Р. Ист. Общ. Том 113 стр. 133. Собрание мнен. м. Филарета, т. II, стр. 343 и сл.

⁹⁵¹ - Православие о. Павского м. Филарет считал сомнительным. См. 113 т. сборн. Импер. Р. Ист. Общ. изд. 1902 г. стр. 133–138.

⁹⁵² - Павский род. в 1787 г. ск. 7 апр. 1863 г. (76 лет).

⁹⁵³ - В 1835 году.

⁹⁵⁴ - Сконч. на 87 г. жизни 25 февр. 1888 г. см. Нов. Время за 1888 г. № 4313.

⁹⁵⁵ - За выходом Михаила (Лузина) должность рект. м. д. ак. была вакантною.

⁹⁵⁶ - Впоследствии ар-еп. Литовский.

⁹⁵⁷ - См. Письмо пр. Саввы от 18 февр. 1878 г.

⁹⁵⁸ - Петропавловский Ив. Дм. – магистр XXVII (1866–1870 г.) курса, ныне прот. ц. Спаса Преображения, что в Каретн. ряду и чл. м. д. консистории.

⁹⁵⁹ - В Киев, с 22 янв. еп. Уманский, ск. 20 март. 1887 г. в Курске.

⁹⁶⁰ - Лисицы.

⁹⁶¹ - Не раз вышеупомянуемого профессора акад.

⁹⁶² - Назначен был инспект. ак. С. К. Смирнов.

⁹⁶³ - Казанскому, с 1858 года ордин. проф. м. ак., ск. 13 февр. 1878 г., характер. см. в стат. прот. Смирнова-Платонова (Детск. Помощь за 1885 г. стр. 45 и сл., и IV том Хрон. стр. 431 пр. 1).

⁹⁶⁴ - Разумеется Иннокентий (Вениаминов).

⁹⁶⁵ - Ключарев, впослед. Амвросий, ар-еп. Харьковский.

⁹⁶⁶ - Филофея (Успенского); † 29 Янв. 1882 г.

967 - Игнатий Рождествен.; см. о нем предшествующие томы Хроники.

968 - Иннокентий (Вениаминов).

969 - Руднева, † митр. Киевским 7 Июня 1900 г.

970 - Беликова.

971 - † еп. Смоленским 17 Марта 1869 г.

972 - Ильинский, † архиеп. Тверским 12 Марта 1879 г.

973 - Амфитеатров, † 8 Ноября 1879 г.

974 - Карпова, † 17 Марта 1882 г.

975 - «Верный друг – крепкая защита; кто нашел его, нашел сокровище. Верному другу нет цены и нет меры доброте его. Верный друг – врачество для жизни, и боящиеся Господа найдут его. Боящийся Господа направляет дружбу свою так, что каков он сам, таким делается и друг его» (Сир.6:14–17; по русскому переводу).

976 - Настоятеля Николо-Угрешского монастыря.

977 - См. о нем томы II–IV Хроники по указателям.

978 - Вышеупоминаемого.

979 - Такой судьбе подверглись, некогда Ваш, Петровский, огражденный от бульвара мясными лавками и с растворами под кельями на Петровку, Знаменский, Златоустовский. Говорят: «нечем жить, нечем поддерживать церкви», но отчего ясе тот же Златоустовский монастырь ранее процветал, а Симонов и теперь процветает? Притом – цель не освящает средства. Видя, как всё это не только терпится, но ещё видимо поощряется как похвальное «радение о монастырской пользе», невольно думаешь, нет ли уж тут «задней» мысли со стороны «власти»: всё-де равно, монастырям в большом городе быть не следует, а потому пускай Московские монастыри, делаясь всё менее благообразными, всё менее похожими на монастыри, сами, бессознательно, в более или менее отдаленном будущем, готовят себе участь – обратиться в приходские церкви, на содержание которых, вместе с причтом, и пойдут доходы с домов и лавок, построенных монахами на место ограды. Но этого ли желают домострои? (Примечание автора письма).

980 - Не далее, как нынешнею зимою, граф Уваров нашелся вынужденным, от имени Археологического Общества, донести Св. Синоду, как очевидец, о «реставрации» Боголюбовской (?) церкви близ Владимира, посредством нескольких штукатуров, без ведома и контроля архитектора, даже без десятника, но с разрешения местного Владыки, которого граф, между тем, предупреждал заранее об археологическом значении этого древнейшего храма.

981 - Письмо это в сокращении напечатано в Харьков. Епарх. Вед. за 1878 г., № 16, стр. 161–165.

982 - Николай Александрович, ныне протоиерей, профессор богословия в Московском Университете.

983 - Преосв. Иоанникий.

984 - Преосв. Евсевия.

985 - См. о нем выше, стр. 34.

986 - Мария Александровна, супруга Императора Александра 2-го † 1880 г. 22 мая.

987 - Кульчицкого, † еп. Костромским 16 декабря 1888 г.

988 - Напечатана в Страннике 1878 г. т. 1 (Март), стр. 448.

989 - *Iconographie générale et méthodique du costume du IV-e au XIX-e siècle (315–1815). Collection gravée a l'eau forte d'après des documents authentiques et inédits par Raphaël lacquemin peintre avec introduction et table méthodique. Paris, s. a.*

990 - Книгопродавца.

991 - Митр. Исидор.

992 - Орлов, † еп. Ковенским 26 Декабря 1890 г.

993 - В 1862 г.

994 - Александро-Мариинского (на Пречистенке).

995 - Смирнов.

996 - Иоанникия.

997 - Феодосием Макаревским, † 5 февр. 1885

998 - Преосв. Евсевия.

999 - См. о ней том IV Хроники, стр. 542–545.

1000 - Добрынин, вышеупоминаемый.

- 1001 - Лаврова-Платонова.
- 1002 - Смирнов, инспектор Академии.
- 1003 - 1876 г. т. II, № 6, стр. 245–270, перевод Ф. М. Матвеева.
- 1004 - Прот. П. А. Преображенского, † 3 июня 1893 г.
- 1005 - Иоанникии.
- 1006 - † 7 Марта 1878 г.
- 1007 - † 12 Октября 1883 г. см. о нем т. II–IV Хроники по указателям.
- 1008 - От 8 марта 1878 г.
- 1009 - Иннокентий.
- 1010 - С. К. Смирнов.
- 1011 - Ныне в отставке; он и избран был инспектором.
- 1012 - Булгаков, архиеп. Литовский.
- 1013 - В 1903 г. вышел под редакцией протопресв. Маркова 1-й том нового издания резолюций под заглавием: «Полное собрание резолюций Филарета м. Моск.», изд. журн. Душеп. Чтение.
- 1014 - По слабости голоса.
- 1015 - Геннадий Левитский, впоследствии Сумский еп.; † на покое в 1893 г. 10 Февраля.
- 1016 - Василия Васильевича, в монашестве Виталий, † еп. Могилевским 14 Мая 1885 г.
- 1017 - О Зинченко см. выше, стр. 126, прим. 2.
- 1018 - Товарища Обер-Прокурора Св. Синода, † 2 Января 1878 г.
- 1019 - Черткова, † архиеп. Воронежским 5 Августа 1853 г.
- 1020 - Разумеются Еп. Влад. Вед. за 1878 г., где напечатана переписка архиеп. Парфения с митр. Серафимом (Глаголевским). Письма Преосв. Парфения к разным архипастырям см. в Правосл. Обозрен. за 1872 г., Чт. в общ. Любит. д. просвещ. за 1877 г., Душепол. Чт. за 1883 и 1891 г. и Русск. Арх. за 1889 г.
- 1021 - Митр. Новгородскому.

¹⁰²² - † архиеп. Херсонским 26 Мая 1857 г. см. Русскую Старину 1878 г., т. XXI, 191–204, 547–572; XXIII, 367–398; 1879 г. XXIV, 651–708.

¹⁰²³ - Михайлов, бывший Владимирский, с 1863 г. на покое, † 17 Марта 1879 г.

¹⁰²⁴ - См. выше.

¹⁰²⁵ - См. о нем выше, а также т. IV Хроники по указателю, † в 1900 г. настоятелем Уфимского кафедрального собора. См. Церк. Вестник 1900 г., №41.

¹⁰²⁶ - Владимирской губ., Шуйского у.

¹⁰²⁷ - Священник Николай Михайлович; о 50-м юбилее его см. Влад. Еп. Вед. 1886 г. № 24.

¹⁰²⁸ - Вышеупоминаемого.

¹⁰²⁹ - Еп. Никанору Бровковичу.

¹⁰³⁰ - Вышеупоминаемого.

¹⁰³¹ - † 23 Декабря 1887 г.

¹⁰³² - † 14 Июня 1897 г.

¹⁰³³ - Еп. Андрея Поспелова, † 30 Мая 1868 г.

¹⁰³⁴ - Иакова Васильевича, † 15 Апреля 1878 г.

¹⁰³⁵ - Иоанном Аввакумовичем, † 6 Января 1897 г.

¹⁰³⁶ - Иоанн Матвеевич.

¹⁰³⁷ - † 24 Мая 1902 г., см. Моск. Ведомости 1902 г. № 143.

¹⁰³⁸ - С 21 Мая по 17 Июня.

¹⁰³⁹ - Ф. Н. Павлинского, инспектора Владимирской Дух. семинарии, с 1883 г. Директора Народных училищ Новгородской губернии.

¹⁰⁴⁰ - † 27 Марта 1896 г. см. Листок для Харьк. епархии 1896 г. № 8, стр. 201.

¹⁰⁴¹ - † 6 Декабря 1879 г., см. Харьк. Епарх. Ведомости 1880 г. № 7, стр. 197.

¹⁰⁴² - А. К., † 22 Июля 1887 г.

¹⁰⁴³ - Об этой иконе см. История. Статистич. Описание Харьк. еп. III, 177.

¹⁰⁴⁴ - Алексия Виталиевича, † протоиереем 4 Мая 1897 г., см. Листок для Харьков, епархии 1897 г., № 14, стр. 378.

¹⁰⁴⁵ - Василий Максимович, † 24 Ноября 1882 г. см. Харьк. Епарх. Ведомости 1882 г., № 24, стр. 681.

¹⁰⁴⁶ - Иосифом Васильевичем, вышеупоминаемым.

¹⁰⁴⁷ - См. о ней выше, стр. 144.

¹⁰⁴⁸ - О Недригайлове см. Письма с Украины Н. Балабухи в № 58 Моск. Вед. 1890 г.

¹⁰⁴⁹ - † Протоиереем 15 Февраля 1893 г. см. Листок для Харьк. епархии 1893 г., № 4, стр. 87.

¹⁰⁵⁰ - См. о ней выше, стр. 143.

¹⁰⁵¹ - Николаю Герасимовичу, † 12 ноября 1880 г; см. Харьк. Еп. Вед. 1880 г., № 24. стр. 546.

¹⁰⁵² - Отд. III, стр. 514. Более подробное описание сел Михайловки и Василевки в статье Н. Н. Балабухи: «Письма с Украины» – в № 36 Моск. Вед. 1890 г.

¹⁰⁵³ - Андрей Алексеевич, † 16 июня 1880 г., см. Харьк. Еп. Ведом. 1880 г. № 20, стр. 486.

¹⁰⁵⁴ - Мельхиор де Вогюз – член французской академии наук и известный писатель. Его сочинение «О современном положении Франции» печат. в журнале «Русское Обозрение» (Моск. Вед. 1890 г. № 83).

¹⁰⁵⁵ - † 27 Февраля 1883 г.

¹⁰⁵⁶ - Вышеупоминаемым. – После того, что здесь изложено о Н. Н. Анненкове, мне очень прискорбно было читать резкий и неодобрительный о нем отзыв Генерал-лейтенанта В. Д. Кренке в его «Воспоминаниях», помещенных в Октябрьской книжке «Историч. Вестника» за 1883 г., т. XIV, стр. 110 и сл.

¹⁰⁵⁷ - Иоанникий Руднев.

¹⁰⁵⁸ - Тимофея, ныне протоиерей профессор богословия в Харьковском университете.

¹⁰⁵⁹ - † 30 Апреля 1900 г.

¹⁰⁶⁰ - Вышеупоминаемый.

¹⁰⁶¹ - Во Владимирскую губернию.

¹⁰⁶² - См. о нем т. II–IV Хроники по указателям.

- 1063 - Лузин, вышеупоминаемый.
- 1064 - Рудневым, ныне здравствующий архиепископ Ярославский.
- 1065 - Вышеупоминаемый.
- 1066 - Виктора Ивановича, проф. Новороссийского Университета. † 19 Декабря 1876 г.
- 1067 - Феодора Васильевича, проф. Моск. Университета, † 14 Ноября 1877 г.
- 1068 - † 22 мая 1888 г.
- 1069 - † на покое 26 Ноября 1885 г.
- 1070 - (1Кор.7:29)
- 1071 - Разумеется 5 Июля – день обретения мощ преп. Сергия.
- 1072 - Начальница Полоцкого Епарх. женского училища.
- 1073 - Имеется в виду пребывание его в комиссии по реформе церков. суда. См. IV т. Хроники, стр. 434 и 480.
- 1074 - О. Александра, протодиакона Успенского собора.
- 1075 - Ныне ординарный профессор Моск. Дух. Академии.
- 1076 - Кострома, 1878 г.
- 1077 - 1878 г., т. II, № 7, стр. 205–296. Эта статья принадлежит священнику, ныне протоиерею, И. Д. Петропавловскому.
- 1078 - В 1851 году.
- 1079 - Александр Михайлович † препод. Влад. д. семинарии 23 окт. 1866 г.
- 1080 - Ныне протоиерей в Москве, при церкви Гребенской Божией Матери.
- 1081 - Еп. Михаилом Лузиным.
- 1082 - Был ректором Воронежской дух. семинарии в 1872–1881 г.г
- 1083 - Преосвящ. Игнатий – родственник Н. Н. Анненкова.
- 1084 - † 25 Июля 1876 г.
- 1085 - † 5 Января 1876 г.
- 1086 - См. Апокалипсис, гл. I–III.

- 1087 - Казанцева, см. о нем т. IV Хроники, стр. 819–824.
- 1088 - Статья напечатана, с предисловием архим. Григория, проф. П. С. Казанским в Чтен. Общества Истории и древностей Росс. за 1877 г. кн. 2.
- 1089 - Викторин.
- 1090 - Пс.90:11,12.
- 1091 - † 15 Ноября 1898 г.
- 1092 - Успенским, † 29 Января 1882 г.
- 1093 - См. т. III Хроники, стр. 744.
- 1094 - Жданову, † 14 Января 1883 г.
- 1095 - Линьков, наместник Александро-Невской лавры.
- 1096 - Орест Вас – Тверской помещик.
- 1097 - Протопопове, † еп. Самарским 11 Января 1891 г.
- 1098 - Дроздове, † 28 Сентября 1881 г.
- 1099 - Амфитеатрове.
- 1100 - Крыжановского, † 11 Ноября 1863 г.
- 1101 - † 16 Января 1884 г.
- 1102 - Иосифова. † еп. Калужским 15 Сентября 1892 г.
- 1103 - Троилину, † в 1897 г.
- 1104 - Ср. т. IV Хроники, стр. 594.
- 1105 - † 16 Января 1900 г.
- 1106 - См. выше, стр. 735.
- 1107 - Разумеется 50-летн. юбилей митр. Моск. Филарета.
- См. III т. Хроники, стр. 746 и сл.
- 1108 - Иннокентий.
- 1109 - Генерал-Губернатора, † 19 Июня 1891 г.
- 1110 - Потом Протоиерей и Ректор Академии, † 11 Октября 1875 г.
- 1111 - Арсений Семенович, ныне Протоиерей Профессор Богословия в Юрьевском Университете.
- 1112 - Киев, 1878.
- 1113 - † 7 Ноября 1900 г.
- 1114 - † 12 Июля 1899 г.

- ¹¹¹⁵ - Потом епископ, ректор Академии, ныне первый
Викарий Киевской митрополии, еп. Каневский.
- ¹¹¹⁶ - Павла Гавриловича, † 3 Декабря 1896 г.
- ¹¹¹⁷ - Илию Тихоновича, в монашестве Иероним, ныне
архиепископ Холмско-Варшавский.
- ¹¹¹⁸ - Назария Антоновича, † 12 Января 1897 г.
- ¹¹¹⁹ - Ржаницын, вышеупоминаемый.
- ¹¹²⁰ - Обер-священник армии и флота, † 26 апреля 1865 г.
- ¹¹²¹ - Том III Хроники, стр. 338–348.
- ¹¹²² - См. о нем выше, стр. 147.
- ¹¹²³ - Григорий Феодорович Квитка; род. в 1778 г., † в 1843 г.
- ¹¹²⁴ - Он был в юности послушником в Куряжском
монастыре, где Настоятелем в то время был его дядя.
- ¹¹²⁵ - Еп. Михаилом.
- ¹¹²⁶ - Еп. Никанора.
- ¹¹²⁷ - Владимира Сергеевича.
- ¹¹²⁸ - Ал-др Михайлович, потом профессор церковной
истории в Моск. Университете. † 12 Ноября 1894 г.; см. о нем
книгу проф. П. И. Горского-Платонова. Голос старого
профессора. Москва, 1900 г.
- ¹¹²⁹ - Том 1. Киев, 1878.
- ¹¹³⁰ - † в Декабре 1886 г.
- ¹¹³¹ - † 28 Ноября 1897 г.
- ¹¹³² - Управляющий Харьк. Казенною Палатою И. К.
Мартенс.
- ¹¹³³ - И. К. Мартенс, после личных собеседований со мною,
изложил, наконец, свои мысли о занимавшем его предмете на
бумаге, и вот что было им написано 7-го февр. 1878 г: «Вопрос
пасомого пастырю (с соизволения последнего). Безсеменное
зачатие Спасителя совершилось с одной стороны воздействием
божеского начала, в другой отсутствием всякого нечистого
движения в Той, Которой суждено было сделаться Матерью
Богочеловека. Но из этого не следует, чтобы святость жизни
Иисуса была необходимым последствием его чудесного
рождения. Эта святость была следствием его свободной воли.

Иначе какой смысл могли иметь разные события земной жизни Христа, предполагавшие нравственную в нем борьбу, как, например, искушение Его диаволом? Чудесное рождение от Духа Святого и Девы было только отрицательным условием безусловной святости Иисуса. Таким способом явления в мир Он был поставлен в первобытное положение первых двух человек, в возможность выполнить призвание, Им первоначально предоставленное, и которое из состояния невинности должно было привести их к святости. Спаситель был свободен от препятствия, которое, по способу нашего рождения, мешает нам достигать той же цели. Но для того, чтобы возможность превратить в действительность, Иисус должен был постоянно располагать свободной волею и всецело посвятить Себя исполнению закона добра и Своего предназначения «исполнению заповеди Своего Отца». Таким образом, возможность нравственной борьбы не исключалась чудесным рождением, которое дало Спасителю только возможность не грешить».

¹¹³⁴ - Буквально приводится напечатанное выше письмо Контр-Адмирала Арсеньева.

¹¹³⁵ - Супруги Импер. Павла I, † 28 Октября 1828 г.

¹¹³⁶ - Речь напечатана в книге: «Речи, говоренные в разное время Саввою, архиеп. Тверским и Кашинским. Тверь. 1892, стр. 76–77.

¹¹³⁷ - Профессора церковной истории в Харьковском Университете, ныне в отставке.

¹¹³⁸ - Кондоиди, † 10 октября 1737 г.

¹¹³⁹ - Феоктиста Мочульского, † 29 Апреля 1818 г.

¹¹⁴⁰ - Север. Осип., † в 1829 г.

¹¹⁴¹ - Введенского, вышеупоминаемого.

¹¹⁴² - Известного деятеля в Северно-Западном крае, † 29 ав. 1866 г.

¹¹⁴³ - Петину, † на покое 8 Июля 1889 г.

¹¹⁴⁴ - Соловьев, вышеупоминаемый.

¹¹⁴⁵ - Вечерков, † 20 Мая 1850 г.

- 1146 - Радонежский, † еп. Оренбургским 23 Декабря 1872 г.
- 1147 - Рукопись хранится у наследника архива Преосв.
- Саввы.
- 1148 - Митр. Иннокентии.
- 1149 - Долгорукова, генерал-губернатора.
- 1150 - См. выше, стр. 810–812.
- 1151 - Левитский, синодальный ризничий, вышеупоминаемый.
- 1152 - Высокопетровского монастыря игумена Иосифа Руднева, вышеупоминаемого.
- 1153 - Петр Алексеевич, † 22 Февраля 1898 г.
- 1154 - Иващенко, † еп. Кирилловским 18 Февраля 1903 г.
- 1155 - Карпова, архиеп. Таврического, † 17 Марта 1882 г.
- 1156 - В иночестве Анастасии, † 13 Апреля 1900 г.
- 1157 - Доброхотову, вышеупоминаемому.
- 1158 - Осецком, вышеупоминаемом.
- 1159 - В 1876 г. см. выше, стр. 435–437.
- 1160 - С 1900 г. издается под редакцией проф. СПб. Акад. А. П. Лопухина «Православная Богословская Энциклопедия»; доселе вышло четыре тома (буквы А–Д).
- 1161 - Предтеченский, профессор Академии, редактор журнала.
- 1162 - Феогностом, † митр. Киевским 22 Января 1903 г.
- 1163 - Покровский, главный священник армии и флота, вышеупоминаемый.
- 1164 - Антонием.
- 1165 - Алексей Сергеевич, † 29 Декабря 1884 г.
- 1166 - Говоров.
- 1167 - См. выше. стр. 80.
- 1168 - Черткова, † архиеп. Воронежским 5 Августа 1853. г.
- 1169 - † Протоиереем 23 Марта 1901 г.
- 1170 - В Возн. церкви имеется чаша небольшого размера с завинчивающеюся крышкою.
- 1171 - Лавров-Платонов, викарий Московский.

- ¹¹⁷² - Митр. Иннокентия.
- ¹¹⁷³ - Ср. выше. стр. 329–330.
- ¹¹⁷⁴ - С 1895 г. директор народных училищ Бессарабской губернии.
- ¹¹⁷⁵ - Печатные труды.
- ¹¹⁷⁶ - О преосв. Леониде.
- ¹¹⁷⁷ - Попечителя округа.
- ¹¹⁷⁸ - Подробный перечень литературн. трудов Крылова см. Истории Казан. Д. Ак. Знаменского кн. 3, стр. 435–438.
- ¹¹⁷⁹ - Вышеупоминаемому.
- ¹¹⁸⁰ - † 20 Марта 1901 г.
- ¹¹⁸¹ - † 12 Февраля 1888 г.
- ¹¹⁸² - Ильинского, † 12 Марта 1879 г.
- ¹¹⁸³ - Рыбальскому, см. о нем т. I–II и IV Хроники по указателям.
- ¹¹⁸⁴ - Тело умершего архипастыря перевезено было, для погребения, в имение его – село Любашково, Витебской губернии. Вот как описывает обстоятельства этого погребения Протоиерей Витебского Успенского Собора В. Волков в письме своем от 8 февр. к племяннику моему П. И. Успенскому: «С 27-го и по 6-е мы все суетились по делу о погребении Преосвященного Василия. Телеграмма о его смерти получена была 27-го утром. В 12-ть часов была общая панихида, которые повторялись ежедневно до привоза его в Витебск. Привезли его 3-го в субботу в 6 ч. утра. Архиерей, духовенство и множество народа, встретивши на вокзале, принесли в Кафедральный Собор и тут же начались постоянные панихиды и чтения Евангелия. Литургию совершал Преосвященный с духовенством градским, а я в духовном училище, за неимением там своего священника. В Воскресенье тоже соборное богослужение и, по панихиде, вынос в Любашково для погребения. Отпевание было в Петербурге. Народу на выносе было столько, сколько я не видал в Витебске, кроме того случая, когда встречали Преосвященного Савву, при иступлении его на Полоцкую кафедру. В свое время, пред выносом, Матв. Иван. Красовицкий сказал, говорят, прекраснейшее слово; но я его не

слыхал, потому что далеко стоял, а он говорил тихо. От Витебска до Любашкова гроб сопровождало городское и сельское духовенство; церемония и торжественность для Витебска небывалая. В субботу Преосвящ. приказал мне приготовить к понеделнику слово, а Покровскому речь при опускании гроба в могилу. Я насколько умел – почтил покойного панегириком, воспев его доблести и назвав апостолом Полоцкой страны; речь Покровского была отголоском моего слова. После погребения, у племянника был обед на 80 человек, во главе Архиеерея и Губернатора; на дворе обед для народа; было человек двести. Говорят, капитала осталось всего на всего 88,000, в том числе 3,000 полуимпериалов, – это по курсу около 25,000. Кому эти деньги и драгоценности отписаны, я не знаю; говорят различно; но достоверно то, что Глазковой ни одного рубля. Есть ли назначение на церкви и на учебные заведения – неизвестно. Куда завещана его ризница, то не знаем. Дружиловской, жене инспектора семинарии, говорят, к прежним 16,000, прибавлено ещё 5,000. В Любашковскую церковь отказано 15,000. Та родня, которая обойдена, разумеется, будет по-своему молиться... Речь пред самым выносом из собора говорил сам Преосвященный. Она отличалась душевною преданностию, глубоким уважением к почившему и сердечностью. Из всей родни плакала одна Глазкова и её дочери. Гроб весьма красивый, обтянут золотым глазетом, куплен за 240 рублей. Орденов не было: говорят забыли в Петербурге».

¹¹⁸⁵ - Ср. выше, стр. 775.

¹¹⁸⁶ - Слово это напечатано в Харьк. Еп. Вед. 1879 г. № 5, стр. 197–201 и отдельными брошюрами.

¹¹⁸⁷ - Слово это напечатано было сначала в Москов. Вед., а оттуда перепечатано в разн. периодич. изданиях и между прочим, в Харьков. Епарх. Вед., № 7-й, стр. 279 и сл.

¹¹⁸⁸ - Об убийце князя Кропоткина см. Моск. Вед. 1880 г. № 298.

¹¹⁸⁹ - Некролог см. в Харьк. Еп. Вед. 1879 г. № 5, стр. 201–205.

- ¹¹⁹⁰ - См. его в книге: Проповеди Амвросия, еп. Дмитровского, за последние годы служения в Москве (1873–1882), Москва, 1883, стр. 187, и в Полном Собрании проповедей Архиеп. Амвросия, издание Совета Харьковского Епархиального женского училища, т. II, Харьков, 1902, стр. 154–162.
- ¹¹⁹¹ - О началах христианского воспитания, в изд. 1883 г. стр. 198–215 и в Полном Собрании проповедей, т. II, стр. 163–176.
- ¹¹⁹² - Письма к родным 1800–1866 г.г. Москва, 1882.
- ¹¹⁹³ - Иван Васильевич, доктор прав, проф. Харьковского Университета, с 1856 г. в отставке, † 26 Августа 1890 г. См. о нем Историю М. Д. Академии С. К. Смирнова, М 1879, стр. 488–489.
- ¹¹⁹⁴ - См. о нем выше. стр. 286.
- ¹¹⁹⁵ - † 14 Марта 1885 г.
- ¹¹⁹⁶ - † 27 Октября 1886 г. см. о нем выше, стр. 63.
- ¹¹⁹⁷ - Иванович, † 24 Февраля 1893 г., см. Листок для Харьковской епархии 1893 г., № 5, стр. 107.
- ¹¹⁹⁸ - Матвей Иванович.
- ¹¹⁹⁹ - Преосв. Феоноста.
- ¹²⁰⁰ - Антоний Амфитеатров, † 8 Ноября 1879 г.
- ¹²⁰¹ - Архиеп. Леонида.
- ¹²⁰² - Успенского.
- ¹²⁰³ - Иустина Охотина, ныне архиепископ Харьковский.
- ¹²⁰⁴ - Вышеупоминаемому Успенскому.
- ¹²⁰⁵ - Митр. Иннокентий.
- ¹²⁰⁶ - Митр. Филарета.
- ¹²⁰⁷ - Григорий Антонович, известный врач, † в 1897 г.
- ¹²⁰⁸ - Прот. С. К. Смирнову.
- ¹²⁰⁹ - Великому Князю (Александру Александровичу.)
- ¹²¹⁰ - Митр. Исидор.
- ¹²¹¹ - Толстого, обер-прокурора Св. Синода.
- ¹²¹² - Митр. Филофею.
- ¹²¹³ - Дроздов (1819–1820).

- 1214 - Постников (1829–1848).
1215 - Успенский (1857–1876).
1216 - Булгаков, назначенный митрополитом Московским 8
Апреля 1879 г. † 9 Июня 1882 г.
1217 - Протоиерей Гавриил Вениаминов.
1218 - Орлинского.
1219 - Смирновым, ректором Академии.
1220 - Проф. П. И. Горский-Платонов, ныне в отставке.
1221 - Архим. Леонидом Кавелиным.
1222 - Евгений Евсигнеевич; 1-я половина 1-го тома вышла в
1880 г., а в 1901 г. выпущено 2-е издание её.
1223 - Николай Саввич, профессор Университета, † 27
ноября 1893 г.
1224 - Буслаев, вышеупоминаемый.
1225 - Общество древнерусского искусства.
1226 - Сергей Михайлович, известный историк.
1227 - Вышеупоминаемого.
1228 - Общество Естествознания, Антропологии и
Этнографии.
1229 - Императорское Московское Археологическое
Общество.
1230 - История Московской Духовной Академии до ея
преобразования (1814–1870). С. Смирнова. Москва, 1879.
1231 - Филофее.
1232 - Макарии.
1233 - Амвросии.
1234 - Придворного протоиерея, вышеупоминаемого.
1235 - Это писал мне от 10-го апреля первенствующий Член
Св. Синода, митр. Исидор. Но вот что в то же время этот же
Член писал Тульскому еп. Никандру: «Я и В. Б. (Бажанов)
находили бесполезным рекомендовать вас в Тверь, по крайней
скудости кафедры, не имеющей никаких угодьев, и вредной
местности архиер. дома, (См. Душеп. Чт. 1893 г., авг.. стр. 641).
– Честно и доброжелательно!.. Примечание преосв. Саввы.

- 1236 - † 14 Декабря 1888 г.
- 1237 - Митропольским, ныне еп. Аксайский.
- 1238 - Успенский, бывший Чигиринский, с 1877 г. член Московской Синодальной Конторы, † 19 Апреля 1885 г.
- 1239 - Муретова, † еп. Херсонским 14 Ноября 1883 г.
- 1240 - Городецкого, † митр. Киевским 1 Октября 1891 г.
- 1241 - Городецкий.
- 1242 - Ионафана.
- 1243 - Предостережение сделано за помещенные в №№ 43 и 44 возмутительные статьи священника Белюстина, под заглавием «К вопросу о раскольниках». Прим. Преосв. Саввы.
- 1244 - Протопресвитера Успенского Собора, † 16 января 1884 г.
- 1245 - † 2 Сентября 1889 г.
- 1246 - Ныне Архиепископ Владимирский.
- 1247 - Игумена Иосифа.
- 1248 - Ржаницина, вышеупомянутого.
- 1249 - † Государственным контролером 29 Ноября 1899 г.
- 1250 - Сумцова. Примечание Преосв. Саввы.
- 1251 - Начальником Северо-Западного Края, † 29 Августа 1866 г.
- 1252 - Некролог архим. Ионы см. в № 11 Харьк. Еп. Вед. 1879г. стр. 445.
- 1253 - См. том II Хроники, стр. 628.
- 1254 - См. выше, стр. 123.
- 1255 - † 24 Апреля 1899 г., см. некролог в Тверских Епархиальных Ведомостях 1899 г., № 12 и 13.
- 1256 - Напечатана в книге Речи, говоренные в разное время Саввою, архиепископом Тверским и Кашинским, Тверь, 1892, стр. 78–80.
- 1257 - † 12 Февраля 1895 г.
- 1258 - Добрынина, † архиеп. Литовским 28 Апреля 1885 г.
- 1259 - Николая Семеновича, известного писателя, † 21 Февраля 1895 г.

- 1260 - Митропольский.
- 1261 - Записка помещена в приложении к книге:
«Воспоминания о Высокопр. Леониде, архиеп. Ярославском и Ростовском», Харьков, 1877 г., стр. 1–42.
- 1262 - † 25 Декабря 1895 г., см. некролог в Тверских Епарх. Вед. 1896 г., №№ 2–4.
- 1263 - † 4 Октября 1879 г.
- 1264 - Это издание составляет LIII, LXXV и LXXXII изданий Общества Любителей Древней Письменности; его заглавие: Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых Апокалипсисов по Русским рукописям с XVI-го века по XIX-ый. Текст и атлас с 308 снимками. Москва – Спб. 1884.
- 1265 - Ныне архиеп. Владимирский.
- 1266 - История эта издана в том же 1879 г., под заглавием: «Иверская святая и чудотворная икона Богоматери на Афоне и списки её в России».
- 1267 - Введенского.
- 1268 - Другие списки Библии, в противоположность купеческим, называются аутентичными, т. е. свидетельствованными высшею духовною властью и одобренными к церковному употреблению. О Синайской рукописи В. Зав. см. переписку М. Филарета в Собрании его мнений и отзывов т. V (в Указателе предметов под словом; «Рукописи».) Прим. Преосв. Саввы.
- 1269 - Ныне еп. Костромской Виссарион.
- 1270 - См. о нем т. III Хроники по указателю.
- 1271 - Ныне проф. Моск. Университета.
- 1272 - Ныне ординарный профессор Академии.
- 1273 - О диспуте см. Моск. Епарх. Вед. 1879 г., № 24.
- 1274 - † 7 Января 1884 г.
- 1275 - Орлов, † еп. Ковенским 26 Декабря 1890 г.
- 1276 - Иоанн Феодорович, ныне протоиерей Московской Петропавловской церкви.
- 1277 - Ныне ординарный профессор Академии.
- 1278 - Ныне протоиерей Верхо-Спасского собора, в Москве.

1279 - Сведения о сем диспуте напеч. в Моск. Епарх. Вед.
1879 г. № 25, стр. 207 и сл.

1280 - Сын священника Вышневолоцкого у., села Печеникова
Феодора Мансветова.

1281 - † 24 Февраля 1886 г.

1282 - Исидора Никольского.

1283 - Филофея Успенского.

1284 - См. о нем выше. стр. 221–225.